W 437/28
т. 4

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ ИСТОРІИ

ЖЕНСКАГО ОБРАЗОВАНІЯ

ВЪ РОССІИ

1856—1880.

Е. ЛИХАЧЕВОЙ.

IV т.

Того же автора:

Матеріалы для исторіи женскаго образованія въ Россіи 1086—1856 гг. Удостоено Императорскою Академіею Наукъ почетнаго отзыва.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28.
1901

87133
IV 437
98

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ ИСТОРІИ

ЖЕНСКАГО ОБРАЗОВАНІЯ

ВЪ РОССІИ

1856—1880.

Т. 4

Е. ЛИХАЧЕВОЙ.

МУЗЕЙ РУБИНЪ И РУМЯНЦЕВ. БИБЛІОТЕКА

Того же автора:

Матеріалы для исторіи женскаго образованія въ Россіи 1086—1856 гг. Удостоено Императорскою Академіею Наукъ почетнаго отзыва.

1

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28.
1901

2990

2007098454

ОГЛАВЛЕНІЕ.

1856—1880.

СТРАН.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Цѣль великой княгини Елены Павловны при учрежденіи крестовоздвиженской общины сестеръ милосердія.—Взгляды великой княгини и Н. Пирогова на положеніе женщинъ.—Дѣятельность сестеръ общины на театрѣ крымской войны.—Эпоха реформъ.—Настроеніе общества второй половины 50-хъ годовъ.—Вопросъ о воспитаніи, поставленный „Морскимъ Сборникомъ“.—Статья Бема.—А. С. Норовъ.—Его всеподданнѣйшая записка государю о необходимости учредить открытыя женскія училища.—Высочайшее повелѣніе 5 марта 1856 года объ устройствѣ такихъ училищъ.—Отношеніе къ дѣлу правительства и общества.—Отзывы попечителей учебныхъ округовъ на циркуляръ А. Норова.—Отзывъ министра внутреннихъ дѣлъ.—Постановленія дворянъ смоленской и вологодской губерній.—Первая, поступившая на устройство женскаго училища для приходящихъ, сумма.—Число учащихся женщинъ въ 1856 году. — „Вопросы жизни“ Н. Пирогова.—Высочайшій указъ 5 мая 1856 года.—Разрѣшеніе открывать частные пансіоны и школы.—Записка А. Чумикова объ устройствѣ открытыхъ женскихъ училищъ (1856 г.).—Его проектъ училищъ.—„Программа“ обращенная къ обывателямъ директоромъ костромскихъ училищъ.—Приговоры нѣкоторыхъ городскихъ Думъ. — Пожертвованіе А. Н. Григорова.—Учрежденіе имъ на собственныя средства перваго въ Россіи женскаго открытаго училища, въ Костромѣ (26 авг. 1857 г.).—Равнодушіе къ его дѣлу правительства и общества.—Возможныя причины такого равнодушія.—Пожертвованіе Рюмина.—Ходатайство Н. А. Вышнеградскаго объ открытіи при Павловскомъ институтѣ классовъ для приходящихъ дѣвицъ (конецъ 1857 г.).—Отношеніе къ дѣлу принца П. Г. Ольденбургскаго.—Проектъ полтавскихъ преподавателей учрежденія въ Полтавѣ женскаго училища общественными силами.—Приговоръ вятской городской Думы.—Отчетъ министра народнаго просвѣщенія за 1857 годъ.—Указъ 22 марта 1858 года объ учрежденіи Маріинскаго училища въ Петербургѣ.—Н. А. Вышнеградскій.—Его заслуга передъ русскимъ обществомъ.—Открытіе еще трехъ училищъ въ Петербургѣ.—Ходатайство генералъ-адъютанта В. Назимова объ учрежденіи женскихъ училищъ для приходящихъ въ западномъ краѣ.—Учрежденіе такихъ училищъ въ царствѣ польскомъ. . . . . 1—41

СТРАН.

ГЛАВА ВТОРАЯ. Неблагопріятныя условія, въ которыхъ находились женскія училища министерства при ихъ учрежденіи.—Высочайше утвержденное 30 мая 1858 года Положеніе о женскихъ училищахъ министерства.—Отношеніе къ дѣлу министра внутреннихъ дѣлъ.—Первыя женскія училища въ губерніяхъ.—Сообщенія губернаторовъ.—Отношеніе населенія къ женскимъ училищамъ.—Женскія училища въ западномъ краѣ.—Учрежденіе училищъ въ разныхъ городахъ.—Отчетъ министра народнаго просвѣщенія за 1858 годъ.—Высочайшее повелѣніе о раздѣленіи женскихъ училищъ между министерствомъ народнаго просвѣщенія и вѣдомствомъ учрежденій Императрицы Маріи.—Число женскихъ училищъ вѣдомства въ 1859 году.—Московскія училища.—Неудобства, истекавшія изъ Положенія 1858 года.—Новое Положеніе 1860 года.—Наименованіе женскихъ училищъ гимназіями.—Разрѣшеніе министру народнаго просвѣщенія отступать отъ Положенія 1860 года.—Полтавская женская гимназія.—Ходатайства отдѣльныхъ сословій и обществъ о разрѣшеніи отступать отъ Положенія 1860 года.—Столкновенія между разными сословіями въ дѣлѣ управленія женскими училищами.—Уставъ училищъ для приходящихъ дѣвицъ вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи.—Кіевскія женскія училища.—Ходатайства дворянствъ разныхъ губерній объ устройствѣ женскихъ открытыхъ училищъ взамѣнъ предполагавшихся къ учрежденію институтовъ.—Проекты дворянства.—Ходатайство владимірскаго дворянства.—Уменьшеніе числа своекоштныхъ пенсіонерокъ въ институтахъ.—Предложеніе министра народнаго просвѣщенія передать всѣ, находившіяся въ его вѣдѣніи, женскія училища вѣдомству учрежденій Императрицы Маріи.—Свѣдѣнія объ этихъ училищахъ.—Училища вѣдомства въ западномъ краѣ . . . . 42—95

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Число женскихъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія въ 1866 году.—Приговоры городскихъ, купеческихъ и мѣщанскихъ обществъ.—Условія, какими они обставляли свои пожертвованія.—Отказы въ нихъ.—Сумма общихъ расходовъ 43-хъ городовъ на женскія училища.—Пожертвованія отдѣльныхъ лицъ изъ купечества.—Отношеніе дворянства къ дѣлу женскихъ училищъ.—Пожертвованія отдѣльныхъ дворянъ.—Торжественныя открытія училищъ.—Равнодушіе общества къ нимъ.—Замѣчанія на проектъ устава общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній и общаго плана устройства народныхъ училищъ.—Замѣчанія на него попечителей учебныхъ округовъ.—Отчеты Могилянскаго объ осмотрѣнныхъ имъ въ 1864 году женскихъ училищахъ.—Временной комитетъ, учрежденный черниговскимъ губернаторомъ по поводу открытія женскаго училища въ Черниговѣ.—Матеріальное положеніе женскихъ училищъ министерства въ 1864 году.—Источники ихъ средствъ.—Число учащихся въ 33-хъ училищахъ въ 1864 году.—Причины, вредно вліявшія на ихъ преуспѣяніе.—Замѣчанія учебнаго комитета вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи на проектъ Положенія о женскихъ училищахъ министерства.—Представленіе проекта новаго Положенія въ государственный Совѣтъ.—Назначеніе министромъ народнаго просвѣщенія графа Д. А. Толстого. . . . . 96—162

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Правила внутренняго порядка, составленныя Н. Вышнеградскимъ для женскихъ училищъ вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи.—Личное вліяніе Вышнеградскаго на учениць.—Свидѣ-

СТРАН.

тельство о немъ разныхъ лицъ.—Первый отчетъ Вышнеградскаго Принцу. —Затрудненія, среди которыхъ ему приходилось дѣйствовать.—Учрежденіе педагогическихъ курсовъ при петербургской Маріинской гимназіи.— Цѣль Вышнеградскаго при ихъ учрежденіи.—Учебная часть на курсахъ. —Взглядъ главнаго Совѣта на преподаваніе нѣкоторыхъ предметовъ на французскомъ языкѣ.—Нападки на женскія гимназіи.—Преподаваніе естественныхъ наукъ на педагогическихъ курсахъ. — Враждебное отношеніе къ Вышнеградскому.—Сокращеніе курса естественныхъ наукъ.—Первый выпускъ изъ Маріинской гимназіи.—Рѣчь Принца. — Его циркуляры.— Трудное положеніе Вышнеградскаго.—Посѣщеніе государемъ Маріинской гимназіи и педагогическихъ курсовъ. — Высочайшій рескриптъ на имя князя Гагарина. — Назначеніе ревизіонной комиссіи для разслѣдованія положенія дѣла въ гимназіяхъ и на педагогическихъ курсахъ. — Ходъ занятій ревизіонной комиссіи. — Отзывы ея членовъ. — Показанія главныхъ надзирательницъ гимназій.—Объясненіе Вышнеградскаго.—Письмо его къ Принцу.—Увольненіе его отъ начальства надъ гимназіями.—Вышнеградскій на экзаменѣ слушательницъ педагогическихъ курсовъ. — Его смерть.—Назначеніе на его мѣсто И. Т. Осинина. . . . . 163—207

ГЛАВА ПЯТАЯ. Отчетъ министра народнаго просвѣщенія о положеніи женскихъ училищъ министерства въ 1866 году.— Назначеніе имъ пособія изъ государственнаго казначейства.—Пособія, выдававшіяся женскимъ училищамъ земствами, городскими обществами и частными лицами.—Мѣры привлеченія учителей въ женскія гимназіи.—Необезпеченное положеніе женскихъ гимназій и прогимназій.—Положеніе о женскихъ училищахъ министерства 1870 года. — Сравненіе его съ Положеніемъ 1860 года и составленнымъ при министрѣ Головнинѣ проектомъ 1865 года.—Различныя категоріи женскихъ училищъ.—Число ихъ въ 1870 году и число учащихся въ нихъ. — Стоимость ихъ содержанія. — Права учащихся. — Недостатокъ учительскихъ силъ. — Педагогическіе курсы при женскихъ гимназіяхъ.—Заботы земства о народномъ образованіи. — Постановленіе новоузенскаго земскаго Собранія.—Проектъ московскаго губернскаго земскаго Собранія объ учрежденіи женской учительской семинаріи.—Заботы разныхъ земствъ о приготовленіи учительницъ для народныхъ школъ.—Казанская женская учительская школа.—Исторія земскихъ женскихъ учительскихъ школъ: самарской, вятской, харьковской, тверской и костромской.—Отношеніе графа Толстого къ учительницамъ. Число женскихъ земскихъ учительскихъ школъ къ 1880 году. 208—250

ГЛАВА ШЕСТАЯ. Отчетъ министра народнаго просвѣщенія за 1873 годъ.—Число и средства содержанія женскихъ училищъ министерства.— Пособіе имъ отъ земствъ.—Права, предоставленныя земствамъ, городскимъ обществамъ и частнымъ лицамъ, содержащимъ на свой счетъ училища по Положенію 1870 года.—Неудобства этого Положенія.—Ходатайства разныхъ сословій объ отмѣнѣ нѣкоторыхъ статей Положенія.—Рѣшеніе Сената по дѣлу самарскаго губернскаго земскаго собранія.—Отказы нѣкоторыхъ земствъ въ выдачѣ назначеннаго имъ женскимъ училищамъ пособія.—Мнѣніе государственнаго Совѣта 27-го сентября 1878 года.—Ходатайство представителей саратовскаго земства въ Совѣтъ гимназіи вѣ-

СТРАН.

домства учрежденій Императрицы Маріи.—Ходатайства дворянства костромской и бессарабской губерній. — Отказъ бессарабскаго губернскаго земскаго собранія ввести преподаваніе латинскаго языка въ женскую кишиневскую гимназію.—Рѣшеніе по этому дѣлу Сената.—Женскія гимназіи, гдѣ латинскій языкъ преподается.—Исторія владимірской женской гимназіи.—Женскія правительственныя училища въ западномъ и прибалтійскомъ краяхъ.—Особенности ихъ устройства.—Неудовлетворительное состояніе женскихъ гимназій вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи въ западномъ краѣ въ шестидесятыхъ годахъ.—Переполненіе ихъ въ 1876 году.—Средства ихъ содержанія.—Пожертвованія.—Возвышеніе платы во всѣхъ женскихъ училищахъ.—Учрежденіе новыхъ гимназій и прогимназій вѣдомства.—Число учащихся въ 1877 году.—Нападки на женскія гимназіи при Осининѣ.—Педагогическій Листокъ с.-петербургскихъ женскихъ гимназій.—Довѣріе родителей и общества къ нимъ.—Предложеніе министерства народнаго просвѣщенія 1879 года объ элементарныхъ женскихъ училищахъ и профессіональныхъ школахъ.—Мотивы министерства.—Женскія училища съ низшимъ учебнымъ курсомъ.—Пожертвованія на женскія гимназіи и прогимназіи.—Число учащихся въ 1879 году. — Средства содержанія гимназій министерства къ 1880 году . . . . . 251—290

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. Преобразованіе институтовъ. — Отчетъ инспектора по медицинской части учрежденій вѣдомства Императрицы Маріи.—Предложеніе отпускать воспитанницъ на лѣто къ родителямъ.—Вопросы, поставленные Императрицею учебному комитету.—Его мнѣніе.—Проектъ Ушинскаго.—Введеніе семилѣтнихъ годовыхъ курсовъ.—Мнѣніе главнаго Совѣта объ отпускахъ.—Ходатайства Совѣтовъ нѣкоторыхъ институтовъ принимать своекоштными пенсіонерками дочерей купцовъ всѣхъ гильдій, иностранцевъ и лицъ всѣхъ сословій. — Положенія, выработанныя учебнымъ комитетомъ при пересмотрѣ устава 1855 года.—Отчетъ Принца П. Г. Ольденбургскаго объ осмотрѣнныхъ имъ въ 1861 году институтахъ.—Отчетъ князя Трубецкого.—Вызовъ инспекторовъ классовъ всѣхъ институтовъ въ Петербургъ по случаю пересмотра устава.—Затрудненія при введеніи семигодовыхъ классовъ въ институтахъ.—Жалованье учителей. — Ходатайства Совѣтовъ и указанія на нужныя измѣненія въ уставѣ.—Ходатайства дворянства.—Сокращеніе средствъ вѣдомства.—Прекращеніе приказами общественнаго призрѣнія пособія заведеніямъ вѣдомства.—Допущеніе евреекъ своекоштными пенсіонерками въ керченскій институтъ и въ гимназіи вѣдомства. — Мнѣніе графа Строганова о допущеніи евреекъ въ институты.—Мнѣнія начальницъ объ отпускахъ.—Разрѣшеніе Императрицы отпускать воспитанницъ на лѣтнія вакаціи.—Предложенныя комиссіею для преобразованія коренныхъ началъ государственной отчетности мѣры въ заведеніяхъ вѣдомства. — Возвышеніе платы съ воспитанницъ.—Преобразованіе Совѣтовъ. — Новая табель пенсіонерной платы съ своекоштныхъ воспитанницъ.—Пенсіонерки царской фамиліи.—Увеличеніе числа своекоштныхъ пенсіонерокъ въ институтахъ. —Отдѣленіе Александровскаго училища отъ Воспитательнаго Общества.—Преобразованія въ Николаевскихъ Сиротскихъ институтахъ.—Николаевскія женскія училища. — Измѣненія въ правилахъ пріема въ заведенія вѣдомства.—Отмѣна публичныхъ экзаменовъ и изящныхъ рукодѣлій въ ин-

СТРАН.

ствахъ.—Ходатайства дворянства о допущеніи губернскихъ предводителей въ Совѣты институтовъ.—Ходатайства Совѣтовъ объ отпускѣ воспитанницъ на Рождество и Пасху къ родителямъ.—Отчеты начальницъ о результатахъ лѣтнихъ отпусковъ.—Ходатайство Совѣта донского института о дозволеніи принимать полупенсіонерокъ и приходящихъ.—Переполненіе институтовъ воспитанницами къ 1880 году.—Орловскій институтъ . . . . . 291—353

ГЛАВА ВОСЬМАЯ. Цѣль учрежденія женскихъ духовныхъ училищъ согласно уставамъ, составлявшимся для нихъ преосвященными.—Цѣль ихъ учрежденія въ западномъ краѣ.—Уставъ 1863 года духовно-учебнаго управленія для училищъ западнаго края.—Мнѣнія преосвященныхъ и духовенства объ отпускахъ воспитанницъ.—Мнѣніе оберъ-прокурора по вопросу.—Устройство женскихъ епархіальныхъ училищъ.—Мнѣнія за и противъ ихъ устройства при монастыряхъ.—Уставъ могилевскаго училища, общій для всѣхъ женскихъ духовныхъ училищъ западнаго края.—Исторія возникновенія разныхъ училищъ.—Управленіе ими.—Желанія и взгляды духовенства на учрежденіе женскихъ духовныхъ училищъ.—Программы ученія составленныя преосвященными.—Приготовленіе ученицъ духовныхъ училищъ къ преподаванію въ сельскихъ школахъ.—Разрѣшеніе св. Синода преподавать въ женскихъ духовныхъ училищахъ одинъ изъ иностранныхъ языковъ, музыку и педагогику.—Общій для всѣхъ епархіальныхъ училищъ уставъ 1868 года.—Предоставленіе воспитанницамъ права на полученіе званія домашнихъ учительницъ.—Торжество открытія женскихъ духовныхъ училищъ.—Внутренній бытъ воспитанницъ.—Средства на содержаніе училищъ.—Пожертвованія имъ.—Филаретовское училище.—Матеріальное положеніе училищъ къ началу 80-хъ годовъ.—Число воспитанницъ.—Положеніе учебнаго дѣла.—Новое поприще дѣятельности окончившихъ воспитанницъ женскихъ духовныхъ училищъ какъ народныхъ учительницъ.—Признаніе св. Синода за этими училищами общегосударственнаго значенія . . . . . 354—389

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. Народное образованіе при вступленіи на престолъ Императора Александра II.—Участіе въ немъ правительства и общества.—Нужны ли училища для крестьянскихъ дѣвицъ?—Женскія народныя училища министерства государственныхъ имуществъ.—Воскресныя и безплатныя школы.—Участіе въ нихъ женщинъ и его значеніе для самихъ женщинъ.—Число народныхъ училищъ въ 1861—1863 гг.—Замѣчанія на проектъ устава низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.—Замѣчаніе графа Л. Толстого.—Отчеты командированныхъ для изслѣдованія народной грамотности лицъ.—Женскія городскія училища.—Положеніе о начальныхъ народныхъ училищахъ 1864 года.—Состояніе народнаго образованія при введеніи земскихъ учрежденій.—Свѣдѣнія, собранныя земствами.—Отчетъ барона Н. Корфа о женскомъ народномъ образованіи въ екатеринославской губерніи.—Старанія земствъ привлечь къ ученію въ народныхъ школахъ дѣвочекъ.—Женщины въ качествѣ учительницъ народныхъ школъ.—Заботы земства объ ихъ приготовленіи.—Довѣріе къ нимъ населенія.—Участіе земствъ къ дѣлу женскаго народнаго образованія.—Итоги

СТРАН.

его дѣятельности въ этомъ отношеніи.—Число учащихся дѣвочекъ за время 1864—1880 гг. — Спеціальныя женскія учебныя заведенія въ 1880 году.—Расширеніе области женскаго труда.—Высочайшее повелѣніе 14-го января 1871 года о допущеніи женщинъ на службу въ правительственныя и общественныя учрежденія. . . . . 390—426

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. Преобразованіе учебной части въ институтахъ. —Проектъ К. Д. Ушинскаго для Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ.—Программы, составленныя учебнымъ комитетомъ для институтовъ. — Нормальная учебная табель.—Программы К. Ушинскаго для Воспитательнаго Общества и Александровскаго училища. — Спеціальные классы.—Учебныя руководства въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ.—Преобразованіе учебной части въ Николаевскомъ Сиротскомъ институтѣ.— Расширеніе дѣятельности учебнаго комитета.—Новая программа для женскихъ учебныхъ заведеній вѣдомства.—Сравненіе ея съ программою гимназій.—Затрудненія при пріисканіи учителей для занятій по новой программѣ. — Варшавскій институтъ.—Отмѣна преподаванія въ немъ, также въ кіевскомъ институтѣ, польскаго языка.—Характеръ институтскаго воспитанія въ концѣ 50-хъ годовъ.—Разсказы бывшихъ институтокъ этого времени.—Воззрѣнія институтокъ на жизнь.—Проникновеніе новыхъ идей въ институты.—Вліяніе учителей. — Ушинскій и Водовозовъ.—Удаленіе ихъ изъ Общества.—Циркуляръ Принца въ 1864 году. — Новое разсмотрѣніе программъ институтовъ и гимназій вѣдомства. — Преобразованіе педагогическихъ курсовъ.—Свидѣтельство Тибо де Бриньоля о знаніяхъ воспитанницъ институтовъ и гимназій въ 1870 году . . . . . 427—452

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ. Стремленіе русскихъ женщинъ къ высшему образованію. — Положеніе женскаго вопроса на западѣ въ концѣ сороковыхъ и началѣ пятидесятыхъ годовъ. — Положеніе его у насъ.— Статья Пирогова. – Отношеніе женщинъ къ вопросу о своемъ положеніи и образованіи. — Журналъ *Развитіе*. — Письма о русскихъ женщинахъ г-жи Хвостовой.—Писательницы переходнаго времени.—Положеніе женскаго вопроса у насъ въ началѣ 60-хъ годовъ.—Сужденія о немъ въ литературѣ.—Толки о женскомъ трудѣ.—Отношеніе общества къ ищущимъ знаній и труда женщинамъ.—Женщины въ типографіяхъ, телеграфистки, учительницы.—Отношеніе литературы къ женскому вопросу.— Женскій клубъ въ Вологдѣ.— Женщины въ университетѣ и въ медицинской Академіи.—Откуда женщины могли получать нужную для слушанія лекцій подготовку.—Н. П. Суслова.—Женщины въ публичной библіотекѣ.—Отношеніе профессоровъ къ присутствовавшимъ на ихъ лекціяхъ женщинамъ. —Отзывы университетскихъ Совѣтовъ по вопросу о допущеніи женщинъ къ слушанію университетскихъ лекцій.—Отзывъ Медицинскаго Совѣта.— Отрицательное рѣшеніе вопроса о допущеніи женщинъ въ университетъ, комиссіи для пересмотра университетскаго устава. — Приказъ военнаго министра о запрещеніи женщинамъ посѣщать лекціи въ медицинской Академіи.—В. А. Каневарова. — Отъѣздъ русскихъ женщинъ за границу.— Несочувствіе общества учащимся женщинамъ.—Статья В. Спиовскаго о „новыхъ“ женщинахъ. – Отношеніе къ нимъ литературы. — Отношеніе къ нимъ писательницъ.—Хвощинская о женскомъ вопросѣ.—Общество жен-

СТРАН.

труда.—Кружокъ М. В. Трубниковой.—Общество переводчицъ.—[illegible] *Вѣстникъ*, издаваемый г-жею Мессаронъ. — Сообщеніе проф. Сѣченова о Н. Сусловой.—Н. Суслова въ цюрихскомъ университетѣ. — Защита ею докторской диссертаціи въ Цюрихѣ. — Обращенная къ ней рѣчь цюрихскаго профессора Розе.—Возвращеніе ея въ Россію въ 1867 году.—Предоставленіе ей врачебной практики въ Россіи. . 453—492

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ. Записка Е. П. Конради, обращенная къ съѣзду русскихъ естествоиспытателей.—Отказъ съѣзда исполнить просьбу женщинъ.—Возобновившееся въ ихъ средѣ движеніе въ пользу высшаго образованія.—Подача прошенія ректору петербургскаго университета объ устройствѣ лекцій для женщинъ.—Отвѣтъ назначенной университетскимъ Совѣтомъ комиссіи.—Заявленіе смоленскихъ дамъ. — Собраніе профессоровъ и учредительницъ петербургскихъ университетскихъ курсовъ.—Аудіенція уполномоченныхъ учредительницами у графа Толстого. — Его отвѣтъ имъ.—Положеніе дѣла высшаго женскаго образованія на западѣ. —Письмо Дж. Ст. Милля учредительницамъ петербургскихъ курсовъ. — Письмо г-жи Бутлеръ. — Повышеніе программъ нѣкоторыхъ частныхъ женскихъ училищъ.—Гимназія М. Спѣшневой.—Гимназія княгини А. Оболенской.—Аларчинскіе курсы въ Петербургѣ.—Отказъ московскихъ профессоровъ въ устройствѣ лекцій для женщинъ.—Лубянскіе курсы въ Москвѣ.—Заключеніе начальника 3-го отдѣленія Собственной Е. В. канцеляріи о публичныхъ университетскихъ лекціяхъ. — Открытіе петербургскихъ публичныхъ курсовъ.—Ихъ денежныя средства.—Ихъ устройство.—Отношеніе къ нимъ профессоровъ. — Движеніе въ пользу высшаго женскаго образованія въ провинціи.—Подача прошенія графу Толстому харьковскими дамами.—Отвѣтъ министра.—Враждебное отношеніе общества къ слушательницамъ петербургскихъ курсовъ.—Записка оберъ-полицмейстера Трепова объ этихъ курсахъ. — Переходъ ихъ въ разныя помѣщенія. — Названіе ихъ владимірскими. — Неудовлетворительные результаты публичныхъ курсовъ. — М. Катковъ защитникъ высшаго женскаго образованія.—Курсы профессора В. Герье въ Москвѣ.—Кіевскіе курсы. . . 493—535

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ. Присужденіе В. А. Кашеваровой степени доктора медицины. — Допущеніе женщинъ къ занятіямъ въ анатомическомъ театрѣ у профессора Грубера.—Запросъ военнаго министра по этому поводу. — Объясненія П. Козлова.—Допущеніе женщинъ къ такимъ же занятіямъ въ Казани у профессора Лесгафта и другихъ профессоровъ.—Отъѣздъ русскихъ женщинъ въ заграничные университеты.—Докладъ медицинскому Совѣту членовъ его: П. Козлова, Н. Здекауера и А. Крассовскаго о повышеніи уровня образованія повивальныхъ бабокъ.—Предложенія медицинскаго Совѣта. — Заключеніе военнаго министра.—Записка шефа жандармовъ.—Высочайшее повелѣніе 14 января 1871 года. — Отзывы университетскихъ Совѣтовъ на проектъ медицинскаго Совѣта.—Пожертвованіе Л. А. Родственной.—Заключеніе министра народнаго просвѣщенія по проекту медицинскаго Совѣта.—Докладъ военнаго министра государю о курсѣ ученыхъ акушерокъ.—Временное Положеніе о [illegible]. — Отношеніе слушательницъ перваго пріема къ дѣлу курсовъ. — [illegible] экзамены. — Открытіе курсовъ. — Отношеніе къ нимъ

ст

профессоровъ.—М. Г. Ермолова.—Правила для слушательницъ курсовъ. —Отношеніе къ слушательницамъ студентовъ.—Матеріальная обстановка слушательницъ.—Отношеніе къ нимъ общества.—Высочайше учрежденная комиссія о мѣрахъ противъ постоянно возраставшаго числа уѣзжающихъ въ заграничные университеты женщинъ. — Оффиціальное обращеніе къ нимъ правительства.—Комиссія статсъ-секретаря Делянова.—Допущеніе кончившихъ медицинскій курсъ въ заграничныхъ университетахъ женщинъ къ экзамену вмѣстѣ съ слушательницами курсовъ ученыхъ акушерокъ.—Недопущеніе В. А. Кашеваровой къ защитѣ диссертаціи на ученую степень.—Препятствія къ ея отъѣзду въ оренбургскій край въ качествѣ врача. . . . . 536—

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ. С. В. Ковалевская. — Женщины-юристы. — Пересмотръ программъ женскихъ учебныхъ заведеній вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи и министерства народнаго просвѣщенія. —Новыя программы 1874 года. — Учебный курсъ Николаевскихъ институтовъ.—Циркуляры принца П. Г. Ольденбургскаго.—Учебный курсъ женскихъ гимназій министерства. — Включеніе древнихъ языковъ въ ихъ программу.—Гимназія С. Фишеръ.—Дарованіе ей правъ.—Статьи М. Каткова о высшемъ образованіи женщинъ. — Преподаваніе латинскаго языка въ женскихъ гимназіяхъ министерства.—Отношеніе къ нему нѣкоторыхъ земствъ. — Рѣшеніе Сената по дѣлу бессарабскаго земства.—Обсужденіе вопроса въ ученомъ комитетѣ.—Комиссія статсъ-секретаря Делянова.— Предложеніе члена комиссіи Георгіевскаго упразднить педагогическіе курсы. — Особое мнѣніе П. Осипина. — Проектъ комиссіи высшихъ женскихъ училищъ. — Отзывъ о немъ принца П. Г. Ольденбургскаго. — Докладъ графа Толстого государю. — Условія, на которыхъ могли открываться высшіе женскіе курсы въ Россіи . . . . . 565—592

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ. Исторія владимірскихъ женскихъ курсовъ. —Курсы проф. Герье.—Ходатайства профессоровъ разныхъ университетовъ о дарованіи правъ кончившимъ высшіе курсы женщинамъ.—Кіевскіе курсы.—Казанскіе курсы. — Отношеніе кіевскаго и казанскаго обществъ къ высшимъ женскимъ курсамъ.—Ходатайство проф. Бестужева-Рюмина объ учрежденіи въ Петербургѣ высшихъ женскихъ курсовъ.—Разсмотрѣніе проектовъ кіевскихъ и петербургскихъ курсовъ въ ученомъ комитетѣ.— Отказъ министра народнаго просвѣщенія въ дарованіи правъ кончившимъ высшіе курсы женщинамъ.— Правила спеціальныхъ при университетѣ испытаній для женщинъ, составленныя Совѣтами университетовъ.—Положеніе для кіевскихъ курсовъ. — Открытіе петербургскихъ курсовъ. — Общество для доставленія имъ средствъ.—Представленіе графа Толстого въ государственный Совѣтъ о назначеніи имъ субсидіи.—Нападки на высшіе женскіе курсы. — Защита ихъ въ печати проф. А. Бекетовымъ. Свѣдѣнія, доставленныя шефомъ жандармовъ о курсахъ. — Защита ихъ графомъ Толстымъ передъ государемъ.—Правила для высшихъ женскихъ курсовъ, составленныя попечителемъ петербургскаго учебнаго округа.— Исторія петербургскихъ высшихъ женскихъ курсовъ.—Права, дарованныя кончившимъ курсъ въ гимназіи Фишеръ воспитанницамъ.—Статьи Московскихъ Вѣдомостей 22

СТРАН.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ. Исторія женскихъ медицинскихъ курсовъ.—Отъѣздъ слушательницъ ихъ на войну. — Свидѣтельства объ ихъ дѣятельности на войнѣ. —Ходатайства профессоровъ медицинской Академіи о правахъ кончившихъ медицинскіе курсы женщинъ.—Свидѣтельства, выдававшіяся имъ по окончаніи курса. — Затрудненія при поступленіи ихъ на мѣста въ земства и города. —Комиссія Н. Здекауера.—Записка Н. Козлова.—Ходатайства земствъ о разрѣшеніи бывшимъ слушательницамъ медицинскихъ курсовъ заниматься врачебною практикою въ земскихъ больницахъ.—Ходатайство о томъ же медицинскаго Совѣта.—Высочайшее повелѣніе 6 апрѣля 1879 года о правахъ бывшихъ слушательницъ медицинскихъ курсовъ. — Приглашеніе петербургскою городскою Думою женщины-врача для завѣдыванія городскою осенней больницею. — Комиссія генералъ-адъютанта Исакова. — Ея заключенія въ пользу женщинъ. — Разсмотрѣніе ея трудовъ въ ученомъ комитетѣ. — Высочайше дарованный кончившимъ врачебные курсы женщинамъ нагрудный знакъ отличія. — Заключенія медицинскаго Совѣта о дарованіи правъ кончившимъ врачебные курсы женщинамъ.—Отказъ военнаго министра отъ сохраненія въ военномъ вѣдомствѣ женскихъ врачебныхъ курсовъ.—Постоянно возраставшія требованія отъ поступавшихъ на нихъ.—Новыя программы институтовъ и женскихъ гимназій вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи. — Педагогическіе курсы. — Отказъ министра народнаго просвѣщенія воспитанницѣ гимназіи Фишеръ посѣщать университетскія лекціи.—Положеніе дѣла высшаго женскаго образованія къ началу восьмидесятыхъ годовъ у насъ и заграницей.— Положеніе вопроса о правахъ женщинъ, получившихъ высшее образованіе. — Среднее и низшее женское образованіе у насъ и въ Европѣ. . . . . 619—647

5 л

I.

Цѣль великой княгини Елены Павловны при учрежденіи крестовоздвиженской общины сестеръ милосердія. — Взгляды великой княгини и Н. Пирогова на положеніе женщинъ.—Дѣятельность сестеръ общины на театрѣ крымской войны. — Эпоха реформъ. — Настроеніе общества второй половины 50-хъ годовъ. — Вопросъ о воспитаніи, поставленный „Морскимъ Сборникомъ“.—Статья Бема.—А. С. Норовъ.—Его всеподданнѣйшая записка государю о необходимости учредить открытыя женскія училища.—Высочайшее повелѣніе 5 марта 1856 года объ устройствѣ такихъ училищъ.—Отношеніе къ дѣлу правительства и общества. — Отзывы попечителей учебныхъ округовъ и циркуляръ А. Норова.—Отзывъ министра внутреннихъ дѣлъ.—Постановленія дворянъ смоленской и вологодской губерній.—Первая, поступившая на устройство женскаго училища для приходящихъ, сумма.—Число учащихся женщинъ въ 1856 году.—„Вопросы жизни“ Н. Пирогова.—Высочайшій указъ 5 мая 1856 года.—Разрѣшеніе открывать частные пансіоны и школы.—Записка А. Чумикова объ устройствѣ открытыхъ женскихъ училищъ (1856 г.).—Его проектъ училищъ.—„Программа“ обращенная къ обывателямъ директоромъ костромскихъ училищъ.—Приговоры нѣкоторыхъ городскихъ Думъ.—Пожертвованіе А. П. Григорова.—Учрежденіе имъ на собственныя средства перваго въ Россіи женскаго открытаго училища въ Костромѣ (26 авг. 1857 г.).—Равнодушіе къ его дѣлу правительства и общества.—Возможныя причины такого равнодушія.—Пожертвованіе Рюмина.—Ходатайство Н. А. Вышнеградскаго объ открытіи при Павловскомъ институтѣ классовъ для приходящихъ дѣвицъ (конецъ 1857 г.). — Отношеніе къ дѣлу принца П. Г. Ольденбургскаго.—Проектъ полтавскихъ преподавателей учрежденія въ Полтавѣ женскаго училища общественными силами. - Приговоръ вятской городской Думы.—Отчетъ министра народнаго просвѣщенія за 1857 годъ.—Указъ 22 марта 1858 года объ учрежденіи Маріинскаго училища въ Петербургѣ.—Н. А. Вышнеградскій.—Его заслуга передъ русскимъ обществомъ. - Открытіе еще трехъ училищъ въ Петербургѣ.—Ходатайство генералъ-адъютанта В. Назимова объ учрежденіи женскихъ училищъ для приходящихъ въ западномъ краѣ.—Учрежденіе такихъ училищъ въ царствѣ польскомъ.

При учрежденіи крестовоздвиженской общины сестеръ милосердія, великая княгиня Елена Павловна имѣла въ виду двоякую цѣль: „принести практическую, неоспоримую пользу для блага отечества организаціею женской помощи больнымъ и раненымъ на войнѣ“, и въ то же время обратить на женщинъ вниманіе

общества и правительства [1]). Мысль призвать женщинъ къ практической, общественной дѣятельности, и, рядомъ съ этимъ, помочь многостороннему ихъ образованію, была, по свидѣтельству баронессы Раденъ, завѣтной мечтою великой княгини. Она лелѣяла ее давно, еще ранѣе 1854 года, и осуществила при первомъ же представившемся случаѣ.

Руководителемъ общины она пригласила извѣстнаго хирурга Н. И. Пирогова, которому помогла добиться давно уже имъ ожидавшагося разрѣшенія ѣхать на театръ войны; выражая ему сожалѣніе, что онъ не обратился къ ней ранѣе, великая княгиня сказала: „и мой планъ тогда также давно бы уже состоялся“...

Пироговъ, человѣкъ сороковыхъ годовъ, принадлежалъ къ небольшой тогда группѣ избранныхъ людей, проникнутыхъ сознаніемъ необходимости измѣнить воспитаніе и положеніе женщинъ въ обществѣ; онъ отнесся горячо къ задуманному великою княгинею плану и на ея слова, что женщины должны быть лишь направляемы мужчинами, сказалъ, что это „справедливо только до тѣхъ поръ, пока женщины будутъ воспитаны по нынѣшнему и съ ними будутъ обращаться по той же устарѣлой и безсмысленной методѣ. Но это,—прибавилъ онъ,—слѣдуетъ измѣнить и женщины должны занять мѣсто въ обществѣ, болѣе отвѣчающее ихъ человѣческому достоинству и ихъ умственнымъ способностямъ“. По его мнѣнію женщины „не только для ухода за страждущими, но даже въ управленіи многихъ общественныхъ учрежденій болѣе одарены способностями, чѣмъ мужчины“... И въ данномъ случаѣ „ихъ тактъ, ихъ чувствительность и независимое отъ служебныхъ условій положеніе гораздо дѣйствительнѣе могутъ вліять на злоупотребленія госпитальной администраціи, чѣмъ оффиціальный служебный контроль“.

Эти мысли Пироговъ изложилъ великой княгинѣ и письменно во время своего управленія общиною.

Первый опытъ призыва женщинъ къ общественной дѣятельности вполнѣ оправдалъ надежды великой княгини и Пирогова. Сестры крестовоздвиженской общины не только вынесли „съ безграничнымъ самоотверженіемъ сверхчеловѣческіе—по выраженію Пирогова—труды“ и, своею сердечностью, мягкостью, заботливостью, облегчили страданія раненыхъ, но онѣ проявили и большую разумность въ распоряженіяхъ, энергію и умѣнье въ

---

[1]) Письмо Н. И. Пирогова баронессѣ Э. Ѳ. Раденъ отъ 27 февр. 1876 г. (*Лѣсковъ*. Загробный свидѣтель за женщинъ. Историч. Вѣст. 1886 г. ноябрь).

тѣхъ случаяхъ, когда имъ приходилось дѣйствовать самостоятельно. Поэтому Пироговъ съ полной основательностью могъ сказать, что до крымской войны „мы совершенно игнорировали чудныя дарованія нашихъ женщинъ“. Будучи свидѣтелемъ ихъ дѣйствій изо дня въ день, онъ пришелъ къ убѣжденію, что „если женщина получитъ надлежащее образованіе и воспитаніе, то она можетъ также хорошо устроить свою научную, художественную и общественную культурность какъ и мужчина“.

Тотчасъ послѣ окончанія крымской войны для русскаго общества настала пора, подобной которой ему никогда не приходилось переживать. Тягостныя впечатлѣнія войны и неудачнаго ея исхода смѣнились вдругъ порою свѣтлыхъ надеждъ, высокаго подъема духа, необычайнаго, восторженнаго одушевленія. Такое настроеніе общества было вызвано какъ ожиданіемъ великихъ реформъ, долженствовавшихъ обновить русскую жизнь, такъ и тѣмъ, что, предпринимая эти реформы, по волѣ императора Александра II-го, правительство приглашало и общество къ обсужденію поставленныхъ на очередь вопросовъ.

Первымъ изъ нихъ былъ поставленъ вопросъ о воспитаніи. Еще въ мартѣ 1855 года, великій князь Константинъ Николаевичъ, желая усовершенствовать учебныя заведенія морского вѣдомства, обратился къ министру народнаго просвѣщенія, Норову, съ просьбою назначить отъ министерства нѣсколькихъ лицъ, которыя, осмотрѣвъ эти заведенія, представили бы великому князю правдивый отчетъ о нихъ [1]).

Въ январской книжкѣ 1856 года редакція оффиціальнаго органа морского министерства, „Морской Сборникъ“, [2]) напечатавъ статью одного изъ преподавателей, Бема, „о воспитаніи“, просила всѣхъ занимающихся преподаваніемъ и воспитаніемъ, доставлять ей замѣчанія и возраженія на эту статью, „имѣющую предметомъ одну изъ насущнѣйшихъ потребностей всякаго, а тѣмъ болѣе, еще юнаго Русскаго общества“.

По мнѣнію Бема, главною задачею воспитанія вообще должно быть правильное развитіе въ ребенкѣ способности воспринимать впечатлѣнія. На воспитаніе женщинъ Бемъ смотрѣлъ какъ на „предметъ чрезвычайной важности для государства и церкви, ибо просвѣщенное вліяніе матери на дѣтей не только благодѣтельно для семейства, но и распространяется гораздо далѣе; въ немъ именно заключается первый корень народнаго образованія“.

[1]) Въ числѣ назначенныхъ Норовымъ лицъ, былъ и Н. А. Вышнеградскій, съ 1852 года профессоръ педагогіи въ Педагогическомъ институтѣ.

[2]) Издавался морскимъ ученымъ комитетомъ.

Ограничивая кругъ дѣятельности женщинъ семьею, Бемъ предпочиталъ для нихъ домашнее воспитаніе общественному и только „для пріобрѣтенія знаній, преподаваніе которыхъ затруднительно и, часто, невозможно дома“, допускалъ посѣщеніе школы дѣвушкою.

На приглашеніе редакціи „Морского Сборника“ русское общество откликнулось цѣлымъ рядомъ статей, помѣщенныхъ какъ въ этомъ журналѣ, такъ и въ другихъ. Но большинство авторовъ говорили о мужскомъ воспитаніи; тѣ, которые касались и женскаго, повторяли мысли Бема только въ болѣе опредѣленной формѣ.

Въ то время министромъ народнаго просвѣщенія былъ А. С. Норовъ, человѣкъ, по словамъ Никитенко, „просвѣщенный и преданный дѣлу русскаго просвѣщенія, съ благими намѣреніями, гуманный и добрый, но легко поддающійся первому впечатлѣнію и съ слабою волею“ [1]). Онъ вращался въ образованныхъ кругахъ людей сороковыхъ годовъ и былъ причастенъ литературѣ [2]). Въ качествѣ товарища министра народнаго просвѣщенія онъ съ 1850 года состоялъ членомъ Совѣта въ институтахъ Екатерининскомъ и Павловскомъ, а сдѣлавшись министромъ, членомъ Совѣта по учебной части въ Воспитательномъ Обществѣ и Александровскомъ училищѣ и былъ такимъ образомъ близко знакомъ съ постановкою этого дѣла въ пятидесятыхъ годахъ.

Незадолго до окончанія крымской войны государь потребовалъ отъ него подробныхъ свѣдѣній о положеніи учебнаго дѣла въ Россіи. Норовъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы обратить вниманіе Государя и на женское образованіе. 5-го марта 1856 года онъ подалъ государю всеподданнѣйшую записку, въ которой, между прочимъ, говорилъ: „въ системѣ народнаго образованія по сіе время преимущественное вниманіе правительства обращено было на образованіе мужскаго пола. Институты для дѣвицъ, обязанные существованіемъ своимъ попеченіямъ Особъ Августѣйшаго Дома, предназначены для ограниченнаго числа дочерей дворянъ и чиновниковъ; лица же средняго состоянія, особенно въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ, лишены возможности дать дочерямъ своимъ необходимое образованіе, соотвѣтствующее даже скромному ихъ быту. Между тѣмъ, отъ этого зависитъ какъ развитіе въ массахъ народныхъ истинныхъ понятій объ обязанно-

[1]) Записки и дневникъ академика (1826—1877) А. В. Никитенко. 1893.

[2]) Кромѣ „Путешествія въ Палестину“ Норовъ написалъ стихи на смерть Пушкина. (Р. Арх. 1871, стр. 0948).

стяхъ каждаго, такъ и всевозможныя улучшенія семейныхъ нравовъ и вообще всей гражданственности, на которыя женщина имѣетъ столь могущественное вліяніе. Поэтому учрежденіе открытыхъ школъ для дѣвицъ въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ и даже большихъ селеніяхъ, было бы величайшимъ благодѣяніемъ для отечества и, такъ сказать, довершило бы великую и стройную систему народнаго образованія, обнимая собою всеобщія и спеціальныя нужды всѣхъ состояній и обоего пола.

По этому докладу, 5-го же марта, послѣдовало Высочайшее повелѣніе: „приступить къ соображеніямъ объ устройствѣ на первый разъ въ губернскихъ городахъ женскихъ школъ, приближенныхъ по курсу къ гимназіямъ, по мѣрѣ способовъ, которые къ тому могутъ представиться“ [1]).

Это важное не только для женщинъ, но и для всего русскаго общества, событіе, цѣлый годъ оставалось ему неизвѣстнымъ, такъ какъ Высочайшее повелѣніе 5-го марта 1856 года не было опубликовано даже въ Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія этого года, хотя редакторомъ его былъ тогда Никитенко, ближайшій сотрудникъ Норова во всѣхъ важныхъ дѣлахъ и работахъ по министерству, долго преподававшій въ институтахъ, съ которыми сохранилъ связь и потомъ, когда уже отказался отъ преподаванія. Никитенко, горячо принимавшему къ сердцу дѣло русскаго просвѣщенія, конечно, былъ дорогъ такой важный шагъ, сдѣланный министромъ; но ни о запискѣ Норова государю, ни объ устройствѣ открытыхъ женскихъ училищъ, Никитенко, въ теченіе всего 1856 года, не упоминаетъ и въ своемъ „Дневникѣ“. Это тѣмъ болѣе странно, что онъ принималъ участіе и въ дѣлѣ устройства женскихъ училищъ, ибо говоря, уже въ 1857 году, объ изданномъ начальникомъ главнаго штаба, Я. И. Ростовцевымъ, въ концѣ 1856 года приказѣ по военно-учебнымъ заведеніямъ, въ которомъ начальству этихъ заведеній сообщалась воля государя о томъ, чтобы всячески поощрять домашнее воспитаніе и „оставлять молодыхъ людей какъ можно долѣе въ ближайшемъ надзорѣ ихъ семействъ“, Никитенко указываетъ на медлительность Норова, благодаря которой идея объ измѣненіи отношенія семейнаго воспитанія къ общественному, вырвана изъ рукъ министра народнаго просвѣщенія Ростовцевымъ. Онъ прибавляетъ, что заготовленное имъ тогда же отношеніе въ министерство внутреннихъ дѣлъ, гдѣ дѣлу устройства

---

[1]) Отчетъ министра нар. просв. за 1856 годъ. (Журналъ мин. нар. пр. іюль 1857 г.).

женскихъ училищъ новаго типа давали уже ходъ, было задержано министромъ народнаго просвѣщенія.

Поэтому остается предположить, что измѣненіе системы женскаго образованія не считалось дѣломъ важнымъ, или, что по какимъ-либо причинамъ, Никитенко, конечно по соглашенію съ министромъ, не считалъ возможнымъ огласить въ Журналѣ министерства Высочайшее повелѣніе 5-го марта тотчасъ же какъ оно состоялось.

Но 28-го марта былъ уже разосланъ попечителямъ учебныхъ округовъ циркуляръ, въ которомъ министръ просилъ доставить ему свѣдѣнія о существующихъ въ округѣ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ и школахъ, также мнѣнія о томъ: гдѣ, преимущественно, ощущается настоятельная потребность въ женскихъ училищахъ, какіе должны быть въ нихъ предметы преподаванія, вездѣ ли курсъ долженъ быть одинаковъ, какія основанія должны быть приняты при устройствѣ школъ въ хозяйственномъ и административномъ отношеніяхъ, какія потребуются на это средства, гдѣ и какіе могутъ представиться мѣстные способы для покрытія расходовъ по устройству училищъ. При этомъ было поставлено на видъ, что преподавателями будущихъ женскихъ училищъ должны быть учителя мужскихъ гимназій, какъ съ цѣлью увеличенія ихъ содержанія, такъ и облегченія пріисканія учителей для новыхъ училищъ.

Предполагая, вѣроятно, встрѣтить сочувствіе общества къ идеѣ устройства женскихъ открытыхъ, всесословныхъ училищъ, Норовъ прямо приступилъ къ дѣлу, не разъясняя его въ подробностяхъ и безъ предварительныхъ убѣжденій въ необходимости и пользѣ для всего общества именно такихъ училищъ. Онъ упустилъ при этомъ изъ виду, что не только масса населенія, но и образованные слои общества привыкли считать дѣло образованія молодыхъ поколѣній дѣломъ правительства, которое и должно устраивать тѣ или другія учебныя заведенія по своему усмотрѣнію и, въ особенности, не предполагали возможнымъ, чтобы женское образованіе могло существовать на какихъ-либо иныхъ началахъ, кромѣ искони положенной въ его основу системы строгой сословности.

Поэтому, изложенная въ циркулярѣ, мысль Норова была не понята даже большинствомъ попечителей учебныхъ округовъ; населеніе же прямо недоумѣвало: какая цѣль устройства новыхъ женскихъ училищъ? для какого сословія они предназначаются? Въ циркулярѣ было сказано, что для дочерей дворянъ уже есть институты, а новыя училища предназначаются для средняго

класса; по зачѣмъ же тогда привлекать къ участію въ ихъ устройствѣ другія сословія? Идея всесословности училищъ для дѣтей женскаго пола и, притомъ, на общественныя, а не на казенныя средства, рѣшительно не поддавалась пониманію; въ ея возможность и не вѣрили.

Высочайшее повелѣніе 5-го марта было напечатано въ *Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія* только въ 1857 г., въ отчетѣ министра за истекшій годъ. Но о немъ проникли въ общество слухи раньше и оно было истолковано невѣрно. Въ одной, едва ли не единственной въ 1856 году, корреспонденціи изъ провинціи, была высказана мысль, что училища устраиваются для будущихъ женъ чиновниковъ и приносилась благодарность правительству за то, что оно думаетъ о нихъ. При этомъ говорилось, что такъ какъ большинство чиновниковъ въ губерніи кончило курсъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, то для ихъ женъ требуется образованіе въ объемѣ приходскаго, и ужъ не выше уѣзднаго, училищъ. При такихъ училищахъ, по мнѣнію корреспондента, должны быть устроены пансіоны, ибо экипажей у чиновниковъ нѣтъ, посылать дѣвочку въ училище въ сопровожденіи прислуги трудно, а дѣвочкѣ одной ходить по улицѣ неприлично. Въ заключеніе корреспондентъ высказывался за устройство женскихъ училищъ въ женскихъ обителяхъ, гдѣ такое устройство обойдется дешево и въ лицѣ монахинь имѣется готовый преподавательскій персоналъ [1]).

5-го апрѣля уже поступилъ въ министерство отзывъ попечителя петербургскаго учебнаго округа, Мусина-Пушкина. Напомнивъ о представленномъ имъ десять лѣтъ назадъ графу Уварову, „составленномъ по совѣту и указаніямъ людей опытныхъ и свѣдущихъ въ дѣлѣ воспитанія, давно занимающихся или надзоромъ или обученіемъ въ воспитательныхъ и учебныхъ заведеніяхъ для дѣвицъ“ проектѣ высшаго женскаго училища [2]), Мусинъ-Пушкинъ предлагалъ начать съ устройства такого училища въ Петербургѣ. Исправленный по замѣчаніямъ главнаго Совѣта, этотъ проектъ Мусинъ-Пушкинъ полагалъ дополнить тѣмъ, чтобы училище было доступно не только дочерямъ чиновниковъ, священнослужителей, почетныхъ гражданъ и купцовъ 1-й и 2-й гильдій, но и дочерямъ купцовъ 3-й гильдіи.

Затѣмъ стали поступать отзывы и другихъ попечителей. Они

---

[1]) „С.-Пет. Вѣдомости“. 1856 г. № 242. Корреспонденція изъ Нижняго Новгорода.

[2]) См. *Е. Лихачевой*. Матеріалы для ист. женск. образ. въ Россіи. 1828—1856, стр. 180.

поступали медленно, такъ что министерство разослало въ концѣ года подтвержденіе ускорить доставленіе требуемыхъ свѣдѣній.

Попечитель одесскаго округа высказался противъ открытыхъ женскихъ училищъ, мотивируя это тѣмъ, что такія училища будутъ неисправно посѣщаться ученицами, ибо въ новороссійскихъ городахъ зимою бываетъ холодно, а осенью на широкихъ, плохо или вовсе невымощенныхъ улицахъ, почти непроходимая грязь. Въ доказательство онъ сослался на примѣръ одесскаго городского училища, предназначеннаго для самыхъ бѣдныхъ и, стало быть, менѣе избалованныхъ дѣвушекъ, которыя, тѣмъ не менѣе, часто не ходятъ въ классы. Кромѣ того, трудно будетъ, по его мнѣнію, ждать успѣховъ въ иностранныхъ языкахъ, такъ какъ въ открытыхъ училищахъ будетъ оставаться мало времени для практическаго ихъ изученія. Главное же препятствіе попечитель видѣлъ въ томъ, что помѣщикамъ трудно будетъ размѣщать въ городѣ своихъ дѣтей. Отчужденіе отъ семьи онъ находилъ не всегда вреднымъ. Въ открытыхъ училищахъ два высшихъ класса, по его предположенію, всегда будутъ безъ учениць, ибо „должно полагать, что рѣдкая мать согласится два раза въ день посылать свою 15—16-лѣтнюю дочь въ школу... Весьма понятно,—писалъ онъ,—что родители и родственники молодой дѣвушки устрашатся тѣхъ встрѣчъ и могущихъ произойти отъ того послѣдствій, которыя легко могутъ случиться отъ такихъ ежедневныхъ путешествій взрослой дѣвушки, и потому можно быть убѣжденнымъ, что родители предпочтутъ сохраненіе чистой нравственности окончательному воспитанію своихъ дочерей и дальнѣйшему ихъ умственному развитію“. Указавъ на то, что всѣ открытыя дѣвичьи училища или частныя школы состоятъ всего изъ трехъ классовъ и въ нихъ ученицы остаются лишь до 13-лѣтняго возраста, попечитель предлагалъ устроить лучше закрытыя женскія заведенія, но съ полупансіонерками и приходящими. При этомъ онъ ставилъ условіемъ, чтобы начальница такого заведенія и ея помощница имѣли „усугубленное наблюденіе за тѣмъ, чтобы внѣшнее вліяніе полупансіонерокъ и приходящихъ не проникало и не утверждалось въ школѣ“.

Содержаніе открытаго женскаго училища, по составленному попечителемъ разсчету, должно обходиться въ 6.050 рублей въ годъ, а закрытаго въ—33.253 рубля. Онъ представилъ и программу проектируемыхъ имъ новыхъ училищъ; находя достаточнымъ для дѣтей бѣднѣйшихъ родителей курсъ предположенныхъ къ открытію уѣздныхъ дѣвичьихъ училищъ, образованіе въ тѣхъ,

которыя предназначены для достаточныхъ, должно, по мнѣнію попечителя, „не быть поверхностнымъ“ а поэтому учебная часть должна быть организована по образцу институтовъ, на началахъ составленнаго принцемъ Ольденбургскимъ „Наставленія“ [1]).

За институтскую программу высказались почти всѣ попечители. Въ пользу закрытыхъ женскихъ училищъ писалъ и попечитель кіевскаго учебнаго округа; ссылаясь на предубѣжденіе въ западныхъ губерніяхъ родителей противъ учрежденныхъ правительствомъ училищъ не только со стороны польскаго дворянства, но и среднихъ сословій изъ мѣстныхъ христіанъ, онъ полагалъ, что на успѣхи открытыхъ училищъ разсчитывать нельзя. Относительно губерній черниговской и полтавской, попечитель также сомнѣвался въ успѣхѣ, ибо жители этихъ губерній ожидаютъ, что правительство дастъ воспитаніе и образованіе ихъ дочерямъ на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ оно беретъ на себя образованіе и воспитаніе ихъ сыновей. Вообще, въ случаѣ устройства въ краѣ открытыхъ женскихъ училищъ „потребовались бы, —писалъ попечитель,—понудительныя мѣры со стороны правительства, чтобы заставить родителей посылать въ училище дочерей“. Поэтому онъ предлагалъ лучше учредить въ краѣ женскія учебныя заведенія на основаніяхъ образцовыхъ пансіоновъ, но съ институтскимъ курсомъ и съ тѣмъ, чтобы дѣвочки поступали въ училище не моложе десяти и выпускались не старше пятнадцати лѣтъ.

Свое предложеніе попечитель мотивировалъ тѣмъ, что система закрытыхъ женскихъ заведеній вызывается самымъ существомъ нравственнаго воспитанія женщины, неравномѣрнымъ развитіемъ разныхъ слоевъ нашего общества, часто невозможностью для родителей устроить дома нравственнюй надзоръ за дѣтьми и удалить ихъ отъ встрѣчающихся на каждомъ шагу вредныхъ вліяній, особенно въ среднихъ слояхъ общества. Онъ считалъ даже несовмѣстнымъ съ цѣлями правительства устройство женскихъ училищъ только для приходящихъ.

Что касается средствъ на женскія училища, то, по отзыву попечителя кіевскаго округа, на помощь дворянства нѣтъ надежды; только одинъ черниговскій губернаторъ извѣстилъ его, что дворянство губерніи возбудитъ при общихъ выборахъ объ этомъ вопросъ, но и то лишь тогда, когда будутъ извѣстны основанія, на которыхъ предполагается устройство открытыхъ женскихъ училищъ.

---

[1]) Арх. Мин. Нар. Просв. (9 іюля 1856 г.).

Попечитель московскаго округа полагалъ устроить при открытыхъ женскихъ училищахъ пансіоны, гдѣ дѣвочки могли бы жить, а учиться ходили бы въ школу. Но пансіоны, по его мнѣнію, не должны получать пособія отъ правительства, между прочимъ и потому, чтобы „заставить родителей своими средствами содѣйствовать воспитанію дѣтей". Попечитель предлагалъ устроить три разряда женскихъ училищъ: низшія, уѣздныя и приближающіяся къ гимназіямъ. Всѣ эти училища должны имѣть между собою связь. „Безъ сомнѣнія,—прибавлялъ онъ—выразится потребность раздѣлять высшія училища и по состояніямъ, даже и въ губернскихъ городахъ". По мнѣнію всѣхъ, съ кѣмъ онъ въ Москвѣ совѣтовался, высшая плата за ученіе въ „дворянскихъ, такъ сказать, школахъ, не устрашитъ родителей, но доставитъ имъ еще бо́льшую увѣренность, что дочери ихъ будутъ встрѣчаться въ школѣ съ равными имъ и что на ихъ успѣхи, пріемы, поведеніе и манеры будетъ обращено особое вниманіе". Въ этихъ видахъ классныя дамы должны неотлучно находиться при дѣтяхъ и вообще, къ указаннымъ въ циркулярѣ министра народнаго просвѣщенія цѣлямъ открытыхъ женскихъ училищъ,—развитіе въ дѣвицахъ правильныхъ понятій объ ихъ обязанностяхъ, улучшеніе семейныхъ нравовъ, слѣдуетъ присоединить и воспитательный элементъ, „нравственное направленіе всего преподаванія". Такъ, преподаваніе Закона Божія, русскаго языка, исторіи, физики съ естественными науками „должно непремѣнно клониться къ возбужденію въ учащихся высокихъ и нравственныхъ чувствъ: любви къ Богу, ближнему, отечеству, высокимъ добродѣтелямъ".

Курсъ ученія въ женскихъ училищахъ, по предложенію московскаго попечителя, долженъ заключать въ себѣ: законъ Божій, русскій языкъ, какъ основной предметъ всего ученія, исторію и географію, въ особенности Россіи, ариѳметику; изъ геометріи должно преподаваться лишь то, что̀ нужно „для практическаго примѣненія ея законовъ къ различнымъ измѣреніямъ"; изъ физики—объясненіе главныхъ явленій физическихъ силъ и къ ней можетъ быть присоединенъ, хотя бы не въ научной формѣ, краткій обзоръ трехъ царствъ природы съ интересными подробностями, примѣненными къ физіологіи, хозяйственной техникѣ и гигіенѣ. Окончательно въ училищѣ должны быть изучаемы иностранные языки, но за особую плату. Этотъ гимназическій курсъ долженъ былъ проходиться шесть лѣтъ, по одному году въ каждомъ классѣ; но можетъ, по мнѣнію попечителя, понадобиться и седьмой классъ, какъ педагогическій. Въ трехгодичный курсъ

училищъ второго разряда (уѣздныхъ) должны были входить: рукодѣліе и свѣдѣнія по части хозяйства.

Ученицы должны были поступать въ училища не ранѣе 9—10-лѣтняго возраста „но и не выше, ибо въ 16 лѣтъ дѣвица имѣетъ уже самостоятельное значеніе". Классныхъ дамъ и начальницъ будущихъ училищъ попечитель рекомендовалъ брать изъ классовъ кандидатокъ женскихъ институтовъ. Первымъ, по его мнѣнію, можно бы поручать преподаваніе географіи, чистописанія, рисованія „въ особенности въ низшихъ классахъ". Плата за ученіе полагалась, по проекту попечителя, отъ 15 до 30 рублей въ годъ, какъ въ видахъ уменьшенія расходовъ казны по содержанію женскихъ училищъ, такъ и для того, чтобы „школы не обратить въ пріюты".

Исправлявшій должность попечителя петербургскаго учебнаго округа, князь Щербатовъ, въ представленномъ имъ отзывѣ, полагалъ, что женскія училища не должны быть казенными, а участіе правительства можетъ выражаться лишь въ денежномъ пособіи, и нѣкоторомъ покровительствѣ имъ, за что оно должно имѣть право безплатно помѣщать извѣстное число бѣдныхъ ученицъ, а главное—имѣть надзоръ за училищами. За оказываемое правительствомъ пособіе, содержательница училища будетъ обязана подчиняться правиламъ и программамъ правительства. Такъ какъ управленіе училищемъ не будетъ зависѣть отъ правительства, то самое его основаніе, по мнѣнію князя Щербатова, слѣдуетъ предоставить обывателямъ съ вѣдома директора народныхъ училищъ. Но при женскомъ училищѣ долженъ быть Совѣтъ въ составѣ: директора училищъ, содержательницы и пользующихся всеобщимъ уваженіемъ въ данной мѣстности обывателей; послѣднее въ видахъ подчиненія училища надзору публики. Содержательницѣ можно предоставить право имѣть пансіонерокъ, а не состоящимъ на службѣ учителямъ—права учителей гимназій или, по крайней мѣрѣ, уѣздныхъ училищъ. Иностраннымъ языкамъ, особенно въ младшихъ классахъ, должны обучать учительницы. Относительно учебнаго курса, князь Щербатовъ высказалъ мнѣніе, что теперь дѣвушекъ учатъ слишкомъ много, „точно всѣ готовятся въ гувернантки", и предложилъ назначить въ новыхъ училищахъ курсъ шестилѣтній, съ обязательными предметами, въ число которыхъ должны входить понятія объ измѣреніяхъ, также свѣдѣнія изъ естественной исторіи и физики, а иностранные языки сдѣлать необязательными.

Попечитель харьковскаго учебнаго округа представилъ проектъ училища съ пятилѣтними годовыми курсами, съ институтской, но

сокращенной, программой. По окончаніи курса ученицы должны вынести свѣдѣнія „существенно необходимыя для женщины, какъ матери и воспитательницы дѣтей своихъ и хозяйки“. Такія училища должны называться „губернскими женскими училищами“ и входить въ общій составъ министерства народнаго просвѣщенія, находиться подъ начальствомъ попечителей округовъ и въ завѣдываніи директора народныхъ училищъ. Главный источникъ дохода на содержаніе женскихъ училищъ, въ виду избѣжанія „затруднительныхъ искательствъ отъ дворянства и купечества“, попечитель ожидалъ отъ „щедротъ правительства“, т.-е. изъ государственнаго казначейства отъ 8 и до 8.600 рублей въ годъ на каждое. Кромѣ того слѣдуетъ, по его мнѣнію, установить званіе почетнаго блюстителя съ обязательствомъ вносить не менѣе 500 рублей ежегодно и съ предоставленіемъ за это правъ государственной службы. Плата съ учениць не должна превышать 10 рублей въ годъ, а бѣдныя совсѣмъ отъ нея освобождаться.

Помощникъ попечителя харьковскаго учебнаго округа, въ особомъ мнѣніи, высказывалъ мысль, что совсѣмъ не надо учреждать особыхъ женскихъ школъ, ибо для дѣтей достаточныхъ родителей школы уже есть, а въ низшихъ сословіяхъ не чувствуется потребности въ школьномъ образованіи дѣвочекъ; для среднихъ же классовъ нужны школы элементарныя, безъ иностранныхъ языковъ и съ четырехгодичнымъ курсомъ. Въ такія школы, дѣвочки старше 16-ти лѣтъ не должны быть допускаемы.

Попечитель вилепскаго округа, сказавъ, что среднее сословіе вообще мало пользуется учебными заведеніями, полагалъ, что и женскія заведенія для средняго класса не будутъ имѣть въ краѣ успѣха и что на ихъ устройство и содержаніе никто не дастъ денегъ.

Попечитель дерптскаго округа представилъ, что не считаетъ полезнымъ „приступать къ новымъ предположеніямъ“ о женскихъ училищахъ; что училищныя коллегіи довольны своими учрежденіями и не желаютъ улучшеній; что въ прибалтійскихъ губерніяхъ воля государя уже исполнена, ибо не только въ трехъ губернскихъ городахъ есть высшія дѣвичьи училища, по курсу приближающіяся къ гимназіямъ, но они есть въ Дерптѣ и Либавѣ. Среднихъ и начальныхъ женскихъ школъ также очень много и онѣ удовлетворяютъ потребностямъ всѣхъ сословій. Кромѣ того въ краѣ много частныхъ заведеній, съ умѣренною платою за ученіе. Попечитель полагалъ „предоставить даль-

нѣйшее развитіе женскаго воспитанія въ прибалтійскихъ губерніяхъ, имѣющимъ уже столь успѣшный ходъ, собственнымъ мѣропріятіямъ дворянства и городскихъ сословій". Онъ просилъ лишь оказать правительственное пособіе, въ размѣрѣ 3.000 рублей, нѣкоторымъ городамъ, заявившимъ ему объ этомъ.

Только одинъ попечитель казанскаго учебнаго округа сообщалъ, что „потребность въ женскихъ школахъ сознается", и предложилъ свой проектъ училищъ съ шестилѣтнимъ курсомъ, по три года въ каждомъ классѣ; въ училищѣ должны быть три классныхъ дамы: одна—русская, одна—француженка и одна—нѣмка. Плата за ученіе полагалась въ 5 рублей за годъ. Относительно средствъ на содержаніе училищъ, попечитель казанскаго округа отозвался, какъ и всѣ попечители, что мѣстныхъ средствъ нѣтъ, а если они случайно являются, то неопредѣленны и непрочны. Но на томъ основаніи, что благодѣтельныя послѣдствія учрежденія женскихъ училищъ распространятся на всѣ сословія, онъ предложилъ „обложить ежегоднымъ, опредѣленнымъ взносомъ, каждое сословіе по своему состоянію, со всего, владѣемаго имъ имущества: помѣщиковъ, владѣльцевъ всякой недвижимой собственности и капиталовъ, кораблехозяевъ, занимающихся торговлею и промыслами, состоящихъ на государственной службѣ, или получающихъ пенсію въ отставкѣ, даже людей безсемейныхъ или не имѣющихъ дочерей, и вычетъ этотъ производить вмѣстѣ съ вычетомъ въ пользу инвалидовъ".

Кромѣ попечителей, отзывы представили и нѣкоторые губернаторы. Черниговскій губернаторъ полагалъ, что учениць въ открытомъ училищѣ наберется до 50-ти, но что не надо вводить въ программу какихъ-либо особыхъ, по мѣстнымъ потребностямъ предметовъ, кромѣ тщательнаго изученія православнаго катехизиса, русскаго языка, русской исторіи и всего отечественнаго „какъ основанія для блага семействъ".

Полтавскій губернаторъ представилъ доставленное ему предводителемъ дворянства полтавскаго уѣзда сообщеніе, въ которомъ онъ говорилъ, что пригласилъ для обсужденія вопроса объ устройствѣ въ Полтавѣ женской школы полицеймейстера, земскаго исправника, окружного начальника и городского Голову и они рѣшили: что учениць найдется до 50-ти, что въ школѣ, кромѣ предметовъ, преподающихся въ мужскихъ гимназіяхъ, а также искусствъ и рукодѣлія, женщинъ необходимо обучать правиламъ сельскаго хозяйства и домоводства, „какъ необходимыхъ въ предстоящемъ имъ быту", по что мѣстныхъ способовъ на

содержаніе училища нѣтъ, кромѣ платы съ ученицъ, по 10 р. въ годъ.

Въ сентябрѣ 1857 года въ министерствѣ народнаго просвѣщенія былъ полученъ отвѣтъ министра внутреннихъ дѣлъ Ланского, на отношеніе къ нему А. Норова о приглашеніи дворянства и городскихъ сословій къ участію въ устройствѣ женскихъ училищъ. Ланской сообщалъ, что не можетъ теперь предложить сословіямъ жертвовать на женскія училища ибо „по недавнему окончанію войны, сопряженной съ болѣе или менѣе значительными для всѣхъ сословій пожертвованіями, признано необходимымъ оказать имъ разныя снисхожденія и льготы. Дѣлать въ то же время приглашенія къ новымъ пожертвованіямъ было бы едва ли своевременно и во всякомъ случаѣ сія мѣра могла бы съ бо́льшимъ успѣхомъ приведена въ дѣйствіе только черезъ нѣкоторое время, когда хозяйственныя отношенія государства придутъ въ нормальное положеніе“. Въ своемъ отвѣтѣ Ланской указывалъ на неясность и неполноту циркуляра министра народнаго просвѣщенія о Высочайшемъ повелѣніи 5-го марта. „Учрежденіе открытыхъ женскихъ училищъ у насъ есть нововведеніе,—писалъ Ланской,—польза и важность котораго не всѣми можетъ быть понята, особенно средними классами... Недостаточно сообщить, что женскія заведенія будутъ приближаться къ гимназическому курсу; гимназическій курсъ примѣненъ лишь къ потребностямъ мужскаго пола и имѣетъ преимущественно ученый характеръ. Поэтому трудно составить себѣ понятіе, въ какой мѣрѣ гимназическое образованіе можетъ быть распространено на женскія школы, особенно для дочерей бѣдныхъ чиновниковъ, купцовъ, даже мѣщанъ и ремесленниковъ. Дабы предупредить толки и поселить довѣріе, надо развить убѣжденіе въ ихъ необходимости и привлечь къ пожертвованіямъ, надо бы, кажется, при самомъ приглашеніи къ сему сословій, объяснить значеніе заведеній, условія пріема, хотя бы въ общихъ чертахъ, программу преподаванія“.

По мнѣнію Ланского „надо опасаться, что дворянство будетъ уклоняться отъ пожертвованій, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ дворянъ обязательно жертвуютъ на институты, а всѣ, которые вновь рѣшатся на пожертвованія, потребуютъ, конечно, учрежденія такихъ же заведеній, какъ доказываютъ поступившія уже ходатайства отъ дворянъ смоленской и вологодской губерній“. Относительно городскихъ обществъ, министръ полагалъ, что „при весьма низкой степени развитія и благосостоянія ихъ“, эти пожертвованія будутъ незначительны, да и то въ немногихъ

лишь городахъ [1]). При этомъ онъ препроводилъ А. Норову и самыя ходатайства дворянствъ смоленскаго и вологодскаго.

Постановленіе смоленскаго дворянства объ учрежденіи въ Смоленскѣ института для воспитанія благородныхъ дѣвицъ состоялось еще въ 1849 году и было подтверждено дворянствомъ въ 1852-мъ [2]).

Вологодское дворянство, на основаніи постановленія комитета ополченія 22-го декабря 1855 года, ходатайствовало объ учрежденіи въ Вологдѣ института на 50 благородныхъ дѣвицъ.

Въ постановленіи комитета сказано: „пусть союзники враговъ Христа и церкви узнаютъ, что полчища враговъ не только никогда не устрашатъ русскихъ, но что они, неся въ одной рукѣ оружіе на пораженіе злодѣевъ, другою разсѣеваютъ сѣмена вѣры, любви и надежды. Въ этомъ сознаніи, признавая, что источникъ вѣры, любви и надежды есть матери семействъ и сестры", комитетъ опредѣлилъ: повергнуть къ стопамъ Монарха свое ходатайство.

Къ институту рѣшено присоединить существовавшій въ Вологдѣ дѣтскій пріютъ—„особымъ отдѣленіемъ для снабженія института прислугою и дальнѣйшаго образованія тѣхъ изъ малютокъ дѣтскаго пріюта, которыя одарены большими способностями, для образованія изъ нихъ класса учительницъ". Вмѣстѣ съ тѣмъ комитетъ ополченія постановилъ: „повергнуть на Высочайшее усмотрѣніе имена лицъ, изъявившихъ готовность вспомоществовать основанію института".

Представляя 27-го іюня 1856 года копію этого постановленія министру внутреннихъ дѣлъ, вологодскій губернаторъ сообщалъ, что комитетъ ополченія, по окончаніи сформированія и передъ выступленіемъ дружинъ вологодской губерніи, за доблестный подвигъ дворянства въ ополченіи не только по уѣздамъ, гдѣ есть дворянскія имѣнія, но и тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ, опредѣлилъ, для обезпеченія семействъ дворянства губерніи въ образованіи своихъ дочерей, безъ разлуки съ ними, исходатайствовать дозволеніе учредить институтъ, „украшенный обожаемымъ именемъ царствующей императрицы". Губернаторъ сообщалъ, что постановленіе это было имъ передано губернскому предводителю для предложенія на обсужденіе дворянства, что общее собраніе предводителей и депутатовъ отнеслось сочувственно къ проекту необходимаго въ краѣ института и просило разрѣшить сборъ по

[1]) Арх. Министерства Народн. Просв.

[2]) *Е. Лихачева.* „Мат. для ист. жен. обр. въ Россіи", 1828—1855, стр 35. выноска.

губерніи, вмѣстѣ съ пожертвованіями на институтъ. Вполнѣ раздѣляя мысль о необходимости института, губернаторъ разрѣшилъ сборъ, и уже поступило пожертвованіе на институтъ, отъ неизвѣстнаго 1.500 рублей, которые внесены въ вологодскій приказъ общественнаго призрѣнія.

Съ своей стороны, министръ внутреннихъ дѣлъ просилъ Норова сообщить ему, какое пособіе потребуется отъ его вѣдомства на женскія училища, чтобы онъ могъ прежде сообразить, что̀ возможно удѣлить изъ имѣющихся въ его распоряженіи средствъ, а потомъ уже обратиться къ разнымъ сословіямъ за пожертвованіями.

Одновременно съ этимъ Ланской переслалъ статсъ-секретарю Гофману поступившее въ 1856 году въ министерство ходатайство нижегородскаго губернатора о томъ, чтобы отпускавшіеся до тѣхъ поръ изъ нижегородскаго приказа общественнаго призрѣнія 2.071 рубль 43 копѣйки въ годъ казанскому институту, были обращены на содержаніе въ Нижнемъ-Новгородѣ „школы для дѣвицъ“. Ланской изъявлялъ на это свое согласіе, если вѣдомство учрежденій императрицы Маріи откажется получать это пособіе. Въ своемъ докладѣ императрицѣ Гофманъ представлялъ, что если согласиться на ходатайство нижегородскаго губернатора, то за нимъ послѣдуютъ ходатайства и другихъ губернаторовъ, а это лишитъ институты почти 80.000 рублей ежегоднаго дохода, безъ котораго они существовать не могутъ. Въ этомъ смыслѣ онъ и предлагалъ отвѣтить; но императрица велѣла, чтобы нижегородскій приказъ по прежнему отпускалъ казанскому институту по 2.071 р. 43 коп. въ годъ, а такую же сумму выдавать „нижегородскому дѣвичьему училищу“ изъ процентовъ съ общаго запаснаго капитала женскихъ учебныхъ заведеній вѣдомства учрежденій императрицы Маріи [1]).

Это была первая—и единственная за весь 1856 годъ, поступившая на женскія училища, денежная сумма. Указывая на нее въ своемъ отчетѣ за этотъ годъ, какъ на выраженіе „особеннаго Всемилостивѣйшаго участія въ успѣхѣ дѣла императрицы“, А. С. Норовъ въ 1857 году говорилъ, что въ министерствѣ уже собраны необходимыя данныя, и „можно надѣяться, что мало-по-малу образованію дѣвицъ средняго сословія положится доброе начало“. Онъ прибавлялъ, что представятся только затрудненія въ денежныхъ средствахъ на устройство и содер-

[1]) Арх. IV отд Соб. Е. И. В. К.

жаніе училищъ, если дворянство и городскія общества не примутъ въ этомъ дѣятельнаго участія.

Въ приложенныхъ къ отчету вѣдомостяхъ о числѣ учебныхъ заведеній всѣхъ вѣдомствъ, завѣдывавшихъ народнымъ образованіемъ въ имперіи (и царствѣ польскомъ), также о числѣ учащихся въ этихъ заведеніяхъ, было показано 482.802 учащихся; изъ нихъ женскаго пола 51.632, т.-е. учащіяся дѣвочки составляли нѣсколько болѣе 1/9 общаго числа учащихся.

Между тѣмъ въ русскомъ обществѣ проявился горячій, живой интересъ и къ женскому воспитанію и образованію. Онъ былъ вызванъ извѣстною статьею: „Вопросы жизни“ Н. И. Пирогова, напечатанною въ іюльской книжкѣ „Морского Сборника“ 1856 г. „Эта статья,—говоритъ Д. Д. Семеновъ,—произвела совершенный переворотъ въ нашихъ взглядахъ на воспитаніе и образованіе... Ее читали и во дворцѣ, и въ бѣдныхъ квартирахъ, и великосвѣтскія дамы, и скромныя матери семействъ... Пироговскій идеалъ:—ищи и будь человѣкомъ... надо перевоспитать себя, надо давать дѣтямъ другое воспитаніе, надо познать себя, надо вникнуть въ нашу индивидуальность, надо задать себѣ вопросы: въ чемъ состоитъ цѣль нашей жизни? какое наше назначеніе? къ чему мы призваны? чего должны искать?“ [1]).

Въ своей статьѣ Пироговъ говорилъ и о женщинахъ, для которыхъ требовалъ также общечеловѣческаго образованія, выработки и развитія внутренняго человѣка во имя самихъ женщинъ, но еще болѣе въ интересахъ мужчинъ и семьи.

„Сѣтуя на прошлое,—говоритъ онъ обращаясь къ мужчинамъ,—въ борьбѣ съ собою, вы начали перевоспитывать себя. Трудясь и роясь въ душѣ, вы дошли до убѣжденій, вы научились жертвовать собою. Съ трудомъ вы дошли, наконецъ, и до извѣстной степени самосознанія... Протекло полжизни... Вамъ предстоитъ рѣшить вопросъ: какъ устроить вашъ семейный бытъ и какъ найти сочувствіе въ кругу своихъ? Но что если васъ не пойметъ та, въ которой вы хотите найти сочувствіе къ убѣжденіямъ, такъ дорого пріобрѣтеннымъ, въ которой вы ищете сотрудницу въ борьбѣ за идеалъ?.. Что, если спокойная, безпечная въ кругу семьи, жена будетъ смотрѣть съ безсмысленной улыбкой идіота на вашу завѣтную борьбу? Или, какъ Марѳа, расточая всевозможныя заботы домашняго быта, будетъ проникнута одною лишь мыслью—угодить и улучшить матеріальное, земное ваше бытіе? Что, если, какъ Ксантиппа, она будетъ поставлена судь-

[1]) *Д. Семеновъ.* Изъ пережитаго. (Р. Школа, 1892 г. мартъ).

бою для испытанія крѣпости и постоянства вашей воли? Что, если, стараясь нарушить ваши убѣжденія, купленныя полжизнію перевоспитанія, трудной борьбы, она не осуществитъ еще и основной мысли при воспитаніи дѣтей?..“

Разсматривая вопросъ съ точки зрѣнія интересовъ самихъ женщинъ, Пироговъ говоритъ: „А знаете ли, что̀ значитъ этотъ же вопросъ жизни для женщины, которая была такъ счастлива, что разрѣшила для себя, въ чемъ состоитъ ея призваніе, которая, оставивъ дюжинное направленіе толпы, отчетливо и ясно постигаетъ, что въ будущемъ назначена ея жизни цѣль? ...Каково женщинѣ, въ которой потребность любить, участвовать (въ потомствѣ) и жертвовать, развита несравненно болѣе, и которой недостаетъ еще довольно опыта, чтобы хладнокровнѣе перенести обманъ надеждъ; скажите, каково должно быть ей на поприщѣ жизни, идя рука въ руку съ тѣмъ, въ которомъ она такъ жалко обманулась, который, поправъ ея утѣшительныя убѣжденія, смѣется надъ ея святыней, шутитъ ея вдохновеніями и влечетъ ее съ пути на грязное распутье?..)

„Ни возрастъ женщины, ни наше воспитаніе, ни опытъ жизни — не вѣрныя поруки. Молодость влечетъ ее къ суетѣ. Воспитаніе дѣлаетъ куклу, опытъ жизни родитъ притворство. Еще счастлива та молодость, въ которой суета несовсѣмъ искоренила воспріимчивость души, въ которой свѣтъ, съ его мелочными приличіями, не успѣлъ оцѣпенить ее и сдѣлать недоступною къ убѣжденіямъ въ Высокомъ и Святомъ. Еще счастлива та молодость, когда толпы молодыхъ и старыхъ прислужниковъ, послѣдователей шаткихъ взглядовъ, воспользовавшись этой воспріимчивостью, не усыпили ее для высшихъ впечатлѣній, не уничтожили возможность понять, образовать себя“.

Пироговъ писалъ свою статью до освобожденія крестьянъ, т.-е. когда еще не измѣнились экономическія условія помѣщичьяго быта и передъ большинствомъ дѣвушекъ еще не стоялъ роковой вопросъ о кускѣ насущнаго хлѣба. Поэтому онъ могъ думать и писать, что, „вступая въ свѣтъ, женщина менѣе, чѣмъ мужчина, подвергается грустнымъ слѣдствіямъ разлада основныхъ началъ воспитанія съ направленіемъ общества. Она рѣже осуждена бываетъ снискивать себѣ трудами насущный хлѣбъ и жить совершенно независимо отъ мужчины. Торговое направленіе общества менѣе тяготитъ надъ нею. Въ кругу семьи ей отданъ на сохраненіе тотъ возрастъ жизни, который не лепечетъ еще о золотѣ“. Далѣе, онъ продолжаетъ: „Но за то воспитаніе, наряжая, выставляетъ ее на показъ для зѣвакъ, обставляетъ кули-

сами и заставляетъ ее дѣйствовать на пружинахъ такъ, какъ ему хочется. Ржавчина съѣдаетъ эти пружины, а черезъ щели истертыхъ и изорванныхъ кулисъ она начинаетъ высматривать то, что отъ нея такъ бережно скрывали. Мудрено ли, что ей тогда приходитъ на мысль попробовать самой, какъ ходятъ люди. Эмансипація, вотъ эта мысль. Паденіе, вотъ первый шагъ... Пусть многое останется ей неизвѣстнымъ. Она должна гордиться тѣмъ, что многаго не знаетъ. Не всякій врачъ. Не всякій долженъ безъ нужды смотрѣть на язвы общества. Не всякому обязанность велитъ въ помойныхъ ямахъ рыться, пытать и нюхать то, что отвратительно смердитъ. Однакоже, раннее развитіе мышленія и воли для женщины столько же нужны, какъ и для мужчины. Чтобы услаждать сочувствіемъ жизнь человѣка, чтобы быть сопутницей въ борьбѣ,—ей также нужно знать искусство понимать, ей нужна самостоятельная воля—чтобы жертвовать, мышленіе—чтобы избирать и имѣть ясную и свѣтлую идею о цѣли воспитанія дѣтей“...

Пироговъ приходитъ къ заключенію, что „не положеніе женщины въ обществѣ, но воспитаніе ея, въ которомъ заключается воспитаніе всего человѣчества, вотъ что требуетъ перемѣны“.

Статья Пирогова послужила исходною точкой наступившаго затѣмъ педагогическаго движенія не только въ литературѣ и обществѣ, но и въ правительственныхъ сферахъ.

Нѣсколько ранѣе ея появленія, 5-го марта 1856 года, послѣдовалъ Высочайшій указъ, въ которомъ было сказано: „признавая одною изъ самыхъ важныхъ государственныхъ Нашихъ заботъ образованіе народное, какъ залогъ будущаго благоденствія Нашей возлюбленной Россіи, Мы желаемъ, чтобы учебныя заведенія вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія находились подъ ближайшимъ Нашимъ наблюденіемъ и попеченіемъ“ [1]. Вслѣдствіе этого указа было постановлено представлять непосредственно государю, въ подлинникѣ, журналы только-что возстановленнаго главнаго правленія училищъ по всѣмъ дѣламъ, касающимся измѣненія внутренняго устройства учебныхъ заведеній и внутренняго ихъ управленія, также по части воспитательной и учебной.

Въ 1856 же году министерство народнаго просвѣщенія приступило къ пересмотру устава гимназій. Высочайшимъ повелѣніемъ 17-го января 1857 года разрѣшено открывать въ столицахъ частные пансіоны и школы; вообще „отмѣнялась вредная

[1]) П. Собр. Т. XXXI. 30470.

монополія и вводилось благодѣтельное соперничество въ дѣлѣ частнаго воспитанія“ [1]). Разрѣшеніе открывать пансіоны и школы давалось всѣмъ русскимъ подданнымъ, но при строгой разборчивости нравственныхъ ихъ качествъ и благонадежности; въ томъ же году оно было распространено и на „благонадежныхъ уроженокъ западныхъ губерній“, при чемъ разрѣшалось и преподаваніе на польскомъ языкѣ.

Перепечатавъ статью Пирогова въ „Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія“, редакція объяснила, что статья эта подходитъ къ задачѣ министерскаго журнала: распространять въ обществѣ здравыя понятія о воспитаніи. „Мы мало вникали,—говоритъ редакція,—въ эти основанія (воспитанія); для насъ существуетъ болѣе обрядъ воспитанія, чѣмъ его внутренній смыслъ съ его глубокимъ значеніемъ и неотразимыми умственными и нравственными слѣдствіями“ [2]).

Въ отчетѣ за 1856 годъ министръ писалъ: „со стороны нашихъ юношей надобно, чтобы они сильнѣе и сильнѣе прилѣплялись къ труду мысли, строгому и послѣдовательному, почерпая въ немъ самомъ и въ пользѣ, ожидаемой отъ него отечествомъ, возбужденіе и поощреніе для себя, не удовлетворяясь одною внѣшностью образованности. А нельзя не сознаться, что у насъ вообще слишкомъ довольствовались внѣшнею образованностью, считая, или даже выказывая ее за настоящую“.

Вліяніе статьи Пирогова отразилось и на женскомъ образованіи. Пользуясь вызваннымъ ею настроеніемъ общества и правительства, литература стала открыто указывать на несостоятельность господствовавшей до тѣхъ поръ закрытой и сословной системы женскихъ институтовъ; а такъ какъ поставленная Пироговымъ цѣль воспитанія—*быть человѣкомъ*, обусловливала общечеловѣческое образованіе, не пріуроченное ни къ какимъ сословнымъ особенностямъ, то мысль объ устройствѣ открытыхъ и всесословныхъ женскихъ училищъ, высказанная педагогами еще десять лѣтъ назадъ въ проектѣ Мусина-Пушкина, теперь естественно выступала на очередь.

Подъ вліяніемъ всего этого движенія, а также носившихся въ обществѣ слуховъ, будто императрица Марія Александровна не сочувствуетъ системѣ институтскаго воспитанія, помощникъ инспектора классовъ Николаевскаго сиротскаго института, А. А. Чумиковъ, представилъ въ концѣ 1856 года императрицѣ за-

[1]) Сборникъ постановленій по мин. нар. просв. 1857 года.

[2]) Журн. мин. нар. просв. 1856 г. Т. 90.

писку, въ которой изложилъ недостатки этой системы. Въ числѣ ихъ онъ указалъ на то, что институтами управляютъ начальницы, которыя, „какъ всякая женщина, пользуясь правомъ власти, по свойству самой натуры ея, весьма легко переходитъ границы своего права, дѣлается до крайности властолюбивою и деспотичною“; начальствованіе женщины ставитъ и преподавателей „въ весьма жалкое, несовмѣстное съ званіемъ положеніе, часто даже крайне унизительное, а еще чаще вынуждающее ихъ измѣнять свои педагогическіе принципы въ угоду женскаго своеволія, односторонности или ограниченности взгляда“. Рядомъ съ этимъ въ запискѣ были выставлены преимущества открытыхъ заведеній для женщинъ [1]). Такую же записку Чумиковъ представилъ и министру народнаго просвѣщенія, который, черезъ попечителя петербургскаго учебнаго округа, князя Щербатова, поручилъ ему написать проектъ открытыхъ женскихъ училищъ по образцу нѣмецкихъ Töchterschulen. Такія училища, по проекту Чумикова, должны приготовлять дѣвушекъ къ дѣйствительной жизни; они учреждаются и содержатся на частныя и общественныя средства, управляются лицомъ, указаннымъ училищнымъ совѣтомъ черезъ посредство директора губернскихъ училищъ; этому лицу и ввѣряются собранныя на училище суммы; ему присвоивается званіе директора женскаго училища и непосредственное начальствованіе надъ нимъ; директоръ никому не даетъ отчета въ своихъ хозяйственныхъ распоряженіяхъ. За оказанное училищу денежное пособіе, училищный совѣтъ, или правительство, имѣетъ право обучать въ училищѣ безплатно извѣстное число бѣдныхъ учениць, назначать предметы курса и объемъ преподаванія того или другого предмета. Курсъ ученія шестилѣтній, при чемъ первые четыре года преподаются предметы уѣзднаго училища; остальные два года посвящаются на распространеніе и дополненіе пройденнаго, „съ присоединеніемъ нѣкоторыхъ предметовъ, составляющихъ необходимое условіе полнаго образованія дѣвицы“. Въ числѣ такихъ предметовъ Чумиковъ указалъ на необходимыя свѣдѣнія изъ химіи, технологіи, домашняго и сельскаго хозяйства. Иностранные языки, музыка и танцы должны преподаваться за особую плату. При училищахъ могутъ быть пансіоны, совершенно независимые отъ директора [2]).

Эти же мысли были высказаны въ отзывѣ князя Щербатова

---

[1]) *А. Чумиковъ.* Къ вопросу объ основаніи женскихъ гимназій въ Россіи. („Р. Стар.“ 1888 г., апрѣль).

[2]) Мысли объ устройствѣ женскихъ училищъ въ губерніяхъ (Журналъ для воспитанія, издаваемый А. Чумиковымъ. 1857 г. Т. I, №№ 3 и 4).

въ 1856 году и повторены имъ, въ бытность его уже попечителемъ петербургскаго учебнаго округа, въ концѣ 1857 года.

Къ этому времени идея объ открытыхъ, всесословныхъ женскихъ училищахъ перешла въ дѣйствительность. При полученіи весною 1856 года циркулярнаго предложенія попечителя московскаго учебнаго округа объ устройствѣ женскихъ училищъ, костромское губернское начальство, представивъ подробныя свѣдѣнія о доходахъ и расходахъ каждаго города губерніи, увѣдомило дирекцію училищъ, что доходы всѣхъ городовъ недостаточны въ такой степени, что не могутъ даже быть удовлетворены штаты полицейской и пожарной командъ; но что губернское правленіе опредѣлило: снестись отъ лица губернатора съ уѣздными предводителями дворянства и предписать костромскому полиціймейстеру, городничимъ и головамъ уѣздныхъ городовъ, чтобы они объявили дворянамъ, разночинцамъ, купцамъ и мѣщанамъ о необходимости устроить женскія школы и пригласили ихъ указать мѣстные для того способы, не ссылаясь на городскіе доходы. Директоръ народныхъ училищъ обратился къ губернскому предводителю дворянства съ предложеніемъ допустить извѣстное число вольноприходящихъ ученицъ въ Романовскій костромской институтъ, когда онъ будетъ открытъ, съ тѣмъ, чтобы вольноприходящія присутствовали на урокахъ подъ надзоромъ особыхъ классныхъ дамъ и отдѣльно отъ воспитанницъ института. Но это предложеніе было отклонено на дворянскомъ собраніи, бывшемъ въ началѣ 1857 г., и состоявшееся тогда постановленіе было подписано 146-ю лицами [1]). Тогда директоръ разослалъ городскимъ жителямъ, штатнымъ смотрителямъ и школьнымъ учителямъ, также при предложеніи губернатора предводителямъ дворянства, городничимъ и городскимъ головамъ, „программу“ слѣдующаго содержанія: „Граждане города N! Вы знаете, что въ семейной жизни человѣка хорошій домашній бытъ, христіанское настроеніе и мирное счастье много зависятъ отъ душевныхъ качествъ женщины-хозяйки, отъ ея ума и находчивости. Мужъ съ утра уходитъ на обычный трудъ, чтобы достать средства къ жизни, добыть необходимую копѣйку и часто возвращается домой уже вечеромъ. Въ это время жена, какъ хозяйка, бережливо употребляетъ трудовыя деньги мужа, какъ мать—учитъ дѣтей первымъ нравственнымъ правиламъ жизни; какъ супруга — обдумываетъ, какимъ ласковымъ словомъ ободрить мужа, еслибы тяжелый трудъ утомилъ его и провелъ на челѣ морщины неудовольствія. Вотъ

[1]) „Р. Педагог. Вѣстникъ“, издаваемый А. Григорьевымъ. 1860 г. Т. II.

какимъ добрымъ ангеломъ является въ семьѣ женщина! Но вы согласитесь, что она не можетъ хорошо выполнить этихъ обязанностей, если не будетъ достаточно къ тому приготовлена образованіемъ, на сознаніи своего назначенія. Слѣдовательно, дѣвочекъ надо учить какъ мальчиковъ. Государь Императоръ Александръ Николаевичъ, желая каждому изъ насъ семейнаго счастія, 5-го марта сего года, изрекъ царственное свое повелѣніе, чтобы въ любезной ему Россіи учредились училища для дѣвицъ не только во всѣхъ городахъ, но и въ селахъ, гдѣ священникъ можетъ быть прекраснымъ учителемъ по самому званію своему. Обдумать внутреннее устройство и курсъ наукъ для каждаго дѣвическаго училища, для каждой школы, возложено на мѣстное училищное начальство; а средства къ помѣщенію и содержанію училища, къ вознагражденію учителей и классныхъ надзирательницъ, должны быть открыты тѣми сословіями, для которыхъ училища будутъ полезны, потому что каждая казенная копѣйка имѣетъ уже свое назначеніе и не можетъ идти на этотъ предметъ.

„Граждане города N! Если для васъ, какъ для всякаго русскаго, священны каждое слово и желаніе Государя, если вы, какъ и всѣ благомыслящіе, сознаете необходимость учрежденія дѣвичьихъ училищъ; если вы, какъ православные сыны Церкви, вѣруете, что устами Помазанника Своего сказуетъ волю Свою самъ Богъ, то какъ не исполнить волю Божью и Государеву? какъ не найти средства для совершенія столь полезнаго всѣмъ дѣла?

„Средства могутъ быть различныя, напримѣръ: 1) ежегодное пожертвованіе извѣстной, небольшой, суммы. Еслибы каждый отецъ и мать семейства поставили себѣ за правило одинъ разъ въ годъ, положимъ въ день своего рожденія, вмѣстѣ со свѣчкою передъ иконою, вносить опредѣленную лепту на воспитаніе дѣвицъ, напримѣръ, 1/2, 1/4, 1/5, 1/10, 1/20, долю рубля, смотря по достатку, то въ общей сложности по губерніи можетъ составиться капиталъ, которому правительство съумѣетъ дать направленіе, сообразное его назначенію. 2) Можно сдѣлать постановленіе, чтобы при совершеніи брачныхъ союзовъ женихъ и невѣста вносили на воспитаніе дѣтей опредѣленную по сословіямъ сумму, на которую и получали бы отъ церковнаго старосты своего прихода билетъ. Эту жертву иному придется сдѣлать разъ въ цѣлую жизнь, и въ какую торжественную минуту! 3) Подобнымъ образомъ справедливо было бы согласиться и на такое учрежденіе, чтобы при крещеніи каждаго новорожденнаго младенца платить на воспитаніе его небольшую сумму, которую также нужно

распредѣлить по сословіямъ. Эта жертва въ семействѣ повторяется не часто, а при томъ радость родителей о рожденіи младенца должна удвоиться при мысли, что и будущее воспитаніе его становится обезпеченнымъ.

„Вотъ три весьма легкіе способа исполнить благословенную мысль Отца-Государя. Всѣ они могутъ быть устроены по приходскимъ церквамъ, откуда суммы и препровождаются по назначенію. Всѣ три способа однако должны быть нераздѣльны, потому что случаи, на коихъ основаны два послѣдніе—рѣдки и, слѣдовательно, не могутъ удовлетворить цѣли своего назпаченія“...

Въ заключеніе „программа“ предлагаетъ постановить на общемъ совѣтѣ гражданъ, чтобы при крестинахъ крестьянскихъ дѣтей взносъ былъ не менѣе 2 копѣекъ, ремесленниковъ — не менѣе 5-ти, мѣщанъ—10, купцовъ третьей гильдіи — 20, второй—40, первой—80 копѣекъ; эти цифры утроить для жениха при бракосочетаніяхъ, а для невѣсты удвоить [1]).

Въ мартѣ 1857 года, состоялись приговоры буйской и макарьевской городскихъ думъ. Первая постановила обложить опредѣленнымъ взносомъ въ пользу женскихъ училищъ лицъ, отправляющихся на промыслы при полученіи ими паспортовъ и билетовъ, а относительно другихъ жителей — предложить на общественномъ сходѣ. Купеческія и мѣщанскія общества Макарьева обязались вносить ежегодно, при объявленіи купеческихъ капиталовъ и при взносѣ податей: купцы 3-ей гильдіи по рублю съ семейства, мѣщане по 30 копѣекъ; при совершеніи браковъ купцовъ 3-ей гильдіи по 1 р. 50 коп. съ жениха, по 1 рублю съ невѣсты; съ мѣщанъ по 60 коп. съ жениха, по 40 коп. съ невѣсты; при крестинахъ, купцы 3-ей гильдіи должны были вносить по 50 копѣекъ, мѣщане по 10-ти. Кромѣ того, было предоставлено думѣ просить отъ лица всего общества живущихъ въ Макарьевѣ купцовъ 1-ой гильдіи, Кокорева и Пустовалова, принять участіе въ учрежденіи дѣвичьяго училища „предоставляя мѣру пожертвованія ихъ произволу“ [2]).

Жители Галича, Солигалича и Варнавина отвѣтили, что у нихъ нѣтъ способовъ, указанныхъ въ программѣ.

Въ іюнѣ 1857 года, въ Костромѣ происходилъ дворянскій съѣздъ. Въ числѣ присутствовавшихъ на немъ дворянъ былъ почетный попечитель костромской гимназіи (избиравшійся дворян-

[1]) Журналъ для воспитанія. Руководство для родителей и преподавателей, издаваемое Александромъ Чумиковымъ. Спб. Т. I. 1857. № 10.

[2]) Донесеніе макарьевскаго приходскаго учителя 3 марта 1857 г. (Журн. для восп. № 10).

ствомъ), подпоручикъ артиллеріи Александръ Николаевичъ Григоровъ, которому тутъ же, по его словамъ, пришла мысль самому, на свой счетъ, устроить въ Костромѣ женское училище для приходящихъ. Незадолго передъ тѣмъ онъ получилъ въ наслѣдство золотые пріиски. „Тогда,—объяснялъ онъ впослѣдствіи—покойная жена моя и я поспѣшили устроить женскую гимназію“ [1]).

О своемъ намѣреніи Григоровъ заявилъ директору народныхъ училищъ, сказавъ, что жертвуетъ училищу купленный имъ за 30.000 рублей домъ и обязуется давать ежегодно по 2.000 р. на плату учителямъ до тѣхъ поръ, пока будетъ состоять попечителемъ гимназіи [2]).

По представленному Григоровымъ проекту, женское училище назначалось для дѣвицъ всѣхъ свободныхъ состояній, безъ опредѣленія комплекта ученицъ. По словамъ знавшихъ Григорова, кромѣ этого училища, онъ намѣревался открыть особое, приходское, для дѣтей мѣщанскаго и другихъ низшихъ сословій, „имѣющихъ въ будущности болѣе скромное назначеніе“ [3]).

По соглашенію съ Григоровымъ, директоръ училищъ составилъ проектъ Положенія „губернскаго училища дѣвицъ въ г. Костромѣ, приближеннаго по курсу наукъ къ гимназіи“. Въ шестилѣтній курсъ ученія (по году въ каждомъ классѣ) входили слѣдующіе предметы: законъ Божій (12 уроковъ въ недѣлю во всѣхъ шести классахъ), русскій языкъ и основанія славянскаго (18 уроковъ), географія и свѣдѣнія изъ законовъ (12 уроковъ), языки французскій и нѣмецкій (по 15 уроковъ), англійскій для желающихъ, за особую плату, статистика, исторія всемірная и русская (16 уроковъ), ариѳметика (10 уроковъ), геометрія (4 урока), физика (4 урока), естественная исторія (6 уроковъ), чистописаніе (3 урока), рисованіе (5 уроковъ), рукодѣлія и домашнее хозяйство (15 уроковъ), музыка, пѣніе и танцы за особую плату. Всего въ недѣлю 144 урока въ шести классахъ.

При поступленіи въ училище, дѣвицы, не моложе 9—10-ти лѣтъ, должны были умѣть читать и писать по-русски, знать необходимыя молитвы и таблицу умноженія. Выдержавшія испытаніе по программѣ низшихъ классовъ могли поступать прямо въ высшій, до 4-го включительно. Плата за ученіе въ трехъ низшихъ классахъ полагалась по 20 рублей въ годъ, въ трехъ

---

[1]) Представленіе попечителя московскаго учебнаго округа министру народнаго просвѣщенія (Арх. мин. нар. просв. 1873 г.).

[2]) Донесеніе управляющаго моск. учебн. округомъ управляющему министерствомъ нар. просв. 1857 г.

[3]) Моск. Вѣд. 1857 г. № 132.

высшихъ—по 30. Никто не освобождался отъ платы за ученіе, но еслибы въ одно и тоже же время поступили три сестры, то плата взималась только за двухъ. За 12 учениць, дочерей „бѣднѣйшихъ чиновниковъ", Григоровъ обязался платить самъ. Для иногородныхъ—къ училищу присоединялся находившійся въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія частный пансіонъ вдовы генералъ-маіора Шкотъ (бывшей воспитанницы Смольнаго, выпуска 1814 года), которая назначалась начальницею училища, а бывшія всспитанницы пансіона могли оставаться „комнатными" ея пансіонерками съ платою по 100 рублей въ годъ, включая сюда и ученіе. Кромѣ того, въ видахъ обезпеченія помѣщенія дочерей не живущихъ въ городѣ родителей, каждой классной дамѣ предоставлялось право имѣть воспитанницъ, по соглашенію съ родителями.

Преподавателями должны были быть учителя гимназій и уѣзднаго училища, также классныя дамы, обязанности которыхъ приняли на себя безвозмездно г-жа Шкотъ и ея племянница, бывшая ея помощница по пансіону. По § 10 проекта Положенія, плата класснымъ дамамъ за уроки, которые имъ предоставлялись только въ случаѣ недостатка въ преподавателяхъ, должна была составлять лишь $^3/_4$ положенной за тѣ же уроки учителю.

Представляя этотъ проектъ управляющему московскимъ учебнымъ округомъ, директоръ училищъ писалъ: „Черезъ три или четыре года училище можетъ быть упрочено постройкой дома для Романовскаго института, съ которымъ его легко соединить какъ гимназію съ пансіономъ. Между тѣмъ дворянство и другіе жители губерніи на опытѣ увидятъ выгоды заведенія, гдѣ за 20—30 рублей въ годъ можно дать дочери желаемое образованіе, не удаляя ее изъ семейнаго круга" [1]).

Штатъ училища былъ составленъ въ суммѣ 8.890 р., изъ которыхъ на учебную часть назначалось 5.960 р. Оно во всѣхъ отношеніяхъ должно было состоять подъ непосредственнымъ завѣдываніемъ дирекціи костромскихъ училищъ.

Министерство приняло предложеніе Григорова „съ благодарностью", но нѣсколько измѣнило его программу; оно исключило изъ нея преподаваніе „свѣдѣній изъ законовъ" и статистику, и прибавило, что всемірная исторія должна преподаваться кратко.

Это, первое въ Россіи, всесословное женское училище для приходящихъ, было открыто 26-го августа 1857 года. На тор-

[1]) Представленіе управляющаго моск. уч. округомъ г. управляющему министерствомъ нар. пр. 1857 (Арх. мин. нар. пр.).

жествѣ открытія присутствовали: епископъ, губернаторъ, бригадный генералъ, вице-губернаторъ, предсѣдатели губернскихъ присутственныхъ мѣстъ и другіе военные и гражданскіе чины, также родители и постороннія лица. Архіерейскіе пѣвчіе пѣли „Боже, Царя храни“, директоръ гимназіи и Григоровъ произнесли рѣчи, послѣ которыхъ присутствовавшимъ былъ предложенъ завтракъ, а дѣтямъ розданы конфекты [1]). Сразу поступило 50 ученицъ, преимущественно дочерей дворянъ и чиновниковъ.

Дворянство костромской губерніи дало въ честь Григорова, 17-го октября 1857 года, торжественный обѣдъ, на которомъ выразило ему, черезъ губернскаго предводителя, чувства признательности за его добрыя дѣла.

Григоровъ немедленно приступилъ къ перестройкѣ подаренпаго имъ училищу дома, преобразивъ его въ роскошное зданіе, обошедшееся ему болѣе, чѣмъ въ 150.000 рублей [2]). Тогда же онъ высказалъ намѣреніе „приписать къ училищу тысячу душъ, чтобы оно существовало вѣки вѣчные, носило мое имя и было отъ меня вполнѣ обезпечено“ [3]). Это онъ и исполнилъ въ слѣдующемъ же году, въ день открытія комитета объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ, подаривъ училищу тысячу десятинъ земли съ 240 крестьянскими душами [4]).

Достойно замѣчанія, что огромная заслуга Григорова, основавшаго въ г. Костромѣ на свои средства *первое* въ Россіи открытое женское училище, при томъ въ такое время, когда это дѣло по своей новизнѣ не встрѣчало въ обществѣ ни сочувствія, ни поддержки, прошло почти незамѣченнымъ не только обществомъ, но и правительствомъ. Послѣднее тѣмъ болѣе странно, что въ первые годы учрежденія женскихъ училищъ новаго типа, правительство всячески поощряло мелкія даже на нихъ пожертвованія, о которыхъ доводило до свѣдѣнія государя и испрашивало жертвователямъ Высочайшую благодарность. О крупномъ же пожертвованіи Григорова, повидимому, не было даже доведено, какъ бы слѣдовало, до свѣдѣнія государя и императрицы, ибо когда, при ихъ посѣщеніи въ 1858 году костромскаго училища, въ которомъ было тогда уже 117 ученицъ, императрицѣ было доложено, что одна изъ нихъ скажетъ рѣчь съ выраженіемъ благодарности ей, а также Григорову, императрица промолчала, а уѣзжая, сказала: „старайтесь, чтобы побольше было

---

[1]) Журн. мин. нар. просв. 1857 г. Т. 95.

[2]) Отчетъ т. сов. Могилянскаго, 6-го авг. 1864 г. (Арх. мин. нар. просв.)

[3]) „Моск. Вѣд.“ 1857 г. № 132.

[4]) Донесеніе начальника костромской губ. министру, 16-го авг. 1858 г.

приходящихъ дѣвицъ и чтобы въ заведеніи во всемъ была простота“ [1]).

Только въ 1864 году, когда дѣла Григорова разстроились, онъ, подаривъ училищу огромный домъ, въ которомъ сдѣлалъ еще въ 1860 году на свой счетъ новыя пристройки для помѣщенія въ нихъ отдѣленія предположеннаго дворянствомъ Романовскаго института, и обязавшись и впредь выплачивать училищу по 2.000 рублей въ годъ, согласился отказаться отъ завѣдыванія имъ. Тогда, по ходатайству костромского директора училищъ, поддержанному предводителемъ дворянства, Григорову былъ данъ орденъ Анны 2-й степени, разрѣшено назвать училище Григоровскимъ, а ему самому предоставлено пожизненное право быть непремѣннымъ членомъ попечительнаго совѣта училища, переименованнаго тогда въ гимназію, и позволено жить въ свободной части училищнаго зданія.

Равнодушіе общества къ дѣлу Григорова можно отчасти объяснить тѣмъ, что хотя какъ только Высочайшее повелѣніе 5-го марта 1856 года стало извѣстно публикѣ, о немъ заговорили въ журналахъ и газетахъ, а въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ появилась и корреспонденція изъ Костромы объ основанномъ Григоровымъ училищѣ,—но ни это извѣстіе, ни даже Высочайшее повелѣніе 5-го марта не произвели того дѣйствія, какого можно было ожидать, если бы они появились въ другое время и при другихъ обстоятельствахъ. Въ 1857 году уже знали о желаніи государя освободить крестьянъ, объ учрежденіи секретнаго комитета для обсужденія реформы крестьянскаго дѣла и о разрѣшеніи (въ ноябрѣ 1857 года) литовскому дворянству образовать губернскій комитетъ для составленія проекта „объ улучшеніи и устройствѣ быта крестьянъ“. Поэтому главное вниманіе общества было обращено на ходъ этой, величайшей изъ всѣхъ реформъ, и этимъ отчасти объясняется его равнодушное отношеніе къ реформѣ женскаго воспитанія и образованія.

Кромѣ Григорова, пожертвованіе женскому училищу было сдѣлано еще попечителемъ рязанской гимназіи, т. с. Рюминымъ, по иниціативѣ котораго въ 1856 году было приступлено къ преобразованію существовавшаго въ Рязани Барыковскаго женскаго училища въ трехклассное съ шестигодичнымъ курсомъ. Ему Рюминъ подарилъ каменный домъ, обязался вносить на содержаніе училища по 3.000 рублей въ годъ въ теченіе шести

---

[1]) Донесеніе начальника костр. губ. мин. нар. просв. 16-го авг. 1858 г.

лѣтъ, и, кромѣ того, на содержаніе извѣстнаго числа воспитанницъ—по 250 рублей въ годъ.

Но въ концѣ 1857 года движеніе въ пользу устройства открытыхъ всесословныхъ женскихъ училищъ получило сильную поддержку въ столицѣ. Инспекторъ классовъ Павловскаго института, профессоръ Николай Алексѣевичъ Вышнеградскій, только-что передъ тѣмъ вернувшійся изъ командировки, по распоряженію министра народнаго просвѣщенія, за границу, съ цѣлью ознакомленія съ педагогическими учрежденіями Германіи, Франціи и Швейцаріи, вошелъ въ совѣтъ института съ ходатайствомъ объ открытіи при институтѣ особыхъ классовъ для приходящихъ учениць, съ курсомъ Павловскаго института, отличавшагося по устройству отъ другихъ институтовъ тѣмъ, что съ 1850 года въ немъ было семь годичныхъ классовъ, а также преподавалась педагогика. Для классовъ приходящихъ Вышнеградскій предлагалъ нанять особую квартиру въ смежномъ съ институтомъ домѣ. Онъ бралъ на себя руководительство этими классами безъ всякаго за то вознагражденія, а учителя института соглашались преподавать въ классахъ за такую плату, какая имъ будетъ назначена, какъ бы мала она ни была. По проекту Вышнеградскаго, приходящія должны были платить по 36 рублей въ годъ за ученіе; имѣя въ виду, что въ пансіонахъ плата значительно выше, Вышнеградскій не сомнѣвался, что ученицъ будетъ много, и сборъ за ученіе покроетъ всѣ расходы по классамъ. Онъ просилъ лишь отпустить единовременно, на наемъ квартиры и снабженіе классовъ учебными пособіями, 1.500 рублей [1]). Главный совѣтъ женскихъ учебныхъ заведеній не нашелъ возможнымъ удовлетворить это ходатайство, но онъ поручилъ Вышнеградскому составить проектъ самостоятельнаго женскаго всесословнаго открытаго училища.

Такимъ образомъ, одновременно въ двухъ вѣдомствахъ обсуждались проекты устройства женскихъ училищъ новаго типа.

Между тѣмъ, въ разныхъ городахъ стали приниматься мѣры къ учрежденію такихъ училищъ. Въ Полтавѣ, въ концѣ 1857 г., былъ сдѣланъ починъ устроить женское училище исключительно общественными силами. Учителя полтавской мужской гимназіи, кадетскаго корпуса и уѣзднаго училища предложили преподавать въ женскомъ училищѣ даромъ въ теченіе первыхъ шести лѣтъ. Нѣсколько дамъ изъ полтавскаго общества заявили желаніе

---

[1]) 25 тилѣтіе спб. ж. гимн. вѣдомства учр. имп. Маріи, 19-го апр. 1858—1883. (Краткая историческая записка, Спб. 1883 г.).

исполнять безвозмездно обязанности классныхъ дамъ въ новомъ училищѣ. Для первоначальнаго его обзаведенія обратились къ дворянству губерніи и къ купечеству.

Городской голова обѣщалъ содѣйствіе купечества, а дворянство отказало въ немъ. Сообщая это извѣстіе, полтавскій корреспондентъ прибавляетъ, характеризующее тогдашній взглядъ русскаго общества на устройство женскихъ училищъ, замѣчаніе: „впрочемъ,—говоритъ онъ,—справедливость требуетъ замѣтить, что оба сословія не нашли ничего особенно дурного, какъ въ самомъ учрежденіи, такъ и въ добровольныхъ услугахъ ихъ дѣтямъ, со стороны жертвователей перваго рода. Затѣмъ послѣдовали замѣчанія со стороны бюрократіи, вліятельной среды купечества и въ то же время безсемейной, замѣчанія, состоявшія въ удивленіи, въ сомнѣніяхъ на счетъ поданныхъ купечествомъ надеждъ, въ трудности исполненія и т. д. и т. д.“ [1]).

21-го января 1858 года начальникъ главнаго штаба Я. Ростовцевъ сообщилъ министру народнаго просвѣщенія полученное имъ отъ полтавскаго губернатора увѣдомленіе объ изъявленной нѣкоторыми преподавателями полтавскаго кадетскаго корпуса готовности содѣйствовать устройству въ Полтавѣ женскаго училища, безплатнымъ въ немъ преподаваніемъ; 11-го апрѣля попечитель учебнаго округа сообщилъ министру, что то же желаніе заявили директору училищъ и учителя полтавской гимназіи, а полтавскій губернаторъ вошелъ къ министру внутреннихъ дѣлъ съ представленіемъ о разрѣшеніи напечатать въ губернскихъ вѣдомостяхъ объявленіе для вызова желающихъ принять участіе въ дѣлѣ. При этомъ былъ представленъ списокъ лицъ, изъявившихъ готовность жертвовать училищу своимъ трудомъ. Между ними былъ камергеръ, почетный членъ полтавскаго института, Бѣлуха-Кохановскій, 54 преподавателя (даже по урокамъ домоводства и сельскаго хозяйства), 19 дамъ общества, бухгалтеръ и письмоводитель полтавской дирекціи училищъ. Даже инспекторъ классовъ института предложилъ свои услуги женскому училищу. Въ пользу послѣдняго была устроена лотерея, для которой учителя жертвовали кто чѣмъ могъ: вещами, книгами, картинами [2]). Всего было собрано 1.000 рублей единовременно и обѣщано ежегодныхъ 400 рублей. Учредители составили проектъ устава и программу курса, въ которую было включено преподаваніе гигіены и педагогики въ старшихъ классахъ, также понятія объ отечествен-

[1]) *Ласточка.* Журналъ для дамъ и дѣвицъ. Спб. 1859 г., іюль.

[2]) *П. К. Зайцевъ.* Воспоминанія стараго учителя. 1805—1887. („Р. Стар.“ 1887 г , іюнь).

ныхъ законахъ и домоводство. Участіе въ педагогическомъ совѣтѣ училища предоставлялось и лицамъ женскаго пола; награды и наказанія совсѣмъ устранялись. Плата за ученіе во всѣхъ классахъ, кромѣ приготовительнаго, или „класса грамотности", гдѣ обучали даромъ, была назначена 10 рублей въ годъ.

Особенности устава и программы полтавскаго училища повлекли за собою продолжительную переписку съ министерствомъ народнаго просвѣщенія и замедлили открытіе училища, которое состоялось только въ августѣ 1860 года. Въ первые же два дня поступило 177 ученицъ, большей частью (107) дочерей дворянъ и чиновниковъ, но было 7 крестьянскаго сословія, остальныя — купцовъ и мѣщанъ.

Въ Вологдѣ, еще въ 1856 году, тотчасъ по полученіи увѣдомленія князя Щербатова о Высочайшемъ повелѣніи 5-го марта, городская дума отвѣтила на предложеніе вологодскаго губернатора, принять участіе въ устройствѣ женскихъ училищъ, что она дѣлу сочувствуетъ, но не имѣя данныхъ ни о числѣ училищъ, ни объ объемѣ преподаванія въ нихъ, опредѣлила вносить на ихъ устройство и содержаніе по 1.250 рублей въ годъ, въ теченіе трехъ лѣтъ, начиная съ 1857 года. Когда министромъ внутреннихъ дѣлъ эта сумма была найдена недостаточною, вологодскій губернаторъ предложилъ дѣло на обсужденіе дворянства, которое сначала выразило желаніе имѣть въ Вологдѣ дворянскій институтъ для воспитанія дворянскихъ дочерей, но потомъ согласилось открыть въ своей средѣ подписку на женское училище [1]).

Въ запискѣ министра народнаго просвѣщенія, представленной государю 7-го декабря 1857 года, было сказано, что дѣло устройства женскихъ училищъ встрѣтило въ населеніи живое сочувствіе; что хотя у всѣхъ „затруднительное денежное положеніе, но на основаніи этого сочувствія можно сказать, что оно создастъ средства, хотя не обильныя, но дающія возможность приступить къ дѣлу". Перечисляя имѣющіяся уже на устройство женскихъ училищъ средства, въ запискѣ упоминается: о поступившемъ въ министерство народнаго просвѣщенія отъ министра внутреннихъ дѣлъ увѣдомленіи, что въ случаѣ если въ Вологдѣ будетъ учреждено открытое женское училище, то мѣстный приказъ общественнаго призрѣнія будетъ

[1]) Женскія училища вѣд. мин. нар. просв. въ губерніяхъ спб. уч. округа. Составлено по порученію начальства спб. уч. округа окружнымъ инспекторомъ округа П. Максимовичемъ по оффиціальнымъ отчетамъ объ этихъ училищахъ. 1865 г. (Арх. мин. нар. пр.).

отпускать ему по тысячѣ рублей ежегодно въ теченіе десяти лѣтъ; что смоленское дворянство постановило взимать по числу душъ, по 1/2 копѣйки съ души, для капитала, собираемаго по подпискѣ на устройство въ Смоленскѣ благороднаго для дѣвицъ пансіона, что въ Самарѣ, по добровольной подпискѣ частныхъ лицъ и городского общества, получено 5.000 рублей на женское училище и, кромѣ того, имѣется еще 7.292 рубля, собранныхъ въ теченіе шести лѣтъ на устройство въ Самарѣ дѣтскаго пріюта; признавая устройство дѣтскаго пріюта ненужнымъ, губернаторъ предлагалъ и эту сумму обратить на женское училище, передавъ ему и пожертвованный пріюту купцомъ Щеткинымъ обгорѣлый каменный домъ [1]); что наказный атаманъ войска донского представилъ военному министру проектъ учрежденія женскаго училища въ Новочеркасскѣ; что нижегородскій губернаторъ увѣдомилъ министра о томъ, что отпускавшіеся мѣстнымъ приказомъ общественнаго призрѣнія казанскому институту на воспитаніе дѣтей недостаточныхъ чиновниковъ губерніи, 2.071 рубль 43 коп. обращены на женское училище въ Нижнемъ-Новгородѣ; что въ Костромѣ открыто женское училище на собственныя средства Григорова; что въ Тотьмѣ собрано 597 рублей, на проценты съ которыхъ, съ присоединеніемъ обѣщанныхъ городскимъ обществомъ и двумя купцами 180 рублей ежегодно, предположено открыть двухклассное женское училище. „Министерство,—говорилось въ запискѣ,—имѣя въ виду съ одной стороны—скудость средствъ, а съ другой—общую потребность и желаніе осуществить благодѣтельную мѣру, слѣдуетъ убѣжденію, что, создавъ что можно, при самыхъ умѣренныхъ способахъ, оно сдѣлаетъ твердый и вѣрный шагъ къ дальнѣйшему постепенному усовершенствованію возникающаго рода заведеній для воспитанія дѣтей женскаго пола. Въ этихъ видахъ оно дѣйствуетъ домашнимъ, такъ сказать, образомъ, тѣми способами, которые у него подъ рукою; напримѣръ, учителя гимназій и училищъ, поощряемые начальствомъ, изъявляютъ готовность преподавать въ женскихъ училищахъ или даромъ, или за малую плату“ [2]).

Въ отчетѣ за 1857 годъ министръ говорилъ, что за весь годъ открыто только одно училище (въ Костромѣ), но и оно

---

[1]) Представленіе самарскаго губернатора въ комитетъ гл. попеч. дѣтскихъ пріютовъ 23-го марта 1857 г. О преобразованіи дѣтскихъ пріютовъ въ женскія училища ходатайствовали и другіе начальники губерній.

[2]) Арх. мин. нар. просв.

обязано своимъ существованіемъ пожертвованію частнаго лица, и что „всѣ обстоятельства дѣла устройства женскихъ училищъ подлежатъ обсужденію главнаго правленія училищъ“ [1]). Но еще въ декабрѣ 1857 года статсъ-секретарь баронъ М. Корфъ возвратилъ министру народнаго просвѣщенія его записку о женскихъ училищахъ, увѣдомивъ, что „дѣло еще не зрѣло для разсмотрѣнія въ главномъ правленіи, ибо объ учрежденіи ихъ едва можно помышлять прежде, чѣмъ будутъ въ виду положительные способы для ихъ содержанія, а о нихъ нѣтъ еще отзывовъ статсъ-секретаря Блудова и министра внутреннихъ дѣлъ“.

19-го февраля 1858 года, принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій представилъ государю и императрицѣ составленный Вышнеградскимъ проектъ отдѣльнаго женскаго всесословнаго училища для приходящихъ, переданный, по Высочайшей волѣ, на предварительное обсужденіе главнаго Совѣта женскихъ учебныхъ заведеній. Совѣтъ призналъ, что въ „настоящее время для Россіи настаетъ необходимость, въ видахъ распространенія женскаго образованія, имѣть и такія учебныя заведенія, гдѣ дочери недостаточныхъ родителей, не отлучаясь на продолжительное время отъ семейства, могли бы получать основательное и къ ихъ назначенію приноровленное образованіе“ [2]). По Высочайшемъ утвержденіи проекта, главный Совѣтъ постановилъ устроить открытое женское училище въ Петербургѣ на слѣдующихъ основаніяхъ: оно состоитъ подъ покровительствомъ императрицы Маріи Александровны, называется „Маріинскимъ“, находится въ вѣдѣніи главнаго Совѣта; ближайшее управленіе имъ поручается особому попечителю по назначенію государя, а для непосредственнаго наблюденія за обученіемъ назначаются начальникъ и главная надзирательница, утверждаемые императрицею. Училище учреждается для дѣтей всѣхъ свободныхъ состояній, отъ 9-ти до 13-ти лѣтъ; но съ разрѣшенія попечителя могутъ поступать и моложе девяти, и старше тринадцати лѣтъ, если онѣ подготовлены къ слушанію курса въ соотвѣтствующемъ ихъ возрасту высшемъ курсѣ. Комплектъ опредѣлялся въ 250 учениць; но если помѣщеніе позволитъ и найдутся средства для открытія параллельныхъ классовъ, то можно принимать и большее число учениць. Курсъ ученія семилѣтній, съ 7-ю годичными классами. Предметы ученія обязательные: законъ Божій, русскій языкъ, исторія, географія, естествовѣдѣніе, ариѳметика,

[1]) Журн. мин. нар. просв. 1858 г. Т. 98.

[2]) Журн. гл. совѣта, 13-го марта 1858 г.

пѣніе, чистописаніе, рисованіе и рукодѣлія; необязательные: французскій и нѣмецкій языки, музыка и танцы. По окончаніи курса, обучавшимся всѣмъ предметамъ, какъ обязательнымъ, такъ и необязательнымъ, предоставляются права, которыми пользуются воспитанницы институтовъ, т.-е. на званіе домашней учительницы; отличившіяся благонравіемъ и успѣхами награждаются медалями и книгами по общимъ правиламъ, изложеннымъ въ уставѣ женскихъ учебныхъ заведеній. Годовая плата за обученіе обязательнымъ предметамъ назначается въ 25 рублей съ ученицы; за обученіе иностраннымъ языкамъ, также танцамъ— по 5 рублей за предметъ, а за обученіе музыкѣ по 1 рублю каждый урокъ. Содержаніе училища было опредѣлено въ 11.500 р. въ годъ. Для покрытія этого расхода предполагалось 8.700 руб. платы съ учениць и 3.000 рублей, которые должны были отпускаться ежегодно изъ процентовъ съ общаго запаснаго капитала женскихъ учебныхъ заведеній. Начальнику училища было положено всего 500 рублей въ годъ жалованья; но чтобы „побудить его стараться о привлеченіи возможно бо́льшаго числа учащихся и черезъ то усилить способы благосостоянія заведенія“, ему было предоставлено право получать по 4 рубля съ каждой ученицы изъ остатка отъ годовыхъ расходовъ училища [1]).

Эти основанія главный Совѣтъ полагалъ принять въ видѣ опыта на три года съ тѣмъ, чтобы по минованіи этого срока былъ составленъ полный уставъ училища. Вмѣстѣ съ представленіемъ государю проекта, главный Совѣтъ просилъ разрѣшенія выдать на первоначальное устройство училища 2.000 рублей единовременно, кромѣ полагавшихся къ ежегодному отпуску 3.000 рублей, а также назначить начальникомъ училища „извѣстнаго познаніями по части педагогики, инспектора классовъ Павловскаго института, Н. А. Вышнеградскаго, который составлялъ первоначальный проектъ объ учрежденіи училища“ [2]).

15-го марта 1858 года, государь утвердилъ это представленіе главнаго Совѣта, а 22-го состоялся именной указъ Совѣту объ устройствѣ Маріинскаго женскаго училища, попечителемъ котораго Высочайше повелѣно быть принцу Петру Георгіевичу Ольденбургскому.

Поразительная быстрота, съ которою была принята въ правительственныхъ сферахъ и осуществилась въ столицѣ идея, еще такъ недавно казавшаяся неосуществимою—всесословной, откры-

---

[1]) Пятидесятилѣтіе IV отд. Соб. Е. И. В. канцеляріи, 1828—1878 г., стр. 243.

[2]) Пятидесятилѣтіе, стр. 245.

той женской школы, составляетъ огромную заслугу передъ русскимъ обществомъ покойнаго Н. А. Вышнеградскаго, который, по свидѣтельству очевидцевъ и ближайшихъ его сотрудниковъ по устройству Маріинскаго училища, обладалъ замѣчательно свѣтлымъ умомъ, педагогическимъ талантомъ, умѣлъ увлекать своихъ слушателей, привязывать къ себѣ дѣтей и владѣлъ даромъ организатора дѣла. Своимъ умѣньемъ убѣждать людей, онъ склонилъ на сторону своей идеи принца Ольденбургскаго, горячо поддерживавшаго мысль Н. А. Вышнеградскаго [1]). Благодаря этимъ даннымъ, а также „житейскому опыту, ораторскому краснорѣчію, педагогическому такту, организаторскому таланту, Н. А. Вышнеградскій завоевалъ въ высшихъ сферахъ расположеніе къ совершенно новому въ Россіи типу женскихъ учебныхъ заведеній“ [2]). Но этимъ не исчерпывались трудности дѣла. Хотя очень многіе родители, не имѣвшіе возможности помѣстить своихъ дочерей въ институты и дорогіе модные пансіоны, или не желавшіе разставаться съ дѣтьми, страдали отъ отсутствія такихъ заведеній, въ которыхъ ихъ дочери могли бы получить сколько-нибудь основательное образованіе, не покидая семьи, но для большинства ихъ, идея всесословной школы не была симпатична; ее надо было растолковать, съ нею помирить, а для этого нуженъ былъ человѣкъ, обладавшій всѣми нужными въ такомъ дѣлѣ качествами, и кромѣ того, энергичный, горячо и безкорыстно преданный дѣлу, готовый отдать ему всѣ свои силы, все свое время. Такимъ именно былъ Н. А. Вышнеградскій.

Еще задолго до Высочайшаго соизволенія на учрежденіе Маріинскаго женскаго училища, Н. А. Вышнеградскій началъ подготовлять общество и родителей къ новому типу женскихъ учебныхъ заведеній. Въ издававшемся имъ въ 1857 году журналѣ „Русскій Педагогическій Вѣстникъ“, онъ, печатая статьи о воспитаніи вообще, приглашалъ желающихъ сообщать редакціи свои мнѣнія о недостаткахъ и потребностяхъ его въ разныхъ мѣстахъ. А такъ какъ въ журналѣ много говорилось и о женскомъ воспитаніи и образованіи, то, вызывая отвѣты и на этотъ вопросъ, Вышнеградскій какъ-будто хотѣлъ имѣть доказательства того, что общество чувствуетъ потребность въ такихъ заведеніяхъ, какъ женскія гимназіи. И дѣйствительно, въ „Рус-

[1]) *В. Я. Стоюнинъ.* Образованіе русской женщины (По поводу 25-ти-лѣтія р. ж. гимназій. „Историч. Вѣст.“, апр. 1883 г.).

[2]) *Д. Д. Семеновъ.* Изъ пережитаго. Въ Маріинской женской гимназіи. Посвящается памяти Н. А. Вышнеградскаго. („Р. Школа“. 1892 г., мартъ).

скомъ Педагогическомъ Вѣстникѣ“ за 1857 годъ было помѣщено много корреспонденцій изъ разныхъ концовъ Россіи о женскомъ воспитаніи и образованіи въ данной мѣстности, при чемъ предлагались цѣлые проекты и программы открытыхъ женскихъ училищъ. Эти проекты и программы, каковы бы они ни были, редакція охотно помѣщала на страницахъ журнала.

Когда состоялся Высочайшій указъ 22-го марта 1858 года объ учрежденіи Маріинскаго училища, Н. А. Вышнеградскому пришлось лично объяснять родителямъ подробности новаго дѣла. Свидѣтель этой его дѣятельности, Д. Д. Семеновъ, заранѣе вмѣстѣ съ В. Стоюнинымъ приглашенный Вышнеградскимъ къ участію въ устройствѣ училища, разсказываетъ, что еще до открытія его, всякій день, съ утра и до поздняго вечера, Вышнеградскій принималъ родителей, приходившихъ узнать отъ него подробности „о совершенно неслыханномъ дотолѣ завеленіи для дѣвочекъ“. Мы были свидѣтелями, — говоритъ Д. Семеновъ, — того, съ какимъ терпѣніемъ и искусствомъ онъ доказывалъ каждому всѣ выгоды школы, открытой и равной для всѣхъ: однихъ онъ увѣрялъ, что въ воспитаніи и образованіи дѣвочекъ должны одинаково участвовать семья и школа; другихъ—что школа будетъ давать не только широкое умственное образованіе, но и религіозно-нравственное воспитаніе; третьихъ—что дѣвочка изъ интеллигентнаго класса не можетъ заразиться дурными привычками отъ своей сосѣдки въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, проведенныхъ въ школѣ подъ присмотромъ разумныхъ преподавателей и воспитательницъ, и что такая дѣвочка не останется безъ знанія французскаго и нѣмецкаго языковъ и танцевъ; четвертыхъ — что новая школа никогда не посягнетъ на укоренившіеся въ семьѣ религіозные и вѣковые обычаи. Одни родители настаивали на томъ, чтобы ихъ дѣти ходили въ школу съ провожатыми; другіе, напротивъ, настаивали на дозволеніи посылать дѣвочекъ однѣхъ; и то, и другое разрѣшалось; дозволялось также одѣвать дѣтей по средствамъ родителей, лишь бы одежда была приличная, чистая, аккуратная; не совѣтовалась только излишняя роскошь—шолкъ, бархатъ, браслеты, кольца, чтобы не возбуждать зависти въ однихъ дѣтяхъ, пренебреженія—въ другихъ и т. д., и т. д. И каждый отецъ, и каждая мать, уходили отъ Николая Алексѣевича успокоенными и записывали своихъ дочерей въ училище [1])...

Еще за мѣсяцъ до открытія новаго училища, Н. А. Вышнеградскій подобралъ педагогическій персоналъ изъ лицъ, хорошо

[1]) *Д. Семеновъ.* Изъ пережитаго.

ему извѣстныхъ. Въ этомъ случаѣ, какъ это бывало въ Россіи и раньше, всегда, когда дѣло шло о служеніи цѣлямъ образованія русской женщины, учителя обнаружили полную готовность безкорыстно, всѣми своими знаніями и силами содѣйствовать успѣху новаго дѣла. Хотя плата учителямъ Маріинскаго училища была опредѣлена въ 40—50 рублей за годовой часъ и не смотря на то, что училище открывалось въ апрѣлѣ, когда у лучшихъ преподавателей всѣ часы заняты, они охотно приняли предложеніе Н. А. Вышнеградскаго; они „прониклись его идеей, всѣ поняли, какое важное новое дѣло начинается, и всѣ готовы были помогать ему“ [1])...

„Ихъ влекла новизна дѣла, стремленіе послужить по мѣрѣ силъ образованію русской женщины, построенному на новыхъ началахъ, желаніе поработать, примѣнить и усовершенствовать свой методъ преподаванія подъ руководствомъ опытнаго педагога, какимъ былъ Н. А. Вышнеградскій“ [2]).

Педагогическій тактъ его выразился и въ томъ, что онъ согласился на назначеніе начальницею училища г-жи Овандеръ; это была, по словамъ Д. Семенова, вдова—„нѣмка съ сѣдыми буклями, нѣсколько чопорная, но богобоязненная, съ твердыми нравственными убѣжденіями, женщина безукоризненной честности и чистоты, аккуратная и добросовѣстная до педантизма. Большинству родителей она очень понравилась“. А въ помощницы начальницы Н. А. Вышнеградскій пригласилъ молодую дѣвушку, лѣтъ тридцати, Красускую, „симпатичную, добрую, умную, ласковую, энергичную; она сразу завоевала себѣ любовь и уваженіе дѣтей. Первая напоминала собою еще не угасшій типъ строгой, важной начальницы института; вторая представляла собою новый типъ руководительницы нарождающейся семейной школы“ [3])...

Квартира для перваго въ Петербургѣ открытаго женскаго училища была нанята на углу Троицкаго переулка и Невскаго проспекта и ко дню открытія снабжена необходимыми принадлежностями.

Пріемъ ученицъ начался 15-го апрѣля, и въ четыре дня, къ открытію училища, число ихъ простиралось до 140 [4]); изъ нихъ нѣкоторыя пришли изъ самыхъ отдаленныхъ частей города. Изъ 140 было 97 дочерей дворянъ и чиновниковъ, 12 духовнаго

---

[1]) *В. Стоюнинъ.* Образованіе русской женщины.

[2]) *Д. Семеновъ.* Изъ пережитаго.

[3]) Тамъ же.

[4]) Отчетъ по Маріинскому уч. за 1858 г. (Дѣла Гл. Сов. 1859 г.).

званія, 20 купеческаго, 10 мѣщанскаго, 1 крестьянскаго [1]); 15 взрослыхъ, 16—18-лѣтнихъ дѣвушекъ, кончившихъ курсъ въ частныхъ пансіонахъ, училищахъ св. Петра и Анны, или получившихъ домашнее образованіе, были приняты прямо въ старшій, шестой, классъ, кромѣ котораго были открыты еще три низшихъ класса [2]).

Въ такомъ составѣ, изъ четырехъ классовъ, училище было открыто 19-го апрѣля 1858 года.

На торжествѣ освященія и открытія его присутствовали: императрица Марія Александровна, принцъ П. Г. Ольденбургскій, великая княгиня Александра Петровна (дочь принца), петербургскій генералъ-губернаторъ, всѣ члены главнаго Совѣта, министръ народнаго просвѣщенія (Е. Ковалевскій) и его товарищъ, генералъ-адъютанты В. Назимовъ и В. Хомутовъ, графиня Ю. Баранова, г-жа Баратынская, городской голова, много лицъ духовныхъ и свѣтскихъ, принимавшихъ живое участіе во вновь учрежденномъ заведеніи [3]) и, съ разрѣшенія императрицы, родители поступившихъ въ училище дѣтей. Послѣ молебна императрица обошла классы „очень скромнаго, даже бѣднаго“ учебнаго заведенія и выслушала стоя произнесенную Н. А. Вышнеградскимъ рѣчь [4]), въ которой онъ, между прочимъ, сказалъ: „одно солнце на небѣ; никакіе искусственные огни не могутъ замѣнить его свѣта и теплоты; одна только на свѣтѣ у каждаго изъ насъ мать, и никакія искусственныя мѣры не замѣнятъ ея нѣжности и любви... Школа учитъ лучше, чѣмъ семья, а семья воспитываетъ несравненно лучше, чѣмъ школа... Мы совершаемъ праздникъ семейныхъ началъ въ воспитаніи, праздникъ системы образованія, которая по своей естественности представляетъ новое ручательство за правильное развитіе отечественнаго юношества“ [5]).

По разсказу Д. Семенова, рѣчь Н. А. Вышнеградскаго вызвала слезы у многихъ изъ присутствовавшихъ, и тогда Н. А. Вышнеградскій, обращаясь къ императрицѣ, сказалъ: „взгляните, Ваше Императорское Величество, на эти слезы—слезы радости, упованія и благодарности за великое дѣло, которое по манію Вашему совершается въ эту минуту въ Россіи“. Императрица также прослезилась [6]) и, благословивъ дѣтей иконою, уѣхала.

[1]) 25-ти-лѣтіе С.-Пет. ж. гимн. вѣд. учр. Имп. Маріи. 19-го апр. 1858—1883 г. (Краткая истор. записка, С.-Пет. 1883 г.).

[2]) Тамъ же.

[3]) „С.-Пет. Вѣд.“, 1858 г., № 96.

[4]) *Д. Семеновъ.* Изъ пережитаго.

[5]) „С.-Пет. Вѣд.“, № 96.

[6]) *Д. Семеновъ.*

Къ іюню 1858 года число ученицъ Маріинскаго училища увеличилось съ 140 до 200, а въ августѣ поступило еще до ста заявленій отъ родителей, желавшихъ отдать своихъ дочерей въ училище, помѣщеніе котораго пришлось уже увеличить почти вдвое [1]).

Тогда по представленію принца, съ разрѣшенія императрицы, была сдѣлана публикація съ приглашеніемъ родителей, живущихъ въ отдаленныхъ отъ Маріинскаго училища мѣстностяхъ, извѣстить начальника училища о своемъ желаніи помѣстить дочерей въ подобныя же училища, еслибы они были учреждены и въ другихъ частяхъ города. Такихъ заявленій сразу получилось 213; изъ нихъ 80 изъ Коломенской части, 93 съ Васильевскаго острова, 40 съ Петербургской и Выборгской стороны [2]). Указывая на это, какъ на выраженіе явной потребности жителей столицы въ такихъ училищахъ, принцъ просилъ государя разрѣшить устроить еще три подобныя Маріинскому училища, на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ и съ присвоеніемъ и новымъ училищамъ названія „Маріинскихъ“. На этомъ докладѣ принца государь написалъ: „предварительно согласенъ, но для окончательнаго утвержденія буду ожидать формальнаго представленія главнаго Совѣта женскихъ учебныхъ заведеній черезъ статсъ-секретаря Гофмана. При этомъ долженъ замѣтить, что наименованіе трехъ новыхъ училищъ одинаковыми именами нахожу неудобнымъ; лучше присвоить имъ имена частей города, въ которыхъ учреждаются“. Главный Совѣтъ подтвердилъ ходатайство принца и прибавилъ, что желалъ бы поручить устройство и начальство будущихъ училищъ Н. А. Вышнеградскому, освободивъ его отъ другихъ многочисленныхъ его занятій по другимъ вѣдомствамъ. Главный Совѣтъ ходатайствовалъ и о присвоеніи новымъ училищамъ названія „Маріинскихъ“ и, кромѣ того, особаго, каждому изъ нихъ, названія по мѣстности, гдѣ училище будетъ находиться. Но государь написалъ на этомъ докладѣ: „Названіе Маріинскаго училища предоставить только первому учрежденному, прочія называть по частямъ города“. Эти три училища—Коломенское, Васильевское и Петербургское—были открыты въ томъ же году и на тѣхъ же основаніяхъ, какъ Маріинское, съ назначеніемъ каждому изъ нихъ по 2.000 рублей единовременно, на первоначальное обзаведеніе, и по 3.000 рублей ежегодно, изъ процен-

[1]) Отчетъ по Мар. уч. за 1858 г.

[2]) 25-лѣтіе жен. г. Историч. замѣтка В. П. Острогорскаго („В. Европы“, апр. 1883 г.).

товъ съ общаго запасного капитала женскихъ учебныхъ заведеній.

Въ концѣ 1858 года поступило ходатайство и изъ провинціи объ устройствѣ открытыхъ женскихъ училищъ. Виленскій военный губернаторъ Назимовъ вошелъ въ главный Совѣтъ съ представленіемъ устроить, вмѣсто предположеннаго еще въ 1845 году центральнаго института въ Вильнѣ, женскія училища, по примѣру петербургскаго Маріинскаго, въ губернскихъ городахъ края и открыть въ уѣздныхъ, гдѣ существуетъ какое-либо учебное заведеніе, четырехклассное училище съ курсомъ первыхъ четырехъ классовъ семиклассныхъ училищъ. По проекту Назимова въ курсъ этихъ училищъ должно было входить и преподаваніе польскаго языка въ числѣ другихъ „самыхъ нужныхъ для общественной и семейной жизни и для всѣхъ сословій“ предметовъ. По его мнѣнію, училища въ западномъ краѣ должны состоять въ вѣдѣніи главнаго Совѣта, а такъ какъ процентовъ съ собраннаго дворянствомъ на виленскій институтъ капитала (149.408 руб.) было недостаточно для содержанія училищъ, то Назимовъ испрашивалъ у главнаго Совѣта ежегодное пособіе въ 3.000 рублей на каждое изъ нихъ. Въ заключеніе онъ говорилъ, что мысль объ устройствѣ открытыхъ женскихъ училищъ находятъ полезною для цѣлаго края тамошніе просвѣщенные помѣщики [1]).

Главный Совѣтъ призналъ учрежденіе открытыхъ женскихъ училищъ въ западномъ краѣ, вмѣсто виленскаго института, „мѣрою, соотвѣтствующею обстоятельствамъ и служащею къ распространенію женскаго образованія“ въ краѣ, и 3 января 1859 г., по его представленію, послѣдовало Высочайшее утвержденіе проекта Назимова, который назначенъ попечителемъ новыхъ училищъ.

Такія училища были открыты и въ Царствѣ Польскомъ: въ 1859 году въ Варшавѣ, а въ слѣдующемъ еще въ пяти городахъ: Люблинѣ, Радомѣ, Сувалкахъ, Плоцкѣ и Калишѣ. Число поступившихъ въ варшавское училище ученицъ было такъ велико, что пришлось, кромѣ шестиклассного училища, въ томъ же году открыть еще особое, четырехклассное отдѣленіе. И въ другихъ городахъ царства, напримѣръ, въ Калишѣ „сверхъ всякаго ожиданія, въ первые дни открытія, поступило 143 ученицы, когда лучшіе тамъ пансіоны не имѣли болѣе семидесяти“ [2]). По сословіямъ, изъ 977 ученицъ въ шести городахъ, гдѣ были

[1]) Дѣла Гл. Совѣта. 1858 г.

[2]) Свѣдѣнія объ учрежденіи въ Царствѣ Польскомъ высшихъ училищъ для приходящихъ дѣвицъ. 1860 г. (Арх. мин. нар. просв.).

открыты училища для приходящихъ, дочерей дворянъ было 154, чиновниковъ—519, купцовъ 80, ремесленниковъ 27, мѣщанъ—145, разночинцевъ—52; большинство (806) принадлежали къ римско-католическому исповѣданію, 73 евангелическаго, 36 православнаго, 62 еврейскаго.

На содержаніе всѣхъ шести училищъ и четырехкласснаго отдѣленія изъ государственнаго казначейства отпускалось 65.300 р. въ годъ. Плата за ученіе, въ трехъ низшихъ классахъ варшавскаго училища по 20 рублей въ годъ съ ученицы и 30 въ трехъ высшихъ, а въ губернскихъ—по 15 рублей въ низшихъ и 25 въ высшихъ, всего въ суммѣ 25.300 руб. въ годъ, поступала въ казну.. Въ училищахъ преподавались слѣдующіе предметы: законъ Божій православнаго исповѣданія, также римско-католическаго и евангелическаго, языки: русскій, польскій, французскій, нѣмецкій, ариѳметика, свѣдѣнія изъ бухгалтеріи и общія понятія объ измѣреніяхъ, свѣдѣнія изъ естественныхъ наукъ и домоводства, исторія, географія, педагогика, гигіена, рисованіе, чистописаніе, рукодѣліе, церковное пѣніе; танцы за особую плату. Бывшая воспитанница житомірскаго образцоваго пансіона преподавала русскій языкъ; другая учительница, кончившая курсъ въ частномъ пансіонѣ, преподавала польскій; полька, получившая образованіе во Франціи—французскій; нѣмецкому языку, ариѳметикѣ, географіи, рукодѣлію, рисованію и чистописанію обучали также учительницы, кончившія курсъ въ частныхъ пансіонахъ.

II.

Неблагопріятныя условія, въ которыхъ находились женскія училища министерства при ихъ учрежденіи. — Высочайше утвержденное 30 мая 1858 года Положеніе о женскихъ училищахъ министерства. — Отношеніе къ дѣлу министра внутреннихъ дѣлъ.—Первыя женскія училища въ губерніяхъ.—Сообщенія губернаторовъ.—Отношеніе населенія къ женскимъ училищамъ.—Женскія училища въ западномъ краѣ.—Учрежденіе училищъ въ разныхъ городахъ. — Отчетъ министра народнаго просвѣщенія за 1858 годъ.—Высочайшее повелѣніе о раздѣленіи женскихъ училищъ между министерствомъ народнаго просвѣщенія и вѣдомствомъ учрежденій Императрицы Маріи.—Число женскихъ училищъ вѣдомства въ 1859 году. Московскія училища.—Неудобства, истекавшія изъ Положенія 1858 года.—Новое Положеніе 1860 года.—Наименованіе женскихъ училищъ гимназіями.—Разрѣшеніе министру народнаго просвѣщенія отступать отъ Положенія 1860 года.—Полтавская женская гимназія.—Ходатайство отдѣльныхъ сословій и обществъ о разрѣшеніи отступать отъ Положенія 1860 года.—Столкновенія между разными сословіями въ дѣлѣ управленія женскими училищами.—Уставъ училищъ для приходящихъ дѣвицъ вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи.—Кіевскія женскія училища.—Ходатайства дворянствъ разныхъ губерній объ устройствѣ женскихъ открытыхъ училищъ взамѣнъ предполагавшихся къ учрежденію институтовъ.—Проекты дворянства.—Ходатайство владимірскаго дворянства.—Уменьшеніе числа своекоштныхъ пенсіонерокъ въ институтахъ.—Предложеніе министра народнаго просвѣщенія передать всѣ, находившіяся въ его вѣдѣніи, женскія училища вѣдомству учрежденій Императрицы Маріи.—Свѣдѣнія объ этихъ училищахъ.—Училища вѣдомства въ западномъ краѣ.

Благопріятныя условія, въ которыя были поставлены женскія училища вѣдомства учрежденій императрицы Маріи, сразу обезпечивавшаго имъ денежныя средства, не существовали для училищъ министерства народнаго просвѣщенія; послѣднія всецѣло зависѣли отъ добровольныхъ пожертвованій разныхъ сословій и частныхъ лицъ; а между тѣмъ единственная, можно сказать, среда, въ которой тогда идея открытыхъ, всесословныхъ, женскихъ училищъ встрѣчала дѣятельное сочувствіе и готовность служить ея осуществленію, была среда преподавателей, педагоговъ и лицъ, которымъ были дороги интересы русскаго просвѣ-

щенія вообще. Такихъ людей въ концѣ пятидесятыхъ годовъ было еще немного. Къ нимъ принадлежалъ директоръ ставропольской гимназіи, Я. М. Невѣровъ, имя котораго извѣстно образованному обществу и потому, что онъ былъ другомъ Станкевича и Грановскаго. Невѣровъ горячо отнесся къ дѣлу женскихъ открытыхъ училищъ и, зная, что главное затрудненіе въ этомъ дѣлѣ заключается въ отсутствіи денежныхъ средствъ, придумалъ оригинальный способъ пропагандировать идею новыхъ женскихъ училищъ въ ставропольскомъ обществѣ и подвинуть его къ пожертвованіямъ съ этой цѣлью. По его иниціативѣ, воспитанники гимназій дали 22 января 1858 года въ общественномъ театрѣ спектакль, сборъ съ котораго назначался на основаніе капитала для устройства въ Ставрополѣ женскаго училища. Эта цѣль была высказана публикѣ по окончаніи спектакля, въ видѣ пролога (какъ сказано въ афишѣ „сочиненія спеціалиста Демьяновскаго"), заключавшагося въ объясненіи директора гимназіи съ воспитанниками, при чемъ роль директора исполнялъ одинъ изъ нихъ.

„Друзья!—говорилъ директоръ, входя на сцену:—я спѣшу сообщить вамъ радостную вѣсть: Государь Императоръ пожелалъ учредить по всей Имперіи женскія гимназіи. Онъ обратилъ свой Державный взоръ на образованіе и воспитаніе женскаго пола. Сердце русское радостно бьется при этой колоссальной вѣсти: учрежденіе женскихъ школъ повлечетъ за собою отрадные результаты не только въ образованіи женщины, но и въ нравственномъ воспитаніи мужчинъ; да, душа трепещетъ при этой мысли, и отсюда, съ подножія дикаго Кавказа, еще громче и живѣе несется къ престолу Державнаго Правителя Россіи восторженное ура!..

Всѣ гимназисты кричатъ: ура! ура! ура!

Директоръ: Но не въ одномъ только мимолетномъ крикѣ ура должна выражаться ваша радость, а скорѣй въ истинномъ сочувствіи къ желанію Монарха и стараніи посильно помогать его Царственнымъ помысламъ. Теперь война истощила капиталы Россіи; выполненіе же Царскаго желанія требуетъ денегъ; поэтому мысль о женскихъ учебныхъ заведеніяхъ не можетъ осуществиться безъ помощи частныхъ лицъ, и они нашлись: въ Костромѣ помѣщикъ Григоровъ—честь и слава благородному соотечественнику! — пожертвовалъ огромный капиталъ, построилъ на свой счетъ домъ и открылъ, два мѣсяца тому назадъ, женскую шестиклассную гимназію для приходящихъ дѣвицъ и пансіонъ; въ Нижнемъ-Новгородѣ также собраны большія къ тому средства, а чего недоставало, то пополнила Великая Матерь

Россіи, наша Всемилостивѣйшая Государыня Императрица Марія Александровна—ура! Въ другихъ губерніяхъ также собираются приношенія. Но если уже старики и люди пожилые несутъ свою лепту на жертвенникъ благого предпріятія образованія женщины, то вы, юноши, должны стараться объ этомъ гораздо болѣе; вы начинаете только жить,—будущія питомицы возникающихъ гимназій будутъ вашими подругами въ жизни. Если желаніе Монарха радостно и свято для всѣхъ, то для васъ оно — залогъ лучшей будущности, лучшаго семейнаго порядка. Поищемъ же, друзья, средство благородно и сознательно принесть и свою лепту на пользу общую.

Многіе изъ гимназистовъ: Но какъ? Какимъ образомъ?

Первый гимназистъ: Сдѣлать пожертвованіе, складчину?

Директоръ: О, нѣтъ! Деньги, которыми вы можете располагать, собственно не ваши—это трудовая копѣйка вашихъ отцовъ. Вамъ же, друзья, нужно самимъ заработать ее, чтобы потомъ пожертвовать на доброе дѣло. Поищите средства—можетъ быть найдете возможность и самимъ это сдѣлать отъ себя. Ну, вотъ, хоть ваши сценическіе опыты—они совершались прежде въ тѣсномъ кругу близкихъ вамъ, — я хочу теперь сдѣлать ихъ орудіемъ добраго дѣла; словомъ, мы даемъ спектакль!

Второй гимназистъ: Спектакль? Но выручка его будетъ такъ ничтожна, что не стоитъ и трудиться.

Директоръ: Это ничего не значитъ; пускай будетъ она мала, даже ничтожна, но вѣдь изъ малаго составляется великое, изъ копѣекъ растутъ капиталы. Если мы, другіе, третьи, и во всѣхъ концахъ благословенной Россіи принесутъ жертвованія въ пользу женскихъ гимназій, то явятся и средства, и мысль Великаго Монарха скоро осуществится. Возьмемъ хоть нашъ Ставрополь. Въ немъ 17.000 жителей; если бы каждый удѣлялъ въ годъ для благого дѣла образованія своихъ дѣтей, близкихъ и согражданъ, по пяти копѣекъ, то это составило бы уже 900 рублей. Пять копѣекъ можетъ дать каждый, даже послѣдній нищій, а пять рублей уже дѣлаютъ лишеніе и для чиновника, а потому въ добромъ дѣлѣ, предпринимаемомъ міромъ, никогда не слѣдуетъ разсчитывать на рубли, а именно на копѣйки. Пусть вы, питомцы науки, первые внесете или будете содѣйствовать взносу этихъ благодѣтельныхъ копѣекъ, а потому я и пригласилъ васъ составить спектакль. Но дать одну драматическія пьесы въ спектакль будетъ неловко, въ нихъ могутъ участвовать только ваши старшіе товарищи, а трудъ долженъ быть общимъ; поэтому я присоединяю къ пьесамъ еще и дивертисманъ. Въ немъ и дѣти, и юноши

могутъ принять участіе: одинъ будетъ танцовать, другой пѣть, третій играть, и тогда вы всѣ вмѣстѣ, и каждый отдѣльно, можете сказать: и я содѣйствовалъ общему дѣлу! и я принесъ свою лепту на благо образованія!

Первый гимназистъ: Мы съ радостью явимся на судъ публики; но вѣдь мы не артисты, мы не можемъ доставить ей художественнаго наслажденія! и Богъ знаетъ, наше доброе намѣреніе найдетъ ли сочувствіе въ Ставрополѣ?

Директоръ: Найдетъ, непремѣнно найдетъ; посмотрите и ложи, и кресла, и все вокругъ полно. Васъ одобряютъ, конечно, не за талантъ вашъ, а за ваше доброе намѣреніе; стало быть, вамъ сочувствуютъ и это сочувствіе есть высшая награда ваша. И такъ, друзья, смѣлѣй! не бойтесь публики, она за васъ!"...

Послѣ пролога всѣ пансіонеры гимназіи прошли польскій; учитель музыки и воспитанникъ спеціальнаго класса пропѣли каватину изъ „Пуританъ", два воспитанника на скрипкахъ и одинъ на фортепіано исполнили пьесу изъ „Фенеллы", хоръ пропѣлъ русскія пѣсни, воспитанникъ изъ горцевъ протанцовалъ лезгинку.

Къ корреспонденціи, въ которой сообщалось извѣстіе объ этомъ спектаклѣ [1]), былъ приложенъ полуоффиціальный отчетъ директора училищъ ставропольской губерніи, въ которомъ онъ, благодаря публику, доводилъ до ея свѣдѣнія, что спектакль 22 января далъ чистой выручки 545 рублей, „хотя одна ложа, нѣсколько креселъ, бо́льшая часть партера и вся верхняя галерея не пускались въ продажу". При обыкновенныхъ спектакляхъ,— говорилось въ отчетѣ,— слѣдовало бы получить 230 рублей, слѣдовательно, пожертвовано для цѣли этого спектакля 300 рублей. Имена жертвователей были напечатаны на особомъ, приложенномъ къ отчету, спискѣ.

На такія скромныя и случайныя средства должно было разсчитывать великое дѣло образованія русской женщины!

На послѣднемъ отчетѣ А. Норова, за 1857 годъ, гдѣ министръ говорилъ о встрѣчаемомъ затрудненіи въ денежныхъ средствахъ на устройство женскихъ училищъ, государь написалъ: „На чемъ остановились"? Тогда главное правленіе училищъ разсмотрѣло записку министра народнаго просвѣщенія съ проектомъ устройства женскихъ училищъ и постановило: учрежденіе ихъ предоставить попечителямъ учебныхъ округовъ, соображаясь

---

[1]) Корреспонденція изъ Ставрополя, отъ 20 февраля 1857 г. („Р. Педагог. Вѣсти." 1858 г. Т. III).

съ мѣстными средствами и потребностями; объ открытіи каждаго училища должно быть сообщаемо министерству; попечители должны, при открытіи училищъ, руководствоваться правилами, составленными въ министерствѣ на главныхъ началахъ, указанныхъ въ отзывахъ попечителей, за исключеніемъ пункта, въ которомъ предлагался при училищахъ Совѣтъ изъ лицъ обоего пола, что̀, по мнѣнію главнаго правленія, имѣетъ свои неудобства“ [1]).

Высочайше утвержденнымъ 30 мая 1858 года Положеніемъ о женскихъ училищахъ министерства, они должны были открываться въ городахъ, жители которыхъ наиболѣе нуждаются въ способахъ для образованія дочерей своихъ, и гдѣ представится возможность дать училищу необходимыя для его открытія и существованія средства отъ правительства, отъ разныхъ вѣдомствъ и сословій или отъ частныхъ пожертвованій. Правительство, назначивъ пособіе училищу, отказывалось опредѣлять соразмѣрное число безплатныхъ ученицъ „предоставляя это право разнымъ вѣдомствамъ, сословіямъ и частнымъ лицамъ, такъ какъ оно имѣетъ въ виду лишь благо жителей“. Оно требовало только, чтобы воспитаніе и преподаваніе въ училищѣ были подчинены наблюденію директора училищъ губерніи, а также, чтобы при училищахъ былъ Совѣтъ въ составѣ директора училищъ, содержательницы и нѣкоторыхъ почетныхъ лицъ города. Въ примѣчаніи было прибавлено: не воспрещается частнымъ лицамъ открывать на закономъ основаніи женскіе пансіоны или школы и безъ всякаго пособія, подчиняясь во всемъ надзору училищнаго начальства, на основаніи существующихъ правилъ о частныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Выборъ начальницы училища предоставлялся директору мѣстной гимназіи или училищъ, изъ лицъ, имѣющихъ право на открытіе училища и, кромѣ того, заслужившихъ полное довѣріе и одобреніе начальника губерніи, губернскаго директора училищъ или директора мужской гимназіи, а равно и обывателей города обоего пола, пользующихся общимъ уваженіемъ. Попечительница, избираемая начальствомъ учебнаго округа изъ почетныхъ лицъ женскаго пола, живущихъ въ городѣ, и принимающихъ въ процвѣтаніи училища наиболѣе участія, согласно Положенію, утверждалась министромъ народнаго просвѣщенія. Назначенныя на содержаніе училища суммы должны были поступать въ кассу мужской гимназіи или уѣзднаго училища, откуда выдаваться въ безотчетное распоряженіе начальницы по третямъ

[1]) Журналъ гл. правл. уч. 11 апр. 1858 г. (Арх. мин. нар. просв.).

впередъ. Ей же предоставлено право опредѣлять размѣръ платы за ученіе; но эта плата ни въ какомъ случаѣ не должна была превышать 35 рублей въ годъ въ училищѣ 1-го разряда и 25—второго. Въ видахъ удобства родителей начальницѣ разрѣшалось держать у себя пенсіонерокъ.

По Положенію открытыя женскія училища могли быть 2-хъ разрядовъ. Курсъ 1-го разряда шестилѣтній, съ преподаваніемъ: закона Божьяго, русскаго языка, ариѳметики и понятій объ измѣреніяхъ, начальныхъ свѣдѣній изъ естественной исторіи [1]), географіи всемірной и русской, исторіи всеобщей и, подробнѣе, русской, чистописанія, рисованія, рукодѣлія. Къ необязательнымъ предметамъ, за особую плату отнесены: иностранные языки, танцы, музыка, пѣніе. Въ училищахъ 2-го разряда, съ четырехлѣтнимъ курсомъ, должны были преподаваться: законъ Божій, краткая русская грамматика, русская исторія и географія сокращенно и четыре дѣйствія ариѳметики, чистописаніе, рукодѣлія. Цѣль училищъ заключалась въ сообщеніи ученицамъ того религіозно-нравственнаго и умственнаго образованія, которое должно требовать отъ каждой женщины, въ особенности же отъ будущей матери семейства. Учителямъ Положеніе предоставляло права дѣйствительной службы наравнѣ съ домашними наставниками и учителями, если они не состоятъ въ то же время на службѣ въ другихъ заведеніяхъ. Главное правленіе училищъ полагало придать открытымъ женскимъ училищамъ характеръ частныхъ заведеній „чтобы упростить устройство и управленіе ими“.

Положеніе 1858 года было Высочайше утверждено уже при новомъ министрѣ народнаго просвѣщенія, Е. Ковалевскомъ, который вновь потребовалъ отъ начальствъ губерній свѣдѣній о ходѣ дѣла женскихъ училищъ. Тогда министръ внутреннихъ дѣлъ, С. Ланской, 19 іюля 1858 года увѣдомилъ Е. Ковалевскаго, что онъ разослалъ циркуляры начальникамъ губерній и губернскимъ предводителямъ дворянства о приглашеніи дворянства и городскихъ сословій къ пожертвованіямъ на женскія училища и, кромѣ того, особымъ циркуляромъ сообщилъ начальникамъ губерній, что министерство внутреннихъ дѣлъ готово содѣйствовать училищамъ временными пособіями, также изъ доходовъ приказовъ общественнаго призрѣнія и городовъ, когда это будетъ необходимо. Въ циркулярѣ Ланского къ начальникамъ губерній было сказано, что въ помѣщеніи училищъ не должно быть ни-

---

[1]) Въ первоначальномъ проектѣ, предложенномъ попечителями, въ программу входили еще физика и геометрія.

какой роскоши, и что при недостаткѣ средствъ на устройство самостоятельнаго женскаго училища, можно обращаться къ заслуживающимъ довѣрія содержателямъ и содержательницамъ частныхъ пансіоновъ, предложивъ имъ денежное или другое пособіе, за которое они обязывались бы принять въ свое заведеніе опредѣленное число приходящихъ ученицъ и обучать ихъ по установленной для женскихъ училищъ программѣ, подлежа въ этомъ отношеніи надзору мѣстнаго начальства [1]). Въ видахъ облегченія устройства женскихъ училищъ, было разрѣшено, по ходатайству нѣкоторыхъ губернаторовъ, преобразовывать въ женскія училища и мѣстные дѣтскіе пріюты.

Одними изъ первыхъ, учрежденныхъ въ провинціи открытыхъ, всесословныхъ, женскихъ училищъ, были тверскія: въ Твери и Вышнемъ-Волочкѣ. 5-го февраля 1858 года А. С. Норовъ уполномочилъ Н. Вышнеградскаго, по случаю поѣздки его въ Тверь, переговорить съ губернаторомъ, губернскимъ предводителемъ дворянства и городскимъ головою объ устройствѣ въ Твери женскаго училища для приходящихъ. Тверское купечество составило 29-го апрѣля приговоръ, выписку изъ котораго поднесло императрицѣ, когда она, вмѣстѣ съ государемъ, проѣзжала черезъ Тверь и присутствовала при открытіи, 11 августа 1858 года, училища. Въ приговорѣ было сказано: „купечество города Твери, съ благодарностью сознавая высокую цѣль правительства объ открытіи женскаго училища, единодушно желая основать такое училище въ городѣ Твери и стремясь положить совершенно прочное начало этому вполнѣ благотворительному заведенію, пожертвовало по приговору своему, составленному 29-го апрѣля текущаго года: ежегодно по 2 процента съ рубля гильдейскихъ пошлинъ, вносимыхъ въ казну, въ теченіе первыхъ пяти лѣтъ, что составитъ до 2.500 рублей въ годъ, и единовременно 1.190 рублей, на обученіе 25 бѣдныхъ дѣвицъ по 30 рублей за каждую въ годъ, въ теченіе семи лѣтъ, всего 5.250 рублей; временной купецъ Пановъ — по 1.000 рублей въ годъ, въ теченіе трехъ лѣтъ = 3.000 рублей, и градской голова, потомственный почетный гражданинъ Головинскій — по тысячѣ рублей каждогодно въ теченіе первыхъ пяти лѣтъ = 5.000 рублей“. Всего было собрано 16.490 рублей, изъ нихъ 5.250 рублей на плату за 25 бѣдныхъ учениць были пожертвованы именно по случаю пребыванія государя и императрицы въ Твери.

---

[1]) Матеріалы для исторіи и статистики слободской женской прогимназіи. Составилъ предсѣдатель Совѣта прогимназіи д. с. с. Куроптевъ. Вятка. 1882 г.

Училище, преобразованное изъ частнаго пансіона г-жи Гросвальдъ, которую дирекція избрала его начальницею, должно было состоять изъ шести классовъ. Въ немъ, по приговору купеческаго общества, должны были воспитываться „дочери бѣдныхъ гражданъ, оказавшихъ какія-либо заслуги передъ обществомъ“.

Къ открытію поступили въ училище 60 ученицъ [1]). Императрица приняла его подъ свое покровительство и дозволила называться „Маріинскимъ“.

Одновременно съ обращеніемъ къ начальствующимъ лицамъ тверской губерніи и къ губернскому предводителю дворянства, Н. Вышнеградскій обратился и къ уѣздному предводителю вышневолоцкаго дворянства съ предложеніемъ открыть въ Вышнемъ-Волочкѣ женское всесословное училище. 5-го февраля 1858 года уѣздное дворянство, „сочувствуя благодѣтельнымъ предначертаніямъ правительства и сознавая съ благодарностью необходимость предлагаемыхъ мѣръ къ распространенію образованія“, изъявило полную готовность содѣйствовать открытію женскаго училища, съ тѣмъ, чтобы плата съ ученицы была не выше 25 — 35 рублей въ годъ и поручило своему предводителю ходатайствовать передъ императрицею о принятіи училища подъ ея покровительство и о присвоеніи ему названія „Маріинскаго“.

Купеческое общество Вышняго-Волочка собрало по добровольной подпискѣ 2.100 рублей на его обзаведеніе; инженеры и гражданскіе чины 3-го округа путей сообщенія и публичныхъ зданій пожертвовали единовременно 162 рубля; почетный гражданинъ Ванчаковъ взялся доставить нужную для училища мебель; купецъ 1-й гильдіи Власовъ предложилъ помѣщеніе для училища на первый годъ въ своемъ домѣ; Н. Вышнеградскій, независимо отъ участія съ купечествомъ въ подпискѣ на училище, обѣщалъ доставить ему всѣ нужныя учебныя пособія; соборный священникъ, магистръ Ягнъ, и штатный смотритель вышневолоцкихъ училищъ предложили преподавать даромъ, первый — законъ Божій, второй — географію.

Когда купечеству и мѣщанству было предъявлено Высочайше утвержденное 30-го мая 1858 года Положеніе о женскихъ училищахъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, то они постановили: отпускать изъ городскихъ доходовъ училищу по 300 рублей въ годъ и, при объявленіи купеческихъ капиталовъ, вносить съ купцовъ 1-й гильдіи по 5 рублей, 2-й по 3 р. и 3-й по 1 рублю, но съ тѣмъ, чтобы училище было открыто на за-

[1]) Журналъ для воспитанія. 1858. Т. IV.

явленныхъ еще въ февралѣ купечествомъ основаніяхъ, т.-е. чтобы оно состояло въ вѣдѣніи главнаго Совѣта, подъ попечительствомъ принца П. Г. Ольденбургскаго и подъ начальствомъ Н. Вышнеградскаго, и чтобы за ученіе обязательнымъ предметамъ было назначено 25 рублей въ годъ съ ученицы, а необязательнымъ— 5 рублей. Кромѣ того, они просили назначить инспекторомъ титулярнаго совѣтника Филаретова, а главною надзирательницею и преподавательницею французскаго языка и рукодѣлій—дѣвицу Подобѣдову, „какъ всему обществу извѣстную своими познаніями и хорошею нравственностью“ [1]).

Такъ какъ желаніе городского общества, чтобы вышневолоцкое училище было подчинено главному Совѣту, противорѣчило Положенію 30-го мая, по которому оно должно было состоять въ вѣдѣніи министерства, подъ наблюденіемъ губернскаго директора училищъ, то министръ народнаго просвѣщенія представилъ объ этомъ на Высочайшее разрѣшеніе. Государь согласился удовлетворить желаніе вышневолоцкаго общества и главный Совѣтъ разрѣшилъ немедленно открыть училище на 120 приходящихъ ученицъ (74 уже имѣлись въ виду). Расходы по училищу предполагались въ суммѣ до 4.490 рублей въ годъ, а доходы—въ 4.100 рублей; изъ нихъ сборъ на 120 ученицъ составлялъ 2.220 рублей, изъ городскихъ доходовъ 300, сборъ съ купеческихъ капиталовъ 200; остальная сумма должна была выдаваться изъ процентовъ съ запаснаго капитала, „который составляется“. Въ число доходовъ главный Совѣтъ не включилъ обѣщанной дворянствомъ суммы, но упомянулъ о томъ, что „дворянство, безъ сомнѣнія, по изъявленной имъ готовности, окажетъ содѣйствіе училищу“ [2]). Онъ допустилъ для вышневолоцкаго училища, по мѣстнымъ условіямъ, измѣненія въ основныхъ правилахъ петербургскихъ училищъ и назначилъ почетными блюстителями: вышневолоцкаго предводителя дворянства, начальника округа путей сообщенія, городского Голову, старшаго протоіерея вышневолоцкаго собора, директора училищъ тверской губерніи и Н. Вышнеградскаго „для необходимаго, особенно на первое время, посредничества между Принцемъ и училищемъ и для постояннаго слѣдованія за ходомъ онаго въ сравненіи съ подобными заведеніями въ столицѣ“.

Пожертвованія на женскія училища въ тверской губерніи были сдѣланы купечествомъ еще въ четырехъ городахъ: Кашинѣ, Калязинѣ, Бѣжецкѣ и Весьегонскѣ.

[1]) Дѣла гл. Совѣта. 1858 г.

[2]) Журн. гл. Сов. 22 дек. 1858 г.

Излагая министру народнаго просвѣщенія ходъ этого дѣла въ Кашинѣ, кашинскій городской Голова разсказывалъ, что въ 1859 году смотритель уѣзднаго училища потребовалъ у Думы точныхъ свѣдѣній о числѣ жителей города по классамъ и гильдіямъ. „Но для какой цѣли,—пишетъ Голова,—для статистическихъ свѣдѣній или въ видахъ распоряженія высшаго начальства—думѣ въ томъ отношеніи не объяснялось. Между прочимъ смотритель спрашивалъ думу: есть ли въ городѣ Кашинѣ благонамѣренные люди, которые могли бы содѣйствовать образованію"? На это Голова отвѣтилъ, что „въ обществѣ неблагонамѣренныхъ людей пѣтъ, ибо они имъ нетерпимы и исключаются по законамъ; общество же желаетъ просвѣщенія" [1]). Калязинское городское общество, ассигновавъ изъ городскихъ доходовъ по 250 рублей въ годъ на училище, обусловило свое участіе въ дѣлѣ тѣмъ, чтобы дѣти мѣщанъ и купцовъ учились даромъ. Городъ Осташковъ отказался отъ устройства новаго училища, рѣшивъ оставить въ прежнемъ положеніи то, которое существовало въ городѣ съ 1839 года.

Въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ были въ то же время получены увѣдомленія начальниковъ нѣкоторыхъ губерній: губернскій предводитель владимірской губерніи ограничился простымъ сообщеніемъ, что онъ передалъ дворянству циркуляръ министра объ устройствѣ женскихъ училищъ; отъ попечителя московскаго учебнаго округа было получено извѣщеніе, что на женскія училища въ костромской губерніи два помѣщика пожертвовали 50 рублей 40½ копѣекъ, да отъ В. Базилевскаго поступило 300 рублей. Черниговскій губернаторъ сообщилъ, что съ данныхъ въ Черниговѣ въ пользу женскихъ училищъ трехъ спектаклей получено 1.400 рублей, и что онъ предписалъ всѣмъ Думамъ губерніи предложить городскимъ обществамъ, чтобы они изложили свои потребности и то участіе, какое примутъ въ устройствѣ училищъ. Предводитель дворянства таврической губерніи писалъ, что дворянство еще не оправилось отъ войны, но что въ его средѣ уже возникли соображенія объ устройствѣ женской школы въ Симферополѣ. Дворянство лифляндской губерніи высказалось въ томъ смыслѣ, что оно довольно своими школами. Псковское дворянство постановило отложить дѣло до другого, болѣе благопріятнаго времени.

Послѣ изданія Положенія 30 мая 1858 года о женскихъ

---

[1]) Докладная записка кашинскаго гор. Головы министру нар. просв. (Арх. мин. нар. просв.).

училищахъ, начальства губерній стали усиленно побуждать населеніе къ ихъ устройству, обращаясь преимущественно къ купечеству и, въ рѣдкихъ случаяхъ, къ дворянству. Дѣло пошло быстрѣе и мало-по-малу училища стали открываться не только въ губернскихъ городахъ, но въ такихъ даже, какъ Тотьма, Устьсысольскъ, Яренскъ. Въ большинствѣ случаевъ, однако, населеніе соглашалось неохотно и не сразу, даже въ большихъ городахъ. Въ Херсонѣ педагогическій Совѣтъ мужской гимназіи еще въ апрѣлѣ 1858 года, стало быть, еще до изданія Положенія, постановилъ содѣйствовать устройству женскаго училища тѣмъ, что учителя предложили преподавать въ немъ безплатно. Директоръ училищъ обратился за содѣйствіемъ къ губернскому начальству приглашеніемъ городскихъ обывателей къ пожертвованіямъ на училище по подпискѣ. При этомъ было предложено разсрочить пожертвованія именно такъ, чтобы въ первый годъ каждое семейство платило по 30 копѣекъ въ годъ, а въ два остальные—по 25 копѣекъ. Считая въ Херсонѣ 6.000 семействъ, получилось бы 1.800 рублей, что было достаточно для открытія училища. На предложеніе начальника губерніи два городскихъ общества отвѣтили, что считаютъ дѣло полезнымъ, но „по бѣдности своей не предвидятъ надобности въ заведеніяхъ для дѣтей женскаго пола“. Херсонская Дума замедлила отвѣтомъ. Видя такое отношеніе городскихъ обществъ, директоръ херсонской мужской гимназіи устроилъ у себя на дому любительскій музыкальный вечеръ, давшій сбора до 487 рублей и, кромѣ того, по словамъ корреспондента „Одесскаго Вѣстника“, 75 билетовъ, на сумму 505 рублей, были разобраны на обѣдѣ у директора послѣ произнесенной имъ рѣчи. Дворянство открыло на выборахъ 1859 года въ пользу женскаго училища подписку, но она дала всего 68 рублей 44 копѣйки [1]). Наконецъ, херсонская Дума увѣдомила, что „за всѣми убѣжденіями, херсонское общество всѣхъ сословій не изъявило согласія на пожертвованіе для женскихъ школъ“. Александрійская городская ратуша сообщила, что „городское общество всѣхъ сословій, при всѣхъ усиленныхъ и неоднократныхъ убѣжденіяхъ членовъ ратуши и ея секретаря, не изъявляетъ согласія на пожертвованія для устройства въ Александріи женской школы“. Такой отвѣтъ получился и отъ другихъ Думъ и ратушъ херсонской губерніи.

Категорическіе отказы были получены отъ семи городовъ рязанской губерніи. Егорьевскіе купцы и мѣщане прямо сказали,

[1]) Журн. мин. нар. просв. 1862 г. Т. 113 (Корреспонденція изъ Одессы).

что „никакой пользы отъ женскихъ школъ они не предвидятъ“. Отъ ярославской дирекціи поступило сообщеніе, что дворяне воспитываютъ своихъ дочерей въ пансіонахъ и институтахъ; купцы считаютъ лишнимъ давать образованіе дѣвицамъ, а мѣщане и ремесленники находятъ образованіе для своихъ дочерей безполезнымъ, если не вреднымъ [1]). Старѣйшее изъ городскихъ обществъ владимірской губерніи, суздальское, заявило, что въ образованіи дѣтей женскаго пола крайней нужды не имѣетъ [2]).

Минское дворянство также отказалось открыть на свои средства женское училище. На выборахъ 1859 года оно постановило, что считаетъ такое училище безполезнымъ потому, что: 1) содержаніе каждой воспитанницы, согласно указанной правительствомъ программѣ, обойдется въ 74 рубля въ годъ, а приходящихъ, живущихъ на наемной квартирѣ, въ 60—70 рублей; такимъ образомъ, содержаніе дочери обойдется не живущимъ въ городѣ родителямъ въ 134—144 рубля въ годъ, между тѣмъ какъ въ частныхъ женскихъ пансіонахъ приходящія платятъ (вмѣстѣ съ уроками музыки) отъ 30 до 45 рублей, а живущія въ пансіонѣ на полномъ содержаніи—отъ 90 до 130 рублей; 2) въ частныхъ пансіонахъ воспитываются большею частью дочери зажиточныхъ людей; онѣ поступаютъ хорошо приготовленными и съ хорошимъ направленіемъ, служатъ примѣромъ для подругъ; и вообще, „находящіяся подъ постояннымъ надзоромъ наставницъ дѣвицы гораздо больше успѣваютъ въ нравственномъ отношеніи чѣмъ тѣ, которыя возвращаются въ общество слугъ или мѣщанъ, у которыхъ нанимаютъ квартиру“. Поэтому—сказано въ постановленіи дворянства—ясно, что учрежденіе въ Минскѣ женской гимназіи преждевременно.

Въ 1860 году были открыты женскія училища для приходящихъ въ Вильно, Гродно и Ковно, но минское дворянство повторило свое прежнее постановленіе, въ нѣсколько смягченной формѣ; оно сказало, что учрежденіе въ Минскѣ такого училища „еще не можетъ быть согласовано съ общественною пользою“ и ходатайствовало о дозволеніи обратить собранный имъ на центральный институтъ въ Вильнѣ капиталъ, до 34.878 рублей, на учрежденіе пятиклассныхъ мужскихъ училищъ.

Сообщая объ этомъ постановленіи, Назимовъ прибавлялъ, что отъ минскаго дворянства нельзя ожидать сочувствія къ преуспѣянію женскихъ училищъ и просилъ уволить его отъ званія

[1]) Журн. для воспитанія. 1860 г. Т. VII.

[2]) Журн. мин. нар. просв. 1860 г. Т. 107.

почетнаго попечителя минскаго училища, ссылаясь на то, что минская губернія не принадлежитъ къ виленскому генералъ-губернаторству. Спрошенный по этому дѣлу начальникъ минской губерніи представилъ оффиціальные отчеты, изъ которыхъ было видно, что содержаніе въ частныхъ женскихъ пансіонахъ обходится дороже нежели въ предположенномъ училищѣ. Онъ, вмѣстѣ съ Назимовымъ, считалъ учрежденіе открытаго женскаго училища „истиннымъ благодѣяніемъ для родителей". Въ 1862 году, по присоединеніи минской губерніи къ виленскому генералъ-губернаторству, Назимовъ сообщилъ главному Совѣту, что въ согласіи минскаго дворянства на обращеніе капитала въ 34.878 рублей на женскую гимназію нѣтъ надобности, ибо эти деньги уже предназначены на нее Высочайшимъ повелѣніемъ, на основаніи котораго уже открыты три училища въ краѣ.

Смѣнившій Назимова, главный начальникъ края, Муравьевъ, на сдѣланный ему главнымъ Совѣтомъ запросъ, отвѣчалъ, что нѣтъ необходимости возбуждать дальнѣйшій вопросъ объ училищѣ, а постановленіе минскаго дворянства не имѣетъ обязательнаго значенія. Открытіе училища онъ считалъ необходимымъ, но для привлеченія къ нему лицъ русскаго происхожденія, находилъ нужнымъ увеличить на 50% содержаніе служащихъ въ немъ. Учебный комитетъ при IV отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи представилъ проектъ училища, которое, при 80 ученицахъ, должно было состоять изъ трехъ классовъ съ двухгодичными въ каждомъ курсами. При этомъ учебный комитетъ высказался за преподаваніе въ училищѣ польскаго языка, по 2 урока въ недѣлю, по примѣру кіевскаго института, но предоставилъ рѣшеніе этого вопроса мѣстной власти, которой ближе извѣстно положеніе края. Учителямъ вмѣсто поурочной платы, по 75 копѣекъ, положено платить, какъ во всѣхъ губернскихъ заведеніяхъ, по 40 рублей за годовой часъ. На составленіе училищной библіотеки, изъ образцовыхъ русскихъ сочиненій, назначено, по представленію Муравьева, 500 рублей въ годъ и 200 руб. на ея поддержаніе.

Государь, согласно постановленію главнаго Совѣта, повелѣлъ предоставить Муравьеву назначеніе, до умиротворенія края, личныхъ прибавокъ начальникамъ литовскихъ женскихъ гимназій, но не въ просимомъ Муравьевымъ размѣрѣ (по 1.500 руб. въ годъ, какъ директорамъ мужскихъ гимназій), а по 500 рублей, и главнымъ надзирательницамъ по 250 рублей въ годъ. Было также разрѣшено преподаваніе въ минской гимназіи, какъ и въ

другихъ литовскихъ гимназіяхъ, польскаго языка. Рѣшеніе главнаго Совѣта послѣдовало въ 1864 году; онъ призналъ, что минское дворянство не имѣло права измѣнять въ 1859 году Высочайше утвержденнаго назначенія пожертвованнаго имъ капитала, и что „самыя разсужденія о томъ не должны были имѣть мѣста“. Общій расходъ на минскую гимназію былъ исчисленъ въ 8.180 рублей въ годъ. Ея средства составляли сумму въ 5.944 рубля, считая тутъ проценты съ капитала дворянства 1.744 рубля, плату за ученіе по 15 рублей въ годъ съ ученицы — 1.200 рублей и 3.000 рублей пособія отъ вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи. При этомъ главный Совѣтъ постановилъ ни въ какомъ случаѣ не допускать безплатныхъ ученицъ, ибо „вѣдомство, отпуская пособіе, имѣло въ виду облегчать ученіе, но не обучать даромъ“. Въ видѣ изъятія, главный Совѣтъ опредѣлилъ выдавать минской гимназіи, кромѣ 3.000 рублей, еще по 2.236 руб. въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ.

Въ маленькихъ городкахъ энергичному начальству удавалось иногда сломить сопротивленіе населенія, и женскія школы постепенно учреждались. Когда, въ 1858 году, въ Великомъ-Устюгѣ начальникъ губерніи предложилъ Думѣ пріискать средства къ устройству женскаго училища второго разряда, городской староста представилъ приговоръ купеческаго и мѣщанскаго обществъ, что „такъ какъ въ Великомъ-Устюгѣ есть уже женская школа, на которую дума дастъ изъ городскихъ доходовъ по 30 рублей въ годъ, то болѣе школъ не нужно“. Найдя такой приговоръ двухъ городскихъ обществъ, а не всѣхъ сословій, недостаточнымъ, начальникъ губерніи предложилъ пригласить къ участію въ составленіи новаго приговора всѣхъ городскихъ обывателей, а Дума поручила полиціи объявить имъ предложеніе губернатора. Мѣсяцъ спустя, полиція донесла, что оно было объявлено всѣмъ городскимъ сословіямъ, но они на открытіе второго дѣвичьяго училища не согласны. На томъ основаніи, что изъ представленной полиціею переписки не было видно, что жители города разныхъ сословій дали письменные отзывы о несогласіи на учрежденіе женской школы, Дума постановила просить полицію „исполнить во всей точности“ предписаніе высшаго начальства. Въ 1859 г. полиція представила Думѣ новый отзывъ обывателей: „мы, нижеподписавшіеся, — говорилось въ немъ, — отношеніе думы, въ коемъ изложено предписаніе министра внутреннихъ дѣлъ объ открытіи женской школы, слышали, но участвовать въ открытіи оной не согласны“. Сообщая эти свѣдѣнія, окружной инспек-

торъ с.-петербургскаго округа, Максимовичъ [1]), прибавляетъ, что въ числѣ подписавшихъ отзывъ не было „ни одного лица, пользующагося въ городѣ извѣстностью".

Тогда штатный смотритель предложилъ начальствующимъ лицамъ города и живущимъ въ немъ чиновникамъ жертвовать для предположеннаго училища по одному проценту съ получаемаго каждымъ жалованья, на что всѣ изъявили единодушное согласіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ черезъ Думу обратились къ „благодѣтелю устюжскаго края, коммерціи совѣтнику, потомственному почетному гражданину", который обѣщалъ построить домъ для училища, если общество дастъ средства для его содержанія. „Со дня этого разговора,—замѣчаетъ Максимовичъ, — открытіе женскаго училища можно было считать осуществившимся". Однако, надо было собрать средства на содержаніе училища, безъ которыхъ коммерціи совѣтникъ не соглашался выстроить домъ. Бывшій директоръ училищъ обратился къ каждому изъ „именитѣйшихъ" лицъ въ отдѣльности, убѣждая и представляя выгоды, происходящія отъ образованія дѣвицъ, подкрѣпляя свои убѣжденія „производившимся тогда слѣдствіемъ по одному событію, совершившемуся именно отъ недостатка воспитанія и отъ невѣжества". Штатный смотритель настоялъ, чтобы Дума созвала общее собраніе городскихъ обывателей всѣхъ сословій, „чего прежде не бывало и что встрѣтило сильную оппозицію со стороны нѣкоторыхъ". Передъ открытіемъ собранія, протоіерей успенскаго собора обратился къ присутствующимъ съ рѣчью, въ которой, между прочимъ, сказалъ: „По слову Цареву мы приступаемъ къ открытію женскаго училища, и потому всякое недоразумѣніе съ вашей стороны по сему важному предмету послужитъ выраженіемъ вашего недовѣрія къ высшей власти, всякое прекословіе будетъ выраженіемъ вашего неуваженія воли Монарха. Да не будетъ сего!" „И его не было, — говоритъ Максимовичъ, — голосъ строптивыхъ умолкъ передъ гласомъ убѣдительной истины. Всѣ единодушно старались только опредѣлить разные источники доходовъ для обезпеченія женскаго училища". Для покрытія расходовъ по его содержанію требовалось 700 рублей въ годъ; общее собраніе 1859 года постановило брать съ купеческихъ капиталовъ 1-й гильдіи по 18 руб. 75 коп. въ годъ, 2-й гильдіи—7 руб. 50 коп., 3-й—по 3 руб.; съ каждой „мѣщанской души"—по 3 копѣйки. Изъ городскихъ доходовъ было назна-

[1]) Женскія училища вѣдомства мин. нар. просв. Составлено окружнымъ инспекторомъ по порученію начальства Спб. уч. округа, П. Максимовичемъ, по оффиціальнымъ отчетамъ. 1865 г.

чено на женское училище по 30 рублей въ годъ; изъ чистой прибыли городского банка—200 рублей; со служащихъ чиновниковъ по 1% съ получаемаго ими жалованья, что̀ составило около 100 рублей. Въ общей сложности училищу было обезпечено 728 руб. 25 коп. въ годъ. Кромѣ того, духовенство открыло добровольную подписку и обѣщало повторять ее и въ будущемъ.

Утвержденіе этого приговора великоустюжскихъ гражданъ замедлилось по независящимъ отъ нихъ причинамъ; министръ внутреннихъ дѣлъ не разрѣшилъ банку отчислять изъ своихъ доходовъ по 200 рублей въ годъ училищу, предоставляя городскому обществу ходатайствовать объ измѣненіи соотвѣтствующихъ параграфовъ Положенія о банкѣ, а, между тѣмъ, по словамъ Максимовича, „во всѣхъ сословіяхъ стало замѣтно нетерпѣніе и желаніе скорѣе видѣть у себя разсадникъ будущихъ образованныхъ матерей семействъ“.

Дума немедленно возбудила ходатайство объ измѣненіи нѣкоторыхъ статей Положенія о банкѣ; но разрѣшеніе послѣдовало лишь въ 1865 году, когда и было открыто училище.

При торжествѣ открытія священникъ сказалъ слово, въ которомъ указалъ, какъ на образецъ христіанскаго воспитанія, воспитаніе Пресвятой Дѣвы въ іерусалимскомъ храмѣ. Начальницею была назначена домашняя учительница съ жалованьемъ по 200 рублей въ годъ. Учителямъ было опредѣлено по рублю въ мѣсяцъ за урокъ. Къ этому времени средства училища состояли: изъ пожертвованныхъ по устроенной штатнымъ смотрителемъ подпискѣ взамѣнъ праздничныхъ визитовъ—95 рублей, отъ устроеннаго имъ же спектакля — 217 рублей, отъ предложенной городскимъ Головою подписки—925 рублей, изъ переданной Думою суммы въ 441 рубль (въ томъ числѣ 44 рубля были собраны духовенствомъ), отъ членовъ попечительнаго Совѣта 220 рублей, отъ сбора съ лотереи. При открытіи поступило 55 ученицъ; изъ нихъ дочерей дворянъ и чиновниковъ 17, духовенства 9, купеческихъ 15, крестьянъ 4, мѣщанъ 10.

Почти то же происходило и въ другихъ маленькихъ городкахъ, гдѣ училища открывались только благодаря упорнымъ настояніямъ, главнымъ образомъ, директоровъ училищъ и штатныхъ смотрителей. Въ Грязовцѣ директоръ училищъ убѣждалъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ собранныхъ въ Думу горожанъ въ пользѣ женскихъ училищъ и въ томъ, что для этого каждый долженъ будетъ пожертвовать самую ничтожную сумму.

Едва ли не болѣе всѣхъ другихъ по дѣлу устройства жен-

скихъ училищъ было сдѣлано въ вятской губерніи. Какъ только былъ полученъ указъ вятскаго губернскаго правленія съ объявленіемъ воли государя объ ихъ учрежденіи, въ „Вятскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ была напечатана статья, занявшая цѣлый нумеръ, о необходимости женскихъ училищъ въ Вяткѣ и въ вятскомъ краѣ.

„Счастливъ тотъ,—говорилось въ статьѣ,—на долю котораго выпадаетъ высокое дѣло осуществленія въ Вяткѣ женской гимназіи или, по крайней мѣрѣ, положившій начало ея основанію: онъ увѣковѣчитъ свое имя этимъ прекраснымъ дѣломъ. Память о благодѣтелѣ вятскихъ жителей будетъ для насъ священна, а вятская лѣтопись украсится новымъ незабвеннымъ для него листкомъ великаго дѣла, ибо немногое въ жизни человѣческой, что выше образованія ума и сердца подобныхъ себѣ“ [1]).

Въ концѣ 1858 года вятское купеческое общество положило вносить на училище по $^1/_2$ процента съ объявляемыхъ капиталовъ. Начальникъ губерніи, Н. Муравьевъ, нашелъ, что этого мало; онъ пріѣхалъ въ собраніе купеческаго общества и убѣдилъ его въ необходимости увеличить взносы. Тогда купечество постановило вносить въ теченіе 12-ти лѣтъ по $1^1/_2$ процента съ объявленныхъ капиталовъ и кромѣ того обязалось, по открытіи въ Вяткѣ общественнаго банка, назначить изъ его прибылей сумму на содержаніе училища, а также устраивать въ его пользу лотереи.

Какъ только приговоръ вятскаго общества сталъ извѣстенъ въ уѣздныхъ городахъ, они также стали жертвовать на училища, и къ концу 1859 года состоялись приговоры еще въ пяти городахъ губерніи. Котельничскіе купцы и мѣщане сами ходатайствовали объ учрежденіи женскаго училища, для котораго былъ предназначенъ общественный домъ и обезпечена сумма на содержаніе изъ взносовъ съ гильдейскихъ капиталовъ и при совершеніи браковъ (съ купцовъ 1-й гильдіи по 36 руб. отъ жениха и невѣсты, 2-й — по 19 руб., 3-й — по 5 руб., съ мѣщанъ — по 80 коп.) и крестинъ (съ купцовъ 1-й гильдіи по 5 руб., 2-й—3 руб., 3-й—1 руб.). Городской Голова объявилъ, что, желая ускорить открытіе училища, онъ, до формальнаго учрежденія, устроитъ его на свой счетъ въ собственномъ домѣ, который жертвуется училищу навсегда, и принимаетъ на себя всѣ расходы въ первый годъ существованія училища. Кромѣ

[1]) Вятская хроника за послѣднія 25 лѣтъ, 1855—1880 гг. (Столѣтіе вятской губ. 1780—1880 гг. Сборникъ матеріаловъ къ исторіи вятскаго края. Изданіе вятскаго губ. статистич. комитета. Вятка. 1880 г.).

того, онъ обязался вносить ежегодно училищу по 100 рублей, если будетъ „удостоенъ“ званія попечителя, также и жена его, изъявившая готовность быть попечительницею.

Елабужскій купецъ 1-й гильдіи, Ушковъ, предложилъ построить на свой счетъ и пожертвовать двухъэтажный домъ для мужского уѣзднаго училища, съ отдѣленіемъ для дѣвочекъ. Расходы на первоначальное обзаведеніе и содержаніе этого отдѣленія елабужское общество положило покрыть изъ городскихъ доходовъ и частныхъ пожертвованій. По поводу этихъ приговоровъ „Вятскія Губернскія Вѣдомости“ сказали, что „имена Кардаковыхъ (котельничскій городской Голова и его жена) и Ушкова не будутъ забыты въ лѣтописи просвѣщенія вятскаго края“.

Такіе же приговоры составили общества въ Сарапулѣ и Слободскомъ. Послѣднее постановило, чтобы въ женскомъ училищѣ, съ курсомъ, приближеннымъ къ уѣздному, дочери гражданъ, духовенства и чиновниковъ, служащихъ въ Слободскомъ, обучались обязательнымъ предметамъ даромъ, а необязательнымъ, также и дочери лицъ, не живущихъ въ городѣ, за плату.

Къ половинѣ августа 1860 года въ пяти училищахъ вятской губерніи было 200 учащихся. Сравнивая это съ тѣмъ, что было нѣсколько лѣтъ назадъ, когда не только въ уѣздныхъ, но и въ Вяткѣ не было ни одного женскаго училища, „Вятскія Губернскія Вѣдомости“ говорятъ: „принимая во вниманіе, что нѣкоторыя училища существуютъ не болѣе года, другія лишь нѣсколько мѣсяцевъ, также новизну положенія, какую-то недовѣрчивость или сомнительность въ новооткрываемыхъ училищахъ, а всего болѣе привычку кое-какъ обучать дѣтей-дѣвицъ только дома, въ семействѣ, можно безошибочно сказать, что эти заведенія, не смотря на отсталыя убѣжденія большинства общества, привились, развиваются и подаютъ надежду, что примѣръ пяти городовъ не запоздаетъ подражаніемъ и во всѣхъ остальныхъ нашей губерніи. Всѣ возможныя мѣры и средства изыскиваются начальствомъ и учебнымъ вѣдомствомъ, чтобы поставить эти заведенія въ удовлетворительное состояніе во всѣхъ отношеніяхъ безъ излишней переписки и замедляющей ходъ дѣла оффиціальности“. Какъ на примѣръ, газета указываетъ на то, что по первому слову губернатора бѣдныя ученицы были снабжены теплою одеждою [1]).

Ускореніе открытія училищъ въ нѣкоторыхъ городахъ зна-

---

[1]) Вят Губ. Вѣд. 1860, № 51.

чительно содѣйствовалъ проѣздъ черезъ нихъ государя и императрицы въ 1858 году.

Въ Нижнемъ Новгородѣ еще въ 1856 году начались совѣщанія объ открытіи женскаго всесословнаго училища; тогда было предложено чиновникамъ высказать свое мнѣніе по этому дѣлу и опредѣлить способы для покрытія расходовъ на его обзаведеніе. Чиновники согласились жертвовать по полупроценту, а нѣкоторые и болѣе, съ получаемаго жалованья; преподаватели гимназіи, Александровскаго института и уѣзднаго училища предложили свой даровой трудъ; купцы и мѣщане обязались вносить по четверти процента и по десяти копѣекъ съ окладной души мѣщанъ и цеховыхъ въ теченіе первыхъ, съ 1857 года, четырехъ лѣтъ. Такимъ образомъ, составилась ежегодная сумма въ 1.900 рублей. Начальникъ губерніи призналъ это недостаточнымъ, „если только дворянство не приметъ участія на выборахъ въ декабрѣ 1857 года“. Но большинство чиновниковъ нашли непримѣнимыми къ своему быту тѣ основанія устройства училища, которыя были имъ предъявлены. Когда императрица разрѣшила выдавать изъ процентовъ съ запаснаго капитала 2.071 рубль 45 копѣекъ взамѣнъ такой же суммы, отпускавшейся нижегородскимъ приказомъ общественнаго призрѣнія нижегородскому институту, было найдено неудобнымъ открыть женское училище 2-го разряда, какъ раньше думали. Средствъ, однако, не было; но 30-го октября 1858 года, „въ ознаменованіе посѣщенія города Ихъ Императорскими Величествами съ Ихъ Высочествами“, купеческое общество постановило вносить по полупроценту съ объявленныхъ капиталовъ въ теченіе 10 лѣтъ, что составляло ежегодную сумму въ 2.500 рублей. Училище было открыто 29-го марта 1859 года. Хотя уставъ его уже давно ходилъ по рукамъ и была разослана публикація въ видѣ афиши объ открытіи училища, но къ этому времени поступило всего 8 ученицъ. Директоръ нижегородскихъ училищъ съ сожалѣніемъ объявилъ, что замѣчаетъ въ родителяхъ, приводившихъ къ нему дѣтей, какую-то нерѣшительность, „какъ будто предубѣжденіе“. Публики на открытіи училища было также немного; „больше лица оффиціальныя, изъ купечества два-три человѣка; мѣщанство, разумѣется, не посмѣло выслать ни одного представителя, также какъ и мелкая бюрократія. А для чьихъ же дѣтей,—прибавляетъ авторъ корреспонденціи,—и открывается новое училище, если не для средняго сословія?“

На харьковское училище купечество опредѣлило вносить въ теченіе трехъ первыхъ лѣтъ извѣстную сумму съ гильдейскихъ

капиталовъ, составившую въ 1858 году 1.880 рублей. По случаю проѣзда черезъ Харьковъ государя, было собрано на сооруженіе тріумфальной арки 3.305 рублей, которые, по лично выраженному государемъ желанію, были отданы на устройство женскаго училища. Тогда съ этой цѣлью стали поступать пожертвованія отъ частныхъ лицъ, и капиталъ училища возросъ до 15.637 р. [1]).

Въ Вологдѣ предположеніе объ устройствѣ женскаго училища и переписка о немъ тянулись полтора года; черезъ полиціймейстера было собрано 400 рублей 50 копѣекъ, были даны два любительскихъ спектакля, городское общество назначило выдавать 1.250 рублей въ годъ въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ (съ 1857 года); но этихъ суммъ было недостаточно для открытія училища Когда стало извѣстно, что государь, въ 1858 году, проѣдетъ черезъ Вологду, начальствующія лица приложили усиленныя старанія къ изысканію средствъ на училище; они обратились къ почетному гражданину Кокореву съ просьбой, чтобы онъ отдалъ имъ проценты съ пожертвованныхъ въ пользу ополченцевъ вологодской губерніи 50.000 рублей съ тѣмъ, чтобы дочери недостаточныхъ ополченцевъ допускались въ училище безплатно и по окончаніи курса, еще въ теченіе одного года, упражнялись въ преподаваніи въ низшихъ классахъ. Эти проценты, пожертвованные Кокоревымъ на первыя восемь лѣтъ существованія училища, составляли 1.000 рублей въ годъ, и училище было открыто въ „ознаменованіе всерадостнаго посѣщенія Его Императорскаго Величества Вологды“ 14-го іюня 1858 года. Въ училище поступили 30 ученицъ, бо́льшей частью изъ бывшаго единственнаго во всей губерніи частнаго пансіона г-жи Дозе, которая была переименована въ начальницы училища [2]).

Въ отчетѣ министра народнаго просвѣщенія за 1858 годъ было сказано, что пока производилась переписка съ министромъ внутреннихъ дѣлъ о привлеченіи къ участію въ устройствѣ женскихъ училищъ мѣстныхъ обществъ и частныхъ лицъ, дѣло шло медленно, и въ 1857 году открыто только одно, въ Костромѣ; что затѣмъ, по полученіи отъ попечителей учебныхъ округовъ и изъ министерства внутреннихъ дѣлъ свѣдѣній, было составлено Положеніе о женскихъ училищахъ, Высочайше утвержденное 30-го мая 1858 года, и тогда, а также послѣ принятія императрицею нѣкоторыхъ училищъ подъ свое покровительство,

[1]) Журн. мин. нар. просв. 1860, т. 107.

[2]) Женскія училища. П. Максимовича.

открытіе ихъ пошло весьма быстро. Въ теченіе второй половины 1858 года открыты или предположены къ открытію: въ Вологдѣ, Тотьмѣ, Устьсысольскѣ, Твери, Рязани, Самарѣ, Моршанскѣ, Ржевѣ, Черниговѣ, Тулѣ, Смоленскѣ и Нижнемъ-Новгородѣ.

„Если и далѣе пойдетъ такъ,—говорилось въ отчетѣ,—то просвѣщеніе въ Россіи получитъ сильное подкрѣпленіе, ибо никто и ничто не можетъ имѣть такого благотворнаго вліянія на первоначальное образованіе юношества, какъ просвѣщенная мать“ [1]).

17-го іюля 1859 года, по докладу товарища министра народнаго просвѣщенія, состоялось Высочайшее повелѣніе о томъ, чтобы учреждаемыя на счетъ пожертвованій частныхъ лицъ, дворянства и городскихъ обществъ женскія всесословныя училища, даже и тѣ, которыя приняты подъ покровительство императрицы, состояли въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія на основаніи Положенія 30-го мая 1858 года, а получающія средства отъ вѣдомства учрежденій императрицы Маріи—въ вѣдѣніи принца Ольденбургскаго.

Въ половинѣ 1859 года въ вѣдомствѣ учрежденій Императрицы Маріи было 4 училища въ Петербургѣ и одно въ Вышнемъ-Волочкѣ; разрѣшены къ открытію 4 въ сѣверозападныхъ губерніяхъ, одно въ Кіевѣ и одно въ Саратовѣ. Хотя изъ этихъ 11 училищъ 7 учреждались на средства дворянства, городского общества и частнаго лица [2]), но по Высочайшему повелѣнію они были подчинены главному Совѣту. Въ нихъ допускались представители мѣстныхъ сословій: предводитель дворянства, архіерей (въ Саратовѣ), начальникъ округа путей сообщенія (въ Вышнемъ-Волочкѣ), городской Голова, старшій протоіерей, директоръ училищъ. Всѣ эти лица носили званіе почетныхъ блюстителей.

Въ числѣ подвѣдомственныхъ министерству народнаго просвѣщенія училищъ было два московскихъ. Открытіе перваго изъ нихъ было вызвано не желаніемъ московскаго общества имѣть училище новаго типа, а благодаря случаю. Въ то время, когда въ Петербургѣ и въ нѣкоторыхъ губерніяхъ такія училища уже были открыты или предположены къ открытію, въ Москвѣ о нихъ не думали. Вѣроятная причина этого, по объясненію начальника московскихъ гимназій 25 лѣтъ спустя послѣ открытія первой

[1]) Журн. мин. нар. просв. 1859 г., т. 103.

[2]) Четыре училища въ западномъ краѣ на средства дворянства, въ Саратовѣ и Вышнемъ-Волочкѣ на средства городскихъ обществъ, въ Кіевѣ—на пожертвованіе сенатора Фундуклея.

изъ нихъ, заключалась въ томъ, что въ Москвѣ было много частныхъ пансіоновъ, удовлетворявшихъ потребностямъ образованія жителей. Но кромѣ того „многіе, даже образованные люди, по предубѣжденію держались мысли, что лицамъ женскаго пола среднихъ и низшихъ сословій едва ли нужно какое-либо образованіе... Многіе опасались, что сближеніе дѣтей разныхъ сословій понизитъ нравственный и умственный уровень духовной жизни въ семействахъ просвѣщенныхъ и благородныхъ... Наконецъ, внушало недовѣріе самое названіе ихъ „училищами для приходящихъ дѣвицъ“. На глазахъ у всѣхъ былъ непріятный примѣръ уѣздныхъ, городскихъ и приходскихъ школъ, гдѣ обучались дѣти бѣднѣйшаго населенія города, отличавшіяся неопрятностью, грубыми уличными шалостями и ничтожными знаніями; ожидали, что и въ женскихъ училищахъ для приходящихъ дѣвицъ соберется толпа такого же сброда дѣтей“ [1]).

Но въ 1859 году содержательница частнаго пансіона въ Москвѣ, г-жа Пенигкау, по своимъ разсчетамъ, подала на Высочайшее имя просьбу о переименованіи ея пансіона въ казенное училище для дѣвицъ. По повелѣнію императрицы просьба была передана въ министерство народнаго просвѣщенія и оттуда, черезъ попечителя московскаго учебнаго округа, директору училищъ губерніи для приведенія въ исполненіе. Въ пансіонѣ Пенигкау было всего 38 ученицъ, средствъ не предвидѣлось ни откуда, и директоръ обратился къ „извѣстнымъ ему по своей любви къ просвѣщенію и готовности на помощь благому дѣлу“ дворянамъ, братьямъ Шиповымъ. Они, вмѣстѣ съ потомственнымъ почетнымъ гражданиномъ Мамонтовымъ, пожертвовали на первоначальное обзаведеніе и поддержку училища въ первые три года его существованія по 2.500 рублей ежегодно. При открытіи училища въ даровомъ помѣщеніи, предоставленномъ ему г-жею Пенигкау, поступило лишь 38 ученицъ, бывшихъ ея пансіонерокъ; преподаватели согласились получать всего по 70 копѣекъ за урокъ. Но въ томъ же году число учениць возросло до 171-й. Въ 1861 году начальство училища, послѣ учрежденія на основаніи Положенія 1860 года, Совѣта его, при содѣйствіи одного изъ членовъ, бывшаго тогда московскаго генералъ-губернатора Тучкова, отдавшаго въ распоряженіе Совѣта благотворительный капиталъ Рихтера въ 17.000 рублей, задумало устроить въ Москвѣ второе училище и въ газстахъ было объявлено о

[1]) Изъ рѣчи, произнесенной начальникомъ моск. ж. гимназій Г. К. Виноградовымъ въ торжественномъ собраніи по случаю празднованія 25-ти-лѣтія первой женск. гимназіи 30 авг. 1884 г. (Ж. Обр. 1886 г. апр.).

предстоящемъ его открытіи въ Замоскворѣчьи; но въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ поступило всего три просьбы о принятіи дѣтей. Городской Голова приписалъ это тому, что въ Замоскворѣчьи живутъ или очень небогатые жители, „не чувствующіе нужды въ образованіи дѣтей“ или богатое купечество, приглашающее къ своимъ дѣтямъ учителей и учительницъ; тогда было рѣшено открыть второе училище въ другой части города, гдѣ жило много чиновниковъ. Но и тутъ нашлось только семь дѣвочекъ, пожелавшихъ учиться. Не зная, какъ помочь дѣлу, директоръ, съ разрѣшенія попечителя округа, объявилъ, что въ теченіе мая мѣсяца первое училище будетъ открыто для всѣхъ родителей, въ присутствіи которыхъ будетъ произведенъ экзаменъ безъ предварительной подготовки къ нему учениць, въ чемъ сами родители, также интересующіяся дѣломъ, извѣстныя въ городѣ лица, будутъ въ состояніи лично убѣдиться. На экзаменъ былъ приглашенъ и митрополитъ Филаретъ московскій, оставшійся довольнымъ знаніями учениць изъ закона Божія. Число ихъ понемногу стало увеличиваться; но срокъ пожертвованія Шиповыхъ и Мамонтова первому училищу истекалъ, а другихъ средствъ на покрытіе расходовъ у него не было. Тогда Совѣтъ обратился къ купеческому и мѣщанскому обществамъ съ просьбой о помощи, и эти общества щедро откликнулись не смотря на то, что въ обоихъ училищахъ, переименованныхъ тогда уже въ гимназіи, значительное большинство учениць принадлежало къ сословію дворянъ и чиновниковъ. Къ 1864 году обществами было пожертвовано двумъ первымъ гимназіямъ до 19.000 рублей. Кромѣ того, Совѣту были переданы генералъ-губернаторомъ 8.000 рублей, предоставленные въ его распоряженіе душеприказчиками статскаго совѣтника Губина.

Въ 1863 году попечительный Совѣтъ московскихъ гимназій просилъ генералъ-губернатора предложить московскому городскому обществу не ограничиваться временными пособіями, но назначить гимназіямъ опредѣленную сумму по 5.000 рублей въ годъ на каждую. Выбранная для обсужденія вопроса думская коммиссія предложила Думѣ давать по 4.000 рублей въ годъ каждой гимназіи, но съ тѣмъ, чтобы Думѣ было предоставлено право ходатайствовать о допущеніи къ участію въ попечительномъ Совѣтѣ гимназій, въ качествѣ непремѣнныхъ членовъ кромѣ городского Головы, и представителей городскихъ сословій, т.-е. старшинъ отъ дворянъ, потомственныхъ и личныхъ, и купечества, также о приглашеніи въ помощь попечительницѣ четырехъ почетныхъ дамъ московскаго городскаго общества, для по-

сѣщенія гимназій и личнаго наблюденія за воспитаніемъ дѣвицъ, съ правомъ присутствовать въ засѣданіяхъ попечительнаго Совѣта. Право увольнять ученицъ отъ платы должно, по мнѣнію коммиссіи, также принадлежать московскому городскому обществу. Приговоромъ, состоявшимся въ 1863 году, Дума постановила, что она „не можетъ не признать за городскимъ обществомъ обязанности содѣйствовать развитію женскихъ гимназій" и приняла всѣ остальныя предложенія коммиссіи. Министры народнаго просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ нашли предъявленное Думою ходатайство справедливымъ и оно было удовлетворено на основаніи Высочайшаго повелѣнія, которымъ министру народнаго просвѣщенія разрѣшалось дѣлать отступленія отъ Положенія 10 мая 1860 года.

Еще при открытіи второй московской гимназіи, вѣдомство учрежденій Императрицы Маріи, согласно желанію Императрицы Маріи Александровны, хотѣло само открыть въ Москвѣ женское училище для приходящихъ дѣвицъ. Но, вѣроятно въ виду малаго числа поступавшихъ ученицъ въ училища министерства, и въ избѣжаніе „вреднаго между ними соперничества", было рѣшено соединить всѣ московскія училища въ одномъ какомъ-нибудь вѣдомствѣ. Это соединеніе осуществилось только въ 1865 году, когда Высочайшимъ повелѣніемъ 5-го февраля этого года всѣ московскія женскія гимназіи были переданы въ вѣдомство учрежденій Императрицы Маріи.

Въ вѣдѣніи главнаго Совѣта состояло и черноморское женское училище въ Екатеринодарѣ съ благороднымъ при немъ пансіономъ. Въ 1859 году главнокомандующій кавказскою арміею вошелъ въ военное министерство съ представленіемъ о необходимости для черноморскаго казачьяго войска училища приходящихъ дѣвицъ, ибо въ краѣ нѣтъ ни одного женскаго заведенія, гдѣ генералы и офицеры могли бы воспитывать своихъ дочерей. „Офицеры такъ бѣдны,—сказано въ представленіи,—что не могутъ отдавать дѣтей въ учебныя заведенія внѣ войсковыхъ предѣловъ. Для лучшаго обзаведенія хозяйствомъ, изъ коего они содержатъ семейство въ домахъ и себя въ государственной службѣ, они селятся хуторами, удаленными отъ городовъ и станицъ, въ степи, лишенные сообщенія съ людьми образованными. Поэтому дочери ихъ воспитываются въ домахъ въ совершенной простотѣ понятій, нравовъ и привычекъ и едва ли знаютъ читать и писать". По внесенному главнокомандующимъ въ военное министерство проекту, училище должно было состоять подъ покровительствомъ императрицы, въ вѣдомствѣ учрежденій Импе-

ратрицы Маріи и подчинено главному Совѣту. Главное управленіе ввѣрялось намѣстнику „въ тѣхъ же отношеніяхъ подчиненности, какъ и Закавказскій дѣвичій институтъ“. Совѣтъ училища, подъ предсѣдательствомъ наказнаго атамана черноморскихъ казачьихъ войскъ, составлялся изъ начальника штаба войскъ, начальницы училища и пансіона, директора екатеринодарской войсковой гимназіи по учебной части училища и особаго члена изъ офицеровъ черноморскаго войска для завѣдыванія хозяйственною частью, по назначенію атамана. Въ училище могли поступать дочери офицеровъ и нижнихъ чиновъ черноморскаго войска, чиновниковъ, не принадлежащихъ къ войску, священниковъ, купцовъ всѣхъ гильдій и всякаго званія лицъ мусульманскаго исповѣданія. Приходящія ученицы купеческаго званія должны были платить за ученіе по 10 рублей въ годъ. Пансіонъ, при комплектѣ 120 воспитанницъ, изъ которыхъ 40 на полномъ и 40 на половинномъ казенновойсковомъ содержаніи, предназначался для дочерей офицеровъ войска, преимущественно сиротъ, а 40 и больше, дочерей офицеровъ, чиновниковъ и священниковъ, могли быть своекоштными съ платою за полный пансіонъ по 140 рублей въ годъ и 30 единовременно, при поступленіи, а полупенсіонерки по 70 рублей. Замѣщеніе четверти всѣхъ вакансій предоставлялось училищному Совѣту. Курсъ полагался семилѣтній (изъ нихъ одинъ приготовительный) съ институтскою программою, увеличенною преподаваніемъ краткихъ понятій о воспитаніи дѣтей, начальныхъ основаній геометріи, естественной исторіи, физики и химіи кратко; но французскій языкъ, танцы и музыка за особую плату. Кромѣ того ученицъ предполагали обучать опытному домашнему хозяйству во всѣхъ его видахъ, въ саду и огородѣ, птичьемъ и скотномъ дворѣ, также хожденію за больными въ училищномъ лазаретѣ, сообщать понятіе о свойствахъ и употребленіи общеизвѣстныхъ врачебныхъ растеній и находящихся подъ рукою домашнихъ средствъ для первоначальной помощи. Но министръ народнаго просвѣщенія предложилъ исключить изъ курса краткія понятія о воспитаніи дѣтей „какъ предметъ слишкомъ отвлеченный для возраста дѣвицъ (опѣ принимались отъ 8-ми до 13-ти лѣтъ), также химію и домашнее хозяйство на томъ основаніи, что „ни та, ни другая не принесутъ пользы при теоретическомъ преподаваніи, а химія не нужна“. По воскресеньямъ и праздникамъ, также лѣтомъ, воспитанницъ полагалось отпускать домой. Содержаніе училища съ пансіономъ на счетъ войсковыхъ суммъ было исчислено въ 22.625 рублей въ годъ.

Къ второй половинѣ 1859 года въ вѣдѣніи министерства

народнаго просвѣщенія было болѣе женскихъ училищъ, нежели въ вѣдомствѣ учрежденій Императрицы Маріи, но бо́льшей частью это были училища второго разряда. Послѣ изданія Положенія 30 мая 1858 года въ министерство стали поступать представленія и указанія попечителей учебныхъ округовъ и начальниковъ губерній на нѣкоторыя неудобства Положенія, между прочимъ на то, что оно не допускаетъ представителей мѣстныхъ сословій, на счетъ которыхъ учреждены училища, къ участію въ завѣдываніи ими, что безконтрольное распоряженіе хозяйствомъ, выборъ должностныхъ лицъ и даже назначеніе платы за ученіе ввѣрено начальницѣ, которая даже не избирается самими обществами. Поэтому въ 1860 году въ министерствѣ было составлено новое Положеніе, которымъ, для содѣйствія успѣшному развитію училищъ со стороны общества, при каждомъ училищѣ учреждался попечительный Совѣтъ изъ пяти непремѣнныхъ и двухъ выборныхъ членовъ; ему предоставлялось право избирать должностныхъ лицъ и наблюдать какъ за нравственною, такъ и за хозяйственною частью училища; учебная же и воспитательная возложены на педагогическій Совѣтъ. Въ попечительномъ Совѣтѣ должны были участвовать два выборные члена—одинъ отъ дворянства и чиновничества, одинъ изъ купечества. Непремѣнными членами полагались: попечительница, выбираемая въ перворазрядныхъ училищахъ изъ почетнѣйшихъ лицъ города и утверждаемая императрицею, а въ второразрядныхъ министромъ народнаго просвѣщенія, уѣздный предводитель дворянства, директоръ училищъ или гимназіи, а гдѣ его нѣтъ—штатный смотритель уѣздныхъ училищъ, городской Голова и начальница, избираемая попечительнымъ Совѣтомъ „изъ лицъ образованныхъ и пользующихся довѣріемъ общества“ и утверждаемая министромъ. Попечительницѣ предоставлялось почетное предсѣдательство въ Совѣтѣ, но дѣйствительныя обязанности предсѣдателя долженъ былъ исполнять предводитель дворянства, какъ старшій членъ Совѣта. Кромѣ выбора попечительницы и начальницы, на попечительный Совѣтъ былъ возложенъ выборъ учителей и учительницъ, изысканіе средствъ для училища, наблюденіе за правильнымъ ихъ употребленіемъ, назначеніе платы за ученіе, которая не должна была превышать 30 рублей въ годъ въ училищахъ перваго разряда, увольненіе отъ платы недостаточныхъ ученицъ, покровительство и пособіе бѣднѣйшимъ изъ нихъ, наблюденіе за умственнымъ и нравственнымъ образованіемъ учащихся, также по всѣмъ частямъ за порядкомъ и благоустройствомъ училища. Въ концѣ каждаго учебнаго года Совѣтъ былъ обязанъ представлять отчетъ

въ учебномъ, нравственномъ и хозяйственномъ отношеніяхъ, попечителю учебнаго округа и начальнику губерніи, а также печатать его въ губернскихъ вѣдомостяхъ. Въ городахъ, гдѣ находилось нѣсколько женскихъ училищъ, всѣ они должны были состоять въ вѣдѣніи одного попечительнаго Совѣта, въ засѣданіяхъ котораго присутствовали начальницы всѣхъ училищъ. Попечительному Совѣту могли сообщаться для свѣдѣнія всѣ постановленія педагогическаго. Ему же начальница, въ концѣ каждаго мѣсяца, должна была представлять приходорасходную книгу и отчетъ въ издержанныхъ суммахъ.

Новымъ Положеніемъ начальникамъ губерній было предоставлено званіе почетныхъ попечителей всѣхъ женскихъ учебныхъ заведеній губерніи, съ обязанностью содѣйствовать основанію новыхъ училищъ и ихъ поддержанію. Они имѣли право давать указанія попечительному Совѣту, а въ болѣе важныхъ случаяхъ, сообщать свои замѣчанія попечителю учебнаго округа и даже доводить до свѣдѣнія министра.

На докладѣ о новомъ Положеніи государь написалъ, чтобы прежде окончательнаго его утвержденія, Положеніе было представлено, черезъ статсъ-секретаря Гофмана, императрицѣ съ тѣмъ, что, можетъ быть, она признаетъ полезнымъ принять тѣ же правила и въ подвѣдомственныхъ главному Совѣту женскихъ заведеніяхъ.

Главный Совѣтъ нашелъ, что основанія, изложенныя въ новомъ Положеніи министерства, уже осуществлены въ училищахъ вѣдомства, и указалъ, между прочимъ на то, что хотя главныя надзирательницы въ этихъ училищахъ избираются попечителями, но „независимо отъ предпочтенія получившимъ институтское образованіе, на выборъ сей имѣетъ вліяніе и общественное мнѣніе“. Кромѣ того, общій, съ 1855 года, уставъ подвѣдомственныхъ Совѣту женскихъ учебныхъ заведеній примѣненъ, по словамъ главнаго Совѣта, въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ и къ училищамъ для приходящихъ: окончившимъ курсъ послѣднихъ предоставлены права домашнихъ учительницъ, пенсіи и другія преимущества [1]). Поэтому, главный Совѣтъ полагалъ отложить дальнѣйшія сужденія по вопросу до возвращенія Принца въ Петербургъ, и передъ истеченіемъ трехлѣтняго опыта дѣйствующихъ въ его училищахъ правилъ, т.-е. въ началѣ 1861 года, составить проектъ устава для открытыхъ училищъ, къ которымъ тогда,

[1]) Засѣданіе гл. Сов. 26 апр. 1860 г.

можетъ быть, и будутъ примѣнены предлагаемыя Положеніемъ министерства мѣры.

Въ 1862 году, по представленію попечителя литовскихъ женскихъ училищъ, генералъ-адъютанта Назимова, постановлено называть шестиклассныя женскія училища гимназіями. Это названіе, задолго до 1862 года, давалось имъ публикою и учредителями новыхъ женскихъ училищъ, вѣроятно потому, что въ Высочайшемъ повелѣніи 1856 года объ устройствѣ женскихъ училищъ, было сказано, что они по курсу должны приближаться къ гимназіямъ. Въ своемъ представленіи Назимовъ и мотивировалъ его тѣмъ, что названіе ихъ училищами для приходящихъ дѣвицъ употребляется только въ оффиціальныхъ бумагахъ и „идетъ наперекоръ утвердившемуся въ публикѣ и у самихъ должностныхъ лицъ обычаю именовать эти заведенія гимназіями“. Соглашаясь на предложеніе Назимова, учебный комитетъ нашелъ, что если переименовать въ гимназіи литовскія училища, то, для единообразія, слѣдуетъ такъ назвать и другія подобныя заведенія. При докладѣ въ 1863 году государю объ учрежденіи екатеринбургскаго училища перваго разряда, статсъ-секретарь Мансуровъ говорилъ, что въ представленныхъ двухъ его проэктахъ, въ одномъ оно названо училищемъ, а въ другомъ гимназіею, что оффиціально называются гимназіями лишь училища, подвѣдомственныя принцу Ольденбургскому, имѣющія больше правъ, нежели училища министерства народнаго просвѣщенія, и что названіе екатеринбургскаго училища гимназіею „можетъ породить сомнѣніе и въ правахъ его, и въ подчиненности“. Но государь написалъ на докладѣ „гимназія“ и тогда всѣ, и министерскія училища перваго разряда, были переименованы въ гимназіи.

Высочайшее повелѣніе, которымъ министру народнаго просвѣщенія разрѣшалось допускать отступленія отъ Положенія 1860 года, состоялось по поводу ходатайства учредителей полтавскаго женскаго училища, при представленіи котораго въ 1861 году министру, попечитель кіевскаго учебнаго округа писалъ, что по донесенію директора училищъ и „принимая въ соображеніе, что полтавское женское училище держится преимущественно усердіемъ учителей гимназіи и кадетскаго корпуса и что для поддержанія ихъ усердія необходимо обратить вниманіе на предложенія, которыя они считаютъ нужнымъ сдѣлать для преуспѣянія училища“, онъ проситъ разрѣшить ходатайство педагогическаго Совѣта предположеннаго училища о томъ, чтобы въ попечительный Совѣтъ, кромѣ указанныхъ

Положеніемъ 1860 года непремѣнныхъ членовъ, входили, въ качествѣ выборныхъ, лица обоего пола, „доказавшія на дѣлѣ желаніе содѣйствовать матеріальному улучшенію училища или, вообще, на содѣйствіе которыхъ, въ этомъ отношеніи, можетъ заведеніе разсчитывать“. На это министръ народнаго просвѣщенія отвѣтилъ, что къ допущенію въ попечительный Совѣтъ лицъ обоего пола „не представляется достаточныхъ основаній“. Скоро затѣмъ попечитель представилъ министру полученное имъ черезъ директора училищъ увѣдомленіе начальницы полтавскаго училища, что классныя дамы (онѣ, какъ и начальница, были въ числѣ учредительницъ училища), „считая несправедливымъ устраненіе ихъ отъ участія въ пѣдагогическомъ Совѣтѣ“, просятъ допустить ихъ въ этотъ Совѣтъ. Изъ 32-хъ классныхъ дамъ только три получали вознагражденіе по 150 рублей въ годъ, а 29 служили даромъ. Въ протоколѣ педагогическаго Совѣта приведены и мотивы его ходатайства, а именно, что начальница полтавскаго училища согласилась, по просьбѣ учителей-учредителей, семь лѣтъ служить безвозмездно, а потому не можетъ быть ни выбираема, ни удалена попечительнымъ Совѣтомъ, которому также нельзя предоставить назначеніе учителей, ибо всѣ 50 преподавателей обязались служить училищу даромъ, въ теченіе семи лѣтъ; суммы полтавскаго училища доставлены ими же, учителями-учредителями; поэтому имъ должно быть предоставлено право слѣдить за ихъ употребленіемъ. Въ протоколѣ сказано, что этотъ пунктъ былъ включенъ въ уставъ, утвержденный еще до Положенія 10-го мая, бывшимъ попечителемъ кіевскаго учебнаго округа, Пироговымъ, на основаніи Высочайшаго указа 2-го ноября 1859 года, которымъ право контроля надъ суммами училища предоставлено лицамъ и сословіямъ, доставившимъ эти суммы. Въ виду этого, педагогическій Совѣтъ настаивалъ на томъ, чтобы лица женскаго пола были допущены къ участію въ попечительномъ Совѣтѣ, ибо для учредителей „весьма важны всѣ источники средствъ, а въ Полтавѣ при учрежденіи училища имѣлись въ виду женщины, сочувствующія дѣлу образованія и со средствами“. Ходатайство Совѣта было подписано 22 учителями и, въ ихъ числѣ, законоучителемъ.

Новый министръ народнаго просвѣщенія, Головнинъ, 28-го февраля 1862 года, сообщилъ управляющему кіевскимъ учебнымъ округомъ, что по его докладу ходатайства Совѣта полтавскаго училища, государь разрѣшилъ выбирать въ попечительный Совѣтъ и лицъ женскаго пола, также предоставить педагогическому Совѣту назначеніе и измѣненіе платы за ученіе вмѣстѣ

съ попечительнымъ Совѣтомъ (о чемъ также ходатайствовалъ педагогическій Совѣтъ); что, вообще, государь предоставилъ министру „для доставленія оному наибольшей возможности содѣйствовать преуспѣянію женскихъ училищъ“ разрѣшать такія отступленія отъ Положенія 10-го мая 1860 года, которыя, „будучи необходимы по мѣстнымъ требованіямъ, не касаются сущности самого Положенія, заключающейся въ неотъемлемомъ правѣ учебнаго начальства руководить ученіемъ и воспитаніемъ въ женскихъ училищахъ“.

Въ томъ же году попечитель кіевскаго округа представилъ въ министерство записку педагогическаго Совѣта полтавской гимназіи объ отдачѣ ему для ея помѣщенія дома упраздненнаго училища дѣтей канцелярскихъ служителей и объ оказаніи ей правительственнаго пособія съ 1867 года, когда истекаетъ срокъ безвозмезднаго ей служенія учителей и классныхъ дамъ. По доставленнымъ директоромъ свѣдѣніямъ въ 1862 году учениць въ гимназіи было 280; сборъ за ученіе составлялъ всего 2.000 руб. въ годъ. Для полнаго обезпеченія гимназіи требовалось по 13.290 рублей ежегодно. Дворянство отказало ей въ своей помощи; директоръ полагалъ справедливымъ, чтобы городъ помогъ, въ чемъ съ нимъ согласенъ и начальникъ губерніи, но это не можетъ состояться ранѣе какъ черезъ 3—4 года, когда городъ окончитъ ярмарочныя постройки. Перечисляя расходы гимназіи, директоръ говорилъ, что уже съ 1861 года пришлось приглашать учителей за плату, сначала небольшую, всего 160 рублей въ годъ, но въ 1862-мъ платили уже 520 рублей. Представляя эти свѣдѣнія, попечитель ходатайствовалъ о назначеніи полтавскому училищу 1.500 рублей въ годъ, отпускавшихся изъ государственнаго казначейства житомірскому образцовому пансіону. Въ 1863 году государственный Совѣтъ разрѣшилъ это ходатайство въ видѣ исключенія, а въ концѣ того же года императрица изъявила согласіе, чтобы полтавская гимназія называлась „Маріинскою“.

Послѣ изданія Положенія 1860 года въ министерство стали часто поступать ходатайства отдѣльныхъ сословій и обществъ о разрѣшеніи имъ отступать отъ этого Положенія. Въ 1861 году „граждане“ города Сумы (харьковской губерніи), получивъ отъ попечителя округа отказъ въ удовлетвореніи ихъ ходатайства, а также въ передачѣ его министру, сами обратились къ послѣднему и въ покрытой многочисленными подписями запискѣ изложили, что еще въ 1858 году они постановили внести въ теченіе пяти лѣтъ по 350 рублей ежегодно на сумское учи-

лище съ условіемъ, чтобы имъ были даны права выбирать изъ своей среды попечителя, который вносилъ бы на содержаніе училища извѣстную ежегодную сумму и предсѣдательствовалъ въ училищномъ совѣтѣ съ правами и преимуществами почетнаго блюстителя приходскихъ училищъ. Пользуясь дозволеніемъ министерскаго циркуляра отступать отъ Положенія 1858 года, сумскіе граждане составили проектъ устава сумскаго общественнаго женскаго училища, выбрали купца, обѣщавшаго вносить ему по 400 рублей въ годъ и, въ половинѣ августа 1859 года, просили начальника губерніи ходатайствовать о скорѣйшемъ разрѣшеніи открыть училище. Эту просьбу они повторили и въ 1860 году, оправдывая свой проектъ устава тѣмъ, что „дворянство наше объявило намъ, что оно считаетъ себя не въ правѣ занимать должности въ учрежденіи, въ которомъ не принимало участія“ [1]). При прошеніи къ министру былъ приложенъ и проектъ устава. По этому уставу, училище назначается для всѣхъ сословій; начальница избирается городскимъ обществомъ, а если оно такого лица не знаетъ, то обращается за содѣйствіемъ къ директору училищъ. Оно же выбираетъ попечительницу изъ почетныхъ лицъ женскаго пола, готовыхъ на ежегодное пожертвованіе въ пользу училища; на этихъ же основаніяхъ выбирается и попечитель. Если послѣдній будетъ выбранъ изъ дворянъ, то ему предоставляются права и обязанности почетнаго смотрителя, если же изъ купцовъ, то почетнаго блюстителя. Училище должно быть трехклассное съ элементарнымъ курсомъ. Совѣтъ, подъ предсѣдательствомъ попечителя училища, въ составѣ попечительницы, штатнаго смотрителя, начальницы и всѣхъ учителей, управляетъ и учебною и хозяйственною частью, выбираетъ преподавателей, назначаетъ имъ жалованье, можетъ, по усмотрѣнію, дѣлать всякія измѣненія и пополненія какъ въ учебной, такъ и въ хозяйственной части съ тѣмъ, чтобы они не противорѣчили главной цѣли училища и строго сообразовались съ его средствами. Всѣ распоряженія по немъ должны быть сообщаемы черезъ попечителя училища Думѣ, на обсужденіе которой вносятся предложенія, требующія согласія общества. За ученіе съ дочерей дворянъ и купцовъ положено брать по 15 рублей въ годъ, а съ другихъ сословій по 10 рублей. Въ проектѣ было сказано, что наказанія, налагаемыя на ученицъ, опредѣляются начальницею, но она должна „прибѣгать къ средствамъ увѣщательнымъ и дѣйствующимъ на

---

[1]) Хар. губ., г. Сумы граждане г. мин. нар. просв. 1861 г. 11 ноября (Арх. мин. нар. просв.).

чувство стыда... Какъ начальница открытаго для всѣхъ сословій училища, она должна быть одинакова въ своихъ отношеніяхъ по службѣ съ родителями всѣхъ сословій и, имѣя въ виду великую цѣль образованія, наиболѣе привѣтлива къ тѣмъ изъ родителей, которые, по своему положенію въ обществѣ, еще считаютъ образованіе для своихъ дѣтей или трудно досягаемою высотою, или выдающеюся странностью".

Ученый комитетъ главнаго правленія училищъ, сказавъ, что „хотя онъ и предвидитъ затрудненія учрежденія училища на несогласныхъ съ Положеніемъ 1860 года основаніяхъ", но такъ какъ въ Сумахъ нѣтъ ни одного женскаго училища для всѣхъ сословій, постановилъ принять проектъ сумскихъ гражданъ, но предупредитъ общество, что училище будетъ разрѣшено лишь въ такомъ случаѣ, если оно будетъ прочно обезпечено, а не на пять только лѣтъ [1]). Въ 1863 году сумскіе граждане новымъ приговоромъ постановили: „такъ какъ предположено преобразованіе городского устройства, по которому нынѣшній приговоръ не можетъ имѣть мѣста, то въ дополненіе къ приговору нашему 1859 года, полагаемъ составить по его истеченіи новый приговоръ, сообразно тѣмъ нуждамъ и обстоятельствамъ, какія будутъ предстоять въ этомъ отношеніи по истеченіи срока". Кромѣ того, они согласились на предложеніе ученаго комитета не включать въ составъ попечительнаго Совѣта всѣхъ преподавателей. На этихъ основаніяхъ открытіе сумскаго училища было разрѣшено министромъ 27 сентября 1863 года.

Ростовское городское общество также ходатайствовало о невключеніи представителя дворянства въ попечительный Совѣтъ женскаго училища. Постановивъ вносить по 5 рублей въ годъ съ торговыхъ капиталовъ на устроенное имъ въ Ростовѣ женское училище второго разряда, оно, черезъ начальника губерніи, пригласило дворянъ ростовскаго уѣзда къ пожертвованію въ пользу училища; въ случаѣ же еслибы они на это не изъявили согласія, то городское общество предложило дворянамъ самимъ отказаться отъ участія въ попечительномъ Совѣтѣ училища. Уѣздный предводитель дворянства, въ представленіи министру, объяснилъ, что „дворяне, разбросанные по всему пространству уѣзда, конечно, не могли сдѣлать пожертвованій одновременно съ ростовскими гражданами, составляющими городское общество, которое, не сообразивъ этого, поспѣшило своимъ приговоромъ и ходатайствомъ, а многіе дворяне уже пожертвовали на училище". Пред-

[1]) Журналъ учебнаго комитета гл. правл. уч. 8 февр. 1863 г.

водитель выражалъ надежду и даже увѣренность, что и остальные не отстанутъ въ этомъ дѣлѣ, несмотря на то, что въ училищѣ нѣтъ ни одной дворянской ученицы. „Откровенно говоря,— писалъ онъ министру,— какъ лицеистъ лицеисту, я полагаю, что этотъ приговоръ составленъ обществомъ подъ вліяніемъ лицъ, любящихъ интригу... Дозволеніе себѣ ростовскимъ обществомъ подобныхъ приговоровъ ведетъ къ сословному антагонизму, послѣдствія котораго, во всякомъ случаѣ, не могутъ обѣщать добраго“ [1]). Изъ донесенія его министру 21-го марта 1863 года видно, что пожертвованіе дворянъ заключалось въ суммѣ 294 руб., внесенныхъ 23-мя дворянами. Въ 1864 году, вслѣдствіе отношенія начальника губерніи къ уѣздному предводителю ростовскаго дворянства, послѣдній увѣдомилъ, что въ мартѣ этого года состоялось постановленіе дворянства вносить на женское училище ежегодно по 5-ти рублей съ каждаго имѣнія въ теченіе девяти лѣтъ. Представляя объ этомъ министру, попечитель одесскаго учебнаго округа высказался въ томъ смыслѣ, что Положеніе 1860 года можетъ быть всецѣло примѣнено къ ростовскому училищу.

Въ декабрѣ 1861 года Н. Вышнеградскій представилъ главному Совѣту проектъ устава и штата всѣхъ училищъ для приходящихъ дѣвицъ вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи. Цѣль училищъ, по проекту, полагалась въ томъ, чтобы, не отлучая дѣтей отъ семейной жизни, доставить имъ возможность получить образованіе, соотвѣтствующее будущимъ ихъ потребностямъ. Сверхъ 7-лѣтняго общаго курса разрѣшалось устраивать 8-й, педагогическій, также приготовительный для тѣхъ, которыя по своему развитію не могутъ поступить въ низшій классъ. Нормальное число учениць въ пяти [2]) петербургскихъ училищахъ было опредѣлено въ 1.150; плата съ нихъ полагалась Вышнеградскимъ по 40 рублей въ годъ, при чемъ ежегодная стоимость каждой ученицы должна была обходиться въ 76 рублей.

Главный Совѣтъ призналъ, что училища „своимъ быстрымъ развитіемъ доказали на сколько общество глубоко сочувствуетъ воззрѣнію правительства на настоящій способъ образованія женскаго пола и что такое успѣшное развитіе этихъ новыхъ разсадниковъ просвѣщенія указываетъ на необходимость особенной поддержки ихъ впредь до того времени, когда они окончательно разовьются и, прочно утвердившись, получатъ возможность сами

[1]) Представленіе предводителя двор. рост. уѣзда министру. 1863 г., февр.

[2]) Въ 1860 году было открыто въ Петербургѣ пятое, Вознесенское училище.

обезпечивать свое существованіе". При обсужденіи проекта Вышнеградскаго главный Совѣтъ не согласился съ учебнымъ комитетомъ, предлагавшимъ исключить изъ него пунктъ, въ которомъ говорилось, что „начальство отвѣчаетъ за успѣхи дѣтей въ образованіи умственномъ и нравственномъ лишь въ той степени, въ какой они зависятъ отъ дѣятельности наставниковъ и наставницъ, равно отъ ихъ вліянія на дѣтей во время уроковъ". По мнѣнію комитета, это „можетъ дать публикѣ поводъ къ вреднымъ для успѣха заведеній толкованіямъ"; но главный Совѣтъ мотивировалъ свое несогласіе тѣмъ, что „всякое лицо, предпринимая оцѣнку умственныхъ и нравственныхъ качествъ дѣвицъ, получающихъ образованіе въ открытыхъ заведеніяхъ, по необходимости должно принять въ соображеніе, что открытыя училища не воспитываютъ, а только даютъ образованіе, и что воспитательный элементъ можетъ входить въ кругъ обязанностей начальства гимназіи лишь въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда дѣвицы не съумѣли бы воздержаться отъ проявленій въ присутствіи своихъ сверстницъ какихъ-либо дурныхъ сторонъ своего характера. Но отъ отвѣтственности за умственное образованіе начальство отклониться не можетъ, оговорено ли о томъ въ уставѣ или нѣтъ". Главный Совѣтъ высказался также противъ увеличенія платы съ учащихся съ 25-ти до 40 рублей, боясь этимъ повредить училищамъ, ибо возвышеніе платы „охладило бы проявляющееся въ обществѣ стремленіе къ образованію дѣтей за небольшую плату". По его мнѣнію, это можно сдѣлать лишь тогда, когда „изъ училища послѣдуетъ нѣсколько выпусковъ и въ общественномъ мнѣніи утвердится мысль о необходимости ученія и за высшую плату". До тѣхъ же поръ, по признанію Совѣта, пожертвованіе правительства на столь общеполезное дѣло необходимо. Точно также Совѣтъ не нашелъ возможнымъ согласиться съ Вышнеградскимъ въ томъ, чтобы въ видахъ экономіи поручить преподаваніе въ училищахъ учительницамъ. Признавая, что женщины во многихъ случаяхъ могутъ замѣнять преподавателей, эта мысль, — говорилъ Совѣтъ, — „еще мало развита въ обществѣ и осуществленіе ея въ большихъ размѣрахъ можетъ возбудить недовѣріе къ училищамъ и повредить имъ".

Уставъ училищъ для приходящихъ дѣвицъ вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи былъ Высочайше утвержденъ 9-го января 1862 года въ видѣ опыта на три года. Согласно ему, всѣ открытыя женскія училища вѣдомства были подчинены не главному Совѣту, которому Положеніемъ 1860 года о главномъ управленіи учрежденій Императрицы Маріи оставлена была лишь

власть совѣщательная по законодательнымъ и хозяйственнымъ дѣламъ, а главноуправляющему IV отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи; ему было ввѣрено высшее управленіе женскими открытыми училищами. Ближайшее завѣдываніе губернскими училищами ввѣрялось назначаемымъ государемъ попечителямъ, при чемъ въ губернскихъ городахъ попечителями должны были состоять начальники края, а для петербургскихъ назначался одинъ для всѣхъ начальникъ, въ помощь которому, при каждомъ училищѣ, выбирался изъ среды преподавателей инспекторъ классовъ. Главной надзирательницѣ, „ближайшей помощницѣ начальника", поручалась преимущественно охрана здоровья ученицъ и „соблюденіе ими правилъ благоприличія и нравственности". Какъ начальникъ, такъ и инспектора классовъ и главная надзирательница, избирались попечителемъ и утверждались императрицею; главной надзирательницѣ предоставлялось назначеніе классныхъ надзирательницъ, которыя утверждались попечителями. Послѣднимъ разрѣшалось выбирать изъ лицъ, готовыхъ жертвовать въ пользу училища, почетныхъ блюстителей, утверждаемыхъ императрицею. Ближайшее наблюденіе за ходомъ учебной части было ввѣрено инспекторамъ классовъ подъ руководствомъ начальника и конференціи, состоящей подъ его или инспектора классовъ предсѣдательствомъ, изъ главной и классныхъ надзирательницъ, наставниковъ и наставницъ. Подъ предсѣдательствомъ же начальника, или инспектора классовъ, учреждался хозяйственный комитетъ изъ главной надзирательницы и двухъ наставниковъ по избранію конференціи.

По проекту Вышпеградскаго должность начальника училищъ полагалась въ шестомъ классѣ, а инспекторовъ въ седьмомъ. По предложенію учебнаго комитета эти должности повышены въ тѣхъ видахъ, чтобы „придать болѣе почетное положеніе въ обществѣ, особенно въ провинціи" начальнику училищъ, должность котораго сравнена по классу съ должностью инспектора классовъ Воспитательнаго Общества, т.-е. въ пятомъ классѣ, а инспектора—съ должностью инспекторовъ прочихъ институтовъ, т.-е. въ шестомъ классѣ. Начальнику всѣхъ открытыхъ женскихъ училищъ положено опредѣленное жалованье въ 2.700 рублей въ годъ и 500 рублей на разъѣзды; жалованье главныхъ и классныхъ надзирательницъ повышено съ 500 рублей до 750 для первой и съ 300 на 400 рублей для послѣднихъ; инспекторамъ классовъ, на которыхъ возлагалось завѣдываніе и хозяйственной частью, прибавлено по 550 рублей въ годъ къ получавшимся ими прежде 500, а учителямъ назначено по 60 рублей за урокъ

въ часъ съ четвертью, вмѣсто прежнихъ 50 рублей. Это повышеніе платы мотивировано тѣмъ, чтобы училища „могли пользоваться трудами людей способныхъ, готовыхъ посвятить имъ все свое время“. Службу при училищахъ лицъ обоего пола положено зачесть въ дѣйствительную со времени ихъ опредѣленія, согласно выраженной государемъ волѣ при открытіи перваго, Маріинскаго, училища, въ 1858 году.

Назначеніе платы за ученіе уставомъ предоставлено попечителямъ училищъ, „по соображенію съ мѣстными условіями города, гдѣ они находятся, если только такое назначеніе не поведетъ къ необходимости просить пособія изъ посторонннихъ источниковъ“. Невнесшія въ продолженіе одного мѣсяца плату за ученіе лишались права посѣщать классы.

По опредѣленному уставомъ штату въ 88.500 рублей для пяти петербургскихъ училищъ, на наемъ для нихъ помѣщенія было назначено 14.550 рублей; вообще же вѣдомство приняло на себя расходъ въ 42.500 рублей ежегодно, увеличивъ отпускавшуюся имъ до 1862 года сумму въ 17.500 рублей, на 25.000 рублей въ годъ.

Въ числѣ двѣнадцати, состоявшихъ къ 1862 году въ вѣдомствѣ учрежденій Императрицы Маріи училищъ, было Фундуклеевское семиклассное въ Кіевѣ и, въ видѣ его отдѣленія, четырехклассное кіево-подольское второго разряда. Первое открыто на средства сенатора Фундуклея, къ которому кіевскій генералъ-губернаторъ, князь П. Васильчиковъ, обратился съ просьбой о содѣйствіи въ этомъ дѣлѣ послѣ того, какъ всѣ старанія попечителя кіевскаго учебнаго округа пріискать нужныя для устройства въ Кіевѣ училища, средства, оказались безуспѣшными. Фундуклей пожертвовалъ училищу два каменныхъ дома и обязался вносить на его содержаніе по 1.200 рублей въ годъ. По проекту Фундуклея училище должно было состоять изъ шести классовъ и седьмого подготовительнаго для неграмотныхъ, съ двумя самостоятельными отдѣленіями, высшимъ и низшимъ, по три года въ каждомъ; желающія могли ограничиваться однимъ изъ двухъ отдѣленій. Для иногородныхъ ученицъ полагалась общая квартира, какъ въ вышневолоцкомъ училищѣ. Тогда и купечество, въ декабрѣ 1859 года, составило приговоръ, которымъ обязалось вносить на училище опредѣленную сумму. Но такъ какъ Фундуклеевское училище было уже обезпечено жертвователемъ, то князь Васильчиковъ посовѣтовалъ купечеству открыть другое, на Подолѣ. По затребованнымъ княземъ Васильчиковымъ отъ Думы свѣдѣніямъ, она сообщила, что купеческое

общество жертвуетъ на училище до 12.700 рублей единовременно и по полупроценту съ объявленныхъ купеческихъ капиталовъ въ теченіе трехъ лѣтъ, что̀ составитъ до 10.000 рублей.

Кромѣ того, нѣкоторые купцы, получившіе на Новостроенскомъ рынкѣ пустопорожнія мѣста для постройки на нихъ лавокъ, отказались въ пользу училища получить обратно деньги, гарантировавшія на опредѣленный срокъ уплату поземельнаго сбора съ лавокъ; это составило 3.000 рублей. Всего въ 1861 году было собрано купечествомъ 26.339 рублей. Тогда комитетъ въ составѣ инспектора классовъ кіевскаго института, начальника Фундуклеевскаго училища и трехъ депутатовъ отъ купечества, рѣшилъ открыть на Подолѣ трехклассное, для дочерей всѣхъ свободныхъ состояній, училище въ видѣ отдѣленія при Фундуклеевскомъ, куда могли переходить ученицы, желающія, по окончаніи трехлѣтняго курса, продолжать ученіе. При этомъ было постановлено ходатайствовать передъ главнымъ Совѣтомъ о предоставленіи кіевской Думѣ или ея депутатамъ права помѣщать безплатно дочерей бѣднѣйшихъ купцовъ [1]). Въ 1864 году, въ виду того, что въ Фундуклеевской гимназіи было мало ученицъ, и также мало ихъ было въ состоявшемъ въ вѣдѣніи министерства училищѣ графини Левашевой, по ходатайству мѣстнаго начальства, оба эти заведенія были соединены вмѣстѣ подъ общимъ управленіемъ, при чемъ училище графини Левашевой было обращено въ пансіонъ при гимназіи, въ которой классныя дамы пансіона, сопровождая пансіонерокъ въ гимназію, должны были исполнять обязанности классныхъ дамъ.

Въ главный Совѣтъ поступали просьбы и изъ другихъ городовъ (Казани, Витебска, Орла, Пскова) о принятіи въ свое вѣдѣніе открываемыхъ ими училищъ для приходящихъ дѣвицъ.

Въ 1862 году министръ народнаго просвѣщенія, А. Головнинъ, предлагалъ принцу П. Г. Ольденбургскому взять въ свое вѣдѣніе всѣ открытыя женскія училища, говоря, что въ министерствѣ и безъ того очень много мужскихъ заведеній, а такъ какъ женское образованіе, по своему назначенію, требуетъ болѣе единства въ направленіи къ одной цѣли, то было бы полезно сосредоточить ихъ въ одномъ вѣдомствѣ. На случай, еслибы Принцъ призналъ болѣе удобнымъ и цѣлесообразнымъ подчинить эти училища вѣдомству учрежденій Императрицы Маріи, министръ препроводилъ ему списокъ 79-ти женскихъ училищъ, находившихся въ 1862 году въ вѣдѣніи министерства. Главный Совѣтъ, въ виду

[1]) *Кіевскій Телеграфъ*. 1861 г. №№ 7 и 8.

важности вопроса, постановилъ, предварительно его рѣшенія, собрать самыя подробныя свѣдѣнія о средствахъ, какими располагаютъ министерскія училища, „чтобы вѣдомству не принять на себя издержекъ, какихъ оно не можетъ сдѣлать безъ ущерба для другихъ своихъ заведеній“. При этомъ возникъ вопросъ о томъ, какому вѣдомству должны быть подчинены тѣ заведенія, которыя предположено преобразовать изъ закрытыхъ въ открытыя, по ходатайству о томъ мѣстнаго начальства [1]).

Съ учрежденіемъ открытыхъ женскихъ училищъ и, особенно, послѣ освобожденія крестьянъ, предположеніе устроить такія училища, взамѣнъ еще не открытыхъ къ тому времени женскихъ институтовъ, было высказано относительно всѣхъ ихъ, за исключеніемъ орловскаго. Въ 1857 году генералъ-губернаторъ западной Сибири, ходатайствуя о скорѣйшемъ открытіи томскаго института, говорилъ, что объ этомъ „весь край вопіюще и слезно умоляетъ“. Но въ позднѣйшемъ представленіи, когда выяснилось, что дѣла общественнаго сибирскаго банка, на средства котораго предполагалось устроить институтъ въ Томскѣ, разстроились, генералъ-губернаторъ, ссылаясь на то, что въ краѣ, гдѣ сосредоточено высшее управленіе, нѣтъ такого училища, въ которомъ генералы, штабъ и оберъ-офицеры, также гражданскіе чиновники, могли бы воспитывать своихъ дочерей, ходатайствовалъ о немедленномъ открытіи въ Омскѣ „училища для благородныхъ дѣвицъ“ въ видѣ отдѣленія будущаго томскаго института. На устройство и обзаведеніе этого училища онъ просилъ отпустить изъ государственнаго казначейства 10.000 рублей, а содержаніе его отнести на проценты съ капитала банка. Въ то же время, по поводу внесеннаго въ сибирскій комитетъ предложенія управляющаго морскимъ министерствомъ объ учрежденіи въ Николаевскѣ дѣвичьяго училища на счетъ остатковъ по управленію восточной Сибирью, генералъ-губернаторъ восточной Сибири высказался за учрежденіе не училища, а института. Съ этимъ согласились статсъ-секретарь Гофманъ и главный Совѣтъ; но сибирскій комитетъ нашелъ учрежденіе института несвоевременнымъ, при чемъ изъ представленнаго имъ разсчета выяснилось, что при содержаніи института съ комплектомъ въ сорокъ воспитанницъ, каждая изъ нихъ обходилась бы казнѣ въ 525 руб. ежегодно. „Въ настоящее время—писалъ комитетъ—признано полезнымъ воспитывать дѣвицъ въ заведеніяхъ открытыхъ, такъ называемыхъ гимназіяхъ“. Поэтому онъ предложилъ или устроить

[1]) Засѣданіе гл. Совѣта. 1863 г., 7 февр.

особое женское отдѣленіе при новой мужской гимназіи въ Николаевскѣ, или, если для мальчиковъ достаточно въ Николаевскѣ школъ морского вѣдомства, то открыть отдѣльное женское училище. На этомъ мѣстѣ доклада государь написалъ: „исполнить". На основаніи этого повелѣнія, въ 1863 году были открыты, вмѣсто томскаго института, двѣ гимназіи: одна въ Томскѣ, другая въ Омскѣ, поступившія согласно Положенію сибирскаго комитета, въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія. На содержаніе первой должны были выдаваться изъ общественнаго сибирскаго банка по 7.520 рублей въ годъ; второй, названной по имени учредителей банка „гимназіею почетныхъ гражданъ Поповыхъ"—по 9.000 рублей ежегодно.

Для могилевскаго института еще въ 1859 году было куплено мѣсто для постройки на немъ институтскаго зданія на собранныя дворянствомъ деньги. Въ мысли, что многіе родители предпочтутъ посылать своихъ дочерей лишь въ классы для ученія, въ 1858 году былъ увеличенъ первоначальный комплектъ учащихся до 160-ти; изъ нихъ 100 предполагались приходящими, а 60 должны были жить въ существовавшемъ въ Могилевѣ, съ 1840 года, пансіонѣ на подаренной институту Пиппенбергской дачѣ. Съ этой цѣлью былъ въ 1860 году Высочайше утвержденъ планъ постройки институтскаго зданія, въ суммѣ 74.703 руб. При обсужденіи въ главномъ Совѣтѣ вопроса о допущеніи въ могилевскій институтъ и приходящихъ, генералъ-адъютантъ Игнатьевъ, бывшій прежде генералъ-губернаторомъ въ бѣлорусскихъ губерніяхъ, заявилъ на основаніи опыта, что не только нельзя ожидать отъ мѣстнаго дворянства пожертвованій на институтъ, но нельзя разсчитывать на уплату числящейся за нимъ недоимки въ 13.000 рублей [1]). Императрица нашла „рѣшительно неудобнымъ вводить въ институтъ благородныхъ дѣвицъ двѣ системы воспитанія—полныхъ пансіонерокъ и приходящихъ ученицъ" и согласилась на предложеніе лучше учредить въ Могилевѣ вмѣсто института, женскую гимназію съ небольшимъ при ней пансіономъ.

Могилевская гимназія, по составленному для нея начальникомъ губерніи проекту устава и штата, была разсчитана на 120 приходящихъ учениць и 30 пенсіонерокъ; она составляла съ пансіономъ одно цѣлое. Плата за ученіе была опредѣлена по 25 рублей въ годъ съ ученицы, а пенсіонерки

---

[1]) Въ 1858 году дворянствомъ было внесено 72.000, а 13.000 рублей были въ недоимкѣ. (Засѣданіе гл. Сов. 16 дек. 1858 г.).

должны были платить по 200 рублей. Курсъ ученія назначенъ семилѣтній (шесть классовъ и одинъ приготовительный), плата учителямъ и учительницамъ отъ 50 коп. до рубля за урокъ. Для управленія учреждались конференція и хозяйственный комитетъ, непремѣннымъ членомъ которыхъ долженъ былъ состоять губернскій предводитель дворянства и, избираемый дворянствомъ для постояннаго участія въ дѣлахъ гимназіи, почетный блюститель. Такъ какъ въ это званіе должно было выбираться лицо, готовое жертвовать деньгами и трудомъ, то такое лицо могло быть изъ купечества; ему поручалось завѣдываніе казначейскою и хозяйственною частями. Представляя этотъ проектъ уже въ 1864 году, главный начальникъ сѣверо-западнаго края, Муравьевъ, высказался противъ назначенія почетныхъ попечителей и блюстителей, мотивируя это тѣмъ, что въ другихъ литовскихъ гимназіяхъ такихъ лицъ нѣтъ, „что не мѣшаетъ ихъ успѣшному хозяйству“. Главный Совѣтъ рѣшилъ предоставить это главному начальнику края, Муравьеву, возложивъ на него попечительство надъ гимназіею и пансіономъ, также назначеніе главной надзирательницы. Ежегодное содержаніе гимназіи было опредѣлено въ 15.618 рублей, а доходъ предполагался въ 17.760 руб. Сюда входили проценты на капиталъ дворянства, составлявшій въ 1861 году 80.759 рублей, и 3.300 рублей изъ государственнаго казначейства, отпускавшіеся до тѣхъ поръ Пиппенбергскому пансіону, также арендная сумма за принадлежащія заведенію угодія Пиппенбергской дачи; плата съ приходящихъ учениць должна была составлять 3.000 рублей, а съ пепсіонерокъ 6.000 рублей.

На институтъ въ Владимірѣ дворянствомъ было собрано съ 1846 по 1858 годъ 140.605 рублей, а съ процентами и недоимкою ожидалось къ этому времени 200.000 руб. Такъ какъ главный Совѣтъ не соглашался приступить къ постройкѣ зданія института ранѣе, чѣмъ будетъ собрана вся, исчисленная имъ на устройство и содержаніе его сумма, 400.000 рублей, а дворянство надѣялось собрать ее лишь къ 1872 году, то въ виду полнаго отсутствія женскихъ учебныхъ заведеній въ Владимірѣ, оно, на собраніи 1860 года, постановило, взамѣнъ института, учредить женское училище 1-го разряда на основаніи Положенія 30 мая 1858 года о женскихъ училищахъ министерства; этому училищу и передать собранные на институтъ 200.000 рублей [1]). При этомъ дворянство высказало желаніе, чтобы училище

[1]) Сообщеніе министра внутр. дѣлъ принцу П. Г. Ольденбургскому 1861 г.

было принято подъ покровительство императрицы, о чемъ и просило министра народнаго просвѣщенія ходатайствовать. Тогда же, 18 мая 1860 года, оно препроводило министру составленный имъ проектъ Положенія о дворянскомъ женскомъ училищѣ 1-го разряда.

Такъ какъ это училище учреждалось исключительно на капиталъ дворянства, то въ проектѣ было положено принимать преимущественно дочерей потомственныхъ дворянъ, а дворянству предоставлялось право распоряжаться хозяйствомъ. Цѣль училища поставлялась въ томъ, чтобы „доставить ученицамъ и воспитанницамъ то религіозное, нравственное и умственное образованіе, котораго должно требовать отъ каждой женщины, въ особенности отъ будущей матери семейства“. Въ училище должны были поступать 9—13-ти-лѣтнія дѣвочки и далѣе 18-ти-лѣтняго возраста не могли въ немъ оставаться. Онѣ могли поступать пенсіонерками, число которыхъ опредѣлялось 26-ю, по двѣ отъ каждаго уѣзда владимірской губерніи, съ платою по 150 рублей въ годъ, полупенсіонерками—по 60 рублей и приходящими—по 20 рублей за предметы обязательные и по 20 за необязательные. Совѣту училища предоставлялось право умепьшать, по усмотрѣнію, плату съ бѣднѣйшихъ учениць такъ, чтобы пенсіонерки и полупепсіонерки платили лишь то, что̀ стоитъ ихъ содержаніе въ училищѣ; бѣднѣйшія изъ приходящихъ могли безплатно посѣщать классы. Высшее управленіе училищемъ возлагалось на попечителя московскаго учебнаго округа, а непосредственное—на попечительный Совѣтъ, состоящій, подъ предсѣдательствомъ губернскаго предводителя дворянства, изъ непремѣнныхъ членовъ по избранію дворянства, владимірскаго уѣзднаго предводителя и начальницы училища. Директоръ училищъ могъ, по проекту дворянства, присутствовать въ Совѣтѣ съ правомъ голоса лишь по учебной части. Всѣ уѣздные предводители дворянства считались почетными членами Совѣта и имѣли право присутствовать въ немъ, по желанію, съ равнымъ съ прочими членами голосомъ. Учебная часть ввѣрялась педагогическому Совѣту, состоявшему подъ предсѣдательствомъ непремѣннаго члена отъ дворянства, изъ директора училищъ, который исполнялъ бы обязанности инспектора классовъ, начальницы и учителей. Начальница избиралась собраніемъ предводителей и депутатовъ дворянства, преимущественно изъ классныхъ дамъ „получившихъ довѣріе продолжительною службою въ другихъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ“. Она управляла училищемъ подъ наблюденіемъ попечительнаго Совѣта и отвѣчала за все, что̀ въ училищѣ происходитъ. На классныхъ дамъ, назначаемыхъ попечительнымъ Совѣтомъ, воз-

ложена обязанность заботиться о нравственномъ образованіи воспитанницъ и заступать мѣсто отсутствующихъ учителей. Поэтому положено требовать отъ нихъ институтскаго аттестата и умѣнья свободно объясняться на одномъ изъ иностранныхъ языковъ. Совѣту предоставлялось право выбирать одну или двухъ попечительницъ училища изъ почетныхъ дамъ, живущихъ въ городѣ. Родителямъ, опекунамъ и родственникамъ воспитанницъ и ученицъ, уставомъ дозволялось посѣщать училище въ свободное отъ уроковъ время, до 6-ти часовъ вечера, а также письменно представлять свои замѣчанія попечительному Совѣту. Учителямъ были даны права государственной службы, если они не служили въ другихъ заведеніяхъ. Ихъ опредѣленіе и увольненіе возлагалось на попечительный Совѣтъ; плата назначалась по условію съ ними. Курсъ ученія полагался шестилѣтній, по году въ каждомъ классѣ. Законъ Божій, ариѳметика и понятія объ измѣреніяхъ, русская географія, исторія, нѣкоторыя свѣдѣнія изъ естественной исторіи, чистописаніе и рукодѣліе причислены къ обязательнымъ предметамъ; французскій и нѣмецкій языки, рисованіе, музыка, танцы—къ необязательнымъ.

Въ проектъ владимірскаго дворянства были включены правила, взятыя изъ составленныхъ Вышнеградскимъ для петербургскихъ гимназій „правилъ внутренняго порядка“. Въ немъ сказано, что ученицы „разсаживаются на скамьяхъ не по росту, а по педагогическимъ потребностямъ: впереди — склонныя къ разсѣянію и слабѣйшихъ способностей“. Классныя дамы, хотя и присутствуютъ при урокахъ, но „не должны позволять себѣ дѣйствій, нарушающихъ тишину класса и развлекающихъ вниманіе ученицъ“. Ученицы не должны сидѣть въ классахъ все въ одномъ положеніи; онѣ могутъ перемѣнять положеніе рукъ и ногъ, кстати засмѣяться, прервать рѣчь учителя „если все это согласно съ природою дѣтскаго возраста“. Вообще, классъ долженъ походить на семью. Главный въ немъ распорядитель во все время урока—учитель; онъ и отвѣчаетъ за порядокъ. Кончившимъ полный курсъ должны были выдаваться аттестаты; желающія могли держать особый экзаменъ на званіе домашней наставницы на основаніи существующихъ положеній для губернскихъ гимназій, въ присутствіи членовъ Совѣта мужской гимназіи, приглашаемыхъ для этой цѣли въ женскую. Попечительный и педагогическій Совѣты были обязаны представлять ежегодный отчетъ собранію предводителей дворянства и депутатовъ, а трехлѣтніе отчеты — губернскому собранію дворянства.

Въ проектѣ упомянуто даже о томъ, что носильное бѣлье

пенсіонерокъ мѣняется три раза въ недѣлю; тоже и столовое, а постельное—два раза. При проектѣ приложена подробная программа преподаванія по образцу женскаго пансіона въ Москвѣ, г-жи Пенигкау, и особая, объяснительная къ проекту, записка дворянства.

Замѣчанія начальника владимірской губерніи, приложенныя къ проекту дворянства, сводились къ тому, что нельзя допускать дѣвицъ не-дворянокъ только въ случаѣ свободныхъ вакансій, но, въ виду назначенной проектомъ платы съ учениць, слѣдуетъ допускать дочерей и личныхъ дворянъ и купеческихъ; также, что директоръ гимназіи долженъ имѣть голосъ во всѣхъ совѣщаніяхъ и попечительнаго Совѣта: онъ, или другой чиновникъ, по назначенію министерства должны предсѣдательствовать въ педагогическомъ Совѣтѣ.

14 апрѣля 1861 года государь утвердилъ постановленіе владимірскаго дворянства объ учрежденіи училища для приходящихъ дѣвицъ взамѣнъ предполагавшагося института, и повелѣлъ передать его въ вѣдѣніе министерства на томъ основаніи, что дворянство владимірской губерніи никакого пособія отъ правительства не проситъ.

Министерство сдѣлало нѣсколько измѣненій въ проектѣ дворянства; оно предложило устроить пансіонъ при училищѣ на правахъ частнаго учебнаго заведенія и поставить его подъ полный контроль дворянства; принимать въ училище всѣхъ желающихъ; попечительный Совѣтъ учредить на основаніяхъ Положенія 1860 г. „тѣмъ болѣе—писалъ министръ народнаго просвѣщенія попечителю московскаго учебнаго округа,—что на основаніи Высочайшаго повелѣнія 23 февраля, сообщеннаго конфиденціально Вашему Высокопревосходительству, предоставлено имѣть въ Совѣтѣ выборныхъ членовъ безъ ограниченія; слѣдовательно, отъ попечительнаго Совѣта владимірскаго женскаго училища будетъ зависѣть выбрать въ члены всѣхъ уѣздныхъ предводителей дворянства, а при допущеніи дѣвицъ всѣхъ сословій, было бы несправедливо исключить изъ членовъ городского Голову и одно лицо купеческаго званія“. Министръ указалъ также на то, что нельзя ставить директора училищъ ниже всѣхъ другихъ членовъ Совѣта.

Представляя министру переданныя ему замѣчанія губернскаго предводителя дворянства, попечитель московскаго учебнаго округа находилъ ихъ основательными тѣмъ болѣе, что обращеніе губернатора къ владимірскому городскому обществу для основанія въ свое время женскаго училища, не вызвало никакихъ пожертвованій и что оно учреждается исключительно на средства дворян-

ства. „Едва ли заведеніе дворянства—писалъ онъ—будетъ нуждаться еще въ контролѣ городскихъ лицъ".

Губернскій предводитель объяснилъ, что дворянскихъ семей, живущихъ въ городѣ, или участвовавшихъ въ составленіи капитала на институтъ, болѣе 3.000; стало быть можно ожидать, что число учепицъ будетъ велико, и поэтому важно предоставить Совѣту право принимать преимущественно дочерей потомственныхъ дворянъ, а въ томъ случаѣ, если училище будетъ всесословнымъ, Совѣту придется отказывать въ пріемѣ дѣтей другихъ сословій, и это будетъ вызывать неудовольствіе. „Допущеніе, въ проектѣ дворянства, дѣвицъ и другихъ сословій въ училище—писалъ предводитель—доказываетъ желаніе дворянства дать способы къ воспитанію дѣвицъ всѣхъ сословій; но этимъ согласіемъ дворянство нисколько не даетъ права лицамъ другихъ сословій на участіе въ управленіи училищемъ [1]).

Министерство согласилось съ этими доводами и 7 августа 1861 года представило черезъ главное правленіе училищъ на Высочайшее утвержденіе проектъ дворянства съ своими измѣненіями. По исключительному участію дворянства въ устройствѣ училища, министерство соглашалось съ нимъ относительно состава попечительнаго Совѣта, но съ тѣмъ, чтобы въ Совѣтъ входила попечительница училища съ правомъ почетнаго предсѣдательства, чтобы директоръ гимназіи имѣлъ равный, во всѣхъ отношеніяхъ, а не по одной учебной части, голосъ съ другими членами Совѣта, чтобы начальница утверждалась попечителемъ учебнаго округа. Требованіе отъ классныхъ дамъ аттестата объ окончаніи институтскаго курса, министерство нашло неудобнымъ: это стѣсняло бы дѣйствія училищнаго начальства, да и при недостаточности въ Россіи воспитательницъ, нѣтъ основаній не допускать въ классныя дамы лицъ, получившихъ домашнее образованіе. Предсѣдательство въ педагогическомъ Совѣтѣ должно принадлежать, по мнѣнію министерства, директору гимназіи, а выборъ и представленіе къ увольненію учителей—попечительному Совѣту; но утвержденіе и окончательное увольненіе учителей, не состоящихъ на службѣ въ учебныхъ заведеніяхъ, также учительницъ, должны зависѣть отъ попечителя учебнаго округа. Министерство считало также справедливымъ предоставить начальнику губерніи вліяніе на училище въ мѣрѣ Положенія 1860 г.

Такъ какъ эти измѣненія значительно отступали отъ проекта

---

[1]) Представленіе попечителя моск. уч. окр. министру нар. пр. 11 іюня 1861 г. (Арх. мин. нар. пр.).

дворянства, то главное правленіе училищъ поручило попечителю московскаго учебнаго округа войти въ соглашеніе съ дворянствомъ объ измѣненіи его проекта согласно указаніямъ министерства. 27 апрѣля 1862 года попечитель сообщилъ полученный имъ отъ губернскаго предводителя отвѣтъ, что собраніе предводителей и депутатовъ, основываясь на томъ, что училище открывается на капиталъ дворянства, считаетъ себя въ правѣ опредѣлить по своему усмотрѣнію всѣ условія, къ нему относящіяся, лишь бы они не были противны духу законовъ и что дворянство не считаетъ полезнымъ въ своихъ интересахъ допустить въ проектѣ какія-либо измѣненія или уступки. Подробное разсмотрѣніе проекта было предоставлено губернскому собранію дворянства, которое въ цѣломъ рядѣ собраній, 11-го, 13 и 14 декабря занималось этимъ вопросомъ, при чемъ были сдѣланы слѣдующія предложенія: 1) отложить учрежденіе училища впредь до образованія новаго хозяйственнаго управленія въ губерніи и не далѣе слѣдующихъ губернскихъ выборовъ дворянства, еслибы хозяйственное управленіе не было образовано въ теченіе трехъ лѣтъ; 2) обратить капиталъ, предназначенный училищу, въ 5% билеты или другіе, болѣе выгодные государственные фонды, съ тѣмъ, чтобы проценты были обращены на уплату долга приказу общественнаго призрѣнія, независимо отъ опредѣленнаго на сей предметъ пятикопѣечнаго сбора. Оба предложенія приняты: первое большинствомъ 198 голосовъ противъ 77, второе—215 противъ 61-го [1]).

Тогда состоялось новое постановленіе дворянства, въ которомъ сказано, что „хотя имъ уже купленъ домъ для училища, пріобрѣтена часть мебели, сдѣланы разныя предварительныя распоряженія къ немедленному открытію женскаго училища, но проектъ, представленный дворянствомъ, еще не утвержденъ. Между тѣмъ, вслѣдствіе измѣнившихся обстоятельствъ въ хозяйственномъ положеніи дворянскихъ имѣній и неустановившагося новаго порядка, сборы, опредѣленные дворянствомъ изъ собственныхъ доходовъ на потребности дворянъ и уплату долга приказу общественнаго призрѣнія по обязательству 18 января 1840 года въ 242.000 рублей, начали поступать въ послѣднее время не въ надлежащемъ количествѣ, отчего замедляется и уплата долга приказу. Озабочиваясь погашеніемъ сего долга, дворянство считаетъ себя въ необходимости отсрочить открытіе женскаго училища, не отказываясь отъ своей мысли“.

[1]) Постановленіе губернскаго собранія дворянства 1862 г. 11, 13, 14 декабря (Арх. мин. нар. пр.).

Въ 1866 году состоялось четвертое уже постановленіе владимірскаго дворянства, которымъ оно, ходатайствуя объ отмѣнѣ прежняго своего предположенія учредить во Владимірѣ женское училище 1-го разряда съ пансіономъ, просило разрѣшить ему обратить собранный съ этой цѣлью капиталъ частью на стипендіи 26-ти дочерямъ владимірскихъ дворянъ на воспитаніе ихъ въ столичныхъ заведеніяхъ, частью на погашеніе долга приказу общественнаго призрѣнія.

На задуманный еще въ 1847 году костромскимъ дворянствомъ институтъ, принятый въ 1851 году подъ покровительство императрицы съ разрѣшеніемъ назваться „Романовскимъ", въ 1857 году было собрано дворянствомъ 120.000 рублей и рѣшено, до постройки собственнаго зданія, открыть институтъ въ частномъ домѣ. Но представленные дворянствомъ планы зданія были признаны главнымъ Совѣтомъ неудобными и дѣло затянулось до 1860 года, когда поступило предложеніе Григорова сдѣлать въ теченіе трехъ лѣтъ, къ строющемуся на его счетъ дому для женскаго училища въ Костромѣ, новыя пристройки для отдѣльнаго въ нихъ помѣщенія Романовскаго института. Тогда дворянство постановило: „имѣя въ виду, что данныя, принятыя при составленіи проекта объ институтѣ измѣнились вслѣдствіе уменьшенія банковыхъ процентовъ и воспрещенія приказамъ, равно и сохраннымъ казнамъ принимать вклады, а также повсемѣстной дороговизны строительныхъ матеріаловъ и жизненныхъ припасовъ, а поэтому и заработной платы, невозможно начать постройку безъ новыхъ со стороны ихъ (дворянъ) пожертвованій, которыя они не въ состояніи сдѣлать по измѣнившимся экономическимъ условіямъ крѣпостнаго быта". Поэтому дворяне постановили воспользоваться предложеніемъ почетнаго попечителя костромской женской гимназіи отдѣлить въ новомъ ея домѣ часть для Романовскаго института и во всякомъ случаѣ постройку собственнаго дома для института отложить по крайней мѣрѣ до 1864 года, о чемъ и представить правительству.

По предложенію избранной въ 1862 году дворянствомъ коммиссіи изъ представителей каждаго уѣзда, оно постановило также отдѣлить въ вѣчный фондъ института 150.000 рублей, и кромѣ того, отъ 6.000 до 7.000 рублей на первоначальное его обзаведеніе. Остальную сумму оставить въ распоряженіи дворянства для другихъ потребностей, институтъ помѣстить въ зданіи Григорова, гдѣ уже имѣется для него 50 мѣстъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ костромское дворянство ходатайствовало о прекращеніи теперь же семикопѣечнаго съ каждой души помѣщичьихъ чиновъ, въ пользу

института, сбора, который „при настоящихъ обстоятельствахъ— сказано въ постановленіи дворянства—и въ ожиданіи обложенія податью земель, обременителенъ и не имѣетъ цѣли, достигнутой уже другимъ путемъ и падаетъ неравномѣрно на всѣхъ жертвователей вслѣдствіе измѣнившихся отношеній между владѣльцами и крестьянами".

Въ составленномъ костромскимъ дворянствомъ проектѣ устройства Романовскаго отдѣленія женской гимназіи, были приведены „основанныя на мѣстномъ взглядѣ" слѣдующія предположенія: отдѣленіе должно быть не вполнѣ закрытымъ заведеніемъ, но воспитанницъ, для сохраненія семейныхъ связей, слѣдуетъ отпускать домой по праздникамъ и на вакаціи; курсъ ученія установить по программѣ гимназіи, чтобы музыка и другія искусства не преобладали въ ущербъ наукамъ и не были обязательными для всѣхъ; чтобы воспитанницъ обучали лишь необходимымъ въ жизни рукодѣліямъ, а для занятій хозяйствомъ были опредѣлены особые часы, въ которые воспитанницы старшихъ классовъ, подъ надзоромъ начальницы и по ея порученію, упражнялись въ составленіи счетовъ, опредѣленіи мѣры и вѣса припасовъ и т. п. Въ видѣ пособія женской гимназіи, Романовское отдѣленіе должно быть такъ организовано, чтобы плата за полное содержаніе двадцати бѣднѣйшихъ дворянскихъ воспитанницъ вносилась изъ процентовъ съ 150.000 рублей, по 200 р. за каждую, и по 100 руб. за каждую изъ двадцати полупенсіонерокъ, менѣе бѣдныхъ. Тѣ и другія должны избираться собраніемъ губернскаго и уѣздныхъ предводителей дворянства. Кромѣ этихъ сорока воспитанницъ, десять могли быть своекоштными за плату по 200 рублей въ годъ.

Въ запискѣ губернскаго предводителя было сказано, что дворянство „озабоченное образованіемъ своихъ дочерей и давая къ тому средства, не будетъ, конечно, отвергать, ради сословныхъ разграниченій, возможности помѣщать въ своемъ отдѣленіи и пенсіонерокъ купечества. Это, конечно, привлечетъ его и усилитъ средства Романовскаго отдѣленія". Такъ какъ домъ Григорова былъ очень обширенъ, то допускались пенсіонерки и изъ сосѣднихъ губерній.

Несмотря на усиленныя представленія оренбургскаго и самарскаго генералъ-губернатора о необходимости преобразовать оренбургскій институтъ въ училище для приходящихъ дѣвицъ, главный Совѣтъ не давалъ на это согласія. Въ послѣднемъ своемъ представленіи, въ 1859 году, говоря о недостаточности отпускаемыхъ на содержаніе института средствъ, генералъ-губерна-

торъ, тѣмъ не менѣе, просилъ разрѣшенія уменьшить число воспитывающихся въ институтѣ на счетъ суммъ уральскаго войска стипендіатокъ съ двадцати, какъ было до тѣхъ поръ, до пяти. Онъ мотивировалъ эту просьбу тѣмъ, что институтъ „частью по самому затворническому характеру воспитанія, частью по отдаленности“ не удовлетворяетъ желаніямъ и потребностямъ уральцевъ, что число желающихъ пользоваться вакансіями годъ отъ году становится меньше, такъ, что даже образовался остатокъ отъ назначенныхъ на воспитаніе дочерей изъ уральскихъ войсковыхъ суммъ, въ 15.878 рублей. Въ качествѣ предсѣдателя Совѣта Николаевскаго оренбургскаго института, генералъ-губернаторъ предложилъ преобразовать институтъ въ открытое училище, въ которомъ 50 ученицъ, преимущественно дочерей далеко отъ Оренбурга живущихъ, недостаточныхъ офицеровъ, учились бы на счетъ казны, а остальныя мѣста были бы предоставлены вольноприходящимъ за плату по 30 рублей въ годъ. Но дѣлая это предложеніе, генералъ-губернаторъ самъ высказывалъ сомнѣніе въ томъ, что найдется достаточное число, не менѣе 60-ти, вольноприходящихъ для института въ виду того, что оренбургское купечество уже ходатайствовало о разрѣшеніи открыть въ Оренбургѣ женскую гимназію, въ которой плата предположена всего въ 12 рублей въ годъ съ ученицы, а извѣстное число будутъ посѣщать гимназію даромъ. Поэтому онъ считалъ возможнымъ преобразовать институтъ въ пансіонъ при гимназіи, хотя, по его словамъ, „купечество неохотно жертвуетъ на учрежденіе, имѣющее собственное начальство и этимъ, по ихъ мнѣнію, уменьшается ихъ значеніе какъ жертвователей“. Въ 1860 году главный Совѣтъ испросилъ у государя разрѣшеніе увеличить содержаніе оренбургскаго института на 2.275 р. въ годъ изъ билетнаго сбора и институтъ оставить въ тогдашнемъ его видѣ.

И до освобожденія крестьянъ пожертвованія дворянства на институты поступали не полностью; послѣ 1861 года замѣтно стало уменьшаться и число своекоштныхъ пенсіонерокъ, такъ, что начальства и существовавшихъ уже институтовъ: оренбургскаго, тамбовскаго, астраханскаго, предлагали преобразовать ихъ въ открытыя женскія училища. Съ учрежденіемъ послѣднихъ стало уменьшаться число пенсіонерокъ и въ существовавшихъ ранѣе въ вѣдомствѣ учрежденій Императрицы Маріи училищахъ: симбирскомъ Елизаветинскомъ и рязанскомъ Домѣ трудолюбія. Въ 1857 году, послѣ осмотра Елизаветинскаго училища, Принцъ, убѣдившись въ крайней недостаточности его средствъ, обратился

къ министру внутреннихъ дѣлъ съ просьбою о пособіи ему изъ суммъ приказа, но, получивъ отказъ, представилъ государю проектъ передачи симбирскаго училища въ министерство народнаго просвѣщенія для преобразованія его въ училище для приходящихъ дѣвицъ. По полученіи согласія государя на эту передачу, состоялось повелѣніе передать министерству и рязанскій Домъ трудолюбія. Первому принадлежалъ капиталъ въ 29.945 рублей, на проценты съ котораго оно и содержалось; во время передачи въ немъ было всего 20 ученицъ, а съ открытіемъ министерствомъ народнаго просвѣщенія въ Симбирскѣ женской гимназіи, гдѣ плата была назначена всего въ шесть рублей въ годъ за обязательные предметы и по два рубля за необязательные, и гдѣ въ 1862 году было уже 118 ученицъ,—желающихъ поступить въ Елизаветинское училище не было. Рязанскій Домъ трудолюбія хотя и обладалъ собственнымъ капиталомъ въ 30.428 рублей и помѣщался въ принадлежащемъ ему домѣ, но былъ не обезпеченъ въ средствахъ къ существованію, ибо въ 1864 году кончался срокъ пожертвованія Рюмина, дававшаго на содержаніе училища по 3.000 рублей въ годъ въ теченіе первыхъ шести лѣтъ.

Училище, основанное въ 1858 году Рюминымъ, не пользовалось сочувствіемъ населенія, число учениць никогда не достигало положеннаго комплекта. Это министерство приписывало „малому знакомству общества съ его цѣлью, невозможностью для бо̀льшей частью небогатыхъ жителей воспользоваться образованіемъ, отчасти по причинѣ высокой платы (по 35 руб. въ годъ), отчасти потому, что при вступленіи требовалось умѣнье читать и писать, также требовалось отъ ученицъ форменное платье, красивая обувь, учебныя пособія“.

Получивъ отъ министерства свѣдѣнія о состоящихъ въ его вѣдѣніи же ихъ училищахъ, главный Совѣтъ изъявилъ согласіе принять въ вое вѣдѣніе лишь четыре: предположенное къ открытію могилевское съ пансіономъ при немъ, симбирское Елизаветинское, рязанское и училище графини Левашевой, но съ тѣмъ, что всѣ они будутъ преобразованы на началахъ устава училищъ для приходящихъ дѣвицъ 1862 года, а послѣднія три училища—въ пансіоны при мѣстныхъ женскихъ гимназіяхъ.

При обсужденіи въ главномъ Совѣтѣ вопроса о передачѣ всѣхъ женскихъ училищъ министерства вѣдомству учрежденій Императрицы Маріи, одинъ изъ его членовъ, бывшій министръ народнаго просвѣщенія, Е. Ковалевскій, остался при особомъ мнѣніи. Согласившись на принятіе вѣдомствомъ четырехъ учи-

лищъ, онъ „не могъ допустить и мысли, чтобы можно было дѣлать какія-либо предположенія объ измѣненіи управленія въ прочихъ 79-ти женскихъ училищахъ, покуда существуетъ Высочайшее повелѣніе собственно о нихъ 1859 года, и чтобы единоличное нежеланіе министра народнаго просвѣщенія имѣть въ своемъ завѣдываніи подобныя училища, могло нарушить столь положительное узаконеніе... Поэтому, — писалъ онъ въ заключеніе,—думаю и говорю, что объ этомъ не слѣдуетъ и упоминать въ журналѣ Совѣта, коллегіальнаго мѣста, которое безусловно исполняетъ Высочайшія повелѣнія“ [1]).

Число женскихъ гимназій вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи увеличивалось съ каждымъ годомъ. Въ 1864 году была открыта шестая петербургская гимназія, трехклассная съ двухгодичными курсами, на Пескахъ; на ея содержаніе назначено по 3.500 рублей въ годъ и единовременно 2.000 рублей. При этомъ главный Совѣтъ призналъ, что хотя сборъ за ученіе во всѣхъ женскихъ училищахъ составляетъ лишь половину расхода на ихъ содержаніе, и что хотя „сознаніе пользы образованія проникло почти во всѣ слои общества, вслѣдствіе чего открытіе отъ правительства женскихъ гимназій было повсюду встрѣчено съ полнымъ сочувствіемъ, однако обществу недостаетъ еще убѣжденія въ необходимости открывать и содержать школы исключительно на собственныя средства, къ чему, рано или поздно, оно, безъ сомнѣнія, должно будетъ придти“.

Въ томъ же году были открыты еще три гимназіи вѣдомства: царскосельская шестиклассная на 90 ученицъ, въ городскомъ домѣ, ремонтъ котораго принялъ на себя городъ, а отопленіе—дворцовое правленіе, минская и могилевская, а въ 1865 г., принявъ въ свое вѣдѣніе двѣ московскія гимназіи, главный Совѣтъ открылъ третью, трехклассную съ двухгодичными курсами, преобразовавъ двѣ министерскія въ семиклассныя. Для покрытія разницы между доходами всѣхъ трехъ гимназій (17.970 рублей въ годъ) и ихъ расходами (43.586 рублей), главный Совѣтъ опредѣлилъ выдавать ежегодно изъ суммъ вѣдомства по 25.613 рублей.

Принявъ въ свое вѣдѣніе эти гимназіи, вѣдомство уменьшило плату за ученіе съ 60 рублей, какъ было въ министерствѣ, до 40 рублей за всѣ, обязательные и необязательные предметы, оставивъ прежнюю плату, по 30 рублей въ годъ, за тѣ или другіе въ отдѣльности. Между тѣмъ Дума, въ виду коренного измѣненія въ управленіи этими гимназіями, признала свои обязательства по

[1]) Засѣданіе гл. Сов. 1862 г., декабрь.

отношенію къ нимъ конченными, ибо они получили самостоятельныя средства къ существованію на счетъ капиталовъ вѣдомства, и участіе городского управленія въ дѣлахъ гимназіи, съ переходомъ ихъ въ вѣдомство учрежденій Императрицы Маріи, прекратилось. Поэтому вмѣсто 4.000 рублей, которые до 1865 года московская Дума ежегодно отпускала гимназіямъ, она, не желая лишить бѣдныхъ учениць возможности продолжать свое образованіе, постановила: „не принимая на себя постояннаго обязательства", выдавать лишь по 1.800 рублей въ годъ на плату за ученіе опредѣленнаго числа бѣдныхъ учениць".

По Высочайшему повелѣнію главному Совѣту тогда же были переданы еще гимназіи: астраханская и витебская. Совѣтъ астраханскаго института еще въ 1861 году ходатайствовалъ о преобразованіи его въ гимназію въ виду того, что въ институтѣ было всего 35 воспитанницъ и средства были недостаточны для покрытія расходовъ. Императрица изъявила свое согласіе на такое преобразованіе, но такъ какъ за годъ передъ тѣмъ въ Астрахани было открыто министерствомъ женское училище перваго разряда, которому наслѣдникъ, во время своего посѣщенія Астрахани, подарилъ 15.000 рублей и въ которомъ въ 1863 году было 78 учениць, то было рѣшено соединить оба заведенія, преобразовавъ институтъ въ пансіонъ при гимназіи и переведя въ него всѣхъ пенсіонерокъ, подчинить вѣдомству учрежденій Императрицы Маріи. Но такъ какъ и училище, при 78 ученицахъ, платившихъ по 30 рублей за обязательные предметы и по 5-ти за необязательные, не могло покрывать своихъ расходовъ, то оно было преобразовано изъ шестикласснаго съ годичными курсами въ трехклассное съ двухгодичными.

Сообщая эти свѣдѣнія главному Совѣту, министръ народнаго просвѣщенія прибавлялъ, что астраханское общество чувствуетъ себя въ нѣкоторомъ родѣ нравственно обязаннымъ поддерживать женское училище, какъ собственное созданіе, и время отъ времени жертвуетъ, сверхъ постоянной суммы, на его ежегодное содержаніе. При соединеніи съ институтомъ, положеніе училища въ отношеніи къ обществу можетъ измѣниться. „Именно, я опасаюсь,—говорилъ министръ,—чтобы черезъ это въ обществѣ не поселилась увѣренность, что правительство по необходимости обезпечитъ училище въ матеріальномъ отношеніи, такъ какъ отъ существованія или степени удовлетворительнаго его состоянія, будетъ зависѣть нѣкоторымъ образомъ существованіе и удовлетворительное состояніе пансіона, содержимаго большею частью на счетъ правительства". Поэтому министръ полагалъ нужнымъ

прежде спросить мнѣніе у астраханскаго общества о проектѣ соединенія училища съ институтомъ, „ибо въ этомъ случаѣ общественное мнѣніе, — говорилъ министръ, — имѣетъ неотъемлемое право выразить свое согласіе или несогласіе съ означеннымъ проектомъ и съ подробностями условій этого соединенія". Съ своей стороны, министръ предлагалъ опредѣлить ежегодную сумму училищу изъ институтскихъ средствъ и понизить плату за ученіе съ приходящихъ до 15 рублей за обязательные и 10 за необязательные предметы. Главный Совѣтъ согласился уменьшить плату, но одинаково для всѣхъ приходящихъ ученицъ, хотя бы не обучающихся обязательнымъ предметамъ, до 30 рублей вмѣсто бывшихъ прежде 35-ти.

Ревизовавшій въ 1859 году витебскую губернію, сенаторъ Щербининъ представилъ о необходимости учредить въ Витебскѣ женское училище. Комитетъ министровъ сообщилъ объ этомъ Принцу, который вошелъ въ сношеніе съ витебскимъ губернаторомъ о мѣстныхъ средствахъ на училище. Губернаторъ отвѣтилъ, что мѣстныхъ средствъ нѣтъ, а имѣется лишь 500 рублей, пожертвованныхъ училищу полоцкимъ и витебскимъ архіепископомъ. Попечитель петербургскаго учебнаго округа предложилъ закрыть витебскій и полоцкій образцовые пансіоны и обратить на содержаніе вновь предположеннаго училища отпускавшіеся на содержаніе пансіоновъ 3.000 рублей въ годъ. Главный начальникъ сѣверо-западнаго края, Муравьевъ, соглашаясь съ мнѣніемъ попечителя витебскаго учебнаго округа о томъ, что устройство въ Витебскѣ гимназіи на основаніяхъ Положенія 1860 года преждевременно и что лучше устроить гимназію правительственную, безъ участія общества, составилъ ея проектъ и штатъ, при чемъ полагалъ подчинить и эту гимназію вѣдомству учрежденій Императрицы Маріи. Такого же мнѣнія былъ министръ народнаго просвѣщенія, мотивировавшій его тѣмъ, что это было бы полезнѣе по мѣстнымъ условіямъ, „ибо Положеніе 1860 года предоставляетъ значительную долю участія въ управленіи женскими училищами мѣстнымъ обывателямъ, которые могутъ оказать вредное вліяніе на духъ и направленіе училищъ въ краѣ". Въ то же время министръ увѣдомилъ Муравьева, что на устройство витебской гимназіи и ея содержаніе, министерство финансовъ согласно выдать изъ государственнаго казначейства единовременно 1.811 рублей и отпускать на ея содержаніе по 7.568 руб. въ годъ. Принцъ, соглашавшійся, съ самаго начала переговоровъ, припять гимназію въ вѣдомство подъ условіемъ, чтобы ему министерство передало гимназіи московскія и астраханскую, послѣ

совершенія передачи этихъ гимназій, увѣдомилъ министра, что „въ видахъ упроченія русской народности въ сѣверозападномъ краѣ, между прочимъ, черезъ учрежденіе женскихъ учебныхъ заведеній, въ управленіи которыхъ мѣстное населеніе не принимало бы участія, вѣдомство, устроившее уже въ пяти губернскихъ городахъ того края женскія гимназіи", готово устроить гимназію и въ Витебскѣ, если государь на это согласится. Къ этому Принцъ прибавлялъ, что вѣдомство, беря въ свое вѣдѣніе заведенія, получающія пособіе отъ государственнаго казначейства, обыкновенно отказывается отъ него, и поэтому оно не потребуется и для витебской гимназіи. По составленному генералъ-адъютантомъ Кауфманомъ проекту, въ витебской гимназіи былъ установленъ комплектъ въ 80 учениць, распредѣленныхъ на три класса съ двухгодичными курсами въ каждомъ. Согласно утвержденной главнымъ Совѣтомъ въ 1863 году табели, было назначено два урока въ недѣлю на преподаваніе въ каждомъ классѣ закона Божія римско-католическаго исповѣданія для католичекъ; преподаваніе польскаго языка не допускалось; плата за ученіе опредѣлена по 15 рублей за обязательные предметы и по 5 за необязательные; безплатно допускались лишь дочери служащихъ и то въ видѣ награды за службу родителей. Главный Совѣтъ постановилъ ни въ какомъ случаѣ не допускать безплатныхъ учениць, такъ какъ при малой платѣ, гимназія будетъ доступна и бѣднымъ; даровое же обученіе не полезно, ибо родители, которымъ оно ничего не стоитъ, „остаются бо̀льшей частью равнодушными свидѣтелями неуспѣховъ дѣтей". На устройство гимназіи главный Совѣтъ опредѣлилъ выдать единовременно 2.211 рублей и отпускать ежегодно по 6.820 рублей на ея содержаніе. Въ этомъ постановленіи было сказано, что при нынѣшнемъ сокращеніи средствъ IV отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи на милліонъ рублей въ годъ, отпускъ на витебскую гимназію 7.000 рублей ежегодно— есть „не малая жертва"; но эту жертву вѣдомство приноситъ для способствованія водворенію въ краѣ духа православія и русской народности.

Для упроченія русской народности и въ юго-западномъ краѣ, вѣдомство, по предложенію кіевскаго, подольскаго и волынскаго генералъ-губернатора, приняло въ свое вѣдѣніе двѣ гимназіи: житомірскую и каменецподольскую, назначивъ первой по 6.910 рублей ежегодно и 1.810 руб. единовременно, на обзаведеніе, второй 5.910 ежегодно.

„Съ учрежденіемъ этихъ двухъ гимназій,—говорилъ главный

Совѣтъ въ 1866 году,—вѣдомство Императрицы Маріи кончило принятое на себя дѣло открытія чисто-русскихъ женскихъ учебныхъ заведеній во всѣхъ девяти губернскихъ городахъ края. Далѣе оно идти не можетъ безъ разстройства своихъ денежныхъ средствъ и предоставляетъ министерству народнаго просвѣщенія и мѣстнымъ обществамъ усиливать тамъ число заведеній, изъ которыхъ дѣвицы выходили бы, по примѣру женскихъ гимназій, устроенныхъ вѣдомствомъ, образованными въ духѣ русской народности".

Къ 1867 году въ вѣдѣніи вѣдомства состояло 25 женскихъ гимназій.

III.

Число женскихъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія въ 1866 году.—Приговоры городскихъ, купеческихъ и мѣщанскихъ обществъ.—Условія, какими они обставляли свои пожертвованія.—Отказы въ нихъ.—Сумма общихъ расходовъ 43-хъ городовъ на женскія училища.—Пожертвованія отдѣльныхъ лицъ изъ купечества.—Отношеніе дворянства къ дѣлу женскихъ училищъ.—Пожертвованія отдѣльныхъ дворянъ.—Торжественныя открытія училищъ.—Равнодушіе общества къ нимъ.—Замѣчанія на проектъ устава общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній и общаго плана устройства народныхъ училищъ.—Замѣчанія на него попечителей учебныхъ округовъ.—Отчеты Могилянскаго объ осмотрѣнныхъ имъ въ 1864 году женскихъ училищахъ.—Временной комитетъ, учрежденный черниговскимъ губернаторомъ по поводу открытія женскаго училища въ Черниговѣ.—Матеріальное положеніе женскихъ училищъ министерства въ 1864 году.—Источники ихъ средствъ.—Число учащихся въ 33-хъ училищахъ въ 1864 году.—Причины, вредно вліявшія на ихъ преуспѣяніе.—Замѣчанія учебнаго комитета вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи на проектъ Положенія о женскихъ училищахъ министерства.—Представленіе проекта новаго Положенія въ государственный Совѣтъ.—Назначеніе министромъ народнаго просвѣщенія графа Д. А. Толстого.

Въ 1866 году въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія было 92 женскихъ училища; изъ нихъ перваго разряда, или гимназій, 38, училищъ второго разряда, или прогимназій [1]), 54. Всѣ они, за очень небольшими исключеніями, находились въ губерніяхъ, были учреждены и содержались при участіи главнымъ образомъ городскихъ, купеческихъ и мѣщанскихъ обществъ.

Въ своихъ приговорахъ объ учрежденіи училищъ, общества обыкновенно заявляли о сознаніи пользы и необходимости ихъ. Въ приговорѣ самарскихъ купцовъ и мѣщанъ, составленномъ по предписанію начальника губерніи и словесному предложенію городского Головы, было сказано, что купцы и мѣщане „единодушно приняли оные съ тѣмъ искреннимъ участіемъ и

[1]) По уставу 19 ноября 1864 года училища 2-го разряда были переименованы въ прогимназіи.

совершенною готовностью, которыя свойственны родителямъ, истинно желающимся доставить своимъ дочерямъ то воспитаніе, которое необходимо каждой женщинѣ и въ особенности матери семейства, подъ управленіемъ которой должны развиваться умственныя способности и нравственныя начала дѣтей до фундаментальнаго образованія, а потому опредѣлили, кромѣ существующаго женскаго приходскаго училища, учредить еще такое же, а для высшаго образованія дѣвицъ женскую гимназію на основаніяхъ костромской или съ измѣненіями, какія Его Превосходительство Господинъ Начальникъ губерніи и учебное начальство въ Самарской губерніи признаютъ необходимыми“ [1]).

Опредѣливъ на все время, пока училище существовать будетъ, ежегодный сборъ съ купцовъ 1-й гильдіи по 25 рублей, 2-й по 10 р., и 3-й по 3 рубля съ каждаго капитала, а съ мѣщанъ по 10 копѣекъ съ души, что̀ составляло въ общей сложности 1.480 р. 6 коп. въ годъ, общества постановили отдѣлять изъ этой суммы по 800 рублей ежегодно на учрежденіе и содержаніе второго приходскаго училища въ Самарѣ, а на женскую гимназію было оставлено всего лишь 680 рублей въ годъ и то съ тѣмъ, чтобы въ ней учились безплатно до двѣнадцати „вольноприходящихъ дочерей и прочихъ родственницъ бѣдныхъ родителей преимущественно нашего сословія“.

Новгородское городское общество, послѣ рѣчи городского Головы въ собраніи гласныхъ, „принимая съ особымъ благоговѣніемъ Высочайшую волю, съ совершенной готовностью и искреннимъ участіемъ желая доставить малолѣтнимъ дѣтямъ своимъ женскаго пола образованіе, соотвѣтственно званію, и имѣя въ виду, что въ настоящее время предстоитъ надобность въ женскомъ училищѣ перваго разряда“, постановило ходатайствовать объ открытіи „на правахъ общаго Положенія Высочайше утвержденнаго 30-го мая 1858 года, приходскаго училища для образованія дѣвицъ“, и это училище „отнести по курсу преподаванія къ училищамъ перваго разряда“ [2]). Для его помѣщенія постановлено отдать зданіе, „называемое по преданію башнею князя Ярослава, основавшаго, какъ видно изъ древней новгородской лѣтописи, первыя въ Россіи училища“, а на обзаведеніе — пожертвовать единовременно до двухъ тысячъ рублей, составлявшихъ процентъ съ принадлежавшаго „собственно гражданамъ“ капитала въ 16.000 рублей. На содержаніе училища

[1]) Приговоръ 3 ноября 1858 г. Подписали 66 купцовъ и 138 мѣщанъ (Арх. мин. нар. пр.).

[2]) Приговоръ 19 мая 1859 г.

положено „пока не откроется источниковъ“, производить ежегодный сборъ: съ купцовъ 1-й гильдіи по 1/4 копѣйки съ рубля капитальной суммы каждаго объявленнаго капитала, съ мѣщанъ — по 10 копѣекъ, что составляло всего до тысячи рублей въ годъ. Это пожертвованіе также было обусловлено тѣмъ, чтобы 20 дочерей и родственницъ бѣдныхъ родителей, „собственно изъ сословія гражданъ общества“, учились даромъ.

Въ приговорѣ калужскаго городского общества сказано: „глубоко сочувствуя великой мысли Всемилостивѣйшаго Государя о преуспѣяніи народнаго просвѣщенія, мы, вѣрноподданные Его Императорскаго Величества, признаемъ вполнѣ благодѣтельнымъ устройство въ городѣ Калугѣ училища для дѣтей женскаго пола на основаніи Положенія 30 мая 1858 года“. Для осуществленія этой цѣли, калужское общество „хотя и надѣется, что частные благотворители примутъ участіе въ семъ общеполезномъ дѣлѣ, но за всѣмъ тѣмъ съ своей стороны жертвуютъ по пяти процентовъ съ цѣны торговыхъ свидѣтельствъ“, что въ общей сложности составляло 1.250 р. 70 коп. въ годъ. Это пожертвованіе дѣлалось на три года, а потомъ общество предоставляло себѣ „имѣть по этому предмету снова особое разсужденіе“ [1]).

Въ дѣйствительности же участіе обществъ въ устройствѣ и содержаніи женскихъ училищъ обусловливалось не сочувствіемъ къ нимъ городскихъ обывателей, а почти вездѣ вызывалось убѣжденіями начальства въ необходимости исполнить Высочайше выраженную волю.

Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ пожертвованія городскихъ обществъ на женскія училища были совсѣмъ ничтожны: любимовскій уѣздъ (ярославской губерніи) назначилъ всего 25 рублей, ростовскій 34 рубля; граждане города Киржача (владимірской губерніи) постановили въ случаѣ „если правительствомъ будетъ дозволено учредить на средства изъ городскихъ доходовъ женское училище въ Киржачѣ“, давать на его содержаніе „примѣрно“ по 150 руб. въ годъ; но „въ настоящее время, — сказано въ приговорѣ,— по бѣдному своему состоянію, мы не можемъ открыть на свой счетъ женское училище, а равно и сдѣлать пожертвованіе для учрежденія его во Владимірѣ, но предоставляемъ отсылать изъ наличныхъ городскихъ доходовъ по 10 рублей въ годъ куда Правительствомъ будетъ указано, для учрежденія губернскаго женскаго училища“ [2]). На это училище владимірское губернское

[1]) „Моск. Вѣдомости“. 1858 г. Приговоръ 12 ноября.

[2]) *П. Дубенскій.* Учрежденіе женскихъ училищъ во владимірской губерніи, (Журналъ мин. внутр. дѣлъ 1860 г. Ч. 42. Іюнь).

общество опредѣлило давать по 300 рублей въ годъ. Юрьевское общество „за неимѣніемъ городскихъ средствъ“, собрало по подпискѣ 100 рублей и постановило выдать ихъ „на первый случай въ вознагражденіе гувернанткѣ, признанной отъ Правительства способною и если, притомъ, она возьмется обучать дѣвочекъ по распубликованному положенію съ своею квартирою, ибо помѣщенія для женскаго училища нѣтъ, кромѣ казеннаго дома уѣзднаго училища“. Елабужское городское общество, постановивъ устроить „въ двухъ-этажномъ домѣ, независимо отъ комнатъ, потребныхъ для классическихъ отдѣленій для обученія мальчиковъ“ три комнаты для обученія дѣвочекъ, опредѣлило покрывать недостающую на содержаніе женскаго отдѣленія сумму платою съ учениць, а также изъ городскихъ доходовъ „хотя и недостаточныхъ, но ежегодно пополняемыхъ добровольными раскладками городскихъ обывателей“. Это назначеніе общество нашло „въ настоящее время постояннымъ и благонадежнымъ обезпеченіемъ къ содержанію заведенія“ и поручило городскому Головѣ представить „въ списходительное благоусмотрѣніе и разрѣшеніе правительства“.

Жертвуя на женскія училища, городскія, купеческія и мѣщанскія общества почти всегда обусловливали свои пожертвованія даровымъ обученіемъ извѣстнаго числа учениць изъ своего сословія. Въ Серпуховѣ, гдѣ ежегодный сборъ на училище былъ опредѣленъ въ суммѣ 1.355 рублей, дѣти городскихъ обывателей, купцовъ и мѣщанъ учились даромъ, а съ дѣтей другихъ сословій взималась плата по 3 рубля въ годъ. Вѣроятно поэтому, въ первый же годъ открытія этого училища явилось 130 учениць [1]). Въ слободскомъ училищѣ обязательнымъ предметамъ обучались даромъ дѣти мѣстныхъ гражданъ, духовныхъ и состоящихъ на службѣ въ городѣ чиновниковъ.

Шуйское городское общество предоставило жертвователямъ на женское училище право назначать по одной пенсіонеркѣ на каждые, вносимые ими 25 рублей, а тѣмъ, кто будетъ жертвовать не менѣе 300 рублей въ годъ, „опредѣлить отличіе со стороны правительства“; также выбирать изъ среды городского общества блюстителя-эконома съ правомъ голоса въ училищномъ Совѣтѣ не только по хозяйственнымъ, но и по всѣмъ другимъ дѣламъ. Эта должность должна была замѣнять службу по городскимъ выборамъ, быть обязательною на три года и, по разрядамъ, сравнена съ должностью бургомистра магистрата. Всѣ

[1]) Журн. мин. нар. пр. 1861. Т. 110.

суммы на содержаніе училища должны были выдаваться Думою не его начальству, а блюстителю, который одинъ отвѣчалъ за нихъ передъ Думою и обществомъ. Городскому Головѣ предоставлялись права посѣщать училища во всякое время, предъявлять свои замѣчанія училищному Совѣту, выбирать изъ почетныхъ лицъ города попечительницу, назначать, вмѣстѣ съ блюстителемъ и попечительницею, жалованье служащимъ.

Такія же отступленія отъ Положенія 1858 года были предъявлены въ приговорахъ нѣкоторыхъ и другихъ городскихъ обществъ. Довольно многія подъ разными предлогами отказались отъ всякаго участія въ дѣлѣ. Одни отозвались, что признаютъ „благодѣтельную цѣль“ женскихъ училищъ, но по бѣдности не могутъ на нихъ жертвовать, ибо едва въ состояніи удовлетворять казенныя подати и домашнія потребности; другія сказали, что между ними есть такіе, которые готовы жертвовать на учрежденіе „этого благотворительнаго дѣла“, но не могутъ дать много. Гороховецкое общество „по той же бѣдности“ изъявило желаніе „обращаться къ заслуживающимъ довѣріе лицамъ въ образованіи дѣвицъ“. Отказываясь отъ участія въ устройствѣ женскихъ училищъ, общества иногда поясняли, что родители могутъ посылать своихъ дочерей въ приходскую школу вмѣстѣ съ мальчиками, а достаточные имѣютъ возможность обучать ихъ дома. Суздальское общество, сказавъ, что не имѣетъ нужды въ женскомъ училищѣ, объяснило это тѣмъ, что дѣвочки получаютъ достаточное образованіе въ приходскихъ и частныхъ училищахъ, особо отъ учащихся мальчиковъ [1]).

И не только въ уѣздныхъ, но и въ губернскихъ городахъ учрежденіе женскихъ училищъ встрѣчало затрудненія со стороны городскихъ обществъ. Въ Одессѣ граждане собирались нѣсколько разъ для обсужденія вопроса объ изысканіи средствъ на женское училище 1-го разряда, но все неудачно. *Одесскій Вѣстникъ* горячо убѣждалъ ихъ въ необходимости училища, редакція открыла подписку съ этой цѣлью и печатала отчеты о поступившихъ пожертвованіяхъ. Въ ихъ числѣ было: отъ мѣщанина Игнатенко 30 копѣекъ, Я. Зѣнко 1 руб., временно-обязанной крестьянки Евдокіи Волчьей 30 коп., мѣщанина Пв. Лизогубъ 20 коп., И. Крылова 5 руб., чиновниковъ канцеляріи одесской Думы 43 руб. 65 коп. [2]). Наконецъ городское общество рѣшило назначить женской гимназіи по 1500 рублей въ годъ съ тѣмъ,

---

[1]) *Н. Дубенскій.* Учрежденіе ж. уч.

[2]) „Одесскій Вѣстникъ“ 1862 № 20.

чтобы вся отпущенная имъ сумма была возвращена ему впослѣдствіи изъ $2^1/_2$ копѣечнаго сбора, установленнаго въ 1817 г. съ каждой четверти отпускаемаго изъ Одессы хлѣба, на содержаніе Ришельевскаго лицея; о продолженіи этого сбора общество само постановило ходатайствовать съ той цѣлью, чтобы изъ него выдавалось пособіе одесскому университету, если онъ будетъ учрежденъ, женской гимназіи и коммерческому училищу.

Сумма общихъ расходовъ 43-хъ „лучшихъ“ городовъ, съ населеніемъ въ 2,290.762 человѣкъ, составляла въ 1863 году 10.107,828 рублей. Изъ нея на учебныя заведенія министерства народнаго просвѣщенія расходовалось 158.781 рубль, а изъ этой суммы около 44.000 рублей на женскія училища: 1-го разряда—40.383 рубля, 2-го—2.700 руб. [1]).

Среди купечества были, однако, отдѣльныя лица, проникнутыя, повидимому, сознаніемъ пользы женскаго образованія. Умершій въ 1864 году нахичеванскій купецъ Н. Х. Гогоевъ, по сдѣланному имъ въ 1857 году завѣщанію, оставилъ свое недвижимое имущество: двухъэтажный каменный домъ, три магазина, кожевенный заводъ и капиталъ, возросшій къ 1877 году до 186.850 р., на учрежденіе въ Нахичевани училища для воспитанія двѣнадцати бѣдныхъ дѣвицъ армянокъ. Онъ высказалъ въ завѣщаніи волю, чтобы училище было учреждено не съ цѣлью давать ученицамъ блестящее свѣтское образованіе, „которое не идетъ къ быту нашего общества, а готовить ихъ быть добрыми женами, благоразумными хозяйками, матерями, способными внушить дѣтямъ пользу просвѣщенія“. Гогоевъ выразилъ при этомъ желаніе, чтобы въ училищѣ были учительницы, а не учителя, за исключеніемъ армянскаго языка и исторіи Гайкапскаго народа, и чтобы учителями этихъ предметовъ были армяне [2]).

Потомственный почетный гражданинъ Кононовъ, въ день тысячелѣтія Россіи прислалъ начальнику пензенской губерніи жертвуемые имъ пензенскому женскому училищу 1-го разряда 5.000 рублей при письмѣ, въ которомъ говорилъ: „Россія въ первое тысяче-

---

[1]) Изъ 380-ти милліоновъ общей суммы всѣхъ государственныхъ, постоянныхъ, временныхъ и экстраординарныхъ расходовъ, въ 1865 году на народное образованіе расходовалось нѣсколько болѣе 20-ти милліоновъ. Въ этой суммѣ 5 милліоновъ поступали изъ разныхъ источниковъ въ доходы учебныхъ заведеній. Изъ 15-ти милліоновъ, отпускавшихся государственнымъ казначействомъ, 3 было назначено на содержаніе спеціальныхъ учебныхъ заведеній. (Замѣтка объ участіи нашихъ городовъ въ издержкахъ на народное образованіе и о правахъ земства на училища, которыя будутъ ими учреждены. Журн. мин. нар. пр. 1866 г. Т. 129).

[2]) Журн. епекунскаго Совѣта. 1877 г.

лѣтіе сплочивала русскій народъ въ одну семью, и теперь ей, вступившей во второй періодъ, предстоитъ выработать гражданскую доблесть, а для этого ей нужна наука, такъ какъ наука—свѣтъ“ [1]). Изъ другихъ пожертвованій, болѣе крупныя были сдѣланы потомственнымъ почетнымъ гражданиномъ Санютинымъ, пожертвовавшимъ симферопольскому училищу 20.000 рублей, и потомственнымъ почетнымъ гражданиномъ Томилинымъ. Послѣдній, желая учредить на свой счетъ, въ память совершеннолѣтія наслѣдника цесаревича, женское училище въ Путивлѣ (курской губ.), пожертвовалъ въ его основной капиталъ 8.000 руб. съ тѣмъ, чтобы на эту сумму были пріобрѣтены пятипроцентные выигрышные билеты, а проценты съ нихъ употреблялись на покрытіе расходовъ по училищу. При этомъ Томилинъ выразилъ желаніе жертвовать училищу по 100 рублей въ годъ „до значительнаго выигрыша по билетамъ“, а также построить новый домъ для училища, которое первое время должно было помѣщаться въ одномъ изъ принадлежавшихъ Томилину домовъ. За это пожертвованіе ему была объявлена Высочайшая благодарность, дано право носить мундиръ VII разряда вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, званіе почетнаго блюстителя пожизненно ему, а послѣ его смерти—его родственникамъ, на предложенныхъ Томилинымъ условіяхъ [2]).

Потомственный почетный гражданинъ Мамонтовъ обязался вносить московской женской гимназіи по 2.500 рублей въ годъ въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ ея существованія.

Отдѣльныя лица изъ купечества, большей частью городскіе Головы, часто жертвовали женскимъ училищамъ дома или помѣщали ихъ безмездно на опредѣленное число лѣтъ въ своихъ домахъ. Почетные блюстители изъ купцовъ вносили обыкновенно извѣстную ежегодную сумму училищу, въ рѣдкихъ, впрочемъ, случаяхъ доходившую до 1000 рублей.

Почти всегда жертвователямъ, о которыхъ доводилось до свѣдѣнія государя, объявлялась Высочайшая благодарность и благоволеніе. Въ 1860 году она была объявлена преподавателямъ и чиновникамъ костромской гимназіи и уѣзднаго училища за пожертвованные ими полпроцента съ получаемаго каждымъ жалованья на содержаніе одной ученицы [3]).

Въ первые годы учрежденія женскихъ училищъ въ *Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія*, также въ губернскихъ

[1]) Журн. мин. нар. пр. 1869. Ч. 148.

[2]) Журн. мин. нар. пр. 1866 г. Т. 132.

[3]) Журн. мин. нар. пр. 1860 г. Т. 107.

мѣстныхъ вѣдомостяхъ, печатались извѣстія о мелкихъ даже пожертвованіяхъ съ этой цѣлью. Въ числѣ жертвователей были и крестьяне: одинъ старообрядецъ пожертвовалъ вятской гимназіи 25 рублей, а нѣсколько крестьянъ-старообрядцевъ 21 р. 15 коп.; хвалынскому училищу крестьянинъ подарилъ „довольно изящной отдѣлки написанный имъ греческой иконописью образъ Благовѣщенія, стоющій по работѣ 10 рублей серебромъ; государственный крестьянинъ татаркасимовской волости, по приглашенію губернатора, представилъ въ козмодемьянское казначейство 10 руб. на казанское училище [1]).

Это училище содержалось почти исключительно на средства купечества: но въ его устройствѣ участвовали, по приглашенію губернатора, и чиновники; первыми изъявили согласіе жертвовать съ этой цѣлью по полупроценту своего жалованья профессора и чиновники казанскаго университета [2]).

Почти во всѣхъ отчетахъ о женскихъ училищахъ за первое время ихъ существованія, также по управленію учебными округами, указывалось на равнодушіе дворянства къ дѣлу. Но если послѣ Григорова въ средѣ дворянъ не было такихъ крупныхъ жертвователей, какъ онъ, то все же были отдѣльныя лица, дѣлавшія значительныя пожертвованія женскимъ училищамъ: рязанскій помѣщикъ Рюминъ подарилъ рязанскому училищу домъ и обѣщалъ вносить первыя шесть лѣтъ по 3.200 рублей въ годъ на его содержаніе; сенаторъ Фундуклей, по просьбѣ кіевскаго генералъ-губернатора, пожертвовалъ кіевской гимназіи два каменныхъ дома и обязался вносить на ея содержаніе по 1.200 руб. въ годъ; на учрежденіе женскаго училища въ Орлѣ помѣщикъ карачевскаго уѣзда, Кирѣевскій, внесъ 10.000 рублей. Сообщая объ этомъ, корреспондентъ „Кіевскаго Телеграфа“ прибавлялъ, что въ дѣлѣ устройства орловскаго училища всѣ проявили ревность, „а въ особенности благородные дворяне, именуемые столпами отечества“. Этому училищу особенно посчастливилось, ибо кромѣ 10.000 рублей, полученныхъ отъ Кирѣевскаго, для него было собрано еще 10.027 рублей, изъ которыхъ 280 рублей 93 копѣйки получились отъ дворянъ пяти уѣздовъ [3]). Кромѣ того дворяне А. П. и Д. П. Шиповы, такъ же какъ и иногородные почетные граждане Фроловъ, Мамонтовъ и Якунчиковъ обязались ежегодно вносить на его содержаніе по 500 рублей каждый, а орловское городское общество назначило по 617 руб.

[1]) „Вятскія губ. вѣд“. 1861 г. № 41.—Журн. мин. пар. пр. 1859 г. Т. 103.

[2]) „Рус. Педаг. Вѣстникъ“. 1859. Т. V.

[3]) „Современникъ“. 1860 г. Т. LXXX.

въ годъ. Такимъ образомъ училищу сразу былъ обезпеченъ ежегодный доходъ почти въ 3.000 рублей кромѣ платы съ учениць по 12 рублей въ годъ. Ко дню его открытія было 135 учениць, преимущественно изъ среды купцовъ и мѣщанъ [1]).

Калужскому училищу 1-го разряда душеприказчики помѣщика лихвинскаго уѣзда П. А. Племянникова, передали 20.000 руб. и кромѣ того было собрано по подпискѣ 6.382 рубля, въ томъ числѣ 3.160 рублей отъ дворянъ; отъ городского общества поступило до 2.500 рублей пятипроцентнаго сбора за два года съ торговыхъ свидѣтельствъ и отъ города 500 рублей. Всего на училище было собрано 12.452 рубля [2]). За пожертвованіе душеприказчиковъ Племянникова имъ было объявлено Высочайшее благоволеніе и „искренняя признательность“ императрицы [3]).

При открытіи калужскаго училища въ 1860 году въ него поступили 54 ученицы; изъ нихъ дочерей дворянъ 11, духовныхъ 3, чиновниковъ 28, купцовъ 5, мѣщанъ 4, фабрикантовъ 2, иностранцевъ 1.

Женскому училищу 1-го разряда въ Екатеринбургѣ камергеръ И. А. Яковлевъ пожертвовалъ въ 1858 году 5.000 рублей, а общество купцовъ и мѣщанъ обѣщало давать ежегодно, въ теченіе 12-ти лѣтъ, по 2.165 рублей. Этому же училищу, переименованному въ 1863 году въ гимназію, генералъ-маіоръ Уналовъ и его товарищи по золотопромышленности подарили домъ. При совершеніи дарственной на него записи, возникъ вопросъ объ освобожденіи женскихъ училищъ министерства отъ платежа крѣпостныхъ пошлинъ, о чемъ ничего не было сказано въ Положеніи 1860 года; по ходатайству министра народнаго просвѣщенія послѣдовало разрѣшеніе распространить эту льготу, которою пользовались женскія училища вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи, и на училища министерства. Дорогобужскій помѣщикъ Барышниковъ подарилъ смоленскому училищу домъ, оцѣненный въ 12.000 рублей.

При устроенной по предложенію начальника тульской губерніи въ 1858 году подпискѣ, гдѣ были „и крестьянинъ съ своимъ рублемъ, и лица благороднаго сословія“, было собрано 5.160 руб. на тульское женское училище, которое и было открыто въ 1859 г. Почти вся собранная сумма была истрачена въ первые три года учрежденія училища на покрытіе дефицита, такъ какъ къ

---

[1]) „Р. Инд. Вѣст.“, 1861 г. Т. V.

[2]) Журн. мин. вн. дѣлъ. 1860 г. Ч. 45.

[3]) Журн. мин. нар. пр. 1859 г. Т. 108.—1860 г. Т. 107.

1863 году учениць было всего 95 (въ томъ числѣ дочерей дворянъ 39, оберъ-офицеровъ 29, духовныхъ 5, купцовъ и мѣщанъ 19, иностранцевъ 3). При немъ былъ пансіонъ, устроенный на пожертвованныя душеприказчиками тульской помѣщицы Кузовлевой 3.000 рублей съ тѣмъ, чтобы одна тысяча была употреблена на обзаведеніе пансіона, а двѣ хранились вѣчнымъ вкладомъ въ приказѣ общественнаго призрѣнія и на проценты учились въ училищѣ двѣ изъ 20-ти призрѣваемыхъ въ тульскомъ дѣтскомъ пріютѣ. Дворяне двухъ уѣздовъ „и другія лица“ пожертвовали на пансіонъ 473 р. 31 коп., изъ которыхъ 200 рублей даны временно-обязаннымъ крестьяниномъ Зубковымъ. Въ 1861 году, во время выборовъ, дворяне тульской губерніи обязались жертвовать на устройство пансіона по полкопѣйки въ годъ, въ теченіе трехъ лѣтъ, съ десятины помѣщичьей земли, за исключеніемъ крестьянскаго надѣла, по деньгъ этихъ въ 1863 году еще не поступало [1]).

Тамбовской гимназіи, открытой въ 1863 году, ея почетная попечительница, великая княгиня Марія Максиміліановна Баденская, пожертвовала въ первый годъ 500 рублей, а въ слѣдующіе по 300 руб. ежегодно; почетные члены Совѣта этой гимназіи: Нарышкинъ и графъ Строгановъ давали ей по 300 рублей въ годъ, князь Васильчиковъ по 100 рублей. Дашковъ и Никифораки вносили по 300 и по 200 рублей. Кромѣ того два купца, вносившіе по 200 рублей ежегодно, обусловливали свой взносъ тѣмъ, чтобы ихъ служба по гимназіи была принята въ зачетъ государственный. Городское общество назначило гимназіи по 1.040 рублей ежегодно [2]).

Особенность тамбовской гимназіи заключалась въ томъ, что, съ разрѣшенія попечительнаго Совѣта, въ приготовительный ея классъ принимались и мальчики отъ 7-ми до 9-ти лѣтъ; дѣти купцовъ и мѣщанъ тамбовской губерніи учились безплатно, а дворянскія платили по 25 рублей въ годъ. Большинство учившихся въ 1863 году принадлежало къ мѣщанскому сословію (46), купеческихъ было всего 2, дворянокъ 22.

Пермская гимназія была открыта въ 1860 году на полученные отъ городского общества 600 рублей, 446 руб., собранные съ литературно-музыкальнаго вечера, 500 рублей отъ помѣщицы Рошфоръ, которая обязалась вносить ежегодно по 200 рублей,

---

[1]) „Отечественныя Записки“. 1863 г. Ч. CXVII.—Журн. мин. нар. пр. 1859 г. Т. 102.—Арх. мин. нар. пр. 1860 г.

[2]) Сборникъ пост. по мин. нар. пр. 1864 г.—Отчетъ Могилянскаго (Арх. мин. нар. пр. 1864 г.).

и по подпискѣ получилось 1.000 рублей. На ея содержаніе пермскіе землевладѣльцы: графъ Строгановъ давалъ въ теченіе первыхъ пяти лѣтъ по 1.142 руб. 40 коп., а въ слѣдующіе три года обѣщалъ по 500 рублей, князь Голицынъ вносилъ въ теченіе первыхъ пяти лѣтъ по 113 рублей въ годъ, Х. Лазаревъ и И. Яковлевъ по 100 рублей ежегодно, а П. Демидовъ по 500 рублей на стипендіи 4-мъ бѣднѣйшимъ ученицамъ. Преподаватели мужской гимназіи предложили женской свой безвозмездный трудъ до тѣхъ поръ, пока у нея не будетъ достаточно средствъ, а нѣкоторые изъ чиновниковъ согласились, по предложенію начальника губерніи, жертвовать по полупроценту съ получаемаго ими жалованья [1]).

Въ нѣсколькихъ, немногихъ, уѣздныхъ городахъ, Бѣлгородѣ, Карачевѣ, Козельскѣ, училища были учреждены и содержались преимущественно на средства мѣстнаго дворянства; но вообще, какъ сословіе, оно, за исключеніемъ костромского и могилевскаго, обратившихъ на женскія гимназіи собранныя раньше на институты суммы, почти не участвовало ни въ устройствѣ, ни въ содержаніи женскихъ училищъ, а если жертвовало, то на содержаніе опредѣленнаго числа своихъ стипендіатокъ. Коллективныя со стороны дворянства пожертвованія женскимъ училищамъ были сдѣланы въ очень немногихъ городахъ.

Самарское дворянство согласилось, по предложенію губернатора, отдавать проектируемому въ 1859 году женскому училищу въ Самарѣ проценты съ 9.000 рублей, образовавшихся изъ единовременнаго сбора на устройство училищъ въ 1854 году, по 4 р. 25 коп. съ каждой тысячи десятинъ всѣхъ населенныхъ и ненаселенныхъ владѣльческихъ земель самарской губерніи.

Уфимское дворянство согласилось давать женскому губернскому училищу по копѣйкѣ съ каждыхъ десяти десятинъ въ теченіе десяти лѣтъ, а также пригласить къ пожертвованіямъ дворянъ и другихъ губерній.

Ростовскіе дворяне постановили вносить на женское училище по 5 рублей ежегодно съ каждаго имѣнія въ теченіе девяти лѣтъ, начиная съ 1864 года.

Таврическое дворянство большинствомъ 126 голосовъ противъ 39 постановило въ 1860 году вносить, въ теченіе шести лѣтъ, по полупроценту съ своихъ доходовъ на симферопольскую женскую гимназію. Это постановленіе не было исполнено въ про-

---

[1]) Сборникъ пост. по мин. нар. пр. 1862 г.—Сообщеніе попечителя казанскаго уч. округа министру нар. просв. (Арх. мин. нар. просв. 1866 г.).

долженіе двухъ лѣтъ и на запросъ симферопольскаго уѣзднаго предводителя дворянства, таврическій губернскій предводитель отвѣчалъ, что „учрежденіе женской гимназіи есть предметъ частной, а не общественной надобности“ [1]). Получивъ такой отвѣтъ, уѣздный предводитель дворянства „счелъ долгомъ представить на рѣшеніе общественнаго мнѣнія“ вопросъ: должно ли постановленіе дворянства о денежномъ пожертвованіи на женскую гимназію быть обязательнымъ для всѣхъ вообще дворянъ въ губерніи, или же учрежденіе женскихъ гимназій надо отнести къ предметамъ частной надобности и въ такомъ случаѣ участвовать въ пожертвованіи обязаны лишь присутствовавшіе въ собраніи при составленіи такого постановленія дворяне и подписавшіе его?“ Прося сообщить безпристрастный отвѣтъ на поставленный вопросъ въ „Одесскій Вѣстникъ“, онъ мотивировалъ появленіе своего письма въ печати тѣмъ, что „быть можетъ общественное мнѣніе убѣдитъ въ общеполезности женскихъ гимназій лицъ, не раздѣляющихъ такого мнѣнія, но отъ которыхъ зависитъ подвинуть дѣло объ устройствѣ гимназіи въ нашемъ городѣ (Симферополѣ)“. На этотъ вызовъ въ „Одесскомъ Вѣстникѣ“ былъ напечатанъ только одинъ отвѣтъ, не разъяснившій вопроса, отъ таврическаго губернскаго предводителя дворянства; онъ обвинилъ уѣзднаго въ „отступленіи отъ законнаго порядка“, выразившемся въ томъ, что исправлявшій въ собраніи дворянъ его должность, симферопольскій уѣздный предводитель „недостаточно оформилъ постановленіе дворянства“, что не всѣ подписи были проставлены подъ протоколомъ и поэтому не составилось требуемыхъ для дѣйствительности обязательнаго постановленія $^2/_3$ голосовъ. Оправдываясь въ томъ, что касалось лично его самого, таврическій предводитель удивлялся, что „предводитель дворянства, выбранный въ пятый разъ“, которому въ 1841 году губернское собраніе „посредствомъ балловъ изъявило признательность за его дѣянія, называя ихъ полезными и навсегда памятными, человѣкъ, кое-чему учившійся, кое-что испытавшій и въ долголѣтней службѣ, и въ частной жизни, всегда ревностный поборникъ благого просвѣщенія—вдругъ, ни съ того, ни съ сего, на восьмомъ десяткѣ лѣтъ, перемѣнивъ свои убѣжденія, сдѣлался дикимъ противникомъ образованія женскаго пола и препятствуетъ устройству въ Симферополѣ женской гимназіи!“ [2]).

---

[1]) „Одесскій Вѣстникъ“ 1862 г. № 109. *Какъ смотрѣть на женскія гимназіи: какъ на частное или общественное дѣло?* (Письмо Аристида Ревеліотти. 28-го сент. Симферополь).

[2]) Отвѣтъ на статью Ревеліотти П. Взметнева, („Од. Вѣсти.“ 1862 г. № 122).

При представленіи въ 1859 году императрицѣ екатеринославскаго предводителя дворянства, она выразила желаніе, чтобы въ Екатеринославѣ было учреждено женское училище. По сообщеннымъ предводителемъ секретарю императрицы свѣдѣніямъ, можно было бы отдѣлить съ этой цѣлью 100.000 рублей изъ собранныхъ дворянствомъ 150.000 въ исполненіе Высочайшей воли объ устройствѣ пятой неранжированной роты при полтавскомъ кадетскомъ корпусѣ. Приглашенное губернаторомъ къ содѣйствію въ устройствѣ женскаго училища, екатеринославское дворянство постановило въ 1859 году отдать съ этой цѣлью 20.000 рублей—остатокъ отъ суммы, назначенной на усиленіе средствъ екатеринославской и таганрогской мужскихъ гимназій, съ тѣмъ, чтобы женское училище состояло подъ наблюденіемъ губернскаго предводителя дворянства, почетнаго попечителя и двухъ депутатовъ по выбору дворянства. Кромѣ того дворянство постановило собрать въ теченіе трехъ лѣтъ 80.000 рублей въ неприкосновенный капиталъ училища. Изъ процентовъ съ этой суммы должна была вноситься плата за дворянскихъ сиротъ и бѣднѣйшихъ ученицъ. Для помѣщенія училища коллежскій совѣтникъ Понятовскій предложилъ свой домъ, который послѣ смерти владѣльца долженъ былъ перейти въ собственность училища. Въ 1862 году дворянство передало учрежденному для завѣдыванія будущею гимназіею особому комитету 31.282 рубля.

Обѣщанныя женскимъ училищамъ суммы не всегда поступали полностью; бывали случаи, когда неприсутствовавшіе при такихъ постановленіяхъ отдѣльныя лица изъ дворянства и купечества отказывались исполнять ихъ. Сборы съ купцовъ на вятскую гимназію составляли менѣе чѣмъ половину обѣщанной суммы вслѣдствіе того, что нѣкоторые изъ купцовъ отказались отъ взносовъ, мотивируя свое рѣшеніе тѣмъ, что они не участвовали въ составленіи приговора 1858 года, который, по ихъ мнѣнію, обязателенъ только для подписавшихъ его [1]). Въ 1863 году двое изъ дворянъ пермской губерніи внесли на обсужденіе соединеннаго присутствія пермскихъ губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ и особаго, о земскихъ повинностяхъ, сдѣланное ими раньше предложеніе обложить помѣщиковъ губерніи особымъ сборомъ по копѣйкѣ съ каждыхъ десяти десятинъ на содержаніе Маріинской пермской женской гимназіи. Это предложеніе было принято нѣкоторыми помѣщиками, другіе согласи-

[1]) Историко-статист. свѣдѣнія объ уч. зав. вятской губ. (Столѣтіе вятск. губ. стр. 651).

лись вносить лишь въ теченіе пяти лѣтъ, отъ нѣсколькихъ отвѣта не получилось. Присутствіе опредѣлило: не ожидая увѣдомленій отъ прочихъ землевладѣльцевъ, обложить земли изъявившихъ согласіе на налогъ, съ 1-го января 1863 года. На пятилѣтній взносъ согласились три помѣщика: графъ и графиня Строгановы и князь Голицынъ; на постоянный—13. Министръ внутреннихъ дѣлъ, утверждая постановленіе соединеннаго присутствія, поставилъ условіемъ, чтобы взносы эти, какъ добровольные, не были обязательными для изъявившихъ на нихъ согласіе [1]).

При устройствѣ екатеринославской гимназіи обнаружилась и другая, общая почти всѣмъ, сторона дѣла, сильно мѣшавшая правильному его развитію. На томъ основаніи, что большинство ученицъ екатеринославской гимназіи принадлежало не къ дворянскому сословію (изъ 99 было всего 11 дворянокъ), дворянство въ 1866 году, т.-е. на второй же годъ ея открытія, просило разрѣшить ему употребить переданный имъ завѣдующему гимназіею комитету капиталъ, на устройство при ней пансіона для дворянскихъ дочерей. Вмѣстѣ съ тѣмъ оно заявило требованіе, чтобы городъ пополнилъ израсходованные дворянствомъ на устройство гимназіи 19.000 рублей, а контроль надъ гимназіею принадлежалъ бы исключительно дворянству и пріемъ ученицъ зависѣлъ отъ губернскаго предводителя [2]).

Ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія и попечитель одесскаго учебнаго округа находили возможнымъ предоставить дворянству исключительное право контроля надъ гимназіею лишь въ томъ случаѣ, если оно будетъ всецѣло содержать ее на свой счетъ. Министръ народнаго просвѣщенія, графъ Толстой, въ всеподданнѣйшемъ докладѣ 17-го іюля 1866 г. о заявленномъ екатеринославскимъ дворянствомъ ходатайствѣ говорилъ, что дворянство вездѣ положило начало женскимъ училищамъ, и участіе прочихъ сословій лишь вызвано примѣромъ дворянства. „Бывали къ сожалѣнію примѣры,—говорилось въ докладѣ,—что купеческія и мѣщанскія общества обращались къ министру съ ходатайствомъ о недопущеніи членовъ отъ дворянства къ участію въ управленіи училищами на томъ основаніи, что оно не участвовало въ пожертвованіяхъ на ихъ устройство и содержаніе; но такихъ примѣровъ не болѣе пяти, и фактъ этотъ указываетъ на существующее, хотя и рѣдко, разъединеніе сословій. Однако дворянство до сихъ поръ было чуждо подоб-

---

[1]) Сообщеніе мин. внутр. дѣлъ мин. нар. пр. 1863 г. (Арх. мин. нар пр.).

[2]) Сообщеніе мин. вн. дѣлъ министру нар. пр. 5-го янв. 1866 года.

пой исключительности“ [1]). Указавъ далѣе на то, что „хотя положеніе екатеринославскаго училища хорошо извѣстно купеческому и мѣщанскому сословіямъ и хотя большинство учащихся въ гимназіи изъ городского сословія, но эти сословія не проявляютъ ни малѣйшей готовности поддержать училище“, министръ признавалъ справедливымъ сдѣлать отступленіе въ пользу дворянства екатеринославской губерніи отъ Положенія 1860 года, предоставивъ ему исключительное завѣдываніе гимназіею, на что и испрашивалъ Высочайшее соизволеніе.

Вслѣдствіе этого екатеринославскому дворянству было разрѣшено, въ случаѣ если купеческое и мѣщанское сословія откажутся исполнить требованіе дворянства, устранить городского Голову отъ участія въ попечительномъ Совѣтѣ училища. Но требованіе дворянства, чтобы выборъ кандидатокъ былъ предоставленъ губернскому предводителю не было удовлетворено потому, что это право принадлежитъ начальству заведенія, и предпочтительный пріемъ въ гимназію дочерей дворянъ противорѣчилъ бы первоначальному постановленію дворянства, по которому учрежденіемъ гимназіи имѣлось въ виду устранить недостатокъ средствъ къ образованію дочерей лицъ средняго сословія, а также потому, что на плату за дворянскихъ сиротъ и бѣдныхъ учениць обращены проценты съ неприкосновеннаго капитала. Точно также не было удовлетворено требованіе дворянства, чтобы дочери городскихъ сословій допускались въ гимназію лишь въ томъ случаѣ, если городъ заплатитъ 19.000 рублей гимназіи. Это было признано невыгоднымъ для самой гимназіи и равносильно устраненію учениць изъ городскихъ сословій, съ которыхъ получается главный ея доходъ. „Во всякомъ случаѣ,—говорилось въ сообщеніи министра,—справедливость требуетъ сказать, что было бы желательно, чтобы въ гимназіи воспитывалось болѣе дворянскихъ дочерей, чѣмъ другихъ сословій, но это вполнѣ зависитъ отъ тѣхъ мѣръ, какія приметъ попечительный Совѣтъ для привлеченія въ оную преимущественно дочерей дворянъ“. Попечительницѣ екатеринославской гимназіи, г-жѣ Котляревской, вносившей ей по 1.000 рублей ежегодно и единовременно пожертвовавшей на покрытіе дефицита 500 рублей, была объявлена Высочайшая благодарность.

По поводу отчета министра народнаго просвѣщенія за 1861 годъ, въ „Журналѣ министерства“ было сказано: „въ первое время появленія женскихъ училищъ въ кругу нашихъ образо-

[1]) Арх. мин. нар. пр. 1866 г.

вательныхъ учрежденій, они были предметомъ всесторонняго сочувствія и безотчетныхъ надеждъ. Открытіе каждаго изъ нихъ естественно было „великимъ и многознаменательнымъ событіемъ“ въ мѣстной общественной жизни... Теперь (въ 1862 г.) многія изъ женскихъ училищъ существуютъ уже по два и по три года и сочувственные взгляды на нихъ общества должны уступить мѣсто сознательному воззрѣнію. Мѣсто торжественныхъ рѣчей, возбуждавшихъ блестящія надежды, теперь занимаютъ уже положительные фактическіе отчеты“ [1]).

Дѣйствительно, извѣстія объ открытіи женскихъ училищъ печатались не только въ отчетахъ министра, помѣщаемыхъ въ „Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія“, но они присылались изъ всѣхъ концовъ Россіи въ газеты и общіе журналы; даже спеціально-модные: „Ваза“, „Ласточка“ и другіе, среди объясненій выкроекъ и узоровъ, передавали подъ особою рубрикою извѣстія объ открываемыхъ въ разныхъ городахъ женскихъ училищахъ.

Постепенно распространяясь, эти училища, въ теченіе перваго десятилѣтія со дня ихъ учрежденія, были основаны въ такихъ даже захолустьяхъ, какъ Мензелинскъ, Онега, Тюкалинскъ, Ялуторовскъ, Тара, Ишимъ, Курганъ, Бирскъ. Всѣ эти училища 2-го разряда, за исключеніемъ Тюкалинскаго (тобольской дирекціи), основаннаго на средства тамошняго купца 2-й гильдіи, были учреждены и содержались на частные сборы и городскія средства. Въ Троицкосавскѣ было училище 1-го разряда съ шестилѣтнимъ курсомъ; оно было основано купечествомъ, которое, кромѣ пожертвованныхъ на его учрежденіе въ 1860 году 15.000 рублей, обязалось ежегоднымъ на его содержаніе взносомъ въ 1.800 рублей; изъ городскихъ доходовъ ему было назначено по 375 рублей въ годъ [2]).

Училища открывались торжественно, въ присутствіи губернатора, губернскаго предводителя дворянства, военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ съ семействами, почетныхъ дамъ города. Обыкновенно директоръ губернскихъ училищъ, или кто-нибудь изъ учителей, говорилъ рѣчь, въ которой опровергались „предразсудки“ и „мнимыя невыгоды общественнаго воспитанія отъ неизбѣжнаго столкновенія дѣтей разныхъ сословій“, или объяснялась происходящая для всего общества выгода отъ образованія

[1]) Журн. мин. нар. пр 1862 г. Т. 115

[2]) „Указатель“. Экономическій, политическій и промышленный журналъ. Редакторъ-издатель П. Вернадскій. 1860 г. Вып. 45, № 201.

женщинъ, пожеланія, чтобы вездѣ, даже въ отдаленнѣйшихъ углахъ Россіи, были „питомники будущихъ образованныхъ матерей семействъ, попечительныхъ домохозяекъ, достойныхъ супругъ, составляющихъ украшеніе общества“.

При открытіи виленской гимназіи въ 1859 году, начальникъ ея сказалъ: „путь къ спокойствію и довольству благами, которыхъ всѣ ищутъ въ жизни, достигается черезъ образованіе матери семейства. Образованіе женщины едва ли не болѣе необходимо чѣмъ образованіе мужчины... Оно должно быть не поверхностно-свѣтское, а религіозно-нравственное, гимназическое, благодаря которому матери будутъ въ состояніи уяснить своимъ дочерямъ ихъ долгъ и обязанности, а сыновьямъ внушить любовь къ наукѣ и повести семейства къ истинѣ, добру и изяществу“ [1]).

Почти во всѣхъ рѣчахъ перваго времени учрежденія женскихъ училищъ указывалось на равнодушіе къ нимъ общества и родителей. При открытіи въ 1860 году Фундуклеевскаго училища въ Кіевѣ, начальникъ его, адъюнктъ-профессоръ кіевскаго университета, Линпиченко, сказалъ: „къ сожалѣнію и стыду нашему, никто не положилъ лепты въ сокровищницу на пользу просвѣщенія. Всякій извинялся обстоятельствами: село купивъ, жену поялъ... народъ не жертвовалъ по бѣдности, купечество, дворянство и другія сословія не обратили вниманія на важность женскаго училища... Но явился одинъ человѣкъ (сенаторъ Фундуклей) изъ числа тѣхъ немногихъ благодѣтелей, которыми родъ человѣческій можетъ справедливо гордиться, которые искупаютъ погрѣшности тысячи смертныхъ... явился человѣкъ и доставилъ средства открыть училище... Но чѣмъ искупить намъ стыдъ, которымъ благотворитель справедливо покрылъ насъ, сдѣлавъ то одинъ, что должны были сдѣлать всѣ мы, общими силами?“ [2]).

Директоръ народныхъ училищъ нижегородской губерніи, въ произнесенной при открытіи женскаго нижегородскаго училища рѣчи, обратилъ вниманіе на то, что „ни сочувствія, ни малѣйшей любви къ отечественному просвѣщенію въ большинствѣ, такъ называемыхъ губернскихъ аристократовъ не проявилось. Это, къ сожалѣнію, покуда фактъ“ [3]).

О равнодушіи общества къ женскимъ училищамъ говорилось и въ печати. Одни объясняли его тѣмъ, что наше общество при-

[1]) „Журн. мин. нар. пр.“ 1860, т. 105.

[2]) Тамъ же.

[3]) „Журн. мин. нар. пр.“ 1859 г. Т. 102.

выкло ходить на помочахъ у правительства; другіе, наоборотъ, приписывали его слишкомъ малому вліянію на училища и слишкомъ малому участію въ ихъ дѣлахъ, отведенныхъ обществу Положеніемъ 1860 года, предоставившаго ему единственное право—жертвовать на училище деньги. Послѣднее мнѣніе было высказано и въ „Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія“ [1]).

Еще въ 1856 году при министрѣ А. Норовѣ, ученому комитету главнаго правленія училищъ было поручено составить проектъ новаго устава гимназій, уѣздныхъ и приходскихъ училищъ. Этотъ проектъ, подъ названіемъ: „Проектъ устава низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній, состоящихъ въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія“, былъ разосланъ въ 1860 году попечителямъ учебныхъ округовъ для обсужденія въ педагогическихъ Совѣтахъ гимназій и напечатанъ въ „Журналѣ министерства“, а также, по распоряженію министра, Е. Ковалевскаго, въ петербургскихъ и московскихъ вѣдомостяхъ, съ цѣлью вызвать о немъ сужденія и въ литературѣ. Затѣмъ, онъ былъ вновь передѣланъ ученымъ комитетомъ, согласно сдѣланнымъ на него Совѣтами учебныхъ заведеній и разными періодическими изданіями замѣчаніямъ, вновь напечатанъ уже при министрѣ А. Головнинѣ, подъ названіемъ: „Проектъ устава общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній“, вмѣстѣ съ составленнымъ особою комиссіею во второй половинѣ 1861 года „Проектомъ общаго плана устройства народныхъ училищъ“ и препровожденъ попечителямъ учебныхъ округовъ для вторичнаго обсужденія въ Совѣтахъ университетовъ и гимназій, также къ нѣкоторымъ лицамъ духовнаго и гражданскаго вѣдомствъ при объяснительной запискѣ ученаго комитета. Вмѣстѣ съ тѣмъ министерство пригласило всѣхъ интересующихся дѣломъ откровенно выражать свои мнѣнія на проекты и присылать ихъ ему.

Полученныя отовсюду замѣчанія были въ 1862 году сведены вмѣстѣ и напечатаны отдѣльнымъ сборникомъ [2]). Въ шести частяхъ его было помѣщено 389 замѣчаній и мнѣній. Такъ какъ въ первомъ параграфѣ проекта было сказано, что народное просвѣщеніе „составляетъ главную опору государства и источникъ его благосостоянія, а потому выгодами просвѣщенія должны пользоваться всѣ лица безъ различія пола и званія“, и такъ какъ въ число общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній были

[1]) 1866 г., № 129.

[2]) „Замѣчанія на проектъ устава общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній и на проектъ общаго плана устройства народныхъ училищъ“ Спб. 1862 г.

включены и женскія училища, то и на нихъ было сдѣлано много замѣчаній, которыя, какъ и всѣ вообще замѣчанія на оба проекта, высказывались свободно, откровенно и носили характеръ господствовавшаго въ обществѣ и литературѣ начала шестидесятыхъ годовъ добросовѣстнаго и критическаго отношенія къ общественнымъ вопросамъ.

Благодаря этому, а также новизнѣ дѣла женскихъ училищъ, въ касающихся ихъ замѣчаніяхъ на отдѣльныя статьи проекта, часто приводились факты, изъ которыхъ выяснялась какъ внутренняя сторона жизни женскихъ училищъ, особенно въ провинціи, такъ и причины, мѣшавшія успѣшному ихъ развитію.

Во всѣхъ почти замѣчаніяхъ высказывалось убѣжденіе, что безъ денежной поддержки отъ правительства женскія училища существовать не могутъ. Только попечитель дерптскаго округа находилъ мѣстныя средства достаточными. Попечительный Совѣтъ московскаго округа, въ подтвержденіе недостаточности средствъ женскихъ училищъ, указалъ на то, что нѣкоторыя училища высшаго разряда уже преобразованы въ низшія. Въ виду того, что и пожертвованія на женскія училища рѣдки, а сборъ съ учепицъ далеко не покрываетъ расходовъ по училищамъ, нѣкоторые предлагали различные способы обложенія жителей на содержаніе женскихъ училищъ: дѣлать вычеты 2—3 процентовъ изъ жалованья всѣхъ должностныхъ лицъ имперіи, обложить всѣхъ землевладѣльцевъ взносомъ по нѣскольку копѣекъ съ десятины принадлежащей имъ земли, за исключеніемъ земли „поселянъ и лицъ податнаго состоянія, ибо они должны содержать народныя училища и школы грамотности“, со всѣхъ купцовъ безъ исключенія увеличить въ пользу женскихъ училищъ на 2—3 процента гильдейскія пошлины, съ каждаго дома, непринадлежащаго лицу податнаго состоянія, въ городѣ или мѣстности, гдѣ предполагается открыть женское училище, взимать отъ рубля до десяти рублей, смотря по цѣнности зданія, и эти суммы обращать на усиленіе штатной суммы, отпускаемой правительствомъ, которое должно взять на себя „обязательное побужденіе всѣхъ сословій участвовать матеріально въ дѣлѣ повсемѣстнаго образованія дѣтей женскаго пола“ [1]).

Подобныя предложенія появлялись въ печати и ранѣе, въ первый же годъ учрежденія женскихъ училищъ. Въ одномъ изъ нихъ обложеніе извѣстнымъ налогомъ домовъ, заводовъ и фабрикъ, мастерскихъ, торговыхъ заведеній, помѣщичьихъ земель,

[1]) „Замѣчанія“. Ч. ч. 1 и 3.

взиманіе извѣстнаго процента съ жалованія, на покрытіе расходовъ по учрежденію и содержанію женскихъ училищъ, мотивировалось тѣмъ, что въ городскихъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ учатся дѣвицы всѣхъ сословій и по окончаніи ученія „предназначаются въ замужество тѣмъ же сословіямъ“. Заключая отсюда, что образованіе женщинъ приноситъ нравственную пользу всему обществу, авторъ предложенія считалъ несправедливымъ и вреднымъ брать съ родителей плату за обученіе дочерей, ибо, выходя замужъ, дочь оставляетъ родительскій домъ, и нравственная польза отъ полученнаго ею образованія переходитъ преимущественно въ тѣ семейства, въ которыя она вступаетъ. Кромѣ того „много благородныхъ отцовъ и, повидимому, съ порядочнымъ состояніемъ,—говорилъ авторъ,—съ трудомъ прокармливаютъ и одѣваютъ свои семейства, а платить за обученіе дочерей по 25 рублей въ годъ пайдутъ возможнымъ только тогда, когда рѣшатся зашибить копѣйку пополамъ съ грѣхомъ“ [1]).

Многіе авторы замѣчаній на проектъ устава женскихъ училищъ высказывали мнѣніе, что вообще эти училища должны быть учреждаемы правительствомъ совершенно на тѣхъ же основаніяхъ, какъ мужскія. Ссылаясь на указанную въ объяснительной запискѣ ученаго комитета задачу новаго проекта—поставить „существенной цѣлью низшихъ и среднихъ училищъ воспитаніе человѣка“, они думали, что средства для этого должны быть одинаковыя при воспитаніи мужчинъ и женщинъ.

Нѣкоторые Совѣты находили отдѣлъ проекта о женскихъ училищахъ вообще неудовлетворительнымъ; педагогическій Совѣтъ симферопольской гимназіи говорилъ, что въ системѣ воспитанія человѣка нельзя отдѣлять воспитанія женщины отъ воспитанія мужчины. Поэтому, если послѣдніе воспитываются на счетъ государства, то также должны воспитываться и женщины. „Иначе можно подумать,—писалъ Совѣтъ,—что и по новому уставу предполагается приготовлять въ низшихъ и среднихъ училищахъ чиновниковъ и спеціалистовъ, а не людей. Для женщинъ помощь правительства еще необходимѣе, чѣмъ для мужчинъ, ибо необходимость образованія мужчинъ уже получила право гражданства въ русскомъ общественномъ мнѣніи, а весьма многіе, даже изъ среды образованныхъ людей, готовы доказывать, что образованіе женщины роскошь, вовсе ненужная для той узкой роли, къ какой предназначена въ общественной жизни

[1]) „Журналъ для воспитанія“. 1859. № 11. О женскихъ училищахъ низшихъ сословій и сельскихъ учителяхъ.

женщина. Чтобы измѣнить такое направленіе общественнаго мнѣнія, правительство,—говорилъ Совѣтъ,—должно стать во главѣ движенія и по крайней мѣрѣ на время взять инициативу въ дѣлѣ воспитанія русской женщины“ [1]).

Право министерства народнаго просвѣщенія распоряжаться одному учрежденіемъ и организаціею женскихъ училищъ въ томъ случаѣ, если правительство даетъ имъ денежныя средства, признавалось безусловнымъ въ западномъ краѣ, гдѣ, по свидѣтельству попечителя виленскаго учебнаго округа и директора гродненской женской гимназіи, училища для приходящихъ дѣвицъ не пользуются сочувствіемъ общества, вслѣдствіе чего учрежденіе ихъ обставлено особенными затрудненіями [2]).

Въ объяснительной запискѣ ученаго комитета равнодушіе общества къ просвѣщенію вообще, приписывалось не столько бѣдности, сколько „недостаточному развитію въ народной массѣ сознанія пользы ученія“. Московскій попечительскій Совѣтъ, указавъ на полное отсутствіе во многихъ русскихъ городахъ женскихъ учебныхъ заведеній, объяснялъ это не равнодушіемъ общества, а тѣмъ, что въ немъ нѣтъ инициативы, также „раздѣленію его членовъ, непривычкѣ начать, обсудить и довести до конца непривычное дѣло“. Поэтому онъ предлагалъ, для пріисканія средствъ женскимъ училищамъ, учреждать въ городахъ временные комитеты подъ предсѣдательствомъ почетнѣйшей дамы города въ составѣ уѣзднаго предводителя дворянства, директора гимназіи или штатнаго смотрителя училищъ, мироваго посредника, городского Головы. Такой комитетъ, по мнѣнію московскаго Совѣта, могъ впослѣдствіи преобразоваться въ попечительный Совѣтъ женскаго училища.

Впрочемъ, и ученый комитетъ не сомнѣвался въ томъ, что „допущеніе прямого участія представителей общества въ завѣдываніи учебными заведеніями, возбудитъ столь необходимое участіе къ нимъ самого общества, въ настоящее время остающагося совершенно равнодушнымъ къ училищамъ, и тогда устранится важный недостатокъ нравственной связи между учебными заведеніями и обществомъ“ [3]).

Съ этой цѣлью и были Положеніемъ 1860 года учреждены попечительные Совѣты при женскихъ училищахъ. Но составъ ихъ, по мнѣнію попечительскаго Совѣта петербургскаго округа „заключалъ въ себѣ поводъ не къ сближенію, а къ разъедине-

[1]) „Замѣчанія“. Ч. 2-я
[2]) Тамъ же.
[3]) „Замѣчанія“. Ч. 1.

нію женскихъ училищъ съ обществомъ". Такъ какъ основу Совѣта составляли три непремѣнныхъ члена, избиравшихъ остальныхъ, то неизбранные,—писалъ петербургскій Совѣтъ,—обижаются, и послѣдствіемъ бываетъ непріязнь къ училищу. „Большинство образуется изъ лицъ, не имѣющихъ вѣрнаго взгляда на воспитаніе, попавшихъ въ Совѣтъ только потому, что занимаютъ мѣста уѣзднаго предводителя дворянства или городского Головы, или по знакомству съ непремѣнными членами". По мнѣнію казанскаго попечительнаго Совѣта и педагогическаго смоленской гимназіи, большинство въ Совѣтѣ должно принадлежать тѣмъ сословіямъ, которыя содержатъ училище, безъ ограниченія числа членовъ [1]).

По проекту новаго Положенія непремѣнными членами попечительнаго Совѣта должны были состоять: уѣздный предводитель дворянства или лицо, заступающее его мѣсто, директоръ училищъ или, въ уѣздныхъ городахъ, директоръ гимназіи или инспекторъ прогимназіи, лицо изъ духовнаго званія, городской Голова или бургомистръ и начальница. Кромѣ того могло быть неограниченное число выборныхъ членовъ, избираемыхъ Совѣтомъ изъ лицъ „разныхъ сословій, могущихъ усердіемъ къ распространенію просвѣщенія и матеріальными приношеніями содѣйствовать преуспѣянію училища". Почетное предсѣдательство въ Совѣтѣ предоставлено попечительницѣ училища, избираемой Совѣтомъ и представляемой начальникомъ губерніи, черезъ министра народнаго просвѣщенія, на утвержденіе императрицы; но дѣйствительное предсѣдательство возлагалось на старшаго члена Совѣта, т.-е. уѣзднаго предводителя дворянства, или заступающаго его мѣсто лица.

Такъ какъ, по проекту, женскія училища должны были находиться въ главномъ вѣдѣніи попечителей учебныхъ округовъ, и начальникъ губерніи по своему званію былъ почетнымъ попечителемъ всѣхъ женскихъ училищъ въ губерніи, а непосредственное управленіе ими возлагалось на избираемую попечительнымъ Совѣтомъ начальницу, такъ какъ кромѣ попечительнаго Совѣта, былъ еще педагогическій (директоръ народныхъ училищъ или, въ уѣздныхъ городахъ, инспекторъ прогимназіи или представитель учебнаго сословія въ попечительномъ Совѣтѣ, и кромѣ того, начальница и всѣ служащіе по учебной и воспитательной части), то это обиліе начальства въ женскихъ училищахъ вы-

[1]) Матеріалы для новаго Положенія о женскихъ училищахъ мин. нар. просв. Записка о ж. уч. *А. С. Воронова*. (Журн. мин. нар. пр. 1865. Т. 125).

звало наибольшее число замѣчаній на проектъ министерства. Смѣсь начальствъ „часто несходящихся между собою во взглядахъ, требованіяхъ и распоряженіяхъ", должна была, по мнѣнію нѣкоторыхъ „парализовать другъ друга и мѣшать развитію училищъ, находящихся подъ слишкомъ обременительною для нихъ, лишнею опекою". Другіе думали, что начальникъ губерніи „будучи прекраснымъ администраторомъ, въ дѣлѣ воспитанія не можетъ быть компетентнымъ судьей ни въ одномъ учебномъ заведеніи".—„Почему во всѣхъ мужскихъ учебныхъ заведеніяхъ почетный попечитель избирается обществомъ изъ лицъ, которыхъ оно считаетъ къ этому способными и достойными, а для женскихъ разъ навсегда назначается начальникъ губерніи, хотя бы онъ былъ къ этому совершенно неспособнымъ?"—спрашивалъ Совѣтъ симферопольской гимназіи? [1]).—„Вводить постороннее лицо, начальника губерніи, въ управленіе женскими училищами" признавалъ „неприличнымъ и вреднымъ" для учебной и воспитательной части П. Р. (Рѣдкинъ) [2]). Педагогическій Совѣтъ Ларинской гимназіи напомнилъ, что министерство „въ прошломъ едва ли имѣетъ опытъ благотворнаго вліянія вмѣшательства губернаторовъ въ училищныя дѣла" [2]), а педагогическій Совѣтъ архангельской гимназіи указалъ на то, что директору училищъ незачѣмъ заботиться о женскомъ училищѣ, за которое онъ не отвѣчаетъ и которое находится на попеченіи „безотвѣтственнаго лица, полнаго авторитета провинціи".—Можно ли удовлетворенію самолюбія начальниковъ губерніи,—писалъ Совѣтъ,—посвящать такое важное дѣло, какъ воспитаніе женщины, требующее еще больше бдительности, болѣе научнаго знанія, при томъ господствѣ ложныхъ и противорѣчащихъ у насъ взглядахъ на этотъ предметъ, чѣмъ воспитаніе мальчиковъ?" При этомъ Совѣтъ указалъ на выясненное опытомъ неудобство такого подчиненія женскихъ училищъ губернатору. „Въ архангельской губерніи,—говорилъ онъ,—нѣтъ дворянства, а среднее сословіе выражаетъ свое мнѣніе черезъ начальника губерніи. Попечительный Совѣтъ является лишнимъ: весь онъ состоитъ изъ безгласныхъ, дожидающихся только приказанія начальства лицъ, и все дѣло находится въ зависимости отъ одного лица. Въ мужскихъ гимназіяхъ права [3]) попечительнаго Совѣта женскихъ учи-

---

[1]) „Замѣчанія". Ч. 2.

[2]) „Замѣчанія". Ч. 5.

[3]) Выборъ попечительницы, начальницы, учителей, вѣдѣніе и употребленіе денежныхъ суммъ, пріемъ и увольненіе ученицъ, пособія и награды имъ, опредѣле-

лищъ предоставлены педагогическому Совѣту. Хотя §§ 312 и 318 проекта упоминаютъ о правахъ педагогическаго Совѣта, но всѣ они юридически уничтожаются постановленіемъ о попечительномъ Совѣтѣ (§ 307). И безъ того непріятно положеніе директора училищъ въ отношеніи къ начальнику губерніи, но въ архангельской и другихъ губерніяхъ безъ дворянскихъ выборовъ, директоръ стоитъ по попечительному Совѣту въ зависимости отъ предсѣдательствующаго въ немъ уѣзднаго судьи [1]), лица, которое въ губернской іерархіи стоитъ на одной ступени, если не ниже, съ писцомъ канцеляріи губернатора; уѣздный судья долженъ руководить засѣданіями попечительнаго Совѣта, разрѣшать вопросы учебные и воспитательные, и попечительный Совѣтъ превращается не болѣе, какъ въ канцелярію губернатора“ [2]).

За ограниченіе вліянія губернаторовъ на женскія училища высказались и педагогическіе Совѣты гимназій: кіевской, полтавской, волынской, кишиневской, ровенской, новгородъ-сѣверской и олонецкой.

Педагогическій Совѣтъ Ларинской гимназіи привелъ цѣлый рядъ примѣровъ неудобствъ, вызванныхъ устройствомъ попечительнаго Совѣта при женскихъ училищахъ вологодской губерніи на основаніи Положенія 1860 года. „Попечительница училища 1-го разряда—говоритъ Совѣтъ—одна, а желающихъ занять это почетное мѣсто, такъ какъ почетная попечительница утверждается Высочайшею властью, между дамами губернскаго города много. Неизбранныя обидѣлись, стали открыто выражать непріязнь училищу, другія стали чуждаться его“. Средства на училище составились изъ пожертвованій частныхъ лицъ и городского сословія; дворянство, въ составѣ общества, не дало ничего. Когда составился Совѣтъ, значительныя пожертвованія частныхъ лицъ прекратились, жертвователи сказали, что теперь Совѣтъ долженъ объ этомъ заботиться. Городское общество, черезъ своихъ представителей въ попечительномъ Совѣтѣ, узнало, что дворянство получило предсѣдательство и перевѣсъ въ Совѣтѣ, „дворянство—говоритъ Ларинскій Совѣтъ—дочери котораго составляли

ніе платы за ученіе, все устройство учебной и нравственной части училища (§ 307 проекта уч. комитета).

[1]) По новому проекту, § 303, предсѣдательство въ попечит. Совѣтѣ женскихъ училищъ, въ случаѣ отсутствія уѣзднаго предводителя дворянства, возлагалось на заступающее его мѣсто лицо, т.-е. уѣзднаго судью.

[2]) „Замѣчанія“. Ч. 4.

$^2/_3$ общаго числа ученицъ, и которое не только ничего не пожертвовало собственно отъ себя, но приписало себѣ сдѣланныя другими пожертвованія". Тогда городское общество хотѣло совсѣмъ отказать въ отпускѣ суммъ на училище, „тѣмъ болѣе, что ученицы его сословія рѣдко ищутъ освобожденія отъ платы за ученіе, а дворянскія дочери часто, потому что предводители легко выдаютъ имъ свидѣтельства о бѣдности", но рѣшило уменьшить ее на одну треть. Члены отъ дворянства въ попечительныхъ Совѣтахъ вологодскихъ училищъ — по словамъ Ларинскаго Совѣта—стремятся доставить мѣсто начальницы училища женщинамъ своего сословія, „а директору, съ однимъ своимъ голосомъ отъ учебнаго вѣдомства, въ попечительномъ Совѣтѣ трудно отстаивать чуждую мѣстному дворянству начальницу какъ бы она ни удовлетворяла педагогическимъ требованіямъ". Въ Устьсысольскѣ едва не пришлось закрыть училище „вслѣдствіе несогласій"... Смотритель и учителя уѣзднаго училища, даромъ преподающіе въ женскомъ училищѣ, устроили спектакль въ его пользу. Предсѣдатель попечительнаго Совѣта, т.-е. за неимѣніемъ тамъ предводителя дворянства, уѣздный судья, счелъ это за нарушеніе дисциплины—зачѣмъ у него не спросили разрѣшенія играть въ пользу женскаго училища. Купеческіе члены Совѣта „завопили, что наставнику дѣвицъ играть въ комедіяхъ неприлично и что рѣшающіеся на это учителя скорѣе развратятъ дѣвицъ, чѣмъ выучатъ ихъ. Къ судьѣ примкнуло все чиновничество, къ купечеству—городскія сословія".

Въ Яренскѣ, Сольвычегодскѣ, Тотьмѣ, Грязовцѣ, Великомъ Устюгѣ, уѣздный судья въ качествѣ предсѣдателя попечительнаго Совѣта „принялъ высокомѣрный топъ въ отношеніи смотрителя и учителей, какъ своихъ подчиненныхъ; и въ глазахъ уѣздной публики эти отношенія имѣютъ такой смыслъ, что школы подчинены судамъ". Учебное вѣдомство завело обычай, вмѣсто визитовъ на праздникахъ, дѣлать небольшія пожертвованія въ пользу женскихъ училищъ. „Случилось, что въ двухъ городахъ собиратели подписки съ этой цѣлью явились съ приглашеніемъ подписаться къ предсѣдателямъ попечительныхъ Совѣтовъ не къ первымъ; это было сочтено за оскорбленіе предсѣдательскаго достоинства, и не только сами судьи, но и всѣ ищущіе ихъ расположенія, отказались отъ подписки".

Неудобство возложенія предсѣдательства въ попечительномъ Совѣтѣ женскихъ училищъ на уѣзднаго судью выразилось впослѣдствіи въ томъ, что съ закрытіемъ уѣздныхъ судовъ, Совѣты

такихъ училищъ остались безъ предсѣдателей [1]). Почти всѣ Совѣты высказались и противъ предсѣдательствованія въ попечительныхъ Совѣтахъ уѣздныхъ предводителей дворянства.

Такъ какъ попечительному Совѣту новымъ проектомъ предоставлялся выборъ учителей и учительницъ, то, по замѣчанію Ларинскаго Совѣта, члены педагогическихъ Совѣтовъ могутъ „изъ чувства самосохраненія отказаться отъ самостоятельности въ приложеніи къ дѣлу своихъ убѣжденій, часто несходныхъ съ понятіями чопорнаго и нерѣдко необразованнаго провинціальнаго дворянства, которое составляетъ большинство членовъ попечительнаго Совѣта“ [2]).

Педагогическій Совѣтъ тамбовской гимназіи находя вред нымъ предсѣдательство въ попечительныхъ Совѣтахъ женскихъ училищъ уѣздныхъ предводителей дворянства „помимо даже всякаго со стороны ихъ участія въ доставленіи средствъ училищу“, говорилъ, что большей частью „эти лица очень мало интересуются устройствомъ женскихъ училищъ для городскихъ обывателей“. Обязательное предсѣдательство уѣзднаго предводителя дворянства мѣшаетъ даже, по мнѣнію тамбовскаго Совѣта, доставленію средствъ училищу. „Купечество и городское общество— говоритъ онъ—ассигнуетъ извѣстныя средства на женское училище, а дворянство не даетъ ничего; между тѣмъ предводитель вступаетъ въ званіе предсѣдателя, принимаетъ начальническій тонъ и оскорбляетъ учредителя“ [3]). То же высказалъ педагогическій Совѣтъ смоленской гимназіи. „Извѣстно—писалъ онъ— изъ вѣрныхъ источниковъ, что городское сословіе, почти одно исключительно желавшее дать сумму, обезпечивающую существованіе училища, не согласилось на предсѣдательствованіе въ Совѣтѣ и главное распоряженіе уѣзднаго предводителя дворянства“. Что попечительные Совѣты при женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ „вносятъ разладъ въ заведенія, а не пользу“, говорилъ и инспекторъ казенныхъ училищъ московскаго округа. „Предсѣдатель Совѣта съ презрѣніемъ смотритъ на бороду купца и едва удостаиваетъ выслушивать его мнѣніе; городской Голова вноситъ тѣ же пріемы, которые искони употреблялись съ мѣщанами; всякому учителю говоритъ „ты“, наровитъ покричать и потопать на него. Попечительница съ недосягаемой высоты

[1]) Матеріалы для исторіи и статистики Слободской женской прогимназіи. Составилъ предсѣдатель попеч. Сов. прогимназіи Ст. Сов. М. Куроптевъ. Вятка. 1882 г.

[2]) „Замѣчанія.“ Ч. 4.

[3]) „Замѣчанія“. Ч. 5.

смотритъ на начальницу". Однимъ словомъ „полная дисгармонія внесена въ женскія училища попечительными Совѣтами" — прибавляетъ онъ [1]). Указывая на то, что попечительница утверждается, по новому проекту, не только безъ вліянія, но и безъ вѣдома попечителя учебнаго округа, педагогическій Совѣтъ Ларинской гимназіи находилъ, что „такая неопредѣленность отношеній попечителя округа къ попечительницамъ женскихъ училищъ и избирающимъ ихъ попечительнымъ Совѣтамъ, въ которыхъ преобладающій элементъ составляетъ мѣстное дворянство, въ провинціяхъ обыкновенно совершенно не сочувствующее убѣжденіямъ и стремленіямъ учебнаго сословія, затрудняетъ исполненіе самыхъ гуманныхъ распоряженій, коль скоро они будутъ клониться не къ удовлетворенію сословнаго тщеславія" [2]).

Въ виду признаваемыхъ неудобствъ состава попечительныхъ Совѣтовъ и по Положенію 1860 года, и по новому проекту, одни предлагали, чтобы непремѣнные ихъ члены не назначались заранѣе, а выбирались обществомъ, а выборные избирались бы изъ числа родителей и родственниковъ учащихся, мужскаго и женскаго пола безразлично [3]). Другіе думали сдѣлать общимъ, для мужскихъ и женскихъ заведеній, одинъ попечительный Совѣтъ. Третьи, исходя изъ того, что общество равнодушно къ женскимъ училищамъ, а члены, вербованные въ Совѣты, не довольно свѣдущи, заняты своими дѣлами и не интересуются женскимъ образованіемъ, считали попечительные Совѣты непужными и не достигающими цѣли. Въ подтвержденіе этого мнѣнія указывались примѣры нѣкоторыхъ училищъ, на открытіе которыхъ уже давно состоялись приговоры городскихъ обществъ, были собраны деньги и утверждены уставы, а училища не открывались. Но родителямъ и „всѣмъ любителямъ просвѣщенія", по мнѣнію авторовъ такихъ замѣчаній, и въ ихъ числѣ директора училищъ пензенской губерніи [4]), слѣдуетъ предоставить участіе въ педагогическихъ Совѣтахъ.

Нѣсколько мнѣній было высказано за то, чтобы и женщины выбирались въ попечительные Совѣты. „Если воспитаніе женщины—говорилъ исправляющій должность инспектора владимірской мужской гимназіи—въ настоящее время представляетъ насущную потребность, то тѣмъ бо̀льшее участіе въ этомъ дѣлѣ должны принимать женщины". Предвидя въ будущемъ быстрое

[1]) „Замѣчанія". Ч. 5.
[2]) „Замѣчанія". Ч. 4.
[3]) „Замѣчанія". Ч. 6.
[4]) Тамъ же.

развитіе всякаго рода учебныхъ заведеній, подвѣдомственныхъ министерству народнаго просвѣщенія, и имѣя въ виду различную систему образованія въ мужскихъ и женскихъ заведеніяхъ, одинъ изъ учителей житомірской гимназіи, въ особомъ мнѣніи, ставитъ вопросъ: „кто будетъ заявлять особенныя надобности женскаго воспитанія? кто будетъ направлять и обсуждать то, что ихъ касается? Женщины, положимъ, участвуютъ въ попечительныхъ и педагогическихъ Совѣтахъ женскихъ училищъ; но — говоритъ авторъ мнѣнія—въ дальнѣйшихъ инстанціяхъ, въ управленіяхъ окружномъ и министерскомъ, участіе женщинъ намъ неизвѣстно". Въ доказательство того, что въ такомъ дѣлѣ нельзя обойтись безъ участія женщинъ, онъ приводитъ мнѣніе Канта, что „женскій полъ въ практическомъ отношеніи долженъ самъ себя образовать и дисциплинировать, а мужчины не смыслятъ въ этомъ ровно ничего. У нихъ (женщинъ) много своихъ, естественныхъ или нажитыхъ нуждъ, до которыхъ намъ, мужчинамъ, нѣтъ дѣла". И въ интересахъ лучшаго образованія дѣтей, нельзя сдѣлать безгласными ихъ матерей. Поэтому авторъ мнѣнія признаетъ необходимымъ допустить „извѣстныхъ своимъ умомъ, образованіемъ и педагогическими способностями женщинъ къ участію въ сужденіяхъ о педагогическихъ вопросахъ и устройствѣ учебныхъ заведеній въ мѣстныхъ попечительныхъ Совѣтахъ мужскихъ учебныхъ заведеній, въ Совѣтахъ попечителей округовъ и въ главномъ правленіи училищъ министерства"... Кромѣ полезнаго содѣйствія общему образованію, онъ видитъ пользу такой мѣры и въ томъ, что она „заинтересуетъ женщинъ въ педагогическихъ вопросахъ и будетъ содѣйствовать къ распространенію среди нихъ еще очень скуднаго теперь педагогическаго образованія" [1]).

Въ смыслѣ этого предложенія высказался и педагогическій Совѣтъ самарской гимназіи. Участіе женщинъ въ попечительныхъ Совѣтахъ признали желательнымъ „въ нравственномъ и матеріальномъ отношеніяхъ" казанскій попечительный Совѣтъ и директоръ костромской гимназіи [2]). Но, по поводу § 299, которымъ непосредственное управленіе женскимъ училищемъ ввѣрялось начальницѣ, избираемой попечительнымъ Совѣтомъ изъ лицъ, имѣющихъ свидѣтельство на званіе по-крайней мѣрѣ домашней учительницы и пользующихся уваженіемъ общества, нѣкоторыми Совѣтами высказано недовѣріе къ женщинамъ. По ихъ мнѣнію такой выборъ, безъ участія педагогическаго Совѣта

[1]) „Замѣчанія". Ч. 1.
[2]) „Замѣчанія". Ч. 6.

„и воспитательницъ“, не представляетъ достаточныхъ ручательствъ благосостоянія заведенія и, не довольствуясь свидѣтельствомъ на званіе домашней учительницы, начальницу слѣдовало бы обязать преподавать какой-либо предметъ, какъ это требуется отъ директоровъ гимназій и инспекторовъ прогимназій. По этому поводу педагогическій Совѣтъ кишиневской гимназіи говоритъ: „опытъ въ частныхъ пансіонахъ и институтахъ доказалъ, какое вредное вліяніе на эти заведенія имѣетъ скудость свѣдѣній начальницы. Не даромъ въ первыхъ надзоръ въ воспитательномъ отношеніи порученъ директорамъ, а въ послѣднихъ назначаются инспектора классовъ“. Чтобы и теперь не пришлось назначать двухъ начальствующихъ лицъ, и въ избѣжаніе лишнихъ расходовъ „необходимо требовать отъ начальницъ того же, что̀ требуется отъ директоровъ и инспекторовъ, не ограничиваясь притомъ безъ нужды тѣмъ или другимъ поломъ“ [1]). Педагогическій Совѣтъ 5-й петербургской гимназіи изъ опыта „доказавшаго что женщины, какъ бы онѣ ни были образованы, не имѣютъ способности управлять учебнымъ заведеніемъ, разумно назначать каждому лицу приличное ему мѣсто, сообщать опредѣленный порядокъ движенію всѣхъ воспитательныхъ элементовъ заведенія и направлять все къ одной цѣли“, ссылаясь также на то, что и педагогическая подготовка женщинъ ниже чѣмъ мужчинъ, полагалъ поручать непосредственное управленіе женскимъ училищемъ начальнику, на котораго возложить какъ преподаваніе предметовъ, такъ и всѣ обязанности начальницы [2]). Того же мнѣнія былъ попечительный Совѣтъ псковской гимназіи какъ потому, что „если авторитетъ въ семьѣ принадлежитъ отцу, то то же должна заявлять и школа, воспитывающая будущую мать и жену“, такъ и изъ убѣжденія въ томъ, что воспитаніе женщины „не позволяетъ еще видѣть въ ней администратора-педагога, отъ женщинъ нельзя требовать консеквентности мужчины, необходимой для управленія, у нея нѣтъ философскаго взгляда и научныхъ знаній мужчины“. Неестественно и подчиненіе учителей, среди которыхъ могутъ быть лица съ университетскимъ образованіемъ, начальницѣ, имѣющей лишь званіе домашней учительницы. Если требовать отъ педагогическаго Совѣта положительныхъ результатовъ, то начальствующее въ заведеніи лицо должно предсѣдательствовать въ немъ, а если желать, чтобы это лицо вполнѣ соотвѣтствовало своему педагогическому назна-

[1]) „Замѣчанія“. Ч. 2.
[2]) „Замѣчанія“. Ч. 4.

ченію, то оно должно быть избираемо въ общемъ собраніи обоихъ Совѣтовъ, изъ среды учителей училища. Женщинамъ слѣдуетъ, по мнѣнію кишиневскаго Совѣта, поручить лишь воспитательную часть, которая важна и въ открытыхъ училищахъ, и то потому, что въ воспитаніи дѣвочки „есть оттѣнки, недоступные мужчинѣ". Для этого соединенное собраніе обоихъ Совѣтовъ должно выбрать одну изъ классныхъ дамъ, которая, въ качествѣ старшей, должна руководить остальными и завѣдывать внѣшнимъ порядкомъ заведенія. Завѣдываніе же воспитательною частью, „насколько она сливается съ учебною", должно лежать на инспекторѣ классовъ, а сношенія съ родителями на почетной попечительницѣ [1]).

Совѣтъ кіевскаго универсртета полагалъ, что и выборъ воспитательницъ долженъ быть порученъ не начальницѣ, а педагогическому Совѣту училища [2]). Что женщина не можетъ „съ пользою быть такою главною начальницею заведенія, чтобы ей подчинялись инспектора, вообще мужчины" думалъ и П. Р. (Рѣдкинъ), который поэтому предлагалъ подчинить ее особому директору женскаго училища [2]).

Въ этомъ смыслѣ высказался и Совѣтъ казанскаго университета, ставившій условіемъ замѣны начальницы директоромъ то, чтобы послѣдній избирался попечительнымъ Совѣтомъ непремѣнно изъ лицъ, служащихъ по педагогической части и кончившихъ курсъ въ университетѣ [3]). Инспекторъ Бѣлоцерковской гимназіи, наоборотъ, видѣлъ въ проектѣ недовѣріе къ женскому полу потому, что женщинамъ не дано права дѣйствовать самостоятельно даже въ случаяхъ, гдѣ, по своему назначенію, онѣ должны занимать первое мѣсто... „Почему—спрашиваетъ онъ—попечительница считается только почетною предсѣдательницею Совѣта? почему начальница въ педагогическомъ Совѣтѣ на заднемъ планѣ?" Такое мнѣніе раздѣлялъ и педагогическій Совѣтъ тобольской гимназіи. Онъ предлагалъ предоставить начальницѣ женскаго училища право даже предсѣдательства въ педагогическомъ Совѣтѣ, ибо „директоръ народныхъ училищъ—говорилъ Совѣтъ—постоянно находится въ разъѣздахъ для обозрѣнія училищъ, а у директора гимназіи или инспектора прогимназіи есть свои ежедневныя занятія, почему на присутствіе въ педагогическомъ Совѣтѣ женскихъ училищъ они будутъ смотрѣть какъ на постороннее дѣло, или исполнять лишь одну форму".

[1]) „Замѣчанія". Ч. 4.
[2]) „Замѣчанія" Ч. 3.
[3]) „Замѣчанія". Ч. 5.

О вредѣ закрытой системы воспитанія ученый комитетъ высказалъ „глубокое убѣжденіе, что закрытыя заведенія, отрывающія дѣтей отъ семействъ, поддерживающія столь пагубную по своимъ послѣдствіямъ безпечность родителей касательно воспитанія дѣтей, препятствующія развитію личности воспитывающихся и своимъ дисциплинарнымъ характеромъ воспитанія пріучающія ставить въ каждомъ дѣлѣ форму выше идеи, уже отжили свое время и должны быть замѣнены открытыми“ [1]). Педагогическій Совѣтъ тверской гимназіи единогласно призналъ вредъ закрытыхъ воспитательныхъ заведеній, „гдѣ собранныя въ большомъ числѣ дѣти отвыкаютъ отъ семейной жизни и, при самой точной исполнительности всѣхъ формальныхъ порядковъ, лишены нормальныхъ условій жизни, среди которыхъ могутъ развиться согласно всѣ способности ума и души, безъ ущерба одной на счетъ другой“ [2]). Признавая закрытыя заведенія вредными, нѣкоторые Совѣты считали, однако, необходимымъ для дѣтей, родители которыхъ живутъ далеко или внѣ города, существованіе при женскихъ гимназіяхъ пансіоновъ. Педагогическій Совѣтъ московской 3-й реальной гимназіи предлагалъ поручить „наблюденіе за нравственною частью и вообще за содержаніемъ дѣвицъ въ частныхъ женскихъ заведеніяхъ, почетнымъ городскимъ дамамъ, въ качествѣ особыхъ инспектрисъ“ [3]). Но другіе, и въ ихъ числѣ ученый комитетъ, думали, что если даже пансіоны будутъ малолюдны, что желательно въ избѣжаніе исключительно дисциплинарнаго характера воспитанія въ нихъ, то и при этомъ условіи они „не будутъ въ состояніи удовлетворить вполнѣ цѣлямъ разумнаго воспитанія“ [4]). Членъ главнаго правленія училищъ, Н. И. Пироговъ, высказалъ мысль, что, „учреждая закрытыя заведенія при учебныхъ заведеніяхъ, министерство даетъ только поводъ родителямъ сложить съ себя прямую и натуральную отвѣтственность“ [5]).

Только одинъ изъ членовъ педагогическаго Совѣта кейданской (въ западномъ краѣ) гимназіи былъ того мнѣнія, что при посѣщеніи дѣвицами училищъ могутъ быть непріятныя происшествія, а потому неудобно устраивать училища для приходящихъ. Но большинство Совѣта стояло за открытыя училища и думало, что „при развитіи гласности нельзя допустить, чтобы

[1]) Объяснительная записка. „Замѣчанія“. Ч. 1.
[2]) „Замѣчанія“. Ч. 3.
[3]) Тамъ же.
[4]) Объяснительная записка. Ч. 1.
[5]) „Замѣчанія“. Ч. 1.

повторялись скандалы“ [1]). Тотъ же Совѣтъ объяснялъ причину недовѣрія общества въ западномъ краѣ къ открытымъ женскимъ училищамъ тѣмъ, что они даютъ доступъ всѣмъ сословіямъ, „а укоренившіяся понятія о сословныхъ различіяхъ не дозволяютъ многимъ лицамъ высшаго чиновническаго званія посылать туда дѣтей“.

За всесословность высказался педагогическій Совѣтъ Ларинской гимназіи. Указавъ на то, что въ проектѣ прямо не сказано, что женскія училища учреждены для всѣхъ сословій, Совѣтъ полагалъ, что это поведетъ къ преграждению въ нихъ доступа дочерямъ купцовъ и, въ особенности, мѣщанъ и ремесленниковъ, „ибо—говоритъ онъ—опытъ доказалъ, что всюду, при открытіи женскихъ училищъ, дворянство и, въ уѣздныхъ городахъ, даже чиновничество, вліяли противъ этихъ, новаго рода, заведеній, и упорно отказывались содѣйствовать ихъ основанію, заявляя, что они считаютъ унизительнымъ для себя сажать дочерей на одну скамью съ поповками и мѣщанками“ [2]).

Еще въ 1860 году на переданное предсѣдателемъ харьковской казенной палаты министру Ковалевскому ходатайство попечительнаго Совѣта только-что тогда открывавшагося въ Харьковѣ училища перваго разряда назвать его гимназіею, министръ сообщилъ губернатору, что такъ какъ Положеніемъ 1860 года дозволено открывать только училища 1-го и 2-го разрядовъ, то онъ считаетъ неудобнымъ переименовывать харьковское въ гимназію. Но среди замѣчаній на новый проектъ было много предложеній за „отожествленіе женскихъ образовательныхъ учебныхъ заведеній съ мужскими и въ самомъ названіи ихъ гимназіями и прогимназіями“. Педагогическіе Совѣты полтавской и попевѣжской гимназій находили, что названіе „женскія училища 1-го и 2-го разряда какъ бы обособляетъ женское образованіе отъ мужского, поддерживаетъ мысль отличія одного отъ другого“, а названіе ихъ гимназіями и прогимназіями „соотвѣтствовало бы идеѣ уравненія ихъ, которое и въ самомъ дѣлѣ лежитъ въ основаніи новаго устройства женскихъ учебныхъ заведеній“ [3]).

Проектъ министерства, по словамъ объяснительной записки, проводитъ „аксіому, что въ учебныхъ заведеніяхъ всѣхъ разрядовъ преподаваніе должно имѣть характеръ воспитательный и что въ самомъ преподаваніи должны заключаться всѣ условія,

[1]) „Замѣчанія“. Ч. 2.
[2]) „Замѣчанія“. Ч. 4.
[3]) „Замѣчанія“. Ч. 1.

необходимыя для воспитанія человѣка". Съ этой цѣлью въ курсъ женскихъ училищъ включено пѣніе какъ предметъ обязательный, языки французскій и нѣмецкій введены въ программу училищъ и 2-го разряда „по важности, какую въ образовательномъ отношеніи имѣетъ знакомство съ литературою этихъ языковъ, и только въ видахъ облегченія тѣхъ, кто по своему общественному положенію можетъ обойтись безъ нихъ", они сдѣланы необязательными; всѣ же остальные предметы курса женскихъ училищъ принадлежатъ къ такимъ, „общеобразовательная сила которыхъ доказана продолжительнымъ опытомъ". Педагогическій Совѣтъ 2-й кіевской гимназіи считалъ нужнымъ сдѣлать обязательнымъ хотя одинъ изъ иностранныхъ языковъ, находя, что для женщины это существенно необходимо. Новогрудскій уѣздный предводитель дворянства, высказавъ мнѣніе, что „женщина сравнительно слабое существо", предлагалъ вмѣсто пѣнія сдѣлать обязательнымъ изученіе „науки женскаго хозяйства", а также преподавать въ мѣстномъ училищѣ всѣ предметы на польскомъ языкѣ. За необходимость обучать въ женскихъ училищахъ домашнему хозяйству былъ и педагогическій Совѣтъ динабургской гимназіи, въ видахъ „уничтожить предразсудки и стыдъ къ занятію имъ", при чемъ, по его мнѣнію, долженъ быть указанъ порядокъ и самая норма веденія дѣла [1]).

За исключеніемъ Совѣта московскаго университета, считавшаго возможнымъ сократить предложенный проектомъ курсъ ученія въ женскихъ училищахъ исключеніемъ изъ него геометріи, взамѣнъ которой „дать болѣе простора какой-нибудь другой наукѣ", также педагогическаго Совѣта казанской 2-й гимназіи, предлагавшаго вмѣсто геометріи преподавать понятіе объ измѣреніяхъ, только одинъ учитель коревскаго уѣзднаго училища находилъ программу женскихъ училищъ „для настоящаго времени еще достаточною"; всѣ остальныя замѣчанія сводились скорѣе къ расширенію курса женскихъ училищъ. Старшій учитель одесской гимназіи указалъ на отсутствіе въ программѣ именно того предмета, который для женщины, какъ будущей жены и матери, всего необходимѣе, т.-е. „знакомства съ утробной жизнью младенца и первоначальнымъ физическимъ его воспитаніемъ до семи лѣтъ въ рукахъ матери", а также физической жизни младенца. Эту науку желательно, по его мнѣнію, ввести хотя бы въ послѣдніе классы женскихъ училищъ 1-го разряда. Для этого должно быть составлено руководство, а преподаваніе поручено

[1]) „Замѣчанія". Ч. ч. 1, 2, 4.

медикамъ, „такъ какъ въ кругъ медицинскаго образованія входитъ и акушерство". Необходимость давать такія знанія еще въ училищѣ, онъ мотивировалъ тѣмъ, что по достиженіи 16—17-ти лѣтъ, по окончаніи курса, дѣвушкѣ „предстоитъ замужество и она никогда уже не будетъ имѣть времени ознакомиться съ подобною наукою". Также необходима, по его мнѣнію, для женщины гимнастика, не только въ видахъ развитія тѣлесной силы у будущихъ матерей, но, и въ особенности, „для противодѣйствія первной раздражительности у женщинъ при ихъ образѣ жизни" [1]). Онъ же предлагалъ экзаменовать женщинъ въ женскихъ училищахъ или институтахъ, думая, что экзаменъ въ университетѣ „сильно смущаетъ женскую стыдливость, которая бываетъ причиною слабыхъ отвѣтовъ".

По мнѣнію нѣкоторыхъ лицъ, женскія училища 1-го разряда могутъ считаться высшими учебными заведеніями только въ старшихъ классахъ; поэтому они предлагали устроить курсъ этихъ училищъ по образцу мужскихъ гимназій, гдѣ въ низшихъ классахъ дается совершенно законченное образованіе, а въ высшіе поступаютъ желающіе продолжать его.

П. Р. (Рѣдкинъ) находилъ удобнѣе учредить, вмѣсто прогимназій или училищъ 2-го разряда, „двоякаго рода народныя училища: низшія, мужскія и женскія вмѣстѣ, и высшія, отдѣльныя для того и другого пола" [2]). За совмѣстное обученіе мужчинъ и женщинъ не только въ народныхъ училищахъ высказался и педагогическій Совѣтъ орловской гимназіи. „Школа должна готовить для совмѣстной жизни—писалъ онъ — мужчину и женщину; зачѣмъ же съ юныхъ лѣтъ раздѣлять на нѣсколько часовъ тѣхъ, которые во все остальное время не раздѣлены?.. Проектированное министерствомъ устройство женскихъ училищъ будетъ поддерживать кастовое раздѣленіе населенія" [3]). Педагогическій Совѣтъ кишиневской гимназіи, говоря о важности воспитанія женщины „для нея самой и для общества", о проникшемъ въ литературу и общество сознаніи того, что „роль женщины въ общественной и семейной жизни народа слишкомъ велика, вліяніе ея на моральное состояніе настоящаго и будущаго поколѣнія не менѣе обширно", жалѣетъ, что „несмотря на такое громадное значеніе, воспитаніе ея до сихъ поръ отличается поверхностностью, мишурностью, имѣющими скорѣе вредное вліяніе на нее и на общество, чѣмъ полезное". Въ виду

[1]) Замѣчанія". Ч. 2.

[2]) „Замѣчанія". Ч. 5.

[3]) „Замѣчанія". Ч. 1.

заявленнаго къ тому времени нѣсколькими женщинами желанія слушать университетскій курсъ и благопріятное отношеніе къ этому желанію профессоровъ, Совѣтъ высказывалъ мысль о необходимости установить между училищами 1-го и 2-го разряда и между училищами 1-го разряда и университетомъ такую связь, какая существуетъ между мужскими гимназіями и университетомъ, или приблизить женскія училища по курсу къ мужскимъ заведеніямъ съ нѣкоторыми лишь измѣненіями, а именно: нѣсколько сократить въ женскихъ училищахъ отдѣлъ математики, совсѣмъ исключить древніе языки, замѣнивъ ихъ педагогикою.

Такъ какъ всѣ заведенія, по проекту, имѣютъ одну цѣль—общечеловѣческое образованіе—а отличіе курса женскихъ училищъ отъ курса мужскихъ заключается, по мнѣнію педагогическаго Совѣта пензенской гимназіи и пензенскаго дворянскаго института, главнымъ образомъ, въ преподаваніи въ мужскихъ гимназіяхъ латинскаго и греческаго языковъ, то Совѣтъ отсюда заключалъ, что изученіе ихъ и по мнѣнію составителей проекта „не необходимо для общечеловѣческаго образованія“ [1]). Педагогическій Совѣтъ симферопольской гимназіи, находя, что въ проектѣ „едва ли на другую какую-либо сторону обращено такъ мало вниманія, какъ на воспитаніе женщины“, считалъ необходимымъ сравнять по курсу женскія училища съ мужскими и открыть женщинамъ доступъ въ университетъ, а также открыть при женскихъ училищахъ педагогическіе курсы на одинаковыхъ основаніяхъ съ мужскими, для приготовленія учительницъ въ женскія училища 2-го разряда и уравнять способы пріобрѣтенія женщинами званія домашней наставницы и учительницы съ способами, существующими для мужчинъ, закрыть привилегированныя женскія учебныя заведенія или преобразовать ихъ „въ нормальныя, на одинакихъ основаніяхъ съ другими, сосредоточивъ ихъ въ одномъ вѣдомствѣ—министерства“. Въ заключеніе Совѣтъ высказывалъ убѣжденіе, что „только тогда, когда съ введеніемъ этихъ мѣръ возрастетъ у насъ поколѣніе женщинъ, столь же воспитанныхъ, какъ и мужчины, тогда общественная жизнь получитъ разумное направленіе: улучшится домашнее воспитаніе, ослабнетъ гоньба за приданымъ, уменьшится число домашнихъ безобразій“. Педагогическій Совѣтъ роменской гимназіи, раздѣляя мнѣніе о необходимости уравнять женское образованіе съ мужскимъ, говорилъ, что „прохо-

[1]) „Замѣчанія“. Ч. ч. 2 и 6.

дить время, когда думали, что женщинѣ не нужно столько научныхъ свѣдѣній какъ мужчинѣ, что ея единственное назначеніе—жена и мать". Доказывая, что женскія училища должны имѣть тотъ же объемъ и характеръ преподаванія какъ мужскія, и что кончившимъ курсъ женскихъ гимназій долженъ быть открытъ доступъ въ университетъ, учитель харьковской 1-й гимназіи мотивируетъ это мнѣніе тѣмъ, что „умственная неспособность женщины только мнимая, зависящая отъ исторической судьбы ея" [1]).

Кромѣ частныхъ измѣненій въ объемѣ преподаванія той или другой науки, почти всѣми авторами замѣчаній на проектъ женскихъ училищъ высказывалось убѣжденіе въ необходимости, для того, чтобы ученіе въ нихъ было основательнымъ, установить maximum пріемнаго возраста въ 9—10 лѣтъ, также устроить приготовительные классы, въ которыхъ восьмилѣтнія могли бы научиться читать и писать, знаніе чего поставлено въ проектѣ условіемъ поступленія въ первый классъ. При шестилѣтнемъ курсѣ въ гимназіи дѣвушка, по проекту, должна оканчивать его 14-ти лѣтъ, а въ прогимназіи, съ тремя годичными курсами, 11-ти. Въ этомъ возрастѣ нельзя, по мнѣнію нѣкоторыхъ педагогическихъ Совѣтовъ, усвоить опредѣленный проектомъ курсъ. „Если для мальчиковъ пріемный возрастъ назначенъ въ 9 лѣтъ, то для дѣвочки—говоритъ педагогическій Совѣтъ 5-ой петербургской гимназіи (то же мнѣніе высказалъ и Совѣтъ вологодской)—требуется менѣе научнаго образованія" и потому слѣдуетъ принимать въ женскія училища не моложе 10-ти лѣтъ. „Четырнадцать лѣтъ—еще періодъ дѣтства—писалъ педагогическій Совѣтъ московской 3-й реальной гимназіи—а кому же неизвѣстно, что есть разрядъ понятій, идей, которыя требуютъ не только извѣстной степени умственнаго развитія, но и развитія нравственнаго, даже нѣкотораго запаса понятій, которыя вырабатываются одною жизнью? Напримѣръ: возможно ли сколько-нибудь разумное изученіе исторіи и литературы, когда воспитанница не доросла, если не до знанія, то до нѣкотораго пониманія явленій жизни и сердца человѣческаго"? [2])... Въ этихъ же цѣляхъ попечительные Совѣты московской, кишиневской и другіе, считали необходимымъ удлиннить курсъ женскихъ училищъ 1-го разряда съ 6-ти на 7 лѣтъ, а 2-го — съ 3-хъ на 4. При 6-тилѣтнемъ и 3-хлѣтнемъ курсѣ неизбѣжна „излишняя поспѣшность прохо-

[1]) „Замѣчанія". Ч. ч. 2, 3, 5.
[2]) „Замѣчанія". Ч. 3.

жденія наукъ и невозможность занять учениць самостоятельнымъ трудомъ", а множество предметовъ въ училищахъ 1-го и 2-го разряда заставляетъ назначать по пяти уроковъ въ день для четырехъ высшихъ классовъ, и ученіе продолжается съ 9-ти часовъ до 4-хъ.

Въ объяснительной запискѣ ученаго комитета сказано, что кромѣ недостатка средствъ для открытія народныхъ училищъ вообще, развитію ихъ мѣшаетъ „полный недостатокъ повсюду въ учителяхъ и для домашняго образованія". Вмѣстѣ съ тѣмъ комитетъ считаетъ „самою вредною спеціализаціею, безъ основательнаго и достаточнаго образованія—спеціализацію педагоговъ". Кромѣ того, въ учительское званіе, по мнѣнію комитета, „болѣе нежели въ какое-либо другое, необходимо привлекать людей, чувствующихъ къ нему призваніе и избирающихъ его свободно". Поэтому, основнымъ началомъ при выборѣ учителей въ гимназіи, прогимназіи и народныя училища, проектъ ставилъ „кромѣ ученаго, и педагогическое ихъ приготовленіе". Для этого министерство предполагало учредить закрытыя учительскія семинаріи или институты для приготовленія учителей, мѣста которыхъ и въ гимназіяхъ оставались вакантными между прочимъ, по мнѣнію Пирогова, потому, что „сами учителя гимназій нуждаются въ дальнѣйшемъ образованіи на педагогическомъ поприщѣ" [1]).

Преподавателями въ женскихъ училищахъ могли, по проекту, быть не только учителя гимназій, прогимназій и учительскаго института, но въ училищахъ 1-го разряда, и имѣющіе право на занятіе учительской должности, обладающіе дипломами на званіе домашнихъ наставниковъ и наставницъ, учителя и учительницы, а въ училищахъ 2-го разряда и кончившіе курсъ ученія въ учительскомъ институтѣ, также прошедшія полный курсъ ученія въ женскомъ училищѣ 1-го разряда, но не подвергавшіяся педагогическому испытанію. Противъ этого высказано было замѣчаніе: почему въ женскихъ училищахъ 2-го разряда „несравненно болѣе развитыхъ по курсу, чѣмъ народныя" преподавателями допускаются лица, кончившія курсъ учительскаго института? Съ другой стороны, предоставленное проектомъ право кончившимъ полный курсъ женскаго училища 1-го разряда, но не пробывшимъ еще годъ въ училищѣ въ качествѣ помощницы учительницы, быть воспитательницами и учительницами въ училищахъ 2-го разряда многими найдено было слиш-

[1]) „Замѣчанія". Ч. I.

комъ снисходительнымъ. „Зачѣмъ такое снисхожденіе къ женщинамъ и несправедливая уступка?—спрашивалъ инспекторъ бѣлоцерковской гимназіи... Будутъ ли родители довѣрять такимъ учительницамъ? Надо и отъ женщинъ требовать, наравнѣ съ мужчинами, одинаковыхъ педагогическихъ пріемовъ". По его мнѣнію, должны быть устроены педагогическіе курсы при женскихъ училищахъ 1-го и 2-го разряда и прохожденіе ихъ сдѣлано обязательнымъ для желающихъ быть учительницами не только въ общественныхъ заведеніяхъ, но и въ частныхъ домахъ. Учитель новгородъ-сѣверской гимназіи, высказывая желаніе, чтобы для женщинъ были соотвѣтствующія мужскимъ учебныя заведенія „съ сокращеннымъ курсомъ математики", дальнѣйшую педагогическую ихъ дѣятельность обусловливалъ тѣмъ, чтобы кончившія курсъ прогимназіи прослушали еще курсъ педагогики, дали нѣсколько пробныхъ уроковъ въ присутствіи педагогическаго Совѣта, составили записку о преподаваніи чтенія, письма и ариѳметики въ народномъ училищѣ и только послѣ этого получали бы право на преподаваніе въ этихъ же училищахъ. Желающія же быть преподавательницами въ прогимназіяхъ, должны, по окончаніи курса гимназіи, прослушать курсъ исторіи воспитанія и дидактики на педагогическихъ курсахъ, написать сочиненіе по избранному для преподаванія предмету, также записку о методѣ его преподаванія и о руководствахъ, имъ извѣстныхъ, дать нѣсколько пробныхъ уроковъ въ присутствіи педагогическаго Совѣта женской гимназіи. „Если же у насъ найдутся—говорилъ онъ—женщины, прослушавшія полный университетскій курсъ по извѣстному отдѣлу, то онѣ должны, предпочтительно передъ учителями, назначаться на вакантныя мѣста въ женскихъ гимназіяхъ". Педагогическій Совѣтъ кишиневской гимназіи былъ того же мнѣнія, а право преподаванія въ женскихъ прогимназіяхъ полагалъ предоставить и окончившимъ курсъ въ женскихъ гимназіяхъ.

Нѣкоторые Совѣты считали возможнымъ поручить женщинамъ „какъ естественнымъ воспитательницамъ нравственности", преподаваніе закона Божья, другіе—французскаго языка, третьи—всѣхъ предметовъ въ прогимназіяхъ, притомъ не только женскихъ, но и мужскихъ. Послѣднее предложеніе было высказано, въ особомъ мнѣніи, учителемъ житомірской гимназіи. Онъ указалъ на то, что педагогическій Совѣтъ волынской губерніи допустилъ женщинъ учительницами народныхъ школъ и въ то же время отвергъ „какъ преждевременную, неумѣстную, смѣлую" его мысль о допущеніи женщинъ преподавать и въ прогимна-

зіяхъ при условіи, что онѣ, по окончаніи общаго курса гимназіи, пройдутъ еще курсъ педагогическаго при ней класса [1]).

Хотя по проекту министерства полагалось требовать и отъ женщинъ не только знаній, но и нѣкотораго навыка въ преподаваніи, однако, для нихъ не указывалось такого учрежденія, гдѣ бы онѣ могли пріобрѣсти этотъ навыкъ. Многіе Совѣты указали на такой пробѣлъ; одни предлагали учредить при всѣхъ женскихъ училищахъ педагогическіе курсы: при училищахъ 2-го разряда для приготовленія народныхъ учительницъ, 1-го—для училищъ 2-го разряда; при тѣхъ училищахъ, которыя имѣютъ право выдавать свидѣтельства на званіе домашней наставницы—для училищъ 1-го разряда и для лицъ, желающихъ быть воспитательницами въ частныхъ домахъ или начальницами женскихъ училищъ; другіе думали допустить женщинъ къ слушанію педагогическихъ курсовъ, учреждаемыхъ, по проекту, для образованія учителей прогимназій, при двухъ по крайней мѣрѣ гимназіяхъ въ каждомъ учебномъ округѣ, но съ тѣмъ, чтобы желающія слушать эти курсы были не моложе 16-ти лѣтъ и кончили полный курсъ въ институтѣ, или женскомъ училищѣ 1-го разряда, или выдержали испытаніе въ предметахъ курса училищъ 1-го разряда. Педагогическій Совѣтъ тагапрогской гимпазіи „не смѣя и мечтать о томъ, чтобы были открыты для женщинъ особыя заведенія, какъ учительскіе институты, хотя роль учительницы такъ же велика, какъ и роль учителя“, предлагалъ учредить при женскихъ училищахъ 1 и 2 разрядовъ особые курсы для приготовленія учительницъ народныхъ школъ. Многими предлагалось ввести въ курсъ женскихъ училищъ 1-го разряда преподаваніе педагогики въ томъ объемѣ, въ какомъ она будетъ преподаваться въ учительскихъ институтахъ. Педагогическій Совѣтъ 1-й московской женской гимназіи сообщалъ, что онъ, при ея учрежденіи, уже ввелъ въ программу все, что̀ требуется отъ домашней учительницы и что попечительный Совѣтъ согласенъ предоставить окончившимъ курсъ и желающимъ посвятить себя педагогической дѣятельности ученицамъ, право заниматься въ теченіе одного года практически въ двухъ или трехъ классахъ гимназіи, а если позволятъ средства, то имъ будутъ преподавать дидактику и педагогику.

Вообще, во всѣхъ замѣчаніяхъ высказывалось единодушное желаніе привлечь женщинъ къ педагогической дѣятельности давъ имъ необходимую для этого подготовку, также увѣренность, что

---

[1]) „Замѣчанія“. Ч. ч. 1, 2, 3.

въ этомъ отношеніи онѣ могутъ удовлетворять требованіямъ, предъявляемымъ къ мужчинамъ [1]).

Въ особенности такая увѣренность высказывалась по отношенію къ женщинамъ, какъ народнымъ учительницамъ. „Нельзя отстранять женщинъ отъ преподаванія и въ мужскихъ народныхъ училищахъ", писалъ попечитель одесскаго учебнаго округа А. Арцымовичъ; ссылаясь на бывшіе уже въ Сибири и самарской губерніи опыты, онъ высказывалъ „глубокое убѣжденіе въ томъ, что женщина способнѣе мужчины для первоначальнаго народнаго образованія, приводящее къ мысли, что надо стремиться передать народныя училища въ руки женщинъ".

За допущеніе женщинъ къ обученію и въ мужскихъ народныхъ школахъ „съ равнымъ окладомъ съ учителями", были и попечители харьковскаго и казанскаго учебныхъ округовъ, педагогическіе Совѣты екатеринбургской, 2-й казанской и архангельской гимназій. Послѣдній, указывая на то, что проектъ занятъ исключительно учителями и не упоминаетъ даже о томъ, кѣмъ назначаются въ школу учительницы, а ст. 33 не допускаетъ ихъ ни въ какомъ случаѣ преподавать законъ Божій, считалъ справедливымъ поставить учительницъ народныхъ школъ наравнѣ съ учителями не для однѣхъ только женскихъ училищъ, и прибавляетъ: „кажется пора бы дать право гражданства женщинѣ хотя въ этомъ-то отношеніи".

Н. Рыбниковъ предлагалъ открыть въ университетскихъ и вообще въ губернскихъ городахъ школы для приготовленія учительницъ и высказывалъ убѣжденіе въ томъ, что народное образованіе не пуститъ корней пока женщины останутся невѣжественными. Перечисляя выгоды отъ образованія подготовленныхъ къ дѣлу учительницъ, онъ говоритъ: „тогда нѣсколько тысячъ женщинъ и даже десятковъ тысячъ женщинъ будутъ имѣть безбѣдное, честное, существованіе... Сельскіе учителя будутъ выбирать изъ нихъ женъ, и онѣ будутъ настоящими имъ помощницами и въ семейной и въ общественной жизни". Педагогическій Совѣтъ кіевской 1-й гимназіи предлагалъ учредить въ городскихъ народныхъ училищахъ особые классы для дѣвицъ и ввѣрить ихъ учительницамъ; Совѣтъ нижегородской гимназіи и Александровскаго дворянскаго института, находя утѣшительнымъ „уравненіе относительно образованія обязанностей мужчинъ и женщинъ" высказанное въ § 31 проекта [2]) потому, что оно

[1]) „Замѣчанія". Ч. ч 1, 2, 3.

[2]) По этому § лица, непредставившія удостовѣренія въ умѣніи читать и писать и знаніи главнѣйшихъ молитвъ, не могутъ быть выбираемы ни въ какія почетныя

хорошо повліяетъ на семейное воспитаніе, а также потому, что „это постановленіе можно разсматривать какъ новый шагъ къ уравненію правъ обоего пола“, сожалѣетъ что проектъ не идетъ далѣе по этому пути и говоритъ: „пора бы освободиться отъ рутиннаго взгляда на женщинъ... Если уже въ настоящее время нельзя допустить женщинъ къ преподаванію во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, ибо онѣ еще не подготовлены, то зачѣмъ отказывать имъ въ правѣ преподавать во всѣхъ народныхъ училищахъ и даже прогимназіяхъ?“ Совѣтъ прибавлялъ, что онъ вполнѣ раздѣляетъ мнѣніе учителя Панкова о необходимости допустить женщинъ къ участію въ дѣлѣ народнаго образованія, а также мнѣніе исправляющаго должность директора гимназіи о желательности, чтобы право женщинъ на преподаваніе „было распространено и на всѣ другія учебныя заведенія“ и чтобы курсъ мужскихъ и женскихъ заведеній былъ одинаковъ. Членъ ученаго комитета главнаго правленія училищъ, Чебышевъ, и педагогическій Совѣтъ 2-й петербургской гимназіи полагали полезнымъ измѣнить § 14 проекта, по которому учительницы допускались къ преподаванію лишь въ помощь учителямъ, такъ, чтобы онѣ допускались и „взамѣнъ учителей, какъ теперь попечительницы допускаются вмѣсто попечителей“ [1]).

Наставникъ-наблюдатель воронежскаго кадетскаго корпуса обративъ вниманіе на то, что, въ проектѣ, женщины-учительницы допускаются какъ рѣдкое исключеніе, и что въ немъ даже не указано средствъ, которыми женщины могутъ получать высшее образованіе, необходимое для занятія учительскихъ должностей во всѣхъ высшихъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, прибавляетъ: „пора и у насъ признать женщинъ способными и достойными занимать мѣста въ государственной службѣ, гдѣ ихъ положеніе наиболѣе прилично“. Поэтому, кромѣ преподаванія педагогіи въ женскихъ гимназіяхъ и устройства женскихъ педагогическихъ институтовъ, онъ предлагалъ допустить ихъ къ слушанію лекцій въ университетахъ и тогда предоставить исключительно имъ всѣ должности въ женскихъ училищахъ, куда допускать мужчинъ лишь въ томъ случаѣ, если будетъ недостатокъ въ лицахъ женскаго пола. „Нравственное вліяніе женщины—говорилъ онъ—на воспитанницъ благотворно, ибо женщина, при ровномъ съ муж-

общественныя должности, а при поступленіи въ гильдію или при взятіи торговыхъ свидѣтельствъ и при полученіи паспортовъ платятъ повинности вдвое болѣе положенныхъ по закону. „Такимъ штрафамъ подвергаются и лица женскаго пола“. (§ 31 проекта устройства народныхъ училищъ).

[1]) „Замѣчанія“. Ч. ч. 1. 3. 4. 5. 6.

чиною образованіи, болѣе способна къ передачѣ другимъ чистой нравственности, облагораживающихъ чувствъ и убѣжденій“ [1]).

Во всѣхъ почти замѣчаніяхъ высказывалось убѣжденіе въ необходимости сравнять народныхъ учительницъ, также и учительницъ гимназій и прогимназій, какъ относительно вознагражденія, такъ и во всѣхъ правахъ, съ учителями. Говоря о первыхъ, педагогическій Совѣтъ россіенскаго дворянскаго училища пишетъ: „наши сельскія общества, на волю которыхъ предоставляется добровольное соглашеніе съ учительницами, готовы по своей неразвитости считать ихъ наравнѣ съ домашнею прислугою, тѣмъ болѣе, что еще до сихъ поръ многіе изъ нашихъ помпадуровъ-аристократовъ причисляютъ своихъ гувернантокъ къ таковымъ и, отправляясь съ ними въ дорогу, даютъ имъ мѣсто на облучкѣ“ [2]).

Педагогическій Совѣтъ 2-й казанской гимназіи предлагалъ допускать не только учителей, но и учительницъ въ засѣданія губернскихъ училищныхъ Совѣтовъ. По новому проекту (§ 378) эти новыя учебносовѣщательныя учрежденія въ составѣ: директора училищъ, начальниковъ и начальницъ всѣхъ среднихъ учебныхъ и воспитательныхъ заведеній министерства, по два отъ каждаго, и учителей, избранныхъ мѣстными педагогическими Совѣтами гимназій, прогимназій и женскихъ училищъ 1-го и 2-го разрядовъ, должны были находиться въ каждой губерніи „для поддержанія связи и единства воспитательнаго начала между открытыми учебными заведеніями и для развитія здравыхъ педагогическихъ идей между лицами, занимающимися воспитаніемъ“.

Требованія отъ домашнихъ наставницъ и учительницъ, кончившихъ курсъ не только въ перворазрядныхъ женскихъ заведеніяхъ вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи, въ петербургскихъ училищахъ: св. Анны и св. Петра, но и второразрядныхъ: принцессы Ольденбургской, городскомъ высшемъ училищѣ въ Дерптѣ и въ воспитательномъ заведеніи ярославскаго дома призрѣнія ближняго, оставлены прежнія, т.-е. эти воспитанницы получали свидѣтельства на право преподаванія при выпускѣ изъ заведенія и не должны были подвергаться особому испытанію. Это право § 367-мъ новаго проекта распространялось и на кончившихъ курсъ въ женскихъ училищахъ министерства народнаго просвѣщенія, но при условіи, что послѣднія должны прослужить не менѣе года въ качествѣ помощницы учительницы (§ 325).

---

[1]) „Замѣчанія“. Ч. 5.

[2]) „Замѣчанія“. Ч. 2.

Почти всѣ авторы замѣчаній на проектъ о женскихъ училищахъ находили несправедливымъ давать, при этихъ условіяхъ, меньше правъ кончившимъ курсъ въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства, чѣмъ вѣдомства Императрицы Маріи, такъ какъ въ послѣднихъ давалось право на званіе домашней наставницы, а въ первыхъ — учительницы. Директоръ ярославскаго Демидовскаго лицея находилъ, что женскія училища министерства, „эти новыя общеобразовательныя учебныя заведенія, которыя по курсу предположено возвести на степень гимназій и которыя учреждаются именно для серьезнаго образованія женщинъ, вслѣдствіе недостаточности, поверхностности и неправильности образованія и воспитанія въ прежнихъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ отодвинуты самимъ ученымъ комитетомъ на второй планъ и въ отношеніи правъ поставлены ниже всѣхъ прежнихъ училищъ, не только высшихъ, но даже 2-го разряда". Педагогическій Совѣтъ харьковской 2-й гимназіи считалъ справедливымъ дать даже преимущества женскимъ училищамъ министерства, такъ какъ отъ кончившихъ въ нихъ курсъ требуется еще цѣлый годъ практическихъ занятій послѣ выпуска [1]).

Кромѣ этихъ замѣчаній на проектъ новаго Положенія о женскихъ училищахъ, въ 1862 году въ министерство поступили мнѣнія нѣкоторыхъ изъ попечителей по возбужденнымъ нѣсколькими Совѣтами и лицами ходатайствамъ. 9-го января 1862 года попечительные Совѣты при московскомъ учебномъ округѣ женскихъ училищъ 1-го разряда ходатайствовали о предоставленіи окончившимъ въ нихъ курсъ ученицамъ права на званіе домашней учительницы безъ особаго испытанія. Дарованіе ученицамъ женскихъ училищъ 1-го разряда правъ было бы, по мнѣнію московскихъ Совѣтовъ, „самымъ сильнымъ поощреніемъ къ ревностному занятію науками, и для дѣтей бѣдныхъ особенно важно. Родители будутъ готовы жертвовать послѣднія средства для образованія дѣтей въ надеждѣ, что собственнымъ благороднымъ трудомъ онѣ пріобрѣтутъ впослѣдствіи себѣ средства къ честному существованію". Кромѣ того, дарованіе правъ „возбудитъ къ училищамъ довѣріе и сочувствіе общества, которое въ большинствѣ еще не отвыкло, съ мыслью о всякомъ общественномъ учебномъ заведеніи, соединять мысль о правахъ его; число учениць увеличится, и распространится просвѣщеніе". Прежде чѣмъ дать ходъ этому ходатайству, попечительскій Совѣтъ рѣшилъ предложить членамъ педагогическаго комитета познакомиться съ

[1]) „Замѣчанія". Ч. ч. 3 и 5.

педагогическою и учебною частью, какъ женскихъ гимназій, такъ и другихъ высшихъ женскихъ учебныхъ заведеній въ Москвѣ. Сообщая объ этомъ, попечитель московскаго учебнаго округа увѣдомлялъ, что онъ сносился съ Совѣтами Екатерининскаго училища и Николаевскаго сиротскаго института о допущеніи избранныхъ попечительскимъ Совѣтомъ профессоровъ посѣщать ихъ классы; но такъ какъ Совѣты этихъ училищъ отвѣчали, что они не могутъ этого сдѣлать безъ Высочайшаго разрѣшенія, то онъ просилъ министра исходатайствовать такое разрѣшеніе, нужное для сравненія преподаваемыхъ наукъ въ этихъ заведеніяхъ съ преподаваніемъ ихъ въ открытыхъ училищахъ министерства, а также для того, чтобы знать: возможно ли исполнить ходатайство попечительныхъ Совѣтовъ женскихъ училищъ 1-го разряда?

По полученіи такого разрѣшенія въ томъ же году, поступили такія же ходатайства отъ попечительныхъ Совѣтовъ казанскаго Маріинскаго училища и псковской гимназіи, а начальница харьковской женской гимназіи, при проѣздѣ черезъ Харьковъ наслѣдника въ 1863 году, подала ему прошеніе, въ которомъ, въ виду наступающаго въ 1864 году перваго выпуска изъ гимназіи, ходатайствовала отъ лица попечительнаго Совѣта и „всего городского общества“ о предоставленіи кончившимъ курсъ ученицамъ правъ на званіе домашней наставницы. Почти одновременно съ этимъ ходатайствомъ начальница воронежской гимназіи представила императрицѣ записку о состояніи женскихъ училищъ. Въ ней она говорила о необходимости дать женскимъ училищамъ права и преимущества, какими пользуются институты, также обезпечить имъ вѣрные источники дохода такъ, чтобы эти училища могли имѣть собственныхъ учителей съ правами учителей гимназіи. „Сумма, употребляемая на содержаніе одного института—писала начальница—была бы достаточна для содержанія пяти женскихъ училищъ, а тѣмъ, что̀ расходуется на одинъ кадетскій корпусъ, можно бы содержать десять женскихъ училищъ“ [1]). Обѣ записки начальницъ были переданы на заключеніе попечителя харьковскаго учебнаго округа, который согласился по вопросу о предоставленіи училищамъ правъ, которыми пользуются институты, а относительно средствъ полагалъ нужнымъ пригласить городское общество, черезъ начальника воронежской губерніи, къ назначенію постояннаго пособія женской гимназіи.

---

[1]) Арх. мин. нар. пр. 1862 и 1863 г.

Такъ какъ въ маѣ 1865 года истекалъ послѣдній срокъ дѣйствія Положенія 1860 года о женскихъ училищахъ министерства, то въ 1864 году было предложено попечителямъ учебныхъ округовъ представить свои окончательныя соображенія о необходимыхъ, на основаніи опыта, измѣненіяхъ въ этомъ Положеніи, а члену Совѣта министерства народнаго просвѣщенія Могилянскому было Высочайше повелѣно осмотрѣть женскія училища министерства.

Въ августѣ того же года Могилянскій представилъ свой отчетъ, а въ слѣдующемъ, предсѣдателемъ ученаго комитета министерства, А. С. Вороновымъ, была составлена записка о женскихъ училищахъ, представлявшая сводъ всѣхъ высказанныхъ на проектъ новаго Положенія о нихъ замѣчаній и предложеній, съ присоединеніемъ собственнаго его мнѣнія [1]).

Въ замѣчаніяхъ попечителей подтверждалось почти все, что было высказано раньше Совѣтами университетовъ, гимназій и отдѣльными лицами. По вопросу о средствахъ, А. Вороновъ опредѣлилъ необходимую для поддержанія женскихъ училищъ правительственную субсидію въ 150.000 рублей ежегодно, съ тѣмъ, чтобы 50-ти училищамъ 1-го разряда выдавалось по 2.000 рублей въ годъ, а 50-ти 2-го — по 1.000 рублей. За ограниченіе власти губернаторовъ высказались попечительскіе Совѣты петербургскаго и казанскаго округовъ. Послѣдній былъ того мнѣнія, что большинство въ попечительномъ Совѣтѣ должно принадлежать содержащимъ училище сословіямъ, безъ ограниченія числа членовъ, а московскій, раздѣляя этотъ взглядъ, полагалъ, что дѣти другихъ сословій должны приниматься лишь съ согласія тѣхъ, кто содержитъ училище. Попечитель петербургскаго учебнаго округа, указавъ на то, что почетная попечительница училища избирается по Положенію 1860 года, даже безъ вѣдома попечителя учебнаго округа, предлагалъ совсѣмъ упразднить эту должность „какъ излишнюю опеку“. По его мнѣнію, въ новомъ Положеніи слѣдуетъ сказать, что женскія училища учреждаются для всѣхъ сословій, ибо „есть примѣры, что попечительные Совѣты, пріобрѣтя перевѣсъ надъ вліяніемъ директоровъ, сознательно преграждали дорогу дочерямъ бѣдныхъ людей, возвышая плату за ученіе“. Находя нужнымъ обусловить назначеніе начальницы требованіемъ отъ нея диплома по-крайней мѣрѣ домашней учительницы, а въ училища 2-го разряда на-

[1]) Матеріалы для новаго Положенія о жен. учил. вѣд. мин. нар. пр. Записка о женскихъ училищахъ. Составлена предсѣд. ученаго ком. мин. нар. пр. А. С. Вороновымъ (Журн. мин. нар. пр. 1865. Т. 125).

значать надзирательницъ, а не начальницъ, попечитель мотивировалъ это тѣмъ, что мѣсто начальницы теперь часто служитъ „какъ бы учрежденіемъ для призрѣнія состоящихъ подъ покровительствомъ сильныхъ губернскаго міра“. Это обѣднѣвшія дамы, „пропитанныя предразсудками и полагающія цѣлью образованія навыкъ свободно и съ хорошимъ произношеніемъ говорить по-французски готовыми, затверженными фразами, да манеры, почитаемыя признакомъ хорошаго тона, положительно вредныя въ воспитанницахъ, большинство которыхъ будутъ матерями недостаточныхъ семействъ“. Участіе въ попечительномъ Совѣтѣ уѣзднаго судьи „по бо́льшей части выслужившагося приказнаго“, попечитель находилъ также вреднымъ. То щекотливое положеніе, въ которое, по его мнѣнію, поставлено училищное начальство въ попечительномъ Совѣтѣ, онъ приписывалъ „явному недовѣрію къ нему правительства, подчинившаго его вліянію лицъ, ничего не сдѣлавшихъ для пользы женскихъ училищъ“. Дворянство, составляющее большинство въ Совѣтѣ, не выказало сочувствія, меньше всѣхъ жертвовало, „часто и теперь смотритъ на женскія училища свысока и предпочло бы имъ устройство институтовъ исключительно для своего сословія, еслибы они не стоили слишкомъ дорого“. Признавая, что у женскихъ училищъ слишкомъ много опекуновъ, они, по мнѣнію попечителя, лишены правильнаго руководства, а въ административномъ подпали преобладающему вліянію дворянства, которое „нерѣдко искажаетъ ихъ по мѣркѣ своихъ понятій“, причемъ городское сословіе оскорбляется тѣмъ, что въ попечительномъ Совѣтѣ оно остается „въ тѣни за представителями дворянства“, и вообще члены попечительнаго Совѣта, особенно въ уѣздныхъ городахъ, часто смотрятъ на учителей какъ на подчиненныхъ, а уѣздная публика такъ, что училища „подчинены уѣзднымъ судамъ и ратушамъ“. Поэтому онъ предлагалъ предоставить директору выборъ учителей и учительницъ, а попечительному Совѣту лишь право соглашаться или не соглашаться съ нимъ, также не давать состоящимъ уже на службѣ въ мужскихъ гимназіяхъ учителямъ никакихъ особыхъ правъ по женскимъ училищамъ, права и кругъ дѣятельности педагогическихъ Совѣтовъ женскихъ училищъ опредѣлить, какъ они опредѣлены въ проектѣ устава гимназій, и сравнять права учащихся въ женскихъ училищахъ 1-го разряда съ правами учащихся въ петербургскихъ женскихъ гимназіяхъ [1]).

---

[1]) Замѣчанія на Положеніе 1860 года. 20 мая 1864 г. (Арх. мин. нар. пр.).

Въ представленномъ попечителемъ харьковскаго учебнаго округа мнѣніи попечительнаго Совѣта Маріинскаго женскаго училища, Совѣтъ, основываясь на томъ, что родители неаккуратно вносятъ плату за своихъ дѣтей „именно не бѣдные, а съ состояніемъ", полагалъ не устанавливать никакихъ правилъ для платы, а предоставить назначеніе ея попечительнымъ Совѣтамъ; высшіе классы училища, по его словамъ, не могли бы существовать еслибы плата, получаемая съ низшихъ, не покрывала издержекъ на нихъ. Такъ какъ предводителю дворянства „часто бываетъ некогда созывать Совѣтъ", то, по мнѣнію харьковскаго Совѣта, было бы лучше расширить права попечительницы, предоставивъ ей предсѣдательство въ Совѣтѣ, или выбирать для этого другое лицо изъ среды Совѣта. Представленіе кончалось „покорнѣйшей просьбою не стѣснять драгоцѣннаго права, дарованнаго попечительнымъ Совѣтамъ Положеніемъ 1860 года, вести ввѣренныя имъ заведенія сообразно съ потребностями общества, въ которомъ члены Совѣта живутъ и которому они призваны служить".

Говоря о средствахъ, попечитель казанскаго учебнаго округа, находилъ вопросъ о субсидіи правительства женскимъ училищамъ столь важнымъ, что „даже беретъ на себя трудъ утруждать министра покорнѣйшею просьбою исходатайствовать" такую субсидію.

Попечитель одесскаго округа, сказавъ, что ни попечительные Совѣты, ни директоръ гимназіи, не представили ему никакихъ замѣчаній, самъ высказался за увеличеніе числа выборныхъ членовъ въ Совѣтъ, и „принимая во вниманіе, что для женщины точно такъ же необходимо основательное образованіе, какъ и для мужчины, и женскія училища не должны стоять ниже мужскихъ", предлагалъ сравнять ихъ и по курсу и по названію.

А. Вороновъ, соглашаясь съ необходимостью „приблизить" женскія училища по курсу къ мужскимъ гимназіямъ и прогимназіямъ, былъ противъ полнаго ихъ уравненія, находя, что это „было бы несогласно съ ближайшими цѣлями женскаго образованія и неудобно во многихъ отношеніяхъ"; поэтому не слѣдуетъ, по его мнѣнію, и называть женскія училища гимназіями и прогимназіями. По поводу предложенія многихъ Совѣтовъ ввести въ курсъ женскихъ училищъ преподаваніе гигіены, педагогики и дидактики, харьковскій попечительскій Совѣтъ замѣтилъ, что эти предметы не читаются и въ университетахъ „по недостатку руководствъ на русскомъ языкѣ и людей, спеціально изучившихъ эти предметы". Главнѣйшія понятія изъ гигіены

можно, по его мнѣнію, сообщать при преподаваніи естественныхъ наукъ, „что и дѣлается въ харьковскомъ женскомъ училищѣ“. Вороновъ, говоря, что „вредъ многоученія мы уже испытали во всѣхъ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ“, находилъ „благоразумнѣе ограничиться немногимъ, но вести дѣло основательно. Задаться слишкомъ широко значило бы стремиться къ тому, что̀ невозможно въ настоящее время по нашимъ учебнымъ средствамъ и что̀ превышаетъ общественныя потребности“. Но имѣя въ виду недостатокъ въ учителяхъ, и Вороновъ признавалъ, что „солидная подготовка женщинъ къ воспитательному поприщу была бы большою помощью для нашего образованія“. Поэтому женскими училищами необходимо воспользоваться, „съ одной стороны какъ средствомъ для приготовленія учительницъ для этихъ училищъ и частныхъ домовъ, съ другой—для приготовленія учительницъ начальныхъ народныхъ школъ и вообще для первоначальнаго обученія“. Съ этой цѣлью онъ предлагалъ устроить 8-й спеціальный классъ въ женскихъ училищахъ и въ немъ преподавать педагогику и дидактику ученицамъ, которыя, подъ руководствомъ учителей, должны заниматься „ближайшимъ усвоеніемъ главныхъ предметовъ, входящихъ въ составъ полнаго курса женскихъ училищъ 1-го разряда, а также преподаваніемъ подъ руководствомъ учителей въ низшихъ трехъ классахъ училищъ“.

„Нужно ли объяснять — прибавлялъ Вороновъ — что такое дѣло, какъ дѣло государственное, имѣетъ право на пособіе со стороны правительства?“

Въ представленной Могилянскимъ запискѣ о женскихъ училищахъ, онъ также предлагалъ включить домашнюю гигіену, педагогику и дидактику въ число обязательныхъ предметовъ, а бухгалтерію — необязательныхъ. По его мнѣнію, надо дать доступъ въ попечительные Совѣты лицамъ обоего пола, въ низшихъ классахъ назначать меньшую плату, которую можно разсрочить помѣсячно, съ дѣтей содержащихъ училище сословій брать половину платы; если городъ даетъ на содержаніе училища больше, чѣмъ министерство, то представлять приходорасходныя книги на ревизію Думѣ, дать учащимся въ училищахъ 1-го разряда права на званіе домашнихъ учительницъ и наставницъ, а лучшимъ выдавать медали и книги [1]). Ученый комитетъ призналъ ходатайство о правахъ вполнѣ основательнымъ.

По предложенію Могилянскаго начальства учебныхъ заведеній были приглашены сообщить: въ какой помощи, денежной

---

[1]) Записка Т. Сов. Могилянскаго о ж. уч. мин—ва 1864 г. (Арх. мин. нар. пр.).

и относительно учебныхъ пособій, нуждаются женскія училища, пользуются ли они сочувствіемъ мѣстныхъ жителей, мнѣніе о нихъ общества и училищнаго начальства, въ чемъ заключаются его желанія, также начальницъ и родителей? Только послѣ доставленія этихъ свѣдѣній, Могилянскій предполагалъ сдѣлать осмотръ женскихъ училищъ министерства и ихъ сравнительную, съ женскими гимназіями вѣдомства Императрицы Маріи, оцѣнку. Ученый комитетъ одобрилъ этотъ планъ, но такихъ свѣдѣній отъ начальствъ женскихъ учебныхъ заведеній получилось очень немного. Главный инспекторъ училищъ западной Сибири сообщилъ, что мѣстныя женскія училища неудовлетворительны, учителя преподаютъ даромъ, купечество не жертвуетъ ибо „служба при училищахъ тягостна и не представляетъ выгодъ, кромѣ мундира“. Вятскій губернаторъ представилъ ходатайство попечительнаго Совѣта вятскаго училища 1-го разряда объ испрошеніи принятія училища подъ покровительство императрицы, о награжденіи учащихся шифрами, какъ въ институтахъ, или какими либо наружными знаками въ родѣ жетоновъ, или подарками отъ имени министра народнаго просвѣщенія. Это необходимо, по мнѣнію Совѣта, „для усиленія благосостоянія училища и для возвышенія авторитета и значенія его въ мѣстномъ обществѣ“ [1]).

Въ вятскомъ училищѣ, по словамъ Совѣта, все превосходно; только по недостатку учителей иностранныхъ языковъ и отсутствію упражненія въ нихъ въ семьяхъ, преподаваніе этихъ языковъ идетъ неудовлетворительно. При основаніи училища, въ 1859 году, было 70 ученицъ, въ 1860-мъ—127. Несмотря, однако, на постоянное увеличеніе числа ученицъ, денежныя средства училища недостаточны; ежегодный его доходъ составляетъ 2.400 рублей, а нужно 4.000. Почетная попечительница собрала пожертвованій для училища 6.000 рублей, а самъ попечитель, губернаторъ, далъ 3.000 рублей.

Министръ нашелъ ходатайство о шифрахъ неудобнымъ, а такъ какъ, по Положенію 1860 года, всѣ женскія училища министерства состоятъ уже подъ покровительствомъ императрицы, то это ходатайство найдено излишнимъ; подарки имѣли бы, по мнѣнію министра, больше значенія, еслибы они назначались попечительнымъ Совѣтомъ отъ имени губернатора, какъ главнаго мѣстнаго начальника и попечителя женскихъ учебныхъ заведеній.

Еще до утвержденія новаго Положенія о женскихъ учили-

---

[1]) Представленіе попечителя женскихъ учебныхъ заведеній вятской губерніи, генералъ-маіора Струкова. 18 мая 1864 г. (Арх. мин. нар. пр.).

щахъ, черниговскій губернаторъ въ виду того, что задуманное въ 1858 году женское училище въ Черниговѣ, на которое, по сообщенію тогдашняго губернатора, было собрано съ четырехъ спектаклей 4.115 рублей и приговоромъ Думы была опредѣлена извѣстная сумма, не было открыто въ теченіе шести лѣтъ, учредилъ подъ своимъ предсѣдательствомъ временной комитетъ, въ который пригласилъ всю губернскую администрацію: преосвященнаго Филарета, архіепископа черниговскаго и нѣжинскаго, губернскаго и уѣзднаго предводителей дворянства, предсѣдателя казенной палаты, предсѣдателей палатъ уголовной и гражданской, губернскаго прокурора, инспектора врачебной управы, почетнаго попечителя черниговской гимназіи, директора училищъ черниговской губерніи, инспектора черниговской гимназіи, законоучителя и двухъ учителей гимназіи, двухъ членовъ губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, члена межевой палаты, двухъ врачей, директора черниговскихъ дѣтскихъ пріютовъ, секретаря губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія [1]). Открывъ первое засѣданіе комитета рѣчью, губернаторъ предложилъ высказаться относительно хотя еще не заявленнаго, но могущаго быть, предложенія со стороны педагоговъ даромъ преподавать въ женскомъ училищѣ. Самъ губернаторъ былъ того мнѣнія, что безплатное преподаваніе учителей не представляетъ гарантіи прочнаго обезпеченія гимназіи, и предлагалъ назначить сумму на вознагражденіе учителямъ. Губернскій прокуроръ предложилъ пригласить учительницъ, а не учителей, ибо преподаваніе первыхъ понятнѣе ученицамъ, дешевле, и дастъ дѣвушкамъ, по окончаніи курса гимназіи, болѣе вѣрный кусокъ хлѣба, чѣмъ профессія гувернантки. Но это было отвергнуто потому, что преподавательницъ еще такъ мало, что на большую экономію въ разницѣ платы учителямъ и учительницамъ разсчитывать нельзя, а, съ другой стороны, многіе учителя желаютъ преподавать въ женской гимназіи.

Въ своемъ отчетѣ объ осмотрѣнныхъ въ 1864 г. женскихъ училищахъ министерства народнаго просвѣщенія, Могилянскій указалъ на полную ихъ необезпеченность. Обезпеченнымъ прочно, по словамъ отчета, можно считать только одно, тверское 1-го разряда, порученное рескриптомъ императрицы генералъ-маіору князю Багратіону при назначеніи его въ 1862 г. тверскимъ губернаторомъ, особенному его вниманію и безплатно помѣщен-

[1]) Временной комитетъ, учрежденный для обсужденія вопроса объ устройствѣ въ Черниговѣ женской гимназіи, 17 марта 1865 г. (Арх. мин. нар. пр.).

ное въ казенномъ домѣ. Въ другихъ училищахъ 1-го разряда ежегодные расходы превышали доходы иногда на 3—4.000 р. въ годъ.

Особенно плачевно было состояніе костромского Григоровскаго училища. Хотя построенное для него Григоровымъ зданіе стоило 150.000 рублей, а во время осмотра Могилянскимъ еще дороже, но оно было неокончено и, по словамъ Могилянскаго, слишкомъ роскошно. Григоровъ самъ его строилъ и не все ему удавалось. Въ 1863 году дѣла Григорова разстроились, и училище закрылось по неимѣнію средствъ для содержанія. Оно было возобновлено черезъ годъ, но уже въ составѣ трехъ классовъ съ двухгодичными курсами. „Теперь—говорилъ Могилянскій—оно содержится кое-какъ, разными крохами". Могилянскій высказывалъ надежду, что положеніе училища улучшится съ помѣщеніемъ въ немъ „романовскихъ" воспитанницъ, содержаніе которыхъ будетъ оплачиваться процентами съ пожертвованнаго дворянствомъ капитала [1]).

До 1865 года главный источникъ доходовъ училищъ 1-го разряда получался отъ городскихъ, купеческихъ и мѣщанскихъ обществъ: тверской гимназіи городское общество давало 5.360 р. въ годъ, а весь ежегодный доходъ ея равнялся 7.000 рублей; казанской по 5.000 р. (съ 1865 г.), архангельской—2.100 р. (общій доходъ 2.834 р.), екатеринбургской—2.070 р. (доходъ 6.454 р.), таганрогской 2.500 р. (доходъ 9.900 р.), ярославской — 1.460 р. съ гильдейскихъ капиталовъ купечества и 1.950 р. отъ Думы, нижегородской — 3.000 р. [2]). Постановленія нѣкоторыхъ городскихъ обществъ о помѣщеніи женскихъ гимназій въ общественныхъ домахъ не всегда утверждались министромъ внутреннихъ дѣлъ, на томъ основаніи, что

---

[1]) Только въ 1864 году, когда дѣла Григорова разстроились, онъ, подаривъ училищу огромный домъ, въ которомъ сдѣлалъ еще въ 1860 году на свой счетъ новыя пристройки для помѣщенія въ нихъ отдѣленія предположеннаго дворянствомъ Романовскаго института, и обязавшись и впредь выплачивать училищу по 2.000 руб. въ годъ, изъявилъ согласіе отказаться отъ завѣдыванія имъ. Тогда, по ходатайству костромского директора училищъ, поддержанному предводителемъ дворянства, Григорову былъ данъ орденъ Анны 2-й степени, разрѣшено назвать училище Григоровскимъ, а ему самому предоставлено пожизненное право быть непремѣннымъ членомъ попечительнаго Совѣта училища, переименованнаго тогда въ гимназію, и позволено жить въ свободной части училищнаго зданія.

[2]) Вѣдомость о ж. уч. зав. вѣд. мин. нар. пр., приложенная въ видѣ справки при представленіи проекта новаго Положенія о ж. уч. въ 1865 г. въ госуд. Совѣтъ. (Сборникъ дѣйствующихъ постановленій и распоряженій по ж. г. и прог. мин. нар. пр. Составилъ Мих. *Родевичъ*. Печатано съ разрѣшенія министерства нар. пр. С.-Пет. 1864 г.).

общества не въ правѣ располагать домами, принадлежащими городу. Приговоръ рыбинскаго городского общества, дававшаго второразрядному женскому училищу по 2.500 р. въ годъ, не былъ утвержденъ потому, что губернское правленіе заявило, что и безъ того расходы города превышаютъ его доходы, а, согласно предписанію министра внутреннихъ дѣлъ, источникомъ для содержанія училищъ должны быть добровольныя пожертвованія [1]). Но когда, при открытіи слободского училища, которому Дума назначила по 2.000 р. въ годъ содержанія, вятское губернское правленіе не утвердило этой суммы, ссылаясь на то, что въ Котельничахъ на училище 2-го разряда назначено всего лишь 1.340 р., то слободская Дума не согласилась сократить опредѣленную ею сумму потому, что въ училищѣ предполагается и приготовительный классъ [2]). Двумъ московскимъ женскимъ гимназіямъ Дума давала по 4.000 руб. въ годъ каждой.

Плата за ученіе въ большей части училищъ 1-го разряда колебалась между 25-ю и 35-ю рублями въ годъ за обязательные и необязательные предметы. Въ николаевскомъ Маріинскомъ училищѣ она доходила до 55-ти рублей. Это училище, также какъ и курское, гдѣ ученицы платили по 50 р., содержалось въ 1864 г. исключительно на плату съ учениць. Въ николаевскомъ ихъ было 154, въ курскомъ 125.

Сборъ за ученіе составлялъ главный источникъ дохода въ харьковскомъ училищѣ 1-го разряда (9.600 р. съ 264 учениць изъ общей суммы дохода 11.966 р.), орловскомъ 2-го разряда всѣ средства котораго, кромѣ сбора за ученіе 67 учащихся, состояли изъ 770 рублей—процентовъ съ пожертвованныхъ при его учрежденіи капиталовъ въ 15.700 рублей, и прибалтійскихъ: митавскомъ (3.526 р. съ 101 учащихся при общемъ доходѣ въ 3.866 р.), дерптскомъ (3.987 руб. съ 190 учащихся, доходъ 4.987 р.), оренбургскомъ (1.190 р. съ 58 учащихся, доходъ 1.800 р.), перновскомъ (1.400 р. съ 134 учащихся, доходъ 2.904 руб.), либавскомъ (1.800 руб. съ 143 учащихся, доходъ 2.615 р.) и ревельскомъ (1655 руб. съ 114 учащихся, доходъ 2.906 р.). Въ русскихъ губерніяхъ плата за ученіе составляла болѣе половины всего дохода въ гимназіяхъ: псковской (2.880 р. съ 96 учащихся при общемъ доходѣ въ 4.380 р.), Воронежстой (3.000 р. съ 192 учащихся, доходъ 4.855 р.), полтавской (3.000 р. съ 225 учащихся, доходъ 5.775 р.), а нѣсколько

[1]) Отчетъ Т. Сов. Могилянскаго. 16 авг. 1864 г. (Арх. мин. нар. просв).

[2]) Матеріалы для исторіи и статистики слоб. ж. прог. Вятка. 1882 г.

менѣе: въ смоленской прогимназіи (900 руб. съ 87 учащихся, доходъ 1.935 р.) и таганрогской (3.200 р. съ 142 учащихся, доходъ 7.900 р.).

Въ нѣкоторыхъ училищахъ 1-го разряда сборъ за ученіе составлялъ не болѣе одной трети общаго дохода, а иногда и одной пятой и даже одной восьмой; въ томской гимназіи съ 110 учащихся получалось всего 1.200 р. въ годъ, а весь доходъ равнялся 10.220 рублямъ.

Изъ государственнаго казначейства, до 1864 г., получали пособіе только полтавское училище (1.500 р. въ годъ), дерптское высшее городское по 142 рубля ежегодно и омская гимназія по 630 руб. въ годъ.

Собственные капиталы имѣли; калужская гимназія—27.107 р., орловская—15.700 р., харьковская—9.350 р., нижегородская—6.000 р., ярославская — 9.300 р. и архангельская—3.353 р.

Изъ 32-хъ училищъ 1-го разряда семь помѣщались въ собственныхъ домахъ; безплатнымъ помѣщеніемъ въ казенныхъ, городскихъ и общественныхъ домахъ пользовались 6.

Наибольшій ежегодный доходъ въ 1864 году имѣли гимназіи: харьковская—11.966 р., казанская—11.729 р., омская—9.630 р. томская—10.220 р., таганрогская—9.900 р., новочеркасская — 8.000 р., екатеринбургская — 6.454 р., нижегородская—6.171 р., вятская—6.138 р., тверская—7.012 р., тульская—5.360 р.

Въ этихъ суммахъ были доходы, обозначавшіеся въ отчетахъ „изъ другихъ источниковъ“., т.-е. пожертвованій частныхъ лицъ, сборовъ съ спектаклей, концертовъ, лотерей и пр. Во многихъ училищахъ эти доходы составляли крупную часть общаго дохода; въ петрозаводскомъ училищѣ „изъ другихъ источниковъ“ получалось въ 1864 г. 2.091 р. изъ общей суммы дохода въ 2.878 р., въ смоленскомъ — 1.035 р. изъ 1.935 р., въ вятскомъ — 5.016 р. изъ 6.138 р., тамбовскомъ 4.631 р. изъ 5.406 р. Уфимское перворазрядное училище было учреждено на взносы дворянъ-землевладѣльцевъ, частныя пожертвованія и собранную въ его пользу съ спектакля сумму, всего 3.916 рублей; „эта сумма—говоритъ въ своемъ отчетѣ Могилянскій—вмѣстѣ съ занятыми деньгами, была употреблена на постройку въ Уфѣ театра, на которомъ любители даютъ представленіе въ пользу женскаго училища, но съ 11-ти спектаклей получилось валового дохода 2.789 рублей, а чистаго всего лишь 700“ [1]).

[1]) Въ Казани директоръ народныхъ училищъ, послѣ тщетныхъ попытокъ подвинуть дворянство къ пожертвованію въ пользу женскаго училища, предложилъ, въ

Пожертвованія, кое-какъ еще собиравшіяся на учрежденіе училищъ, рѣдко поступали на ихъ содержаніе. Въ довольно многихъ училищахъ чиновники, преимущественно вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, отчисляли училищу извѣстный процентъ съ получаемаго жалованья, учителя не только преподавали даромъ, но и жертвовали на училища всѣмъ, чѣмъ могли [1]).

Частные сборы почти вездѣ были недостаточны, и „не говоря уже о томъ—писалъ Могилянскій—что этотъ источникъ не вѣренъ, онъ имѣетъ еще ту невыгодную сторону, что всѣ приносимыя такимъ образомъ пожертвованія дѣлаются столько же, если не болѣе, изъ угодливости лицамъ, ихъ собирающимъ, сколько изъ участія къ училищу, для котораго собираются. А такъ какъ сборы эти повторяются довольно часто и бываютъ иногда обременительны, то производятъ неудовольствіе, отражающееся на училищѣ“.

Изъ 74-хъ женскихъ училищъ 2-го разряда въ 1864 году десять всецѣло содержались исключительно на такія случайныя, изъ разныхъ источниковъ, суммы, а 13 — главнымъ образомъ на нихъ. Въ грязовецкомъ училищѣ изъ разныхъ источниковъ должно было получаться 423 р., но „большая часть этой суммы оставалась каждый годъ въ недоимкѣ, почему училище не въ состояніи болѣе существовать“ [2]). Кромѣ нея весь доходъ училища составляли 25 р.—плата съ 32 учениць. Въ серпуховскомъ изъ разныхъ источниковъ получалось ежегодно 2.553 р. и кромѣ того получалась плата отъ 213 учениць, составлявшая въ 1864 году всего 103 р. 50 коп. Въ муромскомъ изъ другихъ источниковъ получалось 1.400 р.; сюда входила и плата съ 104 учениць въ суммѣ 114 р.; александровское содержалось исключительно на сборъ съ купцовъ 1-й и 2-й гильдіи; отъ платы за ученіе, съ 34 учениць въ 1864 году было получено всего 8 р.; вязниковское—на сборъ съ лотереи, 200 р., и изъ сбора за ученіе съ 54 учениць—31 рубль. На это училище въ теченіе трехъ лѣтъ съ 1862 года по 1865-й, всего

качествѣ члена дворянскаго клуба, установить карточный сборъ, увеличеніемъ на 10 копѣекъ платы съ каждой разыгранной колоды, и это въ первый годъ доставило училищу 400 руб. (Историческій очеркъ казанской Мар. ж. гимназіи за 25 лѣтъ ея существованія (1859 — 1884 г.г.). Составилъ по порученію попеч. Совѣта гимназіи П. Смирновъ. Казань. 1884 г.).

[1]) Въ числѣ такихъ пожертвованій Могилянскій упоминаетъ о сочиненіи екатеринбургскаго уѣзднаго учителя В. К. „Записки безумнаго“ въ количествѣ 300 экземпляровъ.

[2]) Вѣдомость о числѣ ж. уч. вѣд. мин. нар. пр.

было собрано пожертвованій 3.691 р. Въ богородицкомъ весь доходъ училища состоялъ изъ 15-ти рублей сбора съ 62 ученицъ и 650 р. изъ разныхъ источниковъ, въ чухломскомъ— 983 р. изъ разныхъ источниковъ и 64 р. 50 к. платы за ученіе отъ 34 ученицъ; курмышское содержалось на частныя пожертвованія въ ежегодной суммѣ 310 р., и сверхъ того, 283 р. изъ разныхъ источниковъ; бѣлгородское — на плату за ученіе съ 40 ученицъ — 617 р. 50 к. и изъ разныхъ источниковъ 1.182 р. 50 к.; карачевское — на сборъ за ученіе съ 20 ученицъ 98 р. 50 к. и изъ разныхъ источниковъ 393 р.; средства козловскаго училища составились изъ поступившихъ изъ разныхъ источниковъ 2.023 р. 58 к., и показанной въ отчетѣ училища въ суммѣ 160 р. платы съ 58 ученицъ; но, по словамъ Могилянскаго, для увольненія отъ платы по бѣдности требовалось лишь заявленіе о томъ самихъ родителей; „поэтому — говоритъ Могилянскій — не видно, чтобы плата отъ кого-либо поступила". Въ слободскомъ училищѣ, вмѣсто опредѣленной Думою платы съ ученицъ: по 25 р. въ годъ съ иногородныхъ купцовъ 1-й гильдіи, по 20—2-й, 15—3-й, 10— и съ дочерей разночинцевъ, она получалась только съ послѣднихъ, такъ какъ въ училищѣ были дѣти „лишь разночинцевъ, не изъ мѣстныхъ гражданъ". Въ казанскомъ училищѣ, открытомъ на пожертвованіе городского общества и на отчисляемый чиновниками процентъ съ получаемаго ими жалованія, 100 изъ общаго числа 150 ученицъ должны были приниматься изъ купеческаго сословія, 50 — чиновничьихъ дочерей, соразмѣрно сдѣланнымъ пожертвованіямъ на училище. Изъ 66-ти, принятыхъ въ первый годъ его открытія, 20 дочерей чиновниковъ и семь купеческихъ были освобождены отъ платы [1]). Липецкому училищу жертвовали купцы и мѣщане—990 р. въ годъ, городской Голова и члены отъ купечества по 110 р., а отъ 112 ученицъ получилось платы всего 15 рублей.

Въ большинствѣ училищъ 2-го разряда плата за ученіе не была опредѣлена, а во многихъ и совсѣмъ не взималась, иногда потому, что пожертвованія на училища обусловливались извѣстнымъ, нерѣдко довольно значительнымъ, числомъ безплатныхъ ученицъ. Въ оренбургскомъ училищѣ, которому Дума давала по 1.999 р. ежегодно, ученицы купеческаго и мѣщанскаго сословій не платили ничего, а другихъ сословій по рублю въ мѣ-

---

[1]) Истор. очеркъ каз. Мар. ж. гимн. за 25 лѣтъ ея существованія. (1859—1884 г.г.).

сяцъ, и то отъ нея освобождались бѣднѣйшія, которымъ училище еще выдавало обувь и одежду. Всѣхъ учениць въ этомъ училищѣ было 105, но сумма полученной отъ нихъ платы въ вѣдомости не показана. Въ бронницкомъ, которому Дума давала по 600 р. въ годъ и кромѣ того получалось 350 р. ежегодныхъ пожертвованій, весь приготовительный классъ содержался на счетъ Кононова, вносившаго за это особо 300 р. въ годъ, и платы за ученіе не брали. Въ мещовскомъ не только учили безплатно, но ученицамъ выдавались благотворителями матеріалы для рукодѣлій, а самымъ бѣднымъ и книги. Въ ржевскомъ было положено брать съ каждой состоятельной ученицы отъ 4 до 7 рублей въ годъ, а бѣдныя учились безплатно; въ слободскомъ, получавшемъ отъ городского общественнаго банка 2.000 р. въ годъ, дочери принадлежащихъ къ городскимъ сословіямъ родителей обучались безплатно; въ новоторжскомъ, гдѣ сборъ за ученіе составлялъ 400 р. въ годъ и такая же сумма получалась отъ членовъ попечительнаго Совѣта, плату за 19 учениць изъ 56-ти вносили городской Голова, попечительница и другія частныя лица. Въ павлоградскомъ училищѣ плата за ученіе была назначена даже выше, чѣмъ въ училищахъ 1-го разряда, именно по 45 р. въ годъ за обязательные и необязательные предметы, съ тою, однако, разницею, что за первые должны были платить 15 р., а за вторые 30; бѣдные учились даромъ; въ николаевскомъ плата за обязательные предметы была опредѣлена также въ 15 р., а необязательные 23; въ павлоградскомъ было 35 учениць, въ николаевскомъ 109, но получалась ли отъ нихъ плата въ вѣдомости не обозначено.

Изъ 74 училищъ второго разряда въ 21-мъ платы совсѣмъ не брали; въ нѣкоторыхъ сборъ за ученіе составлялъ 8 р. въ годъ (учениць было 34), 5 р. (учениць 33), а въ бирскомъ училищѣ, получавшемъ отъ завѣдующаго башкирами, на воспитаніе башкирскихъ дѣвицъ по 2.500 р. въ годъ, платы съ 72 учащихся было получено всего 1 р. 50 к. [1]). Только въ одномъ училищѣ второго разряда—феллинскомъ (учреждено въ 1804 г.) сборъ за ученіе составлялъ главную статью дохода, а именно 1307 р. получавшихся отъ 85 учащихся, при общемъ доходѣ въ 1.570 р. (263 р. получались изъ другихъ источниковъ). Въ иркутскомъ, отъ 107 учениць получалось 1.800 р. и весь доходъ училища простирался до 4.100 р.

Городскія Думы и общества давали содержаніе 41 училищу

[1]) Вѣдомость о числѣ женск. учил. министерства нар. пр.

изъ 74-хъ; пять всецѣло содержались на эти средства, въ 17-ти они были главнымъ источникомъ дохода, въ 19-ти сумма, получавшаяся отъ городскихъ Думъ и обществъ, составляла $^2/_3$, а иногда и болѣе всего дохода училища..

Отдѣльныя лица изъ дворянъ, преимущественно попечительницы и члены Совѣтовъ, жертвовали училищамъ небольшими суммами: напр., въ бронницкомъ сумма ежегодныхъ пожертвованій трехъ дворянъ составляла 200 р. въ годъ, волоколамскому члены Совѣта отъ дворянъ давали 300 р. ежегодно (отъ купцовъ 100 р.), бѣльскому—попечительница, княжна Мещерская, 45 р. въ годъ и дворяне 75 р., курмышскому—выборные члены Совѣта отъ дворянъ и купцовъ, всего 60 р. въ годъ, бирскому —предводитель дворянства 15 р.

17 училищъ 2-го разряда помѣщались въ собственныхъ домахъ, большей частью неудобныхъ по тѣснотѣ или ветхости, 16 пользовались даровымъ помѣщеніемъ: 8—въ городскихъ или принадлежащихъ городскому Головѣ и другимъ лицамъ домахъ.

Собственные капиталы были у Александро-Львовскаго училища—4.000 р., шуйскаго (проценты составляли 600—700 р. въ годъ), тотемскаго (процентовъ получалось 114 р.), кологривскаго (проценты 637 р.) и оренбургскаго.

Общее число учащихся въ 1864 году въ 33-хъ училищахъ 1-го разряда показано Могилянскимъ, а также въ представленной министерствомъ въ государственный Совѣтъ вѣдомости, въ количествѣ 4.000, а въ 74-хъ училищахъ 2-го разряда—3.818-ти. Но только по нѣкоторымъ училищамъ перваго разряда, осмотрѣннымъ Могилянскимъ, число учащихся показано и по сословіямъ. Вездѣ въ училищахъ 1-го разряда преобладали дочери дворянъ и чиновниковъ, даже въ вятскомъ изъ 70 общаго числа ученицъ, ихъ было 62; только въ тамбовскомъ большинство принадлежало къ мѣщанскому сословію (46 изъ 70), а дворянъ и чиновниковъ было лишь 22. Въ училищахъ 2-го разряда дочерей дворянъ было совсѣмъ мало, и то лишь въ глухихъ уѣздныхъ городахъ: Великомъ Устюгѣ, Устьсысольскѣ и т. п. Большинство въ этихъ училищахъ составляли дочери купцовъ и мѣщанъ; было нѣсколько изъ крестьянскаго сословія.

Въ доходившихъ до свѣдѣнія министра народнаго просвѣщенія, также печатавшихся въ Журналѣ министерства и разныхъ періодическихъ изданіяхъ, извѣстіяхъ о нѣкоторыхъ училищахъ, указывались иногда причины, мѣшавшія ихъ развитію. Неуспѣхъ тверской гимназіи, въ 1862 году, объяснялся тѣмъ, что жители бѣдны, вносить за обученіе дочерей 30 р. въ годъ

и прилично одѣвать ихъ имъ трудно, родители нуждаются въ рабочихъ рукахъ своихъ дѣтей. Къ этому присоединялось „самодовольное невѣжество богатыхъ людей, которые сами ничему порядочно не учились и смотрятъ на гимназію свысока, сословные предразсудки, не позволяющіе дворянамъ считать гимназію заведеніемъ благороднымъ, принимать въ ней живое участіе и поддерживать“ [1]). Нѣкоторые родители, допуская для мальчиковъ смѣшеніе въ гимназіи дѣтей всѣхъ сословій и состояній, не могутъ съ этимъ помириться для дѣвочекъ. На вопросы Могилянскаго, почему въ козловскомъ второразрядномъ училищѣ только 61 ученица, штатный смотритель объяснилъ, что „въ низшихъ классахъ общества (дворянскихъ дѣтей въ этомъ училищѣ не было) существуетъ неправильное понятіе объ училищѣ и ученіи. Одни недовольны тѣмъ, что учатъ не азъ, буки, а а, б, другіе — что много учителей и учатъ вдругъ многому, что всѣмъ задается одинъ и тотъ же урокъ, а лучшія могли бы учиться больше, что нѣтъ наказаній, и дѣти стали шаловливы“. Требованіе простоты въ одеждѣ было также, по словамъ смотрителя, нѣкоторымъ родителямъ непріятно. Кромѣ того онъ указалъ на раздоры между принадлежащими къ училищу лицами. Учителя, находя, что начальница слишкомъ многаго отъ нихъ требуетъ и не всегда вѣжлива, перестали преподавать. Къ этому Могилянскій прибавлялъ, что штатный смотритель также недоволенъ начальницею, „но ничего не могъ противъ нея сказать, кромѣ того, что кончивъ курсъ въ институтѣ, она была брошена судьбою на сцену провинціальнаго театра, а потомъ вышла замужъ за мѣщанина“. Самъ Могилянскій изъ разговора съ нею, вынесъ убѣжденіе, что она понимаетъ дѣло и способна къ нему.

Случаи столкновеній между членами въ средѣ попечительныхъ Совѣтовъ бывали довольно часто и иногда вызывали вмѣшательство общества: въ кашинскомъ училищѣ, содержимомъ на общественный счетъ, была уволена, по представленію директора тверскихъ училищъ, управляющимъ московскимъ учебнымъ округомъ, начальница и замѣнена новою. Жители Кашина вступились за прежнюю начальницу и подписали въ 1863 г. прошеніе попечителю московскаго учебнаго округа, который, признавъ, что право увольненія начальницы принадлежитъ попечительному Совѣту, а не директору, и „желая прекратить возникшія по этому поводу недоразумѣнія“, возстановилъ прежнюю

[1]) Моск. Вѣд. 1862 г. № 174.—Журн. мин. нар. пр. 1862. Т. 115.

начальницу; а такъ какъ и новая была уже утверждена, то попечительному Совѣту было предложено вновь выбрать начальницу и представить ее на его утвержденіе черезъ директора. Попечительный Совѣтъ вновь выбралъ прежнюю начальницу, а предсѣдатель его, уѣздный предводитель дворянства, пожаловался министру на то, что какъ увольненіе прежней, такъ и утвержденіе новой, было сдѣлано директоромъ училищъ помимо попечительнаго Совѣта, противъ чего онъ протестовалъ, но попечитель оставилъ безъ удовлетворенія его мнѣніе. Поэтому, въ случаѣ, еслибы и министръ нашелъ мнѣніе предводителя неправильнымъ, онъ извѣщалъ о своемъ намѣреніи сложить съ себя званіе предсѣдателя Совѣта кашинскаго училища, „тѣмъ болѣе, что ни одинъ изъ дворянъ не принимаетъ на себя званія выборнаго члена Совѣта, ибо тутъ дѣйствуетъ произволъ городского Головы“. Министръ нашелъ дѣйствія попечителя московскаго учебнаго округа правильными и въ такомъ смыслѣ отвѣчалъ предводителю [1]).

Какъ шатко, особенно въ началѣ, было положеніе нѣкоторыхъ училищъ, видно изъ примѣровъ самарскаго и пензенскаго. Первое было преобразовано изъ частнаго пансіона г-жи Фландень, которая была переименована въ его начальницу. Скоро послѣ открытія училища между нею и директоромъ училищъ произошли недоразумѣнія; начальница переѣхала на частную квартиру, и на другой же день къ ней перешли почти всѣ бывшія ея ученицы, а учителя отказались преподавать въ училищѣ. Только благодаря присланному министромъ въ Самару инспектору казанскихъ училищъ, дѣло удалось уладить и училище вновь было возстановлено. Пензенское училище 1-го разряда, преобразованное изъ хорошаго французскаго частнаго пансіона, существовавшаго съ 1852 года, куда дворяне охотно помѣщали своихъ дочерей, черезъ два года должно было, по недостатку средствъ, опять превратиться въ частное заведеніе несмотря на то, что оно помѣщалось въ домѣ начальницы и въ 1864 г. имѣло 18 дворянскихъ пенсіонерокъ, 15 полупенсіонерокъ и 26 приходящихъ учепицъ; положеніе его было, по словамъ Могилянскаго, критическое, такъ какъ существовавшее въ Пензѣ училище 2-го разряда и пансіонъ удовлетворяли всѣмъ потребностямъ мѣстнаго населенія.

Въ другихъ училищахъ Могилянскому указывали на неаккуратное хожденіе въ классы ученицъ, на частыя перемѣны учи-

[1]) Арх. мин. нар. пр. 1863 г.

телей, на слабое сочувствіе въ коренномъ населеніи города. Объ ярославскомъ училищѣ 1-го разряда никто—говоритъ Могилянскій — повидимому, не радѣетъ. Учениць всего 50, нѣтъ даже глобуса и никакихъ расходовъ на учебныя пособія, „нѣтъ духа жизни, который должны бы внести директоръ и начальница“. Объ успѣхахъ ученицъ можно сказать только, что онѣ „не безъ пользы проводятъ время въ училищѣ“. Такое же впечатлѣніе Могилянскій вынесъ изъ самарскаго и нижегородскаго училищъ; онъ нашелъ, что ученицы не отличаются умственнымъ развитіемъ и ихъ успѣхи „ближе къ посредственнымъ“; число выбывавшихъ въ теченіе года изъ нижегородскаго училища составляло почти четвертую часть общаго числа ученицъ. Объ успѣхахъ ученицъ козловскаго второразряднаго училища, особенно выпускныхъ, „не можетъ быть и рѣчи“, говоритъ онъ. Изъ 61 учащихся только 4 кончили курсъ, въ приготовительномъ классѣ было 104, теперь (1864 г.) 41. По этому поводу Могилянскій ставитъ вопросъ: должно ли разрѣшать открытіе училища коль скоро соберутся случайныя средства, безъ предварительнаго, основательнаго соображенія съ мѣстными потребностями? Въ тверскомъ училищѣ онъ нашелъ, что „скромность ученицъ доведена до робости“; этимъ, отчасти, онъ объяснялъ то, что успѣхи выпускныхъ неудовлетворительны, въ особенности по естествознанію и физикѣ.

Во всѣхъ училищахъ Могилянскій нашелъ крайнюю недостаточность учебныхъ пособій. Въ немногихъ были библіотеки. Все имущество казанскаго училища (1-го разряда) было оцѣнено въ 1.900 руб., въ томъ числѣ библіотека изъ 400 томовъ и небольшой физическій кабинетъ „бѣдный въ пособіяхъ по естественнымъ наукамъ“. Но объ ученицахъ этого училища онъ говоритъ: „трудно приложить къ ученію болѣе усердія, нежели вообще прилагаютъ дѣвицы; на экзаменѣ же, тѣ изъ нихъ, которыя хорошо владѣютъ предложеннымъ вопросомъ, необыкновенно одушевляются въ своихъ отвѣтахъ; а другія, если почему-либо не могутъ хорошо отвѣчать, видимо страдаютъ и нерѣдко доходятъ до слезъ... И то, и другое,—продолжаетъ Могилянскій,—конечно, принадлежность женской натуры; но это усердіе къ воспріятію преподаваемаго ученія есть драгоцѣнное свойство, которое, если умѣть хорошо имъ воспользоваться, представляетъ залогъ богатаго духовнаго развитія и указываетъ на важность разумно направленнаго преподаванія всѣхъ вообще предметовъ“. Говоря о пермскомъ училищѣ Могилянскій выражаетъ сожалѣніе, что „вообще шестые классы женскихъ училищъ и выпуски изъ

нихъ ограничиваются слишкомъ малымъ числомъ дѣвицъ; побольше такихъ образованныхъ женщинъ, какъ почти всѣ эти выпускныя дѣвицы, и воспитанныя ими поколѣнія оставили бы далеко за собою предшествовавшія". Въ костромскомъ училищѣ, гдѣ иногда учителя не получали платы и неисправно, по словамъ Могилянскаго, давали уроки, знанія ученицъ отрывочны, но онѣ хорошо развиты, учительницы хорошо преподаютъ и очень любимы. По этому поводу онъ высказываетъ желаніе „дать больше мѣсто воспитательному элементу и пригласить для преподаванія въ женскихъ училищахъ, особенно въ низшихъ классахъ, учительницъ, каковыя теперь могутъ доставлять заведенія Императрицы Маріи, а впослѣдствіи и самыя училища министерства".

Высказывая свои предположенія, Могилянскій говорилъ, что они „согласны съ мнѣніемъ обществъ тѣхъ городовъ, которые онъ посѣтилъ и осуществленіе ихъ соотвѣтствовало бы общему желанію" [1]).

Почти во всѣхъ, осмотрѣнныхъ Могилянскимъ, училищахъ, начальницы и ихъ помощницы преподавали какой-нибудь предметъ, большей частью русскій и иностранные языки въ низшихъ классахъ; въ костромскомъ начальница не получала жалованія, а въ тверскомъ она и ея помощница получали вмѣстѣ 300 руб. въ годъ; но начальница давала 20 уроковъ въ недѣлю нѣмецкаго языка, а ея помощница 10 уроковъ чистописанія, за одинаковую съ учителями плату—по 30 рублей годовой урокъ. Въ казанскомъ училищѣ учителямъ платили по 40 рублей за годовой урокъ, въ самарскомъ—по 50-ти и 30 р., а учительницамъ по 37 руб. 50 коп. за урокъ; въ тамбовскомъ учителя получали по 35 руб. Вообще преподающіе въ женскихъ училищахъ учителя мужскихъ гимназій и уѣздныхъ училищъ, по прямымъ своимъ обязанностямъ не могутъ,—говорилъ Могилянскій,—принять въ женскихъ училищахъ всѣхъ уроковъ по своимъ предметамъ, и эти предметы, ко вреду дѣла, распредѣляются между нѣсколькими учителями. Гдѣ плата слишкомъ мала, тамъ происходятъ частыя перемѣны учителей. Поэтому онъ, также попечительскіе Совѣты московскій и харьковскій, находили нужнымъ, въ видахъ привлеченія въ женскія училища хорошихъ учителей, сравнять ихъ въ правахъ съ учителями мужскихъ гимназій и (въ училищахъ 2-го разряда) уѣздныхъ училищъ, также и по пенсіи съ домашними наставниками и домашними учителями.

[1]) Записка т. с. Могилянскаго о женскихъ училищахъ мин—ва нар. просв. 1864 г

Бо́льшая часть замѣчаній, сдѣланныхъ Совѣтами университетовъ и гимназій, а также частными лицами, на проектъ Положенія о женскихъ училищахъ министерства народнаго просвѣщенія, была принята ученымъ комитетомъ, и составленный имъ новый проектъ былъ препровожденъ принцу Ольденбургскому для разсмотрѣнія его учебнымъ комитетомъ при IV отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи.

Учебный комитетъ указалъ на существенный недостатокъ новаго проекта относительно системы управленія женскими училищами министерства: излишнюю многосложность, неопредѣленность взаимнаго отношенія начальствующихъ лицъ и учрежденій, неизвѣстность лица или учрежденія отвѣтственнаго передъ правительствомъ и обществомъ за благосостояніе заведеній. Перечисливъ лицъ и Совѣты (всего семь) управляющихъ, по новому проекту, женскими училищами, учебный комитетъ говорилъ: „но вотъ, въ каждой губерніи, надъ женскими гимназіями является новый начальникъ въ лицѣ губернатора, который, вовсе не будучи подчиненъ попечителю учебнаго округа, самъ есть почетный попечитель женскихъ гимназій губерніи, не только заботящійся объ ихъ устройствѣ, но имѣющій право дѣлать начальству ихъ указанія". Въ случаѣ несогласія въ воззрѣніяхъ губернатора не только съ мѣстнымъ начальствомъ гимназіи, но и съ попечителемъ,—чье мнѣніе должно взять верхъ?—спрашиваетъ комитетъ. „Люди, по опыту знакомые съ нашими провинціальными порядками и отношеніями — продолжаетъ онъ — легко поймутъ, что этотъ вопросъ легко рѣшить на бумагѣ, а на дѣлѣ очень трудно... А попечительница гимназіи, дама, по смыслу проекта, вліятельная не только въ городѣ, но и въ губерніи, на практикѣ почти всегда жена губернатора, согласится ли охотно и безъ раздраженія подчинить свои личныя воззрѣнія на дѣло женскаго образованія мнѣніямъ попечителя, въ случаѣ разногласія съ нимъ?" Въ виду того, что „педагогическія понятія еще весьма слабо развиты въ нашемъ обществѣ, не исключая и образованной его части, и, слѣдовательно, со стороны разныхъ членовъ мѣстнаго управленія можно ожидать самыхъ странныхъ заявленій и требованій, что оффиціальныя лица и учрежденія крайне ревнивы—каждое къ своей власти, что при малѣйшемъ, часто мнимомъ, нарушеніи надлежащаго отношенія, легко рождается взаимное раздраженіе", учебный комитетъ высказалъ убѣжденіе, что отъ проектируемаго министерствомъ многоначалія скорѣе всего можно ожидать „взаимныхъ между начальствующими лицами столкновеній, которыя не преминутъ самымъ болѣзненнымъ образомъ отразиться

на благосостояніи и самыхъ заведеній... А отсутствіе отвѣтственнаго лица, откроетъ—говорилъ комитетъ—широкій просторъ произволу каждаго, участвующаго въ администраціи дѣлами заведенія“ [1]).

Соглашаясь отчасти въ справедливости этого замѣчанія, министерство объясняло необходимость многоначалія надъ женскими училищами условіями ихъ существованія; тѣмъ, что, не получая средствъ на свое содержаніе отъ правительства, они зависятъ отъ пожертвованій частныхъ лицъ и обществъ. Оно согласилось съ предложеніемъ учебнаго комитета включить въ число наградъ окончившимъ полный курсъ гимназій, кромѣ медалей, и книги, но нашло несправедливымъ уравнять въ правахъ на пенсію такихъ учителей женскихъ гимназій, которые имѣютъ званіе лишь уѣздныхъ или домашнихъ учителей, а также лицъ женскаго пола, имѣющихъ лишь званіе домашней учительницы, съ учителями мужскихъ гимназій, какъ это предлагалъ учебный комитетъ. Точно также министерство не признало возможнымъ согласиться на предложеніе учебнаго комитета, чтобы начальницы и воспитательницы женскихъ училищъ были обязаны преподавать какой-либо предметъ, а право содержать пансіоны при гимназіяхъ продоставить только воспитательницамъ, а не начальницамъ. Мотивировалъ послѣднее свое предложеніе учебный комитетъ тѣмъ, что частные пансіоны, содержимые при казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ начальствующими лицами, „легко превращаются въ выгодное коммерческое предпріятіе къ явному вреду для самого заведенія: содержаніе въ такихъ пансіонахъ бываетъ плохое, за то въ классахъ пансіонеркамъ оказывается всякаго рода поддержка и покровительство“.

Срокъ дѣйствія Положенія 1860 года, утвержденнаго сначала на три года и потомъ особыми Высочайшими повелѣніями продленнаго еще на три, истекалъ 10-го мая 1866 года. Въ сентябрѣ 1865 года состоялось Высочайшее повелѣніе внести новый проектъ въ государственный Совѣтъ.

Въ приложенныхъ къ представленію министерства въ государственный Совѣтъ соображеніяхъ къ новому проекту Положенія о женскихъ училищахъ по каждой отдѣльной статьѣ, были повторены многія изъ присланныхъ изъ разныхъ мѣстъ замѣчаній на первоначальный проектъ. Женскія гимназіи и про-

[1]) Объясненія къ замѣчаніямъ учебнаго комитета, состоящаго при IV отд. собств. Его Имп. Вел. канцеляріи на проектъ Полож. о жен. гимн. и прог. вѣд. мин. нар. просв. (*Родевичъ*. Сб. дѣйств. постан. и распор. по женск. гимн. и прог. мин. нар. просв. Приложеніе. Лит. А).

гимназіи предназначались для всѣхъ сословій; но въ содержимыя однимъ какимъ-нибудь, дѣти другихъ сословій допускались лишь съ согласія представителей содержащаго училище сословія. При этомъ было упомянуто, что бывали, „къ сожалѣнію“, случаи совершеннаго равнодушія нѣкоторыхъ сословій къ женскимъ гимназіямъ, и вслѣдствіе этого тяжесть матеріальныхъ пожертвованій падала неравномѣрно на мѣстныя населенія“. При женскихъ гимназіяхъ разрѣшались пансіоны, содержимыя начальницами, воспитательницами и учительницами гимназій, подъ надзоромъ мѣстнаго училищнаго начальства. Училища 1-го разряда переименовывались въ гимназіи, а 2-го въ прогимназіи. Учебный курсъ гимназій, по новому проекту, долженъ былъ продолжаться не 6, а 7 лѣтъ, но пріемный возрастъ оставленъ прежній—8 лѣтъ. Сверхъ семилѣтняго курса учреждался еще 8-й дополнительный, одногодичный, классъ для приготовленія къ педагогической дѣятельности желающихъ быть впослѣдствіи наставницами и учительницами. Это предложеніе было мотивировано тѣмъ, что „на женщинѣ, по вліянію ея на семейство, лежитъ обязанность воспитывать, отъ неисполненія которой или отъ дурного исполненія страдаютъ все общество и все государство, и страдаютъ тѣмъ опаснѣе, что зло здѣсь проникаетъ повсюду и совершенно незамѣтно подтачиваетъ основы общественной и государственной жизни“. Умѣнье воспитывать признано важнымъ для каждой женщины, „какого бы званія она ни была“; въ частности, оно необходимо для будущихъ воспитанницъ женскихъ гимназій, будущность большинства которыхъ ничѣмъ не обезпечена, образованіе составляетъ ихъ единственный капиталъ. „Нельзя къ этому не присовокупить—сказано въ соображеніяхъ министерства—что въ числѣ разныхъ поприщъ, которыя могли бы открыться для труда женщины, одно изъ самыхъ главныхъ, безъ сомнѣнія, есть воспитательное поприще; обращеніе къ нему значительнаго числа женщинъ было бы, при недостаткѣ въ учителяхъ, большою помощью для нашего образованія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, предотвратило бы развитіе многихъ общественныхъ вопросовъ, порождаемыхъ недостаткомъ женскаго труда“.

Преподаванію въ женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ придань болѣе практическій характеръ, „примѣняясь къ будущему назначенію женщины“; ариѳметика должна быть преподаваема съ приложеніемъ къ счетоводству, учителю естественной исторіи вмѣнялось въ обязанность сообщать необходимыя свѣдѣнія, примѣнимыя къ домашнему хозяйству и гигіенѣ. А такъ какъ опытъ показалъ, что учителя, „не стѣсненные никакими точными ука-

заніями извнѣ, увлекаются своими собственными взглядами предпочтеніемъ той или другой части науки, упуская изъ виду необходимую соразмѣрность, не соображаясь съ удѣленнымъ для каждой временемъ, или съ большею или меньшею важностью той или другой для женскаго образованія", такъ какъ „и самое число часовъ по каждому предмету не было назначено и совершенно зависѣло отъ усмотрѣнія мѣстныхъ педагогическихъ Совѣтовъ училищъ", то къ проекту новаго Положенія прилагалась таблица недѣльныхъ уроковъ, а опредѣленіе объема преподаванія по каждому предмету предоставлялось, какъ и въ мужскихъ гимназіяхъ, особой инструкціи министерства народнаго просвѣщенія.

Относительно средствъ къ содержанію женскихъ гимназій и прогимназій, между разными соображеніями, приведено то, что „и теперь уже многія изъ нихъ держатся еще кое-какъ только потому, что учителя въ нихъ, обыкновенно приглашаемые изъ мужскихъ гимназій и уѣздныхъ училищъ, или вовсе не получаютъ содержанія, или получаютъ самое ничтожное и на продолженіе подобнаго самопожертвованія со стороны учителей было бы неблагоразумно разсчитывать". Между тѣмъ и другіе источники, на которые содержатся женскія училища, признаны министерствомъ и недостаточными и непрочными; поэтому оно, ссылаясь на примѣръ Германіи и Швейцаріи, находило необходимымъ назначать, если не вездѣ, то во многихъ мѣстахъ, пособіе отъ казны, въ размѣрѣ 2.000 р. въ годъ для гимназіи и 1.000 р. для прогимназіи, а всего ежегодно, для обезпеченія существованія 50 гимназій и 50 прогимназій, 150.000 рублей. „Сумма эта слишкомъ незначительна—сказано въ соображеніи къ этой статьѣ проекта—въ сравненіи съ тѣми плодотворными результатами, которые явились бы для общества отъ распространенія основательнаго женскаго образованія".

Устройство временныхъ комитетовъ въ губерніяхъ, по приглашенію губернаторовъ, признавалось нужнымъ потому, что необходимо не только развивать и поддерживать существующія женскія училища, но и открывать новыя, такъ какъ есть еще много городовъ, не только уѣздныхъ, но даже губернскихъ, гдѣ нѣтъ открытыхъ женскихъ училищъ. „Объяснять этотъ фактъ— говоритъ министерство — исключительно недостаткомъ сознанія потребности въ женскихъ училищахъ было бы несправедливо; главная причина тому—отсутствіе иниціативы въ нашемъ обществѣ, раздѣленіе членовъ его, неумѣніе начать, обсудить и довести до конца хотя бы общеполезное дѣло". Поэтому признано полезнымъ учрежденіе временныхъ комитетовъ, членами кото-

рыхъ могутъ быть вліятельныя лица обоего пола, но исключительно для пріисканія средствъ къ открытію новыхъ гимназій. Учрежденіемъ такихъ комитетовъ ограничено въ новомъ проектѣ все участіе начальниковъ губерніи въ женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ.

Составъ попечительныхъ Совѣтовъ и кругъ ихъ дѣйствій измѣнены такъ, что члены (обоего пола) избираются сословіями, обществами и лицами, на счетъ которыхъ училище содержится; но въ составѣ Совѣта, въ качествѣ непремѣнныхъ его членовъ, должны быть директоръ или штатный смотритель училищъ и начальница; выборъ предсѣдателя предоставленъ самимъ членамъ Совѣта, на срокъ одного года.

Изъ круга его обязанностей и правъ исключены: выборъ учителей и учительницъ, который возложенъ на предсѣдателя педагогическаго Совѣта съ утвержденія попечителя учебнаго округа, наблюденіе за умственнымъ и нравственнымъ образованіемъ учащихся. Начальница училища, хотя и управляетъ имъ непосредственно, но, по новому проекту, вполнѣ подчиняется во всѣхъ дѣлахъ, по учебной и воспитательной части, директору или штатному смотрителю, которымъ, какъ предсѣдателямъ педагогическаго Совѣта, принадлежитъ главное руководство учебною и воспитательною частью женскихъ училищъ, а равно и право останавливать несогласныя съ ихъ мнѣніемъ рѣшенія педагогическаго Совѣта, съ представленіемъ на окончательное рѣшеніе попечителю учебнаго округа. Точно также требованіе отъ начальницы, чтобы она выбиралась изъ лицъ образованныхъ и пользующихся общимъ уваженіемъ, признано недостаточнымъ. При этомъ въ соображеніи министерства повторено замѣчаніе попечителя петербургскаго учебнаго округа, что эти условія „подчиняютъ выборъ понятіямъ совершенно условнымъ, подъ покровомъ которыхъ мѣсто начальницы, довольно почетное, можетъ легко обратиться въ мѣсто, какъ бы учрежденное для призрѣнія лицъ, хотя и мало способныхъ къ исполненію обязанностей начальницы гимназіи или прогимназіи, но состоящихъ подъ покровительствомъ вліятельныхъ лицъ“. Поэтому новое Положеніе поставило условіемъ выбора начальницы, а также воспитательницъ, чтобы это были лица, имѣющія званіе, по крайней мѣрѣ домашней учительницы.

Новымъ Положеніемъ начальницамъ, воспитательницамъ и учительницамъ женскихъ гимназій и прогимназій предоставлены права на пенсію наравнѣ со службою домашнихъ наставницъ и учительницъ въ частныхъ домахъ; учителямъ, кончившимъ

курсъ въ университетѣ и исключительно служащимъ въ женскихъ гимназіяхъ, присвоены права, по чинопроизводству и пенсіи, одинакія съ учителями мужскихъ гимназій.

До 1865 года окончившія курсъ въ женскихъ училищахъ министерства не пользовались никакими правами, а между тѣмъ женскія гимназіи вѣдомства Императрицы Маріи и нѣкоторыя заведенія другихъ вѣдомствъ давали права домашнихъ наставницъ и учительницъ. Новымъ проектомъ Положенія эти права давались и ученицамъ женскихъ заведеній министерства, но при болѣе строгихъ отъ нихъ требованіяхъ: званіе домашней наставницы получали ученицы, кончившія не только полный 7-ми-лѣтній курсъ, но и дополнительный, педагогическій классъ съ особымъ отличіемъ, а домашней учительницы тѣ, которыя также прошли всѣ 8 классовъ „вообще съ успѣхомъ". Кончившія курсъ прогимназіи или трехъ низшихъ классовъ гимназіи, достигшія 16-ти-лѣтняго возраста и исполнявшія въ теченіе полугода обязанности помощницы учителя или учительницы при какомъ-либо начальномъ училищѣ, получали права на званіе первоначальныхъ учительницъ и учительницъ начальныхъ народныхъ школъ. „Дарованіе такого права — сказано въ соображеніяхъ министерства—было бы полезно при недостаткѣ у насъ въ начальныхъ учительницахъ, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока явится возможность устроить правильное приготовленіе начальныхъ учительницъ въ особыхъ семинаріяхъ".

Въ ноябрѣ 1865 года министръ народнаго просвѣщенія А. Головнинъ обратился къ министру финансовъ съ запросомъ относительно пособія отъ казны женскимъ училищамъ, но получилъ отвѣтъ, что теперь министръ финансовъ не можетъ согласиться на такое пособіе, ибо со стороны правительства предприняты разныя преобразованія по административной, судебной и другимъ частямъ управленія. Разсмотрѣніе проекта новаго Положенія о женскихъ училищахъ въ государственномъ Совѣтѣ было также отложено, а 14-го апрѣля 1866 г. А. Головнинъ вышелъ въ отставку и его смѣнилъ графъ Д. А. Толстой.

IV.

Правила внутренняго порядка, составленныя Н. Вышнеградскимъ для женскихъ училищъ вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи. -Личное вліяніе Вышнеградскаго на учениць.—Свидѣтельство о немъ разныхъ лицъ.—Первый отчетъ Вышнеградскаго Принцу.—Затрудненія, среди которыхъ ему приходилось дѣйствовать.—Учрежденіе педагогическихъ курсовъ при петербургской Маріинской гимназіи.—Цѣль Вышнеградскаго при ихъ учрежденіи —Учебная часть на курсахъ. —Взглядъ главнаго Совѣта на преподаваніе нѣкоторыхъ предметовъ на французскомъ языкѣ.—Нападки на женскія гимназіи.—Преподаваніе естественныхъ наукъ на педагогическихъ курсахъ. —Враждебное отношеніе къ Вышнеградскому. — Сокращеніе курса естественныхъ наукъ.—Первый выпускъ изъ Маріинской гимназіи.—Рѣчь Принца.—Его циркуляры. —Трудное положеніе Вышнеградскаго.—Посѣщеніе государемъ Маріинской гимназіи и педагогическихъ курсовъ.—Высочайшій рескриптъ на имя князя Гагарина — Назначеніе ревизіонной коммиссіи для разслѣдованія положенія дѣла въ гимназіяхъ и на педагогическихъ курсахъ.—Ходъ занятій ревизіонной коммиссіи.—Отзывы ея членовъ.—Показанія главныхъ надзирательницъ гимназій.—Объясненіе Вышнеградскаго.—Письмо его къ Принцу.—Увольненіе его отъ начальства надъ гимназіями.— Вышнеградскій на экзаменѣ слушательницъ педагогическихъ курсовъ.—Его смерть.— Назначеніе на его мѣсто И. Т. Осинина.

Въ первый же годъ учрежденія петербургскаго Маріинскаго училища для приходящихъ дѣвицъ были утверждены Принцемъ П. Г. Ольденбургскимъ составленныя Н. Вышнеградскимъ „Правила внутренняго порядка". По положеннымъ въ ихъ основу началамъ, эти правила представляли совершенную противуположность той системѣ женскаго воспитанія и образованія, какая до того была принята въ закрытыхъ заведеніяхъ. Какъ бы предвидя тѣ нарсканія на новыя училища, которыя дѣйствительно стали раздаваться съ перваго же, можно сказать, дня ихъ основанія, во 2 § Правилъ было сказано, что „начальство училища отвѣтствуетъ передъ правительствомъ и родителями за успѣхи дѣтей въ образованіи умственномъ и нравственномъ лишь въ той мѣрѣ, въ какой они зависятъ отъ дѣятельности наставни-

ковъ и занятій дѣтей во время уроковъ". При этомъ родители и попечители приглашались содѣйствовать начальству училища въ тщательномъ надзорѣ за дѣтьми внѣ его. Никому изъ занимающихъ какую-либо должность при училищѣ не дозволялось держать пенсіонерками учениць училища: относительно живущихъ у частныхъ лицъ, начальство училища слагало съ себя всякій надзоръ за ними, предоставляя это родителямъ и попечителямъ дѣтей.

Управленіе заведеніемъ по всѣмъ частямъ, а также и отвѣтственность за все происходящее въ училищѣ, возлагалось на начальника, а главная надзирательница была лишь ближайшею его помощницею въ томъ, что̀ касается здоровья, благоприличія, нравственнаго и умственнаго образованія дѣтей, и то подъ главнымъ руководствомъ и наблюденіемъ начальника. Надзирательницы и наставники, „сотрудники" начальника, приглашались помогать другъ другу въ достиженіи полнаго и стройнаго образованія дѣтей. Наставники должны были давать своему преподаванію такое направленіе, чтобы имъ не только обогащался умъ, но и развивалось и облагораживалось чувство, утверждалась въ добрѣ воля. „И въ мужчинахъ, — сказано въ § 8 Правилъ, — одно только знаніе безъ облагороженнаго и развитого чувства мало имѣетъ цѣны, а въ женщинахъ рѣшительно пагубно: оно дѣлаетъ ихъ сухими, надменными эгоистками, неспособными къ добросовѣстному, искреннему отправленію тихихъ семейныхъ обязанностей".

Надзирательницамъ поставлено въ обязанность помогать наставникамъ и въ умственномъ образованіи дѣтей; онѣ должны были заниматься съ тѣми ученицами, которыя не обучаются необязательнымъ предметамъ, во время уроковъ этихъ предметовъ, а также замѣнять отсутствующихъ учителей. Поэтому главною надзирательницею, также ея помощницами, могли назначаться только лица, способныя по своему образованію быть наставницами по всѣмъ предметамъ, входящимъ въ кругъ женскаго образованія. Какъ наставники не имѣли права дѣлать замѣчаній надзирательницамъ, такъ и послѣднія не имѣли права прерывать чтеніе и объясненія наставниковъ своими замѣчаніями. Въ случаѣ же, если бы онѣ нашли въ изложеніи наставника что-либо, по ихъ понятіямъ, несовмѣстное съ цѣлью училища и характеромъ женскаго образованія, то могли доводить объ этомъ до свѣдѣнія начальника. Начальство училища предоставляло рѣшенію родителей, посылать ли своихъ дѣтей въ училище однихъ или съ провожатыми; то же и относительно одежды дѣтей; оно

желало лишь „устраненія того, что̀ несовмѣстно съ дѣтскимъ возрастомъ и требованіями приличія и всего того, что̀ отзывается роскошью". Въ концѣ каждой недѣли начальство извѣщало родителей о томъ, сколько разъ ихъ дочь совсѣмъ или не во̀-время являлась въ классъ.

Наблюденіе за внѣшностью ученицъ было возложено на главную надзирательницу и ея помощницъ. Онѣ должны были слѣдить за тѣмъ, чтобы въ дурную погоду ученицы, промочившія ноги, придя въ училище, перемѣняли чулки и надѣвали принесенную ими съ собою сухую пару. Въ Правилахъ изложено подробно, какъ дѣти, придя въ училище, должны вѣшать подъ нумеромъ свое верхнее платье, какъ они обязаны, оправивъ передъ зеркаломъ свою прическу и одежду, показаться надзирательницѣ, которая, осмотрѣвъ прическу, руки, зубы, вообще всю внѣшность ученицы, поручала, въ случаѣ какой-нибудь неисправности, устранить ее при помощи одной изъ двухъ, по очереди дежурящихъ, ученицъ старшаго класса; эти дежурства назначались какъ для содѣйствія надзирательницамъ, такъ и для „пріученія старшихъ дѣвицъ къ надзору за дѣтьми и обхожденію съ ними" (§ 20). До входа ученицъ, классы должны быть осмотрѣны главною надзирательницею и ея помощницами; температура не должна превышать 12°, форточки должны быть закрыты только передъ самымъ приходомъ ученицъ, а душники въ холодную трубу и вентиляторы въ окнахъ оставаться открытыми, въ не чрезмѣрно холодные дни, во все время урока. Размѣщаться въ классахъ дѣти должны были не по росту, какъ это дѣлалось въ институтахъ, а по способностямъ и нраву; склонныя къ разсѣянію и съ медленнымъ пониманіемъ на переднихъ скамьяхъ. Главнымъ хозяиномъ класса долженъ быть учитель; порядокъ во время урока требовался строгій, но состоящій не въ мертвой тишинѣ и не въ неподвижности ученицъ; напротивъ, ученицамъ разрѣшалось, въ случаѣ усталости сидѣть прямо, опираться на спинку стула, мѣнять положеніе рукъ и ногъ, „скромно и кстати" засмѣяться, прервать рѣчь учителя или подруги въ случаѣ недоумѣнія, лишь бы все это дѣлалось въ формахъ нравственнаго приличія. Вообще, классъ долженъ былъ походить на благоразумную семью.

По окончаніи классовъ ученицы, одѣвшись чтобы идти домой, должны были опять подойти къ надзирательницѣ—какъ для того, чтобы проститься съ нею, такъ и дать ей возможность убѣдиться въ томъ, что платье и вся одежда на ученицѣ въ порядкѣ и все надѣто какъ слѣдуетъ.

Каждую недѣлю начальство училища выдавало ученицѣ вѣдомость съ обозначеніемъ полученныхъ ею балловъ за ученіе и поведеніе и пропущенныхъ ею дней. При этомъ, въ Правилахъ повторялась „убѣдительная“ просьба начальства училища къ родителямъ и попечителямъ дѣтей, чтобы они обращали вниманіе на эти вѣдомости и принимали всѣ зависящія отъ нихъ мѣры для успѣшнаго умственнаго и нравственнаго образованія дѣтей, „ибо,—говорилось въ заключительномъ параграфѣ Правилъ,—дѣйствуя на дѣтей только во время урока, начальство не можетъ вполнѣ достигнуть своей цѣли, если родители и попечители дѣтей не будутъ къ тому способствовать своими домашними мѣрами“ [1]).

Не довольствуясь введеніемъ гуманныхъ началъ въ составленныя имъ „Правила“, Н. А. Вышнеградскій и лично вліялъ на учениць въ томъ же направленіи; онъ слѣдилъ за ними и внѣ училища. Однажды онъ встрѣтился на улицѣ съ гимназисткой, которая шла впереди своей матери, предоставя ей нести свои книги. Вышнеградскій остановилъ гимназистку и тутъ же „прочелъ ей нотацію о почитаніи родителей. Та схватила книги у матери и всегда потомъ ходила рядомъ съ нею“. А Вышнеградскій, придя въ классъ на слѣдующій послѣ встрѣчи день, взволнованнымъ голосомъ, но не называя фамиліи гимназистки, разсказалъ эту встрѣчу и „въ горячихъ выраженіяхъ развивалъ тему, что образованіе не даетъ права относиться съ пренебреженіемъ къ родителямъ, къ какому бы классу общества они ни принадлежали, и что истинное образованіе нисходитъ къ самымъ очевиднымъ даже недостаткамъ окружающихъ“ [2]).

Узнавъ отъ гимназистокъ старшаго класса, разсказываетъ Д. Семеновъ, что при ихъ возвращеніи изъ гимназіи къ нимъ пристаютъ молодые люди и говорятъ недостойные каламбуры, Николай Алексѣевичъ нѣсколько дней сряду провожалъ гимназистокъ, пока не натолкнулся на одного изъ молодыхъ нахаловъ, котораго и передалъ въ руки полиціи.

Бывшая ученица Коломенской гимназіи при Н. А. Вышнеградскомъ, г-жа О—ва, говоритъ: „Николай Алексѣевичъ былъ простой человѣкъ. Врагъ всего ходульнаго, манернаго и напыщеннаго, онъ и насъ училъ быть простыми и естественными. Бывало, преважно начнешь отвѣчать на экзаменѣ по билету тѣ

---

[1]) Пятидесятилѣтіе IV Отд. Собств. Его Имп. Вел. канцеляріи. 1828 — 1878 Примѣчаніе № 8.

[2]) *Д. Семеновъ.* „Изъ пережитого. Въ Маріинской женской гимназіи“. Посвящается памяти Н. А. Вышнеградскаго („Русская Школа“ 1892 г., мартъ).

пышныя витіеватыя фразы, которыми такъ богато было наше доброе старое время; Николай Алексѣевичъ сейчасъ же остановитъ: „нельзя ли, душа моя, сказать это какъ-нибудь попроще— своими словами?..“ На экзаменѣ мы превесело проводили время и уходили съ экзамена почти всѣ довольныя, съ веселыми, сіяющими лицами. Хотя нашъ отвѣтъ и не произвелъ ожидаемаго эффекта, потому что мы были прерваны почти въ самомъ началѣ, за то мы слышали прекрасную живую рѣчь, получали хорошія отмѣтки, на которыя былъ такъ щедръ покойный Николай Алексѣевичъ. Онъ любилъ дѣтей всей душою, умѣлъ говорить съ ними, понималъ ихъ, а также понималъ ясно тѣ цѣли, къ которымъ должно было стремиться, и достигалъ ихъ съ неутомимою силою и энергіею, присущими его могучему характеру и недюжиннымъ его способностямъ. Онъ зналъ, что большинство изъ насъ не готовится своими блестящими талантами и изящными манерами блистать въ высшемъ аристократическомъ обществѣ, а запасается необходимыми свѣдѣніями и приличными манерами, чтобы быть тихими труженицами на скромномъ педагогическомъ поприщѣ, или еще въ болѣе скромномъ семейномъ быту. Онъ и его сподвижники посѣяли въ сердцахъ нашихъ тѣ добрыя сѣмена религіи и нравственности, безъ которыхъ трудно пройти тяжелый жизненный путь“ [1]).

„Отличный лекторъ и администраторъ,—говоритъ Д. Семеновъ,—Н. А. Вышнеградскій съумѣлъ объединить взгляды на задачи заведенія какъ въ учебномъ, такъ и воспитательномъ отношеніи, преподавателей и надзирательницъ, образовавъ изъ нихъ дружную семью... Онъ давалъ имъ свободу въ выборѣ учебниковъ, методѣ преподаванія и характерѣ изложенія“.

Въ первомъ своемъ отчетѣ, въ 1859 году, о столичныхъ женскихъ училищахъ Н. А. Вышнеградскій говорилъ: „характеристическая черта училищъ—сильное участіе семьи въ заботахъ о физическомъ, нравственномъ и умственномъ образованіи дѣтей. Поэтому ни успѣхи ученицъ, ни ихъ физическое благосостояніе не могутъ быть поставлены въ заслугу *исключительно* начальству и наставникамъ заведеній, также и противоположныя качества не могутъ быть поставлены *исключительно* ему въ вину... Училище дастъ только направленіе дѣятельности дѣтей, указываетъ цѣли, къ которымъ они должны стремиться, старается исправить тѣ уклоненія, которымъ подвергается ихъ развитіе.

---

[1]) *О—ва.* „Нѣсколько словъ о Н. А. Вышнеградскомъ“ („Женское Образованіе“, 1883 г., октябрь).

Семья, среди которой дѣти проводятъ большую часть дня, могущественному вліянію которой они подвержены почти безпрерывно, принимаетъ дѣятельнѣйшее участіе въ ихъ образованіи во всѣхъ отношеніяхъ, даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда о нихъ не заботятся. Эти-то соединенныя заботы начальства училища съ попеченіями и вліяніемъ семьи и составляютъ главную особенность вновь открытыхъ заведеній. Результатъ соединенія сихъ двоякихъ вліяній долженъ показать, въ какой мѣрѣ удобоприложима въ Россіи эта система образованія... Все, что истекаетъ изъ естественныхъ и разумныхъ требованій дѣтской природы, какъ-то: живость движеній, рѣчи и т. п., доколѣ не выходитъ изъ предѣловъ приличія, разсматривается нами не какъ поступокъ, который надо наказать, а какъ естественное, необходимое проявленіе, подавлять которое крайне вредно и для умственнаго, и для нравственнаго развитія дѣтей". Упомянувъ о томъ, что Принцъ еженедѣльно посѣщалъ училища [1]) и былъ свидѣтелемъ живости и веселости дѣтей, Вышнеградскій продолжаетъ: „мы старались внести въ свое обхожденіе съ дѣтьми стихію любви и ласки и изгнать изъ него стихію страха. Тѣмъ болѣе почитали мы себя нравственно обязанными къ такому образу дѣйствій, что многія дѣти у насъ обучающіяся, вслѣдствіе разныхъ причинъ въ домашней своей жизни, не всегда видятъ нѣжность и ласку къ себѣ; пусть же они, по крайней мѣрѣ, въ училищѣ чувствуютъ себя довольными и счастливыми". О здоровьѣ дѣтей сообщалось, что они аккуратно посѣщали классы, было мало больныхъ: „ибо, идя въ школу, дѣти дѣлаютъ движеніе и на воздухѣ". Поведеніе хорошо. „Нѣтъ и слѣда вреднаго вліянія на нравы дѣтей, котораго многіе опасались отъ соединенія дѣвицъ разныхъ сословій въ классахъ". Въ поясненіе этого „естественнаго" факта Вышнеградскій приводитъ то, что ученицы собираются передъ самымъ началомъ урока и немедленно послѣ него расходятся; „нѣкогда входить между собою въ переговоры, а большой промежутокъ въ полчаса назначенъ на завтракъ".

Исходя изъ положенія, что школа учитъ лучше семьи, а семья воспитываетъ лучше школы, Вышнеградскій говорилъ, что начальство училища предоставляетъ родителямъ самимъ награждать или наказывать дѣтей. Для этого по субботамъ даются ученицѣ вѣдомости о полученныхъ ею баллахъ и о пропущен-

[1]) По разсказамъ очевидцевъ, Принцъ, пріѣзжая въ гимназіи и видя на вѣшалкахъ верхнюю одежду ученицъ, часто очень ветхую, приказывалъ снять съ нея мѣрку и повѣсить сшитую на его счетъ, новую, на тотъ же нумеръ, гдѣ висѣла старая.

ныхъ въ теченіе недѣли урокахъ. „Такимъ образомъ,—сказано въ отчетѣ,—родители призываются къ постоянному и дѣятельному участію въ образованіи дѣтей, что̀ и составляетъ одну изъ цѣлей вновь открытыхъ училищъ“. По словамъ П. А. Вышнеградскаго, родители признавались ему, что прежде, отдавая дѣтей на полный пансіонъ, сами мало заботились объ ихъ урокахъ и поведеніи. Теперь, имѣя ихъ каждый вечеръ передъ глазами и получая постоянныя извѣстія объ ихъ занятіяхъ и успѣхахъ, невольно начали обращать вниманіе на самыя занятія. „Позволяю себѣ высказать вашему высочеству, — говорилъ Н. А. Вышнеградскій, обращаясь къ Принцу,—можетъ быть и смѣлую, и далекую еще отъ полнаго осуществленія, но вѣрную надежду, что распространеніе открытыхъ училищъ въ Россіи будетъ много способствовать водворенію нравственнаго порядка въ семейной жизни“.

Переходя къ учебной части училищъ, Вышнеградскій говорилъ, что наставницъ во всѣхъ четырехъ училищахъ 9; учебный курсъ составленъ изъ предметовъ „какъ въ закрытыхъ заведеніяхъ 2-го разряда“, но предметы раздѣлены на обязательные и необязательные. „Относительно объема и порядка преподаванія,— сказано въ отчетѣ,—ваше высочество указали по возможности примѣняться къ изданнымъ для женскихъ учебныхъ заведеній программамъ съ неизбѣжными отступленіями, кои условливаются самою особенностью учреждаемыхъ училищъ. Основная мысль принятаго въ этихъ училищахъ распредѣленія учебныхъ предметовъ по классамъ слѣдующая: первые четыре года курса преподаются предпочтительно языки — русскій и иностранные; послѣдніе три года преобладаютъ науки“. Что касается учебныхъ руководствъ, то начальство училищъ и желало бы употреблять лишь поименованные въ изданныхъ учебнымъ комитетомъ нормальныхъ спискахъ, „но такъ какъ эти списки изданы очень давно и со времени перваго своего изданія не дополнялись и не измѣнялись ни въ чемъ, а въ учебной литературѣ вышло послѣ того много истинно полезныхъ изданій, по всеобщему суду заслуживающихъ полнаго предпочтенія передъ поименованными въ нормальныхъ спискахъ, то начальство позволило себѣ ввести въ употребленіе нѣкоторыя, немногія, всѣми одобряемыя и употребляемыя книги“.

Главный источникъ содержанія училищъ должна была составлять плата съ ученицъ; въ 1858 году было получено съ 345-ти ученицъ всѣхъ четырехъ училищъ 7.934 руб. 44 коп.

Общій приходъ составлялъ 29.546 рублей, а расходъ 26.617 р. 77 коп.

Вышнеградскій просилъ главный Совѣтъ отпустить отдѣльнымъ училищамъ суммы на библіотеки, кабинеты и учебныя пособія, также дать права дѣйствительной службы находившимся собственно при училищахъ наставникамъ; онъ говорилъ о необходимости собственныхъ домовъ для училищъ, предлагая сдѣлать для этого заемъ, который покроется теперь платимыми суммами за наемъ помѣщенія въ частныхъ домахъ.

Прося главный Совѣтъ „повергнуть къ стопамъ Покровительницы открытыхъ женскихъ училищъ, Императрицы Маріи Александровны, глубокую общую признательность за вниманіе, съ которымъ она относится къ училищамъ“, Вышнеградскій прибавлялъ: „это драгоцѣнное вниманіе, благотворное и вездѣ, особенно дорого, скажу болѣе, особенно необходимо для насъ, призванныхъ трудиться надъ дѣломъ совершенно новымъ и въ Россіи неизвѣстнымъ, среди затрудненій и препятствій, едва ли существующихъ въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ... Намъ пришлось бороться съ *вѣковымъ* предубѣжденіемъ о невозможности соединять въ училищахъ дѣтей различныхъ сословій, съ эгоистичнымъ раздраженіемъ тѣхъ лицъ, которыя, содержа частные пансіоны, неизбѣжно видѣли и продолжаютъ видѣть въ новыхъ училищахъ учрежденіе, крайне вредное для своихъ вещественныхъ интересовъ, и потому стараются разсѣивать о нихъ невыгодные слухи. О нашихъ дѣйствіяхъ ежедневно судятъ въ 400 семействахъ; надъ нами ежеминутно стоитъ неусыпный контроль мнѣнія родителей и всей вообще публики, — контроль, по духу настоящаго времени болѣе склонный къ порицанію, нежели къ похвалѣ. Не слѣдуетъ думать, чтобы намъ удалось побѣдить всѣ затрудненія; но постоянно возрастающее въ училищахъ число дѣтей свидѣтельствуетъ, что мы боремся не безъ успѣха. Наконецъ, нѣкоторымъ изъ насъ, имѣвшимъ счастіе быть избранными для ближайшаго завѣдыванія всѣмъ новымъ дѣломъ, пришлось и приходится выдерживать особенно тяжелыя и ожесточенныя порицанія со стороны тѣхъ, кому вредна или непріятна вновь вводимая система женскаго образованія, кому не удалось получить мѣста при новыхъ заведеніяхъ, кому, наконецъ, завидно было смотрѣть на то прекрасное историческое дѣло, къ которому Высочайшей власти угодно было призвать насъ. Дай Богъ, чтобы тѣ, которые и время, и силы принесли на пользу новому дѣлу, среди горькихъ, хотя и неизбѣжныхъ преслѣдованій и порицаній, продолжали находить защиту себѣ въ лицахъ, поставленныхъ

Провидѣніемъ выше всѣхъ частныхъ интересовъ для чистаго служенія идеѣ правды и общаго народнаго блага“ [1]).

Затрудненія и препятствія, среди которыхъ пришлось дѣйствовать Н. А. Вышнеградскому, дѣйствительно были велики. Кромѣ принципіальныхъ противниковъ новой системы женскаго образованія, относившихся съ недовѣріемъ и порицаніемъ къ открытымъ всесословнымъ училищамъ, у Вышнеградскаго были личные враги, не останавливавшіеся ни передъ чѣмъ, чтобы вредить его дѣлу и ему самому. Они распускали слухи, направленные противъ его чести и добраго имени, говорили, будто онъ беретъ взятки съ родителей за помѣщеніе дѣтей въ училища и раздаетъ мѣста за деньги. Оскорбленный лично за себя, Вышнеградскій понималъ, что такіе слухи бросаютъ грязную тѣнь и на дорогія ему учрежденія; поэтому, въ концѣ 1858 года, стало быть еще ранѣе, чѣмъ появился его отчетъ Принцу, онъ прибѣгнулъ къ только-что нарождавшейся тогда у насъ силѣ—гласности—и напечаталъ въ газетахъ [2]) фактическое, полуоффиціальное опроверженіе распространяемой о немъ клеветы. „Начальникъ училищъ для приходящихъ дѣвицъ въ С.-Петербургѣ,—говорилъ Вышнеградскій,—безуспѣшно испытавъ неоднократныя устныя убѣжденія относительно безполезности и незаконности разнаго рода сношеній, которыя дѣлаются просителями мѣстъ при училищахъ, родителями и попечителями дѣтей, какъ начальнику училищъ, такъ и лицамъ женскаго пола, при нихъ состоящимъ, прибѣгаетъ наконецъ къ печатному объявленію покорнѣйшей своей просьбы *ни при какомъ случаѣ и ни подъ какимъ видомъ не обращаться ни къ начальнику, ни къ надзирательницѣ ни съ какими вещественными знаками такъ называемой благодарности.* Всѣ подобные знаки будутъ немедленно возвращаемы тѣмъ, кто ихъ принесъ. Всякаго рода складчины между дѣтьми съ цѣлью сдѣланія подарка кому-либо изъ начальствующихъ, надзирательствующихъ и преподающихъ лицъ, строжайше воспрещаются, подъ опасеніемъ удаленія виновныхъ изъ заведеній.

„Къ сему непріятному объявленію начальникъ училищъ вынужденъ тѣмъ обстоятельствомъ, что многіе изъ ищущихъ мѣстъ при училищахъ, предлагаютъ начальнику опыхъ разнаго рода подарки и услуги. Такъ, напримѣръ, въ послѣднее время двѣ дамы, имена которыхъ на сей разъ не объявляются, рѣшились доставить г. Вышнеградскому 500 рублей сер. каждая съ при-

[1]) Дѣла гл. Совѣта 1859 г.

[2]) „С.-Петерб. Вѣд.“ 1858 г., № 281.

соединеніемъ покорнѣйшей просьбы исходатайствовать имъ мѣста главныхъ надзирательницъ. Начальникъ училищъ симъ объявляетъ, что одной изъ просительницъ деньги уже возвращены, а деньги другой препровождены с.-петербургскому оберъ-полиціймейстеру для возвращенія кому слѣдуетъ".

Но и обращеніе къ гласности не помогло; въ печати объявленіе Вышнеградскаго не встрѣтило поддержки; оно было перепечатано въ „Русскомъ Вѣстникѣ" Каткова [1]) безъ всякихъ комментаріевъ и въ „Свѣтѣ", издававшемся при имѣвшемъ съ 1857 года громадное вліяніе на общество и литературу „Современникѣ". съ явнымъ несочувствіемъ къ Вышнеградскому [2]). Въ публикѣ оно не разсѣяло сомнѣній, и до конца жизни Вышнеградскаго у людей, даже не враждебныхъ ему и его дѣлу, съ его именемъ связывалось представленіе о какихъ-то зелныхъ дѣйствіяхъ.

Среди такихъ условій новыя училища продолжали, однако, развиваться. Еще будучи инспекторомъ классовъ Павловскаго института, въ 1857 году, Вышнеградскій вошелъ въ главный Совѣтъ съ представленіемъ о томъ, чтобы по всѣмъ предметамъ курса кромѣ закона Божія, одна треть уроковъ была преподаваема пепиньерками въ присутствіи наставниковъ даннаго предмета, на урокахъ которыхъ онѣ должны были постоянно присутствовать, чтобы, кромѣ того, каждая пепиньерка занималась въ теченіе двухъ мѣсяцевъ исключительно двумя предметами и такъ прошла бы весь курсъ. Наканунѣ дня своего урока въ классѣ она должна была представить наставнику, преподающему тотъ предметъ, или инспектору классовъ, письменный планъ своего урока и обсудить его вмѣстѣ съ наставникомъ или инспекторомъ. Учебный комитетъ отнесся тогда сочувственно къ мысли Вышнеградскаго, но полагалъ удлинить срокъ занятій по двумъ предметамъ съ 2-хъ до 6-ти мѣсяцевъ.

На этихъ основаніяхъ въ концѣ 1859 года, когда взрослыя ученицы, поступившія при открытіи Маріинскаго училища прямо въ старшій классъ, кончили курсъ своего ученія, для нихъ, по по предложенію Вышнеградскаго, былъ въ слѣдующемъ году учрежденъ особый педагогическій классъ; въ него поступили 8 изъ 11 выпускныхъ ученицъ, и черезъ годъ, получивъ званіе домашнихъ наставницъ, заняли мѣста учительницъ въ трехъ младшихъ классахъ училища. То же повторилось и въ 1861 г.,

[1]) Т. 18, 1858 г.

[2]) *Соч. Н. Добролюбова.* Т. 4. „Русскіе въ доблестяхъ своихъ".

когда 15 ученицъ кончили курсъ училища; затѣмъ педагогическій классъ былъ закрытъ, ибо съ конца 1861 года не было выпуска изъ училища и, стало быть, некому было посѣщать этихъ классовъ. Но въ Высочайше утвержденномъ 9 января 1862 года уставѣ училищъ для приходящихъ дѣвицъ было сказано, что, сверхъ семи-класснаго общаго курса, при училищахъ, „по указанію обстоятельствъ могутъ быть устроены педагогическіе курсы, въ которыхъ бы дѣвицы, окончившія общій курсъ и предназначающія себя къ педагогической дѣятельности, могли получать спеціальное педагогическое образованіе“. Поэтому, когда въ половинѣ 1863 года 62 изъ 75-ти, окончившихъ полный курсъ, ученицы заявили желаніе посѣщать педагогическій классъ, Вышнеградскій представилъ Принцу проектъ правильно организованныхъ педагогическихъ курсовъ при Маріинскомъ училищѣ, переименованномъ тогда уже въ гимназію. При этомъ онъ руководствовался „какъ собственными наблюденіями надъ иностранными женскими училищами, такъ и устройствомъ кандидатскихъ классовъ въ сиротскихъ институтахъ и спеціальныхъ при Смольномъ монастырѣ“, а также „существующимъ уже опытомъ въ Сѣверной Америкѣ, Пруссіи и Бельгіи [1]). Учрежденіе педагогическихъ курсовъ Вышнеградскій считалъ необходимымъ потому, что „общіе курсы институтовъ и женскихъ гимназій не удовлетворяютъ потребности ни въ усовершенствованіи научныхъ познаній, ни въ педагогической практикѣ, ибо въ 16—17 лѣтъ, возрастѣ, въ которомъ дѣвицы кончаютъ курсъ въ нашихъ заведеніяхъ, можно только начинать серьезныя занятія науками, да и то послѣ хорошаго приготовленія“ [2]).

По проекту Вышнеградскаго, цѣль курсовъ полагалась въ томъ, чтобы открыть женщинамъ свободный путь къ дѣятельности „почтенной и полезной, и черезъ то спасти ихъ отъ того безцѣльнаго существованія, какое нынѣ составляютъ удѣлъ многихъ между ними“. Для этого онъ признавалъ нужнымъ доставить имъ „возможность высшаго научнаго и спеціальнаго педагогическаго образованія“.

Главный Совѣтъ утвердилъ проектъ, и въ 1863 г. при Маріинской гимназіи были открыты педагогическіе курсы съ двумя классами—теоретическимъ и практическимъ. На нихъ могли поступать дѣвушки не моложе 16-ти лѣтъ, окончившія курсъ гимназіи или равнаго ей заведенія, или выдержавшія испытаніе по

[1]) *Ж. Образ.* 1890 г. № 8. Докладная записка Н. А. Вышнеградскаго 20 апрѣля 1863 года.

[2]) Засѣданіе Гл. Совѣта 25 октября 1863 г. (Арх. IV отд.).

гимназической программѣ. Существовавшій раньше педагогическій классъ при Маріинскомъ училищѣ былъ безплатнымъ; въ новомъ проектѣ предлагалось установить плату: по 3 рубля въ семестръ за посѣщеніе одной лекціи въ недѣлю и за руководство въ педагогической практикѣ по 5 рублей въ семестръ. Главный Совѣтъ назначилъ по 40 рублей въ годъ съ ученицы теоретическаго класса и 10 рублей—практическаго.

Такимъ образомъ, педагогическіе курсы, по мысли Вышеградскаго, должны были давать и высшее научное образованіе, и спеціально-педагогическое.

О послѣднемъ сообщаетъ въ своей запискѣ бывшая слушательница курсовъ того времени—Н. А. Кадьянъ [1]). „Мы,—говоритъ она,—только посѣщали уроки нѣкоторыхъ учителей въ гимназіи по собственному выбору. Я бывала на урокахъ ариѳметики и географіи. Первая преподавалась хорошо; учитель относился съ большимъ вниманіемъ къ устному счету, что̀ для насъ было ново; у насъ въ институтѣ (Павловскомъ) все рѣшали замысловатыя задачи съ цѣлыми рядами цифръ... Обыкновенно, въ началѣ класса въ гимназіи, учитель задавалъ дѣтямъ новый урокъ, и классъ раздѣлялся на группы отъ 6 до 12 человѣкъ, по числу присутствовавшихъ на урокѣ слушательницъ педагогическихъ курсовъ, и каждая изъ нихъ репетировала съ своей группою то, что̀ было задано, разъясняла непонятное, повторяла забытое, или кѣмъ-нибудь изъ дѣтей пропущенное... Хорошо, когда попадался образцовый учитель; тогда можно было заимствовать у него полезное, хорошій методъ, а если учитель былъ заурядный, то приходилось вести дѣло по старой рутинѣ. Намъ не приходилось давать образцовыхъ уроковъ, мы не составляли плановъ своихъ уроковъ, и хорошія учительницы могли выйти изъ насъ благодаря таланту или какимъ-нибудь случайнымъ условіямъ, а не постановкѣ дѣла на курсахъ. Все это,—прибавляетъ она въ своемъ дневникѣ,—конечно должно со временемъ выработаться. Да и правду сказать, прежде всего надо намъ самимъ сдѣлаться пообразованнѣе и пріобрѣсти навыкъ къ самостоятельнымъ занятіямъ“.

Повидимому, и Вышеградскій такъ смотрѣлъ на дѣло; составленная имъ программа теоретическаго класса педагогическихъ курсовъ была направлена главнымъ образомъ къ расширенію и усовершенствованію знаній, полученныхъ слушательни-

[1]) Записка составлена на основаніи дневника, который Н. А. Кадьянъ вела будучи на курсахъ.

цами въ гимназіяхъ и институтахъ. На курсахъ читались лекціи, а не преподавались предметы.

По составленному имъ въ 1863 г. проекту учебнаго курса, должны были на первый разъ читаться лекціи по слѣдующимъ предметамъ: ученіе о христіанской религіи (2 лекціи въ недѣлю), русская словесность, всеобщая исторія, русская исторія, статистика, педагогика, по двѣ лекціи на каждый предметъ, естествовѣдѣніе (4 лекціи), два иностранныхъ языка (4 лекціи), всего 20 лекцій въ недѣлю. По усмотрѣнію конференціи и съ разрѣшенія главноуправляющаго могли быть вводимы и другіе учебные предметы, коль скоро 20—25 слушательницъ заявляли о своемъ желаніи слушать ихъ.

Педагогику читалъ самъ Вышнеградскій. „Онъ,—говоритъ Н. Кадьянъ, — часто пропускалъ лекціи, но когда читалъ ихъ, то мы слушали его съ наслажденіемъ... Онъ намъ читалъ о Локкѣ, Руссо, Песталоцци, Фребелѣ („теперь въ модѣ“) и разбиралъ наши учебники русскаго языка, Ушинскаго и Паульсона... Собственно педагогика намъ не читалась, вѣроятно потому, что Вышнеградскій понималъ, что прежде надо ознакомить насъ съ психологіей и физіологіей... Дидактика также не преподавалась; нельзя же понимать подъ нею разборъ нѣсколькихъ учебниковъ и нѣсколькихъ замѣтокъ объ учебныхъ предметахъ, входящихъ въ общій курсъ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній“.

Курсы раздѣлялись на два отдѣленія—естественно-математическое и словесное. Первое было гораздо многочисленнѣе нежели второе. Кромѣ того, что знакомство съ естественными науками въ то время считалось краеугольнымъ камнемъ всякаго знанія и все русское образованное общество, а не только учащаяся молодежь, страстно увлекалось ими, поступавшія на педагогическіе курсы молодыя дѣвушки считали возможнымъ сами, безъ посторонней помощи, ознакомиться путемъ чтенія съ исторіей, литературой и другими словесными и историческими науками, а по естественнымъ — чтеніе популярныхъ книгъ, которыхъ тогда выходило очень много, не могло принести большой пользы уже потому, что слушательницы совсѣмъ не были подготовлены къ ихъ пониманію. „Математика,—говоритъ П. А. Кадьянъ,—очень плохо преподавалась намъ въ институтѣ; мы кончали ее десятичными дробями... На курсахъ мы проходили алгебру, геометрію и тригонометрію; учитель нашъ преподавалъ и въ мужской гимназіи. Другіе преподаватели нашего (естественно-математическаго) отдѣленія читали въ Медицинской ака-

деміи (Брандтъ, Ландцертъ), въ Артиллерійскомъ училищѣ (Петрушевскій), въ Морскомъ корпусѣ (Тыртовъ); всѣ они привыкли серьезно относиться къ своимъ лекціямъ, демонстрировали намъ все, что̀ могло быть демонстрировано, доказывали все, что̀ можно доказать. Это было для насъ совершенною новостью". Слушательницы естественно-математическаго отдѣленія обязаны были слушать и лекціи по всеобщей литературѣ (читалъ Никольскій) и исторіи Россіи, которую читалъ Брикнеръ.

Въ первый годъ Никольскій читалъ слушательницамъ Шекспира и разбиралъ его трагедіи. Брикнеръ знакомилъ съ эпохою Петра и читалъ разные источники. Слушательницы, по словамъ Н. Кадьянъ, относились къ лекціямъ съ большимъ вниманіемъ. Многія добросовѣстно все записывали, все читали, что указывалось преподавателями, всегда готовы были собраться внѣ положеннаго на лекціи времени по приглашенію профессора, хотя у нихъ были уроки и другія занятія. Между слушательницами были и замужнія, и матери семействъ. Репетиціи производились только одинъ разъ, и затѣмъ начинались прямо экзамены, которые держали, по словамъ Н. Кадьянъ, человѣкъ 17 не больше, а число слушательницъ доходило до 50—60 на обоихъ отдѣленіяхъ.

На второй же годъ существованія курсовъ была назначена, по желанію Принца, инспектрисса для „неослабнаго наблюденія за развитіемъ характера молодыхъ дѣвицъ въ самый важный и рѣшительный періодъ ихъ жизни". Инспектрисса должна была „совѣтомъ и нравственнымъ вліяніемъ отвращать опасности, встрѣчающіяся дѣвицамъ на каждомъ шагу, и направлять ихъ образованіе къ указаннымъ правительствомъ цѣлямъ". Ей предоставлялись права и содержаніе, равное съ правами и содержаніемъ главной надзирательницы гимназіи.

Когда инспектрисса предложила заниматься съ слушательницами французскимъ языкомъ, Н. Кадьянъ была поражена какъ плохо читали и переводили съ французскаго гимназистки; „въ институтѣ,—говоритъ она,—не было ни одной съ такимъ незнаніемъ французскаго языка, а здѣсь гимназистки были изъ лучшихъ, окончившія курсъ съ медалями".

Плохое знаніе гимназистками французскаго языка, въ особенности неумѣніе свободно говорить на немъ, было однимъ изъ поводовъ къ нареканіямъ на гимназіи. Такой взглядъ раздѣлялся и нѣкоторыми преподавателями новыхъ училищъ. Въ 1862 г. инспекторъ классовъ Петербургскаго училища для приходящихъ дѣвицъ, Плянкель, представилъ Вышнеградскому, что „родители

часто изъявляютъ сожалѣніе, что ихъ дѣти, пріобрѣтая въ училищахъ основательное образованіе, не имѣютъ ни дома, ни въ училищѣ случая достаточно упражняться въ разговорѣ на иностранныхъ языкахъ... Это заставляетъ предполагать, — говорилъ Плянкель,—что существенное улучшеніе, которое можетъ увеличить довѣріе публики къ заведеніямъ,—есть усиленіе практическихъ упражненій на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Единственная мѣра, полезная и отчасти уже испытанная мною по объявленному мнѣ вами приказанію его высочества, представляется не только въ повтореніи, но и въ преподаваніи исторіи и географіи на иностранномъ языкѣ". Инспекторъ просилъ Вышнеградскаго исходатайствовать у Принца разрѣшеніе ввести это немедленно.

Можетъ быть подъ давленіемъ постоянно усиливавшихся всевозможныхъ нареканій на новыя женскія училища, Вышнеградскій сдѣлалъ представленіе въ этомъ смыслѣ Принцу, прибавивъ, что онъ „вполнѣ согласенъ съ мнѣніемъ инспектора, что если не усилить преподаванія иностранныхъ языковъ, то училище на петербургской сторонѣ падетъ въ мнѣніи мѣстнаго населенія, состоящаго преимущественно изъ небогатыхъ чиновниковъ, семейства которыхъ рѣдко представляютъ случай къ практикѣ въ иностранныхъ языкахъ, а между тѣмъ всѣ родители желаютъ, чтобы ихъ дочери, по окончаніи курса гимназіи, умѣли говорить, по крайней мѣрѣ, по-французски". Вышнеградскій просилъ у Принца даже разрѣшенія ввести такое преподаваніе во всѣ училища для приходящихъ дѣвицъ, но съ тѣмъ, чтобы исторія Россіи преподавалась на русскомъ языкѣ и преимущественно учителемъ русской словесности вмѣстѣ съ исторіей русской литературы. Учебный комитетъ, на разсмотрѣніе котораго былъ, по приказанію Принца, внесенъ этотъ вопросъ, высказался, что „несмотря на увѣренность въ томъ, что изученіе исторіи и географіи на отечественномъ языкѣ приноситъ больше пользы, чѣмъ на языкѣ иностранномъ", онъ не можетъ не согласиться съ доводами Вышнеградскаго и инспектора классовъ петербургскаго училища. „Эти училища,—писалъ комитетъ,—въ такой степени зависятъ отъ публики, что рѣзко идти наперекоръ ея убѣжденіямъ, хотя бы даже не вполнѣ справедливымъ, значило бы подвергать опасности самое существованіе этихъ заведеній". Поэтому комитетъ считалъ необходимымъ допустить предлагаемую мѣру „тѣмъ болѣе, что онъ не имѣетъ въ виду систематическихъ и правильныхъ опытовъ ея приложенія, на основаніи которыхъ можно было бы съ увѣ-

ренностью сказать, что она положительно вредитъ надлежащему умственному развитію юношества“ [1]).

Въ журнальномъ постановленіи главнаго Совѣта отъ 28 октября 1862 года было сказано: „въ виду того, что дѣйствительно въ женскихъ гимназіяхъ ученицы не имѣютъ возможности заниматься практическимъ изученіемъ иностранныхъ языковъ настолько, чтобы съ нѣкоторою свободою могли излагать свои мысли, а въ домашнемъ быту, по недостаточному состоянію родителей, такая практика для большинства и вовсе недоступна“, Совѣтъ соглашается на введеніе во всѣхъ петербургскихъ училищахъ преподаванія всеобщей исторіи и географіи на иностранныхъ языкахъ. Совѣтъ признавалъ, что „въ первое время по введеніи этой мѣры дѣвицы, болѣе или менѣе, должны потерять въ изученіи наукъ, затрудняясь въ изустномъ изложеніи своихъ отвѣтовъ на вопросы преподавателей; но нѣтъ сомнѣнія, что впослѣдствіи, при постоянномъ, практическомъ употребленіи иностранныхъ языковъ, съ одной стороны привыкнутъ къ свободному изложенію на нихъ мыслей, а съ другой — при усердіи преподавателей, восполнятъ знанія, не усвоенныя прежде собственно по слабости въ языкахъ [2]). Совѣтъ полагалъ ввести эту мѣру въ видѣ опыта на три года и тогда выслушать замѣчанія о ней начальства женскихъ гимназій, а прежде всего представить вопросъ на благоусмотрѣніе императрицы.

Съ этимъ постановленіемъ главнаго Совѣта не согласился одинъ изъ его членовъ, бывшій министръ народнаго просвѣщенія, Е. Ковалевскій. Въ особомъ мнѣніи онъ изложилъ свой взглядъ на новыя женскія училища, которыя учреждены „для пособія недостаточнымъ семействамъ, въ кругу которыхъ знаніе разговорнаго французскаго языка несоотвѣтственно существенной потребности. Для дѣвицъ этого класса,—говорилъ Ковалевскій,—нужно правильное изученіе русскаго языка съ отечественною исторіею и тѣхъ предметовъ, кои непосредственно служатъ къ развитію умственныхъ способностей. Оно, вмѣстѣ съ внушеніемъ правилъ чистой нравственности, составляетъ настоящую задачу училищъ, которыя должны идти къ этой цѣли неуклонно. Всякое искусственное привлеченіе ученицъ въ школы будетъ непрочно и несообразно съ достоинствомъ правительства. Благонамѣренные отцы обучающихся дѣвицъ понимаютъ настоящее назначеніе училищъ, а всѣмъ угодить нельзя“. По

[1]) Журналъ учебнаго комитета 15 февраля 1862 г.

[2]) Журналъ гл. Сов. 28 окт. 1862 г.

мнѣнію Ковалевскаго, предлагаемая мѣра не принесетъ и пользы. „Многократные опыты,—писалъ онъ,—доказываютъ, что разговору на иностранныхъ языкахъ научиться нельзя въ открытыхъ заведеніяхъ, гдѣ ученицы остаются лишь нѣсколько часовъ. Нужна постоянная практика внѣ классовъ, дома, чего большая часть дѣвицъ имѣть не могутъ. Не зная французскаго языка, дѣвицы должны будутъ выучивать наизустъ уроки и потомъ легко забывать, что было имъ передано. Мыслить, слѣдовательно и усваивать себѣ понятія, можно только на одномъ, и притомъ на родномъ своемъ языкѣ. Кончится тѣмъ, что онѣ не научатся разговорному французскому языку и не вынесутъ изъ училища никакихъ познаній въ исторіи и географіи". Къ этому особому мнѣнію присоединились члены главнаго Совѣта: Пряпиниковъ, Зиновьевъ и Норовъ. Послѣдній выразилъ свое согласіе съ мнѣніемъ Ковалевскаго въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „и имѣлъ уже честь заявить свое мнѣніе, что принятый порядокъ обсужденія дѣлъ главнаго Совѣта разсылкою изготовленныхъ журналовъ, не соотвѣтствуетъ цѣли учрежденія сего Совѣта и можетъ быть допущенъ исключительно по дѣламъ маловажнымъ, рѣшаемымъ на утвержденныхъ уже постановленіяхъ. Все же, требующее обсужденія, должно быть разсматриваемо въ личномъ присутствіи членовъ Совѣта. Заявленное Е. П. Ковалевскимъ мнѣніе, *съ которымъ я вполнѣ согласенъ*, служитъ новымъ тому доказательствомъ". Баронъ Фредериксъ написалъ: „также предпочитаю обсудить въ Совѣтѣ". 3-го ноября проектъ журнальнаго постановленія отъ 28-го октября слушался въ главномъ Совѣтѣ и послѣдствіемъ было предложеніе Принца слѣдующаго содержанія: „убѣждаясь мнѣніемъ д. т. с. Ковалевскаго, съ коимъ согласились всѣ члены, предлагаю четвертому отдѣленію считать настоящій проектъ несостоявшимся и отказать начальнику петербургскихъ училищъ для приходящихъ дѣвицъ въ разрѣшеніи преподавать исторію и географію на французскомъ и нѣмецкомъ языкѣ" [1]).

Въ 1863 году въ четырехъ петербургскихъ женскихъ гимназіяхъ было учителей 87, учительницъ 43, учащихся 1.012. Изъ нихъ 718 дочерей дворянъ и чиновниковъ, 196—купцовъ, 63—мѣщанъ, 35—духовнаго званія [2]). Стало быть дворянскія дочери и дочери чиновниковъ составляли болѣе двухъ третей общаго числа ученицъ. А между тѣмъ въ предубѣжденной противъ гим-

[1]) Дѣла гл. Сов. 1862 г.

[2]) Свѣдѣнія по женск. уч. зав. за 1863 г. для внесенія въ отчетъ с.-петерб. полиціи. (Дѣла гл. Сов. 1864 г.).

назій части общества ихъ обвиняли въ томъ, что, назначая низкую плату за ученіе, онѣ привлекаютъ преимущественно учащихся изъ низшихъ классовъ общества, „порождаютъ образованныхъ женщинъ пролетаріевъ“, разобщаютъ ихъ несоотвѣтствующимъ условіямъ ихъ жизни образованіемъ съ семьями.

Въ гимназіяхъ не полагалось наказаній. Слово „нравственность“ даже въ аттестатахъ при выпускахъ не упоминалось, такъ какъ сужденіе о ней „требуетъ болѣе короткаго знакомства съ ученицами“ [1]). Но совсѣмъ обойти эту сторону дѣла было сочтено неполезнымъ и, вмѣсто слова „нравственность“, было рѣшено ставить въ аттестатахъ „поведеніе“. Отсутствіе наказаній ставилось также въ вину гимназіямъ; нѣкоторые находили, что вообще ученицамъ предоставляется слишкомъ большая свобода. Но самыми опасными были тѣ неуловимыя обвиненія, противъ которыхъ нельзя было бороться. „Часто,—говоритъ г-жа О—ва въ своихъ воспоминаніяхъ о Вышнеградскомъ,—сказанное учителями и невѣрно понятое ученицами разносилось по домамъ, быстро подхватывалось и комментировалось врагами“.

Съ учрежденіемъ педагогическихъ курсовъ нападки усилились. „Въ обществѣ,—говоритъ И. Рашевскій,—съ нѣкоторымъ недовѣріемъ смотрѣли на новое учрежденіе: въ немъ была ясна попытка создать высшее учебное заведеніе для женщинъ. Мысль о высшемъ женскомъ образованіи была нова; казалось страннымъ, что дѣвушки, назначенныя для скромной семейной жизни, ищутъ большаго знанія, нежели даютъ имъ институты и гимназіи, отрываются отъ семьи и стремятся къ общественной дѣятельности, превратно понимая ее, а потому всякія дѣйствія слушательницъ курсовъ, не имѣющія никакого отношенія къ заведенію, молвою общества приписывались курсамъ, новому учрежденію, не походившему на существовавшія до тѣхъ поръ, и курсы въ глазахъ многихъ лицъ явились опаснымъ нововведеніемъ“ [2]).

По словамъ Рашевскаго, на педагогическіе курсы, съ самаго ихъ учрежденія наполнившіеся слушательницами, послѣднихъ влекло, „съ одной стороны, желаніе пріобрѣсти болѣе серьезное образованіе сравнительно съ гимназическимъ („это—тоже желаніе, которое побуждаетъ молодыхъ людей, окончившихъ курсъ гимназій, поступать въ университетъ“), съ другой—сознаніе необходимости приготовить себя къ учительской дѣятельности, что

[1]) Дѣла гл. Совѣта 1862 г. Засѣданіе конференціи Васильестровской женской гимназіи.

[2]) *Ив. Рашевскій*. „Педагогическіе курсы при Спб. жен. гимназіяхъ“. („Педагогическій Листокъ Спб. жен. гимн.“, 1875 г., сент.).

обѣщано было новымъ учрежденіемъ въ самомъ его наименованіи... „Не получивъ,—говоритъ онъ, — съ самаго начала опредѣленнаго характера — высшаго учрежденія, имѣющаго цѣлью дать болѣе широкое образованіе слушательницамъ, или педагогическаго заведенія, приготовляющаго учительницъ для женскихъ гимназій, курсы не удовлетворяли и научнымъ стремленіямъ слушательницъ. Двойственность цѣлей курсовъ ставила и преподавателей въ затруднительное положеніе; но несомнѣнно,—говоритъ Рашевскій, — преподаватели курсовъ относились добросовѣстно къ своимъ обязанностямъ".

Всего больше нареканій и подозрѣній вызывало преподаваніе естественныхъ наукъ. Объ этомъ преподаваніи Н. А. Кадьянъ говоритъ въ своей запискѣ: „не могу и высказать, какъ я благодарна нѣкоторымъ изъ нашихъ профессоровъ за ихъ горячее отношеніе къ дѣлу... Профессоръ Брандтъ приходилъ всегда заранѣе, до лекціи, нагруженный разными препаратами, которые желалъ намъ показать, и уходилъ всегда позже положеннаго на лекцію времени; по его предложенію, мы собирались и по праздникамъ... Въ прошломъ году онъ читалъ лекціи и по эмбріологіи и вскрывалъ нѣкоторыхъ животныхъ. Профессоръ Ландцертъ собиралъ насъ иногда въ академіи, чтобы на трупѣ показать то, что̀ раньше онъ показывалъ намъ на рисункахъ (сердце, легкія, мозгъ, горло). У Петрушевскаго лекціи не только постоянно сопровождались опытами, но разъ въ недѣлю мы сами производили ихъ; для этого устроена особо приспособленная къ нимъ комната, и лаборантъ руководилъ нашими занятіями... Много мы пріобрѣтали знаній научныхъ и уже нѣсколько умѣли заниматься серьезно, самостоятельно..." Но лекціи по эмбріологіи продолжались недолго.

Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ нѣсколько женщинъ посѣщали лекціи медицинской академіи и работали въ препаровочной подъ руководствомъ профессоровъ; въ 1862 году медицинскій Совѣтъ, на поставленный ему министерствомъ народнаго просвѣщенія вопросъ: могутъ ли женщины быть допущены къ слушанію медицинскихъ лекцій?—призналъ женщинъ „способными исполнять обязанности врачей" и выразилъ мнѣніе, что онъ „не находитъ никакихъ препятствій къ допущенію женщинъ къ слушанію полнаго медицинскаго курса и къ экзаменамъ на ученую степень" [1]). Въ такомъ смыслѣ высказались и медицинскіе фа-

[1]) Замѣчанія на проектъ общаго устава Императорскихъ россійскихъ университетовъ въ Россіи. 1862. С.-Петербургъ. Ч. 2, XLVIII. „Могутъ ли женщины быть врачами въ Россіи?"

культеты университетовъ. Въ то время всякій образованный педагогъ понималъ, что для женщины, какъ матери и воспитательницы, необходимо знаніе физической и нравственной природы ребенка, что это знаніе обусловливается знакомствомъ съ строеніемъ и постепеннымъ развитіемъ его внутреннихъ и внѣшнихъ органовъ, т.-е. съ физіологіей и психологіей; поэтому, идя навстрѣчу горячему стремленію женщинъ къ такому знанію введеніемъ на педагогическихъ курсахъ научнаго преподаванія этихъ предметовъ, Вышнеградскій руководствовался не желаніемъ угодить модным увлеченіямъ молодежи, а хотѣлъ поставить дѣло правильно [1]). Однако, со второго же года учрежденія педагогическихъ курсовъ ему пришлось убѣдиться, что такое нововведеніе вызываетъ въ нѣкоторой части общества не только вредное и злобное, но прямо опасное для дѣла раздраженіе.

Еще до учрежденія курсовъ, Принцъ, которому присылали изъ цензурнаго комитета на просмотръ направленныя противъ женскихъ гимназій статьи, хотѣлъ не разрѣшать такихъ статей. Вышнеградскій убѣждалъ его не прибѣгать къ этой мѣрѣ, говоря, что написанныя безграмотно и предназначенныя для малораспространенныхъ журналовъ, онѣ пройдутъ незамѣченными; если же будутъ запрещены, то всякій захочетъ ихъ прочесть [2]). Въ одной изъ такихъ статей говорилось, между прочимъ, что среди учителей иностранныхъ языковъ въ женскихъ гимназіяхъ есть каторжники съ клейменными плечами; въ другой — гимназистки обвинялись въ томъ, что онѣ, по сравненію съ ученицами другихъ учебныхъ заведеній, кажутся „болѣе живыми, ловкими, развязными, смѣлѣе въ обращеніи“; у нихъ замѣтна „какая-то колкость во взглядахъ на неучащихся сверстницъ и даже насмѣшка надъ необразованіемъ“, что онѣ „постоянно обложены учебниками и руководствами, все толстыми...“ Подобнаго рода статьи были неопасны; но по поводу преподаванія

---

[1]) Такого взгляда держался и Ушинскій. Въ найденныхъ въ кабинетѣ Вышнеградскаго, послѣ его смерти, и взятыхъ въ архивъ IV отдѣленія его бумагахъ, есть двѣ программы Ушинскаго съ замѣтками на нихъ Вышнеградскаго. Въ одной изъ нихъ, помѣченной 1869 годомъ, 10-го іюля, и озаглавленной: *программа педагогическаго курса для двухъ старшихъ общихъ классовъ женскихъ учебныхъ заведеній*, Ушинскій говорилъ, что прежде, чѣмъ преподавать педагогику, необходимо познакомить учениц съ физіологіей и гигіеной. Находя эту идею вѣрною, Вышнеградскій сдѣлалъ замѣтку, что преподаваніе физіологіи слѣдуетъ поручить отчасти физіологу и отчасти медику, а гигіену—медику.

[2]) Дѣла гл. Сов. 1861—1862 гг. По поводу статьи учителя *Потемкина*: о необходимости гласности отчетовъ о состояніи женскихъ училищъ за всѣ минувшіе учебные годы. („Р. Педаг. Вѣстн.“ 1861, мартъ).

на курсахъ анатоміи и физіологіи явились уже обвиненія въ томъ, что курсы пропагандируютъ нигилизмъ и безнравственность среди слушательницъ. Тогда Вышеградскій счелъ долгомъ уступить; въ 1864 году онъ созвалъ конференцію курсовъ. Подъ его предсѣдательствомъ, въ составѣ: инспектора классовъ Маріинской гимназіи Славянскаго, законоучителя Михайловскаго, преподавателей: Тыртова, Петрушевскаго, Ландцерта, Никольскаго, Брикнера, Степанова, Мѣшкова и Брандта, конференціи былъ предложенъ вопросъ: какія статьи изъ зоологіи и анатоміи человѣка должны быть излагаемы ученицамъ и какія должны быть опускаемы? Конференція пришла къ единогласному рѣшенію: 1) такъ какъ „тщательное охраненіе женской стыдливости составляетъ одно изъ существенныхъ условій надлежащаго женскаго воспитанія“, то статьи о совершающихся въ нѣкоторыхъ органахъ у человѣка и млекопитающихъ процессахъ должны быть всецѣло выпущены изъ курса; 2) образованіе и постепенное развитіе цыпленка, лягушки, рыбы и всѣхъ низшихъ животныхъ, напримѣръ насѣкомыхъ и т. п., можетъ быть излагаемо, ибо у этихъ животныхъ развитіе происходитъ совершенно иначе, нежели у человѣка; но и здѣсь описаніе органовъ и происходящихъ въ нихъ процессовъ должно быть пропускаемо. Вообще постановлено, что изложеніе всѣхъ предметовъ, „независимо отъ научнаго образованія молодыхъ дѣвушекъ, *должно быть тщательно применяемо къ особенностямъ ихъ пола*, и поэтому подробности, могущія оскорбить дѣвическую стыдливость, должны быть внимательно обходимы“ [1]).

По предложенію Принца, былъ исключенъ весь второй пунктъ этого постановленія и лекціи по эмбріологіи прекращены.

Въ октябрѣ 1864 года былъ первый полный выпускъ изъ Маріинской гимназіи; оканчивали курсъ всѣ поступившія въ гимназію при ея основаніи. Выпускъ прошелъ скромно, семейно, безъ всякаго торжества; великая княгиня Александра Петровна раздала лучшимъ ученицамъ медали, а Принцъ напутствовалъ выходящихъ ученицъ рѣчью, въ которой, между прочимъ, сказалъ: „я обращаюсь къ вамъ, юныя питомицы мои, съ дружескимъ совѣтомъ человѣка, искренно желающаго вамъ истиннаго добра: не вдавайтесь въ лжеученія матеріализма и нигилизма! Многія изъ васъ желаютъ посвятить себя святому призванію быть наставницами юношества. Помните важность сего дѣла и страшную отвѣтственность, которую вы на себя принимаете пе-

[1]) Журналъ конференціи педагогическихъ курсовъ 7-го октября 1864 г.

редъ Богомъ, родителями, отечествомъ и собственною вашею совѣстью. Помните слова нашего Спасителя, который сказалъ: „кто соблазнитъ единаго отъ малыхъ сихъ, тому лучше повѣсить себѣ камень на шею и потонуть въ морской глубинѣ“, и еще: „какая польза человѣку, если онъ пріобрѣтетъ весь міръ, а душу свою погубитъ: какими сокровищами онъ искупитъ свою душу“? [1]).

Въ этихъ словахъ слышно отраженіе тѣхъ настроеній русскаго общества, которыя въ первую половину шестидесятыхъ годовъ охватывали и учащуюся молодежь обоего пола. Въ то тревожное время раздававшіяся въ обществѣ обвиненія гимназій, и въ особенности педагогическихъ курсовъ, въ антирелигіозномъ и антиправительственномъ направленіи представлялись крайне опаснымп. Принцъ, въ разосланномъ по гимназіямъ вѣдомства конфиденціальномъ циркулярѣ, указывая на то, что въ „Наставленіи для образованія воспитанницъ“ подробно изложены правила, по которымъ должны преподаваться естественныя науки, говорилъ: „по вслѣдствіе появившихся въ новѣйшее время заграничныхъ сочиненій, въ которыхъ видно ясно стремленіе къ матеріализму, вниманіе всѣхъ начальствующихъ лицъ должно быть обращено на то, чтобы естественныя науки преподавались не иначе, какъ съ всегдашнимъ указаніемъ на Премудрость Божію, какъ на единственный источникъ блага“.

Циркуляромъ отъ 29 декабря 1864 года Принцъ предписывалъ начальствамъ всѣхъ учебныхъ заведеній вѣдомства немедленно удалять отъ должностей тѣхъ учителей, которые будутъ замѣчены въ вредномъ направленіи ихъ преподаванія, а при опредѣленіи новыхъ, „предварительно развѣдывать о ихъ благонамѣренности и образѣ мыслей“. Классныхъ дамамъ и надзирательницамъ было внушено, что если онѣ не будутъ исполнять требуемаго отъ нихъ надзора за преподавателями, то будутъ признаны „соучастницами неблагонамѣренныхъ преподавателей и немедленно удаляемы изъ заведенія съ лишеніемъ права вступленія вновь въ должность классныхъ дамъ“. Въ заключеніе Принцъ совѣтовалъ всѣмъ должностнымъ лицамъ и преподавателямъ, нераздѣляющимъ изложенныхъ въ циркулярѣ убѣжденій, самимъ оставить службу въ учебныхъ заведеніяхъ „и тѣмъ избавить его отъ печальной необходимости преслѣдовать ихъ всей

---

[1]) „Двадцатипятилѣтіе С.-Петербургскихъ женскихъ гимназій вѣд. учр. Имп. Маріи 19 апр. 1858—1883 г.г.“. С.-Пет. 1883 г.

силою предоставленной ему власти, на что, впрочемъ, онъ вполнѣ рѣшился“ [1]).

Въ 1865 году ходили уже слухи о закрытіи педагогическихъ курсовъ, „слушательницы которыхъ вредны для общества“. Тогда изъ программы курсовъ было совсѣмъ исключено преподаваніе физіологіи и анатоміи, замѣненныхъ усиленнымъ преподаваніемъ русской грамматики, географіи и элементарнымъ курсомъ естественныхъ наукъ.

Положеніе Вышнеградскаго становилось день ото дня труднѣе. Хотя нельзя было прямо указать на что-нибудь такое, что въ стѣнахъ гимназіи или на курсахъ прививало бы ученицамъ тѣ качества, въ которыхъ ихъ обвиняли, по небрежное отношеніе нѣкоторыхъ учениць къ своей внѣшности, свобода въ обращеніи, отсутствіе въ немъ того, что привыкли считать „женской скромностью, стыдливостью“, вообще отсутствіе тѣхъ внѣшнихъ формъ, которыя всегда стояли на первомъ планѣ въ воспитаніи дѣвушекъ,—все это ставилось въ вину новымъ заведеніямъ и главнымъ образомъ Вышнеградскому.

О немъ распространяли самыя гнусныя клеветы, доказать и провѣрить которыя было невозможно; въ печати, бо́льшая часть которой относилась къ нему если не прямо враждебно, то несочувственно, о недостаткахъ женскихъ гимназій и курсовъ много писали и учителя, посторонніе этимъ заведеніямъ. Въ ихъ средѣ неминуемо должны были быть лица, считавшія себя обиженными или неудовлетворенными Вышнеградскимъ; вообще онъ, какъ начальникъ учебнаго заведенія, долженъ былъ часто приходить въ столкновеніе съ множествомъ личныхъ интересовъ. Къ этому надо прибавить, что его манера въ шутливой, насмѣшливой формѣ выражать свое мнѣніе о лицахъ и нѣкоторыхъ, устарѣлыхъ по его мнѣнію, мѣрахъ, вводимыхъ въ жизнь новыхъ учрежденій, создавала ему враговъ и въ средѣ административнаго ихъ персонала. Н. А. Кадьянъ упоминаетъ въ своемъ дневникѣ о ходившемъ на педагогическихъ курсахъ разсказѣ о томъ, будто бы по поводу назначенія инспектриссы педагогическихъ курсовъ Вышнеградскій выразился такъ: „она не будетъ имѣть никакого значенія, будетъ только своимъ шлейфомъ подметать корридоръ“. Можетъ быть это была выдумка; тѣмъ не менѣе то, что ему приписывали, возстановляло противъ него ближайшихъ его сотрудницъ.

---

[1]) Историч. записка о моск. училищахъ ордена св. Екатерины и Александровскомъ. Москва. 1875 г.

Какъ-бы то ни было, но всякаго рода клеветы и доносы на гимназіи и курсы, также лично на Вышнеградскаго, стали проникать и въ высшія сферы. Принцъ отражалъ ихъ сколько могъ, и, можетъ быть, по его просьбѣ состоялось въ 1865 году посѣщеніе государемъ Маріинской гимназіи. „Это было большое торжество,—говоритъ Н. А. Кадьянъ,—для Принца и Вышнеградскаго. Еще наканунѣ,—разсказываетъ она,—Принцъ пріѣхалъ на курсы, объявилъ объ ожидающемъ насъ счастьѣ, спрашивалъ наши фамиліи, и гдѣ мы окончили свое образованіе. Институтокъ было немного; онъ сказалъ, чтобы онѣ сѣли на переднія скамейки. Вмѣсто лекціи алгебры была назначена лекція Никольскаго о Шекспирѣ, а второй часъ — Брикнера о Петрѣ Великомъ. Оба отдѣленія курсовъ были собраны вмѣстѣ. На слѣдующій день государь съ Принцемъ и Вышнеградскимъ вошли къ намъ на лекцію. Вышнеградскій былъ ужасно взволнованъ: онъ говорилъ какъ въ лихорадкѣ. Принцъ сказалъ государю, что между слушательницами есть институтки и указалъ, между прочими, на меня. Государь спросилъ мою фамилію, кто мой отецъ, въ какомъ институтѣ я воспитывалась, кончила ли курсъ? Принцъ пояснилъ, что я кончила курсъ въ Павловскомъ институтѣ съ медалью. Тогда государь удивленно спросилъ меня: зачѣмъ же я сюда поступила? Я отвѣтила: для педагогическаго образованія. Пробывъ у насъ недолго, государь посѣтилъ и Маріинскую гимназію. На другой день у насъ былъ благодарственный молебенъ, а впослѣдствіи повѣсили мраморную доску съ соотвѣтственною надписью".

Послѣ покушенія 4-го апрѣля 1866 года Вышнеградскій рѣшился положить конецъ становившемуся невыносимымъ положенію, въ какое онъ былъ поставленъ. 10-го мая 1866 г. онъ просилъ Принца назначить ревизіонную коммиссію для разслѣдованія положенія дѣла въ гимназіяхъ и курсахъ. „Хотя петербургскія женскія гимназіи,—писалъ Вышнеградскій,—посѣщаются болѣе чѣмъ полуторатысячью дѣвицъ, а слѣдовательно, каждый день масса родителей контролируетъ духъ и направленіе гимназическихъ курсовъ, я, въ виду неблагопріятныхъ слуховъ объ этихъ учебныхъ заведеніяхъ, носящихся въ высшемъ кругу и нерѣдко тревожащихъ Ваше Императорское Высочество, долгомъ совѣсти считаю всепокорнѣйше просить Васъ о назначеніи ревизіонной коммиссіи изъ благонадежныхъ и опытныхъ людей, которые тщательно и точно провѣрили бы характеръ образованія, получаемаго молодыми дѣвушками какъ въ гимназіяхъ, такъ и въ педагогическихъ курсахъ".

Три дня спустя, 13-го мая, послѣдовалъ Высочайшій рескриптъ на имя предсѣдателя комитета министровъ, князя Гагарина, о воспитаніи юношества, неприкосновенности права собственности и „о мѣрахъ противъ пагубныхъ ученій, развившихся въ общественной средѣ и стремящихся поколебать въ ней самыя коренныя основы вѣры, нравственности и общественнаго порядка“. Препровождая копію съ рескрипта во всѣ учебныя заведенія вѣдомства, Принцъ предписывалъ мѣстнымъ начальствамъ:

1. Для поддержанія власти и уваженія къ закону, строго преслѣдовать въ подчиненныхъ всякое, такимъ или инымъ образомъ проявляющееся, порицаніе дѣйствій и распоряженій Правительства, равно лицъ отъ него облеченныхъ властію и довѣріемъ. Но какъ понятія о законности усвоиваются и развиваются не столько внушеніями, сколько примѣромъ со стороны старшихъ, то начальствующіе должны служить образцомъ для своихъ сотрудниковъ чрезъ безпристрастное примѣненіе закона, въ данномъ случаѣ, ко всѣмъ безъ различія.

2. Для охраненія коренныхъ основъ вѣры, нравственности, общественнаго порядка и правъ собственности, надлежитъ имѣть постоянно въ виду: а) чтобы всѣ служащіе неуклонно исполняли обязанности, налагаемыя религіею на каждаго христіанина, ибо неисполненіе этихъ обязанностей мало-по-малу влечетъ за собою: равнодушіе къ вѣрѣ, неуваженіе къ Св. Таинствамъ, дерзкія попытки къ критической оцѣнкѣ Божественнаго ученія по образцамъ лжемудрствователей, каковы: Штраусъ, Ренанъ и другіе, и наконецъ совершенную потерю сознанія, что все въ мірѣ создано и живетъ волею Всемогущаго Бога; б) чтобы лица, коимъ ввѣряется образованіе юношества и призрѣніе старости, являли, какъ въ частной, такъ и въ общественной жизни, примѣры безупречной чистоты нравовъ, столь необходимой для внушенія уваженія къ себѣ и къ власти, ихъ поставившей, и в) чтобы проявленіе цинизма въ словѣ и дѣлѣ, пренебреженіе къ правамъ собственности, личнымъ и семейнымъ, привычки ко лжи и наклонность къ любостяжанію отнюдь не были терпимы въ средѣ служащихъ.

3. Для воспитанія молодого поколѣнія въ духѣ религіозныхъ и вѣроподданническихъ обязанностей прежде всего необходимо требовать, чтобы лица, поставляемыя ближайшими руководителями учащагося юношества, сами были искренно и глубоко проникнуты этими священными обязанностями, равно святостію дѣла, на нихъ возлагаемаго. Вѣруя сами, они легко и незамѣтно при-

ведутъ своихъ питомцевъ и питомицъ къ сознанію, что религія есть единственный путь ко всему доброму, и что вѣрный подданный своего Государя есть природный стражъ постановленій и порядковъ, указанныхъ Верховною властью ко благу всѣхъ и каждаго. Люди иныхъ убѣжденій не должны быть терпимы на службѣ въ учебныхъ заведеніяхъ. Затѣмъ цѣль, характеръ и направленіе преподаванія должны быть строго соображаемы съ существующими положеніями и программами, а также съ начертаннымъ Его Высочествомъ и Высочайше утвержденнымъ 24 февраля 1852 года Наставленіемъ для образованія воспитанницъ женскихъ учебныхъ заведеній. Вообще же въ борьбѣ противъ наплыва матеріалистическихъ идей и противъ враждебнаго ученія людей неблагонамѣренныхъ, слѣдуетъ неуклонно руководствоваться циркулярными предписаніями Его Высочества отъ 3 апрѣля и 29 декабря 1864 г. (за №№ 1.792 и 6.107).

Въ заключеніе Его Высочество требуетъ отъ всѣхъ своихъ сослуживцевъ, начиная съ начальствующихъ и до послѣдняго подчиненнаго, чтобы они, предъ лицомъ собственной совѣсти, провѣрили свои религіозныя и нравственныя убѣжденія по тѣмъ кореннымъ началамъ, которыя указаны Самимъ Государемъ Императоромъ въ рескриптѣ 13 мая и безъ которыхъ немыслимо правильное развитіе государственной и общественной жизни. Если, послѣ такой провѣрки, нѣкоторые изъ нихъ увидятъ, что они идутъ по ложному пути, то пусть они или отрекутся отъ своихъ заблужденій, или сами оставятъ службу, ибо въ противномъ случаѣ они будутъ исключены. Начальствующія же лица, терпящія на службѣ людей неблагонамѣренныхъ, будутъ подвергаемы отвѣтственности за бездѣйствіе власти; при чемъ въ оставленіи неблагонадежныхъ въ должностяхъ Его Высочество не приметъ въ оправданіе ни прежнихъ ихъ заслугъ, ни способностей къ порученному имъ дѣлу, ибо умъ, несогрѣтый вѣрою и неозаренный свѣтомъ христіанской нравственности ведетъ исключительно къ заблужденіямъ, отравляющимъ будущія поколѣнія.

Прося о назначеніи коммиссіи, Вышнеградскій, повидимому, питалъ надежду, что Принцъ не прибѣгнетъ къ этой мѣрѣ, ибо „назначеніе ревизіонной коммиссіи,—писалъ онъ позже,—фактически показало публикѣ, что и правительство питаетъ недовѣріе къ симъ заведеніямъ (гимназіямъ и педагогическимъ курсамъ)“ [1]). Но императрица, по докладу Принца, согласилась съ нимъ и велѣла просить графа Д. А. Толстого, какъ оберъ-прокурора

[1]) Письмо Вышнеградскаго къ Чистякову, 13 окт. 1866 г.

Св. Синода, и министра народнаго просвѣщенія назначить, каждый съ своей стороны, въ коммиссію нѣсколько „вполнѣ благонадежныхъ и опытныхъ лицъ, духовныхъ и свѣтскихъ, по собственному выбору и усмотрѣнію". Въ маѣ же 1866 года эти лица были назначены: со стороны духовнаго вѣдомства—священникъ Симеоновской церкви Барсовъ и экстраординарный профессоръ петербургской духовной академіи Осининъ; отъ министерства народнаго просвѣщенія — директоръ 3-й петербургской гимназіи Лемоніусъ; отъ вѣдомства Императрицы Маріи— предсѣдатель учебнаго комитета и инспекторъ классовъ Николаевскаго сиротскаго института Чистяковъ, назначенный предсѣдателемъ ревизіонной коммиссіи, и членами: чиновникъ особыхъ порученій при Принцѣ Тибо-де-Бриньоль и инспекторъ классовъ Воспитательнаго Общества Тимофѣевъ.

Назначеніе Барсова въ ревизіонную коммиссію поразило всѣхъ и въ особенности Вышнеградскаго и его друзей, знавшихъ о непріязненныхъ отношеніяхъ Барсова къ Вышнеградскому. Барсовъ былъ законоучителемъ Маріинской гимназіи съ самаго ея основанія, по избранію бывшаго тогда управляющимъ дѣлами главнаго Совѣта. Не получивъ ни одной награды въ теченіе семи съ половиною лѣтъ, онъ подалъ въ отставку и былъ уволенъ Вышнеградскимъ въ августѣ 1865 года, т.-е. за нѣсколько мѣсяцевъ до назначенія ревизіи. Причину обнаружившихся съ самаго начала несогласій съ Барсовымъ Вышнеградскій объяснилъ въ коммиссіи тѣмъ, что, недовольный „фанатизмомъ и формализмомъ въ дѣлѣ религіи" Барсова, онъ, Вышнеградскій, указывалъ ему на недостатки въ его преподаваніи закона Божія, на то, что онъ требуетъ отъ учениць заучиванія наизустъ молитвъ, пространнаго катехизиса и церковной исторіи, а Евангелія ученицамъ не читаетъ и не объясняетъ, и къ тому же „обходится съ дѣтьми бранчиво и сурово". Этимъ Вышнеградскій нажилъ себѣ въ Барсовѣ ожесточеннаго врага, что всѣмъ стоявшимъ близко къ дѣлу было извѣстно [1]).

Служащимъ въ гимназіи и на курсахъ, также ученицамъ и слушательницамъ, было предписано Принцемъ не разъѣзжаться до 15-го іюня, т.-е. до каникулъ. Ревизіонная коммиссія потребовала отъ Вышнеградскаго представленія списка всѣхъ употреблявшихся въ гимназіяхъ и на курсахъ учебныхъ руководствъ и книгъ для чтенія. Эти списки должны были представляться за подписью Вышнеградскаго, главной надзирательницы и инспек-

[1]) Объясненіе Вышнеградскаго ревизіонной коммиссіи (Дѣла гл. Сов.).

тора классовъ, которые „удостовѣрили бы, подъ личною своею отвѣтственностью, что, кромѣ показанныхъ въ спискѣ, другихъ книгъ въ гимназіяхъ не употреблялось". Вышнеградскій, инспекторъ классовъ, главная надзирательница и преподаватели, каждый по принадлежности, должны были скрѣпить своею подписью и списокъ выученныхъ ученицами стихотвореній и заданныхъ для сочиненій темъ, „свидѣтельствующій, что, кромѣ этихъ, другихъ стихотвореній ученицы не выучивали и другихъ темъ имъ не задавали".

26-го мая Вышнеградскій доложилъ Принцу, что онъ передалъ служащимъ и учащимся его предписаніе не разъѣзжаться до 15-го іюня, но что гимназіи пустѣютъ, ибо родители переѣзжаютъ за городъ, и онъ опасается, что въ концѣ уже мая не съ кѣмъ будетъ заниматься, „тѣмъ болѣе, что въ мужскихъ гимназіяхъ и во всѣхъ прочихъ заведеніяхъ занятія кончаются 28-го мая".

Первое засѣданіе коммиссіи было назначено на 30-е мая. Въ виду того, что ученицы и слушательницы тогда уже разъѣхались, коммиссія, въ засѣданіи которой присутствовалъ и Вышнеградскій, просила его доставить ей классныя замѣтки и сочиненія ученицъ всѣхъ гимназій, чтобы въ теченіе лѣта члены коммиссіи „могли вывести хоть какія-нибудь заключенія изъ этого матеріала какъ о духѣ и направленіи преподаванія, такъ и объ образѣ мыслей ученицъ" [1]). Вышнеградскій замѣтилъ, что обращаться къ родителямъ и родственникамъ ученицъ за ихъ тетрадями въ настоящее тревожное время было бы опасно. „Такая мѣра, — сказалъ Вышнеградскій, — вмѣсто ожидаемой пользы, можетъ послужить ко вреду, ибо неминуемо лишитъ гимназіи многихъ ученицъ. Ужъ и теперь, отъ одного извѣстія объ учрежденіи ревизіонной коммиссіи, до пятидесяти ученицъ совсѣмъ оставили гимназію". Тогда коммиссія постановила, распредѣливъ представленныя Вышнеградскимъ программы, темы, сочиненія и проч. по предметамъ, отдать ихъ на разсмотрѣніе отдѣльнымъ членамъ коммиссіи.

На слѣдующія два засѣданія, бывшія лѣтомъ, Вышнеградскій уже не былъ приглашенъ. Въ этихъ засѣданіяхъ были прочтены записки Осинина и Барсова. Осининъ ставилъ въ вину Вышнеградскому то, что онъ прекратилъ учебныя занятія въ гимназіяхъ двумя недѣлями ранѣе положеннаго по закону срока, „именно когда собралась ревизіонная коммиссія". По мнѣнію

[1]) Журналъ ревиз. ком. 30-го мая 1866 г.

Осинина, очевидно, что начальство гимназій, сильно заинтересованное въ благопріятномъ для него исходѣ предполагаемыхъ розысканій, имѣетъ теперь возможность предлагать на разсмотрѣніе коммиссіи лишь то, что ему будетъ угодно подвергнуть разсмотрѣнію, и коммиссія находится въ полной зависимости отъ гимназическаго начальства... Ревизія осенью будетъ далеко не то, что теперь, при неожиданномъ и немедленномъ разборѣ дѣла" [1]).

Барсовъ доложилъ коммиссіи, что 1-го іюня онъ былъ на экзаменѣ въ Коломенской гимназіи. Онъ сказалъ, что двадцатый годъ служитъ приходскимъ священникомъ, а не видѣлъ того, что увидѣлъ въ гимназіи. При его входѣ въ классъ ученицы, „хотя и обратили взглядъ на него, но не привстали для привѣтствія священника, имѣвшаго на груди своей изображеніе распятія Христа Спасителя. На это не обратили вниманія ни вошедшій вмѣстѣ съ нимъ начальникъ гимназіи, ни главная надзирательница... Это,—говорилъ Барсовъ, очевидно, обычай, но только по отношенію къ духовнымъ лицамъ, ибо когда вошелъ Тибо-де-Бриньоль, ученицы встали". Отвѣты ихъ по закону Божію Барсовъ нашелъ неудовлетворительными. Этотъ предметъ и преподается не по нормальной табели, ибо тамъ сказано, что Евангельская исторія должна преподаваться по тексту Евангелія. „А по французскому языку,—писалъ Барсовъ,—ученицы бойко декламировали французскіе стихи". Изъ этого онъ сдѣлалъ выводъ, что „наставники и ученицы употребляютъ больше вниманія и труда на заучиваніе французскихъ стиховъ, нежели на изученіе нагорной бесѣды Христа Спасителя и заповѣдей о блаженствахъ". И отвѣчали ученицы изъ закона Божія дурно потому, говорилъ Барсовъ,—что озабочены онѣ не столько экзаменомъ изъ закона Божія, какъ по другимъ предметамъ, а „стало быть, законъ Божій, которому въ учебной табели отведено почетное, первое мѣсто, на самомъ дѣлѣ оказывается ниже такого предмета, какъ французскій языкъ".

Осенью, по требованію ревизіонной коммиссіи, ей были представлены курсы всѣхъ преподавателей съ обозначеніемъ употребляемыхъ ими учебныхъ руководствъ и пособій, списки учителей и учительницъ, литографированныя записки лекцій, списки темъ и стихотвореній, задаваемыхъ ученицамъ. Вышеградскій представилъ свои лекціи на педагогическомъ курсѣ въ редакціи ученицъ курса, исправленной имъ, а также подробные конспекты

[1]) Журналъ 6-го іюня 1866 г.

своихъ лекцій, читанныхъ въ главномъ педагогическомъ институтѣ, „которыя выражаютъ его педагогическія воззрѣнія“ и которыхъ онъ даже не переписалъ, „чтобы не было сомнѣній“.

Еще до открытія засѣданій ревизіонной коммиссіи онъ представилъ Принцу докладъ, въ которомъ говорилъ, что спеціальныя лекціи физики, химіи, анатоміи, ботаники и зоологіи упразднены и замѣнены „изложеніемъ физической и математической географіи и практической гигіены“.

Предсѣдателю коммиссіи, Чистякову, Вышнеградскій писалъ 13 октября, что чувствуетъ себя глубоко оскорбленнымъ нареканіями въ извѣстной части петербургскаго общества на гимназіи вообще и, въ особенности, на Маріинскую гимназію, что назначеніе ревизіонной коммиссіи фактически показало публикѣ, что и правительство питаетъ недовѣріе къ гимназіямъ. „Не безъ основанія,—писалъ Вышнеградскій, посились слухи о моемъ удаленіи отъ мѣста по желанію высшей власти. При такихъ обстоятельствахъ отцамъ и матерямъ естественно было бы встревожиться, но въ теченіе августа и сентября въ Маріинскую гимназію поступило 126 новыхъ ученицъ (75 дочерей дворянъ и чиновниковъ, въ томъ числѣ двѣ генеральскія дочки, 2 — дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ, 46 купцовъ, мѣщанъ, и ремесленниковъ, 5—духовнаго званія)“. Прилагая списокъ ихъ, Вышнеградскій говорилъ, что, „быть можетъ, и этотъ фактъ признанъ будетъ заслуживающимъ вниманія ревизіонной коммиссіи“.

Въ засѣданіяхъ коммиссіи 31 октября и 6 ноября были доложены свѣдѣнія, собранныя отдѣльными ея членами, наблюдавшими непосредственно въ гимназіяхъ за порученными имъ частями.

Предсѣдатель коммиссіи Чистяковъ удостовѣрилъ, что писанные уроки ученицъ, стихотворенія, черновыя замѣтки по русскому языку, французской словесности, географіи, естествовѣдѣнію, математикѣ „очевидно представлены въ томъ видѣ, въ какомъ составлялись“ и въ нихъ нѣтъ ничего, что было бы противно строгимъ требованіямъ нравственнаго воспитанія. Онъ присутствовалъ на экзаменѣ въ Маріинской гимназіи изъ церковнаго и свѣтскаго пѣнія, и вынесъ высокое впечатлѣніе. Церковное пѣніе исполнялось, по его словамъ, ученицами „съ должнымъ вниманіемъ и сочувствіемъ“, а урокъ закона Божія въ Вознесенской гимназіи „былъ истинно одушевленной проповѣдью... На лицахъ ученицъ выражалось полное и живое сочувствіе, онѣ слушали въ глубокомъ молчаніи“. Свѣтскія пѣсни были выбраны

„съ большимъ тактомъ“. Чистяковъ былъ и на экзаменѣ химіи, на урокахъ физики, русскаго языка, русской словесности, русской исторіи и педагогики. По его словамъ, преподаваніе химіи постоянно примѣнялось къ практической жизни и хозяйству; „но матеріальнаго направленія ни въ чемъ не видно и слѣда“. Изъ уроковъ физики вытекало „убѣжденіе, что все управляется неизмѣнными законами, а это,—прибавляетъ онъ,—весьма важно въ нравственномъ отношеніи“. На урокахъ русскаго языка, словесности русской и французской, всѣ задававшіяся ученицамъ стихотворенія Чистяковъ нашелъ „или, по содержанію, нравственными, или такъ эстетично обработанными, что они могутъ смягчать, согрѣвать душу и сообщать ей нравственное движеніе“. Онъ не могъ бы указать въ отвѣтахъ ученицъ „ни одного стиха, или слова, которое могло бы огрубить дѣвическое чувство, ни одного стиха желчнаго, ипохондрическаго, смущающаго душу одностороннимъ, мрачнымъ воззрѣніемъ на жизнь“. Чистяковъ удостовѣрилъ, что и въ отвѣтахъ ученицъ по педагогикѣ не проскользнуло ничего, что могло бы бросить тѣнь подозрѣнія въ матеріализмѣ и скептицизмѣ... Непринужденность, вопросы и даже возраженія, которыя дѣлали ученицы, показывали, что онѣ не стѣснялись моимъ присутствіемъ“,—говорилъ онъ. И въ изложеніи предмета преподавателемъ онъ не нашелъ ничего, что̀ могло бы, „даже въ видѣ предположенія, заронить хотя тѣнь идеи о матеріализмѣ“. Уроки естественной исторіи, по его свидѣтельству, преподавались „съ спокойствіемъ, въ предѣлахъ нравственности и приличія“. Общее господствующее направленіе образованія въ женскихъ гимназіяхъ Чистяковъ призналъ вполнѣ нравственнымъ.

Тибо-де-Бриньоль въ пространной запискѣ изложилъ исторію всего дѣла, какъ она ему представлялась. По его мнѣнію, неблагопріятные слухи, „особенно въ кругахъ, не всегда сознающихъ необходимость основательнаго и высокаго образованія для дочерей средняго сословія“, относятся къ педагогическимъ классамъ, „можетъ быть потому, что они всего менѣе занимались педагогикою“. Важнѣйшимъ основаніемъ этихъ слуховъ, говорилъ Тибо,—послужило то, что въ этихъ классахъ предпочтеніе отдавалось естественнымъ наукамъ передъ всѣми другими. „Дѣвицы мечтали даже, и не безъ основательныхъ поводовъ, о званіи магистра, напримѣръ, анатоміи“. Это совпало съ общимъ увлеченіемъ нашей литературы и общества. „Мы въ нихъ (естественныхъ наукахъ),—писалъ Тибо-де-Бриньоль—далеко отстали отъ прочихъ народовъ Европы, а естественныя науки сдѣлались

необходимыми во всѣхъ отношеніяхъ жизни. Поэтому понятно увлеченіе, соотвѣтствующее важности столь чувствительнаго пробѣла въ нашемъ образованіи. Гимназіи не чужды такого направленія, которое, какъ всякое новое, хотя и вполнѣ полезное, имѣло свои заблужденія и крайности. Къ этому присоединился вопросъ о равноправности и нравственномъ значеніи женщины, поднятый во всей Европѣ, также не безъ крайнихъ увлеченій". Но не все общество, говорилъ Тибо-де-Бриньоль, — увлекалось этими научными и соціальными идеями; многіе относились къ нимъ съ недовѣріемъ, явилась реакція, и женскія гимназіи, какъ и многія учебныя заведенія, находясь между обѣими крайними сторонами, сдѣлались предметомъ самыхъ противорѣчивыхъ толковъ и опасеній. Послѣ первыхъ трехъ семестровъ существованія педагогическаго класса, начальство гимназіи сдѣлало уступку общественному мнѣнію: исключительное преобладаніе физико-естественныхъ наукъ, въ ущербъ педагогическаго назначенія класса, было устранено образованіемъ двухъ единовременныхъ курсовъ: филологическаго и естествоиспытательнаго, обязательныхъ для всѣхъ ученицъ. Но курсъ естественныхъ наукъ продолжалъ тревожить публику, а за нею и самое правительство. Ревизіонная коммиссія уже не застала главнаго предмета пареканій. Самъ Тибо-де-Бриньоль присутствовалъ на экзаменахъ анатоміи (профессора Лаидцерта) и химіи (Петрушевскаго) и вынесъ отличное впечатлѣніе. „Дѣвицы отвѣчали такъ отчетливо, опредѣленно, сознательно, какъ это рѣдко бываетъ на экзаменѣ въ университетахъ. Видно, что онѣ занимались этими предметами съ любовью и увлеченіемъ. А такое серьезное занятіе наукою не можетъ,—прибавляетъ Тибо-де-Бриньоль,—не облагораживать каждаго". Онѣ, по словамъ Тибо-де-Бриньоль, намѣревались примѣнить свои знанія какъ наставницы и осенью уже были преподавательницами въ низшихъ и среднихъ классахъ гимназій, „исполняя съ отличнымъ знаніемъ свое дѣло". Тѣмъ не менѣе Тибо-де-Бриньоль не признавалъ полезнымъ такое подробное изученіе естественныхъ наукъ дѣвицами.

Въ гимназіи онъ являлся въ теченіе нѣсколькихъ недѣль неожиданно и онѣ производили на него самое пріятное впечатлѣніе. Какъ манеры, такъ и обращеніе ученицъ, очевидно, были результатомъ не вмѣненной имъ роли, а направленія, укоренившагося въ гимназіяхъ. Въ содержаніи уроковъ Тибо-де-Бриньоль не нашелъ ничего предосудительнаго.

По отзыву Лемоніуса, и служащіе, и дѣти въ гимназіяхъ очень вѣжливы, вообще внѣшняя обстановка произвела на

него отрадное впечатлѣніе и заставляетъ признать административный талантъ „устроителя гимназій“. Но такъ какъ ревизія началась черезъ четыре мѣсяца послѣ заявленія объ ея необходимости, то, по мнѣнію Лемоніуса, нельзя судить о томъ, что было. Тетради и записки ученицъ, при обсуживаніи духа образованія, не имѣютъ вѣрнаго авторитета. „Нравственное начало,—писалъ онъ,—которое мы называемъ духомъ образованія, имѣетъ свой источникъ въ духовной жизни лицъ, занимающихся воспитаніемъ, а такъ какъ эта жизнь обусловливается религіозно-нравственными идеями, проникающими духовное существованіе человѣка, то для опредѣленія духа образованія въ петербургскихъ женскихъ гимназіяхъ слѣдуетъ узнать, какими религіозно-нравственными идеями руководствуются всѣ, подвизающіеся на этомъ поприщѣ“. Признавая такую провѣрку дѣломъ невозможнымъ, онъ не считаетъ себя въ правѣ дать положительный отзывъ о духѣ образованія въ женскихъ гимназіяхъ. По его мнѣнію, желательно, чтобы инспекторами этихъ гимназій были люди женатые и семейные, ибо „тогда они поймутъ высокое значеніе женщины въ организмѣ человѣчества“. Также слѣдуетъ обязать подробною программою преподавателя естественныхъ наукъ разсматривать природу какъ созданіе живого Бога, а органы человѣческаго тѣла какъ бренныя орудія безсмертной души, не относя заявленія такихъ убѣжденій къ оффиціальнымъ обязанностямъ одного только законоучителя. Физіологія, писалъ Лемоніусъ, — совершенно неумѣстна въ женскомъ воспитаніи, какъ отдѣльный предметъ. Преподавая ее, слѣдуетъ брать въ соображеніе дѣвственность чувствъ ученицъ, равно и при составленіи коллекцій физіологическихъ моделей. Педагогическіе курсы Лемоніусъ находитъ лишними: или гимназіи не даютъ достаточно знаній для полученія свидѣтельства гувернантки, или, если даютъ, то педагогическихъ курсовъ не надо, а два диплома не нужны.

Сказавъ, что естественный факультетъ на курсахъ былъ закрытъ передъ началомъ ревизіи, Лемоніусъ говоритъ: „этотъ факультетъ эфемернымъ своимъ существованіемъ могъ быть обязанъ или желанію угодить болѣзненному настроенію времени, или совершенно превратному понятію о назначеніи и природѣ женщины. Неизвѣстно какими идеями руководствовался факультетъ, но внезапное его закрытіе заставляетъ предполагать, что въ немъ было что-то неладно и что слухи и толки, направленные противъ него, не были безъ всякаго основанія“. Записки по исторіи, по нѣмецкой литературѣ, составленныя, какъ ему

кажется, по читаннымъ въ бывшихъ педагогическихъ курсахъ лекціямъ, могутъ, по его мнѣнію, служить доказательствомъ, что „по крайней мѣрѣ этотъ предметъ не былъ преподаваемъ съ такою цѣлью, которая преимущественно должна быть предполагаема въ разсадникѣ воспитательницъ и гувернантокъ". Цѣль эта — развитіе и усовершенствованіе религіозно-нравственныхъ идей посредствомъ приложенія ихъ къ излагаемому предмету, а въ исторіи литературы—къ эстетической оцѣнкѣ литературныхъ памятниковъ. „Такой руководящей идеи,—писалъ Лемоніусъ,—въ запискахъ я не нашелъ, не зная отнести ли это къ индивидуальному настроенію составительницы или къ духу самыхъ лекцій". Во всякомъ случаѣ, по его мнѣнію, въ педагогическихъ курсахъ, въ нынѣшнемъ ихъ видѣ, слишкомъ преобладаетъ научная форма въ выборѣ предметовъ преподаванія, и характеръ университета, присвоенный этимъ курсамъ, не способствуетъ къ полному развитію женской индивидуальности, предназначенной, по словамъ § 8 Правилъ, для женскихъ гимназій, къ „добросовѣстному исполненію тихихъ семейныхъ обязанностей".

Осининъ, перечисливъ хорошихъ учителей и учительницъ въ гимназіяхъ, прибавляетъ: „и самъ начальникъ гимназій, обладая рѣдкими педагогическими способностями, весьма удовлетворительно ведетъ преподаваніе русскаго языка въ такъ называемыхъ ланкастерскихъ классахъ Маріинской гимназіи". Изъ своихъ наблюденій по учебной части гимназій онъ выпесъ самое отрадное впечатлѣніе. То же впечатлѣніе произвели на него и ученицы, ихъ „бодрый, свѣжій видъ; онѣ вѣжливы,—писалъ Осининъ,—непринужденны, бойко отвѣчаютъ, но почтительны". Только въ Маріинской гимназіи онъ замѣтилъ „распущенность въ старшихъ классахъ, неумѣстную слабость дисциплинарныхъ мѣръ", а въ преподаваніи—„одностороннее преобладаніе естественныхъ наукъ". Преподаваніе исторіи также не удовлетворило его. Вмѣсто сухой номенклатуры, уроки исторіи, писалъ Осининъ, должны раскрывать внутреннее движеніе идей, стремленій, „которое постоянно можетъ подать поводъ дѣйствовать на женское чувство, осмыслить стремленія человѣческой воли и показать перстъ Божій въ общемъ теченіи историческихъ явленій". Гимназическое обученіе, вообще дѣйствуя на память и разсудокъ, по его мнѣнію, теперь слишкомъ мало направлено къ облагораживанію сердца и къ пробужденію нравственно-религіознаго настроенія. Онъ нашелъ также, что на изученіе иностранныхъ языковъ тратится слишкомъ много времени; такъ какъ большинство ученицъ гимназій принадлежитъ къ среднему классу, то онѣ только на-

прасно теряютъ время и для нихъ было бы довольно знанія одного языка.

Въ своей запискѣ Барсовъ указалъ на то, что ученицы „стоятъ спокойно, когда молятся за Царствующій домъ“, что учителя „не подходятъ къ священнику подъ благословеніе, а жмутъ ему руку. Ужъ лучше поклонъ“, прибавляетъ Барсовъ. Вообще, по его мнѣнію, священникъ поставленъ не авторитетно. Изъ журналовъ библіотеки онъ увидѣлъ, что ученицы не берутъ религіозно-нравственныхъ и духовныхъ книгъ, „а такія, которыя лучше бы имъ не брать: Тургенева, Пушкина“. Въ этихъ сочиненіяхъ „не мало эротическихъ картинъ, раздражающихъ инстинктъ чувственности“. Онъ не подмѣтилъ религіознаго характера преподаванія ни въ запискахъ ученицъ и литографированныхъ урокахъ по естествовѣдѣнію, ни на устныхъ урокахъ русской и всемірной исторіи, географіи и русской словесности. Напримѣръ, на заданный на экзаменѣ вопросъ: почему тридцатилѣтняя война называется религіозною? ученица отвѣчала: „ибо религія была причиною войны“. „Это, — говоритъ Барсовъ,— бросаетъ невыгодную тѣнь на религію“. При разсказѣ о Рогнѣдѣ, ученица упомянула о равноправности мужчинъ и женщинъ, на что, по признанію Барсова, онъ самъ ее навелъ. Въ введеніи къ анатоміи профессора Ландцерта не сказано о Богѣ. Говоря что отвѣсное положеніе тѣла даетъ человѣку много преимуществъ передъ животными, учитель объясняетъ: „глаза устремляются въ одну сторону и могутъ обозрѣвать предметъ лучше, чѣмъ глаза животныхъ, направленные въ разныя стороны; зрѣніе человѣка имѣетъ большій кругозоръ чѣмъ зрѣніе животныхъ; человѣкъ можетъ видѣть дальше...“ „И только? -замѣчаетъ Барсовъ. Какъ-бы не сказать, что человѣкъ можетъ поднимать свой взоръ въ высоту, что зрѣнію его открыто небо!“ Зачѣмъ, спрашиваетъ онъ, при преподаваніи ботаники упоминаются „явнобрачныя, тайнобрачныя, двуполыя, однополыя, раздѣльнополыя? Цвѣты съ пестиками называются женскими, съ тычинками— мужскими? Лучше оставить совсѣмъ физіологію растеній и ограничиться одной классификаціею“.

Уроки словесности, а также и по другимъ предметамъ, не обнаруживаютъ, по словамъ Барсова, ни въ учащихъ, ни въ ученицахъ, характера христіанскихъ воззрѣній, убѣжденій и чувствованій. И въ рисункахъ ученицъ, за исключеніемъ одного— святой Женевьевы, нѣтъ христіанскаго направленія. Въ заключеніе онъ говоритъ, что религіозное вліяніе законоучителя не поддерживается другими наставниками и въ этомъ винитъ § 4

Правилъ о внутреннемъ порядкѣ, по которому управляетъ заведеніемъ по всѣмъ частямъ, подъ непосредственнымъ руководствомъ и наблюденіемъ попечителя училища, начальникъ его, отвѣчающій за все, что̀ въ немъ происходитъ, а также § 32 тѣхъ же Правилъ, предоставляющій начальнику выборъ наставниковъ.

Отзывъ Тимофѣева совпадалъ съ отзывами Чистякова и Тибоде-Брипьоля. Поэтому въ журналѣ коммиссіи 31 октября были резюмированы всѣ отзывы членовъ такъ: большинство коммиссіи согласно въ томъ, что 1) общее впечатлѣніе, производимое гимназіями, весьма отрадно: одежда, манеры, обращеніе учениць съ учителями и между собою, тонъ и интонація рѣчи—на всемъ лежитъ отпечатокъ благородства, деликатности, нравственнаго приличія и стыдливости. Конечно, это надо приписать преимущественно вліянію семьи, но и школѣ... Прямые, откровенные, иногда простодушные отвѣты ученицъ убѣждаютъ въ чистотѣ ихъ нравственныхъ понятій. Въ преподаваніи предметовъ изъ естествовѣдѣнія, педагогики, всеобщей и русской исторіи, „иногда въ значительно обширномъ развитіи“, не проскользнуло ничего, что̀ было бы противно религіи и разрушительно для основъ семейной и общественной жизни. Дисциплина найдена также удовлетворительною. Только по отзывамъ Барсова и Осипина, въ Маріинской гимназіи, въ старшихъ ея классахъ, замѣтна нѣкоторая распущенность и неумѣстная слабость дисциплинарныхъ мѣръ. 2) Преподаватели и всѣ служащіе должны имѣть благотворное вліяніе на духъ заведеній. 3) Уроки закона Божія излагаются просто, общедоступно, примѣнительно къ практической жизни. 4) Лекціи по другимъ предметамъ не подаютъ поводовъ къ неодобрительному отзыву и не заключаютъ ничего вреднаго для нравственности. Только въ лекціяхъ зоологіи въ педагогическихъ классахъ есть нѣкоторыя объясненія, оскорбляющія дѣвическую стыдливость, какъ это видно изъ отзыва Барсова. 5) Стихотворенія — или прямо нравственнаго содержанія, или художественны, смягчаютъ и возвышаютъ душу. 6) Темы и сочиненія по свойству предмета, по воззрѣнію на нихъ и по характеру изложенія, не показываютъ, чтобы въ мысляхъ учениць было безпорядочное, раздражительное броженіе.

На педагогическихъ курсахъ, въ преподаваніи по прежней программѣ, куда входили анатомія и физіологія, не найдено ничего предосудительнаго.

Поэтому большинство коммиссіи (предсѣдатель, Тибо и Тимофѣевъ), не считая своихъ наблюденій вполнѣ достаточными и

непогрѣшимыми, въ то же время не считаютъ себя въ правѣ дѣлать какія-либо предположенія и ограничиваются положительнымъ выводомъ, что ими не открыто въ женскихъ гимназіяхъ ничего вреднаго; напротивъ, найдено много хорошихъ сторонъ въ умственномъ, нравственномъ и эстетическомъ развитіи юношества.

Лемоніусъ и Осининъ высказали, что хотя нѣтъ никакихъ юридическихъ доказательствъ, чтобы въ женскихъ гимназіяхъ господствовало направленіе, не соотвѣтствующее здравому развитію ума и сердца ученицъ, но и нѣтъ никакой возможности дать положительный отзывъ, что въ жизни гимназій не было и нѣтъ никакихъ явленій, не оправдываемыхъ принципами христіанской педагогики.

Отзывъ Барсова резюмированъ такъ: религіозный элементъ въ гимназическомъ образованіи проводится весьма слабо; преобладающій характеръ гимназическаго воспитанія не христіанско-православный, а гуманическій, общечеловѣческій.

Въ засѣданіи 6 ноября коммиссія выслушала показанія главныхъ надзирательницъ гимназій. На поставленный имъ коммиссіею вопросъ: присутствуютъ ли онѣ на урокахъ преподавателей?, одна отвѣтила, что не присутствуетъ, потому что при вступленіи ея въ должность, начальникъ положительно объявилъ ей, что входить въ классъ во время преподаванія къ ея обязанностямъ не относится. Она прибавила, что начальникъ поручилъ ей преподаваніе нѣсколькихъ уроковъ даромъ, сказавъ, что безвозмездное преподаваніе для нея обязательно, и по новому закону будетъ такъ для всѣхъ надзирательницъ. Другія отвѣчали, что на урокахъ присутствуютъ, и всѣ главныя надзирательницы заявили, что на урокахъ ничего вреднаго не замѣчали. На вопросъ: по своему оффиціальному положенію имѣютъ ли онѣ силу противодѣйствовать чьему-либо вредному нравственному вліянію?, три надзирательницы сказали, что имѣютъ. Главная надзирательница Маріинской гимназіи, Овандеръ, отвѣтила, что сила эта мала, ибо ея замѣчанія повертываются начальствомъ постоянно въ смѣшную сторону, черезъ что она теряетъ уваженіе ученицъ. Въ видѣ примѣра Овандеръ разсказала, что когда она потребовала отъ ученицъ, чтобы онѣ перемѣнили прическу, то Вышнеградскій, придя въ классъ, спросилъ ихъ, довольны ли онѣ новымъ куафёромъ? На приглашеніе коммиссіи указать лицо, которое, служа въ гимназіи, могло имѣть вредное вліяніе на ученицъ, и всегда ли строго нравственны и приличны отношенія начальствующихъ лицъ и преподавателей къ ученицамъ—Ован-

деръ указала на профессора Брандта и инспектора классовъ Маріинской гимназіи. Первый, анатомируя кошку, „объяснялъ органы и физіологическія ихъ дѣйствія, употребляя слова и выраженія, до того оскорбительныя для дѣвической стыдливости, что она принуждена была краснѣть“. На ея заявленіе объ этомъ начальнику, Вышеградскій сказалъ: „вы женщина стараго вѣка, отсталая, ничего не понимаете въ этомъ дѣлѣ“. А Брандтъ, которому она указала на его сестру, тринадцатилѣтнюю дѣвочку, присутствовавшую на его лекціяхъ, „прося пощадить хоть ее“, отвѣчалъ: „чѣмъ скорѣе она все узнаетъ, тѣмъ лучше“. Инспектора классовъ она обвиняла въ томъ, что онъ видимо отличаетъ учениць выпускного класса, ставитъ имъ лучшіе баллы, встрѣчаетъ ихъ при входѣ, „привѣтствуетъ пожатіемъ руки“, во время перемѣнъ ведетъ съ ними долгіе разговоры, приказываетъ однѣмъ и тѣмъ же ученицамъ приходить раньше, провожаетъ ихъ домой, угощаетъ ихъ въ классахъ шампанскимъ. При этомъ она разсказала, что выпускныя воспитанницы въ послѣдній день своего пребыванія въ гимназіи, съ разрѣшенія директора, имѣютъ обыкновеніе угощать учителей и надзирательницу шоколадомъ и конфектами. На этотъ разъ, когда она вошла въ комнату, гдѣ было угощеніе, то увидѣла бокалы и шампанское и сейчасъ же воротилась назадъ. Потомъ за нею прислали, но шампанскаго уже не было; что священникъ, прощаясь съ воспитанницами, сказалъ, что желаетъ имъ такъ же хорошо сдать экзаменъ, какъ хорошо онѣ пили шампанское.

По выслушаніи всѣхъ показаній, коммиссія пришла къ убѣжденію: 1) что собственно въ гимназическомъ преподаваніи ничего вреднаго для религіи и нравственности не было; 2) источникомъ невыгодныхъ для гимназій слуховъ, подавшихъ поводъ къ назначенію ревизіи, послужило отчасти несообразное съ потребностями женскаго воспитанія преподаваніе въ педагогическомъ классѣ нѣкоторыхъ предметовъ, сопровождаемое диссекціею труповъ животныхъ и неприличными при семъ объясненіями, отчасти предосудительный образъ дѣйствій инспектора Маріинской гимназіи въ отношеніяхъ съ воспитанницами; 3) въ отношеніяхъ начальника къ главнымъ надзирательницамъ нѣтъ той гармоніи, безъ которой невозможенъ правильный строй внутренней жизни заведеній.

Во время производства ревизіи многіе родители, лично и письменно, заявляли Принцу о томъ, что вполнѣ довольны и преподаваніемъ, и воспитаніемъ дочерей въ гимназіяхъ. Въ то же время продолжали поступать и доносы. Въ числѣ ихъ былъ

пересланный Принцу графомъ Д. А. Толстымъ анонимный доносъ о преподаваніи церковнаго пѣнія въ женскихъ гимназіяхъ. Въ немъ говорилось, что церковное пѣніе преподаетъ настройщикъ и органистъ католической церкви, не знающій порядочно русскаго языка, каррикатурно произносящій слова молитвы, „что невольно возмущаетъ чувство всякаго православнаго“. Дѣти смѣются, говоритъ авторъ доноса, и, подражая учителю, произносятъ: „Сватъ Господь“ вмѣсто „Святъ Господь“, „Сорю Небесный“ вмѣсто „Царю Небесный“ и т. д. Приглашеніе такого учителя объяснялось въ доносѣ тѣмъ, что въ трехъ женскихъ гимназіяхъ инспектора католики. „Надѣюсь, графъ,—говорится въ заключеніи, — что, по свойственному вамъ благочестію, вы не допустите неправильнаго преподаванія церковнаго пѣнія“.

5-го декабря 1866 года Вышнеградскій представилъ Принцу свои объясненія на сдѣланныя членами коммиссіи указанія. Находя, что отзывы Чистякова, Тибо, Тимофѣева, Осипина и Лемоніуса „въ сущности почти согласны“, что въ нихъ нѣтъ обвиненій, онъ считаетъ долгомъ представить свои объясненія по обвиненіямъ, заключающимся въ отзывахъ Барсова и Овандеръ.

На указаніе Осипина, что занятія въ гимназіяхъ были прекращены ранѣе положеннаго срока, Вышнеградскій сказалъ, что онъ сдѣлалъ это изъ опасенія эпидеміи, такъ какъ по этой причинѣ и въ мужскихъ гимназіяхъ были прекращены занятія ранѣе обыкновеннаго времени, т.-е. 28-го мая.

На обвиненіе Барсова въ томъ, что въ гимназіяхъ молитва по утру совершается не довольно благоговѣйно, что ученицы мало крестятся и дѣлаютъ мало поясныхъ поклоновъ, что чтеніе Евангелія, которымъ всегда заканчивается молитва, неумѣстно и безполезно, ибо дѣти стоятъ не рядами, а толпою, что передъ началомъ отдѣльныхъ уроковъ, за исключеніемъ урока закона Божія, не читается молитва, — Вышнеградскій говоритъ, что все это было въ то время, когда Барсовъ преподавалъ въ гимназіи, гдѣ и его дочь кончила курсъ; почему же онъ тогда объ этомъ не заявлялъ? Въ гимназіяхъ постановлено обязательное для всѣхъ ученицъ правило, чтобы каждая изъ нихъ имѣла собственное Евангеліе. „Эту книгу,—писалъ Вышнеградскій,—мы считаемъ главнѣйшею, величайшею книгою и употребляемъ всѣ усилія, чтобы дѣти хорошо ее уразумѣли и сердцемъ усвоили“. Требованіе Барсова, чтобы 15—17-лѣтнимъ дѣвушкамъ читали Творенія св. Отцовъ онъ оставляетъ безъ возраженія.

„Позвольте Ваше Императорское Высочество,—пишетъ Вышн-

неградскій, — ничего не отвѣчать и на обвиненіе Барсова въ томъ, что дѣти слабо крестятся во время молитвы за Государя Императора и Августѣйшій Домъ... Источникъ этихъ словъ и ихъ цѣль слишкомъ очевидны".

Переходя къ обвиненіямъ Овандеръ, Вышнеградскій говоритъ, что разсказанной ею исторіи съ „куафёромъ" не было, что это, очевидно, сплетня. О диссекціи Брандта онъ не зналъ, а когда узналъ, то созвалъ немедленно конференцію, журналъ которой (отъ 7 октября 1864 года) представляетъ.

Относительно другихъ обвиненій Вышнеградскій просилъ Принца выслушать всѣхъ служащихъ во всѣхъ гимназіяхъ, а не одну Овандеръ. Въ своемъ письмѣ Вышнеградскій говорилъ: „прошу объ этомъ теперь, когда удаленіе мое отъ управленія гимназіями есть дѣло почти несомнѣнное, не для того, чтобы удержать за собою служебное положеніе, но чтобы Ваше Высочество увѣрились, что, защищая меня противъ возводимыхъ на меня нареканій, Вы были не совершенно неправы... Прежде окончательнаго рѣшенія моей и моего семейства участи, прошу выслушать меня — обвиняемымъ на судѣ всегда принадлежитъ послѣднее слово—и обратить хотя нѣкоторое вниманіе на всю мою служебную дѣятельность, которой свидѣтелемъ и цѣнителемъ Вы были 18 лѣтъ. Я преподавалъ педагогику, словесность и исторію въ Смольномъ монастырѣ десять лѣтъ, читалъ словесность въ училищѣ Правовѣдѣнія также десять лѣтъ, былъ инспекторомъ классовъ Павловскаго института шесть лѣтъ, заслуживалъ милостивое вниманіе и полное одобреніе какъ Ея Императорскаго Величества, такъ и Ваше. Въ мои годы, когда наступаетъ пора сводить окончательный счетъ съ жизнью, поздно мѣнять свои убѣжденія. А мои убѣжденія и правила не могли не выразиться передъ Вами въ теченіе 18-ти лѣтъ.

„Справедливо ли всѣ уродливыя явленія, если бы они и были со стороны учениць гимназій, ставить въ вину заведеніямъ, когда подобныя явленія, отъ которыхъ не застраховано ни одно учрежденіе, не ставятся въ вину тѣмъ, которыя гораздо болѣе, чѣмъ гимназіи, гдѣ дѣти только *отчасти* проводятъ время, а большую часть его принадлежатъ семейству и обществу, должны бы отвѣчать за нравственность воспитываемыхъ?

„Впрочемъ, дѣлая дѣло, совершенно новое въ Россіи, не имѣя передъ собою ни предшественниковъ, ни образцовъ, ни опытовъ, я, безъ сомнѣнія, дѣлалъ ошибки, которыя и послужили источникомъ нареканій на меня. Но отъ ошибки до злонамѣренности и преступности цѣлая бездна. Я не поручусь за

правильность своего образа дѣйствій, но и передъ Богомъ, и передъ Вами, не краснѣя поручусь за нравственную и вѣрноподданническую чистоту всѣхъ моихъ намѣреній и побужденій. За ошибки я довольно наказанъ восьмимѣсячнымъ нравственнымъ истязаніемъ, которому подвергался я и моя семья. Восемь мѣсяцевъ мы страшно томимся подъ гнетомъ общественныхъ мрачныхъ предсказаній и совершенной неизвѣстности относительно нашей будущей судьбы...

„Удаленіе отъ заведеній, которыя, подъ Вашимъ высокимъ покровительствомъ, смѣю сказать, мною созданы, въ которыя я положилъ всю мою душу, всѣ мои силы и которыя, послѣ семьи, люблю больше всего, составитъ новое тяжелое нравственное возмездіе за мои ошибки, если только оно нужно...“ [1]).

Въ тонѣ этого письма слышенъ не протестъ противъ несправедливо взведенныхъ на Вышнеградскаго обвиненій, а какая-то покорность, какъ бы сознаніе имъ чего-то непредотвратимаго. Быть можетъ, присылавшіеся во время ревизіи многочисленные доносы, не оглашенные Принцемъ, все же повліяли на исходъ дѣла, ибо и императрица, которой Принцъ читалъ отъ слова до слова всѣ журналы ревизіонной коммиссіи, и объясненіе Вышнеградскаго [2]), отозвалась, что во всѣхъ этихъ бумагахъ она не усматриваетъ такой его вины, за которую онъ подлежалъ бы какому-либо законному взысканію. Но, „по нѣкоторымъ особымъ обстоятельствамъ“, она не нашла возможнымъ оставить его во главѣ женскихъ гимназій и весною 1867 года Вышнеградскій былъ уволенъ съ причисленіемъ къ IV отдѣленію вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи, съ сохраненіемъ пожизненно части его содержанія, какъ начальника гимназій, въ суммѣ 3.620 рублей въ годъ, и единовременной выдачею полнаго его годового содержанія въ размѣрѣ 4.420 рублей.

Въ половинѣ декабря и инспекторъ классовъ Маріинской гимназіи подалъ прошеніе объ увольненіи его отъ должности, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, просилъ произвести формальное дознаніе въ гимназіи о представленныхъ противъ него обвиненіяхъ главной надзирательницы. Принцъ, „за произведеннымъ имъ самимъ дознаніемъ“, оставилъ эту просьбу безъ послѣдствій.

Такъ кончилась первая попытка положить у насъ начало высшему образованію женщинъ. Ея неудачный исходъ слѣдуетъ приписать тому, что эта попытка совпала съ переходнымъ, исклю-

[1]) Арх. IV отд.

[2]) „Иванъ Терентьевичъ Осининъ. Очеркъ его жизни и дѣятельности“ („Русск. Стар.“, 1888 г., мартъ).

чительнымъ, крайне тревожнымъ временемъ, которое русское общество переживало въ шестидесятыхъ годахъ. Самъ Вышеградскій искупилъ свой смѣлый шагъ цѣною, можно сказать, своей жизни. Бывшія его ученицы, продолжавшія навѣщать его и послѣ его увольненія изъ гимназій, передаютъ слышанное ими отъ него самого, что онъ и послѣ того каждый день выходилъ изъ дому въ тотъ часъ, когда, бывало, отправлялся въ Маріинскую гимназію, и шелъ туда той же дорогой; очевидно, ему трудно было совладать съ собою. И какъ жестоко долженъ былъ онъ страдать!

Впрочемъ, послѣ своей отставки Николай Алексѣевичъ, въ качествѣ члена учебнаго комитета вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи, пріѣзжалъ экзаменовать слушательницъ педагогическихъ курсовъ. Присутствовавшій на этомъ экзаменѣ преподаватель математики, извѣстный нашъ педагогъ А. Н. Страннолюбскій, вынесъ изъ этой встрѣчи Николая Алексѣевича съ бывшими его ученицами сильное, неизгладимое впечатлѣніе. Вотъ какъ онъ передаетъ эту встрѣчу: „Въ день моего экзамена, незадолго до начала его, когда всѣ слушательницы были уже въ сборѣ, кто-то изъ нихъ крикнулъ: „пріѣхалъ Николай Алексѣевичъ!“, и вся толпа бросилась по лѣстницѣ внизъ встрѣчать его. Съ площадки самаго верхняго этажа, гдѣ я оставался, было видно, какъ изъ всѣхъ дверей, выходившихъ на лѣстницу изъ залъ и классовъ второго и третьяго этажей, выскакивали, пользуясь большой перемѣной, толпы гимназистокъ и сплошными рядами занимали всю лѣстницу вдоль стѣнъ и перилъ. Это движеніе произошло такъ быстро и было такъ единодушно, что классныя дамы, инспекторъ гимназіи, начальница и самъ начальникъ не успѣли сдержать общаго порыва и имъ пришлось ограничиться только разстановкой ученицъ по лѣстницѣ и площадкамъ ея такъ, чтобы оставался хоть какой-нибудь свободный проходъ. Между тѣмъ внизу уже раздавались радостные, привѣтливые клики множества голосовъ: „здравствуйте, Николай Алексѣевичъ! здравствуйте, Николай Алексѣевичъ!“ и затѣмъ началось настоящее тріумфальное шествіе Вышеградскаго. По мѣрѣ того, какъ онъ поднимался, и ликующіе голоса поднимались съ нимъ; всѣ къ нему тянулись съ веселыми, оживленными, торжествующими лицами. Со времени увольненія его отъ должности начальника петербургскихъ женскихъ гимназій прошло только два-три года, и добрая половина гимназистокъ, т.-е. почти всѣ ученицы старшихъ классовъ и педагогическихъ курсовъ, поступили въ гимназію еще при немъ. Многихъ онъ узналъ, оста-

навливался передъ ними, добродушно и радостно перекидывался съ ними нѣсколькими словами и шелъ дальше. Наконецъ, онъ поднялся на самый верхъ, въ сосѣдній съ аудиторіей педагогическихъ курсовъ рекреаціонный залъ, который весь наполнился курсистками и гимназистками. Въ этой ликующей, радостной толпѣ, медленно переходя отъ одной группы ученицъ къ другой, Н. А. оставался всю остальную часть большой перемѣны. Никто изъ классныхъ дамъ, преподавателей и гимназическаго начальства не нарушалъ своимъ вмѣшательствомъ этого трогательнаго общенія ученицъ со своимъ бывшимъ любимымъ наставникомъ. Всѣ мы стояли по сторонамъ, не слыша, что говоритъ со своими „друзьями“ этотъ власть имѣющій человѣкъ, принимающій теперь драгоцѣннѣйшую изъ наградъ педагога—искреннее, сердечное выраженіе любви и уваженія своихъ ученицъ.

„Начался экзаменъ. Н. А. явился не вдругъ; кто-то былъ уже спрошенъ, и только тогда вошелъ онъ. Экзаменъ былъ изъ ариѳметики, геометріи и началъ алгебры. Постепенно, незамѣтно и мягко Н. А. все болѣе и болѣе входилъ въ роль экзаменатора. Подъ впечатлѣніемъ только-что видѣнной мною сцены встрѣчи его, подъ обаяніемъ его ободряющаго, добраго тона и захватывающаго интереса, возбуждаемаго его манерой бесѣдовать съ экзаменующимися, именно бесѣдовать, а не экзаменовать,—я постепенно изъ экзаменатора превратился въ слушателя и зрителя. И въ самомъ дѣлѣ, было что послушать, на что посмотрѣть и чѣмъ полюбоваться . . . . . .

. . . . . .

„Ну-съ, другъ мой N N, или, дитя мое М. М.,“—начиналъ Н. А. свою бесѣду съ ученицей, обводя всѣхъ присутствующихъ, и экзаменаторовъ, и ученицъ, бойкимъ взглядомъ, при чемъ непремѣнно поправлялъ очки, — жестъ, къ которому онъ прибѣгалъ часто, особенно когда былъ чѣмъ-нибудь увлеченъ. При этомъ и тонъ, и лицо, и вся его плотная, нѣсколько массивная фигура такъ и говорили, что онъ ужасно заинтересованъ тѣмъ, о чемъ сейчасъ будетъ говорить N N или М. М., что онъ ужасно даже радъ, что ей попался именно этотъ, а не другой какой-нибудь вопросъ, что тутъ есть о чемъ поразсказать. И отчуждающая пропасть между экзаменующимися и экзаменаторами какъ-то вдругъ исчезала: ученицы забывали свои учебники и тетради, переставали слѣдить за выходящими билетами, готовились внимательно слушать, какъ станетъ отвѣчать ихъ подруга, а главное, о чемъ будетъ спрашивать Н. А. и что онъ будетъ говорить самъ по поводу спрашиваемаго. Если отвѣтъ шелъ

хорошо и плавно, Н. А. склонялъ голову на бокъ, внимательно молча слушалъ, по временамъ спокойно поправляя привычнымъ жестомъ очки. Онъ всегда скрашивалъ отвѣтъ экзаменующейся какимъ-нибудь вопросомъ, выходящимъ изъ рамокъ билета. Вопросы его касались какого-нибудь методическаго пріема преподаванія математики дѣтямъ, связи ея съ роднымъ языкомъ и другими предметами элементарнаго преподаванія, порядка классной работы и т. п. Какъ истинный артистъ-учитель, онъ дѣлалъ это съ удивительнымъ умѣньемъ, находчивостью, тактомъ и тончайшимъ педагогическимъ чутьемъ. Н. А. спрашивалъ не одну только экзаменующуюся, но, по временамъ, кстати и необыкновенно свободно и просто обращался съ вопросами и къ тѣмъ вызваннымъ ученицамъ, которыя, сидя недалеко отъ экзаменаціоннаго стола, ожидали своей очереди. Онъ особенно оживлялся когда получалъ отъ ученицы отвѣтъ, затрогивающій какую-нибудь видимо любимую или интересующую его сторону предмета. Тогда очки почему-то безпрестанно слѣзали ему на носъ, по временамъ онъ вступалъ съ ученицей въ преніи, или, овладѣвъ общимъ вниманіемъ, горячо высказывалъ личное мнѣніе сжато и чрезвычайно красиво и просто. Послѣ особенно удачныхъ отвѣтовъ вся фигура его пріобрѣтала какой-то побѣдоносный видъ, и онъ съ необыкновеннымъ удовольствіемъ и гордостью обводилъ глазами всѣхъ ученицъ, такъ что всѣмъ имъ становилось весело. Эти отступленія отъ обычной рутины экзамена внесли въ него необыкновенное одушевленіе. Экзаменъ превратился въ блестящій урокъ, выпукло, рельефно и живо представляющій ученицамъ самыя выдающіяся, наиболѣе существенныя стороны предмета, — урокъ, за ходомъ котораго съ напряженнымъ интересомъ слѣдили всѣ: и мы, экзаменаторы, и стоявшая у стола экзаменовавшаяся, гордая и довольная тѣмъ, что дала поводъ къ такому интересному, важному и въ то же время простому и веселому разговору, и сидѣвшія около стола ея подруги и, наконецъ, вся остальная кучка слушательницъ, помѣщавшихся вдали, за давно исчезнувшею уже пропастью между тѣсно сдвинутыми къ одной стѣнѣ классными столами и столомъ экзаменаторовъ.

„Такъ продолжался экзаменъ часа два, а можетъ быть, и дольше. Затѣмъ, Н. А., пожелавъ „друзьямъ своимъ“ кончить экзаменъ такъ же хорошо, какъ начали, распрощался со всѣми и уѣхалъ“ [1]).

[1]) А. П. Странполюбскій. „Три встрѣчи съ П. А. Вышеградскимъ“ (*Образованіе*, 1893 г., ноябрь).

Послѣ своей отставки Николай Алексѣевичъ прожилъ недолго. Онъ умеръ 50-ти лѣтъ, въ больницѣ, 19-го апрѣля 1872 года, въ 12 часовъ, „какъ разъ, — говоритъ Д. Семеновъ,—въ день и часъ основанія Маріинскаго училища". Можетъ быть, умирая, онъ помнилъ это, ибо умиралъ „съ лепетомъ на устахъ" словъ изъ произнесенной имъ при открытіи училища рѣчи: „одно солнце на небѣ..."

На его мѣсто, Высочайшимъ приказомъ 24-го мая 1867 года, былъ назначенъ экстраординарный профессоръ петербургской духовной академіи И. Т. Осининъ.

V.

Отчетъ министра народнаго просвѣщенія о положеніи женскихъ училищъ министерства въ 1866 году.—Назначеніе имъ пособія изъ государственнаго казначейства.—Пособія, выдававшіяся женскимъ училищамъ земствами, городскими обществами и частными лицами.—Мѣры привлеченія учителей въ женскія гимназіи.—Необезпеченное положеніе женскихъ гимназій и прогимназій.—Положеніе о женскихъ училищахъ министерства 1870 года.—Сравненіе его съ Положеніемъ 1860 года и составленнымъ при министрѣ Головинѣ проектомъ 1865 года.—Различныя категоріи женскихъ училищъ.—Число ихъ въ 1870 году и число учащихся въ нихъ.—Стоимость ихъ содержанія.—Права учащихся.—Недостатокъ учительскихъ силъ.—Педагогическіе курсы при женскихъ гимназіяхъ.—Заботы земства о народномъ образованіи.—Постановленіе новоузенскаго земскаго Собранія.—Проектъ московскаго губернскаго земскаго Собранія объ учрежденіи женской учительской семинаріи.—Заботы разныхъ земствъ о приготовленіи учительницъ для народныхъ школъ.—Казанская женская учительская школа.—Исторія земскихъ женскихъ учительскихъ школъ: самарской, вятской, харьковской, тверской и костромской.—Отношеніе графа Толстого къ учительницамъ.—Число женскихъ земскихъ учительскихъ школъ къ 1880 году.

Вступившій въ управленіе министерствомъ народнаго просвѣщенія 14 апрѣля 1866 года графъ Д. А. Толстой, осмотрѣвъ въ томъ же году женскія учебныя заведенія московскаго и казанскаго учебныхъ округовъ, представилъ государю докладъ, въ которомъ, говоря о состояніи этихъ заведеній, выражалъ мысль, что женское образованіе заслуживаетъ самаго ревностнаго попеченія со стороны правительства и упадокъ его долженъ неминуемо отразиться на общемъ ходѣ просвѣщенія въ Россіи. „Во всѣхъ просвѣщенныхъ странахъ міра—писалъ министръ—давно признано, какую великую роль играетъ мать семейства въ дѣлѣ воспитанія; но для того, чтобы уяснить себѣ свое высокое призваніе, она должна обладать въ достаточной степени умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ“ [1]). „Женщина — говоритъ

[1]) Отчетъ мин. нар. пр. за 1866 г. (Журн. мин. нар. просв. 1868 г. Т. 137).

графъ Толстой въ своемъ докладѣ—приготовляющаяся быть матерью семейства и воспитывать будущихъ гражданъ государства, только тогда можетъ въ дѣйствительности исполнить эти обязанности съ пользой для послѣдняго, если воспитаніе ея будетъ направлено сообразно съ видами и желаніями благомыслящаго правительства, которое, для достиженія этой цѣли, должно имѣть и возможность и право слѣдить за женскими учебными заведеніями въ такой же мѣрѣ, какъ оно можетъ слѣдить за мужскими... Правительство, не содѣйствуя ничѣмъ устройству и содержанію женскихъ училищъ, лишило себя этимъ самой возможности контролировать въ достаточной степени производящееся въ нихъ воспитаніе и стѣснило себя въ своихъ дѣйствіяхъ относительно направленія женскаго образованія къ желаемымъ цѣлямъ“ [1]). Министръ признавалъ что „къ несчастью, женское образованіе, говоря вообще, и не касаясь женскихъ институтовъ, какъ заведеній спеціальныхъ, находится у насъ въ крайнемъ упадкѣ... Съ начала великихъ реформъ Вашего царствованія—писалъ онъ—въ нѣкоторыхъ городахъ учреждены женскія училища вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія; для нихъ составлено въ 1860 году Положеніе; теперь настоятельно необходимо составить окончательный уставъ этихъ заведеній, но это невозможно потому, что какъ бы ни удовлетворителенъ былъ уставъ, онъ не принесетъ пользы если не будутъ обезпечены средства для содержанія женскихъ училищъ, а эти средства совершенно ничтожны“. Въ первые годы учрежденія женскихъ училищъ устройство и содержаніе которыхъ Положеніемъ 1860 года было возложено почти исключительно на пожертвованія и взносы мѣстныхъ обществъ и частныхъ лицъ, къ нимъ еще проявлялось сочувствіе, бывали единовременныя пожертвованія, но теперь—сказано въ отчетѣ—сочувствіе стало охладѣвать, пожертвованія прекратились и обѣщанные взносы поступаютъ неисправно, а учителя требуютъ возвышенія платы. Тамъ, гдѣ есть училища, они едва влачатъ свое существованіе, у нихъ нѣтъ и прочнаго будущаго; дефициты большинства училищъ покрываются сборами съ маскарадовъ, лотерей и т. п. Такіе доходы непостоянны, училища поставлены въ зависимость отъ доброй воли частныхъ жертвователей, а частые сборы на нихъ вызываютъ неудовольствіе населенія и неуваженіе къ училищамъ... Вслѣдствіе недостаточности средствъ и учебная часть училищъ въ упадкѣ. Они не могутъ имѣть собственныхъ учи-

[1]) Арх. мин. нар. пр. 1866 г. Всеподданнѣйшій докладъ мин. нар. пр. 1866 года.

телей, преподаютъ учителя мужскихъ гимназій, но большей частью—низшихъ училищъ; за службу въ женскихъ заведеніяхъ учителя не имѣютъ ни правъ, ни преимуществъ, вознагражденіе получаютъ скудное, а иногда и не получаютъ ничего. Поэтому женскія училища вынуждены довольствоваться тѣми, которые преподаютъ изъ снисхожденія; они не могутъ дѣлать выбора, преподаваніе часто идетъ неудовлетворительно и со всѣмъ этимъ приходится мириться. Въ виду всего этого, учрежденіе новыхъ и поддержаніе уже существующихъ женскихъ заведеній было бы, по мнѣнію министра, истиннымъ благодѣяніемъ „тѣмъ болѣе, что въ настоящее время во всей имперіи ихъ всего сто, изъ которыхъ значительному числу грозитъ закрытіе по скудости средствъ“. Сказавъ, что большая часть родителей поневолѣ даетъ неудовлетворительное воспитаніе дочерямъ, министръ въ заключеніе писалъ: „осмѣливаюсь высказать мое убѣжденіе, что слѣдовало бы принять энергическія мѣры“ къ поддержанію женскихъ училищъ; самъ онъ не въ состояніи что-либо сдѣлать, но если бы министерство располагало ежегодною суммою хотя бы въ 150 тыс. рублей, то „несмотря на крайнюю ограниченность этой суммы, можно было бы помогать болѣе нуждающимся женскимъ училищамъ. Расходъ этотъ весьма скроменъ въ сравненіи съ великою пользою, которую онъ принесетъ“ [1]).

Въ своемъ докладѣ государю графъ Толстой предлагалъ и „упростить систему мѣстнаго управленія женскими учебными заведеніями, давъ первенствующій голосъ въ этомъ дѣлѣ правительству“. Какъ на источникъ средствъ для пособія женскимъ учебнымъ заведеніямъ, онъ указалъ на суммы, получающіяся изъ процентнаго сбора съ помѣщичьихъ имѣній въ югозападныхъ губерніяхъ, которыя имѣлось въ виду употребить на увеличеніе числа среднихъ учебныхъ заведеній въ этихъ губерніяхъ, гдѣ, по словамъ министра, гимназій и теперь больше, чѣмъ въ великорусскихъ.

На докладѣ графа Толстого государь написалъ: „совершенно согласенъ“ [2]), а относительно пособія женскимъ училищамъ повелѣлъ министру войти съ особымъ докладомъ.

Хотя министръ финансовъ и высказался въ комитетѣ министровъ за то, что было бы удобнѣе прямо обратить на женское образованіе сумму, отпускаемую государственнымъ казначействомъ взамѣнъ указаннаго въ докладѣ графа Толстого процент-

---

[1]) Отчетъ (Журн. мин. нар. пр. 1868 г.).

[2]) Арх. мин. нар. просв. 1866 г.

наго сбора, но на новомъ докладѣ министра народнаго просвѣщенія о 150.000 рублей для женскихъ учебныхъ заведеній государь написалъ: „нельзя ли на этотъ предметъ обратить сумму, которая будетъ передана министру народнаго просвѣщенія изъ военноучебнаго вѣдомства“? По сообщеніи этого военному министру, отъ него получился отвѣтъ, что кромѣ дворянскихъ пожертвованій на военноучебныя заведенія въ ежегодной суммѣ 262.664 рублей 20 копѣекъ, предназначенныхъ для передачи министру народнаго просвѣщенія и имѣющихъ уже опредѣленное назначеніе, другихъ суммъ у военнаго министра нѣтъ. По его мнѣнію, употребленіе этой суммы по министерству народнаго просвѣщенія будетъ зависѣть отъ министра внутреннихъ дѣлъ, ибо на него возложено попеченіе объ интересахъ сословныхъ капиталовъ, къ которымъ принадлежитъ и сумма въ 262.664 рубля. Тогда графъ Толстой обратился къ министру финансовъ съ вопросомъ—не можетъ ли онъ ежегодно выдавать просимую сумму хотя по частямъ? На это, уже въ 1868 году, получился отвѣтъ, что „Высочайшимъ повелѣніемъ 24 сентября 1865 года постановлено впредь до времени не допускать никакихъ сверхсмѣтныхъ расходовъ, кромѣ тѣхъ, которые вызываются обстоятельствами дѣйствительно чрезвычайными и не могущими быть предвидимыми, и какъ имѣются въ виду весьма значительные и уже разрѣшенные сверхсмѣтные расходы, то въ настоящее время министръ финансовъ находитъ невозможнымъ принять 150.000 рублей на счетъ казны и полагалъ бы при предположеніяхъ объ улучшеніи женскихъ училищъ ограничиваться до времени тѣми средствами, которыя находятся въ распоряженіи министра народнаго просвѣщенія, отложивъ требованіе новыхъ на этотъ предметъ пособій до болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ государственнаго казначейства“ [1]).

Съ открытіемъ земскихъ учрежденій, которымъ, по уставу гимназій и прогимназій 19 ноября 1864 года, предоставлялось, наравнѣ съ обществами и частными лицами, право открывать на свой счетъ гимназіи и прогимназіи и „имѣть ихъ въ полномъ своемъ вѣдѣніи“, явилась надежда найти въ земствѣ поддержку и женскимъ учебнымъ заведеніямъ.

Надежда эта оправдалась. Въ первомъ же собраніи пензенскаго губернскаго земства, въ 1865 году, разсматривался внесенный директоромъ училищъ проектъ учрежденія въ Пензѣ женской гимназіи, на которую еще въ 1862 году была открыта

[1]) Арх. мин. нар. пр. 1868 г.

подписка. По проекту директора, на ея содержаніе требовалось 7.000 рублей въ годъ. Собраніе постановило: обратить въ неприкосновенный капиталъ гимназіи 6.003 рубля—остатокъ отъ содержанія пензенской земской конюшни, и поручить управѣ составить смѣту на устройство и содержаніе гимназіи къ слѣдующему очередному собранію. Къ 1868 году, когда собранію былъ представленъ докладъ управы, капиталъ будущей гимназіи составлялъ уже около 10.200 рублей; изъ нихъ 5.000 рублей пожертвовалъ потомственный почетный гражданинъ Кононовъ въ день тысячелѣтія Россіи, 500 рублей получилось отъ пожертвованныхъ императрицею вещей для устроенной въ пользу гимназіи лотереи и изъ отчисленія служащими извѣстнаго процента съ получаемаго ими жалованья. Земское собраніе 1868 года постановило отпускать на содержаніе гимназіи по 4.500 рублей въ годъ и передало отчисленный имъ въ 1865 году капиталъ, но уже не въ суммѣ 6003, а 8.500 рублей [1]). Гимназія была открыта только 20 сентября 1869 года при 70-ти учащихся.

Кромѣ пензенскаго, и нѣкоторыя другія земства при самомъ своемъ открытіи оказали содѣйствіе женскимъ училищамъ. Въ отчетѣ за 1867-й годъ министръ народнаго просвѣщенія говорилъ, что земство уже пришло на помощь женскимъ гимназіямъ и прогимназіямъ въ Вяткѣ, Тулѣ, Ефремовѣ, Симферополѣ, Херсонѣ, и перечисляя доходы разныхъ училищъ, министръ писалъ, что вся надежда на покрытіе дефицитовъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, напримѣръ 2.000 рублей ежегодно вологодскаго училища, возлагается на земство, когда оно откроется.

Къ 1868 году число женскихъ училищъ министерства простиралось до 125-ти; изъ нихъ 31—перваго разряда и 94—второго. Учащихся въ нихъ было 10.491; обыкновенно число учащихся въ училищахъ перваго разряда бывало не менѣе 100, но въ нѣкоторыхъ было значительно больше: въ 1867 году въ харьковскомъ училищѣ было 330 ученицъ, воронежскомъ 220, вятскомъ 217, казанскомъ 185. Что касается средствъ, то кромѣ пособія, ассигнованнаго земствами пяти училищамъ, въ отчетѣ приведены *въ видѣ исключенія* крупныя пособія городскихъ Думъ смоленскому и московскимъ училищамъ, 2.071 рубль, выдаваемые нижегородскому училищу изъ запаснаго капитала женскихъ учебныхъ заведеній и небольшое пособіе, отпускаемое государственнымъ казначействомъ буйскому (уфимской

---

[1]) Арх. мин. нар. пр. 1868 г.—Обозрѣніе дѣят. мин. нар. просв. за 1869 г. (Журн. мин. нар. пр. 1870 г. Ч. 148).

губерніи) училищу второго разряда. Въ отчетѣ сказано, что нѣкоторыя училища перваго разряда, по недостатку средствъ, уже преобразованы въ второразрядныя и если „единственная надежда получить изъ государственнаго казначейства пособіе хоть по частямъ“ не оправдается, то большая часть училищъ закроется. „Помощь женскимъ училищамъ перваго и второго разрядовъ тѣмъ нужнѣе,—прибавляетъ министръ,—что они теперь составляютъ единственный источникъ нѣсколько высшаго образованія для многолюдныхъ классовъ небогатаго городского населенія, неудовлетворяющагося учебнымъ курсомъ элементарныхъ женскихъ школъ, которыя въ отдѣльномъ видѣ существуютъ въ немногихъ мѣстахъ“ [1]).

Высочайше учрежденная для разсмотрѣнія отчета министра народнаго просвѣщенія за 1867 годъ коммиссія, признавъ, что просимая министромъ на поддержку женскихъ училищъ сумма 150.000 рублей, незначительна по сравненію съ дѣйствительною потребностью ихъ, предложила „для удобства и большей пользы“, ограничиться пособіемъ преимущественно женскимъ училищамъ второго разряда съ двумя или тремя, а перваго—съ шестью классами только въ городахъ, гдѣ по значительному населенію и соображаясь съ оказываемымъ отъ города пособіемъ, окажется возможнымъ содержать такія училища.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, для привлеченія въ женскія училища министерства хорошихъ учителей, комиссія пришла къ заключенію, что было бы полезно давать внѣ правилъ почетныя награды тѣмъ учителямъ, которые будутъ въ теченіе не менѣе пяти лѣтъ даромъ преподавать въ этихъ училищахъ [2]).

Вопросъ о даровомъ преподаваніи учителей еще ранѣе обсуждался въ попечительныхъ Совѣтахъ разныхъ губернскихъ женскихъ училищъ, и въ нѣкоторыхъ изъ вновь учреждавшихся, эта статья сбереженія расходовъ была отвергнута.

Попечитель кіевскаго учебнаго округа, въ предложеніи директору училищъ полтавской губерніи 6 іюня 1866 года, сообщалъ о полученномъ имъ отъ графа Толстого предписаніи обратить особое вниманіе на училища, пользующіяся даровымъ трудомъ преподавателей. „Нельзя не радоваться,—писалъ попечитель,—что учителя преподаютъ даромъ, но нельзя и не видѣть, что такія основанія шатки, не дозволяютъ училищу устроиться опредѣленнымъ образомъ и не обезпечиваютъ дальнѣйшаго пра-

[1]) Отчетъ за 1867 г. (Журналъ мин. нар. пр. 1869 г. Т. 142).

[2]) Архивъ мин. нар. просв. 1868 г. Конфиденціальное сообщеніе попечителя одесскаго уч. окр. министру нар. просв. 1868 г.

вильнаго его развитія. Трудно быть требовательнымъ къ даровому труду, даже неудобно требовать надлежащаго направленія. Контроль учебной власти по необходимости долженъ смотрѣть снисходительно, пропускать многое молча... Преподаваніе, раздробляясь на мелкія части между множествомъ преподавателей, изъ которыхъ каждый беретъ не столько учебныхъ часовъ, сколько требуютъ выгоды преподаванія предмета, а сколько можетъ взять, теряетъ свою цѣлостность и единство, а ученицы безпрестанно переходятъ отъ одного руководства къ другому въ изученіи одного и того же предмета". Поэтому попечитель просилъ директора, какъ члена попечительнаго Совѣта учрежденнаго учителями полтавскаго женскаго училища, заявить Совѣту его просьбу съ будущаго года „ограничить программу безвозмездной преподавательской дѣятельности предѣлами только необходимости и оставить въ училищѣ лишь тѣхъ изъ безплатныхъ преподавателей, которые имѣютъ законныя права быть ими, вполнѣ благонадежны, исполняютъ добровольно принятыя на себя обязанности съ безукоризненною исправностью и съ дѣйствительной пользой для заведенія" [1]).

Послѣдствіемъ этого было закрытіе педагогическаго Совѣта полтавскаго женскаго училища, участіе двѣнадцати выборныхъ отъ него въ попечительномъ Совѣтѣ найдено излишнимъ, и полтавскій губернаторъ вошелъ съ представленіемъ къ министру народнаго просвѣщенія объ отмѣнѣ Высочайшаго повелѣнія 1862 года о правѣ педагогическаго Совѣта полтавскаго училища участвовать въ нѣкоторыхъ дѣлахъ попечительнаго. 8 ноября 1866 года получилось предписаніе министра, устранивъ выборныхъ членовъ педагогическаго Совѣта полтавскаго училища отъ участія въ общихъ собраніяхъ съ попечительнымъ, оставить ему кругъ дѣятельности, опредѣленный Положеніемъ 10-го мая 1860 года.

Въ 1869 году въ отвѣтъ на новое ходатайство, въ которомъ графъ Толстой говорилъ о важности женскаго образованія не только для общества, но и въ государственномъ отношеніи, министръ финансовъ заявилъ желаніе имѣть подробныя свѣдѣнія о самомъ размѣрѣ просимаго пособія. Эти свѣдѣнія были доставлены въ томъ же году. По петербургскому округу изъ 16-ти училищъ (въ томъ числѣ двѣ гимназіи и 4 училища перваго разряда), ни одно, по сообщенію попечителя, не обезпечено. Необходимѣйшіе расходы удовлетворяются сборами съ спектак-

[1]) Арх. мин. нар. пр. 1866 г.

лей, лотерей и т. п. „Если училища существуютъ,—писалъ попечитель, — то потому, что учителя преподаютъ за весьма незначительную плату, а иногда и даромъ". Библіотека и учебныя пособія во всѣхъ училищахъ очень неудовлетворительны, въ нѣкоторыхъ ихъ совсѣмъ нѣтъ, а берутъ необходимѣйшія изъ уѣздныхъ училищъ. „Только отъ извѣстной степени женскаго образованія,—говорилъ попечитель,—можно ожидать улучшенія семейныхъ правовъ, развитія истинной религіозности и вообще всей гражданственности, на которую женщина имѣетъ столь сильное вліяніе". Онъ просилъ пособія лишь для существующихъ уже училищъ въ размѣрѣ 9.700 рублей.

Попечитель харьковскаго учебнаго округа просилъ 10.400 рублей въ годъ только тѣмъ училищамъ, на содержаніе которыхъ мѣстное общество даетъ постоянную сумму. Всѣхъ училищъ въ округѣ было 19 (изъ нихъ 7 перваго разряда). Пособіе отъ казны нужно, по его мнѣнію, для увеличенія платы учителямъ, на содержаніе педагогическихъ курсовъ, устройство библіотеки и на учебныя пособія. Вмѣстѣ съ пособіемъ отъ казны, въ случаѣ если оно будетъ оказано, попечитель харьковскаго округа предлагалъ сдѣлать обязательнымъ отпускъ на то же училище и назначенной обществомъ суммы, до того, по крайней мѣрѣ, времени, пока будетъ выдаваться пособіе изъ государственнаго казначейства.

По казанскому округу попечитель просилъ пособія въ размѣрѣ 13.890 руб. на 6 училищъ 1-го разряда и на 2 училища 2-го разряда и 2 третьяго, 2.180 рублей на всѣхъ. Объ одномъ изъ считавшихся наиболѣе обезпеченными училищъ округа, пермскомъ, онъ еще въ 1866 году писалъ министру, что прочныхъ доходовъ у училища до 1.850 рублей въ годъ, а расходовъ до 5.525 рублей. Нѣкоторыя изъ лицъ, обязавшихся при его учрежденіи въ 1860 г. вносить крупныя суммы, отказались отъ взносовъ. На одно жалованье служащимъ требовалось 400 рублей въ мѣсяцъ, а наличныхъ денегъ въ то время, когда попечитель писалъ, было всего 88 рублей, такъ что не изъ чего было заплатить жалованье. „Конечно,—говорилъ онъ,—учителя потерпятъ, но сдѣлать это могутъ только учителя мужскихъ гимназій". Въ 1869 году министръ народнаго просвѣщенія передалъ на заключеніе министра внутреннихъ дѣлъ представленіе пермскаго губернатора объ отпускѣ просимыхъ попечителемъ казанскаго округа въ пособіе пермскому училищу 3.000 рублей въ годъ, изъ остатковъ отъ губернскаго земскаго сбора. Министръ внутреннихъ дѣлъ отвѣтилъ, что удовлетвореніе этого ходатай-

ства зависитъ отъ земства, ибо въ пермской губерніи вводятся земскія учрежденія. Но въ то же время онъ не разрѣшилъ ростовской Думѣ давать женскому училищу 2-го разряда по 1.200 руб. въ годъ изъ городскихъ доходовъ, о чемъ она ходатайствовала еще въ 1866 году. Министръ нашелъ такое желаніе Думы похвальнымъ, но исполненіе его невозможнымъ, такъ какъ въ городскихъ доходахъ „нѣтъ избытка и нѣтъ средствъ на возложенные уже на городъ предметы".

Попечитель одесскаго округа находилъ нужнымъ пособіе въ суммѣ 16.077 р. 66 коп., изъ которой 11.035 рублей для училищъ 1-го разряда и 5.042 рубля для второго. Изъ семи училищъ 1-го разряда въ округѣ два были обезпечены: одесская Маріинская гимназія Думою, дававшею ей 16.014 рублей въ годъ, а симферопольское имѣло собственный домъ и капиталъ въ 46.936 рублей. Пособіе отъ казны должно, по мнѣнію попечителя, главнымъ образомъ обезпечить содержаніе учителей, начальницъ и воспитательницъ. Учителямъ наукъ въ училищахъ 1-го разряда слѣдуетъ,—писалъ онъ,—назначить по 50 рублей за годовой урокъ, а тамъ, гдѣ нѣтъ мужской гимназіи, по 60-ти, а въ училищахъ 2-го разряда—по 40 рублей. Маріинская же гимназія можетъ платить по 75-ти рублей. Въ полтавскомъ Маріинскомъ училищѣ 1-го разряда учителя получали по 40 рублей за годовой урокъ, а учительница русскаго языка и ариѳметики за 10 уроковъ въ недѣлю по 20 рублей годовой урокъ. Хотя у училища былъ запасной капиталъ въ 8.900 рублей и до 1869 года оно получало 1.500 рублей въ годъ отъ казны, но по словамъ попечителя кіевскаго округа, оно можетъ продержаться не болѣе двухъ лѣтъ; покрывающійся спектаклями, лотереями и разными общественными сборами дефицитъ возрастетъ съ открытіемъ педагогическаго курса до 5.400 рублей въ годъ. Попечитель просилъ училищу ежегодное пособіе въ 5.000 рублей. Изъ другихъ училищъ округа два (изъ нихъ одно перваго разряда) помѣщались въ собственныхъ домахъ, два второго разряда хотя и получали довольно значительную сумму изъ прибылей городскихъ банковъ, но расходы не покрывались доходами; одно изъ училищъ, Роменское, получало пособіе отъ земства въ 300 рублей ежегодно. Изъ 17-ти училищъ (9—2-го разряда и 8—3-го) западной Сибири требовалось пособіе 13-ти въ размѣрѣ 1.895 рублей въ годъ. Два училища, троицкосавское и тюменское, получали значительное пособіе отъ мѣстныхъ городскихъ обществъ. У двухъ другихъ были собственные дома. Объ этихъ училищахъ главноуправляющій западной Сибирью писалъ,

что хотя они получаютъ пособіе отъ городского общества, но плата за ученіе, 20 рублей въ годъ, слишкомъ высока, а поэтому и ученицъ мало; въ одномъ 150, въ другомъ 60. Онъ прибавлялъ, что и учителя скоро не будутъ преподавать за вознагражденіе въ 40 рублей за годовой урокъ и для нихъ просилъ пособія въ 800 рублей ежегодно.

Попечитель московскаго округа сообщая, что всѣхъ женскихъ училищъ въ округѣ 39 (изъ нихъ 6—1-го разряда), а учащихся 2.927, писалъ, что для прочнаго обезпеченія всѣхъ, нужно бы до 34.268 рублей въ годъ, ибо теперь нѣкоторыя шестиклассныя училища преобразованы въ трехклассныя съ двухгодичными курсами, а 2-го разряда перешли въ третій. Впрочемъ, по его мнѣнію, училища нуждаются не столько въ пособіи, сколько въ дарованіи правъ ученицамъ и служащимъ, и въ настоящее время онъ проситъ пособіе лишь 5.100 рублей въ годъ [1]).

Всего, по допесеніямъ попечителей учебныхъ округовъ, на пособіе женскимъ училищамъ требуется не менѣе 190.000 рублей въ годъ „при самомъ скудномъ размѣрѣ“, т.-е. считая на училище 1-го разряда по 2.000 рублей ежегодно, а 2-го—по 1.000 [2]).

Препровождая эти свѣдѣнія министру финансовъ, графъ Толстой писалъ: „въ заключеніе обязываюсь повторить, что матеріальное обезпеченіе женскихъ училищъ составляетъ предметъ крайней и настоятельной необходимости, и кромѣ изложенныхъ соображеній, вызывается экономическимъ разсчетомъ для Правительства, такъ какъ въ случаѣ закрытія существующихъ нынѣ женскихъ училищъ, Правительство поставлено будетъ въ необходимость все содержаніе этихъ училищъ принять на свой счетъ“ [3]).

Наконецъ, 3-го января 1870 года, т.-е. черезъ шесть лѣтъ послѣ того, какъ министромъ Головнинымъ было въ первый разъ заявлено о настоятельной необходимости въ пособіи отъ казны женскимъ училищамъ, представленіе о немъ было разсмотрѣно въ государственномъ Совѣтѣ.

Въ этомъ представленіи министръ народнаго просвѣщенія ходатайствовалъ о пособіи не въ 190.000 руб., опредѣленныхъ попечителями учебныхъ округовъ, и даже не о 150.000, а на первый, т.-е. 1870-й годъ, всего лишь о 50.000 руб., съ тѣмъ, чтобы потомъ, „по мѣрѣ средствъ государственнаго казначейства“ эта сумма была увеличена, но „не свыше 150.000 рублей“.

---

[1]) Арх. мин. нар. просв., 1869 г.

[2]) Обозрѣніе дѣствій мин. нар. просв. за 1869 г. (Журн. мин. нар. пр. 1870, ч. 147).

[3]) Арх. мин нар. пр. 1869.

Признавая „важное и полезное значеніе женскихъ училищъ въ общемъ дѣлѣ народнаго образованія и возвышенія общественной нравственности и не отвергая необходимости оказать наиболѣе нуждающимся изъ женскихъ училищъ нѣкоторое пособіе“ государственный Совѣтъ „для правильности сужденія о размѣрѣ кредитовъ и для достиженія желаемой пользы“, нашелъ необходимымъ, прежде чѣмъ ассигновать сумму пособія, установить основаніе для руководства при назначеніи его училищамъ. Поэтому, не ассигнуя суммы и имѣя въ виду, что въ министерствѣ народнаго просвѣщенія уже составляется проектъ новаго Положенія о женскихъ училищахъ, государственный Совѣтъ находилъ удобнымъ одновременно съ проектомъ Положенія составить и представить на разсмотрѣніе въ установленномъ порядкѣ и правила расходованія суммъ, которыя, „соображаясь со средствами государственнаго казначейства“, могли бы быть ассигнованы на женскія училища [1]).

28-го февраля 1870 года графъ Толстой внесъ на разсмотрѣніе государственнаго Совѣта проектъ новаго Положенія о женскихъ училищахъ министерства народнаго просвѣщенія, также правила о расходованіи суммъ, принадлежащихъ женскимъ училищамъ. Пособія предполагались единовременныя, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ, по усмотрѣнію министра, могли быть и срочныя. Единовременныя пособія предназначались преимущественно на устройство библіотекъ и на учебныя пособія, также на покрытіе непредвидѣнныхъ расходовъ. Срочныя пособія должны были употребляться на содержаніе педагогическихъ при гимназіяхъ курсовъ и на жалованье учителямъ преимущественно въ четырехъ старшихъ классахъ женскихъ гимназій, при чемъ высшій размѣръ вознагражденія учителя не долженъ былъ превышать вознагражденія, получаемаго имъ въ мужскихъ гимназіяхъ. Размѣръ какъ ежегодныхъ, такъ и единовременныхъ пособій, былъ опредѣленъ въ 2.000 рублей на гимназію и 1.000 на прогимназію [2]).

Совершенно законченное и уже представленное въ государственный Совѣтъ министромъ Головнинымъ въ 1865 году Положеніе о женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія было вновь переработано при графѣ Толстомъ.

---

[1]) Арх. мин. нар. просв., 1870 г.

[2]) §§ XXXIV—XXXIX Положенія о жен. гимназіяхъ и прогимназіяхъ мин. нар. просв. 24-го мая 1870 г.

Отмѣненный проектомъ Положенія 1865 года § 5 Положенія 1860 года, по которому на начальника губерніи возлагалась обязанность содѣйствовать успѣху женскихъ училищъ изысканіемъ и обезпеченіемъ способовъ ихъ существованія, при чемъ въ случаѣ замѣченныхъ безпорядковъ онъ имѣлъ право дѣлать указанія попечительному Совѣту, а въ болѣе важныхъ случаяхъ сообщать попечителю округа и даже доводить до свѣдѣнія министра, возстановленъ Положеніемъ 1870 года. Но объ обязанности начальника губерніи изыскивать способы для обезпеченія училищъ въ новомъ Положеніи не упомянуто, а „въ видахъ лучшаго изысканія средствъ для училищъ", ему предоставлено право учреждать особые съ этой цѣлью комитеты. (§ VI). Отъ начальницы новымъ Положеніемъ не требовалось проектированное Положеніемъ 1865 года свидѣтельство на званіе „по крайней мѣрѣ" домашней учительницы, но тѣ, которыя имѣли такія свидѣтельства, могли преподавать въ прогимназіяхъ и въ низшихъ 3-хъ классахъ гимназій одинъ изъ учебныхъ предметовъ за особое вознагражденіе, что̀ предполагалось и Положеніемъ 1865 года. Кромѣ того онѣ должны были утверждаться не попечителемъ учебнаго округа (§ 8, 1865 года), а, въ гимназіяхъ, — министромъ. Точно также новымъ Положеніемъ не требовалось чтобы надзирательницы выбирались изъ лицъ, имѣющихъ свидѣтельства на званіе домашней учительницы; выборъ ихъ предоставлялся начальницѣ, а утвержденіе — попечителю. Предсѣдатель попечительнаго Совѣта долженъ былъ выбираться не ежегодно, какъ полагалось Положеніемъ 1865 года, а каждые три года. Въ составѣ попечительнаго Совѣта, выборъ котораго въ заведеніяхъ, содержимыхъ на счетъ частнаго лица, предоставленъ, какъ и Положеніемъ 1865 года, этому лицу, по новому Положенію должны были находиться въ качествѣ непремѣнныхъ членовъ Совѣта директоръ гимназіи или штатный смотритель, а также начальница. Изъ круга дѣйствій педагогическаго Совѣта исключены: выборъ книгъ для библіотеки и разсмотрѣніе и одобреніе программъ преподаванія по каждому предмету; эти вопросы должны были, по новому Положенію, представляться на утвержденіе высшаго учебнаго начальства. Тоже и относительно предложеній объ отступленіи отъ нормальнаго устройства учебной части или объ улучшеніяхъ, которыя потребовали бы пособія отъ казны. (§§ XX и XXII). Къ § 22-му Положенія 1865 года о назначеніи учителей и учительницъ сдѣлано примѣчаніе, что въ трехклассныхъ прогимназіяхъ и въ

низшихъ трехъ классахъ гимназій преподаваніе поручается преимущественно, гдѣ окажется возможнымъ, лицамъ женскаго пола.

По учебной части въ новомъ Положеніи, сравнительно съ Положеніемъ 1865 года, сдѣланы слѣдующія измѣненія: преподаваніе ариѳметики въ прогимназіяхъ должно было сопровождаться „возможно практическимъ приспособленіемъ къ веденію счетовъ“, а изъ рукодѣлій положено обучать лишь необходимымъ въ обыкновенномъ домашнемъ быту. Изъ программы гимназій исключено „сообщеніе главнѣйшихъ понятій изъ химіи“. Восьмой, дополнительный, курсъ могъ быть учреждаемъ при гимназіяхъ (въ Положеніи 1865 года сказано *находится*) и продолжаться, гдѣ окажется возможнымъ, не одинъ, а два года (§ IV). Практическія упражненія ученицъ этого спеціальнаго курса должны происходить подъ руководствомъ не только учителей (по Положенію 1865 года), а и преподавательницъ женской гимназіи. Особою инструкціею министра народнаго просвѣщенія опредѣляются, по новому Положенію, не только объемъ преподаванія предметовъ учебнаго курса общаго и спеціальнаго, но и распредѣленіе ихъ по классамъ, число уроковъ по каждому предмету, также возлагавшихся Положеніемъ 1865 года на попечительскій Совѣтъ и утверждаемое попечителемъ учебнаго округа, составленіе правилъ испытанія ученицъ при ихъ пріемѣ, переводѣ изъ класса въ классъ и по окончаніи курса, „а равно и другія подробности, относящіяся къ учебному дѣлу“. Число наградъ при выпускахъ ограничено двумя золотыми и тремя серебряными медалями.

Изъ новаго Положенія совсѣмъ исключены §§ Положенія 1865 года о томъ, что въ гимназіяхъ или прогимназіяхъ, содержимыхъ на счетъ одного сословія и не получающихъ пособія отъ казны, ученицы другихъ сословій допускаются съ согласія попечительнаго Совѣта, состоящаго изъ представителей содержащаго заведеніе сословія, что ученицы могутъ быть принимаемы и въ теченіе всего учебнаго года, о публичныхъ актахъ въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ о дозволеніи начальницамъ, воспитательницамъ и преподавательницамъ содержать пансіонерокъ. (§§ 32, 33, 36, 52).

Права ученицъ по окончаніи курса дополнены сравнительно съ Положеніемъ 1865 года тѣмъ, что право на званіе первоначальной учительницы и учительницы народныхъ училищъ предоставлено и ученицамъ „хотя не получившимъ медалей, но окончившимъ общій курсъ гимназіи“.

Это Положеніе было Высочайше утверждено 24-го мая

1870 года. Вмѣстѣ съ тѣмъ было Высочайше утверждено и мнѣніе государственнаго Совѣта о введеніи Положенія въ учебныхъ округахъ: петербургскомъ, московскомъ, харьковскомъ, казанскомъ, одесскомъ, и въ губерніяхъ: черниговской, полтавской, западной и восточной Сибири, а также объ отпускѣ въ 1870 г. изъ государственнаго казначейства въ распоряженіе министра народнаго просвѣщенія 50.000 рублей „сверхсмѣтнымъ кредитомъ на счетъ остатковъ отъ заключенныхъ смѣтъ, а на будущее время производить ежегодно отпускъ потребныхъ на такія пособія суммъ, сообразно средствамъ государственнаго казначейства, съ тѣмъ при томъ, чтобы суммы эти не превышали въ годъ ста-пятидесяти тысячъ рублей“ [1]).

По отчету министра народнаго просвѣщенія за 1870 годъ женскія учебныя заведенія министерства раздѣлялись на двѣ категоріи: 1) гимназія и училища 1 и 2 разрядовъ, содержимыя на частныя средства, управлявшіяся попечительными Совѣтами изъ представителей министерства, мѣстныхъ обществъ и сословій и 2) гимназій, прогимназій, вполнѣ или въ значительной части содержимыхъ на счетъ правительства и непосредственно подчиненныхъ управленію министерства.

Училища первой категоріи, имѣвшія одинъ общій уставъ, находились во всѣхъ губерніяхъ учебныхъ округовъ: петербургскаго, московскаго, харьковскаго, казанскаго, одесскаго, въ двухъ губерніяхъ (черниговской и полтавской) кіевскаго, въ западной и восточной Сибири. Распредѣленіе 50.000 рублей, сказано въ отчетѣ, дало возможность преобразовать всѣ женскія училища 1 разряда въ гимназіи и 75 училищъ 2-го разряда въ прогимназіи. Остались непреобразованными 29 училищъ 2-го разряда.

На новомъ Положеніи къ концу года открылись двѣ гимназіи: въ Владимірѣ на счетъ земства и въ Уральскѣ на счетъ войсковыхъ суммъ, и четыре прогимназіи: въ Корочѣ (курской губ.), Орлѣ, Нолинскѣ (вятской губ.), Перекопѣ на счетъ городскихъ обществъ, земствъ и частныхъ лицъ. Къ концу 1870 года училищъ первой категоріи было—151 : 43 гимназіи, 79 прогимназій, 29 женскихъ училищъ 2-го разряда; число учащихся въ нихъ 14.631. Педагогическіе курсы были учреждены при 10 гимназіяхъ: костромской, харьковской, нижегородской, казанской, самарской, вятской, таганрогской, херсонской, николаевской, тверской. Стоимость содержанія 42 гимназій, 79 прогим-

[1]) Высоч. утвержд. 24-го мая 1870 года мнѣніе гос. Сов. по проекту Полож. о жен. гимн. и прог. мин. нар. просв. (*Радевичъ*. Сборникъ дѣйствующихъ постановленій и распоряженій по жен. гимн. и прог. мин. нар. прос. С.-Пет. 1884 г.).

назій и 25 училищъ 2-го разряда простиралось до 477.498 рублей 22 коп. Въ этой суммѣ 50.000 рублей изъ государственнаго казначейства составляли около 10%. Отъ земствъ получено 77.379 рублей, отъ городскихъ обществъ 113.074 рубля. Въ среднемъ содержаніе каждой гимназіи обходилось въ столичныхъ округахъ по 6.451 рублей, прогимназіи—1.157 рублей въ годъ.

Женскія училища второй категоріи, имѣвшія каждое свой особый уставъ, и управлявшіяся непосредственно учебнымъ вѣдомствомъ министерства, а по курсу приближенныхъ къ училищамъ первой, находились въ округахъ: кіевскомъ (1 гимназія и 3 прогимназіи), дерптскомъ (1 гимназія), виленскомъ (1 высшее училище), варшавскомъ (9 гимназій, 2 высшихъ училища, 11 прогимназій). Учащихся во всѣхъ этихъ заведеніяхъ было въ 1870 году 2.347. Въ виленскомъ округѣ министерству было подчинено только одно высшее женское шестиклассное училище въ Вильнѣ съ пансіономъ и по курсу приближенное къ гимназіямъ. Оно получало на свое содержаніе 11.000 рублей изъ государственнаго казначейства и помѣщалось въ собственномъ домѣ. На средства же государственнаго казначейства содержались: 1 гимназія въ Кіевѣ и прогимназіи: въ Немировѣ, Златополѣ, Бѣлой Церкви. При кіевской гимназіи были учреждены педагогическіе курсы. Въ 1868 году была открыта въ Ригѣ Ломоносовская женская гимназія, „единственное высшее женское училище, получавшее отъ правительства пособіе“. На постройку дома для этой гимназіи отпущено казною 27.000 р. и на исправленіе зданія кіевской гимназіи 10.667 рублей. Всѣ женскія гимназіи и прогимназіи варшавскаго округа получали полное содержаніе отъ казны.

Общая стоимость 11 женскихъ гимназій, двухъ высшихъ училищъ и 11 прогимназій второй категоріи, простиралась до 210.956 рублей въ годъ. Изъ нихъ 205.551 рубль отпускались государственнымъ казначействомъ; отъ городскихъ обществъ и изъ другихъ источниковъ получалось 5.405 рублей [1]).

Еще до изданія Положенія 1870 года о женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ министерства, государственный Совѣтъ мнѣніемъ, Высочайше утвержденнымъ 22-го апрѣля 1868 года, по вопросу о спеціальныхъ испытаніяхъ, постановилъ: требовать отъ желающихъ получить званіе учителя учебныхъ заведеній вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи испытанія, установленнаго для учителей гимназій, а отъ учителей уѣздныхъ училищъ,

[1]) Отчетъ мин. нар. прав. за 1870 годъ. (Журн. мин. нар. пр. 1872 г. Ч. 160).

домашнихъ учителей и учительницъ женскихъ гимназій, въ предѣлахъ гимназическаго курса относительно главныхъ предметовъ, и курса уѣздныхъ училищъ въ предметахъ вспомогательныхъ.

Въ § 12 мнѣнія сказано: лица женскаго пола не обучавшіяся въ учебныхъ заведеніяхъ, дающихъ право домашней учительницы, подвергаются полному испытанію наравнѣ съ домашними учителями; но имѣющія свидѣтельство объ успѣшномъ окончаніи курса въ женскомъ училищѣ 1-го разряда министерства народнаго просвѣщенія, держатъ только сокращенное испытаніе (§ 13); окончившія полный курсъ въ такихъ женскихъ училищахъ министерства, при которыхъ существуютъ педагогическіе курсы, а также въ женскихъ гимназіяхъ вѣдомства Императрицы Маріи, освобождаются отъ испытаній и получаютъ званіе домашнихъ учительницъ или наставницъ по одобрительнымъ свидѣтельствамъ изъ означенныхъ заведеній [1]).

Съ изданіемъ этого постановленія въ министерство стали поступать ходатайства объ открытіи педагогическихъ курсовъ при разныхъ женскихъ училищахъ. Такія ходатайства подкрѣплялись заявленіями, поступавшими и раньше, о недостаткѣ, особенно чувствительномъ въ нестоличныхъ городахъ, учительскихъ силъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ этотъ недостатокъ былъ такъ великъ, что затруднялъ открытіе даже элементарныхъ школъ.

Попечитель казанскаго учебнаго округа предлагалъ въ виду трудности пріисканія учителей вообще и въ особенности для женскихъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ плата учителямъ была низка, приглашать не учителей, а учительницъ, при чемъ имѣющія званіе домашнихъ учительницъ преподавали бы въ низшихъ классахъ гимназій и въ прогимназіяхъ, а для высшихъ необходимо было, по мнѣнію попечителя, приготовлять учительницъ въ особыхъ институтахъ, гдѣ бы онѣ получили болѣе обширныя познанія, чѣмъ тѣ, какія выносятъ изъ женскихъ училищъ и институтовъ. Соглашаясь съ этой мыслью, графъ Толстой полагалъ нужнымъ предварительно собрать свѣдѣнія о подобномъ заведеніи въ Берлинѣ, куда и былъ съ этой цѣлью командированъ директоръ третьей петербургской гимназіи, Лемоніусъ въ 1870 году. По мнѣнію попечителя казанскаго учебнаго округа учительскія семинаріи нужны и для учителей, такъ какъ и они обладаютъ лишь теорстическими свѣдѣніями.

Почти полное отсутствіе сколько-нибудь подготовленныхъ къ дѣлу учителей было сознано и земскими учрежденіями при са-

---

[1]) Журн. мин. нар. пр. 1868 г. Ч. 139.

момъ ихъ открытіи. Въ первыхъ же своихъ сессіяхъ земства, за небольшими исключеніями, пришли къ мысли о необходимости, какъ въ видахъ экономіи, такъ и для пользы дѣла народнаго образованія, привлечь къ нему учительницъ. Избранная новоузенскимъ (самарской губерніи) уѣзднымъ собраніемъ [1]) 25 сентября 1865 года коммиссія для обсужденіи вопроса объ учрежденіи земскихъ школъ предлагала или учредить двѣ центральныя школы съ цѣлью приготовленія учителей и учительницъ, или нѣсколько волостныхъ земскихъ школъ, увеличивъ ихъ средства сравнительно съ существовавшими до тѣхъ поръ приходскими школами.

Собраніе постановило учреждать особыя земскія школы, мужскія и женскія на одинаковыхъ основаніяхъ, съ четырехлѣтнимъ курсомъ и программой, въ которую должны были входить: законъ Божій, русскій языкъ, ариѳметика, начальныя основанія землемѣрія (геометрія), начальныя основанія географіи, особенно Россіи, начальныя понятія общей исторіи, въ особенности русской, общія основанія естественныхъ наукъ, общія понятія о судоустройствѣ, судопроизводствѣ и о земскихъ учрежденіяхъ, черченіе и чистописаніе, а въ женскихъ и рукодѣліе. По проекту земства, учителямъ и учительницамъ полагалось одинакое вознагражденіе: старшимъ по 700 рублей въ годъ, ихъ помощникамъ или помощницамъ по 400 р.; и требованія отъ нихъ были одинаковы: даже тѣ учителя и учительницы, которые имѣли дипломъ на званіе домашняго учителя или учительницы, должны были подвергаться испытанію на даваемое имъ званіе въ одномъ изъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія. При школахъ полагался приготовительный классъ, а ученіе должно было быть безплатнымъ. Учительницы могли преподавать и въ мужской школѣ. Опредѣленіе и увольненіе учительскаго персонала, также завѣдующихъ хозяйственной частью, лежало на обязанности земства.

Подчиняя училища министерству народнаго просвѣщенія и училищному Совѣту, новоузенское земство предоставляло на усмотрѣніе учителей и учительницъ опредѣленіе на первое время пріемнаго возраста и способностей учащихся съ условіемъ, чтобы въ приготовительный классъ они принимались въ теченіе всего года, а въ высшіе съ 15-го сентября по 15-е октября. Расходъ

---

[1]) Предсѣдателемъ управы въ этомъ первомъ собраніи былъ избранъ крестьянинъ слободы Покровской Зоря, а членами: чиновникъ по наблюденію за порядкомъ въ волостяхъ уѣзда и колонистъ колоніи Краснаго Яра.

на семь училищъ (изъ нихъ три женскія) былъ опредѣленъ въ 10.500 р. [1]).

Ходатайство объ учрежденіи такихъ школъ не сразу было удовлетворено министромъ. Въ виду новости дѣла оказалось нужнымъ выяснить вопросы: къ какимъ учебнымъ заведеніямъ школы должны быть причислены, гдѣ и какъ экзаменовать учителей и учительницъ? Директоръ самарскихъ училищъ обратился за разъясненіемъ ихъ къ попечителю казанскаго округа, а попечитель къ министру. По распоряженію послѣдняго программа новоузенскаго земства была передана въ учебный комитетъ министерства. Комитетъ, найдя ее шире программы уѣздныхъ училищъ, призналъ, что такія школы не должны состоять въ вѣдѣніи уѣздныхъ и губернскихъ училищныхъ Совѣтовъ, и примѣнивъ къ нимъ статью 9 устава гимназій и прогимназій 1864 г., пришелъ къ заключенію, что новоузенскія школы должны считаться частными учебными заведеніями, подчиняться непосредственному вѣдѣнію директора училищъ самарской губерніи, открываться съ разрѣшенія попечителя учебнаго округа, а также что новоузенское земское собраніе имѣетъ право установлять курсъ, опредѣлять учителей, распоряжаться хозяйственной частью и что вообще такія школы должны подлежать общимъ постановленіямъ о частныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія.

Сообщая объ этомъ попечителю казанскаго учебнаго округа, управлявшій въ 1866 году министерствомъ прибавлялъ, что, по его мнѣнію, „въ интересахъ обученія сельскаго населенія“, необходимо исключить изъ курса естественныя науки, „преподаваніе которыхъ въ сжатомъ объемѣ не можетъ приносить пользы, а напротивъ, какъ опытъ доказалъ, приноситъ положительный вредъ“, также судоустройство и судопроизводство, преподавать которыя могутъ только юристы, и Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ, какъ предметъ, вовсе не соотвѣтствующій возрасту учащихся“.

По выслушаніи доклада объ этомъ земской управы, собраніе 27-го сентября 1866 года, на томъ основаніи, что „черезъ исключеніе изъ программы земскихъ школъ естествовѣдѣнія и судопроизводства самъ собою измѣняется характеръ проекти-

[1]) Журналъ уѣзд. земск. собранія, 25-го сент. 1865 г.—Собраніе постановленій новоуз. зем. собранія и докладовъ новоуз. зем. управы самарской губ. за 1865—1873 гг. Составилъ по порученію новоуз. уѣзд. зем. собранія гласный Н. Н. Штерцеръ подъ редакціею гласнаго новоуз. зем. управы П. Ильенко-Петровскаго. Самара. 1887 г. Изданіе новоуз. земства.

рованныхъ школъ, какъ ихъ желало поставить земство“ и что опѣ „спизойдутъ въ разрядъ обыкновенныхъ уѣздныхъ училищъ“, избрало особую комиссію для новаго разсмотрѣнія вопроса: нужны ли проектированныя земствомъ школы? Въ слѣдующемъ очередномъ собраніи 10-го, 11-го и 12-го сентября 1867 года, на которое были приглашены учительницы съ правомъ совѣщательнаго голоса, было рѣшено изъ семи школъ оставить только три (изъ нихъ одну женскую) и пригласить на службу земства двухъ учительницъ въ двѣ мужскія школы.

Въ собраніи уѣзднаго земства 20-го іюля 1868 года было прочитано заявленіе государственнаго крестьянина села Питерки о томъ, что начальница саратовскаго Маріинскаго института отказала ему въ пріемѣ въ институтъ его дочери, какъ принадлежащей къ податному сословію. Поэтому онъ просилъ земское собраніе ходатайствовать о разрѣшеніи принимать въ институтъ, на общихъ условіяхъ, и крестьянскихъ дѣтей. Собраніе постановило удовлетворить эту просьбу, ибо „пришло къ убѣжденію, что сообразно духу времени и съ введеніемъ милостью Монарха различныхъ реформъ къ народному благу, является настоятельная потребность въ высшемъ образованіи и податного сословія“ [1]).

Въ засѣданіи московскаго земскаго собранія 6—8 декабря 1866 года, учрежденная земствомъ въ 1865 году постоянная комиссія по народному образованію, вмѣсто порученнаго ей доклада объ устройствѣ женской губернской земской гимназіи, представила докладъ объ устройствѣ женской учительской семинаріи въ составѣ трехъ классовъ. Находя что женскихъ гимназій достаточно, комиссія предлагала учредить при женской семинаріи первоначальное училище—для практическихъ упражненій обучающихся въ семинаріи, и затѣмъ преподаваніе всѣхъ предметовъ [2]) въ народныхъ училищахъ, кромѣ закона Божія, поручать женщинамъ. Это предложеніе комиссія мотивировала тѣмъ, что при равныхъ познаніяхъ, женщина лучше мужчины умѣетъ передавать дѣтямъ свои знанія, въ ея преподаваніи меньше сухости и педантизма, а больше терпѣнія и кротости. При этомъ было высказано, что въ Пруссіи учитель часто замѣняется учительницею, что и въ Россіи женщина-преподавательница не рѣд-

[1]) Сб. постановленій новоузенскаго у. з. за 1868—1870 гг.

[2]) Чтеніе, письмо, четыре дѣйствія ариѳметики, объясненіе Положенія о земскихъ и мировыхъ учрежденіяхъ съ краткимъ обзоромъ главнѣйшихъ законовъ, относящихся до правъ и обязанностей, также, въ видѣ чтенія и бесѣды, необходимыя свѣдѣнія изъ русской географіи, сельскаго хозяйства, исторіи Россіи и русской церкви, рисованіе и черченіе, церковное пѣніе, рукодѣлія и ремесла.

кость, что у насъ, въ школахъ вѣдомства государственныхъ имуществъ, завѣдующія ими женщины пользуются довѣріемъ крестьянъ, которые ихъ не чуждаются; въ случаѣ же еслибы число учительницъ въ настоящее время оказалось недостаточнымъ, то въ женскихъ заведеніяхъ и пріютахъ скоро можно подготовить для земскихъ училищъ смотрительницъ, „хотя бы не совершенно соотвѣтствующихъ требованіямъ программы, но, по крайней мѣрѣ, не подверженныхъ общему пороку нетрезвости“ [1]). Къ этому было прибавлено соображеніе, что за 300 рублей въ годъ можно найти удовлетворяющую требованіямъ программы учительницу, а дѣльнаго учителя нельзя. Собраніе постановило поручить надзоръ за земскими училищами и обученіе въ нихъ женщинамъ, давая имъ помощницъ тамъ, гдѣ число учащихся будетъ выше ста; лѣтомъ устраивать съѣзды, созываемые и предсѣдательствуемые однимъ изъ земскихъ членовъ училищнаго Совѣта попечителей, попечительницъ, законоучителей, смотрительницъ. На учрежденіе земскихъ, шестилѣтнихъ, съ раздѣленіемъ на 3 класса, училищъ, отдѣльные уѣзды московской губерніи назначили до 30.000 р.

Обсуждая вопросъ объ учительницахъ въ слѣдующемъ году, губернская управа въ своемъ докладѣ собранію высказала мнѣніе, что можно сдѣлать опытъ женскаго преподаванія и надзора въ школахъ для безплатнаго обученія, открываемыхъ самимъ земствомъ, но для училищъ не своихъ, а содержимыхъ на частныя средства, преимущественно крестьянскихъ обществъ, земство должно имѣть въ виду требованія среды, заинтересованной въ дѣлѣ. Между тѣмъ „образованныя въ столичной семинаріи сельскія наставницы, болѣе или менѣе чуждыя средѣ, куда входятъ, едва ли будутъ приняты сочувственно сельскими обществами“, а поэтому ихъ надо выбирать изъ крестьянъ [2]).

Соглашаясь съ этимъ мнѣніемъ, губернское земское собраніе постановило не открывать особой женской учительской семинаріи, а съ 1868 года помѣщать 30 стипендіатокъ земства на женскіе педагогическіе курсы г-жи Чепелевской въ Москвѣ, съ платою за каждую по 232 рубля въ годъ. Въ 1871 году эти курсы были преобразованы въ женскую учительскую семинарію съ двумя классами и двухгодичными курсами въ каждомъ. Стипендіатками земства могли быть дѣвушки всѣхъ сословій, не моложе 14-ти лѣтъ въ младшемъ классѣ и 16-ти въ старшемъ. Онѣ

[1]) Журн. мин. нар. пр 1867, № 133.—„Моск. Вѣд.“ 1866 г., № 263

[2]) Журн. мин. нар. пр. 1868 г. Ч. 137.

обязывались прослужить по окончаніи курса земству четыре года учительницами въ сельскихъ школахъ и трехклассныхъ женскихъ городскихъ училищахъ. Для подготовленія къ поступленію въ учительскую семинарію Чепелевской, земство въ 1878 г. учредило въ память князя Черкасскаго 10 стипендій въ Маріинскомъ Ризположенскомъ церковномъ училищѣ, по 150 рублей въ годъ каждая [1]).

Съ тою же цѣлью—приготовленія учительницъ для земскихъ школъ—и другія земства, въ 1867—1869 годахъ, назначили или увеличили даваемое ими женскимъ гимназіямъ и училищамъ пособіе, при чемъ почти всѣ земства обусловливали его учрежденіемъ при нихъ педагогическихъ курсовъ для приготовленія наставницъ земскихъ школъ; въ нѣкоторыхъ губерніяхъ земство брало на себя плату за обученіе въ гимназіи тѣхъ учепицъ пятаго или шестаго класса, которыя соглашались, по окончаніи курса, поступить на два или три года сельскою учительницею съ вознагражденіемъ въ 120—150 рублей въ годъ и квартирою.

Въ первой сессіи, 1865 года, казанскаго губернскаго земства, при обсужденіи вопроса о подготовленіи учителей для „будущихъ“ народныхъ училищъ, гласный Бутлеровъ предложилъ учредить въ Казани училища, „гдѣ бы преподавались всякому желающему, безъ различія пола, искусство обучать грамотѣ по какому-либо звуковому методу и чтобы впослѣдствіи обучившіеся получали преміи за обученіе дѣтей“ [2]).

Четыре года спустя, въ 1869 году, собраніе поручило особой комиссіи выработать подробности устройства учительской семинаріи, также „предоставить возможность и дать средства народными учителями становиться женщинамъ“. Сначала было предположено учредить смѣшанные учительскіе классы, при чемъ для пенсіонеровъ рѣшено было нанять особое помѣщеніе, а пенсіонерокъ, „если будутъ таковыя“, устроить при женскомъ отдѣленіи сиротскаго дома. Вольнослушатели обоего пола допускались въ семинарію даромъ. Но когда земство узнало, что правительство предполагаетъ открыть въ Казани мужскую учительскую семинарію, то оно рѣшило учредить исключительно женскую.

По проекту комиссіи, одобренному губернскимъ земскимъ собраніемъ 1870 года, въ школу для приготовленія сельскихъ

[1]) Сборникъ статист. свѣдѣній по моск. губ. Т. IX. Народное образованіе. Москва. 1884 г.

Сводъ постановленій казанскаго губернскаго земскаго собранія съ 1865 по 1887 г. Изданіе губ. земства. Казань. 1887 г.

учительницъ должны были приниматься преимущественно изъ крестьянскаго сословія; школа устраивалась на первое время какъ заведеніе закрытое, воспитанницамъ полагалось прививать привычки „чистоплотности и порядка“, также знакомить ихъ со всѣми женскими промыслами и работами сельскихъ жителей. При школѣ съ четырехлѣтнимъ курсомъ, изъ которыхъ въ старшемъ воспитанницы должны были заниматься въ устроенномъ при сиротскомъ домѣ образцовомъ начальномъ училищѣ, на первое время открывался и приготовительный классъ. Завѣдываніе школою въ хозяйственномъ отношеніи возлагалось на губернскую земскую управу, а ближайшее—на одного изъ ея членовъ, входящаго въ составъ Совѣта, которому ввѣрялось собственно управленіе школою и завѣдываніе педагогическою ея частью. Совѣту подчинена была и начальница, назначаемая и увольняемая особымъ комитетомъ, которому поручалось составленіе инструкцій для всѣхъ служащихъ въ школѣ. Полная, нормальная смѣта на содержаніе ея была опредѣлена въ 13.391 р. 24 к. Въ школу допускались и пенсіонерки частныхъ лицъ. Въ проектѣ Положенія школы, § 9, было оговорено, что административныя лица министерства народнаго просвѣщенія посѣщаютъ, осматриваютъ, ревизуютъ школу и присутствуютъ на экзаменахъ на общихъ основаніяхъ, по министерству установленныхъ.

Въ школу могли поступать дѣвицы 14-ти и въ исключительныхъ случаяхъ 12-ти лѣтъ, съ обязательствомъ по окончаніи курса, прослужить земству 2 года для дочерей чиновниковъ и духовнаго званія, а также для помѣщаемыхъ кандидатками отъ уѣздныхъ и губернскихъ управъ дочерей мѣщанъ. Немогущія исполнить это обязательство по причинѣ выхода замужъ, освобождались отъ него, также при условіи единовременнаго взноса 100 рублей.

Школа была открыта 3 ноября 1871 года, въ 1872 году была утверждена составленная управою программа, а въ 1873 году земство отпустило для школы 25.000 рублей. Въ программу были включены и естествовѣдѣніе, физика, всеобщая исторія, которую, также какъ и русскую, по предложенію комиссіи, положено преподавать въ „неразрывной связи и послѣдовательности“.

Ходатайство попечительнаго Совѣта школы о выдачѣ воспитанницамъ атестата, безъ особаго испытанія, на званіе домашнихъ и народныхъ учительницъ, было удовлетворено министромъ въ 1874 году, но съ условіемъ, чтобы окончательныя испытанія на званіе *народныхъ* учительницъ происходили въ присут-

ствіи депутата отъ учебнаго вѣдомства; относительно права на званіе *домашнихъ* учительницъ рѣшеніе министра было отложено до „особаго увѣдомленія“.

Въ 1879 году число воспитанницъ школы было уменьшено съ 80-ти на 60 по представленію предсѣдателя попечительнаго Совѣта о томъ, что скоро число кончившихъ курсъ воспитанницъ школы будетъ превосходить число свободныхъ въ сельскихъ школахъ мѣстъ. Тогда собраніе постановило, чтобы на освобождающіяся 20 мѣстъ принимались частныя пенсіонерки съ платою по 120 р. въ годъ за каждую, и поручило управѣ выработать, вмѣстѣ съ попечительнымъ Совѣтомъ школы, проектъ устройства при ней курсовъ для приготовленія фельдшерицъ, сестеръ милосердія, или акушерокъ.

Въ сессіи 1879 года, собраніе выразило благодарность директору народныхъ училищъ „за участіе, которое онъ принималъ въ дѣлахъ школы“, а въ 1880, оно уполномочило предсѣдателя выразить глубокую признательность собранія попечителю казанскаго учебнаго округа „за постоянное и благосклонное вниманіе къ школѣ“.

Избранная самарскимъ земскимъ собраніемъ еще въ 1869 г. комиссія для обсужденія характера и устава учреждаемой земствомъ учительской школы высказалась за учрежденіе женской, а не мужской, мотивировавъ свой взглядъ примѣрами болѣе удачнаго веденія дѣла въ губернскихъ школахъ, завѣдуемыхъ женщинами, нежели въ тѣхъ, которыми завѣдуютъ мужчины, бо́льшей способностью женщинъ къ педагогической дѣятельности, недостаточностью запроса на женскій трудъ и дешевизной женской работы, а это, говорила комиссія, служитъ вѣрнымъ залогомъ того, что женщины будутъ болѣе дорожить своими обязанностями сельской учительницы. Комиссія сослалась и на то, что „образованіе женщины вообще, не только какъ учительницы, но и какъ матери семейства, будетъ служить вѣрнѣе и успѣшнѣе къ постоянному выполненію задачи народнаго образованія нежели образованіе отцовъ... Едва ли можно указать—говорила она,—хоть одинъ примѣръ грамотной матери, у которой дѣти не были бы грамотными, хотя бы не посѣщали школы; а въ большинствѣ даже случаевъ весьма образованные отцы не имѣютъ возможности или склонности къ воспитанію своихъ дѣтей“ [1]). Собраніе единогласно приняло предложеніе комиссіи и постановило учредить женскую учительскую школу съ четырехлѣтнимъ

[1]) Журн. мин. нар. пр. 1870. Ч. 152.

курсомъ и программой, въ которую входили предметы: законъ Божій, русскій языкъ, методика, математика, физика, географія, исторія, чистописаніе, черченіе, рисованіе. На содержаніе школы было назначено 6.500 рублей въ годъ и рѣшено имѣть по пяти стипендіатокъ отъ каждаго уѣзда съ платою за каждую по 100 руб. въ годъ.

Министерство возвратило самарской управѣ этотъ проектъ, находя неудобнымъ смѣшивать въ школѣ двѣ цѣли: давать общее образованіе и приготовлять сельскихъ учительницъ. Оно предложило сократить программу сообразно спеціальному назначенію школы. Управа сдѣлала указанныя министерствомъ измѣненія и уже вновь отправила ему проектъ, но созванное въ 1871 году экстренное губернское собраніе, основываясь на Высочайшемъ повелѣніи 19 февраля 1868 года, по которому выборъ учебныхъ предметовъ въ каждомъ учебномъ заведеніи зависитъ отъ лица, открывающаго училище, и полагая что министерство не отказывало, а лишь сдѣлало свои замѣчанія, которыя собраніе въ правѣ принять или не принять, поручило управѣ вновь ходатайствовать объ утвержденіи первоначальнаго проекта. Получивъ отказъ министерства утвердить его, при чемъ существенное разногласіе заключалось въ цѣли школы и программѣ преподаванія алгебры, не входившей въ программу женскихъ заведеній вообще, собраніе уступило, и 10 октября 1871 года школа была открыта. 25 ученицъ поступило въ первый классъ, 4 во второй, 60 въ приготовительный. Изъ нихъ дочерей дворянъ и чиновниковъ 28, духовнаго званія 3, купцовъ 6, мѣщанъ 26, крестьянъ 20, нижнихъ воинскихъ чиновъ 5. Стипендіатокъ уѣздныхъ земствъ было 18; изъ нихъ 4 принадлежали къ привиллегированнымъ классамъ, 4 мѣщанскому, 10 крестьянокъ [1]).

Предположенія объ устройствѣ женскихъ учительскихъ школъ или семинарій возникали во многихъ губернскихъ и уѣздныхъ земствахъ; но въ большинствѣ случаевъ не осуществились отчасти вслѣдствіе независѣвшихъ отъ земствъ причинъ, отчасти вслѣдствіе разногласій по вопросу, возникавшихъ въ самомъ земствѣ [2]).

Вятское губернское земское экстренное собраніе 1867 года постановило, въ память спасенія императора Александра II отъ покушенія на его жизнь въ Парижѣ, назначить вят-

[1]) *Недѣля*. Газета политич. и литер., издаваемая П. Гайдебуровымъ, Е. Конради и Е. Рагозинымъ. 1872. №№ 27 и 28.

[2]) См. *Баронъ Николай Александровичъ Корфъ* въ письмахъ къ нему разныхъ лицъ. IV. М. Л. Песковскаго (Р. Старина 1894 г. окт.).

ской первоклассной женской гимназіи постоянное пособіе на устройство при ней особаго педагогическаго курса для приготовленія учительницъ сельскихъ школъ, съ тѣмъ, чтобы пособіе это давалось ученицамъ и 4 и 5 классовъ, также второклассныхъ гимназій и другимъ лицамъ, которыя заявятъ желаніе быть сельскими учительницами выдержавъ предварительное испытаніе [1]). Послѣ продолжительныхъ преній сумма пособія была опредѣлена въ 4.500 р. ежегодно и, кромѣ того, собраніе назначило еще 500 рублей въ годъ въ видѣ стипендій для пяти избранныхъ имъ воспитанницъ, приготовляющихся въ народныя учительницы, выразивъ при этомъ желаніе, чтобы въ ихъ числѣ были ученицы всѣхъ сословій: личныхъ дворянъ, духовнаго званія, купечества, мѣщанъ и крестьянъ.

Въ избранной собраніемъ 1869 года комиссіи для разработки вопроса о народномъ образованіи, предсѣдатель губернской управы высказался за свободный доступъ женщинъ всѣхъ сословій, при условіи средняго образованія, къ педагогической практикѣ въ мужскихъ и женскихъ школахъ, но съ тѣмъ, чтобы онѣ были сначала допущены въ смѣшанные классы. Сославшись на солидное образованіе, получаемое воспитанницами женскихъ духовныхъ училищъ, образованіе, которое выше даваемаго въ мужской Молодечненской семинаріи, онъ предложилъ поставить вопросъ о наиболѣе раціональномъ приспособленіи программъ среднихъ женскихъ учебныхъ заведеній къ педагогическимъ цѣлямъ усиленнымъ преподаваніемъ естествовѣдѣнія и родиновѣдѣнія; также признанія того, что спеціальныя цѣли нормальной школы, не говоря объ общеобразовательныхъ, и въ особенности сельскохозяйственныя, должны быть абсолютно общими какъ для мужчинъ, такъ и для женщинъ [2]).

Но въ первомъ же засѣданіи педагогическаго Совѣта гимназіи съ участіемъ членовъ отъ земства, обнаружилось разногласіе между послѣдними и Совѣтомъ какъ относительно предложенной Совѣтомъ программы, такъ и участія представителей земства въ педагогическомъ Совѣтѣ. Совѣтъ предлагалъ преподавать въ педагогическомъ классѣ лишь элементарные предметы: законъ Божій, русскій и церковнославянскій языки, ариѳметику, чистописаніе, черченіе, пѣніе. Члены отъ земства, обусловливая необходимость своего участія въ Совѣтѣ не только наблюденіемъ

[1]) Сборн. постан. вятскаго губернскаго земства за 25 лѣтъ (1867—1892). Изд. вятскаго губ. земства. Вятка. 1894 г.

[2]) Протоколъ 4-хъ засѣданій комиссіи, назначенной вятскимъ губернскимъ зем. собраніемъ для разработки вопроса о народ. образованіи. Вятка. 1869 г.

за правильнымъ расходомъ земскихъ суммъ, но и тѣмъ, чтобы программа педагогическаго класса была приспособлена къ цѣлямъ и условіямъ земской школы, настаивали на ея расширеніи введеніемъ преподаванія естественныхъ наукъ, „что необходимо для учительницъ сельскихъ школъ, учащіеся которыхъ находятся въ условіяхъ полной темноты и предразсудковъ на счетъ явленій природы“. Въ 1870 году педагогическій классъ былъ открытъ при гимназіи; но въ 1874 году управа предложила собранію прекратить отпускъ на него 500 рублей, ибо въ теченіе трехъ лѣтъ кончили въ немъ курсъ всего 12 воспитанницъ и ни одна не пошла въ сельскія учительницы, а въ 1876 году собраніе признало полезнѣе устроить, вмѣсто педагогическаго класса, женскую учительскую семинарію, о чемъ еще въ 1872 году ходатайствовали уѣздныя земства: орловское и уржумское. Эти земства мотивировали тогда свои ходатайства тѣмъ, что изъ всего учительскаго персонала лучшими оказываются бывшія воспитанницы Маріинской женской гимназіи и епархіальнаго женскаго училища, которымъ, однако, недостаетъ педагогической подготовки, также, что учителя дороги и каждая школа стоитъ до 800 рублей въ годъ, что учительницы будутъ дешевле учителей. При этомъ приводился примѣръ казанской губерніи, гдѣ всѣ хвалятъ воспитанницъ учительской школы, а жалованья онѣ получаютъ всего по 15 рублей въ мѣсяцъ [1]).

Соглашаясь съ этимъ, уржумская управа указала на могущія встрѣтиться при этомъ неудобства: учительница можетъ выйти замужъ, хотя, по мнѣнію управы, это и не легко: „за кого выходить замужъ въ селѣ?—разсуждала она,—за бѣднаго—не сулитъ счастья, за богатаго—надо чтобы и семья была хорошая, но такіе женихи ищутъ и подходящихъ невѣстъ“. Болѣе серьезное неудобство управа видѣла въ томъ, что для поступленія въ учительскую семинарію нужно пройти курсъ начальнаго народнаго училища, а число учащихся въ нихъ дѣвочекъ очень незначительно. Въ 1874 году въ вятской губерніи было 17.177 учащихся мальчиковъ, а дѣвочекъ только 4.219. Кончилось тѣмъ, что собраніе постановило ходатайствовать передъ министромъ народнаго просвѣщенія объ открытіи министерствомъ въ Вяткѣ женской учительской семинаріи, и въ случаѣ если это ходатайство будетъ уважено, назначить ей въ пособіе по 500 рублей ежегодно.

---

[1]) Сессія губ. вятскаго собранія 1876 г., декабря 10. (Сборникъ постан. вятск. губ. зем. за 25 л.).

Въ собраніи 1869 года саратовскаго губернскаго земства, губернскій училищный Совѣтъ предложилъ учредить въ Саратовѣ женскую учительскую семинарію. Во время преній гласный князь Васильчиковъ высказалъ мысль, что у насъ еще рано распространять народное образованіе посредствомъ женскихъ школъ; нѣкоторые гласные предлагали усилить пособіе земства женской гимназіи мотивируя это тѣмъ, что есть сельскія учительницы, кончившія курсъ въ гимназіи. Управа предложила имѣть земскихъ стипендіатокъ въ частномъ училищѣ сельскихъ наставницъ при братствѣ Св. Креста. Послѣднее предложеніе было принято собраніемъ 1871 года [1]).

Харьковское губернское земское собраніе 1870 года постановило учредить въ Харьковѣ женскую учительскую школу. Въ слѣдующую сессію управа представила докладъ, въ которомъ, ссылаясь на 3-й пунктъ состоявшагося 14-го января 1871 года Высочайшаго повелѣнія о томъ, чтобы „поощрять женщинъ на поприщѣ воспитательномъ, гдѣ онѣ ужъ нынѣ занимаютъ должности учительницъ въ начальныхъ школахъ и низшихъ классахъ женскихъ гимназій, а буде признается возможнымъ, то предоставить учебному вѣдомству расширить еще кругъ ихъ дѣятельности на этомъ поприщѣ“, управа представила и проектъ школы. Она предполагалась въ видѣ закрытаго заведенія на 50 воспитанницъ, изъ которыхъ 22 стипендіатки губернскаго, а 28—уѣздныхъ земствъ, или частныхъ лицъ. Въ случаѣ свободныхъ вакансій онѣ могли быть занимаемы приходящими, безплатными ученицами. Отъ поступающихъ въ возрастѣ не моложе 16-ти лѣтъ, требовались знанія и аттестатъ второразряднаго женскаго училища или пріемное испытаніе. Въ программу курса, по проекту управы, входили: законъ Божій, педагогика, русскій языкъ съ церковно-славянскимъ, русская исторія въ связи съ главнѣйшими событіями всемірной, географія, математика, естествовѣдѣніе, чистописаніе, черченіе, хозяйственныя рукодѣлія, пѣніе. Курсъ двугодичный. Учителямъ или учительницамъ наукъ полагалось по 50 рублей годовой часъ, искусствъ—по 30 р. Плата за каждую воспитанницу была опредѣлена по 127 р. 98½ коп. Въ проектѣ устава были даже такія подробности, что воспитанницамъ слѣдуетъ мѣнять носильное бѣлье два раза въ недѣлю, а столовое и постельное одинъ разъ, что зимой онѣ ходятъ въ баню, по крайней мѣрѣ разъ въ мѣсяцъ, а лѣтомъ—въ особо нанятыя для

[1]) Журналы засѣданій Сарат. губ. зем. собр. (10 дек. 1870 года и 8-го дек. 1871 года).

того купальни [1]). На первоначальное обзаведеніе требовалось 2.527 р. 59 к., а ежегодное содержаніе должно было покрываться губернскимъ сборомъ въ пользу школъ въ суммѣ 8.375 р. 25 коп.

Редакціонная комиссія, разсматривавшая проектъ управы, единогласно высказалась противъ него, но признала такую школу нужною, только въ иномъ видѣ. Нѣкоторые члены сомнѣвались чтобы учительницы могли замѣнять учителей въ сельскихъ школахъ, говорили, что на основаніи бывшихъ немногихъ опытовъ, нельзя утверждать, что онѣ встрѣтятъ хорошій пріемъ со стороны сельскаго населенія и что крестьянскія общества будутъ имъ платить. Другіе находили, что проектированная управой школа слишкомъ дорога для земства, что нельзя требовать отъ поступающихъ знанія второразрядныхъ женскихъ училищъ, ибо такихъ училищъ совсѣмъ нѣтъ во многихъ уѣздахъ, а гдѣ они есть, туда поступаютъ „дѣти состоятельныхъ родителей, которые предназначаютъ ихъ для своихъ семействъ и не согласятся, чтобы онѣ были сельскими учительницами“. Третьи, соглашаясь съ тѣмъ, что трудъ женщинъ, на который мало спроса, былъ бы полезнѣе и прочнѣе мужскаго, находили, что „для дѣвушекъ въ 18 лѣтъ не свойственна роль миссіонеровъ въ нашихъ сельскихъ школахъ“, что образованной женщинѣ вступленіе „въ новую, грубую среду, и на долгое время“ сопряжено съ большими трудностями [2]). Поэтому комиссія предпочитала открыть не закрытое заведеніе, а педагогическіе курсы для женщинъ всѣхъ сословій. Противъ замѣны женскимъ трудомъ мужскаго высказался только одинъ гласный. Собраніе, большинствомъ 28-ми голосовъ противъ 16-ти, постановило учредить женскую учительскую школу, и, большинствомъ 25-ти противъ 19, принять проектъ управы, объ утвержденіи котораго и поручило ей ходатайствовать передъ правительствомъ. Въ 1872 году собраніе рѣшило, согласно съ управою, употребить на постройку дома для школы завѣщанный въ пользу народныхъ школъ губерніи землевладѣльцемъ Альферовымъ капиталъ въ 4.000 талеровъ. Но въ ходатайствѣ земства объ учрежденіи женской учительской школы было отказано „по распоряженію правительства“ [3]).

Херсонское губернское земское собраніе постановило въ 1874 году устроить педагогическіе классы для приготовленія сельскихъ учительницъ при женской прогимназіи и на это ассиг-

[1]) Журналы харьк. губ. зем. Собр. (журналъ 6-го дек. 1871 г.).

[2]) Докладъ редак. ком. 10-го дек. 1871 г.

[3]) Журналъ собр. 12-го окт. 1875 г.

новало 1.250 рублей въ годъ, а на пять стипендій въ этихъ классахъ 500 рублей. Въ 1876 году „въ виду пользы педагогическихъ классовъ“ было поручено управѣ представить соображенія объ ихъ расширеніи.

Управа предполагала устроить женскую учительскую семинарію [1]), но педагогическій Совѣтъ женской прогимназіи предложилъ устроить второй педагогическій классъ, чтобы можно было примѣнить планъ преподаванія въ немъ къ инструкціи учительской семинаріи. Собраніе, принявъ это предложеніе, назначило на оба класса 2.500 рублей въ годъ и на 10 земскихъ стипендіатокъ въ нихъ 1.000 рублей. Но въ сессію 1877 года оно „въ виду стѣсненнаго положенія денежныхъ средствъ земства и по случаю военнаго времени“ отложило учрежденіе второго класса.

Въ 1880 году, по предложенію тираспольскаго уѣзднаго земства устраивать съѣзды народныхъ учителей и учительницъ, ибо нѣкоторые учителя и всѣ 19 учительницъ, не обладая спеціальной подготовкой, не удовлетворяли своему назначенію, губернская управа предложила собранію назначать на должности учителей и учительницъ сельскихъ школъ преимущественно кончившихъ курсъ въ учительскихъ семинаріяхъ и женскихъ педагогическихъ курсахъ. Но въ этомъ же засѣданіи собранія, 15-го октября 1880 года, директоръ народныхъ училищъ высказался въ томъ смыслѣ, что „въ нѣкоторыхъ училищахъ гораздо было бы полезнѣе и приличнѣе поручить учительскую должность лицамъ не женскаго, а мужскаго пола“. Въ доказательство своей мысли онъ привелъ то, что въ образцовомъ земскомъ училищѣ учительницѣ-дѣвицѣ приходится нерѣдко замѣнять законоучителя, а естественнѣе было бы, по его мнѣнію, поручить это кончившему въ духовной семинаріи учителю. „Вообще,—сказалъ директоръ, — слѣдовало бы лицъ женскаго пола назначать на учительскія должности туда, гдѣ есть другой учитель; возлагать завѣдываніе училищемъ на лицо женскаго пола не вполнѣ полезно и требовать отъ него отвѣтственности за благосостояніе училища неудобно“. [2]).

Комиссія, избранная тульскимъ губернскимъ земскимъ собраніемъ въ 1878 году, предложила почтить память князя Черкасскаго учрежденіемъ женской учительской семинаріи его имени. Содержаніе ея было исчислено въ суммѣ 12.000 р. въ годъ.

[1]) Земскій Ежегодникъ за 1876 г. Изданъ Имп. Вол.-Экон. Общ. подъ ред. И. Е. Андреевскаго. С.-Пет., 1878 г.

[2]) Херсонское губ. зем. собраніе, 1880 г. Изд. з—ва. Херсонъ. 1885 г.

Собраніе поручило управѣ представить разработанный проектъ семинаріи къ экстренному собранію 1880 года [1]).

Ходатайство псковского губернскаго земскаго собранія объ учрежденіи земской учительской женской школы министерство народнаго просвѣщенія отклонило еще въ 1873 году сказавъ, что уже составляются соображенія о начертаніи особаго Положенія для женскихъ учительскихъ школъ и семинарій.

Графъ Толстой, относившійся впослѣдствіи сочувственно къ высшему женскому образованію и содѣйствовавшій его успѣхамъ, сначала смотрѣлъ съ недовѣріемъ на учительницъ даже низшихъ школъ. Онъ это прямо высказывалъ во время своего объѣзда учебныхъ заведеній въ 1878 году. Бывшій въ то время попечителемъ казанскаго учебнаго округа, Шестаковъ, разсказываетъ въ своихъ запискахъ [2]), что, ѣдучи на пароходѣ въ Сарапуль, графъ сказалъ ему: „въ сарапульской-то прогимназіи у васъ, я думаю, дѣло идетъ не важно; тамъ у васъ все учительницы, а я, признаюсь, не ожидаю отъ нихъ многаго". Но осмотрѣвъ эту прогимназію и присутствовавъ на урокахъ учительницъ ариѳметики, исторіи, географіи, русскаго, нѣмецкаго и французскаго языковъ, графъ нашелъ, что „преподаваніе ведется разумно, усердно и съ пользою" и благодарилъ учительницъ. То же повторилось и въ сызранской прогимназіи; и тутъ онъ убѣдился на дѣлѣ, что „учительницы могутъ вести и ведутъ дѣло преподаванія хорошо". „Не особенно", по словамъ Шестакова, онъ сочувствовалъ женскимъ учительскимъ школамъ и семинаріямъ, учреждаемымъ земствами.

Можетъ быть поэтому не сочувствовали имъ и нѣкоторые директора народныхъ училищъ. Тверская управа высказала въ своемъ докладѣ 14-го декабря 1877 года собранію, что причина недоброжелательнаго отношенія директора народныхъ училищъ къ тверской учительской школѣ Максимовича, между прочимъ лежитъ „въ апріорномъ предубѣжденіи противъ полезности женскаго труда въ дѣлѣ начальнаго обученія и отрицаніи всякой общественной и частной иниціативы въ дѣлѣ подготовленія учителей для народныхъ училищъ", а предсѣдатель весьегонской управы и весьегонскаго училищнаго Совѣта заявилъ, что въ уѣздѣ было семь учительницъ, вышедшихъ изъ школы Максимовича, и что земская управа „имѣла массу пререканій съ директоромъ относительно допущенія ихъ къ преподаванію, что въ отзывахъ

[1]) Земскій Ежегодникъ за 1878 г. С.-Пет. 1881 г.

[2]) Графъ Лм. Андр. Толстой въ 1866—1880 гг. Посмертныя записки П. Д. Шестакова. („Р. Стар.", 1891 г., апрѣль).

и личныхъ объясненіяхъ директоръ постоянно указывалъ на неудовлетворительность женскаго элемента въ составѣ учителей, и совѣтовалъ не брать учительницъ, а обращаться къ семинаристамъ“ [1]).

Съ какими трудностями приходилось бороться земствамъ при учрежденіи женскихъ учительскихъ семинарій, показываетъ исторія тверской и костромской школъ.

Тверская женская учительская школа была задумана въ 1869 году. Членъ губернской земской управы, состоявшій членомъ уѣзднаго кашинскаго земства, П. Максимовичъ, предложилъ сначала кашинскому уѣздному собранію, а потомъ и тверскому губернскому, подготовлять сельскихъ учительницъ, преимущественно изъ крестьянскаго званія. Обсужденіе этого предложенія, не встрѣтившаго сочувствія собранія, было отложено до будущей сессіи. Но Максимовичъ открылъ въ Твери на свои средства маленькую школу и, извѣщая объ этомъ губернское собраніе 1870 года, просилъ и уѣздныя земства посылать въ нее своихъ стипендіатокъ. Согласно утвержденному министерствомъ проекту, въ школѣ съ трехлѣтнимъ курсомъ должны были преподаваться: законъ Божій, русскій языкъ, краткій очеркъ русской исторіи съ болѣе подробными объясненіями важнѣйшихъ событій, тоже и по общей исторіи, краткій очеркъ всеобщей географіи съ болѣе подробными объясненіями физическаго отдѣла и географіи Россіи, чтеніе и объясненіе популярныхъ сочиненій по исторіи, путешествіямъ и гигіенѣ, ариѳметика, понятіе о линіяхъ, пересѣченіяхъ, площадяхъ и объемахъ тѣлъ, понятіе о математической географіи и о главнѣйшихъ явленіяхъ на ней основанныхъ, практическая методика, обученіе чтенію и письму съ главными основаніями педагогики. Допускалось, кромѣ того, обученіе воспитанницъ народной гигіенѣ, „сообразно съ размѣромъ ихъ развитія“, пѣнію, рукодѣліямъ „и другимъ предметамъ, тѣсно связаннымъ съ бытомъ крестьянства“ [2]). Ученицы принимались не моложе 15-ти лѣтъ и по окончаніи курса и выдержаніи испытанія, получали отъ учителей школы свидѣтельство, которое давало имъ право на преподаваніе въ народныхъ училищахъ; неполучившія мѣста въ училищѣ, могли обучать въ своихъ деревняхъ и черезъ нѣсколько лѣтъ переходить въ другую деревню. „Такимъ образомъ, — говорилъ Максимовичъ, — въ различныхъ мѣстностяхъ образуются грамотницы, бу-

[1]) Протоколъ губ. зем. собр. 14-го дек. 1877 года.

[2]) Исторія школы Максимовича подробно разработана въ изданіи тверского земства: Сборникъ матеріаловъ для исторіи тверского губ. земства 1866—1882 гг.

дущія матери семействъ, не нуждающіяся въ пособіи отъ земства для обученія своихъ дѣтей чтенію, письму и счету".

Министерство утвердило и проектъ, и программу школы. Большинство уѣздныхъ земскихъ собраній согласилось помѣщать въ нее своихъ стипендіатокъ. Въ слѣдующемъ году въ земскомъ собраніи было предложено взять школу на содержаніе земства. Комиссія, осматривавшая губернскія заведенія общественнаго призрѣнія, доложила земскому губернскому собранію, что школа Максимовича произвела на нее самое отрадное впечатлѣніе. Ученицъ въ 1871 году было 49, и въ ихъ числѣ 23 земскихъ стипендіатки. Изъ отвѣтовъ ученицъ она заключила о „разумномъ методѣ преподаванія и гуманности въ обращеніи съ ученицами". Поэтому комиссія предложила собранію ассигновать въ безотчетное распоряженіе Максимовича 1.000 рублей, а если онъ почему-либо откажется отъ завѣдыванія школою, то принять ее на счетъ губернскаго земства, съ содѣйствіемъ Максимовича, какъ ея попечителя. Собраніе приняло предложеніе комиссіи, измѣнивъ его только въ томъ, что, по просьбѣ Максимовича, 1.000 р. были ему назначены въ отчетное распоряженіе. Въ 1872 году губернаторъ увѣдомилъ губернскую управу, что государь, по докладу министра народнаго просвѣщенія, согласно ходатайству собранія, разрѣшилъ школѣ называться именемъ ея учредителя. Въ слѣдующемъ году Максимовичъ внесъ предложеніе, чтобы тремъ воспитанницамъ старшаго класса, по окончаніи ими курса, было разрѣшено остаться въ школѣ для приготовленія къ „репетиторской дѣятельности" какъ для женской учительской школы, такъ и для присоединеннаго къ ней, въ видахъ практическихъ упражненій ученицъ школы, сиротскаго дома, за что и платить имъ по 10 р. въ мѣсяцъ. Но комиссія нашла, что это понизило бы уровень образованія въ школѣ ибо „занятія ученицъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ не могутъ замѣнить собою высшаго образованія, необходимаго для преподаванія въ учительской школѣ". Она предложила увеличить пособіе земства еще на 1.000 рублей въ годъ и „не въ видѣ обязательной мѣры и не стѣсняя" Максимовича, рекомендовать ему: 1) въ виду недостатка въ учителяхъ, пригласить въ школу одну или двухъ учительницъ, прошедшихъ педагогическіе курсы въ Петербургѣ, съ тѣмъ, чтобы одну изъ нихъ назначить начальницею школы; 2) выработать по возможности полную программу преподаванія, и 3) увеличить количество учебныхъ пособій школы. Предложеніе это было принято собраніемъ.

Благодаря поддержкѣ земства и содѣйствію школѣ инспек-

тора народныхъ училищъ тверской губерніи, Дружинина, безвозмездно преподававшаго въ школѣ ариѳметику съ алгеброй, она стала быстро развиваться. Въ 1873 году учениць было такъ много, что пришлось отказать въ пріемѣ шести стипендіаткамъ земства, кончившимъ курсъ въ сиротскомъ домѣ. Ближайшій надзоръ за школою былъ порученъ наставницѣ, которая давала не менѣе восьми уроковъ въ недѣлю; бо́льшая же часть занятій лежала на бывшемъ директорѣ тверской губернской гимназіи, А. Н. Роберѣ, и законоучителѣ Орловѣ; въ числѣ учителей былъ одинъ изъ мужской гимназіи и временно приглашенная бывшая учительница въ московской учительской школѣ Чепелевской и въ московской женской гимназіи. Въ 1874 году былъ прибавленъ четвертый классъ (кромѣ того былъ приготовительный); ученицы ѣздили на учительскій съѣздъ въ Вышнемъ-Волочкѣ. Программа постепенно расширялась: двѣ учительницы и начальница преподавали: всеобщую и русскую исторію, ариѳметику, естественную исторію, геометрію; послѣдніе два предмета, по рѣшенію училищнаго Совѣта, преподавались начиная съ младшаго класса (до тѣхъ поръ преподавались лишь въ старшихъ).

Покрытый изъ своихъ средствъ Максимовичемъ дефицитъ, вызванный расширеніемъ школы, земское собраніе 1874 года приняло на губернскій счетъ и на 1875 годъ назначило школѣ 3.000 рублей пособія въ годъ, кромѣ 1.000 р. на покрытіе дефицита; а въ 1875 году къ 3.000 р. прибавило еще 600 р. на покрытіе новаго дефицита. Въ 1876 году, по предложенію наставника Робера, собраніе рѣшило устроить при учительской школѣ нормальную для 30 — 40 учащихся. На ея обзаведеніе было назначено 1.200 рублей и по 1.000 рублей на ежегодное содержаніе.

Школа Максимовича окончательно организовалась къ 1877 г. За семь лѣтъ изъ нея было выпущено 25 учительницъ, о которыхъ отовсюду получались хорошіе отзывы. Число желающихъ поступить увеличивалось съ каждымъ годомъ; былъ открытъ параллельный классъ, на который управа испросила у собранія кредитъ въ 1.200 рублей на второе полугодіе 1877 года. Кромѣ того, собраніе, по ея предложенію, увеличило пособіе школѣ еще на 3.600 рублей, такъ что съ 1877 года общая сумма земскаго пособія составляла уже 6.600 рублей въ годъ.

Въ собраніи 14-го декабря 1877 года было доложено, что выработанные подробные планы преподаванія по всѣмъ предметамъ курса и уставъ школы уже препровождены на разсмо-

трѣніе попечителя московскаго учебнаго округа. Относительно нравственной стороны дѣла управа свидѣтельствовала, что нѣчего болѣе желать, основываясь при этомъ и на единогласныхъ отзывахъ въ пользу выпущенныхъ школою учительницъ отъ предсѣдателей училищныхъ Совѣтовъ и всѣхъ управъ губерніи, гдѣ онѣ находятся. Комиссія предложила собранію выразить благодарность Максимовичу. Но въ этомъ же докладѣ управа „съ сожалѣніемъ должна была заявить собранію", что съ нѣкоторыхъ поръ стало проявляться недоброжелательное отношеніе къ школѣ со стороны вновь назначеннаго представителя министерства народнаго просвѣщенія.

Ссылаясь въ своемъ докладѣ и на неоднократное засвидѣтельствованіе „благонамѣреннаго направленія ученицъ, ихъ горячей любви къ дѣлу" со стороны представителей дворянства почти цѣлой губерніи, „которому Высочайшей волею ввѣрено наблюденіе за религіозно-нравственнымъ направленіемъ начальнаго обученія", управа въ заключеніе заявила, что хотя школа Максимовича не находится въ вѣдѣніи земства, но „вполнѣ заслуживаетъ поддержки, а субсидія должна быть признана употребляемою самымъ производительнымъ образомъ". Въ собраніи было предложено просить министра народнаго просвѣщенія прислать уполномоченное имъ лицо для разслѣдованія причинъ недоброжелательнаго отношенія директора народныхъ училищъ къ школѣ, съ тѣмъ, чтобы потомъ, смотря по результатамъ разслѣдованія, была закрыта школа или удаленъ директоръ.

Изъ доклада Максимовича, представленнаго собранію, выяснилось, что еще 7-го декабря начальство московскаго учебнаго округа, въ оффиціальной бумагѣ директора къ учредителю школы, указало на то, что преподаваніе въ ней шире ея первоначальной программы ибо вмѣсто двухъ классовъ въ ней четыре и пятый приготовительный, введены два новыхъ предмета—физика и естественная исторія, послѣдняя весьма подробно, вмѣсто краткаго катехизиса преподается пространный и церковная исторія, элементарный курсъ грамматики превратился въ весьма пространное изученіе русскаго языка съ двумя преподавателями, вмѣсто краткой русской исторіи и важнѣйшихъ событій изъ всеобщей два учителя преподаютъ древнюю и русскую исторію, тоже и въ курсѣ географіи, геометріи и педагогики. Вмѣсто четырехъ учителей ихъ теперь девять.

Тутъ повторилось то, что было въ самарской учительской школѣ: начальство московскаго учебнаго округа нашло, что съ расширеніемъ программы измѣнилась и цѣль тверской школы,

что вмѣсто спеціальнаго приготовленія крестьянскихъ дѣвицъ въ учительницы, школа „стремится къ высшему развитію... и притомъ безъ различія происхожденія и вѣроисповѣданія ученицъ“. Изъ 179 учащихся въ 1876 году было всего 28 крестьянокъ, а между живущими въ школѣ одна еврейка. Такъ какъ по случаю отъѣзда Максимовича въ Петербургъ школа лишилась его наблюденія, то попечитель московскаго учебнаго округа, черезъ директора народныхъ училищъ тверской губерніи, предложилъ или возстановить прежнюю программу школы, или примѣнить къ ней уставъ, программы, и вообще ввести порядки правительственныхъ учительскихъ семинарій.

Въ представленныхъ Максимовичемъ объясненіяхъ онъ говорилъ, что небольшое число обучающихся въ школѣ крестьянокъ происходитъ потому, что изъ ихъ среды являлось мало желающихъ, но никогда ни одной не было отказано въ пріемѣ, а такъ какъ субсидія земства выдается изъ средствъ всѣхъ сословій, то, за неимѣніемъ кандидатокъ изъ крестьянокъ, принимались въ школу дѣвицы и другихъ сословій; но крестьянкамъ всегда отдавалось преимущество передъ всѣми.

Въ приложенныхъ къ дѣлу двухъ запискахъ Максимовича, поданныхъ имъ попечителю московскаго учебнаго округа въ январѣ 1877 года и тверскому губернатору въ ноябрѣ того же года, онъ говорилъ въ первой, что назначена новая экстренная ревизія школы и просилъ попечителя въ случаѣ, если бы она обнаружила что-нибудь не въ пользу школы, предложить директору, вмѣсто того чтобы, какъ онъ дѣлаетъ, полуофиціально сообщать губернатору о вредномъ ея направленіи, заявлять о томъ учредителю или руководителямъ ея. На вопросъ губернатора: достаточное ли вниманіе обращается въ школѣ на религіозную сторону? Максимовичъ отвѣчалъ, что всѣ воспитанницы ходятъ въ церковь и сослался на Высочайшій рескриптъ 25 дек. 1873 года, которымъ „россійское дворянство ближайшимъ своимъ участіемъ“ должно „способствовать обезпеченію нравственнаго направленія народныхъ школъ, а также ихъ благоустройству и размноженію“. Послѣ преній по докладу Максимовича, собраніе постановило разсмотрѣть въ губернской комиссіи вопросъ объ отношеніяхъ училищныхъ Совѣтовъ къ дирекціи. Въ виду того, что школа Максимовича единственная въ губерніи, приготовляющая учителей народной школы, такъ какъ другая, новоторжская [1])

[1]) Эта семинарія была первою, по времени учрежденія, учительскою школою въ Россіи; проектъ ея былъ выработанъ тверскимъ земствомъ еще ранѣе обнародованія устава правительственной Молодечепской мужской учительской семинаріи. Послѣ

мужская учительская семинарія, не въ состояніи исполнять своихъ обязательствъ по отношенію къ земству, потому что начальство ея требуетъ для своихъ учениковъ превышающіе средства земства оклады, собраніе опредѣлило: высказать глубокую признательность учредителю школы, ассигновать ей на 1878 годъ 7.800 рублей и поручить комиссіи вновь осмотрѣть ее.

Въ собраніи 19-го декабря комиссія, вынесшая изъ осмотра школы самое отрадное впечатлѣніе, предложила просить будущаго губернскаго предводителя дворянства, какъ представителя губернскаго училищнаго Совѣта и предсѣдателя земскаго собранія, лично доложить министру народнаго просвѣщенія и попечителю московскаго учебнаго округа о „блестящемъ состояніи школы“ и представить имъ, что „всѣ столкновенія представителя министерства съ земскими управами происходятъ единственно отъ „неполнаго раздѣленія обязанностей между соприкасающимися къ дѣлу народнаго образованія лицами“, что земство тверской губерніи „готово всѣми средствами не только содѣйствовать развитію народнаго образованія, но и охранять учащуюся молодежь отъ вреднаго направленія, и ни въ какомъ случаѣ, черезъ постоянное наблюденіе за народными школами, не допуститъ развитія въ нихъ всего того, что̀ можетъ клониться ко вреду не только семействъ учащихся лицъ, но и нарушенія общественнаго спокойствія“. Это предложеніе было принято собраніемъ.

Послѣдствіемъ его было полученное губернскою управою 5-го декабря 1878 года отношеніе тверского губернатора, который сообщалъ ей „къ точному и непремѣнному исполненію и руководству“ распоряженіе министра народнаго просвѣщенія. „Господинъ министръ народнаго просвѣщенія,—писалъ губернаторъ,—на усмотрѣніе котораго переданы были министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и мѣстнымъ учебнымъ начальствомъ всѣ обстоятельства дѣла по поводу вмѣшательства тверского губернскаго земства въ учебно-воспитательный строй частной женской учительской школы въ Твери г. Максимовича, нашелъ между прочимъ, что тверское губернское земство, въ задачу дѣятельности коего, согласно основной статьѣ Положенія о земскихъ учрежденіяхъ, должно входить только завѣдываніе дѣлами, относящимися къ мѣстнымъ хозяйственнымъ нуждамъ и пользамъ всей губер-

---

четырехлѣтняго существованія новоторжской семинаріи, тверское земство вынуждено было отказаться отъ завѣдыванія ею и она была передана министерству народнаго просвѣщенія. (*О нуждахъ народнаго образованія въ тверской губерніи.* Записка поданная тверскою губернскою управою министру народнаго просвѣщенія Сабурову).

піи, выступило изъ круга дѣятельности, указанной ему Высочайше утвержденнымъ Положеніемъ; съ одной стороны, оно присвоило себѣ права принадлежащія учебному начальству занявшись обсужденіемъ положенія частной женской учительской школы, находящейся въ непосредственномъ вѣдѣніи мѣстнаго директора народныхъ училищъ, произведя ей всестороннюю ревизію и постановивъ о результатахъ таковой ревизіи доложить высшему учебному начальству; съ другой стороны, принимая на себя охраненіе народной школы отъ вреднаго вліянія, тверское земство оффиціально вступило въ отправленіе такихъ обязанностей, которыя, по Высочайше утвержденному 25 мая 1874 года Положенію о начальныхъ училищахъ (ст. 19), лежатъ на гг. предводителяхъ дворянства, какъ такихъ лицъ, на коихъ Высочайше возложено попеченіе о нравственномъ направленіи учащихся въ народныхъ школахъ". Губернаторъ прибавлялъ, что министръ народнаго просвѣщенія нашелъ также, что постановленіе собранія 19 декабря 1877 года должно быть опротестовано губернаторомъ, что „столь продолжительныя, почти трехдневныя, и, какъ извѣстно начальству московскаго учебнаго округа, очень бурныя пренія" должны были быть въ самомъ началѣ остановлены предсѣдателемъ собранія, что такой взглядъ раздѣляетъ и управляющій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, который, поэтому, признаетъ совершенно правильнымъ заявленіе министра народнаго просвѣщенія о необходимости принять мѣры къ устраненію вліянія земства на школу Максимовича.

Представляя собранію это отношеніе губернатора, управа, въ своемъ докладѣ, предложила „закрыть ассигновку на народное образованіе"; съ этимъ согласилась и комиссія, разсматривавшая докладъ управы. Она объяснила при этомъ, что участіе тверскаго земства въ завѣдываніи школою Максимовича вытекало изъ того, что съ самаго ея возникновенія земство тратило на школу въ теченіе семи лѣтъ значительныя суммы, и что на ходатайство земства о наименованіи школы именемъ Максимовича послѣдовало Высочайшее соизволеніе и въ этомъ ходатайствѣ не было усмотрѣно вмѣшательства земства въ дѣло, до него не относящееся.

Въ собраніи 12-го декабря 1878 года управа, говоря что на земствѣ лежитъ нравственная обязанность обезпечить дальнѣйшее обученіе учащихся въ школѣ Максимовича и другихъ стипендіатокъ губернскаго земства, просила ассигновать въ ея распоряженіе извѣстную сумму, размѣръ которой, а также вы-

боръ способа обезпеченія учащихся, поручить ей совмѣстно съ выбранной собраніемъ комиссіею.

По ихъ предложенію, 14-го декабря было постановлено: выдавать черезъ начальство школы по 90 рублей въ годъ на ученицу, до окончанія ими курса, и притомъ только живущимъ въ школѣ, а не приходящимъ; новыхъ стипендій не назначать.

Это постановленіе также было опротестовано губернаторомъ; онъ нашелъ, что собраніе дало управѣ и комиссіи слишкомъ широкія полномочія „не только въ употребленіи денежныхъ средствъ земства, но и въ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ ихъ по народному образованію, которое непремѣнно должно оставаться подъ контролемъ правительственной власти“, только съ вѣдома и согласія которой школа можетъ принимать субсидіи. Поэтому онъ, губернаторъ, не можетъ согласиться съ постановленіемъ собранія до тѣхъ поръ, пока „губернская управа не представитъ на его разсмотрѣніе и утвержденіе подробную записку о способахъ, которые она приметъ для исполненія вышепоименованныхъ постановленій собранія“ и которыя „по признанію мною,—говорилъ губернаторъ,—не противорѣчащими законамъ, уже ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть послѣ того измѣняемы или дополняемы, и пока губернская управа не испроситъ, на точномъ основаніи § 4 устава школы, черезъ мое посредство, согласія попечителя московскаго учебнаго округа на выдачу ученицамъ школы Максимовича и начальнаго при ней училища, стипендій“. Губернаторъ прибавлялъ, что распоряженія министра народнаго просвѣщенія сообщены имъ губернскому земскому собранію не для свѣдѣнія, какъ оно это приняло, а „для непремѣннаго и точнаго руководства“.

Съ этого времени всякое участіе земства въ дѣлахъ школы прекратилось; число классовъ въ ней сокращено до четырехъ, по примѣру правительственныхъ учительскихъ семинарій.

Уничтоженіе пятаго, приготовительнаго, класса въ школѣ, невыгодно отозвалось при пріемѣ сельскихъ ученицъ, изъ которыхъ, вслѣдствіе отсутствія сельскихъ двухклассныхъ школъ для дѣвочекъ, ни одна не могла удовлетворить требованіямъ принятой школою вступительной программы учительскихъ семинарій министерства. Съ закрытіемъ приготовительнаго класса были исключены изъ школы 43 воспитанницы, также удалены иновѣрки; число учащихся опредѣлено въ 40 въ младшемъ классѣ и по 30 въ трехъ остальныхъ. Школа была подчинена назначенному попечителемъ московскаго учебнаго округа лицу, которое имѣло право кассировать всѣ постановленія педагогическаго Совѣта. Учить въ школѣ

разрѣшалось лишь лицамъ православнаго исповѣданія; былъ удаленъ, безъ указанія причинъ, законоучитель, преподававшій со дня открытія школы, а также одинъ изъ наставниковъ съ академическимъ образованіемъ. Но оба оставлены преподавателями въ правительственныхъ заведеніяхъ. Ученіе въ школѣ также пострадало отъ преобразованія, ибо и въ выпускномъ классѣ должно было продолжаться преподаваніе всѣхъ предметовъ предъидущихъ классовъ, въ томъ числѣ и чистописанія, на что потребовалось 26 часовъ въ недѣлю, и ученицы не могли удѣлять столько времени, какъ прежде, на практическія занятія въ нормальной школѣ.

Доводя объ этомъ до свѣдѣнія земства, Максимовичъ въ своемъ докладѣ губернскому земскому собранію 19-го декабря 1880 года, говорилъ, что онъ долженъ былъ подчиниться всѣмъ требованіямъ потому, что бывшее начальство московскаго учебнаго округа не скрывало своего намѣренія, въ противномъ случаѣ, закрыть школу. „Но,—прибавлялъ онъ,—благодаря энергической защитѣ губернатора и справедливому отзыву о школѣ губернскаго агента третьяго отдѣленія, школа дожила до лучшихъ временъ“.

Эти лучшія времена наступили съ назначеніемъ управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія А. Сабурова, который, во время своего осмотра тверскихъ учебныхъ заведеній, самъ выразилъ желаніе ближе узнать ихъ положеніе и для этого выслушать представителей тверскаго земства [1]).

Въ томъ же собраніи 19-го декабря 1880 года Максимовичъ просилъ земство возобновить прежнюю поддержку и покровительство школѣ; а въ виду необходимости измѣнить для этого ея уставъ, указать желательныя земству основныя измѣненія его въ томъ смыслѣ, чтобы оно могло „считать свое право на участіе въ завѣдываніи школою достаточно обезпеченнымъ“; выработку же подробнаго устава поручить педагогическому Совѣту школы, при участіи представителей отъ земства.

Выбранная собраніемъ комиссія предложила: 1) учредить при школѣ попечительный Совѣтъ изъ предсѣдателя и членовъ управы, Максимовича, одного изъ губернскихъ гласныхъ по выбору собранія и начальницы школы; 2) открыть пятый, приготовительный, классъ. Эти предложенія были приняты собраніемъ [2]).

Въ маѣ 1882 года былъ утвержденъ новый уставъ школы,

---

[1]) О нуждахъ народнаго образованія въ тверской губерніи.

[2]) Докладъ губ. земской управы 11-го декабря 1882 г.

по которому хозяйственное завѣдываніе ею предоставлялось попечительному Совѣту подъ предсѣдательствомъ Максимовича, какъ это предложила комиссія, но въ составѣ: директора народныхъ училищъ, начальницы, одного члена по избранію земства и предсѣдателя или члена губернской управы по ея назначенію. Общій надзоръ и завѣдываніе хозяйственной частью школы было возложено на начальницу, а для преподаванія педагогики, за неимѣніемъ времени у начальницы, собраніе рѣшило пригласить опытнаго педагога съ вознагражденіемъ въ 1.500—2.000 рублей въ годъ.

Съ этого года школа сдѣлалась земскою; въ ней было тогда болѣе 200 учащихся.

Костромская женская учительская школа была открыта губернскимъ земствомъ въ 1872 году, въ составѣ двухъ классовъ и приготовительнаго. Сначала земство хотѣло устроить педагогическіе классы для приготовленія народныхъ учителей и учительницъ въ особыхъ для каждаго пола очередныхъ классахъ; но когда въ этомъ встрѣтились затрудненія, губернское собраніе 1870 года признало болѣе полезнымъ учредить исключительно женскую учительскую школу, въ которой положено было имѣть 36 стипендіатокъ губернскаго земства, и допустить вольнослушательницами, безъ платы за посѣщеніе уроковъ, стипендіатокъ другихъ земствъ; комплектъ былъ опредѣленъ въ 70 ученицъ [1]).

Какъ и нѣкоторыя другія земства, костромское поручило управѣ заботиться о воспитанницахъ учительской школы и по окончаніи ими курса, предписавъ ей при помѣщеніи ихъ учительницами въ уѣздныя школы, предварительно требовать отъ уѣздныхъ управъ свѣдѣній о предстоящей воспитанницѣ обстановкѣ и вознагражденіи, и при равныхъ условіяхъ помѣщать ихъ преимущественно въ школы, гдѣ попечитель или попечительница —люди образованные. Для выдачи пособій кончившимъ курсъ, но не помѣстившимся еще воспитанницамъ, собраніе 1875 года предоставило въ распоряженіе управы 500 рублей въ годъ.

Заботы о воспитанницахъ семинаріи не ограничивались внѣшней стороной дѣла. Въ сессію 1876 года одинъ изъ гласныхъ поставилъ въ собраніи вопросъ: установлена ли въ интернатѣ женской семинаріи общая молитва и соблюдаются ли посты? и когда предсѣдатель отвѣчалъ, что общая молитва существуетъ, а постятся не всѣ воспитанницы, то гласный заявилъ, что „отпо-

---

[1]) Сборникъ постановленій костромского губ. земс. собранія съ 1865—1879 гг. Кострома. 1881 г.

сясь въ своемъ мнѣніи критически къ мнѣніямъ нѣкоторыхъ гласныхъ, оспаривающихъ необходимость строгаго соблюденія постовъ", онъ находитъ, что „вопросъ о строгости соблюденія постовъ принадлежитъ къ непререкаемымъ истинамъ, о которыхъ въ собраніяхъ не спорятъ, а потому собраніе и не имѣетъ права разрѣшать ученицамъ интерната нарушать постъ, такъ какъ это разрѣшеніе накладывало бы на души разрѣшающихъ: 1) грѣхъ безстрашнаго нарушенія церковныхъ узаконеній; 2) грѣхъ кощунства; 3) грѣхъ соблазна, чего никто не пожелаетъ, а въ особенности, онъ самъ" [1]).

Въ этомъ же засѣданіи собраніе поручило управѣ ходатайствовать передъ министромъ народнаго просвѣщенія о разъясненіи мѣстной инспекціи, что по статьѣ 18 Положенія о начальныхъ училищахъ, допущеніе на мѣста учительницъ должно ограничиваться письменнымъ отзывомъ о педагогическихъ ихъ способностяхъ и знаніяхъ и что назначеніе на эту должность принадлежитъ училищному Совѣту въ цѣломъ его составѣ, а не единолично инспектору училищъ. Собраніе поручило управѣ также просить педагогическій Совѣтъ семинаріи ввести, при преподаваніи геометріи, краткія объясненія землемѣрныхъ пріемовъ по исчисленію и начертанію прямолинейныхъ площадей.

Въ собраніи 1879 года, ревизіонная комиссія сообщила требованіе министерства объ измѣненіи Положенія о школѣ учительницъ, послѣдовавшее вслѣдствіе обнаружившихся въ августѣ того года „безпорядковъ по надзору за воспитанницами". Въ прочтенномъ собранію сообщеніи костромскаго губернатора отъ 25-го августа 1879 года онъ говорилъ, что министръ народнаго просвѣщенія, по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, призналъ необходимымъ примѣнить къ женской учительской школѣ общій порядокъ правительственныхъ учительскихъ семинарій, чтобы во всѣхъ отношеніяхъ, кромѣ хозяйственной части, школа была подчинена попечителю учебнаго округа. Собранію было предложено, по распоряженію министра, дать положительный отвѣтъ: согласно ли оно на такое измѣненіе и если согласно, то, не дожидаясь разработки и утвержденія Положенія въ измѣненномъ видѣ, подчинить школу немедленно правиламъ правительственныхъ учительскихъ семинарій; если же собраніе не согласится принять предложеніе объ измѣненіи Положенія, или уклонится отъ опредѣленнаго отвѣта, то, говорилось въ сообще-

[1]) Сессія 1876 г.

нiи губернатора, министерство намѣрено безотлагательно закрыть школу.

Послѣ продолжительныхъ преній, собраніе постановило: поручить снабженной возможно широкими полномочіями, особой комиссіи войти въ соглашеніе съ министерствомъ для совмѣстной съ нимъ выработки устава, согласно общимъ указаніямъ министерства, но съ непремѣннымъ условіемъ—сохранить за земствомъ „принадлежащее ему право контроля не только надъ хозяйственной частью школы, но и учебною". Въ случаѣ же отказа министерства въ этомъ ходатайствѣ, собраніе, находя „болѣе совмѣстнымъ съ достоинствомъ земскаго собранія", постановило прекратить расходы на школу, и въ случаѣ ея закрытія, созвать чрезвычайное земское собраніе [1]).

Ровно годъ спустя, ревизіонная комиссія доложила собранію что „грозившія существованію школы невзгоды, повидимому, отошли въ область прошедшаго" [2]).

Изъ сообщенія въ собраніи 17-го декабря 1880 года уполномоченныхъ губернскаго земства на веденіе переговоровъ съ министерствомъ объ измѣненіяхъ Положенія о школѣ, выяснилось, что при личныхъ объясненіяхъ съ графомъ Толстымъ уполномоченные вынесли заключеніе, что онъ не настаиваетъ на тѣхъ требованіяхъ, которыя были предъявлены министерствомъ губернскому собранію прошлаго созыва и что соглашеніе съ земствомъ можно считать обезпеченнымъ. Но попечитель московскаго учебнаго округа, къ которому дѣло о школѣ было препровождено для разсмотрѣнія, сказалъ уполномоченнымъ, что онъ противъ существованія земской школы учительницъ; по возвращеніи же въ Петербургъ они узнали, что и министерство не можетъ согласиться съ представленною ими запискою, что надо передѣлать уставъ такъ, чтобы мѣстная инспекція имѣла больше правъ по надзору за школою, а права земства были ограничены въ вопросахъ по учебно-воспитательной части. Дальнѣйшіе переговоры показали уполномоченнымъ, что соглашеніе земства съ министерствомъ въ этомъ дѣлѣ состояться не можетъ. Они возобновились въ августѣ, съ вновь назначеннымъ управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, А. Сабуровымъ; депутаты были вызваны въ Москву и уполномочены Сабуровымъ передать собранію, что окончательное рѣшеніе о томъ—на какихъ условіяхъ можетъ оставаться земская школа учительницъ,

---

[1]) Засѣданіе 17 дек., 1879 г.

[2]) Постановленія костр. з. собр. 1880 года. Кострома. 1881 г.

должно быть отложено до окончанія сенаторской ревизіи. Собраніе назначило на содержаніе школы съ состоящимъ при ней народнымъ училищемъ 15.671 руб. [1]).

Къ 1880 году всѣхъ женскихъ учительскихъ школъ было пять. Изъ нихъ три: казанская, самарская и тверская съ четырехгодичнымъ курсомъ, и двѣ: женское отдѣленіе при открытой въ 1874 году мужской петербургской учительской школѣ и костромская—съ двугодичнымъ.

---

[1]) Засѣданіе 17 дек. 1880 года.

VI.

Отчетъ министра народнаго просвѣщенія за 1873 годъ.—Число и средства содержанія женскихъ училищъ министерства.—Пособіе имъ отъ земствъ.—Права, предоставленныя земствамъ, городскимъ обществамъ и частнымъ лицамъ, содержащимъ на свой счетъ училища по Положенію 1870 года.—Неудобства этого Положенія.—Ходатайства разныхъ сословій объ отмѣнѣ нѣкоторыхъ статей Положенія. -Рѣшеніе Сената по дѣлу самарскаго губернскаго земскаго собранія.—Отказы нѣкоторыхъ земствъ въ выдачѣ назначеннаго ими женскимъ училищамъ пособія.—Мнѣніе государственнаго Совѣта 27-го сентября 1878 года.—Допущеніе представителей саратовскаго земства въ Совѣтъ гимназій вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи.—Ходатайства дворянства костромской и бессарабской губерній.—Отказъ бессарабскаго губернскаго земскаго собранія ввести преподаваніе латинскаго языка въ женскую кишиневскую гимназію.—Рѣшеніе по этому дѣлу Сената.—Женскія гимназіи, гдѣ латинскій языкъ преподавался.—Исторія владимірской женской гимназіи.—Женскія правительственныя училища въ западномъ и прибалтійскомъ краяхъ.—Особенности ихъ устройства.—Неудовлетворительное состояніе женскихъ гимназій вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи въ западномъ краѣ въ шестидесятыхъ годахъ.—Переполненіе ихъ въ 1876 году.—Средства ихъ содержанія.—Пожертвованія.—Возвышеніе платы во всѣхъ женскихъ училищахъ.—Учрежденіе новыхъ гимназій и прогимназій вѣдомства.—Число учащихся въ 1877 году.—Нападки на женскія гимназіи при Осининѣ.—Педагогическій Листокъ с.-петербургскихъ женскихъ гимназій.—Довѣріе родителей и общества къ нимъ.—Предложеніе министерства народнаго просвѣщенія 1879 года объ элементарныхъ женскихъ училищахъ и профессіональныхъ школахъ.—Мотивы министерства.—Женскія училища съ низшимъ учебнымъ курсомъ.—Пожертвованія на женскія гимназіи и прогимназіи.—Число учащихся въ 1879 году.—Средства содержанія гимназій министерства къ 1880 году.

Въ своемъ отчетѣ за 1873-й годъ министръ народнаго просвѣщенія писалъ: „женскія гимназіи и прогимназіи представляютъ безпримѣрное явленіе въ исторіи русскаго просвѣщенія... Онѣ возникли въ 1858 году въ весьма ограниченномъ количествѣ... съ весьма незначительнымъ пособіемъ отъ казны, преимущественно на средства земства, городскихъ обществъ и частныя пожертвованія и въ теченіе 16-ти лѣтъ достигли до 189 съ

25.565 учащимися... преимущественно изъ достаточныхъ классовъ“ [1]).

На содержаніе всѣхъ женскихъ гимназій и прогимназій было въ 1873 году израсходовано, по словамъ того же отчета, 1.231.277 рублей; въ этой суммѣ изъ государственнаго казначейства было выдано 391.759 рублей (31% общей суммы содержанія), считая тутъ и правительственныя гимназіи и прогимназіи, на которыя оно отпускало 266.759 рублей въ годъ. Такимъ образомъ на 47 гимназій и 118 прогимназій въ русскихъ губерніяхъ приходилось всего 125.000 рублей. Назначенные въ 1870 году въ пособіе женскимъ гимназіямъ и прогимназіямъ министерства къ ежегодной выдачѣ изъ государственнаго казначейства 150.000 рублей были распредѣлены между учебными округами на 49 гимназій и 126 прогимназій; полная выдача всей суммы пособія началась съ 1874 года. Но это пособіе, значительно поддержавшее нѣкоторыя женскія учебныя заведенія, было далеко недостаточно для покрытія нуждъ по всѣмъ гимназіямъ и, въ особенности, прогимназіямъ. Въ числѣ послѣднихъ были такія, какъ, напримѣръ, урюпинская прогимназія (донской области), гдѣ на ученицу приходилось менѣе 1/3 потребнаго для человѣка кубическаго содержанія воздуха. Къ тому же пособіе изъ государственнаго казначейства не всегда бывало постояннымъ и внезапно его лишенныя женскія гимназіи и прогимназіи едва могли существовать.

Изъ другихъ источниковъ, поступавшихъ въ 1873 году на содержаніе женскихъ гимназій и прогимназій министерства, 300.607 рублей (24,4% общей суммы содержанія) получалось отъ сбора за ученіе, 214.447 рублей (18%) отъ городскихъ обществъ, 149.552 рубля (12%) отъ земства, 82.942 рубля (6,7%) пожертвованій обществъ и частныхъ лицъ.

Хотя пособіе земствъ женскимъ гимназіямъ и прогимназіямъ министерства составляло лишь 12% общей суммы доходовъ этихъ заведеній, но нѣкоторыя, отдѣльныя земства, при самомъ своемъ учрежденіи обратили вниманіе на то, что въ разныхъ губернскихъ городахъ существуютъ основанныя на счетъ правительства мужскія среднія учебныя заведенія, а на женское образованіе оно почти ничего не тратитъ, и назначили женскимъ средпеучебнымъ заведеніямъ довольно значительныя суммы. Вятское губерпское земское собраніе 1867 года, назначивъ временное пособіе вятской женской гимназіи на покупку дома и

[1]) Журналъ мин нар. просв. 1875 г.

первоначальное его устройство, постановило открыть подписку по всей губерніи черезъ губернскихъ и уѣздныхъ гласныхъ, членовъ земской управы, мировыхъ посредниковъ, уѣздныхъ исправниковъ, приходскихъ священниковъ и другихъ извѣстныхъ лицъ, на устройство женскихъ училищъ, съ согласія губернатора и при содѣйствіи епископа. Срокъ сбора былъ опредѣленъ на 15-е ноября 1867 года; въ томъ же году земство постановило выдавать гимназіи ежегодно по 4.500 рублей [1]). Харьковская губернская управа въ своемъ докладѣ губернскому земскому собранію 1869 года о капиталѣ въ 25.158 рублей, оставшемся отъ погашенія долга московской сохранной казнѣ на постройку дома для харьковскаго института, предложила обратить проценты съ этого капитала исключительно на женскія училища, съ чѣмъ согласилось собраніе [2]). Оно удовлетворило и ходатайство сумскаго уѣзднаго собранія о томъ, чтобы 20.000 рублей изъ уѣзднаго сбора были употреблены на постройку зданія женской сумской гимназіи, на что уже было собрано 15.000 рублей путемъ частныхъ пожертвованій. Костромское губернское земское собраніе, уже въ 1880 году постановило въ виду того, что во всей губерніи Григоровская гимназія служитъ единственнымъ учебнымъ заведеніемъ, дающимъ образованіе дѣвушкамъ, оказывать помощь исключительно женскимъ учебнымъ заведеніямъ [3]).

Многія земства кромѣ единовременныхъ, иногда довольно крупныхъ, пособій отдѣльнымъ заведеніямъ, назначали имъ и постоянныя, въ размѣрѣ отъ 2-хъ до 6.000 рублей гимназіямъ и отъ 1.000 до 3.000 рублей прогимназіямъ, а нѣкоторыя и болѣе: пермское губернское земство назначило губернской гимназіи ежегодное пособіе по 6.950 рублей, кромѣ единовременнаго въ 8.855 рублей и той же гимназіи уѣздное земство— 1.500 рублей; владимірское, кромѣ 13.000 рублей отпущенныхъ на первоначальное устройство гимназіи, ассигновало ей по 6.500 рублей въ годъ; бессарабское—давало въ 1876 году женской гимназіи 15.953 рубля, а въ 1879-мъ году внесло въ смѣту 10.000 рублей на образованіе капитала для постройки дома гимназіи [4]). Очень немногія земства отказывали

---

[1]) Журналы экстреннаго собранія 29-го мая и очереднаго, 9-го декабря, 1867 г. (Сборникъ постановленій вятскаго губ. земства за 25 лѣтъ, 1867—1892 гг. Изданіе вятскаго губ. земства. Вятка. 1894).

[2]) Журналъ харьк. губ. земск. собранія 18-го окт. 1869 г.

[3]) Докладъ особой комиссіи по народному образованію. Засѣданіе костр. зем. собр. 17-го дек. 1880 г.

[4]) Земскій Ежегодникъ за 1876 и 1879 годы.

въ пособіи мѣстнымъ женскимъ гимназіямъ и прогимназіямъ и едва ли не единственное, тарусское (калужской губерніи), мотивировало свой отказъ тѣмъ, что расходъ на калужскую гимназію „безполезенъ и обременителенъ“ [1]).

Но пособія земствъ до 1878 года были случайны и непрочны. Назначая ихъ, почти всѣ земства, губернскія и уѣздныя, обусловливали его участіемъ своихъ представителей въ попечительномъ Совѣтѣ заведенія; такія ходатайства часто поддерживались и даже исходили отъ самихъ Совѣтовъ.

Представляя такія ходатайства министру народнаго просвѣщенія, и попечители учебныхъ округовъ, и губернаторы, находили ихъ правильными. Попечитель с.-петербургскаго учебнаго округа говорилъ въ своемъ представленіи министру ходатайства псковского уѣзднаго земскаго собранія 1867 года, что признаетъ „весьма полезнымъ имѣть въ попечительныхъ Совѣтахъ вообще женскихъ училищъ, открываемыхъ на основаніи Положенія 1860 года, непремѣнныхъ членовъ отъ земства, которые всегда могутъ содѣйствовать къ поддержанію существованія этихъ училищъ“ [2]). На это графъ Толстой отвѣчалъ, что согласенъ на то, чтобы члены отъ псковского земства участвовали въ попечительномъ Совѣтѣ Маріинскаго училища 1-го разряда, но не въ качествѣ непремѣнныхъ, а выборныхъ, „по примѣру прочихъ выборныхъ членовъ, избираемыхъ отъ сословій и обществъ, и то въ дѣлахъ хозяйственныхъ. Распространить же это и на прочія женскія училища округа, графъ Толстой нашелъ неудобнымъ и предоставилъ попечителю вносить на утвержденіе министерства представленія о каждомъ отдѣльномъ случаѣ.

Съ изданіемъ Положенія 1870 года права земства на участіе въ попечительныхъ Совѣтахъ женскихъ гимназій и прогимназій были пріурочены къ § 10 этого Положенія, по которому Совѣтъ состоитъ изъ лицъ обоего пола, избираемыхъ сословіями и обществами, содержащими на свой счетъ заведеніе. При этомъ въ 1872 году министерствомъ было разъяснено, что въ предсѣдатели попечительныхъ Совѣтовъ могутъ выбираться и попечительницы женскихъ гимназій, ибо въ статьѣ 10-й Положенія въ отношеніи лицъ женскаго пола не сдѣлано никакихъ ограниченій [3]).

На основаніи этой статьи въ Совѣтъ пензенской гимназіи были избраны представители и отъ чиновниковъ присутствен-

[1]) Журналъ мин. нар. просв. 1870 г. Ч. 152.

[2]) Арх. мин. нар. пр. 1868 г.

[3]) *Родевичъ.* Сборн. дѣйств. постан.

ныхъ мѣстъ и правительственныхъ учрежденій въ Пензѣ, пожертвовавшихъ часть капитала, проценты съ котораго употреблялись на содержаніе гимназіи.

Въ западной Сибири, по ходатайству генералъ-губернатора, было разрѣшено, за неимѣніемъ въ Красноярскѣ дворянства, назначать непремѣнными членами въ попечительный Совѣтъ гимназіи предсѣдателей мѣстныхъ губернскихъ правленій. Участіе въ попечительномъ Совѣтѣ членовъ разныхъ обществъ и сословій разрѣшалось министромъ не въ одинаковомъ числѣ, а пропорціонально участію каждаго въ содержаніи учебнаго заведенія. Въ 1871 году было разрѣшено ходатайство кобелякской уѣздной земской управы имѣть въ женской прогимназіи двухъ членовъ по выбору мѣстнаго уѣзднаго предводителя дворянства, и шестерыхъ отъ мѣстнаго земства.

По поводу участія въ дѣлахъ женскихъ училищъ между содержавшими ихъ обществами и сословіями часто происходили столкновенія, невыгодно отражавшіяся на ихъ устройствѣ. Либенская городская Дума ходатайствовала въ 1867 году о томъ, чтобы попечительный Совѣтъ единственнаго въ городѣ женскаго училища состоялъ исключительно изъ купцовъ и мѣщанъ. Представляя это ходатайство министру, попечитель харьковскаго учебнаго округа говорилъ, что когда въ 1866 году, по предложенію штатнаго смотрителя, былъ внесенъ на разсмотрѣніе мѣстнаго земскаго собранія и городского общества проектъ преобразованія этого училища изъ приходскаго въ училище 2-го разряда, то земское собраніе назначило ему 575 рублей въ годъ, а городское общество, подъ вліяніемъ распространившихся слуховъ, что въ новое училище не будутъ принимать дѣтей изъ городскихъ сословій, особенно мѣщанъ, большинствомъ голосовъ мѣщанъ отвергло проектъ о преобразованіи училища, выразивъ при этомъ, что довольствуется приходскимъ. Послѣ вторичнаго собранія по этому вопросу, ливенская Дума постановила принять на свой счетъ содержаніе училища 2-го разряда „временно соединяемаго въ матеріальномъ отношеніи“ съ существовавшимъ ранѣе приходскимъ, которое должно остаться въ прежнемъ положеніи, и единодушно отказалась принять вспомоществованіе отъ земства, но съ непремѣннымъ условіемъ, чтобы попечительный Совѣтъ состоялъ исключительно изъ представителей городского сословія подъ предсѣдательствомъ городского Головы.

Одесской городской общественной гимназіи, преобразованной изъ частнаго пансіона г-жи Огліо, городъ давалъ по 16.014 рублей въ годъ съ тѣмъ, чтобы плата поступала въ Думу. Въ

попечительномъ Совѣтѣ, состоявшемъ по Положенію 1860 года изъ пяти членовъ, старшимъ, стало быть предсѣдателемъ, былъ уѣздный предводитель дворянства. Одесскій градоначальникъ нашелъ неудобнымъ пригласить его въ Совѣтъ, а такъ какъ въ Одессѣ не было предводителя дворянства, то новороссійскій генералъ-губернаторъ предложилъ въ 1867 году министру испросить Высочайшее повелѣніе городскому Головѣ предсѣдательствовать въ попечительномъ Совѣтѣ, говоря что боится что его не выберутъ. Министръ нашелъ это невозможнымъ, и предсѣдателемъ былъ выбранъ директоръ коммерческаго училища.

Ростовское (ярославской губ.) училище 2-го разряда, открытое еще въ 1846 году и содержавшееся на городскія средства, было въ 1868 году преобразовано въ училище 2-го разряда на основаніи Положенія 1860 года. Тогда попечительному Совѣту было передано 3.114 руб. 30 к., и училище содержалось на пособіе отъ города, плату съ учениць, пожертвованія частныхъ лицъ, сборы отъ лотерей, спектаклей и проч. До 1861 года дворянство не принимало никакого участія въ училищѣ; съ этого года отдѣльные дворяне стали жертвовать ему, преимущественно въ видѣ платы за своихъ стипендіатокъ; но въ общей суммѣ, за все время существованія училища составлявшей 33.987 руб., дворянами было пожертвовано лишь 1.062 рубля, между тѣмъ какъ городская Дума за то же время внесла на его содержаніе и плату за своихъ стипендіатокъ 21.056 рублей; кромѣ того купечество пожертвовало на обзаведеніе и за своихъ стипендіатокъ 2.620 рублей, а почетные блюстители и выборные отъ купечества 5.357 руб.

Представляя эти свѣдѣнія министру по поводу состоявшагося въ 1868 году приговора ростовской Думы объ обращеніи къ начальнику губерніи съ просьбою исходатайствовать измѣненіе Положенія 1860 года въ томъ смыслѣ, чтобы вмѣсто уѣзднаго предводителя дворянства предсѣдателемъ попечительнаго Совѣта былъ городской Голова и чтобы вообще въ Совѣтѣ не участвовали члены отъ дворянъ, начальникъ губерніи высказался противъ Думы. Въ подтвержденіе своего мнѣнія онъ привелъ, что „такъ какъ на должность предводителя дворянства избираются лица болѣе образованныя и имѣющія болѣе научныхъ познаній, чѣмъ изъ купеческаго сословія“, и такъ какъ ростовское училище содержится не на одни средства городского общества, а и другихъ сословій, и въ особенности дворянства, то онъ „для пользы училища въ научномъ и нравственномъ отношеніи полагалъ бы предсѣдательство въ попечительномъ Совѣтѣ оста-

вить за предводителемъ дворянства". Попечитель московскаго учебнаго округа, напротивъ, поддерживалъ Думу, говоря, что училище помѣщается въ уступленномъ купцомъ безплатно домѣ, что Дума даетъ ему 2.000 р. въ годъ, что изъ 194 ученицъ 147 принадлежатъ къ купеческому и мѣщанскому сословіямъ. Съ другой стороны, уѣздный предводитель дворянства въ письмѣ къ начальнику губерніи, въ числѣ доказательствъ своихъ правъ, приводилъ то, что въ 1868 году училище посѣщаютъ болѣе 15-ти дочерей потомственныхъ и личныхъ дворянъ. Перечисляя оказанныя имъ училищу услуги, онъ говорилъ, что когда былъ предсѣдателемъ попечительнаго Совѣта, то на счетъ дворянства была произведена меблировка училища. Въ заключеніе своего письма, уѣздный предводитель обвинялъ городского Голову въ томъ, что онъ не имѣлъ права убѣждать гражданъ ходатайствовать объ устраненіи дворянъ отъ участія въ попечительномъ Совѣтѣ, что прежде чѣмъ разъединять сословія, онъ долженъ былъ обратиться къ земскому собранію и если Голова руководствовался въ своихъ дѣйствіяхъ тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ уѣздныхъ городахъ, съ согласія министра внутреннихъ дѣлъ, дворянство устранено отъ участія въ попечительномъ Совѣтѣ женскихъ училищъ, то это было потому, что дворянство ничего не жертвовало а земскихъ учрежденій, въ которыхъ сливаются всѣ сословія, не существовало. Хотя начальникъ губерніи сталъ на сторону дворянства, и въ своемъ письмѣ къ министру отъ 3-го іюня 1869 года могъ сказать только то, что мѣстное дворянство „не мало способствовало улучшенію училища и увеличенію его средствъ пожертвованіемъ книгъ и вещей", а также обращало вниманіе на положеніе ученицъ, и предводитель дворянства, замѣтивъ что нѣкоторыя ученицы, по бѣдности, завтракаютъ только чернымъ хлѣбомъ, покупалъ имъ бѣлыя булки, тѣмъ не менѣе министръ согласился съ начальникомъ губерніи [1]).

Замѣна Положенія 1860 года новымъ, 24 мая 1870 года, вызвало цѣлый рядъ ходатайствъ со стороны всѣхъ сословій, участвовавшихъ въ содержаніи женскихъ училищъ. Прежнимъ Положеніемъ (ст. 12) попечительнымъ Совѣтамъ предоставлялось право не только завѣдывать хозяйственной частью училища, но и выбирать учителей, а также „наблюдать за умственнымъ и нравственнымъ образованіемъ учащихся". На этомъ основаніи, когда въ 1870 году попечитель казанскаго учебнаго округа потребовалъ преобразованія самарскаго женскаго училища 1-го раз-

[1]) Арх. мин. нар. пр. 1868 и 1869 г.г.

ряда, попечительный Совѣтъ училища ходатайствовалъ о томъ, чтобы его оставили въ прежнемъ составѣ, ибо училище содержится на счетъ городского общества и земства.

Представляя это ходатайство министру, губернаторъ (Аксаковъ) писалъ, что до изданія новаго Положенія попечительный Совѣтъ завѣдывалъ не только хозяйственною, но и педагогическою частью женскаго училища, которое, не получая пособія отъ казны, находится въ очень хорошемъ состояніи. Онъ прибавлялъ, что прежде чѣмъ требовать измѣненій, установленныхъ Положеніемъ 1870 года, надо было спросить общество и учрежденія, содержащія училище, согласны ли они будутъ продолжать жертвовать, и это тѣмъ болѣе, что самарское губернское земское собраніе, назначая въ 1869 году 3.000 рублей училищу, оставило за собою право прекратить пособіе если уставъ будетъ измѣненъ безъ соглашенія съ собраніемъ. На это послѣдовало разъясненіе министра, что „хотя бы училище содержалось безъ всякаго матеріальнаго пособія отъ казны, но даруемыя правительствомъ права и преимущества для служащихъ и учащихся составляютъ такую поддержку этихъ заведеній, благодаря единственно которой онѣ могутъ существовать и при самыхъ скудныхъ матеріальныхъ средствахъ".

Но губернское самарское земское собраніе 27 сентября 1871 года, выслушавъ докладъ управы о преобразованіи училища по Положенію 1870 года, поручило ей ходатайствовать именемъ собранія объ оставленіи училища на прежнемъ Положеніи. При этомъ оно постановило, въ случаѣ еслибы это ходатайство не было уважено, прекратить пособіе училищу (въ 3.000 рублей въ годъ). Такое же постановленіе сдѣлала городская Дума. Признавая выдачу пособія въ 5.000 рублей училищу для себя необязательнымъ въ случаѣ преобразованія его по новому Положенію, Дума, въ засѣданіи 11-го октября 1871 г., по поводу предложенія самарскаго губернатора избрать представителей отъ города въ попечительный Совѣтъ училища, преобразованнаго въ гимназію, отказалась отъ этого права, такъ какъ, по ея мнѣнію, женская гимназія въ Самарѣ Положеніемъ 1870 года есть новое учебное заведеніе, на содержаніе котораго городъ средствъ не давалъ, а училище 1-го разряда, на которое эти средства городомъ отпускались, теперь уничтожено министерствомъ народнаго просвѣщенія. При этомъ Дума высказала мнѣніе, что по мѣстнымъ условіямъ было бы полезнѣе не преобразовывать самарскаго шестиклассnаго училища въ семи-

классную гимназію и, вообще, не измѣнять существовавшихъ до тѣхъ поръ порядковъ въ его управленіи.

Представляя все это министру, губернаторъ просилъ прекратить скорѣе недоразумѣніе, вызванное, по его мнѣнію, „неумѣніемъ или нежеланіемъ директора", который, говорилъ губернаторъ, потерялъ уже уваженіе въ городѣ, и было бы хорошо перевести его въ другую губернію; если же нельзя исходатайствовать разрѣшенія самарскому училищу оставаться на старомъ Положеніи, то губернаторъ находилъ полезнымъ, чтобы Сенатъ или комитетъ министровъ разъяснили вопросъ [1]). Попечитель казанскаго учебнаго округа, виня во всемъ попечительный Совѣтъ училища, находилъ, что спасти училище можно лишь предложивъ земству и городскому обществу оставить его за собою на правахъ частнаго, шестикласснаго учебнаго заведенія. Городское по городскимъ дѣламъ Присутствіе признало обязательнымъ для города отпускъ въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ со времени введенія въ дѣйствіе новаго городового Положенія, пособія преобразованному въ гимназію училищу. Но Сенатъ, куда дѣло перешло по жалобѣ Думы, указывавшей и на то, что преобразованіе самарскаго училища „послѣдовало не въ силу Высочайшаго повелѣнія, а по постановленію училищнаго Совѣта, вслѣдствіе переписки его съ министерствомъ народнаго просвѣщенія, помимо какихъ-либо сообщеній о томъ учредителямъ училища", 4 января 1872 года нашелъ жалобу Думы правильною. На томъ основаніи, что городъ давалъ пособіе училищу, а не вновь учрежденной женской гимназіи и что по точному смыслу 39 статьи городового Положенія, пособіе можетъ быть вмѣнено Думѣ въ обязанность не иначе, какъ по особому постановленію, утвержденному законодательнымъ порядкомъ, Сенатъ отмѣнилъ постановленіе городского Присутствія.

Министерство народнаго просвѣщенія перенесло дѣло въ Общее Собраніе Сената и въ своихъ объясненіяхъ указало на „неумѣстность дальнѣйшаго обсужденія цѣлесообразности устройства женскихъ гимназій на новыхъ основаніяхъ со стороны самарской городской Думы", въ виду того, что новыя правила введены въ Положеніе 1870 года „на основаніи соображеній, зрѣло обдуманныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія и Высочайше утвержденныхъ Государемъ Императоромъ, по разсмотрѣніи законодательнымъ порядкомъ въ Государственномъ Совѣтѣ". Затѣмъ,

[1]) Представленіе сам. губернатора министру нар. пр. 6 ноября 1871 г. (Арх. мин. нар. пр.).

указомъ Общаго Собранія 11 декабря 1872 года Сенатъ призналъ, что городъ не можетъ отказаться отъ пособія гимназіи, ибо это заведеніе не новое и вносъ пособія въ прежнемъ размѣрѣ обязателенъ для города въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ со времени введенія на мѣстѣ Городового Положенія 16 іюня 1870 года [1]).

Еще до окончательнаго рѣшенія Сената, циркулярнымъ предложеніемъ министра народнаго просвѣщенія отъ 22 іюня 1872 г., было предписано всѣмъ, еще не преобразованнымъ въ гимназіи и прогимназіи на основаніи Положенія 1870 года женскимъ училищамъ 1 и 2 разряда, немедленно приступить къ такому преобразованію, а въ случаѣ несогласія, такія училища должны быть отнесены къ числу частныхъ заведеній [2]).

Но и послѣ рѣшенія Сената 1872 года, ходатайства о разрѣшеніи не вводить новаго Положенія на томъ основаніи, что о немъ не просили, продолжали поступать въ министерство, которое всегда отклоняло ихъ.

Пререканія между сословіями, дававшими пособіе женскимъ гимназіямъ и прогимназіямъ, и министерствомъ, нерѣдко влекли за собою или отказы земствъ и городскихъ обществъ въ пособіи этимъ училищамъ или сокращеніе пособій: котельничское уѣздное земство сократило свое пособіе прогимназіи съ 1.000 руб. на 500, и когда это постановленіе было опротестовано губернаторомъ, то губернское вятское собраніе, по докладу объ этомъ управы, не признало себя въ правѣ обязывать уѣздное земство нести тѣ или другіе расходы по предметамъ, для земства необязательнымъ; три уѣздныхъ собранія тверского земства отказали въ пособіи тверской гимназіи, вятское губернское земство сократило свое пособіе на 1.000 руб. въ годъ.

Подобныя постановленія почти вездѣ опротестовывались губернаторами; но они продолжались и послѣ 1878 года, когда состоялось Высочайше утвержденное 22-го октября мнѣніе государственнаго Совѣта, которымъ, въ дополненіе къ ст. 11 Горового Положенія 1870 года, постановлялось, чтобы представитель учебнаго вѣдомства, по назначенію попечителя учебнаго округа, приглашался въ губернское по городскимъ дѣламъ присутствіе при обсужденіи вопроса о выдачѣ пособій на содержаніе учебныхъ заведеній; при этомъ было разъяснено, что „по-

---

[1]) Арх. мин. нар. пр. 1872 г.—*Родевичъ.* Стр. 898.

[2]) *Родевичъ*, стр. 187.

становленія земскихъ и городскихъ общественныхъ, равно какъ и сословныхъ учрежденій о выдачѣ пособій на содержаніе учебныхъ заведеній, состоящихъ въ вѣдѣніи правительства, если въ постановленіяхъ сихъ не заключается указанія относительно срочности назначаемаго пособія, или же условности онаго, признаются, по принятіи правительствомъ подобныхъ пожертвованій, постоянно обязательными для жертвующихъ обществъ и сословій, за исключеніемъ лишь случаевъ, въ коихъ, по измѣнившимся впослѣдствіи обстоятельствамъ, правительство признало бы справедливымъ и возможнымъ освободить подлежащее земство, общество или сословіе отъ взноса назначеннаго имъ пособія [1]). Тогда земства стали обусловливать свое пособіе извѣстнымъ числомъ лѣтъ, часто назначали его на годъ, а нѣкоторыя ходатайствовали объ освобожденіи ихъ вовсе отъ пособія, ссылаясь на неимѣніе средствъ, неурожай и т. п.; но такія ходатайства всегда отклонялись министерствомъ.

По вѣдомству учрежденій Императрицы Маріи представители земства и города были допущены къ участію въ дѣлахъ саратовской женской гимназіи даже по учебно-воспитательной части; но это было достигнуто не сразу, а лишь десять лѣтъ спустя послѣ того, какъ земство впервые возбудило объ этомъ ходатайство.

При самомъ своемъ учрежденіи, саратовское губернское земское собраніе 20-го декабря 1866 года назначило по 2.000 р. въ годъ саратовскому женскому училищу 1-го разряда, открытому въ 1859 году. Въ 1865—1866 году, послѣ шестилѣтняго существованія училища, средства его были такъ недостаточны, и учениць такъ мало, что начальство принуждено было отложить открытіе послѣдняго, шестого класса. По неимѣнію же средствъ, училище не могло оплачивать содержанія начальника училища, котораго такъ и не было до 1876 года; эту обязанность исполнялъ безвозмездно совѣтникъ казенной Палаты, а обязанности инспектора классовъ—одинъ изъ учителей [2]). Въ 1869 году земству было разрѣшено въ лицѣ избраннаго имъ почетнаго блюстителя участвовать въ хозяйственныхъ дѣлахъ гимназіи, на все время, пока оно будетъ давать ей пособіе.

Командированный въ томъ же году земствомъ для обозрѣнія гимназіи гласный доложилъ собранію, что въ ущербъ болѣе основательному изученію русскаго языка, исторіи и географіи,

---

[1]) *Родевичъ.* Стр. 196.

[2]) Историч. очеркъ Сарат. Мар. ж. гимн. за 1875—76 учеб. годъ. (Сарат. губ. Вѣд. 1876 г. № 245).

въ гимназіи преимущественное вниманіе обращается на французскій языкъ. Тогда собраніе постановило ходатайствовать о допущеніи члена училищнаго Совѣта отъ земства въ педагогическій Совѣтъ гимназіи съ правомъ голоса. Средства ея въ 1875 г. получались: изъ вѣдомства Императрицы Маріи 600 рублей въ годъ на награды служащимъ, отъ Думы 4.500 рублей, отъ земства 5.000 р.; плата ученицъ составляла 10.891 руб. въ годъ.

При назначеніи 5.000 рублей ежегоднаго пособія гимназіи въ 1875 году губернское земское собраніе повторило свое ходатайство, говоря что почетному блюстителю предоставленъ слишкомъ ограниченный кругъ дѣйствій, что ему недоступно наблюденіе за образованіемъ ученицъ и способовъ обращенія съ ними, что право провѣрки денежныхъ средствъ, составленіе смѣтъ и другія чисто хозяйственныя распоряженія могутъ удовлетворять блюстителя изъ частныхъ лицъ, но представителю земства этимъ ограничиваться нельзя [1]). Свое ходатайство земство мотивировало и тѣмъ, что „въ дѣлѣ образованія всегда представляется множество вопросовъ для общества крайне интересныхъ, съ которыми необходимо познакомиться представителю земства и для того, чтобы онъ могъ въ случаѣ надобности дать уполномочившему его обществу требуемыя свѣдѣнія, а теперь онъ не имѣетъ возможности лично провѣрить факты, о которыхъ будетъ сообщать обществу“. Возобновляя свое ходатайство, земское собраніе выражало согласіе на то, чтобы члены отъ земства участвовали въ конференціи гимназіи, хотя бы, въ крайнемъ случаѣ, съ совѣщательнымъ голосомъ [2]). Начальникъ губерніи, по званію попечителя гимназіи, въ своемъ представленіи ходатайства земскаго собранія находилъ, что участіе члена отъ земства въ конференціи гимназіи можетъ затруднять служащихъ въ ней лицъ при исполненіи прямыхъ ихъ обязанностей, такъ какъ педагогическая ихъ дѣятельность будетъ поставлена въ нѣкоторую зависимость отъ личныхъ взглядовъ представителей земства на дѣло воспитанія и обученія, а за необходимыми свѣдѣніями земство можетъ обращаться къ назначеннымъ Высочайшей волею лицамъ, отвѣтственнымъ за вѣрность сообщеннаго передъ высшимъ начальствомъ.

Присутствіе опекунскаго Совѣта въ виду того, что по-

---

[1]) Журналъ опекунскаго Совѣта петербургскаго Присутствія 1875 г. (Въ 1873 году главный Совѣтъ женскихъ учебныхъ заведеній и опекунскіе Совѣты были соединены въ одинъ „Императорскій опекунскій Совѣтъ учрежденій Императрицы Маріи“, раздѣленный на два Присутствія: петербургское и московское).

[2]) Журналъ сарат. губ. з. собр. 7 дек. 1874 г).

добныя ходатайства могутъ возникнуть и со стороны другихъ земствъ, отложило рѣшеніе вопроса до разсмотрѣнія условій, въ какихъ находятся губернскія гимназіи къ различнымъ земствамъ. 6 декабря 1878 года губернское земское собраніе возобновило свое ходатайство, и выслушавъ объявленіе закона 23 октября 1878 года объ обязательности для земства отпускать ежегодно разъ назначенное пособіе, если оно не обусловлено извѣстнымъ срокомъ, назначило саратовской гимназіи 5.000 рублей въ годъ на три года, но съ непремѣннымъ условіемъ допущенія своего представителя въ конференцію гимназіи [1]). Присутствіе, въ виду весьма значительнаго пособія саратовскаго земства, изъявило согласіе удовлетворить его желаніе и допустить члена губернскаго училищнаго Совѣта отъ земства въ конференцію гимназіи съ правомъ голоса наравнѣ съ прочими членами, на все время, пока земство будетъ давать гимназіи пособіе въ размѣрѣ, не менѣе опредѣленнаго постановленіемъ земскаго собранія 6 декабря 1878 года [2]).

Министерство народнаго просвѣщенія отклоняло подобныя ходатайства земства и тогда, когда исключительно на его средства содержалась гимназія. Въ 1872 году, въ Екатеринбургской женской гимназіи, содержавшейся исключительно на средства уѣзднаго земства, двѣ ученицы старшаго класса обратились къ учителю исторіи съ просьбой разъяснить имъ личность Мюнцера, о которомъ онѣ прочитали въ какомъ-то журналѣ. Учитель разсказалъ имъ о Мюнцерѣ по учебнику Грубе, и ученицы выразили свое сочувствіе Мюнцеру. Объ этомъ учитель донесъ директору, обвиняя учениць въ сочувствіи къ коммунизму, и директоръ рѣшилъ исключить ихъ изъ гимназіи. За нихъ вступилась начальница; разсказавъ въ письмѣ къ губернатору случившееся, она просила его „поддержать честь гимназіи“ и дать ей совѣтъ, какъ поступить, чтобы оградить дѣтей отъ опасности [3]). Попечитель казанскаго учебнаго округа, въ своемъ донесеніи министру, винилъ начальницу въ недостаткѣ надзора за ученицами и учителями. Онъ говорилъ, что при его входѣ въ гимназію ни одна ученица не встала, что учитель ботаники устраивалъ собранія учениць, познакомилъ ихъ съ N.N. „осуждающей чистоту въ одеждѣ“, вслѣдствіе чего нѣкоторыя ученицы остригли

---

[1]) Земскій Ежегодникъ за 1879 г.

[2]) Засѣданіе Присутствія 27 апрѣля 1879 г. (Въ 1883 году такое же право было дано и городу, отпускавшему гимназіи по 4500 р. въ годъ).

[3]) Письмо начальницы Екатеринб. ж. гимн. къ губернатору. 1872 г. (Арх. мин. нар. пр. 1872 г.).

себѣ волосы, давалъ имъ свои книги за деньги, что изъ просмотра сочиненій ученицъ, онъ, попечитель, убѣдился, что онѣ читали сочиненія Михайлова, Флеровскаго, Писарева, журналы „Дѣло“ и „Недѣлю“ и что, по удаленіи этого учителя, ученицы сдѣлали въ его пользу складчину. Педагогическій Совѣтъ постановилъ: обратить особое вниманіе на двухъ ученицъ, усилить надзоръ за ними и узнавъ ихъ образъ мыслей, разъяснить имъ вредныя стороны ученія Мюнцера. Послѣдствіемъ было увольненіе начальницы по распоряженію министра и учителя, „еслибы они и не подали прошенія“.

По докладѣ объ этомъ уѣздному земскому собранію, оно, 1 апрѣля 1872 года, просило губернатора назначить въ попечительный Совѣтъ гимназіи членовъ отъ земства или разрѣшить созвать чрезвычайное собраніе по этому поводу. Губернаторъ изъявилъ свое согласіе, но съ тѣмъ, чтобы земство ограничилось выборомъ своего представителя въ попечительный Совѣтъ „не входя въ обсужденіе о предметахъ, которые управа считаетъ побудительными причинами къ созыву собранія, такъ какъ эти причины составляютъ предметъ вѣдѣнія педагогическаго Совѣта, въ составъ котораго по 17 статьѣ Положенія, членовъ отъ земства не положено“.

Въ ходатайствахъ о правѣ участвовать черезъ своихъ представителей въ женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ даже по учебнымъ дѣламъ, земства и города иногда высказывали свой взглядъ на женское образованіе. Елецкая городская Дума, ходатайствуя въ 1874 году о преобразованіи женской прогимназіи въ гимназію, на что городъ соглашался, кромѣ содержанія гимназіи, дать 60.000 рублей на постройку дома для нея, мотивировала свое желаніе тѣмъ, что полуобразованіе вредно, что для счастья дѣтей и внуковъ женщинѣ надо давать одинаковое съ мужчинами образованіе, что образованіе — это насущный хлѣбъ женщины, что доказывать необходимость женскаго образованія теперь все равно, что доказывать превосходство солнечнаго свѣта передъ тьмою. Духовщинская (смоленской губерніи) Дума, признавъ, что устроенное въ 1872 году мѣстное городское училище благотворно повліяло на юношество, выразила желаніе, чтобы было открыто женское отдѣленіе „ибо—говорила Дума—съ открытіемъ мужскаго, ужъ не существуетъ никакой параллели въ отношеніи образованія дѣвочекъ, такъ какъ мальчики, учась въ трехклассномъ училищѣ, получаютъ соотвѣтственное образованіе и права, между тѣмъ дѣвочки не смѣютъ и думать о какихъ-либо правахъ, которыя такъ же необходимы жен-

скому полу, какъ и мужскому“ [1]). Ярапское (вятской губ.) уѣздное земство ходатайствовало о введеніи въ курсъ женскаго двухкласснаго земскаго училища всеобщей и русской исторіи и отклонило предложеніе объ обученіи въ этомъ училищѣ башмачному мастерству. Великолуцкое (псковской губ.) уѣздное земство постановило просить попечительный Совѣтъ псковской гимназіи объ освобожденіи земскихъ кандидатокъ отъ экзамена изъ иностранныхъ языковъ при поступленіи на педагогическіе курсы, а попечительный Совѣтъ Великолуцкаго женскаго училища — о примѣненіи программы его къ требованіямъ для поступленія на педагогическіе курсы псковской гимназіи [2]). Владимірское губернское земское собраніе, ходатайствуя въ 1867 году о томъ, чтобы при женской гимназіи были открыты педагогическіе классы, мотивировало свое ходатайство тѣмъ, что образованныя женщины „ослабятъ своимъ вліяніемъ жестокость отношеній между мужемъ и женою, родителями и дѣтьми, которыя дѣлаютъ невыносимымъ и безъ того тяжелое положеніе женщинъ и дѣтей въ крестьянскомъ быту“, а также, что вліяніе образованныхъ женщинъ уменьшитъ пьянство „поражающее во всѣхъ промышленныхъ селахъ губерніи“ [3]).

Въ большинствѣ ходатайствъ дворянъ объ участіи въ учебныхъ дѣлахъ женскихъ гимназій указывалась необходимость ввести въ программу преподаваніе французскаго языка, какъ предмета обязательнаго. Костромское дворянство ходатайствовало объ этомъ на томъ основаніи, что „въ женскомъ обществѣ въ настоящее время, а быть можетъ надолго еще и впереди, знаніе французскаго языка и умѣнье владѣть французской фразою составляетъ необходимое условіе образованія“. Видя въ этомъ „уступку современной потребности общества“, предводитель дворянства не сомнѣвался, что такая уступка привлечетъ въ гимназію много своекоштныхъ пенсіонерокъ. Это ходатайство было уважено [4]). Бессарабское дворянство въ своемъ проектѣ учреждаемой имъ женской гимназіи въ Кишиневѣ постановило, чтобы одинъ изъ предметовъ преподавался на французскомъ языкѣ, на что ученый комитетъ соглашался подъ условіемъ если найдется для этого хорошій учитель [5]).

Предположенное въ 1860 году къ учрежденію владимір-

---

[1]) Арх. мин. нар. просв. 1874—1875 гг.

[2]) Земскій Ежег. за 1876 г.

[3]) Журн. мин. нар. просв. 1870 г. ч. 152.

[4]) Арх. мин. нар. просв. 1864 г.

[5]) Тамъ же, 1868 г.

скимъ дворянствомъ женское училище 1-го разряда въ Владимірѣ, взамѣнъ института благородныхъ дѣвицъ, на который дворянство собирало капиталъ съ 1836 года [1]), тогда не состоялось вслѣдствіе несогласія дворянства на требованіе министерства, чтобы училище было всесословнымъ, а не для однѣхъ дворянокъ, и все дѣло было отложено дворянствомъ до введенія въ дѣйствіе земскихъ учрежденій. Въ одномъ изъ первыхъ своихъ собраній, 2 декабря 1867 года, владимірское губернское земство, по докладу управы постановило открыть женскую гимназію въ Владимірѣ. Оно тогда же поручило управѣ составить проектъ гимназіи, но въ слѣдующемъ году экстренное земское собраніе, большинствомъ 24 голосовъ противъ одного, избрало съ этой цѣлью особую комиссію и постановило: ходатайствовать объ отнесеніи владимірской гимназіи къ вѣдомству учрежденій Императрицы Маріи, чтобы выбранный земствомъ почетный блюститель представлялся черезъ Принца на утвержденіе императрицы и освобождался отъ общественной службы по городскимъ выборамъ, чтобы два члена отъ земства по выбору собранія припимали участіе въ конференціи гимназіи и хозяйственномъ ея комитетѣ, чтобы отчеты по гимназіи представлялись собранію, чтобы попечителемъ гимназіи былъ губернскій предводитель дворянства по званію предсѣдателя губернскаго земскаго собранія.

На устройство гимназіи и ея помѣщеніе земство назначило 13.800 рублей изъ суммы уже три года собиравшейся имъ на дѣло народнаго образованія и по 6.500 рублей въ годъ на ея содержаніе. Дума постановила отпускать гимназіи по 1.500 рублей въ годъ, сумму, которую она давала владимірскому женскому училищу 2-го разряда, и ходатайствовать о закрытіи послѣдняго. Но вѣдомство учрежденій Императрицы Маріи отказалось принять въ свое вѣдѣніе владимірскую гимназію, мотивировавъ отказъ тѣмъ, что оно не можетъ взять на себя новыхъ расходовъ, а министерство народнаго просвѣщенія соглашалось на закрытіе женскаго училища 2-го разряда только подъ условіемъ, чтобы гимназія, какъ содержащаяся на общественныя средства и частныя пожертвованія, была подчинена ему [2]).

При обсужденіи вопроса объ учрежденіи гимназіи, въ губернскомъ земскомъ собраніи 1869 года возникли горячія пренія: дворянство было противъ нея; при этомъ было высказано, что цѣль гимназіи, поставленная управою, — образовывать будущихъ

[1]) См. *Е. Лихачева.* Матер. для истор. женск. обр. въ Россіи 1828—1856 гг. Стр. 16.

[2]) Арх. мин. нар. просв. 1869 г.

женъ и матерей, не можетъ быть осуществлена, что нельзя требовать, чтобы владимірская гимназія снабдила всю губернію женами и матерями, что, конечно, не дворянство воспользуется гимназіею когда, по уставу, начальство должно наблюдать за ученицами лишь во время уроковъ, что дворянство и крупное купечество предпочтутъ отдавать своихъ дѣтей въ московскія закрытыя заведенія. Управѣ ставили въ вину, что она не ходатайствовала объ измѣненіи параграфа Положенія 1860 года, по которому начальникъ губерніи есть почетный попечитель гимназіи, между тѣмъ какъ по Положенію о земскихъ учрежденіяхъ открываемыя земствомъ учебныя заведенія должны находиться въ завѣдываніи назначаемыхъ имъ лицъ, отвѣчающихъ передъ нимъ.

Отказъ вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи принять въ свое вѣдѣніе владимірскую гимназію, показался дворянамъ обиднымъ, потому что земство не просило о пособіи, а вѣдомство заподозрило, что оно хочетъ денегъ. Одинъ изъ гласныхъ-дворянъ, сказавъ, что гимназія выйдетъ изъ вліянія земства, что та гимназія, какую желало собраніе, теперь невозможна, прибавилъ: „къ чему намъ навязываться? кому нужна гимназія? дворянство и купечество въ ней не нуждаются, а служащіе въ городѣ—для земства люди постороннie“. Поэтому онъ предложилъ собранію отказаться отъ нея. Но большинство, и въ томъ числѣ купечество, высказались за учрежденіе гимназіи.

Министерство согласилось на просимыя земствомъ отступленія отъ Положенія 1860 года по хозяйственной части и по составу попечительнаго Совѣта и семиклассная владимірская гимназія была открыта 22-го октября 1870 года при 72 ученицахъ [1]).

Въ 1880 году въ министерствѣ народнаго просвѣщенія было 79 женскихъ гимназій, 164 прогимназіи и, на правахъ гимназій, правительственныя высшія женскія училища: Маріинское въ Вильно, холмское въ варшавскомъ учебномъ округѣ, училище графа Д. Блудова въ кіевскомъ.

Учреждая женскія училища въ прибалтійскихъ губерніяхъ, а также въ варшавскомъ, вилепскомъ и кіевскомъ округахъ, на счетъ казны, правительство руководствовалось цѣлью взять въ свои руки женское образованіе и воспитаніе и тѣмъ ослабить вліяніе на него мѣстныхъ элементовъ. Съ цѣлью распространенія въ прибалтійскомъ краѣ русской народности правительство,

[1]) Арх. мин. нар. просв. 1869—1870 гг.

въ 1868 году, по заявленію русскихъ жителей Риги о настоятельной потребности въ женской гимназіи, открыло подъ почетнымъ попечительствомъ генералъ-губернатора прибалтійскаго края „Ломоносовскую“ гимназію, на содержаніе которой назначило по 3.000 рублей въ годъ изъ казны въ дополненіе къ суммамъ, отпускавшимся городомъ. На образованіе основного капитала было собрано по подпискѣ 9.000 рублей, а городъ согласился на убѣжденіе генералъ-губернатора выдавать гимназіи ежегодно по тысячѣ рублей, сумму, которую до того времени выдавалъ на содержаніе элементарнаго русскаго училища, уже обезпеченнаго. Ломоносовская гимназія основывалась на Положеніи 1860 года, съ шестилѣтнимъ курсомъ, преподаваніе всѣхъ предметовъ должно было происходить на русскомъ языкѣ; она состояла подъ покровительствомъ императрицы.

Въ западномъ краѣ особенное вниманіе правительства было обращено на воспитаніе дочерей родителей, принадлежавшихъ къ высшему классу общества, имѣя въ виду признаваемое и правительствомъ, огромное на него вліяніе женщинъ. Дѣвушки этихъ классовъ воспитывались большей частью дома, польскими гувернантками, а большинство учащихся въ частныхъ польскихъ пансіонахъ и школахъ принадлежало къ низшимъ дворянскимъ фамиліямъ. Поэтому Положеніе 1870 года о женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ не распространялось на округи: виленскій, варшавскій и губерніи кіевскаго: волынскую, подольскую и кіевскую. Училищамъ этихъ округовъ и губерній были даны особые уставы, которыми они подчинялись исключительно правительственнымъ органамъ, безъ участія представителей городскихъ сословій.

Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ большинство училищъ въ царствѣ польскомъ было закрыто, но по Высочайшему повелѣнію 5-го марта 1856 года было постановлено учредить въ Варшавѣ казенный женскій пансіонъ въ старомъ зданіи варшавскаго мужского дворянскаго института. На докладѣ объ этомъ министра народнаго просвѣщенія государь написалъ: „весьма будетъ полезно при хорошемъ надзорѣ“ [1]). По Высочайше утвержденному 4 декабря 1857 года Положенію, пансіонъ учреждался на 66 воспитанницъ высшаго и средняго сословій, христіанскаго исповѣданія, на счетъ суммъ царства по 3.660 руб. въ годъ и плату за воспитанницъ по 150 рублей въ годъ съ

[1]) Всеподданнѣйшій докладъ мин. нар. просв. 12 ноября 1856 г. (Арх. мин. нар. просв.).

каждой и 15 рублей единовременно при поступленіи. Онъ долженъ былъ состоять подъ начальствомъ попечителя варшавскаго учебнаго округа, по избранію котораго директрисса утверждалась министромъ народнаго просвѣщенія по соглашенію съ намѣстникомъ царства. При поступленіи въ первый изъ пяти классовъ воспитанница должна была умѣть читать и писать по-польски. Въ программу курса было включено преподаваніе польскаго языка, а также русскій и одинъ изъ иностранныхъ, французскій или нѣмецкій, педагогика, свѣдѣнія изъ естественной исторіи и домоводства. Были разрѣшены отпуски воспитанницъ, „благонравныхъ и прилежныхъ“ въ свободные отъ ученія дни, но въ сопровожденіи извѣстныхъ директриссѣ благонадежныхъ лицъ. Окончившимъ курсъ предоставлялось право, безъ особаго испытанія, на званіе домашнихъ учительницъ.

Въ 1862 году, по желанію бывшаго тогда намѣстникомъ великаго князя Константина Николаевича, былъ составленъ проектъ устройства двухъ гимназій, мужской и женской, въ Варшавѣ и шести начальныхъ русскихъ училищъ въ разныхъ городахъ царства. Но съ его отъѣздомъ дѣло остановилось и уже при графѣ Бергѣ была открыта двухклассная „русская школа“ для обоего пола, отдѣльно для каждаго; въ ней преподавали русскія дамы и офицеры генеральнаго штаба. Когда число учащихся достигло двухсотъ, приготовительныя отдѣленія школы преобразованы въ два первые класса гимназій, женской и мужской, а отдѣленіе элементарное—въ общій приготовительный классъ. По 7-е іюля 1864 года на „русскую школу“ было собрано 21.527 рублей.

Высочайшимъ указомъ 30 августа этого года повелѣно было преобразовать на новыхъ началахъ учебную часть въ царствѣ. Въ рескриптѣ, данномъ графу Бергу, ему повелѣвалось обратить вниманіе и на женское образованіе. „Обученіе женщинъ—сказано въ рескриптѣ—было также, до сего времени, предметомъ лишь нѣкоторыхъ со стороны правительства, частныхъ мѣръ, или недоконченныхъ попытокъ. Необходимо принять общую, въ дѣлѣ женскаго образованія, систему, сообразно съ потребностями разныхъ сословій, такъ какъ умственное и нравственное образованіе женскаго населенія будетъ лучшимъ ручательствомъ правильнаго развитія грядущихъ поколѣній. Принимая въ этомъ отношеніи, какъ и по другимъ отраслямъ народнаго воспитанія, мѣры твердыя, но послѣдовательныя и осторожныя, я считаю полезнымъ нынѣ же приступить, на первый разъ въ главнѣйшихъ городахъ царства, къ учрежденію открытыхъ жен-

скихъ училищъ, столь успѣшно и благотворно уже дѣйствующихъ въ Имперіи и въ самой Варшавѣ“ [1]).

Разрѣшая польскому юношеству обучаться на польскомъ языкѣ, рескриптъ предписывалъ образовывать отдѣльныя для каждой народности училища, а въ школахъ общихъ для всѣхъ народностей, „особенно же низшихъ“, ввести обученіе на природномъ языкѣ большинства населенія, „т.-е. или на польскомъ, или на русскомъ, или на нѣмецкомъ, или на литовскомъ, смотря по мѣстности и происхожденію жителей“.

Къ 1870 году въ варшавскомъ округѣ было уже 9 женскихъ гимназій, 2 высшихъ училища (въ Варшавѣ и Холмѣ) и 11 прогимназій съ 2.347 учащимися [2]). Всѣ эти учебныя заведенія получали полное содержаніе изъ казны. Съ упраздненіемъ въ 1867 году правительственныхъ комиссій въ царствѣ польскомъ, была упразднена и комиссія народнаго просвѣщенія; образованный варшавскій учебный округъ подчиненъ на общемъ основаніи министерству народнаго просвѣщенія и Высочайшимъ повелѣніемъ 30 ноября 1869 года варшавская гимназія, прежде имѣвшая особаго попечителя, была подчинена училищному начальству. Преподаваніе всѣхъ предметовъ, кромѣ закона Божія для католичекъ, должно было происходить на русскомъ языкѣ. Въ 1871 году обученіе русскому языку сдѣлано обязательнымъ и для всѣхъ, безъ исключеній, начальныхъ училищъ варшавскаго округа.

До 1869 года въ югозападномъ краѣ было только три гимназіи вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи и въ нѣкоторыхъ городахъ частные женскіе пансіоны. Высочайше утвержденнымъ 26 мая 1869 года мнѣніемъ государственнаго Совѣта постановлено открыть на счетъ казны, кромѣ 32 двуклассныхъ женскихъ училищъ (столько же и мужскихъ) въ разныхъ городахъ края, женскую гимназію въ Кіевѣ и 3 четырехклассныхъ прогимназіи: въ Немировѣ, Бѣлой Церкви и Златополѣ.

Въ Положеніи 26 мая объ устройствѣ училищной части въ трехъ югозападныхъ губерніяхъ было сказано, что „польскими правами, отчасти перешедшими и въ русскіе, за женщинами въ краѣ узаконено вліяніе, и притомъ большое, не только въ жизни семейной, но и общественной. Поэтому вопросъ: какія чувства и понятія, гражданскія вѣрованія и надежды русская женщина въ томъ краѣ внесетъ въ свою домашнюю, а затѣмъ и обще-

---

[1]) Русскій біографическій словарь, стр. 622.

[2]) Отчетъ мин. нар. просв. за 1870 г.

ственную дѣятельность, не можетъ не обратить серьезнаго вниманія правительства. Какъ бы ни была скромна доля вліянія науки на образованіе женщины въ сравненіи съ вліяніемъ окружающей ее среды, но все же воззрѣнія, привитыя ей опытными и искусными учителями и учительницами, имѣютъ серьезное значеніе, и заботы правительства о дѣлѣ народнаго образованія въ югозападныхъ губерніяхъ во всякомъ случаѣ только тогда могутъ увѣнчаться полнымъ успѣхомъ, когда съ устройствомъ мужскихъ училищъ одновременно будетъ обращено вниманіе и на усиленіе способовъ женскаго образованія“ [1]).

По этимъ соображеніямъ было признано „самою дѣйствительною и положительною мѣрою“ открытіе въ краѣ казенныхъ женскихъ училищъ съ высшимъ курсомъ.

Признавая что образованіе, даваемое въ двуклассныхъ училищахъ „не въ состояніи поднять русское женское образованіе на высоту, при которой оно могло бы соперничать съ домашнимъ образованіемъ, получаемымъ въ польскихъ семействахъ“, правительство постановило въ 1869 году преобразовать одно изъ нихъ, въ Вильнѣ, въ шестиклассное, назначивъ ему полное содержаніе, 11.000 рублей въ годъ, отъ казны. Это было единственное, состоявшее въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія, высшее женское училище въ округѣ. Кромѣ него были частные пансіоны и школы.

Еще въ 1856 году А. Норовъ представлялъ государю о затрудненіяхъ организовать женскія училища въ краѣ при посредствѣ только русскихъ содержательницъ частныхъ пансіоновъ. Попечительскій Совѣтъ о пансіонахъ виленскаго округа постановилъ въ 1863 году, съ цѣлью улучшенія ихъ учебной части и болѣе удобнаго за ними наблюденія, разрѣшать открытіе частныхъ пансіоновъ и школъ только одно-и двуклассныхъ на степени приходскихъ училищъ, и четырехклассныхъ—на степени уѣздныхъ, увеличивъ курсъ послѣднихъ преподаваніемъ новыхъ языковъ и искусствъ; на преподаваніе польскаго языка былъ назначенъ одинъ часъ въ недѣлю въ каждомъ изъ четырехъ классовъ [2]). На этихъ основаніяхъ было предложено преобразовать всѣ существующіе пансіоны. Тогда же западный комитетъ,

[1]) Сборн. пост. по мин. нар. просв. 1870 г.

[2]) Преподаваніе польскаго языка въ заведеніяхъ виленскаго учебнаго округа было запрещено въ 1839 году, но до 1854-го оно держалось въ нѣкоторыхъ частныхъ пансіонахъ и школахъ. Въ 1858 году оно было не только вновь разрѣшено, но даже признано полезнымъ въ югозападныхъ губерніяхъ. (Сборникъ постан. по мин. нар. просв. 1858 г.)

по предложенію министра народнаго просвѣщенія назначить особыя суммы для принятія мѣръ къ устраненію вліянія полекъ на образованіе дѣвицъ въ западномъ краѣ, постановилъ предоставить министру, въ случаѣ недостатка собственныхъ средствъ, ходатайствовать о назначеніи денежныхъ пособій тѣмъ изъ частныхъ женскихъ пансіоновъ, которые окажутся заслуживающими поддержки.

Изъ представленныхъ попечителями учебныхъ округовъ секретныхъ сообщеній о такихъ пансіонахъ выяснилось, что въ виленскомъ округѣ нѣтъ ни одного русскаго пансіона. Попечитель петербургскаго округа просилъ увеличить сумму пособія содержательницамъ витебскаго и полоцкаго образцовыхъ пансіоновъ, первой съ 1.500 рублей въ годъ на 2.300, второй до 2.000 на томъ основаніи, что обѣ содержательницы православныя и поэтому населеніе чуждается ихъ. Кромѣ того, по его мнѣнію, слѣдовало назначить пособіе въ размѣрѣ отъ 200 до 800 рублей въ годъ каждому изъ четырехъ, на степени уѣздныхъ училищъ, пансіоновъ.

О положеніи содержательницъ всѣхъ вообще пансіоновъ въ краѣ попечитель говорилъ, что помимо скудныхъ матеріальныхъ средствъ, онѣ подвергаются явнымъ и тайнымъ преслѣдованіямъ польскихъ патріотовъ за принятыя ими „энергичныя мѣры противъ демонстрацій 1861 года“ и что многіе родители уже взяли своихъ дочерей изъ пансіоновъ.

Попечитель кіевскаго учебнаго округа сказавъ, что одинъ пансіонъ въ западныхъ губерніяхъ уже получаетъ пособіе отъ правительства, не счелъ возможнымъ ходатайствовать о другихъ.

Вновь назначенный въ 1864 году попечитель виленскаго учебнаго округа представилъ министру народнаго просвѣщенія записку о томъ, что мальчики въ краѣ воспитываются въ русскомъ духѣ на счетъ правительства, а дѣвочки—въ польскомъ, гувернантками-польками, что въ виду „огромнаго вліянія женщинъ вообще и въ особенности въ западномъ краѣ“ необходимо сосредоточить и женское воспитаніе въ русскихъ рукахъ. Поэтому онъ ходатайствовалъ о назначеніи 20.000 рублей ежегоднаго пособія для основанія и поддержанія русскихъ частныхъ пансіоновъ и школъ для женщинъ.

Удовлетвореніе этого ходатайства было отложено до болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ попечитель ходатайствовалъ о томъ, чтобы назначенные виленской дирекціи для выдачи пособій русскимъ благонадежнымъ содержательницамъ частныхъ женскихъ пансіоновъ, 7.100 рублей въ годъ,

были сосредоточены въ управленіи учебнымъ округомъ и выдавались не какъ казенное содержаніе, а по ежегоднымъ отзывамъ лицъ, производящихъ инспекціи пансіоновъ; но министръ народнаго просвѣщенія нашелъ неудобнымъ входить съ такимъ представленіемъ въ государственный Совѣтъ.

Генералъ-губернаторъ сѣверозападнаго края, Муравьевъ, признавая пособіе правительства небезполезнымъ и сказавъ, что онъ самъ выдаетъ такія пособія по усмотрѣнію, изъ имѣющихся въ его распоряженіи суммъ, поставилъ условіемъ, чтобы при каждомъ назначеніи правительственнаго пособія министерство сообщало ему на заключеніе. По его мнѣнію, было бы полезнѣе учреждать въ краѣ училища для народа, а не для дворянскихъ дѣтей. Въ 1865 году, еще при министрѣ Головнинѣ, было уничтожено нѣсколько дворянскихъ училищъ, а вмѣсто нихъ открыты 20 двуклассныхъ уѣздныхъ училищъ и 21 одноклассныхъ для женскаго пола. Первымъ выдавалось съ 1868 года постоянное ежегодное пособіе по 700 рублей каждому, вторымъ— по 385; такія училища были открыты въ 31 городахъ края. Въ югозападномъ краѣ также упразднены въ 1869 году 5 дворянскихъ училищъ, одно уѣздное и одинъ женскій пансіонъ, а взамѣнъ ихъ открыты 32 двухклассныхъ мужскихъ училища и столько же женскихъ во всѣхъ городахъ края [1]).

Нѣкоторыя содержательницы женскихъ пансіоновъ, существовавшихъ въ краѣ двадцать и болѣе лѣтъ, ходатайствовали о разрѣшеніи преобразовать ихъ въ открытыя семиклассныя училища на подобіе гимназій; но въ этомъ, также и въ присвоеніи имъ названія „частная женская гимназія“ было отказано. Между тѣмъ съ учрежденіемъ въ краѣ женскихъ гимназій вѣдомства Императрицы Маріи, число желающихъ поступать въ частные пансіоны постоянно уменьшалось и многіе изъ нихъ должны были закрыться.

Въ вилейскомъ Маріинскомъ женскомъ училищѣ, имѣвшемъ въ 1877 году уже 8 классовъ, было 495 ученицъ; изъ нихъ православныхъ 263, католичекъ 144, лютеранокъ 27, магометанокъ 5, евреекъ 56. Большинство (403) ученицъ были дочери дворянъ и чиновниковъ, 25 духовнаго званія, 62 городского сословія, 3 крестьянки. Въ состоявшемъ при немъ пансіонѣ воспитывались 176 дѣвицъ, изъ которыхъ было 54 своекоштныхъ, остальныя пепсіонерками: таможеннаго вѣдомства 105, шесть казенныхъ, одна—министерства народнаго просвѣщенія,

[1]) Русскій біограф. словарь, стр. 766.

10—частныхъ лицъ. Онѣ платили по 200 рублей въ годъ, а приходящія по 30 рублей.

За исключеніемъ этого, называвшагося „высшимъ“ женскаго училища, все среднее женское образованіе въ сѣверо и юго-западномъ краѣ было сосредоточено въ вѣдомствѣ учрежденій Императрицы Маріи. Въ первое время учрежденія женскихъ гимназій въ Вильнѣ, Ковно и Гродно, ученицъ, а въ особенности платящихъ, во всѣхъ трехъ гимназіяхъ было мало; большое число безплатныхъ Назимовъ оправдывалъ необходимостью „развить заведенія и доставить средства безпомощнымъ дѣвицамъ получить образованіе“; тѣмъ не менѣе, въ видахъ сокращенія расходовъ, а также по желанію родителей, „находившихъ семилѣтній курсъ слишкомъ растянутымъ и для многихъ стѣснительнымъ“, Назимовъ предложилъ сократить его на одинъ годъ, прибавляя, что въ седьмомъ классѣ происходитъ лишь повтореніе всего пройденнаго по всѣмъ предметамъ, за исключеніемъ всеобщей и русской исторіи и естествовѣдѣнія. Представляя свѣдѣнія о трехъ гимназіяхъ вѣдомства, Назимовъ указалъ на то, что въ низшихъ классахъ безплатно, за сумму 1360 рублей въ годъ, преподаютъ надзирательницы, а если, какъ полагаетъ главный Совѣтъ, преобразовать гимназіи изъ шестиклассныхъ съ годичными курсами въ трехклассныя съ двухгодичными [1]), то ученіе, „требующее высшихъ познаній“, нужно будетъ поручить преподавателямъ.

Малое число ученицъ Назимовъ объяснялъ тогда (въ 1863 г.) безпокойнымъ положеніемъ края, „происходящимъ отъ внушенія партій неблагонамѣренныхъ и враждебныхъ правительству людей“, и совѣтовалъ не останавливаться передъ расходомъ недостающей для покрытія всѣхъ нуждъ училищъ суммы, или увеличить плату за необязательные предметы съ трехъ до шести рублей.

Главный Совѣтъ, въ виду малаго числа учениць въ сѣверо-западныхъ гимназіяхъ, полагалъ закрыть ихъ „какъ несоотвѣтствующихъ цѣли ихъ учрежденія и, повидимому, не встрѣтившихъ сочувствія въ мѣстномъ обществѣ“. Но такъ какъ генералъ-губернаторъ объяснялъ это исключительнымъ положеніемъ края, и въ надеждѣ, что польза училищъ будетъ со временемъ оцѣнена обществомъ, главный Совѣтъ, впредь до возстановленія полнаго спокойствія въ краѣ, постановилъ выдать просимую Назимовымъ сумму, преобразовать училища въ трехклассныя съ

[1]) По уставу училищъ для приходящихъ дѣвицъ тамъ, гдѣ число учениць было менѣе 150-ти, дозволялось, при недостаткѣ средствъ, учреждать вмѣсто семиклассныхъ съ годичными курсами, трехклассныя съ двухгодичными.

двухгодичными курсами, прекратить пріемъ безплатныхъ ученицъ, число которыхъ равнялось половинѣ общаго ихъ числа, и повысить плату за необязательные предметы. При этомъ главный Совѣтъ говорилъ, что учреждая училища для приходящихъ дѣвицъ всѣхъ сословій и за доступную даже для бѣдныхъ плату, вѣдомство думало, что они не потребуютъ отъ него слишкомъ большихъ пожертвованій, что для крайне недостаточныхъ учреждены институты, на содержаніе которыхъ вѣдомство тратитъ огромныя суммы; поэтому оно должно естественно стремиться къ тому, чтобы безъ новыхъ жертвъ, посредствомъ открытыхъ училищъ, давать большинству родителей возможность образовывать дочерей [1]). Сообщая главному Совѣту, что онъ уже увеличилъ плату за необязательные предметы, Назимовъ представилъ возраженія противъ преобразованія училищъ въ трехклассныя, опасаясь, что это произведетъ самое невыгодное вліяніе на развитіе ихъ, и что число учащихся еще уменьшится, ибо общество, „не освоившись еще до нынѣ съ настоящею степенью и значеніемъ женскихъ гимназій можетъ принять такое преобразованіе училищъ за низведеніе ихъ на степень низшаго разряда“. Относительно сокращенія расходовъ Назимовъ извѣщалъ, что преподаватели, „въ заботливости о пользѣ училищъ“, изъявили единогласное желаніе получать за урокъ не по 75-ти копѣекъ, а по 50-ти, т.-е. столько, сколько получаютъ учительницы. Запрещеніе принимать безплатныхъ ученицъ Назимовъ находилъ также невыгоднымъ, ибо гимназіи—единственныя въ сѣверозападныхъ губерніяхъ учебныя заведенія, могущія давать образованіе въ духѣ русской народности. Главный Совѣтъ нашелъ, что если въ преобразованіи гимназій въ трехклассныя мѣстное общество можетъ видѣть низведеніе ихъ на низшую степень, то это доказываетъ „неприготовленность его къ надлежащей оцѣнкѣ образованія, предлагаемаго его дочерямъ при пособіи правительства“. Это подтверждаетъ, по мнѣнію главнаго Совѣта, и то, что мѣстное начальство вынуждено многихъ дѣвицъ учить безплатно, что также не достигаетъ цѣли, ибо во всѣхъ трехъ гимназіяхъ мало ученицъ.

Повторяя, что задача вѣдомства состоитъ въ томъ, чтобы давать образованіе какъ можно большему числу дѣвицъ, главный Совѣтъ постановилъ оставить гимназіи въ настоящемъ ихъ положеніи только на два года, а по прошествіи этого срока по-

[1]) Дѣла гл. Совѣта: 1863 г.

ставить вопросъ: слѣдуетъ ли допустить дальнѣйшее существованіе ихъ на теперешнихъ основаніяхъ?

Въ 1867 году, по настоятельному ходатайству бывшаго главнаго начальника сѣверозападнаго края, состоялось Высочайшее повелѣніе оставить въ гимназіяхъ шесть классовъ и отпускать имъ по 13.300 рублей въ годъ изъ процентовъ сбора съ имѣній мѣстныхъ помѣщиковъ польскаго происхожденія.

На пять гимназій въ сѣверозападныхъ губерніяхъ вѣдомство отпускало въ 1871 году 19.401 рубль, а присоединяя сюда витебскую — 26.221 рубль. Изъ нихъ одна (могилевская) была семиклассная съ пансіономъ, три шестиклассныя съ годичными курсами, одна (минская) трехклассная съ двухгодичными.

Въ 1872 году витебскій губернаторъ, указывая на основаніи четырехлѣтняго опыта, въ числѣ неудобствъ трехклассной системы и на то, что она затрудняетъ родителей при опредѣленіи ежегодно своихъ дѣтей въ первый классъ въ то время, когда ученицы этого класса проходятъ курсъ второго года, а съ другой стороны—невыдержавшія переходнаго экзамена изъ одного предмета должны оставаться вновь два года въ томъ же классѣ, ходатайствовалъ о преобразованіи витебской гимназіи въ шестиклассную. Ссылаясь на уставъ для приходящихъ дѣвицъ, Присутствіе опекунскаго Совѣта отказало въ удовлетвореніи этого ходатайства сказавъ, что въ уставѣ говорится только о семи классахъ и о трехъ двухгодичныхъ, а шесть годичныхъ классовъ допущены въ сѣверозападныхъ гимназіяхъ лишь какъ „уступка необходимости“. Тогда нѣкоторыя городскія общества, по предложенію витебскаго губернатора, назначили гимназіи ежегодное пособіе, составившее въ общей сложности 800 рублей, а дворяне, по особой подпискѣ, обязались собирать ежегодно въ теченіе трехъ лѣтъ, по полукопѣйкѣ съ каждой десятины земли. Въ 1874 году такимъ образомъ, составилось 8.700 рублей и кромѣ того плата съ учениць за обязательные предметы была повышена съ 15-ти до 20-ти рублей. Учениць въ этомъ году было болѣе 150-ти, а въ слѣдующемъ имѣлось въ виду до 250-ти. Тогда Присутствіе предложило преобразовать гимназію въ семиклассную, а для покрытія недостающей тысячи рублей въ годъ. увеличить плату съ учениць до 25 руб. въ годъ. Число учениць и при этомъ условіи продолжало увеличиваться съ каждымъ годомъ; съ 280-ти, поступившихъ въ 1876 году, должно было получиться 9.400 рублей; открытыя тогда параллели покрывались платою самихъ учащихся.

Возвышеніе платы въ витебской гимназіи, также какъ и во

всѣхъ другихъ, было сдѣлано на основаніи состоявшагося 14 марта 1871 года Высочайшаго повелѣнія. Тогда, по всеподданнѣйшему докладу учрежденной для разсмотрѣнія и утвержденія смѣты вѣдомства комиссіи, было повелѣно: выработать постоянные нормальные штаты для всѣхъ женскихъ гимназій вѣдомства, съ опредѣленіемъ для каждой изъ нихъ того комплекта учениць, на содержаніе котораго должна производиться на будущее время денежная субсидія, и съ возвышеніемъ платы за штатныхъ ученицъ губернскихъ гимназій, примѣрно, среднимъ числомъ, до пяти рублей на каждую въ годъ. За сверхкомплектныхъ брать столько, сколько дѣйствительно обходится вѣдомству обученіе дѣвицы.

Несмотря однако на увеличеніе платы съ ученицъ, число ихъ и въ другихъ гимназіяхъ сѣверозападнаго края постоянно возрастало. Въ 1876 году въ гимназіяхъ виленской, гродненской и ковенской приходилось уже отказывать въ пріемѣ. По объясненію генералъ-губернатора это было слѣдствіемъ „неослабнаго наблюденія мѣстной администраціи чтобы не существовали въ краѣ частные женскіе пансіоны, содержимые тайно и безъ разрѣшенія правительства лицами польскаго происхожденія, не имѣющими на то права, ни достаточныхъ гарантій въ благонадежности“, а также запрещенія обучать въ частныхъ домахъ безъ особаго дозволенія. Кромѣ того переполненіе гимназій края генералъ-губернаторъ приписывалъ постоянному увеличенію прибывающихъ изъ внутреннихъ губерній русскихъ семействъ чиновниковъ на службу и другихъ лицъ, желающихъ поселиться въ краѣ на основаніи льготъ и преимуществъ, предоставляемыхъ имъ правительствомъ. Вслѣдствіе просьбъ, обращаемыхъ къ генералъ-губернатору этими лицами относительно воспитанія дочерей, онъ находилъ нужнымъ открыть въ трехъ гимназіяхъ края семь параллельныхъ отдѣленій при наиболѣе переполненныхъ классахъ. На это генералъ-губернаторъ просилъ у вѣдомства единовременнаго отпуска 2.756 рублей и постояннаго, по 6.392 рубля въ годъ.

Хотя плата въ гимназіяхъ сѣверозападнаго края и была повышена въ 1876 году, но она все-таки оставалась низкою: по 20 рублей въ гродненской и ковенской, а въ виленской 15 рублей за обязательные предметы и по 5 рублей за каждый необязательный; но такъ какъ предлагаемая генералъ-губернаторомъ мѣра вызывалась не только школьною, но и государственною потребностью, то императрица велѣла отпускать изъ вѣдомства просимую на параллели сумму.

Особенно много желающихъ поступить было въ ковенской гимназіи. Въ ежегодномъ доходѣ на ея содержаніе участвовали взносами, по приговору обществъ: ковенскіе христіане, платившіе 100 рублей въ годъ, ковенскіе евреи—90 рублей, кейданское общество евреевъ—10 рублей; кромѣ того 4.564 рубля 25 копѣекъ получалось отъ десятипроцентнаго сбора съ земель польскихъ помѣщиковъ.

Къ 1880 году бо́льшая часть гимназій вѣдомства въ сѣверозападномъ краѣ была преобразована въ семиклассныя, а въ нѣкоторыхъ было и восемь классовъ. Въ виду очень большого числа ученицъ, при такихъ гимназіяхъ были устроены параллели, на средства, покрывавшіяся платою съ ученицъ. Въ витебской гимназіи при 365 ученицахъ въ 1879 году было 12 классовъ: восемь основныхъ, три параллельныхъ и приготовительный. Всѣ расходы, связанные съ постоянно увеличивавшимся числомъ ученицъ, покрывались собственными средствами гимназіи. Съ 1876 года она помѣщалась въ собственномъ домѣ. Въ виленской гимназіи при 430 ученицахъ, въ 1876 году было 11 классовъ: 6 нормальныхъ, 4 параллельныхъ и приготовительный. Ходатайства попечителей гимназій о средствахъ изъ вѣдомства на открытіе параллелей, Присутствіе опекунскаго Совѣта постоянно отклоняло говоря, что оно не имѣетъ средствъ на расширеніе своихъ учебныхъ заведеній и просило начальство гимназій „на будущее время ограничивать пріемъ ученицъ и распредѣлять ихъ въ нормальные классы, не доводя до необходимости открывать параллели, въ особенности на суммы вѣдомства, изыскивая для того собственные способы посредствомъ увеличенія платы до такого размѣра, чтобы параллели вполнѣ покрывались сборомъ за ученіе“ [1]). На этомъ основаніи оно отклонило и ходатайство виленскаго, ковенскаго и гродненскаго генералъ-губернатора, который, сообщая въ 1877 году о томъ, что въ гродненской гимназіи 268 ученицъ, говорилъ, что нельзя болѣе возвышать плату съ ученицъ, ибо гимназія „единственное въ губерніи учебное заведеніе для образованія молодого женскаго поколѣнія, на которомъ лежатъ самыя прочныя надежды будущаго благосостоянія и нравственнаго развитія страны, залогъ котораго заключается въ правильномъ воспитаніи и образованіи будущихъ матерей семействъ“ [2]).

Могилевскій губернаторъ, прося у вѣдомства въ 1877 году

---

[1]) Дѣла пет. Прис. опек. Сов. 1876—1878.

[2]) Тамъ же.

5.370 рублей на открытіе параллелей въ могилевской гимназіи, гдѣ было 320 ученицъ (по штату должно быть 160), предлагалъ, въ видахъ сокращенія расходовъ, пригласить надзирательницъ, среди которыхъ, даже и при маломъ вознагражденіи въ 30 рублей годовой урокъ, найдутся, по его словамъ, хорошія, особенно если надзирательницѣ будетъ предоставлено шесть уроковъ въ недѣлю, а нѣкоторымъ изъ учительницъ будетъ дозволено преподавать въ параллельномъ классѣ. Въ такомъ случаѣ отъ вѣдомства понадобилось бы лишь 1.370 руб. Но Присутствіе отказало въ пособіи сказавъ, что „единственно по исключительности положенія сѣверозападнаго края удѣляя могилевской гимназіи по 8.000 рублей ежегодно, оно не въ состояніи болѣе увеличивать пособіе“. Въ 1879 году губернаторъ, повторяя свое ходатайство о разрѣшеніи параллелей при четырехъ младшихъ классахъ, предложилъ для покрытія по нимъ расходовъ возвысить плату съ пенсіонерокъ съ 200 рублей до 250 рублей въ годъ, говоря, что помѣщеніе на частныхъ квартирахъ не дешевле и хуже, а съ приходящихъ—съ 25 до 30 рублей въ годъ. Присутствіе согласилось, но съ условіемъ, чтобы плата была повышена только съ вновь поступающихъ [1]). Боясь переполненія гимназій Присутствіе не разрѣшало открытія параллелей даже и въ томъ случаѣ, если отъ вѣдомства не требовалось на нихъ пособій.

Попечитель кіевоподольской гимназіи, генералъ-адъютантъ Чертковъ, увѣдомляя петербургское Присутствіе, что мѣстная Дума въ 1878 году пожертвовала 20.000 рублей гимназіи для надстройки второго этажа и обязалась ежегодно давать ей по 1.200 рублей, находилъ нужнымъ открыть параллели при всѣхъ семи классахъ гимназіи. Въ ней въ 1879 году было 446 учениць и 11 классовъ, въ томъ числѣ четыре параллельныхъ при низшихъ классахъ; эти параллели Присутствіе постановило закрыть „въ избѣжаніе образованія въ близкомъ будущемъ двойнаго комплекта классовъ“ если бы, въ случаѣ крайней нужды, пришлось открыть параллели при двухъ старшихъ классахъ, а также въ виду необходимости привести гимназію къ нормальному числу учащихся.

Настаивая на параллеляхъ при всѣхъ семи классахъ и говоря, что устройство ихъ не затруднительно, генералъ-губернаторъ писалъ, что потребность въ женскомъ образованіи въ Кіевѣ видна изъ жертвъ жителей. Кромѣ капитала въ 60.000 рублей,

---

[1]) Дѣла Прис. опек. Сов. 1874 г.

собраннаго купечествомъ на гимназію, городъ подарилъ ей каменный домъ и на надстройку его 20.000 рублей. Постоянно увеличивающаяся потребность въ женскомъ образованіи въ Кіевѣ доказывается тѣмъ, что въ 1879 году пришлось, за неимѣніемъ мѣста, отказать въ пріемѣ болѣе 80-ти дѣвицамъ. Поэтому „закрытіе пяти параллелей—писалъ Чертковъ — нетребующихъ никакихъ пособій отъ вѣдомства, было бы не содѣйствіемъ, а противодѣйствіемъ со стороны правительства народному образованію", а такъ какъ открытіе параллелей при всѣхъ семи классахъ было уже Высочайше разрѣшено его предмѣстнику, то закрытіе существующихъ параллелей было бы „и нарушеніемъ этого Высочайшаго повелѣнія" [1]).

Послѣ такихъ убѣдительныхъ доводовъ, Присутствіе разрѣшило параллели по съ тѣмъ, чтобы о каждой вновь открываемой мѣстное начальство входило съ особымъ представленіемъ, прилагая полные разсчеты суммъ на нихъ и чтобы всѣ расходы покрывались собственными средствами гимназіи.

Изъ всѣхъ гимназій сѣверозападнаго края минская была хуже другихъ обставлена въ учебновоспитательномъ отношеніи. Это мѣстный губернаторъ приписывалъ отчасти тому, что съ цѣлью сокращенія расходовъ преподаваніе предметовъ ввѣрено класснымъ надзирательницамъ, которыя, кончивъ курсъ въ самой гимназіи, часто оказываются мало знакомыми съ преподаваемымъ предметомъ, а такъ какъ ученицы остаются въ гимназіи всего 6 лѣтъ, то получаютъ весьма поверхностное и несообразное съ силами образованіе. Въ своемъ представленіи губернаторъ говорилъ, что вслѣдствіе низкой платы, въ гимназію поступаютъ дѣти родителей, которые по своему общественному положенію вовсе не нуждаются въ гимназическомъ образованіи, а напротивъ—дѣти родителей, коимъ оно необходимо, не пользуются имъ вслѣдствіе указанныхъ недостатковъ самого заведенія, зависящихъ отъ недостатка средствъ. Поэтому онъ предлагалъ открыть седьмой классъ и сообщалъ, что конференція гимназіи постановила увеличить плату съ учащихся до 45 рублей въ годъ, сдѣлавъ обязательнымъ одинъ иностранный языкъ и танцы, а въ параллельныхъ классахъ установлена плата за всѣ предметы и языки 55 рублей и что несмотря на это увеличеніе, число учениць не уменьшилось. Дальнѣйшее увеличеніе платы губернаторъ считалъ невозможнымъ потому, что главный контингентъ учащихся составляютъ дочери чиновниковъ и вообще лицъ недостаточныхъ, а также евреевъ,

[1]) Дѣла пет. Прис. опек. Сов. 1880 г.

число которыхъ постоянно увеличивается. Послѣднее губернаторъ считалъ нежелательнымъ, а съ новымъ возвышеніемъ платы оно, по его мнѣнію, еще болѣе станетъ увеличиваться ибо еврейское населеніе не остановится передъ большою платою, а христіане-чиновники не будутъ въ состояніи ее платить. Возвысить плату губернаторъ считалъ нужнымъ лишь тогда, когда воспитаніе и образованіе въ гимназіи будетъ организовано болѣе серьезнымъ образомъ и лица достаточныя будутъ стремиться къ помѣщенію туда своихъ дѣтей. Въ видахъ улучшенія учебной и воспитательной части онъ предлагалъ повысить сумму вознагражденія класснымъ дамамъ и надзирательницамъ, но запретить имъ давать уроки въ гимназіи и въ частныхъ домахъ, чтобы онѣ всецѣло отдавались прямымъ своимъ обязанностямъ.

Самою богатою изъ гимназій вѣдомства Императрицы Маріи въ сѣверозападномъ краѣ была могилевская. У нея былъ неприкосновенный капиталъ, собранный дворянствомъ на предполагавшійся къ учрежденію въ Могилевѣ институтъ, простиравшійся въ 1874 году до 97.691 рубля и она помѣщалась въ собственномъ домѣ. Тѣмъ не менѣе ея доходы не покрывали всѣхъ расходовъ и въ 1879 году вѣдомство приплачивало ежегодно 9.461 рубль [1]).

Изъ другихъ гимназій края, неприкосновенные капиталы, собранные мѣстнымъ дворянствомъ на учрежденіе центральнаго института въ Вильнѣ, до 1880 года были у гимназій: гродненской 20.350 рублей и ковенской 64.350 рублей. Капиталъ виленской гимназіи въ 37.070 рублей составился изъ сборовъ, которые дѣлало виленское дворянство съ 1861 по 1868 годъ на ея содержаніе. Кромѣ того дворяне пожертвовали въ память бракосочетанія великой княгини Маріи Александровны въ 1874 году 4.000 рублей на 8 стипендій для ученицъ дворянскаго сословія.

Сколько нибудь крупныхъ пожертвованій на гимназіи сѣверозападнаго края, даже въ видѣ стипендій для учениць, не было. Въ двухъ югозападныхъ, каменецъ-подольской и житомірской, для первой былъ собранъ по подпискѣ капиталъ въ 12.300 руб. для постройки новаго зданія. Этой же гимназіи, вмѣстѣ съ житомірскою, былъ отданъ завѣщанный въ 1860 году штабъ-лекаремъ Вороничемъ капиталъ въ 15.000 рублей, изъ процентовъ котораго должна была содержаться одна дѣвица изъ бѣднаго дворянскаго семейства въ институтѣ благородныхъ дѣвицъ;

[1]) Сборникъ свѣдѣній о капиталахъ вѣд. учр. Имп. Маріи. Т. II.

„если же—сказано въ завѣщаніи—опаго не имѣется въ Житомірѣ, то въ частномъ пансіонѣ". Проценты съ этого капитала, возросшаго къ 1873 году до 23.331 рубля, по Высочайше утвержденному постановленію Присутствія опекунскаго Совѣта, были назначены на обученіе въ житомірской или каменецъ-подольской гимназіи, а въ случаѣ надобности, и на содержаніе въ частномъ пансіонѣ одной бѣдной дѣвицы дворянскаго сословія [1]).

Гимназіи вѣдомства въ русскихъ губерніяхъ, за очень немногими исключеніями, были также переполнены, и главный Совѣтъ, мало по малу возвышая плату съ учащихся, довелъ ее къ 1879 году до 75-ти рублей на петербургскихъ педагогическихъ курсахъ, въ семи петербургскихъ и пяти московскихъ гимназіяхъ; въ трехъ петербургскихъ до 65-ти и одной (царскосельской) до 60-ти; въ прогимназіи при педагогическихъ курсахъ до 45-ти; въ остальныхъ гимназіяхъ вѣдомства плата была не выше 40 рублей. Но и при возвышенной платѣ только въ трехъ губернскихъ: кіево-подольской, симбирской и саратовской, всѣ расходы покрывались собственными доходами. Для того, чтобы гимназіи могли сами содержать себя, надо было бы возвысить плату до 85-ти рублей въ петербургскихъ гимназіяхъ, царскосельской и гатчинской, въ трехъ губернскихъ и въ прогимназіяхъ до 60-ти, въ московскихъ до 80-ти, на педагогическихъ курсахъ до 120-ти. Но постановивъ еще въ 1866 году повысить пенсіонерную плату въ тѣхъ институтахъ, гдѣ она была ниже 300 рублей, главный Совѣтъ не возвышалъ ее въ гимназіяхъ „желая пріохотить жителей отдавать въ нихъ своихъ дѣтей". Въ 1868 году, когда въ шести петербургскихъ гимназіяхъ было 1.800 ученицъ, вѣдомство пришло къ заключенію, что въ десятилѣтіе, истекшее со времени учрежденія гимназій, онѣ стали „насущной потребностью" населенія. Находя это „явленіемъ утѣшительнымъ", главный Совѣтъ въ тоже время увидѣлъ въ немъ доказательство того, что „время тяжкихъ жертвъ для вѣдомства на поддержаніе юныхъ гимназій миновало и наступила минута постепенно призывать членовъ общества къ покрытію всѣхъ издержекъ, въ которыя обходится образованіе ихъ дочерей". При этомъ главный Совѣтъ руководствовался и мыслью, которую императрица „неоднократно выражала, что вѣдомство обязано неуклонно заботиться о томъ, чтобы родители своекоштныхъ воспитанницъ, хотя со временемъ уплачивали заведеніямъ

[1]) Сборн. свѣдѣній о капиталахъ вѣд. учр. Имп. Маріи. Т. II.

всю стоимость воспитанія ихъ дѣтей". Поэтому, обсуждая въ 1868 году предложеніе начальника петербургскихъ гимназій, Осипина, объ учрежденіи Литейной гимназіи, главный Совѣтъ призналъ, что строгое безпристрастіе повелѣваетъ усилить плату и въ гимназіяхъ, „тѣмъ болѣе, что значительная часть родителей тогда только и заботится чтобы ихъ дѣти успѣвали, когда они нѣсколько чувствуютъ тягость производимой за обученіе дѣтей платы". Съ другой стороны, вовсе нежелательно, по мнѣнію главнаго Совѣта, чтобы вслѣдствіе дешевизны платы въ гимназіяхъ, „въ нихъ поступали дочери лицъ низшаго и бѣднѣйшаго слоя общества". „Ежедневный опытъ—говорилъ Совѣтъ—доказываетъ, что большинство воспитанницъ изъ бѣдныхъ семей не можетъ по окончаніи курса найти ни мѣста надзирательницъ въ частныхъ домахъ, ни должностей въ казенныхъ заведеніяхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ уже чуждаются брака съ людьми той среды, гдѣ родились, и, слѣдовательно, остаются въ своихъ семьяхъ, коихъ уровень образованія далеко не соотвѣтствуетъ полученному дочерьми въ гимназіяхъ. Если прибавить, что потребности сихъ дѣвицъ, развитыя воспитаніемъ, не могутъ быть удовлетворяемы малыми достатками ихъ родителей, то невольно рождается вопросъ: чѣмъ кончатъ эти несчастныя"? [1]).

Но и съ возвышеніемъ платы, число желавшихъ поступать въ гимназіи въ томъ же году не уменьшилось, и въ журналѣ главнаго Совѣта 11 декабря 1868 года было прямо сказано, что плата въ женскихъ гимназіяхъ увеличена „въ виду значительнаго количества желающихъ поступить въ нихъ".

Послѣдними, до 1880 года открытыми вѣдомствомъ гимназіями, были: Екатерининская въ Петербургѣ и преобразованная въ 1877 году изъ прогимназіи, Рождественская. Эта гимназія, основанная въ 1864 году на Пескахъ, съ цѣлью отвлечь приливъ желающихъ поступить въ Маріинскую гимназію, въ составѣ трехъ классовъ съ двугодичными курсами, послѣ трехлѣтняго существованія была признана неудовлетворяющею потребностямъ жителей рождественской части. Поэтому Осининъ предложилъ перевести ее на Литейную и преобразовать въ семиклассную, а на Пескахъ открыть прогимназію, которой Община сестеръ милосердія предложила даровое помѣщеніе съ тѣмъ, чтобы призрѣваемыя ею 33 дѣвочки безплатно учились въ прогимназіи. Цѣль прогимназіи заключалась, по предложенію Осинина, въ томъ, чтобы дать первоначальное, по возможности за-

[1]) Журн. главн. Сов. 13 апр. 1868 г.

конченное образованіе дѣтямъ, которыя не намѣрены продолжать потомъ свое образованіе въ другихъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ; она должна была служить подготовительной школою и для тѣхъ, кто желалъ бы, по окончаніи курса прогимназіи, перейти въ 4-й классъ гимназіи. По ходатайству же Осинина въ 1870 году при прогимназіи была открыта безплатная народная школа грамотности съ цѣлью практической подготовки ученицъ прогимназіи къ преподаванію въ начальныхъ училищахъ, подъ надзоромъ Настоятельницы Общины и съ дарованіемъ имъ правъ на званіе начальной учительницы безъ особаго испытанія. Этотъ практическій классъ начальныхъ учительницъ былъ открытъ въ 1875 году, когда въ прогимназіи было 153 ученицы, платившихъ по 40 рублей въ годъ, и всѣ непредвидѣнные расходы покрывались платою за ученіе. Такъ какъ къ 1877 году выяснилось, что большинство ученицъ прогимназіи переходило по окончаніи въ ней курса въ гимназіи, то учебный комитетъ, признавая существованіе прогимназіи на Пескахъ „не только полезнымъ, но необходимымъ“, согласился однако на предложеніе Осинина преобразовать ее въ гимназію съ увеличеніемъ платы за ученіе до 50-ти рублей въ годъ [1]).

По числу учащихся самыми многолюдными гимназіями вѣдомства въ 1877 году были: въ Петербургѣ Маріинская (743 ученицы), а въ губерніяхъ: могилевская (762 ученицы) и кіевская Фундуклеевская (734 ученицы).

При посѣщеніи этой гимназіи государемъ въ 1875 году, онъ нашелъ, что ея помѣщеніе въ домѣ, пожертвованномъ сенаторомъ Фундуклеемъ, тѣсно, а число ученицъ (650) вдвое больше, чѣмъ позволяетъ зданіе. Благодаря этому, была сдѣлана вторая пристройка на средства вѣдомства, при чемъ Фундуклей пожертвовалъ еще 10.000 рублей. Большинство ученицъ гимназіи и пансіона при немъ принадлежали къ сословію дворянъ. Въ 1880 году такихъ было 487 изъ 726-ми, затѣмъ духовныхъ 52, купцовъ и мѣщанъ 165, прочихъ сословій 22. Дочери евреевъ (28) составляли $^1/_{26}$ общаго числа ученицъ; но въ кіевоподольской гимназіи, основанной исключительно на средства городского купечества и городского общества, изъ 549 ученицъ евреекъ было 90, т.-е. $^1/_6$ общаго числа учащихся. Поэтому почетный попечитель гимназіи, кіевскій, волынскій и подольскій генералъ-губернаторъ предложилъ въ 1880 году или побудить еврейское населеніе открыть свою гимназію, или ограничить

[1]) Дѣла петерб. Прис. опек. Сов. 1878 г.

извѣстнымъ процентомъ число евреекъ въ кіевоподольской и Фундуклеевской гимназіяхъ.

Обѣ эти гимназіи были семиклассныя, съ параллельными отдѣленіями и такъ переполнены, что при 50 ученицахъ въ классѣ все-таки каждый годъ приходилось отказывать большому числу желающихъ и уже выдержавшихъ экзаменъ. То же было и въ министерской восьмиклассной гимназіи въ Кіевѣ, гдѣ въ 1880 году могли быть приняты лишь 114 изъ 211 желавшихъ поступить.

Меньше всѣхъ другихъ гимназій вѣдомства, учениць было въ вышневолоцкой (127) хотя это была одна изъ старѣйшихъ по времени открытія (1859 г.). Съ самаго ея учрежденія въ ней было мало ученицъ; первые четыре года оно не превышало 60-ти; объясняя это „неяснымъ пониманіемъ пользы женскаго образованія большею частью уѣзднаго общества“, главный Совѣтъ согласился на предложеніе почетныхъ блюстителей гимназіи, въ томъ числѣ и Вышнеградскаго, указывавшихъ на то, что изъ 13.000 жителей Вышняго Волочка десять тысячъ принадлежатъ къ сословію бѣдныхъ мѣщанъ и нижнихъ чиновъ разныхъ вѣдомствъ, высказавшихся въ 1862 году за преобразованіе гимназіи изъ шестиклассной въ трехклассную съ двухгодичными курсами съ тѣмъ, чтобы на сбереженія отъ такого преобразованія открыть при гимназіи двухклассное отдѣленіе съ двухгодичными курсами, съ сокращенною программою и за плату—въ гимназіи по 35 рублей съ ученицы, а въ отдѣленіи по 4 рубля въ годъ. Низшее отдѣленіе предназначалось для дочерей тѣхъ сословій, которыя „по бѣдности и малому развитію“ желаютъ для своихъ дѣтей прохожденія лишь элементарнаго курса. Но и въ отдѣленіи, въ обоихъ его классахъ, въ теченіе шести лѣтъ бывало не болѣе 20-ти ученицъ, почему оба класса были временно соединены въ одинъ.

Командированный въ 1867 году Принцемъ въ Вышній Волочокъ, Осининъ, нашелъ, что низшее отдѣленіе не достигаетъ цѣли ибо въ учебномъ отношеніи встрѣчаетъ конкурренцію въ приходскихъ школахъ министерства, гдѣ учатъ даромъ, а относительно рукодѣлій—въ вольныхъ мастерскихъ разныхъ швей и портныхъ, гдѣ дѣвочки работаютъ на полномъ содержаніи и исключительно занимаются ремесломъ. Кромѣ того частныя лица содержатъ школы грамотности, гдѣ за ученіе берутъ по 25 копѣекъ въ мѣсяцъ и такихъ школъ много. Что касается гимназіи, то Осининъ объяснялъ ея неуспѣшность отчасти трехклассною системою съ двухгодичными курсами, при которой ученицы не

успѣваютъ усвоить ученіе съ полнотою, „какая нужна для развитія ихъ умственныхъ способностей и нравственныхъ силъ“, многія кончаютъ ученіе въ 14 лѣтъ, программа не можетъ быть выполнена по недостатку времени и недостаточному развитію ученицъ. Къ тому же родители, по словамъ Осинина, не соглашаются оставлять дѣтей на второй курсъ, замедляющій окончаніе ученія на два года, а число ученицъ еще такъ мало, что начальство вынуждено удовлетворять желаніямъ родителей, чтобы не лишаться ученицъ. Въ числѣ препятствій къ успѣху вышневолоцкой гимназіи Осининъ указалъ на недостатокъ въ учебныхъ пособіяхъ и книгъ для чтенія; физическихъ инструментовъ — говорилъ онъ — нѣтъ, географическія карты изодраны; 40 рублей ежегодно ассигнуемыхъ на учебныя пособія почти сполна идутъ на плату мызыканту для уроковъ танцевъ. Для улучшенія положенія гимназіи Осининъ предложилъ устроить при ней приготовительный классъ и пансіонъ для дочерей окрестныхъ сельскихъ жителей, затрудняющихся помѣщать своихъ дочерей въ городѣ, низшее отдѣленіе упразднить, а тратимыя на его содержаніе деньги отдать гимназіи. Главный Совѣтъ постановилъ закрыть гимназію если въ ней будетъ менѣе 15-ти ученицъ на классъ послѣ новаго пріема, а относительно пансіона высказалъ сочувствіе, но рѣшилъ предоставить это частной иниціативѣ тѣмъ болѣе, что до того времени оно устраивало пансіоны при гимназіяхъ лишь для призрѣнія на казенный счетъ воспитанницъ.

Въ 1867 году учениць въ вышневолоцкой гимназіи было 46, но 10 лѣтъ спустя число ихъ увеличилось до 117, и хозяйственный комитетъ предложилъ вновь преобразовать ее въ шестиклассную и возвысить плату за ученіе до 40 рублей. Онъ прибавлялъ, что во всѣхъ классахъ ужасная тѣснота, что отказывать желающимъ онъ считаетъ несправедливымъ, что плата наставникамъ и наставницамъ въ теченіе 18-ти лѣтъ оставалась одною и тою же, а именно 23 рубля 25 копѣекъ годовой часъ или 58 копѣекъ за урокъ, а между тѣмъ цѣны на все повысились втрое и вчетверо. Онъ полагалъ назначить учителямъ по 40 рублей годовой часъ, а учительницамъ по 30-ти и говорилъ, что при увеличившихся за послѣдніе годы средствахъ гимназіи, отъ вѣдомства не понадобится новаго пособія тѣмъ болѣе, что число ученицъ постоянно растетъ и большую ихъ часть составляютъ дочери болѣе или менѣе достаточныхъ родителей. Предлагая увеличить плату учителямъ и учительницамъ, преподававшимъ лишь въ трехъ низшихъ классахъ гимназіи, комитетъ го-

ворилъ, что главные педагогическіе труды лежатъ на инспекторѣ, преподававшемъ русскую словесность, педагогику, исторію и географію, на главной надзирательницѣ по преподаванію французскаго языка и учителѣ естествовѣдѣнія и нѣмецкаго языка. „Но эти лица,—прибавлялъ комитетъ, — не считаютъ для себя обременительнымъ никакіе труды для пользы и блага заведенія".

Въ виду улучшившагося положенія вышневолоцкой гимназіи, въ 1878 году она была преобразована въ семиклассную, по предложенію Присутствія.

И при новомъ начальникѣ петербургскихъ гимназій, Осининѣ, доносы и нарекапія на нихъ и вообще на гимназіи продолжались. Ученицъ обвиняли въ грубости, непослушаніи, невѣжественности, приписывали это учителямъ, которые будто бы внушаютъ имъ „пагубныя мысли, свойственныя нигилистическому направленію".

Въ нападкахъ на гимназіи участвовали нерѣдко и родители учениць, печатавшія свои обвиненія въ журналѣ „Педагогическій Листокъ С.-Петербургскихъ женскихъ гимназій", основанномъ подъ редакціею П. Ѳ. Рашевскаго въ 1872 году на средства вѣдомства съ цѣлью „общенія гимназій между собою и гимназій съ родителями и обществомъ" [1]). Въ немъ редакція знакомила родителей и общества съ тѣмъ, *что*, *какъ* и *для чего* дѣлается въ гимназіи, опровергала и разъясняла распространявшіеся въ обществѣ невыгодные для нихъ слухи и убѣждала въ пользѣ сліянія сословій, подробно объясняла значеніе того или другого предмета въ общеобразовательномъ курсѣ, приглашала родителей къ совмѣстной, съ начальствомъ гимназій, работѣ.

Мало-по-малу, благодаря тому, что гимназіи были открытыми для родителей и публики заведеніями, общество съ ними примирялось и къ 1880 году никакія уже нападки не могли поколебать довѣрія къ нимъ родителей. Несмотря на высокую, значительно бо́льшую чѣмъ въ мужскихъ гимназіяхъ плату за ученіе, женскія гимназіи и въ столицахъ, и въ провинціи быстро наполнялись ученицами. Какъ ни старалось Присутствіе отклонять устройство параллелей при нихъ, требуя, чтобы строго соблюдался установленный комплектъ учениць, параллели устраивались всюду и расходъ по нимъ покрывался платою съ учениць.

Женскія гимназіи стали прочно, хотя въ 1879 году даже пе-

[1]) Съ 1874 года журналъ, по желанію петербургскаго Присутствія, сдѣланъ педагогическимъ органомъ всего вѣдомства, не только для женскихъ гимназій, но и для институтовъ.

тербургскія гимназіи, при полномъ своемъ развитіи, не покрывали своихъ издержекъ, и вѣдомство, отпуская имъ до 90.000 рублей въ годъ, приплачивало за каждую ученицу кругомъ до 24 рублей. По этому, въ видахъ сокращенія числа учениць, оно отклонило ходатайство объ освобожденіи отъ платы учениць такихъ семействъ, изъ которыхъ одновременно обучаются въ гимназіи двѣ дочери.

Министерство народнаго просвѣщенія также нашло, что число женскихъ гимназій достаточно и, по предложенію комиссіи, разсматривавшей отчетъ министерства за 1875 годъ, повторенному и въ слѣдующемъ году [1]), пригласило въ 1879 году циркуляромъ начальства учебныхъ округовъ „въ случаѣ ходатайствъ мѣстныхъ сословій, земствъ, обществъ и частныхъ лицъ объ учрежденіи новыхъ женскихъ гимназій и прогимназій, склонять ихъ устраивать вмѣсто этихъ заведеній элементарныя женскія училища съ курсомъ городскихъ училищъ и при нихъ, а иногда отдѣльно, женскія профессіональныя школы“ [2]).

Мысль объ учрежденіи такихъ училищъ принадлежала императрицѣ [3]); поэтому вѣдомство учрежденій Императрицы Маріи составило проектъ Положенія о нихъ, предлагая называть ихъ „Маріинскими“. „Среднее женское образованіе—сказано въ объяснительной запискѣ къ проекту—обезпечено институтами, гимназіями и прогимназіями вѣдомства и министерства. По учебному курсу они выше и опредѣленнѣе, чѣмъ даже прусскія höhere Töchterschulen“, при преобразованіи которыхъ въ 1872 году образцомъ въ учебномъ отношеніи послужили русскія женскія гимназіи и институты. „Но если среднее женское образованіе лучше въ Россіи чѣмъ въ самыхъ просвѣщеннѣйшихъ государствахъ западной Европы, то правильное общее элементарное женское образованіе, которое должно быть достояніемъ массы русскихъ женщинъ, въ Россіи еще совершенно не организовано. Для этого имѣются лишь одноклассныя сельскія и городскія школы грамотности, потомъ патріотическія школы и двухклассныя сельскія и городскія училища, хотя и съ болѣе распространеннымъ учебнымъ курсомъ, но все еще далеко не сообщающія учащимся правильнаго общаго элементарнаго образованія... Число учащихся въ патріотическихъ школахъ и двухклассныхъ сельскихъ и городскихъ училищахъ гораздо меньше, чѣмъ въ нашихъ среднихъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ 1878 году

[1]) Сб. пост. по мин. нар. просв. 1877—1881 гг. Т. VII.

[2]) Министерское распоряженіе 4 авг. 1879 г.

[3]) Сб. свѣд. о капиталахъ вѣд. учр. И. М. Т. II.

патріотическихъ школъ, двухклассныхъ женскихъ сельскихъ и городскихъ училищъ было 297 съ 8.345 ученицами; въ томъ же году въ 327 среднихъ женскихъ училищахъ вѣдомства, министерства и духовномъ, воспитанницъ и учениць было 57.409. Въ западно-европейскихъ государствахъ противоположное отношеніе: элементарныхъ женскихъ школъ съ полнымъ курсомъ и число учащихся болѣе чѣмъ среднихъ... Совершенное отсутствіе въ Россіи правильно устроенныхъ женскихъ училищъ съ полнымъ элементарнымъ курсомъ, составляющихъ промежуточную ступень между начальными низшими школами и средними учебными заведеніями и есть—говорится въ запискѣ—причина того непормальнаго явленія, что родители, принадлежащіе даже къ низшимъ слоямъ населенія стремятся отдавать дочерей въ гимназіи... Курсъ имъ непосиленъ, высокъ, продолжителенъ какъ по семейному положенію ихъ, такъ и по способностямъ и матеріальнымъ средствамъ. Особенную трудность представляетъ обученіе иностраннымъ языкамъ. „Такія ученицы, по словамъ записки, выходятъ изъ гимназій съ „начатками разныхъ наукъ“, неграмотно пишутъ и читаютъ по-русски, не твердо знаютъ четыре дѣйствія ариѳметики [1]).

Хотя ни у одной гимназіи вѣдомства въ русскихъ губерніяхъ не было собственнаго капитала, за исключеніемъ тѣхъ, которыя были преобразованы въ гимназіи изъ институтовъ (астраханская) или пансіоновъ (гатчинская), но многія изъ нихъ къ 1880 году помѣщались въ собственныхъ домахъ, построенныхъ для нихъ вѣдомствомъ на средства, которыя оно давало большей частью заимообразно изъ запаснаго капитала съ уплатою въ теченіе извѣстныхъ лѣтъ процентовъ въ счетъ погашенія.

Крупныхъ пожертвованій отъ обществъ и частныхъ лицъ на стипендіи въ женскихъ гимназіяхъ было немного. Петербургскимъ гимназіямъ вдова генералъ-фельдмаршала княгиня С. Г. Волконская въ 1861 году пожертвовала 15.625 рублей, на проценты съ которыхъ должны были содержаться 25 учениць, „безъ различія сословій, которыхъ родители или родственники, по бѣдности своей“, не въ состояніи будутъ вносить плату за ученіе (по 25 р. въ годъ). По Высочайше утвержденнымъ правиламъ этихъ стипендій, онѣ должны были выдаваться пятерымъ, въ каждой изъ бывшихъ тогда петербургскихъ гимназій, бѣднѣйшимъ ученицамъ, начиная со второго года ихъ поступленія. Въ

[1]) Объяснительная записка къ проекту Положенія о Маріинскихъ женскихъ училищахъ, представленная исправляющимъ должность главноуправляющаго Собств. канц. по учр. И. Маріи, (Арх. IV отд. 1882).

1876 году лица, служащія въ петербургскихъ, московскихъ и губернскихъ заведеніяхъ вѣдомства „желая ознаменовать добрымъ дѣломъ выздоровленіе Принца П. Г. Ольденбургскаго“ собрали сумму въ 48.633 рубля 70 коп., на проценты съ которой должны были выдаваться стипендіи имени Принца по одной: въ Воспитательномъ Обществѣ благородныхъ дѣвицъ, петербургскомъ Екатерининскомъ институтѣ, пансіонѣ графини Левашевой, школѣ патріотическаго Общества; по двѣ: въ Маріинской петербургской гимназіи и первой московской; по одной въ трехъ дѣтскихъ пріютахъ и трехъ мужскихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Число учащихся въ 30-ти гимназіяхъ вѣдомства, одной прогимпазіи и на педагогическихъ курсахъ простиралось въ 1880 году до 11.786-ти, изъ которыхъ 342 были пенсіонерками, а за все время существованія женскихъ гимназій (1856—1880) въ нихъ получили образованіе 41.400 дѣвицъ [1]).

Въ 1879 году на всѣ среднія учебныя заведенія въ Россіи израсходовано изъ разныхъ источниковъ 20.590.701 рубль. Изъ нихъ на женскія 6.896.569 рублей. Въ этой суммѣ пособіе государственнаго казначейства женскимъ гимназіямъ министерства, по отношенію къ общему итогу отпускавшихся имъ на женскія учебныя заведенія суммъ, составляло 35,7% гимназіямъ и 19% прогимназіямъ, пособіе отъ дворянства—гимназіямъ 72,9%, прогимназіямъ 0,9, отъ городскихъ обществъ—гимназіямъ 47,8, прогимназіямъ 43,8, отъ земствъ: губернскихъ—гимназіямъ 79,1, прогимназіямъ 16,3, уѣздныхъ—гимназіямъ 21,9, прогимназіямъ 78,1, отъ частныхъ лицъ и обществъ—гимназіямъ 21,8, прогимназіямъ 6,8.

Изъ всѣхъ источниковъ, поступавшихъ на содержаніе министерскихъ гимназій и прогимназій, первое мѣсто занимала плата съ ученицъ; въ гимназіяхъ она составляла 45,2% общей суммы ихъ содержанія, въ прогимназіяхъ 21,6; пособіе изъ государственнаго казначейства составляло 18,9 въ гимназіяхъ и 21,9 прогимназіяхъ; отъ городскихъ обществъ 13,3 въ гимназіяхъ и 26,6 прогимназіяхъ; отъ частныхъ лицъ 7% въ гимназіяхъ и 4,7 прогимназіяхъ; отъ земствъ: губернскихъ 6,9 въ гимназіяхъ и 3,1 прогимназіяхъ; уѣздныхъ—2,3 въ гимназіяхъ и 17,7 прогимназіяхъ; пособіе отъ дворянства составляло въ гимназіяхъ 0,6%, въ прогимназіяхъ его совсѣмъ не было [2]).

---

[1]) Русск. біографическій словарь. Стр. 773.

[2]) Временникъ центральнаго статистическаго комитета министерства внутреннихъ дѣлъ. Изданіе центр. статист. ком. мин. внутр. дѣлъ. С.-Петерб. 1888 г.

VII.

Преобразованіе институтовъ.—Отчетъ инспектора по медицинской части учрежденій вѣдомства Императрицы Маріи.—Предложеніе отпускать воспитанницъ на лѣто къ родителямъ.—Вопросы, поставленные императрицею учебному комитету.—Его мнѣніе.—Проектъ Ушинскаго.—Введеніе семилѣтнихъ годовыхъ курсовъ.—Мнѣніе главнаго Совѣта объ отпускахъ.—Ходатайства Совѣтовъ нѣкоторыхъ институтовъ принимать своекоштными пенсіонерками дочерей купцовъ всѣхъ гильдій, иностранцевъ и лицъ всѣхъ сословій.—Положенія, выработанныя учебнымъ комитетомъ при пересмотрѣ устава 1855 года.—Отчетъ Принца П. Г. Ольденбургскаго объ осмотрѣнныхъ имъ въ 1861 году институтахъ.—Отчетъ князя Трубецкого.—Вызовъ инспекторовъ классовъ всѣхъ институтовъ въ Петербургъ по случаю пересмотра устава.—Затрудненія при введеніи семигодовыхъ классовъ въ институтахъ.—Жалованье учителей.—Ходатайства Совѣтовъ и указанія на нужныя измѣненія въ уставѣ.—Ходатайства дворянства.—Сокращеніе средствъ вѣдомства.—Прекращеніе приказами общественнаго призрѣнія пособія заведеніямъ вѣдомства.—Допущеніе евреекъ своекоштными пенсіонерками въ керченскій институтъ и въ гимназіи вѣдомства. Мнѣніе графа Строганова о допущеніи евреекъ въ институты.—Мнѣнія начальницъ объ отпускахъ.—Разрѣшеніе императрицы отпускать воспитанницъ на лѣтнія вакаціи.—Предложенныя комиссіею для преобразованія коренныхъ началъ государственной отчетности мѣры въ заведеніяхъ вѣдомства.—Возвышеніе платы съ воспитанницъ.—Преобразованіе Совѣтовъ.—Новая табель пенсіонерной платы съ своекоштныхъ воспитанницъ.—Пенсіонерки царской фамиліи.—Увеличеніе числа своекоштныхъ пенсіонерокъ въ институтахъ.—Отдѣленіе Александровскаго училища отъ Воспитательнаго Общества.—Преобразованія въ Николаевскихъ Сиротскихъ институтахъ.—Николаевскія женскія училища.—Измѣненія въ правилахъ пріема въ заведенія вѣдомства.—Отмѣна публичныхъ экзаменовъ и изящныхъ рукодѣлій въ институтахъ.—Ходатайства дворянства о допущеніи губернскихъ предводителей въ Совѣты институтовъ.—Ходатайства Совѣтовъ объ отпускѣ воспитанницъ на Рождество и Пасху къ родителямъ.—Отчеты начальницъ о результатахъ лѣтнихъ отпусковъ.—Ходатайство Совѣта донского института о дозволеніи принимать полупенсіонерокъ и приходящихъ.—Переполненіе институтовъ воспитанницами къ 1880 году.—Орловскій институтъ.

Учрежденіе открытыхъ, всесословныхъ, женскихъ училищъ, огромный, преимущественно въ Петербургѣ, наплывъ въ нихъ ...ницъ, явившаяся съ воцареніемъ императора Александра II-го,

для русскаго общества возможность открыто высказываться по всѣмъ вопросамъ, въ томъ числѣ и по вопросу о воспитаніи вообще и, въ частности, женщинъ, появленіе въ литературѣ цѣлаго ряда статей и замѣтокъ о недостаткахъ институтскаго воспитанія [1]) и о вредѣ закрытой системы его,—все это должно было неминуемо отразиться на институтахъ.

Статьи и замѣтки о вредѣ отчужденія дѣтей отъ родителей, отъ замкнутости институтскаго воспитанія и разныхъ другихъ его недостаткахъ, печатались не только въ общихъ, но и спеціальныхъ, оффиціальныхъ журналахъ. Въ числѣ такихъ статей была, помѣщенная въ *Русскомъ Инвалидѣ* 1858 года, статья отставного гиттерфервальтера 10-го класса Любимова подъ заглавіемъ: „О вредѣ замкнутаго воспитанія въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ“, которую авторъ поднесъ въ 1860 году императрицѣ, за что ему была объявлена Высочайшая благодарность, а его статья отдана на разсмотрѣніе главнаго Совѣта. Въ слѣдующемъ году Любимовъ, въ письмѣ къ императрицѣ, жаловался на то, что хотя его сочиненіе „одобрено и повергнуто на Высочайшее утвержденіе, но предложенныя имъ мѣры исполнены неполно“, что бѣдныхъ воспитанницъ не отпускаютъ къ родителямъ, „а имъ-то это и нужно“, что отпуски практикуются какъ исключительная милость для нѣкоторыхъ родителей и подъ условіемъ отвозить дѣтей въ крытыхъ экипажахъ, а также „непремѣнно нанимать для нихъ дачу“. Онъ просилъ императрицу велѣть напечатать объявленіе объ отпускахъ дѣтей изъ институтовъ; но это письмо было оставлено, по повелѣнію императрицы, безъ послѣдствій [2]).

Между тѣмъ еще въ 1859 году инспекторъ по медицинской части петербургскихъ учрежденій Императрицы Маріи, лейбъ-медикъ Маркусъ представилъ первый свой отчетъ государю. Въ немъ онъ указывалъ на необходимость присутствія инспектора по медицинской части въ тѣхъ засѣданіяхъ опекунскихъ Совѣтовъ, когда въ нихъ разсматриваются вопросы, касающіеся этой

[1]) Возможность говорить въ печати о недостаткахъ институтскаго воспитанія явилась не сразу. По словамъ А. Чумикова (*Мои цензурныя мытарства*. Русск. Старина 1899 декабрь), стоявшій въ 1857 году во главѣ цензурнаго комитета князь Щербатовъ „довольно снисходительно относился къ статьямъ, указывавшимъ недостатки въ организаціи учебныхъ заведеній министерства. Но лишь только рѣчь касалась женскихъ закрытыхъ учебныхъ заведеній, независимость и либерализмъ князя Щербатова пассовали, и въ этихъ случаяхъ онъ пропускалъ статьи лишь подъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы слова: институтъ, начальница, классная дама, сторожъ, были замѣнены словами: пансіонъ, мадамъ, гувернантка, прислуга“.

[2]) Дѣла главн. Совѣта. 1861 г.

части. На докладѣ объ этомъ статсъ-секретаря государь написалъ: „Согласенъ. И нахожу въ отчетѣ много дѣльнаго и заслуживающаго ближайшихъ соображеній, на что и прошу обратить особое ваше вниманіе“ [1]).

Въ отчетѣ Маркуса между прочимъ говорилось, что хотя по первому взгляду, здоровье воспитанницъ женскихъ учебныхъ заведеній довольно удовлетворительно, но при болѣе внимательномъ наблюденіи оказывается, что между считающимися здоровыми воспитанницами есть такія, которыя „одержимы болѣзненнымъ расположеніемъ, свойственнымъ женскому полу въ возрастѣ развитія“. Причину такого расположенія Маркусъ объяснялъ оскудѣніемъ крови (appauvrissement du sang) и недостаточнымъ питаніемъ. Онъ допускалъ, что нѣкоторыя воспитанницы уже приносятъ съ собою въ заведеніе такое болѣзненное расположеніе, но у другихъ оно развивается въ самомъ заведеніи вслѣдствіе мѣстоположенія и устройства нѣкоторыхъ изъ нихъ, сидячей жизни воспитанницъ, недостаточнаго движенія ихъ на воздухѣ, дурного воздуха въ спальняхъ, недостатка питательной мясной пищи. Какъ на причину замѣченныхъ Маркусомъ случаевъ искривленія позвоночнаго столба у нѣкоторыхъ воспитанницъ, онъ указалъ на продолжительное сидѣніе въ согнутомъ положеніи тѣла при вышиваніи по канвѣ и переписываніи тетрадей.

Лучшимъ средствомъ для укрѣпленія силъ воспитанницъ Маркусъ признавалъ—отпуски ихъ на лѣтнія вакаціи домой, въ деревню, къ родителямъ и родственникамъ. „Не говоря уже о полезномъ во многихъ отношеніяхъ—писалъ онъ—вліяніи домашняго крова, гдѣ воспитанницы свыкаются съ семейною и общественною жизнью, отъ этого можетъ составиться экономія, которая позволитъ улучшить ихъ содержаніе вообще, и въ особенности усилить питаніе для нуждающихся въ ономъ“.

Въ 1856 году императрица Марія Александровна повелѣла учебному комитету разсмотрѣть учебные планы институтовъ, предписавъ ему руководствоваться при этомъ „Наставленіемъ для образованія воспитанницъ“, составленнымъ Принцемъ въ 1852 году.

Приступая къ этой работѣ, учебный комитетъ просилъ находившагося въ его составѣ и исполнявшаго обязанности дѣлопроизводителя, профессора Вышнеградскаго, доставить ему свѣдѣнія о состояніи учебной части въ заграничныхъ женскихъ

[1]) Пятидесятилѣтіе IV отд. Спб. Его Имп. Вел. канцеляріи, стр. 272.

учебныхъ заведеніяхъ, только что тогда осмотрѣнныхъ Вышнеградскимъ. При этомъ въ комитетѣ возникли вопросы: о пользѣ годовыхъ курсовъ, объ учрежденіи въ закрытыхъ заведеніяхъ отдѣленій для приходящихъ ученицъ, а также: „благопріятно ли для воспитанницъ образованіе въ закрытыхъ заведеніяхъ и не слѣдуетъ ли установить временные отпуски ихъ къ родителямъ?“

Въ засѣданіи 7-го іюля 1858 года комитетъ призналъ, что „главное затрудненіе при распредѣленіи частей отдѣльныхъ наукъ заключается въ краткости курса, продолжающагося въ институтахъ неполные даже шесть лѣтъ“. Такой срокъ рѣшительно недостаточенъ, по мнѣнію комитета, для сообщенія воспитанницамъ, поступающимъ безъ всякой подготовки, требуемыхъ свѣдѣній. Поэтому онъ призналъ необходимымъ увеличить институтскій курсъ еще однимъ годомъ, прибавивъ особый, 7-й, классъ, и полезнымъ введеніе годовыхъ курсовъ. Комитетъ высказался за открытую систему женскаго воспитанія, но противъ допущенія въ закрытыя заведенія приходящихъ ученицъ, „опасаясь неблагопріятнаго вліянія экстернъ на пансіонерокъ и наоборотъ“.

По вопросу объ отпускахъ учебный комитетъ пришелъ къ заключенію, что „однообразіе институтской жизни и отсутствіе внѣшнихъ впечатлѣній не могутъ не имѣть неблагопріятнаго вліянія на развитіе способностей воспитанницъ“.

Въ маѣ 1859-го года въ главный Совѣтъ поступилъ проектъ только-что назначеннаго (25-го января) инспекторомъ классовъ Воспитательнаго Общества обѣихъ его половинъ, извѣстнаго педагога К. Д. Ушинскаго, о преобразованіи учебной части этого заведенія. Онъ также предлагалъ установить, вмѣсто 3-хъ и 2-хъ трехгодичныхъ классовъ, семилѣтніе годичные.

Главный Совѣтъ одобрилъ проектъ Ушинскаго въ видѣ опыта на семь лѣтъ и въ 1860 году утвердилъ представленныя ему заключенія учебнаго комитета о введеніи въ институтахъ семилѣтнихъ годичныхъ курсовъ тамъ, гдѣ дозволятъ помѣщеніе и комплектъ воспитанницъ; въ губернскихъ заведеніяхъ съ комплектомъ въ 100, 80 и менѣе воспитанницъ, оставлены прежніе два трехгодичныхъ или три двухгодичныхъ класса, но съ прибавленіемъ особаго, подготовительнаго. На устройство въ закрытыхъ заведеніяхъ классовъ для приходящихъ комитетъ не согласился. Относительно временныхъ отпусковъ, главный Совѣтъ соглашаясь съ учебнымъ комитетомъ въ неблагопріятномъ вліяніи закрытой системы воспитанія на развитіе умственныхъ способностей воспитанницъ, призналъ это неизбѣжнымъ зломъ преимущественно въ заведеніяхъ, гдѣ курсъ, по особымъ обстоя-

тельствамъ, гораздо продолжительнѣе нормальнаго; но оно, по мнѣнію Совѣта, „вознаграждается въ значительной мѣрѣ стройнымъ ходомъ ученія и воспитанія, равно обращеніемъ дѣтей постоянно съ людьми образованными и нравственными, какъ ихъ воспитательницы и преподаватели, самый строгій выборъ которыхъ лежитъ на строжайшей отвѣтственности начальствъ". Недостатокъ воспріимчивости у воспитанницъ главный Совѣтъ ставилъ въ связь съ системой воспитанія въ закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ, по приписывалъ его „еще болѣе дурному приготовительному образованію получаемому дѣтьми у родителей" [1]).

Онъ былъ противъ временныхъ отпусковъ потому, что „независимо отъ невсегда удовлетворительнаго состоянія нравственности въ семействахъ, отпуски изъ заведенія среди курса влекутъ сокращеніе и безъ того ограниченнаго времени, опредѣленнаго на ученіе, а при склонности дѣвицъ къ разсѣянію, могутъ вредить ихъ успѣхамъ". Вообще главный Совѣтъ сомнѣвался въ пользѣ кратковременнаго пребыванія воспитанницъ у родителей „большей частью озабоченныхъ постоянными занятіями и сношеніями". Впрочемъ допуская, что при благопріятныхъ обстоятельствахъ, отпуски на время лѣтнихъ вакацій могутъ „освѣжить способности воспитанницъ и оживить ихъ воспріимчивость къ дальнѣйшему ученію", Совѣтъ соглашался на отпуски, но „съ особенною осторожностью, по распоряженіямъ начальницъ, отвѣтственныхъ за нихъ и съ особаго разрѣшенія Императрицы или, въ губерніяхъ, главнаго мѣстнаго начальника".

При обсужденіи этого вопроса одинъ изъ членовъ главнаго Совѣта, баронъ Корфъ, высказалъ мнѣніе, что прежде чѣмъ постановлять какія-либо рѣшенія, слѣдовало бы командировать за границу опытнаго педагога ибо „въ кругу нашихъ практиковъ еще не установились даже основныя идеи такого важнаго дѣла, какъ новая система женскаго воспитанія или даже существенныхъ измѣненій въ прежней системѣ, такъ глубоко и тѣсно прикосновенныхъ ко всей будущей жизни государства, что его надо трогать со всевозможною осторожностью".

На докладѣ постановленія главнаго Совѣта 22-го мая 1860 государь написалъ: „дай Богъ, чтобы изъ этого была польза! Весьма этого желаю!" [2]) Императрица выразила волю, чтобы прежде окончательнаго рѣшенія вопроса объ отпускахъ, были спрошены всѣ начальницы женскихъ учебныхъ заведеній.

---

[1]) Засѣданіе главн. Совѣта 4 февр. 1860 г.

[2]) Пятидесятилѣтіе, стр. 336.

Одновременно съ этимъ возникъ вопросъ и о допущеніи въ институты дочерей купцовъ всѣхъ трехъ гильдій, а также иностранцевъ. Въ 1858 году новороссійскій и бессарабскій генералъ-губернаторъ вошелъ съ представленіемъ о томъ, что почетные граждане, купцы и греки, живущіе въ Керчи, ходатайствуютъ о принятіи въ мѣстный институтъ дочерей купцовъ и 3-й гильдіи. Это ходатайство поддерживалъ керчь-еникольскій градоначальникъ, ссылаясь на то, что такое право принадлежало имъ при учрежденіи въ Керчи института въ 1835 году и было измѣнено въ 1847 году такъ, что имъ могли пользоваться лишь купцы 1-й гильдіи и керчь-еникольскіе греки, пользующіеся особыми правами. Главный Совѣтъ, въ засѣданіи 18-го декабря 1858 года, разрѣшилъ это ходатайство. Въ слѣдующемъ году Совѣтъ казанскаго института представилъ прошеніе вдовы вольмарскаго гражданина о принятіи ея 14-лѣтней дочери въ институтъ своекоштною пенсіонеркою. Совѣтъ говорилъ, что „хотя сія дѣвица по происхожденію и не подходитъ подъ правила, но такъ какъ она получила хорошее первоначальное воспитаніе и не можетъ собою принести никакого униженія заведенію“, то онъ полагалъ бы ее принять, тѣмъ болѣе, что въ институтѣ 22 свободныхъ пепсіонерскихъ вакансіи и это составляетъ ежегодную потерю въ 4.400 рублей. Вмѣстѣ съ тѣмъ Совѣтъ института просилъ главный Совѣтъ разрѣшить ему вообще принимать дочерей купцовъ всѣхъ трехъ гильдій, а также гражданъ остзейскихъ губерній и иностранцевъ, но такихъ, „кои въ домѣ родителей получили первоначальное воспитаніе, вполнѣ соотвѣтствующее назначенію благородныхъ дѣвицъ и своею личностью не могли бы принести никакого вреда воспитанницамъ“.

Присутствовавшій въ засѣданіи главнаго Совѣта при докладѣ этого ходатайства министръ народнаго просвѣщенія, сообщилъ, что по журналу главнаго правленія училищъ о дозволеніи принимать въ благородный пансіонъ при одной изъ гимназій дѣтей купцовъ первой гильдіи и почетныхъ гражданъ, 30 мая 1858 года состоялась Высочайшая резолюція: „исполнить, но съ тѣмъ, чтобы пансіонъ сей не называть благороднымъ, а просто пансіономъ при гимназіи — что̀ принимать за правило и для прочихъ, гдѣ̀ допущены подобныя исключенія“.

Главный Совѣтъ нашелъ однако ходатайство Совѣта казанскаго института „тѣмъ болѣе уважительнымъ, что съ разрѣшеніемъ онаго, заведеніе откроется для бо̀льшаго числа нуждающихся въ институтскомъ образованіи, а съ тѣмъ и увеличатся денежныя средства заведенія“. Но онъ возлагалъ при этомъ всю

отвѣтственность на институтское начальство въ томъ, что „упомянутыя дѣвицы, по полученіи въ домѣ родителей первоначальнаго воспитанія, могутъ безъ всякаго опасенія быть допущены въ среду благородныхъ дѣвицъ для совмѣстнаго съ ними воспитанія“.

Государь и императрица не согласились съ этимъ постановленіемъ главнаго Совѣта потому, какъ сообщилъ статсъ-секретрь Гофманъ въ 1860 году, что „ни въ одно изъ женскихъ учебныхъ заведеній перваго разряда не допускаются дочери купцовъ третьей гильдіи, такъ какъ воспитаніе дворянскихъ дѣвицъ не соотвѣтствуетъ быту низшаго купечества, мало отличающагося отъ мѣщанства... Притомъ — писалъ Гофманъ — хотя перемѣна названія, согласно Монаршей волѣ, есть прямое слѣдствіе допущенія въ заведеніе, наравнѣ съ дочерьми дворянъ, дѣвицъ другихъ сословій, но въ настоящемъ случаѣ названіе казанскаго „Родіоновскаго“ института, кромѣ его состава, указываетъ на учрежденіе его на счетъ пожертвованія дворянки Родіоновой, которая завѣщала свои имѣнія и домъ для учебнаго заведенія въ пользу дворянъ губерніи, почему при основаніи института имѣлись въ виду потребности только дворянскаго сословія“. Для увеличенія денежныхъ средствъ института лучше,—говорилъ Гофманъ,—согласно Монаршей волѣ, пріискать другіе источники чѣмъ пріемъ воспитанницъ, „коихъ происхожденіе и самый бытъ по выпускѣ изъ института не соотвѣтствуютъ условіямъ, установленнымъ порядкомъ ихъ содержанія и воспитанія“.

Но въ 1861 году было разрѣшено Совѣту института восточной Сибири принимать своекоштными пенсіонерками лицъ всѣхъ свободныхъ состояній на томъ основаніи, что въ краѣ нѣтъ ни казенныхъ, ни частныхъ, подобныхъ институтамъ заведеній, а въ мѣстномъ институтѣ есть свободныя вакансіи. „Въ настоящее время—писалъ Совѣтъ въ 1860 году—когда потребность въ образованіи возрастаетъ съ каждымъ днемъ и разливается быстро на всю массу населенія, начальство института очень часто получаетъ просьбы отъ лицъ разныхъ сословій о пріемѣ ихъ дочерей въ институтъ своекоштными пенсіонерками“. Главный Совѣтъ мотивировалъ разрѣшеніе этого ходатайства тѣмъ, что „открытіе доступа въ институтъ восточной Сибири дочерямъ всѣхъ свободныхъ сословій должно имѣть вліяніе на распространеніе въ краѣ просвѣщенія и увеличитъ средства института“ [1]).

---

[1]) Засѣданіе гл. Сов. 31 іюля 1861 г.

Затѣмъ, когда въ 1860 году были затребованы отъ Совѣтовъ всѣхъ институтовъ свѣдѣнія о томъ: какія измѣненія они считаютъ нужными въ уставѣ 1855 года, ходатайства о разрѣшеніи принимать дочерей купцовъ всѣхъ трехъ гильдій, также иностранцевъ, поступили отъ большинства Совѣтовъ. Главный Совѣтъ считалъ это возможнымъ для тамбовскаго института потому, что этотъ институтъ едва могъ существовать въ послѣдніе годы на свои источники, а вѣдомство не въ состояніи ему помогать, ибо съ выдѣленіемъ по Высочайшему повелѣнію оборотовъ сохранныхъ казенъ изъ общихъ суммъ вѣдомства, его средства уменьшились. Кромѣ того, главный Совѣтъ соглашался на допущеніе въ институтъ дочерей купцовъ и 3-й гильдіи на томъ основаніи, что „внутри имперіи только немногія изъ лицъ купеческаго званія записываются въ первыя двѣ гильдіи, а по большей части даже богатые и довольно образованные состоятъ въ третьей, такъ какъ по правиламъ ей присвоеннымъ они могутъ производить всѣ обороты внутренней торговли, которою они почти исключительно занимаются“. Совѣтъ нашелъ такую мѣру даже полезною „если только со стороны начальства будетъ соблюдаема должная осмотрительность при выборѣ кандидатокъ“.

Съ этимъ не согласилось меньшинство членовъ главнаго Совѣта, говоря, что тамбовское дворянство пожертвовало значительный капиталъ на устройство института, поэтому необходимо получить полное согласіе на такую мѣру, если не всего дворянства, то губернскихъ и уѣздныхъ предводителей.

Совѣтъ тобольской Маріинской школы ходатайствовалъ о томъ, чтобы въ низшее ея отдѣленіе принимались не только дочери мѣщанъ, но и священниковъ, чиновниковъ и купцовъ, ибо и они „по бѣдности не подготовляютъ своихъ дѣтей къ высшему отдѣленію“; главный Совѣтъ разрѣшилъ это „какъ временную мѣру, пока образованіе, мало-по-малу развиваясь въ Тобольскѣ, представитъ возможность подготовлять дѣтей означенныхъ трехъ сословій во второе (высшее) отдѣленіе въ ихъ домахъ, а не въ первомъ отдѣленіи школы“. Въ заключеніе своего ходатайства о томъ, чтобы въ тобольской школѣ оба отдѣленія были соединены такъ, чтобы первое составляло три низшихъ класса, а второе (для дворянъ, духовенства и купцовъ)—высшее, Совѣтъ школы поставилъ вопросъ: „удобно ли, чтобы дѣвицы разныхъ сословій обучались вмѣстѣ?“ и при этомъ говорилъ: „мы видимъ это въ университетахъ, гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ и это не вредитъ ходу общественнаго образованія; напротивъ, оно полезно относительно сближенія сословій.

Пользуется уваженіемъ не тотъ товарищъ, чьи родители знатнѣе, а снискавшій его нравственными свойствами. То же можно сказать и о дѣвицахъ".

Совѣтъ саратовскаго института, ходатайствуя о дозволеніи принимать дочерей иностранцевъ, не записанныхъ въ податное состояніе, писалъ, что въ саратовской губерніи, по преимуществу промышленной, купечество весьма зажиточно и въ ней всегда много иностранцевъ, занимающихся техническими промыслами и пользующихся извѣстнымъ значеніемъ. Допустить ихъ дочерей въ институтъ значило бы не только увеличить оскудѣвшія его средства вслѣдствіе недостатка частныхъ пенсіонерокъ, но „имѣло бы благотворное вліяніе на умственную и нравственную жизнь этого многочисленнаго класса населенія".

За отмѣну раздѣленія заведеній на разряды по происхожденію воспитанницъ высказались Совѣты: московскаго Екатерининскаго института, тамбовскаго, одесскаго и полтавскаго. Даже Совѣтъ Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ, и притомъ раньше другихъ, ходатайствовалъ объ отмѣнѣ правила, по которому своекоштными пенсіонерками могли быть дочери лишь потомственныхъ дворянъ, какого бы чина они ни были, но вписанныхъ въ 5-ю или 6-ю части родословной книги. „Это постановленіе — представлялъ Совѣтъ — стѣснительно для желающихъ помѣщать дѣтей на свой счетъ и невыгодно для заведенія. Начальство часто должно отказывать въ пріемѣ, а въ то же время остается значительное число незамѣщенныхъ вакансій". Онъ предлагалъ допускать пенсіонерками и тѣхъ, которыя по уставу 1855 года принимаются въ училища св. Екатерины, говоря, что принадлежность Общества къ первому отдѣленію перваго разряда будетъ опредѣляться происхожденіемъ казенныхъ воспитанницъ. Съ этимъ согласился главный Совѣтъ [1]). Совѣтъ Воспитательнаго Общества ходатайствовалъ даже объ уменьшеніи числа штатныхъ воспитанницъ съ 300 на 210 и объ увеличеніи числа своекоштныхъ съ 150-ти до 210-ти, понизивъ плату съ послѣднихъ до 300 рублей вмѣсто 350-ти.

Совѣтъ московскаго Екатерининскаго института предлагалъ принимать на казенныя вакансіи не только въ награду за службу отцовъ „исключительно дочерей лицъ недостаточнаго состоянія, посвятившихъ себя государственной службѣ военной и гражданской и достигшихъ извѣстныхъ чиновъ", но предоставить лицамъ и другихъ сословій право помѣщать въ Екатерининскій

[1]) Засѣданіе 28 дек 1860 г.

институтъ частными пенсіонерками своихъ дочерей „не обращая вниманія на происхожденіе, также потомственныхъ почетныхъ гражданъ и купцовъ первой гильдіи“, а въ Александровское училище и прочихъ гильдій. Это предложеніе Совѣтъ подкрѣплялъ тѣмъ, что „послѣдствіемъ будетъ распространеніе высшаго женскаго образованія въ прочихъ, кромѣ дворянскаго, сословіяхъ, и увеличеніе средствъ институтовъ, ибо тогда будетъ меньше незанятыхъ пенсіонерныхъ вакансій“.

Въ такомъ же смыслѣ выразилъ свое мнѣніе Совѣтъ саратовскаго института: „ограниченіе пріема лишь дочерьми потомственныхъ и личныхъ дворянъ, священниковъ и почетныхъ гражданъ—писалъ онъ—замедляетъ успѣхи просвѣщенія въ низшихъ слояхъ общества, препятствуетъ сліянію сословій во имя общей пользы и значительно уменьшаетъ средства заведенія“... Институтъ, по свидѣтельству Совѣта, совершенно зависитъ отъ числа частныхъ пепсіонерокъ, приливъ которыхъ уже уменьшился „по измѣнившемуся экономическому быту дворянъ“.

Только Совѣтъ петербургскаго Елизаветинскаго училища высказался за сохраненіе „примѣненія воспитанія къ состоянію и быту учащихся, также и средствъ содержанія, несмотря на одинаковый нынѣ уровень образованія въ заведеніяхъ перваго и второго разрядовъ“.

Совѣтъ полтавскаго института полагалъ, напротивъ, что „содержаніе воспитанницъ должно сообразоваться не съ ихъ состояніемъ, а съ условіями гигіены“.

Приступивъ въ 1860 году, по предписанію Принца, къ подготовительнымъ работамъ по пересмотру уставовъ заведеній вѣдомства, учебный комитетъ выработалъ единогласно слѣдующія основныя положенія: 1) женскія учебныя заведенія должны быть устроены по возможности во всѣхъ городахъ и даже въ значительныхъ селеніяхъ Россіи, ибо теперь большая часть ихъ находится въ столицахъ и поэтому содержаніе заведеній обходится дорого; родители разстаются съ дѣтьми на семь лѣтъ и должны совершать цѣлое путешествіе, чтобы взять ихъ изъ заведенія по окончаніи курса; во все время пребыванія дѣтей въ заведеніи они не видятся съ родителями и это влечетъ за собою охлажденіе семейныхъ привязанностей; климатъ Петербурга хуже чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ; сосредоточеніе учебныхъ заведеній въ столицахъ имѣетъ послѣдствіемъ то, что большая часть остальныхъ городовъ Россіи погружена въ совершенный мракъ, а во всѣхъ истинно просвѣщенныхъ государствахъ западной Европы учебныя заведенія распредѣлены такъ, чтобы жителямъ было

удобно посылать туда дѣтей; 2) женскія учебныя заведенія должны быть открытыя для приходящихъ дѣвицъ съ небольшими при нихъ пансіонами, гдѣ дѣти призрѣвались бы на счетъ правительства и родителей. При открытыхъ заведеніяхъ, когда двѣ трети ученицъ будутъ жить дома, штатъ заведеній значительно сократится и зданія нужны будутъ меньшаго размѣра. Кромѣ того, теперь въ заведеніяхъ воспитывается, по сравненію съ издержками, весьма небольшое число дѣтей; во всѣхъ 53 институтахъ на сумму 2.200.000 рублей воспитывается всего 8.678 дѣтей, такъ что каждая дѣвица обходится круглымъ числомъ въ 250 рублей въ годъ, не считая процентовъ на затраченный на постройку зданій капиталъ. Заведенія съ такимъ большимъ числомъ воспитанницъ, какъ Смольный (800), Сиротскіе институты (1.200), Екатерининскіе (по 340 въ каждомъ), едва ли можно назвать воспитательными въ истинномъ смыслѣ слова; въ нихъ можно устроить такъ, чтобы дѣти были сыты, извѣстнымъ образомъ одѣты, вели извѣстный, съ точностью опредѣленный, образъ жизни и соблюдали указанный порядокъ занятій. Но о раціональномъ образованіи характера дѣтей сообразно съ ихъ индивидуальными особенностями въ подобныхъ заведеніяхъ едва ли можетъ быть рѣчь. Эта цѣль можетъ быть достигаема лишь въ небольшихъ заведеніяхъ при ограниченномъ числѣ (примѣрно отъ двадцати до тридцати). Гдѣ собрано до 1.200 дѣтей, тамъ начальница самая добросовѣстная едва ли знаетъ всѣхъ даже по имени. *Обучать* можно тысячи вмѣстѣ, а *воспитывать* — лишь небольшое число. Воспитательныя заведенія должны сколько возможно приблизиться къ идеалу разумной семьи. Поэтому комитетъ думалъ, что было бы несравненно раціональнѣе разбить существующія теперь громадныя воспитательныя заведенія на множество отдѣльныхъ училищъ съ небольшими пансіонами для казенныхъ и своекоштныхъ пенсіонерокъ и эти училища распространить по всей Россіи, дабы во всѣхъ ея пунктахъ правительство имѣло возможность призрѣвать сиротство и нищету, не увлекая дѣтей съ родины, а частныя лица имѣли бы возможность при себѣ, на мѣстѣ, давать приличное образованіе дочерямъ. На громадныя суммы, ежегодно издерживаемыя на содержаніе такихъ заведеній, можно, по мнѣнію учебнаго комитета, покрыть всю Россію сѣтью женскихъ училищъ. Послѣднія должны быть раздѣлены на два разряда: высшія—съ семилѣтнимъ курсомъ, низшія — съ четырехлѣтнимъ; первыя, по курсу ученія, должны равняться съ институтами. Ученіе въ этихъ училищахъ, также какъ и содержаніе въ пансіонахъ, должны быть непре-

мѣнно платными, но въ каждомъ изъ нихъ должно быть опредѣлено извѣстное число безплатныхъ казенныхъ вакансій для сиротъ. Въ училища должны допускаться всѣ дѣти безъ различія происхожденія и вѣроисповѣданія [1]).

Въ своемъ отчетѣ государю о сдѣланныхъ въ 1861—1862 годахъ осмотрахъ нѣкоторыхъ институтовъ, Принцъ говорилъ о вынесенномъ имъ изъ осмотра впечатлѣніи, какъ относительно учебной части, такъ и другихъ. Воспитанницы нижегородскаго института отличились на бывшемъ при немъ экзаменѣ изъ нѣмецкаго языка, что Принцъ приписалъ главнымъ образомъ класснымъ дамамъ и начальницѣ. „Выпускныя воспитанницы—сказано въ отчетѣ Принца—весьма добродушны и привѣтливы", но, по отзыву врача, новое зданіе института вредно вліяетъ на нихъ, такъ что онѣ блѣдны. Поэтому Принцъ по телеграфу испрашивалъ разрѣшенія императрицы отпустить ихъ на лѣто къ родителямъ. Постройка институтскаго зданія обошлась не въ 113.000 рублей, какъ полагалось по смѣтѣ, а въ 170.000, и изъ собраннаго дворянствомъ, также другихъ капиталовъ, оставалось 116.597 рублей, вслѣдствіе чего вмѣсто 40.000 рублей въ годъ дохода, требуемыхъ на содержаніе института, его доходъ простирается всего до 20.000 и недостающую сумму придется выдавать изъ запаснаго капитала женскихъ учебныхъ заведеній. Воспитанницъ въ 1860 году было 70, комплектъ своекоштныхъ пепсіонерокъ неполный, не достаетъ 30-ти.

Въ тамбовскомъ институтѣ выпускъ замѣчателенъ, говорилъ Принцъ, „по прекрасной наружности многихъ воспитанницъ", у нихъ здоровый, свѣжій цвѣтъ лица и веселый видъ, что свидѣтельствуетъ и о хорошей пищѣ въ институтѣ; но въ иностранныхъ языкахъ онѣ слабы, ибо нѣтъ хорошихъ преподавателей; физическихъ инструментовъ также нѣтъ, ихъ берутъ изъ гимназіи. Совѣтъ, въ присутствіи Принца, обсуждалъ вопросъ о средствахъ привлечь въ институтъ пенсіонерокъ, что необходимо для дальнѣйшаго его существованія. Въ тамбовской, рязанской, воронежской, симбирской и тульской губерніяхъ вовсе нѣтъ способовъ къ женскому образованію, и даже устройство женскихъ гимназій было бы средствомъ недостаточнымъ, ибо гимназіи доступны только для городскихъ жителей. Поэтому Совѣтъ пришелъ къ заключенію, что было бы желательно улучшить учебную часть въ институтѣ, а также получить разрѣше-

[1]) Дѣла гл. Сов. 1861 г.

піе императрицы принимать въ него дочерей и купцовъ 3-й гильдіи.

Въ саратовскомъ институтѣ въ 1861 году было 130 воспитанницъ, изъ которыхъ 30 на счетъ дворянства и 96 частныхъ пепсіонерокъ, „фактъ весьма замѣчательный—сказано въ отчетѣ Принца—означающій какъ необходимость въ подобныхъ учрежденіяхъ, такъ и довѣріе края къ нему". Дѣвицы, по словамъ отчета, „хотя по наружности и мало замѣчательны, но имѣютъ здоровый видъ. Учебная часть, за исключеніемъ закона Божья и географіи, найдена Принцемъ въ неудовлетворительномъ положеніи и съ самаго начала въ институтѣ не было хорошаго учителя французскаго языка. Такого учителя въ теченіи двухъ лѣтъ не было и въ оренбургскомъ институтѣ, воспитанницы котораго „отличаются добродушіемъ, хотя наружность ихъ мало замѣчательна". Неудовлетворительныя знанія иностранныхъ языковъ были замѣчены Принцемъ и въ донскомъ и астраханскомъ институтахъ; въ послѣднемъ это приписывалось продолжительной болѣзни учителя, замѣненнаго кончившею курсъ въ московскомъ сиротскомъ институтѣ воспитанницею, бывшею замужемъ за французомъ, съ которымъ она жила нѣкоторое время во Франціи. Неполный комплектъ воспитанницъ въ астраханскомъ институтѣ (64 вмѣсто 100, въ томъ числѣ 36 частныхъ пенсіонерокъ) Принцу объяснили близостью казанскихъ и московскихъ женскихъ учебныхъ заведеній.

Въ казанскомъ институтѣ была природная француженка для разговора съ воспитанницами, которыя вообще произвели на Принца отличное впечатлѣніе. Онѣ, по словамъ отчета, „хотя и уступаютъ въ добродушіи воспитанницамъ астрахапскаго института, но примѣчательны своею наружностью и осанкою, равно музыкальными способностями; въ этомъ отношеніи казанскій институтъ лучшій въ имперіи". Малое число больныхъ Принцу объяснили тѣмъ, что начальница заставляетъ воспитанницъ ежедневно гулять въ саду. Говоря о зданіи института, Принцъ замѣчаетъ, что оно было такъ небрежно выстроено, что исправленія новаго строенія продолжались около семи лѣтъ, стоили дороже первопачальной постройки и теперь зданіе находится въ неудовлетворительномъ состояніи, а сумма на ремонтъ недостаточна.

Изъ осмотра симбирскаго Елизаветинскаго училища Принцъ вынесъ самое дурное впечатлѣніе: воспитанницы занимались почти исключительно рукодѣліемъ; на учебную часть тратилось всего 140 рублей въ годъ; священникъ обучалъ закону Божью,

русскому языку и ариѳметикѣ; даже досокъ въ училищѣ не было и Принцъ велѣлъ ихъ купить на свой счетъ. Училище содержалось на проценты съ принадлежавшаго ему капитала въ 28.000 рублей и „разными подаяніями“. Такъ какъ и министерство внутреннихъ дѣлъ отказало училищу въ пособіи изъ суммъ приказа общественнаго призрѣнія, то Принцъ просилъ государя разрѣшить передачу симбирскаго училища министерству народнаго просвѣщенія для устройства въ немъ училища для приходящихъ дѣвицъ.

Во всѣхъ институтахъ Принцъ замѣтилъ, что тетради воспитанницъ не поправляются преподавателями и классными дамами; ученицы, переписывая ихъ начисто, „совершаютъ трудъ чисто механическій, безсознательный и убиваютъ время напрасно, пріучаясь повторять ошибки“. Преподаваніе, сказано въ отчетѣ, должно быть основано не столько на памяти, сколько на точномъ сознаніи предмета, а отвѣты на заданные вопросы должны быть натуральны, а не заучены. Рядомъ съ этимъ Принцемъ замѣчено, что начальство институтовъ не обращаетъ достаточнаго вниманія на чистоту и опрятность воспитанницъ. Поэтому онъ предложилъ „неослабно наблюдать, чтобы руки дѣвицъ были вымываемы какъ можно чаще, особенно передъ приходомъ въ столовую“ [1]).

Предсѣдательствующій въ московскомъ отдѣленіи главнаго Совѣта, князь Трубецкой, въ представленныхъ за то же время отчетахъ, сообщалъ, что учебная часть въ осмотрѣнныхъ имъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, „благодаря просвѣщенной и неутомимой дѣятельности начальницъ, и въ особенности инспекторовъ классовъ, идетъ весьма успѣшно, на разумныхъ началахъ и болѣе или менѣе согласно съ Высочайше утвержденными программами. Нравственный духъ воспитанницъ вездѣ заслуживаетъ одобренія, особенно въ кіевскомъ институтѣ, гдѣ польскій элементъ во время господствовавшихъ волненій, проникшихъ во всѣ мужскія и женскія заведенія, ничѣмъ не обнаружился“.

Въ харьковскомъ институтѣ хозяйственная часть находилась въ неудовлетворительномъ состояніи; члены Совѣта не присутствовали на торгахъ на поставку съѣстныхъ припасовъ и другихъ предметовъ, также при продажѣ негодныхъ къ употребленію вещей, при покупкѣ строительныхъ матеріаловъ; канцелярія неисправна, отчеты представляются медленно. За учре-

[1]) Арх. IV отд. С. Е. И. В. канц. 1861—1862 гг.

жденіями, имѣющими въ институтѣ своихъ пенсіонерокъ, накопились недоимки, также за родителями своекоштныхъ пенсіонерокъ; одна, кончившая курсъ еще въ 1852 году, долго оставалась въ институтѣ по неявкѣ матери, которая взяла ее только вслѣдствіе распоряженія статсъ-секретаря Гофмана. Поручителемъ этой пенсіонерки былъ тамбовскій губернаторъ, но онъ отказался внести за нее деньги. Всего недоимокъ накопилось 12.799 рублей, а долговъ у института 13.070 рублей; содержаніе воспитанницы стоитъ 300 рублей въ годъ. „Впрочемъ— прибавлялъ кн. Трубецкой—у нихъ свѣжій и здоровый видъ, вездѣ чистота и опрятность. Учебная часть въ отличномъ состояніи. Съ явленіями міра семейнаго и гражданскаго дѣвицъ знакомятъ настолько, насколько это дозволяютъ условія закрытаго заведенія". Но учебныхъ пособій, также книгъ для чтенія очень мало; на двухъ воспитанницъ выдается одинъ учебникъ.

Въ тамбовскомъ институтѣ также накопились недоимки за дворянствомъ и мѣстный Совѣтъ просилъ Принца сдѣлать распоряженіе, чтобы впредь дворянскія суммы попрежнему вносились въ уѣздныя казначейства вмѣстѣ съ податями и другими сборами. Министръ финансовъ нашелъ это невозможнымъ, и Принцъ приказалъ довести о накопившихся за дворянствомъ недоимкахъ до свѣдѣнія губернскаго предводителя; но взыскано было лишь 1.000 рублей, внесенныхъ борисоглѣбскимъ дворянствомъ. Тогда предводитель просилъ начальника губерніи предписать земскимъ полиціямъ принять личное участіе въ дѣлѣ, доводя до свѣдѣнія уѣздныхъ предводителей объ уклоняющихся отъ взноса должныхъ денегъ. Въ то же время начальникъ губерніи циркуляромъ предписалъ земскимъ полиціямъ немедленно взыскать недоимки и о результатѣ доносить ему каждыя двѣ недѣли. О томъ же было сообщено и мировымъ посредникамъ.

Въ полтавскомъ институтѣ неполный комплектъ воспитанницъ. Начальство не вело отчетности, не обращало вниманія на принадлежащія институту статьи дохода и отдавало въ аренду фруктовый садъ, огородъ и оранжереи безъ торговъ, хозяйственнымъ образомъ. Воспитанницы все дворянки, только одна купеческая дочь; среди нихъ съ признаками худосочія нѣтъ ни одной. Классныя дамы все русскія; недостатокъ въ спеціалисткахъ для разговоровъ съ воспитанницами на иностранныхъ языкахъ. Нѣтъ учителя педагогики; исторія, вмѣсто трехъ уроковъ, положенныхъ по табели, преподается во второмъ классѣ по четыре урока въ недѣлю, ибо воспитанницы передъ тѣмъ проходили исторію лишь въ теченіе одного года и притомъ на фран-

цузскомъ языкѣ, а по болѣзни преподавателя большинство этихъ уроковъ было пропущено. Физическаго кабинета у института нѣтъ, а инструменты берутъ изъ кадетскаго корпуса. Впрочемъ „воспитанницы старшихъ классовъ вполнѣ понимаютъ то, что изучаютъ".

У кіевскаго института долговъ нѣтъ, но много недоимокъ за своекоштными пенсіонерками. Воспитанницы исполняютъ всѣ положенные по уставу религіозные обряды. Начальство дѣлаетъ уступку настоятельному ихъ желанію, позволяя имъ поститься, сверхъ положенныхъ дней, и въ другіе, установленные церковью. Изъ разговора съ польскими воспитанницами, предсѣдательствующій самъ убѣдился что онѣ, какъ и русскія воспитанницы, вполнѣ оцѣниваютъ отеческое попеченіе о воспитаніи ихъ въ институтѣ и чужды всякимъ мечтамъ объ отдѣльной польской національности. Учебная часть въ отличномъ положеніи; всѣ важнѣйшіе предметы преподаются лучшими профессорами университета.

Оставшись недовольнымъ при осмотрѣ казанскаго института знаніями воспитанницъ, что объяснили Принцу продолжительною болѣзнью инспектора классовъ (онъ же инспекторъ и мужской гимназіи), Принцъ представилъ государю о необходимости вызвать этого инспектора по его выздоровленіи въ Петербургъ для того, чтобы онъ „какъ воспитанникъ кіевскаго университета, могъ ознакомиться съ современными требованіями преподаванія". Вообще Принцъ нашелъ большую разницу между преподавателями, получившими образованіе въ педагогическомъ институтѣ или столичныхъ университетахъ и служившими въ столичныхъ учебныхъ заведеніяхъ, и тѣми, которые не были въ столицѣ. На этомъ мѣстѣ доклада Принца государь написалъ: „вызвать его непремѣнно". Тогда Гофманъ предложилъ вызвать въ Петербургъ всѣхъ инспекторовъ классовъ губернскихъ центральныхъ институтовъ съ тѣмъ, чтобы они, по возвращеніи на мѣста, ввели установленныя въ столичныхъ порядки въ сосѣдніе имъ институты. „Это—говорилъ въ своей запискѣ Гофманъ—обойдется дешевле, чѣмъ посылать всюду чиновниковъ для наблюденія за учебной частью". Государь написалъ: „справедливо". Прибытіе инспекторовъ классовъ въ Петербургъ Гофманъ считалъ желательнымъ немедленно.

Между тѣмъ въ поступившихъ съ 1861 по 1863 годъ, по требованію главнаго Совѣта, указаніяхъ мѣстныхъ Совѣтовъ на нужныя, по ихъ мнѣнію, измѣненія въ уставѣ 1855 года, нѣкоторые Совѣты съ полною, небывалою до тѣхъ поръ откровен-

ностью, высказывались противъ закрытой системы институтскаго воспитанія и раскрывали разныя стороны внутренней жизни заведеній. Членъ Совѣта тамбовскаго института указалъ на то, что при институтскомъ воспитаніи не всегда имѣется въ виду цѣль „возвысить въ глазахъ дѣвицы собственное ея назначеніе, облагородить ея стремленія указаніемъ высшаго идеала, представительницей котораго суждено ей сдѣлаться, вообще расширить ту узкую сферу, въ которой простая жизненная практика хочетъ вмѣстить назначеніе женщины". Онъ раздѣлялъ общее мнѣніе, что институтки большей частью получаютъ въ заведеніи или ложное направленіе, или теряютъ свои индивидуальныя особенности и стушевываются. Это обусловливается, по его мнѣнію, рѣзкимъ отдѣленіемъ воспитательной части отъ учебной, недостаткомъ въ институтскомъ воспитаніи семейнаго элемента, неподготовленностью воспитательницъ; классныя дамы, по большей части, бывшія институтки; „дѣйствительная жизнь съ ея назначеніемъ, условіями и правилами—говорилъ онъ—представляется для нихъ неизмѣнною и не иначе, какъ черезъ призму институтской рутины. Эта рутина, дополненная собственнымъ отвлеченнымъ положеніемъ, передается ими слѣдующему молодому поколѣнію. Въ направленіи, передаваемомъ воспитанницамъ классными дамами, очень мало живительныхъ началъ; въ собственномъ развитіи и образованіи немногія классныя дамы идутъ впереди... остается одно формальное отправленіе своихъ обязанностей, въ чемъ онѣ и достигаютъ крайностей. Анализъ душевныхъ силъ воспитанницы, умѣнье опредѣлить ея направленіе и вообще психическая сторона воспитанія—едва ли даже бываетъ для нихъ предметомъ серьезнаго разсмотрѣнія. Напротивъ, особенности характера, каковы бы онѣ ни были, тщательно изглаживаются и все подводится подъ одинъ никого небезпокоящій уровень" [1]). Поэтому авторъ замѣчаній предлагалъ учредить педагогическіе курсы для пепиньерокъ, обезпечить положеніе послѣднихъ жалованьемъ и нѣкоторыми правами, „ограждающими ихъ отъ безконтрольнаго вліянія начальницъ институтовъ" и въ число этихъ правъ включить право занимать впослѣдствіи и мѣста начальницъ. „Тогда—писалъ онъ—способность къ управленію институтомъ была бы гарантирована прочными условіями".

Учителя и классныя дамы, по словамъ члена Совѣта тамбовскаго института, составляютъ два враждебныхъ лагеря; а такъ какъ ученіе заключаетъ въ себѣ вообще весьма значитель-

[1]) Дѣла главн. Сов. 1861 г.

ную долю воспитательнаго элемента и всякій предметъ естественно содѣйствуетъ развитію духовныхъ силъ, то у хорошаго наставника не можетъ не быть духовной связи между нимъ и его ученицами; тѣ, кто даетъ направленіе учебному заведенію, должны поддерживать это. Между тѣмъ въ институтахъ „какъ будто опасаются нравственнаго вліянія наставника и онъ тамъ имѣетъ лишь оффиціальное положеніе. Оживленная бесѣда во время урока считается неприличною и поэтому уроки идутъ вяло, безжизненно, съ вѣчнымъ опасеніемъ встрѣтить подозрительный взглядъ классной дамы. Въ учителѣ видятъ не наставника, а только мужчину". Вообще въ отношеніяхъ начальствующихъ лицъ къ воспитанницамъ господствуетъ оффиціальность, рѣдко сердечная теплота. Классныя дамы и старшія дѣвицы смотрятъ свысока на всякую новенькую, особенно бѣдную. „Никого не занимаетъ ея тоска по роднымъ, новыя знакомства, игры, бесѣды. Она стремится чѣмъ-нибудь наполнить свою душу, а со всѣхъ сторонъ ей слышатся замѣчанія о приличной выдержкѣ, которая на всякомъ шагу охлаждаетъ дѣтскую рѣзвость. Искренность, беззаботность и дѣтское веселіе мало-помалу оставляютъ дѣвочку. Рождается недовѣріе, привычка скрывать свои мысли и желаніе искать удовольствій никѣмъ неподмѣченныхъ. Отсюда непостижимое для многихъ стремленіе къ уединенности, къ употребленію въ пищу мѣла, грифелей, бумаги и т. п., тайное обожаніе и явное нервное разстройство".

Источникъ всего этого авторъ мнѣнія видитъ въ недостаткѣ со стороны воспитательницъ задушевныхъ отношеній къ воспитанницамъ. Потомъ у дѣвочки является отвращеніе къ умственному труду, мечтательность. „Не привыкши дѣлиться своими мыслями съ воспитательницами и наставниками, институтки вырабатываютъ мало-по-малу свой особенный фантастическій взглядъ на жизнь, рѣзко противоположный дѣйствительности. Домашняя семейная обстановка забывается и взамѣнъ является новый міръ, полный роскоши, блеска и населенный сказочными героями. Rêve de la fortune—общее послѣдствіе и неотъемлемая принадлежность институтской замкнутости. Въ умственномъ отношеніи она ведетъ къ односторонности, въ нравственномъ—къ исключительности и даже эгоизму, въ физическомъ—къ раннему разстройству физическихъ силъ, въ житейскомъ—къ недовольству окружающею дѣйствительностью".

Въ заключеніе своего мнѣнія, членъ Совѣта говорилъ, что „институтское затворничество повсемѣстно встрѣчаетъ одно только

неодобреніе со стороны родителей и общества" и высказывался за необходимость отпусковъ для воспитанницъ.

На отсутствіе гармоніи между воспитательницами и преподавателями, „дѣйствующими исключительно по долгу службы, а не по сознанію важности обязанности руководить молодымъ поколѣніемъ" указалъ и членъ по хозяйственной части тамбовскаго института. Въ этомъ онъ видѣлъ одну изъ причинъ недостаточнаго развитія институтокъ и той „недоконченности въ ихъ образованіи" которая была не разъ замѣчена. Этому содѣйствуетъ, по его мнѣнію, и назначеніе начальницами, которымъ ввѣряется наблюденіе за нравственнымъ воспитаніемъ дѣвицъ, лицъ, не могущихъ „по раздражительности характера и другимъ причинамъ, оправдывать оказываемое имъ довѣріе".

Совѣтъ одесскаго института писалъ, что „не слѣдуетъ готовить дѣвицъ для жизни, составленной изъ однихъ удовольствій и нравственныхъ интересовъ, надо ихъ готовить къ борьбѣ, труду и лишеніямъ; правильное воспитаніе—говорилъ онъ—дастъ силы на все это". Такъ какъ педагогическіе вопросы „обсуживаемы въ настоящее время путемъ литературы—писалъ Совѣтъ —то въ случаѣ неправильнаго ихъ разрѣшенія мѣстными Совѣтами, эти вопросы могутъ быть отдаваемы на судъ общественнаго мнѣнія".

Доказывая необходимость отпусковъ „во всѣ свободные отъ ученія дни", Совѣтъ полтавскаго института мотивировалъ свое мнѣніе тѣмъ, что „только вліяніемъ семейной среды и родственныхъ чувствъ ею развиваемыхъ могутъ быть устранены та душевная зачерствѣлость и то непормальное настроеніе духа, которыя бывали нерѣдко плодомъ крайней закрытости заведенія".

По поводу §§ 132 и 136 устава, о наградахъ воспитанницамъ, Совѣтъ полтавскаго института писалъ, что награды за успѣхи въ наукахъ и благонравіе „впосятъ нѣчто постороннее, даже противорѣчащее основнымъ законамъ воспитанія, въ дѣло самого воспитанія... Идея выраженная словомъ *поведеніе* не тождественна съ идеею, выраженною словомъ *благонравіе*, еще менѣе съ словомъ *развитіе нравственнаго чувства*... Поведеніе опредѣляемое лѣстницею въ 12 ступеней и на верхней ступени удостоиваемое шифра, можетъ иногда быть безукоризненно и вмѣстѣ съ тѣмъ расходиться съ развитіемъ нравственнаго чувства и даже съ простою добротою сердца. Оно только неминуемо свидѣтельствуетъ, въ подобномъ случаѣ, о способности человѣка подчинять свои наклонности требованіямъ другихъ людей, вслѣд-

ствіе ли врожденной кротости характера, по недостатку ли энергіи, или по обилію лукавства и тщеславія".

Почти всѣ мѣстные Совѣты представляли о недостаточности отпускаемыхъ на содержаніе институтовъ средствъ и на недоимки за своекоштными пенсіонерками, число которыхъ постояпно уменьшалось, также за дворянствомъ и разными учрежденіями.

Совѣтъ харьковскаго института еще въ 1858 году просилъ у главнаго Совѣта пособія въ 20.000 рублей говоря, что онъ не только вошелъ въ долги (24.000 р.), но затрудняется въ уплатѣ жалованья служащимъ и „даже въ удовлетвореніи ежедневныхъ потребностей института". Повторяя свое ходатайство въ слѣдующемъ году, Совѣтъ говорилъ, что за выбытіемъ изъ института профессора Лапшина, безвозмездно тамъ преподававшаго физику, а полагаемое за уроки физики жалованье въ 171 руб. 43 коп. въ годъ отдававшаго на пріобрѣтеніе „для весьма небогатаго физическаго кабинета" института, приборовъ, институтъ лишился возможности пользоваться приборами университетскаго кабинета, а сумма на учебныя пособія въ институтѣ недостаточна. Инспекторъ классовъ, даромъ преподававшій естественную исторію и свое жалованье 170 рублей отдававшій также на пополненіе физическаго кабинета нужными инструментами, просилъ главный Совѣтъ разрѣшить употреблять съ этой цѣлью и 60 р. въ годъ изъ жертвуемаго новымъ учителемъ физики (онъ же преподавалъ и ариометику) жалованья. Въ этомъ главный Совѣтъ „не нашелъ препятствія и поручилъ мѣстному Совѣту благодарить обоихъ за похвальное усердіе ихъ къ пользѣ заведенія [1]).

Въ 1861 году Совѣтъ харьковскаго института удостовѣрялъ, что „способы института совершенно истощились, кредитъ упалъ и Совѣтъ, безъ пособія, не видитъ никакихъ средствъ къ поддержанію дальнѣйшаго существованія заведенія". При этомъ была приложена вѣдомость въ которой долги института были показаны въ суммѣ 34.984 р., а въ кассѣ всего 671 руб. 55½ коп. Содержаніе одной воспитанницы обходилось институту въ 1860 году—301 р. 56 коп., въ 1861—296 р. 52 коп., въ 1862—292 рубля, а плата съ нихъ получилась въ размѣрѣ 245.

Матеріальное положеніе тамбовскаго института было такъ непрочно, что начальница его боялась открытія въ городѣ двухъ частныхъ пансіоповъ ибо „городъ малъ, конкуренція невозможна". Членъ Совѣта по хозяйственной части прибавлялъ, что такъ какъ

[1]) Дѣла гл. Совѣта. 1859 г.

расходы по содержанію института превышаютъ его доходы на 6—7000 рублей ежегодно, то слѣдовало бы обратиться къ дворянству губерніи какъ къ учредителю института. „Но вникая въ современное положеніе этого сословія,—писалъ онъ, — неуясненное разрѣшеніемъ крестьянскаго вопроса“ это было бы, „не только неумѣстнымъ, но совершенно преступнымъ въ такое критическое для него время“. Поэтому онъ просилъ главный Совѣтъ исходатайствовать нужную сумму изъ государственнаго казначейства, также разрѣшить пріемъ въ институтъ дочерей купцовъ всѣхъ трехъ гильдій и отпускать воспитанницъ, по усмотрѣнію начальства, къ родителямъ.

Это мнѣніе члена по хозяйственной части было передано, до представленія его въ главный Совѣтъ, на заключеніе дворянства при выборахъ 1860 года. Пять уѣздовъ съ нимъ согласились; два высказались за преобразованіе института въ открытое училище съ тѣмъ, чтобы проценты съ пожертвованнаго дворянствомъ капитала выдавались въ теченіе шести или семи лѣтъ на руки родителямъ и опекунамъ, по 200 рублей на каждую стипендіатку, избираемую по баллотировкѣ каждымъ уѣздомъ. Эти стипендіатки дворянства могли учиться гдѣ хотятъ, даже въ частномъ пансіонѣ, а для иногородныхъ предполагалось устроить при женскомъ училищѣ или гимназіи—пансіонъ; этой гимназіи предлагали отдать и зданіе института.

Ссылаясь на Высочайше утвержденный 11-го августа 1860 г. журналъ главнаго Совѣта, которымъ разрѣшалось открыть могилевскій институтъ для 60 пепсіонерокъ и 100 приходящихъ, и на такихъ же основаніяхъ Высочайше утвержденные уставы Маріинскаго въ кубанскомъ казачьемъ войскѣ женскаго училища, подчиненнаго главному Совѣту, также уральскаго и училища женскаго благотворительнаго Общества св. Нины на Кавказѣ, главный Совѣтъ соглашался на допущеніе въ тамбовскій институтъ полупепсіонерокъ съ платою по 100 рублей за каждую и даже совѣтовалъ ввести это немедленно, при преобразованіи учебнаго курса. Главный Совѣтъ полагалъ возможнымъ разрѣшить и отпуски воспитанницъ домой на Рождество и на Пасху „потому что это увеличитъ средства института“. Но онъ не согласился на преобразованіе института въ училище для приходящихъ дѣвицъ ибо „для этого нужно согласіе большинства дворянъ и нѣтъ достаточныхъ уваженій къ предпочтенію имѣть вмѣсто института только училище для приходящихъ“.

При разсмотрѣніи этого дѣла въ главномъ Совѣтѣ, членъ послѣдняго генералъ-адъютантъ Игнатьевъ 1-й, остался при осо-

бомъ мнѣніи какъ относительно сліянія въ тамбовскомъ институтѣ дѣтей дворянъ съ дѣтьми купцовъ 3-й гильдіи, такъ и „присвоенія одному заведенію свойствъ и закрытаго и открытаго учебнаго заведенія въ совокупности". Въ засѣданіи 2-го мая 1861 года онъ сказалъ, что нѣсколько лѣтъ назадъ еще могъ на это согласиться, а теперь раздѣляетъ взглядъ Пирогова и другихъ, что „коль скоро къ воспитанницамъ изъятымъ изъ общественной среды для тщательнаго надзора, данъ будетъ доступъ другимъ, не совершенно отдѣленнымъ отъ окружающаго ихъ общества, то нарушается основная цѣль—вести воспитанницъ однообразно, однимъ избраннымъ путемъ. Тогда не вольноприходящія заимствуютъ всѣ воображаемыя блага надзора и школьной дисциплины, охраняющей живущихъ въ заведеніи, а, наоборотъ, онѣ поддаются вліянію приходящихъ".

Императрица также не согласилась съ мнѣніемъ большинства членовъ главнаго Совѣта; но она признала возможнымъ допустить въ тамбовскій институтъ дочерей купцовъ 3-й гильдіи „если это можетъ способствовать къ усиленію средствъ и продлить существованіе института на прежнемъ основаніи". Но ни въ какомъ случаѣ императрица не соглашалась на преобразованіе его въ училище для приходящихъ дѣвицъ [1]). Главный Совѣтъ поставилъ на видъ мѣстному Совѣту совершенную невозможность разсчитывать на пособіе изъ суммъ вѣдомства.

Ходатайствуя о допущеніи своекоштными пенсіонерками дочерей купцовъ всѣхъ гильдій и иностранцевъ, Совѣты почти всѣхъ институтовъ предлагали возвысить плату съ своекоштныхъ пенсіонерокъ, хотя въ то же время указывали, что никогда не было положеннаго комплекта, а въ послѣдніе годы число ихъ еще уменьшилось

На всѣ предлагаемыя мѣстными Совѣтами мѣры, соглашалось и дворянство, ставя лишь условіемъ, чтобы въ основанныхъ имъ институтахъ дочери мѣстныхъ дворянъ имѣли преимущество при пріемѣ передъ другими кандидатками.

Учрежденіе семигодовыхъ классовъ и новый порядокъ дня вызвали новыя затрудненія, сопряженныя съ новыми расходами для институтовъ, ибо въ провинціи учителя мѣстныхъ гимназій прежде отдавали институтамъ лишь свободные часы, за что и довольствовались меньшимъ вознагражденіемъ, а иногда и совсѣмъ не брали его. По принятому въ вѣдомствѣ правилу вознагражденіе учителей считалось не по числу уроковъ, а по числу ча-

[1]) Засѣданіе гл. Сов. 31 мая 1861 г.

совъ; въ Петербургѣ платили по 60 р. за годовой часъ, въ Москвѣ по 50 р., въ губерніяхъ по 40; но почти вездѣ въ послѣднихъ плата была ниже. Въ полтавскомъ институтѣ учителю наукъ платили 31 р. 20 к. за годовой часъ и вообще, въ распредѣленіи положенной по штату суммы на ученіе, господствовалъ произволъ, ибо почти цѣлая треть этой суммы шла на уплату уроковъ музыки; учитель этого предмета получалъ 2.500 р. вмѣсто назначенныхъ по штату 750-ти. По словамъ Совѣта, онъ не могъ уменьшить плату учителю музыки или требовать ее отъ воспитанницъ, ибо тогда родители взяли бы своихъ дочерей изъ института.

Совѣты нѣкоторыхъ институтовъ прямо отказывались учредить у себя семигодовые классы, отговариваясь недостаткомъ въ помѣщеніи, въ классныхъ дамахъ, прислугѣ. Совѣтъ астраханскаго института писалъ, что ввести семигодовые классы онъ считаетъ невозможнымъ и проситъ оставить попрежнему два отдѣленія съ трехгодовыми курсами. О томъ же ходатайствовалъ Совѣтъ саратовскаго института мотивируя свое предложеніе устроить не семь, а шесть классовъ, отсутствіемъ помѣщенія, а также „мѣстнымъ предразсудкомъ, по которому дѣвицѣ не слѣдуетъ оставаться въ заведеніи долѣе 16-лѣтняго возраста“. Совѣтъ раздѣлялъ мнѣніе, что при семилѣтнемъ курсѣ лучше принимать въ институтъ въ возрастѣ отъ 9-ти до 11-ти лѣтъ, чтобы ученицы кончали курсъ раньше, ибо,—писалъ онъ,—„жить въ 19—20 лѣтъ [1]) въ стѣнахъ закрытаго заведенія неестественно и вредно для здоровья“. По его мнѣнію, начальницѣ слѣдуетъ поручить наблюденіе не только за нравственнымъ развитіемъ воспитанницъ, но и за умственнымъ образованіемъ, какъ лучшаго проводника нравственныхъ началъ.

Членъ Совѣта по учебной части одесскаго института, вопреки мнѣнію мѣстнаго Совѣта, просилъ прибавить къ семилѣтнему курсу еще одинъ, восьмой.

Учебный комитетъ не согласился на сокращеніе курса потому, что это нанесетъ ущербъ полнотѣ и основательности образованія... „Противъ предразсудковъ,—писалъ онъ,—надо бороться во имя разумныхъ началъ, а не уступать имъ“. По его мнѣнію, слѣдуетъ установить правиломъ, чтобы въ каждомъ классѣ было не двѣ, а одна классная дама и одна или двѣ пепиньерки, при чемъ отвѣтственность за классъ должна лежать на классной

[1]) По уставу 1855 года пріемный возрастъ для заведеній съ шестилѣтнимъ курсомъ былъ опредѣленъ отъ $10^1/_2$ до $12^1/_2$ лѣтъ, такъ что съ преобразованіемъ ихъ въ семиклассные, воспитанницы выходили бы 17—20 лѣтъ.

дамѣ. Противъ этого возстали нѣкоторыя начальницы, жалуясь на то, что учебный комитетъ, „давая широкій просторъ преподаванію, не только не распространяетъ тѣхъ же преимуществъ по воспитанію въ тѣсномъ смыслѣ слова, но даже стѣсняетъ его". Начальница тамбовскаго института, въ особомъ мнѣніи, говорила, что „нравственное развитіе дѣвицъ безспорно зависитъ отъ хода образованія, но, при особенностяхъ институтскаго быта, огромная доля вліянія принадлежитъ класснымъ дамамъ, которыя не приносятъ всей пользы, потому что на каждую изъ нихъ приходится по 40—50 воспитанницъ; внѣшній порядокъ поглощаетъ все ихъ вниманіе, а „главная задача воспитанія—вникать въ отдѣльные характеры, соображать средства вліянія съ разнообразными индивидуальными потребностями, теряется изъ виду и появляется то вредное подведеніе подъ одинъ уровень, та мертвящая дисциплина, которыя такъ легко закрадываются въ общественное воспитаніе". На основаніи представленныхъ императрицѣ начальницами столичныхъ институтовъ отзывовъ, она не согласилась съ учебнымъ комитетомъ и не разрѣшила привести въ исполненіе его предложеніе. Но главный Совѣтъ, въ виду сокращенія курса въ саратовскомъ институтѣ, сократилъ ему и пособіе. Совѣтъ этого института просилъ и о томъ, чтобы уѣздный предводитель дворянства былъ непремѣннымъ членомъ Совѣта какъ по вліянію его на дворянство, такъ и для замѣны губернскаго въ случаяхъ его отсутствія.

Нѣкоторые другіе Совѣты предлагали учредить при институтахъ педагогическіе Совѣты; по мнѣнію Совѣта бѣлостокскаго института, въ педагогическомъ Совѣтѣ должны участвовать, кромѣ начальницы, и классныя дамы, которыя репетируютъ и объясняютъ воспитанницамъ уроки учителей. По мнѣнію Совѣта одесскаго института, начальницѣ, педагогическому и хозяйственному Совѣтамъ должна быть предоставлена самостоятельность дѣйствій, а начальницѣ и право входить въ непосредственныя отношенія съ главнымъ Совѣтомъ. Совѣтъ полтавскаго института предлагая разрѣшить каждому заведенію устраивать у себя конференціи или педагогическіе Совѣты для выбора руководствъ, полагалъ, что при этомъ конференція должна принимать во вниманіе не только указанія учебнаго комитета, но и педагогическихъ журналовъ.

Одновременно съ представленіями Совѣтовъ, и дворянство стало вновь заявлять свои требованія. Еще въ 1858 году нижегородское дворянство ходатайствовало о предоставленіи ему болѣе близкаго участія въ дѣлахъ института, преимущественно въ смыслѣ

контроля надъ дѣйствіями Совѣта по хозяйственной части. Въ 1861 и въ слѣдующіе годы ходатайства поступили отъ дворянства казанской, саратовской, полтавской, тамбовской губерній.

Губернскій предводитель тамбовскаго дворянства высказалъ мнѣніе, что каждый институтъ долженъ руководствоваться не общими правилами въ хозяйственномъ отношеніи, а особыми, примѣняемыми къ средствамъ и предназначенію заведенія; а такъ какъ институтъ основанъ первоначально на средства дворянства, съ помощью правительства, то дворянство не должно быть исключено отъ управленія институтомъ и „президентство“ въ институтскомъ Совѣтѣ должно быть предоставлено предводителю дворянства, какъ лицу, которое имѣло бы время заняться заведеніемъ исключительно, и притомъ съ правомъ наблюдать за всѣми частями заведенія подъ главнымъ присмотромъ начальника губерніи. Ему должна быть ввѣрена и учебная часть, которою, подъ наблюденіемъ президента, а также двухъ избранныхъ дворянствомъ членовъ Совѣта, „образованіе которыхъ было бы на высотѣ институтскаго образованія“, должны завѣдывать начальница и членъ по этой части. Избраннымъ дворянствомъ двумъ членамъ слѣдуетъ вмѣнить въ непремѣнную обязанность, чтобы они и по окончаніи классовъ слѣдили за тѣмъ, чтобы изученіе французскаго разговорнаго языка было развиваемо между дѣвицами и чтобы классныя дамы строго, въ этомъ отношеніи, исполняли свои обязанности. Вообще иностранные языки дурно, по мнѣнію предводителя, развиваются въ институтахъ, а для дѣвушекъ это составляетъ существенную необходимость... „Дворянство какъ образованный классъ,—говорилъ онъ,—всего легче можетъ слѣдить за ходомъ дѣла вообще и можетъ лучше судить о томъ, что необходимо въ институтскомъ курсѣ“.

Кромѣ того, предводитель предлагалъ, чтобы отчетъ по институту представлялся дворянству на выборахъ вмѣстѣ съ отчетами земскихъ повинностей и справочными цѣнами. На это дворянство, учредившее съ помощью правительства институтъ, имѣетъ существенное право, „такое же, какое дано ему въ разсмотрѣніи отчета о земскихъ повинностяхъ“. Поставленный на такихъ началахъ институтъ можетъ, по мнѣнію предводителя, „идти въ передъ въ своемъ развитіи и принести пользу губерніи; иначе вставленный въ формы, обусловленныя законами, дѣйствующими твердо, но безъ довѣрія, онъ никогда не можетъ достигнуть цѣли своего назначенія, хотя и выполнитъ другую цѣль, т.-е. непреступность предположенной формальности“ [1]).

[1]) Дѣла гл. Сов. 1861.

Противъ этого мнѣнія начальница тамбовскаго института представила возраженіе, въ которомъ, соглашаясь съ предводителемъ дворянства въ томъ, что высшее наблюденіе за всѣми частями заведенія должно быть возложено на губернатора „какъ на лицо извѣстное государю императору", говорила, что губернатору слѣдуетъ вмѣнить въ непремѣнную обязанность присутствовать въ Совѣтѣ „для соглашенія мнѣній прочихъ членовъ". Но она находила неудобнымъ увеличеніе числа членовъ Совѣта ибо губернскій предводитель дворянства, избираемый всего на три года, не имѣетъ времени пріобрѣсти опытность и поэтому не можетъ имѣть никакого вліянія въ дѣлахъ института. Начальница, по ея мнѣнію, должна быть вполнѣ самостоятельною; все управленіе заведеніемъ, во всѣхъ его частяхъ, должно быть поручено ей одной, безъ наблюденія прочихъ членовъ за ея дѣйствіями. „Предполагая,—пишетъ она,—что начальница должна быть умная, образованная, понимающая свое высокое назначеніе". Наблюденіе за ея управленіемъ другими лицами „не только стѣсняетъ кругъ ея дѣйствій, но оскорбляетъ ея самолюбіе и деликатность находиться подъ наблюденіемъ разныхъ личностей, изъ которыхъ, можетъ быть, только нѣкоторыя изучили часть воспитательную теоретически, не примѣняя ее къ практикѣ". Предсѣдатель или, какъ выражается авторъ мнѣнія, „президентъ" Совѣта, долженъ быть первымъ покровителемъ начальницы, которая слушается его совѣтовъ, дѣйствуетъ съ его согласія, а прочіе члены могутъ доводить до ея свѣдѣнія о замѣченныхъ ими въ внутреннемъ управленіи упущеніяхъ, но „не передъ цѣлымъ Совѣтомъ, а секретно, чтобы не унизить ея достоинства". Признавая, что учебная часть „въ сліяніи съ воспитательною могла бы сильно способствовать въ моральномъ развитіи и направленіи воспитанницъ къ будущему ихъ назначенію въ свѣтѣ", начальница говоритъ, что въ тамбовскомъ институтѣ онѣ рѣзко отдѣляются одна отъ другой и приписываетъ это тому, что „въ провинціяхъ мы не можетъ дѣлать выбора преподавателей, которые у насъ большей частью ученые, но не довольно благовоспитаны чтобы сочувствовать и помогать класснымъ дамамъ въ воспитаніи дѣвицъ".

Дворянство полтавской губерніи ходатайствовало о дозволеніи избирать изъ своей среды члена по хозяйственной части въ институтскій Совѣтъ. Препровождая это ходатайство министру внутреннихъ дѣлъ, губернаторъ высказался противъ него. „Упущенія въ институтскомъ хозяйствѣ,—писалъ онъ,—влекутъ лишеніе воспитанницъ и служащихъ того благосостоянія, на какое

онѣ имѣютъ право, а отвѣтственность лежитъ на всемъ Совѣтѣ, которому, поэтому, должно принадлежать право самому выбирать лицо, которому онъ довѣряетъ". До 1845 года, съ цѣлью чтобы ни въ какомъ случаѣ не было недостатка въ наличныхъ членахъ Совѣта, въ составъ его входилъ, по Положенію 1833 года, непремѣнный засѣдатель, должность котораго была возложена на полтавскаго совѣстнаго судью. Такъ какъ дворянство полтавской губерніи не участвовало въ составленіи капитала института, а между тѣмъ постоянно имѣло, въ лицѣ губернскаго предводителя, своего члена въ Совѣтѣ, то это,—говорилъ губернаторъ,—должно служить дворянству достаточнымъ ручательствомъ и свидѣтельствомъ того благосостоянія, какимъ должно пользоваться заведеніе. Но въ случаѣ, если бы Принцъ призналъ нужнымъ удовлетворить ходатайство полтавскаго дворянства, губернаторъ предлагалъ предоставить дворянству, кромѣ избранія въ Совѣтъ губернскаго предводителя, избирать еще непремѣннаго засѣдателя, который, имѣя болѣе времени вникать въ хозяйство института чѣмъ предводитель, могъ бы знакомить общество съ благосостояніемъ, какимъ пользуются воспитанницы въ институтѣ. Въ настоящее же время (1862 г.), въ случаѣ отсутствія или болѣзни члена по хозяйственной части, заботы по этой части падаютъ на начальника губерніи, какъ предсѣдателя Совѣта [1]).

Главный Совѣтъ отказался удовлетворить всѣ эти ходатайства, ибо подобное преимущество противорѣчило бы общепринятому во всѣхъ институтахъ порядку, напрасно увеличило бы и безъ того достаточный составъ Совѣтовъ и повело бы къ столкновенію съ институтскимъ начальствомъ, „которое обязано дѣйствовать не по указаніямъ дворянства, а по уставу, инструкціямъ и Положеніямъ, изданнымъ для институтовъ".

Отвѣчая на доводы, приводимые дворянствомъ, что институты были основаны на его средства, главный Совѣтъ говорилъ, что правительство выразило дворянству свою признательность за его содѣйствіе тѣмъ, что въ институтахъ воспитываются преимущественно дѣти дворянъ и что нѣкоторымъ институтамъ вѣдомство отчислило изъ своихъ суммъ неприкосновенные капиталы. Въ отвѣтѣ тамбовскому дворянству было прибавлено, что можно было бы допустить контроль дворянства въ томъ случаѣ, если институтъ будетъ преобразованъ въ гимназію съ отчисленіемъ ея изъ вѣдомства [2]).

[1]) Дѣла Гл. Сов. 1862 г.

[2]) На разсмотрѣніе главнаго Совѣта былъ переданъ по Высочайшему повелѣ-

Къ 1862 году средства вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи сократились. Въ 1859 году сохранныя казны были по Высочайшему повелѣнію переданы въ министерство финансовъ, а взамѣнъ получавшихся вѣдомствомъ отъ оборотовъ казенъ доходовъ, было положено выдавать ему, съ 1860 года, изъ государственнаго казначейства по 3.500,000 рублей ежегодно на покрытіе издержекъ по всѣмъ заведеніямъ вѣдомства. Въ 1862 г. министръ финансовъ сообщилъ Принцу, бывшему въ то время (съ 1860 г.) главноуправляющимъ IV отдѣленіемъ Собственной Е. И. В. канцеляріи, что такъ какъ средства приказовъ общественнаго призрѣнія, отпускавшихъ двѣнадцати женскимъ учебнымъ заведеніямъ пособіе въ 66.785 рублей ежегодно, сдѣлались недостаточными даже для содержанія собственныхъ заведеній, то пособіе приказовъ женскимъ институтамъ должно быть прекращено. Министръ прибавлялъ, что если бы даже впослѣдствіи приказы получили вновь возможность давать пособіе недостаточнымъ родителямъ на воспитаніе ихъ дѣтей въ учебныхъ заведеніяхъ, то относительно женскихъ, въ виду учрежденныхъ уже во многихъ городахъ гимназій, гдѣ плата за обученіе несравненно меньше чѣмъ въ институтахъ, приказы могли бы доставлять образованіе или такому же числу сиротъ, какъ теперь, при гораздо меньшихъ издержкахъ, или воспитывать гораздо большее число бѣдныхъ дѣтей [1]).

Вслѣдствіе состоявшагося между Принцемъ и министромъ финансовъ по этому предмету соглашенія, было положено прекратить съ 1863 года пособіе отъ приказовъ всѣмъ институтамъ, въ которыхъ приказы не имѣютъ своихъ пенсіонерокъ, въ тѣхъ же, гдѣ воспитываются пенсіонерки приказовъ, послѣдніе будутъ вносить, до окончанія пенсіонерками курса, плату, установленную для своекоштныхъ воспитанницъ. По выбытіи изъ заведенія пенсіонерокъ приказовъ, всѣ предоставленныя имъ вакансіи будутъ упразднены и, взамѣнъ получавшагося отъ прика-

---

нію представленный императрицѣ въ 1862 проектъ „Попечительства Учебнаго Общества воспитанія дѣвицъ“. Попечительство брало на себя „религіозное и даровое“ воспитаніе дѣвицъ, не попавшихъ въ институты, дочерей тѣхъ помѣщиковъ, которые отдадутъ Попечительству свои имѣнія временно или навсегда. Въ первомъ случаѣ Попечительство обязывалось, кромѣ дарового воспитанія дочери помѣщика, выплачивать ему въ теченіе 9—15 лѣтъ по шести тысячъ рублей въ годъ за имѣніе въ 350 душъ и по истеченіи срока, возвратить владѣльцу имѣніе „съ образцовымъ устройствомъ“. Отдавшему имѣніе въ безсрочное пользованіе, Попечительство, выплачивая также шесть тысячъ рублей въ годъ въ теченіе 27 лѣтъ, обязывалось затѣмъ передать капиталъ въ полтораста тысячъ.

[1]) Пятидесятилѣтіе, стр. 355.

зовъ пособія, институтамъ разрѣшено увеличить число своекоштныхъ пенсіонерокъ. Вѣдомство брало на себя покрытіе недостающихъ на содержаніе заведеній расходовъ до тѣхъ поръ, пока не будутъ замѣщены всѣ вакансіи для частныхъ пенсіонерокъ, а постоянное пособіе оно положило давать лишь институтамъ, въ которыхъ почему-либо нельзя довести число вакансій частныхъ пансіонерокъ до размѣра получавшагося отъ приказовъ пособія.

Вслѣдствіе этого, въ 1862 году мѣстнымъ Совѣтамъ губернскихъ институтовъ было разослано конфиденціальное предписаніе Принца, чтобы они только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ обращались къ вѣдомству за отпускомъ какихъ-либо дополнительныхъ суммъ „ибо вѣдомство не въ томъ уже положеніи, чтобы могло удовлетворять въ прежнемъ размѣрѣ нуждамъ институтовъ [1]).

Надежды, возлагавшіяся на увеличеніе средствъ институтовъ допущеніемъ въ нѣкоторые изъ нихъ дочерей купцовъ даже 3-й гильдіи, почти нигдѣ не оправдались. Совѣтъ наиболѣе нуждавшагося въ приливѣ своекоштныхъ пепсіонерокъ института—тамбовскаго, въ 1862 году сообщилъ Принцу, что въ теченіе цѣлаго года не поступило ни одной купеческой пенсіонерки и просилъ Принца, циркулярнымъ предписаніемъ начальникамъ тамбовской и сосѣднихъ губеній, приказы которыхъ до тѣхъ поръ содержали въ институтѣ своихъ пенсіонерокъ, пригласить купечество взять на свой счетъ содержаніе извѣстнаго ихъ числа. Но это было признано неудобнымъ; „такая принудительная мѣра, — писалъ товарищъ главноуправляющаго, — можетъ возбудить противодѣйствіе со стороны купечества и навсегда отклонить его отъ желанія отдавать своихъ дѣтей въ институтъ... Лучшее средство—прибавлялъ онъ,—привлечь общественное мнѣніе въ пользу института—если станетъ извѣстнымъ, что онъ дастъ хорошее воспитаніе и прочное образованіе“. Объясняя отсутствіе желающихъ среди купечества помѣщать своихъ дочерей въ институтъ незнаніемъ ихъ о дарованномъ имъ правѣ, товарищъ главноуправляющаго увѣдомилъ Совѣтъ, что по его просьбѣ министръ внутреннихъ дѣлъ предписалъ начальникамъ губерній распубликовать объ этомъ въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ [2]).

Подъ давленіемъ всѣхъ этихъ условій, а также высказывавшагося въ литературѣ съ замѣчательнымъ единодушіемъ, обще-

---

[1]) Отчетъ князя Трубецкого 1862 г. (Дѣла гл. Совѣта).

[2]) Засѣданіе гл. Сов. 8 сент. 1862 г.

ственнаго мнѣнія противъ дѣйствовавшей почти сто лѣтъ закрытой системы институтовъ, о чемъ оно впервые, въ концѣ 50-хъ годовъ, получило возможность открыто говорить, главный Совѣтъ старался удовлетворить требованіямъ общества. Въ 1860 году, по поводу принесенной Принцу ковенскими евреями-мѣщанами жалобы на то, что виленскій военный губернаторъ, Назимовъ, не позволилъ имъ посылать своихъ дѣтей въ только-что тогда открытыя въ краѣ женскія училища [1]), въ главномъ Совѣтѣ возникъ вопросъ о допущеніи евреекъ своекоштными пенсіонерками въ керченскій институтъ. Совѣтъ разрѣшилъ принимать ихъ подъ условіемъ, чтобы число предоставленныхъ еврейкамъ вакансій не превышало одной трети общаго при каждомъ выпускѣ числа вакансій, „если на остальныя двѣ трети явится полное число христіанокъ“ [2]).

По поводу сдѣланнаго главнымъ Совѣтомъ запроса, новороссійскій и бессарабскій генералъ-губернаторъ, графъ Строгановъ, высказался за допущеніе евреекъ въ институтъ; видя въ этомъ одно изъ средствъ сближенія евреевъ съ христіанами, „къ чему въ настоящее время стремятся всѣ правительства Европы“, онъ писалъ въ 1861 году: „кромѣ того, въ настоящее время на женщинъ смотрятъ уже иначе, нежели прежде; вліяніе ихъ отзывается на общественныхъ дѣлахъ; въ доказательство сошлюсь на Польшу, гдѣ во главѣ всѣхъ движеній стоитъ женскій полъ“. При такомъ условіи правильное образованіе женщинъ графъ Строгановъ признавалъ дѣломъ государственнымъ. „Но,—прибавлялъ онъ,—всякое нововведеніе, если оно не совмѣстно съ понятіями большинства, хотя бы даже и ошибочно вкоренившимися, нелегко принимается; въ особенности при теперешнемъ у насъ настроеніи критиковать всѣ распоряженія правительства я предвижу, что, быть можетъ, нѣкоторые дворяне, само собою разумѣется воспитывающіе дочерей своихъ

---

[1]) Назимовъ писалъ, что если разрѣшить совмѣстное воспитаніе евреекъ съ христіанками, то, по мѣстнымъ обстоятельствамъ края, христіане не будутъ посылать своихъ дѣтей въ женскія училища. Онъ считалъ это невозможнымъ еще и потому, что женскія училища въ Ковно и Гродно учреждены вмѣсто центральнаго института благородныхъ дѣвицъ преимущественно на пожертвованія дворянства.

[2]) Предсѣдатель Совѣта керченскаго института, контръ-адмиралъ Спицынъ, былъ того мнѣнія, что надо подождать, ибо въ послѣднее время,—писалъ онъ,—многіе изъ керченскихъ евреевъ-купцовъ всѣхъ трехъ гильдій обращаются въ Совѣтъ съ просьбою принять ихъ дѣтей въ институтъ, но такъ какъ число евреевъ, по случаю предоставленныхъ керченскому купечеству льготъ въ платежѣ гильдейскихъ повинностей, очень увеличилось, то если предоставить имъ безусловное право помѣщать дочерей въ институты, то недостанетъ мѣста для христіанокъ.

въ керченскомъ институтѣ на свой счетъ, по разрѣшеніи принимать туда евреекъ, возьмутъ ихъ обратно. Это не должно останавливать полезной реформы; боюсь только, чтобы правительство, при ропотѣ нѣкоторыхъ лицъ, не отмѣнило бы даннаго евреямъ права, ибо такая отмѣна будетъ гораздо чувствительнѣйшимъ ударомъ для всего еврейскаго племени, чѣмъ нынѣ существующее запрещеніе... Во всякомъ случаѣ признаю за счастливую мысль начать нововведеніе въ Керчи, гдѣ въ институтѣ воспитывается много дѣвицъ изъ семействъ почетныхъ гражданъ и купцовъ, имѣющихъ по своимъ торговымъ дѣламъ болѣе близкія связи съ евреями чѣмъ дворяне и, слѣдовательно, для нихъ не покажется слишкомъ щекотливымъ разрѣшеніе евреямъ воспитывать своихъ дѣтей въ институтѣ“ [1]).

Въ 1862 году были получены мнѣнія начальницъ по вопросу объ отпускахъ воспитанницъ изъ заведенія. Противъ отпусковъ высказались три начальницы, мотивируя свой отзывъ тѣмъ, что отпуски отнимутъ много времени отъ занятій и повредятъ успѣхамъ воспитанницъ, что нравственность въ семействахъ не всегда въ удовлетворительномъ состояніи (начальница петербургскаго Екатерининскаго института), что дѣти остаются на попеченіи прислуги, родители вывозятъ дочерей въ свѣтъ и доставляютъ имъ общественныя удовольствія, что „пристращаетъ дѣтей къ свѣтской пустотѣ и порождаетъ тщеславіе, а по возвращеніи въ институтъ онѣ знакомятъ съ этимъ и другихъ“ (начальница Астраханскаго института). Эти три начальницы просили оставить все попрежнему, отчасти и потому, чтобы не навлечь нареканій на институтское начальство.

Двадцать четыре начальницы были за отпуски. Въ числѣ приведенныхъ ими мотивовъ были: польза моральнаго вліянія семьи можетъ ослабить даже недостатки общественнаго воспитанія; отпуски сблизятъ воспитанницъ съ родною средою, а то онѣ теряютъ чувство семейной привязанности, не могутъ быть полезными членами семьи и становятся ей въ тягость, часто забываютъ о существованіи родителей не видя ихъ по цѣлымъ годамъ; если родители бѣдны и необразованны, у дочери является за нихъ ложный стыдъ; воспитанницы не могутъ составить себѣ понятія объ иномъ образѣ жизни какъ институтскій; соприкосновеніе съ практическою жизнью выведетъ ихъ изъ мечтательныхъ понятій о людяхъ, ихъ потребностяхъ и средствахъ существованія; онѣ быстрѣе достигнутъ развитія идей и знанія дѣй-

[1]) Дѣла гл. Совѣта. 1861.

ственной жизни, свыкнутся съ мыслью о необходимости постояннаго труда; по выходѣ вступятъ въ семью не совсѣмъ имъ чуждую и будутъ смотрѣть на окружающее сознательно, безъ робости и той „часто гибельной наивной довѣрчивости, которая столь свойственна воспитанницамъ закрытыхъ учебныхъ заведеній".

Въ мнѣніяхъ нѣкоторыхъ начальницъ была высказана мысль, что воспитанницы найдутъ въ родной семьѣ примѣръ тѣхъ качествъ, развитіе которыхъ въ дѣтяхъ составляетъ главную цѣль женскаго воспитанія, необходимыхъ супругѣ и матери, „покорныхъ волѣ Провидѣнія и способныхъ понимать и цѣнить священныя семейныя обязанности".

Впрочемъ шесть начальницъ (институтовъ: полтавскаго, московскаго Екатерининскаго, московскаго Александровскаго, Восточной Сибири, Закавказскаго) высказали опасеніе относительно продолжительныхъ отпусковъ на каникулы, ибо: родители большей частью не имѣютъ правильнаго взгляда на нравственное и умственное воспитаніе; это доказывается тѣмъ, что многія дѣти поступаютъ не зная молитвъ, съ привычками и развитіемъ, несвойственными возрасту; пребываніе у такихъ родителей особенно вредно отозвалось бы на воспитанницахъ старшаго возраста. „Онѣ—сказано въ одномъ изъ мнѣній—въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль совершенно потеряютъ изъ виду начальство, а черезъ то неминуемо должно пострадать нравственное воспитаніе, требующее постояннаго и бдительнаго надзора", могутъ заразиться и дурными примѣрами въ семьѣ и перенести заразу въ институтъ; потеряютъ навыкъ заниматься пользуясь родительской слабостью и домашнею свободою.

Поэтому эти шесть начальницъ находили возможнымъ ограничить отпуски праздниками и воскресеньями, потому что „недолгое пребываніе и въ дурной семьѣ не принесетъ особеннаго вреда"; но онѣ полагали необходимымъ, къ родителямъ „живущимъ въ крайней бѣдности", дѣтей отпускать не иначе, какъ съ начальницей или довѣреннымъ отъ нея лицомъ, а не съ посторонними людьми, полагая, что это „можетъ возжечь въ молодомъ воспріимчивомъ сердцѣ чувства болѣе благородныя, чѣмъ ложный стыдъ, возбуждаемый отъ неожиданнаго соприкосновенія съ бѣдностью".

Одиннадцать начальницъ высказывались, наоборотъ, противъ кратковременныхъ отпусковъ, имѣя въ виду то, что воспитанницы увидятъ не будничную, а праздничную обстановку семьи.

Начальница Николаевскаго сиротскаго института, предста-

вивъ списокъ отпущенныхъ съ разрѣшенія императрицы еще въ 1857 году и затѣмъ пользовавшихся каждый годъ во время каникулъ отпусками воспитанницъ, засвидѣтельствовала, что такіе отпуски очень полезны въ нравственномъ и физическомъ отношеніяхъ.

Противъ еженедѣльныхъ отпусковъ были приведены мнѣнія: такіе отпуски „замедлятъ успѣхи въ наукахъ, воспитанницы будутъ возвращаться въ заведеніе неохотно, будутъ тяготиться уроками; если отпускать до обѣдни, то воспитанницы лишатся поучительнаго слова законоучителя, а пожалуй и совсѣмъ не будутъ присутствовать въ церкви“. Нѣкоторыя начальницы полагали отпускать по воскресеньямъ лишь въ видѣ награды и лишать отпуска въ видѣ наказанія.

Нѣкоторыя изъ начальницъ предлагали не пускать къ родителямъ воспитанницъ, достигшихъ пятнадцати лѣтъ, т.-е. двухъ послѣднихъ классовъ, основываясь на томъ, что въ этомъ возрастѣ образуется характеръ, „внѣшнія впечатлѣнія живо дѣйствуютъ на воображеніе и нѣсколько недѣль пребыванія внѣ заведенія, нерѣдко въ знакомствѣ не съ должною разборчивостью выбраннымъ, можетъ причинить неисправимый вредъ... Что всего хуже, воспитанницы явятся въ институтъ съ идеями новыми, неясными, ложными, опасными для другихъ дѣвицъ и такимъ образомъ внесутъ въ заведеніе духъ и понятія, несогласныя съ цѣлями воспитанія“... По мнѣнію этихъ начальницъ, вліяніе семейнаго быта до пятнадцати лѣтъ „слишкомъ достаточно для дѣвицъ“, а въ послѣдніе два года лѣтнія каникулы съ успѣхомъ можно употребить на серьезныя занятія съ воспитанницами, чтеніе сочиненій русскихъ и иностранныхъ писателей, для чего во время курса мало времени.

Восемь начальницъ полагали предоставить имъ всецѣло право разрѣшать отпуски, или отказывать въ нихъ, той или другой воспитанницѣ „смотря по большей или меньшей степени увѣренности въ томъ, что увольняемыя дѣвицы найдутъ въ семействахъ тоже нравственное направленіе, какое установлено въ заведеніи“. Отвѣтственность за послѣдствія отпусковъ должна, по мнѣнію этихъ начальницъ, лежать на начальницахъ, ибо „прямая обязанность ихъ знать не только нравственность ввѣренныхъ имъ воспитанницъ, но и то, насколько имъ могутъ быть вредны или полезны отпуски“.

Противъ этого мнѣнія высказались четыре начальницы. Онѣ боялись упрека въ произволѣ, такъ какъ „не имѣя ближайшаго знакомства съ потребностями семейной жизни родителей, невоз-

можно взять на себя оцѣнку нравственнаго ихъ характера". По ихъ мнѣнію, начальницы не имѣютъ даже на это право. Къ тому же, отказывать въ отпускѣ дѣтей къ нѣкоторымъ родителямъ значитъ публично заявлять невыгодное о нихъ мнѣніе и этимъ наносить тяжкое оскорбленіе какъ родителямъ, такъ и дѣтямъ. Предпочтеніе нѣкоторымъ изъ нихъ, безъ всякой видимой причины, дастъ широкій просторъ обвиненіямъ въ пристрастіи, отъ чего можетъ пострадать нравственное достоинство начальницы и общественное къ ней довѣріе. По всему этому, четыре начальницы просили освободить ихъ отъ всякой отвѣтственности за всѣ случайности, которымъ могутъ подвергнуться воспитанницы во время отпуска, и возложить ее на родителей [1]).

Разсмотрѣвъ въ засѣданіи 17 марта всѣ отзывы начальницъ, главный Совѣтъ постановилъ: 1) отпускать на лѣтнія каникулы всѣхъ воспитанницъ, кромѣ послѣднихъ двухъ классовъ, которыя должны въ лѣтніе мѣсяцы пополнять свое образованіе чтеніемъ русскихъ и иностранныхъ книгъ подъ руководствомъ начальства; исключеніе изъ этого правила можетъ быть допущено лишь для слабыхъ здоровьемъ воспитанницъ по удостовѣреніямъ о томъ институтскаго врача; 2) увольнять въ дома родителей, семейныхъ родныхъ братьевъ и сестеръ; сиротъ и въ семейства опекуновъ; къ прочимъ же роднымъ или постороннимъ лицамъ разрѣшается отпускать лишь воспитанницъ младшаго возраста по усмотрѣнію начальницъ и съ письменнаго согласія ближайшихъ, имѣющихъ на то право, родныхъ; 3) разрѣшеніе отпусковъ предоставить начальницамъ, которыя, если имѣютъ на то причины, могутъ и обязаны не увольнять нѣкоторыхъ воспитанницъ изъ заведенія; 4) обязать родителей имѣть для дѣвицъ во время отпуска свою одежду и бѣлье; брать ихъ изъ заведенія и привозить обратно самимъ или черезъ довѣренныхъ лицъ; не вывозить дѣтей далѣе родственнаго круга, въ особенности же не возить на публичныя гулянья и танцовальные вечера съ платою за входъ; 5) не отпускать воспитанницъ къ лицамъ, не исполняющимъ этихъ требованій, а также лишать отпуска воспитанницу, измѣнившуюся во время его къ худшему въ нравственномъ отношеніи; если бы такая воспитанница, сверхъ того, стала производить на сверстницъ вредное вліяніе, то разрѣшалось даже совсѣмъ исключить ее изъ заведенія „ибо—сказано въ постановленіи главнаго Совѣта—лица, бравшія дѣвицу въ отпускъ, по справедливости должны отвѣтствовать за нравствен-

[1]) Засѣданіе гл. Совѣта 17-го марта 1862 г.

ную ея порчу"; 6) допустить настоящую мѣру лишь временно, на два года, съ тѣмъ, чтобы потомъ, по указаніямъ опыта, войти въ окончательныя по оной соображенія.

По волѣ Императрицы Маріи Александровны заключеніе главнаго Совѣта было измѣнено и составленныя имъ правила утверждены императрицею 12 мая 1862 года съ слѣдующими дополненіями: 1) Всю отвѣтственность за послѣдствія отпусковъ возложить на начальницъ заведеній, отъ которыхъ будетъ зависѣть согласиться на увольненіе дѣвицы или отказать ей въ отпускѣ, при чемъ имъ предоставляется въ сомнительныхъ случаяхъ совѣтоваться съ прочими членами мѣстныхъ Совѣтовъ; 2) отпуски считать мѣрою поощренія, или наградою для дѣвицъ за успѣхи въ наукахъ и хорошее поведеніе; 3) новую мѣру объ отпускахъ впредь до времени нигдѣ оффиціально не публиковать отъ вѣдомства Императрицы Маріи, чтобы чрезъ то не вызывать родителей брать къ себѣ дѣтей изъ заведенія, и 4) не увольнять воспитанницъ въ отпускъ лишь въ послѣдній годъ ихъ пребыванія въ заведеніи [1]).

По истеченіи двухлѣтняго опытнаго срока, въ концѣ 1863 г., главному Совѣту были представлены мнѣнія начальницъ объ оказанномъ на воспитанницъ вліяніи отпусковъ. Указанныя нѣкоторыми изъ нихъ дурныя стороны обнаружились въ томъ, что нѣкоторыя воспитанницы старшаго возраста, проведя время отпуска „въ праздности и безъ всякаго благоразумнаго надзора и направленія, отвыкли отъ регулярной институтской жизни, обнаруживали разсѣянность, строптивость, самонадѣянность, грубость въ обращеніи и выраженіяхъ, отсталость особенно въ иностранныхъ языкахъ и музыкѣ... въ первые дни по возвращеніи такое отвращеніе къ ученію, что нужно было много времени, труда и терпѣнія, чтобы возвратить ихъ къ сознанію своего долга и примирить съ обычнымъ порядкомъ институтской жизни.

Въ оставшихся на лѣто въ институтѣ воспитанницахъ было возбуждено чувство скорби и недовольства своимъ положеніемъ.

По словамъ начальницы московскаго Екатерининскаго института многіе родители заявляли ей, что берутъ дѣтей только потому, чтобы онѣ не упрекнули ихъ въ равнодушіи. Болѣе 25-ти воспитанницъ, въ томъ числѣ и своекоштныя пансіонерки, не вернулись къ сроку, а 9 совсѣмъ не возвращены въ институтъ; большая часть родителей — говорила начальница московскаго Екатерининскаго института — люди безъ образованія и многія

---

[1]) Пятидесятилѣтіе, стр. 338.

дѣти почти забыли читать по-французски. Она думаетъ, что нѣкоторые родители вывозили дочерей на публичныя гулянья и въ собранія, „хотя часто, въ присутствіи дочерей, увѣряютъ, что никуда ихъ не вывозили“. Свое предположеніе начальница основываетъ на томъ, что „нѣкоторыя дѣвицы съ трудомъ возвращаются къ закрытой жизни“. Лѣность очень усилилась между воспитанницами—писала она—„нѣкоторыя признаются, что буквально ничѣмъ не занимались, что скучно заниматься“. Не всѣ родители, по ея словамъ, наблюдали за выборомъ книгъ для чтенія; сиротъ брали родственники, но позволяли имъ жить у другихъ, неизвѣстныхъ лицъ. По свидѣтельству начальницы, изъ ста воспользовавшихся отпускомъ дѣвицъ только для двадцатипяти они не имѣли дурныхъ послѣдствій. Она описываетъ, какъ хорошо провели время въ институтѣ тѣ воспитанницы, которыя не уѣзжали изъ него: классныя дамы имъ читали, диктовали, вели съ ними полезные разговоры, онѣ работали въ саду „всего 4 часа изъ 24-хъ“, бѣгали, качались на качеляхъ, рѣзвились въ волю, сама начальница разсказывала имъ исторіи, „большей частью касавшіяся сюжетовъ изъ практической жизни“. Впрочемъ, лѣтомъ была корь, а „теперь“ скарлатина—прибавляла она.

По мнѣнію начальницы московскаго Александровскаго училища слѣдовало бы не отпускать домой воспитанницъ трехъ послѣднихъ классовъ, начиная съ 16-ти-лѣтняго возраста, а въ видѣ вознагражденія за это лишеніе возить ихъ въ соборъ, Кремль, музей. Вредная сторона отпусковъ для такихъ воспитанницъ, по ея мнѣнію заключается и въ томъ, что „теряется время, нужное для шитья платья, бѣлья, вообще всего, что воспитанницы старшихъ классовъ должны шить; уѣзжая изъ института, онѣ не обучаются церковному пѣнію, что обыкновенно бываетъ во время каникулъ, а стройное пѣніе въ храмѣ способствуетъ религіозному настроенію“.

Въ удостовѣреніе вреда, происходящаго отъ отпуска воспитанницъ старшихъ классовъ, начальница харьковскаго института представила главному Совѣту письмо одной матери къ 15-тилѣтней дочери, которой оставалось пробыть въ институтѣ еще два года. Въ этомъ письмѣ, не переданномъ начальницею воспитанницѣ, мать послѣдней писала ей о молодомъ купцѣ, который просилъ ея руки. Совѣтуя дочери принять предложеніе, мать пишетъ: „съ нашимъ состояніемъ нельзя ожидать жениховъ Аристократовъ потому что и пустого приданаго незачто здѣлать; да Богъ не далъ вамъ, моимъ бѣднымъ, и красоты, а ити за кого-нибудь лишь бы выйти не дай Богъ, лучше одной

терпѣть бѣдность и горе, чѣмъ заставить цѣлую семью терпѣть, что я знаю по опыту и отъ всей души желала бы отвратить отъ васъ подобную участь. Да въ нонишнемъ свѣтѣ кто богатъ, тому только и житье и ужъ кому лучше жить какъ не купчихамъ. А главное хорошо еще, что онъ тридцати лѣтъ, слѣдовательно его характеръ уже установился, то женившись на такой молоденькой, онъ ужъ не будетъ искать развлеченій внѣ дома, какъ это дѣлаютъ вообще молодые люди, женятся и сейчасъ же скучаютъ и сами наслаждаются жизнью и внѣ дома проживаютъ послѣднее состояніе, а жену оставляютъ одну часто терпѣть нужду, такъ что какъ не любила такого мужа, жена его постараится убить всякое чувство и дѣлаются втягость одинъ другому; а добраго человѣка, какихъ бы лѣтъ онъ ни былъ, можно полюбить за его любовь и преданность... А кроме своихъ выгодъ сколько можно дѣлать добра имѣючи состояніе. Да благословитъ тебя Богъ, моя дорогая и да внушитъ самъ тебѣ свою волю"... Въ заключеніе мать говоритъ, что если дочь приметъ предложеніе купца, то можно порѣшить дѣло во время будущихъ каникулъ, не ожидая окончанія дочерью курса.

—Начальница московскаго Николаевскаго сиротскаго института такъ характеризуетъ институтскую жизнь: „тихая, безмятежная, наиболѣе способствующая успѣшному ходу учебныхъ занятій, но, по необходимости, однообразная и болѣе или менѣе искусственная". Такъ какъ въ Николаевскомъ институтѣ всѣ воспитанницы сироты, то, по ея мнѣнію, видѣнная ими во время отпуска бѣдность благотворно на нихъ дѣйствуетъ и онѣ больше цѣнятъ даровое образованіе; „но та же бѣдность — прибавляетъ она—въ большинствѣ случаевъ имѣетъ спутникомъ крайне ограниченное образованіе, при которомъ вліяніе домашней среды далеко не всегда соотвѣтствуетъ видамъ и стремленіямъ института". Она также говоритъ, что родственники вывозили воспитанницъ въ публичныя увеселительныя мѣста и не слѣдили за книгами, которыя онѣ читали, а между тѣмъ такое чтеніе безъ руководства приноситъ „опасный и зловредный плодъ". Поэтому она предлагала отпускать только воспитанницъ приготовительныхъ классовъ, а изъ другихъ лишь по экстреннымъ случаямъ и притомъ въ семейства, „довольно близко ей самой извѣстныя".

Другія начальницы предлагали, наоборотъ, отпускать воспитанницъ только среднихъ классовъ, находя отпуски вредными для двухъ младшихъ, ибо ихъ привозятъ въ январѣ и даже позже не умѣющими читать и едва онѣ станутъ привыкать къ институтскому порядку, „выучатся порядочно ходить, переста-

нуть плакать отъ книги", а въ іюнѣ ихъ надо отпускать домой. Онѣ забываютъ то, чему выучились, и возвращаются „съ ужаснымъ произношеніемъ". Поэтому многія изъ нихъ остаются еще на второй годъ въ одномъ и томъ же классѣ. Но всѣ начальницы признавали отпуски полезными въ экономическомъ отношеніи.

Хорошія стороны отпусковъ по наблюденіямъ начальницъ оказались въ томъ, что, опасаясь лишенія отпуска, дѣти съ большей готовностью и охотою исполняютъ свои обязанности. „Прежде лѣнивыя стали прилежны, кротки, послушны, разсудительнѣе, осмотрительнѣе"; онѣ обнаруживаютъ больше родственныхъ чувствъ, стараются доставить роднымъ удовольствіе рисунками и рукодѣліями; проявляютъ больше привязанности къ заведенію и „менѣе нетерпѣливаго желанія покинуть его"; небогатыхъ, отпуски „исцѣлили отъ ложнаго самолюбія и крайней обидчивости"; воспитанницы стали въ своемъ обращеніи естественнѣе и откровеннѣе, отстали отъ „причудливыхъ манеръ, странныхъ понятій и той скрытности, которая такъ свойственна воспитанницамъ замкнутыхъ заведеній". Онѣ въ сужденіяхъ и поступкахъ откровенно выясняли свой характеръ и тѣмъ давали возможность усердной и внимательной воспитательницѣ дѣйствовать на дѣтскіе нравы и наклонности. Отпуски благодѣтельны и потому, что сближаютъ дѣтей съ родителями; наглядное знакомство съ нуждами и потребностями среды, въ которой онѣ будутъ жить, изглаживаетъ ту „односторонность взгляда, которая обусловливается однообразіемъ болѣе или менѣе искусственной институтской жизни"; видя скудныя по большей части средства родителей, дѣти во-время узнаютъ, что ихъ ждетъ и что онѣ должны будутъ трудиться. Недостатки домашняго быта „возвышаютъ въ ихъ глазахъ благодѣяніе институтскаго воспитанія". Освѣженныя пребываніемъ въ родительскихъ домахъ, дѣти принимаются за ученіе усерднѣе, внимательнѣе и легче усвоиваютъ его; онѣ скоро нагнали упущенное время въ иностранныхъ языкахъ и музыкѣ и вообще обнаружили большую воспріимчивость отдохнувшихъ способностей. Физическія силы ихъ замѣтно укрѣпились; дѣти стали свѣжѣе и бодрѣе, менѣе въ теченіе года подвергались болѣзнямъ чѣмъ тѣ, которыя оставались въ заведеніи.

Начальницы свидѣтельствовали, что сами родители видятъ въ отпускахъ благодѣяніе; это доказывается приливомъ пенсіонерокъ послѣ разрѣшенія отпускать домой воспитанницъ на лѣто, и еслибы отпуски были отмѣнены, то родители были бы чрезвычайно этимъ огорчены.

Такимъ образомъ почти всѣ начальницы (24 изъ 27-ми) признали отпуски скорѣе полезными, чѣмъ вредными, и не могли указать ни одного серьезнаго случая, который заставилъ бы усомниться въ ихъ пользѣ.

Три начальницы, высказавшіяся противъ отпусковъ, мотивировали свое мнѣніе тѣмъ, что пока еще незамѣтно ухудшеніе въ нравственности бывшихъ въ отпуску воспитанницъ, нельзя и судить о вліяніи слышанныхъ ими разговоровъ и сужденій въ обществѣ, среди котораго онѣ вращались. „Я, какъ начальница —писала начальница петербургскаго Екатерининскаго института—никакъ не возьму на себя отвѣтственность за послѣдствія отпусковъ по совершенной невозможности слѣдить за тѣмъ направленіемъ, которое дѣвицы могли получить въ домахъ „вдали отъ института. Невозможно предположить, чтобы всѣ родители, а въ особенности родственники или опекуны, были бы въ состояніи и желали бы слѣдить за правильнымъ нравственнымъ образованіемъ дѣтей".

Начальница московскаго Екатерининскаго училища настаивала на томъ, чтобы отпуски были разрѣшены лишь для среднихъ двухъ (5 и 4-го) классовъ. „По крайней мѣрѣ—писала она—эти воспитанницы не станутъ заниматься чтеніями вредными и разсужденіями съ братьями и родственниками, ничего не понимающими о томъ, чего она сама не понимаетъ".

Начальница астраханскаго института заявила, что такъ какъ не велѣно было оффиціально публиковать и объявлять объ отпускахъ, то она разрѣшала ихъ только по болѣзни къ ближайшимъ родственникамъ.

Нѣкоторыя изъ начальницъ были за сокращеніе времени отпуска; однѣ думали, что достаточно отпускать на три или четыре недѣли въ году; другія находили нужнымъ предоставить начальницамъ право сокращать сроки отпусковъ какъ мѣру наказанія, третьи—отпускать не на лѣтнія вакаціи, а на Рождество и Пасху.

Начальница дѣвичьяго института восточной Сибири, бывшая прежде противъ отпусковъ, измѣнила свое мнѣніе, видя на опытѣ „патріархальность купеческихъ семействъ и труженическую жизнь бѣдныхъ чиновниковъ". Она пришла къ убѣжденію, что если воспитанницы видѣли и слышали въ семьяхъ что-либо дурное, то оно являлось въ такой грубой оболочкѣ, что могло, по ея мнѣнію, „внушить только состраданіе къ несчастнымъ и отвращеніе къ самому дѣлу". Поэтому она предлагала отпускать воспитанницъ не только на лѣтнія каникулы, но и въ теченіе года,

на неопредѣленные сроки, ссылаясь при этомъ на удовольствіе, которое такіе отпуски доставили бы богатымъ купеческимъ семьямъ, которыя—писала она—„неохотно разстаются съ дѣтьми и лучше согласны видѣть ихъ съ весьма ограниченными познаніями, нежели не видаться съ ними долго“. Она прибавляла, что и небогатые родители просили отпускать къ нимъ дѣтей въ теченіе года для того, чтобы онѣ могли заниматься въ это время съ меньшими братьями и сестрами [1]).

Разсмотрѣвъ всѣ эти отзывы и обративъ вниманіе на то, что и начальницы Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ и Александровскаго училища, бывшія прежде противъ отпусковъ, теперь, на основаніи двухлѣтняго опыта, признали ихъ полезными, главный Совѣтъ постановилъ свое рѣшеніе, въ которомъ говоря, что не только полезно, но необходимо обновлять отъ времени до времени силы дѣтей небольшимъ отдыхомъ, полагалъ предоставить начальницамъ право лишать отпусковъ тѣхъ воспитанницъ, на которыхъ невыгодно отразилось чтеніе книгъ безъ разбора. Въ этомъ случаѣ „самою лучшею мѣрою—по мнѣнію главнаго Совѣта — было бы развитіе въ воспитанницахъ нравственнаго чувства, природнаго здраваго смысла и способности отличать истинное отъ ложнаго“.

По поводу указанныхъ нѣкоторыми начальницами дурныхъ послѣдствій отпусковъ, главный Совѣтъ пришелъ къ рѣшенію что „замѣченные начальницами недостатки составляютъ зло меньшее, чѣмъ совершенное отчужденіе дѣтей отъ родной семьи“. Поэтому онъ постановилъ представить на утвержденіе императрицы одобренныя уже ею въ 1862 году временныя правила объ отпускахъ дополнивъ ихъ слѣдующими: 1) лица, берущія воспитанницъ на каникулы, обязуются отнюдь не передавать ихъ не только своимъ знакомымъ, но даже и родственникамъ, безъ разрѣшенія на то институтскаго начальства, подъ опасеніемъ немедленнаго отобранія отъ нихъ воспитанницы или исключенія ея изъ заведенія; 2) предоставить начальницамъ безусловное право сокращать, по личному ихъ усмотрѣнію, время отпуска тѣмъ дѣвицамъ, для которыхъ это окажется необходимымъ, по извѣстнымъ начальницамъ причинамъ, въ силу которыхъ она уже и въ опытные два года имѣла право лишить дѣвицу вовсе отпуска, не давая никому въ томъ отчета; 3) напечатать настоящія правила и объявить оныя къ руководству, равно включить ихъ въ уставъ женскихъ учебныхъ заведеній при предстоящемъ новомъ его изданіи.

[1]) Дѣла Гл. Сов. 1862—1864 г.г.

Эти правила были одобрены императрицею и Высочайше утверждены 17-го мая 1864 года [1]).

Такимъ образомъ, ровно черезъ сто лѣтъ послѣ учрежденія Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ на началахъ закрытой и сословной системы воспитанія, эта система была отмѣнена и единодушно, правительствомъ и обществомъ, признана вредною [2]).

Мало-по-малу измѣнялся взглядъ правительства и на другіе вопросы, касавшіеся такихъ сторонъ институтской жизни, которыя, въ теченіе цѣлаго столѣтія, считались непоколебимыми устоями женскаго воспитанія.

При учрежденіи въ 1859 году комиссіи для преобразованія коренныхъ началъ государственной отчетности, государь, на вопросъ комиссіи: слѣдуетъ ли примѣнить эти начала и къ вѣдомству учрежденій императрицы Маріи написалъ: „непремѣнно". Приступивъ въ 1862 году къ пересмотру хозяйственнаго и административнаго устройства закрытыхъ женскихъ учебныхъ заведеній, комиссія признала ненормальнымъ то, что при недостаточности заведеній для воспитанія круглыхъ сиротъ и при отсутствіи такихъ, гдѣ преимущественно воспитывались бы полусироты бѣдныхъ родителей, вѣдомство содержитъ до 1.500 казенныхъ вакансій, стоющихъ болѣе полумилліона рублей въ годъ и въ силу установившихся правилъ о баллотировкѣ, замѣщающихся почти исключительно дѣтьми, имѣющими и отца и мать. Кромѣ того, допуская въ институты своекоштными пепсіонерками дочерей не только достаточныхъ, но и богатыхъ родителей, съ нихъ берется плата, покрывающая наполовину, въ рѣдкихъ случаяхъ двѣ трети, идущихъ на нихъ расходовъ, „какъ будто при существующемъ неудержимомъ стремленіи къ образованію, представляется еще необходимость въ такихъ же сильныхъ покровительственныхъ мѣрахъ, какія были нужны во времена императрицы Екатерины II" [3]).

Ненормальнымъ признала комиссія и то, что усилія вѣдом-

---

[1]) Уставъ женскихъ уч. зав. вѣд. учр. И. М. Выс. утв. 30 авг. 1855 г. съ послѣдующими дополненіями, измѣненіями, циркулярами, распоряженіями и предписаніями по 1 янв. 1884 г. Спб. 1884. Приложеніе къ § 119.

[2]) Еще въ 1858 году, при введеніи въ институтахъ новаго распредѣленія дня, начальница воспитательнаго Общества, Леонтьева, просила главный Совѣтъ отложить эту реформу до 1864 года, между прочимъ и съ тою цѣлью, чтобы, празднуя столѣтіе Общества, имѣть право сказать, что установленный императрицею Екатериною порядокъ, существуетъ сто лѣтъ. Но императрица Александра Ѳеодоровна велѣла ввести новый порядокъ немедленно.

[3]) Пятидесятилѣтіе, стр. 409.

ства были постоянно направлены на улучшеніе столичныхъ заведеній, а губернскія находились „какъ бы въ тѣни"; между тѣмъ губернскія заведенія нуждаются въ особомъ покровительствѣ „какъ вслѣдствіе относительно худого ихъ состоянія, такъ и въ виду значенія, которое имъ предлежитъ при быстромъ развитіи провинціальной жизни". Вреднымъ для интересовъ губернскихъ заведеній комиссія нашла многочисленность и сложность состава ихъ Совѣтовъ, члены которыхъ „всѣ, за исключеніемъ начальницы, имѣютъ другія занятія по прямымъ своимъ обязанностямъ, при чемъ званіе членовъ институтскихъ Совѣтовъ, какъ не приносящее никакихъ служебныхъ выгодъ, становится, для однихъ званіемъ почетнымъ, не влекущимъ за собою никакой отвѣтственности, а для другихъ—докучливымъ бременемъ, налагаемымъ на нихъ начальниками губерніи".

Съ освобожденіемъ крестьянъ, когда измѣнилось экономическое положеніе помѣщиковъ, а „съ введеніемъ мировыхъ и земскихъ учрежденій — говорила комиссія — свободные и зажиточные дворяне пожелали посвятить свои труды предпочтительно этимъ именно учрежденіямъ, какъ ближайшимъ къ ихъ личнымъ интересамъ", стало еще труднѣе пріисканіе такихъ лицъ, которыя пожелали бы отдавать свое время и труды на безвозмездное управленіе хозяйственной частью институтовъ.

Главный Совѣтъ при разсмотрѣніи доклада комиссіи, согласился съ нею и въ томъ, что „нѣтъ ничего вреднѣе для выгодъ самихъ заведеній, какъ дѣйствующее правило о порученіи главнымъ начальникамъ края, равно мѣстнымъ начальникамъ губерній, предсѣдательствованія въ институтскихъ Совѣтахъ. Не имѣя времени, чтобы достаточно предаться институтскимъ дѣламъ, губернаторы, въ качествѣ предсѣдателей Совѣтовъ, должны, однако, принимать на себя полную отвѣтственность за все, что̀ дѣлается въ заведеніяхъ". Такимъ образомъ, по признанію главнаго Совѣта—вмѣсто власти контролирующей, вмѣсто органа надзора, они становятся солидарными съ законными или незаконными дѣйствіями непосредственнаго институтскаго начальства. Эта солидарность, по мнѣнію Совѣта, „примиряетъ несогласія и предупреждаетъ столкновенія; но за то, съ другой стороны, она обыкновенно сообщаетъ общему теченію дѣлъ такую обманчивую гладкость, за которою дѣйствительность весьма легко скрывается отъ главноуправляющаго". Въ числѣ предложенныхъ комиссіею и одобренныхъ главнымъ Совѣтомъ мѣръ было также отдѣленіе казеннаго хозяйства институтовъ отъ хозяйства служащихъ въ нихъ, при чемъ постанов-

лено, чтобы столъ воспитанницъ получали только лица женскаго пола и чтобы изъ казенныхъ помѣщеній были выведены всѣ служащіе, постоянное пребываніе которыхъ при заведеніяхъ не необходимо, а откроющіяся при этомъ средства обратить на увеличеніе числа своекоштныхъ пенсіонерокъ.

По мнѣнію комиссіи, постоянно увеличивающіеся расходы на институты не должны падать исключительно на казну, а покрываться, хотя отчасти, пенсіонерною платою, которую и слѣдуетъ постепенно увеличивать до должнаго размѣра, и теперь же возвысить эту плату отъ 10 до 15%; точно также на казну не должна падать „тягостная для нея опека не только надъ дѣтьми достаточными, но и надъ такими, которыя имѣютъ своихъ естественныхъ покровителей". Поэтому она предлагала: предоставлять несиротамъ лишь одну треть всѣхъ казенныхъ вакансій и притомъ въ видѣ стипендій, т.-е. съ внесеніемъ родителями половины пенсіонерной платы; остальныя двѣ трети раздѣлить поровну между круглыми сиротами и полусиротами; совѣты губернскихъ институтовъ образовывать изъ трехъ лицъ: начальницы, инспектора классовъ и управляющаго хозяйственною частью, съ возложеніемъ на двухъ послѣднихъ непосредственной отвѣтственности за ввѣряемыя имъ части; отношенія членовъ Совѣта къ главнымъ начальникамъ края или къ мѣстнымъ начальникамъ губерній опредѣлить на общемъ основаніи, согласно положеніямъ объ этихъ должностяхъ, съ тѣмъ, чтобы начальникамъ края или губерній былъ порученъ ближайшій надзоръ за благосостояніемъ женскихъ учебныхъ заведеній; въ этихъ видахъ возложить на нихъ обязанность какъ можно чаще объѣзжать заведенія, „оказывать имъ покровительство, а также доносить главноуправляющему о замѣченныхъ ими безпорядкахъ или вредныхъ несогласіяхъ въ мѣстномъ управленіи".

Избраніе и утвержденіе члена по хозяйственно части комиссія полагала предоставить главноуправляющему; но относительно избранія инспектора классовъ, въ комиссіи возникло разногласіе: четыре ея члена предлагали возложить выборъ на конференцію изъ преподавателей, большинствомъ двухъ третей наличныхъ голосовъ, и безразлично—изъ своей ли среды или изъ постороннихъ педагоговъ лишь бы они отвѣчали условіямъ и качествамъ, опредѣленнымъ правилами, составленными главноуправляющимъ, отъ котораго зависитъ утвержденіе выбраннаго кандидата, или избраніе другого, по своему усмотрѣнію.

Въ главномъ Совѣтѣ также были высказаны разныя мнѣнія по этому вопросу. Шесть членовъ (большинство) и въ ихъ числѣ

предсѣдатель, считая „вообще неумѣстнымъ допускать избирательный принципъ тамъ, гдѣ дѣло идетъ о назначеніи прямого начальства надъ подчиненными“, признавали „рѣшительно невозможнымъ согласиться на такой способъ избранія тѣмъ болѣе, что начальство бываетъ иногда вынуждено назначать новыхъ инспекторовъ классовъ именно съ цѣлью измѣнить составъ учителей, гдѣ онъ оказывается не вполнѣ благонадежнымъ“ [1]).

Всѣ положенія комиссіи и главнаго Совѣта были одобрены императрицею; но она не взяла на себя рѣшеніе вопроса объ избраніи инспекторовъ классовъ. Государь, утвердивъ 17-го декабря 1866 года постановленія главнаго Совѣта, относительно этого вопроса согласился съ мнѣніемъ большинства [2]).

Тогда же были одобрены императрицею составленныя комиссіею табели о пенсіонерной платѣ въ женскихъ заведеніяхъ, которую положено привести въ дѣйствіе съ 1-го января 1867 г., а при разсмотрѣніи и утвержденіи смѣты вѣдомства на 1868-й годъ, подтверждено всѣмъ заведеніямъ „неуклонно слѣдовать Высочайшей волѣ, въ случаяхъ если проценты съ принадлежащихъ заведеніямъ благотворительныхъ капиталовъ, на счетъ которыхъ содержатся пенсіонерки, окажутся вслѣдствіе возвышенія платы недостаточными для содержанія полнаго, опредѣленнаго числа ихъ, то число это должно быть сокращаемо, или самый пріемъ остановленъ, пока капиталъ, съ присоединеніемъ къ нему процентовъ, не возростетъ до необходимаго размѣра“.

Съ введеніемъ семилѣтняго курса въ Воспитательномъ Обществѣ комплектъ воспитанницъ былъ сокращенъ съ 600 до 420, при чемъ половина вакансій должна была замѣщаться своекоштными пенсіонерками, для привлеченія которыхъ было предположено уменьшить плату съ 350 рублей до 300 [3]). Но это ожиданіе не оправдалось и число своекоштныхъ пенсіонерокъ въ теченіе пяти лѣтъ не превышало 120-ти. На представленіе начальницы Общества въ 1865 году о томъ, чтобы возвратиться къ установленному императрицею Маріею порядку, т.-е. чтобы число казенныхъ воспитанницъ составляло $^2/_3$ общаго ихъ числа, главный Совѣтъ, обсуждая вопросъ по волѣ императрицы Маріи Александровны, высказалъ мнѣніе, что при сокращеніи средствъ вѣдомства на цѣлый милліонъ „нельзя безъ крайней осторожности расширить кругъ благотворительности от-

[1]) Засѣданіе гл. Совѣта 29 авг. 1866 г.

[2]) Пятидесятилѣтіе, стр. 417.

[3]) На каждую воспитанницу полагалось по 73 рубля въ годъ на пищу и 33 р. 95 к. на одежду.

крытіемъ новыхъ безплатныхъ вакансій, тѣмъ болѣе въ учебномъ заведеніи, гдѣ и безъ того половина всего числа воспитанницъ на казенномъ содержаніи стоитъ каждая дороже чѣмъ въ другихъ заведеніяхъ и куда открытъ доступъ лишь для привиллегированныхъ сословій, слѣдовательно болѣе или менѣе обезпеченныхъ... что если вѣдомство призвано удовлетворять вопіющей потребности призрѣнія сиротъ и воспитанія дочерей лицъ неимущихъ, для которыхъ безплатныя вакансіи составляютъ едва $^1/_4$ и даже $^1/_5$ часть общаго комплекта, то тѣмъ болѣе оно должно быть разборчивымъ въ распредѣленіи своихъ средствъ между заведеніями, чѣмъ эти средства стали меньше... Уменьшеніе на милліонъ рублей суммы пособія отпускаемаго вѣдомству отъ казны, ежедневно возрастающія нужды заведеній, дороговизна, все это— говорилъ Совѣтъ—рано или поздно поставитъ вѣдомство въ необходимость ограничить кругъ своей благотворительности пособіемъ лишь такимъ заведеніямъ, которыя учреждены исключительно для сиротъ и для воспитанія дѣтей изъ бѣднѣйшихъ классовъ, а прочимъ предоставить содержаться доходами съ капиталовъ заведеній и сборовъ съ пенсіонерокъ".

Тѣмъ не менѣе въ 1866 году было Высочайше разрѣшено увеличить число казенныхъ воспитанницъ въ Воспитательномъ Обществѣ до 280-ти; новыя 70 вакансій должны были замѣщаться наполовину: 35 по баллотировкѣ и столько же присоединены къ числу пенсіонерокъ Высочайшаго имени.

По поводу сдѣланнаго министромъ императорскаго двора заявленія о томъ, чтобы его извѣщали объ открывающихся въ институтахъ вакансіяхъ пенсіонерокъ имени государя, для доклада о распредѣленіи этихъ вакансій „между дочерьми лицъ, приближенныхъ къ особѣ Его Величества", Принцъ объяснилъ, что въ кандидатскіе списки на такія вакансіи вносятся или дочери дѣйствительно бѣдныхъ родителей, или такія, за которыхъ просятъ особы царской фамиліи, министры „и другія лица, облеченныя царскимъ довѣріемъ и имѣющія въ своемъ управленіи отдѣльныя части". Изъ внесенныхъ въ такіе списки въ 1865 году только 64% были помѣщены собственно пенсіонерками имени государя, а 36% приняты по баллотировкѣ или на мѣста, оставляемыя для чрезвычайныхъ случаевъ, или на благотворительные капиталы; такой порядокъ, по мнѣнію Принца, долженъ будетъ измѣниться, если замѣщеніе вакансій будетъ подлежать министру императорскаго двора; „слѣдовательно—говорилъ Принцъ—изъ всего числа родителей, дѣти которыхъ будутъ приниматься на безплатное содержаніе, 36% не будутъ обязаны этою милостью

исключительно щедротамъ своего Монарха". По заключенію Принца для родителей безразлично — на чей счетъ ихъ дочери будутъ приняты въ заведеніе, „но дорого то, что, въ минуту тяжкаго ожиданія, къ нимъ приходитъ вѣсть, что образованіе ихъ дитяти обезпечено Самимъ Государемъ" [1]).

По этому докладу состоялось 2 іюля 1865 года Высочайшее повелѣніе принять на общія суммы вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи всѣхъ пенсіонерокъ имени государя, содержимыхъ въ заведеніяхъ вѣдомства на кабинетскія средства съ тѣмъ, чтобы эти пенсіонерки назывались пенсіонерками государя и чтобы такія вакансіи замѣщались по докладамъ главноуправляющаго.

Свое рѣшеніе объ открытіи новыхъ 70-ти казенныхъ вакансій въ Обществѣ благородныхъ дѣвицъ, главный Совѣтъ мотивировалъ тѣмъ, что „по предназначенію Воспитательнаго Общества для дѣвицъ изъ семействъ высшаго сословія, туда поступаютъ дочери владѣльцевъ населенныхъ имѣній. Со времени освобожденія крестьянъ всѣ экономическія условія измѣнились и пока въ помѣстьяхъ не водворится прочный порядокъ, долженствующій вознаградить убытки, владѣльцы крайне стѣснены въ средствахъ. И съ этой точки зрѣнія желательно увеличеніе казенныхъ вакансій въ Обществѣ". Согласно предложенію Принца, главный Совѣтъ высказалъ, однако, желаніе, чтобы при первой возможности число безплатныхъ мѣстъ въ Обществѣ дошло до первоначальнаго комплекта въ 300 воспитанницъ [2]).

Въ Александровскомъ училищѣ, напротивъ, своекоштныхъ пенсіонерокъ въ 1864 году было болѣе, нежели полагалось по штату (133 вмѣсто 105). Поэтому Совѣтъ Воспитательнаго Общества въ этомъ году предложилъ увеличить комплектъ своекоштныхъ пенсіонерокъ до 160-ти, что вмѣстѣ съ 140 казенными воспитанницами составляло бы общее число 300. Въ своемъ представленіи Совѣтъ говорилъ, что это нужно „для доставленія бѣднымъ родителямъ возможности дать образованіе дѣтямъ, и для института выгодно", ибо считая за пенсіонерку по 200 рублей въ годъ, плата съ 55-ти новыхъ пенсіонерокъ доставила бы ему 11.000 р. въ годъ. Изъ этой суммы только половина, по словамъ Совѣта, пойдетъ на содержаніе пенсіонерокъ, а другая половина, т.-е. 5.500 р. въ годъ, будетъ употреблена на общіе расходы по заведенію.

---

[1]) Пятидесят. 391.

[2]) Дѣла гл. Совѣта. 1866 г.

Въ 1864 году, ровно черезъ сто лѣтъ послѣ основанія Воспитательнаго Общества, состоялось отдѣленіе отъ него Александровскаго училища (бывшей мѣщанской половины). По волѣ Императрицы Маріи Александровны главному Совѣту поручено было разсмотрѣть вопросъ: не полезно ли раздѣлить Воспитательное Общество съ 720-ти воспитанницами и назначить особую начальницу въ Александровское училище, по примѣру Патріотическаго института и Елизаветинскаго училища? По этому поводу главный Совѣтъ высказалъ слѣдующія соображенія: „знакомство съ внутреннею жизнью закрытыхъ женскихъ учебныхъ заведеній давно привело къ убѣжденію, что воспитанницы только тогда могутъ преуспѣть въ нравственномъ развитіи, когда отношенія къ нимъ начальницы основаны, по возможности, на началахъ семейныхъ, т.-е. когда она дѣйствительно, во всѣхъ случаяхъ, замѣняетъ дѣтямъ родную мать. Она должна привязать ихъ къ себѣ неукоснительнымъ терпѣніемъ, кротостью, ежеминутной заботливостью... Безъ этого начальница не можетъ быть способна къ исправленію характеровъ строптивыхъ или испорченныхъ внѣшними, до-институтскими обстоятельствами... Обучать можно тысячами, а воспитывать въ одномъ заведеніи слѣдуетъ въ возможно ограниченномъ числѣ—говорилъ Совѣтъ—иначе раціональное образованіе характера воспитанницъ сообразно съ личными свойствами каждой изъ нихъ, невозможно. Вмѣстѣ съ тѣмъ положено назначить и особаго инспектора классовъ для Александровскаго училища.

Намѣстникъ Кавказа, великій князь Михаилъ Николаевичъ, просилъ главный Совѣтъ увеличить комплектъ въ закавказскомъ институтѣ, потому что установленный въ 1856 году комплектъ въ 140 воспитанницъ (изъ нихъ 80 своекоштныхъ) не удовлетворяетъ и трети желающихъ помѣстить своихъ дочерей. Но несмотря на „сильное стремленіе высшаго и средняго сословій къ отдачѣ дѣтей въ институтъ", которому „край не помогалъ своими способами", а взносъ съ пенсіонерокъ (150 р. въ годъ) не покрываетъ и половины издержекъ [1]), великій князь не считалъ возможнымъ увеличить пенсіонерную плату, говоря, что „послѣ уничтоженія крѣпостного права, дворянство края, и безъ того бѣдное, еще болѣе нуждается въ облегченіи. Институтъ же вліяетъ на смягченіе нравовъ".

Въ 1865 году было сокращено число воспитанницъ петер-

[1]) Въ 1865 году расходы института простирались до 56000 р. въ годъ, а плата съ своекоштныхъ пенсіонерокъ составляла всего 12000 р.

бургскаго Николаевскаго сиротскаго института посредствомъ размѣщенія 210-ти въ губернскія женскія учебныя заведенія пенсіонерками опекунскаго Совѣта. При возбужденіи этого вопроса во время пересмотра уставовъ женскихъ заведеній вѣдомства въ 1861 году, Правленіе николаевскаго института представило, что институтъ по своей цѣли есть спеціальное педагогическое учрежденіе для приготовленія наставницъ дѣтей преимущественно въ губерніяхъ, что каждый годъ изъ него выпускается отъ 40 до 50 гувернантокъ, но это число не удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ, а съ сокращеніемъ числа воспитанницъ и число гувернантокъ уменьшится на $^1/_4$. Кромѣ того, для полученія нужнаго гувернанткѣ образованія ей необходимо пройти спеціальные педагогическіе курсы, „сироты должны быть поставлены въ тѣ же педагогическія условія“, и заведенія, въ которыя онѣ будутъ помѣщены, должны оказывать имъ то же покровительство, какое оказываетъ имъ институтъ. Правленіе представляло опекунскому Совѣту, что платя за каждую свою пенсіонерку въ губернскомъ институтѣ стоимость содержанія, т.-е. 154 р. $65^1/_2$ коп. за каждую, Совѣтъ будетъ платить больше, чѣмъ самъ получаетъ за воспитаніе въ Николаевскомъ сиротскомъ институтѣ съ своекоштныхъ пенсіонерокъ, платящихъ всего по 85 р. 72 к. въ годъ, и поэтому предложилъ увеличить эту плату до 250 рублей [1]).

Но и за выдѣленіемъ 210 воспитанницъ въ губернскіе институты, число воспитанницъ петербургскаго Николаевскаго оставалось чрезмѣрно велико. Поэтому было постановлено отдѣлить отъ него Александринскій сиротскій домъ, а въ институтѣ опредѣлить комплектъ въ 600 воспитанницъ (изъ нихъ 150 въ малолѣтнемъ отдѣленіи); изъ 450-ти общаго и спеціальнаго классовъ, 245 должны были быть своекоштными пенсіонерками съ платою отъ 20-ти по 300 рублей въ годъ, а отъ остальныхъ по 200 рублей вмѣсто прежнихъ 87-ти. Кромѣ того было рѣшено: учредить особое, „реальное“ заведеніе на 100 воспитанницъ, неспособныхъ къ педагогическимъ занятіямъ, а также исправительное заведеніе для воспитанницъ (и воспитанниковъ) съ порочными наклонностями открыть нѣсколько вакансій въ городскихъ богадѣльняхъ и больницѣ св. Ольги для воспитанницъ, не могущихъ по тѣлеснымъ недостаткамъ продолжать ученіе; а до полнаго сокращенія комплекта въ институтѣ, отдавать воспитанницъ старшаго класса родителямъ или родственникамъ съ выдачею на то время, которое имъ оставалось про-

[1]) Дѣла гл. Сов. 1861.

быть въ институтѣ, по 200 рублей въ годъ, но по предъявленіи свидѣтельства въ томъ, что воспитанница продолжаетъ ученіе въ какомъ-либо учебномъ заведеніи.

Въ 1871 году число воспитанницъ и московскаго Николаевскаго института было сокращено до 550-ти, изъ которыхъ 50 своекоштныхъ за плату по 250 рублей въ годъ (вмѣсто 85 р. 72 коп.), а въ малолѣтнемъ отдѣленіи по 200 рублей. Назначая плату въ 250 рублей вмѣсто 85 р. 72 коп. и имѣя въ виду, что содержаніе каждой воспитанницы среднимъ числомъ обходится въ институтѣ по 390 рублей, а въ малолѣтнемъ отдѣленіи по 287-ми, главный Совѣтъ хотѣлъ ограничить число своекоштныхъ пенсіонерокъ, которыя за 250 рублей могли быть помѣщаемы въ общіе институты. Зданіе московскаго института было выстроено на 600 воспитанницъ, а въ 1871 году ихъ было 800 и происходящей отъ этого тѣснотѣ московскій опекунскій Совѣтъ приписывалъ большую смертность дѣтей; въ теченіе десяти лѣтъ, съ 1859 до 1869 года въ институтѣ умирало ежегодно 1,20% общаго числа воспитанницъ, между тѣмъ какъ въ другихъ московскихъ учебныхъ заведеніяхъ 0,32%—0,42% и самое большее 0,76% [1]).

По представленію московскаго опекунскаго Совѣта въ 1866 г., и при московскомъ Николаевскомъ училищѣ было учреждено реальное заведеніе. Учебный, трехлѣтній курсъ этихъ училищъ былъ элементарный; но въ видѣ изъятія, по разрѣшенію почетнаго опекуна, въ видѣ награды тѣ, которыя начали обучаться французскому языку и музыкѣ въ институтѣ, могли продолжать ученіе въ училищахъ. Танцамъ должны были обучаться лишь способныя, съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи быть учительницами танцевъ и гимнастики. Не соглашаясь на предложеніе московскаго Совѣта включить въ общій курсъ реальныхъ училищъ иностранные языки, главный Совѣтъ мотивировалъ свое несогласіе тѣмъ, что „поверхностное знаніе сихъ языковъ, давая поводъ къ различнымъ прихотямъ, можетъ сдѣлать дѣвицъ неразборчивыми въ средствахъ къ удовлетворенію этихъ прихотей“. Впрочемъ главный Совѣтъ, всегда стоявшій за необходимость образованія, постановилъ, чтобы въ случаѣ пробужденія умственныхъ способностей у воспитанницы реальнаго заведенія, возвращать ее въ институтъ. Императрица пожелала, чтобы въ реальныхъ училищахъ обучали главнымъ образомъ музыкѣ, рукодѣліямъ, гимнастикѣ. Включая эти предметы въ программу училищъ, главный

[1]) Дѣла гл. Сов. 1870 г.

Совѣтъ высказалъ мнѣніе, что „въ подобной средѣ дѣвицъ, слабо одаренныхъ отъ природы умственными способностями, едва ли можно ожидать значительнаго числа музыкальныхъ талантовъ“ [2]). Воспитанницы реальныхъ училищъ могли, по окончаніи курса, оставаться въ нихъ одинъ годъ, а затѣмъ должны были уходить хотя бы не нашли себѣ мѣста, „ибо—говорилъ главный Совѣтъ—вѣдомство, возрастивъ сиротъ, развивъ по возможности ихъ умственныя способности и приспособивъ къ тому или другому занятію, исполнило свой долгъ. Иначе онѣ сдѣлаются безпечными и ихъ притязаніямъ не будетъ конца“.

Въ 1875 году реальныя заведенія переименованы въ „Николаевскія женскія училища“. Такое названіе, по объясненію почетнаго опекуна, управлявшаго московскимъ реальнымъ училищемъ, давалось для того, „чтобы избѣжать весь odium связанный со словомъ „реальнаго“ учебнаго заведенія,—словомъ, ничего не выражающимъ и ничего не опредѣляющимъ, но которое, между тѣмъ, служитъ выраженіемъ презрѣнія для однихъ и предметомъ какихъ-то неясныхъ вожделѣній для другихъ“. Предлагая допускать въ Николаевскія училища и приходящихъ, почетный опекунъ находилъ это для заведенія выгоднымъ, и не только въ видахъ увеличенія матеріальныхъ средствъ, но и „какъ средство оживить классы, ибо извѣстно, что притокъ свѣжихъ силъ дѣйствуетъ чрезвычайно благотворно на учебныя занятія прочихъ воспитанницъ, особенно въ такомъ заведеніи, какъ реальное училище, гдѣ интернатъ будетъ все-таки состоять изъ менѣе даровитыхъ, а экстернатъ изъ сравнительно болѣе способныхъ [2]). Соединенное собраніе московскаго и петербургскаго Присутствій приняло это предложеніе, допустивъ полупенсіонерокъ и приходящихъ, но оно не согласилось съ предложеніемъ почетнаго опекуна отпускать воспитанницъ реальныхъ училищъ къ родственникамъ и по воскресеньямъ.

Въ 1876 году число классовъ въ Николаевскихъ институтахъ было сравнено съ другими институтами, т.-е. 7 годичныхъ и, кромѣ того, 2 педагогическихъ. Штатное число воспитанницъ въ институтѣ, малолѣтнемъ отдѣленіи и реальномъ училищѣ было ограничено 455 на казенномъ содержаніи, а пенсіонерокъ могло быть 195 и больше.

По поводу поданнаго въ 1865 году коммерціи совѣтникомъ, бывшимъ московскимъ городскимъ Головою, прошенія о принятіи

[1]) Засѣданіе гл. Сов. 29 августа 1866 г.

[2]) Представленіе поч. опекуна, упр. моск. реал. уч., Т. С. Шфеля. Присутствіе пет. опек. Сов. 29 сентября 1875 г.

его племянницы, дочери потомственнаго почетнаго гражданина въ московское Екатерининское училище, государь написалъ на докладѣ: „Я не желалъ бы измѣнять существующаго порядка въ столичныхъ заведеніяхъ и потому дѣвицу Королеву принять не въ Екатерининское, а въ Александровское училище“. Тогда было Высочайше разрѣшено обсудить въ главномъ Совѣтѣ вопросъ: не слѣдуетъ ли этотъ частный случай обратить въ общее правило по всѣмъ заведеніямъ, куда дочери купцовъ до тѣхъ поръ не допускались, а также на состоящихъ въ русскомъ подданствѣ иностранцевъ? Главный Совѣтъ, „въ виду всеобщаго стремленія къ образованію и предпринимаемыхъ правительствомъ мѣръ къ распространенію его во всѣхъ слояхъ общества“, призналъ, что институты, „могущіе оказать дѣлу этому едва ли не главнѣйшее содѣйствіе, должны быть доступны по крайней мѣрѣ для всѣхъ высшихъ сословій населенія“; что иностранцевъ „водворившихся въ имперіи для торговыхъ и промышленныхъ занятій, не слѣдуетъ лишать ни одного изъ способовъ къ образованію своихъ дѣтей въ Россіи; напротивъ, для нихъ долженъ быть открытъ доступъ, по возможности, во всѣ общественныя учебныя заведенія; чрезъ это пребываніе трудолюбивыхъ людей въ Россіи упрочится, потому что, нѣтъ сомнѣнія, тѣ изъ нихъ, которыхъ дѣти получатъ русское образованіе, останутся въ Россіи навсегда полезными дѣятелями на пути промышленнаго ея развитія, которому не мало будутъ способствовать накопленные ими и пущенные въ оборотъ капиталы. Посему дозволеніе иностранцамъ, занимающимся промыслами, воспитывать своихъ дочерей въ институтахъ, оправдывается и съ точки зрѣнія государственной пользы“.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Совѣтъ призналъ, что и въ экономическомъ отношеніи строгое ограниченіе сословій, дѣти которыхъ имѣютъ право воспитываться въ институтахъ и предоставленіе этого права лишь меньшинству ихъ, невыгодно для самихъ институтовъ ибо главный источникъ ихъ доходовъ составляетъ плата съ своекоштныхъ воспитанницъ; между тѣмъ предоставленныя имъ вакансіи часто не бываютъ заняты, „черезъ это средства институтовъ оскудѣваютъ, такъ что мало-по-малу являются дефициты, которые, упадая на общія суммы вѣдомства, отнимаютъ у него способы къ дальнѣйшему развитію заведеній“. Поэтому главный Совѣтъ полагалъ оставить безъ измѣненій правила пріема въ Воспитательномъ Обществѣ и обоихъ Екатерининскихъ училищахъ, также въ Патріотическомъ, двухъ Николаевскихъ сиротскихъ и Александринскомъ сиротскомъ домѣ, какъ

имѣющихъ исключительное назначеніе; во всѣ остальныя закрытыя женскія учебныя заведенія вѣдомства допускать своекоштными пенсіонерками не только дочерей русскихъ купцовъ и иностранцевъ, но и „лицъ всѣхъ другихъ состояній, не обложенныхъ подушнымъ окладомъ, въ томъ числѣ и евреевъ-купцовъ“ съ тѣмъ, чтобы при пріемѣ своекоштными пенсіонерками, предпочтеніе всегда отдавалось дворянкамъ передъ дочерьми другихъ сословій „такъ какъ нѣкоторыя заведенія учреждены отчасти на дворянскія средства“, также русскимъ подданнымъ передъ иностранцами. Это заключеніе главнаго Совѣта было Высочайше одобрено 2 января 1865 года, но съ тѣмъ, чтобы „въ отношеніи евреевъ подобная мѣра была допущена, въ видѣ изъятія, лишь по керченскому институту“.

Характеръ институтскаго воспитанія измѣнился и съ отмѣной въ 1865 году по Высочайшему повелѣнію публичныхъ экзаменовъ. Императрица не разрѣшила ихъ и въ гимназіяхъ, несмотря на просьбу предсѣдательствующаго московскаго отдѣленія, князя Трубецкого, о сохраненіи экзаменовъ хотя бы на нѣсколько только лѣтъ и въ видѣ исключительной мѣры, потому что—писалъ онъ въ 1866 году—когда московскія гимназіи состояли въ вѣдѣніи министерства. то публика знакомилась съ ними частью на публичныхъ испытаніяхъ, частью черезъ представителей Думы въ Совѣтѣ. Съ переходомъ гимназій въ вѣдомство учрежденій Императрицы Маріи, общество остастся въ невѣдѣніи: къ какимъ результатамъ должно привести это преобразованіе и въ лучшемъ ли онѣ состояніи, чѣмъ были прежде. „Какъ при началѣ существованія институтовъ — писалъ князь Трубецкой—такъ и при началѣ существованія гимназій, необходимо удержать установившійся въ нихъ порядокъ публичныхъ испытаній, чтобы публика могла убѣдиться въ отличномъ ихъ состояніи, въ патріотическомъ и религіозномъ направленіи, превосходствѣ передъ частными заведеніями“. И воспитанницы, по его мнѣнію, зная, что придется дать отвѣтъ въ познаніяхъ передъ лицомъ общества, „нравственно будутъ побуждаемы смотрѣть на дѣло образованія болѣе серьезно и изучать науки съ большимъ усердіемъ, получатъ привычку самообладанія, не стѣсняясь присутствіемъ постороннихъ лицъ выражаться свободно“.

Въ 1876 году начальница варшавскаго института, желая доказать, что въ предшествовавшіе годы въ институтѣ не было публичныхъ экзаменовъ не вслѣдствіе бывшихъ въ краѣ волненій, пригласила на экзаменъ высшихъ чиновниковъ и родителей, и все прошло блистательно несмотря на то, что разные

„esprits forts“ — писала начальница — сказали ей, что это опасно, „ибо могутъ быть демонстраціи“; но ее увѣдомилъ главный Совѣтъ, что императрица, „находя неприличнымъ выставлять какъ бы напоказъ публикѣ воспитанницъ закрытыхъ заведеній, равно ихъ знанія, еще въ 1865 году велѣла отмѣнить публичные экзамены, а на годичныхъ актахъ могутъ присутствовать мѣстный генералъ-губернаторъ съ супругою, попечитель учебнаго округа и родители выпускаемыхъ, но не братья, сестры и другіе родственники“ [1]).

Разрѣшая постоянно, нарождавшіеся какъ это бываетъ при всякой реформѣ, все новые и новые вопросы, клонившіеся къ измѣненію внѣшняго и внутренняго строя институтовъ, главный Совѣтъ настойчиво отказывалъ въ удовлетвореніи ходатайствъ дворянства о болѣе близкомъ участіи въ институтскихъ дѣлахъ.

Съ преобразованіемъ въ 1867 году мѣстныхъ Совѣтовъ, казанское дворянство, въ экстренномъ губернскомъ собраніи 1867 г., обратило вниманіе на то, что дворянство совершенно устранено какъ отъ надзора за воспитаніемъ дѣвицъ, такъ и отъ управленія хозяйственной частью и постановило ходатайствовать о томъ, чтобы въ Совѣтѣ присутствовалъ „въ видѣ исключенія“ четвертый членъ—казанскій губернскій предводитель дворянства, а также, чтобы членъ по хозяйственной части назначался изъ дворянъ казанской губерніи. 6 марта 1869 года казанскій губернаторъ увѣдомилъ предводителя, что главноуправляющій не призналъ возможнымъ увеличить составъ Совѣта четвертымъ членомъ, но во вниманіе къ тому, что на первоначальное устройство института дворянка Родіонова сдѣлала значительное пожертвованіе и что въ немъ воспитываются на ея счетъ нѣсколько дворянокъ, Принцъ согласенъ, чтобы губернскій предводитель дворянства присутствовалъ въ Совѣтѣ съ правомъ голоса въ день баллотировки воспитанницъ на счетъ дохода съ капитала Родіоновой, а также согласенъ предоставить губернскому предводителю, вмѣстѣ съ уѣздными, избирать изъ мѣстныхъ дворянъ двухъ кандидатовъ на вакансію члена по хозяйственной части и представлять ихъ на утвержденіе Принца.

Сообщая объ этомъ казанскому губернатору, Принцъ просилъ его „принять горячо къ сердцу дальнѣйшую судьбу казанскаго института и посѣщать его не только по обязанности, но и съ отеческою любовью къ дѣтямъ“. Прося губернатора указать, въ случаѣ выбытія инспектора классовъ и члена по хозяй-

[1]) Дѣла гл. Сов. 1876 г.

ственной части, нѣсколько кандидатовъ для ихъ замѣщенія, Принцъ прибавлялъ, что всегда было бы желательно имѣть членомъ по хозяйственной части одного изъ мѣстныхъ просвѣщенныхъ помѣщиковъ, живущихъ по семейнымъ своимъ дѣламъ въ городѣ, такъ, чтобы содержаніе, производимое члену по хозяйственной части, было ему лишь подспорьемъ, а не цѣлью принятія этой должности.

Въ позднѣйшемъ своемъ ходатайствѣ, казанское дворянство на основаніи 10-лѣтняго опыта просило министра внутреннихъ дѣлъ испросить Высочайшее повелѣніе о томъ, чтобы назначеніе члена по хозяйственной части изъ дворянъ было узаконено а не зависѣло отъ главноуправляющаго. Основываясь на предоставленномъ Высочайшимъ рескриптомъ 25 декабря 1873 г. дворянству правѣ стоять во главѣ и на стражѣ народнаго образованія, оно находило справедливымъ и естественнымъ желаніе стать ближе къ заведенію, гдѣ воспитываются дочери самихъ дворянъ. Поэтому оно просило предоставить ему наблюденіе за воспитаніемъ и содержаніемъ воспитанницъ въ институтѣ, а также о правѣ губернскаго предводителя, не дѣлая личныхъ замѣчаній, предлагать свои наблюденія и замѣчанія на обсужденіе Совѣта, а въ болѣе важныхъ случаяхъ представлять о нихъ главноуправляющему.

Однородное ходатайство поступило въ 1867 году и отъ саратовскаго дворянства, которое просило предоставить ему въ лицѣ губернскаго предводителя правъ попечительства надъ институтомъ „по примѣру гг. Демидова въ ярославскомъ лицеѣ и Лазарева въ институтѣ восточныхъ языковъ“, а также право выбирать изъ своей среды члена по хозяйственной части. Неудовлетворившись согласіемъ Принца предоставить саратовскому дворянству тѣ же права, какія онъ предоставилъ въ этомъ дѣлѣ казанскому, саратовское дворянство, въ чрезвычайномъ собраніи 20-го января 1880 года, предъявило новыя требованія, ссылаясь на Высочайшій рескриптъ 1873 года, на основаніи котораго предводитель дворянства предсѣдательствуетъ въ губернскомъ училищномъ Совѣтѣ, посѣщаетъ народныя училища, „удостовѣряется въ нравственныхъ качествахъ преподавателей и во вліяніи ихъ на учащихся“.

Оба эти ходатайства были отклонены: казанскаго дворянства на томъ основаніи, что въ духовномъ завѣщаніи Родіоновой распоряженіе ея имуществомъ не обусловлено участіемъ дворянства и институтъ имъ распоряжается на основаніи общихъ законовъ, какъ всякій полноправный владѣлецъ, а само казан-

ское дворянство въ теченіе слишкомъ 50-ти лѣтъ не выразило своего участія въ дѣлахъ института никакими матерьяльными пожертвованіями для его улучшенія.

Въ отвѣтѣ саратовскому дворянству было сказано, что едва ли было бы справедливымъ основывать право дворянъ на томъ, что институтъ возникъ на ихъ пожертвованія и что въ немъ воспитываются потомственныя дворянки. „Русское дворянство—говорилъ опекунскій Совѣтъ—въ лицѣ такихъ своихъ представителей какъ Демидовъ, Безбородко, Лазаревъ и многіе, жертвовало громадныя суммы на пользу просвѣщенія, созидая лицеи, институты, кадетскіе корпуса; но мѣстное дворянство, сколько извѣстно, никакого участія не принимаетъ въ управленіи этими заведеніями: благодарное потомство сохранило лишь за ними имена ихъ основателей, а правительство удержало за собою право управленія этими заведеніями, какъ и прочими". Въ отвѣтѣ было указано и то, что попытки предоставить дворянству избраніе изъ своей среды члена по хозяйственной части были сдѣланы не разъ, „но къ сожалѣнію безъ желаемыхъ результатовъ: выбранные не всегда удовлетворяли надеждамъ высшей администраціи, а случаи неудачныхъ выборовъ неустранимы". Вообще польза участія дворянства въ управленіи институтами на предлагаемыхъ казанскимъ и саратовскимъ дворянствомъ основаніяхъ, по мнѣнію опекунскаго Совѣта, „болѣе чѣмъ сомнительна", а вмѣшательство во внутреннюю жизнь заведеній, „какъ показалъ опытъ", скорѣе принесетъ ему вредъ.

Но по вопросу объ отпускахъ былъ сдѣланъ новый шагъ. Начальница полтавскаго института ходатайствовала въ 1869 г. „по просьбѣ родителей" о дозволеніи отпускать воспитанницъ домой на Рождество и на Пасху, что въ 1865 году было дозволено „въ видѣ исключенія" лишь въ закавказскомъ институтѣ согласно введенному еще княземъ Воронцовымъ обычаю. Въ главный Совѣтъ, куда это ходатайство было передано по повелѣнію государя, были представлены и отдѣльныя мнѣнія членовъ Совѣтовъ Воспитательнаго Общества, петербургскаго и московскаго Екатерининскихъ институтовъ, одесскаго и оренбургскаго, также начальницъ петербургскаго и московскаго Николаевскихъ институтовъ и почетныхъ ихъ опекуновъ. Десять мнѣній было противъ предлагаемой мѣры, при чемъ было высказано, что такіе отпуски сильно отвлекутъ воспитанницъ отъ занятій, что они небезопасны для здоровья, шумныя святочныя развлеченія смутятъ и вредно повліяютъ на дѣтей, при возобновленіи уроковъ вниманіе будетъ занято воспоминаніями объ испы-

такихъ удовольствіяхъ, частые отпуски и несоотвѣтствующія возрасту удовольствія помѣшаютъ тѣснѣе примкнуть къ институтскому кружку, вполнѣ воспользоваться благотворнымъ его вліяніемъ; вліяніе же семьи не можетъ быть такъ благотворно какъ вліяніе института, ибо во многихъ семьяхъ „нѣтъ ни бдительнаго надзора, ни разумнаго руководства, ни хорошаго примѣра, любовь родителей бываетъ иногда неразумна и не всегда управляется моральною силою"; поэтому кратковременный отпускъ послужитъ лишь развлеченіемъ для ума и сердца, пріучитъ къ дурнымъ наклонностямъ и пріемамъ, вредно повліяетъ на характеръ, а для взрослыхъ воспитанницъ будетъ имѣть и болѣе дурныя послѣдствія. Поэтому желать увеличенія числа отпусковъ значитъ желать положительнаго вреда для дѣтей или, покрайней мѣрѣ равнодушно относиться къ послѣднему; зависть не могущихъ воспользоваться отпускомъ къ подругамъ можетъ вредно отразиться на характерѣ, увольнять можно только къ родителямъ, живущимъ въ томъ городѣ, гдѣ находится институтъ, стало быть это будутъ исключенія изъ общаго правила, а всѣ исключенія, дающія преимущества однѣмъ передъ другими не по заслугамъ, а случайно, не могутъ быть одобрены здравой педагогикой; преподавателямъ будетъ трудно возстановить уровень знаній между ученицами, которыя не вернутся въ срокъ и другими того же класса, воспитанницы будутъ лишены возможности присутствовать при богослуженіи, въ особенности на страстной и святой недѣляхъ, ибо будутъ въ пути, а тѣ, которыя не говѣли на первой недѣлѣ, могутъ остаться безъ исповѣди и причастія; если бы родители и захотѣли посѣщать приходскія церкви, то, по огромному стеченію народа, это было бы неудобно для дѣтей, привыкшихъ видѣть порядокъ и благоговѣніе въ институтскихъ церквахъ; пріѣзжіе родители останавливаются въ гостинницахъ или на подворьяхъ и не въ состояніи предохранить дѣтей отъ вреднаго вліянія такихъ помѣщеній.

Вообще, по мнѣнію начальницы Екатерининскаго петербургскаго института, „это немыслимое, вредное нововведеніе"; отпуски „противорѣчатъ нравственной отвѣтственности, принимаемой на себя заведеніемъ" (мнѣніе начальницы одесскаго института) и могутъ сдѣлать весьма затруднительнымъ направленіе воспитанницъ къ той цѣли, для которой онѣ получаютъ образованіе, т.-е. къ возможности быть воспитательницами" (мнѣніе начальницы московскаго Николаевскаго института).

За отпуски было представлено девятнадцать мнѣній; мотивировались они тѣмъ, что объ отпускахъ постоянно просятъ родители,

что трудно идти противъ общаго желанія, удовлетвореніе котораго привлечетъ своекоштныхъ пенсіонерокъ; что желаніе родителей и дѣтей быть на праздникахъ вмѣстѣ такъ усилилось и сдѣлалось столь общимъ, что они вступаютъ „какъ бы въ сотлашеніе противодѣйствовать институту“, результатомъ чего нерѣдко бываетъ, что родители берутъ дѣтей и отдаютъ ихъ въ открытыя заведенія; что жалобамъ родителей на недозволеніе отпусковъ къ нимъ дѣтей сочувствуетъ общество, „сильно расположенное теперь не столько къ открытымъ учебнымъ заведеніямъ, сколько къ принципу воспитанія дѣтей въ семьѣ“, за что высказывается и общественное мнѣніе; что родителей болѣзненно поражаетъ недовѣріе къ нимъ относительно собственныхъ дѣтей, отсюда затаенное враждебное отношеніе къ закрытымъ учебнымъ заведеніямъ, которое, „къ сожалѣнію, не проходитъ безслѣдно“ и между прочимъ отзывается на числѣ своекоштныхъ пенсіонерокъ; что условія быта бѣдныхъ родителей зимой и лѣтомъ различны, поэтому дѣтямъ полезно съ этимъ познакомиться и такое знакомство съ дѣйствительною жизнью предостережетъ ихъ отъ чрезмѣрнаго развитія фантастическихъ и идеальныхъ воззрѣній, ошибокъ и разочарованій. Историческій опытъ доказываетъ,—сказано въ одномъ мнѣніи—что нельзя создать новое, лучшее поколѣніе отдѣленіемъ его отъ стараго, вырвавъ его изъ окружающей среды; вліяніе ея сказывается помимо всѣхъ преградъ, проникаетъ въ стѣны заведенія, беретъ свое, несмотря ни на какія предосторожности. При выходѣ изъ института молодая дѣвушка приготовлена къ борьбѣ лишь теоретически; не лучше ли ей заранѣе узнать обстановку, въ которой ей придется жить? это знакомство съ радостями и печалями родного дома не сниметъ ли съ институтки ту печать непрактичности, отчужденности отъ семьи, которыя не безъ основанія ставятъ ей въ вину? И праздники получили бы въ ихъ глазахъ значеніе не оффиціальной только торжественности, но высокой, христіанской семейной радости съ близкими имъ людьми; въ семейномъ кругу полнѣе и глубже отразится на душѣ религіозное вліяніе торжественнаго въ христіанской жизни праздника, а время, проведенное дѣтьми съ родителями подъ религіознымъ впечатлѣніемъ этихъ великихъ дней послужитъ наиболѣе тѣсному сближенію между ними и къ утвержденію черезъ то вообще семейнаго начала, имѣющаго огромную важность для самаго гражданскаго общества, „особенно при нынѣшнемъ состояніи нравственнаго его развитія“, освѣжитъ душу воспитанницъ перемѣной обстановки и новостью впечатлѣній, что также для

нихъ необходимо, какъ воздухъ для тѣла; дома болѣе простора для наблюдательности, чѣмъ въ стѣнахъ закрытаго заведенія, а это нужно для оживленія душевныхъ способностей вообще. Нѣкоторыя предлагали даже отпускать на праздники и воспитанницъ старшаго класса, не пользовавшихся лѣтними отпусками.

Хотя въ главномъ Совѣтѣ мнѣнія сначала раздѣлились, за отпуски высказались три члена, а противъ нихъ четыре и въ числѣ этихъ четырехъ самъ предсѣдатель, боявшійся, что разрѣшеніе отпусковъ на Рождество и на Пасху поведетъ къ просьбамъ о разрѣшеніи отпусковъ и по воскресеньямъ и праздникамъ, но Совѣтъ, въ окончательномъ рѣшеніи, высказался въ пользу отпусковъ. Большинство убѣдилось въ ихъ необходимости въ числѣ прочихъ и слѣдующими соображеніями: есть поводъ опасаться, что въ нѣкоторыхъ институтахъ, въ случаѣ отказа въ отпускахъ, будутъ дѣлаться келейныя исключенія, что отказъ поведетъ къ уменьшенію числа своекоштныхъ пепсіонерокъ, что родители предпочтутъ отдавать дѣтей въ гимназіи и частныя заведенія, число которыхъ постоянно увеличивается.

Въ мотивахъ рѣшенія Совѣта было сказано, что отпуски разрѣшаются „не въ видѣ права, а весьма важной педагогической награды для самыхъ отличныхъ по поведенію и прилежанію“, только тѣмъ, которыя по среднему выводу за послѣдніе шесть мѣсяцевъ имѣли высшіе по классу баллы въ поведеніи и, по крайней мѣрѣ, хорошіе за науки. Кромѣ того, срокъ отпусковъ ограничивался 1—3 днями, по усмотрѣнію начальницы; на Пасху воспитанницы могли уѣзжать изъ заведенія не иначе какъ послѣ прослушанія литургіи въ институтской церкви, а на Рождество только въ сочельникъ, послѣ богослуженія. Совѣтъ постановилъ предоставить главноуправляющему предписать всѣмъ начальствамъ институтовъ, чтобы они доставляли въ ближайшій послѣ праздниковъ срокъ именныя вѣдомости всѣхъ уволенныхъ отмѣчая ихъ баллы, а также сообщать возвратились ли въ срокъ [1]). Высочайшее соизволеніе на новые отпуски было дано 4 апрѣля 1870 года.

На увольненіе въ отпускъ на Рождество и Пасху воспитанницъ старшихъ классовъ главный Совѣтъ не согласился. Въ 1875 году поступило объ этомъ ходатайство Совѣта донского института, мотивировавшаго его тѣмъ, что образъ жизни на Дону таковъ, что именно въ эти годы воспитанницы могутъ познакомиться въ семьѣ съ хозяйственною дѣятельностью, что ин-

[1]) Дѣла гл. Совѣта. 1870 г.

ститутъ стоитъ на нездоровомъ мѣстѣ, у заливного луга, что лѣтомъ бываютъ вредныя испаренія, порождающія перемежающіяся лихорадки и другія болѣзни, что институтскій садъ расположенъ на каменистомъ грунтѣ, растительность тощая, не дающая тѣни, жара лѣтомъ доходитъ до 40°, у города нѣтъ купаленъ, что поэтому родители постоянно и настоятельно просятъ отпускать къ нимъ дѣтей. Но и на это ходатайство не согласился опекунскій Совѣтъ; онъ разрѣшилъ „въ видѣ частной, исключительной мѣры, по случаю перестройки институтскаго зданія“, отпустить въ этомъ году воспитанницъ и старшаго класса, но призналъ, что институты закавказскій, керченскій, одесскій, саратовскій, оренбургскій находятся въ такихъ же условіяхъ, какъ донской; однако они не заявляли, въ теченіе десяти лѣтъ, подобнаго ходатайства, а исключеніе для донского института повлечетъ за собою ходатайства и другихъ.

Въ числѣ доводовъ въ пользу своего ходатайства объ отпускахъ Совѣтъ донского института привелъ и то, что въ него принимаются полупенсіонерки и приходящія. Это разрѣшеніе было дано Совѣту лишь за годъ передъ тѣмъ; оно состоялось вслѣдствіе ходатайства донского дворянства, которое, на выборахъ 1874 года, въ виду того, что институтъ содержится преимущественно на поземельный сборъ (до 23.400 рублей въ годъ) съ мѣстныхъ землевладѣльцевъ, въ распоряженіе которыхъ предоставлено лишь 36 безплатныхъ вакансій, а число стипендіатокъ, при замкнутости заведенія, не можетъ быть увеличено, высказало мысль о передачѣ жертвуемой институту дворянствомъ суммы женской гимназіи въ Новочеркасскѣ съ тѣмъ, чтобы тамъ было увеличено число ученицъ.

Въ представленіи Совѣта было сказано, что „благодаря болѣе или менѣе равномѣрному распредѣленію народнаго богатства, абсолютная бѣдность въ землѣ войска донского почти неизвѣстна“, что воспитанницы послѣ 7 — 8-лѣтняго пребыванія въ институтѣ „становятся не только равнодушными ко всему, что составляетъ наслѣдіе прежнихъ временъ, но относятся къ нему даже съ пренебреженіемъ“. Поэтому Совѣтъ предлагалъ допускать въ институтъ полупенсіонерокъ, а приходящими лишь тѣхъ, которыя не живутъ на частныхъ квартирахъ „для избѣжанія вреднаго съ ихъ стороны вліянія“.

Войсковой наказный атаманъ также признавалъ необходимымъ преобразовать институтъ въ полуоткрытое заведеніе какъ для пользы края, такъ и для пользы института „ибо—писалъ онъ—при настоящемъ общественномъ настроеніи на Дону даль-

нѣйшее сохраненіе замкнутаго заведенія можетъ все болѣе и болѣе возбуждать къ нему нерасположеніе, могущее современемъ принять размѣры, опасные даже для самого существованія института". Это ходатайство было уважено и въ первые два года поступило 50 приходящихъ ученицъ; но число полупенсіонерокъ было очень невелико.

Кромѣ донского института, допускались полупенсіонерки и приходящія въ керченскій и тамбовскій; съ преобразованіемъ послѣдняго въ полуоткрытое заведеніе, число желающихъ поступить въ него возрастало съ каждымъ годомъ и Высочайшимъ повелѣніемъ 1877 года былъ увеличенъ комплектъ полныхъ пенсіонерокъ съ 87-ми до 210-ти, полупенсіонерокъ до 30-ти и приходящихъ до 15-ти.

Въ 1878 году можно было уже судить о томъ, какъ отразилось въ жизни институтовъ это нововведеніе.

Совѣтъ донского института представилъ опекунскому Совѣту донесеніе инспектора классовъ „какъ автора не только проекта, но и самыхъ Положеній объ организаціи приходящихъ и полупенсіонерокъ". Инспекторъ говорилъ, что предлагая въ проектѣ поручить особой классной дамѣ надзоръ за приходящими, онъ руководствовался „опасеніемъ наплыва въ стѣны института элемента грубаго, т.-е. дѣтей дурно воспитанныхъ, дурно направленныхъ, пріобрѣвшихъ дома такія привычки и наклонности, какія нежелательно было бы видѣть въ какихъ бы то ни было дѣтяхъ". Для избѣжанія этой опасности онъ и предполагалъ изолировать приходящихъ и полупенсіонерокъ отъ живущихъ въ институтѣ. По трехлѣтній опытъ показалъ, что всякія опасенія напрасны, что большинство (90%) приходящихъ принадлежитъ „не только къ семействамъ состоятельныхъ, благовоспитанныхъ, но даже и лучшихъ въ городѣ, и не было ни одного случая, чтобы приходящія были поведенія неодобрительнаго". Поэтому Совѣтъ института рѣшилъ оставить полупенсіонерокъ и приходящихъ подъ общимъ надзоромъ классныхъ дамъ всего класса и отдѣлять ихъ отъ полныхъ пенсіонерокъ только на время завтрака, и то потому, что въ столовой мало мѣста. Инспекторъ прибавлялъ, что опасеніе большого прилива полупенсіонерокъ не оправдалось, ибо опытъ показалъ, что во всѣхъ классахъ въ теченіе года ихъ бываетъ не болѣе 4—6, массу же составляютъ приходящія.

Къ 1880-му году почти всѣ институты съ трехклассными, по два года въ каждомъ, курсомъ, въ виду неудобства этой системы, были преобразованы въ семиклассные съ полупенсіонер-

ками и приходящими. Ходатайствуя объ этомъ въ 1879 году, Совѣтъ Бѣлостокскаго института писалъ, что такъ какъ населеніе города состоитъ главнымъ образомъ изъ фабрикантовъ, по большей части иностранцевъ, преимущественно евреевъ, дочери которыхъ не принимаются въ институтъ, то полупенсіонерокъ и приходящихъ будетъ немного, не болѣе 70-ти, а потребность образованія растетъ такъ быстро, что въ послѣдніе годы число заявленій о желаніи помѣстить дочерей въ институтъ дошло до 160-ти между тѣмъ какъ комплектъ казенныхъ и штатныхъ воспитанницъ ограниченъ 60-ью.

Несмотря на значительное возвышеніе пенсіонерной платы въ институтахъ, несмотря и на развитіе и размноженіе женскихъ гимназій во всей имперіи, число желавшихъ поступать въ преобразованные институты постоянно увеличивалось, особенно въ губерніяхъ. Совѣты нѣкоторыхъ институтовъ сами ходатайствовали объ увеличеніи пенсіонерной платы, ссылаясь на заявленія родителей о томъ, что скромное содержаніе дочери дома обошлось бы дороже, нежели то, во что оно обходится въ институтѣ. Совѣтъ варшавскаго института просилъ въ 1879 году у главнаго Совѣта разрѣшенія повысить пріемную программу, говоря, что своекоштныя пенсіонерки подготовляются гувернантками и студентами, а число ихъ такъ велико, что принимаются лишь тѣ, у кого въ среднемъ не менѣе 9½ балловъ. Совѣтъ прибавлялъ, что есть пенсіонерки, отказъ которымъ въ пріемѣ немыслимъ, какъ бы слабы онѣ ни были, а именно пенсіонерки Высочайшихъ особъ и города. Но опекунскій Совѣтъ нашелъ несправедливымъ и неудобнымъ измѣнять пріемную программу для одного варшавскаго института, а для всѣхъ преждевременнымъ. Въ виду большого числа ждущихъ очереди кандидатокъ на поступленіе въ институтъ, опекунскій Совѣтъ не согласился и на просьбу институтскаго Совѣта, сверхъ семи классовъ общаго курса, открыть еще „льготныхъ“ два, гдѣ преподаваніе происходило бы „не на родномъ языкѣ“ [1]).

Зданіе кіевскаго института было выстроено для помѣщенія 140 воспитанницъ, а въ 1880 году ихъ было 230; между тѣмъ не далѣе какъ въ 1870 году главный Совѣтъ постановилъ помѣщать пенсіонерокъ опекунскаго Совѣта преимущественно въ институты: полтавскій, кіевскій и пансіонъ при могилевской гимназіи, въ виду того, что бюджеты этихъ институтовъ страдаютъ отъ недостатка частныхъ пенсіонерокъ. Тогда воспитан-

[1]) Дѣла опек. Совѣта. 1879 г.

ницъ въ кіевскомъ институтѣ было всего 161, а съ тѣхъ поръ число желающихъ поступить постепенно такъ увеличивалось, что Совѣтъ принужденъ былъ замѣщать вакансіи по конкуррентному экзамену. Начальникъ края въ своемъ докладѣ писалъ въ 1881 году, что „несмотря на всю недавность учрежденія въ институтѣ новой категоріи воспитанницъ-приходящихъ, и не малое сочувствіе этому учрежденію, что нѣкоторые родители выразили даже въ прошеніяхъ, несмотря на всю его невыгодность для родителей и дороговизну, ибо за приходящихъ платится полная пенсіонерная плата (по 350 рублей), хотя онѣ пользуются только уроками,—уже теперь имѣется нѣсколько такихъ воспитанницъ".

Это доказываетъ, по его мнѣнію, что если бы расширить зданіе, то поступило бы еще 30 воспитанницъ полными пенсіонерками. На ихъ содержаніе не только не потребовалось бы новыхъ средствъ, но пособіе вѣдомства свелось бы къ нулю, ибо расходъ на каждую воспитанницу не превышаетъ 150 рублей въ годъ, а пенсіонерная плата назначена въ 350 рублей [1]).

Орловскій институтъ, открытый въ 1864 году, былъ выстроенъ на 150 воспитанницъ, но въ 1870 году ихъ было 204 и вслѣдствіе тѣсноты помѣщенія въ немъ приходилось на каждаго человѣка не по 3 кубическихъ сажени воздуха, требуемыхъ гигіеною, а лишь по 1,6 кубическихъ сажени. Поэтому главный Совѣтъ постановилъ съ 1870 года принимать лишь половину выпущенныхъ воспитанницъ съ тѣмъ, чтобы довести число ихъ до штатнаго комплекта, а также прекратить пріемъ пенсіонерокъ опекунскаго Совѣта и замѣнять эти вакансіи своекоштными пенсіонерками.

Этотъ институтъ, на учрежденіе и содержаніе котораго дворянство обязалось въ 1848 году собрать весь нужный капиталъ, былъ предназначенъ для воспитанія исключительно дочерей дворянъ губерніи. Но послѣ освобожденія крестьянъ сборъ пополнялся медленно, въ 1862 году поступило лишь 806 руб., а всего было собрано къ этому времени около 180.000 рублей. Тѣмъ не менѣе институтъ былъ открытъ въ составѣ двухъ низшихъ классовъ и съ ежегоднымъ пособіемъ отъ вѣдомства въ 3.980 рублей.

---

[1]) Почетный опекунъ, осматривавшій кіевскій институтъ въ 1880 году, подтвердилъ „огромный запросъ на институтское образованіе" (Дѣла опек. Совѣта 1881 г.).

Орловскій институтъ былъ послѣднимъ, по времени открытія, въ ряду другихъ подобныхъ заведеній, и съ 1864 года, въ теченіе 20-ти лѣтъ, этотъ типъ женскаго учебнаго заведенія болѣе не возобновлялся [1]).

---

[1]) Въ 1885 году московское дворянство, желая ознаменовать столѣтнее существованіе дарованной Импер. Екатериною дворянской грамоты, постановило учредить въ Москвѣ Екатерининскій институтъ благородныхъ дѣвицъ. Въ адресѣ дворянства, 20 февраля 1890 года, по случаю подареннаго институту запаснаго дворца, оно высказало намѣреніе основать „новое образовательное заведеніе на истинныхъ основахъ русскаго государственнаго быта, сознательной принадлежности къ православной церкви и глубокой преданности Монархическому началу въ связи съ простотою отеческихъ обычаевъ и преданій".

VIII.

Цѣль учрежденія женскихъ духовныхъ училищъ согласно уставамъ, составлявшимся для нихъ преосвященными.—Цѣль ихъ учрежденія въ западномъ краѣ.—Уставъ 1863 года духовно-учебнаго управленія для училищъ западнаго края.—Мнѣнія преосвященныхъ и духовенства объ отпускахъ воспитанницъ.—Мнѣніе оберъ-прокурора по вопросу.—Устройство женскихъ епархіальныхъ училищъ. — Мнѣнія за и противъ ихъ устройства при монастыряхъ.—Уставъ могилевскаго училища, общій для всѣхъ женскихъ духовныхъ училищъ западнаго края. — Исторія возникновенія разныхъ училищъ.—Управленіе ими. — Желанія и взгляды духовенства на учрежденіе женскихъ духовныхъ училищъ.—Программы ученія составленныя преосвященными.—Приготовленіе ученицъ духовныхъ училищъ къ преподаванію въ сельскихъ школахъ. — Разрѣшеніе св. Синода преподавать въ женскихъ духовныхъ училищахъ одинъ изъ иностранныхъ языковъ, музыку и педагогику. — Общій для всѣхъ епархіальныхъ училищъ уставъ 1868 года. — Предоставленіе воспитанницамъ права на полученіе званія домашнихъ учительницъ.—Торжество открытія женскихъ духовныхъ училищъ.—Внутренній бытъ воспитанницъ.—Средства на содержаніе училищъ —Пожертвованія имъ. —Филаретовское училище.—Матеріальное положеніе училищъ къ началу 80-хъ годовъ.—Число воспитанницъ.—Положеніе учебнаго дѣла. — Новое поприще дѣятельности для воспитанницъ женскихъ духовныхъ училищъ какъ народныхъ учительницъ.—Признаніе св. Синода за этими училищами общегосударственнаго значенія.

До 1868 года женскія училища для дѣвицъ духовнаго званія, учреждаемыя въ епархіяхъ и не состоявшія подъ покровительствомъ императрицы, управлялись на основаніи уставовъ, которые составляли для нихъ мѣстные преосвященные, иногда при содѣйствіи духовенства [1]). Въ этихъ уставахъ, рядомъ съ

[1]) Источники: Архивъ св. Синода. — Извлеченіе изъ отчетовъ оберъ-прокурора св. Синода.—Епархіальныя вѣдомости.—Отчеты женскихъ епархіальныхъ училищъ.—Уставъ ж. епарх. уч.—Церковный Вѣстникъ 1875—1882 гг.—Женское Образованіе 1876, 1879, 1887, 1891, 1892 гг.—Объ училищахъ для дѣвицъ духовнаго званія. Спб. 1866. — Московское епархіальное Филаретовское женское училище. Историческое изложеніе его судьбы въ 50-лѣтній періодъ 1832—1852. Москва. 1883.—Историч. записка о состояніи находящагося подъ Выс. покр. Ея Имп. Вел. кіевскаго женскаго училища дух. вѣд. въ теченіе перваго 25-лѣтія его существованія. Составленная преподавателемъ училища М. Гиѣвышевымъ. 1861—1886. Кіевъ. 1890.

призрѣніемъ сиротъ и бѣдныхъ дѣвицъ духовнаго званія, главною цѣлью учрежденія училищъ ставилась та, которая была указана уставомъ 1843 года для царскосельскаго училища, т.-е. въ нихъ должны были воспитываться „достойныя супруги служителей Алтаря Господня“. Но въ мотивахъ, приводимыхъ въ подтвержденіе необходимости училищъ именно съ этой цѣлью, большинство преосвященныхъ расширяли ее какъ въ общихъ интересахъ духовенства и прихожанъ, такъ и въ интересахъ самихъ женщинъ духовнаго сословія.

Преосвященный Наѳанаилъ, епископъ архангельскій, писалъ въ 1861 году Синоду, что „чѣмъ болѣе будетъ число образованныхъ женъ священнослужителей, тѣмъ болѣе духовенство будетъ достигать того значенія и благодѣтельнаго вліянія на своихъ прихожанъ, которыя ему указаны самимъ его званіемъ“. Въ образованныхъ подругахъ жизни „служитель престола Господня—говорилъ епископъ тамбовскій—найдетъ себѣ помощницу въ дѣлѣ нравственнаго и христіанскаго образованія прихожанъ“. Нѣкоторые преосвященные указывали и на то, что образованныя жены будутъ помощницами мужьямъ въ дѣлѣ народнаго образованія, наставницами крестьянскихъ дѣтей „преимущественно своего пола въ чтеніи, изученіи молитвъ церковныхъ и въ наставленіи ихъ въ нѣкоторыхъ христіанскихъ истинахъ“. Это писалъ епископъ нижегородскій въ 1859 году, стало-быть до освобожденія крестьянъ. Преосвященный Антоній, епископъ кишиневскій, говорилъ въ 1863 году, что заботясь объ учрежденіи училища для дѣвицъ духовнаго званія, онъ хотѣлъ „вызвать ихъ изъ того жалкаго униженія, въ которомъ онѣ находятся“.

Епископъ архангельскій высказывалъ увѣренность въ томъ, что „сблизивъ дѣвицъ духовнаго званія на почвѣ развитія съ кончившими курсъ семинаристами“, онѣ могутъ облагородить домашній бытъ сельскаго духовенства, которое—писалъ епископъ въ 1863 году—живетъ уединенно въ краю дикомъ, обиженномъ природою и малопаселенномъ. Въ образованной женѣ сельскій священникъ найдетъ себѣ сотрудницу по занятіямъ въ сельской школѣ; такія жены „ослабятъ предразсудки, пороки и преданность расколу въ женской, по крайней мѣрѣ, половинѣ“.

Не менѣе важнымъ онъ признавалъ образованіе и для самой женщины въ краѣ, гдѣ сироты духовенства, не получая никакого воспитанія, вынуждены идти въ услуженіе къ крестьянамъ или выходить за нихъ замужъ. Ходатайствуя объ учрежденіи училища для дѣвицъ духовнаго званія въ олонецкой епархіи, мѣстная консисторія въ своемъ донесеніи архіепископу олонецкому,

указывала на то, что духовенство епархіи терпитъ крайнюю нужду; „этотъ недостатокъ—говорила консисторія въ 1856 году —отъ чего бы онъ ни происходилъ, единственная причина, почему духовенство входило и входитъ въ браки съ крестьянами, даже раскольниками". Этому она приписывала малограмотность духовенства, совершенное незнаніе русскаго языка, нерасположеніе къ грамотности, такъ что въ причтахъ и ихъ семействахъ употребляется раскольническое перстосложеніе и даже уклоненіе въ расколъ особенно среди женщинъ. Образованіе дѣтей духовнаго сословія въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ епархіи ниже, по словамъ консисторіи, чѣмъ образованіе крестьянскихъ дѣтей. Дѣвочки не получаютъ никакого образованія, навсегда остаются неграмотными и безъ всякихъ понятій о необходимѣйшихъ предметахъ религіозно-нравственнаго и домашняго быта. Говоря о будущихъ преподавателяхъ предполагаемаго училища, преосвященный олонецкій заранѣе просилъ Синодъ о вознагражденіи двумъ священникамъ по 100 рублей въ годъ каждому, а дьякону по 50 рублей, объяснивъ, что оба священника получаютъ по 11-ти рублей въ годъ жалованья, а дьяконъ 5 р. 86 коп. и не имѣя другихъ доходовъ, обыкновенно занимаются ремеслами, преимущественно сапожнымъ и столярнымъ, а кончившіе курсъ семинаристы не соглашаются поступать на эти мѣста.

Въ уставѣ архангельскаго училища утвержденномъ въ 1863 году цѣль его была опредѣлена такъ: „для распространенія умственнаго и нравственнаго развитія между духовными дѣтьми женскаго пола и чрезъ то для удобнѣйшаго распространенія грамотности и другихъ общеполезныхъ свѣдѣній, а главное для вящшаго укорененія истинно христіанскаго просвѣщенія между простымъ классомъ народа". Такъ какъ опытъ показалъ, что расколъ распространяется преимущественно женщинами, то въ программу олонецкаго училища предполагалось включить изученіе мѣстнаго раскола.

Въ проектѣ всеподданнѣйшей записки 1859 года объ учрежденіи духовныхъ училищъ въ западномъ краѣ „одинъ изъ знаменитѣйшихъ по уму и заслугамъ нашихъ іерарховъ" говорилъ: „развитая образованіемъ женщина духовнаго сословія могла бы быть великою нравственною силою въ краѣ, гдѣ и воспитаніе и образованіе духовнаго юношества находятся въ очень неудовлетворительномъ положеніи. Женясь, по окончаніи курса, на дочери стараго или состоящаго на службѣ священника, „безъ склонности, хлѣба ради", священникъ входитъ въ семью, которая, какъ это обыкновенно бываетъ, издавна поддерживаетъ зна-

ношество съ иновѣрными владѣльцами имѣній, бывшими патронами уніатской ихъ церкви". Будучи не въ силахъ бороться съ началами своей новой семьи, молодой священникъ самъ ополячивается. Лучшимъ средствомъ уничтожить вліяніе священнической семьи въ западномъ краѣ было признано воспитывать дѣтей духовнаго званія на началахъ православія и русской народности.

Учрежденіе такихъ училищъ признавалось необходимымъ и потому, что жена сельскаго священника въ западномъ краѣ, по словамъ записки, не только обречена на всевозможные труды и лишенія, но и окружена опасными испытаніями для вѣры. Въ виду, вѣроятно, той роли, какую въ краѣ играли женщины, въ представленномъ преосвященнымъ проектѣ училища было сказано, что кромѣ главной цѣли—воспитанія достойныхъ женъ священниковъ, онѣ должны быть ему помощницами „но не наставницами, иначе супружество будетъ далеко отъ правилъ апостола Павла". Вѣроятно въ тѣхъ же видахъ прибавлено, что образованіе женъ будущихъ священниковъ должно „подвигаться на значительной разности противъ степени образованности поступающихъ изъ семинаріи духовныхъ пастырей". Въ составленномъ въ 1863 году духовно-учебнымъ управленіемъ уставѣ училищъ западнаго края главною цѣлью ихъ учрежденія было постановлено: „воспитывать дѣвицъ въ правилахъ благочестія по ученію православной церкви и въ русскомъ народномъ духѣ, съ тѣмъ, чтобы воспитанницы могли впослѣдствіи имѣть благотворное вліяніе на окружающую ихъ среду строго-нравственною жизнью и дѣятельнымъ исполненіемъ семейныхъ обязанностей".

Въ уставѣ черниговскаго училища, составленномъ преосвященнымъ въ 1860 году, къ главной цѣли, общей всѣмъ училищамъ, была прибавлена и другая: чтобы воспитанницы, въ случаѣ одиночества, могли бы имѣть отъ воспитанія вѣрныя и для другихъ полезныя средства къ жизни или обучая въ свою очередь дѣтей имъ поручаемыхъ, или, наученныя рукодѣлію и хозяйству, отъ этихъ занятій. Этимъ уставомъ, какъ и другими уставами епархіальныхъ училищъ, съ самаго начала ихъ возникновенія допускались кромѣ казенныхъ воспитанницъ, содержимыхъ на средства мѣстнаго духовенства, и пенсіонерки, полупенсіонерки и приходящія, притомъ и изъ другихъ, кромѣ духовенства, сословій, съ тою цѣлью, чтобы „черезъ нравственно-религіозное воспитаніе ихъ болѣе и болѣе способствовать укрѣпленію во всѣхъ званіяхъ вѣры и благочинія и распространенію полезныхъ знаній".

Въ уставѣ нижегородскаго училища 1867 года свѣтскія воспитанницы допускались „въ видахъ сближенія сословій и духовномъ направленіи въ образованіи ихъ“, а также ради усиленія средствъ училища. Нѣкоторые преосвященные предлагали не брать платы съ приходящихъ. Епископъ архангельскій писалъ, что это „было бы дѣломъ христіанской любви“. Въ черниговскомъ уставѣ для облегченія сельскихъ священно- и церковнослужителей, имъ позволялось платить за воспитаніе дочерей провизіею и даже было обозначено (§ 11) количество муки, крупы, грибовъ, коноплянаго масла и пр., которое равнялось бы требуемой за содержаніе въ училищѣ платѣ.

Большинство преосвященныхъ высказалось за закрытую систему воспитанія въ училищахъ для казенныхъ воспитанницъ. Одни находили, что отпуски на вакаціи домой „безполезны и неудобны“, другіе „въ видахъ соблюденія непрерывности въ одинаковомъ направленіи воспитанія“. Нѣкоторые, допуская отпуски, ставили условіемъ, чтобы смотрительница или помощница сопровождала воспитанницу даже къ родственникамъ, или, соглашаясь на отпуски во время вакацій, внѣ этого времени разрѣшали отпускъ лишь на нѣсколько часовъ къ матери. Исправляющій должность оберъ-прокурора св. Синода въ 1859 году, князь Урусовъ, высказался противъ отпусковъ. „При грубости и даже испорченности нравовъ въ нѣкоторыхъ семействахъ — писалъ онъ—воспитанницы, не довольно укрѣпленныя училищнымъ образованіемъ, могутъ утратить во время каникулъ начатки полученнаго, но еще не укрѣпившагося воспитанія и вынести вредъ“. Съ другой стороны преосвященный литовскій, предлагая преобразовать бывшій при Буйничскомъ (могилевской епархіи) монастырѣ пріютъ въ училище, высказывалъ мысль, что воспитанницы его „не должны быть затворницами, отъ міра отчужденными. Напротивъ, онѣ должны познакомиться съ домохозяйствомъ, дабы не чуждались ожидающей ихъ жизни“. Духовно-учебное управленіе исключило параграфъ объ отпускахъ изъ тѣхъ уставовъ, гдѣ они допускались.

Когда вопросъ объ отпускахъ изъ институтовъ былъ поднятъ въ вѣдомствѣ учрежденій императрицы Маріи, и когда даже въ духовныхъ журналахъ стали появляться статьи противъ закрытой системы женскаго воспитанія, оберъ-прокуроръ обратился въ 1862 году къ преосвященнымъ съ просьбой высказать свое мнѣніе по вопросу о томъ, что „какъ утверждаютъ нѣкоторые педагоги“, замкнутое воспитаніе разобщаетъ съ жизнью и вредно вліяетъ на нравственное настроеніе и физическій организмъ во-

спитывающихся. Митрополитъ литовскій отвѣтилъ, что считаетъ отпуски весьма полезными, но что въ виленскомъ училищѣ, гдѣ отпуски, не только на вакаціи, но и въ праздники, разрѣшены по ходатайству его предшественника еще въ 1861 году, надо допускать ихъ съ величайшею разборчивостью, „если училищное начальство признаетъ надежно обезпеченнымъ охраненіе воспитанницъ какъ на мѣстѣ отпуска, такъ и въ пути, туда и обратно". На этихъ условіяхъ митрополитъ даже ходатайствовалъ о разрѣшеніи отпусковъ.

Преосвященный иркутскій, ссылаясь на опытъ мѣстнаго училища, оговорилъ свое согласіе на отпуски тѣмъ, что увольнять можно лишь къ родителямъ, которые дадутъ и средства на проѣздъ воспитанницѣ. „Но если и не всѣ будутъ уѣзжать—писалъ онъ—то все-таки отпуски полезны, ибо возвратясь въ училище, бывшія въ отпуску разсказываютъ остававшимся что̀ видѣли, оживляютъ и въ нихъ понятія о сельской домашней жизни и родственнаго сочувствія". При этомъ преосвященный сослался и на опытъ могилевскаго училища, гдѣ воспитанницы, побывавъ въ отпуску физически крѣпнутъ, лучше, по возвращеніи, цѣнятъ положеніе въ училищѣ видя и непріятныя стороны домашняго быта, приносятъ съ собой запасъ свѣдѣній о сельской жизни, что̀ служитъ матеріаломъ для живыхъ бесѣдъ воспитанницъ между собою, „а такія бесѣды—прибавлялъ преосвященный—питаютъ сочувствіе къ роднымъ и къ сельской жизни".

Преосвященный ярославскій ходатайствовалъ о томъ, чтобы воспитанницъ выводили гулять лѣтомъ и зимой и отпускали домой на Пасху, Рождество и вакаціи, такъ какъ постоянное пребываніе вдали отъ родителей отучаетъ ихъ отъ домашняго быта, дѣлаетъ чужими въ кругу родственниковъ. Сказавъ, что уставъ вятскаго училища сообразованъ съ желаніями мѣстнаго духовенства, на средства котораго училище всецѣло содержится, и что въ немъ отпуски разрѣшены, вятскій преосвященный прибавилъ, что „шестилѣтнее безъисходное пребываніе въ училищѣ лишило бы дѣвицъ дорогого для ихъ возраста блага—свиданія съ родителями и жизни въ семействѣ, ослабило бы связь со семьей и съ прежнимъ бытомъ ихъ", а между тѣмъ „разлука воспитанницъ или воспитанниковъ съ семействами сама по себѣ не составляетъ необходимаго условія благоуспѣшнаго образованія, а есть только жертва, безъ которой часто невозможно получить никакого воспитанія". Поэтому вятское духовенство включило въ уставъ своего училища, что воспитанницы увольняются въ отпускъ

не только во всѣ праздничные дни, но иногда, ненадолго, и въ будни.

Въ уставѣ нижегородскаго училища отпуски воспитанницъ домой „по настоятельной нуждѣ и по прошеніямъ“ во всякое время года допускались съ разрѣшенія епархіальнаго начальства, а на каникулы только въ тѣхъ случаяхъ, когда воспитанницу берутъ изъ училища сами, лично, благонадежныя лица.

Оберъ-прокуроръ святѣйшаго Синода, Ахматовъ, высказался за отпуски и на проектъ черниговскаго преосвященнаго, не допускавшаго ихъ, сдѣлалъ замѣчаніе: „въ настоящее время положительно доказано и всѣми признано, что съ воспитаніемъ въ закрытыхъ школахъ обыкновенно соединяются весьма важныя педагогическія неудобства, особенно для бѣдныхъ людей“. Въ числѣ этихъ неудобствъ онъ указалъ на дороговизну закрытыхъ заведеній, недостатокъ въ нихъ хорошихъ воспитателей, „а отъ дурныхъ—писалъ онъ—страдаетъ нравственность питомцевъ“, на то, что успѣхи дѣтей, оторванныхъ отъ семейнаго быта, ниже чѣмъ въ открытыхъ школахъ. „Вообще—говорилъ оберъ-прокуроръ—нѣтъ основанія учреждать закрытую школу въ то время, когда всѣ существующія подобныя школы ожидаютъ преобразованія въ открытыя, каковы и повсюду теперь заводимыя, такъ называемыя женскія гимназіи“.

Въ своемъ докладѣ императрицѣ оберъ-прокуроръ изложилъ, что, оставаясь вдали отъ родной семьи во все время пребыванія въ училищѣ, воспитанницы могутъ забыть то состояніе, въ какомъ жили прежде, у нихъ можетъ явиться холодность къ семейному быту, чувство недовольства своимъ положеніемъ при быстромъ переходѣ отъ обезпеченной жизни къ жизни исполненной лишеній. Поэтому онъ предлагалъ отпускать воспитанницъ домой на Пасху, Рождество и каникулы, съ предложенными литовскимъ митрополитомъ ограниченіями.

Императрица согласилась на лѣтніе отпуски, но лишь къ не далеко живущимъ родителямъ и родственникамъ и съ разрѣшенія училищнаго начальства. Что же касается отпусковъ на Пасху и Рождество, то она не нашла это возможнымъ потому, что въ это время родители воспитанницъ „слишкомъ заняты исполненіемъ своихъ обязанностей“.

Въ уставѣ паричскаго (минской губ., бобруйскаго уѣзда) училища было сказано, что отпуски воспитанницъ на каникулы допущены „въ уваженіе пользы, приносимой воспитанницами своимъ семьямъ, помощью родителямъ въ домашнемъ и сель-

скомъ ихъ хозяйствѣ, которому и сами учатся въ лѣтнее время на практикѣ".

Въ первое время учрежденія женскихъ духовныхъ училищъ большая ихъ часть образовывалась изъ пріютовъ, существовавшихъ раньше при монастыряхъ. Пріюты состояли подъ непосредственнымъ надзоромъ настоятельницы монастыря и такъ какъ ученіе въ нихъ стояло на второмъ планѣ, то даровое преподаваніе монахинь и послушницъ признавалось достаточнымъ. Содержаніе пріютовъ обходилось дешево, ибо монастырь давалъ имъ разныя пособія. Можетъ быть поэтому, большинство преосвященныхъ были за устройство училищъ при монастыряхъ. Но нѣкоторые преосвященные настаивали на томъ, чтобы училища устраивались отдѣльно отъ монастырей, и не въ общемъ съ ними управленіи и чтобы надзоръ за воспитанницами поручался не монахинямъ, а вдовамъ священниковъ, ближе знающимъ бытъ священническихъ женъ.

Въ 1859 году, по поводу проекта устава духовныхъ училищъ въ западномъ краѣ, при каждомъ изъ которыхъ предполагалось помѣщать общину монахинь, а начальство надъ училищемъ ввѣрять игуменьѣ, князь Урусовъ, возражая противъ проекта, указалъ на трудность найти такое лицо, въ которомъ соединялись бы всѣ условія монашескаго призванія и мірской опытности. По его мнѣнію, рѣдко въ обителяхъ наставницы, а въ училищахъ начальницы вполнѣ соотвѣтствуютъ своему назначенію и тѣмъ болѣе трудно найти такую, которая могла бы управлять и монастыремъ, и училищемъ. Къ этому князь Урусовъ прибавилъ: „всегда ли монастырская община состоитъ изъ лицъ избранныхъ, можетъ служить примѣромъ для воспитанницъ? Полезно ли и возможно ли у насъ въ Россіи, безъ внимательной предусмотрительности учреждать при монастырѣ училище для образованія будущихъ священническихъ женъ и матерей семействъ"? Такое назначеніе училищъ для дѣвицъ духовнаго званія онъ считалъ столь важнымъ, что предложилъ даже принимать въ нихъ прежде всего дочерей достаточныхъ священниковъ пенсіонерками, ибо онѣ имѣютъ болѣе шансовъ скорѣе выйти замужъ и дѣйствовать въ значительныхъ приходахъ, чѣмъ казенныя воспитанницы, содержимыя съ благотворительными цѣлями.

По проекту духовныхъ депутатовъ, присланныхъ въ 1859 г. изъ западныхъ епархій для участія въ комитетѣ объ улучшеніи быта сельскаго духовенства, игуменьѣ было предоставлено лишь почетное попечительство надъ училищами въ западномъ краѣ, а

начальницею могла быть или „благонадежная монахиня“, или „честная и образованная вдова свѣтскаго званія“. При этомъ начальницѣ изъ монашествующихъ назначалось 300 р. въ годъ жалованья, а изъ свѣтскихъ 500.

Училища западнаго края должны были состоять подъ покровительствомъ императрицы, подъ управленіемъ епархіальнаго архіерея, подъ „призрѣніемъ“ игумены, какъ почетной попечительницы, и наблюденіемъ епархіальнаго начальства.

Въ 1862 году могилевскій архіепископъ писалъ оберъ-прокурору, что въ преобразованномъ изъ находившагося при Буйничскомъ заштатномъ монастырѣ пріюта для дѣвочекъ, могилевскомъ училищѣ для дѣвицъ духовнаго званія, двѣ монастырскія послушницы занимаются „попеченіемъ о воспитанницахъ“ и что жалобъ отъ монастыря на неудобства отъ нахожденія при немъ училища нѣтъ. Но при составленіи проекта устава для этого училища были представлены возраженія противъ помѣщенія его при монастырѣ. Было указано на то, что въ древности училища при монастыряхъ дозволялись лишь при условіи, что воспитаніе въ нихъ будетъ имѣть цѣлью приготовленіе воспитанницъ къ монашеской, а не мірской жизни, что нарушеніе этого правила помѣщеніемъ въ монастырѣ училища, готовящаго воспитанницъ къ супружеской жизни, наноситъ ущербъ обителямъ, рѣшающимся открыть его въ своихъ стѣнахъ; что нареканія на нравственный упадокъ монастырей есть слѣдствіе вмѣшательства въ ихъ дѣла внѣшней силы. „Стоило бы отмѣнить изданный въ прошломъ столѣтіи штатъ монастырей и предоставить обители собственной участи, чтобы прекратить существованіе тѣхъ, въ которыхъ угасъ духъ истиннаго аскетизма“. При этомъ говорилось, что женскіе монастыри въ особенности отличаются трудолюбіемъ и порядкомъ и не заслуживаютъ упрека въ безполезности для общества, ибо призрѣваютъ много безпомощныхъ вдовъ и сиротъ, больныхъ и престарѣлыхъ. Но обязанности воспитательницы несовмѣстимы съ иноческими обѣтами, да и трудно найти воспитательницъ среди монашествующихъ, а оставленіе лучшихъ воспитанницъ помощницами наставницъ училища, неудобно, ибо оно отвлекаетъ воспитанницъ отъ ихъ прямого назначенія—быть женами священниковъ, а училище „даритъ надзирательницами, не имѣющими опыта жизни общественной и знакомыхъ только съ бытомъ училищнымъ“. Въ числѣ другихъ неудобствъ отъ помѣщенія училища въ монастырѣ указывалось и на то, что по церковному уставу монахини сами читаютъ въ церкви, а на клиросахъ хотя и поютъ ученики и ученицы, но

не въ свѣтскихъ платьяхъ, а въ рясахъ. Изъятіе отъ этого воспитанницъ Буйничскаго пріюта было бы стѣснительнымъ и непріятнымъ для инокинь, а ученицы не будутъ въ состояніи вычитывать все положенное „типикомъ“. Кромѣ того, назначивъ членамъ причта должности по училищу, монастырь долженъ будетъ сократить нѣкоторыя богослуженія, введенныя частью обычаемъ, частью уставомъ.

По уставу могилевскаго училища, утвержденному въ 1863 г. для всѣхъ женскихъ духовныхъ училищъ западнаго края, игуменьѣ Буйничскаго монастыря предоставлялось званіе почетной попечительницы, а начальницею могла быть или образованная монахиня, или другого званія дѣвица, или бездѣтная вдова не моложе 30-ти лѣтъ. По штату Буйничскій монастырь долженъ былъ давать училищу по 200 руб. въ годъ. Начальницею училища была оставлена прежняя—рясофорная монахиня, вдова инспектора врачебной херсонской управы, горянка, которая постриглась въ 1853 г. послѣ смерти мужа; съ 1855 по 1856 годъ она была на войнѣ въ качествѣ сестры милосердія въ крестовоздвиженской Общинѣ. Объ ея образованіи имѣлись свѣдѣнія, что она училась закону Божью, французскому языку, географіи, исторіи, грамматикѣ и ариѳметикѣ.

Въ русскихъ губерніяхъ правленіе училища, согласно уставамъ преосвященныхъ, должно было состоять изъ начальницы, на которую возлагалось ближайшее попеченіе объ умственномъ, нравственномъ и физическомъ воспитаніи учениць, двухъ членовъ изъ духовенства (по учебной и хозяйственной частямъ), казначея и дѣлопроизводителя (онъ же и смотритель) и письмоводителя. Во вниманіе къ тому, что вятское и нижегородское училища всецѣло содержались на средства духовенства, уставами ихъ предоставлялось самому духовенству выбирать изъ своей среды въ Совѣтъ училища еще двухъ членовъ, утверждаемыхъ архіереями.

Въ такъ называемыхъ сировоспитательныхъ заведеніяхъ, гдѣ къ общей цѣли присоединялась и благотворительная „дать пріютъ безпомощнымъ сиротамъ и доставить имъ приличное воспитаніе“, на правленіе возлагалась обязанность пристроить всѣхъ воспитанницъ по окончаніи ими курса, преимущественно выдачею ихъ замужъ, а до замужества оставлять болѣе способныхъ при училищѣ въ качествѣ помощницъ воспитательницъ, или иныхъ сверхштатныхъ должностяхъ; другихъ помѣщать на время въ женскіе монастыри или въ женскія заведенія, „имѣющія нужду въ благовоспитанныхъ дѣвицахъ“.

Въ Пензѣ училище было открыто въ домѣ, гдѣ помѣщалась богадѣльня. Въ него могли приниматься, по проекту преосвященнаго, только сироты съ хорошими способностями, „дабы сиротскія суммы не вотще на нихъ тратились“. Начальницею этого училища была опредѣлена тамбовская помѣщица, которая, по отзыву преосвященнаго, „болѣе 14-ти лѣтъ предстояла церкви святого Митрофана въ постѣ и бдѣніи и вызвала пожертвователей для учениць постельнымъ бѣльемъ, нижнимъ и верхнимъ платьемъ“. Преосвященный писалъ князю Урусову, что ожидаетъ отъ нея значительной пользы и поддержки училищу.

Нѣкоторые преосвященные полагали возможнымъ приглашать почетными членами училищныхъ Совѣтовъ какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ лицъ при условіи опредѣленнаго, годового съ ихъ стороны взноса въ пользу училища. Въ проектѣ черниговскаго преосвященнаго этотъ взносъ былъ ограниченъ десятью рублями и за это почетнымъ членамъ предоставлялось право подавать свое мнѣніе при пріемѣ учениць, также по вопросамъ, касающимся улучшенія состоянія училища по всѣмъ частямъ, посѣщать училище, повѣрять занятія и успѣхи воспитанницъ, расходы училища; въ удостовѣреніе ихъ службы при училищѣ имъ должны были выдаваться каждые три года свидѣтельства отъ членовъ попечительства; почетнымъ членамъ изъ духовныхъ предоставлялось право заносить въ свои формуляры службу по училищу. Въ уставахъ нижегородскаго и вятскаго преосвященныхъ предполагался при училищѣ попечительскій комитетъ „изъ извѣстныхъ любовью къ просвѣщенію духовныхъ лицъ“ въ числѣ 4-хъ, или 6-ти по выбору духовенства на четыре года.

Почетные блюстители могли быть изъ купцовъ или дворянъ; имъ ввѣрялась хозяйственная часть. Преосвященные орловскій и архангельскій предложили избирать и почетную блюстительницу, обязанную заботиться главнымъ образомъ о матеріальномъ благосостояніи училища, съ предоставленіемъ ей права посѣщать его во всякое время, наблюдать за всѣмъ хозяйствомъ и свои наблюденія письменно сообщать преосвященному, присутствовать на экзаменахъ и подписывать похвальные листы вмѣстѣ съ другими начальствующими лицами. Но духовноучебное управленіе не согласилось ни на избраніе почетной блюстительницы, ни на приглашеніе почетныхъ членовъ въ Совѣты училищъ.

Въ правилахъ, составлявшихся иногда преосвященными для внутренняго порядка училища, высказывались желанія и взгляды высшаго духовенства на характеръ воспитанія, которое должно было давать училище. Архангельскій преосвященный предписалъ,

чтобы воспитаніе имѣло семейный характеръ; поэтому не должно быть ни частныхъ, ни публичныхъ экзаменовъ „и вообще всей формальности обыкновенныхъ училищъ". Дѣти должны быть часто на воздухѣ, дѣлать гимнастику; „шнуровки и кринолины" запрещались.

Въ уставѣ вятскаго преосвященнаго не допускались никакія наказанія, кромѣ замѣчаній и выговора наединѣ. Въ уставѣ пензенскаго училища было сказано, что поведеніе ученицъ будетъ цѣнимо выше ученія, и для этого должна быть заведена особая книга съ занесеніемъ въ нее именъ отличившихся христіанскими добродѣтелями воспитанницъ, съ подробнымъ описаніемъ ихъ поступковъ и дѣйствій. Въ видѣ награды ученицѣ позволялось „сдѣлать себѣ какую-либо вещицу для наряда", а лучшія изъ выпускныхъ „первѣе другихъ указуются въ невѣсты". Въ нижегородскомъ уставѣ смотрительницѣ предписывалось отличать добронравныхъ и успѣшныхъ: похвалою въ присутствіи другихъ воспитанницъ и учащихъ, порученіемъ имъ надзора за младшими воспитанницами, дозволеніемъ носить въ волосахъ бантъ изъ лентъ.

Проектъ устава нижегородскаго училища былъ составленъ, по порученію преосвященнаго, комитетомъ изъ семи протоіереевъ и разсмотрѣнъ духовною консисторіею. Представляя этотъ проектъ на утвержденіе графа Толстого въ 1866 г., преосвященный писалъ: „надо бы только подробнѣе опредѣлить—какимъ образомъ изъ дѣвицы образовать смышленую хозяйку, искусную швею, трудолюбивую и способную къ перенесенію трудовъ женщину, которая могла бы обходиться въ жизни безъ кухарки и безъ всякой прислуги; которая въ несчастныхъ обстоятельствахъ жизни могла бы содержать себя съ семействомъ трудами рукъ своихъ. Научное образованіе, получаемое дѣвицами, хотя было бы и религіозное, безъ практичнаго, личнаго знакомства со всякими трудами и занятіями по всѣмъ частямъ домашняго хозяйства и благоустройства, можетъ изнѣживать ихъ организмъ, отучать отъ труда физическаго, можетъ поселить ложный стыдъ къ такъ называемымъ чернымъ трудамъ даже въ тѣхъ воспитанницахъ, которыя, по выходѣ изъ заведенія, должны будутъ жить въ курной и грязной избѣ бѣдной вдовы матери, или бѣднаго отца".

Въ первыхъ уставахъ женскихъ епархіальныхъ училищъ преосвященные держались той программы ученія, которая была предписана уставомъ царскосельскаго училища; при этомъ нѣкоторые преосвященные пояснили, что ученіе должно быть усвоено

„не столько памятью и языкомъ, сколько умомъ и сердцемъ, черезъ размышленіе, собственное личное сознаніе и убѣжденіе". Въ царскосельскомъ училищѣ, рядомъ съ преподаваніемъ учебныхъ предметовъ, воспитанницы старшаго класса должны были пріучаться „къ уходу за нѣкоторыми растеніями, употребляемыми въ медицинѣ", приготовленіемъ наиболѣе употребительныхъ лекарствъ, хожденію за больными, домашнему хозяйству, занятіямъ съ младшими воспитанницами. Для ознакомленія ихъ съ пріемами обученія была открыта въ 1860 году воскресная школа въ зданіи училища. Эта программа была расширена при составленіи преосвященнымъ могилевскимъ устава для училищъ западныхъ губерній, которыя должны были также находиться подъ покровительствомъ императрицы. Этимъ уставомъ въ нихъ вводилось преподаваніе естественной исторіи „въ общихъ чертахъ", при чемъ особенное вниманіе должно было обращаться на „употребленіе произведеній природы въ общежитіи и хозяйствѣ", также рисованія съ натуры по методѣ Сапожникова; воспитанницамъ старшаго класса предписывалось сообщать понятія о хожденіи за дѣтьми и больными, о свойствахъ и употребленіи врачебныхъ средствъ „которыми можно лечить въ отсутствіе врача". Преосвященный минскій, осмотрѣвъ состоявшее подъ покровительствомъ императрицы и основанное на ея средства паричское училище, совѣтовалъ въ 1862 г. преподавать воспитанницамъ популярную медицину и гигіену, говоря, что это нужно знать въ сельскомъ быту и „для популярности среди прихожанъ". При этомъ онъ ссылался на примѣръ женъ англійскихъ пасторовъ и на то, что воспитанницы женскихъ духовныхъ училищъ будутъ впослѣдствіи учительницами народныхъ школъ.

Въ правилахъ, составленныхъ пензенскимъ преосвященнымъ, и въ уставахъ сибирскаго и нѣкоторыхъ другихъ училищъ, въ программу было включено преподаваніе „научнаго распознаванія видовъ болѣзней по особому краткому лечебнику, изданному нѣкогда для народнаго употребленія" и умѣнья подать первую помощь больному, а въ черниговскомъ училищѣ предполагалось, что врачъ будетъ объяснять воспитанницамъ употребленіе простыхъ лекарствъ.

Духовноучебное управленіе сначала соглашалось на такое расширеніе программы въ епархіальныхъ училищахъ и оберъ-прокуроръ самъ, въ 1861 г., указалъ черниговскому преосвященному на пробѣлъ въ составленномъ имъ для училища уставѣ; „зачѣмъ въ его программу не включено преподаваніе естествен-

ныхъ наукъ и физической географіи, которыя теперь вездѣ вводятъ". Онъ высказался противъ обученія опытному хозяйству, чего не могли съ успѣхомъ ввести ни въ одномъ закрытомъ заведеніи, а также противъ обученія воспитанницъ церковному пѣнію. Преосвященный ярославскій также находилъ излишнимъ обученіе церковному пѣнію въ ярославскомъ училищѣ по 6-ти часовъ въ недѣлю „притомъ не духовнымъ лицомъ, а унтеръ-офицеромъ". Онъ сказалъ, что слышалъ будто воспитанницы „нерѣдко оставляютъ заведеніе съ полуразстроенною грудью, и прибавилъ, что можетъ указать на нѣкоторыхъ священниковъ, которые жалуются, что, взявъ невѣсту изъ воспитанницъ духовнаго училища, „подвергли черезъ то себя раннему вдовству или угрожаются имъ".

Противъ обученія опытному хозяйству высказались и нѣкоторые преосвященные, находя, что пряденію льна, полевымъ работамъ, шитью одежды, вообще всѣмъ занятіямъ по хозяйству, неудобно обучать въ училищѣ и что все это можетъ быть узнано воспитанницами внѣ его „безъ нарочитой науки".

Въ 1862 г. литовскій митрополитъ ходатайствовалъ о томъ, чтобы въ виленскомъ духовномъ училищѣ воспитанницъ обучали французскому, и вообще иностраннымъ языкамъ, также музыкѣ, на томъ основаніи, что до учрежденія училища, дочери зажиточнѣйшихъ лицъ православнаго духовенства воспитывались въ свѣтскихъ пансіонахъ и если виленское училище въ этомъ отношеніи будетъ уступать пансіонамъ, то не будетъ достигаться главная, кромѣ приготовленія супругъ для духовенства, цѣль— отклонить дочерей духовенства отъ латино-польскаго образованія. Митрополитъ ссылался и на родителей, которые, по его словамъ, „были озадачены" тѣмъ, что въ состоящемъ подъ покровительствомъ императрицы училищѣ не преподаются иностранные языки и музыка, что многія изъ поступившихъ въ него ученицъ уже знали эти предметы, что эта мѣстная потребность такъ развита въ краѣ, что родители не будутъ помѣщать въ училище своихъ дочерей и въ немъ останутся однѣ сироты-казеннокоштныя, которыя и безъ того нелегко находятъ себѣ жениховъ.

Оберъ-прокуроръ выразилъ опасеніе, что знаніе французскаго языка и музыки „можетъ возбудить въ бѣдной дѣвушкѣ привычки и потребности, несоотвѣтствующія ожидающей ихъ жизни, развить наклонность къ свѣтскости, что будетъ имѣть вліяніе и на семейныя ихъ отношенія съ мужьями, не получившими лоска въ воспитаніи". Кіевскій митрополитъ, мнѣніе ко-

тораго было спрошено по повелѣнію императрицы, былъ рѣшительно противъ преподаванія иностранныхъ языковъ и музыки въ женскихъ духовныхъ училищахъ. „Плоды пансіонскаго образованія — писалъ онъ въ 1863 г. — подъ обаятельнымъ вліяніемъ французскаго языка и музыки, въ странѣ издревле православной, извѣстны своимъ разрушительнымъ дѣйствіемъ на духовный организмъ молодыхъ людей". По его мнѣнію, тутъ колебаться нельзя, ибо опасность отъ предлагаемаго расширенія программы училищъ для дочерей духовенства грозитъ не только православной церкви, но и гражданскимъ отношеніямъ, ибо знаніе французскаго языка и музыки откроетъ дѣвицамъ двери въ панскіе дома, чего желаютъ богатые священники, „проникнутые еще уніатскимъ или, что тоже, польскимъ духомъ" въ надеждѣ, что тамъ ихъ дочери скорѣе выйдутъ замужъ. Послѣдствіемъ, по мнѣнію кіевскаго митрополита, будетъ то, что православіе съ русскимъ патріотизмомъ отъ этого выдохнутся, воспитанницы не захотятъ идти замужъ за священниковъ, а будутъ выходить за шляхтичей и придется закрыть училище какъ недостигающее цѣли. „Не говорю о томъ —прибавлялъ митрополитъ—что съ музыкой почти необходимо соединены танцы, а плясавица, по каноническимъ законамъ православной церкви, не можетъ быть женою священника".

Императрица согласилась съ мнѣніемъ кіевскаго митрополита.

Но въ программу вятскаго училища были включены, какъ предметы необязательные, за особую плату, французскій или нѣмецкій языки, также музыка. Вообще программа вятскаго училища была обширнѣе всѣхъ другихъ; ученіе о православной христіанской вѣрѣ и нравственности должно было сопровождаться краткимъ объясненіемъ церковныхъ и гражданскихъ законовъ „преимущественно относящихся къ прихожанамъ и сельскому быту"; при преподаваніи ариѳметики должны были даваться свѣдѣнія изъ геометріи; по естествовѣдѣнію — обозрѣніе природы и ея явленій, изъ физики, естественной исторіи, математической и физической географіи, астрономіи, геологіи и химіи, въ приложеніи къ хозяйству. Обученіе этимъ предметамъ мотивировалось преосвященнымъ тѣмъ, что „странно было бы въ женщинѣ систематически образованной встрѣтить невѣдѣніе самыхъ обыкновенныхъ предметовъ и явленій природы: дождь, громъ, молнія, солнце, квадратъ, конусъ и пр. Кромѣ того воспитанницамъ должны были сообщаться, по мѣрѣ возможности, основныя правила діэтетики, физическаго воспитанія дѣтей, хож-

денія за больными, о свойствахъ врачебныхъ растепій. За направленіемъ и „достоинствомъ образованія“ долженъ былъ наблюдать особый попечительный комитетъ по выбору преосвященнаго изъ извѣстныхъ любовью къ просвѣщенію духовныхъ лицъ; на него возлагалась забота о томъ, чтобы преподаваніе велось по лучшимъ методамъ и руководствамъ и чтобы учебныя пособія всегда находились въ достаточномъ количествѣ. Синодъ разрѣшилъ эту программу и призналъ такое училище полезнымъ. Оно было открыто въ 1863 г., начальницею его была назначена бывшая воспитанница Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ. Но когда два года спустя въ *Вятскихъ епархіальныхъ Вѣдомостяхъ* было напечатано росписаніе предметовъ въ училищѣ и въ ихъ числѣ были: анатомія, физіологія, патологія, терапія, фармакологія, гигіена, психологія, логика, то одно высокопоставленное лицо обратило на это вниманіе оберъ-прокурора Синода. Духовно-учебное управленіе вошло тогда въ Синодъ съ представленіемъ о томъ, что напечатанная въ *Вятскихъ Вѣдомостяхъ*, утвержденная преосвященнымъ программа расширена противъ прежней, что она превышаетъ умственныя силы и способности дѣвицъ, что опытъ показалъ совершенную достаточность для женскихъ духовныхъ училищъ, программы царскосельскаго училища, къ которой и должна быть примѣнена программа вятскаго училища, „не имѣющая никакого отношенія къ средѣ, въ коей должны будутъ находиться воспитанницы по выходѣ изъ училища“.

Но преподаваніе естественной исторіи, также сообщеніе воспитанницамъ здравыхъ понятій о хожденіи за дѣтьми и за больными, о свойствахъ и употребленіи врачебныхъ средствъ, о физическомъ и нравственномъ воспитаніи дѣтей разрѣшалось даже уставомъ могилевскаго училища, утвержденнымъ въ 1863 году для всѣхъ училищъ западнаго края.

Въ этомъ уставѣ, между прочимъ, предписывалось учителю исторіи (законоучителю) „съ особеннымъ вниманіемъ раскрывать воспитанницамъ исторіи святыхъ женъ и дѣвицъ, о которыхъ говоритъ Библія и церковная исторія, чтобы показать примѣры истиннаго благочестія и христіанскихъ добродѣтелей, которыхъ должны достигать воспитанницы“, также указывать на мѣстныя церковныя событія, а при преподаваніи географіи и самыя мѣста, гдѣ эти событія совершались.

Съ 1860 года кончившія курсъ въ царскосельскомъ училищѣ воспитанницы посылались на средства, отпускавшіяся изъ духовно-учебныхъ капиталовъ, въ устроенную княжною Дундукову

ковой-Корсаковою въ ея имѣніи псковской губерніи сельскую школу „для усовершенствованія себя въ практическомъ приложеніи своихъ знаній“. Съ цѣлью привлеченія воспитанницъ могилевскаго училища къ христіанской дѣятельности, княжна Дундукова-Корсакова представила императрицѣ въ 1862 году проектъ устройства въ одномъ изъ окрестныхъ селеній, при Буйничскомъ монастырѣ, больницы подъ завѣдываніемъ начальницы училища, бывшей сестры милосердія въ крымскую войну. Рядомъ съ этимъ, въ проектѣ предлагалось разрѣшить воспитанницамъ училища обучать грамотѣ въ окружающихъ монастырь деревняхъ, подъ надзоромъ наставницы, знакомой съ новѣйшими способами преподаванія; „а этими способами — писала княжна Дундукова— пренебрегать нельзя, ибо они ускоряютъ распространеніе грамотности и привлекаютъ крестьянъ къ необходимому для нихъ чтенію св. Евангелія“. По отзыву могилевскаго губернатора, нѣтъ препятствій къ допущенію воспитанницъ могилевскаго училища обучать крестьянъ и лечить больныхъ; но средствъ на устройство больницы и сельскихъ школъ у губернатора нѣтъ и если духовное вѣдомство въ нихъ откажетъ, то проектъ княжны можетъ, по мнѣнію губернатора, осуществиться съ развитіемъ крестьянскихъ обществъ, „ибо по силѣ положенія о крестьянахъ, всякаго рода расходы на общеполезныя сельскія заведенія должны находиться въ полномъ ихъ завѣдываніи“. Но преосвященный могилевскій, кромѣ недостатка средствъ на больницу и школы, указалъ и на то, что родители или родственники дѣвицъ не будутъ охотно оставлять своихъ дѣтей по окончаніи ими курса, для занятій въ сельской школѣ или больницѣ. Кромѣ того преосвященный находилъ, что въ училищѣ дается воспитанницамъ достаточно свѣдѣній, ибо онѣ обучаютъ малолѣтнихъ, поступающихъ неграмотными, воспитанницъ, ходятъ за больными подругами, при чемъ начальница сообщаетъ имъ понятія о средствахъ къ леченію обыкновенныхъ болѣзней и онѣ, подъ ея руководствомъ, приготовляютъ травы отъ простуды и другихъ болѣзней.

До 1865 года духовно-учебное управленіе соглашалось на предложенія преосвященныхъ относительно расширенія программъ женскихъ епархіальныхъ училищъ сравнительно съ программою царскосельскаго. Не говоря о преподаваніи нѣкоторыхъ, вызываемыхъ мѣстными особенностями, предметовъ, напримѣръ, исторіи раскола въ уфимскомъ и олонецкомъ училищахъ, молдаванскаго языка въ кишиневскомъ, грузинскаго въ тифлисскомъ, многіе преосвященные считали необходимымъ повысить и вступительную программу при пріемѣ ученицъ, требуя отъ нихъ умѣнья

читать и писать; также знакомить воспитанницъ старшаго класса съ естественною исторіею и физикою. Въ такомъ смыслѣ высказался и преосвященный волынскій, который, вообще, не стоялъ за расширеніе программы женскихъ духовныхъ училищъ и предложилъ даже исключить изъ нея изученіе десятичныхъ дробей и тройного правила, находя это лишнимъ „безъ нужды затрудняющимъ дѣтей“, а вмѣсто того преподавать имъ естественную исторію. Духовно-учебное управленіе, соглашаясь съ преосвященнымъ относительно сокращенія программы математики, нашло невозможнымъ повысить вступительныя требованія отъ ученицъ. Изъ предложенной въ 1865 году кіевскимъ митрополитомъ для состоявшаго подъ покровительствомъ императрицы кіевскаго училища программы оно исключило: естественную исторію, хожденіе за больными, понятія о свойствахъ и употребленіи врачебныхъ средствъ, уходъ за дѣтьми, понятія объ ихъ физическомъ и нравственномъ воспитаніи. Исключая эти же предметы, также научное распознаваніе видовъ болѣзней и подачу первой помощи больному, изъ предложенной сибирскимъ преосвященнымъ программы училища въ Тобольскѣ, духовно-учебное управленіе мотивировало это тѣмъ, что такія знанія принесутъ воспитанницамъ мало пользы, а лучше назначенное на нихъ время употребить на преподаваніе имъ такихъ предметовъ, „усвоеніе которыхъ составляетъ главную цѣль ихъ образованія въ училищѣ“.

Отстаивая свою программу, преосвященный сибирскій писалъ оберъ-прокурору графу Д. А. Толстому, что она была составлена для пензенскаго училища, находившагося при монастырѣ, опытною игуменьею, управлявшею монастыремъ въ теченіе 30-ти лѣтъ „искусственною въ нравственномъ образованіи женскаго пола паче многихъ другихъ воспитательницъ“.

Хотя въ программѣ, составленной комитетомъ изъ духовныхъ лицъ по выбору преосвященнаго нижегородскаго, и было сказано, что священные предметы должны преподаваться въ большемъ объемѣ и съ большею подробностью чѣмъ другіе, также что преподаваніе и другихъ предметовъ должно быть проникнуто нравственно-религіознымъ духомъ и направленіемъ, но и эту программу духовно-учебное управленіе измѣнило въ 1866 году на томъ основаніи, что она не подходитъ къ Высочайше, въ разное время, утвержденнымъ программамъ состоящихъ подъ покровительствомъ императрицы женскихъ духовныхъ училищъ. Кромѣ исключенія изъ нея преподаванія физики, понятій о воспитаніи, о свойствахъ и употребленіи врачебныхъ растеній, оно

не разрѣшило преподаваніе французскаго и нѣмецкаго языковъ и музыки, какъ несоотвѣтствующихъ будущей средѣ воспитанницъ и потому, что эти предметы не преподаются въ состоящихъ подъ покровительствомъ императрицы училищахъ. Даже въ женскомъ духовномъ училищѣ въ Перѣ, которому давалось ежегодное пособіе изъ собственныхъ суммъ государя и императрицы, и въ которомъ въ 1865 году было болѣе 400 воспитанницъ, попечители также нашли ненужнымъ вводить преподаваніе французскаго языка потому, какъ объяснилъ эфоръ на публичномъ испытаніи, что не слѣдуетъ бѣдную дѣвицу знакомить съ вредною и пустою литературою, „такъ пагубно дѣйствующею въ настоящее время на западѣ, въ средѣ богатыхъ сословій и въ особенности женскихъ поколѣній“.

Но въ томъ же 1865 году состоялось постановленіе духовной консисторіи о преподаваніи въ женскихъ училищахъ одного изъ иностранныхъ языковъ и музыки на томъ основаніи, что „въ духовныхъ мужскихъ учебныхъ заведеніяхъ всегда существовало и существуетъ преподаваніе новѣйшихъ языковъ, подготовленію знанія которыхъ могли бы въ домѣ содѣйствовать матери священнослужительскихъ дѣтей и что Регламентомъ Духовнымъ допускается обученіе семинаристовъ музыкѣ“. Поэтому Синодъ призналъ полезнымъ ввести въ курсъ училищъ для дѣвицъ духовнаго званія необязательные уроки новѣйшихъ языковъ и музыки за плату, на счетъ родителей, по ихъ желанію, „весьма часто заявляемому уже учебному начальству; также потому, что это дало бы возможность бѣднѣйшимъ воспитанницамъ, по окончаніи курса, съ большею удобностью снискивать себѣ средства къ жизни въ должностяхъ домашнихъ учительницъ или гувернантокъ въ лучшихъ домахъ, такъ какъ по опыту извѣстно, что незнающія новѣйшихъ языковъ и музыки дѣвицы, при всемъ научномъ образованіи, не принимаются на таковыя должности“. Послѣ того преподаваніе этихъ предметовъ стало мало-по-малу вводиться въ женскія духовныя училища. Въ кіевскомъ училищѣ при Лебедянскомъ монастырѣ сама игуменья обучала желающихъ, за плату, французскому языку.

Въ 1867 году Синодъ постановилъ расширить программу женскихъ духовныхъ училищъ преподаваніемъ педагогики, находя это полезнымъ въ отношеніи къ дѣлу народнаго образованія „такъ какъ этому дѣлу служатъ многія изъ лицъ женскаго пола духовнаго званія“.

Всѣ эти предметы немедленно были введены въ курсъ многихъ женскихъ духовныхъ училищъ. Въ московскомъ Филаретов-

скомъ, преобразованномъ послѣ смерти его основателя изъ пріюта въ духовное училище, и значительно расширенномъ его преемникомъ, въ 1868 году былъ прибавленъ седьмой классъ и введено правильное преподаваніе физики, алгебры, геометріи, космографіи, вообще программа примѣнена къ курсу среднихъ учебныхъ заведеній.

Въ Высочайше утвержденномъ 20 сентября 1868 года Уставѣ женскихъ епархіальныхъ училищъ курсъ ученія долженъ былъ продолжаться шесть лѣтъ, по году въ каждомъ классѣ и только при недостаткѣ средствъ, временно, разрѣшалось три класса съ двухгодичными курсами. Предметы ученія были назначены слѣдующіе: законъ Божій (21 урокъ въ недѣлю во всѣхъ шести классахъ), русскій языкъ, теорія словесности и исторія русской литературы (21 урокъ), ариѳметика въ старшемъ классѣ и элементарная геометрія (20 уроковъ), географія (10 уроковъ), гражданская исторія всеобщая и русская (9 уроковъ), элементарныя свѣдѣнія изъ физики (5 уроковъ), педагогика (2 урока), церковное пѣніе (10 уроковъ), чистописаніе (10 уроковъ); послѣдніе два предмета въ неклассные часы. Въ эти же часы и за особую плату уставомъ разрѣшено преподаваніе въ видѣ необязательныхъ предметовъ новѣйшихъ языковъ, музыки и рисованія, а въ видѣ обязательнаго для всѣхъ предмета—домашнее рукодѣліе. Для преподаванія каждаго научнаго предмета въ уставѣ указанъ учебникъ, котораго учитель долженъ держаться, „не употребляя письменныхъ къ нему дополненій безъ крайней нужды“ (§ 55).

До 1868 года воспитанницы женскихъ духовныхъ училищъ не пользовались никакими правами. За два года до изданія Устава епархіальныхъ училищъ директоръ училищъ казанской губерніи увѣдомилъ начальницу женскаго духовнаго училища, что бывшая воспитанница училища проситъ разрѣшенія обучать его дочерей элементарнымъ предметамъ. Директоръ спрашивалъ начальницу: даетъ ли училище такія права? Правленіе училища не могло отвѣтить на этотъ вопросъ и обратилось за его разрѣшеніемъ въ духовно-учебное управленіе. Ссылаясь на то, что въ состоящемъ подъ покровительствомъ императрицы казанскомъ училищѣ курсъ ученія вообще одинаковъ съ курсомъ уѣздныхъ училищъ, но по русскому языку, ариѳметикѣ и географіи онъ преподается въ объемѣ женскихъ гимназій, Правленіе казанскаго училища ходатайствовало о предоставленіи воспитанницамъ правъ на званіе домашнихъ учительницъ безъ вторичнаго испытанія, „тѣмъ болѣе, что имъ въ настоящемъ (1866) году, въ видахъ открытія сельскихъ женскихъ школъ, читалось нѣсколько уро-

ковъ о первоначальномъ обученіи грамотѣ по методѣ Золотова, Студитскаго и др. и что наставники, каждый по своему предмету, изъявили готовность къ концу уже учебнаго года ознакомить воспитанницъ и съ пріемами преподаванія".

Оберъ-прокуроръ Синода оставилъ это ходатайство безъ послѣдствій на томъ основаніи, что предоставленіе этихъ правъ воспитанницамъ казанскаго училища несогласно ни съ Высочайше утвержденнымъ его уставомъ, ни съ тѣмъ назначеніемъ, какое должно имѣться въ виду при помѣщеніи въ него дѣвицъ. Но годъ спустя права на званіе домашнихъ учительницъ были предоставлены воспитанницамъ всѣхъ женскихъ епархіальныхъ училищъ уставомъ 1868 года, а въ 1870 году онѣ были даны и состоящимъ подъ покровительствомъ императрицы царскосельскому и ярославскому училищамъ. Объ этомъ ходатайствовалъ Синодъ, основываясь на томъ, что въ программахъ этихъ двухъ училищъ были сдѣланы съ 1843 и 1845 годовъ измѣненія, уравнявшія ихъ съ предписываемою Уставомъ программою епархіальныхъ училищъ.

Казанскому училищу такія права были предоставлены въ 1871 году, а съ 1873/74 учебнаго года было разрѣшено преподавать воспитанницамъ физику, геометрію и педагогику съ тѣмъ, чтобы число уроковъ по этимъ предметамъ вполнѣ соотвѣтствовало указаніямъ программы епархіальныхъ училищъ.

Цѣль епархіальныхъ училищъ не опредѣлялась Уставомъ 1868 года такъ, какъ для царскосельскаго; въ Уставѣ было сказано только, что епархіальныя училища суть учебно-воспитательныя заведенія для образованія дочерей православнаго духовенства. Въ нихъ могли поступать дѣвицы и изъ другихъ сословій за плату, опредѣляемую мѣстнымъ духовенствомъ. Епархіальныя училища, по уставу 1868 года, должны были состоять въ вѣдѣніи святѣйшаго Синода, подъ управленіемъ епархіальныхъ архіереевъ и ввѣрялись ближайшему попеченію мѣстнаго духовенства. Всѣ должности по училищу должны были утверждаться архіереемъ, отъ котораго Совѣтъ получалъ предписанія. Духовенству, кромѣ изысканія средствъ къ содержанію училища, предоставлялось право наблюдать за его благосостояніемъ по всѣмъ частямъ, черезъ посредство избираемыхъ имъ на три года, на обще-епархіальныхъ съѣздахъ, двухъ членовъ училищнаго Совѣта, состоящаго подъ предсѣдательствомъ старшаго члена, изъ начальницы и инспектора классовъ; по вопросамъ, касающимся учебной части, Совѣтъ долженъ былъ приглашать въ свои засѣданія, съ правомъ голоса, преподавателей. На обязанности

училищнаго Совѣта лежало составленіе инструкціи для всѣхъ должностныхъ лицъ, не исключая начальницы, и разсмотрѣніе составляемыхъ ею инструкцій для воспитательницъ, также разсмотрѣніе программъ, составляемыхъ учителями. Начальница избиралась съѣздомъ духовенства изъ лицъ всякаго сословія, принадлежащихъ къ православной церкви, „извѣстныхъ избирателямъ педагогическою опытностью и безукоризненнымъ поведеніемъ; ей ввѣрялось главнымъ образомъ религіозно-нравственное воспитаніе дѣвицъ. Въ помощь ей назначались воспитательницы по ея выбору изъ лицъ православнаго исповѣданія, „имѣющихъ, при безукоризненномъ поведеніи, достаточное образованіе“; онѣ должны были помогать воспитанницамъ въ приготовленіи уроковъ, обучать ихъ и рукодѣлію. Училищному Совѣту предоставлялся выборъ инспектора классовъ изъ лицъ, имѣющихъ степень магистра или кандидата; онъ долженъ былъ преподавать законъ Божій и на него возлагалась обязанность сообщать начальницѣ о замѣченныхъ имъ недостаткахъ въ надзорѣ за воспитанницами. Преподаватели опредѣлялись архіереемъ по представленію Совѣта, изъ лицъ духовныхъ и свѣтскихъ, имѣющихъ „удовлетворительные аттестаты о своемъ образованіи въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ“. Въ примѣчаніи къ параграфу 54 сказано, что съ разрѣшенія преосвященнаго могутъ приглашаться и учительницы „получившія достаточное образованіе и предварительно испытанныя Совѣтомъ училища“. Лица женскаго пола допускались почетными блюстительницами по хозяйственной части и могли быть избираемы Совѣтомъ, такъ же, какъ и почетные блюстители, изъ дворянъ, почетныхъ гражданъ или купцовъ.

Пріемный возрастъ для поступленія въ училище назначался девятилѣтній, при чемъ отъ поступающихъ требовалось умѣнье читать по-русски и знаніе обще-употребительныхъ молитвъ. Курсъ ученія полагался шестилѣтній и въ каждомъ классѣ могло быть не болѣе 45 ученицъ. Полными пенсіонерками могли быть сироты мѣстнаго духовенства и дѣти бѣдныхъ священно-церковнослужителей даромъ, или за уменьшенную плату. Прочія дѣвицы духовнаго и другихъ сословій могли быть или полными пенсіонерками за плату, или полу-пенсіонерками.

Воспитанницъ разрѣшалось отпускать домой по праздникамъ и воскресеньямъ съ разрѣшенія начальницы, также на каникулы, но не иначе, какъ по просьбѣ родителей или уполномоченныхъ ими лицъ. Лѣтнія каникулы назначались въ то же самое время, какъ въ мѣстной семинаріи.

Это распоряженіе состоялось вслѣдствіе заявленія начальницы полоцкаго женскаго духовнаго училища въ 1865 году духовно-учебному управленію о томъ, что полоцкое духовенство не разъ выражало ей сожалѣніе, что выпуски изъ женскаго духовнаго училища не совпадаютъ съ выпусками изъ семинаріи, также опасеніе, что принужденные скоро послѣ выпуска поступать на священническія мѣста семинаристы будутъ жениться на необразованныхъ дѣвицахъ, а воспитанницы училища, выпущенныя годомъ позже, будутъ оставаться безъ жениховъ. Къ этому начальница прибавляла, что на ея мнѣніе о полезности для воспитанницъ пожить до замужества въ семьяхъ, духовенство ей возражаетъ, что многія воспитанницы попадутъ въ такую грубую семью, что не будутъ въ силахъ устоять противъ пагубнаго ея вліянія и этимъ повлекутъ нареканія на полученное ими въ училищѣ воспитаніе. Съ этимъ были согласны и нѣкоторые преосвященные.

Еще въ 1858 году оберъ-прокуроръ графъ Толстой просилъ всѣхъ преосвященныхъ высказать свое мнѣніе о томъ, „какъ онъ убѣдился изъ разговоровъ съ разными лицами высшаго іерархическаго сана и простого духовенства, также изъ собственныхъ наблюденій и разспросовъ у родителей воспитанницъ, что воспитаніе въ училищахъ для дѣвицъ духовнаго званія какъ бы отклоняется отъ быта сельскихъ священно- и церковнослужителей. Воспитанницы будто отучаются отъ равнодушія къ удовольствіямъ міра и изнѣженности, утрачиваютъ ту строгость къ себѣ, которая, по милости Божьей, составляла до сихъ поръ счастливое отличіе духовнаго сословія въ Россіи отъ всѣхъ другихъ“. Графъ Толстой спрашивалъ: не потому ли это происходитъ, что преподаватели въ женскихъ духовныхъ училищахъ свѣтскіе, „и могутъ безъ намѣренія быть проводниками свѣтскихъ привычекъ и воззрѣній?“

Митрополитъ Филаретъ отвѣчалъ, что плоды воспитанія въ женскихъ духовныхъ училищахъ еще не видны, но въ видѣ примѣра указалъ на то, что преосвященный камчатскій прислалъ своего сына, студента семинаріи, въ Москву выбрать невѣсту съ тѣмъ, чтобы по рукоположеніи онъ вернулся на востокъ для миссіонернаго служенія. Молодой человѣкъ при посредствѣ одного московскаго священника выбралъ бывшую воспитанницу московскаго духовнаго училища. Ей объяснили, что ее ждетъ, но она согласилась и потомъ камчатскій преосвященный писалъ о ней съ одобреніемъ; во время путешествія ей пришлось ѣхать верхомъ нѣсколько сотъ верстъ по вязкой дорогѣ и она не произ-

несла ни одного слова ропота, замѣчательно исполняла нѣкоторыя правила домашняго благочестія, которыя получила въ московскомъ училищѣ, а когда ея мужа послали къ инородцамъ на Амуръ, изъявила желаніе учиться ихъ языку для того, чтобы учить дочерей инородцевъ и располагать ихъ къ принятію христіанской вѣры.

Преосвященный иркутскій, раздѣляя мнѣніе графа Толстого, находилъ естественнымъ отдаленіе воспитанія въ женскихъ духовныхъ училищахъ отъ быта сельскаго духовенства. Отчасти онъ приписывалъ это тому, что начальницы и воспитательницы свѣтскія, не знаютъ быта сельскаго духовенства, но изъ духовныхъ пока нѣтъ способныхъ начальницъ и воспитательницъ. Вообще въ училищахъ, а особенно въ состоящихъ подъ покровительствомъ императрицы, трудно, по мнѣнію преосвященнаго, избѣжать лучшей обстановки для воспитанницъ чѣмъ та, въ какой онѣ будутъ жить по возвращеніи домой. Находя полезнымъ составить инструкціи начальницамъ, воспитательницамъ и учителямъ, онъ допускалъ, что все-таки воспитанницы будутъ выходить изъ своего духовнаго состоянія, какъ это бываетъ и въ семинаріяхъ и въ свѣтскихъ заведеніяхъ. „Поэтому — писалъ преосвященный—нельзя предполагать какъ бы общимъ, необходимымъ условіемъ воспитанія въ сихъ училищахъ поступленіе воспитанницъ въ духовное состояніе; но при добромъ воспитаніи большая часть ихъ останется въ немъ".

Преосвященный ярославскій предлагалъ въ 1862 году, кромѣ законоучителя, пригласить къ преподаванію въ женскомъ духовномъ училищѣ двухъ семинаристовъ съ тою цѣлью, чтобы училище „сблизилось съ духовнымъ сословіемъ не въ лицѣ только законоучителя, но и другихъ наставниковъ".

Въ первое время учрежденія женскихъ духовныхъ училищъ, открытіе ихъ совершалось торжественно. Донося оберъ-прокурору объ открытіи олонецкаго училища въ 1858 году, преосвященный писалъ, что оно встрѣтило сочувствіе населенія, выразившееся приношеніями, и описывалъ самое торжество открытія. Наканунѣ былъ отслуженъ молебенъ съ акафистомъ въ монастырскомъ главномъ храмѣ и всенощная во всѣхъ городскихъ церквахъ. Въ день открытія, 25-го мая, въ 8 часовъ утра начался переборъ звона и крестный ходъ изъ Собора въ монастырь; на улицахъ были толпы народа, а въ Соборѣ собрались священно-и церковнослужители шести городскихъ церквей и семи сельскихъ. Въ 9 часовъ показалась процессія съ хоругвями при колокольномъ звонѣ, встрѣченная въ монастырѣ народомъ,

чиновниками, гражданами и поклонниками другихъ сословій, игуменьей съ сестрами, строителемъ монастыря, миссіонеромъ, старшими наставниками училища и проч. Послѣ литургіи одинъ изъ наставниковъ сказалъ рѣчь, затѣмъ крестный ходъ направился въ училищный домъ, гдѣ въ присутствіи попечительницы и воспитанницъ, послѣ освященія зданія и окропленія водою, начался актъ открытія. На вторую рѣчь наставника двѣ воспитанницы отвѣчали „разговоромъ межъ собою, выразивъ свои чувства, какими онѣ исполнены, и обязанности, какимъ должны подчиняться въ новомъ состояніи и среди новыхъ людей". Затѣмъ изъ устъ воспитанницы-сироты раздался „гласъ сиротки", оплакивавшей свое сиротское одиночество и утѣшавшейся упованіемъ на Промыслъ Божій. „Сколько искреннихъ, горячихъ слезъ—прибавлялъ преосвященный—вызвалъ изъ глазъ присутствовавшихъ этотъ голосъ сироты!" Послѣ того миссіонеръ сказалъ рѣчь о томъ—какъ вредно для православія невѣжество женщинъ въ олонецкой епархіи и особенно женъ и дочерей священно-и церковнослужителей, и объяснилъ какіе плоды должны произойти отъ ихъ образованія. По окончаніи гимна „Тебѣ Бога хвалимъ", одна изъ воспитанницъ благодарила посѣтителей за ихъ вниманіе. Послѣ того городской Голова передалъ попечительницѣ 51 рубль. Это дало поводъ предложить подписку, по которой было собрано 85 рублей. Затѣмъ была еще рѣчь строителя монастыря, іеромонаха, который подарилъ училищу икону въ серебряномъ окладѣ. Принявъ благословеніе—„а благословеніе сіе изъ дома Господня"—замѣчалъ преосвященный—воспитанницы вышли изъ залы, а крестный ходъ направился обратно въ Соборъ.

Въ болѣе центральныхъ губерніяхъ, на открытіи училищъ присутствовали высшія военныя и гражданскія власти, предводители дворянства, начальники дивизіи, городскія дамы.

Въ уставѣ епархіальныхъ училищъ 1868 года не полагалось публичныхъ экзаменовъ или актовъ. При окончаніи учебнаго года должны были производиться училищнымъ Совѣтомъ экзамены, порядокъ и способъ которыхъ долженъ былъ опредѣляться Совѣтомъ и утверждаться преосвященнымъ. Но нѣкоторые преосвященные до изданія Устава 1868 года включали въ свои проекты уставовъ производство публичныхъ экзаменовъ, а послѣ его изданія почти во всѣхъ училищахъ происходили торжественные акты, на которыхъ воспитанницы говорили рѣчи, играли на фортепіано. На актѣ таврическаго училища, по случаю 2-го выпуска въ 1875 году, воспитанницы,

въ присутствіи преосвященнаго таврическаго, губернатора, вице-губернатора, губернскаго предводителя дворянства, предсѣдателя земской управы, ректора семинаріи со всѣмъ штатомъ служащихъ, директора народныхъ училищъ, начальницы симферопольской женской гимназіи, лицъ мѣстнаго духовенства и пріѣзжихъ, родителей и родственниковъ воспитанницъ и многихъ приглашенныхъ лицъ обоего пола, играли въ четыре руки „Краковякъ“ изъ Жизни за Царя, одна изъ нихъ сыграла „Invitation à la polka“, другая „Traviata caprice de concert“ и „Соловья“ Листа; 4 воспитанницы исполнили въ 8 рукъ увертюру къ „Fra Diavolo“. Губернаторъ раздавалъ награды и аттестаты, и въ заключеніе одна изъ воспитанницъ произнесла обращенную къ преосвященному благодарственную рѣчь, „заставившую многихъ изъ присутствовавшихъ плакать“. Преосвященный отвѣчалъ прощальною рѣчью, въ которой сказалъ, что полученное въ училищѣ воспитанницами образованіе должно и по выходѣ изъ него продолжаться въ видѣ самообразованія для того, чтобы пріобрѣсть умѣнье имъ пользоваться. „Знаніе безъ умѣнья—пояснилъ преосвященный—есть сила по меньшей мѣрѣ безполезная, иногда даже и вредная“. Такіе же акты происходили въ 1878 году и въ другихъ училищахъ, а въ петербургскомъ епархіальномъ училищѣ при Александровскомъ домѣ призрѣнія бѣдныхъ духовнаго вѣдомства, въ присутствіи митрополита [1]).

И въ обыденное время въ стѣнахъ женскихъ епархіальныхъ училищъ устраивались для „поощренія воспитанницъ въ искусствахъ“ вечеринки, на которыхъ онѣ пѣли, играли, декламировали прозу и стихи. На такихъ вечеринкахъ присутствовали иногда и преосвященные [2]).

Состоявшія подъ покровительствомъ императрицы женскія духовныя училища получали пособіе изъ духовно-учебныхъ капиталовъ; изъ этого же источника отпускались большія суммы на постройку для нихъ зданій. Епархіальныя училища почти исключительно содержались на средства мѣстнаго духовенства. Въ 1879 году получали пособіе изъ духовно-учебныхъ капиталовъ, въ общей суммѣ 189.666 рублей, 15 женскихъ духовныхъ училищъ изъ 45-ти; въ числѣ ихъ 12, состоявшихъ подъ покровительствомъ императрицы. На содержаніе 29-ти епархіальныхъ училищъ (отъ одного не представлено отчета) было упо-

[1]) *Церковный Вѣстникъ* издаваемый при С.-Петерб. духовной Академіи. 1875, № 31; 1878, №№ 28—30, 48.

[2]) *„Нѣсколько словъ о женск. епарх. училищахъ“*. М. К. (Женское Образованіе. 1891, № 10).

треблено изъ мѣстныхъ епархіальныхъ средствъ до 765.842 руб., кромѣ пожертвованій частныхъ лицъ, простиравшихся по отчету оберъ-прокурора св. Синода до 60.000 рублей [1]).

Въ первое время учрежденія училищъ, духовенство испытывало много затрудненій въ изысканіи для нихъ средствъ: отдѣлять съ этой цѣлью изъ суммъ попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія, не разрѣшалось, хотя, какъ это было въ началѣ, преосвященные и духовенство смотрѣли на устройство училищъ въ видѣ пріютовъ для бѣдныхъ и сиротъ, какъ на одинъ изъ способовъ призрѣнія ихъ. Не разрѣшались также предлагаемые духовенствомъ разные экстренные источники для содержанія училищъ. Противъ продажи рукодѣлій воспитанницъ оберъ-прокуроръ Синода высказался въ 1859 году по поводу проекта устава училищъ въ западномъ краѣ; неудобство продажи рукодѣлій князь Урусовъ видѣлъ въ соперничествѣ училища съ частными продавцами и неизбѣжномъ при этомъ въ губернскихъ городахъ неудовольствіи. Особенно въ училищахъ, состоявшихъ подъ Высочайшимъ покровительствомъ, нельзя, по мнѣнію оберъ-прокурора, этого допустить, ибо „явятся угодливые покупатели, коихъ сношенія съ училищемъ не всегда откровенны... Торгъ, даже въ небольшомъ объемѣ—писалъ онъ—есть занятіе, недостойное учебнаго заведенія, а процентъ изъ комерческой прибыли, оставляемый воспитанницамъ, поведетъ къ незамѣтному развитію въ нихъ недостатка, въ которомъ и безъ того такъ часто упрекаютъ духовное званіе“.

Орловскій преосвященный предложилъ въ 1864 году какъ источникъ средствъ для пріюта продавать разные кипарисные крестики для „возложенія ихъ при крещеніи на новопросвѣщенныхъ младенцевъ“. Такіе крестики въ 1, 3 и 5 копѣекъ, можно было бы, по мнѣнію преосвященнаго, продавать дороже и прибыль обратить на содержаніе пріюта, „какъ это дѣлается—писалъ онъ—при продажѣ вѣнчиковъ, возлагаемыхъ на умершихъ“, въ пользу сиротъ священно-и церковнослужителей мужского пола. На это оберъ-прокуроръ не согласился потому, что „такая мѣра имѣла бы видъ монополіи“. Онъ не разрѣшилъ и учрежденія при пріютѣ заведенія для приготовленія просфоръ для всѣхъ городскихъ церквей и ближайшихъ сельскихъ, что, по разсчету преосвященнаго, составляло бы 300 рублей въ годъ дохода, сказавъ, что эти 300 рублей, также какъ и поставленные въ смѣту пріюта на основаніи трехлѣтняго опыта, 300 рублей отъ почетныхъ

[1]) Отчетъ за 1879 г.

членовъ и блюстителей, „не могутъ быть приняты въ разсчетъ, ибо та и другая мѣра не можетъ получить законнаго утвержденія“.

Такимъ образомъ, духовенству оставлены были лишь сборы въ своей средѣ, отъ монастырей и церквей, также пожертвованія частныхъ лицъ. Соглашаясь на сборы среди духовенства, Синодъ требовалъ чтобы пожертвованія не были обязательными для него, и въ 1865 году преосвященному тобольскому и сибирскому былъ предложенъ вопросъ: добровольно ли даетъ духовенство средства изъ собственныхъ или изъ церковныхъ суммъ, и въ послѣднемъ случаѣ не уменьшатся ли способы попечительства такъ, что это отразится на содержаніи церквей, а также бѣдныхъ?

Сказавъ, что духовенство жертвуетъ добровольно, преосвященный прибавилъ въ своемъ отвѣтѣ графу Толстому: „долгомъ считаю довести до свѣдѣнія Вашего Сіятельства, что ни одинъ епархіальный архіерей, не обдумавши предпріятіе со всѣхъ сторонъ, не рѣшится представить объ этомъ высшему начальству; онъ не можетъ допустить въ своей епархіи, чтобы и прочія части управленія, по отношенію къ церковной или кошельковой, или вспоможенія на бѣдныхъ въ попечительствѣ потерпѣли что-либо въ своемъ благоустройствѣ; что заведеніе училища самыми каноническими правилами Вселенскихъ Соборовъ всегда было предоставляемо главному и личному усмотрѣнію и распоряженію мѣстныхъ окружныхъ епископовъ, знающихъ и средства свои для содержанія ихъ и самый духъ правилъ при какихъ должно открывать училище“.

Въ 1865 году на запросъ западнаго комитета объ источникахъ средствъ для содержанія женскихъ духовныхъ училищъ въ великорусскихъ губерніяхъ, оберъ-прокуроръ сказалъ, что главнымъ источникомъ служатъ средства епархіальныхъ попечительствъ „составляющіяся изъ грошевыхъ пожертвованій народа на бѣдныхъ духовнаго званія, а пожертвованія духовенства и другихъ лицъ очень ограничены и невѣрны, на нихъ нельзя и разсчитывать“.

Хотя духовенство сначала и не сочувствовало учрежденію женскихъ духовныхъ училищъ, оно, по приглашенію преосвященныхъ, все таки жертвовало на ихъ устройство единовременно, а на содержаніе отчисляло извѣстный процентъ (отъ 2-хъ до 5-ти) съ получаемаго жалованія. Впрочемъ и тутъ было то же, что происходило при устройствѣ женскихъ гимназій и прогимназій: многое зависѣло отъ личной энергіи преосвящен-

наго. Въ Вяткѣ было собрано на устройство училища въ 1862 году 28.754 рубля. Изъ нихъ духовенство пожертвовало отъ себя 5.437 руб. 45 коп., попечительство дало 5.000, изъ прикладныхъ церковныхъ суммъ (кружки, кошельки, лавки и другія, отдаваемыя отъ церквей въ аренду, заведенія) съ согласія старостъ 18.316 рублей. На содержаніе училища большая часть епархіальныхъ церквей обѣщали давать въ первые четыре года по 10% изъ своихъ прикладныхъ суммъ, что составляло всего 14.000 руб. а потомъ по 5%; духовенство, многіе изъ церковныхъ старостъ, не опредѣляя сумму, обязались ежегодно жертвовать, а попечительство взяло на себя, въ случаѣ недостаточности средствъ, доплачивать изъ процентовъ съ принадлежащаго ему капитала въ 115.000 рублей. Кромѣ того отъ 50-ти своекоштныхъ пенсіонерокъ, по 50 рублей съ каждой, ожидалось 2.500 рублей. Штатъ училища былъ составленъ въ 1863 год въ ежегодной суммѣ 10.082 рубля.

Донося объ этомъ Синоду вятскій преосвященный писалъ, что „училище общеполезно и столь доступно уму даже простого поселянина“, что церковные старосты охотно соглашаются на отдѣленіе суммъ для него и сами охотно жертвуютъ. Употребленіе же церковныхъ прикладныхъ суммъ на училище преосвященный находилъ согласнымъ съ канонами Православной церкви и съ правилами содержанія духовноучебныхъ заведеній.

На такихъ же основаніяхъ какъ вятское, были разрѣшены училища въ Архангельскѣ, Тамбовѣ и Кишиневѣ.

Въ уставѣ 1868 года источниками средствъ для содержанія училищъ указаны: добровольныя пожертвованія духовенства, отдѣленіе, съ разрѣшенія преосвященнаго, изъ кошельковыхъ церковныхъ суммъ, пожертвованія по выдаваемымъ черезъ консисторію отъ училищнаго Совѣта приходскимъ священникамъ печатнымъ приглашеніямъ, и платы съ воспитанницъ. Разрѣшались „и другіе законные способы“ изысканія средствъ, которые, съ позволенія преосвященнаго, могли немедленно приводиться въ дѣйствіе.

Крупныя пожертвованія женскимъ духовнымъ училищамъ отъ свѣтскихъ лицъ поступали рѣдко. Императрица Марія Александровна взяла на себя всѣ издержки по содержанію всѣхъ, предположенныхъ по штату, 25-ти ученицъ—основаннаго въ 1860 году женою генералъ-лейтенанта М. Пущиною въ имѣніи ея мужа, мѣстечкѣ Паричахъ близъ Бобруйска, училища, принятаго императрицею подъ свое покровительство. На это выдавалось изъ ея суммъ по 1.300 рублей въ годъ. Этому же училищу графъ Муравьевъ

передалъ изъ находившихся въ его распоряженіи суммъ, 6.000 руб., а министерство внутреннихъ дѣлъ обязалось произвести необходимыя постройки изъ поступавшихъ въ пользу церквей и школъ западнаго края сборовъ и пожертвованій.

Въ 1879 году изъ процентовъ съ завѣщаннаго императрицею Маріею Александровною, находившагося въ вѣдѣніи оберъ-прокурора, капитала въ 60.000 рублей было опредѣлено выдавать бѣднымъ воспитанницамъ царскосельскаго и виленскаго училищъ пособіе на приданое.

Пожертвованія епархіальнымъ училищамъ отъ свѣтскихъ лицъ заключались большей частью въ участкахъ земли и домахъ, рѣже деньгами. Но въ 1865 году московская почетная гражданка А. Мазурина пожертвовала 79.000 рублей для учрежденія на эти средства, вмѣстѣ съ вдовою надворнаго совѣтника П. Булахъ, пожертвовавшею двухъ-этажный каменный домъ съ садомъ и огородомъ, училища для дѣвицъ духовнаго званія въ Ржевѣ.

Въ 1878 году лицомъ, пожелавшимъ остаться неизвѣстнымъ, было пожертвовано „на воспитаніе сиротъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ пермской епархіи“ 50.000 рублей и кромѣ того 10.000 рублей въ неприкосновенный капиталъ для выдачи изъ процентовъ стипендій, каждая по 40 рублей.

Независимо отъ участія вмѣстѣ съ другими въ сборахъ на училища, нѣкоторые монастыри отдѣляли устраиваемымъ при нихъ училищамъ иногда довольно большія суммы: Митрофаньевскій монастырь пожертвовалъ въ 1863 году училищу, устраиваемому въ подаренномъ монастырю потомственнымъ почетнымъ гражданиномъ Нечаевымъ домѣ, 10.000 рублей въ видѣ основного капитала училища, а на его содержаніе два другихъ монастыря обязались давать по тысячѣ рублей въ годъ каждый. На счетъ трехъ женскихъ монастырей полтавской епархіи были учреждены при нихъ женскія училища, при чемъ каждый изъ монастырей взялъ на себя содержаніе по 20 сиротъ, или дѣтей бѣдныхъ родителей.

При основаніи кіевскаго училища въ 1861 году было собрано отъ пяти монастырей 14.327 рублей, въ томъ числѣ поступило отъ Кіевопечерской Лавры единовременно 3.337 руб. и обязательство давать по тысячѣ рублей въ годъ на его содержаніе. Кіевскій митрополитъ пожертвовалъ этому училищу 4.000 р. Кромѣ того поступили пожертвованія отъ свѣтскихъ лицъ: сенатора Фундуклея — 1.000 рублей, князя Васильчикова 500, княгини Голицыной 300, графини Браницкой 300 р. Всего было собрано 20.179 рублей единовременно и на ежегодное содер-

жаніе 6.200 рублей. Въ 1868 году уроженецъ кіевской губерніи бывшій литовскій митрополитъ Іосифъ Сѣмашко завѣщалъ на 7 стипендій воспитанницамъ кіевскаго училища 17.500 р., а въ восьмидесятыхъ годахъ вѣчныхъ вкладовъ на стипендіи училища было 75.028 рублей, изъ процентовъ съ которыхъ выдавалось 22 стипендіи [1]).

По мѣрѣ того какъ женскія духовныя училища развивались и пріобрѣтали все болѣе и болѣе довѣрія со стороны духовенства, и сборы на нихъ становились легче и значительнѣе. На тифлисское училище, открытое по мысли экзарха Грузіи въ 1879 году и состоявшее подъ покровительствомъ великой княгини Ольги Федоровны, было собрано въ теченіе двухъ лѣтъ 67.039 рублей 37 копѣекъ. Въ этой суммѣ 28.000 рублей были пожертвованы экзархомъ на содержаніе сиротъ духовнаго званія. Въ 1867 году на устройство полтавскаго училища было собрано до 50.000 рублей, а на его содержаніе, отъ духовенства и церквей свыше 15.000 р. въ годъ. На училище въ Ставрополѣ (кавказскомъ) было собрано по подпискѣ до 20.000 р. единовременно и по 7.000 р. ежегодно.

Однимъ изъ самыхъ богатыхъ епархіальныхъ училищъ было Филаретовское московское. На его устройство при преобразованіи въ 1863 году изъ Дома воспитанія бѣдныхъ дѣвицъ духовнаго званія въ епархіальное училище, митрополитъ Филаретъ далъ 175.000 рублей изъ сбереженныхъ суммъ Перервинскаго монастыря.

Мысль о преобразованіи Дома въ правильно организованное училище явилась Филарету внезапно. Въ рѣчи, произнесенной предсѣдателемъ училищнаго Совѣта при открытіи вновь преобразованнаго въ 1875 году, по уставу 1868 года, Филаретовскаго училища, предсѣдатель разсказалъ, что покойный митрополитъ, возвратясь однажды съ панихиды по своей матери, рѣшилъ построить домъ для помѣщенія въ немъ ста сиротъ и предписалъ попечительству выдавать будущему училищу до 15.000 р. въ годъ [2]).

На преобразованіе училища по уставу 1868 года и на расширеніе его помѣщенія, митрополитъ Иннокентій отпустилъ изъ суммъ московской каѳедры 18.000 рублей и тогда (въ 1875 году)

---

[1]) Историческая записка о состояніи находящагося подъ Высочайшимъ покровительствомъ Ея Имп. Вел. Гос. Императрицы Кіевскаго женскаго училища духовнаго вѣдомства въ теченіе перваго двадцатипятилѣтія его существованія. Составленная преподавателемъ училища М. Гиѣвышевымъ. 1861—1886. Кіевъ, 1890 г.

[2]) *Церковный Вѣстникъ*. 1875 г., № 50.

была установлена плата: съ пенсіонерокъ—дочерей сельскаго духовенства по 80 рублей въ годъ, московскаго—по 135 руб., съ прочихъ по 185 рублей; съ приходящихъ по 40 рублей, за обученіе музыкѣ (одинъ урокъ въ недѣлю) по 25 рублей въ годъ.

Постройка начатаго при митрополитѣ Филаретѣ трехъ-этажнаго дома была окончена только въ 1879 году.

По утвержденному Синодомъ въ 1875 году особому Положенію, училище было названо Филаретовскимъ; въ немъ должны были воспитываться: 111 сиротъ духовнаго званія епархіи, содержавшихся и обучавшихся даромъ, 75 пенсіонерокъ—дочерей московскаго духовенства, и, въ случаѣ остающихся вакансій, дочерей лицъ другихъ сословій, 75 приходящихъ. Въ 1880 году воспитанницъ было 471 (въ томъ числѣ: казенныхъ 108, пенсіонерокъ попечительства 22, московскаго духовенства 161, иногороднаго 12, свѣтскихъ лицъ 48, приходящихъ духовнаго званія 53, свѣтскаго 51, безплатныхъ приходящихъ 3); классовъ было 10. Къ этому времени была увеличена плата съ свѣтскихъ воспитанницъ до 220 рублей, съ приходящихъ до 60-ти. На содержаніе училища ежегодно поступало: отъ московскаго попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія 20.000 руб., отъ епархіальнаго духовенства до 2.300 рублей, отъ церквей епархіи 4.200 рублей, отъ настоятеля и братіи Давидовой пустыни 1.500 рублей.

И въ нѣкоторыхъ другихъ епархіальныхъ училищахъ не только доходы покрывали расходы, но и образовывались небольшіе капиталы.

Расходъ вятскаго училища простирался въ 1875 году до 38.000 рублей; изъ нихъ 21.500 рублей покрывались сборомъ съ церквей на духовноучебныя нужды епархіи, а 16.500 руб. платою съ 270 учениць и другими доходами.

Доходъ харьковскаго училища составлялъ въ 1878—79 г. 5[illegible].690 рублей. Въ этой суммѣ 28.136 рублей получились отъ взносовъ церквей, 1% вычета изъ жалованья и доходовъ духовенства, изъ редакціи мѣстныхъ епархіальныхъ вѣдомостей; проценты съ училищнаго капитала составляли сумму въ 1.493 р. въ годъ; плата съ воспитанницъ (273) [1]) равнялась 15.846 рублямъ; монастырскихъ стипендій было на 1.200 рублей, пожертвованій при полученіи духовенствомъ наградъ 726 рублей, а всего пожертвованій 3.336 рублей.

[1]) Въ ихъ числѣ было 5 свѣтскихъ, 21 содержались на средства благотворителей, 50 на церковно-епархіальныя средства, остальныя своекоштныя.

Неприкосновенный капиталъ кишеневскаго училища составлялъ въ 1878—79 году 30.000 рублей, а дохода поступило въ томъ же году 49.049 рублей; изъ нихъ 17% на сумму 10.661 рубля, получилось сборовъ съ церквей кишиневской епархіи, 5.229 изъ братскихъ кружекъ духовенства, 10.200 р. отъ пенсіонерокъ [1]), 10.970 рублей отъ хозяйственнаго управленія при св. Синодѣ изъ доходовъ съ находящихся въ Бессарабіи имѣній заграничныхъ монастырей, 1.250 изъ временнаго управленія имѣніями этихъ монастырей, изъ попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія 1.755, отъ архіепископа викаріатскихъ 1.600, отъ прибылей по свѣчному заводу 2.000 рублей. Всѣхъ классовъ было 8; изъ нихъ 6 нормальныхъ, 1 параллельный, 1 приготовительный.

Въ числѣ наиболѣе обезпеченныхъ въ денежномъ отношеніи женскихъ духовныхъ училищъ были нѣкоторыя, а въ особенности старѣйшія, изъ состоявшихъ подъ покровительствомъ императрицы. Въ 1860 году приходъ царскосельскаго училища вмѣстѣ съ остаткомъ отъ прежнихъ лѣтъ составлялъ 70.326 р., ярославскаго 55.879 рублей.

Въ этихъ училищахъ, учрежденныхъ еще при императорѣ Николаѣ, съ конца пятидесятыхъ годовъ просьбы о пріемѣ своекоштными пенсіонерками стали превышать открытыя для нихъ вакансіи и, по предложенію оберъ-прокурора св. Синода въ 1858 году, императрица согласилась на сокращеніе числа казенныхъ воспитанницъ въ четырехъ, состоявшихъ тогда подъ ея покровительствомъ училищахъ съ тѣмъ, чтобы замѣщать ихъ вакансіи своекоштными. Несмотря на то, что въ 1860 году пенсіонерная плата въ этихъ училищахъ была возвышена съ 50 до 60-ти рублей въ годъ, число своекоштныхъ пенсіонерокъ постоянно превышало число штатныхъ. Въ пріемѣ 1865 года въ ярославское училище, была принята только одна на казенный счетъ [2]). Изъ 89-ти воспитанницъ царскосельскаго училища въ 1860 году было 49 пенсіонерокъ, въ 1864 ихъ было 85, стало быть всего 4 штатныхъ.

Во всѣхъ женскихъ духовныхъ училищахъ плата съ воспитанницъ, постоянно возвышаемая, къ началу восьмидесятыхъ годовъ составляла отъ 50 до 250-ти рублей, смотря по мѣстнымъ условіямъ.

---

[1]) Изъ 296 воспитанницъ было 22 свѣтскихъ, 140 своекоштныхъ, приходящихъ 2, полупенсіонерокъ 48, на церковноепархіальныя средства 43, стипендіатокъ изъ доходовъ съ имѣній заграничныхъ монастырей 60.

[2]) Отчеты яросл. уч. за 1865 г. (Арх. св. Синода).

По отчету оберъ-прокурора за 1882 годъ въ 12-ти состоявшихъ подъ покровительствомъ императрицы женскихъ духовныхъ училищахъ, было 1.387 воспитанницъ, изъ которыхъ 672 казенныхъ; въ 36-ти епархіальныхъ 7.600 воспитанницъ, изъ нихъ 2.366 содержались на епархіальныя средства или частныхъ благотворителей. Изъ 7.600 воспитанницъ около 1.000 не принадлежали къ духовному сословію.

Вслѣдствіе такого наплыва учащихся, при многихъ училищахъ были устроены параллельные классы. Кромѣ того при девяти были приготовительные, при 6-ти—воскресныя школы для практическихъ занятій воспитанницъ; также устраивались съ тою же цѣлью начальныя училища и пріюты, независимо отъ множества маленькихъ школъ при монастыряхъ и церквахъ, въ которыхъ учились 15.951 дѣвочекъ (мальчиковъ 99.8[illegible]).

Въ представляемыхъ преосвященными, согласно Высочайшему повелѣнію 1859 года, ежегодныхъ „откровенныхъ“ свѣдѣніяхъ императрицѣ о состояніи училищъ, нѣкоторые преосвященные указывали на не вполнѣ удовлетворительное положеніе учебной части въ нихъ. Преосвященный ярославскій находилъ, что воспитанницъ слишкомъ обременяютъ механическимъ заучиваніемъ уроковъ и изысканныхъ фразъ, что, писалъ онъ еще въ 1865 году, „изгнано теперь изъ всѣхъ училищъ“, въ особенности по предметамъ историческимъ. „Мнѣ кажется—говорилъ преосвященный—что область этой науки, чѣмъ менѣе касается частностей и чѣмъ больше допускаетъ ограниченій, тѣмъ способнѣе и благопріятнѣе трудъ для слушателя, обязаннаго давать отчетъ въ урокахъ“.

Учебная часть составляла слабую сторону женскихъ духовныхъ училищъ. Въ столицахъ и университетскихъ городахъ еще можно было иногда найти хорошихъ учителей, какъ изъ духовенства, такъ и свѣтскихъ. Но въ нѣкоторыхъ епархіальныхъ училищахъ учителя изъ мѣстнаго духовенства, семинарій и уѣздныхъ духовныхъ училищъ, должны были преподавать даромъ или за самое ничтожное вознагражденіе: въ пензенскомъ училищѣ учителю чтенія и пѣнія, также законоучителю полагалось, согласно уставу, по 2 и по 3 рубля въ мѣсяцъ. Даже въ состоявшемъ подъ покровительствомъ императрицы и учрежденномъ въ университетскомъ городѣ, казанскомъ училищѣ, четыремъ учителямъ платили въ 1858 году за 43 урока въ недѣлю 700 рублей въ годъ на всѣхъ, т.-е. за урокъ по 38 коп., а въ годъ по 16 р. 27 коп.

По уставу 1868 года плата учителямъ была опредѣлена въ

35 рублей за годовой урокъ. Но отдѣльныхъ преподавателей у большинства епархіальныхъ училищъ не было, и, кромѣ того, учителя часто смѣнялись, ибо хотя служба въ женскомъ училищѣ засчитывалась въ пенсію, но получить ее можно было только по переходѣ на службу въ другое духовноучебное заведеніе: семинарію или мужское училище. Поэтому преподаватели съ высшимъ образованіемъ, свободные отъ другихъ занятій, при первой возможности оставляли женскія училища и ихъ замѣняли новички.

Въ нѣкоторыхъ женскихъ училищахъ преподавали учительницы. Еще въ 1861 году оберъ-прокуроръ Синода указалъ черниговскому преосвященному на то, что въ проектируемомъ училищѣ, кромѣ наставниковъ изъ семинарій и духовныхъ училищъ, могутъ быть и свѣтскія учительницы. Въ Паричскомъ училищѣ главная надзирательница преподавала въ старшемъ и среднемъ классахъ: русскую грамматику, ариѳметику, географію, русскую исторію. По уставу 1868 года учительницы могли преподавать только въ низшихъ классахъ, при чемъ имъ назначалось по 20 рублей за годовой урокъ.

Къ 1870 году программа и старѣйшихъ женскихъ духовныхъ училищъ, царскосельскаго и ярославскаго, была повышена По случаю двадцатипятилѣтняго юбилея перваго изъ нихъ въ 1868 году, въ отчетѣ о немъ было сказано, что училище „воспитало въ духѣ благочестія множество дѣвицъ, которыя, разойдясь почти по всѣмъ странамъ нашего отечества, вездѣ съ честью выполняютъ свое духовное призваніе, благоустрояютъ свои домы, пекутся о своихъ мужьяхъ, воспитываютъ своихъ дѣтей, учатъ въ народныхъ школахъ, сами открываютъ начальныя школы или трудятся надъ воспитаніемъ дѣвицъ въ подобныхъ царскосельскому духовныхъ женскихъ училищахъ“.

Такимъ образомъ первоначальная цѣль учрежденія женскихъ духовныхъ училищъ была расширена. Несмотря на заботы императрицы о томъ, чтобы воспитанницы, по окончаніи курса, выдавались замужъ, эта цѣль не достигалась; митрополиты и преосвященные, прилагавшіе всѣ старанія къ выполненію такой задачи, постоянно говорили въ своихъ донесеніяхъ императрицѣ о встрѣчаемыхъ ими въ этомъ затрудненіяхъ. Но съ учрежденіемъ народныхъ школъ въ 1864 г., для воспитанницъ духовныхъ училищъ открылось новое поприще дѣятельности, на которомъ онѣ могли примѣнять свои знанія, и вмѣстѣ съ тѣмъ обезпечивавшее имъ средства къ существованію. Въ семидесятыхъ годахъ нѣкоторыя земства, заботясь о доставленіи народныхъ шко-

лам̀ сколько-нибудь подготовленнаго учительскаго персонала, обратили вниманіе на воспитанницъ женскихъ духовныхъ училищъ. Ознакомившись путемъ ревизіи черезъ своихъ уполномоченныхъ съ этими училищами, они стали назначать имъ денежное пособіе, иногда довольно значительное. Курское земство ассигновало въ 1871 году курскому училищу 1.500 рублей на устройство при немъ педагогическаго класса для подготовки воспитанницъ къ занятію учительскихъ мѣстъ въ народныхъ школахъ. Въ слѣдующемъ году субсидія земства была увеличена до 2.000 рублей, а при преобразованіи курскаго училища (оно состояло при пріютѣ для вдовъ духовенства) въ епархіальное, земство назначило къ ежегодной выдачѣ училищу 3.000 рублей [1]).

По свидѣтельству оберъ-прокурора Синода, въ 1882 году воспитанницы женскихъ духовныхъ училищъ представляли „весьма цѣнный контингентъ народныхъ учительницъ“, и Синодъ призналъ за этими училищами „общегосударственное значеніе“ [2]).

---

[1]) *Е. Максимовъ.* Забытыя школы. (Журн. Образ., 1887 г., №№ 6—7).

[2]) Извлеченіе изъ всеп. отчета оберъ-прокурора св. Синода К. Побѣдоносцева, по вѣд. прав. исповѣданія. С.-Пет. 1884 г.

IX.

Народное образованіе при вступленіи на престолъ императора Александра II.— Участіе въ немъ правительства и общества. -Нужны ли училища для крестьянскихъ дѣвицъ?—Женскія народныя училища министерства государственныхъ имуществъ.— Воскресныя и безплатныя школы. — Участіе въ нихъ женщинъ и его значеніе для самихъ женщинъ. — Число народныхъ училищъ въ 1861—1863 гг. — Замѣчанія на проектъ устава низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.—Замѣчаніе графа Л. Толстого.—Отчеты командированныхъ для изслѣдованія народной грамотности лицъ. — Женскія городскія училища. — Положеніе о начальныхъ народныхъ училищахъ 1864 года. — Состояніе народнаго образованія при введеніи земскихъ учрежденій.—Свѣдѣнія, собранныя земствами. — Отчетъ барона Н. Корфа о женскомъ народномъ образованіи въ екатеринославской губерніи. —Старанія земствъ привлечь къ ученію въ народныхъ школахъ дѣвочекъ. — Женщины въ качествѣ учительницъ народныхъ школъ.—Заботы земства объ ихъ приготовленіи.—Довѣріе къ нимъ населенія.—Охлажденіе земствъ къ дѣлу женскаго народнаго образованія.—Итоги его дѣятельности въ этомъ отношеніи.—Число учащихся дѣвочекъ за время 1864—1880 гг. — Спеціальныя женскія учебныя заведенія въ 1880 году.—Расширеніе области женскаго труда. — Высочайшее повелѣніе 14-го января 1871 года о допущеніи женщинъ на службу въ правительственныя и общественныя учрежденія.

Возникшее во второй половинѣ сороковыхъ годовъ, въ нѣкоторой части русскаго общества, увлеченіе идеею распространенія въ народѣ грамотности посредствомъ обученія крестьянскихъ женщинъ, продолжалось недолго. Инициатива движенія принадлежала московскому „Обществу сельскихъ хозяевъ“, которое пропагандировало его и лично, черезъ посредство своихъ членовъ, и путемъ брошюръ, печатавшихся каждый годъ и распространявшихся все въ бо̀льшемъ и бо̀льшемъ количествѣ экземпляровъ [1]). Но въ 1849 году, въ самый разгаръ своей дѣятельности, Общество вынуждено было прекратить ее, и хотя еще

[1]) *Е. Лихачева.* Матеріалы для исторіи ж. образ. въ Россіи. 1828—1856, стр. 189—203.

долго потомъ, почти вплоть до освобожденія крестьянъ, въ нѣкоторыхъ журналахъ появлялись статьи о необходимости обучать крестьянскихъ женщинъ, но это были слабые отголоски замиравшаго движенія; общаго сочувствія и одушевленія къ дѣлу уже не было.

Съ воцареніемъ императора Александра II вопросъ о народномъ образованіи, тѣсно связанный съ предположенною реформою освобожденія крестьянъ и вытекавшій изъ просвѣтительнаго характера преобразовательной дѣятельности самого государя, выдвинулся на первый планъ. Его возбудили редакціонныя комиссіи при обсужденіи основъ крестьянской реформы, а министерство народнаго просвѣщенія поручило состоявшему при немъ ученому комитету пересмотрѣть уставъ 1828 года и составить новый, болѣе отвѣчающій современнымъ требованіямъ какъ средняго, такъ и низшаго образованія. Кромѣ того, въ 1861 году былъ учрежденъ особый комитетъ изъ представителей всѣхъ вѣдомствъ, въ вѣдѣніи которыхъ находились начальныя народныя училища, для составленія общаго плана ихъ устройства. При составленіи этого плана, также какъ и въ выработанномъ ученымъ комитетомъ проектѣ устава, однимъ изъ основныхъ принциповъ былъ принятъ тотъ, что обученіе дѣвочекъ въ народныхъ школахъ должно быть одинаково и совмѣстно съ мальчиками.

Русское общество не осталось въ сторонѣ отъ этого движенія. Съ 1856 года въ журналахъ стали опять появляться извѣстія объ открываемыхъ помѣщиками и помѣщицами въ своихъ имѣніяхъ школахъ и цѣлые проекты устройства всенародныхъ сельскихъ школъ для дѣтей обоего пола, также приготовленія для нихъ учителей и учительницъ.

Въ *Современникѣ* 1857 года былъ напечатанъ проектъ Общества „о распространеніи знаній въ Россіи“ на подобіе славянской „Матицы“. Московское Общество сельскихъ хозяевъ въ мартѣ 1859 года открыло разрѣшенный въ декабрѣ 1845 года комитетъ „для всенароднаго распространенія грамотности на религіозно-христіанско-нравственныхъ основаніяхъ“. Въ первомъ засѣданіи, 12-го марта, непремѣнный секретарь Масловъ, энергическій дѣятель и авторъ брошюръ, издававшихся Обществомъ въ 1845—1849 годахъ, прочелъ составленную имъ записку, въ которой, возстановляя исторію прошлаго, начавшагося десять лѣтъ тому назадъ движенія, указалъ на необходимость и теперь распространять въ народѣ грамотность черезъ посредство крестьян-

скихъ женщинъ. Это было принято комитетомъ одною изъ основъ будущей его дѣятельности.

Въ Одессѣ, по иниціативѣ Пирогова, учредилось въ 1860 году „Новороссійское Общество распространенія грамотности", въ члены котораго записалась вдова намѣстника, княгиня Воронцова, во главѣ предсѣдательствуемаго ею женскаго благотворительнаго Общества. Цѣль новороссійскаго Общества должна была состоять въ распространеніи среди народа элементарныхъ свѣдѣній „въ предѣлахъ, обозначенныхъ въ программѣ низшихъ народныхъ училищъ". Говорили, что графъ Л. Н. Толстой намѣревался въ 1860 году учредить въ Тулѣ Общество для распространенія образованія и устройства школъ, а по его примѣру, такое же Общество въ Москвѣ проектировалось московскими дамами.

Открытый въ 1861 году, послѣ изданія Положенія о крестьянахъ вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, при 3-мъ отдѣленіи вольно-экономическаго Общества петербургскій комитетъ грамотности, поставилъ себѣ цѣлью содѣйствовать крестьянскимъ обществамъ и волостнымъ сходамъ въ предоставленномъ имъ Положеніемъ правѣ открывать сельскія и волостныя школы. Обращаясь къ желающимъ помочь ему въ этомъ дѣлѣ, комитетъ выражалъ надежду, что на его вызовъ откликнутся и русскія женщины „выказавшія столь живое сочувствіе къ современной реформѣ въ нашемъ отечествѣ... Ихъ участіе въ дѣлѣ воспитанія молодого поколѣнія—говорилъ комитетъ — послужитъ залогомъ нравственной силы Россіи" [1]).

Въ *Русскомъ Вѣстникѣ* М. Каткова появилось въ 1859 году нѣсколько статей о томъ: нужны ли у насъ училища для крестьянскихъ дѣвицъ? [2]). Высказываясь за необходимость такихъ училищъ и желая убѣдить въ возможности ихъ учрежденія, редакція печатала свѣдѣнія о существующихъ уже школахъ для дѣвочекъ, и въ числѣ другихъ помѣстила разсказъ одной помѣщицы о томъ, какъ начавъ учить однѣхъ дѣвочекъ, которыхъ мальчики за это осмѣивали, она поняла что надо учить и мальчиковъ, и дѣло пошло. Но когда ея ученицы кончили четырехлѣтній курсъ ученія, то замужъ ихъ крестьяне не рѣшались брать изъ боязни, что онѣ заведутъ новые порядки, „а мы— говорили крестьяне—люди неученые".

Недовѣріе темнаго крестьянскаго люда къ школѣ обнаружи-

---

[1]) „Р. Педагог. Вѣстникъ". 1861. № VIII.— Журн. мин. нар. просв. 1861, т. 110.

[2]) Т. т. 22-й 1859 г. и 25-й 1860 г.

лось и раньше; министерство государственныхъ имуществъ еще въ половинѣ сороковыхъ годовъ начало принимать мѣры къ тому, чтобы привлечь крестьянскихъ дѣвочекъ въ школы и иногда это ему удавалось, но ненадолго. Подъ вліяніемъ ходившихъ въ народѣ слуховъ, будто дѣвочекъ учатъ съ цѣлью выдавать ихъ потомъ замужъ внѣ Россіи, за нѣмецкихъ солдатъ, родители нерѣдко брали дѣтей изъ школы; но и въ томъ случаѣ, если священникамъ, ходившимъ по избамъ для убѣжденія родителей въ пользѣ обученія дѣвочекъ грамотѣ, удавалось склонить ихъ, школы часто закрывались по неимѣнію средствъ. Въ 1859 году министерство признало, что важная причина медленнаго развитія училищъ вообще, кроется въ томъ, что мѣстное управленіе государственными имуществами, и въ особенности управляющіе палатами и окружные начальники „недостаточно знакомятся съ училищами на мѣстѣ, не вникаютъ въ ихъ нужды и потому не предоставляютъ имъ всѣхъ тѣхъ средствъ, которыми они могли бы воспользоваться... Ограничиваясь большей частью донесеніями, предписаніями и отчетными цифрами, они—говорило министерство въ циркулярѣ 27-го ноября—упускаютъ изъ виду, что существеннаго улучшенія этой части можно ожидать только тогда, когда попечительностью къ устройству училищъ, личнымъ надзоромъ, внушеніями и указаніями на мѣстѣ, возбуждено будетъ довѣріе крестьянъ къ пользѣ ученія". Обученіе крестьянскихъ дѣвочекъ, по словамъ того же циркуляра, почти вездѣ находится въ самомъ неудовлетворительномъ состояніи; „если даже принять въ соображеніе, что для женщинъ менѣе необходима грамотность, чѣмъ для мужчинъ" то и при этомъ условіи распространеніе образованія между крестьянскими дѣвочками, по мнѣнію министерства, должно было бы сопровождаться лучшимъ успѣхомъ чѣмъ оказывается на дѣлѣ.

Поэтому напомнивъ сдѣланное имъ еще въ 1853 году распоряженіе о назначеніи въ училища 1-го разряда (отъ 50-ти до 100 учащихся) особыхъ наставницъ съ жалованьемъ по 75 руб. въ годъ, министерство вмѣнило управляющимъ палатами въ обязанность распорядиться, чтобы наставницы учили дѣвочекъ и рукодѣлію въ особые часы; а тамъ, гдѣ учащихся меньше 50-ти, но въ ихъ числѣ находятся хотя бы 10 дѣвочекъ,—назначать для обученія рукодѣлію способныхъ, благонравныхъ женщинъ съ содержаніемъ до 20-ти рублей въ годъ и 10 рублей на рукодѣльные матеріалы.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, для усиленія средствъ къ распространенію грамотности среди крестьянскихъ дѣвочекъ, министерство цирку-

ляромъ 27-го ноября 1859 г. измѣнило свое распоряженіе 1853 года такъ, чтобы даже въ тѣхъ училищахъ, гдѣ учится менѣе 50-ти дѣтей, но въ ихъ числѣ находится до 15-ти дѣвочекъ, палаты испрашивали разрѣшеніе на опредѣленіе особой наставницы съ годовымъ жалованьемъ въ 75 рублей; въ тѣхъ училищахъ, гдѣ имѣется уже такая наставница, обученіе дѣвочекъ должно было происходить отдѣльно отъ мальчиковъ, наставницею подъ руководствомъ наставника; въ училищахъ, гдѣ болѣе 30-ти дѣвочекъ, палата должна была испрашивать разрѣшеніе на открытіе особыхъ училищъ 1-го разряда, также отдѣльныхъ отъ училищъ для мальчиковъ.

Въ наставницы разрѣшалось приглашать женъ священно- и церковнослужителей и вообще способныхъ благонравныхъ женщинъ по выбору управляющихъ палатами [1]).

Горячее сочувствіе русскаго общества къ дѣлу народнаго образованія проявилось въ устройствѣ безплатныхъ и воскресныхъ школъ. Женщины и мужчины, лица, принадлежавшія къ разнымъ профессіямъ, штатскія и военныя, свѣтскія и духовныя не сговариваясь между собою и не зная о томъ, что предпринимаютъ другіе, спѣшили принять участіе въ дѣлѣ и въ разныхъ концахъ Россіи стали возникать частныя безплатныя школы.

Первая безплатная школа въ Россіи была открыта 22-го февраля 1858 года въ Петербургѣ, за Таврическимъ садомъ, молодымъ инженернымъ офицеромъ, барономъ М. І. Косинскимъ. Онъ собралъ нужныя для найма помѣщенія и на первоначальную обстановку денежныя средства и пригласилъ своихъ товарищей по инженерной академіи, также знакомыхъ женщинъ и мужчинъ, преподавать въ школѣ. Сначала явилось 13 учениковъ и 9 преподавателей, но въ 1859 году учениковъ уже было 59, а учащихъ 39, среди которыхъ было много женщинъ. Въ составѣ учениковъ было 10 дворянскихъ дѣтей, 15 личныхъ дворянъ, 28 мѣщанъ. Школа была раздѣлена на четыре правильныхъ класса, программа которыхъ были составлена такъ, чтобы прошедшіе всѣ четыре класса ученики могли поступать въ 4-й классъ гимназіи. Преподаваніе велось наглядно, что было тогда новостью; ни балловъ, ни наградъ, ни наказаній не полагалось, съ дѣтьми обращались ласково и гуманно; школа была всегда открыта для посѣтителей [2]).

---

[1]) Мѣры къ лучшему устройству сельскихъ приходскихъ училищъ министерства государственныхъ имуществъ. (Журналъ мин. госуд. имущ. 1859 г. дек. и январь 1860 г.).

[2]) *Указатель*, экономическій, политическій и промышленный журналъ. Редакторъ-издатель П. Вернадскій 1860 г.

Въ слѣдующемъ году, 28 марта, г-жа Шпигельская открыла въ пятой ротѣ измайловскаго полка воскресную школу для дѣвочекъ отъ 7-ти до 12-ти лѣтъ. Объ этомъ было напечатано въ приказѣ оберъ-полиціймейстера. О возникновеніи этой школы г-жа Шпигельская разсказала въ *Русскомъ Инвалидѣ* [1]), что оставшись послѣ смерти отца съ матерью, получавшею за 47-ми лѣтнюю службу мужа (онъ былъ штабъ-докторомъ войскъ въ Финляндіи) пенсію въ 350 рублей, и испытавъ на себѣ „какъ легко остаться безъ куска хлѣба и какъ трудно добывать его", а также „подъ вліяніемъ толковъ о женскомъ трудѣ", она учредила воскресную школу; воскресную потому, что сама г-жа Шпигельская зарабатывала средства къ жизни уроками и была свободна только по праздникамъ. Сначала явилось всего 6 ученицъ, но скоро стали приходить дѣвочки изъ отдаленныхъ мѣстностей и въ третье воскресенье ихъ было 30. Въ числѣ этихъ 30-ти было 9 дочерей чиновниковъ, 11 мѣщанъ, 18 нижнихъ воинскихъ чиновъ и 2 крестьянки. Приходило учиться больше, но помѣщеніе школы въ квартирѣ матери Шпигельской не позволяло принимать свыше этого числа.

Въ школѣ обучали закону Божію, чтенію, письму, ариѳметикѣ, рукодѣлію, знакомили также съ естественной исторіей, т.-е. объясняли нѣкоторыя физическія и метеорологическія явленія съ цѣлью искоренить суевѣріе, сообщались извѣстія о томъ, что̀ дѣлается за границей для женщинъ, напримѣръ, что въ Лондонѣ открыта женская типографія и т. п. Въ своемъ отчетѣ, напечатанномъ въ *Русскомъ Инвалидѣ*, г-жа Шпигельская говоритъ, что хотѣла бы передать своимъ ученицамъ, когда онѣ подростутъ, правильныя понятія о нравственномъ и физическомъ воспитаніи дѣтей и гигіенѣ, но „не знаю достаточно — пишетъ она — какія именно сочиненія лучше всего могутъ послужить руководствомъ при преподаваніи общихъ познаній о воспитаніи и гигіенѣ и была бы признательна если бы люди опытные обнародовали какія сочиненія они считаютъ полезными для преподаванія въ народныхъ училищахъ".

Затѣмъ, 11-го и 23-го октября 1859 года кіевскими студентами, по иниціативѣ профессора Павлова, были открыты двѣ воскресныя школы въ Кіевѣ. Въ первую явилось 180 учениковъ, во вторую 96. Были выработаны правила, по которымъ преподаваніе должно было вестись по методамъ Золотова и Грубе, т.-е. наглядно. Всѣ необходимыя пособія школа давала ученн-

[1]) 1860 г. № 197.

камъ безплатно. На этихъ же основаніяхъ въ январѣ 1860 года была открыта содержательницею женскаго пансіона въ Кіевѣ, г-жею Нельговскою, женская воскресная школа въ зданіи 2-й гимназіи.

Открывъ школы, кіевскіе студенты вошли въ сношеніе съ студентами другихъ университетовъ; вездѣ мысль была принята съ величайшимъ сочувствіемъ; университеты: харьковскій, казанскій, также Ришельевскій лицей, устроили въ своихъ зданіяхъ воскресныя школы, которыя съ тѣхъ поръ стали открываться чрезвычайно быстро, и не только въ большихъ городахъ, но и въ маленькихъ. Въ 1860 году третья часть общаго числа воскресныхъ школъ была въ столицахъ, почти поровну въ каждой. Въ Петербургѣ, изъ 23 воскресныхъ школъ, женскихъ было 9.

Хотя въ большей части объявленій объ открытіи воскресныхъ школъ не говорилось, что въ нихъ будутъ приниматься и женщины, но онѣ сами являлись въ довольно большомъ числѣ; въ женской воскресной школѣ, учрежденной на счетъ ремесленнаго общества при 2-й петербургской гимназіи, сразу явилось болѣе 200 ученицъ. Вообще же на 20 мужчинъ, посѣщавшихъ воскресныя школы, приходилось 5 женщинъ [1]). Учебный Совѣтъ стрѣлковаго кадра первый заявилъ о желаніи открыть женскія воскресныя школы и поручить дамамъ преподаваніе въ нихъ. Въ 1860 году такія школы открыты въ Петербургѣ въ домѣ первой гимназіи, въ помѣщеніи фехтовальнаго гимназическаго кадра, въ казармахъ гвардейскаго экипажа, гальванической роты, въ домѣ Сампсоньевскаго уѣзднаго училища. На средства ремесленной управы открылись женскія школы въ зданіи второй гимназіи и въ Маріинскомъ женскомъ училищѣ 1-го разряда (гимназіи).

Нѣкоторыя изъ воскресныхъ школъ скоро превращались въ ежедневныя безплатныя, такъ какъ руководители убѣждались, что при обученіи только по воскресеньямъ можно достигнуть немногаго, а хотѣлось поставить дѣло народнаго образованія серьезно.

Одною изъ лучшихъ петербургскихъ школъ, открытою сначала въ видѣ воскресной, но скоро преобразованной въ ежедневную, была устроенная въ 1860 году кружкомъ молодыхъ людей, на Васильевскомъ островѣ, по образцу таврической. Въ ней преподавали: законъ Божій, русскій языкъ со славянскимъ чтеніемъ, ариѳметику, естествознаніе, предметные уроки, краткія свѣдѣнія изъ географіи и русской исторіи, скоропись по амери-

[1]) Журналъ мин. нар. просв. 1860 г. Т. 107.

канской методѣ, рисованіе и черченіе, элементарныя понятія изъ геометріи и объяснительное чтеніе. Руководителями Васильевской школы были профессоръ К. Д. Кавелинъ и извѣстный педагогъ Ѳ. Ѳ. Резеперъ. Учредители и учащіе, среди которыхъ были и женщины, завѣдывавшія приготовительнымъ классомъ, каждую недѣлю собирались для выработки пріемовъ преподаванія, обмѣнивались вынесенными изъ практики впечатлѣніями, обсуждали мѣры для успѣшнаго веденія дѣла [1]).

Такъ какъ то же было и въ другихъ воскресныхъ и безплатныхъ школахъ, то понятно, что при такихъ условіяхъ школы служили воспитательнымъ и образовательнымъ средствомъ не только для учащихся, но и для учащихъ, стало быть и для женщинъ.

Подхваченныя общимъ движеніемъ, женщины приходили въ школу неподготовленными къ новому дѣлу, съ ничтожными знаніями, но съ громаднымъ, страстнымъ желаніемъ принести пользу и сознаніемъ серьезности предстоящей задачи. Поэтому онѣ добросовѣстно подготовлялись къ уроку, читали, составляли записки, вдумывались, стремились усвоить себѣ то, что имъ предстояло передать на урокѣ ясно и понятно. И въ то же время, уча въ школѣ и входя въ общеніе съ учениками и ученицами, принадлежавшими въ большинствѣ къ бѣднымъ и низшимъ классамъ населенія онѣ, городскія барыни и барышни, знакомились съ условіями жизни того народнаго слоя, отъ котораго до тѣхъ поръ ихъ отдѣляло крѣпостное право и воспитанные подъ его вліяніемъ взгляды и привычки [2]).

Помощникъ попечителя петербургскаго учебнаго округа, указывая въ 1860 году на недостатки нашей училищной системы, писалъ, что воскресныя школы полезны и важны, ибо онѣ „возбуждаютъ въ обществѣ участіе къ вопросамъ педагогическимъ и вообще къ судьбѣ учебныхъ заведеній“. Это, по мнѣнію помощника попечителя, необходимо для успѣха народнаго образованія, „такъ какъ общество наше всегда было устраняемо отъ вліянія на свои училища и потому относилось къ нимъ равнодушно“. Кромѣ того, воскресныя школы служатъ выраженіемъ взаимнаго сочувствія сословій; „это нравственный долгъ, который образо-

[1]) *В. М. Сорокинъ*. Воспоминанія стараго студента. (Р. Старина 1888 г., декабрь).

[2]) Эту сторону дѣла живо изобразилъ В. В. Стасовъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Н. В. Стасовой, одной изъ главныхъ дѣятельницъ того времени какъ въ дѣлѣ воскресныхъ школъ, такъ и во всемъ женскомъ движеніи шестидесятыхъ годовъ. (*Недѣля*, 1896 г. *Воспоминанія о моей сестрѣ*).

ванныя сословія выплачиваютъ народу за образованіе, получаемое въ учебныхъ заведеніяхъ, содержимыхъ на деньги, собираемыя съ народа". „Если бы мы не пренебрегали до сихъ поръ— прибавлялъ онъ—обученіемъ женщинъ въ простыхъ сословіяхъ, то успѣхи были бы бо́льшіе въ дѣлѣ распространенія грамотности" [1]).

Къ сожалѣнію, воскресныя школы просуществовали недолго. Сначала правительство всячески содѣйствовало ихъ открытію; всѣ вѣдомства, съ Высочайшаго разрѣшенія, предоставили имъ даровыя помѣщенія въ казенныхъ зданіяхъ; въ циркулярномъ сообщеніи въ маѣ 1860 года начальникамъ губерній министръ народнаго просвѣщенія указывалъ, что назначеніе воскресныхъ школъ должно состоять въ распространеніи грамотности въ ремесленномъ и рабочемъ классахъ. „Онѣ должны служить пособіемъ приходскимъ школамъ, къ учрежденію которыхъ въ числѣ, соотвѣтствующемъ настоящей потребности, представляются теперь матеріальныя препятствія" [2]).

Поэтому министръ народнаго просвѣщенія, такъ же какъ и министръ внутреннихъ дѣлъ сообщили губернаторамъ, что признаютъ воскресныя школы полезными и просятъ содѣйствовать ихъ устройству въ городахъ, большихъ и торговыхъ селахъ, вездѣ, гдѣ явится къ тому возможность. По повелѣнію императрицы, начальство петербургскаго учебнаго округа разослало во всѣ воскресныя школы по 125 экземпляровъ книгъ: „Примѣры духовнаго благочестія", „Нравоучительныя повѣсти", „Притчи" Крумахера, „О вѣрѣ и жизни христіанской", букварь. Но въ началѣ 1861 года, вслѣдствіе представленной шефомъ жандармовъ государю записки о томъ, что въ нѣкоторыхъ воскресныхъ школахъ проповѣдуются анти-государственныя идеи и что, поэтому, школы должны быть закрыты, состоялось Высочайшее повелѣніе, которымъ наблюденіе за школами возлагалась не только на гражданскія власти, но и на духовенство; въ лицѣ назначаемаго въ каждую школу священника, оно должно было слѣдить за тѣмъ, чтобы въ преподаваніе не проникало ничего противнаго началамъ православной вѣры и нравственности [3]). Съ этимъ совпали волненія среди учащейся молодежи, и 10 іюня 1862 года состоялось Высочайшее повелѣніе о временномъ за-

---

[1]) Матеріалы для статистики учебныхъ заведеній, С.-Пет. уч. округа. (Ж. мин. нар. пр. 1862. Т. 113).

[2]) Журналъ мин. нар. просв. 1860 г. № 107.

[3]) Сборникъ постановленій по мин. нар. просв. 1861 г.

крытіи всѣхъ воскресныхъ школъ впредь до пересмотра правилъ о нихъ.

Въ отчетѣ оберъ-прокурора святѣйшаго Синода за 1861 годъ, „по тщательномъ собраніи свѣдѣній отъ епархіальныхъ начальствъ“, учащихся въ 7907-ми школахъ при церквахъ и монастыряхъ показано мальчиковъ 112,808, а дѣвочекъ только 20,858 [1]), но и это число, какъ выяснилось при дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ командированныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія лицъ: профессора М. Сухомлинова, М. Семевскаго, В. Золотова и другихъ, было значительно меньше; многія школы, по словамъ профессора Сухомлинова, считались по два и по три раза [2]), а по словамъ М. Семевскаго, тамъ, гдѣ такихъ „бумажныхъ“ школъ значилось 15, на дѣлѣ было только 5 [3]). Въ тверской губерніи, и, вѣроятно, въ другихъ, списки о числѣ учащихся обыкновенно доставлялись приходскимъ священникамъ мальчиками 14—16 лѣтъ, учившими въ школахъ; изъ нихъ священники составляли вѣдомости для благочинныхъ, а изъ этихъ вѣдомостей выводилась цифра открытыхъ священниками школъ и учащихся въ нихъ. Но школы въ тверской губерніи, по свидѣтельству Золотова [4]), большей частью открывались самими крестьянами и многіе священники никогда въ нихъ и не бывали. Такіе же списки доставлялись крестьянскими учителями для статистическихъ свѣдѣній.

Кромѣ этихъ школъ, въ низшихъ училищахъ всѣхъ вѣдомствъ въ 1863 году было 100,566 учившихся дѣвочекъ (мальчиковъ 352,768) [5]). Всего учившихся во всѣхъ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ въ 1863 году дѣвочекъ было приблизительно 157,833, а мальчиковъ 708,018; стало быть, учащіяся дѣвочки составляли менѣе одной пятой общаго числа учащихся. Къ тому же существованіе сельскихъ школъ вообще, а въ особенности женскихъ, было случайно: безпрестанно закрывались старыя и открывались новыя по предписаніямъ изъ Петербурга. Въ

[1]) Извлеченіе изъ отчета по вѣдомству православнаго исповѣданія за 1861 годъ.

[2]) *М. Сухомлиновъ.* Объ училищахъ и народномъ образованіи въ ярославской губерніи. (Журн. мин. нар. просв. 1863. Т. 117).

[3]) Грамотность въ деревняхъ временно-обязанныхъ крестьянъ въ псковской губерніи въ 1863 году.—Грамотность въ деревняхъ государственныхъ крестьянъ псковской губерніи.

[4]) Изслѣдованіе крестьянской грамотности по деревнямъ, преимущественно тверской губерніи, и, частью, московской *В. Золотова.* С.-Пет. 1863 г.

[5]) Начальныя народныя училища и участіе въ нихъ православнаго духовенства. Извлеченіе изъ свѣдѣній, доставленныхъ въ Высочайше учрежденное Присутствіе по дѣламъ православнаго духовенства С.-Пет. 1865 г.

селѣ Перелевскѣ могилевской губерніи еще въ сороковыхъ годахъ, при сельскомъ правленіи была открыта школа, но скоро была заброшена и перестала существовать. При назначеніи въ 1858 году новаго священника, ему былъ сдѣланъ изъ палаты государственныхъ имуществъ запросъ о числѣ учащихся въ школѣ, о существованіи которой до тѣхъ поръ онъ ничего и не зналъ. Предписано было тотчасъ же вновь открыть школу, но только въ 1863 году назначено за обученіе мальчиковъ священнику по 85 рублей въ годъ, а его женѣ за обученіе дѣвочекъ по 75-ти [1]). Уржумскій (вятской губерніи) окружной начальникъ въ 1860 году ходатайствовалъ объ открытіи женской школы въ селѣ Лопьяльскомъ, гдѣ уже два года мѣстный священникъ обучалъ до 20-ти крестьянскихъ дѣвушекъ у себя на дому. Начальникъ писалъ, что въ уржумскомъ уѣздѣ нѣтъ ни одного женскаго училища, что крестьяне сочувствуютъ учрежденію новой школы, выстроили для нея зданіе и пожертвовали 25 рублей на рукодѣльныя пособія. Палата разрѣшила устроить женскую школу при мужскомъ училищѣ; но въ 1862 году эта, единственная въ уѣздѣ, школа должна была закрыться, ибо въ 1861 году, по ошибкѣ, не попала въ вѣдомость о числѣ училищъ, которыя должны остаться въ будущемъ году [2]).

Къ этому надо прибавить, что въ удѣльныхъ сельскихъ школахъ дѣвочекъ учили не по программѣ, составленной для такихъ школъ, по которой учили мальчиковъ, а лишь чтенію духовныхъ книгъ славянской и духовной печати и молитвамъ.

Среди замѣчаній на составленный ученымъ комитетомъ главнаго правленія училищъ, и разосланный въ 1860 году попечителямъ учебныхъ округовъ, разнымъ учрежденіямъ и лицамъ Проектъ устава низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія, было немного такихъ, которыя относились прямо къ ученію дѣвочекъ въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ и школахъ; но было много говорено о необходимости привлечь къ обученію въ народныхъ училищахъ не только женскихъ, но и мужскихъ, и не только въ низшихъ, а и въ младшемъ классѣ высшихъ, учительницъ, уравнявъ ихъ, какъ въ правахъ, такъ и въ вознагражденіи, съ учителями, а также въ предоставленіи имъ возможности подготовляться къ учительской профессіи въ соотвѣтствующихъ цѣли учрежденіяхъ.

---

[1]) Записка о сельской грамотности въ могилевской губерніи. *В. Золотова.* С.-Пет. 1864 г.

[2]) Народное образованіе въ вятской губерніи за послѣднія 10 лѣтъ (1864—1874). Изданіе вятскаго губ. земства. Вятка, 1875 г.

По § 33 проекта, учителями въ низшія народныя училища допускались лица всѣхъ состояній, получившія отъ учебнаго начальства свидѣтельство объ успѣшномъ окончаніи курса по крайней мѣрѣ высшаго народнаго училища и достаточно приготовленныхъ къ исполненію учительскихъ обязанностей. Цѣль высшихъ народныхъ училищъ полагалась въ томъ, чтобы дать дѣтямъ возможность „подъ вліяніемъ болѣе продолжительнаго училищнаго наставленія упрочить въ себѣ начала нравственности и посредствомъ отчетливаго ученія и усвоенія положительныхъ знаній, пріобрѣсти ту степень умственнаго развитія, которая необходима для успѣшнаго отправленія общественныхъ и житейскихъ занятій и обязанностей“, (§ 19). Такія училища должны были содержаться на казенный счетъ, по крайней мѣрѣ по одному въ каждомъ уѣздѣ, но общество и частныя лица могли учреждать такія же, „сходныя съ казенными“ училища. Въ ихъ курсъ входили слѣдующіе предметы: законъ Божій, русскій языкъ, исторія, географія, начала естествовѣдѣнія, ариѳметика и геометрія, чистописаніе, черченіе, рисованіе, церковное пѣніе. По высшія училища предназначались только для мальчиковъ и этимъ исключалась для дѣвочекъ возможность быть впослѣдствіи учительницей въ низшемъ народномъ училищѣ. На это было указано въ нѣсколькихъ замѣчаніяхъ, авторы которыхъ стояли за допущеніе въ высшія народныя училища и дѣвочекъ.

Едва ли не самое обширное изъ всѣхъ замѣчаній на проектъ устава низшихъ народныхъ училищъ, было сдѣлано графомъ Л. Н. Толстымъ. „На дняхъ—писалъ онъ—я прочелъ проектъ общаго плана устройства народныхъ училищъ. Чтеніе это произвело на меня впечатлѣніе, похожее на то, которое долженъ испытывать человѣкъ, давно знавшій и любившій на его глазахъ выроставшую, молодую рощу, получивъ неожиданное извѣстіе, что изъ рощи этой предположено сдѣлать садъ—тутъ вырѣзать, тутъ подчистить и подстричь, тутъ срѣзать съ корнемъ молодые отпрыски и на ихъ мѣстѣ набить щебнемъ дорожки“.

Находя неосуществимымъ намѣреніе правительства, взявъ съ народа подать въ 27½ копѣекъ въ годъ съ души, найти и опредѣлить 50.000 учителей и учредить по крайней мѣрѣ 50.000 училищъ, и извиняясь въ ненамѣренной иронiи, съ какою онъ говоритъ о проектѣ, графъ разсматриваетъ его по статьямъ. Возражая на параграфъ, въ которомъ сказано, что въ народныхъ училищахъ для обоего пола дѣвочки могутъ обучаться до 13-лѣтняго возраста, онъ говоритъ: „дѣвочки свыше

13-ти лѣтъ въ народѣ называются дѣвками, и предположить, чтобы дѣвочекъ отпускали и чтобы онѣ сами стали ходить въ училище вмѣстѣ съ ребятами, и предписывать для нихъ правила, обезпечивающія народную нравственность, все равно что предписывать законъ для того, чего нѣтъ и быть не можетъ". При теперешнемъ взглядѣ народа на образованіе, объ этомъ, по мнѣнію графа Толстого, нельзя и думать, а еслибы въ слѣдующемъ поколѣніи и могъ представиться такой случай, то слѣдующая статья разрѣшаетъ его, „предоставляя обществу неслыханное для него право — нанять, опять-таки на свои деньги, учительницу!"

По словамъ графа, ученіе женщины въ школахъ еще не начиналось, и учащіяся дѣвочки составляютъ теперь (въ 1860 г.) лишь 1/20 общаго числа учащихся. И вообще, говоритъ онъ, потребность образованія только-что начинаетъ свободно зарождаться въ народѣ; послѣ освобожденія крестьянъ вездѣ народъ выразилъ убѣжденіе въ томъ, что ему теперь необходима бо́льшая степень образованія, и изъявилъ готовность дѣлать для этого извѣстныя пожертвованія; онъ выразилъ это убѣжденіе фактомъ: „вездѣ, въ огромномъ числѣ возникаютъ и возникли свободныя школы". Если налагать стѣсненія на такія школы и обложить всѣхъ обязательнымъ училищнымъ налогомъ, то народъ сочтетъ себя мучепикомъ, „старыя дьячковскія школы покажутся ему святынею, всѣ новыя правительственныя школы представятся грѣховными нововведеніями и онъ съ озлобленіемъ отвернется отъ того самаго дѣла, которое самъ съ любовью началъ"... Послѣдствіемъ осуществленія правительственнаго проекта явится, по мнѣнію графа Толстого, „одно неизмѣримое зло— расколъ образованія, молчаливое отрицательное противодѣйствіе школѣ и фанатизмъ невѣжества или стараго образованія" [1]).

Изслѣдованія лицъ, командированныхъ въ 1863 году министерствами народнаго просвѣщенія и государственныхъ имуществъ для собранія свѣдѣній о положеніи грамотности въ народѣ, отчасти подтвердили мнѣніе графа Толстого.

По отчету М. Сухомлинова къ 1 января 1862 г. въ ярославской дирекціи было 6 уѣздныхъ училищъ, 19 приходскихъ, изъ которыхъ 4 сельскихъ, 4 женскихъ и 6 воскресныхъ школъ. Въ нѣкоторыхъ городахъ были женскія училища, „а гдѣ ихъ нѣтъ—говоритъ Сухомлиновъ—тамъ потребность ясно выразилась въ успѣхѣ воскресныхъ школъ". Въ такой школѣ, откры-

[1]) Замѣчанія на проектъ устр. нар. уч. и общеобразов. уч. заведеній. Ч. 6-я.

той въ 1861 году въ Угличѣ, было къ концу года 110 ученицъ. Въ ярославской дирекціи вообще, по словамъ отчета, учащіеся въ училищахъ министерства народнаго просвѣщенія составляли къ 1862 году 1/220 часть населенія, т.-е. на тысячу жителей приходилось едва 4—5 учащихся; на 500.000 жителей женскаго пола было около 500 учащихся, т.-е. изъ тысячи дѣвочекъ училась одна. Всего въ 477 училищахъ, открытыхъ палатою государственныхъ имуществъ, мировыми посредниками и духовенствомъ, было 9.774 учащихся мальчиковъ и 1.249 дѣвочекъ. Въ числѣ школъ, открывшихся при содѣйствіи мировыхъ посредниковъ у временно-обязанныхъ крестьянъ, были прямо назначенныя и для дѣвочекъ.

Сухомлиновъ пришелъ къ заключенію, что большинство крестьянъ учится внѣ училищъ, которыхъ избѣгаетъ, „но—говоритъ онъ—любознательность въ народѣ развита“ [1]).

Въ черниговской губерніи, также изслѣдованной Сухомлиновымъ, въ 1860 году было 9.780 грамотныхъ мужчинъ и 337 женщинъ. Въ подвѣдомственныхъ черниговской палатѣ государственныхъ имуществъ селеніяхъ училось въ школахъ 2.253 мальчика и 264 дѣвочки, а внѣ ихъ 5.903 мальчика и 699 дѣвочекъ. Къ 1862 году число мальчиковъ увеличилось на 675, а дѣвочекъ только на 47; въ теченіе года выбыли 671 мальчикъ и 137 дѣвочекъ; изъ нихъ кончили ученье 280 мальчиковъ и 43 дѣвочки и къ 1863 году въ 64 училищахъ оставалось 2.507 мальчиковъ, а дѣвочекъ 310. Въ 249 школахъ у временно-обязанныхъ крестьянъ, училось 3.508 мальчиковъ и 431 дѣвочка; въ открытыхъ духовенствомъ 848 школахъ—10.057 мальчиковъ и 2.019 дѣвочекъ, а въ трехъ школахъ при женскихъ монастыряхъ 7 мальчиковъ и 58 дѣвочекъ [2]).

По однодневной переписи въ Вологдѣ 21 марта 1863 года было грамотныхъ мужчинъ 3.327; неграмотные составляли менѣе половины общаго числа мужского населенія; между женщинами грамотныхъ было 2.520, неграмотныя составляли болѣе 2/3 общаго числа всего женскаго населенія Въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ училось 744 мальчика и только 54 дѣвочки (одна изъ 164-хъ). Ученіе вообще было въ семь разъ распространеннѣе среди мужскаго юношества чѣмъ среди женскаго.

У государственныхъ крестьянъ учился 1 мальчикъ изъ 30 одна дѣвочка изъ 300; между удѣльными учащіеся мальчик

[1]) Объ училищахъ и народномъ образованіи въ ярославской губерніи. М. Сухомлиновъ. (Журн. мин. нар. пр. 1863. Т. 117).

[2]) *Сухомлиновъ.* Школы въ черниг. губ. (Журн. мин. нар. пр. 1864 г. Т.

составляли 1/8 часть юношества, а дѣвочки 1/17. Въ низшихъ училищахъ министерства народнаго просвѣщенія было всего 22 дѣвочки (484 мальчика). При этомъ для мальчиковъ были двухклассныя приходскія училища, а для дѣвочекъ только одноклассныя [1]).

По изслѣдованіямъ В. Варенцова [2]) на 1.677.087 жителей въ самарской губерніи, въ 120 школахъ удѣльнаго вѣдомства въ 1863 году училось всего 323 дѣвочки (2.694 мальчика); одинъ учащійся мальчикъ приходился на 48 человѣкъ мужского населенія, одна ученица на 427 женскаго. Дѣвочекъ учили только чтенію и главнымъ молитвамъ; за каждую обученную чтенію дѣвочку платили учителю 5 рублей. Въ селеніяхъ государственныхъ крестьянъ въ 68 казенныхъ школахъ, учащихся на счетъ общества было 153 мальчика и только 21 дѣвочка, вольноприходящихъ 2.147 мальчиковъ и 430 дѣвочекъ; въ 190 частныхъ, устроенныхъ крестьянами школахъ — 2.886 мальчиковъ и 394 дѣвочки; въ 44 школахъ у временно-обязанныхъ крестьянъ — 885 мальчиковъ и 191 дѣвочка. Всего въ селеніяхъ государственныхъ, удѣльныхъ и временно-обязанныхъ крестьянъ самарской губерніи приходилась одна школа на 3.200 человѣкъ, 10.154 учащихся на 1.350.515 жителей. Между тѣмъ въ сельскомъ населеніи у нѣмцевъ-колонистовъ обязательно посѣщали школы всѣ дѣти, мальчики и дѣвочки, отъ 7-ми до 15-ти лѣтъ, а послѣ конфирмаціи, до 22 хъ лѣтъ, они должны были ходить въ воскресные классы, гдѣ священникъ, въ формѣ бесѣды, передавалъ имъ правила вѣры и нравственности. Обученіе письму въ этихъ школахъ, также и въ школахъ у татаръ, при мечетяхъ (учащихся 999 мальчиковъ и 691 дѣвочка), было необязательнымъ, а въ татарскихъ школахъ дѣвочекъ ему даже и не учили.

Женскія приходскія училища, по словамъ В. Варенцова, шли гораздо лучше чѣмъ мужскія; дѣвочки исправнѣе въ нихъ ходили, надзирательницы наблюдали за тѣмъ, чтобы во время урока дѣти не развлекались, программа этихъ школъ была законченнѣе и ученицы проходили полный курсъ въ теченіе трехъ лѣтъ.

По изслѣдованіямъ М. Семевскаго, командированнаго въ 1863 году министерствомъ народнаго просвѣщенія въ псковскую

---

[1]) *Бушаковъ.* Народное образованіе въ вологодской губ. (Журн. мин. нар. пр. т. Ч. 122).

[2]) О народной грамотности въ самарской губерніи. (Журн. мин. нар. просвѣщ. Т. 120).

губернію, во всей губерніи у государственныхъ крестьянъ въ 1859 году было 28 училищъ съ 604 учащимися, изъ которыхъ 8 дѣвочекъ; одна учащаяся дѣвочка приходилась на 204 женскаго населенія (1 мальчикъ на 70 мужскаго); одно грамотное лицо приходилось на 37 крестьянъ мужскаго пола и на 205 женскаго; одна грамотная крестьянка на 5 грамотныхъ крестьянъ; у временнообязанныхъ одна грамотная крестьянка приходилась на 70 грамотныхъ крестьянъ и одно грамотное лицо на 75 крестьянъ мужскаго пола и 580 женскаго. Грамотность въ губерніи существовала почти исключительно въ южной и юго-западной части опочецкаго уѣзда и то благодаря помѣщицѣ княжнѣ М. М. Дондуковой-Корсаковой, священнику и нѣкоторымъ волостнымъ старшинамъ. Въ устроенныхъ княжною Дондуковой-Корсаковой десяти школахъ училось въ 1861 году 98 мальчиковъ и 42 дѣвочки. Но это ей далось съ большими затрудненіями со стороны крестьянъ, которыхъ надо было увѣщевать въ пользѣ школы для дѣтей. Она же открыла въ имѣніи своего отца школу для приготовленія учителей и преимущественно учительницъ сельскихъ школъ. Подъ ея наблюденіемъ училъ дворовый человѣкъ по новымъ пріемамъ, изобрѣтеннымъ княжною. Въ 1860 году въ школѣ учились 11 взрослыхъ дѣвицъ и женщинъ и всего 2—3 мужчины [1]). Школы были заведены и у нѣкоторыхъ другихъ помѣщицъ, также у священниковъ и дьячковъ.

По словамъ Семевскаго крестьяне „обижаются“ обученіемъ дѣвочекъ. „Мальчиковъ еще ни што—говорятъ они,—дѣло другое, а дѣвченятъ-то вѣрно обучатъ, да и перешлютъ куда ни на есть въ чужія земли“. Но гдѣ школы хороши, тамъ, говоритъ Семевскій, учится до 60 дѣвочекъ и въ числѣ такихъ школъ указываетъ на школу священника, которому помогаетъ его жена [2]).

Въ тверскомъ удѣльномъ имѣніи, на 68.000 населенія было въ 1863 году всего 8 приказныхъ училищъ, т.-е. такихъ, которыя содержались (съ 1863 года) на частный сборъ съ крестьянъ

---

[1]) Княжна Дондукова-Корсакова устроила близъ Порхова и сельскую общину съ цѣлью оказывать медицинскую помощь сельскому населенію; община отпускала лѣкарства даромъ, организовала оспопрививаніе, акушерскую помощь, также даровое обученіе грамотѣ, воскресныя и праздничныя бесѣды. На это основательница пожертвовала свои средства, а 6.000 рублей на обзаведеніе дала императрица. При общинѣ находились пять сестеръ милосердія, обязанныхъ даромъ служить народу.

[2]) *М. Семевскій.* 1) Грамотность въ деревняхъ временнообязанныхъ крестьянъ псковской губ. въ 1863 г. 2) Грамотность въ деревняхъ госуд. крестьянъ псковской губерніи. (Обѣ брошюры изданы мин. нар. просв.).

по приказамъ; были и частныя сельскія школы. Въ послѣднихъ, по изслѣдованію В. Золотова, обучали большей частью крестьяне, мужчины и женщины, даже дѣвочки и мальчики лѣтъ 12—14-ти подъ надзоромъ старшихъ. Ученіе происходило въ крестьянскихъ избахъ поочереди, одну недѣлю въ одной, другую въ другой; учили по часослову и псалтырю. Въ эти школы крестьяне отдавали и дочерей, но потому, что дѣвушекъ, „какъ еще безгрѣшныхъ тѣломъ“, охотно брали въ читальщицы псалтыря и каноновъ надъ покойниками и за это хорошо платили.

Дѣвицы-учительницы встрѣчались вездѣ, по всей Россіи, почти во всякомъ сельскомъ приходѣ. Въ народѣ онѣ назывались вѣковѣшками вѣрно потому, что у крестьянъ былъ такой взглядъ, что если женщина выучится грамотѣ, то она ужъ не выйдетъ замужъ, а будетъ богомолкой, что впрочемъ, не всегда оправдывалось на дѣлѣ. Сообщая извѣстіе о такихъ, вышедшихъ замужъ учительницахъ въ орловской губерніи, корреспондентъ прибавлялъ: „замѣчательно, что женихи, выбравшіе ихъ, были не изъ послѣднихъ крестьянъ, несмотря на сиротство и бѣдность невѣстъ; они были дѣти порядочныхъ крестьянъ, обученные грамотѣ, а одинъ — изъ числа кончившихъ курсъ въ училищѣ при казенной учебной фермѣ“ [1]). Народъ довѣрялъ такимъ учительницамъ-мастерицамъ, школы которыхъ, давно заведенныя, переходили отъ матери къ дочери. Въ Пошехоньѣ (ярославской губерніи) такая школа существовала болѣе 50-ти лѣтъ, въ ней учились дѣвочки отъ 6-ти до 13-ти лѣтъ чтенію, письму, первымъ пріемамъ ариѳметики, краткой священной исторіи и катехизису; учились онѣ круглый годъ, кромѣ праздниковъ, отъ 8-ми часовъ утра до 4—5-ти вечера и менѣе двадцати учениць не бывало. Въ этой школѣ выучились грамотѣ всѣ старики, и въ послѣдніе, передъ открытіемъ земскихъ учрежденій, годы, въ дѣтяхъ даже замѣчалось нѣкоторое развитіе [2]). Но, по словамъ Золотова, это были отвратительныя святоши, подготовлявшія къ тому же своихъ ученицъ [3]). Были однако люди, восхищавшіеся этими „грамотницами-самоучками, дѣвицами большей частью уже пожилыми, по болѣзни или потому, что не нашлось жениха по сердцу, не вышедшими замужъ“.

Священники запрещали имъ учить другихъ и, съ цѣлью противодѣйствовать имъ, сами открывали безплатныя училища для

---

[1]) *Ласточка*, 1859 г., іюль.

[2]) Журн. мин. нар. просв. 1869. Ч. 149.

[3]) Изслѣдованіе крестьянской грамотности по деревнямъ, преимущественно тверской губерніи а частью, московской. В. Золотова. С.-Пет. 1863 г.

дѣвочекъ. Золотовъ нашелъ такое училище въ 50-ти верстахъ отъ Москвы и говоритъ, что священникъ долженъ былъ заманивать учениць обувью, платьемъ, даже ссужать родителей деньгами. Но это еще болѣе возбуждало подозрѣніе у крестьянъ, которые думали, что начальство отпустило священнику деньги, чтобы онъ на нихъ заманилъ въ школу дѣвочекъ, а потомъ всѣхъ выучившихся грамотѣ отдадутъ на фабрики или пошлютъ на Кавказъ, въ Сибирь, или на Амуръ. При посѣщеніи училища Золотовымъ въ 1863 году, въ немъ училось болѣе 40 дѣвочекъ, между которыми были 14-лѣтнія и старше.

Вообще Золотовъ вынесъ изъ своей поѣздки убѣжденіе въ томъ, что „въ общей массѣ крестьянъ и вообще простолюдиновъ, нѣтъ еще сознанія въ необходимости грамотности какъ средства къ улучшенію ихъ нравственнаго состоянія и хозяйственнаго быта“... если они учатъ своихъ дѣтей, то по разсчету, или постороннему внушенію, или вліянію примѣра. Грамотность для крестьянъ въ настоящее время, говоритъ Золотовъ, „есть еще, можно сказать, оброчная статья“.

Привыкнувъ ожидать инициативы во всемъ отъ правительства, слова „государь желаетъ“ имѣютъ на народъ магическое дѣйствіе. Этимъ и пользовались управляющіе удѣльными имѣніями. Въ 1859 году управляющій тверскимъ имѣніемъ объявилъ крестьянамъ, что государь желаетъ чтобы они платили учителю за каждаго выученнаго грамотѣ мальчика или дѣвочку по 50 копѣекъ и чтобы дѣти ходили въ школу не менѣе какъ въ теченіе трехъ зимъ. Въ первую зиму записались всѣ неграмотные мальчики и дѣвочки отъ 8 до 16 лѣтъ, и въ 1859 году въ школахъ училось 1,227 мальчиковъ и 645 дѣвочекъ; въ 1862 г. мальчиковъ было 3,092, дѣвочекъ 2,177, а во время объѣзда Золотова, въ 1863 году, на 68,000 населенія тверского имѣнія было до 10,000 учащихся.

. Самое большое число дѣвочекъ училось въ школахъ у удѣльныхъ крестьянъ; тамъ онѣ составляли почти $^2/_5$ общаго числа учащихся, а у срочно-обязанныхъ и государственныхъ, ихъ въ 1863 году почти не было. Крестьяне говорили Золотову, что зимой дѣвочки нужнѣе семьѣ чѣмъ мальчики; дѣвочки занимаются пряжею, а этимъ дорожатъ матери. Большее число учащихся въ удѣльныхъ школахъ дѣвочекъ Золотовъ объяснялъ тѣмъ, что у срочно-обязанныхъ и государственныхъ крестьянъ ученіе совершенно свободно, а у удѣльныхъ въ нѣкоторой степени обязательно. Сначала и удѣльные крестьяне не пускали дочерей въ школы; въ числѣ причинъ была и та, что „суровые начетчики

говорятъ, что ходящая въ школу дѣвочка потеряетъ дѣвичью скромность и стыдливость, а писать и подавно нельзя учить дѣвочку, ибо съ парнями будетъ переписываться".

Въ московской губерніи Золотовъ нашелъ многихъ „значительныхъ" дамъ, которыя не только наблюдали за учрежденными ими въ своихъ имѣніяхъ школами, но сами учили въ нихъ. Тѣмъ не менѣе онъ вынесъ убѣжденіе, что въ московской губерніи, „несмотря на усиліе нѣкоторыхъ ревнителей и въ особенности ревнительницъ народнаго образованія", грамотность распространяется очень медленно, а во многихъ мѣстахъ нѣтъ и помину объ училищахъ [1]).

Въ новгородской губерніи у нѣсколькихъ помѣщиковъ и помѣщицъ также были заведены школы на собственныя средства, но учащихся въ нихъ дѣвочекъ было мало: въ имѣніяхъ князя А. Васильчикова было нѣсколько школъ; въ одной, на 1,200 душъ, училось всего 8 дѣвочекъ (мальчиковъ 83), въ другой школѣ на 200 душъ—4 дѣвочки (мальчиковъ 32), въ школѣ на 250 душъ—дѣвочекъ 6 (мальчиковъ 29), на 120 душъ 3 дѣвочки (мальчиковъ 19), въ школѣ для дѣтей дворовыхъ училось 6 дѣвочекъ и 9 мальчиковъ. Но въ нѣкоторыхъ школахъ, заведенныхъ въ другихъ имѣніяхъ священниками, дѣвочекъ было вдвое больше чѣмъ мальчиковъ.

По степени распространенія грамотности въ 1863 году, тульская губернія не уступала тверской; но въ послѣдней школьными учителями были преимущественно простые грамотники, а въ школахъ тульской почти исключительно священно- и церковнослужители; школы находились болѣе при церквахъ въ то время какъ въ тверской онѣ были разбросаны больше по приходамъ. Всѣхъ церквей въ тульской епархіи въ 1863 году было 900, а церковно-приходскихъ школъ далеко болѣе тысячи. Кромѣ того было значительное число частныхъ помѣщичьихъ школъ, также у простыхъ грамотниковъ, имѣвшихъ по 50 учениковъ и болѣе, у вѣковѣшекъ и солдатъ, которымъ крестьяне всего охотнѣе отдавали дѣтей. Въ числѣ лучшихъ школъ Золотовъ называетъ устроенныя въ имѣніяхъ княгини Е. Черкасской, куда, послѣ немалаго сопротивленія крестьянъ, они стали отдавать и дѣвочекъ, „когда по всей Россіи повѣяло грамотностью". У помѣщицы Ржевской была замѣчательная, по словамъ Золотова, сельская школа, въ которой учила сама помѣщица съ дочерьми по

[1]) Изслѣдованіе грамотности по деревнямъ новгородской, моск. и тульской губерній. С.-Пет. 1863 г.

новымъ пріемамъ и учебникамъ. Школа эта существовала уже 10 лѣтъ, но учились одни мальчики. Вообще, говоритъ Золотовъ, въ тульской губерніи дѣвочекъ очень неохотно отдаютъ въ школу; въ церковно-приходскихъ одна учащаяся дѣвочка считалась на 22 мальчика.

Въ большей части такихъ школъ ученіе было механическое и число учениковъ иногда не превышало десяти, между тѣмъ какъ самъ Золотовъ имѣлъ случаи убѣдиться въ томъ, что въ школахъ помѣщицъ, особенно гдѣ онѣ сами учили, расположенныхъ въ верстѣ или даже полуверстѣ разстоянія отъ церковно-приходскихъ, учащихся бывало отъ 30 до 60-ти. Вообще, лучшими во всѣхъ отношеніяхъ школами Золотовъ считаетъ тѣ, которыя открывались съ 1860 года частными лицами и не состояли ни въ чьемъ вѣдѣніи, почему и учителя выбирались самими учредителями такихъ школъ.

Въ могилевской губерніи, куда Золотовъ былъ командированъ министерствомъ народнаго просвѣщенія также въ 1863 году, всѣ школы, за очень небольшими исключеніями, были открыты и содержались самими крестьянами; но ни въ одномъ городѣ, ни въ одномъ мѣстечкѣ, не было женскихъ народныхъ школъ. Онѣ учились вмѣстѣ съ мальчиками, но въ очень небольшомъ числѣ.

Въ мѣстечкѣ Романовкѣ горецкаго уѣзда была, по словамъ Золотова, школа, устроенная княжною Дондуковою-Корсаковою, которая принимала въ ней дѣятельное участіе; изъ этой школы вышло порядочное число хорошо обученныхъ мальчиковъ и дѣвочекъ, которыя могли уже учить другихъ; но послѣ нѣсколькихъ лѣтъ существованія эта школа, по независѣвшимъ отъ княжны обстоятельствамъ, чуть не закрылась и только незадолго передъ пріѣздомъ Золотова опять упрочилась подъ попечительствомъ княжны.

Хотя по уставу 1828 года дѣвочки допускались вмѣстѣ съ мальчиками и въ городскія приходскія училища, разрѣшалось также открывать отдѣльныя женскія училища, но такъ какъ это было предоставлено доброй волѣ городскихъ обществъ и частныхъ лицъ, то такія училища не открывались; да и въ общія городскія приходскія училища дѣвочки часто не допускались.

Въ концѣ сороковыхъ годовъ, подъ вліяніемъ пропаганды Московскаго Общества сельскихъ хозяевъ, въ городахъ были сдѣланы попытки привлечь въ училище и дѣвочекъ, но тутъ встрѣтились чисто внѣшнія препятствія, съ которыми пришлось выдерживать борьбу.

Въ 1849 году директоръ казанскихъ народныхъ училищъ поднялъ вопросъ о допущеніи дѣвочекъ въ городскія приходскія училища. Штатный смотритель, котораго директоръ просилъ убѣдить жителей отдавать дѣвочекъ въ существовавшія въ Казани три училища, отвѣтилъ, что если бы онъ и рѣшился на это, то встрѣтились бы важныя затрудненія уже не со стороны родителей. Кромѣ того, что съ ноября всѣ училища бываютъ такъ переполнены учениками, что приходится отказывать въ пріемѣ, и дѣвочекъ „некуда было бы посадить", смотритель видѣлъ препятствіе къ пріему дѣвочекъ въ томъ, что ученики должны были по командѣ вставать, класть руки за спину, маршировать и пр., а это было бы неприличнымъ для дѣвочекъ; онъ указалъ еще на одно неудобство, исходившее изъ тѣсноты помѣщеній училищъ и предложилъ лучше открыть особое для дѣвочекъ училище съ тѣмъ, чтобы не было никакого сношенія между ними и мальчиками ни въ классахъ, ни внѣ ихъ [1]). Но городскія общества не находили нужнымъ устраивать отдѣльныя женскія училища.

Въ Москвѣ до 1867 года не было ни одного женскаго приходскаго училища; въ Петербургѣ было два, оба одноклассныя съ 76 ученицами [1]). Въ 1867 году московская Дума постановила прежде всего открывать женскія училища и сразу открыла ихъ пять. Петербургская Дума еще въ 1864 году обратила вниманіе на почти полное отсутствіе школъ для дѣвочекъ и постановила: при устройствѣ въ столицѣ училищъ отдѣлять изъ общаго ихъ числа нѣсколько для дѣвочекъ бѣднѣйшаго класса, а также учреждать женскія приходскія училища въ равномъ числѣ съ мужскими. Но вслѣдствіе затянувшейся на цѣлыхъ тринадцать лѣтъ переписки между петербургскою Думою и министерствомъ народнаго просвѣщенія, она могла осуществить свое намѣреніе лишь въ 1877 году, когда ей были переданы 16 училищъ министерства, въ числѣ которыхъ были 2 женскихъ. Въ томъ же году Дума открыла 5 женскихъ училищъ и затѣмъ, открывая каждый годъ новыя, къ 1880 году довела число женскихъ училищъ до 19-ти съ 754 учащимися [2]). Несмотря на такое быстрое увеличеніе числа учащихся дѣвочекъ, Дума, открывавшая

[1]) Историческій очеркъ казанскихъ городскихъ начальныхъ училищъ съ 1806 по 1890 г. Составилъ учитель Г. Алексѣевъ. Казань, 1890 г.

[2]) Первое десятилѣтіе гор. начальныхъ училищъ въ вѣдѣніи С.-Петербургской городской Думы, 1877—1887 г. Отчетъ гор. комиссіи по завѣдываніи гор. нач. училищами и учебными мастерскими. С.-Пет. 1888. Стр. 52.

[3]) Первое десятилѣтіе. 1-е приложеніе къ 12 главѣ, стр. 69.

сначала преимущественно женскія училища на томъ основаніи, что „въ средѣ недостаточнаго класса столичнаго населенія безграмотныхъ женщинъ оказывается не только не менѣе, а даже болѣе чѣмъ мужчинъ“, признала, что можетъ быть благодаря льготамъ по отбыванію воинской повинности, почти всѣ мужскія училища были переполнены, и многимъ мальчикамъ пришлось отказывать въ пріемѣ, а въ большинствѣ женскихъ число учениць не доходило до полнаго комплекта (50-ти). Поэтому было постановлено на будущее время распредѣлять вновь открываемыя училища не поровну между мальчиками и дѣвочками, а по мѣрѣ надобности.

Къ 1-му январю 1878 года число дѣвочекъ, учившихся во всѣхъ городскихъ училищахъ Россіи, простиралось до 48,192 [1]) (мальчиковъ 125,304); изъ 48,192 дѣвочекъ, 6,800 учились въ двухклассныхъ училищахъ, 41,392 въ одноклассныхъ [2]).

Въ 1864 году было Высочайше утверждено Положеніе о начальныхъ народныхъ училищахъ. По этому Положенію училища назначались для дѣтей всѣхъ сословій и вѣроисповѣданій, а воскресныя школы должны были открываться для каждаго пола отдѣльно. Въ начальныхъ, мальчики и дѣвочки могли учиться вмѣстѣ тамъ, гдѣ нельзя было устроить отдѣльныя для каждаго пола. Завѣдываніе училищами предоставлялось выбраннымъ учредителями попечителямъ, а въ женскихъ училищахъ—попечительницамъ; завѣдываніе женскими воскресными школами возлагалось преимущественно на лицъ женскаго пола. Въ каждой губерніи учреждался губернскій, а въ уѣздѣ—уѣздный училищный Совѣтъ, которымъ поручалось завѣдываніе всѣми начальными училищами губерніи.

Съ введеніемъ въ 1864 же году земскихъ учрежденій, участіе въ училищныхъ Совѣтахъ было предоставлено и земству въ лицѣ его представителей. Указомъ 6 марта 1867 года земствамъ были переданы и училища министерства государственныхъ имуществъ, при чемъ на земство не возлагалась обязанность содержать ихъ, а предоставлялось право принимать мѣры къ обезпеченію существующихъ въ селеніяхъ государственныхъ крестьянъ школъ.

Нѣкоторыя земства тотчасъ же приступили къ собиранію свѣдѣній о числѣ народныхъ училищъ въ губерніи и учащихся

---

[1]) Въ дѣйствительности ихъ было больше, но въ представленныхъ свѣдѣніяхъ о числѣ учащихся, въ нѣкоторыхъ учебныхъ округахъ соединены вмѣстѣ учащіеся (мальчики и дѣвочки) въ городскихъ и сельскихъ начальныхъ училищахъ.

[2]) Историко-статист. очеркъ общаго и спеціальнаго образованія въ Россіи. Подъ редакціей А. Г. Небольсина. С.-Пет. 1884 г.

въ нихъ. Тогда выяснилось плачевное состояніе народнаго образованія вообще и, въ особенности, женскаго.

Собирая, по постановленію губернскаго земскаго собранія перваго созыва, 30 мая 1867 года, свѣдѣнія о числѣ грамотныхъ въ губерніи и о числѣ переданныхъ присутствіемъ по крестьянскимъ дѣламъ губернской управѣ школъ, бывшихъ ранѣе въ вѣдѣніи палаты государственныхъ имуществъ, вятское земство „было поражено чуть не отсутствіемъ обучающихся дѣвочекъ“ [1]). Въ цѣлыхъ уѣздахъ значилось менѣе 50-ти учившихся дѣвочекъ изъ болѣе чѣмъ стотысячнаго женскаго населенія. Даже не во всѣхъ уѣздахъ были смѣшанныя школы. Немногія учившіяся дѣвочки посѣщали частныя школы, содержимыя большею частью вдовами священно- и церковнослужителей.

Въ тамбовской губерніи изъ 93 мужскихъ училищъ было всего 8 женскихъ, а въ Спасскомъ уѣздѣ учившихся дѣвочекъ было 6 (мальчиковъ 239) [2]). Въ рязанской губерніи женскія школы были „только какъ исключенія“; число учившихся мальчиковъ относилось къ общей массѣ крестьянскаго населенія какъ 1 къ 24,6 у государственныхъ крестьянъ, какъ 1 къ 50,6 у временнообязанныхъ, а число учившихся дѣвочекъ какъ 1 къ 220 у обоихъ [3]). Во всѣхъ сельскихъ училищахъ временнообязанныхъ крестьянъ тверской губерніи было 5.869 учащихся мальчиковъ, а дѣвочекъ въ десять разъ менѣе.

По словамъ члена училищнаго Совѣта, дьякона Образцова, представившаго Собранію 1869 года свой докладъ, въ которомъ онъ доказывалъ необходимость устраивать отдѣльныя школы для дѣвочекъ, онѣ не посѣщаютъ смѣшанныя школы потому, что въ этихъ школахъ всегда между мальчиками и дѣвочками проявляется антагонизмъ и вражда, вслѣдствіе которыхъ дѣвочки, какъ слабѣйшія, уступаютъ и перестаютъ ходить въ школу. Въ то же время, въ двухъ осмотрѣнныхъ имъ отдѣльныхъ женскихъ училищахъ обучались и взрослыя дѣвушки, которыя, по словамъ докладчика, „не вошли бы въ комнату“, если бы имъ пришлось учиться вмѣстѣ съ мальчиками [4]). Въ полтавской губерніи одинъ учащійся мальчикъ приходился на 77 жителей, одна учащаяся дѣвочка на 2.110 сельскихъ жительницъ. Въ лаишевскомъ уѣздѣ

---

[1]) Народное образованіе въ вятской губерніи за послѣднія десять лѣтъ (1864—1874). Изд. вятскаго губ. земства. Вятка. 1875 г.

[2]) Журн. мин. нар. пр. 1869. Ч. 141.

[3]) Журн. мин. нар. пр. 1867. Ч. 134.

[4]) Сборникъ матеріаловъ для исторіи тверского губернскаго земства 1866—1882 гг. Т. II.

казанской губерніи было всего 10 учившихся дѣвочекъ (мальчиковъ 274), а въ лойденопольскомъ только 6 дѣвочекъ учились въ церковно-приходскихъ школахъ.

По отчету барона Корфа [1]), въ маріупольскомъ уѣздѣ екатеринославской губерніи, на 1.017 мальчиковъ, учившихся въ русскихъ школахъ и училищахъ, насчитывалось не болѣе 107-ми дѣвочекъ.

Вездѣ, въ уѣздахъ, при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, число учившихся дѣвочекъ было въ пять разъ менѣе числа мальчиковъ, за исключеніемъ нѣмецкихъ колоній, гдѣ оно было почти одинаково.

Впрочемъ, по свидѣтельству барона Корфа, въ екатеринославской губерніи большинство колонистовъ разсуждали какъ и русскія сельскія общества. На его убѣжденія открыть русское женское училище они отвѣчали, что „такія вещи для женщинъ совершенно непужны“ и согласились только тогда, когда онъ сказалъ, что въ училищѣ будутъ обучать и укодѣлію.

Въ третьемъ училищномъ участкѣ, составлявшемъ половину всего александровскаго уѣзда, на 130.000 населенія обоего пола было 3.024 учащихся; въ этомъ числѣ 958 дѣвочекъ учились въ колоніальныхъ школахъ, 85 въ греческихъ, въ нѣмецкихъ должны были, по закону, учиться всѣ дѣвочки, въ русскихъ ихъ было всего 18. Приходя къ заключенію, что „нашъ народъ еще не хочетъ обучать женщинъ“, баронъ Корфъ подтверждалъ это „устами сельскаго населенія“ на основаніи фактовъ, что изъ 25-ти сельскихъ школъ только въ 9-ти встрѣчаются ученицы, но ихъ всего 45 на 886 учениковъ. А между тѣмъ и крестьяне, по словамъ барона Корфа, признаютъ, что дѣвочки не менѣе мальчиковъ способны учиться и часто даже обгоняютъ ихъ; но этому они только дивятся: „бываютъ же такія диковинки въ природѣ, и не нужно ей учиться, а дается ей наука!..

Одною изъ главныхъ причинъ незначительнаго числа учившихся въ народныхъ школахъ дѣвочекъ, земства признали нежеланіе крестьянъ обучать дочерей. Это заявляли почти всѣ управы въ первыхъ своихъ докладахъ, при чемъ нѣкоторыя пояснили это нежеланіе и нерасположеніе крестьянъ къ школѣ боязнью бывшихъ до тѣхъ поръ оффиціальныхъ школъ.

На первыхъ порахъ мѣщане и, даже, купцы также считали

---

[1]) Отчетъ члена Александровскаго уѣзднаго училищнаго Совѣта, барона Н. А. Корфа за 1867-й годъ. Екатеринославъ. 1868 г.

грамотность для дѣвочки не только неумѣстною, но даже чѣмъ-то неблагопристойнымъ. Конечно въ этомъ отношеніи были исключенія и земства застали нѣсколько женскихъ училищъ, основанныхъ и содержавшихся на счетъ купцовъ и крестьянъ.

Поэтому, прежде чѣмъ открывать школы для дѣвочекъ, земства должны были побѣдить противодѣйствіе крестьянъ; съ этой цѣлью нѣкоторыя земства обратились къ мѣстному духовенству съ просьбой обращать въ проповѣдяхъ вниманіе прихожанъ и на необходимость женскаго образованія; члены училищныхъ Совѣтовъ и сами, на сходахъ, увѣщали крестьянъ отдавать дочерей въ школы и иногда достигали цѣли.

Крестьяне составляли приговоры объ открытіи женской школы, но тутъ часто встрѣчались новыя препятствія какъ въ отсутствіи учителей и учительницъ, такъ и въ помѣщеніи для дѣвочекъ.

Кашинское земство, признавъ необходимымъ открытіе женскихъ школъ, не могло осуществить свое намѣреніе по неимѣнію въ 1865 году учительницъ для нихъ и постановило выбрать, по преимуществу изъ круглыхъ сиротъ 6 дѣвочекъ, назначить на ихъ обученіе и содержаніе по 70 рублей въ годъ и отдать на четыре года или въ существовавшее въ Кашинѣ женское училище, или въ училище при женскомъ монастырѣ, съ тѣмъ, чтобы потомъ помѣстить ихъ въ родовспомогательное заведеніе, а по выходѣ изъ него онѣ должны были помогать крестьянскимъ женщинамъ и учить въ женскихъ школахъ.

Въ своемъ отчетѣ за 1869 годъ баронъ Корфъ говоритъ, что если бы даже училищный Совѣтъ „и нашелъ средства подвинуть женское обученіе, если бы народъ и созналъ, что учиться женщинѣ нужно, то, за неимѣніемъ денегъ на новыя постройки, онъ бы не получилъ возможности удовлетворить этой потребности: *дѣвочекъ некуда посадить* если не строить новыхъ школьныхъ помѣщеній“ [1]). Онъ прибавляетъ, что сознавать это тѣмъ больнѣе, что „тѣ немногія дѣвочки, которыхъ отцы, пренебрегая пасмѣшками и пересудами, посылали въ смѣшанныя училища“, были почти вездѣ лучшими по успѣхамъ и способностямъ. Изъ 1.628 мальчиковъ, обучавшихся въ училищномъ участкѣ, состоявшемъ въ завѣдываніи барона Корфа, представлены имъ къ наградѣ 37, т.-е. на 44 ученика заслужилъ награду одинъ, а изъ 84 дѣвочекъ заслужили награду пять, т.-е. изъ 17-ти одна.

---

[1]) Отчетъ гл. Алекс. учил. сов. барона П. А. Корфа за 1869 г. Екатеринославъ. 1869 г.

Притомъ шестая часть всего „ничтожнаго“ числа учившихся дѣвочекъ III училищнаго участка училась въ частной школѣ учительницы, получавшей за ихъ обученіе плату отъ родителей. Это было единственное женское училище во ввѣренномъ барону Корфу участкѣ; дѣло въ школѣ было еще не налажено какъ слѣдуетъ; иначе, говоритъ баронъ, отношеніе числа награждаемыхъ къ числу учащихся оказалось бы еще благопріятнѣе для дѣвочекъ.

Подобные отзывы слышались отовсюду; почти всѣ земства признавали способность дѣвочекъ къ ученію, часто превосходившую способность мальчиковъ. Точно также они не могли не оцѣнить способность женщинъ въ качествѣ учительницъ въ народныхъ школахъ. Если сначала, при приглашеніи учительницъ, дѣйствовали экономическіе разсчеты, ибо женскій трудъ всегда цѣнился дешевле мужскаго, то скоро должны были убѣдиться на дѣлѣ, что и по качеству этотъ трудъ былъ не ниже мужскаго, а часто и выше его.

Необходимость обратиться къ учительницамъ на первыхъ же порахъ выяснилась не только для земствъ, но и для администраціи.

Въ отдаленныхъ отъ столицы мѣстностяхъ эта потребность была безусловно настоятельною по признанію самихъ начальниковъ губерній. Въ рѣчи, произнесенной въ комиссіи по преобразованію одного изъ училищъ, ставропольскій губернаторъ формулировалъ ее такъ: „при малонаселенности Россіи вообще и нашего края въ особенности, при громадномъ требованіи преподавателей, не достигнуть результатовъ если часть труда не возьмутъ на себя женщины“ [1]).

Первые опыты приглашенія учительницъ въ народныя школы въ большинствѣ случаевъ были удачны. Скоро замѣтили, что тамъ, гдѣ опѣ учили, собиралось и больше ученицъ, вслѣдствіе чего смѣшанныя училища превращались въ женскія; ученіе и во многихъ мужскихъ школахъ, въ которыхъ учили женщины, шло успѣшнѣе, чѣмъ при учителяхъ; было обращено вниманіе и на то, что учительницы относились къ дѣтямъ мягче, сердечнѣе, чѣмъ учителя, а это вліяло на смягченіе нравовъ.

Говоря въ своемъ отчетѣ 1868 года о двухъ учительницахъ, только за годъ передъ тѣмъ приглашенныхъ александровскимъ училищнымъ Совѣтомъ преподавать въ мужскихъ школахъ, баронъ Корфъ замѣчаетъ: „честь и слава нашимъ учительницамъ!

[1]) Журн. мин. нар. просв. 1866 г. Ч. 136.

Онѣ какъ бы задали себѣ задачу зарекомендовать женскій трудъ на учительскомъ поприщѣ тѣмъ, которые въ него еще не вѣрятъ. Къ счастью для дѣла, нѣтъ и не было такихъ лицъ въ средѣ нашего училищнаго Совѣта, который и не обманутъ въ довѣріи своемъ къ учительницѣ, какъ доказываютъ факты".

Поэтому земства стали заботиться о приготовленіи учительницъ для народныхъ школъ; нѣкоторыя открыли женскія учительскія школы, другія назначали пособія женскимъ гимназіямъ и прогимназіямъ для учрежденія при нихъ педагогическихъ классовъ. По мѣрѣ того, какъ въ школы стали поступать болѣе подготовленныя земствами учительницы, а также дѣвушки, окончившія курсъ среднихъ учебныхъ заведеній и епархіальныхъ училищъ, возрастало къ нимъ довѣріе и симпатіи земства и населенія. Одно изъ очень немногихъ порицаній, выраженное между прочимъ и московскимъ губернскимъ земскимъ собраніемъ въ 1877 году, относилось не къ занятіямъ учительницъ въ школахъ, а къ недостаточно строгому, по мнѣнію управы, отношенію ихъ къ своимъ обязанностямъ передъ земствомъ, выражавшемся въ томъ, что онѣ „не всегда обращаютъ вниманіе на данныя ими земству письменныя обѣщанія, выходятъ замужъ и оставляютъ школу, не сообщивъ даже объ этомъ управѣ" [1]).

С.-Петербургская губернская земская управа свидѣтельствовала въ 1879 году, что мужское отдѣленіе земской учительской школы „относительно начальныхъ народныхъ школъ менѣе полезно, чѣмъ женское, которое снабжаетъ губернію учительницами, по умственному развитію, познаніямъ и преданности дѣлу народнаго образованія значительно превосходящими выпускаемыхъ изъ школы учителей" [2]).

Училищные Совѣты также, за небольшими исключеніями, признавали ихъ полезность. Бобровскій (воронежской губерніи) училищный Совѣтъ высказалъ въ 1877 году, что „высшій уровень удовлетворительности преподаванія изъ всѣхъ преподавателей принадлежитъ учительницамъ, потомъ учителямъ, потомъ законоучителямъ" [3]), и собраніе постановило „для болѣе успѣшнаго хода дѣла народнаго образованія отдавать при вакансіяхъ предпочтеніе учительницамъ". А между тѣмъ воронежское земство принадлежало къ тѣмъ, которыя всего менѣе сдѣлали для женскаго образованія. Въ 1877 году въ немъ было одно послѣобѣ-

[1]) Земскій Ежегодникъ за 1877 годъ. Изд. Имп. Вольно-эконом. Общества подъ редакціею И. Шмигельскаго. С.-Пет. 1879 г.

[2]) Земскій Ежегодникъ за 1879 г. С.-Пет. 1882 г.

[3]) Земскій Ежегодникъ за 1877 годъ.

денное женское училище въ Воронежѣ; были еще училища, гдѣ не обучали письму „ибо нечѣмъ и не на чемъ писать“ [1]).

Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ воронежской губерніи и въ 1880 году число учившихся въ народныхъ школахъ дѣвочекъ было немногимъ больше, чѣмъ при открытіи земскихъ учрежденій и, во всякомъ случаѣ, крайне ничтожно. Въ задонскомъ уѣздѣ учились въ 22 школахъ всего 50 дѣвочекъ (мальчиковъ 1,716), въ коротоякскомъ (въ 1875 году) ихъ было 14 (мальчиковъ 744); даже послѣ устройства въ 1874 году послѣобѣденныхъ смѣнъ для дѣвочекъ, все-таки на 1,300 учившихся въ 1876 году мальчиковъ, дѣвочекъ было во всемъ уѣздѣ около ста [2]).

Къ сожалѣнію, съ теченіемъ времени земства, даже тѣ, которыя въ началѣ горячо высказались за необходимость обучать дѣвочекъ, убѣдившись, можетъ быть, въ чрезвычайной трудности организовать народное образованіе вообще, хотя бы для однихъ мальчиковъ, устремили всѣ свои заботы на послѣднихъ. Не будучи къ тому же полнымъ хозяиномъ дѣла и не имѣя въ своемъ распоряженіи тѣхъ громадныхъ суммъ, какія требовались для устройства въ должномъ числѣ народныхъ школъ для однихъ мальчиковъ, земства, въ первые 16 лѣтъ своего существованія, до 1880 года, успѣли сдѣлать для женскаго народнаго образованія немного. Нѣкоторыя изъ нихъ назначали по два и по три рубля за удовлетворительное обученіе мальчика или дѣвочки, безразлично,—чтенію, письму, первымъ дѣйствіямъ ариѳметики; другія, иногда по предложенію директора народныхъ училищъ, назначали преміи учителямъ и учительницамъ за выдержавшихъ по опредѣленной программѣ экзаменъ дѣвочекъ, назначали небольшія ежегодныя суммы на усиленіе средствъ тѣхъ училищъ, гдѣ учатся дѣвочки.

Донецкое уѣздное собраніе опредѣлило выдать единовременно 245 рублей и давать ежегодно по 150 рублей женскому училищу въ томъ случаѣ, если какая-нибудь станица предоставитъ ему помѣщеніе; другія земства постановляли, вмѣсто вторыхъ, параллельныхъ, отдѣленій, открывать отдѣльныя женскія училища если въ нихъ число дѣвочекъ будетъ не менѣе двадцати. Московское земство еще въ 1867 году, по предложенію постоянной комиссіи, постановило обязать всѣхъ дѣтей, мальчиковъ и дѣвочекъ, до 14-ти лѣтняго возраста посѣщать школы. Такое же ходатайство возбудило десять лѣтъ спустя новгородское земство

[1]) Зем. Ежег. за 1877 г.

[2]) Воронежское земство 1865—1889 гг. Историко-статистическій обзоръ. Составилъ Ф. Щербина. Изд. ворон. губ. земства. Воронежъ, 1891 г.

и при этомъ, за неисполненіе этого обязательства относительно дѣтей въ возрастѣ отъ 6-ти до 12-ти лѣтъ, полагало налагать опредѣленное взысканіе [1]).

Въ первые годы введенія земскихъ учрежденій, въ нѣкоторыхъ губерніяхъ число учившихся дѣвочекъ увеличивалось даже больше, чѣмъ число мальчиковъ, хотя все-таки, въ общемъ, оно всегда оставалось незначительнымъ.

Въ 1867 году учившихся въ московской губерніи мальчиковъ было 7.957, дѣвочекъ 1.454; въ 1880 году первыхъ было 18.963, послѣднихъ 5.443; стало-быть, число дѣвочекъ въ теченіе 13-ти лѣтъ увеличилось болѣе чѣмъ въ $3^1/_2$ раза, а число мальчиковъ въ $2^1/_2$ [2]). Въ среднемъ выводѣ, за годъ каждаго четырехлѣтняго періода дѣятельности московскаго земства учащихся дѣвочекъ приходилось на школу: въ 1867 — 1868 году три (мальчиковъ 22), 1868 — 1872 шесть (мальчиковъ 31), 1872—1875 девять (мальчиковъ 36), 1876—1880 двѣнадцать (мальчиковъ 43). Въ половинѣ приходовъ московскаго уѣзда на 100 женщинъ приходилось въ 1866 году менѣе одной грамотной, а въ 37-ми приходахъ не было ни одной. Семнадцать лѣтъ спустя, въ 1883 году, грамотныя женщины составляли 5%, а грамотные мужчины 36,4% общаго населенія каждаго пола [3]). То же увеличеніе числа учащихся дѣвочекъ замѣчалось и въ другихъ, почти во всѣхъ, губерніяхъ, гдѣ земство хоть сколько-нибудь заботилось о привлеченіи дѣвочекъ въ школу.

Вятское земство, въ земскихъ собраніяхъ котораго преобладали крестьяне, составлявшіе 49% общаго числа гласныхъ, [illegible] самаго открытія земскихъ учрежденій заняло одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду другихъ земствъ по отношенію къ народному образованію. Въ 1865 году въ губерніи, при самыхъ благопріятныхъ случаяхъ, приходилась одна школа на 12—19-тысячное населеніе женскаго пола, въ 3-хъ уѣздахъ была одна школа на все населеніе, а въ сарапульскомъ ни одной; во всей губерніи училась одна дѣвочка изъ 1.360-ти женщинъ (одинъ мальчикъ изъ 127 мужчинъ). Въ 1867 году изъ 212 народныхъ школъ въ губерніи было 28 женскихъ, въ которыхъ учились [illegible] дѣвочекъ; въ 1874 г. число женскихъ школъ увеличилось

[illegible] 1876—1878 гг.

[illegible] 25-лѣтней дѣятельности (1865—1890 гг.) моск. земства. Попеченіе о народномъ образованіи. Матеріалъ обработанъ, по порученію моск. губ. земской управы, В. В. Петровымъ. Москва. 1892 г.

[3]) Вопросы народнаго образованія въ моск. губ. По порученію губер. земской управы составилъ земскій статистикъ В. Петровъ. Москва. 1897 г.

въ два раза, до 59-ти, а число учившихся дѣвочекъ въ пять разъ, до 4.219-ти (мальчиковъ было 17.617), считая тутъ учащихся и въ городскихъ школахъ. Тѣмъ не менѣе, по признанію самого земства, для женскаго образованія оно сдѣлало немного; въ 1874 году даже смѣшанныя школы были не во всѣхъ уѣздахъ [1]). И дѣйствительно, въ 1880 году въ вятской губернской дирекціи изъ 46.928 учащихся въ 612-ти народныхъ училищахъ было всего 5.699 дѣвочекъ; одинъ учащійся мальчикъ приходился, по отношенію къ общему числу мужскаго населенія, какъ 1:39, одна учащаяся дѣвочка къ женскому, какъ 1:234.

Это „отсутствіе всякихъ заботъ о женскомъ образованіи“ нѣкоторые объясняли тѣмъ, что при открытіи женскихъ школъ встрѣчалось больше препятствій, чѣмъ при открытіи мужскихъ, пеимѣніемъ у земства средствъ даже для обученія мальчиковъ, для которыхъ—по довольно распространенному и въ восьмидесятыхъ годахъ мнѣнію—знаніе грамоты крайне важное условіе для успѣха въ практической жизни, „а для дѣвицъ лишь роскошь“ [2]).

Въ рязанскомъ губернскомъ земскомъ собраніи 1878 года было заявлено, что земство „пока ничего не тратило на женское образованіе“ [3]).

Въ своемъ докладѣ губернскому земскому собранію 1874 г., херсонская губернская земская управа говорила: „въ средѣ сельскихъ сословій (за исключеніемъ колонистовъ-нѣмцевъ) женское образованіе, какъ фактъ, можетъ быть признано отсутствующимъ“ [4]).

Указавъ въ своемъ докладѣ земскому собранію 1877 года на то, что процентъ учащихся дѣтей къ числу дѣтей школьнаго возраста (7—13 л.) для мальчиковъ составляетъ 15,24, а дѣвочекъ всего 2,47, тверская губернская управа прибавила: „можно сказать безъ преувеличенія, женское населеніе еще не начинало учиться“.

При введеніи земскихъ учрежденій въ 1864 году, въ 36-ти губерніяхъ, на которыя было сначала распространено дѣйствіе

[1]) Народное образованіе въ вятской губерніи за послѣднія десять лѣтъ (1864—1874). Изд. вятскаго губ. земства. Вятка. 1875 г.

[2]) *Шурминскій.* Статистическія свѣдѣнія о нар. учил. въ вятской губ. за 1880 г. (Народная Школа 1882 г.).

[3]) Сводъ дѣйствующихъ постановленій рязанскаго губ. зем. собранія. Составилъ по порученію ряз. губ. земства А. Д. Новалишинъ. Рязань. 1889 г.

[4]) Отчетъ херсонской губ. зем. управы о девятилѣтней дѣятельности земскихъ учрежденій херсонской губерніи, 1865—1874. Херсонъ. 1875 г.

Положенія о начальныхъ народныхъ училищахъ, считалось 30,179 народныхъ школъ разныхъ вѣдомствъ и наименованій. Число учащихся въ нихъ простиралось до 632,471, изъ которыхъ дѣвочекъ было 78,454, т.-е. онѣ составляли около 8% общаго числа учившихся. Считая народонаселеніе этихъ 36-ти губерній въ 45,000,000, одна школа приходилась на 1,500 жителей, одинъ учащійся мальчикъ на 40 жителей, одна учащаяся дѣвочка на 300 жительницъ [1]). Въ 1874 году число учившихся дѣвочекъ въ 33-хъ губерніяхъ, гдѣ уже дѣйствовали до этого года земскія учрежденія, простиралось до 140,485, а въ 17-ти, гдѣ они были введены только въ 1874 году, дѣвочекъ было 86,511. Всего во всѣхъ губерніяхъ европейской Россіи кромѣ привислянскаго края въ 1874 году училось 226,996 дѣвочекъ. Изъ нихъ въ губернскихъ городахъ 37,742, въ прочихъ 30,324, въ уѣздахъ 158,930. Присоединяя сюда учившихся въ привислянскихъ губерніяхъ 62,252 дѣвочекъ, общее ихъ число по всей Имперіи простиралось въ 1874 году до 289,248-ми. Но въ этомъ числѣ были учащіяся и въ пріютахъ, сиротскихъ домахъ и другихъ учебныхъ заведеніяхъ благотворительнаго характера съ курсомъ низшихъ и начальныхъ училищъ [2]).

Указывая въ своемъ отчетѣ на увеличившееся по сравненію съ предшествовавшимъ годомъ число школъ и учащихся въ нихъ, министръ народнаго просвѣщенія говорилъ: „утѣшительная сторона этихъ цифръ состоитъ въ увеличеніи двуклассныхъ, т.-е. наиболѣе благоустроенныхъ училищъ, и въ развитіи образованія между женскимъ населеніемъ, до сихъ поръ чуждавшимся школъ и чрезъ то тормозившимъ дѣло ученія“. Но при 76-ти милліонномъ населеніи собственно Россіи число школъ, для того, чтобы онѣ могли удовлетворять своему назначенію, должно быть, по словамъ отчета, увеличено въ шесть разъ, а учащихся: мальчиковъ въ 7 разъ, дѣвочекъ въ 35.

Собственно начальныхъ народныхъ училищъ къ концу 1875 г. во всей имперіи, кромѣ Кавказа, Финляндіи и средне-азіатскихъ областей, также сельскихъ лютеранскихъ училищъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ, находившихся въ вѣдѣніи министерства внутреннихъ дѣлъ, было, по отчету министра народнаго просвѣщенія, 23,936 съ 955,499 учащихся; изъ нихъ 170,034 дѣвочекъ. Въ сравненіи съ предшествовавшимъ годомъ число послѣд-

---

[1]) Извлеченіе изъ отчета министра нар. просв. (Ж. мин. нар. пр. 1864. Ч. 122).

[2]) Свѣдѣнія по статистикѣ нар. образованія въ евр. Россіи. Разработаны состоящимъ при цен. статист. комитетѣ А. Дубровскимъ. С.-Пет. 1879 г.

ихъ увеличилось всего на 4,782 (мальчиковъ на 30,810), и указывая на то, что число учащихся дѣвочекъ въ теченіе года не увеличилось даже на одинъ процентъ, министръ объяснялъ это тѣмъ, что мальчиковъ побуждаетъ къ ученію льгота по отправленію воинской повинности, а у дѣвочекъ этого стимула нѣтъ. Считая въ губерніяхъ и областяхъ, входящихъ въ составъ 10-ти учебныхъ округовъ и управленій восточной и западной Сибири 77 милліоновъ жителей обоего пола, по отчету министра приходится одна школа на 3,216 человѣкъ; изъ 38 милліоннаго мужскаго населенія одинъ учащійся на 48, изъ 39-ти милліоннаго женскаго, одна учащаяся на 211; стало-быть, учащихся дѣвочекъ было въ пять разъ меньше чѣмъ мальчиковъ [1]). Вообще же процентъ учащихся по различію половъ — говоритъ А. Поповъ—[2]) „представляется въ Россіи столь невыгоднымъ для женскаго пола, что въ 1876 году только въ губерніяхъ Куопійской и Улеаборгской онъ равнялся проценту мужскаго пола; въ 18-ти губерніяхъ (6 въ Финляндіи, 3 прибалтійскихъ, 5 привислянскихъ, 4 внутренней Россіи), онъ измѣнялся отъ 49 до 30; въ 57-ми губерніяхъ (28 внутреннихъ, 3 сѣверо-западнаго края, 3 юго-западнаго, 5 привислянскаго, 6 сибирскихъ, 4 среднеазіатскихъ владѣній и 8 кавказскаго намѣстничества) отъ 9 до 2-хъ; въ Сыръ-Дарьинской области не достигалъ и одного, а въ Турганской и Сухумской областяхъ вовсе не было учащихся женскаго пола".

По однодневной переписи 20 марта 1880 года, народныхъ сельскихъ училищъ разныхъ наименованій всѣхъ вѣдомствъ, учрежденій, обществъ и частныхъ лицъ, было во всей имперіи 22,770 съ 1,140,915 учащимися; въ томъ числѣ дѣвочекъ 235,997, которыя, такимъ образомъ и въ 1880 году составляли немного болѣе $^1/_5$ общаго числа учащихся. Изъ 22,770 училищъ, 17,431, т.-е. 77% были смѣшанныя, 4,728, т.-е. 21% для однихъ мальчиковъ, 611, т.-е. 2% для однѣхъ дѣвочекъ.

Среди учащихъ въ сельскихъ училищахъ, не считая законоучителей, учительницы составляли въ 1880 году лишь 20% общаго числа; среди нихъ 44% принадлежали къ духовному сословію, 7%—къ крестьянскому. „Это—говоритъ г. Дубровскій—стоитъ въ прямой зависимости отъ слабаго развитія обра-

[1]) Извлеченіе изъ всеподданнѣйшаго отчета мин. нар. пр. за 1875 годъ.

[2]) Объяснительный текстъ къ картѣ нар. обр. въ Россіи, 1876 г. Составленъ А. Поповымъ С.-Пет. 1880 г. Карта составлена по распоряженію мин. нар. пр. Свѣдѣнія не только по вѣд. мин—ва, но и имп. двора, удѣловъ, внутр. дѣлъ, путей сообщенія, гос. имущ., IV отд. С. Е. В. канц., Чел. Общ. и пр.

зованія среди всего женскаго населенія, а въ особенности сельскаго".

Изъ числа 4.878-ми учительницъ, 1.117 получили полное гимназическое образованіе, 1.370 кончили курсъ въ епархіальныхъ училищахъ, 758 получили домашнее образованіе, 572 учились въ прогимназіяхъ, 370 въ учительскихъ школахъ, 691 въ прочихъ учебныхъ заведеніяхъ [1]).

Въ числѣ послѣднихъ находилось и женское училище вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи, состоявшее при петербургскомъ Воспитательномъ Домѣ. Въ немъ кончившія съ успѣхомъ курсъ въ учрежденныхъ при Домѣ сельскихъ школахъ, обученіе въ которыхъ было обязательнымъ для всѣхъ неграмотныхъ питомцевъ обоего пола отъ 10 до 15 лѣтъ, должны были въ теченіе 3-хъ лѣтъ обучаться: закону Божію, русскому языку, ариѳметикѣ, общимъ понятіямъ о геометріи, географіи, русской исторіи, началамъ естествовѣдѣнія, чистописанію, рисованію, пѣнію, рукодѣлію, гимнастикѣ. По окончаніи этого курса, желавшія поступить учительницами въ сельскія школы вѣдомства оставались въ училищѣ еще отъ одного до полутора лѣтъ для практическихъ занятій подъ руководствомъ инспектора и учителей мужской учительской семинаріи вѣдомства [2]).

По даннымъ переписи 20 марта 1880 года, спеціальныхъ педагогическихъ женскихъ учебныхъ заведеній (учительскія школы и семинаріи) въ Россіи было девять съ 1,040 учащимися. Общій расходъ на содержаніе всѣхъ простирался до 121,669 рублей, изъ которыхъ 59,673 рубля давало губернское земство, плата за ученіе составляла въ общей сложности 19,261 рубль, затѣмъ получалось: отъ уѣздныхъ земствъ (тверской губерніи) 3,383 р. отъ духовенства (въ московской губерніи) 3,255 р., отъ частныхъ лицъ и обществъ 3,400 р., изъ другихъ источниковъ 3,257 рублей [3]).

Кромѣ того были спеціальныя медицинскія учебныя заведенія для женщинъ. За исключеніемъ одного, высшаго, основаннаго въ 1872 году на частныя средства, „женскаго курса для

[1]) Статистическій Временникъ Росс. Имперіи. Серія III, вып. 1. Сельскія училища въ европейской Россіи и привисляпскихъ губерніяхъ. Обработанъ младшимъ редакторомъ Центр. Статист. Ком. А. В. Дубровскимъ. Изд. центр. ст. ком. мин—ва внутреннихъ дѣлъ. С.-Пет. 1884 г.

[2]) Пятидесятилѣтіе, стр. 512.

[3]) Статистика Росс. Имп. VIII. Спеціальныя учеб зав. мужскія и женскія въ 50-ти губерніяхъ европ. Россіи и 10-ти привисляпскихъ по переписи 20 марта 1880 г. Подъ редакціею младшаго редактора А. Дубровскаго. Изд. центр. статист. ком. С.-Пет. 1890 г.

образованія ученыхъ акушерокъ при Императорской медико-хирургической Академіи", всѣ остальныя женскія медицинскія учебныя заведенія были предназначены для приготовленія повивальныхъ бабокъ и фельдшерицъ. На содержаніе этихъ заведеній отпускалось изъ государственнаго казначейства 8,558 р. Вообще же содержаніе всѣхъ 25-ти, включая сюда и „курсы ученыхъ акушерокъ", обходилось въ 170,385 рублей. Изъ нихъ отъ частныхъ лицъ и обществъ получалось 53,472 рубля, изъ разныхъ источниковъ 50,968 рублей, платы за ученіе 23,597 р. % съ капиталовъ 22,588 рублей, отъ губернскаго земства 11,202 рубля.

Учрежденный при Воспитательномъ Домѣ въ 1854 году классъ фельдшерицъ былъ преобразованъ въ 1872 году съ цѣлью приготовлять научно-образованныхъ помощницъ врачей для Дома и заведеній вѣдомства. Съ особаго одобренія государя, онѣ съ 1861 года назначались въ институтскіе лазареты вмѣсто фельдшеровъ, а въ 1873 году имъ были даны права послѣднихъ.

Изъ частныхъ учрежденій для приготовленія фельдшерицъ, училище петербургскаго дамскаго лазаретнаго комитета Общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ, состоявшее подъ покровительствомъ императрицы, было основано въ 1872 году съ цѣлью приготовлять научно-образованныхъ фельдшерицъ не только для мирнаго времени, но и для военнаго. Этой же цѣли служила и школа фельдшерицъ, состоявшая при Георгіевской Общинѣ сестеръ милосердія подъ покровительствомъ цесаревны, учрежденная также дамскими комитетами Общества попеченія о больныхъ и раненыхъ воинахъ; кромѣ фельдшерицъ, оно подготовляло и сестеръ милосердія, „которыя соединяли бы въ себѣ христіанское самоотверженіе съ научнымъ пониманіемъ дѣла, такъ какъ современная медицина признала, что главнѣйшее условіе выздоровленія больного есть хорошій уходъ и именно уходъ женскій" [1]). Въ обоихъ этихъ училищахъ курсъ былъ трехлѣтній.

Къ профессіональнымъ женскимъ заведеніямъ можно отнести и учрежденный въ 1871 году, по мысли Принца, въ видѣ особаго отдѣленія при спеціально педагогическомъ классѣ петербургскаго Николаевскаго сиротскаго института, классъ французскихъ учительницъ. Онъ состоялъ изъ 16-ти воспитанницъ, кончившихъ курсъ въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства,

[1]) Женское спеціальное образованіе въ Петербургѣ. Составилъ М. .І. Златковскій. С.-Петербургъ, 1875.

преимущественно въ губернскихъ институтахъ; по окончаніи двухлѣтняго курса въ французскомъ классѣ, гдѣ воспитанницы должны были практически и теоретически изучать не только французскій языкъ, но и другіе предметы спеціальнаго класса, при чемъ нѣкоторые изъ нихъ, въ томъ числѣ всеобщую исторію и педагогику, главнымъ Совѣтомъ было признано желательнымъ изучать на французскомъ языкѣ [1]); по окончаніи всего курса воспитанницы французскаго класса назначались учительницами французскаго языка преимущественно въ губернскіе институты и обязаны были прослужить не менѣе шести лѣтъ.

Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ въ русскомъ обществѣ уже выяснился вопросъ о необходимости открыть новыя сферы труда для женщинъ, большинство которыхъ, послѣ отмѣны крѣпостного права, были вынуждены сами зарабатывать себѣ средства къ жизни. Отзывчивый къ нуждамъ женскаго образованія вообще, а въ особенности къ нуждамъ бывшихъ воспитанницъ, учебныхъ заведеній вѣдомства, Принцъ П. Г. Ольденбургскій въ 1869 году открылъ для окончившихъ педагогическіе курсы ученицъ новую отрасль профессіональнаго труда въ учрежденіяхъ вѣдомства. Находя что должности секретарей и бухгалтеровъ по большей части занимаютъ лица съ весьма посредственнымъ образованіемъ, что̀ отражается и на ихъ служебной дѣятельности, Принцъ, какъ въ интересахъ вѣдомства, такъ и въ видахъ нѣкотораго обезпеченія тѣхъ изъ окончившихъ педагогическіе курсы или высшихъ женскихъ учебныхъ заведеній вѣдомства, ученицъ, которыя должны были содержать своими трудами семью, сдѣлалъ распоряженіе, чтобы двѣнадцати ученицамъ послѣдняго выпуска была поручена ревизія отчетностей заведеній вѣдомства. Оставшись доволенъ этимъ опытомъ, Принцъ испросилъ Высочайшее разрѣшеніе учредить 9 штатныхъ вакансій помощницъ контролеровъ съ ежегоднымъ содержаніемъ въ 400 рублей каждой. Для подготовленія къ новымъ занятіямъ былъ назначенъ особый преподаватель бухгалтеріи на педагогическихъ курсахъ и съ тѣхъ поръ на экзаменахъ присутствовалъ спеціалистъ-чиновникъ, какъ представитель вѣдомства [2]).

Но это продолжалось недолго, хотя на первыхъ порахъ предполагалось ввести преподаваніе бухгалтеріи даже во всѣ женскія гимназіи, а на педагогическихъ курсахъ преподавать болѣе спеціальный курсъ. Этотъ вопросъ обсуждался въ учебномъ коми-

[1]) Журналъ гл. Совѣта, 10 апр. 1871 года

[2]) А. Страннолюбскій. Три встрѣчи съ П. А. Вышеградскимъ. (*Образованіе*. ноябрь 1893).

тетѣ, куда были приглашены и нѣкоторые преподаватели математики въ гимназіяхъ и институтахъ Какъ членъ учебнаго комитета, въ засѣданіи участвовалъ и Н. А Вышнеградскій. Онъ первый высказался противъ предложенія; по словамъ присутствовавшаго въ засѣданіи въ качествѣ преподавателя математики на педагогическихъ курсахъ, Н. А Страннолюбскаго, Вышнеградскій „говорилъ очень недолго, не болѣе нѣсколькихъ минутъ, но чрезвычайно убѣдительно, съ обычной своей простотою, ясно и краснорѣчиво... въ заключеніе онъ горячо предостерегалъ отъ опасности выступленія на путь реформъ, имѣющихъ цѣлью приданіе женскимъ гимназіямъ характера профессіональныхъ учебныхъ заведеній". Рѣчь Вышнеградскаго, по свидѣтельству А. Страннолюбскаго, была такъ сильна и увлекательна, что всѣ, безъ преній, съ нею согласились. Скоро затѣмъ преподаваніе бухгалтеріи было прекращено и на педагогическихъ курсахъ.

Постоянно усиливавшееся стремленіе женщинъ къ такимъ отраслямъ труда, которыя давали бы имъ возможность зарабатывать средства къ содержанію себя и своихъ близкихъ, обратило на себя вниманіе правительства. Вопросъ о допущеніи ихъ на службу въ общественныя и правительственныя учрежденія обсуждался совѣтомъ министровъ въ присутствіи государя и 14-го января 1871 года состоялось Высочайшее повелѣніе о томъ, чтобы: 1) всѣми мѣрами содѣйствовать распространенію и преуспѣянію правильно устроенныхъ, отдѣльныхъ для женщинъ, курсовъ акушерскихъ наукъ и къ привлеченію на оные какъ можно болѣе слушательницъ для того, чтобы дать возможность наибольшему числу женщинъ пріискать себѣ акушерскія занятія во всѣхъ частяхъ государства, столь скудно еще надѣленныхъ представительницами этой необходимой отрасли. 2) Въ виду пользы, приносимой госпитальной дѣятельностью сестеръ милосердія, разрѣшать женщинамъ занятія фельдшерскія и по оспопрививанію, а также аптекарскія въ женскихъ лечебныхъ заведеніяхъ. 3) Поощрять женщинъ на поприщѣ воспитательномъ, гдѣ онѣ уже нынѣ занимаютъ должности учительницъ въ начальныхъ школахъ и низшихъ классахъ женскихъ гимназій, а буде признается возможнымъ, то предоставить учебному вѣдомству расширить еще кругъ ихъ дѣятельности на этомъ поприщѣ. 4) Допустить женщинъ: а) по телеграфному вѣдомству къ занятію мѣстъ сигналистовъ и телеграфистовъ лишь въ опредѣленной министерствомъ внутреннихъ дѣлъ пропорціи общаго числа этихъ должностей, и б) по счетной части и въ женскихъ заведеніяхъ IV отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, по не-

посредственному усмотрѣнію Его Высочества Главноуправляющаго симъ отдѣленіемъ. 5) Затѣмъ воспретить пріемъ женщинъ, даже и по найму, на канцелярскія и другія должности во всѣхъ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ, гдѣ мѣста предоставляются по назначенію отъ начальства и по выборамъ, и 6) о семъ объявить всѣмъ министрамъ и главноуправляющимъ отдѣльными частями къ должному исполненію, производящіяся же по сему предмету дѣла въ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ и министерствѣ внутреннихъ дѣлъ считать конченными.

Послѣ этого Высочайшаго повелѣнія стали поступать ходатайства отъ Совѣтовъ нѣкоторыхъ гимназій о разрѣшеніи обучать желающихъ ученицъ, въ видѣ приватныхъ уроковъ, телеграфному искусству и бухгалтеріи, а въ нѣкоторыхъ частныхъ заведеніяхъ, въ томъ числѣ при Маріинской рукодѣльнѣ патріотическаго Общества, были учреждены особые курсы для приготовленія конторщицъ и приказчицъ въ русскія торгово-промышленныя заведенія, и разные другіе профессіональные курсы.

X.

Преобразованіе учебной части въ институтахъ. — Проектъ К. Д. Ушинскаго для Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ.—Программы, составленныя учебнымъ комитетомъ для институтовъ. — Нормальная учебная табель. — Программы К. Ушинскаго для Воспитательнаго Общества и Александровскаго училища.—Спеціальные классы.—Учебныя руководства въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ.—Преобразованіе учебной части въ Николаевскомъ сиротскомъ институтѣ.—Расширеніе дѣятельности учебнаго комитета.—Новая программа для женскихъ учебныхъ заведеній вѣдомства.—Сравненіе ея съ программою гимназій.—Затрудненія при пріисканіи учителей для занятій по новой программѣ. — Варшавскій институтъ. — Отмѣна преподаванія въ немъ, также въ кіевскомъ институтѣ, польскаго языка.—Характеръ институтскаго воспитанія въ концѣ 50-хъ годовъ.—Разсказы бывшихъ институтокъ этого времени.—Воззрѣнія институтокъ на жизнь. -Проникновеніе новыхъ идей въ институты.—Вліяніе учителей.—Ушинскій и Водовозовъ.—Удаленіе ихъ изъ Общества.—Циркуляръ Ирица въ 1864 году. — Новое разсмотрѣніе программъ институтовъ и гимназій вѣдомства.—Преобразованіе педагогическихъ курсовъ.—Свидѣтельство Тибо де Брюньоля о знаніяхъ воспитанницъ институтовъ и гимназій въ 1870 году.

Одновременно съ преобразованіемъ внѣшняго строя институтовъ, началось преобразованіе и учебной ихъ части. Въ 1856 году, когда истекалъ трехлѣтній опытный срокъ примѣненія въ институтахъ составленныхъ въ 1853 году программъ, императрица поручила учебному комитету обсудить вопросы: 1) насколько настоящій составъ ученія отвѣчаетъ правиламъ науки о воспитаніи и будущему назначенію дѣвицъ и распредѣляются ли учебные предметы въ постепенныхъ классахъ такъ, чтобы между ними сохранялась взаимная связь, облегчающая ихъ изученіе; и 2) выяснивъ эти вопросы, разсмотрѣть отдѣльныя программы и составить общій учебный планъ, при чемъ независимо отъ сужденій инспекторовъ классовъ, спросить мнѣніе начальницъ о ходѣ учебной части въ каждомъ институтѣ, съ тѣмъ, чтобы воспользоваться практическими ихъ замѣчаніями, основанными на пріобрѣтенной опытности и ближайшемъ знаніи характера дѣвицъ и ихъ способностей. При этомъ императрица выразила

желаніе, чтобы программы всѣхъ предметовъ были утверждены не раньше, „какъ по соображенію ихъ съ курсомъ закона Божія, какъ главнаго основанія всего ученія“ [1]).

Программа закона Божья была составлена, по назначенію митрополита, законоучителемъ Александровскаго училища и въ корректурныхъ листахъ просмотрѣна митрополитомъ.

Въ 1859 году учебный комитетъ окончилъ свою работу и представилъ ее главному Совѣту вмѣстѣ съ разсмотрѣннымъ имъ и вполнѣ одобреннымъ проектомъ Ушинскаго о преобразованіи учебной части въ Обществѣ.

Главныя положенія послѣдняго проекта заключались въ томъ, чтобы: 1) уравнявъ курсъ ученія на обѣихъ половинахъ Общества, учредить двухлѣтній спеціальный, для приготовленія домашнихъ наставницъ, курсъ. Это предложеніе было мотивировано тѣмъ, что девятилѣтній курсъ на Николаевской половинѣ слишкомъ продолжителенъ, а въ домашнія наставницы поступаютъ преимущественно воспитанницы Александровскаго училища, для чего имъ необходима возможная основательность и обширность познаній. 2) Переводить изъ класса въ классъ не каждые три года, какъ было до тѣхъ поръ, а каждый годъ и притомъ по экзамену. 3) Вмѣсто трехъ (на Николаевской половинѣ) и двухъ (въ Александровскомъ училищѣ) трехгодичныхъ классовъ ввести въ оба заведенія семигодичные. Указавъ на то, что въ мужскихъ гимназіяхъ, гдѣ давно уже введено такое устройство, только $^1/_7$ всѣхъ учениковъ оканчиваетъ курсъ черезъ 7 лѣтъ, другіе остаются 8, 9 и даже 11 лѣтъ, „не менѣе, можетъ быть, половины совсѣмъ его не оканчиваютъ“, Ушинскій приписывалъ это тому, что „еще самое преподаваніе не воспользовалось всѣми педагогическими усовершенствованіями“, также недостаточному надзору за ученіемъ гимназистовъ внѣ заведенія. Онъ не сомнѣвался въ томъ, что при самомъ бдительномъ надзорѣ за воспитанницами внѣ классовъ и при самыхъ лучшихъ системахъ преподаванія, все-таки значительное число ихъ не будутъ въ состояніи кончать курсъ даже и въ 11 лѣтъ, ибо никакое обширное заведеніе не можетъ сосредоточивать своихъ усилій на нѣсколькихъ слабѣйшихъ ученицахъ. Находя, однако, что отдѣльные классы для слабыхъ составляютъ зло всѣхъ общественныхъ заведеній, Ушинскій предлагалъ разнообразить курсъ ученія соображаясь съ способностями воспитанницъ, и для слабыхъ ограничить курсъ, напримѣръ, обучать ихъ не двумъ, а

[1]) Дѣла гл Сов 1857 г.

одному иностранному языку, преподавать имъ не полный курсъ исторіи, а основательныя познанія изъ географіи въ связи съ главнѣйшими историческими фактами по каждому государству. 4) Принимать воспитанницъ въ первый классъ не моложе 10-ти лѣтъ и не старше 12-ти, притомъ нѣсколько подготовленными; 5) устроить приготовительный классъ, въ которомъ занимались бы пепиньерки. 6) Не позволять оставаться въ одномъ классѣ долѣе двухъ лѣтъ, а непремѣнно переводить отставшихъ учениць въ высшій, но ограничивъ курсъ ихъ ученія такъ, чтобы у нихъ оставалось больше времени для занятій тѣми предметами, которые имъ назначены. Кромѣ общихъ, для такихъ воспитанницъ назначить и приватныя занятія подъ руководствомъ воспитанницъ спеціальныхъ классовъ, классныхъ дамъ или учителей.

При переходѣ изъ 4-го въ 5-й классъ ученицы, не могущія продолжать нормальный курсъ, должны были, по проекту Ушинскаго, поступать въ особую, въ 5-мъ классѣ, параллель, въ которой онѣ могли оставаться одинъ или два года. Здѣсь курсъ долженъ былъ быть разнообразнымъ, приспособленнымъ къ знаніямъ и способностямъ учащихся [1]).

Проектъ Ушинскаго былъ одобренъ главнымъ Совѣтомъ, постановившимъ ввести его въ дѣйствіе съ 1860 года, въ видѣ опыта на семь лѣтъ.

При обсужденіи въ главномъ Совѣтѣ проекта учебнаго комитета были сдѣланы поясненія къ предложеннымъ комитетомъ программамъ отдѣльныхъ предметовъ [2]). По закону Божію было оговорено, что преподаваніе должно вестись „въ предѣлахъ, указанныхъ духовнымъ начальствомъ, при устраненіи нетерпимости, но такъ, чтобы это устраненіе не давало поводовъ къ вкорененію индиферентизма“. Членъ Совѣта, А. С. Норовъ, указалъ на сдѣланное имъ въ бытность свою министромъ народнаго просвѣщенія, по Высочайшему повелѣнію, сообщеніе, чтобы всюду знакомили дѣтей, начиная съ низшихъ классовъ, съ Новымъ Завѣтомъ.

Курсъ русскаго языка и словесности постановлено, согласно съ мнѣніемъ учебнаго комитета, сократить, а курсъ литературный сдѣлать строго-практическимъ, основаннымъ на чтеніи литературныхъ образцовъ и самостоятельныхъ упражненіяхъ съ указаніемъ коренныхъ правилъ теоріи прозы и поэзіи, также историческихъ свѣдѣній о постепенномъ развитіи литературы оте-

---

[1]) Архивъ IV отд. Собств. Его Вел. канцеляріи.

[2]) Засѣданіе 4-го февраля 1860 года.

чественной, о главнѣйшихъ представителяхъ исторіи всеобщей литературы „безъ особаго, однако, сей послѣдней изложенія по народамъ“.

При преподаваніи иностранныхъ языковъ, Совѣтъ принялъ мнѣніе учебнаго комитета, что слѣдуетъ избѣгать, сколько возможно, систематическаго изложенія грамматики и отдѣльнаго по каждому языку преподаванія риторики и стилистики, „въ особенности же біографическихъ подробностей о писателяхъ устарѣвшихъ, или съ сочиненіями которыхъ воспитанницы не будутъ имѣть случая ознакомиться ближайшимъ образомъ“.

Цѣлью преподаванія географіи поставлено—сообщать воспитанницамъ „живую картину наиболѣе замѣчательныхъ и характеристическихъ мѣстностей земнаго шара, формъ быта и дѣятельности важнѣйшихъ народовъ подъ вліяніемъ окружающей природы“, а въ приготовительномъ классѣ давать первоначальныя свѣдѣнія изъ географіи Россіи, также понятія изъ математической и физической географіи, „безъ научнаго объясненія ихъ причинъ“. А. С. Норовъ предложилъ знакомить воспитанницъ и съ главными историческими событіями странъ въ анекдотическихъ формахъ.

Курсъ всеобщей и русской исторіи рѣшено сократить исключеніемъ подробностей чисто политическихъ и касающихся одной внѣшней исторіи народовъ и обращать при этомъ особое вниманіе воспитанницъ на состояніе и значеніе семейства и женщины. Хронологическія и генеалогическія таблицы признаны неумѣстными въ институтахъ, „если стремиться главнымъ образомъ къ развитію умственныхъ способностей и нравственнаго чувства воспитанницъ“.

По ариѳметикѣ одобренъ предложенный комитетомъ курсъ „кромѣ нѣкотораго излишества въ изложеніи понятій объ измѣреніяхъ“; ихъ постановлено ограничить наглядными указаніями измѣренія площадей и объемовъ и вообще преподаваніе ариѳметики примѣнить къ практическимъ цѣлямъ и потребностямъ.

При исправленіи составленной Куторгой программы „объ явленіяхъ природы“ учебный комитетъ находилъ полезнымъ, чтобы воспитанницы старшаго класса осматривали важнѣйшія техническія и фабричныя заведенія, земледѣльческія школы и естественно-историческіе музеи тамъ, гдѣ они есть. Но главный Совѣтъ нашелъ это неудобнымъ и „едва ли полезнымъ“.

Особаго курса хозяйства постановлено не вводить, а просить начальницъ всячески поощрять окружающихъ воспитанницъ лицъ, чтобы они сообщали имъ дѣльныя хозяйственныя свѣдѣнія.

Относительно преподаванія педагогики, А. С. Поровъ былъ того мнѣнія, что ее надо преподавать практически, „отбросивъ упраздненныя теоріи науки и лишнія ея подробности“. Членъ Совѣта, П. Игнатьевъ, высказалъ сомнѣніе въ томъ, чтобы введеніе педагогики въ институты принесло ту пользу, какую отъ нея ожидаютъ, ибо если имѣть въ виду образованіе женщинъ, способныхъ воспитать своихъ дѣтей, то одни заученныя правила и педагогическія занятія съ воспитанницами низшихъ классовъ не могутъ привести къ цѣли. По его мнѣнію, лучшіе пріемы воспитанія своихъ дѣтей внушитъ каждой благоразумной матери ея любовь къ дѣтямъ, отсутствіе пристрастія и предразсудковъ, наблюденіе за успѣшнымъ воспитаніемъ чужихъ дѣтей. Курсъ педагогики непуженъ и гувернанткамъ, а изъ 100 дѣвицъ, едва ли 5 чувствуютъ призваніе къ воспитательной дѣятельности. Для большинства ихъ,—говорилъ Игнатьевъ,—„бракъ представляетъ предпочтительное средство къ обезпеченію будущности“. Поэтому надо давать дѣвицѣ прежде всего общее воспитаніе, „соотвѣтственное потребностямъ семейнаго быта“. Но въ институтѣ, дѣвушки, покидающія его въ 18 лѣтъ, не могутъ получить всѣ нужныя для этого свѣдѣнія тѣмъ болѣе, что онѣ имѣютъ мало времени для самостоятельнаго усовершенствованія; „ввѣрять же незрѣлымъ дѣвицамъ труднѣйшую изъ задачъ человѣка—воспитаніе чужихъ дѣтей, невозможно“.

По поводу особаго значенія программъ и руководствъ для женскихъ учебныхъ заведеній, въ главномъ Совѣтѣ была высказана мысль, что въ этихъ заведеніяхъ болѣе, чѣмъ въ мужскихъ, необходимо примѣнять преподаваніе наукъ къ потребностямъ учащихся въ виду краткости времени, отведеннаго на ученіе, притомъ „совокупно съ спеціальнымъ приготовленіемъ къ опредѣленному призванію, ожидающему ихъ въ жизни“. Поэтому воспитанницамъ въ самомъ заведеніи должны сообщаться нѣкоторыя положительныя свѣдѣнія, которыми онѣ могли бы пользоваться „безъ дальнѣйшаго занятія и усовершенствованія“.

Эти особенности женскаго воспитанія постановлено имѣть въ виду при составленіи учебнаго курса для дѣвицъ.

По утвержденной главнымъ Совѣтомъ 4-го февраля 1860 года нормальной учебной табели для женскихъ учебныхъ заведеній 1-го и 2-го разрядовъ, на законъ Божій было назначено 12 уроковъ въ недѣлю во всѣхъ семи классахъ, по русскому языку и словесности 22, изъ которыхъ въ двухъ старшихъ классахъ должна была преподаваться исторія литературъ: русской, французской и нѣмецкой, по образцамъ; на это было опредѣлено по

3 урока въ недѣлю на каждую; по французскому 23 урока; по нѣмецкому, преподаваніе котораго должно было начинаться съ 6-го класса — 20; по ариѳметикѣ 12, при чемъ изъ геометріи положено преподавать лишь „наглядныя понятія объ измѣреніяхъ“, на что было назначено всего 2 урока въ недѣлю въ одномъ только третьемъ классѣ; по географіи, преподаваніе которой начиналось также съ 6-го класса, 13 уроковъ; по исторіи, начинавшейся съ 5-го класса, 12 уроковъ, включая сюда и всеобщую; русская преподавалась только въ двухъ старшихъ (2-й и 1-й) классахъ, въ которыхъ полагалось всего по 3 урока въ недѣлю. По „курсу о произведеніяхъ природы“ было назначено по 2 урока въ недѣлю въ трехъ старшихъ лишь классахъ, и кромѣ того по 2 часа по курсу „объ явленіяхъ природы“. Педагогика должна была преподаваться въ двухъ старшихъ классахъ по 2 урока въ недѣлю. На рисованіе (общій или низшій курсъ) назначалось 12 уроковъ, на занятія музыкою 42 часа, по 6-ти въ каждомъ классѣ, по рукодѣлію 25 и на приготовленіе уроковъ было назначено по 12 часовъ въ недѣлю въ трехъ низшихъ классахъ, 18 часовъ въ 4-мъ, и по 19-ти въ трехъ старшихъ. Въ низшихъ 3-хъ классахъ уроки назначались полуторочасовые, въ 4-хъ высшихъ—часовые [1]).

Руководствуясь мнѣніемъ главнаго Совѣта 4-го февраля 1860 года, Ушинскій составилъ отдѣльную программу для Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ и Александровскаго училища, отличавшуюся отъ нормальной табели. Особенное вниманіе Ушинскій обратилъ на языки, естественныя науки и географію. Для русскаго языка онъ назначилъ по пяти уроковъ въ недѣлю въ младшемъ, 7-мъ классѣ, и по 4 въ шестомъ. „Такого значительнаго числа уроковъ по русскому языку, — говоритъ В. Лядовъ, — до сихъ поръ не бывало въ Смольномъ“ [1]). Это было сдѣлано потому, что, по мнѣнію Ушинскаго, „учитель русскаго языка не можетъ ограничиваться однимъ только преподаваніемъ грамматики, а долженъ имѣть въ виду общее развитіе воспитанницъ, сообщить имъ ясныя и правильныя понятія объ окружающихъ предметахъ, научить ихъ разсуждать о знакомыхъ имъ вещахъ и правильно выражать свои мысли“. Въ 5-мъ и 4-мъ классахъ воспитанницы должны были упражняться въ переводахъ съ французскаго на русскій языкъ преимущественно статей геогра-

[1]) Пятидесятилѣтіе. Примѣчаніе № 10.

[2]) Историческій очеркъ столѣтней жизни Императорскаго Восп. Общ. благ дѣвицъ и С.-Пет. Александровскаго училища. Составилъ В. П. Лядовъ, С.-Пет., 1864 г.

фическаго и историческаго содержанія. Съ 3-го класса начиналось изученіе литературы, на которое Ушинскій полагалъ не по 3 часовыхъ урока на каждую, какъ въ нормальной табели, а по пяти. На преподаваніе французскаго языка онъ назначилъ по 1-му уроку каждый день, начиная съ младшаго класса, а въ 5-мъ должно было начинаться теоретическое его изученіе. Знаніе воспитанницами нѣмецкаго языка Ушинскій считалъ нужнымъ лишь въ тѣхъ предѣлахъ, чтобы онѣ могли пользоваться произведеніями нѣмецкой литературы. Преподаваніе географіи должно было вестись такъ, чтобы воспитанницы знакомились съ бытомъ обитателей всѣхъ государствъ и ихъ историческою жизнью. Съ 4-го класса преподаваніе географіи должно было идти независимо отъ исторіи. Курсъ географіи былъ раздѣленъ на двѣ части — подготовительную и самостоятельную, а въ старшемъ классѣ должно было преподаваться статистическое географическое обозрѣніе Европы, и особенно Россіи, при чемъ сообщались нѣкоторыя политическія, юридическія и политико-экономическія свѣдѣнія. По нормальной табели въ 3-мъ классѣ воспитанницъ должны были знакомить съ минералами, во 2-мъ—съ растеніями, и въ 1-мъ—съ животными. Въ программѣ Ушинскаго порядокъ былъ обратный: преподаваніе начиналось съ разсмотрѣнія человѣка, затѣмъ переходило къ животнымъ, растеніямъ и кончалось міромъ неорганическимъ. Кромѣ того онъ считалъ полезнымъ дополнить курсъ естественныхъ наукъ краткимъ курсомъ гигіены.

Составленная Ушинскимъ программа ариѳметики также отличалась отъ нормальной табели. Преподаваніе ея должно было начинаться съ того, чѣмъ она до тѣхъ поръ обыкновенно кончалась, т.-е. сначала воспитанницамъ должны быть сообщены наглядныя понятія объ измѣреніяхъ, потомъ онѣ должны познакомиться съ именованными числами и затѣмъ уже перейти къ упражненіямъ надъ числами отвлеченными. „Ариѳметикѣ,—писалъ Ушинскій, — слѣдуетъ учить такъ, чтобы ее нельзя было позабыть; въ противномъ случаѣ она безполезна, потому что хозяйственные счеты ведутъ очень хорошо и тѣ, кто никогда не учился ариѳметикѣ“. „Такой взглядъ на значеніе ариѳметики въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, — говоритъ Лядовъ, былъ высказанъ у насъ въ первый разъ“.

Такъ какъ съ введеніемъ семилѣтнихъ годичныхъ классовъ, курсъ Александровскаго училища сравнялся съ курсомъ Общества благородныхъ дѣвицъ, то была измѣнена и цѣль учрежденнаго при немъ въ 1850 году спеціальнаго класса. Эта цѣль, по предложенію Ушинскаго, должна была заключаться въ до-

ставленіи воспитанницамъ педагогической практики и пріученіи ихъ къ самостоятельной работѣ. Поэтому онъ полагалъ раздѣлить двухлѣтній педагогическій курсъ на два курса—практическій и теоретическій. Въ первомъ воспитанницы должны были присутствовать при урокахъ учителей въ низшихъ и среднихъ классахъ, подготовлять слабыхъ ученицъ, а во вторую половину курса сами преподавать, подъ руководствомъ учителей, въ низшемъ классѣ. Кромѣ того, онѣ должны были читать педагогическія сочиненія на иностранныхъ языкахъ по указанію инспектора классовъ и ежемѣсячно давать ему письменные отчеты о нихъ. Въ теоретическомъ классѣ положено было читать ученицамъ лекціи по закону Божію, русской словесности, всеобщей исторіи, статистикѣ, естествовѣдѣнію, а хорошо знакомымъ съ съ французскимъ и нѣмецкимъ языками разрѣшалось брать уроки англійскаго „по важности его для будущихъ наставницъ“, но на свой счетъ.

Свое предложеніе Ушинскій сдѣлалъ передъ самымъ своимъ выходомъ, въ началѣ 1862 года, изъ Смольнаго, а черезъ годъ послѣ его выхода, по предложенію учебнаго комитета, главный Совѣтъ призналъ, что если до тѣхъ поръ воспитанницамъ педагогическаго класса недоставало педагогической практики, то теперь ихъ познанія остаются почти тѣмъ же, чѣмъ онѣ обыкновенно бываютъ при окончаніи общаго курса, т.-е. ученическими, „неполнымъ и неточнымъ повтореніемъ того, что говорили преподаватели“; а такъ какъ „научной основательности въ пониманіи, серьезнаго навыка къ самостоятельному занятію, твердости и обширности во взглядахъ на предметы, нельзя ни требовать, ни ожидать отъ 16—17-лѣтнихъ дѣвушекъ“, то Совѣтъ согласился съ предложеніемъ конференціи преподавателей спеціальнаго класса сообщать воспитанницамъ краткія свѣдѣнія изъ психологіи и логики, а также, чтобы имъ читались лекціи, по одной въ недѣлю, для каждаго изъ предметовъ: закона Божія, русскаго, французскаго и нѣмецкаго языковъ, ариѳметики и географіи. Число ученицъ въ каждомъ изъ семи общихъ классовъ не должно было превышать 30-ти, какъ въ гимназіяхъ [1]).

Тогда же былъ составленъ нормальный списокъ книгъ для заведеній 1-го и 2-го разрядовъ.

Въ 1860 году въ этихъ заведеніяхъ были руководства: по русскому языку, для литературнаго курса въ высшихъ классахъ—

[1]) Въ Павловскомъ институтѣ, гдѣ раньше уже существовали семиодичные классы, въ нихъ было по 60-ти ученицъ въ каждомъ.

четвертая часть курса словесности, изданнаго министерствомъ народнаго просвѣщенія; для теоріи словесности руководства не было, также какъ и по всеобщей исторіи; для русской—Устряловъ, а историческіе разсказы объ отдѣльныхъ событіяхъ „съ особою пользою“ могли, по мнѣнію главнаго Совѣта, почерпаться изъ *Журнала для дѣтей* Чистякова и Разина. По географіи — курсъ Ободовскаго, ариѳметикѣ—изданныя министерствомъ курсы: Михельсона, Буссе, Ожаровскаго, Иваницкаго; по геометріи—*Руководство для употребленія въ уѣздныхъ училищахъ*; по курсу явленій природы—Пчельникова уроки физики; Лапшина,—*Бесѣды о физическихъ явленіяхъ*; Куторги — *Руководство*.

Главный Совѣтъ поручилъ учебному комитету составить конкурсъ по составленію руководствъ по каждому предмету, разрѣшивъ ему приглашать профессоровъ университета по назначенію попечителя петербургскаго учебнаго округа. Авторамъ руководствъ предписано имѣть въ виду при ихъ составленіи общія требованія устава женскихъ учебныхъ заведеній 1855 года, инструкціи начальницамъ и мѣстнымъ Совѣтамъ, „Наставленіе для образованія воспитанницъ“, пормальную учебную табель и Положеніе главнаго Совѣта 4-го февраля 1860 года. Впрочемъ было оговорено, что изложенныя въ программахъ и журналахъ учебнаго комитета требованія „не только не предписываются къ буквальному исполненію, но авторамъ, въ случаѣ несогласія ихъ съ воззрѣніями программъ, предоставляется руководствоваться собственными ихъ соображеніями, если оныя будутъ ими точно выражены и подкрѣплены доводами, полезными и уважительными“ [1]).

Въ Николаевскомъ сиротскомъ институтѣ еще въ 1856 году было постановлено имѣть шесть особыхъ учительницъ для занятій съ воспитанницами приготовительнаго и общаго курсовъ, при чемъ отъ нихъ требовались не обыкновенные аттестаты, выдававшіеся университетомъ въ знаніи одного или двухъ предметовъ, а основательныя свѣдѣнія изъ всѣхъ наукъ, преподававшихся въ институтѣ. Въ 1861 году курсъ въ отдѣленіи домашнихъ учительницъ сравненъ, по продолжительности, съ курсомъ кандидатокъ, по тому соображенію, что слабѣйшимъ нужно болѣе времени для пріобрѣтенія требуемыхъ знаній, а между тѣмъ курсъ домашнихъ учительницъ продолжался восемь лѣтъ, курсъ кандидатокъ—десять.

Послѣ ухода Ушинскаго изъ Смольнаго были произведены

[1]) Засѣданіе 4-го февр. 1860 г.

нѣкоторыя перемѣны въ введенной имъ программѣ: уменьшено число уроковъ русскаго и французскаго языковъ въ низшихъ классахъ, преподаваніе нѣмецкаго опять начиналось съ 7-го, естествовѣдѣніе и исторія съ 5-го; но нѣкоторыя изъ предложенныхъ имъ мѣръ, въ ихъ числѣ учительскія конференціи, были сохранены и распространены на другіе институты.

Въ 1862 году, при преобразованіи главнаго управленія вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи, былъ расширенъ кругъ дѣятельности учебнаго комитета, въ составъ котораго, по предложенію инспектора классовъ Николаевскаго сиротскаго института, Чистякова, должны были входить: начальникъ училищъ для приходящихъ дѣвицъ, инспектора классовъ всѣхъ петербургскихъ женскихъ учебныхъ заведеній (иногородные могли приглашаться съ правомъ голоса). Мотивомъ, побудившимъ составителя проекта придать учебному комитету бо̀льшее значеніе, послужило, какъ онъ говорилъ въ 1862 году, „современное состояніе русскаго общества и хаотическое броженіе еще неотстоявшихся идей, проникающихъ въ школы“. Это, по его мнѣнію, „возлагаетъ на комитетъ обязанность постоянно изыскивать средства давать воспитанію юношества въ учрежденіяхъ Императрицы Маріи дѣльное и религіозно-нравственное направленіе... Нынѣ,—говорилъ Чистяковъ,—всякая мѣра для преобразованія нравственной и умственной части учебныхъ заведеній подвергается публичному обсуживанію въ газетахъ и журналахъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ, и поэтому требуетъ большой обдуманности и многосторонней разработки“.

Въ виду этого Чистяковъ полагалъ нужнымъ возложить на учебный комитетъ обязанность обсуждать вообще всѣ вопросы, относящіеся до нравственнаго и умственнаго образованія въ учрежденіяхъ Императрицы Маріи, какіе только отъ главноуправляющаго IV отдѣленіемъ будутъ ему предложены, „*или же какіе сами члены комитета признаютъ полезнымъ подвергнуть разсмотрѣнію*“. Съ послѣднимъ не согласился главный Совѣтъ.

Въ 1863 году, учебнымъ комитетомъ, подъ предсѣдательствомъ Чистякова [1]), была составлена новая учебная табель для всѣхъ институтовъ, близко подходившая къ составленной Ушинскимъ для Смольнаго. По новой табели на классное и внѣклассное ученіе назначалось 8 часовъ въ день; въ двухъ низшихъ классахъ преобладалъ французскій языкъ, въ 5-мъ и 4-мъ—нѣмецкій; уроки по естествовѣдѣнію начинались съ 3-го класса и

[1]) Дѣлопроизводителемъ былъ Н. Вышнеградскій.

число ихъ вообще, во всѣхъ классахъ, увеличено; по русскому языку оно сокращено съ 22-хъ до 19-ти, а для русской словесности въ двухъ старшихъ классахъ назначено по 2 урока вмѣсто 3-хъ, по рукодѣлію число часовъ сокращено съ 25-ти до 13-ти.

По сравненію съ гимназіями, ученіе въ институтахъ представлялось въ слѣдующемъ видѣ: число уроковъ по закону Божію полагалось: — въ институтахъ 14, въ гимназіяхъ 17, русскаго языка и словесности 19 и 25, французскаго 24 и 28, нѣмецкаго 22 и 23, исторіи 9 и 11, географіи по 14-ти въ обоихъ; естествовѣдѣнія 15 и 18, ариѳметики 12 и 15, педагогики по 4 въ обоихъ.

Система семигодичныхъ классовъ, также новая учебная табель для институтовъ, представляли въ началѣ много неудобствъ, особенно въ провинціи, гдѣ при низкой платѣ, назначаемой учителямъ, было очень трудно пріискать такихъ, которые соглашались брать на себя уроки въ институтѣ въ опредѣленные часы. Мѣстные Совѣты ходатайствовали объ увеличеніи учителямъ платы наравнѣ съ тою, какую они получаютъ въ другихъ мѣстныхъ заведеніяхъ. Совѣтъ оренбургскаго института представлялъ, что когда прекратились уроки французскаго и нѣмецкаго языковъ въ Неплюевскомъ кадетскомъ корпусѣ, то учителя этихъ языковъ отказались и отъ института. Самарскій генералъ-губернаторъ просилъ главный Совѣтъ разрѣшить отдавать всю сумму, 350 рублей въ годъ, которая прежде платилась учителямъ обоихъ иностранныхъ языковъ, одному учителю французскаго языка, а нѣмецкій совсѣмъ упразднить, говоря, что „безъ французскаго языка пельзя“, ибо родители отказываются оставлять въ институтѣ дочерей если ихъ не будутъ обучать французскому языку. Инспекторъ классовъ павловскаго института представилъ въ 1863 году главному Совѣту одобренную мѣстнымъ Совѣтомъ учебную табель, въ которой естествовѣдѣніе должно было преподаваться на французскомъ языкѣ, притомъ по 2 урока въ низшемъ классѣ, затѣмъ въ трехъ слѣдующихъ оно должно было прерываться и возобновляться въ 3-хъ высшихъ опять по 2 урока въ недѣлю. Это предложеніе было сдѣлано потому, что на экзаменѣ 1862 года знанія воспитанницъ вообще, а особенно по иностраннымъ языкамъ, оказались неудовлетворительными.

Для усовершенствованія въ этихъ языкахъ, во всѣхъ институтахъ устраивались спектакли, на которыхъ воспитанницы упражнялись въ разговорномъ языкѣ.

Польскій языкъ преподавался въ варшавскомъ институтѣ до

передачи его въ вѣдомство учрежденій Императрицы Маріи, въ 1867 году. Этотъ институтъ былъ переведенъ въ Варшаву изъ Новой Александріи вслѣдствіе бывшихъ тамъ въ 1861 году безпорядковъ, во время которыхъ институтъ былъ закрытъ; въ 1862 году онъ былъ соединенъ съ Маріинскою школою подъ названіемъ Александрійскаго-Маріинскаго института и подчиненъ правительственной коммиссіи духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. До передачи въ вѣдомство, институтъ состоялъ изъ шести общихъ классовъ и одного педагогическаго, въ которомъ преподавались законъ Божій, языки съ литературами, естественная исторія, гигіена, педагогика, практическое домашнее хозяйство. Польскій языкъ былъ обязательнымъ для всѣхъ; на немъ преподавались: педагогика, ариѳметика, естественная исторія и физика. Въ 1867 году было прекращено преподаваніе польскаго языка и въ кіевскомъ институтѣ.

Понятно, что всѣ преобразованія, направленныя къ улучшенію внутренняго строя институтовъ и учебной ихъ части, не могли сразу оказать вліянія на характеръ институтскаго воспитанія и образованія. Въ теченіе еще многихъ лѣтъ этотъ характеръ сохранялся неизмѣннымъ.

Въ литературѣ, получившей въ концѣ пятидесятыхъ годовъ возможность свободно говорить и объ институтахъ, разоблачались похожіе на анекдоты, факты изъ недавняго ихъ прошлаго. И въ обществѣ, и въ литературѣ господствовало сильное предубѣжденіе противъ институтскаго воспитанія и образованія. Ему ставили главнымъ образомъ въ вину то, что оно не развивало въ воспитанницахъ способности и привычки думать. „Если бы, кончая курсъ, воспитанница задалась вопросомъ: какъ ей воспользоваться своими знаніями, то она не была бы въ состояніи его обдумать, ибо вообще ей трудно думать. Она скорѣе припомнитъ хронологію и генеалогію всѣхъ возможныхъ Карловъ, Генриховъ, Адольфовъ, нежели составитъ вѣрное опредѣленіе самой простой вещи, находящейся у ней передъ глазами; въ головѣ у ней остаются два-три заученныя правила безъ всякаго отношенія къ жизни“ [1]).

Въ 1862 году двѣ бывшія институтки стали издавать журналъ *Гувернантка* [2]), въ которомъ защищали институтское вос-

[1]) *Головачевъ.* О женскихъ учебныхъ заведеніяхъ. (Р. Вѣстникъ, 1860).

[2]) Періодическое изданіе для начальницъ институтовъ и пансіоновъ, классныхъ дамъ, домашнихъ наставницъ и учительницъ, и вообще для лицъ, занимающихся воспитаніемъ и обученіемъ. Редакторы-издательницы Агнія Мамышева и Зоя Травлинская. С.-Петербургъ, 1862.

питаніе и образованіе; но онъ сразу былъ недружелюбно встрѣченъ и публикой, и печатью. Полемизируя съ издательницами за ихъ взгляды на педагогическое дѣло, *Учитель* назвалъ „ненормальнымъ“ явленіе гувернантокъ, начальницъ, классныхъ дамъ и самые институты [1]). Издательницы горячо защищали свои взгляды на воспитаніе съ институтской точки зрѣнія; но силы были неравныя и съ четвертаго номера редакція *Гувернантки* распалась, объявивъ, что передаетъ журналъ „нѣсколькимъ дамамъ съ одинаковымъ направленіемъ по образованію“; хотя новая редакція пригласила отвѣтственнаго передъ правительствомъ редактора-издателя, мотивируя это тѣмъ, что, „несмотря на всѣ возгласы о прогрессѣ, женщинѣ еще трудно поднять голову во многихъ вопросахъ, близко ее касающихся“, но и послѣ того дѣло не пошло и журналъ закрылся въ августѣ того же года.

Разсказы бывшихъ институтокъ конца пятидесятыхъ и начала шестидесятыхъ годовъ, даже тѣхъ, которыя сохранили благодарное воспоминаніе объ институтѣ, подтверждаютъ, что и въ ихъ время, въ искусственной атмосферѣ, въ которой онѣ жили поколѣніе за поколѣніемъ, отсутствовала „правда жизни“. Одна изъ нихъ, „благословлявшая день своего поступленія въ институтъ“, говоритъ, что, „благодаря непрестаннымъ благороднымъ внушеніямъ, что достоинство человѣка состоитъ въ честномъ исполненіи своего долга“, она „научилась молитвѣ, поняла нашу религію, состоящую въ всепрощеніи и любви, прониклась глубокимъ уваженіемъ и нелицемѣрною любовью къ царю и отечеству, искреннею признательностью ко всему институтскому персоналу, начиная начальницей и кончая пепиньеркой“ [2]). Но и она, какъ и другая воспитанница того же времени, но другого института, благодарная ему за то, что онъ „далъ ей дѣтство, котораго у нея раньше не было“ и за сильное вліяніе, которое на нее имѣли общество дѣтей, дѣтскіе интересы, товарищество, и не праздная жизнь [3]), раскрываютъ такія стороны институтскаго воспитанія, которыя показываютъ, что иногда человѣческое достоинство понималось воспитательницами очень странно.

Когда началась крымская война, то нѣкоторыя воспитан-

---

[1]) *Учитель*, педагогическій журналъ, издаваемый І. Паульсономъ и Н. Весселемъ, № 24.

[2]) Воспоминанія А. В. Стерлиговой о петербургскомъ Екатерининскомъ институтѣ. 1850—1856. (Р. Архивъ 1898, № 4).

[3]) *А—ва.* Женская жизнь. (Отеч. Записки 1875, апрѣль)

ницы института, гдѣ воспитывалась г-жа А—ва, мечтали идти въ сестры милосердія; но когда А—ва высказала эту мысль классной дамѣ, та, разразившись неудержимымъ, продолжительнымъ хохотомъ, сказала ей: Да знаете ли вы, кто идетъ въ сестры милосердія? Les femmes qui n'ont rien à perdre, которыя прожили всю свою жизнь, которымъ ничего не осталось... C'est touchant!.. Что потомъ вы будете дѣлать, послѣ кампаніи? Votre réputation d'une jeune fille innocente, ignorant le mal, sera perdue,—невозвратно. Какъ будто можно съ вами разговаривать серьезно послѣ того, что вы выдумали"... Классная дама заключила свою рѣчь словами: „Vous devez savoir qu'une jeune fille comme il faut, да и вообще, каждая порядочная женщина не должна отличаться ничѣмъ, ни отъ кого; она не должна ничего такого дѣлать и говорить, что можетъ привлечь на нее вниманіе общества; подъ страхомъ прослыть оригинальной чудачкой или чѣмъ-нибудь еще хуже, она не должна выходить изъ ряду. Общественное дѣло—не женское дѣло—вы будете смѣшны и больше ничего!.. Vous avez votre mère à soigner et puis vous vous devez à la société".—„И я ушла—пишетъ А—ва—съ осмѣянной и разбитой иллюзіей, смущенная и скопфуженная до нельзя, точно ушатъ холодной воды вылили мнѣ на голову, оскорбили и заморозили у меня что-то на сердцѣ... я даже не смѣла плакать; мнѣ было стыдно, горько, обидно... Прозваніе Іоанны д'Аркъ такъ и осталось за мной,—оно конфузило и бѣсило меня". Вообще „не было повода и мѣста—говоритъ г-жа А—ва,—и не было хода ни одному живому, горячему стремленію къ чему-нибудь такому, что краситъ жизнь, даетъ ей свѣтъ и радость, силу и значеніе...; ни о какихъ интересахъ общественныхъ, интересахъ человѣчества или научныхъ, разумѣется, не могло быть и рѣчи".

Преобладаніе декоративнаго элемента въ институтскомъ воспитаніи, прививка разныхъ искусственныхъ формъ, декламація „à la Rachel, не своимъ голосомъ, а какимъ-то грудным, пѣвучимъ, со страстью и экстазомъ" французскихъ пьесъ и стиховъ, воспитывало въ институткахъ искусственность чувствъ, любовь къ фразѣ, пренебреженіе къ существу дѣла. Одна изъ нихъ, узнавъ о смерти своихъ, убитыхъ на войнѣ, двухъ братьевъ, составлявшихъ притомъ единственную поддержку семьи, что было ей извѣстно, зарыдала, „а все-таки сквозь слезы проговорила: слава Богу, что они умерли за царя и отечество"! [1]).

[1]) Воспоминанія А. Стерлиговой. Объ этихъ словахъ было доведено до свѣдѣнія императрицы, которая захотѣла видѣть воспитанницу, сдѣлала ей подарокъ, а

Хотя нѣкоторые учителя объясняли воспитанницамъ значеніе крымской войны, знакомили съ разными ея подробностями, не скрывая при этомъ своихъ опасеній за благополучный, въ виду трудностей обороны Севастополя, исходъ ея, но это не мѣшало институткамъ вѣрить сложившимся въ ихъ средѣ розсказнямъ о причинѣ войны и о событіяхъ на театрѣ дѣйствій. Институтки серьезно вѣрили. будто турецкій султанъ требуетъ, для прекращенія войны, чтобы государь отдалъ ему въ султанши одну изъ нихъ и прямо называли предназначенную для этого, первую по ученію и поведенію воспитанницу; ее всѣ жалѣли, но все-таки упрашивали согласиться на эту жертву, ибо все равно государь долженъ будетъ исполнить требованіе султана ради спасенія Россіи [1]).

Хотя классныя дамы сами принадлежали къ числу людей бѣдныхъ, трудящихся изъ-за куска хлѣба, но многія изъ нихъ не скрывали отъ воспитанницъ своего преклоненія передъ людьми богатыми и знатными и презрѣнія къ людямъ бѣднымъ и простымъ, такъ что большинство бѣдныхъ воспитанницъ конфузились когда къ нимъ приходили ихъ матери и родственницы, одѣтыя бѣдно и не обладавшія свѣтскими манерами.

Когда Ушинскій, назначенный инспекторомъ Смольнаго въ 1859 году, въ первый разъ пришелъ въ классъ, то воспитанницы, по институтскому обычаю выражать свое расположеніе учителямъ, спрыснули его шляпу одеколономъ. Взбѣшенный, онъ, между прочимъ, сказалъ имъ: „Почемъ вы знаете, можетъ быть, я настолько бѣденъ, что не имѣю возможности купить другую шляпу? Да куда вамъ думать о бѣдности! Неправда ли, вѣдь это, fi donc, совсѣмъ унизительно!“ Такія рѣчи были новы для институтокъ, которыхъ поразила „его особенно язвительная усмѣшка надъ постыднымъ страхомъ и стыдливостью ихъ сознаваться въ бѣдности, даже когда въ этомъ была настоятельная необходимость“ [2]).

Но какъ ни была замкнута институтская жизнь, въ нее однако проникали новыя, одушевлявшія, въ концѣ пятидесятыхъ и началѣ шестидесятыхъ годовъ, русское общество идеи. „Несмотря на своего рода китайскую стѣну—говоритъ бывшая воспитанница московскаго Екатерининскаго института 60-хъ го-

---

отцу ея была назначена пенсія въ 1.000 рублей, которая послѣ его смерти перешла къ дочери.

[1]) *А—ва.* Женская жизнь.

[2]) *Н. Титова.* К. Д. Ушинскій и В. П. Водовозовъ. Изъ воспоминаній институтки. (Р. Старина. 1887, февраль).

довъ—при полномъ разобщеніи съ семьей, при почти военной дисциплинѣ временъ начальницы Дейеръ, возникали среди насъ жгучіе вопросы о высшемъ образованіи, о неравенствѣ правъ половъ, о крѣпостныхъ людяхъ, объ ихъ страданіяхъ, о постыдной ихъ куплѣ и продажѣ, и уже въ эти годы мы становились невольными судьями нашихъ старшихъ... Всѣми неправдами мы слѣдили за текущей литературой и поглощали ее съ лихорадочной жадностью ночью, лежа подъ кроватью, при свѣтѣ потайного фонаря“ [1]).

Мечтая о предстоящей имъ, по выходѣ изъ института, будущности, большинство воспитанницъ попрежнему представляли ее себѣ не иначе, какъ въ связи съ балами, театрами, роскошной обстановкой; но были и такія, которыя, зная о предстоящей имъ горькой будущности гувернантки, мирились съ нею и даже утѣшались мыслью, что онѣ хорошо воспитаютъ ввѣренныхъ имъ дѣтей, сдѣлаютъ изъ нихъ честныхъ гражданъ, любящихъ свое отечество. На урокахъ исторіи онѣ слышали, что „во многихъ семьяхъ, несмотря на наружный лоскъ, все-таки до сихъ поръ очень часто господствуютъ идеи допетровской Руси“ и поэтому мечтали, что разовьютъ и родителей воспитываемыхъ дѣтей, „познакомятъ ихъ съ педагогикой и дидактикой, внушатъ имъ сознаніе о важности воспитанія“, будутъ читать не только родителямъ, но и „разнымъ домочадцамъ, старикамъ и старушкамъ“ кромѣ Евангелія, еще и *Рыбаки* Григоровича, *Записки охотника* Тургенева, наконецъ Пушкина ибо „онъ тоже народный писатель!“ [2]).

Рядомъ съ этими симпатичными настроеніями были другія, являвшіяся отголоскомъ тѣхъ, которыя существовали въ нѣкоторой части общества. Основываясь на предполагаемой неразвитости людей стараго поколѣнія, нѣкоторыя воспитанницы разсуждали такъ, что онѣ, изъ чувства собственнаго достоинства, не должны подчиняться ихъ, да и вообще чьей-либо волѣ, такъ какъ онѣ образованы, а ихъ отцы и матери нѣтъ, что онѣ, дочери, должны вносить новый элементъ въ жизнь родителей, заставлять ихъ стремиться къ болѣе возвышеннымъ цѣлямъ.

Съ такими спутанными понятіями вступали въ жизнь институтки какъ разъ въ такое время, когда для женщинъ наступала самая трудная пора.

---

[1]) Матеріалы къ исторіи женскаго медиц. образованія въ Россіи. *Доктора З. Окуньковой-Гольдшмеръ.* (Дѣло. Сборникъ въ пользу С.-Петерб. женскаго мед. института. Москва, 1899 г.).

[2]) *А-ва.* Женская жизнь.

Правда, еще до начала какихъ-либо реформъ въ институтскомъ бытѣ и даже до разрѣшенія отпускать воспитанницъ на лѣто къ родителямъ, въ нѣкоторыхъ институтахъ были учителя, старавшіеся привить воспитанницамъ болѣе вѣрные и трезвые взгляды на предстоящую имъ послѣ выпуска жизнь; но имъ приходилось вести борьбу съ прочно укоренившеюся институтской рутиною и вліяніе ихъ распространялось лишь на самое незначительное число институтокъ.

Бывшій инспекторъ классовъ лучшаго, по системѣ образованія, института, Павловскаго, В. Полевой, представляя учебному комитету свой отзывъ по разсмотрѣнному имъ сочиненію *г. К. П. Систематическій указатель къ сочиненіямъ Бѣлинскаго*, говорилъ, что эта книга „весьма полезна для тѣхъ преподавателей, которые привыкли видѣть въ покойномъ Бѣлинскомъ что-то необыкновенное, какой-то апоѳеозъ... Я не принадлежу—прибавлялъ В. Полевой—къ числу такихъ обожателей Бѣлинскаго, и потому удерживаюсь отъ окончательнаго заключенія о трудѣ г-на К. П.; но не могу не заявить, что мнѣ жаль убитаго времени“... Онъ не видѣлъ необходимости рекомендовать эту книгу учрежденіямъ Императрицы Маріи, „ибо учащееся юношество, а тѣмъ болѣе дѣвицы, еще очень удобно могутъ обойтись безъ чтенія сочиненій Бѣлинскаго“. Учебный комитетъ согласился съ Полевымъ и не включилъ книгу К. П. въ списокъ одобренныхъ имъ книгъ.

Но учитель педагогики, пользовавшійся извѣстностью въ педагогической литературѣ, Бѣловъ, еще раньше чѣмъ состоялось постановленіе главнаго Совѣта, читалъ воспитанницамъ Бѣлинскаго и такъ заинтересовалъ ихъ, что онѣ, доставъ эти сочиненія отъ родителей, читали ихъ потихоньку „скрывшись въ умывальникѣ, или по ночамъ у ночника“ [1]).

Кромѣ сочиненій Бѣлинскаго, воспитанницамъ читали разныя статьи изъ поступавшихъ въ институтскую библіотеку, одобренныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія и учебнымъ комитетомъ журналовъ „Разсвѣтъ“, „Учитель“, „Журналъ для воспитанія“. Изъ послѣдняго учитель педагогики читалъ въ классѣ „Письма къ русскимъ женщинамъ“ г-жи Х—вой [2]). Послѣ освобожденія крестьянъ сама начальница Павловскаго института, придя въ классъ во время урока исторіи, „много говорила объ императорѣ Александрѣ II-мъ и о духѣ нашего времени“. Записавъ это въ дневникѣ отъ 6-го апрѣля 1861 года, Н. А.

[1]) Дневникъ бывшей воспитанницы Павловскаго института, П. Кадьянъ. 1857–1862.

[2]) См. слѣдующую главу, XI.

Кадьянъ прибавляетъ: „Послѣ всего этого мнѣ остается благодарить Бога, что я живу въ такой прекрасный вѣкъ и молиться за Царя, котораго начинаю истинно любить, и еще болѣе уважать".

Среди классныхъ дамъ также стали встрѣчаться такія, которыя относились къ воспитанницамъ старшихъ классовъ какъ къ взрослымъ дѣвушкамъ; нѣкоторыя давали имъ читать серьезныя книги, вызывавшія воспитанницъ на размышленія и открывавшія имъ совершенно новые взгляды и факты.

Какъ они воспринимались лучшими, наиболѣе развитыми, воспитанницами, видно изъ дневника Н. А. Кадьянъ. Прочтя Бокля *объ отношеніи умственнаго образованія къ нравственному*, она пишетъ въ дневникѣ отъ 10-го февраля 1861 года: „Меня непріятно поразило, что послѣдняя восточная война была отъ недостатка образованія между державами наименѣе образованными въ Европѣ—Россіи и Турціи. Когда я подумала, то увидѣла, что дѣйствительно Россія наименѣе образованное государство Европы: стоитъ только заглянуть въ провинцію, чтобы въ этомъ убѣдиться (я это знаю изъ книгъ)". Классная же дама сообщила воспитанницамъ о студенческихъ волненіяхъ, о Михайловѣ, сказавъ, что онъ горячо ратовалъ за женскія права.

Когда въ институтѣ узнали, что бывшая воспитанница Павловскаго института, Богданова, посѣщавшая университетскія лекціи, замѣшана въ студенческую исторію, то начальница собрала въ институтскій залъ воспитанницъ, разсказала, что Богданова говорила рѣчь студентамъ и сказавъ, что этимъ поступкомъ „и вообще всѣмъ своимъ поведеніемъ" она позоритъ институтъ, приказала стереть съ мраморной доски имя Богдановой, какъ получившей медаль. Это начальница говорила, по словамъ Н. А. Кадьянъ, чуть не плача. Воспитанницы, за исключеніемъ двухъ-трехъ, „жалѣли начальницу и бранили Богданову" [1]).

Несмотря однако на то, что черезъ посредство людей и книгъ новыя идеи, особенно послѣ того, какъ были разрѣшены отпуски воспитанницъ домой, все болѣе и болѣе проникали въ институты, даже тѣ немногія воспитанницы, которыя сочувствовали этимъ идеямъ, твердо хранили внушенныя имъ чувства патріотизма и любви къ государю, императрицѣ и царствующему дому. Ихъ оскорбляло когда учитель французскаго языка, доказывая его необходимость, говорилъ, что въ Россіи стыдно говорить по-русски, что многія русскія дамы лучше говорятъ

[1]) Дневникъ, 4 октября 1861 г.

по-французски, чѣмъ по-русски и что императрица и вся царская фамилія всегда говорятъ по-французски.

Въ институты попадали и запрещенныя книги. Герценъ производилъ сильное впечатлѣніе на тѣхъ, кто его читалъ; онъ нравился, но не нравилось то, какъ онъ говорилъ о государѣ. Подъ впечатлѣніемъ такого чтенія Н. А. Кадьянъ пишетъ въ своемъ дневникѣ отъ 18-го іюля 1861 года: „я не знала, что въ Россіи такъ много зла. Какъ бы я желала когда-нибудь и чѣмъ-нибудь содѣйствовать общественному благу!... Если бы государь не пренебрегъ его (Герцена) совѣтами!“

Къ освобожденію крестьянъ большинство институтокъ, повторяя вѣроятно мнѣнія, слышанныя отъ родителей, относились отрицательно, говорили, что освобождать ихъ рано, ибо крестьяне невѣжественны, что дворяне не должны сочувствовать тому, что дѣлаетъ ихъ бѣднѣе и что правительство поступило неправильно освободивъ крестьянъ. Вообще, въ глазахъ большинства богатство стояло выше знанія, „бѣдный всѣми презираемъ, а богатые счастливы“.

Самое сильное вліяніе на развитіе институтокъ, собственно смолянокъ, оказалъ Ушинскій и приглашенные имъ учителя, въ особенности Водовозовъ. Это былъ цѣлый переворотъ въ міросозерцаніи дѣвушекъ, открывшій имъ совершенно новые для нихъ горизонты мысли. „Какое-то странное чувство непостижимой тревоги,—говоритъ г-жа Титова въ своихъ воспоминаніяхъ—изумленія, неопредѣленнаго страха, недоумѣнія и любопытства закрались въ наши институтскія сердца“, когда въ первый разъ появился Ушинскій.

До тѣхъ поръ инспекторъ классовъ не игралъ никакой роли въ ихъ внутренней жизни. Преподаваніе велось по запискамъ учителей, такъ какъ въ институтской библіотекѣ было очень мало учебниковъ. Хотя нѣкоторыя воспитанницы читали тайкомъ приносимыя имъ братьями и кузенами романы Сю, Дюма, „а иногда и просто на просто сочиненія порнографической литературы“, но вообще воспитанницы читали мало, да и времени у нихъ не хватало ибо онѣ должны были заучивать наизусть уроки по запискамъ учителей и переписывать тетради,—занятіе, къ которому многія „чувствовали истинную страсть и достигали въ этомъ искусствѣ замѣчательной виртуозности“. Учитель русской словесности, старичокъ, котораго воспитанницы любили за то, что его уроки были испещрены словами: „высокое“, „прекрасное“, „эстетическое“, „идеалъ“, говорилъ имъ, что женщина самое возвышенное, самое идеальное существо, что она предназначена

обновить міръ, уничтожить вражду, примирить человѣка съ жизнью, что нѣчего говорить объ ея равноправности, ибо женщина не можетъ имѣть себѣ равныхъ [1]).

Но ни съ однимъ изъ произведеній лучшихъ русскихъ писателей, иначе какъ въ отрывкахъ, онъ не знакомилъ воспитанницъ, онѣ не читали даже Пушкина. Воспитанницы старшаго класса не могли пересказать своими словами содержанія заученныхъ наизусть стихотвореній, а ихъ письменныя работы представляли „шумиху напыщенныхъ фразъ безъ всякой связи". Когда Ушинскій предложилъ имъ письменно изложить содержаніе стихотворенія Пушкина „Чернь", то у нѣкоторыхъ, по словамъ г-жи Титовой, черни приписывалось то, что̀ говоритъ поэтъ и наоборотъ.

И вдругъ является учитель знакомящій ихъ не только съ Пушкинымъ, но и съ Некрасовымъ, имя котораго воспитанницы услыхали въ первый разъ, заставляющій ихъ изучать послѣдовательно, одно за другимъ, произведенія русскихъ писателей... Съ каждой лекціей—говоритъ А. Титова—Водовозовъ, незамѣтно для насъ самихъ, втягивалъ насъ въ серьезную умственную работу, которая до тѣхъ поръ совсѣмъ была немыслима для институтокъ. Мы, ничего не читавшія, вдругъ начали читать чрезвычайно много, а нѣкоторыя изъ насъ съ пожирающею жадностью. Институтская библіотека, 2—3 полки которой были наполнены, до назначенія Ушинскаго инспекторомъ, произведеніями Анны Зонтагъ и нѣсколькими десятками разныхъ, вышедшихъ изъ употребленія, учебниковъ, наполняется произведеніями русскихъ авторовъ, выписываются журналы и въ ихъ числѣ „Разсвѣтъ", преподаватели сами приносятъ книги, которыя они считаютъ полезными воспитанницамъ.

Но не легко было вводить эти новые порядки, и Ушинскому приходилось бороться даже съ классными дамами. Не смѣя въ первое время открыто ему противодѣйствовать, онѣ подговаривали воспитанницъ не читать книгъ, которыя онъ имъ давалъ, а возвращать ихъ ему черезъ нѣкоторое время, достаточное, чтобы онъ могъ думать, что книги прочтены. И вотъ однажды воспитанницы старшаго класса принесли ему пачку книжекъ „Разсвѣта", красиво перевязанную разноцвѣтными ленточками. Ушинскій сразу догадался въ чемъ дѣло и не выдержавъ, съ сердцемъ, въ присутствіи воспитанницъ, бросилъ на полъ пачку.

[1]) А. Титова

Кромѣ лекцій, учителя, и въ особенности Водовозовъ, вліяли на воспитанницъ и бесѣдами съ ними не только о научныхъ предметахъ, но и о томъ, что̀ дѣлалось за институтскими стѣнами: отъ Водовозова онѣ узнали о воскресныхъ школахъ, о лучшихъ журналахъ, о театральныхъ пьесахъ; онъ рекомендовалъ имъ прочесть ту или другую журнальную статью, которую иногда самъ приносилъ имъ. Онѣ совѣтовались съ нимъ и о томъ, какъ должны будутъ жить когда выйдутъ изъ института, разсказывали ему свое семейное положеніе, провѣряли свои мысли и нѣкоторыя стали серьезно относиться къ ожидающей ихъ послѣ выпуска жизни и дѣятельности.

Водовозовъ понималъ свою отвѣтственность передъ молодыми дѣвушками, такъ довѣрчиво къ нему обращавшимися, и относился къ нимъ добросовѣстно, пользуясь своимъ вліяніемъ, чтобы внушить имъ здравыя понятія и помочь разобраться въ своемъ положеніи. Онъ даже писалъ имъ стихи, предостерегая въ нихъ отъ нѣкоторыхъ совѣтовъ, которыми обыкновенно напутствуютъ молодыхъ дѣвушекъ, вступающихъ въ жизнь [1]).

Все это сначала терпѣлось институтскимъ начальствомъ, но скоро воспитанницамъ стали запрещать разговоры съ учителями и въ особенности съ Водовозовымъ, и когда онѣ придумали обращаться къ нему за совѣтами высказывая ему свои сомнѣнія и ставя вопросы въ своихъ письменныхъ работахъ по поводу разбираемаго сочиненія, и когда одна изъ такихъ работъ попалась въ руки классной дамы, послѣдняя истолковала все по-своему, вышла цѣлая исторія, Водовозова заподозрѣли въ безнравственности, а Ушинскаго обвинили въ приглашеніи безнравственныхъ учителей. Вслѣдъ затѣмъ поступилъ на него доносъ институтскаго священника и въ началѣ 1862-го года Ушинскій вынужденъ былъ оставить Смольный. Вмѣстѣ съ нимъ вышли и большинство приглашенныхъ имъ преподавателей, что̀ не только глубоко огорчило учениць, но пріостановило ихъ умственное развитіе.

Тревожное для русскаго общества время, начавшееся еще до удаленія Ушинскаго изъ Смольнаго, отразилось на всемъ женскомъ образованіи. Въ концѣ 1864 года по всѣмъ учебнымъ заведеніямъ вѣдомства былъ разосланъ циркуляръ Принца о томъ, что до его свѣдѣнія дошло, что въ нѣкоторыя изъ этихъ заведеній принимаются учителя, уволенные изъ другихъ учеб-

---

[1]) Василій Ивановичъ Водовозовъ. Біографическій очеркъ В. И. Семевскаго. С.-Петербургъ 1883 г

ныхъ заведеній по неспособности или неблагонадежности. „Поставляя себѣ въ священную обязанность ограждать наши заведенія—говорилъ Принцъ—отъ вредныхъ ученій людей неблагонамѣренныхъ", онъ предлагалъ начальникамъ ихъ, и въ особенности инспекторамъ классовъ, имѣть бдительнѣйшій надзоръ за преподаваніемъ учителей, а тѣхъ, вредное направленіе которыхъ будетъ обнаружено, немедленно удалять отъ должности; при опредѣленіи учителей предварительно развѣдывать объ ихъ благонамѣренности и образѣ мыслей. Отвѣтственность за „неоткровенныя" свѣдѣнія возлагалась циркуляромъ на того, кто ихъ доставитъ, а доставленіе такихъ свѣдѣній приравнивалось къ подлогу по службѣ.

Класснымъ дамамъ и надзирательницамъ предписывалось „внимательно слѣдить за словами преподавателей и въ случаѣ, если бы онѣ замѣтили вредное направленіе лекцій, немедленно доводить о томъ до свѣдѣнія начальницы". Неисполнившія этого требованія будутъ, сказано въ циркулярѣ, сочтены соучастницами неблагонамѣренныхъ преподавателей и немедленно удалены изъ заведенія, съ лишеніемъ права вновь поступить на службу въ должности классныхъ дамъ.

Циркуляръ кончался словами Принца: „я совѣтовалъ бы всѣмъ должностнымъ лицамъ и преподавателямъ, не раздѣляющимъ настоящихъ убѣжденій, оставить самимъ службу во ввѣренныхъ мнѣ учебныхъ заведеніяхъ, и тѣмъ избавить меня отъ печальной необходимости преслѣдовать ихъ всею силою предоставленной мнѣ власти, на что, впрочемъ, я вполнѣ рѣшился" [1]).

Другимъ циркуляромъ, изданнымъ за нѣсколько дней передъ только-что приведеннымъ, запрещалось лицамъ, служащимъ по вѣдомству, печатать въ повременныхъ изданіяхъ статьи, „направленныя противъ мѣстъ и лицъ сего вѣдомства",—статьи, которыя, по словамъ циркуляра, бо́льшей частью оказываются „не только неосновательными и ложными, но и явно оскорбительными для заведеній". Такъ какъ „такъ называемыя *обличенія путемъ печати* весьма часто имѣютъ двигателемъ личныя неблагонамѣренныя цѣли обличителей", и такъ какъ подобныя дѣйствія „несообразны ни съ правилами чести, ни съ порядкомъ службы, ибо пользоваться всѣми выгодами послѣдней и дѣйствовать противъ нея значитъ быть тайнымъ ея врагомъ", Принцъ предписывалъ начальствамъ заведеній объявить служащимъ, что съ своими заявленіями они всегда могутъ обращаться не только къ своему непосредствен-

[1]) Циркуляръ 29 декабря 1864 г. (Арх. IV отд.).

ному начальству, но и къ нему, лично или письменно. „Всѣ основательныя заявленія будутъ приняты мною—говорилъ Принцъ —съ величайшею благодарностью; но за симъ, всякій изъ моихъ подчиненныхъ, кто дозволитъ себѣ напечатать статью, направленную противъ нашихъ заведеній, будетъ немедленно удаленъ отъ службы. Узнавать имена авторовъ подобныхъ статей я всегда имѣю полную возможность“ [1]).

Наконецъ, третьимъ конфиденціальнымъ циркуляромъ того же 1864 года Принцъ обращалъ вниманіе начальствъ женскихъ учебныхъ заведеній на то, что въ *Наставленіи для образованія воспитанницъ* подробно изложены правила, по которымъ должны преподаваться естественныя науки. „По вслѣдствіе появившихся въ новѣйшее время за границей сочиненій, въ которыхъ видно явное стремленіе къ матеріализму“, Принцъ считалъ долгомъ обратить особенное вниманіе, преимущественно начальницъ, членовъ Совѣта по учебной части и инспекторовъ классовъ, на то, чтобы естественныя науки преподавались „не иначе, какъ съ всегдашнимъ указаніемъ на Премудрость Божію, какъ единственный источникъ блага“.

Послѣ разыгравшейся въ женскихъ гимназіяхъ исторіи, окончившейся удаленіемъ въ 1867 году Вышнеградскаго отъ управленія гимназіями, Принцъ обратился къ ректору Екатерининскаго женскаго института въ Штутгардтѣ, Вольфу, съ просьбой высказать свое мнѣніе о способѣ изложенія естественныхъ наукъ ученицамъ. Въ обстоятельномъ, написанномъ по-нѣмецки, письмѣ, Вольфъ сообщилъ, что одинъ изъ преподавателей естественной исторіи въ штутгардтскомъ институтѣ, Курръ, человѣкъ „какъ бы нарочно созданный для преподаванія этого предмета взрослымъ дѣвицамъ высшихъ классовъ“. „Онъ въ лѣтахъ,—писалъ Вольфъ,— благочестивый, отличается добродушіемъ и отечески обходителенъ съ дѣтьми“. Состоя учителемъ въ политехнической школѣ, Курръ, по словамъ Вольфа, вполнѣ знакомъ съ научными основаніями предмета, а какъ практикующій врачъ, хорошо изучилъ всѣ потребности домашняго воспитанія. Онъ умѣетъ говорить о преподаваемыхъ имъ предметахъ съ взрослыми дѣвушками совершенно естественно и откровенно, хотя съ нѣкоторою осторожностью... Ученицы слушаютъ его спокойно и внимательно, зная, что его слова клонятся къ цѣли—дать имъ возможность умѣть сознательно отличать, что̀ вредно и что̀ полезно для здоровья стараго и молодого человѣка“.

---

[1]) Циркуляръ отъ 24 декабря 1864 г.

Другой преподаватель въ штутгардтскомъ институтѣ, докторъ Швабъ, техникъ, преподаватель ботаники, „знакомый вообще съ естественными науками“, самъ написалъ для Принца обширную записку по вопросу о способѣ изложенія половыхъ отношеній въ естественной исторіи; сначала излагаются эти отношенія на цвѣтахъ, а потомъ указывается аналогія въ царствѣ животныхъ.

Въ 1867 году по волѣ Принца было вновь приступлено къ пересмотру учебныхъ курсовъ женскихъ институтовъ и гимназій вѣдомства; это дѣло кончилось лишь въ 1874 году; но педагогическіе курсы при Маріинской гимназіи были преобразованы въ 1868 году, тотчасъ по оставленіи Вышнеградскимъ должности начальника женскихъ гимназій вѣдомства; анатомія и физіологія совсѣмъ исключены изъ курса и замѣнены русскою граматикою, географіею и элементарнымъ курсомъ естественной исторіи, а въ 1870 году раздѣлены на два отдѣленія: словесно-историческое и математическо-естественное.

О положеніи учебной части въ институтахъ и гимназіяхъ вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи въ 1870 году, присутствовавшій на экзаменахъ въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ, чиновникъ особыхъ порученій при Принцѣ, Тибо-де-Бриньоль, въ представленной ему запискѣ свидѣтельствовалъ, что „вообще замѣтно неусыпное и постоянное стремленіе къ усовершенствованію воспитанія“. Что касается образованія воспитанницъ, то во всѣхъ заведеніяхъ, кромѣ Елизаветинскаго и Александровскаго училищъ, также петербургской гимназіи, нѣтъ хорошихъ руководствъ. Въ курсѣ географіи преобладаетъ „номенклатурный характеръ, мало содѣйствующій умственному развитію воспитанницъ“. Требованія гимназій по исторіи превышаютъ силы ученицъ, чего нѣтъ въ институтахъ.

Самый меньшій объемъ программы, по словамъ Тибо, проходится въ Екатерининскомъ институтѣ и въ Воспитательномъ Обществѣ, самый полный—въ Павловскомъ институтѣ. „Въ первый разъ послѣ девятилѣтняго наблюденія моего за экзаменами,—говоритъ Тибо — явилась (въ 1870 году) математика на экзаменѣ выпускнаго класса Воспитательнаго Общества... Такимъ образомъ—прибавляетъ онъ—и въ этомъ институтѣ математика вступила въ свои права гражданства и побѣдила тѣ неосновательныя предубѣжденія, которыя такъ долго поддерживались въ нашихъ женскихъ институтахъ“. Но дѣвицы не пріобрѣли достаточнаго навыка доказывать то, что хорошо сознаютъ, ибо „ловкость, сноровка, необходимыя въ этомъ предметѣ“, должны пріобрѣтаться въ низшихъ классахъ, а въ этихъ-то классахъ

„ихъ не застала улучшенная, разумная метода, которая у насъ, съ нѣкотораго времени, водворяется".

По русскому языку и словесности, въ институтахъ: Патріотическомъ, Павловскомъ и Николаевскомъ, знанія, по свидѣтельству Тибо, хороши, также хороши и сочиненія воспитанницъ. Но, „соразмѣряя свою оцѣнку съ возрастомъ дѣвицъ и съ *Наставленіемъ для образованія воспитанницъ*", онъ находитъ, что ученицы Васильевской и Петербургской гимназій неудовлетворительно владѣютъ роднымъ языкомъ и читаютъ стихи невыразительно.

По иностраннымъ языкамъ всего лучше отвѣчали въ Екатерининскомъ и Патріотическомъ институтахъ, а въ Николаевскомъ хуже чѣмъ пять лѣтъ тому назадъ. Это онъ объясняетъ измѣнившимся настроеніемъ общества „которое нельзя признать законнымъ и уважительнымъ", ибо знаніе этихъ языковъ требуется „не ради моды", а какъ одно изъ лучшихъ средствъ образованія и умственнаго развитія, не говоря уже о матеріальной пользѣ. Знаніе иностранныхъ языковъ онъ призналъ неудовлетворительнымъ и въ Александровскомъ училищѣ, гдѣ воспитанницамъ даютъ основательныя свѣдѣнія по другимъ предметамъ. Пепиньерки Воспитательнаго Общества и воспитанницы спеціальнаго класса при Александровскомъ училищѣ также слабы въ нѣмецкомъ языкѣ, хотя въ училищѣ онѣ хорошо знаютъ его теоретически; но литературныя познанія въ обоихъ заведеніяхъ не обширны. Эти познанія ограниченны въ Патріотическомъ институтѣ.

Въ гимназіяхъ преподаваніе французскаго языка дамами идетъ успѣшно; но въ старшихъ классахъ нужны, по мнѣнію Тибо, учителя, „хотя между ними мало образованныхъ".

Говоря о блестящихъ экзаменахъ въ Екатерининскомъ институтѣ, Тибо ихъ объясняетъ „пріемами, сохранившимися со времени публичныхъ экзаменовъ: вызываютъ къ столу рядъ дѣвицъ, по росту, и, послѣ привѣтливаго поклона, онѣ получаютъ изъ рукъ начальницы билеты. Она подбираетъ ихъ такъ, чтобы отвѣты всего ряда представляли нѣчто цѣлое".—Это пріятнѣе для слушателя—говоритъ Тибо—но по нимъ, а также по 12-ти лучшимъ, изъ 42-хъ, воспитанницамъ, пишущимъ на доскѣ сочиненія и чертящимъ карты, нельзя судить объ остальныхъ. Вообще обставленные такъ экзамены не позволяютъ присутствующимъ судить о дѣйствительныхъ успѣхахъ дѣвицъ. Тибо прибавляетъ, что другія женскія учебныя заведенія отказались отъ такой „конечно, уважительной, но невѣрно понятой заботы".

Въ заключеніе Тибо высказываетъ свое сочувствіе мысли Принца посылать лучшихъ воспитанницъ за границу для усовершенствованія въ иностранныхъ языкахъ, наукахъ и искусствахъ. По его мнѣнію, „это было бы примѣненіемъ къ женскому образованію той пользы, въ видахъ которой всѣ министерства посылаютъ молодыхъ людей за границу“ [1]).

---

[1]) Дѣла гл. Совѣта, 1870 г.

XI.

Стремленіе русскихъ женщинъ къ высшему образованію. — Положеніе женскаго вопроса на западѣ въ концѣ сороковыхъ и началѣ пятидесятыхъ годовъ.—Положеніе его у насъ.—Статья Пирогова.—Отношеніе женщинъ къ вопросу о своемъ положеніи и образованіи. — Журналъ *Развитіе*. — Письма о русскихъ женщинахъ г-жи Хвостовой.—Писательницы переходнаго времени.—Положеніе женскаго вопроса у насъ въ началѣ 60-хъ годовъ.—Сужденія о немъ въ литературѣ.—Толки о женскомъ трудѣ.—Отношеніе общества къ ищущимъ знаній и труда женщинамъ.—Женщины въ типографіяхъ, телеграфистки, учительницы.—Отношеніе литературы къ женскому вопросу.—Женскій клубъ въ Вологдѣ.—Женщины въ университетѣ и въ медицинской Академіи. Откуда женщины могли получать нужную для слушанія лекцій подготовку.—Н. И. Суслова.—Женщины въ публичной библіотекѣ.—Отношеніе профессоровъ къ присутствовавшимъ на ихъ лекціяхъ женщинамъ.—Отзывы университетскихъ Совѣтовъ по вопросу о допущеніи женщинъ къ слушанію университетскихъ лекцій.—Отзывъ Медицинскаго Совѣта.—Отрицательное рѣшеніе вопроса о допущеніи женщинъ въ университетъ, комиссіи для пересмотра университетскаго устава.—Приказъ военнаго министра о запрещеніи женщинамъ посѣщать лекціи въ медицинской Академіи.—В. А. Кашеварова.—Отъѣздъ русскихъ женщинъ за границу.—Недоброжелательство общества учащимся женщинамъ.—Статья В. Спиовскаго о „новыхъ“ женщинахъ.—Отношеніе къ нимъ литературы.—Отношеніе къ нимъ писательницъ.—Хвощинская о женскомъ вопросѣ.—Общество женскаго труда.—Кружокъ М. В. Трубниковой.—Общество переводчицъ.—*Женскій Вѣстникъ*, издаваемый г-жею Мессарошъ.—Сообщеніе профессора Сѣченова о Н. Сусловой.—Н. Суслова въ цюрихскомъ университетѣ. — Защита ею докторской диссертаціи въ Цюрихѣ.—Обращенная къ ней рѣчь цюрихскаго профессора Розе.—Возвращеніе ея въ Россію въ 1867 году.—Предоставленіе ей врачебной практики въ Россіи.

Еще до учрежденія женскихъ открытыхъ учебныхъ заведеній, стало быть ранѣе, чѣмъ успѣли обнаружиться результаты новой системы женскаго средняго образованія, среди русскихъ женщинъ проявилось стремленіе къ высшему. Это стремленіе явилось послѣдствіемъ того умственнаго движенія, которое пробудилось въ русскомъ обществѣ во второй половинѣ пятидесятыхъ годовъ, съ первыхъ же лѣтъ царствованія императора Александра II-го.

Въ это время на западѣ, гдѣ мысль о необходимости измѣнить положеніе женщинъ въ семьѣ и обществѣ, а также улучшить ихъ образованіе, постоянно, съ далекихъ временъ, воскресала и даже переходила въ дѣйствіе какъ только обстоятельства ей благопріятствовали, и замирала при неблагопріятныхъ условіяхъ, пробудилась вновь, подъ вліяніемъ либеральнаго движенія 1848 года.

Въ 1850 году въ Америкѣ съ особою силою сказалось движеніе въ защиту политическихъ, гражданскихъ и общественныхъ правъ женщинъ, и, что̀ было до тѣхъ поръ явленіемъ неслыханнымъ, сами женщины организовывали публичные митинги, на которыхъ сами предсѣдательствовали и являлись главными ораторами.

По поводу этого американскаго движенія, въ 1851 году была напечатана въ Лондонѣ статья въ защиту женскихъ правъ, англичанки, г-жи Милль, жены извѣстнаго экономиста Джона Стюарта Милля [1]). Статья эта, написанная сжато, безъ полемическаго задора, съ замѣчательной ясностью и силою мысли, вѣскостью аргументаціи, составила эпоху въ исторіи движенія не только въ Америкѣ, но и въ другихъ государствахъ. Въ годъ ея появленія лордъ Карлейль внесъ въ палату лордовъ петицію женщинъ, составленную на публичномъ митингѣ въ Шеффильдѣ, и съ тѣхъ поръ движеніе въ защиту правъ женщинъ, въ томъ числѣ одного изъ главныхъ — на образованіе, не прекращалось въ Англіи.

Въ 1853 году была дана королевская хартія открытому на частныя средства первому женскому общественному учебному заведенію Queen's College. Этою хартіею, впервые въ новѣйшее время, былъ формально и публично признанъ принципъ важности образованія женщинъ, не менѣе чѣмъ образованія мужчинъ [2]) Въ томъ же году англійскія женщины были допущены на службу телеграфистками въ Обществѣ международнаго электрическаго телеграфа; четыре года спустя онѣ основали свой органъ въ Лондонѣ подъ названіемъ *Englishwoman's Journal*. Въ 1858 году

[1]) Статья эта „The Enfranchisement of Women" появилась въ іюльской книжкѣ *Вестминстерскаго Обозрѣнія* безъ подписи, но самъ Милль подтвердилъ явившееся тогда же предположеніе, что она написана г-жею Милль, прибавивъ, что самъ онъ былъ лишь переписчикомъ и издателемъ статьи, которую онъ перепечаталъ въ сборникѣ своихъ сочиненій, вышедшемъ въ 1859 году подъ названіемъ: *Dissertations and Discussions, political, philosophical, and historical* 2 vols. London.

[2]) The Woman Question in Europe. A Series of original Essays. Edited by Theodore Stanton, M. A. with an Introduction of Francis Power Cobbe. London. 1884.

Бокль произнесъ въ королевскомъ Институтѣ рѣчь „о вліяніи женщинъ на успѣхи знанія“, а въ слѣдующемъ, имя женщины-врача, англичанки Елизаветы Блекуэль, въ первый разъ было внесено въ списки практикующихъ лондонскихъ врачей [1]).

Вторая половина пятидесятыхъ годовъ ознаменовалась и въ другихъ государствахъ Европы осуществленіемъ на дѣлѣ нѣкоторыхъ, давно намѣченныхъ женщинами и ихъ друзьями, желаній.

Въ Швеціи онѣ основали въ 1859 году журналъ *Tidskrifft för Hemmet* (Домашнее Обозрѣніе), въ которомъ горячо обсуждали все, касавшееся ихъ интересовъ [2]). Тогда же въ Стокгольмѣ были учреждены высшіе классы для молодыхъ дѣвушекъ, имѣвшіе цѣлью поднять уровень ихъ образованія.

Въ Даніи прошелъ въ 1857 году законъ, которымъ женщины сравнены въ правахъ наслѣдства съ мужчинами, при чемъ срокъ ихъ совершеннолѣтія былъ опредѣленъ 25-ю годами, также какъ и для мужчинъ.

Въ Голландіи графиня Бюловъ въ 1856 году читала публичныя лекціи въ разныхъ городахъ о дѣтскихъ садахъ. Женщина, въ качествѣ публичнаго лектора, казалась тогда чудомъ; по своимъ краснорѣчіемъ, простотою и серьезностью, графиня Бюловъ побѣдила предразсудокъ и „ратуя за права дѣтей,— говоритъ ея біографъ,—она ратовала за права женщинъ“.

Во Франціи движеніе не имѣло практическихъ результатовъ; но въ литературѣ появился цѣлый рядъ сочиненій за и противъ расширенія правъ женщинъ. Въ числѣ послѣднихъ было, написанное въ 1858 году, сочиненіе Прудона *La justice dans l'église et dans la révolution,* въ которомъ заключался пространный соціологическій этюдъ о женщинахъ, вызвавшій рядъ возраженій, авторами которыхъ были преимущественно женщины. Другіе писатели: Мишлэ въ *L'amour* и *La femme,* и нѣсколько позже Жюль Симонъ (L'ouvrière), Леруа Больё (Le travail des femmes au dixneuvième siècle) разрабатывали различныя стороны вопроса. Ліонская Академія наукъ, словесности и искусствъ на-

---

[1]) Она получила медицинское образованіе въ ньюіоркскомъ медицинскомъ колледжѣ, куда была допущена въ 1848 году. Изъ европейскихъ университетовъ только одинъ, цюрихскій, съ 1839 года допускалъ женщинъ къ слушанію лекцій, но лишь въ качествѣ вольнослушательницъ.

[2]) Свѣдѣнія о женскомъ движеніи за границей взяты преимущественно изъ сочиненій: *The Woman Question in Europe* и *History of Woman Suffrage*, edited by Elisabeth Cady Stanton, Suzan B. Anthony and Mathilda Ioslyn Gage. New York. 1881.

значила въ 1858 году премію за сочиненіе, въ которомъ будутъ указаны средства: 1) увеличить плату за женскій трудъ и сравнить ее съ мужскою за тотъ же трудъ; 2) открыть женщинамъ новые пути труда, вмѣсто тѣхъ, которые уже заняты мужчинами, вслѣдствіе конкурренціи или вслѣдствіе измѣненія правовъ и обычаевъ.

У насъ событія 1848 года отразились не такъ, какъ на западѣ; они не способствовали развитію назрѣвшихъ въ лучшей и наиболѣе просвѣщенной части нашего общества еще въ началѣ сороковыхъ годовъ идей, въ томъ числѣ и объ улучшеніи положенія женщинъ, а, напротивъ, заглушили ихъ. Но какъ только, послѣ крымской войны, обстоятельства измѣнились, общество само выдвинуло эти идеи на первый планъ. Разбираясь въ условіяхъ своей жизни, стараясь опредѣлить разумныя начала, которыя должны лежать въ основѣ дѣйствій всякаго сознающаго свое достоинство человѣка, общество неизбѣжно приходило къ мысли объ огромномъ, рѣшающемъ въ этомъ дѣлѣ, значеніи воспитанія.

(Статья Пирогова „Вопросы жизни“ еще въ 1856 году опредѣлила цѣль, къ которой оно должно быть направлено. Эта цѣль — воспитаніе *человѣка*, т.-е. развитіе въ немъ самостоятельности ума, воли, вообще *внутренняго* человѣка, могла быть достигнута лишь въ томъ случаѣ, если такое воспитаніе начиналось съ самыхъ раннихъ лѣтъ ребенка, а такъ какъ первою воспитательницею бываетъ мать, то вопросъ о воспитаніи и образованіи женщины выдвигался самъ собою. Это и было одною изъ причинъ, почему этотъ вопросъ сразу обратилъ на себя вниманіе и общества, и литературы. Въ его обсужденіи приняли участіе и женщины.)

Г-жа А. напечатала въ 1857 году небольшую замѣтку, въ которой изобразила безпомощность вступающей въ жизнь дѣвушки, получившей воспитаніе въ закрытомъ заведеніи или обычное свѣтское, какъ ей трудно бороться съ окружающими условіями, собственное ея безсиліе, отсутствіе помощи со стороны ближайшихъ даже людей, не понимающихъ ее, и вредъ происходящій отъ того, что такое же воспитаніе она передастъ своимъ дѣтямъ. Г-жа А. кончаетъ свою „жалобу“ словами: „мнѣ хотѣлось бы вымолить у жизни, у обстоятельствъ, у людей вниманія къ женщинѣ и помочь ей стать въ независимое положеніе съ тѣмъ, чтобы она не утрачивала поэтическую сторону женственности. Помогите, ради Бога, помогите всѣ, кто чѣмъ и какъ можетъ. И пускай мои худо высказанныя желанія вы-

зовутъ чей-нибудь свѣтлый умъ на пользу женщинъ, пускай однимъ вопросомъ въ жизни будетъ меньше!“ [1]). На эту „жалобу“ откликнулись двѣ-три женщины. Одна сокрушалась главнымъ образомъ о своей неподготовленности къ дѣлу воспитанія собственныхъ дѣтей, и также, какъ г-жа А., взывала къ помощи и совѣту [2]), другая дѣлилась своими мыслями о воспитаніи вообще, и, въ частности, женщины [3]), третья критиковала до тѣхъ поръ дававшееся женщинамъ воспитаніе и образованіе [4]). Г-жа А. С—па разсказывала о гоненіяхъ, страданіяхъ и несчастіяхъ, которымъ подвергается въ неразвитомъ обществѣ женщина, стоящая выше его „по уму или нравственной чистотѣ“, и поэтому радовалась, что такія женщины рѣдки [5]).

Въ совѣтахъ и указаніяхъ какъ надо воспитывать дѣтей, недостатка не было, ибо за два года по этому вопросу составилась у насъ довольно обширная литература. Конечно, мнѣнія по этому, новому для насъ, предмету были самыя разнорѣчивыя, и разобраться въ нихъ на первыхъ порахъ было трудно. Кромѣ двухъ педагогическихъ журналовъ: *Журналъ для воспитанія* Чумикова и *Русскій Педагогическій Вѣстникъ* Вышнеградскаго, на помощь женщинамъ явился въ 1859 году особый для нихъ журналъ *Разсвѣтъ*.

Сказавъ въ первомъ своемъ номерѣ, что женщина „еще не можетъ опомниться отъ продолжительнаго сна, не можетъ понять смысла словъ, когда ей говорятъ, что она должна быть гражданкой“, редакція журнала совѣтовала дѣвушкамъ прислушиваться къ живому обмѣну мыслей для того, чтобы пріобрѣсти современныя понятія. Свою задачу журналъ ставилъ въ томъ, чтобы „возбудить сочувствіе молодыхъ читательницъ къ направленію, которое получило наше общество въ послѣднее время, доказать имъ, что современныя идеи вполнѣ согласуются съ духомъ христіанскаго ученія“ [6]). Дальнѣйшее направленіе женщинъ къ тому, чтобы онѣ были не только украшеніемъ общества, „но и

[1]) Современникъ, 1857. Т. LXIII. „Жалоба женщины“. А.

[2]) Отголосокъ на „жалобу женщины“, В . . . я. (Соврем. 1858. Т. LXVII).

[3]) Письма къ русскимъ женщинамъ, А. Х—вой. (Журналъ для воспитанія. 1857).

[4]) Чему мы, женщины, учились? Надежда Д. (Русская Бесѣда. 1859 г. № 3).

[5]) Мысли по поводу статей о женскомъ воспитаніи. А. С—пой. (Русскій Педаг. Вѣстн. 1858).

[6]) *Разсвѣтъ*. Журналъ наукъ, искусствъ и литературы для взрослыхъ дѣвицъ, издаваемый подъ редакціею В. Кремпина. Т. I. 1859 г. Въ 1861 году былъ рекомендованъ учебнымъ комитетомъ при IV отд. вѣд. учр. И. М. какъ „нравственно-полезное чтеніе воспитанницамъ высшихъ классовъ женскихъ учебныхъ заведеній“ и ученымъ комитетомъ главнаго правленія училищъ.

главнымъ двигателемъ его ко всему доброму", редакція ожидала отъ новыхъ, открытыхъ для нихъ, учебныхъ заведеній.

Такъ какъ женщинамъ прежде всего надо было пріобрѣтать знанія, учиться, развивать себя чтеніемъ, то въ *Разсвѣтѣ* разбирались и указывались тѣ книги и журнальныя статьи, которыя доступны пониманію молодой дѣвушки и должны быть ею прочтены, помѣщались біографіи историческихъ женщинъ, давались отчеты о выходившихъ у насъ и заграницей литературныхъ произведеніяхъ женщинъ. *Разсвѣтъ* высказывался противъ институтскаго воспитанія, но осторожно, находя въ немъ и хорошія стороны; институтамъ, какъ и частнымъ учебнымъ заведеніямъ, ставили въ вину главнымъ образомъ то, что они не внушали воспитанницамъ уваженія къ наукѣ, не пріохочивали къ серьезнымъ занятіямъ, къ осмысленному и систематическому чтенію. По мнѣнію *Разсвѣта*, женщинъ необходимо знакомить съ юриспруденціею и преподавать ее по особому учебнику въ двухъ старшихъ классахъ женскихъ училищъ, а также на публичныхъ лекціяхъ, читаемыхъ именно для женщинъ.

Въ числѣ рекомендованныхъ для чтенія дѣвицамъ книгъ, *Разсвѣтъ* указывалъ на журналъ *Православное Обозрѣніе* [1]); вообще *Разсвѣтъ* высказывался за религіозное направленіе въ народномъ образованіи, и въ особенности, женскомъ.

Женщины, много писавшія о воспитаніи въ педагогическихъ журналахъ, не принимали дѣятельнаго участія въ *Разсвѣтѣ*, можетъ быть потому, что редакція была молодая, а большинство писательницъ того времени, хотя по возрасту и не принадлежали къ старому поколѣнію, но всецѣло раздѣляли его взгляды. Среди нихъ было много бывшихъ воспитанницъ институтовъ, классныхъ дамъ, гувернантокъ, сотрудничавшихъ преимущественно въ *Журналѣ для воспитанія* Чумикова, проводившаго нѣмецкіе идеалы женскаго воспитанія. Г-жа Х—ва, авторъ *Писемъ къ русскимъ женщинамъ*, долго, по ея словамъ, работавшая на педагогическомъ поприщѣ, убѣждала женщинъ въ томъ, что ихъ назначеніе—домашняя жизнь, на что указываетъ ихъ природа, что всякое уклоненіе отъ этого назначенія влечетъ за собою для нихъ всевозможныя несчастія и нравственное уродство [2]).

Но такъ какъ, по мнѣнію г-жи Х—вой, „міръ хотя смутно, но сознаетъ, что только посредствомъ женщины онъ можетъ

[1]) Ежемѣсячный журналъ, издававшійся въ Москвѣ подъ редакціею священника Григіевскаго.

[2]) Письмо 2-е. (Журн. для восп. 1857. Т. I).

обновиться къ новой жизни, къ той жизни, гдѣ будетъ царствовать истина, добро и красота", и такъ какъ только женщина „умѣетъ соединить поэзію съ прозой жизни, трудъ съ духовнымъ наслажденіемъ", то женщинамъ слѣдуетъ предоставить участіе и въ общественныхъ дѣлахъ ...конечно не непосредственное, а „высшее право—право нравственной оцѣнки, критики событій и лицъ". Онѣ должны быть выше всякаго духа партій, должны являть собою „міровой пульсъ"; тамъ, гдѣ мужчина „часто униженно молчитъ, гдѣ онъ боязливо преклоняетъ свой взоръ, тамъ-то должны развернуться уста женщины и взглядъ ея метать молніи нравственнаго негодованія". Какъ на примѣръ такой женщины, г-жа Х—ва указываетъ Бичеръ-Стоу.

Г-жа Х—ва признаетъ необходимымъ давать женщинѣ высшее образованіе для того, чтобы „сохранить за нею цивилизующую роль въ семьѣ и обществѣ", чтобы она могла понимать вопросы „поглотившіе мужа", умѣть ихъ обсуживать и направлять дѣло къ лучшему исходу [1]). Но женщина не должна быть ученою; явленіе ученыхъ женщинъ представляется г-жѣ Х—вой результатомъ „неправильнаго развитія нашихъ умственныхъ способностей". У такихъ женщинъ умственныя силы развиты въ ущербъ другимъ способностямъ души, и этимъ нарушено одно изъ важнѣйшихъ условій хорошаго женскаго воспитанія; отъ этого происходятъ всѣ „странности характера" ученыхъ женщинъ, и то „совершенно вѣрное мнѣніе, что ученая женщина не можетъ быть хорошею женою". Такъ какъ женщина—существо „совершенно отдѣльное, подчиненное особымъ законамъ и имѣющее свое особенное назначеніе", то, по мнѣнію автора *Писемъ* „совершенное равенство мыслей, свѣдѣній и чувствованій между мужчиною и женщиною есть слѣдствіе дурного и искусственнаго воспитанія" [2]). Главными предметами ученія дѣвушки должны быть: законъ Божій, отечественный языкъ и исторія, при преподаваніи которой въ видѣ разсказовъ, слѣдуетъ указывать на чувство тамъ, гдѣ оно есть, и съ особеннымъ стараніемъ разрабатывать чувство патріотизма.

Письма г-жи Х—вой обратили тогда на себя вниманіе; ихъ одобрилъ и *Разсвѣтъ*.

Въ числѣ довольно многочисленныхъ статей женщинъ о своемъ воспитаніи, была помѣщена въ *Русской Бесѣдѣ* статья г-жи Д. „Чему мы, женщины, учились?" По мнѣнію автора,

[1]) Журн. для восп. 1859. Т. VII.
[2]) Журн. для восп. 1860. № 1.

прежде учились „немножко по канвѣ, немножко по-французски“, а теперь только „немножко по-французски“ [1]). Это не понравилось г-жѣ Екатеринѣ Бурнашевой [2]). Въ статьѣ „Мы сами, женщины, виноваты“ она говорила, что надо винить не методы и не программы преподаванія, а нашихъ матерей и самихъ женщинъ, которыя по выходѣ изъ учебнаго заведенія не считаютъ нужнымъ продолжать своего образованія, а напечатавшій эту статью: редакторъ *Журнала для воспитанія* прибавилъ въ выноскѣ: „несмотря на различіе нашихъ взглядовъ на статью г-жи Д., мы вполнѣ цѣнимъ великодушный поступокъ автора, обвиняющаго во всѣхъ недостаткахъ женскаго образованія свой собственный полъ, а не насъ мужчинъ-педагоговъ [3]).

Когда въ 1860 году появилось *Наканунѣ* Тургенева, романъ произвелъ сильное впечатлѣніе на публику; личность Елены возбудила горячіе толки; такъ какъ подобной женщины наше общество еще не видало, то ее комментировали на всѣ лады; одни восхищались Еленой, другіе порицали ее, находили безнравственною. Въ этой полемикѣ приняли участіе и женщины. Бывшая воспитанница Екатерининскаго института помѣстила въ газетѣ *Наше Время* [4]) статью *Елена Николаевна Стахова*, за подписью Р. Ж. (русская женщина [5]). Она упрекала Елену въ безнравственности и говорила, что „наше общество въ своей будущей жизни должно выработать идеалъ съ началами совершенно противоположными началамъ, положеннымъ въ основу характера Елены, такъ какъ эти послѣднія совершенно противорѣчатъ духу христіанства“. Ей отвѣчала Евгенія Туръ, и защищая Елену, сказала, что назначеніе женской любви состоитъ въ душевномъ сочувствіи человѣку любимому, раздѣляніи его принциповъ, а чему сочувствовать, для чего жить — отвѣтъ на это для женщины заключается въ личности человѣка, котораго она любитъ [6]).

Такое отношеніе женщинъ къ столь близко касавшимся ихъ вопросамъ вызывало негодованіе со стороны нѣкоторыхъ пред-

---

[1]) *Р. Бесѣда*, 1859. № 3.

[2]) Она была классной дамой сначала въ Смольномъ, а потомъ въ Николаевскомъ институтѣ. (Князь *И. И. Голицынъ*. Библіографическій словарь русскихъ писательницъ. Журн. мин. нар. просв. 1888, сентябрь).

[3]) Журн. для восп. 1859 г. № 11.

[4]) 1860 г. № 13.

[5]) Библ. словарь р. писательницъ. *Гротъ* Наталья Петровна. (Журналъ мин. нар. просв. 1888, октябрь).

[6]) Нѣсколько словъ по поводу статьи „Русской женщины“: Елена Ник. Стахова. (Моск. Вѣд. 1860, № 85).

ставителей молодой литературы. Они упрекали писательницъ-беллетристокъ въ томъ, что онѣ все только говорятъ о любви точно вокругъ нихъ ничего другого въ жизни не происходитъ. „Прочтя бо́льшую часть произведеній нашихъ писательницъ—говорится въ одной изъ такихъ статей—подумаешь, что жизнь женщины устлана чуть ли не однѣми розами, что ей приходится имѣть дѣло только съ ея свѣтлыми сторонами, что драма, если для нея и существуетъ, то только въ самый нѣжный возрастъ, отъ 17 до 20-ти лѣтъ... Казалось бы женщины могли высказаться во время полемики изъ-за „Наканунѣ“, тутъ шелъ вопросъ объ ея правѣ на самостоятельное проявленіе ея воли. И что же? Женщина („русская женщина“) явилась защитницей собственнаго же униженія“ [1]).

Упрекъ, дѣлаемый писательницамъ, былъ отчасти справедливъ. Лучшія изъ нихъ относились къ новымъ требованіямъ жизни пассивно, какъ бы игнорируя ихъ. Правда, въ произведеніяхъ нѣкоторыхъ беллетристокъ конца 50-хъ годовъ, помѣщавшихъ свои романы преимущественно въ *Русскомъ Вѣстникѣ* Каткова, намѣчались новыя героини [2]); были, въ видѣ исключеній, и такія писательницы, которыя интересовались не однѣми любовными исторіями своихъ героинь, а и общественнымъ дѣломъ, описывали дворянскіе выборы, изображали провинціальное общество [3]), но большинство ихъ, выросши во взглядахъ переходнаго времени, относилось отрицательно къ новымъ вѣяніямъ. Лучшая изъ нихъ, Хвощинская, подмѣтившая еще ранѣе, чѣмъ успѣли проявиться въ жизни новыя, ищущія знаній, интересующіяся серьезными вопросами, женщины, съ самаго начала отнеслась къ нимъ съ недовѣріемъ и непониманіемъ [4]). По поводу ея повѣсти *Встрѣча*, гдѣ она изобразила „развитую“ героиню, авторъ статьи *Наша женская литература* замѣтилъ, что „пассивность и презрѣніе къ толпѣ давно уже перестали служить примѣромъ душевнаго богатства... Надо дѣятельное участіе въ повседневныхъ заботахъ, а не погруженіе въ созерцаніе міровыхъ вопросовъ и собственныхъ совершенствъ“.

Въ повѣсти „Пансіонерка“, написанной также въ 1860 году,

---

[1]) *Н. Соколовскій.* Наша женская литература. (*Свѣточъ.* Учено-литературный журналъ, издаваемый Д. И. Калиновскимъ, 1860 г. Кн. XII).

[2]) *Старушка*, Евг. Тур, 1856, Р. Вѣст. Т. 1.—*Свободный выборъ* Е. Нарской. Р. Вѣст. 1858. Т. 17.—*Миражъ*, Ольги Н. Р. Вѣст. 1859 г. Т. 21 и др.

[3]) *Вахновская.* Разсказы и очерки.—Современные толки.

[4]) Нѣсколько лѣтнихъ дней, 1854 г. стр. 45. (Очерки и отрывки В. Крестовскаго. П. С.-Пет. 1882).

Хвощинская вѣрно изобразила новый типъ дѣвушки, съумѣвшей освободиться отъ очень тяжелой семейной обстановки, пріобрѣвшей самостоятельность, живущей у своей тётки на зарабатываемыя собственнымъ трудомъ средства; но пріобрѣтя свободу, она, въ разсказѣ Хвощинской, утратила чувство и стала безсердечной, сухой эгоисткою. Рядомъ съ нею, какъ всегда въ повѣстяхъ Хвощинской, и въ *Пансіонеркѣ* изображенъ любимый авторомъ типъ дѣвушки обыкновенной, съ добрымъ сердцемъ, жертвующей собою для счастья близкихъ, окружающихъ ее людей.

Статья г-жи Милль сдѣлалась извѣстной русской читающей публикѣ лишь въ концѣ 1860 года [1]). Къ этому времени у насъ разработка вопроса о женщинахъ значительно подвинулась и самый вопросъ раздѣлился на нѣсколько спеціальныхъ: о женскомъ воспитаніи, женскомъ трудѣ, общественной и гражданской равноправности. Выясненію его способствовала не только литература, но и молодые ученые, избиравшіе его темою публичныхъ лекцій; въ 1857 году профессоръ ришельевскаго лицея А. Лохвицкій прочелъ въ Одессѣ публичный курсъ русскаго права и въ первой лекціи изложилъ положеніе женщины преимущественно по этому праву; адъюнктъ Поповъ прочелъ въ Казани публичную лекцію: историческій очеркъ общественнаго положенія женщинъ передъ реформою Петра и послѣ нея.

По поводу учрежденія открытыхъ женскихъ училищъ, въ литературѣ предъявлялись иногда широкія требованія къ образованію, какое должны получать дѣвушки. *Русскій Педагогическій Вѣстникъ* считалъ полезнымъ преподавать имъ философію права и психологію [2]); *Московскія Вѣдомости* предлагали давать дѣвушкамъ по окончаніи ими общаго образованія, педагогическое, въ курсъ котораго включить общія начала анатоміи, физіологіи, медицины (въ смыслѣ гигіены и діэтетики) „разумѣется въ объемѣ доступномъ и необходимомъ для женскаго образованія“, а вмѣсто обученія счетоводству и бухгалтеріи, преподавать имъ психологію, антропологію, прикладную дидактику. Это, по мнѣнію газеты, желательно „не для изящныхъ благородныхъ пансіоновъ“, а для общихъ воспитательныхъ и педагогическихъ школъ [3]).

Въ это время всѣ писавшіе о женскомъ воспитаніи и обра-

---

[1]) *М. Михайловъ.* Джонъ Стюартъ Милль объ эмансипаціи женщинъ. (Современникъ, 1860. Т. LXXXIV).

[2]) *Р. Пед. Вѣст.* 1860. Т. 3.

[3]) Мысли и желанія относительно нашихъ женскихъ училищъ или о полезныхъ школахъ въ Россіи. (Моск. Вѣд. 1857, № 5).

зованіи и сочувствовавшіе его измѣненію, высказывались за то, что какъ элементарное, такъ и высшее образованіе должно быть въ одинаковой степени доступно для обоихъ половъ. Глубокое, солидное образованіе для женщинъ признавалось необходимымъ и потому, что̀ главное, встрѣчаемое ими препятствіе къ достиженію цѣли, заключалось въ общественныхъ предразсудкахъ: „захочетъ ли современная женщина пользоваться нѣкоторою самостоятельностью, даже упростить костюмъ, жить безъ выѣздовъ и и пр., мужъ, часто хоть и сочувствуетъ, но по своему положенію, противится этому“ [1]).

Много писавшій о женскомъ воспитаніи и образованіи, извѣстный педагогъ В. Стоюнинъ, въ 1859 году говорилъ, что этотъ вопросъ неминуемо выдвигаетъ другой—о нравственномъ развитіи мужчины, объ его идеалахъ и стремленіяхъ. Поэтому „не только въ интересахъ женщинъ, но и въ интересахъ мужчинъ, въ интересахъ человѣческаго развитія въ обширнѣйшемъ смыслѣ—писалъ онъ—женщина не можетъ и не должна оставаться на той степени, на которую она стала теперь [2]). Она должна воспитываться для себя и для общества въ обширномъ смыслѣ, „а не для другого пола, какъ теперь“... Почему же—спрашиваетъ онъ—не говорятъ, что изъ мужчинъ надо воспитывать хорошихъ мужей и отцовъ? [3]).

Въ обстоятельной статьѣ М. Михайлова, напечатанной въ 1860 году [4]), указывалось на то, что не только нравственность мужчины, но и умственное его развитіе сильно страдаетъ отъ ограниченнаго образованія, получаемаго женщиною. Но для того, чтобы образованіе женщины не оставалось мертвымъ капиталомъ для общества и „часто тяжелымъ преимуществомъ для женщины“, всѣ сходились въ томъ, что женщинамъ надо дать возможность примѣнять къ дѣлу свои дарованія и знанія.

Еще въ 1858 году въ журналѣ *Экономическій указатель*, издававшемся политико-экономомъ Н. Вернадскимъ, появилась статья его жены, подъ заглавіемъ: *Женскій трудъ*. Въ ней авторъ говорилъ, что для женщинъ и теперь открыты нѣкоторыя отрасли труда: торговля, фабричное дѣло, сельское хозяйство, литература, наука, преподаваніе, медицина, художества, ремесла; но

---

[1]) Кое-что о нашей современной женщинѣ, К. В. (Русскій Инвалидъ, 1860, № 283).

[2]) Русскій міръ, 1859, № 8.

[3]) *Развитіе*, 1861. Т. IX.

[4]) Женщина. Ихъ воспитаніе и значеніе въ семьѣ и обществѣ. (Современникъ 1860. Т.Т. LXXX—LXXXII).

сами женщины не хотятъ работать [1]). Мысль была подхвачена, и, какъ это обыкновенно бывало въ то горячее время, сейчасъ же начала обсуждаться журналами и газетами. Всѣ писавшіе высказывались за расширеніе дѣятельности женщинъ; но одни считали это возможнымъ лишь въ предѣлахъ семьи, подкрѣпляя свой взглядъ естественно-научными данными, примѣромъ пчелы и т. п.; другіе стояли за безусловное равенство въ занятіяхъ обоего пола; третьи, перечисляя доступныя женщинѣ отрасли дѣятельности, сомнѣвались въ томъ, чтобы она могла быть медикомъ, опасаясь, что у ней дрогнетъ рука при опасной операціи; четвертые отводили ей только низшія сферы труда. По мнѣнію *Сына Отечества* женщины могутъ быть булочницами „ибо всякая стряпня противна природѣ мужчины“, могутъ работать въ мастерскихъ у портныхъ, башмачниковъ, шляпочниковъ, перчаточниковъ; могутъ тереть и составлять краски при убранствѣ жилищъ, окрашивать двери, косяки, вставлять окна. Могутъ замѣнять швейцаровъ, а въ маленькихъ домахъ и дворниковъ, могутъ работать въ типографіяхъ, быть переплетчицами, прислугой въ трактирахъ, баняхъ и т. д. [2]).

Вопросъ обсуждался съ запальчивостью, при чемъ часто женщинъ не щадили. Одинъ педагогическій журналъ охарактеризовалъ ихъ „чѣмъ-то уродливымъ въ своей неразвитости“, представляющимъ „какую-то смѣшную и непріятную смѣсь изящнаго съ каррикатурнымъ, наружнаго вида скромности и благовоспитанности съ хитрою безнравственностью и невѣжественностью, которымъ вѣрныя и истинныя понятія о чести и человѣческомъ достоинствѣ, о настоящемъ значеніи женщины въ обществѣ, семействѣ, въ отношеніяхъ къ мужу, дѣтямъ и подчиненнымъ— часто неизвѣстны даже по слуху. Конечно, прибавлялъ авторъ статьи, есть исключенія, но онѣ рѣдки и теперь несчастны, одиноки“ [3]).

Но если, съ одной стороны, женщинамъ твердили, что прежде всего онѣ должны учиться и учиться, то, съ другой, раздавались голоса, что для того, чтобы учиться, надо быть сытой, а для того, чтобы быть сытой, надо работать, трудиться. Женщины и

---

[1]) Экон. Указатель, 1858, № 60. Вернадская, подписывавшая свои статьи буквами М. В. была тогда единственною русскою писательницею по экономическимъ вопросамъ. Она умерла 29-ти лѣтъ въ 1860 году.

[2]) О замѣнѣ мужского труда женскимъ. (*Сынъ Отечества*, журн. полит., ученый и литературный, издаваемый А. Старчевскимъ, 1859, № 1).

[3]) Мысли по поводу статей о женскомъ воспитаніи. А. С—на. (*Р. Педагог. Вѣст.*, издаваемый Гурьевымъ, 1858. Т. IV).

сами хотѣли трудиться; онѣ предлагали свой трудъ въ качествѣ наборщицъ, конторщицъ, переплетчицъ; но, не говоря о томъ, что всѣ ихъ попытки встрѣчались недружелюбно, съ глумленіемъ, и, вообще, ихъ принимали неохотно, немногія, которымъ удалось пристроиться къ какому-нибудь труду, скоро сами убѣждались въ своей неподготовленности къ нему. Единственная, всѣми признанная за ними профессія—гувернантки, значительно сократилась, такъ какъ отъ гувернантки стали требовать знаній, а не только выправки и умѣнья говорить по-французски; у большинства же искавшихъ занятій знаній не было.

Къ тому же, пока шли теоретическія разсужденія о правѣ женщины на трудъ и образованіе, и въ обществѣ и въ литературѣ много объ этомъ говорили, подвергали изслѣдованію женскій мозгъ, спорили, упрекали женщинъ въ бездѣйствіи, вообще хлопотали за нихъ; но какъ только сами женщины принимались за какой-нибудь трудъ, или даже только за исканіе его, общество, вмѣсто того, чтобы помочь имъ, глумилось надъ ними, обвиняло ихъ въ безнравственности, въ желаніи демонстрировать отсутствіемъ женственности и общепринятыхъ формъ. За женщинами признавали право на трудъ только въ домашней жизни. А между тѣмъ послѣ освобожденія крестьянъ къ причинамъ нравственнаго характера (жить своимъ трудомъ, быть полезной другимъ), побуждавшимъ женщинъ искать общественной дѣятельности и знаній, присоединились и экономическія. Въ очень многихъ семьяхъ и для родителей, и для дѣтей, вопросъ о заработкѣ средствъ къ существованію сталъ настоятельнымъ.

Но куда бы онѣ ни обращались, всюду встрѣчали препятствія; надъ дѣвушкой, читающей серьезную книгу, посѣщавшей лекціи, ищущей занятій, надсмѣхались, на нее возставали близкіе люди и часто родная семья; вообще общество выказывало явное нерасположеніе къ „новымъ“ женщинамъ.

Первымъ піонеркамъ на разныхъ поприщахъ общественной дѣятельности пришлось вынести массу самыхъ тяжелыхъ непріятностей. Въ медицинской Академіи лучшіе профессора отнеслись къ посѣщавшимъ ее женщинамъ серьезно и всячески поддерживали тѣхъ, которыя занимались наукою; но со стороны нѣкоторой части студентовъ онѣ встрѣчали не только косые взгляды и двусмысленныя улыбки, но имъ мѣшали заниматься, устраивали враждебныя демонстраціи, пускали въ ходъ клевету стараясь опорочить ихъ личную жизнь.

Въ типографіяхъ, куда иногда женщинамъ удавалось поступать наборщицами, имъ приходилось работать по ночамъ даромъ

и вообще имъ платили меньше, чѣмъ наборщикамъ, за одинаковое число рабочихъ часовъ, не давали къ праздникамъ награды. Со стороны рабочихъ женщины встрѣчали въ большинствѣ случаевъ враждебное отношеніе; они подводили женщинъ, мѣшали имъ шрифтъ, произносили въ ихъ присутствіи, во время ночныхъ дежурствъ, оскорбительныя слова и выраженія, всячески потѣшались надъ ними. Одну изъ наборщицъ рабочіе заперли зимней ночью въ холодныхъ сѣняхъ, куда она вышла безъ шубы; ей пришлось простоять такъ болѣе получаса, а въ это время за дверью раздавался хохотъ рабочихъ [1]).

Въ 1864 году женщины были допущены на телеграфную службу въ Финляндіи; это было сдѣлано въ видѣ опыта на три года съ тѣмъ, чтобы назначаемое имъ жалованіе не превышало 300 рублей въ годъ. Назначеніе женщинъ телеграфистками въ Финляндію было вызвано трудностью имѣть тамъ достаточное количество телеграфистовъ, знающихъ русскій языкъ. Но въ томъ же году, и также въ видѣ опыта на три года, государь разрѣшилъ опредѣлять женщинъ телеграфистками и въ русскихъ губерніяхъ. Хотя для поступленія на службу требованія отъ мужчинъ и женщинъ были одинаковы, но послѣднія, при одинаковой съ мужчинами работѣ должны были всегда оставаться въ третьемъ разрядѣ, съ высшимъ жалованьемъ, до котораго женщина могла дослужиться, въ 34 рубля 90 копѣекъ въ мѣсяцъ [2]). Кромѣ того, служа по вольному найму и не числясь на дѣйствительной службѣ, женщинамъ не полагалось и пенсіи.

Учительницы въ приготовительныхъ классахъ женскихъ гимназій получали по 11 руб. 50 коп. за годовой часъ; въ двухъ низшихъ классахъ — по 35-ти рублей; онѣ не получали и наградъ.

Такими же условіями былъ обставленъ и всякій другой женскій трудъ. Женщины все выносили—однѣ ради куска хлѣба,—другія ради идеи, изъ принципа, чтобы проложить дорогу другимъ женщинамъ.

Литература продолжала упрекать женщинъ въ томъ, что онѣ пассивно относятся къ своему дѣлу и молчатъ о немъ. Въ общемъ, упрекъ этотъ былъ справедливъ, хотя бывали исключенія, когда онѣ съ достоинствомъ защищали свое дѣло. Онѣ проте-

---

[1]) *М. Скавронская.* За четверть вѣка. (Изъ воспоминаній). *Наблюдатель*, 1897, январь.

[2]) Изъ 35-ти рублей жалованья 10 коп. вычиталось въ пользу инвалидовъ. (О женщинахъ-телеграфисткахъ. Л—вой.—*Другъ женщинъ*, 1883, май).

стовали, напримѣръ, противъ автора статьи *Современная эпоха* [1]), гдѣ онъ въ 3-хъ письмахъ „къ сестрѣ“ излагалъ цѣлый курсъ современной политики, „приспособленный къ женскому пониманію“, и требовали серьезнаго отношенія къ своему дѣлу, ибо „и сами женщины добиваются серьезнаго образованія и дѣятельности“ [2]).

Еще раньше, въ 1857 году, въ первомъ номерѣ Сборника, разрѣшеннаго тогда къ изданію студентами петербургскаго университета, подъ руководствомъ профессора Сухомлинова, было напечатано письмо одной дамы, которая присутствовала на большой сходкѣ студентовъ-редакторовъ „Сборника“ въ залѣ университета 20 апрѣля 1857 года, и возвратясь оттуда, написала въ редакцію восторженное письмо, въ которомъ говорила: „я поѣхала въ университетъ изъ любопытства—но съ какимъ чувствомъ возвратилась я!... я видѣла молодость добрую, умную, полную жизни и энергіи, видѣла какъ эта молодость горячо отзывалась на горячо сказанное слово. И я впервые поняла, что не знала студентовъ, которымъ теперь такъ отъ души сочувствую... Я вполнѣ сознала чего можно ожидать отъ всѣхъ этихъ пылкихъ головъ, отъ этихъ орлятъ, пробующихъ крылья—и много можетъ сдѣлать добраго журналъ, если всегда сотрудники его будутъ такъ же горячо принимать къ молодому сердцу все истинное, все полезное. И закралась во мнѣ мысль, что въ журналѣ этомъ скажется слово и за женщину, что захочетъ молодое поколѣніе и въ будущихъ спутницахъ своихъ найти достойныхъ сотрудницъ, потому что вѣдь дѣло вѣковъ поправлять не легко. И позаботится молодое поколѣніе заранѣе научить женщину быть счастливою, основывая свое счастье на счастьи всѣхъ ее окружающихъ, научитъ женщину сбросить пустую жизнь, убивающую всякую нравственную дѣятельность. Скажетъ женщинѣ, что пора понять, что она воспитательница человѣчества, что она прежде всего мать-гражданка, а не модная кукла. Скажетъ, какъ у насъ, на Руси, страдаютъ отъ невѣжества, какъ много силъ гибнетъ, силъ неразвитыхъ или дурно направленныхъ, и все оттого, что женщины не вдумываются въ свое назначеніе, не воспитываютъ себя, не уважаютъ себя. Пора, давно пора сказать это, да не только сказать, пора приняться за дѣло. Говорятъ теперь много о женщинахъ, но только говорятъ, а дороги не показываютъ и средствъ не даютъ“.

---

[1]) С.-Пет. Вѣдомости, 1860, № 43.

[2]) Р. Вѣстникъ, 1860, № 28.

Если большинство нашихъ писательницъ-беллетристокъ молчали о своемъ дѣлѣ, то другія женщины начали уже дѣйствовать. Съ цѣлью сосредоточить свои разрозненныя силы, онѣ стали сближаться въ кружки и починъ въ этомъ дѣлѣ былъ сдѣланъ въ провинціи. По иниціативѣ женщинъ, въ 1859 году въ Вологдѣ, „для сближенія общества, для соединенія образованныхъ женщинъ безъ различія состояній и сословій въ одно общество, для недорогого препровожденія времени“, были устроены дамскіе вечера въ дворянскомъ собраніи. Мужчины допускались лишь въ качествѣ гостей, съ платою по 50 копѣекъ въ вечеръ. Членами могли быть только дамы, вносившія по пяти рублей въ годъ. Онѣ выбрали изъ своей среды пятерыхъ наиболѣе уважаемыхъ и просвѣщенныхъ дамъ для наблюденія за порядкомъ и соблюденіемъ установленныхъ правилъ, въ число которыхъ было поставлено требованіе чтобы дамы пріѣзжали въ собраніе въ простыхъ костюмахъ [1]).

Это требованіе было вызвано, вѣроятно, желаніемъ противодѣйствовать тому, что̀ сообщалось въ той же корреспонденціи изъ Вологды о правахъ вологодскихъ дамъ. По словамъ корреспондента „одна десятая дамъ не имѣютъ даже понятія о Гоголѣ, но всѣ плохо говорятъ по-французски, танцуютъ съ грѣхомъ пополамъ уланскую кадриль, роскошно одѣваются и превосходно кокетничаютъ“.

Мысль объ устройствѣ такихъ собраній, которыя тогда же стали называть женскими клубами, понравилась. *Экономическій указатель* сталъ ее пропагандировать съ цѣлью „создать удобство общественной жизни, дать возможность женщинамъ съ небольшими средствами достигнуть нѣкоторой самостоятельности въ обществѣ“ [2]).

По примѣру Вологды, дамскій клубъ былъ открытъ въ Симбирскѣ; они проектировались въ Петербургѣ и другихъ городахъ.

Въ Петербургѣ, съ 1859 года, и нѣсколько позже въ Харьковѣ, Кіевѣ, Одессѣ, женщины стали посѣщать университетскія лекціи въ качествѣ вольнослушательницъ; въ Петербургѣ большинство ихъ ходили только на лекціи извѣстныхъ профессоровъ: Костомарова, Стасюлевича, Спасовича, Соколова (химія), по 3 женщины посѣщали всѣ лекціи избраннаго ими факультета и намѣревались держать экзаменъ на степень кандидата [3]).

Женщины ходили на лекціи и въ медицинскую Академію, а

[1]) *Русскій дневникъ*, 1859, № 63.

[2]) 1860, № 133.

[3]) *М. Михайловъ*. Женщины въ университетѣ. (Совр. 1861. Т. LXXXVI)

двѣ держали въ 1860 году экзаменъ у профессора анатоміи Грубера; въ кіевскомъ университетѣ одна женщина выдержала экзаменъ на званіе врача [1]), а другая, мать четырехъ взрослыхъ сыновей, изъ которыхъ двое были уже студентами, а двое кончали гимназію, обратилась къ попечителю учебнаго округа съ просьбою допустить ее къ слушанію лекцій русской словесности, исторіи и педагогики въ университетѣ [2]).

Спрашивается: откуда эти, хотя бы единичныя, женщины могли пріобрѣсть необходимыя для слушанія университетскихъ лекцій, знанія? Объяснить это можно тѣмъ, что тогда выходило очень много серьезныхъ, но доступныхъ пониманію и не спеціалиста книгъ по естественнымъ наукамъ, читались научныя публичныя лекціи, также лекціи въ частныхъ домахъ, устраивавшихся часто по иниціативѣ женщинъ, занятіями которыхъ иногда руководили студенты и даже профессора.

Первая русская женщина-врачъ, Надежда Прокофьевна Суслова, получила обыкновенно дававшееся тогда дѣвушкамъ образованіе; пробывъ сначала нѣсколько мѣсяцевъ въ московскомъ пансіонѣ г-жи Пенигкау, она, не кончивъ курса, должна была переѣхать съ родителями въ Петербургъ, гдѣ поступила въ другой пансіонъ. Однако, она успѣла настолько подготовить себя сама, что могла выдержать въ 1861 году экзаменъ на званіе домашней наставницы, чтобы поступить вольнослушательницею въ медико-хирургическую Академію [3]).

Женщины занимались и въ публичной библіотекѣ, что тогда было такою новостью, что объ этомъ писались корреспонденціи. Въ *Сѣверной Пчелѣ* корреспондентъ разсказывалъ, что онъ самъ видѣлъ шестерыхъ молодыхъ дѣвушекъ, которыя работали отъ 3-хъ до 9-ти часовъ безъ перерыва. „Сидишь—говоритъ онъ—и вдругъ подлѣ тебя зашумитъ шелковое платье: проходитъ на свое мѣсто дѣвушка. Сѣла она. И ни одинъ-то человѣкъ не обратилъ на нее вниманія, ни одна голова не обернулась въ ея сторону: дѣвушка въ библіотекѣ такое обыкновенное явленіе! Оно необыкновенно развѣ для какого-нибудь москвича. Съ изумленіемъ онъ останавливается на дѣвушкѣ, кладетъ перо, которымъ пишетъ и съ трудомъ успокаивается отъ пріятнѣйшихъ впечатлѣній, испытать которыхъ въ Москвѣ невозможно“.

---

[1]) Женщины въ университетѣ.

[2]) *Экон. Указатель*, 1860, № 205.

[3]) Матеріалы для біографіи первой русской женщины, получившей дипломъ доктора-медицины. Н. П. Сусловой, *Г. І. Родзевича* (*Русская Медицина*, №№ 37—38, 1892).

Далѣе сообщалось, что просвѣщенное начальство библіотеки очень довольно полученными результатами отъ занятій женщинъ и намѣрено всячески поощрять ихъ къ тому, что при новой читальной залѣ будетъ устроена дамская уборная, для дамъ будутъ отведены особые столы, за которыми нельзя будетъ работать мужчинамъ, но дамы могутъ садиться вездѣ, гдѣ имъ угодно [1]).

Въ той же корреспонденціи авторъ сообщалъ, что въ университетъ, на лекціи, дѣвушки ѣздятъ или одиѣ, безъ провожатыхъ, или сестра идетъ съ братомъ, или ихъ провожаютъ тётушки, которыхъ онъ часто встрѣчалъ въ аудиторіяхъ. Говоря о лекціяхъ Костомарова, на которыхъ бывала давка и съ трудомъ можно было проложить себѣ дорогу, авторъ корреспонденціи разсказываетъ: „но вотъ идетъ дѣвушка, рѣшительно никому незнакомая, даже и некрасавица, и неизвѣстная сила раздвигаетъ передъ нею столы, поднимаетъ вверхъ поставленные въ проходѣ стулья, даетъ ей дорогу, даетъ ей мѣсто“. Въ швейцарской, при расходѣ также толпа, нельзя пройти. „Дѣвушка стоитъ у окна, ожидая простора, не желая тѣсниться и ничего не требуя отъ окружающей толпы, и толпа эта проходитъ мимо нея, не обращая на нее никакого вниманія, не предлагая ей непрошенныхъ услугъ подать салопъ и т. п.“.

Онъ сообщаетъ также, что на лекціяхъ дамы одѣты очень просто, по большей части въ черныхъ или сѣрыхъ платьяхъ съ бѣлыми воротничками, но „кому какое дѣло въ чемъ бы онѣ ни ходили!“—прибавляетъ онъ. Дамы записываютъ лекціи и „съ какимъ наслажденіемъ, я думаю — говоритъ авторъ корреспонденціи,—читаютъ профессора, особенно Костомаровъ, который читаетъ стоя и безъ всякихъ тетрадокъ, слѣдовательно видитъ всю залу... Съ появленіемъ профессора воцаряется тишина... И вся эта семья, наполнившая аудиторію, начинаетъ внимательнѣйшимъ образомъ слушать поучительныя рѣчи своего наставника, потомъ выноситъ ихъ на свѣтъ Божій, выноситъ на улицу, въ семейную жизнь, въ богатые покои и въ мансарды, и вся эта свѣтлая, свѣжая семья есть передовая цѣпь застрѣльщиковъ будущей великой арміи русскаго просвѣщеннаго общества!“

Въ заключеніе авторъ говоритъ: „скажутъ: это мода... Но пускай это мода, что уже въ продолженіе двухъ лѣтъ дѣвушки сходятся съ разныхъ концовъ Петербурга на Васильевскій островъ, поднимаются въ третій этажъ университета и просиживаютъ по цѣлымъ часамъ въ тѣсныхъ и страшно душныхъ аудиторіяхъ...

---

[1]) *Сѣверная Пчела*, 1861, № 60.

Пускай это мода, что петербургскія женщины, даже высшаго свѣта, не устаютъ работать надъ дѣвочками, часто тупыми и непонятливыми. Дай Богъ, чтобы эта мода повторилась скорѣе и въ Москвѣ, и въ другихъ городахъ обширной русской земли, дай Богъ, чтобы всѣ наши женщины, которыя обыкновенно сломя голову бросаются за новыми костюмами, также бросились за модными дѣлами просвѣщенія, а не сидѣли сложа руки, тупо повторяя: мода! мода!"

Первыя, начавшія посѣщать университетскія лекціи, женщины, были двѣ сестры (Корсини), имя которыхъ, по словамъ автора той же корреспонденціи „всѣмъ извѣстно и всѣми повторяется съ уваженіемъ". Впрочемъ онъ признаетъ, что наше общество „стоитъ такъ низко, особенно низко упала женщина" что дѣвушки, ходящія въ университетъ, „должны будутъ услышать неловкіе о себѣ намеки; безсильная злоба, вѣроятно, постарается оскорбить ихъ чистое сердце". Но онъ думаетъ, что всѣ просвѣщенные люди обращаются теперь къ петербургскому университету „къ тамошнему ученому сословію, съ надеждой, что онъ съ своей стороны подастъ руку русской женщинѣ".

Надежды эти оправдались, но позже, а въ 1859—1861 годахъ, когда женщины стали ходить въ университетъ, онѣ были встрѣчены съ недовѣріемъ не только обществомъ, которое поднимало ихъ на смѣхъ и отвертывалась отъ нихъ, но и нѣкоторыми профессорами и студентами.

Одинъ профессоръ нарочно, чтобы отвадить молодую дѣвушку отъ слушанія лекцій естественныхъ наукъ, сталъ „не спуская съ нея глазъ и съ циническою улыбкою" подробно развивать такую теорію, что дѣвушка невольно закрыла руками лицо и должна была выйти изъ аудиторіи; другіе профессора не разрѣшили нѣсколькимъ женщинамъ слушать лекціи по археологіи, сказавъ, что это несовмѣстно съ достоинствомъ ученаго учрежденія, къ которому они принадлежатъ [1]).

Кіевскій университетъ постановилъ допускать женщинъ къ слушанію лекцій только съ согласія преподавателей, заявленнаго ректору, между тѣмъ какъ постороннія лица мужскаго пола допускались по билетамъ, получаемымъ отъ ректора, не испрашивая согласія профессоровъ [2]).

Къ счастью не всѣ такъ отнеслись къ стремленію женщинъ къ наукѣ.

---

[1]) Женщины въ университетъ.

[2]) Правила о посѣщеніи лекцій унив. св. Владиміра постороннимъ лицами. (Журн. мин. нар. пр. 1861. Т. 116).

Въ концѣ 1861 года была образована комиссія для пересмотра университетскаго устава. Препровождая составленный ею проектъ на разсмотрѣніе университетскихъ Совѣтовъ, министерство народнаго просвѣщенія, по поводу поданныхъ двумя женщинами—одною въ университетъ, другою въ медицинскую Академію прошеній, предложило на обсужденіе университетскихъ Совѣтовъ и вопросы: 1) могутъ ли вообще лица женскаго пола быть допускаемы къ слушанію университетскихъ лекцій совмѣстно съ студентами? 2) какія условія должны быть постановлены при такомъ допущеніи? и 3) могутъ ли такія лица быть допускаемы къ испытанію на ученыя степени, и какимъ правомъ, въ случаѣ выдержанія испытанія, онѣ должны пользоваться?

Всѣ Совѣты, за исключеніемъ московскаго и дерптскаго, высказались въ утвердительномъ смыслѣ [1]). Медицинскій Совѣтъ также призналъ женщинъ способными исполнять обязанности врачей и не нашелъ никакихъ препятствій къ допущенію ихъ слушать полный курсъ медицины, также и къ экзамену на ученую степень.

Какъ только въ *Медицинскомъ Вѣстникѣ* было напечатано извѣстіе о подачѣ „одною дѣвицею въ одно медицинское учебное заведеніе“ прошенія о дозволеніи ей слушать полный курсъ медицины, этотъ вопросъ сталъ обсуждаться не только въ столичныхъ, но и въ провинціальныхъ газетахъ и журналахъ.

Газета *Наше Время* одобрила „благоразумное, согласное съ обычаями всѣхъ европейскихъ университетовъ“ рѣшеніе московскаго университета не допускать женщинъ къ слушанію лекцій. Другіе взглянули на дѣло иначе.

Въ *Одесскомъ Вѣстникѣ* была напечатана статья: „Могутъ ли дѣвицы посѣщать публичныя лекціи физіологіи и прилично ли это?“ Редакція высказалась въ утвердительномъ смыслѣ [2]).

Въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* появилась статья за подписью „вольнопрактикующій врачъ“ [3]); но, повидимому принадлежавшая какому-то авторитетному лицу, ибо она была цѣликомъ перепечатана въ оффиціальномъ изданіи министерства народнаго просвѣщенія вмѣстѣ съ отвѣтами университетскихъ

---

[1]) Замѣчанія на проектъ общаго устава Имп. Росс. университетовъ. С.-Пет. 1862. Ч. 2-я, XLVII. Мнѣнія Совѣтовъ университетовъ по вопросу о допущеніи лицъ женскаго пола къ слушанію университетскихъ лекцій.

[2]) *Одесскій Вѣстникъ*. 1862. № 10.

[3]) *С.-Пет. Вѣд.* 1861. № 249. „Могутъ ли женщины быть врачами?“

Совѣтовъ на предложенный имъ министерствомъ вопросъ о допущеніи женщинъ къ слушанію университетскихъ лекцій [1]).

Въ своей статьѣ „вольнопрактикующій врачъ“ высказывалъ убѣжденіе въ томъ, что женщины способны „къ серьезному и дѣльному труду, а, стало быть, и къ занятіямъ медициною“. То, что онѣ до сихъ поръ (1861 годъ) не занимались положительными и опытными науками, онъ приписывалъ дурнымъ условіямъ, въ которыя онѣ поставлены и изъ которыхъ имъ не дозволяютъ выйти. Мнѣніе, будто женщинѣ неприлично заниматься медициною онъ объяснялъ „узкимъ и тупымъ взглядомъ“ наставниковъ, съ дѣтства твердившихъ своимъ воспитанникамъ, что вотъ это прилично, а это неприлично. Никто, по мнѣнію автора статьи, не можетъ такъ успѣшно лечить женщинъ, какъ женщина. Онъ разсматривалъ вопросъ и съ юридической точки зрѣнія и нашелъ, что предоставляя женщинамъ оффиціальныя обязанности домашнихъ учительницъ, сестеръ милосердія, акушерокъ и др., нашъ законъ этимъ признаетъ за ними право быть и врачами, такъ какъ обязанности акушерки и врача различаются между собою лишь степенью и кругомъ дѣятельности, а по цѣли совершенно тожественны. Онъ признавалъ необходимымъ имѣть женщинъ-врачей, указывая на опасныя послѣдствія того, что женщины часто, изъ стыдливости, не все говорятъ врачу, вслѣдствіе чего онъ принужденъ лечить ихъ на удачу. По убѣжденію „вольнопрактикующаго врача“, женщинамъ слѣдуетъ предоставить исполненіе всѣхъ обязанностей врача; онѣ могутъ дѣлать вскрытія и медицинскіе осмотры. Сказавъ, что ему достовѣрно извѣстно, что медицинскій Совѣтъ раздѣляетъ это мнѣніе, онъ высказывалъ „основываясь на существующемъ уже опытѣ“, твердую увѣренность въ томъ, что женщины будутъ исполнять свои обязанности лучше, чѣмъ „наши медики“, что онѣ будутъ относиться внимательнѣе, добрѣе, къ больнымъ и внушать имъ полное довѣріе. „Медицину — говоритъ онъ— надо вводить въ жизнь народа, сдѣлать предметомъ обыденнымъ, популярнымъ, а не достояніемъ только нѣкоторыхъ людей“. Поэтому чѣмъ болѣе будетъ женщинъ, желающихъ заниматься этою гуманною наукою, тѣмъ лучше, а на всю Россію требуется множество врачей.

Въ дополненіе къ этой статьѣ, въ *Разсвѣтѣ* появилось письмо *Студента медицины*, который обратилъ вниманіе на то, что „вольнопрактикующій врачъ“ не упомянулъ о занятіяхъ жен-

[1]) Замѣчанія на проектъ общаго устава Имп. Росс. университетовъ.

щинъ надъ трупами, а „это камень преткновенія и для мужчинъ, которые часто не выносятъ запаха и вида препаратовъ". Но онъ можетъ удостовѣрить, что женщины способны работать на трупахъ, ибо самъ видѣлъ въ прошломъ (1860) году двухъ [1]), а въ нынѣшнемъ четырехъ (двухъ дамъ и двухъ дѣвицъ), державшихъ экзаменъ у профессора Грубера, отвѣчавшихъ и работавшихъ удивительно и серьезно смотрящихъ на медицину. Въ заключеніе письма *студентъ медицины* высказывалъ увѣренность въ томъ, что конференція признаетъ пользу допущенія женщинъ къ медицинскимъ занятіямъ, „тѣмъ болѣе, что препятствій въ этомъ дѣлѣ не существуетъ", а также, что женщинъ будутъ принимать на общихъ основаніяхъ, т.-е по выдержаніи экзамена изъ полнаго гимназическаго курса [2]).

Избранная петербургскимъ Совѣтомъ для предварительныхъ соображеній по вопросу, комиссія подъ предсѣдательствомъ А. Савича изъ членовъ: К. Кавелина, К. Голстунскаго и М. Стасюлевича единогласно пришла къ заключенію, что допущеніе женщинъ къ совмѣстному съ студентами, по какому бы то ни было факультету, слушанію университетскихъ лекцій не только не представляетъ какого-либо препятствія, но было бы справедливымъ и полезнымъ. Поэтому слѣдуетъ установить допущеніе женщинъ на общемъ основаніи съ вольнослушателями какъ по отношенію лѣтъ, такъ и платы; точно также, на общемъ основаніи съ вольнослушателями, слѣдуетъ, по мнѣнію комиссіи, разрѣшить женщинамъ подвергаться испытаніямъ на всѣ ученыя степени и получать дипломъ, который давалъ бы имъ права: 1) на штатныя учительскія и воспитательныя должности въ высшихъ женскихъ учебныхъ и воспитательныхъ заведеніяхъ; 2) на медицинскую практику.

Въ представленныхъ комиссіею соображеніяхъ она говорила, что допущеніе женщинъ къ слушанію университетскихъ лекцій „можетъ представлять, и въ нѣкоторыхъ странахъ до сихъ поръ представляетъ, только одно препятствіе—новости самого явленія и историческихъ привычекъ къ противоположному порядку дѣла". Сказавъ, что англійскіе, французскіе и нѣмецкіе университеты не допускаютъ женщинъ къ слушанію лекцій по историческому преданію, сложившемуся въ монастырскую эпоху средневѣковыхъ университетовъ, и указавъ, какъ на исключеніе эпоху возрожденія, когда женщины не только проходили университетскій

---

[1]) Изъ нихъ одна занималась съ авторомъ письма.

[2]) *Женщины и анатомія.* (*Разсвѣтъ* 1861. Т. II).

курсъ, но нерѣдко и сами читали лекціи, комиссія говоритъ: „мы, въ своемъ запрещеніи не имѣли бы даже и историческаго оправданія, оно перенесено было къ намъ цѣликомъ, вмѣстѣ съ другими университетскими формами, и не стояло поэтому въ связи ни съ нашимъ общественнымъ духомъ, ни съ гражданскимъ и юридическимъ порядкомъ вещей. Наконецъ насъ не можетъ удерживать непривычка и новость, потому что въ теченіе послѣднихъ 2—3 лѣтъ аудиторіи С.-Петербургскаго университета были посѣщаемы лицами женскаго пола въ большомъ числѣ. Поэтому, на основаніи опыта, мы можемъ утверждать, что присутствіе дамъ въ аудиторіи не только никогда не давало повода ни къ какому безпорядку, но даже, напротивъ, могло держать студентовъ въ предѣлахъ самаго строгаго приличія. Точно также дамы не могли никогда препятствовать ученому, систематическому, изложенію вопросовъ науки съ каѳедры, потому что не профессора приходятъ читать дамамъ, но дамы приходятъ слушать профессоровъ. Если бы профессоръ былъ стѣсненъ присутствіемъ дамъ, на основаніи предположенія неприготовленности и неразвитости ихъ, то для него не менѣе должно быть стѣснительно присутствіе вольнослушателей, которыхъ познанія и развитость ему одинаково неизвѣстны... Если женщинѣ дано право быть читательницею книги, авторомъ произведенія, то на какомъ основаніи можно ей отказать въ правѣ быть слушательницею лекцій?“

Видя въ совмѣстномъ съ студентами посѣщеніи лекцій дамами „вѣрный признакъ добраго состоянія нравовъ въ нашемъ отечествѣ“, комиссія находитъ это и справедливымъ, ибо женщина, по нашимъ законамъ, пользуется одинаковыми гражданскими правами съ мужчиною, имѣетъ полное право собственности „и, какъ владѣтельница, можетъ пользоваться участіемъ въ юридическомъ образованіи“.

Комиссія находила допущеніе женщинъ къ слушанію университетскихъ лекцій полезнымъ потому, что онѣ несутъ на себѣ много оффиціальныхъ обязанностей по воспитанію и обученію, „успѣшное исполненіе которыхъ обусловливается вообще состояніемъ наукъ, представителемъ которыхъ стремится быть университетъ“. Принимая во вниманіе и пользу, которую можетъ принести женщина съ просвѣщеннымъ умомъ, какъ мать будущихъ поколѣній, комиссія полагала, что было бы выгодно уменьшить плату за слушаніе лекцій съ лицъ женскаго пола. При этомъ она думала, что едва ли найдется много женщинъ,

которыя запишутся на цѣлый факультетъ, а не ограничатся двумя-тремя предметами ихъ особенно интересующими.

Допустить женщинъ къ испытанію на ученыя степени слѣдуетъ, по мнѣнію комиссіи, „по совершенному отсутствію причинъ противоположнаго", такъ какъ при экзаменѣ на ученую степень дѣло идетъ о чистомъ знаніи, и лица мужскаго пола получаютъ ученыя степени не за то, что они принадлежатъ къ извѣстному полу. Отрицательное рѣшеніе такого вопроса могло бы опираться на несомнѣнныя доказательства невозможности для женщинъ воспринять истину наравнѣ съ лицами мужскаго пола, а такихъ доказательствъ мы не имѣемъ".

Въ такомъ же смыслѣ, но не такъ обстоятельно, высказались Совѣты харьковскій и казанскій; первый присовокупилъ къ своему мнѣнію и то соображеніе, что открытіе женщинѣ поприща общественной дѣятельности „не можетъ служить къ ущербу главнаго назначенія ея—семейной жизни, какъ потому, что между женщинами, безъ сомнѣнія, немного найдется охотницъ къ принятію на себя обязанностей, требующихъ значительныхъ физическихъ силъ, либо усиленнаго и настойчиваго труда, такъ и потому, что въ нашемъ отечествѣ, какъ и въ другихъ странахъ Европы, находится излишекъ женскаго пола, обращеніе котораго къ общественной дѣятельности, при невозможности посвятить себя семейной жизни, не только не предосудительно, но и желательно въ видахъ общественной нравственности".

Совѣтъ кіевскаго университета представилъ мнѣнія отдѣльныхъ своихъ факультетовъ: юридическій,—признавая возможнымъ допускать, съ разрѣшенія начальства, женщинъ къ совмѣстному съ студентами слушанію лекцій, находилъ излишнимъ производить имъ испытанія на ученыя степени, такъ какъ „всѣ почти права, которыя можетъ дать ученая юридическая степень, при настоящемъ порядкѣ, недоступны для женщинъ". Медицинскій факультетъ единогласно опредѣлилъ допускать женщинъ къ совмѣстному съ студентами слушанію лекцій, но при условіи надлежащей ихъ подготовленности, по выдержаніи вступительнаго испытанія (maturitatis) наравнѣ съ прочими поступающими студентами, и допускать ихъ къ испытанію на всѣ ученыя степени съ предоставленіемъ имъ всѣхъ, присвоенныхъ полученной, правъ. Историко-филологическій факультетъ полагалъ также допускать женщинъ къ слушанію лекцій „на общемъ основаніи съ правами студентовъ или вольнослушателей, смотря по тому, какимъ научнымъ требованіямъ удовлетворятъ онѣ при поступленіи въ университетъ, но во всякомъ случаѣ съ платою по 20 руб-

лей въ годъ". „Впрочемъ — прибавлялъ онъ — онѣ могутъ быть вовсе освобождаемы отъ платы за слушаніе лекцій, по усмотрѣнію Совѣта". Факультетъ былъ и за предоставленіе женщинамъ ученыхъ степеней и правъ, „какими пользуются лица мужскаго пола, имѣющія ученыя степени и званія, при поступленіи на службу по учебному вѣдомству". Физико-математическій факультетъ высказался не только за безпрепятственное допущеніе женщинъ къ слушанію лекцій вмѣстѣ съ студентами, но и за пользованіе ими правами студентовъ на пособія и стипендіи отъ университета; также на полученіе ученыхъ степеней подъ условіемъ представленія ими атестата объ окончаніи полнаго курса въ одной изъ женскихъ гимназій или другого, равносильнаго свидѣтельства.

Попечитель дерптскаго учебнаго округа, фонъ-Брадке, представляя мнѣніе Совѣта дерптскаго университета, находившаго допущеніе женщинъ къ слушанію университетскихъ лекцій „несовмѣстимымъ съ настоящимъ устройствомъ университета, съ существенными условіями успѣшной дѣятельности и съ научными цѣлями онаго", вполнѣ присоединялся къ этому мнѣнію, притомъ не только по отношенію къ совмѣстному съ студентами посѣщенію женщинами университета, но и къ „поступленію ихъ въ средне-учебныя заведенія, какъ необходимое условіе для пріема въ университетъ". „Но если—говорилъ попечитель—по нынѣшнимъ обстоятельствамъ общественной жизни, можетъ быть, и оказывается нужнымъ доставить женщинамъ менѣе достаточнаго состоянія способы къ пріобрѣтенію необходимыхъ средствъ существованія, то сіе могло бы быть достигнуто единственно болѣе основательнымъ и твердымъ образованіемъ ихъ къ званію воспитательницы юношества". Для этого онъ считалъ полезнымъ усилить въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ математику и ввести преподаваніе латинскаго языка, сдѣлавъ ихъ обязательными только для тѣхъ, кто хочетъ посвятить себя образованію юношества. Въ заключеніе попечитель подтверждалъ, что онъ не можетъ признать „женскій полъ, по особенностямъ его конструкціи и умственнымъ и душевнымъ его способностямъ, способнымъ изучать анатомію, ни пріобрѣтать юридическія свѣдѣнія, по ихъ сухости и строгой послѣдовательности, ни для филологическихъ соображеній, и если въ этомъ отношеніи встрѣчаются исключенія, то они не могутъ служить основаніемъ къ принятію общихъ государственныхъ мѣръ".

Совѣтъ московскаго университета, большинствомъ 23-хъ голосовъ противъ двухъ, постановилъ не допускать совмѣстнаго слу-

шанія женщинъ съ студентами „ни подъ какимъ предлогомъ потому, что это можетъ имѣть вредное вліяніе на успѣшный ходъ занятій молодыхъ людей, обучающихся въ университетѣ“ [1]).

Ученый комитетъ главнаго правленія училищъ высказался за допущеніе женщинъ, какъ и вообще постороннихъ лицъ, къ слушанію университетскихъ лекцій, находя присутствіе публики полезнымъ какъ въ видахъ распространенія въ массѣ научныхъ свѣдѣній, такъ и для побужденія преподавателей къ болѣе строгому отношенію къ своимъ лекціямъ.

Комиссія для пересмотра университетскаго устава подъ предсѣдательствомъ попечителя дерптскаго округа, фонъ-Брадке, начала свои занятія въ концѣ 1861 года при самыхъ неблагопріятныхъ для женщинъ обстоятельствахъ, въ разгаръ студенческихъ волненій, вызванныхъ уничтоженіемъ нѣкоторыхъ студенческихъ учрежденій и введеніемъ матрикулъ. Среди арестованныхъ студентовъ была взята одна изъ посѣщавшихъ университетъ женщинъ. Этотъ единичный случай отразился на дѣлѣ допущенія ихъ въ университетъ. Въ засѣданіи 15-го декабря 1861 года въ комиссіи возникли горячія препія по этому вопросу, который большинствомъ голосовъ былъ рѣшенъ отрицательно [2]), а образованный, подъ предсѣдательствомъ графа Строганова, комитетъ для окончательнаго разсмотрѣнія проекта передъ внесеніемъ его въ государственный Совѣтъ, исключилъ примѣчаніе къ § 100 проекта ученаго комитета, которымъ женщинамъ разрѣшалось посѣщать университетъ [3]).

Послѣ закрытія петербургскаго университета, въ 1862 году, нѣкоторые профессора стали читать лекціи въ залѣ городской Думы и женщины могли ихъ посѣщать; но это продолжалось недолго; начались пожары, были закрыты воскресныя школы, пріостановлены журналы *Современникъ* и *Русское Слово*.

Женщины продолжали еще ходить на лекціи въ медицинскую Академію [4]), но обстоятельства складывались для нихъ все неблагопріятнѣе; польское возстаніе въ 1863 году, новые

---

[1]) Замѣчанія на проектъ общаго устава Имп. Росс. университетовъ. Ч. II-я. 1862 г.—XLVII. Мнѣнія Совѣтовъ университетовъ по вопросу о допущ лицъ женскаго пола къ слушанію университетскихъ лекцій.

[2]) Записки и дневникъ (1826—1877) А. В. Никитенко. Т. II. С.-Пет. 1893, стр. 301. Никитенко самъ участвовалъ въ комиссіи.

[3]) Въ составъ комитета входили: статсь-секретарь баронъ Корфъ, оберъ-гофмаршалъ баронъ Мейендорфъ, шефъ жандармовъ князь Долгоруковъ, министры: Валуевъ и Головнинъ.

[4]) По словамъ Никитенко, ихъ было въ 1864 году болѣе 60-ти. (Записки. Т. II, стр. 448).

аресты и мѣры строгости привели къ закрытію всякихъ общественныхъ начинаній.

Несмотря на то, что допущенная еще въ 1861 году къ слушанію медицинскихъ лекцій, П. П. Суслова своими научными занятіями и спеціально научной работою [1]) свидѣтельствовала о серьезномъ отношеніи къ наукѣ и способности женщинъ къ медицинѣ, 11-го мая 1864 года былъ объявленъ приказъ военнаго министра, который, „имѣя въ виду, съ одной стороны, что уставомъ петербургской Медико-Хирургической Академіи не разрѣшено ей принимать лицъ женскаго пола въ число своихъ воспитанниковъ и допускать къ посѣщенію лекцій, и съ другой, что и по новому уставу для университетовъ лица женскаго пола не принимаются въ число воспитанниковъ, а по утвержденнымъ для каждаго университета правиламъ онѣ не допускаются даже къ посѣщенію лекцій и въ числѣ постороннихъ слушателей, приказалъ: не допускать въ Академію съ будущаго учебнаго года лицъ женскаго пола къ присутствію ни при лекціяхъ, ни при практическихъ занятіяхъ, за исключеніемъ г-жи Кашеваровой".

Исключеніе въ пользу Кашеваровой было сдѣлано потому, что за годъ до запрещенія женщинамъ посѣщать медицинскую Академію, она была прикомандирована, съ разрѣшенія военнаго министра, къ Академіи на одинъ курсъ, т.-е. на 5 лѣтъ, для изученія медицины съ тѣмъ, чтобы по окончаніи курса ѣхала въ оренбургскій край въ качествѣ врача, для леченія башкирскаго народа.

О присылкѣ женщины, которая могла бы лечить женщинъ и дѣтей, ходатайствовало задолго до того начальство оренбургскаго башкирскаго казачьяго войска, указывая на то, что законъ и религія не позволяли мусульманкамъ обращаться къ врачамъ-мужчинамъ. Поэтому и раньше Кашеваровой къ Калинкинской больницѣ прикомандировывались акушерки, для изученія свирѣпствовавшей въ краѣ болѣзни.

Варвара Александровна Кашеварова 15-ти лѣтъ отъ роду вышла въ 1862 году замужъ за купца и сейчасъ же поступила въ повивальный институтъ великой княгини Елены Павловны, потомъ выдержала экзаменъ въ Калинкинской больницѣ съ отличіемъ, и хотя получила свидѣтельство, дававшее ей право лечить сифилисъ у женщинъ и дѣтей, но не пожелала имъ вос-

[1]) Эта работа: *Измѣненіе кожныхъ ощущеній подъ вліяніемъ электрическаго раздраженія* была напечатана въ лучшемъ медицинскомъ журналѣ *Медицинскій Вѣстникъ* 1862. №№ 21, 22. (*Г. І. Родзевичъ*).

пользоваться. Это она объявила на экзаменѣ, на которомъ присутствовали тогдашнія знаменитости медицинскаго міра: Пеликанъ, Заблоцкій, Гугенбергеръ, Цицуринъ, сказавъ, что она убѣдилась въ невозможности изучать одну какую-нибудь отрасль медицины не зная всей медицины, и просила, въ видѣ награды за признанные всѣми ея успѣхи, позволить ей продолжать изученіе медицины. Она такъ настойчиво объ этомъ хлопотала, что успѣла расположить въ свою пользу вліятельныхъ лицъ, которыя помогли ей получить разрѣшеніе военнаго министра слушать лекціи медицины на одинаковыхъ съ студентами правахъ и съ назначеніемъ ей казенной стипендіи [1]).

Поступивъ въ Академію въ 1863 году, Кашеварова застала тамъ, по ея словамъ, много женщинъ, слушавшихъ лекціи. Послѣ приказа военнаго министра 11-го мая 1864 года онѣ подали коллективное прошеніе о дозволеніи имъ учиться съ тою же цѣлью, какъ Кашеварова, т.-е. для полученія права лечить въ башкирскомъ краѣ; но имъ въ этомъ было отказано и тогда нѣкоторыя, въ ихъ числѣ Суслова, уѣхали за границу, въ Цюрихъ, гдѣ, какъ извѣщали раньше туда поѣхавшія русскія женщины, имъ не препятствовали поступать въ число слушателей медицинскаго факультета.

Такимъ образомъ дѣло высшаго женскаго образованія казалось покончennымъ въ Россіи. Такъ можно было думать и потому, что общество, въ массѣ, съ самаго начала движенія, не сочувствовало стремленію женщинъ къ наукѣ, а сами женщины, видя отовсюду враждебное къ себѣ отношеніе, озлоблялись и стали открыто противодѣйствовать обществу въ томъ, чѣмъ оно наиболѣе дорожило.

„Когда желаніе женщинъ учиться—говоритъ извѣстный педагогъ В. Сиповскій—вызвало вражду, когда даже высокообразованные мужчины не могли отрѣшиться отъ кавалерскаго отношенія къ учащимся женщинамъ, то онѣ возненавидѣли „женственность“, какъ помѣху къ достиженію своей страстной мечты. Уничтожили женственность до нелѣпости, до сумазбродства: нарядились въ мужской костюмъ, остригли волосы, надѣли синія очки, усвоили угловатыя манеры, напускной цинизмъ“. И прежде, въ приличномъ видѣ, ихъ пускали неохотно въ нѣкоторыя аудиторіи и смотрѣли на ихъ порыванія къ умственному труду какъ на дѣт-

[1]) Свѣдѣнія о Кашеваровой взяты изъ ея автобіографіи, напечатанной въ изданіи: *Двадцатипятилѣтіе врачей бывшихъ студентовъ Имп. Медико-Хирургической Академіи выпуска 9 декабря 1868 года.* Составлено подъ редакціей К. Ф. Славянскаго и В. В. Клименко. С.-Пет. 1893 г.

скія прихоти, моду, а потомъ совсѣмъ закрыли двери. „Зато къ ихъ услугамъ явилась обширная переводная, популярно-научная литература, преимущественно по естествознанію“. Такимъ образомъ вмѣсто научнаго образованія онѣ должны были довольствоваться полузнаніемъ и „оторвавшись безвозвратно отъ стараго порядка жизни, сжегши свои корабли, эти поборницы права женщины на образованіе должны были устраивать свою жизнь по новому. Къ услугамъ явились разныя теоріи, которыхъ было много, какъ бываетъ всегда въ переходныя эпохи. Неудивительно, что онѣ пріобрѣли себѣ много адептовъ изъ среды выбившихся изъ старой колеи смѣлыхъ, но несчастныхъ, искательницъ научнаго знанія“.

Это было прямымъ послѣдствіемъ того, что не только не пошли на встрѣчу „вполнѣ естественному и законному стремленію женщинъ къ знанію, а помѣшали ему; не дали здоровой пищи голоднымъ, онѣ стали утолять голодъ чѣмъ Богъ послалъ“ [1]).

Типъ эмансипированной въ этомъ смыслѣ женщины вызывалъ въ нѣкоторыхъ, даже прогрессивныхъ органахъ печати, строгія, преувеличенныя нареканія. „Безъ серьезной подготовки къ жизни, безъ совершеннаго знанія основныхъ ея началъ, не только безъ любви къ труду, но даже съ полнымъ презрѣніемъ къ нему, онѣ должны были увлечься тѣмъ, что дается легче всего, именно формой, не догадавшись, что усвоемая форма, даже въ женщинахъ дѣйствительно эмансипированныхъ составляетъ страшный недостатокъ“. [2]).

Большая часть протестовавшихъ такимъ способомъ женщинъ не нашли себѣ выхода и погибли или стушевались подъ давленіемъ враждебныхъ имъ условій; но общество перенесло свою непріязнь къ нимъ на всѣхъ женщинъ новаго порядка и долго отожествляло ихъ съ представительницами типа переходнаго времени.

Все это, казалось, надолго тормозило дѣло женскаго образованія, тѣмъ болѣе, что неудачный исходъ женскаго дѣла повліялъ и на отношеніе къ нему литературы. Тѣ органы печати, которые прежде защищали его, или перестали говорить о немъ, или, подъ вліяніемъ печальныхъ обстоятельствъ времени, стали выдвигать мысль, что теперь не время думать о спеціально-жен-

---

[1]) *В. Сиповскій.* Положеніе у насъ вопроса о высшемъ женскомъ образованіи. (*Женское Образованіе.* 1876. № 6, Августъ).

[2]) *И. Соколовскій.* Наша женская литература. (Свѣточъ. 1860. Кн. XII).

скихъ интересахъ, ибо на очереди стоитъ одинъ, общій для всѣхъ, мужчинъ и женщинъ, вопросъ.

Это повліяло и на отношеніе къ вопросу нашихъ писательницъ. Число ихъ очень увеличилось съ 1860 года молодыми силами. Подъ вліяніемъ движенія по женскому вопросу начала шестидесятыхъ годовъ, не только эти писательницы, но и принадлежащія къ старому поколѣнію стали изображать въ своихъ повѣстяхъ и романахъ новыхъ героинь, къ которымъ, въ большинствѣ случаевъ, авторы относились сочувственно. Въ произведеніяхъ молодыхъ писательницъ часто слышался горячій протестъ противъ положенія женщинъ въ обществѣ и семьѣ; въ большинствѣ произведеній старыхъ, новыя героини изображались образованными, потому что онѣ читали и восхищались Жоржъ Зандомъ, или рисовались утрированные типы эмансипированныхъ женщинъ.

Первая между ними и наиболѣе искренняя, Хвощинская, откровенно высказала въ 1865 году свой взглядъ, который, можно думать, раздѣляли и другія писательницы одного съ нею поколѣнія. Вообще не сочувствуя въ первой половинѣ 60-хъ годовъ тогдашней молодежи, Хвощинская, въ письмѣ къ пріятельницѣ отъ 5-го іюня 1865 года, говорила: „Свобода женщины, по-моему, есть ея дѣльность, а начинается она съ умѣнья пришить заплатку и замѣсить квашню. Можешь больше — дѣлай больше, хоть пиши трактатъ, какъ жена Милля, только дѣлай, точно дѣлай, а не фразируй подъ папироску. О воспитаніи женщинъ у насъ наговорено много, а дѣла еще не сказано. Учить, безспорно, надо, но *какъ* учить и *кого* учить? *Какъ*?—я довольствовалась бы старою программою женскихъ курсовъ, только тщательно пройденныхъ и при лучшихъ преподавателяхъ... *Кого*?—разсмотрѣть каково общественное положеніе и средства дѣвочки, да къ тому ее и готовить. Въ Рязани есть князья, которые сами пашутъ, а на Волгѣ есть крестьяне съ сотнями тысячъ. Княжна-гимназистка, воротясь въ свою избу, только лишняя обуза, а въ мірѣ прибавится одною несчастною дѣвушкой больше... Изъ Дома Трудолюбія (въ Рязани) изгнаны „оленьи хвосты“ и „личинки съ клѣточками“, которыми чинили головы бѣдныхъ дѣвчонокъ“...

Но въ этомъ же письмѣ она высказывала мысль, что женщина „никогда не выбьется на прямую дорогу *одна*, сама собою; ей долженъ помочь въ этомъ весь общій строй жизни... Мученичество положенія женщинъ есть только слѣдствіе всего окружающаго“ [1]).

[1]) *В. Семевскій.* Надежда Дмитріевна Хвощинская. (Р. Мысль 1890 г., октябрь).

Впрочемъ, во всѣхъ женскихъ повѣстяхъ и романахъ этого времени, старыхъ и новыхъ, ясно высказывается отрицательное отношеніе къ институтскому или свѣтскому воспитанію женщинъ. Но такъ какъ за исключеніемъ одной писательницы, Марко Вовчка [1]) всѣ остальныя, кромѣ, разумѣется, Хвощинской, принадлежали къ талантамъ второстепеннымъ, то ихъ произведенія не могли имѣть вліянія на общественное мнѣніе.

Еще въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, когда всѣхъ занималъ вопросъ о лучшей организаціи труда, пришли къ убѣжденію, что лучшею формою представляется форма артелей, товариществъ, обществъ. Хотя всѣ эти разсужденія касались преимущественно мужскаго труда, но образовавшійся еще въ то время въ Петербургѣ кружокъ, состоявшій главнымъ образомъ изъ женщинъ, основалъ въ 1861 году благотворительное „Общество дешевыхъ квартиръ и другихъ пособій нуждающимся жителямъ С.-Петербурга“. Сталкиваясь съ массою бѣдныхъ людей и преимущественно женщинъ, искавшихъ труда, члены Общества все болѣе и болѣе убѣждались въ томъ, что это дѣло не легкое, и въ кружкѣ возникла мысль объ учрежденіи Общества женскаго труда на артельныхъ началахъ.

Душою всего, что́ предпринималось въ кружкѣ въ началѣ 60-хъ годовъ, были три женщины: Марья Васильевна Трубникова, Анна Павловна Философова и Надежда Васильевна Стасова. Всѣ три принадлежали къ свѣтскому обществу, получили домашнее образованіе и сами додумались до необходимости жить иначе, чѣмъ жило и живетъ большинство свѣтскихъ женщинъ.

М. В. Трубникова, дочь декабриста В. П. Ивашева, родилась въ Сибири и послѣ смерти отца была взята въ домъ своей тётки, княгини Ек. Петр. Хованской, гдѣ училась вмѣстѣ съ сыновьями княгини у выписаннаго изъ Гейдельберга „высокообразованнаго“, по свидѣтельству ея сестры, В. Черкесовой [2]) доктора Везенмейера. Она страстно полюбила чтеніе и могла удовлетворять этой страсти благодаря тому, что въ домѣ тётки была богатая библіотека лучшихъ оригинальныхъ и переводныхъ сочиненій того времени.

Въ 1855 году, двадцати лѣтъ отъ роду, Марья Васильевна вышла замужъ за К. В. Трубникова и пріѣхала въ Петербургъ, гдѣ продолжала свое образованіе чтеніемъ серьезныхъ книгъ. Тогда за-

[1]) Ея повѣсть *Институтка* была напечатана въ Отеч. Запискахъ 1860 г. январь.

[2]) *В. Черкесова.* Марья Васильевна Трубникова. (Женское Дѣло. Ежемѣсячный литературный журналъ, дек. 1899 г.).

границей много писали о положеніи и воспитаніи женщинъ, и эта литература, отвѣчавшая настроенію Марьи Васильевны, особенно интересовала ее. Молодая, умная, образованная, развитая, полная энтузіазма, къ тому же и богатая, она производила на всѣхъ встрѣчавшихся съ нею образованныхъ людей особенное, рѣдкое въ то время среди женщинъ, впечатлѣніе. Поэтому неудивительно, что съ самаго ея пріѣзда въ Петербургъ, особенно въ такое время, какое началось для русскаго общества съ воцареніемъ императора Александра II-го, вокругъ нея скоро образовался кружокъ молодыхъ людей новаго направленія, женщинъ и мужчинъ, воодушевленныхъ жаждою дѣятельности, стремившихся къ прогрессу во всѣхъ его формахъ и проникнутыхъ сознаніемъ необходимости улучшить положеніе женщинъ. Въ домѣ Марьи Васильевны сошлись и сблизились двѣ главныя ея сотрудницы: А. П. Философова и Н. В. Стасова.

Анна Павловна Философова, урожденная Дягилева, дочь богатаго помѣщика, служившаго въ Петербургѣ, также получила домашнее образованіе, но самое поверхностное, какое обыкновенно давалось въ 40-хъ годахъ свѣтскимъ дѣвушкамъ. Въ 1855 году, 18-ти лѣтъ, она вышла замужъ за генералъ-аудитора В. Д. Философова. Не подготовленная полученнымъ дома образованіемъ къ дальнѣйшему самообразованію, она, красивая, молодая, богатая, по всѣмъ этимъ даннымъ и по своему положенію въ обществѣ какъ будто предназначенная исключительно для того, чтобы блистать въ свѣтѣ, но надѣленная необыкновенною чуткостью и отзывчивостью ко всему хорошему и доброму, сейчасъ же примкнула къ кружку Трубниковой и горячо проникнулась его гуманными идеями. Здѣсь Анна Павловна, пользуясь своими обширными связями въ высшихъ бюрократическихъ сферахъ, сразу оказалась очень полезною, устраняя препятствія, черезъ которыя должно было проходить всякое доброе начинаніе, зарождавшееся въ кружкѣ. Для характеристики Анны Павловны Философовой можетъ служить то, что, думая, какъ она говорила въ одномъ изъ своихъ частныхъ писемъ, что на нее смотрѣли въ кружкѣ какъ на „глупенькую, добренькую „Полиньку Сакъ“ [1]), которая, благодаря своимъ связямъ, могла быть полезна ему, она къ этому прибавляла въ томъ же письмѣ... „Я вполнѣ это сознавала и всегда рада была положить свою душу за общее дѣло“. Но ея сходство съ Полинькой Сакъ ограничивалось

[1]) Героиня романа Дружинина. (См. *Лихачева.* Мат. для ист. ж. обр. въ Р. 1828—1856, стр. 233).

лишь внѣшними данными и сердечной добротою; если Анна Павловна и была Полинькою Саксъ, то за десять лѣтъ прошедшихъ съ появленія романа Дружинина, Полинька выросла умственно и нравственно и превратилась въ развитую, горячо преданную общественному дѣлу женщину, отдавшую себя всецѣло и навсегда служенію ему. М. В. Трубниковой принадлежала идея и инициатива всего, что̀ предпринималось въ кружкѣ, а Анна Павловна являлась силою, прокладывавшею пути для осуществленія этой идеи въ жизни.

Надежда Васильевна Стасова была гораздо старше Трубниковой и Философовой. Дочь придворнаго архитектора, человѣка „образованнаго, много читавшаго и еще болѣе—любознательнаго“ [1]) она росла подъ сильнымъ его вліяніемъ и можетъ быть этому надо приписать то, что, ведя веселую, свѣтскую жизнь, Надежда Васильевна, будучи еще молодою дѣвушкою, сознавала недостаточность полученнаго ею домашняго образованія и начала пополнять его чтеніемъ выдающихся европейскихъ писателей. Рано лишившись матери, она, вмѣстѣ съ своею сестрою, имѣла мужество отрѣшиться отъ нѣкоторыхъ, установленныхъ обществомъ и общепринятыхъ правилъ, которыми должны были руководствоваться молодыя дѣвушки: онѣ ходили однѣ по улицамъ и въ эрмитажъ, читали не только книги, но и газеты, не смущаясь тѣмъ, что за это на нихъ указывали пальцами и называли сипими чулками. Переживъ нѣсколько тяжелыхъ личныхъ и семейныхъ несчастій, Надежда Васильевна уѣхала съ больною сестрою за границу и похоронивъ ее тамъ, вернулась въ Петербургъ, разбитая и удрученная смертью любимой сестры, въ 1858 году, когда въ Россіи все заживало новою жизнью, новыми интересами, общественными, а не личными... „Я почувствовала—писала тогда Надежда Васильевна въ своемъ дневникѣ,—любовь ко всемірной семьѣ; это стало моимъ дѣломъ, я съ нимъ и умру“... И дѣйствительно, познакомившись въ самый годъ своего пріѣзда съ М. В. Трубниковою, она тѣсно сдружилась съ нею и стала дѣятельною, энергическою ея сотрудницею. Сначала въ Обществѣ дешевыхъ квартиръ, а потомъ во всѣхъ предпріятіяхъ кружка, Надежда Васильевна работала неутомимо, съ удивлявшею всѣхъ настойчивостью въ достиженіи намѣченной цѣли, не останавливаясь ни передъ какою работою, не жалѣя ни своихъ силъ, ни здоровья.

„Въ началѣ 60-хъ годовъ, — говоритъ Н. А. Бѣлозерская,

[1]) *В. Стасовъ.* Воспоминанія о моей сестрѣ.

одна изъ дѣятельныхъ членовъ кружка М. В. Трубниковой— серьезныя и развитыя женщины все болѣе и болѣе приходили къ убѣжденію, что безъ труда и заработка русская интеллигентная женщина останется все въ томъ же заколдованномъ кругу бездѣйствія и безпомощности“ [1])... Отдѣльныя женщины, притомъ находившіяся въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ, достигали цѣли и понемногу расширяли кругъ занятій доступныхъ женщинамъ. Извѣстная въ свое время писательница, графиня Сальясъ (Евгенія Туръ) издавала газету *Русская Рѣчь*; другая, Скавронская, исполняла обязанности редактора *Русскаго курьера* и *Современныхъ извѣстій* и, вообще, число работавшихъ въ газетахъ и журналахъ женщинъ, постепенно увеличивалось; но всякое выступленіе ихъ на новое поприще труда сопровождалось для нихъ большими непріятностями. Когда жена извѣстнаго впослѣдствіи профессора химіи, Энгельгардта, заняла мѣсто конторщицы въ книжномъ магазинѣ Черкесова [2]), то это показалось до того смѣлымъ, что нѣкоторые артиллерійскіе офицеры бригады, въ которой служилъ Энгельгардтъ, намѣревались просить его выйти въ отставку и только благодаря тому, что на его сторонѣ оказалось большинство офицеровъ, это рѣшеніе не осуществилось.

Первое, въ 1863 году, опредѣленіе женщины кассиромъ на московско-нижегородской желѣзной дорогѣ *Современникъ* назвалъ „великимъ дѣломъ въ нашей общественной жизни“ и похвалилъ директора дороги за то, что онъ не побоялся идти „вопреки общему предразсудку относительно женщинъ“ [3]); были сдѣланы также нѣкоторыя попытки организовать трудъ женщинъ составленіемъ женской переплетной артели.

Съ цѣлью доставленія женщинамъ заработка и проектировалось „Общество женскаго труда“; по составленному П. Л. Лавровымъ уставу, Общество должно было не только служить посредникомъ между ищущими труда женщинами и предлагающими его, но изыскивать новыя отрасли труда, ходатайствовать о допущеніи женщинъ къ такимъ родамъ дѣятельности, которыя до тѣхъ поръ были закрыты для нихъ, приглашать женщинъ къ устройству артелей и помогать имъ въ этомъ, доставлять имъ средства изучать тѣ предметы, которыми онѣ хотятъ заниматься и т. д. Этотъ уставъ показался женщинамъ кружка М. В. Труб-

---

[1]) *В. Стасовъ.* Воспоминанія.

[2]) Черкесовъ, по окончаніи курса въ лицеѣ, пріобрѣлъ вмѣстѣ съ нѣсколькими другими бывшими лицеистами, книжный магазинъ, въ которомъ они сами исполняли всѣ обязанности книгопродавцевъ.

[3]) *Современникъ*, 1863. Т. XCVI. Внутреннее обозрѣніе.

никовой неосуществимымъ и онѣ рѣшили составить Общество изъ однѣхъ женщинъ, поставивъ ему главною цѣлью доставить имъ возможность зарабатывать себѣ средства къ жизни. По мысли М. В. Трубниковой и А. Н. Энгельгардтъ, рѣшено было заняться изданіемъ переводныхъ и оригинальныхъ книгъ, учебныхъ и дѣтскихъ. Новое „Общество переводчицъ“ было задумано въ формѣ товарищества на паяхъ съ цѣлью составленія капитала для изданія книгъ.

На первыхъ же порахъ своей дѣятельности „Общество переводчицъ“ должно было еще разъ убѣдиться въ томъ, что лишь немногія изъ женщинъ подготовлены къ литературнымъ, даже только переводнымъ, занятіямъ. Это обнаружилось и тогда, когда при „Обществѣ дешевыхъ квартиръ“ была устроена школа, въ которой сначала учили сами члены его, а потомъ, когда потребовалось пригласить учительницу, то долго не могли пріискать сколько-нибудь подходящую. Сталкиваясь во всѣхъ своихъ разнообразныхъ начинаніяхъ съ массою искавшихъ занятій женщинъ, члены кружка Трубниковой увидѣли, что прежде всего надо улучшить женское образованіе, а безъ этого всѣ попытки пристраивать женщинъ къ разнымъ занятіямъ, въ особенности умственнымъ трудомъ, не приведутъ къ прочнымъ результатамъ.

Такое сознаніе было вообще распространено между женщинами, какъ тѣми, которыя на личномъ опытѣ убѣдились въ томъ, что безъ знаній невозможенъ никакой трудъ, обезпечивающій имъ средства къ существованію, такъ и тѣми, которыя искали знаній ради нихъ самихъ.

Хотя еще въ самомъ началѣ шестидесятыхъ годовъ нѣкоторыя лица пытались помочь женщинамъ устраивая въ частныхъ домахъ лекціи и бесѣды по разнымъ предметамъ, но все это было случайно и не приносило существенной пользы дѣлу.

Основанный въ концѣ 1866 года журналъ *Женскій Вѣстникъ* [1]) хотя и возвѣстилъ въ своей программѣ, что вопросъ о положеніи женщинъ такъ тѣсно связанъ со многими другими вопросами нашей частной и общественной жизни, что *Женскій Вѣстникъ* не можетъ быть спеціальнымъ женскимъ журналомъ, но помѣщалъ иногда разсказы самихъ женщинъ объ ихъ „мыканіи за работою“, условіяхъ ихъ труда, также статей по вопросу вообще. Суть всѣхъ такихъ статей сводилась къ тому, что при тѣхъ условіяхъ въ какія поставлены женщины, для нихъ выходъ одинъ—въ серьезномъ образованіи. „Можно глумиться надъ

[1]) Подъ редакціей Н. Мессароша. Издательница А. Мессарошъ.

посѣщеніемъ женщинъ университетовъ—писала г-жа В. Павловская,—надъ ихъ сѣтованіями о пустотѣ жизни, надъ ихъ жаждою дѣятельности", но имъ надо помочь подготовиться къ ней, ибо „безъ помощи, безъ совѣта и утѣшенія, ощупью и спотыкаясь на каждомъ шагу, вамъ (женщинамъ) придется добиваться того, что̀ такъ легко дается другому полу. Но вашей наградой будетъ—воспитать другое поколѣніе, которое не захлопнетъ двери университетовъ передъ женщиной, а братски подастъ ей руку и допуститъ быть истинной помощницей человѣка, а не тяжелой ношею или безполезной игрушкой" [1]).

Женскій Вѣстникъ велся небрежно, не имѣлъ успѣха и прекратился черезъ полтора года послѣ своего возникновенія, въ февралѣ 1868 года.

Въ одномъ изъ послѣднихъ его номеровъ было перепечатано изъ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* [2]) сообщеніе профессора Сѣченова о Н. П. Сусловой. „Было время — говорилъ онъ — когда общество наше и даже начальствующія лица медицинскаго міра интересовались вопросомъ: способна ли женщина быть медикомъ? Существовала, повидимому, даже попытка рѣшить этотъ вопросъ опытнымъ путемъ; но опытъ почему-то былъ на половинѣ прерванъ—вѣроятно изъ теоретическихъ предубѣжденій, что задача не по женскимъ силамъ. А между тѣмъ факты, говорящіе противное, все умножаются. Въ настоящее время въ цюрихскомъ университетѣ выдержала экзаменъ на степень доктора-медицины глубоко уважаемая всѣми, знающими ее, соотечественница наша Н. П. Суслова. Лѣтъ пять тому назадъ она выдержала во второй с.-петербургской гимназіи экзаменъ изъ полнаго гимназическаго курса и занималась затѣмъ, вплоть до запрещенія женщинамъ посѣщать лекціи, въ здѣшней медико-хирургической Академіи. Теперь, когда задача всей ея жизни наполовину кончена, дай Богъ, чтобы ей дана была возможность приложить свои знанія къ дѣлу въ отечествѣ. Грустно было бы думать въ самомъ дѣлѣ, что даже подобныя усилія, столь явно искреннія по отношенію къ цѣли, могутъ быть потрачены даромъ, а это возможно если они встрѣтятъ равнодушіе въ нашемъ обществѣ".

До пріѣзда въ Цюрихъ Сусловой, въ тамошнемъ университетѣ, съ самаго его основанія до 1864 года, были допущены къ слушанію лекцій только двѣ женщины; обѣ были вольнослу-

---

[1]) *Вѣра Павловская.* Высшее образованіе женщины. (Ж. Вѣстникъ, 1867, № 6).

[2]) № 226, 1867 г.

шательницами на философскомъ факультетѣ. Въ 1864 году пріѣхала русская молодая дѣвушка, К—ая. Правленіе университета разрѣшило ей слушать не только лекціи по естественно-историческимъ предметамъ, но и по анатоміи и микроскопіи. Это было сдѣлано съ согласія дирекціи народнаго просвѣщенія, но при условіи если профессора будутъ согласны на допущеніе К. къ своимъ лекціямъ.

По уставу цюрихскаго университета, вступительный экзаменъ былъ обязателенъ только для швейцарцевъ, а иностранцы допускались безъ всякой провѣрки ихъ знаній. К. была единственной женщиной въ университетѣ до осени 1865 года, когда пріѣхала Суслова, которая была принята также съ согласія профессоровъ анатоміи и физіологіи. Когда на медицинскомъ факультетѣ явились уже двѣ женщины, то университетское начальство поручило выбранной имъ комиссіи обсудить вопросы: можно ли вообще допускать женщинъ къ слушанію лекцій, а въ особенности, по медицинѣ, также слѣдуетъ ли, въ случаѣ утвердительнаго отвѣта на первый вопросъ, предоставлять имъ всѣ присвоенныя членамъ университетской корпораціи права? Вопросъ былъ обсужденъ со всѣхъ сторонъ, даже съ „эстетической“ и „этической“. Онъ вызвалъ оживленныя пренія, при чемъ голоса въ комиссіи раздѣлились поровну; поэтому комиссія высказалась за допущеніе женщинъ къ слушанію лекцій, не постановляя окончательнаго рѣшенія до указаній опыта.

По словамъ цюрихскаго профессора, сообщившаго эти свѣдѣнія въ газетѣ *Augsburger Allgemeine Zeitung* [1]), нѣкоторые изъ членовъ Совѣта думали что первая попытка женщинъ будетъ представлять собою исключеніе и избавитъ ихъ отъ рѣшенія вопроса въ принципѣ. Эта надежда казалась вѣроятной, ибо К—ая не была достаточно подготовлена къ слушанію лекцій. Уѣзжая изъ Россіи, она не имѣла опредѣленнаго намѣренія учиться самой, а хотѣла лично убѣдиться въ томъ, допускаются ли женщины въ университетъ и скоро послѣ пріѣзда туда Сусловой, уѣхала изъ Цюриха.

Въ цюрихскомъ университетѣ оставалась одна Суслова, которая пріѣхала уже съ основательной подготовкой, полученной ею въ нашей медицинской Академіи. Въ февралѣ 1866 года она подала въ университетъ прошеніе о допущеніи къ экзамену на доктора медицины. Для этого она должна была имма-

---

[1]) У насъ эти статьи проф. В. Бемерта переведены и изданы отдѣльной брошюрой подъ заглавіемъ: *Университетское образованіе женщины*. С.-Пет. 1873.

трикулироваться, а такъ какъ въ университетскомъ уставѣ такіе случаи не были предусмотрѣны, то ректоръ не рѣшался записать Суслову въ число студентовъ; но затѣмъ, по соглашенію съ директоромъ народнаго просвѣщенія въ Цюрихѣ, она была включена въ ихъ число и допущена къ экзамену на доктора медицины.

„Хотя—говоритъ В. Бёмертъ—члены медицинскаго факультета и не относились враждебно къ вопросу о высшемъ образованіи женщинъ, но всякій повѣритъ, что экзаменъ для докторантки не былъ облегченъ". Выдержавъ экзаменъ, по удостовѣренію цюрихскаго профессора—блистательно, Суслова представила медицинскому факультету диссертацію подъ заглавіемъ: *къ ученію о лимфатическихъ сердцахъ* и 2-го декабря 1867 г. защитила ее передъ многочисленной аудиторіей, состоявшей изъ профессоровъ, студентовъ всѣхъ факультетовъ и множества дамъ [1]).

Въ виду многочисленной публики, ожидавшейся на этомъ диспутѣ, онъ происходилъ, противъ обыкновенія, въ большой университетской залѣ. Послѣ прочтенія Сусловой рѣчи о значеніи лимфатическихъ сердецъ, начался диспутъ, который „не былъ одной лишь пустой формальностью съ зарапѣе заученными вопросами и отвѣтами, а затрогивались вопросы строго научные, бо́льшей частью изъ области физіологіи и хирургіи. Хотя по складу рѣчи диспутантки можно было замѣтить, что она неокончательно сладила съ трудностями нѣмецкаго языка, но ея отвѣты и возраженія обнаруживали въ ней основательныя знанія, самостоятельный образъ мыслей и были преимущественно основаны на собственныхъ наблюденіяхъ, такъ что оппоненты признали ее достойною искомой степени и высказали ей при этомъ свои благія пожеланія" [2]).

Въ заключеніе, ординарный профессоръ цюрихскаго университета Розе, обратился къ Сусловой съ рѣчью. „Если вы—сказалъ онъ—намѣрены добросовѣстно исполнять все выслушанное вами, то удостовѣрьте насъ въ томъ явственнымъ „да"! По полученіи отъ Сусловой утвердительнаго отвѣта, профессоръ Розе продолжалъ:

„И такъ я, Эдмундъ Розе, ординарный проф. хирургіи, отъ имени Цюрихскаго медицинскаго факультета облекаю васъ, Надежду Суслову, званіемъ

---

[1]) Московская медицинская газета, издаваемая Обществомъ русскихъ врачей. Москва. 1868. № 13.

[2]) Тамъ же.

доктора медицины, хирургіи и акушерства, и предоставляю вамъ права и привиллегіи, связанныя съ этимъ высокимъ академическимъ званіемъ, какъ существующія въ данное время, такъ и могущія быть дарованными въ будущемъ. Называя васъ въ первый разъ своимъ товарищемъ, не могу не выразить при этомъ всей моей радости, что вы достигли своей цѣли, всего моего уваженія къ вашей энергіи и всѣхъ моихъ надеждъ на будущее. Немногіе, подобно врачамъ, имѣютъ возможность изучать человѣческія немощи внѣ ихъ блестящей оболочки. Я не буду говорить здѣсь о людяхъ постоянно и шумно тѣснящихся на жизненномъ рынкѣ, но не могу не вспомнить о столькихъ достойныхъ женщинахъ, моихъ соотечественницахъ, которыя въ неизвѣстности и тишинѣ борются за собственное существованіе, за пропитаніе своихъ дѣтей; терпятъ и страдаютъ, покоряясь общественному приговору, исключающему женщинъ изъ всѣхъ прибыльныхъ занятій. Рабство въ настоящее время исчезло съ лица почти всего свѣта. Будемъ надѣяться, что скоро наступитъ конецъ и рабству женскаго пола, тяготѣющему преимущественно надъ образованными классами, а потому тяжело отзывающемуся на каждомъ изъ насъ.

„Скоро должно наступить время практической эмансипаціи женщинъ, т.-е. то время, когда въ каждой странѣ имъ будетъ предоставлено право на трудъ, вмѣстѣ съ необходимою при этомъ отвѣтственностью и равноправностью передъ закономъ. Но въ чемъ же заключается препятствіе? Есть ли это предубѣжденіе, или дѣйствительно существуютъ непреоборимыя преграды, несмотря на то, что къ достиженію этой цѣли стремятся одинаково и югъ и сѣверъ? Триста лѣтъ тому назадъ первымъ дѣломъ реформаторовъ было освободить женщину изъ ея умственныхъ оковъ, посредствомъ образованія въ женскихъ школахъ; также и теперь, Цюрихъ и Берлинъ стремятся по разнымъ путямъ къ достиженію одной и той же цѣли . . . . . .

. . . . . .

„До тѣхъ поръ, пока рѣчь шла о служительскихъ обязанностяхъ, какъ напр., о мытьѣ бѣлья, приготовленіи кушаній, все было прекрасно. Но какъ только заговорили о нѣсколько болѣе возвышенномъ трудѣ—тутъ прекрасный полъ встрѣтилъ самый грубый отпоръ. „Да вѣдь это физіологическій фактъ, подтверждаемый каждой статуей Венеры съ свойственной ей маленькой головкой!“ Такъ говорили равнодушные и сомнѣвающіеся люди, забывая, что самое ученое и научное общество изъ всей Германіи, т.-е. берлинская Академія, по собственному свободному выбору считаетъ женщину межлу своими немногими отсутствующими членами! Но при этихъ преніяхъ на сцену выступали также и горячіе противники: въ рабочемъ обществѣ поднялось много негодующихъ и громкихъ голосовъ противъ этой новой конкурренціи.

„Что же касается васъ, уважаемый товарищъ, то вамъ не придется бороться съ завистью изъ-за насущнаго хлѣба; вы имѣете слишкомъ образованныхъ конкуррентовъ, да къ тому же и хлѣбъ практическаго врача не больно-то завиденъ. Во всякомъ случаѣ вы будете въ состояніи выдержать конкурренцію. Женскія руки и женская заботливость при уходѣ за больными достаточно извѣстны. Отъ нихъ и до сихъ поръ большей частью зависитъ успѣхъ леченія. . . . . .

. . . . . .

„Вамъ хорошо извѣстно, милостивая государыня, операція двойного ручного поворота бранденбургской акушерки Зигмундъ; эта операція въ теченіе 200 лѣтъ спасаетъ жизнь столькимъ младенцамъ. Вы сами до сихъ поръ поль-

зуетесь знаменитымъ руководствомъ г-жи Лашапель, существующимъ уже 50 лѣтъ; слава объ ея кесарскихъ сѣченіяхъ существуетъ до сихъ поръ.

„Въ прошедшемъ—вы имѣете передъ глазами примѣры женщинъ безъ предварительнаго медицинскаго образованія, заслужившихъ одною практическою дѣятельностью на медицинскомъ поприщѣ всеобщее уваженіе въ теченіе вѣковъ. Но сколько же болѣе мы должны ожидать отъ женщинъ, которыя превозмогли всѣ трудности и препятствія съ цѣлью получить полное медицинское образованіе? Ровно 50 лѣтъ тому назадъ Шарлотта фонъ Зибольдъ выдержала экзаменъ на степень доктора въ Гиссенѣ. Послѣ многолѣтней практической дѣятельности она недавно умерла въ Дармштадтѣ. Если успѣху ея на этомъ поприщѣ содѣйствовала отчасти научная слава ея семейства, дававшаго въ теченіе четырехъ поколѣній и до сихъ поръ дающая первыхъ учителей въ германскихъ высшихъ школахъ, то насколько болѣе должны мы ждать отъ васъ, успѣхъ которой зиждется на одномъ призваніи и личномъ трудѣ.

„Ни одинъ человѣкъ, вкусившій разъ высшее человѣческое наслажденіе, т.-е. воспроизведеніе новой мысли, не можетъ уже отстать отъ умственнаго труда. Я убѣжденъ на этомъ основаніи, почтенный товарищъ, что вы не истратите всей своей энергіи на одномъ лишь практическомъ поприщѣ! я убѣжденъ, что вы останетесь мыслящимъ врачемъ и воспользуетесь при вашемъ знаніи тѣмъ матеріаломъ, который встрѣтится вамъ. Сколько между нами, мужчинами, встрѣчается врачей, которые по многимъ отраслямъ медицины не въ силахъ вывести итога изъ собственнаго опыта!“ [1]).

Въ концѣ 1867 года Суслова вернулась въ Россію. Начальство медицинской Академіи не допустило ее къ нормальному экзамену на доктора медицины, установленному для иностранныхъ врачей. Но предсѣдатель медицинскаго Совѣта, Пеликанъ, по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, примѣнилъ къ ней законъ, по которому тѣ заграничные ученые, знанія которыхъ не подлежатъ сомнѣнію, подвергаются, для полученія права практики въ Россіи, особому экзамену (colloquium) въ особо для того назначенной комиссіи изъ членовъ медицинскаго Совѣта.

Этотъ экзаменъ Суслова держала въ началѣ 1868 года и получила свидѣтельство на право врачебной практики въ Россіи. Затѣмъ она уѣхала опять за границу и занималась въ Вѣнѣ и Лондонѣ у извѣстныхъ профессоровъ.

Окончательно возвратясь въ Россію, она сразу пріобрѣла обширную практику.

---

[1]) Архивъ судебной медицины и общественной гигіены, издаваемый медиц. департаментомъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Кн. I, мартъ. С.-Пет. 1868.

XII.

Записка Е. И. Конради, обращенная къ съѣзду русскихъ естествоиспытателей.—Отказъ съѣзда исполнить просьбу женщинъ.—Возобновившееся въ ихъ средѣ движеніе въ пользу высшаго образованія.—Подача прошенія ректору петербургскаго университета объ устройствѣ лекцій для женщинъ.—Отвѣтъ назначенной университетскимъ Совѣтомъ комиссіи.—Заявленіе смоленскихъ дамъ.—Собраніе профессоровъ и учредительницъ петербургскихъ университетскихъ курсовъ.—Аудіенція уполномоченныхъ учредительницами у графа Толстого. — Его отвѣтъ имъ.—Положеніе дѣла высшаго женскаго образованія на западѣ.—Письмо Дж. Ст. Милля учредительницамъ петербургскихъ курсовъ. — Письмо г-жи Бутлеръ. — Повышеніе программъ нѣкоторыхъ частныхъ женскихъ училищъ.—Гимназія М. Стѣшневой.—Гимназія княгини А. Оболенской.—Аларчинскіе курсы въ Петербургѣ.—Отказъ московскихъ профессоровъ въ устройствѣ лекцій для женщинъ.—Лубянскіе курсы въ Москвѣ.—Заключеніе начальника 3-го отдѣленія Собственной Е. В. Канцеляріи о публичныхъ университетскихъ лекціяхъ.—Открытіе петербургскихъ публичныхъ курсовъ.—Ихъ денежныя средства.—Ихъ устройство.—Отношеніе къ нимъ профессоровъ. — Движеніе въ пользу высшаго женскаго образованія въ провинціи.—Подача прошенія графу Толстому харьковскими дамами.—Отвѣтъ министра.—Враждебное отношеніе общества къ слушательницамъ петербургскихъ курсовъ. — Записка оберъ-полицмейстера Трепова объ этихъ курсахъ. — Переходъ ихъ въ разныя помѣщенія. — Названіе ихъ владимірскими.—Неудовлетворительные результаты публичныхъ курсовъ. — М. Катковъ защитникъ высшаго женскаго образованія. — Курсы профессора В. Герье въ Москвѣ. — Кіевскіе курсы.

28-го декабря 1867 года въ Петербургѣ открылся первый съѣздъ русскихъ естествоиспытателей. Большая университетская зала была переполнена; присутствовало свыше 600 лицъ, въ числѣ которыхъ были и дамы, занявшія болѣе десяти рядовъ стульевъ [1]).

Во второмъ засѣданіи съѣзда, происходившемъ 2-го января 1868 года, секретарь комиссіи по его устройству, профессоръ А. Н. Бекетовъ, заявилъ, что въ прошломъ засѣданіи ему была подана записка, которую онъ и прочиталъ собранію.

---

[1]) Моск. медиц. газета 1868 г., № 1.

Въ ней, исходя изъ выраженной съѣздомъ мысли, что съѣздъ—дѣло общее всѣмъ, кому дорого распространеніе естествознанія въ Россіи, авторъ говорилъ, что это дѣло близко касается женщинъ и дорого имъ, какъ матерямъ и воспитательницамъ подростающихъ поколѣній. Поэтому онъ обращался къ съѣзду съ просьбой ходатайствовать передъ правительствомъ о „проведеніи въ жизнь той или другой мѣры, которую оно сочтетъ наилучшею для того, чтобы сдѣлать русскихъ матерей не номинальными, но дѣйствительными руководительницами первоначальнаго образованія ихъ дѣтей, насколько образованіе это соприкасается съ спеціальною отраслью знанія, составляющею цѣль самого съѣзда“ [1]).

---

[1]) Эта записка напечатана въ „Трудахъ перваго съѣзда р. естествоиспытателей въ Петербургѣ, происходившемъ съ 28-го декабря 1867 года по 4-е января 1868 г.“ С.-Петербургъ, 1868 г. Вотъ ея текстъ:

„Комитетъ съѣзда русскихъ естествоиспытателей, приглашая принять участіе въ предстоящихъ своихъ занятіяхъ разрозненныхъ дѣятелей науки, называетъ съѣздъ дѣломъ общимъ всѣмъ, кому дорого распространеніе естествознанія въ Россіи. Слова эти позволяютъ надѣяться, что почтенное собраніе не откажетъ принять къ свѣдѣнію голосъ изъ той среды русскаго общества, которая хотя до сихъ поръ и не имѣла возможности заявить себя активно на поприщѣ естествознанія, но тѣмъ не менѣе имѣетъ самыя уважительныя причины дорожить распространеніемъ этой важной отрасли образованія, какъ во имя собственнаго умственнаго преуспѣянія, такъ и во имя другихъ еще болѣе священныхъ интересовъ. Среда эта—русскія женщины, матери и воспитательницы подростающаго поколѣнія. Съѣзду, въ программу занятій котораго входитъ споспѣшествованіе не только ученой, но и учебной дѣятельности на поприщѣ естественныхъ наукъ, безъ сомнѣнія, извѣстно, какое значеніе имѣетъ естествознаніе въ дѣлѣ воспитанія. Тѣ изъ членовъ съѣзда, которые посвятили себя преимущественно педагогической дѣятельности, знаютъ, что вниманіе и пытливость ребенка сами собою направляются прежде всего на окружающіе его предметы, на внѣшнюю природу. Это вниманіе и эта пытливость проявляются задолго до поступленія въ школу, задолго даже до того времени, когда ребенку дадутъ въ руки первую книгу. Обязанность отвѣчать на безконечные вопросы ребенка и руководить этою любознательностью, которая составляетъ первый признакъ пробуждающагося сознанія, первый залогъ будущаго развитія, падаетъ естественнымъ образомъ на мать. Отъ той доли компетентности, которую она вноситъ въ исполненіе этой обязанности, въ большинствѣ случаевъ зависитъ весь успѣхъ послѣдующаго образованія; ея незнаніе отбиваетъ у ребенка охоту упражнять свои способности и порождаетъ ту умственную вялость, на которую впослѣдствіи такъ часто жалуются наставники; ея полузнаніе засоряетъ голову ребенка кучею невѣрныхъ, сбивчивыхъ понятій, отъ которыхъ впослѣдствіи добросовѣстному учителю приходится очищать эту несчастную голову, что усложняетъ задачу самою неблагодарною и малопроизводительною работой. Членамъ съѣзда, безъ сомнѣнія, не безъизвѣстно, что для толковой передачи самыхъ элементарныхъ научныхъ свѣдѣній необходимъ точно такой же, если не большій, запасъ строго систематическаго знанія, какъ и для преподаванія болѣе взрослой аудиторіи. Но какъ же подготовлены женщины къ великой обязанности, возлагаемой на нихъ самою природою и самымъ складомъ общественнаго быта? Едва ли нужно доказы-

По прочтеніи записки, профессоръ Бекетовъ сообщилъ собранію, что предсѣдатель и дѣлопроизводители комитета, „относясь съ полнымъ сочувствіемъ къ мыслямъ, выраженнымъ въ за-

---

вать, что громадное большинство женщинъ не только не обладаетъ систематическимъ, строго научнымъ запасомъ знанія, но даже чужды тѣхъ элементарныхъ свѣдѣній, безъ которыхъ всякое дальнѣйшее занятіе науками становится безотраднымъ блужданіемъ въ потемкахъ. Къ печальному сознанію своей безпомощности большая часть ихъ приходитъ тогда уже, когда расцвѣтающая въ глазахъ ихъ другая, молодая жизнь, со всею неумолимою повелительностью жизненной логики, предъявляетъ спросъ на весь тотъ запасъ стройно, органически сложившагося знанія, безъ котораго педагогъ, въ истинномъ значеніи слова, немыслимъ. Съ каждымъ новымъ шагомъ все болѣе чувствуютъ онѣ, чего имъ недостаетъ, все яснѣе сознаютъ, какъ мало одной доброй воли, однихъ общихъ, налету схваченныхъ понятій. Въ виду такой неотвратимой необходимости, выходъ одинъ: учиться на скорую руку, самоучкой, насколько хватитъ единичныхъ силъ и единичнаго пониманія. И точно, во многихъ отрасляхъ науки нельзя сказать, чтобы способъ этотъ не приносилъ извѣстную, относительную долю пользы; правда, дѣло не обходится безъ ошибокъ; много времени и силъ тратится даромъ, которыя, при хорошемъ руководствѣ, могли бы быть сбережены и съ большею пользою направлены на что-нибудь другое, но въ концѣ концовъ нельзя сказать, чтобы этотъ родъ самообразованія вовсе не давалъ хорошихъ результатовъ: многое можно узнать изъ книгъ, многое могутъ разъяснить случайные разговоры съ образованными людьми. Совсѣмъ иное дѣло естественныя науки. Тутъ безъ правильнаго руководства, безъ помощи живой изустной передачи, ничего нельзя сдѣлать. Тутъ необходимы физическіе кабинеты, зоологическіе музеи и т. п.; необходимы опыты и наглядное преподаваніе, безъ которыхъ лучшій научный учебникъ остается мертвою буквою. Чуть не каждый день появляются на иностранныхъ языкахъ и въ русскихъ переводахъ такъ называемыя популярныя руководства по различнымъ отраслямъ естествознанія; между этими руководствами много такихъ, которыя, при надлежащей предварительной подготовкѣ, могутъ принести несомнѣнную пользу. Но спросите любую женщину, принимавшуюся за чтеніе ихъ безъ такой подготовки: что она вынесла изъ этого чтенія? Оставаясь добросовѣстною, она должна будетъ отвѣтить: „ничего, кромѣ сознанія, что для пониманія и толковаго усвоенія наукъ, необходимо знакомство съ азами науки". Какъ же намъ ознакомиться съ этими азами? Гдѣ намъ учиться, чтобы быть въ состояніи воспитывать нашихъ дѣтей? Вопросъ этотъ возникаетъ самъ собою, и возникаетъ не въ однихъ провинціальныхъ захолустьяхъ, но и въ университетскихъ центрахъ, и въ столицахъ, гдѣ нѣтъ недостатка въ спеціальныхъ и общеобразовательныхъ учебныхъ заведеніяхъ, снабженныхъ всѣми необходимыми пособіями для изученія естественныхъ наукъ, гдѣ, по всѣмъ вѣроятіямъ, въ сословіи преподавателей нашлось бы достаточное количество людей, готовыхъ подѣлиться своими знаніями съ посторонней публикой, не принадлежащею къ корпораціи ихъ настоящихъ слушателей. Настоящее заявленіе не имѣетъ цѣлью предрѣшать во всѣхъ его частностяхъ поставленный имъ вопросъ. Въ средѣ самого съѣзда, безъ сомнѣнія, найдутся для этого болѣе компетентные судьи. Состоя подъ покровительствомъ г. министра народнаго просвѣщенія, съѣздъ имѣетъ и возможность ходатайствовать передъ правительствомъ о проведеніи въ жизнь той или другой мѣры, которую онъ сочтетъ наилучшею для того, чтобы сдѣлать русскихъ матерей не номинальными, но дѣйствительными руководительницами первоначальнаго образованія ихъ дѣтей, насколько

пискѣ, полагаютъ, что съѣздъ не имѣетъ возможности обсуждать это дѣло, по неимѣнію особаго педагогическаго отдѣла“ [1]).

Авторъ записки, Евгенія Ивановна Конради, получила хорошее, по тому времени, домашнее воспитаніе, т.-е. умѣла говорить на иностранныхъ языкахъ. Принужденная жить своимъ трудомъ, она сначала поступила классной дамой въ Петровскій московскій институтъ, потомъ была гувернанткой въ Ярославлѣ и въ 1860 году вышла замужъ за доктора Конради, съ которымъ пріѣхала въ Петербургъ. Здѣсь она стала заниматься литературнымъ трудомъ [2]), была одною изъ главныхъ сотрудницъ журнала „Женскій Вѣстникъ“, а съ 1866 года издавала, вмѣстѣ съ П. Гайдебуровымъ и Е. Рагозинымъ, еженедѣльную газету „Недѣля“.

Горячо проникнутая мыслью, что безъ основательнаго образованія женщинамъ невозможенъ выходъ изъ положенія, въ которомъ онѣ находились, Конради приняла дѣятельное участіе въ направленномъ къ этой цѣли движеніи и сошлась съ нѣкоторыми, уже дѣйствовавшими на томъ же поприщѣ, лицами.

Но о своемъ намѣреніи обратиться за помощью къ съѣзду естествоиспытателей она никому не сказала, сама составила записку и сама подала ее секретарю съѣзда.

Казалось бы, что отказъ съѣзда исполнить просьбу женщинъ долженъ былъ охладить ихъ надежды на скорое, по крайней мѣрѣ, достиженіе цѣли; но вышло обратное.

Присутствовавшія на съѣздѣ женщины, принадлежавшія къ наиболѣе интеллигентнымъ классамъ общества, тутъ же еще разъ убѣдились въ своей неподготовленности къ воспріятію научныхъ знаній, которыя обсуждались на съѣздѣ. Изложенныя въ запискѣ Конради мысли точно задѣли ихъ больное мѣсто, и онѣ вышли изъ университетскаго зала разочарованныя, но съ проснувшейся энергіею и твердымъ сознаніемъ необходимости такъ или иначе помочь себѣ. Съ тѣхъ поръ вопросы, гдѣ и какъ

образованіе это соприкасается съ спеціальною отраслью знанія, составляющею цѣль самого съѣзда. Всякая подобная мѣра будетъ встрѣчена съ сочувствіемъ и благодарностью со стороны тѣхъ, которымъ она поможетъ стать вровень съ лежащею на нихъ великою отвѣтственностью. Безчисленными своими благотворными послѣдствіями она дастъ русскимъ естествоиспытателямъ новую возможность исполнить прекрасное начертаніе программы, для исполненія которой они созваны, и поработать на пользу Россіи, на пользу ея подростающихъ поколѣній“.

[1]) Моск. медиц. газета, 1868 г., № 2.

— Труды перваго съѣзда естеств.

[2]) *Владиміръ Стасовъ.* П. В. Стасова. „Воспоминанія и очерки“. С.-Петерб., 1899 г.

учиться, что̀ читать, что̀ дѣлать? стали обсуждаться всюду: и во дворцѣ (у великой княгини Елены Павловны), и въ великосвѣтскихъ гостиныхъ, и въ крошечныхъ комнаткахъ деревянныхъ домиковъ на Петербургской и Выборгской сторонахъ.

Женщины вновь сплотились въ нѣсколько отдѣльныхъ кружковъ, куда принимались даже незнакомыя хозяйкѣ дома, гдѣ кружки собирались, лица, по рекомендаціи одного изъ членовъ кружка.

Въ кружкахъ устраивались въ складчину чтенія и лекціи, но уже правильныя, систематическія, по тѣмъ предметамъ, въ которыхъ женщины всего болѣе сознавали свою неподготовленность къ слушанію университетскихъ лекцій. И лекторами теперь были люди не случайные, а опытные руководители, проникнутые сознаніемъ важности дѣла въ интересахъ какъ самихъ женщинъ, такъ и просвѣщенія вообще. Въ числѣ такихъ руководителей были извѣстные наши педагоги А. Н. Страннолюбскій, А. Я. Гердъ и др. Кромѣ научныхъ знаній по своему предмету, они вдохновляли своихъ слушательницъ внося въ свои лекціи присущую имъ любовь къ истинѣ и высокое уваженіе къ наукѣ.

Нѣкоторыя женщины занимались въ частныхъ лабораторіяхъ также подъ руководствомъ опытныхъ спеціалистовъ: въ мужской гимназіи у преподавателя физики Краевича, въ химической лабораторіи Лѣсного института подъ руководствомъ профессора Энгельгардта, у профессора анатоміи Грубера въ медико-хирургической академіи. Такіе же кружки и частныя лекціи устраивались и въ Москвѣ.

Между тѣмъ, въ кружкѣ М. В. Трубниковой пришли къ рѣшенію поднять возбужденный Е. И. Конради вопросъ и остановились на мысли подать ректору петербургскаго университета, профессору Кесслеру, прошеніе о томъ, чтобы въ стѣнахъ университета, въ свободные отъ занятій студентовъ часы, или въ другомъ зданіи, гдѣ имѣются тѣ же учебныя пособія, профессора читали лекціи для женщинъ по предметамъ историко-филологическихъ и естественныхъ наукъ. Для того, чтобы, какъ говорилось въ прошеніи, профессора были увѣрены, что ихъ инициатива будетъ поддержана тѣми, въ интересахъ которыхъ они будутъ дѣйствовать, было рѣшено собрать подъ прошеніемъ какъ можно болѣе подписей женщинъ, раздѣляющихъ выраженныя въ немъ мысли.

Прошеніе было подано ректору 11-го мая 1868 года; подъ нимъ подписались 178 женщинъ; затѣмъ, 13-го и 31-го мая,

были представлены новыя заявленія, подписанныя еще 218 женщинами, въ дополненіе къ поданному 11-го мая прошенію.

Такимъ образомъ общее число подписей доходило до 400. Въ числѣ подписавшихся были женщины разныхъ общественныхъ положеній: жена и дочь военнаго министра Д. Милютина, графиня А. И. Толстая, графиня В. Ростовцева, Ю. Абаза.

Въ заявленіи отъ 13-го мая просительницы ставили себѣ цѣлью „поднять уровень женскаго образованія вообще и въ то же время дать возможность нѣкоторымъ способнымъ личностямъ достичь степени знанія, нужнаго для занятія мѣстъ преподавательницъ въ высшихъ классахъ женскихъ учебныхъ заведеній".

Для обсужденія прошенія женщинъ, Совѣтъ университета назначилъ коммиссію подъ предсѣдательствомъ профессора А. Н. Бекетова изъ профессоровъ: Сухомлинова, Бауэра и Фаминцына.

Комиссія признала, что „учрежденіе правильныхъ и отдѣльныхъ для женщинъ, такихъ курсовъ, которые бы отнюдь не приняли характера популярныхъ и публичныхъ лекцій, заслуживаетъ полнаго сочувствія со стороны университета, какъ дѣло въ высокой степени полезное". Она высказывала такое мнѣніе „тѣмъ съ бо̀льшею увѣренностью, что, какъ ей извѣстно, многіе члены университетскаго ученаго сословія выразили готовность участвовать въ предполагаемыхъ курсахъ, поставивъ лишь непремѣннымъ условіемъ полное отсутствіе популярности ихъ".

Но, по мнѣнію комиссіи, Совѣтъ университета не можетъ принять на себя заботъ о помѣщеніи курсовъ для женщинъ, такъ какъ это дѣло вовсе не согласуется съ родомъ его занятій. „Открытіе же университетскихъ аудиторій, лабораторій и физическихъ кабинетовъ практически неудобно для предполагаемой цѣли, такъ какъ именно въ лабораторіяхъ происходятъ занятія студентовъ въ продолженіе всего дня, а въ аудиторіяхъ не имѣется вечерняго освѣщенія".

Основываясь на этомъ мнѣніи комиссіи, Совѣтъ университета, въ засѣданіи 31-го мая, постановилъ объявить просительницамъ, что: 1) Совѣтъ университета выражаетъ полное свое сочувствіе стремленію организовать правильные, дѣльные, но отнюдь не популярные, курсы по предметамъ историко-филологическихъ и естественныхъ наукъ; 2) что открытіе университетскихъ аудиторій для предполагаемыхъ курсовъ Совѣтъ признаетъ неудобнымъ, и вообще предоставляетъ матеріальную часть организаціи самимъ просительницамъ, и 3) что по представленіи въ Совѣтъ подписавшимися полнаго плана матеріальной стороны орга-

низаціи курсовъ, Совѣтъ займется не только пересмотромъ этого плана, но и приметъ на себя съ удовольствіемъ устройство учебной части, такъ какъ многіе члены университетскаго ученаго сословія выразили уже свое согласіе участвовать въ предполагаемыхъ курсахъ [1]).

Объ этомъ постановленіи Совѣта ректоръ извѣстилъ М. В. Трубникову письмомъ отъ 5-го іюня [2]).

Тотчасъ по полученіи этого отвѣта, у М. В. Трубниковой собрались нѣкоторыя изъ подписавшихъ прошеніе 11-го мая дамъ и профессора: А. Н. Бекетовъ, А. С. Фаминцынъ и А. С. Усовъ. На этомъ собраніи было рѣшено: 1) подать осенью прошеніе министру народнаго просвѣщенія о разрѣшеніи открыть предположенные профессорами курсы; 2) просить у начальника военноучебныхъ заведеній, Исакова, позволенія устроить лекціи въ зданіи Павловскаго военнаго училища; въ случаѣ отказа, обратиться съ тою же просьбою къ директору 7-й мужской гимназіи, Эвальду, и, въ крайнемъ случаѣ, просить о томъ же начальника женскихъ гимназій, Осинина, о дозволеніи читать лекціи въ залѣ Василеостровской женской гимназіи; 3) избрать изъ числа 400 подписавшихся подъ прошеніемъ 11-го мая женщинъ комиссію, которой поручить организацію матеріальной стороны дѣла; 4) установить плату за слушаніе лекцій въ размѣрѣ пяти рублей за курсъ одного предмета, за предметы цѣлаго курса 30 рублей.

Составленіе прошенія графу Толстому поручено М. В. Трубниковой и профессору А. Н. Бекетову.

Въ этомъ же засѣданіи была выработана предполагаемая программа лекцій. По физико-математическому отдѣленію предполагалось читать: математику (геометрія, алгебра, тригонометрія), физіологію животныхъ, описательную анатомію человѣка и гистологію, сравнительную анатомію и зоологію, ботанику (морфологія, систематика и физіологія растеній), минералогію и геологію, физику, физическую географію, химію (органическая, неорганическая и аналитическая).

По историко-филологическому: русскую исторію, всеобщую исторію, сравнительное изученіе славянскихъ литературъ, исторію русской литературы, также всеобщей, политическую экономію и статистику, педагогику и дидактику [3]).

---

[1]) Ж. мин. нар. просв. 1868 г. Ч. 139.

[2]) Бумаги высшихъ женскихъ курсовъ.

[3]) Протоколъ перваго совѣщанія, бывшаго послѣ полученія отвѣта ректора с.-петербургскаго университета, 10-го іюня 1868 г. (Бумаги высшихъ курсовъ).

Для выбора членовъ комиссіи по организаціи курсовъ, была составлена письменная форма, разосланная всѣмъ, подписавшимъ прошеніе 11-го мая, женщинамъ.

Слухъ о предполагаемыхъ высшихъ для женщинъ курсовъ проникъ и въ провинцію. Смоленскія дамы прислали ректору петербургскаго университета письмо отъ 28-го іюня 1868 года, въ которомъ онѣ прямо говорили о женскомъ университетѣ. „Вполнѣ понимая всю недостаточность образованія, получаемаго женщинами въ существующихъ учебныхъ заведеніяхъ, для приготовленія ихъ какъ къ семейной, такъ и къ общественной дѣятельности, мы,—писали смоленскія дамы,—спѣшимъ присоединить и наше заявленіе къ тѣмъ, которыя уже поданы Вамъ, и выразить нашу живѣйшую признательность гг. профессорамъ за то, что они человѣчно отнеслись къ женскому вопросу. Мы радуемся не за себя, потому что немногія изъ насъ настолько подготовлены, чтобы слушать университетскій курсъ, но радуемся за наше молодое поколѣніе, за женскія гимназіи и другія учебныя заведенія, которымъ данъ будетъ жизненный толчокъ, вслѣдствіе чего постепенное улучшеніе воспитанія женщинъ совершится быстро и легко“.

Письмо это подписано 64 дамами, а въ концѣ его сказано, что подписей мало потому, что большинство жительницъ Смоленска уже разъѣхались по деревнямъ, но многія изъ нихъ присоединятся къ подписавшимъ письмо въ выраженіи сочувствія предполагаемому дѣлу [1]).

Осенью 1868 года, были собраны подписные листы съ именами выбранныхъ въ комиссію по организаціи матеріальной стороны дѣла лицъ. Большинство голосовъ получила А. П. Философова (76 голосовъ), за Е. П. Конради подано 50 голосовъ [2]).

Приступая къ дѣлу, у учредительницъ не было ни денегъ, ни помѣщенія. Относительно денежныхъ средствъ, всѣ ихъ надежды ограничивались долженствующею поступить съ будущихъ слушательницъ курсовъ платою, приблизительно до 6.000 рублей въ годъ, считая по 30 рублей съ 200 слушательницъ.

Въ октябрѣ 1868 года президентъ медицинской академіи П. А. Нарановичъ и ученый секретарь Рудневъ предложили учре-

[1]) Бумаги высшихъ ж. курсовъ.

[2]) Кромѣ нихъ избраны въ комиссію: А. Веберъ, О. Штоффъ, М. Ермолова, Е. Воронина, В. Лесевичъ, М. Трубникова (26-ю голосами), М. Марковичъ, Ткачева, П. Стасова (21-мъ голосомъ), В. Тарновская, П. Бѣлозерская, М. Менжинская.

дительницамъ помѣщеніе для курсовъ въ зданіи медицинской академіи; разрѣшеніе на это П. Нарановичъ предлагалъ самъ исходатайствовать у военнаго министра. Кромѣ того, онъ предлагалъ воспользоваться услугами профессоровъ академіи [1]). По его же совѣту учредительницы рѣшили пригласить на совѣщаніе главныхъ профессоровъ университета и тѣхъ профессоровъ академіи, лекціи которыхъ онѣ желали бы слушать. При этомъ Нарановичъ сказалъ, что и самъ пріѣдетъ на такое совѣщаніе.

Благодаря содѣйствію профессора А. Н. Бекетова, оно состоялось въ присутствіи 43 профессоровъ на квартирѣ у М. В. Трубниковой. Предсѣдателемъ собранія единогласно былъ выбранъ П. А. Нарановичъ, секретаремъ профессоръ Сѣченовъ. Въ числѣ присутствовавшихъ на собраніи женщинъ были жена и дочь военнаго министра Милютина.

Когда всѣ усѣлись по мѣстамъ,—разсказываетъ Н. В. Стасова,—профессора на одной сторонѣ стола, женщины на другой, предсѣдатель произнесъ маленькую рѣчь, пожелавъ дѣлу успѣха, въ которомъ, по его мнѣнію, нельзя сомнѣваться, „такъ какъ сегодняшнее собраніе профессоровъ, — сказалъ онъ, — служитъ вѣрнымъ доказательствомъ сочувствія и готовности служить нашему великому предпріятію со стороны всей ихъ корпораціи“.

Вести переговоры съ профессорами присутствовавшія женщины уполномочиля М. В. Трубникову, Е. И. Конради и Н. В. Стасову. Дѣло велось правильно: секретарь предложилъ учредительницамъ изложить суть ихъ желаній, послѣ чего профессоръ Д. И. Менделѣевъ поставилъ вопросъ сразу на практическую почву. Поблагодаривъ отъ себя и всѣхъ профессоровъ за оказанное имъ учредительницами довѣріе, онъ спросилъ: на какія деньги онѣ предполагаютъ учредить цѣлый женскій университетъ? Отвѣтъ учредительницъ, что у нихъ денегъ нѣтъ, а имѣется въ виду лишь плата съ слушательницъ, число которыхъ будетъ велико, судя по полученнымъ уже изъ разныхъ городовъ заявленіямъ, вызвалъ, понятно, улыбку профессоровъ, а Менделѣевъ прямо сказалъ: „какъ! вы затѣваете милліонное дѣло, а у васъ предвидится всего 6000 рублей въ годъ?“ Но другіе профессора возразили, что можно начать дѣло не сразу, а понемногу, и когда стали высчитывать расходы и былъ поставленъ вопросъ о суммѣ профессорскаго гонорара, то, по предложенію Сѣченова, было рѣшено отвѣтить на него закрытыми записками. Всѣ про-

[1]) Письмо Е. Конради къ М. Трубниковой (Бумаги высш. ж. курсовъ. 1868 г., октябрь).

фессора написали: *первый годъ даромъ*. Совсѣмъ сконфуженныя учредительницы запротестовали и, послѣ долгихъ споровъ, наконецъ согласились на томъ, что весь остатокъ отъ полученныхъ за слушаніе лекцій денегъ, послѣ устройства помѣщенія и необходимой ихъ обстановки, будетъ передаваться профессорамъ, которые сами распредѣлятъ его между собою [1]).

Вслѣдъ затѣмъ было составлено прошеніе къ министру народнаго просвѣщенія, графу Д. А. Толстому. Изложивъ весь ходъ дѣла, уполномоченныя учредительницами: А. П. Философова, Е. Н. Воронина и Н. В. Стасова просили разрѣшенія открыть курсы съ тою цѣлью, чтобы хорошо образованныя матери могли правильно выполнять лежащую на нихъ обязанность—воспитаніе своихъ дѣтей, а также дать возможность женщинамъ преподавать въ высшихъ классахъ женскихъ гимназій.

Въ концѣ прошенія выражалась надежда на сочувственное отношеніе графа къ дѣлу.

По испрошеніи аудіенціи у министра народнаго просвѣщенія, который назначилъ ее на 27 ноября 1868 года, это прошеніе было подано ему депутаціей, состоявшей изъ профессора А. Н. Бекетова и трехъ уполномоченныхъ дамъ. Къ прошенію была приложена объяснительная записка объ устройствѣ матеріальной стороны курсовъ. Въ ней указывался тотъ же единственный источникъ доходовъ, который имѣли въ виду учредительницы—6.000 рублей въ годъ отъ платы за слушаніе лекцій; къ этому просительницы прибавляли, что желаютъ открыть подписку въ газетахъ для сбора денегъ.

Опредѣлить продолжительность срока ученія на курсахъ учредительницы полагали возможнымъ по составленіи профессорами учебныхъ программъ. Въ объяснительной запискѣ говорилось лишь о порядкѣ храненія денежныхъ суммъ курсовъ; это возлагалось на довѣренныхъ лицъ, подписавшихъ прошеніе; эти же лица должны были вести сношенія съ профессорами, также съ оффиціальными лицами и мѣстами.

Подробности аудіенціи у графа Толстого разсказываетъ Н. В. Стасова въ своихъ запискахъ. „Въ пріемной у министра—говоритъ она—мы нашли А. Н. Бекетова и Е. Н. Воронину. Мы послали свои карточки, и минутъ черезъ десять вышелъ къ намъ министръ въ полной парадной формѣ—онъ ѣхалъ во дворецъ; онъ попросилъ насъ въ кабинетъ, пригласилъ сѣсть, и первыя его слова были: „наконецъ-то вы пріѣхали; я все слышу со

[1]) Изъ записокъ П. В. Стасовой (*В. Стасовъ*. Воспоминанія о моей сестрѣ).

всѣхъ сторонъ, что открывается женское заведеніе, даже государь меня спросилъ какъ-то: „у тебя открывается женскій университетъ?“ А я ничего не знаю. Что вамъ угодно?“

„Такъ какъ я была самая старшая, то онъ обратился съ вопросомъ ко мнѣ, да и между нами было рѣшено, и этого требовали всѣ на засѣданіи, что я представлю записку и я буду ее излагать. Ну, такъ и было.

„Разговоръ былъ довольно странный; первое что министръ отвѣтилъ на нашу просьбу, было: „а деньги? Вы затѣваете милліонное дѣло, а говорите, что денегъ нѣтъ, и хотите содержать университетъ только сборами со слушательницъ! Да вѣдь это немыслимо; вѣдь каждый профессоръ получаетъ 3 тысячи въ годъ, а по вашей программѣ, т.-е. какъ написано: словесное, историческое, юридическое, математическое и естественное отдѣленія—для всего этого надо самое малое 20 профессоровъ. Это составитъ 60 тысячъ. А все прочее? Но министерство субсидіи не можетъ дать... никакъ“. Тутъ А. Н. Бекетовъ заявилъ, что о профессорахъ нечего заботиться, что это будетъ улажено, но не сказалъ, что они будутъ читать *даромъ*, а только, что университетъ его уполномочилъ ходатайствовать о его, министра, разрѣшеніи и содѣйствіи нашей просьбѣ. Министръ, со своей стороны, говорилъ, что это затѣя нашего кружка, что этого совсѣмъ не надо для женщины, что она выйдетъ замужъ и всѣ науки въ сторону, и что этого только малое число желаетъ. Когда же мы указывали на массу подписей заявившихъ желаніе женщинъ, онъ отвѣтилъ: „да это все бараны! Вы запѣвалы, а имъ все равно, на что и куда идти—новость, вотъ и все“...—

„Въ концѣ концовъ графъ Толстой сказалъ: „я долженъ вамъ сказать, что навѣрное императоръ не разрѣшитъ университета. Все, что можно будетъ устроить, я думаю—это публичныя лекціи“. Это насъ опѣшило. Я стала къ нему приставать и прямо сказала: „мы всѣ хорошо знаемъ, что рѣшеніе этого вопроса всецѣло зависитъ отъ васъ: какъ вы доложите, какой колоритъ придадите, такъ и будетъ рѣшено“. А онъ на это: „видно, что дамы просятъ и не стѣсняются. Конечно, вы всѣ не сомнѣвастесь въ моемъ сочувствіи этому дѣлу; я буду хлопотать, но почти увѣренъ, что не дозволятъ. Можно только разсчитывать на публичныя лекціи. Я пришлю вамъ отвѣтъ, а васъ, Андрей Николаевичъ, попрошу пріѣхать ко мнѣ завтра, чтобы вмѣстѣ прочесть вашу записку“.

Три недѣли спустя (21 декабря) получился отвѣтъ графа

Толстого, изложенный въ письмѣ къ А. П. Философовой. Графъ писалъ:

По содержанію прошенія Вашего Превосходительства и г-жъ Воронпной и Стасовой, касательно устройства въ С.-Петербургѣ правильныхъ для женщинъ курсовъ по историко-филологическимъ и физико-математическимъ предметамъ и приложенной къ прошенію объяснительной записки объ устройствѣ матеріальной части предположеннаго дѣла, я нашелъ нужнымъ потребовать заключеніе попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа. Полученное нынѣ мнѣніе Попечителя заключаетсявъ слѣдующемъ: прошеніе упоминаетъ о запискѣ, поданной за подписью 400 женщинъ, въ правленіе С.-Петербургскаго Университета, въ которой высказана была просьба объ устройствѣ вышеупомянутыхъ курсовъ на основаніи слѣдующихъ соображеній: 1) воспитаніе и первопачальное образованіе дѣтей, составляющія важнѣйшую и естественную обязанность женщины, находятся въ прямой зависимости отъ образованія матерей, которымъ пока недостаетъ познаній для правильнаго выполненія этой обязанности, и 2) выставлено было на видъ желаніе многихъ женщинъ подготовить себя къ преподаванію въ высшихъ классахъ женскихъ учебныхъ заведеній.

Такое стремленіе встрѣтило, какъ сказано въ прошеніи, сочувствіе въ членахъ Совѣта университета, которые выразили готовность принять на себя устройство учебной части курсовъ, съ тѣмъ условіемъ, чтобы „эти курсы не имѣли характера популярнаго, а были бы цѣльными, правильными курсами".

Отвѣчая такимъ образомъ, члены университета, очевидно, имѣли въ виду только второе изъ приведенныхъ въ запискѣ соображеній, такъ какъ указываемая въ запискѣ важнѣйшая и естественная обязанность женщинъ—„воспитаніе и образованіе дѣтей" не нуждается собственно въ университетскихъ курсахъ. Не входя въ разсмотрѣніе, въ какой мѣрѣ полезно допустить женщинъ къ преподаванію въ высшихъ классахъ женскихъ учебныхъ заведеній, Совѣтъ университета изъявилъ согласіе устроить требуемые курсы съ условіемъ, чтобы „эти курсы не имѣли популярнаго характера". Но для того, чтобы слушать съ пользой университетскіе курсы, излагаемые научнымъ образомъ, нужно быть достаточно къ тому подготовленнымъ. Единственнымъ же ручательствомъ въ надлежащей подготовкѣ служитъ установленный для поступленія въ университетъ экзаменъ. А такъ какъ программы женскихъ учебныхъ заведеній не соотвѣтствуютъ сей цѣли, то въ настоящее время можетъ быть рѣчь объ устройствѣ для женщинъ не университетскихъ курсовъ, а такого учебнаго заведенія, по окончаніи курса въ которомъ воспитывающіяся могли бы быть достаточно приготовлены къ слушанію университетскихъ лекцій. Снисхожденіе для женщинъ въ этомъ отношеніи равносильно низведенію университетскихъ курсовъ до популярныхъ чтеній, что прямо противорѣчитъ заявленію Совѣта С.-Петербургскаго университета. Что касается до устройства матеріальной части предположенныхъ курсовъ, то предположенія въ семъ отношеніи едва ли достигнутъ цѣли. Источниками для покрытія всѣхъ расходовъ служатъ: сборъ за слушаніе лекцій, опредѣляемый въ 6.000 рублей и добровольныя пожертвованія. На такія неопредѣленныя средства нельзя рѣшиться открыть не только университетскіе, но даже и гимназическіе курсы. Въ прошеніи сказано, что 6.000 р. въ годъ достаточно для платы профессорамъ и для покрытія расходовъ на учебныя пособія. Опредѣляя вознагражденіе профессора за чтеніе лекцій въ продолженіе года въ половину противъ получаемаго имъ университетскаго жалованія, т.-е. въ 1.500 руб., оказывается, что изъ вышеприведенной суммы можно вознаградить

за чтеніе лекцій только по *двумъ* предметамъ каждаго факультета; на вознагражденіе же за чтеніе остальныхъ 9-ти предметовъ историко-филологическаго и 10-ти предметовъ физико-математическаго факультетовъ, а также на покрытіе расходовъ на наемъ помѣщенія, на отопленіе и освѣщеніе его, на прислугу, учебныя пособія и другіе необходимые расходы, не предвидится источника. Если подписавшія прошеніе, быть можетъ, полагали, что испрашиваемые ими курсы могутъ быть устроены въ зданіи университета, то подобное предположеніе не можетъ быть исполнено, такъ какъ въ университетскомъ зданіи не оказалось даже свободнаго помѣщенія для испытательнаго комитета на званіе домашнихъ учителей и учительницъ. Вообще, разсчитывать на матеріальное пособіе со стороны министерства народнаго просвѣщенія просительницы не могутъ, такъ какъ и тѣ немногія среднія учебныя заведенія для женщинъ, которыя состоятъ въ вѣдѣніи министерства, находятся въ крайне затруднительномъ и неудовлетворительномъ состояніи, единственно вслѣдствіе матеріальнаго ихъ необезпеченія. Посему, главною заботою въ настоящее время должно быть не открытіе для женщинъ университетскихъ курсовъ, а устройство и поддержаніе такихъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ бы онѣ могли получить образованіе, преимущественно для женщины необходимое, желаетъ ли она быть истинною матерью, или только полезнымъ членомъ своего или чужого семейства". Въ заключеніе своего мнѣнія, попечитель высказалъ, что „осуществленія въ извѣстной степени своего желанія петербургскія женщины могутъ ожидать съ большимъ вѣроятіемъ отъ того вѣдомства, въ которомъ главнѣйшимъ образомъ сосредоточено женское образованіе и гдѣ имѣются для сего матеріальныя средства. Присоединить къ одному изъ учебныхъ заведеній упомянутаго вѣдомства высшіе курсы наукъ тѣмъ удобнѣе, что для сего, вѣроятно, нашлось бы готовое помѣщеніе, необходимый за воспитанницами этихъ курсовъ надзоръ изъ извѣстныхъ своею опытностью лицъ, и потребовались бы не столь значительные расходы на прочія потребности".

Къ этому отзыву попечителя министръ народнаго просвѣщенія присовокупилъ, что „сочувствуя стремленію женщинъ получить высшее образованіе, онъ полагалъ бы въ настоящее время наиболѣе удобнымъ устроить для сего общія публичныя лекціи, т.-е. совокупно для мужчинъ и женщинъ, на основаніи существующихъ нынѣ о публичныхъ лекціяхъ постановленій, буде г.г. профессора университета изъявятъ на это согласіе.

Такой оборотъ дѣла огорчилъ учредительницъ; но сообщая ректору университета отвѣтъ министра, онѣ писали, что „хотя такое рѣшеніе вопроса не вполнѣ соотвѣтствуетъ желаніямъ, заявленнымъ русскими женщинами печатно", но въ виду невозможности иного устройства онѣ, тѣмъ не менѣе, имѣютъ основаніе думать, что „большинство женщинъ сочувственно отнесется къ устройству систематическихъ, строго научныхъ публичныхъ лекцій". Поэтому просили ректора внести предложеніе министра въ Совѣтъ университета и увѣдомить ихъ: согласны ли будутъ профессора на устройство публичныхъ лекцій, кто изъ профессоровъ будетъ читать и когда можно надѣяться на представле-

ніе къ утвержденію министра учебныхъ программъ будущихъ лекцій. Письмо кончалось увѣреніемъ, что благопріятный отвѣтъ ректора будетъ принятъ большинствомъ женщинъ съ живѣйшей благодарностью [1]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ было рѣшено собрать подписавшихся подъ прошеніемъ лицъ для сообщенія имъ отвѣта графа Толстого; но предварительно лично переговорить съ ректоромъ и П. А. Нарановичемъ. Это взяли на себя М. В. Трубникова и Н. В. Стасова. И ректоръ (профессоръ Кесслеръ) и П. А. Нарановичъ одобрили рѣшеніе принять предложеніе министра „въ надеждѣ, что со временемъ можно будетъ добиться желаемаго", и согласились пріѣхать въ собраніе учредительницъ, на которомъ дѣло должно было окончательно рѣшиться. Относительно помѣщенія, П. А. Нарановичъ повторилъ свое обѣщаніе переговорить съ военнымъ министромъ объ устройствѣ лекцій въ зданіи медицинской Академіи, но совѣтовалъ и учредительницамъ поговорить о томъ съ женою и дочерью Д. Милютина.

М. В. Трубникова и Н. В. Стасова сейчасъ же поѣхали къ Милютинымъ, разсказали имъ дѣло и просили помочь ему. Черезъ два дня Милютины лично привезли обѣимъ уполномоченнымъ дамамъ отвѣтъ, что военный министръ согласенъ.

Собраніе профессоровъ и учредительницъ состоялось у М. В. Трубниковой. Оно было шумное. Большинство присутствовавшихъ въ очень большомъ числѣ дамъ высказалось противъ принятія предложенія графа Толстого. Профессоръ Д. Менделѣевъ съ трудомъ настоялъ, чтобы были выслушаны доводы Н. В. Стасовой, убѣдивъ тѣмъ, что „отказаться всегда можно и будетъ на это время, а второго разрѣшенія не скоро добьетесь!" Въ концѣ концовъ предложеніе было принято и собраніе поручило Трубниковой и Стасовой позаботиться объ устройствѣ лекцій и о пріисканіи помѣщенія.

Во всемъ дѣлѣ учрежденія высшихъ курсовъ принималъ дѣятельное участіе и принесъ ему огромную услугу профессоръ А. Н. Бекетовъ.

Но явилось новое затрудненіе: профессора университета не могли читать лекціи въ принадлежащемъ другому вѣдомству зданіи безъ разрѣшенія министра народнаго просвѣщенія. Благодаря А. Н. Бекетову, который взялъ на себя переговорить объ этомъ съ графомъ Толстымъ, дѣло уладилось: графъ не только разрѣшилъ профессорамъ университета читать въ медицинской

---

[1]) Бумаги высш. ж. курсовъ.

Академіи, но даже предложилъ помѣщеніе для лекцій въ зданіи министерства внутреннихъ дѣлъ, въ собственной, графа Толстого квартирѣ, въ нижнемъ этажѣ. Кромѣ того, графъ разрѣшилъ профессорамъ пользоваться, если понадобится, всѣми кабинетамя университета.

Въ этихъ хлопотахъ прошелъ весь 1869 годъ. Въ началѣ его М. В. Трубникова заболѣла и уѣхала за границу; собранія продолжались у Н. В. Стасовой; у ней же, также и въ другихъ частныхъ домахъ продолжались лекціи по разнымъ предметамъ: у Н. В. Стасовой два раза въ недѣлю А. Н. Страннолюбскій преподавалъ геометрію и алгебру; собирались до 50-ти слушательницъ; у ней же на квартирѣ бывали три раза въ недѣлю практическія занятія по ботаникѣ подъ руководствомъ консерватора университета Крутицкаго; зоологію, ботанику и минералогію преподавали А. Я. Гердъ (въ квартирѣ О. Бутаковой); молодые доценты Ковалевскій и Мечниковъ, профессоръ физики А. С. Усовъ читали лекціи также въ частныхъ домахъ.

Лекціи и практическія занятія по химіи происходили въ лабораторіи артиллерійской Академіи; ихъ читалъ профессоръ полковникъ Н. П. Федоровъ; занимались также въ частныхъ лабораторіяхъ: князя Кобучея и И. Зернова. П. Г. Рѣдкинъ указывалъ желающимъ учиться женщинамъ, что онѣ должны читать. Вообще, можно сказать, что помогать женщинамъ пробиться къ свѣту были готовы всѣ лучшіе и просвѣщенные люди, старые и молодые.

Въ это время (конецъ шестидесятыхъ годовъ) изъ всѣхъ европейскихъ государствъ только въ Англіи женщины, добиваясь права быть допущенными къ экзамену въ университетѣ, устроили сначала частныя подготовительныя лекціи, а въ 1869 году миссъ Дэвисъ успѣвъ заинтересовать въ дѣлѣ нѣкоторыхъ ученыхъ и богатыхъ людей, открыла женскій колледжъ, совершенно, во всѣхъ отношеніяхъ тожественный съ кэмбриджскимъ и съ тѣми же преподавателями [1]).

Въ 1868 году Джонъ Стюартъ Милль прислалъ учредительницамъ высшихъ курсовъ въ С.-Петербургѣ письмо слѣдующаго содержанія:

Mesdames!

J'ai appris avec un plaisir mêlé d'admiration qu'il s'est trouvé en Russie des femmes éclairées et courageuses pour demander

[1]) Въ 1873 году ученицы этого колледжа были допущены, на равныхъ съ учениками кэмбриджскаго колледжа условіяхъ, къ тѣмъ же испытаніямъ въ кэмбриджскомъ университетѣ.

en faveur de leur sexe une participation dans les diverses branches du haut enseignement historique, phylologique et scientifique y compris l'art pratique de la médecine et pour gagner à cette cause des appuis importants dans le monde scientifique. C'est ce que demandent avec une instance toujours croissante mais sans l'avoir encore atteint les gens les plus éclairés dans les autres pays de l'Europe. Grâce à Vous, Mesdames, la Russie va peut-être les gagner de vitesse. Ce serait une preuve que les civilisations relativemet récentes acceueillent quelquefois avant les anciennes les grandes idées d'amélioration.

L'égale accès des deux sexes à la culture intellectuelle importe non seulement aux femmes—ce qui est assurément une recomandation—mais encore plus à la civilisation universelle. Je suis profondément convaincu, que le progrès moral et intellectuel du sexe masculin risque beaucoup de s'arrêter, sinon de reculer tant que celui des femmes reste beaucoup en arrière; et cela non seulement parce que rien ne peut remplacer les mères pour l'éducation de leurs enfants, mais aussi parceque l'influence sur l'homme lui même du caractère et des idées de la compagne de sa vie ne peut pas être insignifiante; il faut que la femme le pousse en avant ou le retienne en arrière. J'applaudis donc de tout mon coeur à vos efforts et à ceux des hommes éclairés qui les appuient et je compte sur la persévérance dont vous avez déjà fait preuve comme garantie que vous ne vous découragerez pas et que vous ferez valoir par tous les moyens la justice de votre cause, qui dans un siècle de lumières doit vous donner sous peu de temps un succès assuré.

Veuillez agréer, Mesdames, l'expression sincère de ma haute estime et de ma vive sympathie [1]). Avignon, le 18 Décembre 1868. J. Stuart Mill.

---

[1]) „Съ чувствомъ удовольствія, смѣшаннаго съ восхищеніемъ, узналъ я, что въ Россіи нашлись просвѣщенныя и мужественныя женщины, возбудившія вопросъ объ участіи своего пола въ разнообразныхъ отрасляхъ высшаго образованія, историческаго, филологическаго и научнаго, считая въ томъ числѣ и занятіе практическою медициною, для того, чтобы расположить въ пользу высшаго женскаго образованія выдающіяся силы ученаго міра. Это то, чего съ постоянно возрастающей настойчивостью безуспѣшно требовали для себя образованнѣйшія націи другихъ странъ Европы. Благодаря вамъ, милостивыя государыни, Россія можетъ получить это раньше другихъ. Это еще разъ докажетъ, что націи сравнительно поздней цивилизаціи воспринимаютъ иногда великія идеи прогресса прежде націй ранней цивилизаціи. Равноправность обоихъ половъ въ отношеніи умственнаго развитія важна не только для женщинъ въ частности,—хотя, конечно, и это представляется достаточнымъ основаніемъ,—но и еще болѣе для всемірной цивилизаціи. Я глубоко убѣжденъ, что нравственный и

Въ началѣ 1869 года М. В. Трубникова получила письмо отъ „президента сѣверо-англійскаго общества женскаго образованія“, миссисъ Бутлеръ, которая писала:

„Въ послѣдніе два года женскому воспитанію былъ данъ въ Англіи значительный толчокъ; точно такъ же и въ другихъ странахъ вопросъ этотъ пришелъ въ большее или меньшее движеніе. Я состояла въ перепискѣ съ наслѣдною принцессой прусской, урожденной принцессой англійской, насчетъ возможности основать международную ассоціацію, имѣющую цѣлью подвинуть впередъ женское образованіе. Ея Королевское Высочество передала это предположеніе на обсужденіе нѣкоторыхъ изъ числа высокомыслящихъ людей въ Пруссіи. Г. Джонъ Стюартъ Миль и другіе англійскіе ученые также заявили свое сочувствіе этому дѣлу. Мы всѣ согласились въ томъ, что, пока, будетъ лучше не останавливаться ни на какомъ опредѣленномъ планѣ, который въ настоящую минуту и трудно было бы выполнить; мы, пока, ограничимся тѣмъ, что будемъ сноситься письменно съ людьми, интересующимися образованіемъ, въ Германіи, Голландіи, Швейцаріи, Италіи, Россіи и Франціи и постараемся узнать какъ можно болѣе о настоящемъ положеніи женскаго образованія въ различныхъ государствахъ, также собрать мнѣнія мыслящихъ людей о лучшихъ средствахъ къ усовершенствованію его.

„Въ то же время мы будемъ очень рады всякому указанію, откуда бы оно ни исходило, насчетъ какой бы то ни было практической основы дѣйствій. Наша цѣль—установить взаимную помощь и вызвать сочувствіе, направленныя къ общей выгодѣ, которая можетъ получиться путемъ сравненія между собою различныхъ плановъ, касающихся улучшенія женскаго образованія, также и положенія женщинъ.

„Ея Королевское Высочество наслѣдная принцесса прусская одобряетъ мысль основать небольшой международный журналъ по вопросу о женскомъ образованіи. Это будетъ ежемѣсячное обозрѣніе, издаваемое, вѣроятно, въ Лондонѣ. Оно должно будетъ заключать свѣдѣнія о женскихъ потребностяхъ и трудѣ въ различныхъ странахъ, будетъ печатать приглашенія къ помощи, спрашивать совѣта, печатать отвѣты на нихъ.

„Вотъ почему я обращаюсь къ вамъ, милостивая государыня, съ просьбою сообщить мнѣ то, что вамъ извѣстно изъ собственныхъ вашихъ наблюденій. Въ особенности я желала бы узнать: въ какомъ положеніи находятся трудящіеся классы женщинъ въ Россіи. Такъ ли, какъ въ Англіи, многія изъ нихъ должны сами себя содержать, и, не имѣя нужнаго на то образованія, совершенно справедливо стремятся къ пріобрѣтенію техническихъ знаній и настоя-

---

интеллектуальный прогрессъ мужчинъ рискуетъ остановиться, или даже пойти назадъ, если умственное и моральное развитіе женщинъ будетъ сильно отставать. И это не потому лишь, что въ воспитаніи дѣтей ничто не въ состояніи замѣнить имъ мать, но также и потому, что на мужчину не можетъ не имѣть вліянія характеръ и идеи подруги его жизни. Женщина должна или побуждать мужчину къ поступательному движенію, или тянуть его назадъ. Итакъ, отъ всего сердца сочувствую усиліямъ вашимъ и помогающихъ вамъ просвѣщенныхъ мужчинъ, и считаю доказанную уже вами настойчивость залогомъ того, что вы не потеряете мужества и употребите всѣ средства, чтобы добиться признанія законности вашего дѣла, успѣхъ котораго въ нашу просвѣщенную эпоху можетъ быть обезпеченъ за вами въ непродолжительномъ времени.

вають на немъ; или же, напротивъ, число женщинъ, принужденныхъ жить собственнымъ трудомъ, такъ незначительно, что выборъ какого-либо ремесла или профессіи есть дѣло, предоставленное на произволъ желающихъ. Въ такомъ случаѣ, если женщины, ищущія образованія, пользуются обезпеченнымъ матеріальнымъ положеніемъ, то общее образованіе, казалось бы, должно быть первою и главною ихъ цѣлью.

„Я надѣюсь, что вы дадите мнѣ объясненія на счетъ этого предмета, а я, съ своей стороны, буду очень рада отвѣчать вамъ на всѣ ваши вопросы".

Но всего важнѣе для дѣла было то, что по мѣрѣ распространенія слуховъ о будущихъ лекціяхъ, число дѣятельно сочувствовавшихъ ему женщинъ быстро увеличивалось. Однѣ пропагандировали его въ печати [1]), другія составляли кружки съ цѣлью облегчить женщинамъ поступленіе на курсы. Въ такихъ кружкахъ участвовали преимущественно обезпеченныя женщины, помогавшія дѣлу единственно изъ сочувствія къ нему. Пока однѣ хлопотали объ устройствѣ университетскихъ лекцій, другія думали объ учрежденіи среднеучебныхъ заведеній съ программою мужскихъ гимназій.

Еще съ 1856 года, какъ только началось движеніе въ пользу улучшенія женскаго образованія, нѣкоторыя содержательницы частныхъ женскихъ пансіоновъ повысили свою программу; въ вновь открытомъ тогда пансіонѣ г-жи Касторской, въ программу было включено преподаваніе даже нѣкоторыхъ практическихъ сторонъ государственнаго и гражданскаго отечественнаго законовѣдѣнія [2]).

Совершенно новые, непримѣнявшіеся до тѣхъ поръ въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ, принципы были положены въ основу открытаго въ 1858 году въ Петербургѣ пансіона, существующаго и понынѣ, но уже въ видѣ первоклассной женской гимназіи, Э. Шаффе [3]).

Въ Москвѣ было частное женское училище, состоявшее сначала въ вѣдѣніи московскаго дамскаго попечительства о бѣдныхъ, переданное потомъ въ вѣдомство учрежденій Императрицы Маріи и переименованное изъ существовавшаго подъ именемъ основателя, Ермолаевскаго, въ Маріинское. Въ немъ воспитанницы приготовлялись къ занятію мѣстъ гувернантокъ и домашнихъ учительницъ. Съ 1857 года, когда инспекторомъ классовъ былъ

---

[1]) Съ 1869 года въ лучшемъ тогдашнемъ журналѣ *Отечественныя Записки* велась правильная ежемѣсячная хроника подъ заглавіемъ *Новости по женскому дѣлу*.

[2]) Р. Педагог. Вѣстникъ. 1857 г. Т. I.

[3]) Отчетъ о двадцатипятилѣтнемъ существованіи и дѣятельности учебнаго заведенія Э. И. Шаффе. С.-Пет. 1883 г.

назначенъ Ѳ. И. Буслаевъ, пригласившій лучшихъ московскихъ преподавателей, программа училища, постепенно расширяясь, къ концу шестидесятыхъ годовъ была значительно выше не только институтской, но даже гимназической (женской).

Въ 1868 году въ Петербургѣ открылось небывалое еще до тѣхъ поръ у насъ частное „общеобразовательное женское училище“ г-жи Спѣшневой (урожденной Черепановой), съ превышавшею даже мужскія гимназіи программою.

Это училище, сразу названное въ публикѣ гимназіею, учреждалось не съ коммерческою цѣлью, а общеполезною: дать русскимъ дѣвушкамъ основательное образованіе и возможно полное нравственное развитіе, которыя не только приготовляли бы ихъ къ самостоятельному труду въ будущемъ, но развили бы въ нихъ съ дѣтства желаніе быть полезными въ семьѣ, пріучивъ ихъ дѣлать, по возможности, все для себя необходимое [1]).

Въ 7-ми общихъ классахъ, въ объемѣ гимназическаго курса, должны были преподаваться: законъ Божій, языки русскій, французскій, нѣмецкій, англійскій и литература ихъ (обязательными для всѣхъ ученицъ были языки русскій и одинъ изъ иностранныхъ), ариѳметика, алгебра, геометрія, тригонометрія, физика, естествознаніе, географія русская и всеобщая, тоже исторія, законовѣдѣніе, чистописаніе, черченіе, рисованіе, пѣніе хоровое и теорія музыки, гимнастика. Необязательными предметами: латинскій языкъ (съ 4-го класса), химія (съ 6-го класса), рукодѣліе. Педагогика совсѣмъ не преподавалась.

Уроки, какъ и все устройство училища, были согласованы съ требованіями гигіены; занятія начинались позже, чѣмъ въ казенныхъ заведеніяхъ, и оканчивалось раньше; въ младшихъ классахъ они начинались въ 10 часовъ утра, число ихъ увеличивалось постепенно съ переходомъ ученицъ въ старшіе классы.

Плата съ приходящихъ ученицъ была опредѣлена въ 150 и 200 (въ старшихъ классахъ) рублей въ годъ; полупансіонерки платили 300 и 350 рублей въ годъ, полныя пансіонерки 500 р.

Кончившимъ общій курсъ ученицамъ могли выдаваться свидѣтельства объ окончаніи гимназическаго курса, „дающія право на поступленіе на медицинскіе и высшіе женскіе курсы“.

Для преподаванія въ училищѣ были приглашены лучшіе наши учителя. Главное руководство по всѣмъ частямъ училища оставила за собою Спѣшнева, о которой инспекторъ педагоги-

---

[1]) Программа и правила для поступленія въ первую общеобразовательную частную женскую гимназію. С.-Петерб. 1879 г.

ческихъ курсовъ, Рашевскій, приглашенный управлявшимъ петербургскимъ учебнымъ округомъ доставить ему свѣдѣнія о заведеніи, отозвался какъ о женщинѣ „умной, умѣющей расположить къ себѣ дѣтей“ [1]).

Училище г-жи Спѣшневой было открыто въ составѣ двухъ классовъ съ приготовительнымъ отдѣленіемъ при 62 ученицахъ.

Нѣсколько позже, въ 1869 году, княгиня Александра Алексѣевна Оболенская также задумала открыть женское учебное заведеніе перваго разряда съ курсомъ, приближавшимся къ мужскимъ реальнымъ гимназіямъ, руководствуясь при этомъ, какъ и Спѣшнева, общеполезною, а не коммерческою цѣлью.

Въ то же время, такая же мысль возникла, совершенно независимо отъ княгини, въ кружкѣ женщинъ, большинство которыхъ не принимало до тѣхъ поръ дѣятельнаго участія въ движеніи по устройству университетскихъ лекцій. Женщины этого кружка, къ которому присоединилась и Е. Пв. Конради, хотѣли устроить и вести гимназію общественными силами и на общественныя средства. Онѣ уже собрали маленькій капиталъ и заручились извѣстной суммою обѣщанныхъ имъ ежегодныхъ пожертвованій. Узнавъ о существованіи такого кружка, преслѣдовавшаго одинаковую съ нею цѣль, княгиня Оболенская сблизилась съ нимъ, и было рѣшено устроить гимназію общими силами. Для составленія программы были приглашены такія компетентныя въ дѣлѣ лица, какъ А. Я. Гердъ и А. Н. Странполюбскій.

Бюджетъ гимназіи былъ разсчитанъ на первый годъ въ суммѣ 8.000 рублей, изъ которыхъ половину давала княгиня Оболенская, а половину — кружокъ. Для усиленія средствъ гимназіи прибѣгнули къ входившему тогда въ обыкновеніе способу — устроили въ с.-петербугскомъ собраніи художниковъ литературный вечеръ, въ которомъ приняли участіе: М. Е. Салтыковъ, прочитавшій свою „Повѣсть о томъ, какъ мужикъ двухъ генераловъ прокормилъ“, графъ Л. Толстой—пятый актъ своей трагедіи „Царь Борисъ“, Я. Полонскій свое нигдѣ еще непапечатанное стихотвореніе „Шиньонъ“, и А. Слѣпцовъ „Сцены у мирового судьи“. Въ пользу будущей гимназіи любители дали спектакль, и это, вмѣстѣ съ сборами по подписнымъ листамъ, дало такую сумму, которая свидѣтельствовала о довѣріи общества къ задуманному дѣлу и подала учредительницамъ его мысль— не ограничиваясь уствойствомъ одного типа заведенія, составить

[1]) Арх. мин. нар. просв. 1870 г.

Общество съ цѣлью вообще содѣйствовать женскому образованію въ Россіи. Уставъ былъ составленъ, подписанъ учредительницами и представленъ министру внутреннихъ дѣлъ, но имъ не утвержденъ.

Тѣмъ не менѣе дѣло учрежденія гимназіи не остановилось. Послѣ долгихъ поисковъ лица, которому предполагалось ввѣрить главное завѣдываніе ею, всѣ сошлись на М. А. Быковой, женщинѣ отлично образованной, умной, обладавшей высокими нравственными качествами. Передъ тѣмъ она нѣсколько лѣтъ прожила въ деревнѣ, занимаясь воспитаніемъ своихъ и чужихъ дѣтей. Княгиня Оболенская представила ее какъ начальницу будущей гимназіи попечителю учебнаго округа, князю Ливену, и все, казалось, шло на ладъ, какъ вдругъ получилось извѣщеніе, что попечитель не утверждаетъ г-жу Быкову, ибо она была въ числѣ трехъ женщинъ, слушавшихъ въ 1861 году лекціи въ университетѣ, и имя ея было замѣшано въ какой-то студенческой исторіи.

Пришлось искать другое лицо для замѣны Быковой; такое лицо нашлось, но на немъ не сошлись между собою княгиня Оболенская и кружокъ учредительницъ. Кончилось тѣмъ, что княгиня, страстно желавшая скорѣе осуществить свою мысль, съ которой она носилась уже два года, и утомленная всѣми встрѣчавшимися на пути препятствіями, рѣшилась открыть гимназію съ новою начальницею сначала одна, а затѣмъ, если эта начальница оправдаетъ довѣріе княгини, то къ ней опять присоединятся другія учредительницы.

Новая начальница была утверждена попечителемъ, и, по порученію княгини, уѣхавшей на лѣто изъ Петербурга, устроила все къ открытію гимназіи осенью 1870 года. Но при этомъ она сразу обнаружила такія качества, что княгиня отказалась вести съ нею дѣло. Увидя на опытѣ какъ трудно найти такое лицо, которому можно было ввѣрить начальство надъ гимназіей, княгиня, получившая домашнее образованіе, рѣшилась сама, несмотря на свои 40 лѣтъ, держать экзаменъ на званіе домашней учительницы, дававшее ей право открыть на свое имя гимназію, и выдержала его.

Учебный курсъ этой гимназіи, составленный лучшими нашими педагогами: А. Я. Гердомъ, А. Н. Страннолюбскимъ, О. Резенеромъ, Фанъ-деръ-Флитъ, Волковымъ, по своему объему былъ равенъ курсу мужскихъ реальныхъ гимназій, съ незначительными измѣненіями. Онъ былъ раздѣленъ на 7 годичныхъ

классовъ, изъ которыхъ, при основаніи гимназіи, были открыты два младшихъ.

Такъ какъ главная цѣль гимназіи полагалась въ всестороннемъ развитіи ученицъ, то программа была составлена такъ, чтобы сосредоточить ихъ вниманіе на самомъ незначительномъ числѣ предметовъ, но преподавать ихъ основательно. Главными предметами были: законъ Божій, математика, языки: русскій, французскій, нѣмецкій, чистописаніе и рисованіе. Въ трехъ низшихъ классахъ преимущественное вниманіе должно было обращаться на изученіе русскаго языка и математики, какъ предметовъ, имѣющихъ наибольшую образовательную силу, а въ слѣдующихъ, высшихъ, были назначены къ преподаванію, кромѣ обычныхъ въ женскихъ гимназіяхъ предметовъ, еще: англійскій языкъ, космографія и физическая географія, алгебра, геометрія и тригонометрія, физика ежедневно, не только какъ средство умственнаго развитія, но и какъ подготовка для будущаго серьезнаго и основательнаго изученія разныхъ отраслей естествознанія. Кромѣ того должны были преподаваться: химія, анатомія и физіологія растеній и животныхъ.

Плата съ приходящихъ ученицъ была назначена: по 100 рублей въ годъ въ первыхъ двухъ классахъ, а начиная съ 3-го — по 150 руб. Въ первый классъ принимались дѣвочки не моложе 10-ти лѣтъ; но могли поступать прямо въ слѣдующіе классы удовлетворяющія требуемымъ въ этихъ классахъ знаніямъ.

Число ученицъ каждаго класса не должно было превышать 25-ти. Допускались слушательницы и по отдѣльнымъ предметамъ съ платою отъ 5-ти до 10-ти рублей въ мѣсяцъ за каждый, а за нѣсколько предметовъ вмѣстѣ по особому соглашенію [1]).

Особенность гимназіи княгини Оболенской заключалась въ томъ, что родители учащихся въ ней дѣтей допускались къ участію въ педагогическихъ совѣщаніяхъ заведенія и могли устно или письменно сообщать Совѣту гимназіи свои замѣчанія о разныхъ педагогическихъ мѣрахъ, мнѣнія о преподаваніи того или другого предмета, личныя наблюденія надъ дѣтьми.

Но результаты этого новаго образованія дѣвушекъ могли обнаружиться лишь черезъ семь лѣтъ, а между тѣмъ, готовившіяся слушать публичныя университетскія лекціи нуждались въ немедленной подготовкѣ къ нимъ. Поэтому нѣкоторыя изъ нихъ обратились къ пользовавшемуся тогда извѣстностью хорошаго педа-

---

[1]) Перворазрядное женское учебное заведеніе, учрежденное въ 1870 году княгинею Оболенскою. С.-Пет. 1871 г.—Журн. мин. нар. просв. 1869 г. Ч. 141.

гога, редактору журнала „Учитель“, І. Паульсону, съ просьбой дать имъ возможность пополнить пробѣлъ въ своемъ образованіи и устроить съ этой цѣлью вечернія лекціи въ одной изъ мужскихъ гимназій по предметамъ, которые проходятся въ женскихъ гимназіяхъ въ недостаточномъ, для слушанія университетскихъ курсовъ, объемѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ обратились съ просьбою преподавать имъ эти предметы къ лучшимъ тогдашнимъ учителямъ.

Въ поданномъ 4 февраля 1869 года попечителю учебнаго округа прошеніи о разрѣшеніи такихъ лекцій, Паульсонъ, представляя программу ихъ: по русскому языку (Рашевскій), геометріи (Евтушевскій), алгебрѣ (Странполюбскій), физикѣ (Краевичъ), химіи (Гердъ), педагогикѣ (Паульсонъ) [1]), мотивировалъ ихъ учрежденіе желаніемъ „дать вполнѣ законное и правильное направленіе выразившемуся общему стремленію лицъ женскаго пола къ высшему образованію“. Попечитель одобрилъ программу и разрѣшилъ лекціи, которыя открылись 1-го апрѣля 1869 года въ 5-й мужской гимназіи у Аларчина моста, почему и назывались „аларчинскими“.

При большомъ числѣ записавшихся на лекціи слушательницъ, плата съ нихъ должна была покрывать текущіе расходы, а для предварительныхъ былъ устроенъ въ дворянскомъ собраніи концертъ съ участіемъ извѣстной пѣвицы Лавровской. Всѣ хозяйственныя распоряженія по курсамъ были возложены на выборныхъ изъ среды слушательницъ, а завѣдываніе учебной частью взялъ на себя І. Паульсонъ. Ему, на первыхъ же порахъ, пришлось защищать курсы противъ обвиненія въ томъ, что на лекціяхъ учителя проводятъ нигилистическія теоріи [2]).

Въ Москвѣ также образовался кружокъ женщинъ, которыя въ іюлѣ 1868 года обратились къ ректору университета съ просьбой исходатайствовать у правительства разрѣшеніе открыть въ Москвѣ высшее учебное заведеніе для женщинъ съ двумя факультетами: медицинскимъ и естественнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ устроить подготовительные для него курсы. Для этого было составлено прошеніе, подъ которымъ подписались болѣе ста женщинъ; но еще до его подачи, просительницы узнали отъ одного изъ членовъ университетскаго Совѣта, что ихъ просьба останется безъ отвѣта. Тогда онѣ обратились прямо къ министру народ-

[1]) Впослѣдствіи преподавались еще ботаника, зоологія, математическая и физическая географія.

[2]) *І. Паульсонъ.* Моя первая лекція въ женскихъ курсахъ. Читана 7-го апр. 1869 г. *(Учитель,* 1869 г. № 13).

наго просвѣщенія съ просьбой разрѣшить имъ устройство университетскихъ лекцій.

Министръ отвѣтилъ имъ тоже, что и петербургскимъ дамамъ, т.-е. что для слушанія университетскихъ лекцій необходима подготовка, которой не даютъ среднія женскія учебныя заведенія, и также, какъ въ Петербургѣ, изъявлялъ согласіе на устройство въ Москвѣ публичныхъ курсовъ.

Можетъ быть потому, что просительницы не надѣялись на согласіе профессоровъ московскаго университета читать имъ публичные курсы, онѣ отказались отъ университетскихъ курсовъ и обратились къ директору второй мужской гимназіи, Ф. Н. Королеву, съ просьбой устроить для нихъ такіе, которые служили бы дополненіемъ къ получаемому дѣвушками въ женскихъ среднихъ заведеніяхъ, образованію.

Въ поданной ему запискѣ онѣ, между прочимъ, говорили: „намъ всѣмъ кажется, что по окончаніи гимназическаго курса мы знаемъ все или, по крайней мѣрѣ, много и хорошо; но при столкновеніи съ дѣйствительностью оказывается, что пріобрѣтенныхъ въ женскихъ среднихъ заведеніяхъ познаній въ общеобразовательныхъ наукахъ мало даже для того, чтобы приготовить мальчика въ третій или второй классъ гимназіи, что часто требуется отъ домашней учительницы.“ Кромѣ того „многія матери хотѣли бы отдавать сыновей въ гимназію не ранѣе 14 — 15-ти лѣтняго возроста для того, чтобы въ семьѣ успѣли укрѣпиться нравственныя начала, которыя предохранили бы ихъ отъ вліянія товарищей; а для этого матери должны приготовить своихъ сыновей къ третьему и четвертому классу гимназіи. Нанимать учителей онѣ не могутъ, самимъ поступать въ учебное заведеніе поздно“. Поэтому онѣ просили дать имъ возможность пріобрѣсти познанія „хоть такія, какія пріобрѣтаетъ юноша по окончаніи гимназическаго курса... Понятно—говорили просительницы—что вслѣдствіе всего сказаннаго, на курсахъ должны преподаваться рѣшительно всѣ предметы гимназической программы въ ихъ надлежащемъ объемѣ, не исключая латинскаго и греческаго языковъ, и, кромѣ того, англійскій“.

Представляя это ходатайство 14-го апрѣля 1869 года попечителю московскаго учебнаго округа, Королевъ говорилъ, что оно вызвано не однимъ желаніемъ женщинъ имѣть кусокъ хлѣба, но и заботами о нравственной будущности своихъ дѣтей. Къ этому онъ прибавлялъ, что изъ разговоровъ съ просительницами онъ убѣдился въ томъ, что онѣ имѣютъ въ виду лишь одну цѣль учиться, и прилагалъ списокъ изъявившихъ желаніе слушать курсы

53 женщинъ, большинство которыхъ принадлежало къ среднему кругу, но были и титулованныя, и дочери высшихъ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ.

Попечитель нашелъ такіе курсы полезными; третье отдѣленіе собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, на заключеніе котораго передавались всѣ подобные проекты, дало свое согласіе подъ условіемъ, чтобы за курсами былъ установленъ „дѣйствительный и постоянный надзоръ учебнаго вѣдомства“ [1]) и 31-го мая 1869 года было получено оффиціальное разрѣшеніе открыть курсы исключительно для женщинъ, на слѣдующихъ основаніяхъ:

1. Доступъ къ поступленію на означенные курсы долженъ быть не вполнѣ свободнымъ, дабы въ оные могли поступать только тѣ лица женскаго пола, кои дѣйствительно желаютъ обучаться.

2. Въ этихъ курсахъ должны быть преподаваемы тѣ же предметы, какіе преподаются въ классическихъ гимназіяхъ вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія, а именно; 1) Законъ Божій, 2) математика: ариѳметика, алгебра и геометрія, 3) физика, 4) исторія всеобщая и Россіи, 5) географія, и языки: 6) русскій, 7) нѣмецкій, 8) французскій, 9) латинскій, 10) греческій, 11) англійскій,—и по программамъ утвержденнымъ для этихъ гимназій.

3. Желающія участвовать въ слушаніи курсовъ могутъ учиться одному, двумъ или даже и всѣмъ предметамъ по желанію.

4. Курсъ каждаго предмета открывается тогда, когда желающихъ будетъ достаточно для того, чтобы платить издержки, сопряженныя съ слушаніемъ предмета.

5. Всѣ издержки: вознагражденіе преподавателей за чтенія, расходы на освѣщеніе, прибавка къ жалованью прислугѣ, вознагражденіе лицу, которое должно присутствовать для соблюденія порядка (надзиратель или другой изъ лицъ, служащихъ въ гимназіи) и проч., слушательницы принимаютъ на свой счетъ.

6. Для покрытія всѣхъ расходовъ, слушательницы вносятъ пополугодно впередъ опредѣленную плату, размѣръ которой будетъ зависѣть отъ числа слушательницъ. За норму можетъ быть принято 7 руб. за годовой урокъ.

7. Деньги за слушаніе (напримѣръ по 5 руб. за годовой урокъ) вносятся даже и въ томъ случаѣ, когда кто-либо изъ преподавателей выразитъ желаніе читать даромъ. Въ этомъ случаѣ тѣ деньги составляютъ запасный фондъ и могутъ быть употреблены, по усмотрѣнію слушательницъ, на уплату за тѣхъ изъ нихъ, которыя не будутъ въ состояніи платить за уроки.

8. Въ началѣ для слушанія курсовъ могутъ поступить всѣ желающія, если только ихъ образъ жизни и поведеніе во время слушанія курсовъ не будутъ тому препятствовать, впослѣдствіи же, еслибы то оказалось полезнымъ, могутъ быть учреждены пріемныя испытанія.

9. Въ продолженіе курса ученія преподаватели отъ времени до времени назначаютъ репетиціи для желающихъ, съ тою цѣлью, чтобы удостовѣриться, насколько слушательницами усвоено то, что имъ преподано.

---

[1]) Арх. мин. нар. пр. 1869

10. Главнымъ распорядителемъ этихъ курсовъ долженъ быть директоръ 2-й Московской гимназіи; ему же ввѣряется храненіе денегъ и завѣдываніе кассою, а также предоставляется право входить въ сношенія съ избранными, съ общаго согласія слушательницъ, преподавателями относительно вознагражденія ихъ за труды по преподаванію и проч.

11. Право избранія для этихъ курсовъ преподавателей, извѣстныхъ своею опытностью въ дѣлѣ преподаванія, предоставляется самимъ слушательницамъ, но никто не можетъ быть ими избранъ окончательно безъ согласія на то директора Московской 2-й гимназіи.

Курсы были открыты 7-го октября въ зданіи второй мужской гимназіи, на Лубянкѣ, почему и стали называться „лубянскими“, при 90 слушательницахъ ,число которыхъ сейчасъ же увеличилось до 200. Большинсто ихъ записалось на лекціи физики (150 чел.), математики (120), русскаго языка и исторіи (по 80), латинскаго языка (15). [1]).

Учрежденіе аларчинскихъ и лубянскихъ курсовъ чуть не повліяло на измѣненіе характера петербургскихъ университетскихъ публичныхъ лекцій. 16-го іюля 1869 года, еще до оффиціальнаго разрѣшенія послѣднихъ, но уже послѣ представленія профессорами программъ, начальникъ третьяго отдѣленія Собственной Его Величества канцеляріи, графъ Шуваловъ, на заключеніе котораго были переданы оба проекта — петербургскихъ и московскихъ курсовъ, написалъ графу Толстому, что хотя оба проекта тожественны, также инициатива, тѣ же мотивы, та же цѣль, но петербургскій обратилъ на себя особенное вниманіе тѣмъ, между прочимъ, что, по свѣдѣніямъ третьяго отдѣленія, въ числѣ подписавшихъ въ правленіе университета записку, есть такія лица, „участіе которыхъ въ учрежденіи, а тѣмъ болѣе въ вліяніи на курсы можетъ быть причиною закрытія учрежденія, что, конечно, поведетъ къ разнымъ превратнымъ толкованіямъ и невыгодному впечатлѣнію“. Къ тому же представленная петербургскими профессорами программа убѣждала графа Шувалова въ томъ, что для слушанія такихъ курсовъ надо устроить прежде подготовительное къ нимъ заведеніе. Поэтому онъ признавалъ университетскія лекціи рановременными; а такъ какъ противъ публичныхъ высказываются сами профессора, остается, по мнѣнію графа, одно: устроить въ Петербургѣ точно такіе же курсы какъ въ Москвѣ, предоставивъ петербургскимъ дамамъ сдѣлать

[1]) *Недѣля.* 1870. № 14.—Кромѣ того свѣдѣнія объ этихъ курсахъ взяты изъ Архива мин. нар. просв. 1873 г., статьи г-жи Некрасовой: Первые женскіе курсы въ Москвѣ, извѣстные подъ именемъ Лубянскихъ. (Отеч. Зап. 1880. г., №. 7.). *Страница изъ исторіи высшаго женскаго образованія* А. Шереметевской. (Истор-Вѣстникъ. 1896, іюль.)

въ московскомъ проектѣ нѣкоторыя измѣненія и дополненія сообразно съ мѣстными условіями; но непремѣнно обязать ихъ представить новый проектъ на утвержденіе въ установленномъ порядкѣ и указать лицо главнаго распорядителя курсовъ. При этомъ графъ Шуваловъ высказывалъ желаніе чтобы это былъ мужчина, состоящій на службѣ и болѣе или менѣе извѣстный по своей педагогической дѣятельности. Удобства московской программы онъ видѣлъ и въ томъ, что преподавателями на курсахъ будутъ учителя, а не профессора; это важно въ виду того, говорилъ графъ, что одною изъ причинъ послѣднихъ безпорядковъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ была та, что многія каоедры оставались по полугоду и болѣе безъ профессоровъ [1]).

Графъ Толстой не раздѣлялъ этого мнѣнія и думалъ, что устройствомъ курсовъ именно для обоего пола „уничтожается характеръ той отдѣльности высшаго женскаго образованія, который желали бы придать ему просительницы“, а съ тѣмъ вмѣстѣ уничтожаются, по его мнѣнію, и опасенія третьяго отдѣленія. Этотъ характеръ графъ Толстой видѣлъ, напротивъ, въ устройствѣ московскихъ курсовъ.

Оставаясь при своемъ убѣжденіи въ томъ, что московскіе курсы, имѣющіе характеръ среднеучебныхъ заведеній, предпочтительнѣе петербургскихъ университетскихъ, между прочимъ, и въ виду поступившихъ въ третье отдѣленіе свѣдѣній, что нѣкоторыя изъ петербургскихъ дамъ намѣрены держать „экзамены гимназическій и университетскій, чтобы опровергнуть мнѣніе о неподготовленности женщинъ къ слушанію университетскихъ лекцій“, графъ Шуваловъ согласился съ министромъ народнаго просвѣщенія, но съ тѣмъ, чтобы программы публичныхъ курсовъ не имѣли въ виду исключительно женщинъ.

29 ноября 1869 года, ровно годъ спустя послѣ подачи прошенія министру народнаго просвѣщенія, получилось его оффиціальное разрѣшеніе на устройство петербургскихъ университетскихъ публичныхъ курсовъ. Уполномоченная учредительницами комиссія дѣятельно принялась приспособлять указанное графомъ Толстымъ помѣщеніе къ нуждамъ курсовъ; провели газъ, заказали мебель и все необходимое на первый разъ. Денегъ на это не было, на плату отъ слушательницъ, до открытія лекцій, разсчитывать было нельзя; въ просьбѣ о разрѣшеніи публиковать въ газетахъ о сборѣ пожертвованій и о подпискѣ на слушаніе лекцій, учредительницамъ было отказано еще 5-го апрѣля 1869 года. Въ письмѣ

[1]) Арх. мин. нар. просв. 1869 г.

министра внутреннихъ дѣлъ къ А. П. Философовой, было сказано, что удовлетвореніе этой просьбы можетъ послѣдовать лишь тогда, когда будутъ представлены и утверждены программы будущихъ лекцій [1]). Программы были представлены 24 іюля 1869 года вмѣстѣ съ ходатайствомъ профессоровъ объ открытіи курсовъ исключительно для женщинъ [2]); но и послѣ оффиціальнаго разрѣшенія публичныхъ лекцій, публикаціи въ газетахъ о сборѣ пожертвованій и о подпискѣ на слушаніе лекцій не были разрѣшены.

Увѣдомляя Н. В. Стасову о полученіи дозволенія министра народнаго просвѣщенія профессорамъ университета: Бестужеву-Рюмину, Менделѣеву, Петрушевскому, Овсянникову, Бекетову, и доцентамъ: Миллеру, Соколову и Мечникову читать публичныя лекціи „для лицъ обоихъ половъ и на общемъ законномъ основаніи“, ректоръ университета прибавлялъ, что вмѣстѣ съ тѣмъ графъ Толстой извѣстилъ Совѣтъ, что публикаціи о пріемѣ пожертвованій въ пользу лекцій и о подпискѣ на нихъ не могутъ быть разрѣшены до тѣхъ поръ, „пока не упрочится существованіе учрежденія“ и не обозначится его направленіе [3]).

Между тѣмъ въ газетахъ печатались разные проекты изысканія средствъ для курсовъ; предлагалось, напримѣръ, выпустить облигаціи по 50 рублей каждая, на сумму 200.000 рублей и привлечь крупную, пользующуюся довѣріемъ общества, торговую фирму, которая взяла бы на себя разсчетъ съ владѣльцами облигацій, уплату имъ процентовъ, погашеніе облигацій, и пр. Обезпеченіемъ уплаты процентовъ должна была служить плата съ 200 слушательницъ, считая по 50 рублей въ годъ съ каждой, что̀ составляло бы ежегодную сумму въ 10.000 рублей.

Несмотря, однако, на запрещеніе публиковать въ газетахъ о пріемѣ пожертвованій, частныя пожертвованія явились. Ихъ было немного и почти исключительно со стороны женщинъ; но это дало возможность сдѣлать необходимыя приспособленія для лекцій, пріобрѣсти нѣкоторыя учебныя пособія и устроить химическую лабораторію на пожертвованные съ этой цѣлью М. А. Тургеневою 1000 рублей. Кромѣ того, устроенный учредительницами литературно-музыкальный вечеръ далъ порядочную сумму.

Въ три недѣли все было готово, и ко дню открытія курсовъ на нихъ записалось болѣе 900 человѣкъ, изъ которыхъ 767 женщинъ. Это дало возможность не только покрыть нѣкоторые

[1]) Бумаги высш. ж. курсовъ.

[2]) Письмо ректора къ Н. В. Стасовой 24 іюля. 1869 г.

[3]) Письмо ректора Кесслера къ П. В. Стасовой отъ 12 декабря 1869 года.

неотложные платежи, но, главное, можно было сразу оплачивать чтеніе лекцій профессоровъ, размѣръ гонорара которыхъ былъ опредѣленъ въ той же суммѣ, какъ въ мужскихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. [1])

Такъ какъ большинство стремившихся къ высшему образованію женщинъ принадлежало къ числу небогатыхъ, живщихъ своимъ трудомъ, то плата за слушаніе лекцій была назначена невысокая — 5 рублей за каждый отдѣльный предметъ или 25 рублей за полугодіе.

20-го января 1870 года петербургскіе публичные курсы были, наконецъ, открыты. Послѣ молебствія, на которое, совершенно неожиданно для всѣхъ, пріѣхалъ графъ Толстой, профессоръ А. Н. Бекетовъ, передъ началомъ своей лекціи, сказалъ нѣсколько словъ о значеніи курсовъ, выразивъ пожеланіе, чтобы они приняли характеръ прочнаго, постояннаго учрежденія, что̀, —прибавилъ онъ,—въ значительной степени будетъ зависѣть отъ отношенія къ нимъ самой публики [2]).

Зала была полна, многимъ пришлось стоять; мужчины составляли меньшинство слушателей.

Вторую лекцію читалъ профессоръ Ф. В. Овсянниковъ, который, изложивъ историческій ходъ развитія анатоміи, обратилъ вниманіе на то живое участіе, которое проявили къ этой наукѣ женщины во Флоренціи, гдѣ хранятся многіе изъ ихъ трудовъ по анатоміи.

Всѣ хозяйственныя распоряженія по курсамъ, также наблюденіе за порядкомъ на лекціяхъ, а впослѣдствіи ассистентство при профессорахъ—все это исполняли учредительницы, установивъ между собою правильныя дежурства.

Въ виду удобства для профессоровъ, а также слушательницъ, большинство которыхъ днемъ были несвободны, лекціи читались по вечерамъ, 4 раза въ недѣлю. Хотя, вслѣдствіе недостаточности средствъ, нельзя было сразу открыть всѣ лекціи, но онѣ съ самаго начала приняли строго систематическій характеръ. „Профессора, —говоритъ Н. В. Стасова,—игнорировали навязанныхъ имъ слушателей-мужчинъ, они всецѣло относились только къ женской аудиторіи, а тѣхъ терпѣли, какъ необходимое зло, и на демонстративныхъ лекціяхъ только обращались къ женщинамъ. Но, надо сказать, что на нѣкоторыя лекціи приходили и дѣйствительно занимающіеся мужчины; только ихъ было мало и ихъ

[1]) Краткая историческая записка о высшихъ женскихъ курсахъ въ Петербургѣ. С. Пет. 1896 г.

[2]) *Недѣля*, 1870, № 3.

хорошо можно было отличить отъ той грязной толпы", которая, по словамъ Н. В., состояла изъ мужчинъ, явившихся „кто изъ любопытства, кто соглядатаемъ, а кто и за гнуснымъ поискомъ интриги" [1]).

Впрочемъ, не только женщины, занимавшіяся серьезно и толково, но и публика вообще держала себя на лекціяхъ такъ, что небольшая ея часть, относившаяся иначе, скоро, по словамъ Н. Стасовой, почувствовала себя униженною „въ глазахъ тѣхъ, можно сказать, святыхъ молодыхъ женщинъ, пришедшихъ со всею чистотою нравственною преклониться въ храмъ науки".

Кромѣ лекцій, которыя нѣкоторые профессора читали безвозмездно, они устраивали по праздникамъ и воскресеньямъ практическія занятія съ слушательницами; послѣднія, съ ихъ разрѣшенія, могли работать въ свободные отъ занятій студентовъ часы въ университетскихъ кабинетахъ и лабораторіяхъ; профессора привозили на курсы свои микроскопы, анатомическіе препараты и другія необходимыя пособія, которыхъ у курсовъ не было. Членъ петербургскаго общества естествоиспытателей, Кочубей, предложилъ свою лабораторію профессору Менделѣеву въ безплатное пользованіе для занятій съ слушательницами. Этими занятіями руководила молодая дѣвушка, Волкова, которая еще до открытія курсовъ занималась химіей подъ руководствомъ профессора А. Н. Энгельгардта и представила петербургскому химическому обществу работу, за которую была единогласно выбрана въ число его членовъ [2]). Профессоръ Менделѣевъ часто пріѣзжалъ въ лабораторію и слѣдилъ за ходомъ занятій слушательницъ.

Въ первые два года на курсахъ читались лекціи: по русской словесности (проф. О. Миллеръ), русской и всеобщей исторіи (профессора: Бестужевъ-Рюминъ и Бауеръ), ботаникѣ (проф. А. Бекетовъ и А. Фаминцынъ), зоологіи (проф. Вагнеръ и Брандтъ), геологіи (проф. Ипостранцевъ), анатоміи (проф. Овсянниковъ), физіологіи человѣка (проф. Сѣченовъ), физики (проф. Усовъ), химіи органической и неорганической (проф. Бутлеровъ и Менделѣевъ) и, съ 1871 года, въ теченіе двухъ лѣтъ, читались лекціи по государственному и уголовному праву (проф. Пахманъ, Таганцевъ, Градовскій), а нѣсколько позже, и по статистикѣ и политической экономіи (проф. Янсонъ).

---

[1]) *Н. В. Стасовъ.* Воспоминанія о моей сестрѣ. „Недѣля", 1896, № 7.

[2]) Занимаясь въ лабораторіи, Волкова въ то же время должна была зарабатывать себѣ средства къ жизни частными уроками и умерла молодая.

Графъ Толстой часто присутствовалъ на лекціяхъ профессора Овсянникова. „Онъ приходилъ,—разсказываетъ Н. В. Стасова,—садился на заднюю скамейку и всегда приглашалъ меня сѣсть рядомъ съ нимъ; но онъ всегда бывалъ тутъ частнымъ человѣкомъ и какъ-то сказалъ мнѣ: „У меня въ моемъ образованіи большой пробѣлъ: я совсѣмъ не знаю анатоміи и физіологіи“ [1]).

Въ концѣ перваго семестра, благодаря продолжавшимъ поступать частнымъ пожертвованіямъ, денежныя средства курсовъ были въ довольно хорошемъ состояніи. Всѣ расходы по лекціямъ выразились въ суммѣ 2.156 рубляхъ, доходы (съ проданныхъ билетовъ) 1.761 рубл.; несмотря на этотъ недоборъ, въ остаткѣ оказалось 5.952 рубля 40 копѣекъ [2]).

Между тѣмъ, начавшееся въ концѣ шестидесятыхъ годовъ въ провинціи движеніе въ пользу высшаго женскаго образованія не прекращалось.

Въ Кіевѣ общество естествоиспытателей открыло въ 1870 г. безплатные публичные курсы при университетѣ, на которые допускались и женщины.

Въ Харьковѣ кружокъ женщинъ и мужчинъ обратился въ началѣ 1870 г. къ мѣстной учебной администраціи съ просьбой о разрѣшеніи открыть курсы на подобіе петербургскихъ или московскихъ; въ этомъ имъ было отказано подъ предлогомъ, что въ городѣ нѣтъ подходящаго помѣщенія, а когда директоръ одной изъ гимназій предложилъ, чтобы курсы читались въ ней, то ему было замѣчено, что такое предложеніе съ его стороны неумѣстно. Тогда женщины просили, чтобы имъ позволили устроить пансіонъ съ высшимъ курсомъ наукъ, для приходящихъ, и когда и въ этомъ получили отказъ, мотивированный тѣмъ, что программа такого пансіона не подходитъ къ программѣ женскихъ учебныхъ заведеній [3]), то онѣ, воспользовавшись проѣздомъ лѣтомъ черезъ Харьковъ министра народнаго просвѣщенія, подали ему прошеніе на его квартирѣ, а затѣмъ второе, одинаковаго содержанія, на улицѣ, передъ зданіемъ университета. Въ обоихъ прошеніяхъ, покрытыхъ 263-мя подписями, подписавшіяся ходатайствовали о „преобразованіи среднихъ женскихъ учебныхъ заведеній въ реальныя съ программою, приноровленною къ университетскому курсу, и о допущеніи женщинъ въ университетъ“.

Министръ отвѣчалъ, что правительство уже ассигновало по

---

[1]) „Воспоминанія о моей сестрѣ“. *Недѣля*, 1896, № 7

[2]) *Недѣля*, 1870, № 47.

[3]) *Недѣля*, 1870, № 49.

50.000 рублей въ годъ на женскія гимназіи и прогимназіи, а въ будущемъ назначено отпускать съ той же цѣлью изъ государственнаго казначейства по 150.000 рублей ежегодно; что министерство народнаго просвѣщенія постоянно заботится о подготовленіи женщинъ къ той спеціальной дѣятельности, которая имъ свойственна, какъ воспитательницамъ и наставницамъ въ первый учебный возрастъ дѣтей, и поэтому Положеніемъ 1870 г. учреждаются, гдѣ возможно, педагогическіе классы при женскихъ гимназіяхъ. Но еслибы женщины пожелали относительно высшаго образованія, то „за отсутствіемъ въ томъ надобности для общихъ государственныхъ цѣлей и въ виду крайне ограниченнаго числа лицъ женскаго пола, серьезно стремящихся къ такому высшему образованію, и достаточно къ тому подготовленныхъ“, правительство не можетъ взять на себя ни заботъ о немъ, ни издержекъ на него; но оно нисколько не препятствуетъ удовлетворенію подобныхъ стремленій частными способами.

При этомъ графъ Толстой указалъ на курсы, существующіе уже въ Петербургѣ, Москвѣ и только что учрежденныя въ Кіевѣ комитетомъ (изъ профессоровъ и учителей) публичныхъ лекцій, для лицъ обоего пола, а по нѣкоторымъ предметамъ (анатоміи) отдѣльно для женщинъ.

Относительно допущенія женщинъ въ университетъ, министръ обратилъ вниманіе на то, что вездѣ, по крайней мѣрѣ въ Европѣ, университеты существуютъ не для совмѣстнаго высшаго обученія мужчинъ и женщинъ, а для однихъ мужчинъ. „У насъ, — сказалъ онъ,—въ концѣ пятидесятыхъ и началѣ шестидесятыхъ годовъ было временно допущено исключеніе, и оно имѣло самыя печальныя послѣдствія для самихъ же студентокъ, не говоря о томъ, что грозило нарушить серьезность университетскаго преподаванія и понизить нравственный и умственный уровень высшихъ учебныхъ заведеній“. Кромѣ того, для поступленія въ университетъ нужно предварительно пройти съ полнымъ успѣхомъ курсъ классической гимназіи или основательно усвоить его себѣ—требованіе, которому, за весьма рѣдкими, единичными исключеніями, женщины не въ состояніи удовлетворить.

Въ заключеніе графъ Толстой указалъ на то, что самая просьба женщинъ „преобразовать среднія женскія учебныя заведенія въ реальныя, для приготовленія къ университету, свидѣтельствуетъ о томъ, какъ мало серьезности въ предпринятомъ дѣлѣ. Прежде всего слѣдовало бы себѣ усвоить, къ какому разряду относятся нынѣшнія женскія учебныя заведенія—къ классическимъ или реальнымъ, и признается ли программа какихъ-

либо реальныхъ училищъ приспособленною къ университетскому курсу [1]).

Приведя этотъ отвѣтъ министра харьковскимъ дамамъ, *Журналъ министерства народнаго просвѣщенія* прибавляетъ: „все это показываетъ, что интересы женскаго образованія во всемъ этомъ дѣлѣ ни при чемъ и что вся цѣль двукратнаго обращенія къ министру харьковскихъ дамъ и дѣвицъ,—безцѣльная и безплодная агитація, которая можетъ не помочь, а повредить интересамъ нашего просвѣщенія. Это подтверждается и появленіемъ адреса и извѣстій о немъ въ газетахъ, до возвращенія министра въ Петербургъ".

Нѣсколько позже, когда въ *Голосѣ* (19-го октября 1870 г.) было перепечатано изъ *Новороссійскихъ Вѣдомостей* извѣстіе о подачѣ харьковскими дамами министру прошенія, при чемъ было сказано, что въ числѣ 300 подписей были подписи нѣкоторыхъ профессоровъ и учителей, то *Журналъ министерства народнаго просвѣщенія*, опровергая послѣднее, изобразилъ на страницахъ своего журнала факсимиле нѣкоторыхъ безграмотныхъ подписей на адресѣ [2]), какъ будто, какъ тогда же возразила на это *Недѣля* (1870 г. № 46), малограмотная мать не можетъ желать, чтобы ея дочь получила лучшее, чѣмъ она, образованіе.

Такое враждебное отношеніе къ ищущимъ знаній женщинамъ оффиціальнаго органа министерства народнаго просвѣщенія раздѣляло и правительство и масса общества. Желаніе женщинъ учиться казалось ненормальнымъ, ему не вѣрили и подъ нимъ непремѣнно подозрѣвали постороннія, безнравственныя или антиправительственныя цѣли. Хотя Суслова училась въ Цюрихѣ еще тогда, когда въ тамошнемъ университетѣ не было русскихъ женщинъ и наша эмиграція еще не выбрала Цюрихъ главнымъ мѣстомъ своего пребыванія; хоть и до своего отъѣзда заграницу Суслова, даже по личному характеру, никогда не участвовала ни въ какихъ политическихъ движеніяхъ, ее, тотчасъ же какъ она вернулась въ Россію, въ 1867 году, поставили подъ надзоръ полиціи [3]), что подвергало ее чрезвычайно непріятнымъ случайностямъ.

Несмотря на то, что программы профессоровъ петербургскихъ публичныхъ курсовъ должны были представляться на просмотръ третьяго отдѣленія, которое иногда задерживало ихъ по мѣсяцамъ, и хотя во все время существованія курсовъ ни со

[1]) „Журн. мин. нар. просв. 1870 г. Ч. 151.

[2]) *Журн. мин. нар. пр.* 1871 г. Ч. 153.

[3]) Арх. мин. нар. пр. 1869, г.

стороны слушателей, ни со стороны профессоровъ не произошло ничего такого, что могло бы навлечь на нихъ подозрѣніе полиціи, тѣмъ не менѣе на второй же годъ ихъ открытія оберъ-полиціймейстеръ, въ представленной министру внутреннихъ дѣлъ запискѣ, говорилъ, что эти курсы, имѣющіе цѣлью замѣнить женскій университетъ „объ устройствѣ котораго настойчиво хлопочутъ руководительницы такъ называемаго *женскаго движенія*“ въ педагогическомъ, или, лучше сказать, въ образовательномъ смыслѣ, лишены всякаго значенія. Всѣ лекторы, по мнѣнію оберъ-полиціймейстера, убѣждены въ томъ, что курсы превратятся въ женскій университетъ, и въ то же время нѣтъ гармоніи въ преподаваніи, нѣтъ систематическаго подготовленія слушательницъ къ одной, общей, цѣли. „На ряду съ химіей и физіологіей читаются государственное и уголовное право, а на ряду съ ними—словесность. Такимъ образомъ три факультета соединяются въ одномъ, а отъ каждаго читаются лишь предметы, для которыхъ нашелся свободный профессоръ... Государственное и уголовное право читаютъ два молодыхъ профессора, Градовскій и Таганцевъ, повидимому изъ моды... Они проповѣдуютъ вредныя истины, Градовскій—о государственной власти и формѣ правленія“.

Главный же вредъ курсовъ оберъ-полиціймейстеръ видѣлъ въ развитіи корпоративнаго духа между молодыми дѣвушками; это сказывается и въ ихъ внѣшности: черныя платья, остриженные волосы, очки: „все говоритъ о принадлежности къ петербургскому обществу нигилистокъ“. Въ запискѣ названы по именамъ посѣщавшія курсы, „главныя руководительницы и подстрекательницы“ такъ называемаго женскаго движенія [1]). Отсюда—говорится въ запискѣ—нигилистическое направленіе можетъ распространяться неудержимо и здѣсь имѣетъ всѣ способы созрѣвать во взаимныхъ бесѣдахъ“.

Далѣе слѣдуетъ указаніе на отсутствіе на курсахъ инспекціи: „въ антрактахъ, мужчины и женщины долго прогуливаются по корридору въ потемкахъ“...

Основываясь на приведенныхъ данныхъ, оберъ-полиціймейстеръ полагалъ нужнымъ или закрыть курсы или преобразовать ихъ для однѣхъ женщинъ, ибо „совмѣстность нигдѣ въ высшихъ

---

[1]) Въ числѣ ихъ приведены фамиліи и такихъ, находящихся еще въ живыхъ, женщинъ, которыя въ то время не принимали никакого участія въ курсахъ и ни разу не были въ ихъ помѣщеніи.

и даже въ элементарныхъ, правильно организованныхъ школахъ не допускается“ [1]).

Послѣдствіемъ этой записки было Высочайшее повелѣніе 6-го апрѣля 1871 года разсмотрѣть дѣло въ особомъ совѣщаніи изъ министровъ внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, попечителя учебнаго округа, шефа жандармовъ и с.-петербургскаго оберъ-полиціймейстера.

Съ такимъ же предубѣжденіемъ къ учащимся женщинамъ относилась и масса общества. Хотя начальникъ женскихъ гимназій и счелъ нужнымъ печатно опровергнуть слухъ, будто бы классныхъ дамамъ и учительницамъ женскихъ гимназій, подъ угрозой удаленія отъ должности, также воспитанницамъ гимназій и педагогическихъ курсовъ, было запрещено посѣщать публичные курсы, тѣмъ не менѣе слушательницѣ этихъ курсовъ очень трудно было получить какія либо занятія въ частномъ домѣ, а въ гувернантки никто не соглашался взять учащуюся женщину.

Не взирая ни на что, женщины шли учиться; но правильность ихъ занятій на курсахъ безпрестанно нарушалась разными непредвидѣнными случайностями.

Въ концѣ перваго же года ихъ открытія въ зданіи министерства внутреннихъ дѣлъ, графъ Толстой увѣдомилъ профессора А. Бекетова, что отведенное курсамъ помѣщеніе понадобилось для комиссіи по крестьянскимъ дѣламъ царства польскаго и что занимаемое курсами помѣщеніе должно быть освобождено къ первому февраля 1871 года [2]). Не говоря о томъ, что на приспособленіе этого помѣщенія къ нуждамъ курсовъ было потрачено много денегъ, приходилось искать новое, что̀ было нелегко. Однако, послѣ объѣзда нѣсколькихъ мужскихъ гимназій, учредительницамъ курсовъ удалось склонить директора гимназіи при историко-филологическомъ институтѣ на Васильевскомъ островѣ. Помѣщеніе было въ высшей степени тѣсно и неудобно, такъ, что часть принадлежавшей курсамъ мебели пришлось поставить въ сарай.

Въ этомъ помѣщеніи курсы оставались всего одну зиму и были переведены, съ разрѣшенія министра народнаго просвѣщенія, въ домъ владимірскаго уѣзднаго училища, гдѣ оставались два года и откуда получили названіе владимірскихъ. На ремонтныя работы дома, также на покупку лампъ, мебели и пр.

---

[1]) Записка оберъ-полиціймейстера Трепова 12-го марта 1871 г. (Арх. мин. нар. просв. 1871 г.).

[2]) Письмо отъ 5-го декабря 1870 г. (Бумаги высшихъ ж. курсовъ).

для курсовъ министерство отпустило имъ въ 1872 году 1.400 рублей 55 копѣекъ, и въ 1873 г. еще тысячу рублей.

Хотя число лицъ, посѣщавшихъ курсы, не уменьшалось, но по мѣрѣ ихъ развитія, получавшаяся съ слушателей плата не покрывала всѣхъ расходовъ; по смѣтѣ на 1871—1872 учебный годъ отъ слушателей ожидалось 3.400 рублей, что вмѣстѣ съ имѣвшимися въ распоряженіи курсовъ, отъ перваго года, 4.841 рублями составляло 8.241 рубль, а расходы были исчислены въ 8.780 рублей. Поэтому рѣшено было прибавить по одному рублю взноса къ каждому пятирублевому годовому билету на слушаніе лекцій, а въ слѣдующемъ году плата увеличена до семи рублей [1]).

Но главное неудобство обнаружилось въ томъ, что, по заявленіямъ нѣкоторыхъ профессоровъ, они не имѣютъ возможности удостовѣриться въ результатахъ, достигаемыхъ лекціями; поэтому нѣкоторые изъ нихъ даже не считали возможнымъ продолжать ихъ чтеніе. Тогда среди завѣдывавшихъ курсами дамъ явилось предположеніе преобразовать владимірскіе курсы въ дополнительные къ послѣднему классу женскихъ гимназій такъ, чтобы, считая этотъ классъ по объему курса равнымъ четвертому классу мужскихъ реальныхъ гимназій, владимірскіе курсы восполняли пробѣлъ между женскими гимназіями и мужскими; другія предлагали сдѣлать изъ владимірскихъ курсовъ подготовительные къ только-что открытымъ въ 1872 году медицинскимъ женскимъ курсамъ, и, наконецъ, третье предложеніе заключалось въ томъ, чтобы соединиться съ аларчинскими курсами.

Такъ какъ неудовлетворительные результаты лекцій, по мнѣнію многихъ, происходили главнымъ образомъ отъ недостаточной подготовки слушателей къ нимъ, въ отрывочности самихъ курсовъ, въ неопредѣленности срока полнаго курса, то на общемъ съ профессорами владимірскихъ курсовъ и преподавателями аларчинскихъ, засѣданіи, было рѣшено распредѣлить часы занятій на послѣднихъ такъ, чтобы они подготовляли слушательницъ владимірскихъ курсовъ изъ математики для слушанія лекцій по физикѣ, чтеніе которой, съ этой цѣлью, было отложено на владимірскихъ курсахъ на годъ. Срокъ полнаго курса по естественнымъ наукамъ на владимірскихъ курсахъ былъ опредѣленъ въ два года. Съ своей стороны профессора Менделѣевъ, Овсянниковъ, Бекетовъ признали необходимымъ установить осенью репетиціи по всѣмъ предметамъ своего курса, а Менделѣевъ

---

[1]) Бумаги в. ж. курсовъ.

даже объявилъ, что если осенью 1873 года извѣстное число слушательницъ не согласится выдержать предварительной репетиціи, то онъ откажется читать лекціи.

Въ то время, какъ упроченію петербургскихъ высшихъ курсовъ безпрестанно ставили преграды, Высочайшимъ повелѣніемъ 14-го января 1871 года было постановлено „поощрять женщинъ на поприщѣ воспитательномъ, гдѣ онѣ уже нынѣ занимаютъ должности учительницъ въ начальныхъ школахъ и низшихъ классахъ женскихъ гимназій, а буде признается возможнымъ, то предоставить учебному вѣдомству расширить еще кругъ ихъ дѣятельности на этомъ поприщѣ“.

Годомъ позже высшее образованіе женщинъ получило могучаго защитника въ лицѣ пользовавшагося тогда большою силою редактора „Московскихъ Вѣдомостей“, М. Каткова. „Сомнительно, —писалъ онъ въ 1872 году (№ 165), чтобы соединеніе половъ въ одной аудиторіи могло когда-нибудь стать общимъ правиломъ, но отсюда не слѣдуетъ, чтобы нельзя было домогаться для женщинъ курсовъ, равносильныхъ университетскимъ... Неужели поверхностное ученіе, состоящее не въ воспитаніи всѣхъ душевныхъ способностей, а въ сообщеніи нѣсколькихъ ходячихъ свѣдѣній, ни къ чему серьезному не приложимыхъ и годныхъ только для *конверсаціи*, могутъ соотвѣтствовать какому-нибудь назначенію? Неужели фальшивый лоскъ образованія, безъ существеннаго достоинства можетъ по преимуществу согласоваться съ свойствами женщины?“

Появленіе въ лицѣ Каткова защитника высшаго женскаго образованія объясняется, можетъ быть, тѣмъ, что за годъ до того (30-го іюля 1871 года) былъ изданъ уставъ гимназій и прогимназій министерства народнаго просвѣщенія, которымъ въ мужскія учебныя заведенія вводилось исключительное преобладаніе древнихъ языковъ, а Катковъ былъ, какъ извѣстно, убѣжденнымъ сторонникомъ классической системы образованія; поэтому онъ хотѣлъ поддержать только-что открытую въ 1872 году въ Москвѣ женскую классическую гимназію г-жи Фишеръ.

Въ той же статьѣ онъ говорилъ: „Кто добросовѣстно желаетъ, чтобы для женщинъ былъ открытъ доступъ къ университетской наукѣ, тотъ прежде всего долженъ желать, чтобы для дѣвицъ были гимназіи, основанныя на воспитательныхъ началахъ той же силы, какъ и мужскія... Было бы желательно, чтобы матери семействъ не были чужды высшихъ интересовъ науки и просвѣщенной педагогической опытности и чтобы онѣ сами умѣли отличать истинные пути образованія отъ ложныхъ“.

Но еще ранѣе, чѣмъ Катковъ выступилъ на защиту высшаго женскаго образованія, два года лишь спустя послѣ того, какъ Совѣтъ московскаго университета грубо оттолкнулъ женщинъ, когда онѣ намѣревались обратиться къ нему за содѣйствіемъ въ устройствѣ высшихъ для нихъ курсовъ, среди московскихъ профессоровъ явились безкорыстные ревнители высшаго женскаго образованія. Въ февралѣ 1871 года профессоръ Герье обратился къ попечителю московскаго учебнаго округа съ просьбой разрѣшить ему открытіе систематическихъ научныхъ лекцій для женщинъ. Свою просьбу профессоръ Герье мотивировалъ тѣмъ, что Высочайшимъ повелѣніемъ 14-го января 1871 года министру народнаго просвѣщенія разрѣшено расширять въ случаѣ возможности дѣятельность женщинъ на педагогическомъ поприщѣ; но онѣ въ настоящее время недостаточно подготовлены къ такой дѣятельности, а между тѣмъ обычай приглашать къ дѣтямъ иностранокъ исчезаетъ и увеличивается требованіе на русскихъ домашнихъ учительницъ и наставницъ, а поэтому возрастаетъ число послѣднихъ. Къ тому же постоянно возникающія женскія учебныя заведенія также требуютъ все бо́льшаго числа подготовленныхъ учительницъ. Между тѣмъ, кончая свое образованіе въ 16—17 лѣтъ, когда дѣвушки только что выходятъ изъ дѣтскаго возраста, онѣ, понятно, усваивали познанія больше механически, чѣмъ сознательно, а многое было совсѣмъ недоступно ихъ пониманію. Поэтому проектируемые курсы не должны быть повтореніемъ элементарныхъ познаній и не должны имѣть отрывочнаго характера; также не слѣдуетъ допускать, чтобы слушательницы занимались только тѣми предметами, которые онѣ найдутъ для себя интересными. Напротивъ, курсы должны быть въ своей совокупности строго систематическими, ибо ихъ цѣль заключается не въ томъ, чтобы приготовить спеціалистокъ по отдѣльнымъ предметамъ, а чтобы поднять уровень образованія и развитія женщинъ. Въ этихъ видахъ въ систему курсовъ предполагалось включить лишь предметы, составляющіе необходимое условіе общаго образованія: русская и всеобщая литература, русская и всеобщая исторія, исторія цивилизаціи и искусства, физика и гигіена. Отъ желающихъ слушать такіе курсы профессоръ Герье признавалъ необходимымъ требовать вступительнаго и выпускнаго экзаменовъ, при чемъ первый могъ быть замѣненъ соотвѣтственными дипломами и свидѣтельствами. Тѣ, кого это стѣснило бы, могли поступать вольнослушательницами.

Въ представленномъ попечителю планѣ курсовъ, при нихъ

предполагался педагогическій Совѣтъ изъ преподавателей подъ предсѣдательствомъ профессора С. М. Соловьева и попечительный комитетъ изъ постороннихъ лицъ, которыя своими пожертвованіями окажутъ особый интересъ къ учрежденію курсовъ. На этотъ комитетъ возлагалась вся матерьяльная ихъ часть, такъ какъ завѣдываніе денежными средствами курсовъ было бы неудобно для преподавателей.

Попечитель московскаго учебнаго округа не только отнесся сочувственно къ плану профессора Герье и къ представленнымъ имъ соображеніямъ, но, въ своемъ представленіи министру, высказалъ мысль, что окончившимъ курсы слушательницамъ можно было бы предоставить права на званіе домашнихъ наставницъ.

Въ апрѣлѣ 1871 года планъ профессора Герье разсматривался, по приказанію министра, ученымъ комитетомъ министерства, при участіи директора третьей петербургской гимназіи. Сочувствуя главной цѣли курсовъ—поднятію уровня женскаго образованія комитетъ полагалъ, однако, что за отсутствіемъ въ программѣ такихъ предметовъ, которые, на основаніи существующихъ законоположеній, признаются необходимыми для приготовленія женщины къ званію домашней наставницы, курсы могутъ имѣть лишь значеніе высшаго общеобразовательнаго заведенія, а не педагогическаго. Поэтому, разрѣшая курсы въ видѣ опыта на три года, министръ не счелъ возможнымъ предоставить окончившимъ ихъ слушательницамъ права домашнихъ наставницъ.

6-го мая 1872 года было утверждено Положеніе о высшихъ женскихъ курсахъ профессора Герье. Они должны были находиться подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ и ближайшимъ наблюденіемъ попечителя московскаго учебнаго округа и подъ отвѣтственностью предсѣдателя педагогическаго Совѣта, выбираемаго изъ числа извѣстныхъ ученыхъ. Утвержденіе предсѣдателя и преподавателей, приглашаемыхъ учредителемъ преимущественно изъ профессоровъ университета и составляющимъ педагогическій Совѣтъ курсовъ, предоставлялось попечителю, которому долженъ былъ въ концѣ года доставляться отчетъ о курсахъ.

Обязательными предметами на курсахъ были: русская и всеобщая литература, русская и всеобщая исторія, исторія цивилизаціи и искусства, физика; для желающихъ,—иностранные языки, математика и гигіена.

Педагогическій Совѣтъ имѣлъ право ходатайствовать объ увеличеніи числа обязательныхъ предметовъ.

Для поступленія на курсы требовалось свидѣтельство объ окон-

чанія полнаго курса въ институтѣ, гимназіи или женскомъ училищѣ перваго разряда, а не имѣющія такихъ свидѣтельствъ могли держать краткій экзаменъ, удостовѣряющій въ достаточной, для слушанія профессорскихъ лекцій, подготовкѣ. Вольнослушательницы допускались къ посѣщенію курсовъ лишь въ томъ случаѣ, если это дозволяло число слушательницъ и удобство помѣщенія.

Каждый предметъ долженъ былъ читаться въ продолженіе двухъ лѣтъ и раздѣлялся на двѣ отдѣльныя части съ тою цѣлью, чтобы сдѣлать возможнымъ ежегодные пріемы новыхъ слушательницъ. Для шести обязательныхъ предметовъ полагалось 15 часовъ въ недѣлю. Плата за слушаніе лекцій была опредѣлена въ 50 рублей въ годъ съ слушательницы, а за уроки по иностраннымъ языкамъ и математикѣ—смотря по числу учащихся имъ. Во время прохожденія курса слушательницы были обязаны представлять сочиненія по всѣмъ предметамъ, подвергаться репетиціямъ и держать выпускные экзамены, послѣ которыхъ имъ выдавалось свидѣтельство объ успѣшномъ окончаніи курсовъ.

Курсы профессора Герье были открыты 1 ноября 1872 г. При ихъ открытіи извѣстный историкъ, профессоръ С. М. Соловьевъ, произнесъ рѣчь, въ которой, между прочимъ, сказалъ, что курсы будутъ не факультетскіе, но по предметамъ общаго образованія, „ибо,—сказалъ онъ,—мы считаемъ себя обязанными содѣйствовать избавленію русской женщины отъ тѣхъ неудобствъ, которыя терпятъ множество русскихъ мужчинъ принадлежащихъ къ такъ называемому образованному классу, неудобствъ, проистекающихъ вслѣдствіе недостатка высшаго общаго образованія... Женщина не должна быть глуха и нѣма въ обществѣ, равнодушна и чужда относительно вопросовъ, его занимающихъ". Главное и законное требованіе общества отъ женщины, по мнѣнію С. М. Соловьева, то, чтобы она обладала самоуваженіемъ, не увлекалась первою громкою фразою безъ провѣрки ея, чтобы у женщинъ выработались твердыя убѣжденія, широкій, многосторонній взглядъ, способный къ провѣркѣ чужого мнѣнія.

Профессоръ Герье, въ своей рѣчи, опредѣлилъ мысль, руководившую учредителями женскихъ курсовъ, тѣмъ, что они должны быть не рядомъ публичныхъ лекцій, а цѣльнымъ, проникнутымъ одной мыслью, учрежденіемъ, которое могло бы содѣйствовать распространенію высшаго образованія между женщинами. Такое учрежденіе вызывается, съ одной стороны, чисто практическою потребностью женщинъ расширить кругъ своей дѣятельности и получить доступъ къ закрытымъ для нихъ должностямъ.

Сказавъ, что въ послѣднее десятилѣтіе вопросъ о женскомъ образованіи сталъ, почти одновременно, во всѣхъ образованныхъ странахъ, болѣе чѣмъ когда-либо обращать на себя вниманіе, что вездѣ на западѣ учреждаются разныя спеціальныя училища для женщинъ, и у насъ въ Россіи правительство устроило при одномъ изъ факультетовъ полный курсъ медицины для женщинъ, профессоръ указалъ на то, что при постоянно развивающейся цивилизаціи трудъ мужчины далеко не всѣхъ обезпечиваетъ и женщинамъ приходится трудиться больше прежняго. Съ другой стороны, сами женщины давно уже обнаруживаютъ стремленіе расширить свое образованіе. „Съ изобрѣтенія книгопечатанія—сказалъ профессоръ—масса свѣдѣній, распространенныхъ въ обществѣ, быстро возрастаетъ. Каждое почти десятилѣтіе видитъ возникновеніе новой науки или неожиданное расширеніе и новое примѣненіе старыхъ. Ростутъ и требованія отъ людей, которые хотятъ быть въ уровень съ вѣкомъ, столько же къ мужчинамъ, какъ и женщинамъ. Сумма свѣдѣній, которая два или три поколѣнія назадъ могла бы доставить женщинѣ нѣсколько страшное, хотя и лестное, прозвище *ученой*, теперь едва достаточно, чтобы прослыть *образованной*. А между тѣмъ въ рукахъ женщинъ находится воспитаніе молодыхъ поколѣній. Отъ образованія женщины зависитъ умственная атмосфера семьи и дома, и потому поднятіе уровня женскаго образованія есть необходимое условіе для дальнѣйшаго развитія всего общества. Поэтому нельзя довольствоваться прежними рамками, въ которыя было поставлено образованіе дѣвушки, не слѣдуетъ прерывать этого образованія именно въ возрастѣ, когда начинаетъ дѣйствовать самостоятельная мысль, пробуждается болѣе зрѣлый интересъ къ наукѣ".

Въ заключеніе профессоръ Герье выразилъ надежду, что по истеченіи опытнаго срока, на который открываются курсы, они превратятся въ постоянное учрежденіе, прочное и по своимъ средствамъ, и по общему убѣжденію въ его полезности [1]).

Курсы были открыты при 58-ми слушательницахъ; въ первое же полугодіе число ихъ увеличилось до 66-ти, кромѣ 34 вольнослушательницъ; во второе полугодіе число это сократилось до 59-ти, а вольнослушательницъ до 27.

Лекціи читались по предметамъ: практическія упражненія по русскому языку и литературѣ, также русской литературѣ (профессоръ Тихонравовъ), исторіи цивилизаціи (проф. Герье), всеобщей литературѣ (проф. Стороженко), введеніе въ физику и

[1]) Жур. мин. нар. пр. 1873 г. Ч. CLXV.

математику (преподаватель Випперъ), всеобщей исторіи (магистрантъ Фортунатовъ), русской исторіи (проф. Ключевскій), космографіи и астрономіи (проф. Бредихинъ).

Денежныя средства курсовъ, которыми завѣдывалъ комитетъ изъ лицъ, вносившихъ ежегодно по 50-ти рублей, или внесшихъ единовременно 500 рублей, въ первый учебный годъ были довольно хороши; дохода получилось 5.081 рубль, расходъ простистирался до 2.719 руб. Въ суммѣ прихода взносы слушательницъ составляли 3.317 рублей, пожертвованій было 1.750 руб. Собраніе выборныхъ московскаго купеческаго Общества назначило курсамъ на 10 стипендій по 500 рублей въ годъ въ теченіе трехъ лѣтъ. Профессоръ Стороженко пожертвовалъ сумму, изъ процентовъ съ которой выдавались пять стипендій [1]).

Во второмъ отчетѣ профессора Герье, за 1873—1874 учебный годъ, число слушательницъ показано 103; приходъ, вмѣстѣ съ остаткомъ равнялся 7 840 рублямъ. Въ суммѣ прихода было пожертвованіе въ 1.000 рублей отъ двухъ постоянныхъ членовъ попечительнаго комитета (г-жи Станкевичъ и Герье). Расходъ простирался до 4.722 рублей; въ этой суммѣ плата преподавателямъ, за 18 годовыхъ лекцій, составляла 3.600 рублей, за три годовыхъ урока математики получено 225 рублей, англійскаго языка—104 рубля, нѣмецкаго—60 рублей. Въ остаткѣ было 3.118 рублей. Число стипендіатокъ возросло до 15-ти, такъ какъ къ прежде бывшимъ прибавились двѣ, на проценты съ капитала курсовъ.

На 3-емъ учебномъ году (1874—1875) приходъ увеличился до 8.792 рублей, въ томъ числѣ платы отъ слушательницъ получилось 5.115 рублей; расходъ простирался до 4.680 рублей; въ остаткѣ было 4.104 рубля.

Предсѣдателемъ педагогическаго Совѣта все время оставался С. М. Соловьевъ.

Въ 1872 же году въ Кіевѣ образовался кружокъ дамъ, задавшійся цѣлью помогать женщинамъ, ищущимъ высшаго образованія и, въ частности, желающимъ поступить на только что тогда открытые высшіе курсы въ Кіевѣ. Онѣ обратились въ историко-филологическій факультетъ кіевскаго университета съ просьбой открыть при немъ высшіе женскіе курсы на подобіе московскихъ.

Но министерство народнаго просвѣщенія отказало факультету на томъ основаніи, что оно само имѣетъ въ виду открыть

[1]) Первый годовой отчетъ высшихъ женскихъ курсовъ въ Москвѣ. 1873 г.

такіе курсы, а потому ходатайство факультета преждевременно. Оно разрѣшило открыть въ Кіевѣ лишь рядъ временныхъ публичныхъ лекцій съ условіемъ, чтобы подробная программа профессоровъ была представлена на его утвержденіе.

Такія лекціи были устроены, при чемъ, по просьбѣ женщинъ, историко-филологическій отдѣлъ былъ расширенъ по сравненію съ другими отдѣлами.

Эти курсы читались три семестра и затѣмъ, опять по просьбѣ женщинъ, профессора согласились ходатайствовать у министра народнаго просвѣщенія объ открытіи платныхъ лекцій для однѣхъ женщинъ.

Для обсужденія дѣла и составленія прошенія университетскому Совѣту, составился кружокъ болѣе чѣмъ изъ 50 женщинъ. Дѣло казалось тогда столь труднымъ, что только 17 изъ 50-ти рѣшились подписать прошеніе, а другія въ послѣднюю минуту отступили изъ страха передъ насмѣшками, которыми встрѣтило кіевское общество этотъ шагъ кружка.

Но нѣкоторые профессора, и, главнымъ образомъ, деканъ историко-филологическаго факультета, профессоръ А. И. Селинъ, принявшій на себя личную отвѣтственность передъ министромъ за порядокъ будущаго учрежденія, поддержали подписавшихся подъ прошеніемъ женщинъ.

Ходатайство кіевскихъ профессоровъ объ открытіи лекцій для однѣхъ женщинъ было оставлено министерствомъ народнаго просвѣщенія безъ отвѣта [1]).

---

[1]) *Ж. Образованіе.* 1877 г., январь.

XIII.

Присужденіе В. А. Кашеваровой степени доктора медицины. — Допущеніе женщинъ къ занятіямъ въ анатомическомъ театрѣ у профессора Грубера.—Запросъ военнаго министра по этому поводу. — Объясненія Н. Козлова. — Допущеніе женщинъ къ такимъ же занятіямъ въ Казани у профессора Лесгафта и другихъ профессоровъ.— Отъѣздъ русскихъ женщинъ въ заграничные университеты. — Докладъ медицинскому Совѣту членовъ его: Н. Козлова, П. Здекауера и А. Красовскаго о повышеніи уровня образованія повивальныхъ бабокъ. — Предложенія медицинскаго Совѣта. — Заключеніе военнаго министра. — Записка шефа жандармовъ. — Высочайшее повелѣніе 14 января 1871 года. — Отзывы университетскихъ Совѣтовъ на проектъ медицинскаго Совѣта. — Пожертвованіе Л. А. Родственной. — Заключеніе министра народнаго просвѣщенія по проекту медицинскаго Совѣта. — Докладъ военнаго министра государю о курсѣ ученыхъ акушерокъ. — Временное Положеніе о нихъ. — Отношеніе слушательницъ перваго пріема къ дѣлу курсовъ. — Вступительные экзамены. — Открытіе курсовъ. — Отношеніе къ нимъ профессоровъ.—М. Г. Ермолова. — Правила для слушательницъ курсовъ. — Отношеніе къ слушательницамъ студентовъ.—Матеріальная обстановка слушательницъ.—Отношеніе къ нимъ общества.—Высочайше учрежденная комиссія о мѣрахъ противъ постоянно возраставшаго числа уѣзжающихъ въ заграничные университеты женщинъ.—Оффиціальное обращеніе къ нимъ правительства.—Комиссія статсъ-секретаря Деляновa. —Допущеніе кончившихъ медицинскій курсъ въ заграничныхъ университетахъ женщинъ къ экзамену вмѣстѣ съ слушательницами курсовъ ученыхъ акушерокъ.—Недопущеніе В. А. Кашеваровой къ защитѣ диссертаціи на ученую степень.—Препятствія къ ея отъѣзду въ оренбургскій край въ качествѣ врача.

1872-й годъ ознаменовался крупнымъ событіемъ, имѣющимъ значеніе не только для женщинъ, но для всего русскаго общества. Осенью этого года были открыты женскіе врачебные курсы въ Петербургѣ.

Послѣ приказа военнаго министра 11-го мая 1864 года, которымъ женщинамъ запрещалось посѣщать медицинскую Академію, нѣкоторыя, немногія, женщины уѣхали учиться за границу, въ Цюрихъ.

Черезъ годъ послѣ того, какъ Н. Суслова вернулась въ

Россію съ дипломомъ доктора медицины, хирургіи и акушерства, Кашеварова получила такой же дипломъ отъ нашей медицинской Академіи.

Это оживило надежды стремившихся къ медицинскому образованію русскихъ женщинъ, которыя, обнадеженныя носившимися въ обществѣ и литературѣ слухами о томъ, что правительство, допустившее уже трехъ женщинъ [1]) къ медицинской практикѣ, не будетъ болѣе препятствовать женщинамъ изучать медицину въ своемъ отечествѣ, стали отовсюду съѣзжаться въ Петербургъ и готовиться къ поступленію въ Академію.

Въ Петербургѣ онѣ встрѣтили поддержку и помощь со стороны нѣкоторыхъ профессоровъ, и въ томъ числѣ извѣстнаго анатома В. Грубера, разрѣшившаго имъ заниматься въ анатомическомъ театрѣ Академіи и держать экзаменъ, который онѣ сдавали успѣшно несмотря на то, что Груберъ задавалъ имъ вопросы на латинскомъ языкѣ. [2])

Когда извѣстіе объ этомъ появилось въ газетахъ, то военный министръ потребовалъ отъ главнаго военно-медицинскаго инспектора Н. Н. Козлова свѣдѣній о томъ: кѣмъ и когда было разрѣшено профессору Груберу допускать женщинъ къ занятіямъ въ анатомическомъ театрѣ и экзаменовать ихъ, притомъ не отдѣльно, а, по словамъ газетъ, вмѣстѣ съ студентами и посторонними лицами. [3])

Н. Козловъ отвѣтилъ, что согласно утвержденной 2 января 1871 года инструкціи для только что тогда преобразованнаго практическо-анатомическаго отдѣленія, къ занятіямъ въ немъ допускаются не только врачи, ищущіе высшей ученой степени и прикомандированные къ Академіи съ научной цѣлью, но и посторонніе слушатели, посѣщающіе академическія лекціи, а по правилахъ для учащихся, утвержденнымъ военнымъ министромъ

---

[1]) Третья была М. Бокова, посѣщавшая раньше лекціи въ медицинской Академіи и довершившая свое образованіе въ Цюрихѣ, гдѣ получила степень доктора. По окончаніи курса она вступила въ члены цюрихскаго врачебно-вспомогательнаго Общества и, подъ руководительствомъ цюрихскаго профессора Розе, отправилась въ Бельфоръ, на поле битвы. Она управляла лазаретомъ при Генрикурѣ и вернувшись затѣмъ въ Россію, не занималась практикой, хотя имѣла на то право. (*Бемертъ* Университетское образованіе женщинъ С. Пет. 1873).

[2]) Матеріалы къ исторіи женскаго медицинскаго образованія въ Россіи. Доктора З. Окуньковой-Гольдингеръ. *Дѣло*. Сборникъ научно-литературный, изданный московскимъ отдѣломъ Общества для усиленія средствъ С. Пет. ж. медиц. института. Москва. 1899 г.)

[3]) Письмо Д. Милютина къ Н. Козлову отъ 4-го декабря 1871 года. (Бумаги Н. Козлова).

16 октября 1870 года, и допущенныя къ испытанію въ Академію на званіе повивальной бабки, женщины, которыя допускались къ этимъ занятіямъ уже въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ. А такъ какъ всѣ, занимающіеся практическою анатоміею обязаны приготовлять препараты и подвергаться по нимъ испытанію, то профессоръ Груберъ считалъ своею обязанностью подвергать такому испытанію всѣхъ занимающихся подъ его руководствомъ анатоміей, не исключая и женщинъ.

Что касается совмѣстныхъ съ студентами экзаменовъ, то, по объясненію Н. Козлова, это вызывается необходимостью, ибо профессору Груберу приходится въ теченіе восьми мѣсяцевъ учебнаго года проэкзаменовать по анатомическимъ препаратамъ 290 человѣкъ, каждаго по четыре раза, что составляетъ 1160 экзаменовъ и онъ не имѣетъ возможности экзаменовать отдѣльно женщинъ. Но въ залѣ гдѣ происходили испытанія, находились только врачи и студенты, ожидавшіе своей очереди, а не постороннія лица.

Н. Козловъ прибавлялъ, что для занятій женщинъ отведена особая препаровочная, и вообще онѣ занимаются отдѣльно отъ студентовъ. Кромѣ анатомическаго отдѣленія, женщины нигдѣ въ Академіи на лекціи не допускаются.

Къ своему объясненію Н. Козловъ приложилъ списокъ 24 женщинъ, занимавшихся въ 1871 году у профессора Грубера. Изъ нихъ 7 имѣли званіе домашней учительницы, 4 кончили курсъ гимназіи, 8 акушерокъ и повивальныхъ бабокъ, 2 ученицы уральской школы.

Сообщая эти свѣдѣнія Н. Козловъ говорилъ, что счелъ бы недостойнымъ скрыть отъ военнаго министра, что пять женщинъ частнымъ образомъ занимаются практической химіею въ совершенно отдѣльномъ помѣщеніи химической лабораторіи и что частные курсы для врачей, читаемые двумя профессорами по воскресеньямъ, не въ аудиторіяхъ, съ совершеннымъ исключеніемъ студентовъ Академіи, посѣщаются иногда любознательными дамами. [1])

Кромѣ Петербурга, женщины были допущены къ практическимъ занятіямъ анатоміею и въ Казани. Когда въ казанскомъ земствѣ возникли заботы объ улучшеніи мѣстныхъ санитарныхъ условій, оно обратило вниманіе на давно уже существовавшій при казанскомъ университетѣ институтъ повивальныхъ бабокъ. Ихъ

---

[1]) Министерство воени. Главное военно-медиц. управленіе. Канцелярія. 6 декабря 1871 г. (Бумаги покойнаго Н. И. Козлова.)

поступало немного, до 40-а, и обучали ихъ по устарѣлымъ учебникамъ.

Въ 1869 году профессоръ Лесгафтъ обратилъ вниманіе на ученицъ акушерскаго института и допустилъ ихъ въ аудиторію анатомическаго театра; тогда и другіе профессора: по женскимъ болѣзнямъ, гистологіи, гигіенѣ, фармакологіи, разрѣшили имъ посѣщать лекціи по этимъ предметамъ. Число ученицъ стало быстро увеличиваться. Въ началѣ 1869 года на первомъ курсѣ было 130, на второмъ 50. Но по мѣрѣ того, какъ лекціи становились серьезнѣе, многія ученицы отказывались посѣщать ихъ не будучи въ состояніи слѣдить за ними и къ слѣдующему академическому году учениць осталось около 70-ти.

6 сентября 1869 года, правительственнымъ распоряженіемъ, по представленію попечителя казанскаго учебнаго округа и по ходатайству казанскаго университета, было разрѣшено учредить при университетѣ двухлѣтній курсъ повивальнаго искусства для вольноприходящихъ [1]).

Конечно не всѣ профессора казанскаго университета относились къ женщинамъ сочувственно; были гоненія со стороны нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Это не помѣшало профессору Лесгафту представить въ Совѣтъ университета проектъ допущенія на медицинскій факультетъ женщинъ, имѣющихъ дипломъ отъ мужской или женской гимназіи, при чемъ выдержавшимъ окончательный экзаменъ въ мужской гимназіи слушательницамъ предоставлялось право слушать всѣ пять курсовъ вмѣстѣ съ студентами и по окончаніи получать званіе лекаря; имѣвшія дипломъ лишь женской гимназіи могли оставаться въ университетѣ всего четыре года [2]).

Въ Петербургѣ, кромѣ занятій въ анатомическомъ театрѣ, готовившіяся къ слушанію медицинскаго курса женщины, большей частью молодыя дѣвушки, „контрабандой—говоритъ г-жа Окунькова-Гольдингеръ—бѣгали въ Академію на лекціи профессоровъ Сѣченова и Боткина, произведшихъ сильное впечатлѣніе на наши юныя головы“. Онѣ посѣщали и лекціи профессоровъ Менделѣева, Бекетова, Овсянникова, Петрушевскаго на петербургскихъ публичныхъ курсахъ какъ только эти курсы открылись и это, по словамъ г-жи Окуньковой, была „солидная подготовка для будущихъ занятій въ заграничныхъ университетахъ и на женскихъ врачебныхъ курсахъ“). Наконецъ нѣкоторыя, съ той же цѣлью, стали посѣщать

---

[1]) Журн. мин. нар. пр. 1869 г., ч. 145.

[2]) *Недѣля.* 1870 г. № 49.

курсы въ родильномъ институтѣ, гдѣ встрѣтили гуманное отношеніе и помощь въ занятіяхъ со стороны директора Крассовскаго и молодыхъ тогда ординаторовъ, нынѣ пріобрѣвшихъ извѣстность, врачей, которые помимо занятій въ родильномъ отдѣленіи, занимались съ слушательницами въ амбулаторіи по женскимъ болѣзнямъ, и подъ ихъ руководствомъ, слушательницы „научились многому, такъ какъ матеріалъ былъ обширный и объясненія прекрасныя".

Все это, конечно, давалось молодымъ женщинамъ цѣною всякаго рода лишеній и огромнаго труда. Не говоря о томъ, что многимъ изъ нихъ пришлось выдержать болѣзненную борьбу съ близкими, любимыми людьми, не понимавшими, а потому можетъ быть, и не сочувствовавшими ихъ стремленію къ образованію, но у большинства ихъ не было и средствъ къ жизни. Г-жа Окунькова, сама пережившая то, о чемъ разсказываетъ, говоритъ, что образъ жизни слушательницы вели однообразный; — „все время посвящено было работѣ: развлеченій почти не знали; намъ все казалось что мы мало работаемъ. Ютились по дешевымъ меблированнымъ комнатамъ на четвертыхъ этажахъ, на второмъ или третьемъ дворѣ; удобствъ никакихъ, столъ незавидный, да и свѣженько было ложиться въ холодную постель. Но на всѣ эти невзгоды обращалось мало вниманія".

Для того, чтобы такъ упорно добиваться своего, нужно было, по справедливому замѣчанію г-жи Некрасовой „сильно, горячо, страстно любить науку... Піонерки были дѣти шестидесятыхъ годовъ, вступавшія въ жизнь съ идеальнымъ взглядомъ, если не на самую жизнь, то на науку. Онѣ видѣли въ ней спасеніе отъ всѣхъ золъ, наводнявшихъ жизнь, видѣли въ ней исходъ—цѣль" [1]).

Нѣсколько подготовившись къ слушанію медицинскаго курса женщины, въ виду неопредѣленнаго положенія дѣла въ Россіи, стали уѣзжать довольно уже большими партіями въ заграничные университеты, не только въ цюрихскій, но и въ бернскій, парижскій и другіе, гдѣ къ началу семидесятыхъ годовъ собралось уже много учащихся русскихъ женщинъ. Оставшіяся въ Россіи все еще не теряли надежды получить возможность дома пріобрѣсть нужное имъ образованіе.

Ихъ надежды оправдались.

Воспользовавшись предстоявшимъ пересмотромъ въ медицин-

---

[1]) Женскіе врачебные курсы въ Петербургѣ. По воспоминаніямъ и перепискѣ студентокъ. *Еж. С. Некрасовой.* (В. Евр. 1882 г., декабрь).

скомъ Совѣтѣ Положенія о медицинскихъ учебныхъ степеняхъ, совѣщательные члены Совѣта: Н. Козловъ, Н. Здекауеръ и А. Крассовскій, 28-го января 1870 года представили ему записку „о мѣрахъ къ возвышенію уровня медицинскаго образованія повивальныхъ бабокъ".

Вопросъ этотъ давно уже занималъ медицинскій Совѣтъ, такъ какъ спросъ на повивальныхъ бабокъ постоянно увеличивался, а образованіе ихъ оставалось почти тѣмъ же, какимъ было сто лѣтъ назадъ, не поднимаясь выше уровня „спеціальнаго ограниченнаго обученія, близкаго къ ремеслу". Къ тому же его можно было получать только въ столичныхъ родовспомогательныхъ заведеніяхъ. Такъ какъ число оканчивавшихъ въ этихъ заведеніяхъ бабокъ было недостаточно для удовлетворенія требованій всего населенія, то въ 40-хъ годахъ имъ было разрѣшено заниматься при университетскихъ клиникахъ.

Въ 1856 году была основана въ Митавѣ первая отдѣльная акушерская школа для женщинъ при больницѣ, а затѣмъ министерство внутреннихъ дѣлъ стало учреждать такія школы при земскихъ городскихъ больницахъ, но ихъ было немного. Въ нѣкоторыхъ изъ такихъ школъ былъ увеличенъ объемъ преподаванія наукъ; въ московской акушерской школѣ при воспитательномъ домѣ ученицамъ читали краткую анатомію, гигіену, малую хирургію, женскія и дѣтскія болѣзни; въ 1866 году при городской Калинкинской больницѣ было учреждено особое спеціальное училище для изученія сифилиса у женщинъ и дѣтей, а въ 1867-мъ повивальнымъ бабкамъ было разрѣшено дѣлать нѣкоторыя важныя операціи, которыя прежде имъ запрещались Но уровень общаго образованія повивальныхъ бабокъ и въ концѣ шестидесятыхъ годовъ оставался низкимъ; а между тѣмъ въ виду почти полнаго отсутствія врачей въ уѣздныхъ городахъ и селахъ, къ которымъ въ случаѣ надобности могли бы обратиться повивальныя бабки, а также въ виду ограниченнаго числа такихъ врачей, которые были бы знакомы съ практическимъ акушерствомъ, отъ бабки всецѣло зависѣла жизнь роженицы и ребенка.

Излагая въ своемъ докладѣ эти обстоятельства, Н. Козловъ, Н. Здекауеръ и А. Крассовскій указывали два выхода изъ такого положенія: или предоставить акушерскую дѣятельность исключительно врачамъ, по обязавъ ихъ къ полному изученію практическаго акушерства, или допустить женщинъ къ общему врачебному образованію *на сколько оно необходимо для полнаго акушерскаго обученія.*

Въ пользу допущенія женщинъ къ общему медицинскому об-

разованію въ докладѣ приводилось „не нуждающіяся въ доказательствахъ и защитѣ“ качества женщинъ: ихъ самоотверженность, сносливость, терпѣніе у постели больного, ихъ умѣнье поддержать въ немъ вѣру и надежду въ исцѣленіе. Относительно способности женщинъ усвоить себѣ естественно-историческое и врачебное образованіе „вполнѣ достаточное для указываемаго имъ требованіями общества полезнаго практическаго приложенія“, въ докладѣ говорилось, что „этотъ вопросъ уже поставленъ внѣ спора всѣми извѣстными личными примѣрами у насъ и заграницею“. Въ подкрѣпленіе этихъ доводовъ, авторы доклада указывали на замѣтное въ нашемъ обществѣ стремленіе женщинъ къ врачебному образованію, обнаруживающееся, между прочимъ, тѣмъ, что многія женщины со средствами отправляются заграницу для своего медицинскаго образованія и если имъ не предоставить возможность изучать медицину на родинѣ, то „этотъ важный вопросъ, неразрѣшенный у насъ въ принципѣ, будетъ фактически разрѣшенъ нашими же женщинами, только съ помощью иностраннаго моральнаго вліянія“.

Поэтому въ докладѣ предлагалось установить *на первое время* для женщинъ двѣ акушерскія степени: 1) повивальной бабки въ томъ видѣ, какъ она достигается въ родовспомогательныхъ заведеніяхъ и съ тѣми правами на врачебную практику, какъ они указаны послѣдними распоряженіями медицинскаго Совѣта, и 2) степень ученой акушерки съ общимъ врачебнымъ образованіемъ въ необходимомъ объемѣ для самостоятельной практической дѣятельности по акушерской части и леченію женскихъ и дѣтскихъ болѣзней, для чего и открыть, отдѣльные отъ студентовъ, для женщинъ курсы въ медикохирургической Академіи и при тѣхъ медицинскихъ факультетахъ, гдѣ это позволяютъ мѣстныя средства. Достигшимъ степени ученой акушерки по установленной программѣ предлагалось предоставить, наравнѣ съ врачами, право самостоятельной акушерской и гинекологической практики, а въ деревняхъ и мѣстностяхъ, неимѣющихъ спеціальныхъ врачей, сверхъ того, и права сифилитической и дѣтской практики“ [1]).

Медицинскій Совѣтъ журналомъ 7-го апрѣля 1870 года принялъ эти предложенія, добавивъ ихъ слѣдующими постановленіями: условіемъ допущенія женщинъ къ слушанію врачебныхъ курсовъ должно быть выдержаніе ими полнаго окончатель-

[1]) Историческая записка къ докладу Высочайше учрежденной комиссіи по вопросу о женскихъ врачебныхъ курсахъ, медицинскомъ образованіи и правахъ медицинской практики женщинъ.

наго экзамена по программѣ женскихъ гимназій и институтовъ; этому же условію должны удовлетворять и имѣющія степень повивальной бабки, желающія слушать курсъ врачебныхъ наукъ. Курсъ врачебно-акушерскаго образованія установить четырехлѣтній; по окончаніи курса, для полученія степени ученой акушерки, ученицы должны выдержать испытаніе по программѣ, установленной на званіе лекаря, съ тѣмъ, при томъ различіемъ, что изъ предметовъ, не входящихъ полностью въ кругъ будущей ихъ дѣятельности, какъ-то изъ теоретической и оперативной хирургіи, судебной медицины и ученія о нервныхъ и глазныхъ болѣзняхъ, онѣ испытываются лишь въ примѣненіи къ ней, а изъ акушерства, ученія о женскихъ и дѣтскихъ болѣзняхъ (преимущественно грудныхъ дѣтей) подвергаются болѣе спеціальному какъ теоретическому, такъ и практическому испытанію, чѣмъ на степень лекаря; получившимъ степень ученой акушерки предоставляется право самостоятельной, по преимуществу спеціальной, акушерской гинекологической врачебной практики, а также леченія сифилиса у женщинъ и дѣтей и подаванія пособій грудным дѣтямъ.

Это постановленіе медицинскаго Совѣта было передано на заключеніе министровъ военнаго и народнаго просвѣщенія.

Военный министръ отвѣтилъ (9-го мая 1870 года), что, „раздѣляя мысль о настоятельной необходимости этой мѣры, признаетъ ее достижимою не иначе, какъ при *правильномъ систематическомъ* обученіи повивальныхъ бабокъ главнѣйшимъ врачебнымъ наукамъ, возможнымъ лишь въ высшихъ врачебнообразовательныхъ заведеніяхъ". Къ этому Д. Милютинъ прибавилъ, что „не встрѣчаетъ препятствія, чтобы желающія достигать степени акушерки получали врачебное образованіе въ медикохирургической Академіи, если эта степень будетъ установлена въ законодательномъ порядкѣ, при томъ на основаніяхъ по соглашенію военнаго министра съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ".

Министръ народнаго просвѣщенія нашелъ нужнымъ спросить предварительно заключенія университетскихъ Совѣтовъ по вопросу.

Отзывы университетскихъ Совѣтовъ стали поступать въ министерство съ октября 1870 года и продолжались по апрѣль 1871 года; но медицинскій Совѣтъ постановилъ, не ожидая отвѣта министра народнаго просвѣщенія, поручить Н. Козлову составить проектъ Положенія и штата предположеннаго курса ученыхъ акушерокъ для внесенія въ Государственный Совѣтъ [1]).

[1]) Министерство внутреннихъ дѣлъ. 4-го ноября 1870 г. (Бумаги П. Козлова).

Между тѣмъ, 15-го декабря 1870 года шефъ жандармовъ внесъ въ Совѣтъ министровъ записку „по поводу постоянно увеличивавшихся заявленій о дозволеніи женщинамъ поступать на службу въ общественныя и правительственныя учрежденія". Возникновеніе въ Россіи этого новаго общественнаго вопроса, „возбудившаго агитацію въ извѣстныхъ кружкахъ общества и въ литературѣ", заслуживаетъ, по мнѣнію шефа жандармовъ, вниманія правительства, и оставлять его неразъясненнымъ значило бы поддерживать въ женщинахъ неосуществимыя стремленія"; поэтому онъ полагалъ необходимымъ рѣшить: 1) допускать ли женщинъ къ занятію должностей вообще, 2) ограничить ли это допущеніе только извѣстными учрежденіями и мѣстами, и 3) не слѣдуетъ ли запретить женщинамъ вступать на это новое поприще?

Разсматривая вопросъ со стороны вліянія, какое будетъ имѣть на домашнюю жизнь нашего общества, на семью и на самую женщину ея поступленіе на службу, а также пользу или вредъ, которые принесетъ женщина службѣ вообще и дѣлу, которому она посвятитъ себя, въ частности, шефъ жандармовъ указалъ на то, что „вступая въ общественную служебную дѣятельность, женщина прежде всего отрывается отъ своего прямого назначенія, вводится въ кругъ мужскихъ занятій, отдаляется отъ домашняго очага, отъ помышленія сдѣлаться хорошею женою и матерью и переходитъ въ область независимости и безотчетнаго пренебреженія къ тому, что составляло до сихъ поръ ея главное призваніе". Поэтому шефъ жандармовъ высказывалъ увѣренность, что „разрѣшеніе женщинамъ занимать мѣста, предоставленныя исключительно мужчинамъ, непремѣнно должно отозваться вредными и губительными послѣдствіями какъ на самихъ женщинахъ, такъ и, въ особенности, на ихъ семействахъ, а потому предложенію этому можно смѣло произнести приговоръ отрицательный".

Съ другой стороны, въ виду значительнаго недостатка въ лицахъ на должностяхъ, гдѣ женскій трудъ незамѣнимъ, „а именно повивальныхъ бабокъ и воспитательницъ дѣтей" шефъ жандармовъ полагалъ, что правительству гораздо полезнѣе привлекать женщинъ къ этимъ занятіямъ, „вполнѣ соотвѣтствующимъ какъ ихъ полу, такъ и ихъ назначенію".

Поэтому онъ предлагалъ: 1) всѣми мѣрами содѣйствовать распространенію и преуспѣянію курсовъ акушерскихъ наукъ, привлекая къ нему возможно бо́льшее число слушательницъ; 2) поощрять женщинъ на поприщѣ воспитательномъ, гдѣ онѣ

уже нынѣ занимаютъ должности учительницъ въ начальныхъ школахъ и низшихъ классахъ женскихъ гимназій, а буде признается возможнымъ, то предоставить учебному вѣдомству расширить еще кругъ ихъ дѣятельности на этомъ поприщѣ; 3) удержать въ телеграфномъ вѣдомствѣ тѣхъ, которыя туда уже опредѣлены и оказываются исправными, стараясь притомъ не увеличивать ихъ числа, и 4) отнюдь не допускать пріема женщинъ въ такія правительственныя учрежденія, гдѣ должности замѣщаются какъ по назначенію отъ начальства, такъ и по выборамъ, и вообще не опредѣлять ихъ въ должности, которыя до сего времени исключительно занимались лицами мужского пола [1]).

14-го января 1871 года, вопросъ, возбужденный этою запискою, обсуждался въ Совѣтѣ министровъ въ присутствіи самого государя и тогда состоялось Высочайшее повелѣніе, которымъ были приняты предложенія, изложенныя въ запискѣ шефа жандармовъ, съ нѣкоторыми добавленіями. Первымъ пунктомъ Высочайшаго повелѣнія было постановлено: 1) всѣми мѣрами содѣйствовать распространенію и преуспѣянію правильно устроенныхъ, отдѣльныхъ для женщинъ, курсовъ акушерскихъ наукъ и къ привлеченію на оные какъ можно болѣе слушательницъ для того, чтобы дать возможность наибольшему числу женщинъ пріискать себѣ акушерскія занятія во всѣхъ частяхъ государства, столь скудно еще надѣленныхъ представительницами этой необходимой отрасли. 2) Въ виду пользы, приносимой госпитальной дѣятельностью сестеръ милосердія, разрѣшить женщинамъ занятія фельдшерскія и по оспопрививанію, а также аптекарскія въ женскихъ лечебныхъ заведеніяхъ.

Третій пунктъ Высочайшаго повелѣнія о воспитательной дѣятельности женщинъ оставленъ совершенно въ томъ видѣ, какъ онъ изложенъ въ пунктѣ второмъ записки шефа жандармовъ.

Четвертымъ пунктомъ Высочайшаго повелѣнія разрѣшалось допускать женщинъ: а) по телеграфному вѣдомству къ занятію мѣстъ сигналистовъ и телеграфистовъ лишь въ опредѣленной министерствомъ внутреннихъ дѣлъ пропорціи общаго числа этихъ должностей, и б) по счетной части въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства IV отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи по непосредственному усмотрѣнію Его Императорскаго Высочества главноуправляющаго отдѣленіемъ.

---

[1]) Историч. записка къ докладу Высоч. учр. комиссіи по вопросу о ж. врач. курсахъ, медиц. образованіи и правахъ медиц. практики женщинъ.

Пунктомъ пятымъ запрещалось принимать женщинъ, даже и по найму, на канцелярскія и другія должности во всѣхъ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ, гдѣ мѣста предоставляются по назначенію отъ начальства и по выборамъ.

Наконецъ, пунктомъ шестымъ повелѣвалось объявить о семъ всѣмъ министрамъ и главноуправляющимъ частями къ должному исполненію; производящіяся же по этому предмету дѣла въ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ и министерствѣ внутреннихъ дѣлъ считать конченными.

Въ представленныхъ попечителями учебныхъ округовъ отзывахъ университетскихъ Совѣтовъ, которые передавали проектъ и программы, составленныя медицинскимъ Совѣтомъ, на предварительное разсмотрѣніе медицинскихъ факультетовъ, Совѣты всѣхъ университетовъ высказались за допущеніе женщинъ къ медицинскому образованію.

Совѣтъ *одного* университета, находя, что то образованіе, которое предполагается давать ученымъ повивальнымъ бабкамъ, не устранитъ недостатка въ вполнѣ свѣдущихъ акушеркахъ, высказался за допущеніе женщинъ, надлежащимъ образомъ подготовившихся, къ высшему медицинскому образованію со всѣми соотвѣтствующими тому правами, но при условіяхъ, какія установлены для испытанія на званіе лекаря.

Совѣтъ *другого* университета, высказывая тоже мнѣніе, указалъ, что на медицинскомъ факультетѣ нѣтъ ни одного предмета, который могъ бы быть признанъ не необходимымъ для образованія практическаго врачебнаго дѣятеля и всѣ они преподаются лишь въ томъ объемѣ, въ какомъ существенно необходимы для врачебной практики; поэтому и женщины должны проходить тотъ же курсъ и подвергаться тому же испытанію, какъ мужчины.

Такое же мнѣніе Совѣтъ *третьяго* университета добавилъ тѣмъ, что для клиническихъ занятій женщинъ необходимо два года, какъ это установлено для мужчинъ, а не одинъ, какъ предполагается проектомъ медицинскаго Совѣта.

Совѣтъ *четвертаго* университета призналъ необходимымъ добавить программу проекта преподаваніемъ женщинамъ спеціальной патологіи и терапіи, а также общей и частной хирургической патологіи; ученіе о первыхъ, глазныхъ и сифилитическихъ болѣзняхъ вести въ полномъ, а не сокращенномъ объемѣ; вообще допустить женщинъ къ слушанію полнаго курса медицинскихъ наукъ на равнѣ съ студентами и на равныхъ, во всѣхъ отношеніяхъ, съ ними условіяхъ.

Совѣтъ *пятаго* университета, высказывая тожественное мнѣніе, считалъ нужнымъ требовать отъ женщинъ при поступленіи на курсы экзамена по программѣ полнаго курса мужскихъ гимназій съ однимъ латинскимъ языкомъ въ размѣрѣ, необходимомъ для медицинской терминологіи. Въ виду того, что программы женскихъ гимназій и институтовъ недостаточны для серьезнаго изученія физики, физіологіи и другихъ предметовъ, Совѣтъ полагалъ, что желающихъ слушать мед[illegible] курсъ женщинъ при условіи экзамена изъ полнаго курса мужскихъ гимназій, будетъ меньше, чѣмъ при предлагаемыхъ проектомъ вступительныхъ требованіяхъ для ученыхъ акушерокъ, но это не послужитъ ко вреду дѣла. По мнѣнію Совѣта, медицинскіе курсы должны быть совмѣстны для женщинъ и мужчинъ; это не потребуетъ новыхъ издержекъ отъ казны, совмѣстность давно уже существуетъ на дѣлѣ и у насъ при слушаніи курсовъ акушерства и посѣщеніи женскихъ клиникъ студентами и акушерскими ученицами, и не оказываетъ никакихъ серьезныхъ неудобствъ.

При этомъ Совѣтъ указалъ на примѣръ Цюриха, доказывающаго, что совмѣстное слушаніе лекцій женщинъ съ мужчинами не только не имѣло вреднаго, но положительно имѣло полезное и моральное вліяніе на тѣхъ и другихъ и не вело ни къ какимъ серьезнымъ неудобствамъ ни для больныхъ, ни для преподавателей.

„По общему замѣчанію,—сказано въ мнѣніи Совѣта,—въ этотъ періодъ и у насъ, и въ Цюрихѣ, не только не нарушалось приличіе, но общій моральный уровень студенчества положительно сталъ выше“ [1]).

Еще раньше, чѣмъ эти отзывы вмѣстѣ съ заключеніемъ министра народнаго просвѣщенія были представлены въ министерство внутреннихъ дѣлъ, все дѣло направилось къ быстрому осуществленію, благодаря получившемуся отъ дочери умершаго полковника Лидіи Родственной капиталу въ 50.000 рублей съ тѣмъ, чтобы эта сумма оставалась неприкосновенною, а процепты съ нея употреблялись на учебныя пособія или другія надобности женскихъ врачебныхъ курсовъ [2]).

Лидія Алексѣевна Родственная незадолго до того пріѣхала изъ Сибири въ Петербургъ учиться; она посѣщала петербургскіе публичные курсы и занималась въ физической лабораторіи

[1]) Журналъ мин. нар. пр. 1871, ч. 157.

[2]) Матеріалы по женскимъ врачебнымъ курсамъ. I. Учрежденіе женск. врач. курсовъ.

у преподавателя Краевича. Еще въ Сибири она принадлежала къ кружку молодыхъ людей, мужчинъ и женщинъ, проникнутыхъ идеями и стремленіями шестидесятыхъ годовъ и мечтавшихъ о высшемъ образованіи для женщинъ. Въ этомъ кружкѣ задумали дѣятельно помочь осуществленію мечты о женскомъ университетѣ составленіемъ капитала, предназначеннаго на его устройство.

Родственная, съ согласія своей матери, внесла съ этой цѣлью 50.000 рублей, составлявшіе почти все ея состояніе, съ тѣмъ, чтобы проценты присоединялись къ капиталу до тѣхъ поръ, пока онъ не возрастетъ до требуемаго размѣра. Объ этомъ тогда же, въ 1870 году, былъ составленъ письменный актъ и были выбраны попечители для распоряженія дѣломъ. Но оно не пошло, а пріѣхавъ въ Петербургъ и узнавъ о проектируемыхъ женскихъ врачебныхъ курсахъ, Родственная [1]) рѣшила отдать имъ свой капиталъ, пожертвовавъ его отъ имени „неизвѣстной“ [2]).

Пожертвованіе было сдѣлано 24-го февраля 1872 года, а 2-го марта военный министръ представилъ государю докладъ, въ которомъ, исходя изъ Высочайшаго повелѣнія 14-го января 1871 г. объ устройствѣ отдѣльныхъ для женщинъ курсовъ акушерскихъ наукъ, просилъ разрѣшенія устроить такіе курсы при медико-хирургической Академіи, „обладающей всѣми средствами для правильнаго образованія ученыхъ акушерокъ, а съ выведеніемъ академическихъ клиникъ въ построенное на капиталъ Баронета Вилье особое зданіе, представляющей возможность устроить особые для женщинъ курсы въ отдѣльномъ отъ студентовъ помѣщеніи“.

Покрывать расходы по курсамъ, по вознагражденію преподавателей и на учебныя пособія „примѣрно по 10.000 рублей въ годъ“, военный министръ полагалъ изъ платы отъ слушательницъ, по 50 въ каждомъ курсѣ и въ одинаковомъ съ платою студентовъ размѣрѣ.

Въ докладѣ испрашивалось Высочайшее разрѣшеніе на принятіе пожертвованія Лидіи Родственной, которой государь повелѣлъ изъявить его благодарность.

Тогда и Совѣтъ министра народнаго просвѣщенія сообщилъ министру внутреннихъ дѣлъ свои заключенія въ связи съ отзывами университетовъ. Совѣтъ министра постановилъ: „не отри-

---

[1]) Скоро затѣмъ она вышла замужъ за генерала А. Л. Шанявскаго.

[2]) *З. Окунькова-Гольдингеръ.* Мат. къ исторіи женск. медиц. образованія въ Россіи.

цая пользы медицинскаго образованія повивальныхъ бабокъ съ тою цѣлью, чтобы удостоенныя изъ нихъ званія ученыхъ акушерокъ имѣли права на самостоятельное леченіе опредѣленнаго круга болѣзней и такимъ образомъ могли заступать мѣсто врачей", онъ признаетъ необходимымъ, чтобы при устройствѣ медицинскихъ курсовъ для ученыхъ акушерокъ, женскіе медицинскіе курсы въ университетахъ были отдѣльные отъ курсовъ для студентовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Совѣтъ министра народнаго просвѣщенія находилъ нужнымъ имѣть въ виду: 1) свѣдѣнія о томъ, при какихъ условіяхъ и въ какомъ размѣрѣ предоставляется женщинамъ право на медицинскую практику въ западной Европѣ, и 2) мнѣніе медицинскаго Совѣта, не признаетъ ли онъ полезнымъ, кромѣ устройства курсовъ ученыхъ акушерокъ, учредить курсы и лекарскихъ помощницъ, которыя могли бы, также какъ ученыя акушерки, заступать въ нѣкоторыхъ случаяхъ мѣсто врачей [1]).

3-го мая 1872 года военный министръ представилъ государю новый докладъ, въ которомъ излагалъ основанія устройства будущихъ курсовъ. Преподаваніе на нихъ, согласно этому докладу, возлагалось преимущественно на преподавателей Академіи по выбору и назначенію главнаго военно-медицинскаго инспектора, по спеціальнымъ программамъ, утвержденнымъ конференціею Академіи. Число учащихся предполагалось на первомъ курсѣ 70, въ нихъ числѣ могло быть 20 вольнослушательницъ; къ вступительному пріему допускались лишь кончившія курсъ въ институтахъ и гимназіяхъ, также имѣющія дипломъ на званіе домашней учительницы по предметамъ женскаго гимназическаго курса. При переходѣ изъ курса на курсъ въ концѣ каждаго учебнаго года учащіяся должны были подвергаться испытанію, также полугодовымъ репетиціямъ, а по окончаніи всего курса полному испытанію изъ всѣхъ пройденныхъ паукъ по программѣ *примѣрительно* установленной на степень лекаря. Различіе полагалось лишь въ томъ, чтобы изъ предметовъ, не входящихъ въ полномъ объемѣ въ кругъ будущей дѣятельности акушерокъ, онѣ испытывались лишь въ примѣненіяхъ къ этой дѣятельности, а изъ акушерства и ученія о женскихъ и дѣтскихъ болѣзняхъ подвергались болѣе спеціальному, какъ теоретическому, такъ и практическому испытанію. Ближайшее завѣдываніе отдѣленіемъ женскихъ курсовъ, по внутреннему порядку, возлагалось на почетную директриссу, а въ административномъ

[1]) Отзывъ мин. нар. пр. 29-го апрѣля 1872 г.

отношеніи на начальника Академіи съ подчиненіемъ отдѣленія, наравнѣ съ другими частями Академіи, главному военно-медицинскому инспектору. Въ заключеніе докладъ испрашивалъ разрѣшить курсы сначала въ видѣ опыта на четыре года, съ тѣмъ, чтобы по истеченіи этого срока, проектъ Положенія о курсахъ, согласно оказавшимся необходимыми измѣненіямъ и улучшеніямъ былъ внесенъ въ законодательномъ порядкѣ на окончательное утвержденіе.

Этотъ докладъ былъ Высочайше утвержденъ 6-го мая 1872 года.

Получивъ разрѣшеніе на устройство курсовъ, Д. Милютинъ обратился къ великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ съ просьбой принять ихъ подъ свое покровительство. Она, оставивъ докладъ у себя, пожелала видѣть и программы курсовъ [1]).

По сообщеніи министру внутреннихъ дѣлъ о состоявшемся Высочайшемъ разрѣшеніи учредить женскіе курсы при медицинской Академіи, военный министръ просилъ извѣстить его о дальнѣйшихъ распоряженіяхъ министра внутреннихъ дѣлъ по учрежденію въ законодательномъ порядкѣ степени ученой акушерки и 10-го іюля 1872 года появился приказъ по военному вѣдомству. Въ немъ предписывалось принять къ исполненію и руководству составленное въ медицинскомъ Совѣтѣ временное Положеніе о курсахъ. Въ приказѣ было сказано, что „значеніе степени ученой акушерки имѣетъ быть опредѣлено впослѣдствіи особымъ Положеніемъ“ [2]).

Согласно Высочайше утвержденному 8-го іюля 1872 года временному Положенію *объ особомъ женскомъ курсѣ при Императорской медико-хирургической Академіи для образованія ученыхъ акушерокъ* полагалось между прочимъ образовать изъ преподавателей особое Совѣщаніе подъ предсѣдательствомъ начальника Академіи для обсужденія такихъ вопросовъ по учебной части, которые Положеніемъ Академіи возложены на ея конференцію (§ 5). Въ число слушательницъ допускались женщины не моложе 20-ти лѣтъ, ежегодно къ пріему могло быть допущено не болѣе 70-ти слушательницъ (§ 8); желающія поступить въ число ихъ независимо отъ атестатовъ и свидѣтельствъ объ окончаніи курса въ институтѣ, гимназіи или диплома на званіе домашней учительницы, должны были подвергаться особому повѣрочному экзамену изъ предметовъ полнаго курса женскихъ

---

[1]) Письмо Д. Милютина къ Н. Козлову 7-го мая 1872 г. (Бумаги Н. Козлова).

[2]) Мат. по женск. врач курсамъ.

гимназій, примѣнительно къ правиламъ, установленнымъ для пріема студентовъ (§ 10); за право слушанія лекцій и пользованіе учебными пособіями при практическихъ занятіяхъ слушательницы должны вносить по 50 рублей въ годъ (§ 11); имъ предписывалось носить одежду, установленную для повивальныхъ бабокъ въ родовспомогательныхъ заведеніяхъ (§ 14); преподаваніе должно было производиться по особымъ программамъ, примѣненнымъ къ спеціальнымъ цѣлямъ курсовъ и согласованнымъ между собою въ общемъ совѣщаніи преподавателей (§ 16), отдѣльно отъ студентовъ: теоретическіе—въ особомъ помѣщеніи, практическіе—въ академическихъ или госпитальныхъ клиникахъ, въ часы, свободные отъ занятій студентовъ; практическое обученіе слушательницъ могло происходить и въ родовспомогательныхъ и другихъ спеціальныхъ заведеніяхъ (§ 17); слушательницы могли оставаться на одномъ курсѣ не болѣе двухъ лѣтъ, и не болѣе двухъ разъ въ продолженіе всего ученія, за исключеніемъ особенныхъ, уважительныхъ поводовъ, съ разрѣшенія военнаго министра (§ 20); выпускной экзаменъ предписывалось производить по особой программѣ, примѣнительно къ испытанію, установленному на званіе лекаря, съ тою разницею, что изъ предметовъ, не входящихъ въ полномъ объемѣ въ кругъ будущей дѣятельности слушательницъ, какъ-то: изъ теоретической и оперативной хирургіи и ученія о нервныхъ и глазныхъ болѣзняхъ, онѣ испытываются лишь въ примѣненіи къ этой дѣятельности; изъ судебной же медицины и медицинской полиціи, изъ ученія объ эпизоотіяхъ и ветеринарной полиціи не испытываются вовсе, а взамѣнъ того, изъ акушерства, ученія о женскихъ и дѣтскихъ болѣзняхъ (преимущественно грудныхъ дѣтей), подвергаются болѣе спеціальному, чѣмъ на степень лекаря, какъ теоретическому, такъ и практическому, испытанію [1]).

Это Положеніе было напечатано въ *Правительственномъ Вѣстникѣ*. Большинство газетъ и журналовъ привѣтствовало учрежденіе курсовъ ученыхъ акушерокъ, какъ шагъ, которымъ мы опережаемъ Европу. *Вѣстникъ Европы* отмѣтилъ вообще недоброжелательное отношеніе бо́льшей части нашего общества къ занятію женщинъ медициною, въ особенности анатоміею; такъ относятся, по словамъ журнала, большинство самихъ женщинъ, „и разумѣется,—прибавляетъ онъ,—замужнихъ“ [2]).

Разбирая временное Положеніе и сдѣланныя въ немъ огра-

---

[1]) Матеріалы по женск. врач. курсамъ.

[2]) *Вѣстникъ Европы*. 1872, сентябрь.

ничения и урѣзки въ программѣ, сравнительно съ курсомъ студентовъ, *Вѣстникъ Европы* сомнѣвался въ томъ, чтобы курсъ слушательницъ стоялъ на равной научной высотѣ съ послѣднимъ, чтобы общество относилось къ ученымъ акушеркамъ съ довѣріемъ и возставалъ противъ исключительнаго назначенія курсовъ, ясно выраженнаго въ напечатанномъ въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* особомъ объявленіи отъ начальства Академіи, въ которомъ сказано, что „открываемый курсъ имѣетъ *исключительнымъ назначеніемъ* образованіе ученыхъ акушерокъ въ той степени, чтобы по окончаніи ученія онѣ были способны подавать самостоятельную врачебную помощь при родахъ и ихъ послѣдствіяхъ, а также въ женскихъ и дѣтскихъ болѣзняхъ и сифилисѣ женщинъ и дѣтей".

Вообще, находя условія, какими обставлены курсы, несправедливыми по отношенію къ женщинамъ, журналъ указывалъ на то, что онѣ, поступая на курсы 20-ти лѣтъ, не могутъ этого дѣлать безъ согласія родителей, хотя въ 21 годъ для дѣвушки наступаетъ совершеннолѣтіе, она можетъ самостоятельно выйти замужъ, распоряжаться своимъ имуществомъ; но вступить въ Академію ей запрещается хотя бы ей было 50 лѣтъ. „Такъ страшна все еще кажется намъ наука!" прибавлялъ *Вѣстникъ Европы*.

Можетъ быть составители проекта курсовъ для ученыхъ акушерокъ руководствовались тѣмъ соображеніемъ, что въ иномъ, болѣе полномъ видѣ, проектъ не былъ бы утвержденъ и, стало быть, не было бы положено начало дѣлу, которое впослѣдствіи неминуемо должно развиться до настоящихъ, вызываемыхъ общей потребностью размѣровъ. Можетъ быть и весь медицинскій Совѣтъ раздѣлялъ такой взглядъ; но достойно вниманія, что ни одно изъ указаній университетскихъ Совѣтовъ не было принято при составленіи имъ программъ женскихъ медицинскихъ курсовъ.

Какъ только было напечатано оффиціальное извѣстіе объ учрежденіи курсовъ, такъ давно уже мечтавшія о нихъ женщины стали усиленно готовиться къ вступительному экзамену. Всѣ боялись за его исходъ, особенно при неясности параграфа 10 временнаго Положенія, въ которомъ было сказано, что провѣрочный экзаменъ изъ предметовъ полнаго курса женскихъ гимназій будетъ производиться „примѣнительно къ правиламъ, установленнымъ для студентовъ". Поэтому „несмотря на лѣто, несмотря на сильные жары, бывшіе въ тотъ годъ, — говоритъ Е. Некрасова, — по всѣмъ угламъ женскаго царства начались усиленныя

занятія". Ходили слухи, что экзамены будутъ очень строгіе, что женщинъ хотятъ провалить, чтобы доказать несостоятельность ихъ стремленій къ медицинскому образованію, а также, что число желающихъ поступить въ Академію уже очень велико, а вакансій всего 70. Поэтому всѣ спѣшили подавать прошенія.

Эти слухи были преувеличены. Успокоительное извѣстіе было получено отъ президента Академіи, который объяснилъ обращавшимся къ нему будущимъ студенткамъ, что экзамены будутъ легкіе, а это опять опечалило ихъ, ибо онѣ боялись, что въ Академію проникнетъ такая публика, какая была на московскихъ фельдшерскихъ женскихъ курсахъ. „Студентки хорошо понимали,—говоритъ Е. Некрасова, — какъ неусыпно зорко и притомъ съ затаенною враждой будетъ слѣдить за ихъ успѣхомъ, за каждымъ ихъ движеніемъ большая часть русскаго общества. Поэтому онѣ готовы были подвергнуть себя самымъ строгимъ, самымъ труднымъ экзаменамъ, лишь бы не допустить на первое время что-нибудь несерьезное въ свою среду и на первыхъ же порахъ не сгубить то дѣло, которому онѣ придавали важное значеніе какъ въ личномъ, такъ и въ общественномъ смыслѣ".

Экзамены были дѣйствительно легкіе; ихъ производили профессора Академіи, обращавшіе преимущественное вниманіе на общее развитіе экзаменующихся; по русской литературѣ желающимъ писать сочиненіе была дана тема: *Бѣлинскій*, но такъ какъ въ то время его сочиненія не пользовались симпатіями школьнаго начальства, то нѣкоторыя изъ экзаменующихся побоялись писать на такую тему и писали на другую: „о развитіи грамотности въ Россіи". Экзаменъ изъ математики ограничился ариѳметикою. Изъ иностранныхъ языковъ большинство выбрало французскій, но 15—20 экзаменующихся выбрали латинскій, къ которому заранѣе усиленно подготовились [1]). Такая легкость экзаменовъ опечаливала будущихъ слушательницъ; онѣ боялись, что и самые курсы будутъ удовлетворять снисходительнымъ требованіямъ.

Наконецъ, 27 октября, продолжавшіеся три дня экзамены были кончены. Изъ 109 экзаменовавшихся были приняты 90 [2]). Почти всѣ, за самыми небольшими исключеніями, принадлежали къ среднему классу общества; всего болѣе было дочерей чиновниковъ (30), купцовъ и почетныхъ гражданъ 8, военныхъ 17, мѣщанъ 6, духовныхъ 9, женъ врачей и студентовъ 4, дворянъ

[1]) Недѣля, 1872. № 30

[2]) Записка о женскихъ врачебныхъ курсахъ, представленная въ Спб. Думу комиссіей изъ профессоровъ: Бородина, Сущинскаго и Тарновскаго

4, крестьянъ 1, солдатъ 3, лицъ свободныхъ профессій 6, иностранцевъ 1. По вѣроисповѣдованію большинство (81) были православныя, евреекъ 4 [1]).

Изъ 90 поступившихъ на курсы слушательницъ 33 имѣли дипломы домашнихъ учительницъ; кончившихъ гимназіи было 28, институты 15, акушерокъ 13 и 8 слушательницъ разныхъ курсовъ.

2-го ноября курсы были открыты молебствіемъ въ академической церкви, послѣ котораго священникъ сказалъ рѣчь, напутствующую женщинъ на новомъ для нихъ пути.

Въ рѣчи, произнесенной затѣмъ Н. Козловымъ въ аудиторіи, онъ предостерегалъ слушательницъ отъ увлеченія всякими другими, кромѣ научныхъ, интересами... „Аудиторія,—сказалъ Н. Козловъ,—не есть мѣсто для демонстрацій, тутъ должно раздаваться только благотворно дѣйствующее слово науки".

На другой день начались лекціи. Въ первомъ учебномъ году читали профессора: Голубевъ гистологію, Ландцертъ анатомію, Мерклинъ ботанику, Бобылевъ физику и Бородинъ химію.

Съ первыхъ же лекцій слушательницы убѣдились въ томъ, что профессора читаютъ имъ вполнѣ серьезный курсъ и сами относятся къ дѣлу не съ тѣмъ снисходительнымъ оттѣнкомъ, съ какимъ производили экзамены. Желая убѣдиться въ томъ, что и слушательницы усваиваютъ себѣ сообщаемыя имъ знанія основательно, профессора стали, съ перваго же мѣсяца открытія курсовъ, устраивать репетиціи, иногда совершенно неожиданно, а къ концу учебнаго года, незадолго до экзаменовъ, нѣкоторые профессора читали лекціи даже по праздникамъ. Среди слушательницъ были такія, которыя, недовольствуясь курсами въ Академіи, продолжали посѣщать и лекціи лучшихъ профессоровъ на владимірскихъ курсахъ, гдѣ завѣдующія этими курсами дамы выдавали слушательницамъ медицинскихъ даровые входные билеты.

Почетною инспектриссою медицинскихъ курсовъ была назначена М. Г. Ермолова. Поборница высшаго женскаго образованія, она принимала большое участіе въ петербургскихъ публичныхъ курсахъ и послѣ отъѣзда Н. В. Стасовой замѣняла ее въ качествѣ распорядительницы ихъ. Дорожа дѣломъ и обладая тактомъ, М. Г. Ермолова съумѣла справиться съ трудною задачей пріобрѣсти довѣріе слушательницъ медицинскихъ курсовъ, которыя хотя негодовали въ первое время на ея формализмъ, выражавшійся между прочимъ въ требованіи, чтобы онѣ соблюдали пред-

[1]) *Г. Гершенштейнъ.* Женскіе врачебные курсы (*Врачъ*. 1880. № 34.

писанную форму одежды и надѣвали на голову сѣточки, запасъ которыхъ она всегда имѣла при себѣ, и вообще соблюдали нужную дисциплину, но познакомившись съ нею ближе, подчинялись ей, увидавъ, что она столько же, какъ онѣ сами, имѣетъ главнымъ образомъ въ виду ограждение курсовъ отъ всякихъ нареканій и опасеніе „погубить ихъ“.

Въ первые же дни послѣ открытія курсовъ слушательницамъ были розданы правила при билетѣ на жительство. Въ правилахъ предписывалось, между прочимъ, „доносить инспектриссѣ немедленно обо всемъ, что случится съ ними необыкновеннаго, исполнять религіозныя обязанности и представлять свидѣтельства о томъ отъ духовныхъ лицъ, на лекціяхъ соблюдать строгій порядокъ и не нарушать его выраженіями одобреній или порицаній, не отлучаться изъ города безъ дозволенія инспектриссы, носить форму и вообще въ туалетѣ своемъ соблюдать строгое приличіе“ [1]).

Такъ какъ лекціи читались иногда слушательницамъ и въ студенческихъ аудиторіяхъ, то при переходѣ туда онѣ могли встрѣчаться съ студентами, чего начальство курсовъ не допускало и швейцару было приказано не допускать студентовъ въ корридоръ, когда черезъ него проходили слушательницы. По свидѣтельству послѣднихъ, студенты при неизбѣжныхъ встрѣчахъ въ Академіи держали себя съ слушательницами вѣжливо и прилично, никогда слушательницы не слышали отъ нихъ ни насмѣшекъ, ни дерзостей.

Въ этомъ отношеніи мы дѣйствительно опередили Европу. Въ Англіи, гдѣ еще въ 1869 году Сенатъ и Совѣтъ эдинбургскаго университета допустилъ женщинъ къ изученію медицины, студенты возмутились, хотя, по постановленію Совѣта, онѣ должны были обучаться отдѣльно отъ мужчинъ. Уступая студентамъ, университетскій Совѣтъ отказалъ женщинамъ въ правѣ слушать лекціи и притомъ въ серединѣ курса; при этомъ онъ объявилъ, что имъ будутъ выданы свидѣтельства объ окончаніи курса лишь подъ условіемъ, что онѣ откажутся отъ полученія степени доктора. На это распоряженіе одна изъ студентокъ, миссъ Блэкъ, подала жалобу въ судъ, который рѣшилъ дѣло въ пользу женщинъ, обязавъ академическій Сенатъ выполнить свое первоначальное постановленіе.

Матеріальная сторона жизни нашихъ студентокъ, особенно

[1]) Всѣ подробности о внутренней жизни курсовъ взяты изъ статьи *Е. Некрасовой*: Женскіе врач. курсы въ Пет. По воспоминаніямъ и перепискѣ студентокъ (В. Евр. 1882 г. декабрь).

перваго пріема, когда на курсахъ не было никакихъ стипендій, была обставлена очень плохо. Немногія изъ слушательницъ получали изъ дому сколько-нибудь достаточную поддержку; но тѣ, которыя были обезпечены, давали, по словамъ Е. Некрасовой, много въ общую кассу, изъ которой выдавалась помощь неимущимъ. Въ ихъ же пользу студентки устроили въ 1873 году концертъ; М. Г. Ермолова дѣлала частные сборы среди своихъ знакомыхъ съ тою же цѣлью и, благодаря этимъ мѣрамъ, ни одна слушательница не была исключена за невзносъ платы. Но многимъ приходилось терпѣть всевозможныя лишенія, питаться чѣмъ попало даже тогда, когда въ 1873 году была устроена для нихъ, на средства великой княгини Елены Павловны, кухмистерская, которою завѣдывали дамы высшаго круга, но гдѣ ѣда была плохая. Жизнь онѣ вели однообразную, ибо на развлеченія у большинства не было денегъ.

Первыя студентки встрѣчали отовсюду вражду и недовѣріе, вслѣдствіе чего имъ трудно было найти себѣ какое-либо платное занятіе. „И не смотря на эти печальныя условія, которыя, можно сказать, пожирали ихъ физическія силы, студентки,—говоритъ Е. Некрасова,—были всегда бодры, дѣятельны, оживлены и относились къ матеріальнымъ невзгодамъ съ той веселой ироніей, которая возможна или въ лѣта юности, когда дается мало цѣны матеріальнымъ удобствамъ, или же когда духовная жизнь поглощаетъ человѣка съ такой силой, что онъ, какъ бы наперекоръ закопамъ физіологіи, весь день не ѣлъ и не чувствуетъ голода“.

Во второмъ учебномъ году всѣхъ слушательницъ, вмѣстѣ съ оставшимися на второй годъ, было 172 [1]).

На второмъ году существованія курсовъ, у нихъ было шесть

[1]) Изъ нихъ всего болѣе, 40,7%, было окончившихъ гимназіи, съ дипломомъ на званіе домашнихъ учительницъ 36%, изъ институтовъ 18%, кончившихъ педагогическіе курсы 4%, изъ эпархіальныхъ училищъ 2, повивальныхъ бабокъ 25. Въ этомъ числѣ большинство принадлежало бывшимъ воспитанницамъ заведеній вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи (29 институтокъ, 7 съ педагогическихъ курсовъ, 15 изъ петербургскихъ гимназій, 1 московской, 1 тифлисской). Изъ губернскихъ женскихъ гимназій было 53, изъ Маріинскаго института, состоявшаго подъ вѣдѣніемъ великой княгини Елены Павловны 2. Изъ 172 слушательницъ 143 были православныя, католичекъ 9, евангелическаго вѣроисповѣданія 3, мозаическаго закона 17. Замужнихъ было 30, вдовъ 2. Дочерей генераловъ и дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ 3, полковниковъ и статскихъ совѣтниковъ 8, дворянъ и чиновниковъ 72, почетныхъ гражданъ 4, священнослужителей 14, купцовъ 10, мѣщанъ 28, крестьянъ 1. Среди замужнихъ было 23 жены дворянъ и чиновниковъ, врачей 7, одна вдова дворянина и одна купца.

стипендій слушательницамъ: одна великаго князя Константина Николаевича, одна отъ оренбургскаго казачьго войска, отъ вятскаго и таврическаго земства три, отъ таганрогской городской Думы одна [1]).

При второмъ пріемѣ экзамены производились строже и имѣли болѣе оффиціальный характеръ. Изъ 98 экзаменовавшихся было принято 89, въ слѣдующемъ учебномъ году изъ 111 экзаменовавшихся 88, и затѣмъ, несмотря на постоянно повышавшіяся требованія при пріемахъ, повышалось число какъ экзаменовавшихся, такъ и принятыхъ; въ 1875—1876 учебномъ году число первыхъ было 146, вторыхъ 130 [2]).

Не смотря на то, что количество принимаемыхъ съ каждымъ годомъ значительно увеличивалось противъ указанной временнымъ Положеніемъ нормы, не всѣ желающія поступить на курсы могли быть приняты. Вслѣдствіе этого, а также потому, что многія, желавшія посвятить себя изученію медицины женщины не удовлетворялись программою нашихъ курсовъ, а нѣкоторыя, наоборотъ, не могли ее усвоить, опѣ уѣзжали въ заграничные университеты, гдѣ женщинамъ читался такой же курсъ какъ студентамъ.

Нѣкоторыхъ влекла туда сравнительная легкость вступительныхъ требованій не смотря на то, что слушаніе научнаго курса на иностранномъ языкѣ уже само по себѣ представляло значительную трудность [3]). Наконецъ, въ началѣ 70-хъ годовъ нѣкоторыя, немногія, женщины уѣзжали заграницу не съ цѣлью учиться, а увлекаемыя политическимъ движеніемъ, центромъ котораго сдѣлался Цюрихъ.

По этимъ разнымъ причинамъ число отправлявшихся заграницу женщинъ постоянно увеличивалось [4]) и обратило на себя вниманіе правительства.

---

[1]) Бумаги Н. Козлова.

[2]) Записка о женск. врач. курсахъ, представленная въ С.-Пет. гор. Думу, комиссіей изъ профессоровъ Бородина, Добросланина, Сущинскаго и Тарновскаго.

[3]) Постоянно увеличивавшійся наплывъ женщинъ въ цюрихскій университетъ побудилъ Совѣтъ университета ходатайствовать передъ правительствомъ о назначеніи вступающимъ повѣрочнаго испытанія. Въ 1871 году высшее медицинское вѣдомство во всѣхъ кантонахъ Швейцаріи громаднымъ большинствомъ голосовъ высказалось за допущеніе женщинъ къ правительственному экзамену не только въ университетахъ, но и въ союзную политехническую школу. (*Бёмертъ*. Университетское образованіе женщинъ).

[4]) Въ 1867 году въ лѣтнемъ семестрѣ была всего одна русская женщина въ цюрихскомъ университетѣ на медицинскомъ факультетѣ; въ 1870 году ихъ было 5; затѣмъ, въ 1870—1871 зимнемъ сезонѣ 15, въ лѣтнемъ 12, изъ которыхъ 3 были на

Вслѣдствіе этого въ 1873 году, по Высочайшему повелѣнію, была образована комиссія изъ министровъ народнаго просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ, начальника III-го отдѣленія собственной Его Величества канцеляріи и товарища главноуправляющаго IV отдѣленіемъ ея, для обсужденія вопроса о мѣрахъ вызывающихъ постоянное возростаніе отъѣзда женщинъ заграницу.

Министерство народнаго просвѣщенія представило въ комиссію свѣдѣнія о томъ, что при нѣсколькихъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, подвѣдомственныхъ IV отдѣленію, существуютъ особые педагогическіе курсы „если и неимѣющіе характера высшихъ учебныхъ заведеній, но тѣмъ не менѣе значительно превышающіе общій уровень средняго женскаго образованія", что въ Петербургѣ и Москвѣ разрѣшены особые женскіе курсы, читаемые профессорами университетовъ „въ объемѣ университетскаго образованія", при медико-хирургической Академіи учрежденъ въ видѣ опыта на четыре года курсъ для приготовленія ученыхъ акушерокъ „а въ министерствѣ народнаго просвѣщенія составляются соображенія объ учрежденіи подобныхъ же курсовъ во всѣхъ университетахъ имѣющихъ медицинскіе факультеты" [1]).

Ознакомившись съ этими свѣдѣніями, комиссія признала, что среди причинъ, вліяющихъ на отъѣздъ русскихъ женщинъ заграницу, вопросъ о положеніи у насъ женскаго образованія, занимаетъ одно изъ главныхъ мѣстъ и что „въ виду преобладающаго значенія, которое по естественному закону природы принадлежитъ женщинѣ въ воспитаніи молодаго поколѣнія", правительство не можетъ считать свою задачу выполненною въ этомъ отношеніи. Въ виду того, что „потребность въ серьезно образованныхъ воспитательницахъ постоянно увеличивается, что допущеніе женщинъ у насъ, какъ и заграницею, къ болѣе выгоднымъ занятіямъ при телеграфахъ, желѣзныхъ дорогахъ, въ почтовыхъ, контрольныхъ, банковыхъ и другихъ учрежденіяхъ, отвлекаетъ значительное число женщинъ отъ тяжелыхъ и нерѣдко неблагодарныхъ занятій воспитательницы, что воспитанницы педагогическихъ курсовъ не могутъ удовлетворить запросу на воспитательницъ, что профессорскіе курсы въ Петербургѣ и Москвѣ

философскомъ факультетѣ; въ 1871—1872 зимнемъ сезонѣ 18 были на медицинскомъ факультетѣ, 3 на философскомъ: въ 1872 лѣтнемъ сезонѣ на медицинскомъ 43, на философскомъ 10; въ 1872—1873 зимнемъ сезонѣ 69 на медицинскомъ, 26 на философскомъ, 1 на естественномъ: въ 1873 лѣтнемъ сезонѣ 77 на медицинскомъ, 22 на философскомъ, 1 на юридическомъ. (П. П. *Аріянъ*. Первый женскій календарь на 1899 г. С.-Пет. 1899 г. Свѣдѣнія взяты изъ оффиціальныхъ источниковъ, доставленныхъ швейцарскими профессорами и почерпнутыми изъ университетскихъ архивовъ).

[1]) Докладъ Выс. учр. комиссіи по вопросу о женск. образованіи.

не имѣютъ строгаго и законченнаго характера и потому, при всей пользѣ ихъ, едва ли достигаютъ своей цѣли" — комиссія пришла къ заключенію, что „чрезвычайно важно и существенно необходимо учрежденіе высшихъ женскихъ учебныхъ заведеній съ строго опредѣленнымъ и законченнымъ курсомъ, основаннымъ на изученіи историко-филологическихъ предметовъ, по образцу высшихъ женскихъ училищъ въ Берлинѣ" [1]).

Эти соображенія комиссіи было Высочайше повелѣно исполнить 19-го мая того же года, а 23-го октября, по соглашенію главноуправляющаго IV отдѣленіемъ съ министромъ народнаго просвѣщенія, которымъ комиссія полагала поручить составленіе соображеній по вопросу если онъ будетъ Высочайше одобренъ, было испрошено Высочайшее разрѣшеніе на образованіе особой комиссіи изъ опытныхъ педагоговъ обоихъ вѣдомствъ, подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря П. Д. Делянова.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, 21 мая 1873 года, въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* было напечатано слѣдующее оффиціальное извѣщеніе:

„Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ нѣсколько русскихъ дѣвушекъ отправились заграницу для слушанія лекцій въ Цюрихскомъ университетѣ. Первоначально число ихъ оставалось крайне ограниченнымъ, но въ послѣдніе два года начало быстро возростать, и въ настоящее время въ Цюрихскомъ университетѣ и тамошней политехнической школѣ считается болѣе ста русскихъ женщинъ. Между тѣмъ до правительства начали доходить все болѣе и болѣе неблагопріятныя о нихъ свѣдѣнія. Одновременно съ возросталемъ числа русскихъ студентокъ, коноводы русской эмиграціи избрали этотъ городъ центромъ революціонной пропаганды и обратили всѣ усилія на привлеченіе въ свои ряды учащейся молодежи. Подъ ихъ вліяніемъ научныя занятія бросались для безплодной политической агитаціи. Въ средѣ русской молодежи обоего пола образовались различныя политическія партіи самыхъ крайнихъ оттѣнковъ. Славянское соціально-демократическое общество, центральный революціонный славянскій комитетъ, славянская и русская секціи интернаціональнаго общества открылись въ Цюрихѣ и считаютъ въ числѣ своихъ членовъ не мало русскихъ молодыхъ людей и женщинъ. Въ русской библіотекѣ, въ которую нѣкоторые наши издатели доставляютъ безплатно свои журналы и газеты, читаются лекціи, имѣющія исключительно революціонный характеръ; „Пугачевскій бунтъ", „Французская революція 1870 года"—вотъ обычныя темы лекторовъ. Посѣщеніе сходокъ рабочихъ сдѣлалось обычнымъ занятіемъ дѣвушекъ, даже такихъ, которыя не понимаютъ попѣмецки и довольствуются изустными переводами своихъ подругъ. Политическая агитація увлекаетъ молодыя, неопытныя головы и даетъ имъ фальшивое направленіе. Сходки, борьба партій, довершаютъ дѣло и сбиваютъ съ толку дѣвушекъ, которыя, искусственное, безплодное волненіе принимаютъ за дѣйствительную жизнь. Вовлеченныя въ политику, дѣвушки подпадаютъ подъ вліяніе вожаковъ эмиграціи и становятся въ ихъ рукахъ по-

[1]) Тамъ же.

слушными орудіями. Иныя по два, по три раза въ годъ ѣздятъ изъ Цюриха въ Россію и обратно, перевозятъ письма, порученія, прокламаціи и принимаютъ живое участіе въ преступной пропагандѣ. Другія увлекаются коммунистическими теоріями свободной любви и подъ покровомъ фиктивнаго брака доводятъ забвеніе основныхъ началъ нравственности и женскаго цѣломудрія до крайнихъ предѣловъ. Недостойное поведеніе русскихъ женщинъ возбудило противъ нихъ негодованіе мѣстныхъ жителей и даже квартирныя хозяйки неохотно принимаютъ ихъ къ себѣ. Нѣкоторыя изъ этихъ дѣвушекъ пали до того, что спеціально изучаютъ ту отрасль акушерскаго искусства, которая во всѣхъ странахъ подвергается и карѣ уголовныхъ законовъ, и презрѣнію честныхъ людей.

„Такое нравственное паденіе не можетъ не обратить на себя серьезнаго вниманія правительства. Нельзя забывать, что эти женщины возвратятся когда-нибудь въ Россію и будутъ женами, матерями и воспитательницами. Нельзя не остановиться на страшномъ вопросѣ: какое поколѣніе могутъ возрастить такія женщины?

„Правительство не можетъ и не должно оставаться равнодушнымъ зрителемъ нравственнаго растлѣнія, подтачивающаго часть, хотя и незначительную, русской молодежи. Оно сознаетъ свою непремѣнную обязанность бороться съ возникающимъ зломъ и рѣшилось употребить всѣ зависящія отъ него мѣры, впрочемъ, преимущественно предупредительныя.

„Правительство постоянно съ сочувствіемъ относилось къ потребности высшаго образованія для женщинъ, являющейся въ болѣе даровитыхъ и любознательныхъ личностяхъ. При нѣсколькихъ учебныхъ заведеніяхъ, подвѣдомственныхъ IV отдѣленію собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, учреждены особые педагогическіе курсы, если и не имѣющіе характера высшихъ учебныхъ заведеній, то, тѣмъ не менѣе, значительно превышающихъ общій уровень женскаго образованія. Кромѣ того, министерство народнаго просвѣщенія разрѣшило въ Петербургѣ и Москвѣ особые курсы, читаемые профессорами университетовъ въ объемѣ университетскаго образованія. Наконецъ, при Императорской медико-хирургической академіи учрежденъ, въ видѣ опыта на четыре года, особый курсъ для приготовленія ученыхъ акушерокъ и въ министерствѣ народнаго просвѣщенія составляются соображенія объ учрежденіи подобныхъ же курсовъ при всѣхъ университетахъ, имѣющихъ медицинскіе факультеты. Независимо отъ сего, въ настоящее время Высочайше повелѣно представить проектъ учрежденія высшихъ женскихъ учебныхъ заведеній съ строго опредѣленнымъ и законченнымъ курсомъ, первоначально въ Петербургѣ и Москвѣ, а затѣмъ, по мѣрѣ изысканія средствъ, и въ другихъ университетскихъ городахъ.

„Такимъ образомъ, создавая и поддерживая учрежденія, удовлетворяющія существующей среди женщинъ потребности въ высшемъ образованіи, правительство даетъ желающимъ полную возможность пріобрѣсти научныя знанія въ предѣлахъ отечества. Но нѣтъ сомнѣнія, что не одна жажда знанія привлекаетъ русскихъ женщинъ въ Цюрихъ. Если западно-европейскія государства, значительно опередившія насъ въ образованіи, между тѣмъ точно также не допускающія женщинъ въ высшія учебныя заведенія, доставляютъ Цюрихскому университету самый ничтожный контингентъ слушательницъ, составляющій въ совокупности менѣе 20-ти процентовъ числа однѣхъ русскихъ студентокъ, то трудно не придти къ заключенію, что большинство нашихъ юныхъ соотечественницъ поступаетъ въ Цюрихскій университетъ подъ вліяніями, не

имѣющими ничего общаго съ стремленіемъ къ образованію. Легкомысленная пропаганда нѣкоторой части нашей журналистики, ложное пониманіе значенія женщины въ семьѣ и обществѣ, увлеченіе модными идеями—всѣ эти причины болѣе или менѣе вліяютъ на громадный, сравнительно, наплывъ русскихъ женщинъ въ Цюрихъ. Коноводы нашей эмиграціи ловко пользуются всѣми обстоятельствами и, увлекая молодыхъ, неопытныхъ дѣвушекъ въ вихрь политической агитаціи, губятъ ихъ безвозвратно. Правительство не можетъ допустить мысли, чтобы два-три докторскіе диплома могли искупить зло, происходящее отъ нравственнаго растлѣнія молодого поколѣнія, и потому признаетъ необходимымъ положить конецъ этому ненормальному движенію.

„Вслѣдствіе сего правительство заблаговременно предупреждаетъ всѣхъ русскихъ женщинъ, посѣщающихъ Цюрихскій университетъ и политехникумъ, что тѣ изъ нихъ, которыя послѣ 1-го января будущаго 1874 года, будутъ продолжать слушать лекціи въ этихъ заведеніяхъ, по возвращеніи въ Россію не будутъ допускаемы ни къ какимъ занятіямъ, разрѣшеніе или дозволеніе которыхъ зависитъ отъ правительства, а также къ какимъ бы то ни было экзаменамъ или въ какое-либо русское учебное заведеніе.

„Правительство надѣется, что такое заблаговременное заявленіе избавитъ его отъ печальной необходимости подвергать кого-либо означеннымъ ограниченіямъ“.

Въ январѣ 1874 года двѣ женщины: жена кандидата естественныхъ наукъ Яковлева и жена студента медико-хирургической Академіи Пружанская, получившія въ Цюрихѣ дипломы на степень доктора медицины, хирургіи и акушерства, вернувшись въ Россію обратились въ министерство внутреннихъ дѣлъ съ просьбою о допущеніи ихъ къ испытанію въ медицинскомъ Совѣтѣ для полученія права практики въ Россіи. Сообщая объ этомъ военному министру 12 апрѣля 1874 года и прилагая отзывъ главнаго начальника третьяго отдѣленія отъ 29 января, что онъ ничего не имѣетъ противъ Яковлевой и Пружанской, министръ внутреннихъ дѣлъ просилъ военнаго министра допустить ихъ къ испытанію въ медико-хирургической Академіи „на степень ученой акушерки“.

Министръ внутреннихъ дѣлъ сообщалъ при этомъ, что медицинскій Совѣтъ обсуждалъ вопросъ о допущеніи Яковлевой и Пружанской къ colloquium'у въ Совѣтѣ, но такъ какъ такое словесное испытаніе установлено въ 1857 году лишь для иностранныхъ врачей болѣе извѣстныхъ, а къ нимъ нельзя отнести только-что кончившихъ курсъ женщинъ, то теперь медико-хирургическая Академія имѣетъ право производить испытанія лицъ женскаго пола на степень ученой акушерки, и просительницы могутъ подвергнуться такому же испытанію, какому подвергаются всѣ другія женщины.

Медицинскій Совѣтъ привелъ и то соображеніе, что до сихъ поръ наши университеты и медицинская Академія не имѣли

права давать лицамъ женскаго пола ученую врачебную степень и только въ видѣ исключенія, съ особаго Высочайшаго разрѣшенія, въ 1868 и 1871 годахъ, нѣсколько женщинъ, кончившихъ курсъ медицинскихъ наукъ въ цюрихскомъ университетѣ, были допущены къ colloquium'у въ медицинскомъ Совѣтѣ [1]).

Начальство женскихъ курсовъ при медицинской Академіи разрѣшило Яковлевой и Пружинской держать экзаменъ, но только по тѣмъ предметамъ, которые пройдены учено-акушерскими курсами, и онѣ, такъ же какъ и другія, возвращавшіяся изъ заграничныхъ университетовъ женщины, имѣя дипломы на званіе доктора, принуждены были сдавать экзамены съ переходящими изъ класса въ классъ слушательницами курсовъ ученыхъ акушерокъ.

Привиллегированное положеніе, въ какомъ находилась Кашеварова по отношенію къ другимъ, изучавшимъ медицину женщинамъ, не спасло ее отъ совершенно неожиданныхъ затрудненій въ держаніи экзамена при медицинской Академіи.

Кончивъ весною 1868 года пятилѣтній курсъ наравнѣ съ студентами, ей оставалось выдержать выпускной экзаменъ для полученія ученой степени. Но лѣтомъ, въ ея отсутствіе изъ Петербурга, ее отчислили отъ Академіи безъ экзамена на основаніи постановленія конференціи отъ 6-го марта 1865 года, когда, допустивъ Кашеварову къ полукурсовому экзамену, конференція поставила ей условіемъ, чтобы она „не имѣла въ виду полученія ученаго званія, несуществующаго для лицъ женскаго пола, но если она выполнитъ условія, требуемыя отъ посѣщающихъ академическія лекціи, то ей будетъ выдано свидѣтельство объ успѣшномъ выслушаніи медицинскихъ наукъ“ [2]).

Только благодаря энергіи Кашеваровой, обратившейся лично къ военному министру, онъ потребовалъ заключенія по вопросу отъ конференціи Академіи, которое и было представлено 4 мая 1868 года.

Докладъ конференціи на этотъ разъ былъ въ пользу Кашеваровой; въ немъ конференція указывала на то, что К[illegible]шеварова постоянно держала курсовые и полулекарскій экзамены на ряду съ лучшими студентами и въ послѣднемъ курсѣ напечатала „самостоятельную анатомо-практическую работу, имѣю-

[1]) Отношеніе мин. внутр. дѣлъ къ военному министру 12 апр. 1874 г. (Мат. по женск. врач. курсамъ. I).

[2]) Автобіографія В. А. Кашеваровой-Рудневой. (Двадцатипятилѣтіе врачей, бывшихъ студентовъ Имп. мед. хирург. Академіи выпуска 9 декабря 1868 года. Составлена подъ ред. К. Славянскаго и В. Клименко. С.-Пет. 1893 г.).

щую неотъемлемое достоинство современно-научнаго труда". Поэтому конференція признавала Кашеварову вполнѣ достойной того, чтобы, допустивъ ее къ окончательному экзамену наравнѣ съ студентами, ходатайствовать потомъ передъ высшимъ начальствомъ о дарованіи ей ученаго званія. На этомъ докладѣ Д. Милютинъ написалъ: „допустить къ экзамену и дать дипломъ на соотвѣтствующую степень, на какую выдержитъ—лекаря или доктора медицины".

Кашеварова выдержала экзаменъ на ряду съ лучшими студентами, получила дипломъ на вторую золотую медаль и признана, въ числѣ 10—12 человѣкъ, докторомъ медицины [1]). Ей оставалось только защитить диссертацію.

Во все время пребыванія Кашеваровой на курсахъ, студенты относились къ ней хорошо и даже выбрали на послѣднемъ курсѣ старостой въ акушерской клиникѣ. Но все это измѣнилось, когда она кончила курсъ. Противъ ея жениха, профессора Руднева, студенты возмутились, произошла исторія, послѣдствіемъ которой было временное закрытіе Академіи и удаленіе Руднева отъ ученаго секретарства. Высшему начальству донесли, что дѣлами Академіи управляетъ невѣста Руднева, отъ котораго потребовали даже объ этомъ объясненія.

Кашеваровой не позволили больше оставаться при Академіи, хотя, по своимъ экзаменамъ, она имѣла право оставаться при ней въ теченіе трехъ лѣтъ для усовершенствованія. Вслѣдствіе этого она должна была лѣтомъ ѣздить заграницу въ лучшія акушерскія, гинекологическія и дѣтскія клиники. Когда она заявила о своемъ желаніи защищать диссертацію, имѣя уже готовую работу, напечатанную въ „Вирховскомъ архивѣ" и вошедшую впослѣдствіи во многія руководства по акушерству, то сначала ей посовѣтовали подождать, между прочимъ, потому, чтобы не повредить женскимъ медицинскимъ курсамъ, открытымъ подъ названіемъ курса ученыхъ акушерокъ. По словамъ газетъ *Голоса* и *Современныхъ Извѣстій*, въ 1875 году Кашеварова отослала свою диссертацію въ московскій университетъ, гдѣ намѣревалась ее защищать; диссертація была передана факультетомъ на разсмотрѣніе нѣкоторымъ профессорамъ, но возвращена обратно, вслѣдствіе сдѣланнаго министерствомъ народнаго просвѣщенія запроса: чѣмъ руководствовался медицинскій факультетъ, принявъ къ своему разсмотрѣнію диссертацію на степень доктора медицины отъ г-жи Кашеваровой, когда, по русскимъ законамъ,

[1]) *Архивъ судебной медицины*. 1869, мартъ.

женщины не могутъ быть допускаемы къ полученію степени доктора медицины?"

Снова, благодаря своей энергіи, Кашеварова добилась дозволенія держать экзаменъ и получила степень доктора медицины; но это было уже въ 1876 году, восемь лѣтъ спустя послѣ окончанія ею курса въ Академіи.

Служить ей въ оренбургскомъ краѣ не пришлось, хотя она стремилась выполнить свое обязательство; она даже долго не могла получить отвѣта о причинѣ недозволенія ей ѣхать въ оренбургскій край, и наконецъ ей отвѣтили, что женщины не могутъ состоять на дѣйствительной службѣ, тѣмъ болѣе, что ея дипломъ давалъ ей право на извѣстный чинъ, въ которомъ утверждаютъ по поступленіи на государственную службу.

Съѣздивъ на мѣсто, Кашеварова лично убѣдилась, что за отсутствіемъ въ оренбургскомъ краѣ земства, женскихъ больницъ и родильныхъ пріютовъ, ей могли дать мѣсто только въ военномъ госпиталѣ; но это было связано съ государственной службой, и ей тогда должны были бы дать всѣ права такой службы, а это создало бы нежелательный прецедентъ, котораго не хотѣли допустить [1]).

[1]) Съ 1868 года по 1876-й Кашеварова сдѣлала 6 работъ, изъ которыхъ 2 напечатаны въ *Вирховскомъ архивѣ* (въ 1868 и 1869 годахъ).

XIV.

С. В. Ковалевская.—Женщины-юристы.—Пересмотръ программъ женскихъ учебныхъ заведеній вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи и министерства народнаго просвѣщенія.—Новыя программы 1874 года. — Учебный курсъ Николаевскихъ институтовъ.—Циркуляры принца П. Г. Ольденбургскаго.—Учебный курсъ женскихъ гимназій министерства. — Включеніе древнихъ языковъ въ ихъ программу. — Гимназія С. Фишеръ. — Дарованіе ей правъ. — Статьи М. Каткова о высшемъ образованіи женщинъ. — Преподаваніе латинскаго языка въ женскихъ гимназіяхъ министерства. — Отношеніе къ нему нѣкоторыхъ земствъ. — Рѣшеніе Сената по дѣлу бессарабскаго земства.—Обсужденіе вопроса въ ученомъ комитетѣ.—Комиссія статсъ-секретаря Делянова. — Предложеніе члена комиссіи Георгіевскаго упразднить педагогическіе курсы. — Особое мнѣніе И. Оснинна. — Проектъ комиссіи высшихъ женскихъ училищъ. — Отзывъ о немъ принца П. Г. Ольденбургскаго. — Докладъ графа Толстого государю. — Условія, на которыхъ могли открываться высшіе женскіе курсы въ Россіи.

Примѣры Сусловой и Кашеваровой несомнѣнно доказали способность женщинъ къ изученію медицины. Такую же способность онѣ проявили и въ другихъ отрасляхъ знанія: Волкова и Лермонтова (докторъ химіи геттингенскаго университета)—по химіи, С. В. Ковалевская — высшей математикѣ, А. Я. Ефименко — этнографіи, С. М. Переяславцева—зоологіи, С. К. Брюллова—исторіи [1]).

[1]) Нѣсколько позже (но до 1880 года) А. М. Евреинова и Ф. Кауфманъ (урожденная Берлинъ) получили за границей степень доктора правъ, Литвинова — математики. По двумъ первымъ не было разрѣшено заниматься юридической практикой въ Россіи. Высочайшее повелѣніе о запрещеніи женщинамъ заниматься адвокатурою состоялось 7-го января 1876 года, по докладу министра юстиціи. Оно было вызвано поданною г-жею Козьминою жалобою въ Сенатъ на московскую судебную палату, отказавшую допустить ее къ экзамену на званіе частнаго повѣреннаго. Передъ тѣмъ, въ 1875 году, Козьмина, получившая юридическое образованіе въ Россіи, съ разрѣшенія нижегородскаго суда выдержала экзаменъ на это званіе, защищала уже дѣла и выиграла въ нижегородскомъ судѣ очень сложный процессъ. (*И. Аріянъ.* Первый женскій календарь на 1899 г.)

Софья Васильевна Ковалевская начала свое математическое образованіе у А. Н. Страннолюбскаго и довершила его заграницей, куда уѣхала въ 1869 году. Въ теченіе трехъ лѣтъ она слушала лекціи въ гейдельбергскомъ университетѣ у профессоровъ: Кенигсбергера, Дюбуа-Раймонъ, Бунзена, Кирхгофа и Гельмгольца. Затѣмъ она переселилась въ Берлинъ, но не была допущена въ университетъ и занималась у извѣстнаго математика Вейерштраса. За два года своего пребыванія въ Берлинѣ С. Ковалевская представила въ гётингенскій университетъ три работы на степень доктора математики, которую и получила въ 1874 году.

Одна изъ этихъ работъ тогда же была напечатана въ журналѣ Крелля, самомъ серьезномъ въ то время математическомъ изданіи, въ которомъ принимали участіе лучшіе тогдашніе ученые [1]).

Эти, хотя и немногочисленныя, но въ виду краткости времени, съ котораго женщинамъ былъ открытъ доступъ къ наукѣ, убѣдительныя доказательства ихъ способности къ ней, позволяли надѣяться, что имъ будетъ облегченъ путь къ высшему образованію повышеніемъ программъ женскихъ среднеучебныхъ заведеній, на что указывали и нѣкоторые университетскіе Совѣты при обсужденіи проекта медицинскаго Совѣта. Это было тѣмъ болѣе своевременно, что какъ разъ въ это время (съ конца шестидесятыхъ годовъ) въ вѣдомствѣ учрежденій Императрицы Маріи и въ министерствѣ народнаго просвѣщенія происходилъ пересмотръ программъ женскихъ гимназій и институтовъ.

Образованный съ этой цѣлью при учебномъ комитетѣ вѣдомства педагогическій отдѣлъ, въ которомъ сначала участвовали Ушинскій и Вышнеградскій, высказался въ томъ смыслѣ, что въ основѣ всѣхъ постановленій по учебной части женскихъ институтовъ и гимназій лежитъ вѣрная педагогическая идея: дать ученицамъ такое общее образованіе, которое бы, по своему составу, объему и характеру, соотвѣтствовало назначенію и психическимъ особенностямъ ихъ пола, равно сроку, до котораго онѣ могутъ оставаться въ заведеніяхъ.

Не отрицая способности женщинъ къ глубокому и широкому образованію, но имѣя въ виду условія ихъ жизни, оставляющія

---

[1]) Впослѣдствіи одинъ изъ трудовъ С. В. Ковалевской по аналитической механикѣ былъ увѣнчанъ премiей французской академіи наукъ, а два другихъ—премiей стокгольмской. Въ 1883 году С. Ковалевская была приглашена въ стокгольмскій университетъ профессоромъ высшей математики и читала лекціи до своей смерти въ 1891 году.

имъ мало времени для его усвоенія, педагогическій отдѣлъ считалъ все-таки необходимымъ давать женщинамъ основательное образованіе и въ одномъ изъ засѣданій комиссіи былъ предложенъ вопросъ: не слѣдуетъ ли ввести въ курсъ институтовъ и гимназій преподаваніе популярной гигіены и основныхъ понятій о государственномъ устройствѣ, гражданскомъ и уголовномъ правѣ? Согласившись въ важности „и даже необходимости“ для образованной женщины такихъ знаній, было рѣшено включить въ программу ихъ преподаваніе не въ видѣ отдѣльныхъ предметовъ, а въ курсѣ физіологіи и статистики [1]).

Но эти предположенія не осуществились и въ Высочайше утвержденной въ 1874 году нормальной учебной табели для женскихъ учебныхъ заведеній вѣдомства, при „ученіи о физическомъ воспитаніи“ положено обращать вниманіе преимущественно на логическую и психологическую сторону предмета, притомъ только въ старшемъ классѣ.

По новой табели число уроковъ по естествознанію (15 въ недѣлю въ институтахъ и 18 въ гимназіяхъ) было сокращено до 10-ти въ каждомъ заведеніи, при чемъ въ институтахъ было сохранено ихъ дѣленіе на курсы: о произведеніяхъ природы и о явленіяхъ природы. Кромѣ умепьшенія на пять уроковъ по естествознанію, сравнительно съ табелью 1863 года, въ институтахъ новой табелью уменьшено число уроковъ педагогики, съ 4-хъ на 2 и рисованія на одинъ урокъ. Увеличено число уроковъ: по русскому языку съ 19-ти до 23, французскому (съ 24-хъ до 25), нѣмецкому (съ 22-хъ до 23), исторіи (съ 9-ти до 12), ариѳметики на 6 уроковъ и чистописанія на 1 урокъ. Курсъ математики расширенъ преподаваніемъ алгебры до уравненій 1-й степени включительно. Относительно послѣдняго Присутствіе сдѣлало оговорку, что „если преподаваніе математики будетъ производиться въ объемѣ, обусловливающемся строго научною системою, то это можетъ привести къ результатамъ, противоположнымъ тѣмъ, какіе ожидаются отъ введенія новой учебной табели, т.-е. не къ облегченію, а къ обремененію силъ учащихся“. Поэтому оно постановило пояснить въ программѣ, что алгебраическія свѣдѣнія должны сообщаться лишь въ объемѣ, необходимомъ для уясненія преподаванія геометріи [2]).

Еще до утвержденія новыхъ программъ почетный опекунъ,

---

[1]) Изъ бумагъ П. Вышнеградскаго, найденныхъ въ его кабинетѣ послѣ его смерти (Арх. IV отд.).

[2]) Журналы Опек. Совѣта учрежденій Имп. Маріи по С.-Петерб. Присутствію 1874 г.

управлявшій петербургскимъ Николаевскимъ сиротскимъ институтомъ, статсъ-секретарь Валуевъ, вошелъ въ 1872 году въ главный Совѣтъ съ представленіемъ о томъ, чтобы сократить въ институтѣ число уроковъ по естествовѣдѣнію, географіи и русскому языку и взамѣнъ ихъ ввести преподаваніе англійскаго языка Онъ находилъ, что естественныя науки (13 уроковъ въ недѣлю) преподаются въ объемѣ, „едва ли не превышающемъ дѣйствительную потребность“; преподаваніе географіи (16 уроковъ въ недѣлю) сопровождается, по его мнѣнію, подробностями, которыя также не составляютъ прямой надобности и все равно не могутъ долго оставаться въ памяти. Относительно русскаго языка почетный опекунъ говорилъ, что нѣтъ страны, гдѣ бы столько времени посвящалось изученію своего языка и гдѣ результаты были бы менѣе блистательны. Особенно въ высшихъ классахъ, гдѣ начинается русская литература, всего легче, по мнѣнію Валуева, сократить число уроковъ; нужно только исключить „подробный анализъ нѣкоторыхъ новѣйшихъ писателей: Гоголя, Тургенева и Некрасова, „который иногда встрѣчается въ лекціяхъ по части русской словесности; такіе анализы едвали, — говорилъ Валуевъ, — приносятъ предполагаемую въ нихъ пользу“ [1]).

Необходимость преподаванія англійскаго языка мотивирована имъ тѣмъ, что воспитанницы Николаевскаго института предназначаются къ званію домашнихъ учительницъ и наставницъ и ихъ познанія должны соотвѣтствовать общимъ условіямъ домашняго образованія и стоять на томъ уровнѣ, на которомъ стоятъ въ настоящее время потребности времени, къ которымъ принадлежитъ и знаніе дѣвицами англійскаго языка. Оно, и въ особенности, знакомство съ англійской литературою, служитъ воспитательнымъ средствомъ, ибо нѣтъ литературы, въ которой появлялось бы столько книгъ, написанныхъ женщинами и особенно пригодныхъ для женщинъ, ибо въ этихъ произведеніяхъ „чаще и непрерывнѣе звучатъ струны религіозныхъ чувствъ и вообще всѣхъ возвышенныхъ и эстетическихъ ощущеній ума и сердца“.

Учебный комитетъ сочувственно отнесся къ предложенію Валуева, напомнивъ, что и самъ онъ, еще въ 1863 году, высказался въ этомъ смыслѣ, когда такое же представленіе о преподаваніи англійскаго языка въ педагогическихъ классахъ было сдѣлано Совѣтомъ Воспитательнаго Общества и Александровскаго училища.

---

[1]) Дѣла гл. Совѣта. 1872 г.

Главный Совѣтъ, признавая, что знаніе англійскаго языка было бы полезно воспитанницамъ и что оно давало бы имъ преимущества передъ другими учительницами, не согласился на сокращеніе программы, какъ предлагалъ Валуевъ и постановилъ допустить преподаваніе англійскаго языка лишь отличнымъ воспитанницамъ педагогическаго курса, по ихъ желанію и съ разрѣшенія начальства, въ видѣ награды, какъ приватные уроки, на счетъ экономическихъ остатковъ института, въ свободное отъ классовъ время.

Въ 1874 году инспекторъ классовъ Николаевскаго института, „желая поднять уровень нравственнаго, умственнаго и эстетическаго развитія воспитанницъ“, представилъ черезъ посредство и при содѣйствіи Валуева, также правленія института, проектъ, въ которомъ предполагалось расширить преподаваніе назначенныхъ въ табели предметовъ между прочимъ тѣмъ, чтобы воспитанницы 1-го спеціальнаго класса читали подъ руководствомъ преподавателей цѣлыя сочиненія знаменитыхъ писателей, составляли обзоръ прочитаннаго съ своими замѣчаніями, упражнялись въ импровизаціи на разныя, преимущественно нравственнаго, историческаго и литературнаго содержанія, темы, также установить родъ диспутовъ между воспитанницами, какъ это дѣлается въ Англіи, по поводу мнѣній, нравственныхъ, педагогическихъ и литературныхъ, замѣчательныхъ авторовъ. При упражненіяхъ въ декламаціи воспитанницы должны были указывать на „психологическія основанія измѣненій интонаціи рѣчи, т.-е. на движеніе мыслей и чувствъ и на характеръ картинъ, въ которыя онѣ воплощены авторомъ“.

Учебный комитетъ, особенно сочувствуя „упражненію въ сужденіи какъ объ отдѣльныхъ нравственныхъ, педагогическихъ и литературныхъ мнѣніяхъ, такъ и о цѣлыхъ произведеніяхъ, предложилъ прибавить еще разборъ наиболѣе замѣчательныхъ учебныхъ руководствъ и пособій, для развитія въ воспитанницахъ умѣнья критически относиться къ нимъ и выбирать изъ нихъ лучшія.

Присутствіе не согласилось съ предложеніемъ устраивать диспуты и на импровизацію, такъ какъ это „не соотвѣтствуетъ будущей скромной роли воспитательницы“ и предложило ограничиться упражненіемъ въ сочиненіяхъ на разныя темы и разборомъ учебниковъ.

По табели 1874 года учебный курсъ Николаевскихъ институтовъ былъ, въ семи общихъ классахъ, нѣсколько шире, чѣмъ въ другихъ институтахъ; по русскому языку въ 1-мъ, старшемъ, классѣ проходился полный обзоръ русской литературы всего

древняго періода и части новаго „до Карамзина приблизительно“, а въ другихъ институтахъ сжатый обзоръ русской литературы [1]). Иностранные языки преподавались въ Николаевскомъ институтѣ на томъ же языкѣ; по французской литературѣ курсъ ограничивался обзоромъ въ старшихъ классахъ главнѣйшихъ писателей XVII-го вѣка и разборомъ отрывковъ изъ ихъ лучшихъ произведеній; въ нѣмецкой—совсѣмъ краткимъ (ganz kurze) обзоромъ литературы до Клопштока. По всеобщей исторіи въ старшемъ классѣ излагались главнѣйшія событія до вѣнскаго конгресса, по русской—до царствованія Николая I-го включительно. По естествовѣдѣнію курсъ физики былъ нѣсколько обширнѣе, чѣмъ въ другихъ институтахъ и въ старшемъ классѣ преподавалась физіологія человѣка. Педагогика не преподавалась въ общихъ классахъ и отнесена къ спеціальнымъ.

Въ послѣднихъ, воспитанницы изучали, кромѣ Закона Божія, русскую литературу, начиная съ Екатерины II до новѣйшихъ временъ, а въ первомъ, старшемъ классѣ, имъ преподавали и курсъ всеобщей литературы; курсы французской и нѣмецкой, въ первомъ спеціальномъ классѣ, обнимали анализъ произведеній писателей XIX вѣка. По исторіи курсъ кончался берлинскимъ конгрессомъ. Естествовѣдѣніе преподавалось лишь въ первомъ спеціальномъ классѣ (1 урокъ) и только практически, т.-е. кандидатки обучали малолѣтнихъ воспитанницъ подъ руководствомъ преподавателя; характеръ этихъ занятій былъ тотъ же, какъ и по другимъ предметамъ элементарнаго курса; тоже и по математикѣ. На педагогику было назначено по 2 урока въ каждомъ изъ двухъ спеціальныхъ классовъ, а въ первомъ преподавалась и дидактика.

Отъ кандидатокъ требовалось годичное педагогическое сочиненіе „какъ отчетъ своихъ наблюденій надъ ввѣренной ей ученицею и своихъ съ нею занятій“. Вообще, по всѣмъ предметамъ спеціальныхъ классовъ кандидатки должны были читать и внѣ класса, представлять годичныя сочиненія, упражняться въ одиночномъ и классномъ преподаваніи.

Педагогическіе курсы вѣдомства Императрицы Маріи были расширены лишь тѣмъ, что для практическихъ занятій слуша-

---

[1]) Сравнительная вѣдомость нормальной Выс. утв. въ 1874 году программы для ж. институтовъ вѣд. И. Маріи съ 7-и годичнымъ курсомъ и программы, установленной въ 7-ми классахъ общаго курса С.-Пет Ник. Сир. института. (Пятидесятилѣтіе С.-Пет. Ник. Сир. инст. (1837—1887). Историческій очеркъ. Составилъ инспекторъ классовъ С.-Пет. Ник. Сир. института, В. Тимофеевъ, С. Пет. 1887 г.).

тельницъ при курсахъ была открыта въ 1872 году безплатная начальная школа.

Циркуляромъ Принца было предписано, чтобы въ педагогическіе классы принимались лишь „отличнѣйшія ученицы, вполнѣ соотвѣтствующія высокому призванію воспитательницы, какъ по нравственнымъ качествамъ, такъ и по степени образованія, и не допускались бы „посредственности". Поэтому—сказано въ циркулярѣ—должны быть принимаемы: 1) имѣющія характеръ кроткій и способность передавать свои познанія другимъ; 2) обладающія выдающимися хорошими способностями и прилежаніемъ, твердо знающія орѳографію языковъ русскаго, французскаго и нѣмецкаго; 3) незаикающіяся; 4) имѣющія хорошій почеркъ [1]).

Въ томъ же циркулярѣ, изданномъ послѣ выпускныхъ экзаменовъ изъ женскихъ гимназій, Принцъ, оставшись въ общемъ довольнымъ ими, указывалъ на то, что: 1) обращено недостаточно вниманія на декламацію ученицъ; 2) ученицы мало знаютъ наизустъ стихотвореній, а нѣкоторыя даже никакихъ не знаютъ; 3) многія ученицы вовсе не знаютъ размѣровъ стиховъ. На это было обращено вниманіе при составленіи, подъ предсѣдательствомъ начальника гимназій, конференціи преподавателей, новыхъ программъ для гимназій вѣдомства.

Учебный курсъ женскихъ гимназій министерства народнаго просвѣщенія былъ выше курса гимназій вѣдомства. Согласно новымъ программамъ 1874 года, по русской словесности два старшихъ класса (по 3 урока въ каждомъ) назначались для изученія важнѣйшихъ произведеній русской литературы, преимущественно новаго періода; курсъ алгебры былъ гораздо обширнѣе: въ старшемъ классѣ (4 урока) проходились логарифмы; по всеобщей исторіи курсъ доходилъ до восточной войны включительно; по русской—до Александра II-го включительно, причемъ въ программу были включены свѣдѣнія о реформахъ его времени: уничтоженіи крѣпостного права, учрежденіи новыхъ судовъ, земскихъ учрежденій. Въ примѣчаніи было выражено желаніе, чтобы при обозрѣніи событій изъ новой, всеобщей и русской исторіи, преподаватели останавливались, насколько это не вредитъ общему курсу, на тѣхъ женщинахъ, которыя прославились или особенною заботливостью о воспитаніи своихъ дѣтей, или своимъ самоотверженіемъ въ качествѣ сестеръ милосердія или же основаніемъ благотворительныхъ и воспитательныхъ учрежденій.

---

[1]) Циркуляръ 6 іюня 1872. (Педагогическій Листокъ Спб. женскихъ гимназій 1872, августъ, № 1).

По физикѣ указывалась, въ видѣ примѣрной программы, установленная для мужскихъ гимназій и въ этомъ курсѣ ученицамъ должны были сообщать понятіе о главнѣйшихъ химическихъ явленіяхъ. Число уроковъ по иностраннымъ языкамъ въ женскихъ гимназіяхъ полагалось бо́льшее по сравненію съ мужскими. На педагогику было опредѣлено 2 урока въ старшемъ классѣ. Въ отдѣлѣ о физіологическомъ воспитаніи, полагалось знакомить учениць съ гигіеническими правилами, которыхъ онѣ могли бы держаться при исполненіи своихъ обязанностей въ качествѣ воспитательницъ.

Всѣ предметы учебнаго курса были раздѣлены на обязательные и необязательные; послѣдніе дѣлились на 2 группы: къ 1-й принадлежали иностранные языки (по 26 уроковъ въ недѣлю на каждый), рисованіе (14 уроковъ) и педагогика (2 урока); во вторую входили: одинъ изъ новыхъ иностранныхъ языковъ (26 уроковъ въ недѣлю) латинскій языкъ (38 уроковъ) и греческій (27 уроковъ).

Мысль о пользѣ преподаванія латинскаго языка въ женскихъ гимназіяхъ была впервые высказана попечителемъ московскаго учебнаго округа при ревизіи въ 1874 году владимірской женской гимназіи. Но иниціатива въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ домашней учительницѣ Фишеръ, женѣ преподавателя математики и физики въ 5-й московской мужской гимназіи.

Менѣе чѣмъ черезъ годъ послѣ изданія устава 30 іюля 1871 года, которымъ вводилось въ мужскія среднеучебныя заведенія министерства народнаго просвѣщенія преобладаніе древнихъ языковъ, г-жа Фишеръ подала попечителю московскаго учебнаго округа просьбу о разрѣшеніи ей открыть женское учебное заведеніе съ полнымъ курсомъ мужскихъ классическихъ гимназій, „съ цѣлью подготовлять дѣвицъ, способныхъ готовить мальчиковъ къ поступленію въ гимназію и руководить учащихся въ нихъ“ [1]). Въ обезпеченіе существованія гимназіи, Фишеръ заявила, что она жертвуетъ „прошедшими и будущими заработками своими и мужа“.

Сознавая важность и пользу женской классической гимназіи товарищъ министра народнаго просвѣщенія обратилъ вниманіе графа Толстого на ограниченность средствъ будущей гимназіи „тѣмъ болѣе, что женская классическая гимназія не можетъ разсчитывать на большое число учащихся, и, по всѣмъ

---

[1]) Представленіе попечителя моск. уч. округа министру нар. просв, 5 апр. 1872 г.

вѣроятіямъ, встрѣтитъ недоброжелательность со стороны нѣкоторыхъ органовъ печати". Поэтому, онъ просилъ для нея пособія въ 1.500 рублей въ годъ изъ 20.000, ассигнуемыхъ ежегодно на пособія женскимъ гимназіямъ министерства, также разрѣшенія ей называться „классическою".

Графъ Толстой призналъ весьма желательнымъ осуществленіе намѣренія Фишеръ и разрѣшилъ ей открыть шестиклассную гимназію на точномъ основаніи Положенія 1870 года, съ допущеніемъ нѣкоторыхъ изъятій относительно состава попечительнаго Совѣта и тѣхъ измѣненій учебнаго курса, которыя обусловливаются особымъ назначеніемъ будущей гимназіи.

Редакторъ *Московскихъ Вѣдомостей* и директоръ лицея цесаревича Николая въ Москвѣ, профессоръ Леонтьевъ ходатайствовалъ у министра о поощреніи этого „новаго дѣла", „перваго опыта" подтверждая свое ходатайство свидѣтельствомъ о личныхъ качествахъ Фишеръ и сочувствіемъ ея цѣли, выраженнымъ самимъ министромъ и начальствомъ московскаго учебнаго округа.

По предложенію товарища министра, было рѣшено подчинить гимназію одному изъ директоровъ московскихъ гимназій, а въ инспекторы классовъ избрать, съ согласія директора, лицо, получившее филологическое образованіе.

Гимназія была открыта 1-го сентября 1872 года.

По словамъ г-жи Фишеръ, мысль о классической гимназіи для женщинъ явилась у нея „во время полемики по поводу реформы графа Толстого мужскихъ гимназій". „Съ юныхъ лѣтъ преданная дѣлу воспитанія" она „естественно не могла остаться равнодушною къ вопросу о русской школѣ и прочла все, что писалось по этому поводу..." „Въ вдохновленныхъ, полныхъ пламеннаго патріотизма статьяхъ *Московскихъ Вѣдомостей*", она нашла „все, что когда-либо думала или скорѣе чувствовала относительно этого предмета..." „Основать такую школу, въ которой и женщина пріобщалась бы къ истинному образованію" казалось ей „лучшимъ средствомъ и для упроченія новой системы, и для возведенія женщины, матери и воспитательницы поколѣній, на ту высоту умственнаго уровня, на которой позволительно и желательно видѣть ее во всякомъ образованномъ обществѣ" [1].

Наканунѣ дня открытія гимназіи Фишеръ, директоръ лицея Цесаревича Николая, Леонтьевъ пріѣхалъ сообщить, что на дру-

[1]) Свѣдѣнія о женской классической гимназіи С. П. Фишеръ. Съ 1-го сентября 1872 года на 1-е сентября 1882 г. Москва. 1882.

гой день онъ привезетъ и ученицу, одну изъ дочерей Каткова; она и была единственною ученицею-пенсіонеркою въ 1872 году.

Потомъ явилось 15 ученицъ; 3 поступили въ приготовительный классъ, 6 въ первый, 6 во второй; всѣ были безъ всякой подготовки изъ латинскаго языка.

Десять дней спустя послѣ открытія гимназіи, ее посѣтилъ графъ Толстой, а въ концѣ 1873 года Катковъ и Леонтьевъ сами экзаменовали учениць.

По словамъ *Московскихъ Вѣдомостей* [1]), „успѣхи учениць по главному предмету были поразительны“; ихъ экзаменовали изъ всего пройденнаго курса и держали болѣе чѣмъ по часу. „Отвѣты даже слабѣйшихъ были быстры, точны, находчивы, приводили присутствовавшихъ въ изумленіе и могли бы самаго отъявленнаго скептика удостовѣрить, что къ умственному воспитанію женщины можетъ быть вполнѣ примѣнена точно такая же дисциплина, какъ и къ мужскому“.

Ученицы второго класса въ одинъ годъ прошли двухлѣтній курсъ и, по словамъ *Московскихъ Вѣдомостей*, успѣхи ихъ таковы, что сдѣлали бы честь ихъ сверстникамъ въ мужской гимназіи, проходившимъ тотъ же курсъ въ продолженіе двухъ лѣтъ.

Въ концѣ перваго учебнаго года было уже 26 учениць и между ними дочери: товарища министра народнаго просвѣщенія, профессора Захарьина, содержателей частныхъ мужскихъ классическихъ гимназій: Поливанова и Креймана.

Въ августѣ 1873 года былъ открытъ третій классъ, а въ слѣдующемъ году въ гимназіи было 45 учениць.

На первомъ торжественномъ актѣ графъ Толстой самъ раздавалъ награды ученицамъ.

Въ 1876 году, когда были открыты всѣ шесть классовъ, на выпускномъ экзаменѣ присутствовалъ бразильскій императоръ Донъ-Педро. Онъ предложилъ воспитанницамъ 6-го класса переводить на французскій языкъ à livre ouvert Цицерона Катилинаріи и седьмую пѣснь Одиссеи, самъ руководилъ переводами, заставлялъ воспитанницъ дѣлать конструкціи, останавливая ихъ на формахъ и требуя точнаго воспроизведенія мысли автора [2]).

Въ томъ же году Фишеръ представила попечителю московскаго учебнаго округа докладную записку, въ которой, прося о правахъ для окончившихъ шестилѣтній курсъ въ ея гимназіи учениць, указывала на то, что онѣ не уступаютъ по развитію

---

[1]) № 220. Приложеніе къ отчету за десятилѣтіе гимназіи.

[2]) Свѣдѣнія о класс. г. Фишеръ.

ученикамъ мужскихъ гимназій, которымъ, по окончаніи шестилѣтняго курса, даются тѣ же права по воинской повинности, какъ и окончившимъ полный восьмилѣтній курсъ. „Дѣвочки моей школы,—писала Фишеръ,—учатся древнимъ языкамъ и математикѣ совершенно какъ мальчики, и не подозрѣваютъ, что можно иначе учиться“ [1]).

При этомъ она высказывала свою „задушевную мысль—содѣйствовать укорененію учебной реформы и хотя нѣсколько облегчить ея исполненіе. Пріобщить матерей и воспитательницъ къ тому циклу познаній, — говорила Фишеръ,—на которыхъ зиждется эта реформа, это самое лучшее подспорье ей, самый сильный ея двигатель“. На этихъ основаніяхъ она и ходатайствовала о предоставленіи ученицамъ ея гимназіи, окончившимъ шестилѣтній курсъ, права на званіе домашнихъ учительницъ, а окончившимъ его съ отличіями,—домашнихъ наставницъ.

„Въ этомъ,—писала Фишеръ,—публика усмотрѣла бы вознагражденіе за серьезный трудъ учащихся“.

Такой взглядъ раздѣлялъ и попечитель московскаго учебнаго округа, который еще въ 1873 году представлялъ графу Толстому, что онъ лично, присутствуя на экзаменахъ, убѣдился въ томъ, что ученицы „разумно усвоили себѣ пройденное, и что занятія ихъ въ гимназіи благотворно повліяли на ихъ умственное развитіе“.

Приведя въ видѣ доказательства внушаемаго гимназіею довѣрія то, что онъ помѣстилъ туда свою дочь, попечитель съ сожалѣніемъ удостовѣрялъ, что такихъ лицъ, которыя сочувствуютъ гимназіи Фишеръ, немного, и немногіе сознаютъ, что „если правительство признало необходимость высшаго образованія женщинъ, то соотвѣтственно этому и программы женскихъ гимназій должны ничѣмъ не отличаться отъ программъ мужскихъ“.

Въ заключеніе попечитель высказывалъ мысль, что было бы полезно преобразовать гимназію Фишеръ въ казенное учебное заведеніе. Это, по его мнѣнію, было бы полезно для всего женскаго образованія, ибо публика увидѣла бы въ этомъ санкцію правительства и образецъ для женскихъ гимназій [2]).

19-го ноября 1876 года гимназіи были даны права, о которыхъ просила г-жа Фишеръ; а въ виду того, что она изъявила желаніе открыть еще два спеціальныхъ класса, предназначенные собственно на чтеніе классиковъ по греческому и латинскому

[1]) Арх. мин. нар. просв. 1876.

[2]) Представленіе попеч. моск. уч. окр. министру нар. просв. 30 ноября 1873 г. (Арх. мин. нар. просв.).

языкамъ, графъ Толстой поручилъ попечителю московскаго учебнаго округа представить ему свое мнѣніе, предварительно переговоривъ съ Фишеръ, о правахъ окончившихъ полный, восьмилѣтній курсъ.

Въ новой докладной запискѣ, Фишеръ изложила тѣ измѣненія программы 8-го класса мужскихъ гимназій, которыя она считала необходимыми для женской. Необходимость эта обусловливалась, по ея мнѣнію, тѣмъ, что цѣль мужскихъ гимназій заключается въ подготовленіи учениковъ къ дальнѣйшему, университетскому образованію, между тѣмъ какъ въ ея гимназіи должны приготовляться „добрыя матери и воспитательницы, глубоко проникнутыя истинами христіанской вѣры и патріотическимъ чувствомъ“.

Поэтому педагогическій Совѣтъ гимназіи Фишеръ постановилъ допустить въ 8 классѣ уклоненія отъ программы 8 класса мужскихъ гимназій, придать ему значеніе окончательнаго общаго образованія, „внести въ его преподаваніе начала эстетическія и философскія, по скольку дозволяетъ возрастъ и развитіе ученицъ“.

Съ цѣлью укрѣпленія „истинной христіанской вѣры“ въ ученицахъ, Совѣтъ полагалъ, чтобы повтореніе катехизиса, по программѣ мужскихъ гимназій, въ 8 классѣ дѣлалось въ видѣ связнаго курса началъ догматическаго и нравственнаго богословія, ввести въ этомъ классѣ преподаваніе педагогики какъ науки, на началахъ христіанской вѣры, здравой дидактики, краткій курсъ греческихъ и римскихъ древностей.

При преподаваніи древнихъ языковъ главное вниманіе должно быть обращено на чтеніе философскихъ сочиненій Платона и Цицерона, и художественныхъ—Сократа и Горація, также чтеніе по-гречески логики Аристотеля.

Такой курсъ 8-го класса удовлетворилъ бы, по мнѣнію Фишеръ, „замѣчаемому въ настоящее время стремленію дѣвицъ искать какого-то высшаго, по ихъ мнѣнію, образованія, а съ другой стороны, могъ бы дать имъ дѣйствительно то, чего онѣ ищутъ, вступая въ число слушательницъ разныхъ педагогическихъ курсовъ, гдѣ гоняясь за довершеніемъ образованія, онѣ подпадаютъ вліянію людей, совершенно чуждыхъ интересамъ истиннаго христіанскаго просвѣщенія“ [1]).

При разсмотрѣніи этой записки, ученый комитетъ обратилъ вниманіе на то, что г-жа Фишеръ иронически отзывается о стрем-

[1]) Докладная записка Фишеръ объ измѣненіяхъ въ программѣ 8-го класса ея гимназіи. 1876 г.

леніяхъ молодыхъ дѣвушекъ къ высшему образованію; „но предлагаемыя ею прибавленія къ курсу ея заведенія едва ли могутъ вполнѣ удовлетворить стремленію къ полному классическому образованію". Признавая, однако, и эти прибавленія все-таки полезными для воспитанницъ, ученый комитетъ разрѣшилъ ихъ.

Восьмой классъ былъ открытъ въ 1878 году. Кромѣ указанныхъ въ докладной запискѣ Фишеръ отступленій отъ программы 8-го класса мужскихъ гимназій, въ гимназіи Фишеръ были и другія измѣненія ея: новые языки преподавались усиленно по сравненію съ мужскими гимназіями: французскій начинался съ приготовительнаго класса, по 4 урока въ недѣлю; нѣмецкій съ перваго, въ которомъ на оба эти языка было назначено 7 уроковъ въ недѣлю; во второмъ классѣ на новые языки удѣлялось 9 уроковъ, въ 3 и 4 число уроковъ было одинаково съ ихъ числомъ въ мужскихъ гимназіяхъ, въ 5, 6 и 7 классахъ по одному уроку болѣе, а въ 8-мъ по два. Весь курсъ въ гимназіи Фишеръ продолжался 9 лѣтъ и въ теченіе его число уроковъ по иностраннымъ языкамъ равнялось не 31 въ недѣлю, какъ въ мужскихъ гимназіяхъ, а 57; оба иностранные языка были обязательными.

Въ гимназіи Фишеръ обучали и искусствамъ; большая часть пенсіонерокъ брали уроки музыки, а нѣкоторыя—и пѣнія подъ руководствомъ бывшаго профессора московской консерваторіи, артистки Кочетовой.

Въ гимназіи бывали музыкальныя и литературныя собранія, на которыхъ ученицы декламировали на греческимъ языкѣ всю Антигону Софокла, на нѣмецкомъ, — Марію-Стюартъ Шиллера, на англійскомъ—сцены изъ Коріолана; онѣ исполняли и греческіе хоры, переложенные Мендельсономъ.

По распоряженію министра работы ученицъ по латинскому и греческому языкамъ, также по матиматикѣ, были посланы на парижскую всемірную выставку, за что Фишеръ получила отъ французскаго правительства званіе officier de l' Académie и знакъ отличія этого званія, а отъ графа Толстого благодарность.

Съ 1875 году министерство народнаго просвѣщенія выдавало гимназіи пособіе въ 2000 рублей каждые два года.

Не такъ удачно пошло дѣло преподаванія древнихъ языковъ въ женскихъ гимназіяхъ министерства.

Въ томъ же году, когда попечитель московскаго учебнаго округа подалъ эту мысль, владимірское губернское земское Собраніе ходатайствовало о томъ, чтобы латинскій языкъ препо-

давался въ трехъ старшихъ и педагогическихъ классахъ, но какъ предметъ необязательный и безъ особой платы [1]).

Ходатайство о преподаваніи его (по 3 урока въ 3-хъ старшихъ классахъ) смоленской гимназіи поступило и отъ директора училищъ смоленской губерніи. Онъ, не дожидаясь постановленія попечительнаго Совѣта гимназіи, испрашивалъ дозволенія обучать учениць латинскому языку, „считая это особенно важнымъ“ и въ надеждѣ на то, что еслибы попечительный Совѣтъ отказалъ въ средствахъ, то преподаватель мужской гимназіи возьметъ на себя безплатное преподаваніе латинскаго языка и въ женской. Но попечительный Совѣтъ 4-я голосами противъ 3-хъ, изъявилъ свое согласіе, назначивъ преподавателю жалованье въ 35 рублей въ годъ изъ суммъ, состоявшихъ въ вѣдѣніи Совѣта, но съ платой по 3 р. въ годъ съ каждой ученицы, которая пожелаетъ обучаться латинскому языку. Предсѣдатель попечительнаго Совѣта и еще два члена подали особое мнѣніе, въ которымъ говорили, что считаютъ преподаваніе латинскаго языка въ женской гимназіи не только не полезнымъ, но вреднымъ.

На представленіе товарища министра графу Толстому, о введеніи преподаванія латинскаго и греческаго языковъ, также педагогики, въ женскія гимназіи, какъ предметовъ необязательныхъ, въ тѣхъ видахъ, чтобы ученицы по окончаніи курса, „могли съ большею пользою для себя и для общества, обучать юношество, готовящееся къ поступленію въ мужскія гимназіи и прогимназіи“, графъ Толстой выразилъ согласіе. Онъ призналъ эту цѣль въ высшей степени благотворною ибо нисшіе классы мужскихъ гимназій и прогимназій переполнены, многимъ приходится отказывать, а для поступленія въ высшіе классы ощущается недостатокъ въ домашнихъ учителяхъ по древнимъ языкамъ. Графъ Толстой прибавлялъ, что онъ „на дѣлѣ убѣдился въ возможности совершенно успѣшно обучать дѣвицъ этимъ предметамъ“.

По испрошеніи Высочайшаго разрѣшенія на введеніе древнихъ языковъ въ курсъ женскихъ гимназій, эти языки были включены въ программу 31 августа 1874 года какъ предметы необязательные.

Преподаваніе латинскаго должно было начинаться съ перваго, младшаго класса, по 6-и уроковъ въ недѣлю, тоже въ двухъ слѣдующихъ классахъ, а въ четырехъ старшихъ по 5-и часовъ. Греческій начинался съ третьяго класса по 5 часовъ

---

[1]) Представленіе попечителя моск. уч. окр. министру нар. пр. 9 января. 1874 г.

въ недѣлю, тоже въ 4-мъ, въ пятомъ по 6-и часовъ, въ 6-мъ по 5-ти и въ 7-мъ по 6-и [1]).

Въ отвѣтъ на предложенія управляющихъ учебными округами Совѣтамъ женскихъ гимназій ввести преподаваніе древнихъ языковъ, въ томъ же году получились отвѣты: отъ сибирскихъ гимназій омской и томской, что Совѣты сами о томъ ходатайствуютъ и что преподаваніе уже началось. Такой же отвѣтъ получился отъ Николаевской Маріинской гимназіи, причемъ сообщались что нашлось 17 ученицъ, желающихъ обучаться латинскому языку. Совѣтъ самарской гимназіи сообщалъ, что при вторичномъ обсужденіи вопроса обнаружилось, что заявленій со стороны родителей, желающихъ, чтобы ихъ дѣти обучались древнимъ языкамъ, поступило 33. Изъ этого числа 7 ученицъ 7-го класса, 5—6-го, 7—5-го, 5—4-го, 9—3-го; но такъ какъ всѣ онѣ не знаютъ и начала предметовъ и въ виду скудости средствъ, попечительный Совѣтъ ходатайствовалъ открыть лишь первый классъ латинскаго языка и переводить затѣмъ, по успѣхамъ, во 2 и 3-й классы; въ этотъ, первый классъ, допустить ученицъ всѣхъ высшихъ классовъ, начиная съ 3-го, кромѣ педагогическаго. Совѣтъ прибавлялъ, что на преподаваніе одного латинскаго языка потребуется 1700 рублей въ годъ, а поэтому онъ ходатайствовалъ у правительства объ увеличеніи пособія съ 1500 рублей до 2000. Для сведенія концовъ съ концами, Совѣтъ разсчитывалъ на то, что ему удастся уговорить учителей преподавать за болѣе дешевую плату, или привлечь къ пожертвованіямъ общество, городскую Думу, земство. Но онъ полагалъ нужнымъ просить у Думы новаго пособія не сейчасъ, ибо она уже даетъ гимназіи 4500 рублей въ годъ, а, главное, Совѣтъ думалъ, что „по новости этого дѣла“, преждевременно „возбуждать вопросъ въ собраніяхъ Думы и земства о пособіи именно на древніе языки“.

Совѣтъ псковской гимназіи сообщалъ въ декабрѣ 1874 года, что учиться греческому языку никто изъ ученицъ не изъявилъ желанія, а латинскому, съ согласія родителей, обучаются съ октября 15 ученицъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ, родители заявили, что они согласны, чтобы ихъ дѣти обучались латинскому языку лишь въ томъ случаѣ, если ихъ будутъ обучать и обоимъ новымъ; если же этого не разрѣшать, то они отказываются отъ латинскаго.

Кромѣ этихъ 15-и изъявили желаніе обучаться латинскому языку всѣ пенсіонерки Совѣта и другихъ вѣдомствъ, но такъ какъ ихъ мало, и платы онѣ вносить не могутъ, то попечитель-

[1]) Журн. мин. нар. пр. 1874.

ный Совѣтъ считалъ невозможнымъ ввести преподаваніе латинскаго языка во всѣхъ классахъ гимназіи, согласно табели 31 августа 1874 года. Въ виду же того что съ согласія родителей этому языку 15 ученицъ начали обучаться съ октября 1874 года съ успѣхомъ при 4 урокахъ въ недѣлю и съ платою по 7 рублей въ годъ съ каждой, то этимъ, по мнѣнію Совѣта, полезно продолжать ученіе.

Попечитель петербургскаго учебнаго округа, князь Ливенъ, полагалъ возможнымъ допустить такое отступленіе, ибо „обученіе даже одному, на первыхъ порахъ, латинскому языку, значительно подниметъ уровень основательности женскаго образованія и умственнаго развитія“; къ тому же недопущеніе этого отступленія будетъ равносильно запрещенію преподаванія древнихъ языковъ въ женскихъ гимназіяхъ. Поэтому попечитель ходатайствовалъ о разрѣшеніи обучать не обоимъ непремѣнно древнимъ языкамъ, а одному латинскому, и начинать его преподаваніе не только съ 1-го класса, но и съ другихъ, до 4-го и 5-го, съ тѣмъ, чтобы въ 5-ти старшихъ классахъ было опредѣлено по 6 уроковъ латинскаго, а въ 4-хъ старшихъ по 6 и греческаго.

Въ виду того, что „по существующимъ взглядамъ и даже потребностямъ общества знаніе обоихъ новыхъ языковъ считается необходимою принадлежностью образованной женщины и, въ особенности, домашней учительницы и воспитательницы“, попечитель предлагалъ разрѣшать обучающимся одному или двумъ новымъ языкамъ, обучаться въ то же время и одному или обоимъ древнимъ, также изучающимъ одинъ или оба древнихъ, обучаться и новымъ.

Совѣтъ владимірской гимназіи, первый изъ всѣхъ ходатайствовавшій о введеніи латинскаго языка въ программу гимназіи, въ слѣдующемъ же году постановилъ ограничить число уроковъ по этому предмету, съ 9-ти въ недѣлю до 3-хъ въ четырехъ высшихъ (и педагогическомъ) классахъ, такъ какъ, по опыту перваго года, оказался недостатокъ въ средствахъ, ибо, въ видахъ поощренія, Совѣтъ не бралъ платы съ ученицъ за обученіе латинскому языку. На положенные табелью 1874 года 38 уроковъ латинскаго языка требуется 1.900 рублей въ годъ, считая по 50 рублей годовой урокъ, а между тѣмъ брать плату съ учащихся нельзя, ибо тогда немногія захотятъ учиться латинскому языку. Поэтому попечительный Совѣтъ просилъ разрѣшенія ввести преподаваніе латинскаго языка лишь въ трехъ старшихъ классахъ, по 4 урока въ каждомъ.

Ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія высказался за нѣкоторыя отступленія отъ табели 1874 года. Онъ согласился съ мнѣніемъ своего члена, Лемоніуса, который, въ представленной 27-го января 1875 года, запискѣ, изложилъ свой взглядъ на дѣло. „Признавая древніе языки основаніемъ извѣстнаго педагогическаго направленія", Лемоніусъ полагалъ, что „если разъ допустить безразличіе половъ по умственнымъ способностямъ, то оно наиболѣе возможно въ возрастѣ, гдѣ они наименѣе расходятся физіологически...

Нельзя,—говорилъ онъ,—не смотрѣть на введеніе древнихъ языковъ въ женскія гимназіи какъ на опытъ; поэтому, для достиженія результатовъ, необходимо требовать самаго энергичнаго проведенія начатаго дѣла. „Таблица, уравнивающая дѣвочекъ съ мальчиками, и назначена преимущественно для тѣхъ родителей, которые желаютъ дать своимъ дѣтямъ возможность, по окончаніи гимназическаго курса, продолжать научныя занятія въ университетѣ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, доступныхъ нынѣ для однихъ мужчинъ. Вотъ почему нужно устранить всякій диллетантизмъ, такъ легко принимающій ложный видъ серьезнаго образованія".

Въ заключеніе, Лемоніусъ говорилъ, что считаетъ „вполнѣ раціональнымъ требованіе, чтобы женщины, претендующія на равноправность съ мужчинами и на поприщѣ научной дѣятельности, подчинялись всѣмъ условіямъ мужского образованія, заключающимъ въ себѣ прочное основаніе университетскихъ занятій". Поэтому онъ „не совѣтовалъ бы уклоняться отъ утвержденныхъ министромъ плановъ для женскихъ гимназій".

Соглашаясь съ мнѣніемъ Лемоніуса, ученый комитетъ полагалъ „не затруднять на первыхъ порахъ введеніе древнихъ языковъ въ курсъ женскихъ гимназій и, на первый разъ, допустить, въ видѣ опыта, въ псковской гимназіи преподаваніе не только обоихъ древнихъ языковъ, но и одного латинскаго, предоставивъ воспитанницамъ, съ согласія родителей, свободу выбора; но при этомъ комитетъ постановилъ, что преподаваніе древнихъ языковъ непремѣнно должно начинаться не позже 4-го класса.

Циркуляромъ 22-го марта 1875 года было предписано, чтобы „полная обязательность таблицы уроковъ, разсчитанная въ отношеніи ихъ числа и распредѣленная по классамъ на семь лѣтъ, во всѣхъ отношеніяхъ началась только для ученицъ перваго, низшаго, класса съ 1875—1876 учебнаго года.

Въ числѣ 9-ти женскихъ (съ 137 ученицами, пожелавшими обучаться латинскому языку) гимназій, въ которыхъ было въ

1874 году введено преподаваніе древнихъ языковъ, была кишиневская. Но бессарабское губернское земское Собраніе 14-го декабря 1875 года приняло предложеніе ревизіонной комиссіи, которая, въ своемъ докладѣ, говорила о произведенномъ на нее непріятномъ впечатлѣніи отъ преподаванія въ гимназіи латинскаго языка, „едва ли представляющаго для ученицъ видимую въ жизни пользу и обусловленнаго значительною и безполезною тратою времени“. Комиссія предлагала Собранію сдѣлать постановленіе: 1) о прекращеніи съ января 1876 года обученія латинскому языку, при чемъ заявить попечителю одесскаго учебнаго округа, что Собраніе желаетъ, чтобы съ будущаго года, кромѣ обязательныхъ предметовъ, преподавались въ гимназіи лишь новые языки, а преподаваніе латинскаго было положительно отмѣнено, и 2) выразить сожалѣніе о допущеніи преподаванія латинскаго языка въ 3, 4 и 5 классахъ безъ согласія земства, „съ присовокупленіемъ, что на будущее время земское Собраніе будетъ дѣлать начеты на всѣ тѣ нововведенія, которыя будутъ дѣлаемы попечительнымъ Совѣтомъ безъ согласія земства“ [1]).

Это постановленіе было опротестовано губернаторомъ, которому директоръ кишиневской гимназіи представилъ, что земское Собраніе вышло изъ предѣловъ, указанныхъ ему закономъ. По мнѣнію директора, оно могло сократить смѣту, но не имѣло права вдаваться въ оцѣнку степени полезности предмета, рекомендуемаго, съ Высочайшаго соизволенія, министерствомъ; вторгаясь въ учебную часть и ходатайствуя о положительной отмѣнѣ преподаванія латинскаго языка, земство „расположено совершить насиліе, такъ какъ хочетъ лишить 63 дѣвицъ возможности учиться латинскому языку“. Этотъ противозаконный актъ „не долженъ,—говорилъ директоръ,—пройти незамѣтно, ибо въ слѣдующемъ году Собраніе можетъ указать на другой, безполезный, по его мнѣнію, предметъ, и въ обществѣ, а особенно между ученицами, можетъ установиться понятіе, что отъ земскаго Собранія зависитъ измѣненіе программы“.

Поэтому директоръ, обращая вниманіе губернатора на постановленіе земскаго Собранія, просилъ его протестовать противъ формы, въ какой Собраніе отказалось отъ отпуска денегъ на уроки латинскаго языка.

Раздѣляя взглядъ директора, губернаторъ указалъ земству

---

[1]) Архивъ мин. нар. просв. 1875 г.

на неправильность его постановленія, и когда земство не согласилось его отмѣнить, представилъ свой протестъ Сенату [1]).

Въ слѣдующемъ году, Собранію было доложено управою, что Сенатъ, разсмотрѣвъ протестъ начальника губерніи на постановленіе Собранія 14 декабря 1875 года, нашелъ, что это постановленіе, „какъ изложенное въ формѣ обязательной для попечителя учебнаго округа и попечительскаго Совѣта гимназіи, не подчиненныхъ земству, подлежало опротестованію; но такъ какъ въ засѣданіи 24 декабря Собраніе измѣнило форму своего постановленія и разъяснило, что оно „только считаетъ необходимымъ ходатайствовать объ отмѣнѣ преподаванія въ женской гимназіи латинскаго языка“, то Сенатъ опредѣлилъ: оставить протестъ губернатора безъ послѣдствій“ [2]).

Узнавъ изъ газетъ о томъ, что бессарабское земство отказало въ 1380 рубляхъ на плату учителямъ латинскаго языка въ кишиневской гимназіи, графъ Толстой телеграфировалъ попечителю одесскаго учебнаго округа, чтобы, въ случаѣ если это окажется правдою, онъ безотлагательно распорядился о томъ, чтобы уроки латинскаго языка не прекращались, а расходы по нимъ будутъ производиться изъ суммъ министерства, о чемъ попечитель долженъ сдѣлать представленіе министру [3]). 1380 рублей выдавались затѣмъ кишиневской гимназіи каждый годъ, а остававшіеся отъ нихъ 25 рублей были назначены на пополненіе и „какъ основаніе“ библіотеки гимназіи латинскими сочиненіями.

Почти во всѣхъ женскихъ гимназіяхъ, гдѣ былъ введенъ латинскій языкъ, онъ преподавался или директорами или учителями мужской гимназіи даромъ. Въ костромской, григоровской, гимназіи было въ 1875 году 21 ученица, обучавшіяся этому языку въ 4, 5 и 6 классахъ по 4 урока въ недѣлю; преподавалъ его даромъ учитель русскаго языка и исторіи въ костромскомъ реальномъ училищѣ. Въ калужской гимназіи было въ 1875 году 39 учепицъ латинскаго языка. Въ 1878 году преподаваніе этого языка было введено и въ нижегородской гимназіи. Въ отчетѣ о владимірской гимназіи за 1883 годъ было сказано, что по успѣхамъ учепицъ всего лучше шло преподаваніе латинскаго языка, французскаго, нѣмецкаго и естествознанія, а всего хуже—русскаго языка и математики.

Кромѣ гимназій, вопросъ о преподаваніи латинскаго языка обсуждался и въ Маріинскомъ институтѣ, по волѣ великой кня-

[1]) Архивъ мин. нар. пр. 1875 г.

[2]) Земскій Ежегодникъ за 1876 г.

[3]) Арх. мин. нар. просв. 1875 г.

гини Елены Павловны, которая въ 1876 году поручила комиссіи изъ учителей, подъ предсѣдательствомъ Аргейма, обсудить, при разсмотрѣніи проекта о предполагаемомъ къ учрежденію педагогическомъ классѣ, вопросъ: не слѣдуетъ ли допустить въ этомъ классѣ преподаваніе латинскаго языка для желающихъ? Мотивировала великая княгиня свое предложеніе тѣмъ, что до ея свѣдѣнія дошло, что „въ отдаленныхъ губерніяхъ Россіи родителямъ очень трудно приготовлять сыновей въ гимназіи съ тѣхъ поръ, какъ для этого требуется знаніе латинскаго языка. Введеніе этого языка въ институтъ могло бы облегчить положеніе родителей, давъ возможность той же личности заниматься съ дѣвочками и мальчиками до поступленія послѣднихъ въ гимназію". Комиссія рѣшила включить преподаваніе латинскаго языка, какъ необязательнаго предмета, въ курсъ педагогическаго класса при Маріинскомъ институтѣ, также педагогику и гигіену [1]), но учрежденіе этого класса тогда не состоялось.

Еще до включенія латинскаго языка въ программы женскихъ гимназій министерства, этотъ вопросъ былъ рѣшенъ въ Высочайше утвержденной въ 1875 году комиссіи подъ предсѣдательствомъ товарища министра народнаго просвѣщенія Делянова. Передъ тѣмъ, особая комиссія изъ министровъ внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, главноуправляющаго IV отдѣленіемъ и начальника III отдѣленія, Высочайше учрежденная по вопросу о мѣрахъ къ прекращенію постоянно усиливавшагося прилива русскихъ женщинъ въ цюрихскій университетъ, въ своемъ докладѣ предлагала, между прочимъ, учредить въ Россіи высшія женскія училища по образцу берлинскихъ Victoria Lyceum für Damen, Königliche Luisenstiftung и Königliche Auguste-Schule.

Для обсужденія этого предложенія, и вообще о высшихъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ и была назначена новая комиссія подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Делянова изъ опытныхъ педагоговъ, поровну отъ министерства народнаго просвѣщенія и вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи [2]).

Графъ Толстой пригласилъ профессора С. М. Соловьева со-

---

[1]) Архивъ Маріинскаго института.

[2]) Отъ вѣдомства вошли: предсѣдатель учебнаго комитета Чистяковъ, начальникъ пет. ж. гимназій Осининъ, дѣлопроизводитель учебнаго комитета инспекторъ классовъ Александровскаго училища Лядовъ и инспекторъ классовъ Васильеостровской женской гимназіи Рашевскій. Отъ министерства: предсѣдатель ученаго комитета Георгіевскій, директоръ 3-й петерб. гимназіи Лемоніусъ, преподаватель историко-филологическаго института Беллярминовъ и окружной инспекторъ петербургскаго учебнаго округа Савиновъ.

ставить проектъ высшихъ женскихъ курсовъ, съ объяснительной къ нему запискою. Въ написанномъ, по порученію министра, къ С. М. Соловьеву письмѣ, было сказано, что графъ желаетъ воспользоваться „въ столь важномъ дѣлѣ опытностью, пріобрѣтенною Вашимъ Превосходительствомъ за время завѣдыванія высшими женскими курсами въ Москвѣ“ и вмѣстѣ съ тѣмъ проситъ его обратить вниманіе на напечатанную въ журналѣ министерства статью Лемоніуса, командированнаго въ 1870 году для изученія вопроса о берлинскихъ высшихъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Неизвѣстно, доставилъ ли профессоръ Соловьевъ просимый проектъ, но въ комиссію были присланы программы разныхъ, высшихъ (только по названію) [1]) женскихъ заграничныхъ школъ; также доставлялись частными лицами записки, бо̀льшей частью, противъ учрежденія высшихъ женскихъ учебныхъ заведеній.

Комиссія Делянова не ограничилась обсужденіемъ вопроса объ учрежденіи высшихъ женскихъ учебныхъ заведеній, а подвергла разсмотрѣнію и существующія уже у насъ учрежденія для средняго образованія и педагогическіе курсы. Женскія гимназіи вѣдомства были признаны комиссіею не соотвѣтствующими характеру среднихъ учебныхъ заведеній, „и хотя считаются такими, но по объему даваемаго образованія, въ особенности въ виду отсутствія преподаванія не только древнихъ, но и новыхъ иностранныхъ языковъ, скорѣе напоминаютъ элементарныя заведенія“. Поэтому было предположено сдѣлать обязательнымъ въ гимназіяхъ вѣдомства изученіе одного новаго языка, предоставивъ начальству освобождать отъ этого изученія такихъ ученицъ, которыя по своему общественному положенію, не нуждаются въ знаніи иностранныхъ языковъ, съ сохраненіемъ за ними, однако, права получать свидѣтельство на званіе домашнихъ учительницъ.

Комиссія признала также нужнымъ сравнять учебные планы женскихъ гимназій вѣдомства министерства и институтовъ для того, чтобы облегчить ученицамъ переходъ изъ одного заведенія въ другое и съ этой цѣлью составила общій проектъ для всѣхъ гимназій [2]).

---

[1]) Такими были и берлинскія, описанныя Лемоніусомъ.

[2]) По проекту, на законъ Божій полагалось по 2 часа въ недѣлю во всѣхъ семи классахъ, русскій языкъ и словесность въ двухъ младшихъ по 4 часа, въ слѣдующихъ пяти по 3; математики въ двухъ младшихъ по 4, и въ третьемъ 3 часа; одинъ изъ иностранныхъ языковъ въ трехъ младшихъ по 4, въ четвертомъ 3, пятомъ 4, шестомъ и седьмомъ по 3; географіи по 2 часа въ недѣлю въ третьемъ, четвертомъ и седьмомъ классахъ; исторіи по 2 урока въ недѣлю въ третьемъ и четвертомъ клас-

Относительно институтовъ было признано неудобнымъ примѣнять къ нимъ программу гимназій, „такъ какъ много времени должно удѣлять на музыку, танцы, практическое изученіе обоихъ языковъ, на наблюденіе за своими вещами, гимнастикой и другимъ, связаннымъ съ системой закрытаго воспитанія, требованіямъ“.

Гимназіи министерства было положено сравнить въ правахъ съ гимназіями вѣдомства въ томъ, чтобы кончившія семь классовъ получали права на званіе домашней учительницы. Введеніе древнихъ языковъ какъ необязательныхъ предметовъ было признано полезнымъ: въ гимназіяхъ министерства по ходатайству о томъ попечительскихъ Совѣтовъ, въ гимназіяхъ вѣдомства—когда явятся желающія. Вмѣстѣ съ тѣмъ комиссія нашла справедливымъ преобразовать гимназію Фишеръ въ казенную гимназію съ полнымъ содержаніемъ отъ казны.

Противъ этого высказались Чистяковъ и Рашевскій, находя, что гимназія существуетъ не болѣе трехъ лѣтъ, число ученицъ мало (въ 1874 году ихъ было 42) и еще не представляется основаній для такого рѣшенія комиссіи.

Члены отъ вѣдомства вообще протестовали противъ обсужденія комиссіею вопросовъ, касавшихся уже существующихъ женскихъ учебныхъ заведеній. Всего же болѣе вызвало протестъ со стороны этихъ членовъ мнѣніе члена отъ министерства Георгіевскаго о томъ, что слѣдуетъ упразднить педагогическіе курсы вѣдомства [1]).

Высказываясь противъ учрежденія высшаго учебнаго заведенія для женщинъ, Георгіевскій сначала предлагалъ учредить педагогическіе курсы, на подобіе петербургскихъ, въ Москвѣ и другихъ университетскихъ городахъ; но побывавъ два раза на петербургскихъ педагогическихъ курсахъ и прочитавъ сочиненіе одной ученицы на тему „Наѳанъ Мудрый“ Лессинга, онъ вынесъ отсюда „пстинное сокрушеніе“ и увидѣлъ въ этомъ сочиненіи легкомысліе, фразерство, вредное литературное направленіе, безбожіе, обвинилъ курсы въ томъ, что онѣ внушаютъ ученицамъ антихристіанскій образъ мыслей.

сахъ, по 3 въ пятомъ и шестомъ, по 2 въ седьмомъ; естествовѣдѣніе по 2 урока въ четвертомъ и пятомъ классахъ и по 3 въ шестомъ и седьмомъ; педагогику 2 урока въ седьмомъ классѣ. Условно-обязательными предметами были назначены: другой иностранный языкъ по 4 урока въ первыхъ трехъ классахъ, 3 въ четвертомъ, 4 въ пятомъ и по 3 въ двухъ старшихъ; рисованіе, рукодѣліе, латинскій языкъ по 6 уроковъ въ недѣлю въ первыхъ шести классахъ, 5 въ седьмомъ; греческій по 6 уроковъ, начиная съ третьяго класса и 5 въ седьмомъ.

[1]) Засѣданіе 5 мая 1874 года.

Въ опроверженіе этого мнѣнія, И. Осининъ представилъ въ комиссію свои замѣчанія, въ которыхъ, между прочимъ, указалъ на то, что въ нѣмецкихъ гимназіяхъ разборъ „Наѳана Мудраго“ признается однимъ изъ лучшихъ педагогическихъ средствъ „для поселенія въ учащихся вѣротерпимости и христіанской любви“, и что подвергшіяся со стороны Георгіевскаго обвиненію мѣста въ сочиненіи ученицы суть переводъ изъ извѣстнаго сочиненія о Лессингѣ и выписки изъ Куно-Фишера, „которыми она пользовалась не скрывъ этого отъ преподавателя“ [1]).

Въ комиссіи было высказано членами отъ министерства мнѣніе, что для того, чтобы педагогическіе курсы „не препятствовали будущему высшему женскому училищу“, они, какъ и педагогическіе классы при гимназіяхъ министерства, должны приготовлять учениць къ элементарному преподаванію русскаго языка, ариѳметики и еще какого-либо предмета, и притомъ существовать не самостоятельно, а при женской гимназіи. Соглашаясь, что педагогическіе курсы приготовляютъ лишь къ элементарному преподаванію, члены отъ вѣдомства отказались отъ обсужденія вопроса объ ихъ преобразованіи, какъ не подлежащаго комиссіи.

Такъ какъ, по мнѣнію комиссіи, высшія женскія училища должны имѣть цѣлью приготовленіе учительницъ во всѣ классы женскихъ учебныхъ заведеній, то, по составленному ею проекту, были опредѣлены различныя отдѣленія, по которымъ группировались бы учебные предметы какъ по самому характеру науки, такъ и по избираемымъ учительницами спеціальностямъ. Такихъ отдѣленій было установлено 5, по спеціальностямъ: русскаго языка и словесности, французскаго языка, нѣмецкаго, исторіи и математики. Физическая, математическая и политическая географія включена въ отдѣленіе математики и физики. Но такъ какъ для усвоенія высшаго образованія необходима, по мнѣнію комиссіи, классическая подготовка и такъ какъ латинскій языкъ вездѣ входитъ въ программы испытаній на званіе учителя среднеучебнаго заведенія, то комиссія сочла необходимымъ ввести въ программу высшаго женскаго училища изученіе латинскаго языка на всѣхъ отдѣленіяхъ, кромѣ математики и физики.

Введеніе латинскаго языка въ курсъ высшихъ женскихъ училищъ комиссія мотивировала тѣмъ, что снисхожденіе, оказанное въ этомъ отношеніи женщинамъ, было бы „къ крайнему ущербу для мужчинъ и неминуемо повлекло бы за собою пониженіе уровня средняго женскаго образованія“. Но въ виду пло-

[1]) Засѣданіе коммиссіи 5 мая 1874 г.

хой подготовки въ женскихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ изъ математики на отдѣленіи математики и физики высшаго училища долженъ былъ преподаваться не высшій курсъ математики, а лишь въ объемѣ мужскихъ гимназій. Поэтому слушательницы этого отдѣленія не могли, по мнѣнію комиссіи, быть допущены, по окончаніи курса, къ преподаванію въ старшихъ классахъ женскихъ среднеучебныхъ заведеній, и изученіе латинскаго языка было признано для нихъ ненужнымъ. Но для готовящихся къ поступленію на медицинскіе курсы, гдѣ требуются дополнительныя свѣдѣнія изъ математики и гдѣ преподается латинскій языкъ, постановлено образовать особое отдѣленіе, гдѣ рядомъ съ математикой преподавался бы латинскій языкъ вмѣсто физической и политической географіи.

Согласно составленной на этихъ основаніяхъ комиссіею окончательной программѣ трехкласснаго высшаго женскаго училища, общими для всѣхъ отдѣленій, кромѣ отдѣленія латинскаго языка и математики, предметами были: законъ Божій (по 1 уроку въ недѣлю въ двухъ первыхъ классахъ), психологія съ примѣненіемъ къ педагогикѣ и логикѣ (по 2 урока въ двухъ первыхъ классахъ) и исторія воспитанія (2 урока въ третьемъ классѣ). На латинскій языкъ полагалось во всѣхъ отдѣленіяхъ, кромѣ отдѣленія математики, физики и географіи, по девяти уроковъ въ недѣлю. Кромѣ того, на отдѣленіи русскаго языка и словесности должны были преподаваться: русская и церковно-славянская грамматика по 4 урока въ недѣлю во всѣхъ классахъ и исторія русской словесности по 3. По отдѣленію исторіи: русская и новая исторія—по 6 уроковъ въ двухъ первыхъ классахъ, древняя и средняя—9 уроковъ въ 3-мъ классѣ. По отдѣленію французскаго языка: французскій языкъ и словесность по 9 уроковъ во всѣхъ классахъ. По отдѣленію нѣмецкаго: нѣмецкій языкъ и словесность по 9 уроковъ во всѣхъ классахъ. По отдѣленію математики и физики: математика 8 уроковъ въ первомъ и по 7-ми въ двухъ слѣдующихъ классахъ, физика по 3 урока въ двухъ послѣднихъ, математическая географія 2 урока въ 3-мъ классѣ, тоже и физическая, а политическая по 3 урока въ двухъ первыхъ классахъ. На отдѣленіи латинскаго языка и математики: кромѣ 9 уроковъ латинскаго въ каждомъ классѣ, на математику опредѣлялось 8 въ первомъ и по 7-ми въ двухъ послѣднихъ классахъ, на физику по 3 въ этихъ же классахъ [1]).

[1]) Для желающихъ, если ихъ будетъ не менѣе 10-ти, греческій языкъ долженъ былъ преподаваться по 9 часовъ въ недѣлю даромъ.

Число всѣхъ уроковъ въ недѣлю было назначено 20—21 на каждомъ отдѣленіи съ цѣлью, чтобы ученицы имѣли больше времени на самостоятельныя занятія дома. Преподаватели не должны были ограничиваться чтеніемъ лекцій, а руководить ученицами по указаннымъ книгамъ, постоянно провѣрять ихъ знанія и исправлять письменныя работы.

На третьемъ курсѣ назначались особые часы для упражненія ученицъ въ педагогической дѣятельности, для чего предположено было учредить при высшемъ училищѣ женскую гимназію. При поступленіи въ это училище не моложе 16-ти лѣтъ, ученица должна была представить дипломъ на званіе домашней учительницы. Плата назначалась по 60 рублей въ годъ; комплектъ не болѣе 30-ти въ каждомъ отдѣленіи, а на всѣхъ курсахъ 540. Окончательный экзаменъ выпускнымъ долженъ былъ производиться комиссіею изъ профессоровъ и преподавателей училища по программамъ на испытаніе къ учительскому званію, въ университетѣ. Выдержавшимъ испытаніе предоставлялось право преподавать во всѣхъ классахъ женскихъ гимназій и институтовъ тѣ предметы, которымъ онѣ спеціально обучались, кромѣ математики, которую могли преподавать только въ низшихъ классахъ, и физики. Для неимущихъ родителей ученицъ предполагалось устраивать ученическія квартиры или общежитія.

Завѣдываніе училищемъ возлагалось на директора изъ лицъ, имѣющихъ степень доктора или магистра; преподавателями должны были приглашаться профессора или опытные учителя мужскихъ гимназій.

Содержаніе каждаго изъ двухъ предположенныхъ къ учрежденію высшихъ женскихъ училищъ было исчислено комиссіею въ 71.200 рублей, а плата съ ученицъ, при полномъ ихъ комплектѣ, въ 29.160 рублей [1]).

Кромѣ того, комиссія признала желательнымъ учрежденіе возможно бо̀льшаго числа элементарныхъ женскихъ училищъ по плану городскихъ училищъ министерста, также ремесленныхъ, техническихъ и коммерческихъ женскихъ школъ или отдѣленій при городскихъ женскихъ училищахъ „для возвышенія производительности и полезности женскаго труда“, а также семинарій для приготовленія учительницъ народныхъ школъ.

Докладъ комиссіи, куда вошло и предложеніе Георгіевскаго объ упраздненіи педагогическихъ курсовъ со всѣми приведенными

---

[1]) Докладъ комиссіи по вопросу о высшемъ женскомъ образованіи. (Арх. мин. нар. пр., 1875 г.)

имъ въ комиссіи мотивами, былъ представленъ графу Толстому 10-го февраля 1875 года.

Къ докладу было приложено коллективное мнѣніе пяти членовъ комиссіи отъ вѣдомства и, кромѣ того, особое мнѣніе И. Осинина. Пять членовъ указывали въ своемъ мнѣніи, что въ докладѣ помѣщены отъ имени комиссіи не только мнѣнія и мысли, которыя высказывались лишь однимъ ея членомъ и даже не обсуждались, но и вовсе не высказывавшіяся. Въ особомъ мнѣніи Осининъ говорилъ, что толкованіе комиссіею цѣли, съ которою основывается высшее женское училище, невѣрно. Главная цѣль его состоитъ, по мнѣнію Осинина, не въ томъ, чтобы привлечь женщинъ къ педагогической дѣятельности, какъ понимаетъ комиссія, а въ томъ, чтобы дать исходъ закопному стремленію женщинъ къ образованію, помимо заграничныхъ университетовъ. Невѣрною находилъ Осининъ и мысль доклада комиссіи о томъ, что программа женскихъ гимназій ничѣмъ не должна отличаться отъ программъ мужскихъ. По его мнѣнію, высшее образованіе женщинъ должно быть „понимаемо въ смыслѣ относительномъ, въ смыслѣ образованія высшаго сравнительно съ тѣмъ, какое нынѣ доступно для женщины“; это образованіе должно быть приравниваемо къ природнымъ силамъ и потребностямъ женщины, а не мужчины, а поэтому нельзя отожествлять его съ университетскимъ. Осининъ порицалъ докладъ за то, что, „увлекшись мыслью о достиженіи женщинами внѣшней юридической равноправности съ мужчинами по званію учителя среднеучебныхъ заведеній“, въ программу высшаго женскаго училища введено большое количество уроковъ латинскаго языка, курсъ котораго „долженъ быть пройденъ форсированнымъ маршемъ, начиная съ азовъ“, и не можетъ имѣть въ данномъ случаѣ какого-либо образовательнаго вліянія.

Докладъ комиссіи былъ представленъ на разсмотрѣніе Принца Ольденбургскаго, который, въ отзывѣ отъ 2-го февраля 1876 года, высказался противъ проекта комиссіи по слѣдующимъ основаніямъ:

1) Едва ли проектированныя комиссіею два высшихъ женскихъ училища въ состояніи будутъ удовлетворить тѣмъ потребностямъ, которыя проявляются въ средѣ русскихъ женщинъ и имѣлись въ виду правительствомъ при учрежденіи самой комиссіи, такъ какъ комиссія задается исключительно педагогическими цѣлями и упускаетъ изъ виду, что въ большинствѣ случаевъ не желаніе приготовляться въ учительницы влечетъ нашихъ женщинъ за-границу, въ высшія женскія учебныя заведенія, а желаніе основательно изучить какую-либо отрасль наукъ, подъ руководствомъ опытныхъ профессоровъ, чтобы прилагать впослѣдствіи къ практикѣ пріобрѣтенныя познанія (какъ, напр., при

изученіи наукъ медицинскихъ),—или же вообще докончить свое образованіе болѣе глубокимъ изученіемъ предметовъ, съ которыми онѣ уже имѣли возможность, въ сжатомъ видѣ, познакомиться въ нашихъ среднеучебныхъ заведеніяхъ.

2) Самое устройство проектированныхъ училищъ едва-ли можетъ быть признано цѣлесообразнымъ. Нельзя ожидать, что въ возрастѣ ученицъ, имѣющихъ поступить въ училище (отъ 17—20 л. и старше), трехгодичныя занятія латинскимъ языкомъ будутъ имѣть вполнѣ образовательное значеніе для ихъ послѣдующей педагогической дѣятельности; спеціальное же изученіе ими одного изъ двухъ новѣйшихъ языковъ, французскаго или нѣмецкаго, исторіи или отечественнаго языка съ словесностью, не удовлетворяло бы ни научнымъ, ни практическимъ потребностямъ учащихся, такъ какъ, въ большинствѣ случаевъ, отъ учительницъ и воспитательницъ, приглашаемыхъ для занятій въ частные дома, требуютъ уроковъ не по одной лишь изъ названныхъ спеціальностей, а вообще по предметамъ общеобразовательнаго курса.

3) На годичное содержаніе каждаго изъ заведеній исчисляется 71.200 р., между тѣмъ о сокращеніи подобнаго расхода нужно бы особенно позаботиться, такъ какъ, въ виду педагогическихъ потребностей всей Россіи, нельзя будетъ ограничиться учрежденіемъ двухъ высшихъ женскихъ заведеній въ Петербургѣ и Москвѣ. Было бы нежелательно, чтобы изъ провинціи съѣзжалось слишкомъ много дѣвушекъ въ Петербургъ, какъ по причинѣ возникающихъ при этомъ матеріальныхъ затрудненій для недостаточнаго класса общества (къ которому по преимуществу принадлежатъ лица, избирающія себѣ педагогическую дѣятельность), такъ и потому, что дѣвицы, разъ привыкнувъ къ столичной жизни, затѣмъ неохотно будутъ мѣнять ее на жизнь въ провинціи. Въ хорошо приготовленныхъ воспитательницахъ нуждается вся Россія. Желательно поэтому, чтобы не только столицамъ, но и губернскимъ городамъ дана была возможность удовлетворять стремленіямъ бѣдныхъ молодыхъ дѣвицъ по части приготовленія къ педагогической дѣятельности. Съ этою цѣлью, можно было бы при институтахъ и женскихъ гимназіяхъ устроить педагогическіе курсы, которые служили бы продолженіемъ общеобразовательнаго курса, приготовляя въ то же время ученицъ къ педагогической дѣятельности, а чтобы, помимо педагогическихъ цѣлей, дать женщинѣ возможность удовлетворить стремленію къ высшему образованію по всѣмъ отраслямъ университетскихъ наукъ, слѣдовало бы въ тѣхъ городахъ, гдѣ есть университеты, лицеи и вообще достаточный ученый персоналъ, учреждать профессорскіе курсы или лекціи для женщинъ.

Съ отзывомъ Принца согласился графъ Толстой и въ представленномъ государю докладѣ говорилъ, что предлагаемыми Принцемъ мѣрами, „можетъ до нѣкоторой степени быть удовлетворяемо стремленіе женскаго поколѣнія къ высшему образованію“.

Въ докладѣ были перечислены существовавшіе уже въ 1876 году курсы: педагогическіе—почти при всѣхъ женскихъ гимназіяхъ министерства (до 60-и), и московскіе профессорскіе курсы, существующіе съ 1872 года „съ большимъ успѣхомъ при московскомъ университетѣ подъ ближайшимъ руководствомъ про-

фессора Герье и отвѣтственностью ректора университета". Кромѣ того при университетахъ казанскомъ и кіевскомъ, ходатайства объ открытіи которыхъ уже поступили въ министерство, „за рѣшеніемъ вопроса о высшемъ образованіи женщинъ" могутъ быть немедленно удовлетворены.

Докладъ былъ Высочайше утвержденъ 9-го апрѣля 1876 года, и затѣмъ министерство предложило начальствамъ учебныхъ округовъ: петербургскаго, московскаго, казанскаго и кіевскаго, обусловить дальнѣйшее существованіе этихъ курсовъ тѣмъ, чтобы: 1) курсы назывались высшими женскими курсами, учрежденными въ такомъ-то городѣ, такимъ-то лицомъ, но безъ прибавленія словъ: состоящими или учрежденными при Императорскомъ или мѣстномъ университетѣ"; 2) чтобы курсы состояли на общемъ со всѣми частными учебными заведеніями основаніи, подъ надлежащимъ наблюденіемъ начальства учебнаго округа, и 3) чтобы въ разрѣшеніи учебныхъ вопросовъ (въ томъ числѣ объ утвержденіи новаго устава или Положенія о курсахъ, программъ и учебныхъ ихъ плановъ) и по оффиціальной перепискѣ, они были подчинены учебно-окружному начальству наравнѣ съ другими частными учебными заведеніями, при чемъ въ министерство народнаго просвѣщенія должны быть представляемы, для свѣдѣнія, какъ утвержденные начальствомъ уставъ, Положеніе, учебные планы или программы курсовъ, такъ и (въ концѣ каждаго учебнаго года) подробныя и обстоятельныя данныя о ходѣ ихъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Что же касается вопроса о правѣ преподаванія прослушавшихъ женскіе курсы лицъ во всѣхъ классахъ женскихъ гимназій и институтовъ, то министерствомъ народнаго просвѣщенія не признано возможнымъ предоставлять названнымъ лицамъ это право лишь за успѣшное прослушаніе курсовъ, такъ какъ курсы суть не правительственныя, а частныя учрежденія и предоставляли бы женщинамъ одинаковыя съ мужчинами права, далеко не при равныхъ ихъ познаніяхъ [1]).

---

[1]) Сборникъ постановленій по мин. нар. просв. 1877—1881. Т. VII.

XV.

Исторія владимірскихъ женскихъ курсовъ. —Курсы проф. Герье.—Ходатайства профессоровъ разныхъ университетовъ о дарованіи правъ кончившимъ высшіе курсы женщинамъ.—Кіевскіе курсы.—Казанскіе курсы.—Отношеніе кіевскаго и казанскаго обществъ къ высшимъ женскимъ курсамъ. — Ходатайство проф. Бестужева-Рюмина объ учрежденіи въ Петербургѣ высшихъ женскихъ курсовъ.—Разсмотрѣніе проектовъ кіевскихъ и петербургскихъ курсовъ въ ученомъ комитетѣ. — Отказъ министра народнаго просвѣщенія въ дарованіи правъ кончившимъ высшіе курсы женщинамъ. — Правила спеціальныхъ при университетѣ испытаній для женщинъ, составленныя Совѣтами университетовъ.—Положеніе для кіевскихъ курсовъ.—Открытіе петербургскихъ курсовъ. — Общество для доставленія имъ средствъ. — Представленіе графа Толстого въ государственный Совѣтъ о назначеніи имъ субсидіи.—Нападки на высшіе женскіе курсы. — Защита ихъ въ печати проф. А. Бекетовымъ.—Свѣдѣнія, доставленныя шефомъ жандармовъ о курсахъ.—Защита ихъ графомъ Толстымъ передъ государемъ.—Правила для высшихъ женскихъ курсовъ, составленныя попечителемъ петербургскаго учебнаго округа.—Исторія петербургскихъ высшихъ женскихъ курсовъ.—Права, дарованныя кончившимъ курсъ въ гимназіи Фишеръ воспитанницамъ.—Статьи Московскихъ Вѣдомостей.

За это время въ жизни петербургскихъ публичныхъ курсовъ (владимірскихъ) произошла новая перемѣна. Просуществовавъ два года въ владимірскомъ уѣздномъ училищѣ, курсы должны были вновь перемѣститься на Васильевскій островъ, въ женскую гимназію, любезно предложенную имъ И. Т. Осипинымъ съ разрѣшенія Принца. Но при этомъ имъ было поставлено условіемъ, чтобы лекціи читались исключительно для женщинъ.

Казалось бы, что это условіе, удовлетворявшее первоначальной цѣли учредительницъ курсовъ, должно было благотворно повліять на дальнѣйшій ходъ ихъ; но оно явилось слишкомъ поздно.

И раньше, при смѣшанномъ составѣ слушателей, профессора должны были приспособляться къ постоянно мѣнявшейся аудиторіи и не имѣли возможности контролировать результаты сво-

ихъ лекцій. То же обнаружилось и при составѣ аудиторіи изъ однѣхъ слушательницъ, поступленіе которыхъ не было обусловлено ни опредѣленнымъ возрастомъ, ни требованіями болѣе или менѣе одинаковой подготовки. Къ этому надо прибавить, что программы лекцій профессоровъ подолгу, иногда даже на нѣсколько мѣсяцевъ, задерживались въ третьемъ отдѣленіи, куда онѣ обязательно должны были представляться на просмотръ. Наконецъ, съ открытіемъ курсовъ ученыхъ акушерокъ, не остановился отъѣздъ женщинъ заграницу, что, вѣроятно, также отражалось на владимірскихъ курсахъ.

Министерство народнаго просвѣщенія выдало имъ въ 1875 году, до перемѣщенія ихъ въ василеостровскую гимназію, 1000 рублей. Но это не могло удовлетворить все возроставшихъ матеріальныхъ нуждъ курсовъ. Поэтому завѣдывавшія ими лица пришли къ убѣжденію, что въ такомъ положеніи курсы не должны существовать и, въ концѣ 1875 года, рѣшили временно закрыть ихъ. Принимая такое рѣшеніе, учредительницы надѣялись на скорое ихъ возрожденіе въ новомъ, усовершенствованномъ видѣ.

Въ концѣ 1875 года комиссія статсъ-секретаря Делянова еще не закончила свою работу, и учредительницы, черезъ посредство А. П. Философовой, ходатайствовали передъ министромъ народнаго просвѣщенія о приглашеніи ея въ комиссію, какъ лица, близко знакомаго съ предъявляемыми обществомъ требованіями къ высшему женскому образованію [1]).

---

[1]) Эти требованія А. П. Философова изложила въ письмѣ къ графу Толстому отъ 11 ноября, въ видѣ желаній, чтобы: 1) въ стѣнахъ университета были открыты курсы для женщинъ, параллельные съ тѣми, какіе существуютъ для мужчинъ, по крайней мѣрѣ по нѣкоторымъ факультетамъ, какъ напр. филологическому, физико-математическому и юридическому, подобно тому какъ при СПБ. Медицинской Академіи устроено отдѣленіе для женщинъ. *Примѣчаніе.* Такія лекціи могли бы быть открываемы постепенно, по мѣрѣ надобности и въ другихъ университетскихъ городахъ, чѣмъ избѣгалось бы скопленіе учащихся женщинъ въ столицѣ. 2) Программы будущихъ женскихъ курсовъ должны быть выработаны при участіи г. г. профессоровъ университета. Въ началѣ онѣ должны быть приняты къ существующей нынѣ подготовкѣ и затѣмъ постепенно расширяемы. Лекціи для женщинъ могли бы читаться въ часы свободные отъ занятій студентовъ, напр. по вечерамъ, во избѣжаніе совмѣстнаго слушанія лекцій лицами обоего пола. При такомъ устройствѣ расходы были бы незначительны сравнительно съ тѣмъ, что потребуетъ учрежденіе отдѣльнаго высшаго учебнаго заведенія для женщинъ, какъ было проектировано комиссіей, по смѣтамъ которой 70.000 р. приходилось бы только на одну постройку зданія.

Сумма эта была бы достаточна для покрытія всѣхъ расходовъ по учрежденію лекцій для женщинъ въ стѣнахъ университета.

Уровень женскихъ средне-учебныхъ заведеній оказывается, по общимъ отзывамъ крайне недостаточнымъ для слушанія профессорскихъ лекцій; для устраненія этого недостатка необходимо прежде всего расширить программы средне-учебныхъ заве-

Въ свое пятилѣтнее существованіе, владимірскіе курсы принесли пользу дѣлу и тѣмъ, что правительство „примирилось съ мыслью о высшемъ женскомъ образованіи; курсы дали солидную общеобразовательную подготовку очень многимъ женщинамъ для поступленія на курсы ученыхъ акушерокъ, также и въ заграничные университеты“ [1]).

Въ 1876 году истекалъ четырехлѣтній опытный срокъ, на который были разрѣшены московскіе курсы профессора Герье. Кромѣ предметовъ, предположенныхъ первоначальной программою курсовъ, на нихъ въ послѣдній годъ профессоръ А. Чупровъ читалъ слушательницамъ политическую экономію. На курсахъ были устроены семинаріи по литературѣ и исторіи, представлялись письменныя работы въ видѣ сочиненій и рефератовъ; вообще, по свидѣтельству профессора Герье, въ женскіе курсы былъ внесенъ серьезно-научный элементъ, „что̀ нельзя не признать совершенной новинкой въ дѣлѣ нашего женскаго образованія по отношенію къ тѣмъ наукамъ, которыя входятъ въ программу курсовъ“ [2]).

Число слушательницъ съ каждымъ годомъ возрастало; въ послѣднемъ учебнымъ году ихъ было 117.

Денежное положеніе курсовъ также постепенно улучшалось; не только расходы покрывались приходомъ, но каждый годъ были небольшіе остатки, изъ которыхъ къ 1874 — 1875 учебномъ году образовался капиталъ въ 4104 рубля; но часть его погибла при крушеніи коммерческаго ссуднаго банка, и къ 1876 году капиталъ курсовъ умепьшился до 2997 рублей [3]).

деній, соображаясь съ программами, которыя будутъ выработаны для высшихъ женскихъ курсовъ, и прибавить одинъ или два года ученія. Устройство же новыхъ подготовительныхъ заведеній, которыя бы представляли нѣчто среднее между существующими гимназіями и предполагаемыми высшими курсами, значительно увеличитъ расходы, а, главное, растянетъ женское образованіе на слишкомъ большое количество лѣтъ.

„Въ заключеніе—писала А. П. Философова—позволяю себѣ объяснить, что предполагаемое устройство представляется мнѣ желательнѣе всего не только съ экономической стороны, но и потому, что оно, вѣроятно, удовлетворило бы общимъ требованіямъ настолько, что помѣшало бы наплыву русскихъ женщинъ въ заграничные университеты, куда онѣ стремятся вслѣдствіе невозможности пріобрѣсти въ отечествѣ высшее университетское образованіе; только приблизивъ возможности курсъ будущихъ высшихъ учебныхъ заведеній къ университетскимъ образцамъ, будетъ достигнутъ результатъ, желаемый правительствомъ и ожидаемый обществомъ. (Бумаги высш. жен. курс.)

[1]) *М. Песковскій.* Очеркъ исторіи высшаго женскаго образованія въ Россіи (За 20 лѣтъ). *Наблюдатель.* 1882. Апрѣль.

[2]) *Голосъ*, 1876 г. № 163.

[3]) Письмо проф. Герье къ редактору *Женскаго Образованія.* (1878 г., май).

Большинство слушательницъ, среди которыхъ были пріѣхавшія изъ провинціи, съ Кавказа и другихъ отдаленныхъ мѣстностей, не были матеріально обезпечены; въ будущемъ имъ не представлялось никакой реальной выгоды отъ слушанія курсовъ. Стало быть ихъ влекла лишь жажда знанія, ради которой онѣ, какъ и слушательницы всѣхъ другихъ курсовъ, мирились со всевозможными лишеніями.

20 февраля 1877 года профессоръ Герье, представляя въ министерство народнаго просвѣщенія проектъ новаго устава московскихъ курсовъ, ходатайствовалъ, съ согласія университетскаго Совѣта, о присвоеніи имъ названія "женскихъ курсовъ при московскомъ университетѣ" и о предоставленіи слушательницамъ по окончаніи курса права преподаванія во всѣхъ классахъ женскихъ гимназій и институтовъ.

О разрѣшеніи приглашать для преподаванія въ старшихъ классахъ женскихъ гимназій математики и естествовѣдѣнія домашнихъ учительницъ съ успѣхомъ кончившихъ трехлѣтній курсъ на московскихъ высшихъ женскихъ курсахъ, ходатайствовалъ еще въ 1874 году исправлявшій должность попечителя рязанской женской гимназіи. Свое ходатайство попечитель мотивировалъ трудностью имѣть учителей съ высшимъ образованіемъ. Но Присутствіе опекунскаго Совѣта отвѣтило, что министерство народнаго просвѣщенія, въ вѣдѣніи котораго состоятъ московскіе курсы, его увѣдомило, что курсы еще не получили окончательный организаціи и по Положенію 1872 года на нихъ не преподаются естественныя науки, а математика лишь для желающихъ, какъ предметъ необязательный; окончившимъ эти курсы не предоставлено никакихъ правъ, кромѣ тѣхъ, которыми обусловлено ихъ поступленіе на курсы, т.-е. домашнихъ наставницъ и учительницъ.

Къ этому Присутствіе прибавило, что даже тѣ домашнія наставницы и учительницы, которыя довершили свое гимназическое или институтское образованіе двухлѣтнимъ пребываніемъ въ учрежденныхъ при петербургскихъ женскихъ гимназіяхъ педагогическихъ классахъ, едва ли съ успѣхомъ могутъ быть допускаемы къ преподаванію въ высшихъ классахъ гимназій на основаніи одного изъ главныхъ правилъ педагогики, по которому преподающій другимъ долженъ знать больше того что онъ преподаетъ, стало быть пройти сравнительно высшій курсъ и что „пониженіе требованій въ этомъ отношеніи неизбѣжно повлечетъ за собою и пониженіе уровня самаго гимназическаго обра-

зованія, далеко не во всемъ удовлетворительнаго и при настоящемъ положеніи дѣла“ [1]).

Ходатайства о предоставленіи окончившимъ высшіе курсы женщинамъ права преподавать въ старшихъ классахъ гимназій и институтовъ, были представлены одновременно съ профессоромъ Герье, и профессорами кіевскаго и казанскаго университетовъ.

Еще до Высочайшаго повелѣнія 9 апрѣля 1876 года объ учрежденіи профессорскихъ курсовъ во всѣхъ университетскихъ городахъ, ходатайствовали о томъ въ 1874 году кіевскій заслуженный профессоръ Селинъ и въ августѣ того же года 13 профессоровъ казанскаго университета. Имъ было отказано на томъ основаніи, что представленныя ими программы страдаютъ многопредметностью и предложено учредить курсы по образцу московскихъ, профессора Герье. Въ 1876 году министерство народнаго просвѣщенія обратилось къ кіевскому университету съ запросомъ, согласенъ ли Совѣтъ на учрежденіе при университетѣ постоянныхъ высшихъ женскихъ курсовъ, о которыхъ онъ ходатайствовалъ въ 1874 году? Совѣтъ поручилъ избранной комиссіи обсудить вопросъ и комиссія пришла къ заключенію о необходимости курсовъ съ двумя отдѣленіями: историко-филологическимъ и физико-математическимъ, съ цѣлью приготовлять учительницъ для среднихъ женскихъ учебныхъ заведеній, и съ тѣмъ, чтобы окончившія высшіе курсы женщины имѣли преимущественное право на занятіе мѣстъ и на преподаваніе въ высшихъ классахъ женскихъ гимназій и институтовъ. Совѣтъ одобрилъ докладъ комиссіи и представилъ его въ министерство [2]).

За смертью въ 1877 году профессора Селина, обязанности учредителя принялъ на себя профессоръ Гогоцкій.

Въ томъ же, 1876 году, по ходатайству профессора Сорокина, были разрѣшены курсы и въ Казани по образцу московскихъ профессора Герье и также, какъ послѣдніе, въ видѣ опыта, но только на два года. Такъ какъ казанскіе курсы возникли по иниціативѣ профессоровъ, то Совѣтъ предоставилъ имъ помѣщеніе въ университетѣ, гдѣ лекціи читались для женщинъ только по вечерамъ.

Казанское общество отнеслось къ курсамъ равнодушно, пожертвованій не было и даже не могъ образоваться попечительный комитетъ для изысканія средствъ курсамъ; концертъ, устро-

---

[1]) Засѣданіе Присутствія 13 сент. 1874 г. (Арх. IV отд.)

[2]) *Женское Образованіе.* 1876, ноябрь. 1878, ноябрь, 1879, декабрь.

енный съ этой цѣлью двумя профессорами, далъ ничтожный сборъ. Тѣмъ не менѣе дѣло пошло. Слушательницъ, въ числѣ которыхъ были пріѣхавшія изъ Астрахани, Архангельска, Томска, было въ первомъ году 99, изъ которыхъ 63 вольно-слушательницы.

Благодаря даровому помѣщенію въ университетѣ, расходы курсовъ были незначительны. Въ первый годъ изъ суммы сбора въ 3556 рублей истрачено 500, во второй 350 изъ суммы прихода въ 4212 рублей. Остатки дѣлились между преподавателями, при чемъ годовой часъ оплачивался 200—220 рублями, практическія занятія и семинаріи не принимались въ разсчетъ. Профессора и тутъ, какъ вездѣ, были и первыми преподавателями, и первыми жертвователями. Предметы читались тѣ же, какъ на курсахъ Герье, за исключеніемъ исторіи искусствъ, которая была замѣнена для желающихъ лекціями математики и гигіены [1]). Въ виду успѣшности занятій на курсахъ педагогическій Совѣтъ ходатайствовалъ въ 1877 году о продленіи ихъ еще на годъ.

30-го мая этого же года профессоръ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ представилъ министру народнаго просвѣщенія ходатайство объ учрежденіи въ Петербургѣ высшихъ женскихъ курсовъ на основаніи составленнаго имъ проекта устава, съ приложеніемъ объяснительной записки и программы лекцій. Курсы предполагались трехлѣтніе.

Всѣ эти ходатайства разсматривались въ ученомъ комитетѣ министерства народнаго просвѣщенія 31 октября 1877 года. По сравненію программъ петербургскаго проекта съ московскимъ первая оказалась обширнѣе. Въ нее входили слѣдующіе предметы по словесному отдѣленію: исторія русскаго языка въ связи съ общимъ языкознаніемъ (2 лекціи въ недѣлю), исторія русской словесности (4), всеобщая литература (6), русская исторія (4), исторія и литература славянъ (3), древняя исторія (3), средняя (3), новая (4), политическая экономія (2), психологія, логика и исторія философіи (6), историческій очеркъ государственнаго устройства различныхъ государствъ древняго и новаго міра. По физико-математическому отдѣленію: алгебра, геометрія и тригонометрія (9 лекцій въ недѣлю), высшая математика для желающихъ, химія (5), анатомія и физіологія (4) зоологія (4), ботаника (4), минералогія и геогнозія (3), физика (6) физическая географія (2), общественная гигіена (2), космографія (1).

---

[1]) Письмо изъ Казани проф. П. Осокина въ редакцію *Женскаго Образованія*. (*Ж. Образ.* 1877. №№ 6 и 7.—1878. №№ 6 и 7.)

На московскихъ курсахъ обязательными предметами оставались тѣ же, которые были положены при основаніи ихъ въ 1872 году, а спеціальными и необязательными были прибавлены: политическая экономія, энциклопедія права, математика, древніе и новые языки, физика, космографія, гигіена, ботаника, зоологія, минералогія и химія (14—18 лекцій въ недѣлю на всѣ). При петербургскихъ и московскихъ курсахъ назначались и семинаріи.

Петербургскій проектъ, также какъ и кіевскій, былъ составленъ на основаніи Положенія о московскихъ курсахъ, но въ кіевскомъ срокъ ученія полагался двухлѣтній. Обязательными предметами по историко-филологическому отдѣленію назначались: русская историческая грамматика, исторія русской словесности, психологія и педагогія, всеобщая исторія, русская исторія, исторія древней литературы средневѣковой и новой, исторія всеобщей литературы, статистика, одинъ изъ новыхъ языковъ по выбору слушательницы; необязательными: логика, исторія философіи, латинскій языкъ, богословіе, гигіена. На физико-математическомъ отдѣленіи обязательными: алгебра, геометрія, тригонометрія, аналитическая геометрія, алгебраическій анализъ, дифференціальное и интегральное вычисленіе, астрономія, физика, химія и одинъ изъ новыхъ языковъ; необязательными: естественная исторія, логика, исторія философіи, педагогика, богословіе, гигіена и языки, за исключеніемъ одного, выбраннаго слушательницею какъ обязательный.

Различіе кіевскаго проекта отъ петербургскаго состояло и въ томъ, что петербургскіе курсы подчинялись непосредственно министру народнаго просвѣщенія, а кіевскіе—попечителю учебнаго округа; завѣдываніе кіевскими возлагалось на учредителя лишь до образованія педагогическаго Совѣта, а затѣмъ на его предсѣдателя по выбору профессоровъ, читающихъ на курсахъ. Въ петербургскихъ учредитель оставался исполнителемъ рѣшеній педагогическаго Совѣта по учебной части и послѣ открытія курсовъ. Въ Кіевѣ допускались къ чтенію лекцій не только профессора, но и лица, имѣющія право на преподаваніе вообще; въ Петербургѣ—лишь имѣющія право преподавать въ университетѣ. Вольнослушательницы петербургскихъ курсовъ допускались къ выпускному экзамену только тогда, если выдержавъ вступительный, или представивъ свидѣтельство на званіе домашней наставницы или учительницы, прослушаютъ на курсахъ всѣ обязательные предметы. По окончаніи курса, согласно обоимъ проектамъ, полагалось выдавать аттестаты на право, *преимущественно* передъ окончившими ученіе въ пансіонахъ, институтахъ, и вообще

въ среднихъ заведеніяхъ, преподавать въ среднихъ и высшихъ классахъ женскихъ учебныхъ заведеній.

Ученый комитетъ, выразивъ сочувствіе учрежденію высшихъ курсовъ въ Петербургѣ и продолженію ихъ въ Кіевѣ и Москвѣ, нашелъ невозможнымъ предоставить слушательницамъ просимыя для нихъ права на томъ основаніи, что право преподавать во всѣхъ классахъ женскихъ учебныхъ заведеній, согласно Высочайше утвержденному въ 1868 году мнѣнію Государственнаго Совѣта и составленнымъ министерствомъ народнаго просвѣщенія правиламъ для спеціальныхъ испытаній на званіе учителей и воспитателей въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ, предоставлено лицамъ съ университетскимъ образованіемъ, а въ учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи лица, желающія пріобрѣсть званіе учителя подвергаются испытанію наравнѣ съ учителями гимназій и прогимназій. Признавая возможнымъ предоставленіе женщинамъ одинакихъ съ мужчинами правъ на обученіе, комитетъ считалъ это справедливымъ лишь при условіи равныхъ познаній тѣхъ и другихъ. „Послабленіе въ семъ случаѣ—говорилъ комитетъ — несправедливое въ принципѣ, повлекло бы за собою упадокъ женскаго образованія, такъ какъ, по всей вѣроятности, женскія учебныя заведенія, въ большинствѣ случаевъ вознаграждающія за уроки меньше, чѣмъ въ мужскихъ, передали бы всѣ уроки вмѣсто учителей учительницамъ, сравнительно съ учителями меньше подготовленнымъ.

Сославшись на примѣръ женскихъ медицинскихъ курсовъ, слушательницы которыхъ держатъ тѣ же самые экзамены, что и студенты, за исключеніемъ представленія аттестата зрѣлости, комитетъ полагалъ требовать и отъ слушательницъ высшихъ курсовъ временно „впредь до распространенія преподаванія древнихъ языковъ въ женскихъ гимназіяхъ“, только аттестатъ объ окончаніи наукъ въ институтѣ или женской гимназіи, а затѣмъ испытанія, установленнаго для учителей гимназій и прогимназій, напримѣръ, для учительницы исторіи—изъ исторіи, географіи и латинскаго языка. При этомъ высшіе „педагогическіе“ курсы могутъ, по мнѣнію комитета, служить превосходнымъ пособіемъ для желающихъ посвятить себя педагогической дѣятельности и „отъ учредителей курсовъ будетъ вполнѣ зависѣть приспособить планъ преподаванія такъ, чтобы по окончаніи курса, слушательницы безъ труда выдерживали бы упомянутыя спеціальныя испытанія... Впрочемъ - прибавлялъ комитетъ—то же право и на тѣхъ же условіяхъ могло бы быть предоставлено и вообще окончившимъ курсъ въ среднихъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ

особенности же съ знаніемъ обоихъ древнихъ языковъ или по крайней мѣрѣ одного латинскаго". Но испытанія на званіе домашней учительницы во всѣхъ классахъ женскихъ гимназій и институтовъ, также какъ и на званіе учителей средне-учебныхъ заведеній, должны быть, по мнѣнію комитета, производимы при университетѣ и въ объемѣ университетскаго курса изъ предметовъ, указанныхъ въ правилахъ о спеціальныхъ испытаніяхъ по министерству народнаго просвѣщенія, при чемъ экзаменующіяся „подвергаются во всякомъ случаѣ полному испытанію".

Кромѣ того комитетъ предложилъ: 1) включить въ уставъ петербургскихъ курсовъ, что они зависятъ отъ попечителя учебнаго округа, къ которому учредитель входитъ съ представленіемъ, а не непосредственно сносится съ министромъ народнаго просвѣщенія; 2) назвать отдѣленіе курсовъ не историко-филологическимъ, а историко-литературнымъ, также не разрѣшать имъ называться „при университетѣ" или „при учебномъ округѣ", ибо курсы имѣютъ характеръ частнаго учрежденія. Поэтому и всѣ отношенія попечителей къ курсамъ должны быть такія же, какъ ко всѣмъ частнымъ заведеніямъ, при чемъ попечителю предоставлено право утверждать программы курсовъ, и только съ его согласія могли опредѣляться преподаватели [1]).

На этихъ основаніяхъ и съ предложенными комитетомъ измѣненіями былъ утвержденъ проектъ устава петербургскихъ курсовъ при чемъ министромъ было выражено желаніе, чтобы во главѣ ихъ стоялъ профессоръ Бестужевъ-Рюминъ.

Въ сообщенномъ 21 декабря 1877 года предложеніи министра народнаго просвѣщенія попечителю петербургскаго учебнаго округа объ учрежденіи курсовъ, было сказано, что проектъ Положенія о нихъ будетъ составленъ по разрѣшеніи вопроса о правахъ оканчивающихъ ихъ слушательницъ [2]).

Въ февралѣ слѣдующаго года, еще до открытія петербургскихъ курсовъ, графъ Толстой, извѣщая А. П. Философову о назначеніи имъ временнаго пособія въ 1.500 рублей, въ своемъ письмѣ „съ сожалѣніемъ" присовокуплялъ, что „по состоянію денежныхъ суммъ министерства, онъ не могъ назначить имъ бо́льшую сумму" [3]).

31 марта 1878 года попечитель петербургскаго учебнаго

---

[1]) Бумаги высш. ж. курсовъ.

[2]) *М. Родевичъ.* Сборникъ дѣйствующихъ постановленій и распоряженій по ж. гимн. и прогимназіямъ мин. нар. просв. съ послѣдовавшими съ 1870 года измѣненіями и дополненіями. С.-Пет. 1884 г.

[3]) Письмо отъ 18 февраля 1878 г. (Бумаги высш. ж. курсовъ).

округа увѣдомилъ профессора Бестужева, что вслѣдствіе предложенія министра народнаго просвѣщенія отъ 11-го марта о непризнаніи за слушательницами права на преподаваніе во всѣхъ классахъ женскихъ учебныхъ заведеній „лишь за успѣшное прослушаніе курсовъ“, эти курсы, по объясненію министра, „могли бы служить хорошимъ подспорьемъ къ пріобрѣтенію этого права наравнѣ съ лицами, ищущими званія учителей среднихъ учебныхъ заведеній лишь по особому испытанію въ университетѣ“. Попечитель прибавлялъ, что на основаніи того же предложенія министра, имъ уже предложено Совѣту петербургскаго университета составить проектъ правилъ о производствѣ особыхъ при немъ спеціальныхъ испытаній для женщинъ, желающихъ получить право на преподаваніе во всѣхъ классахъ женскихъ учебныхъ заведеній и что этотъ проектъ будетъ разсмотрѣнъ въ состоящемъ при попечителѣ Совѣтѣ, а затѣмъ представленъ въ министерство народнаго просвѣщенія [1]).

Хотя отказъ министерства въ удовлетвореніи ходатайствъ учредителей курсовъ о правахъ слушательницъ и о разрѣшеніи курсамъ называться „при университетѣ“ и отнялъ у учредителей надежду упрочить существованіе курсовъ поставивъ ихъ подъ контроль цѣлой ученой корпораціи, а не отдѣльныхъ лицъ изъ ея состава, но предложеніе университетамъ составить проектъ правилъ спеціальныхъ, при университетѣ, испытаній для женщинъ, подало мысль, что когда правила будутъ составлены, то можно будетъ расширить программы курсовъ и поставить ихъ въ соотвѣтствіе съ установленными для испытаній требованіями.

Совѣты всѣхъ университетовъ немедленно занялись составленіемъ правилъ, а казанскій уже въ маѣ 1878 года представилъ свой проектъ въ министерство. Онъ былъ составленъ примѣнительно къ министерскимъ правиламъ на испытаніе учителей гимназій и прогимназій за исключеніемъ экзамена изъ древнихъ языковъ. Къ испытанію, по казанскому проекту, должны были допускаться всѣ кончившія курсъ въ среднихъ женскихъ заведеніяхъ дѣвушки, также домашнія учительницы, подъ непремѣннымъ условіемъ представить свидѣтельства по тремъ предметамъ: русскому языку, исторіи съ географіей и ариѳметики. При этомъ Совѣтъ ходатайствовалъ объ освобожденіи успѣшно занимавшихся на курсахъ слушательницъ отъ экзамена по дополнительнымъ предметамъ.

Въ февралѣ 1878 года было утверждено Положеніе о кіев-

---

[1]) Бумаги высшихъ ж. курсовъ.

скихъ курсахъ, при чемъ программа ихъ нѣсколько сокращена сравнительно съ представленной университетскимъ Совѣтомъ. При поступленіи, слушательницы, не имѣвшія свидѣтельствъ объ окончаніи курса въ гимназіи или институтѣ, должны были держать экзаменъ въ экзаменаціонномъ комитетѣ согласно правиламъ объ испытаніяхъ въ женскихъ гимназіяхъ. Постороннія слушательницы (вольнослушательницы) допускались къ выпускному экзамену лишь въ томъ случаѣ, если онѣ прослушаютъ всѣ обязательные предметы двухгодового курса. Плата назначалась въ 50 рублей въ годъ, а за каждый отдѣльный предметъ по 5 рублей въ полугодіе. При поступленіи, слушательницы были обязаны представлять свидѣтельства о своемъ поведеніи отъ мѣстной власти, а получившія неодобрительныя свидѣтельства во время своего нахожденія на курсахъ, немедленно удалялись съ нихъ.

Цѣль учрежденія курсовъ, по Положенію, заключалась въ томъ, чтобы дать дѣвицамъ возможность продолжать свое гимназическое или институтское образованіе. По окончаніи двухлѣтняго, полнаго, курса слушательницамъ должны были выдаваться свидѣтельства двухъ разрядовъ: для полученія перваго надо было имѣть по всѣмъ обязательнымъ предметамъ на выпускномъ экзаменѣ среднюю отмѣтку не менѣе $4^1/_2$, а по необязательнымъ, если слушательница желаетъ имъ подвергнуться, не менѣе 3-хъ. Для полученія свидѣтельства второго разряда отмѣтка должна быть въ среднемъ выводѣ не менѣе $3^1/_2$, а по каждому отдѣльному предмету не менѣе 3-хъ. Неполучившимъ такихъ отмѣтокъ полагалось выдавать лишь удостовѣреніе въ томъ, что онѣ посѣщали высшіе курсы, но и то въ такомъ случаѣ, если онѣ посѣщали ихъ исправно.

Для пріисканія средствъ курсамъ Педагогическому Совѣту предоставлялось право принимать пожертвованія, а изъ лицъ, вносящихъ не менѣе 25 рублей въ годъ, избирался попечительный комитетъ, на котораго возлагалось завѣдываніе хозяйственной частью курсовъ.

Хотя кіевскіе курсы были разрѣшены еще въ февралѣ 1878 года, но они открылись только 4-го октября главнымъ образомъ вслѣдствіе трудности пріискать помѣщеніе для нихъ, а также въ виду отсутствія матеріальныхъ средствъ на ихъ устройство. Назначенный университетскимъ Совѣтомъ „Комитетъ высшихъ женскихъ курсовъ“ изъ нѣсколькихъ профессоровъ, подъ предсѣдательствомъ учредителя С. Гогоцкаго, обратился къ мѣстному обществу съ просьбой принять участіе въ устройствѣ курсовъ; но кіевское общество, какъ и казанское,

не откликнулось на призывъ комитета, и только дамскій кружокъ, которому принадлежалъ починъ въ этомъ дѣлѣ, внесъ комитету 1.000 рублей.

При этихъ условіяхъ можно было опасаться, что дѣло сразу упадетъ, но число записавшихся на слушаніе лекцій женщинъ оказалось такъ велико, что не только предвидѣлась возможность покрыть всѣ расходы, но и образовать запасный фондъ [1]).

По открытіи курсовъ образовался, кромѣ педагогическаго Совѣта, еще попечительный комитетъ въ составѣ: 1) хозяйственнаго, членами котораго могли быть лица обоего пола и 2) собственно попечительный, въ который были избраны только однѣ женщины [2]).

Предвидя неизбѣжность матеріальныхъ затрудненій при устройствѣ курсовъ, испытанныхъ при томъ на опытѣ, учредительницы петербургскихъ публичныхъ (владимірскихъ) курсовъ еще до преобразованія ихъ по проекту профессора Бестужева, организовали Общество для доставленія имъ средствъ. Уставъ былъ представленъ на утвержденіе министра внутреннихъ дѣлъ еще въ концѣ 1877 года, но утвержденъ 4-го октября 1878 года.

Ко времени открытія петербургскихъ высшихъ курсовъ, средства, которыми они могли располагать, были такъ ничтожны, что не на что было нанять помѣщеніе. И. Т. Осининъ предложилъ имъ временно помѣститься въ Александровской женской гимназіи, гдѣ они и были открыты 20 сентября 1878 года, вечеромъ, такъ какъ утромъ помѣщеніе гимназіи было несвободно.

Въ этотъ день, въ 6 часовъ вечера, послѣ молебствія, на которомъ присутствовали, кромѣ будущихъ слушательницъ, ректоръ петербургскаго университета А. Н. Бекетовъ, И. Т. Осининъ, нѣсколько профессоровъ и помощникъ попечителя петербургскаго учебнаго округа, К. Яновскій, профессоръ Бестужевъ сказалъ слушательницамъ рѣчь, въ которой выразилъ надежду, что онѣ, своимъ живымъ участіемъ къ дѣлу и усердіемъ, оправдаютъ ожиданія готовыхъ служить на пользу высшаго женскаго образованія профессоровъ, взявшихъ на себя чтеніе лекцій.

---

[1]) Въ первый годъ поступило 321 слушательница, изъ которыхъ 47 было „посторонними“; изъ нихъ 187 избрали историко-филологическіе предметы, 127—физико-математическіе. Большинство составляли дочери и жены дворянъ и чиновниковъ (160), были 4 крестьянки, 70 духовнаго званія, 48 купечества, 22 мѣщанки. Почти всѣ слушательницы были мѣстными жительницами; изъ Одессы явилось всего 11, изъ Харькова одна.

[2]) *О. В. Л—я.* Высшіе женскіе курсы въ Кіевѣ. (Корреспонденція *Женскаго Образованія.* 1878, ноябрь.)

К. Яновскій выразилъ курсамъ свое сочувствіе и пожеланія успѣха [1]).

Курсы открывались при 795 слушательницахъ, изъ которыхъ 526 записались постоянными. Капиталъ курсовъ къ этому времени составлялъ 222 рубля, изъ которыхъ 165 рублей остались отъ владимірскихъ курсовъ и 57 руб. 28 коп. были переданы завѣдывавшими аларчинскими курсами, незадолго передъ тѣмъ закрывшимися.

Когда уставъ Общества для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ былъ утвержденъ, то Обществу была передана субсидія отъ министра народнаго просвѣщенія за 1877-й годъ въ 1.000 рублей и за 1878-й—1.500 р. Кромѣ того до начала ноября 1878 года, т.-е. въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, избранный подъ предсѣдательствомъ А. П. Философовой комитетъ Общества [2]), получилъ пожертвованій 2.773 рубля, изъ которыхъ 2.000 рублей поступили отъ графини Анастасіи Сергѣевны Паниной; учредителями Общества внесено 650 рублей. Взносовъ за первое полугодіе отъ 497-и постоянныхъ и 347-и вольнослушательницъ поступило 17.825 рублей. Весь приходъ, вмѣстѣ съ 222 рублями, имѣвшимися на лицо при открытіи курсовъ, составилъ къ 23 ноября 1878 года сумму въ 23.454 рубля 60 копѣекъ [3]).

Въ первой учебный годъ на курсахъ читались слѣдующіе предметы: по словесному отдѣленію—русская исторія (2 лекціи въ недѣлю, профессоръ Бестужевъ-Рюминъ), всеобщая (3 лекціи, проф. Бауеръ), всеобщая литература (3 лекціи, проф. Веселовскій), психологія (2 лекціи, проф. Владиславлевъ), историческая грамматика русскаго языка (4 лекціи по 2 на каждомъ отдѣленіи, проф. Некрасовъ), латинскій языкъ (6 лекцій, по 2 на каждомъ отдѣленіи, проф. Шеборъ). По физико-математическому: алгебра (4 лекціи, по 2 на каждомъ отдѣленіи, проф. Поссе) [4]),

[1]) *Женское Образованіе*, 1878, октябрь.

[2]) Составъ перваго комитета, избраннаго Общимъ Собраніемъ 4-го октября 1878 года, былъ слѣдующій: П. В. Стасова (выбрана комитетомъ распорядительницею на курсахъ), В. П. Тарновская (казначеемъ), О. А. Мордвинова, А. Я. Гердъ, А. П. Философова (предсѣдательницею), А. П. Аненская (секретаремъ), Г. В. Бардовскій, О. П. Рукавишникова (товарищемъ предсѣдателя), Е. А. Боткина, С. В. Ковалевская, А. П. Странполюбскій, М. К. Цебрикова. Въ томъ же Собраніи профессора А. Н. Бекетовъ и К. Н. Бестужевъ были избраны почетными членами Общества.

[3]) Отчетъ казначея Общества для дост. средствъ высшимъ женскимъ курсамъ за 1878—1879 годъ.

[4]) Съ перваго же года начались практическія занятія по 2 часа въ недѣлю на каждомъ параллельномъ отдѣленіи.

геометрія (2 л., по 1 въ каждомъ отдѣленіи, преподаватель Билибинъ), физика (4 л., по 2 на каждомъ отдѣленіи, проф. Боргманъ), введеніе въ физику (2 л., по 1 въ каждомъ отдѣленіи, проф. Гезехусъ), ботаника (2 л., проф. Бекетовъ), зоологія (2 л., проф. Вагнеръ, (химія (4 л., по 2 на каждомъ отдѣленіи проф. Потылицынъ).

Къ 1 января 1879 года изъ общаго числа постоянныхъ слушательницъ, 547-ми, на словесномъ отдѣленіи было 211 слушательницъ, на физико-математическомъ—336, вольнослушательницъ—246. Изъ числа поступившихъ при открытіи курсовъ—313 (въ томъ числѣ 188 вольнослушательницъ) оставили ихъ въ теченіе перваго же учебнаго года; держали экзаменъ и перешли на второй курсъ—319 (изъ нихъ 177 по физико-математическому отдѣленію), остались на первомъ 161 (въ томъ числѣ 58 вольнослушательницъ), вновь поступили въ сентябрѣ 1879 года 336 (изъ нихъ 314 постоянныхъ). Въ слѣдующемъ 1879—1880 учебномъ году, число ихъ возросло до 840 [1]).

Къ 1 сентябрю 1880 года приходъ курсовъ составлялъ уже 46.737 рублей 54 копѣйки, расходъ простирался до 41.760 руб., такъ что былъ остатокъ въ 4.976 рублей. Въ суммѣ прихода пожертвованія составляли — 4.705 рублей, отъ слушательницъ поступило—34.485 рублей, взносовъ отъ 438 членовъ Общества [2]) 1.916 рублей. Въ приходѣ 1879—1880 года значились и 3.000 рублей субсидіи отъ министра народнаго просвѣщенія.

О назначеніи этой субсидіи графъ Толстой вошелъ съ представленіемъ въ государственный Совѣтъ 20 февраля 1879 года. Изложивъ предшествовавшую исторію возникновенія разныхъ курсовъ, онъ говорилъ въ своемъ представленіи, что петербургскимъ „крайне тяжело было бы существовать при дороговизнѣ столичной жизни, безъ всякой помощи отъ правительства, такъ какъ эти курсы, при довольно пространной программѣ, при новой сложной организаціи, по которой они заключаютъ въ себѣ два отдѣленія, представляютъ высшее частное женское учебное заведеніе, рѣшительно не могущее существовать на собственныя

---

[1]) Изъ нихъ большинство составляли православныя (674) евреекъ было—92; незамужнихъ 799, дворянскаго сословія 548, купеческаго—108, духовнаго званія—85, мѣщанскаго—86, дочерей солдатъ—8, крестьянъ—5. Большинство (537) было иногородныхъ. (Отчетъ Общ. для дост. средствъ высшимъ женск. курсамъ за 1879—1880 г.).

[2]) При учрежденіи его въ 1878—1879 учебномъ году въ немъ было—89 членовъ, а въ 1880—1881—627.

средства при высокомъ гонорарѣ за лекціи профессоровъ спеціалистовъ."

Приведя рядъ справокъ о состоявшихся Высочайшихъ повелѣніяхъ по вопросу, графъ Толстой говорилъ, что „высшіе женскіе курсы, имѣя цѣлью возвышеніе уровня знаній женщинъ для занятія ими впослѣдствіи преподавательскихъ мѣстъ и въ старшихъ классахъ женскихъ гимназій, прямо отвѣчаютъ видамъ правительства какъ потому, что вообще способствуютъ развитію женской дѣятельности на педагогическомъ поприщѣ, такъ и потому, что могутъ служить къ предотвращенію прискорбныхъ явленій отбытія русскихъ женщинъ заграницу для такого же обученія, при чемъ онѣ не могутъ возвращаться обратно иначе, какъ съ идеями и направленіемъ, несоотвѣтствующими строю нашей жизни. Поэтому весьма желательно,—говорилъ графъ,—оказать имъ пособіе въ 3.000 рублей, размѣръ весьма умѣренный, если взять во вниманіе, что курсы состоятъ изъ двухъ отдѣленій, и на нихъ читаютъ 14 университетскихъ преподавателей, что курсами замѣнено проектированное, но несостоявшееся, высшее женское учебное заведеніе въ Петербургѣ, стоимость котораго была исчислена до 75.000 рублей."

Государственный Совѣтъ утвердилъ представленіе графа Толстого и постановилъ: 1) выдать 3.000 рублей въ нынѣшнемъ году, и 2) начиная съ 1880 г. вносить въ надлежащія подраздѣленія расходной смѣты министерства народнаго просвѣщенія по 3.000 рублей въ годъ. Это постановленіе государь утвердилъ [1]).

Но въ томъ же году графу Толстому пришлось защищать курсы передъ государемъ.

По мѣрѣ того, какъ дѣло высшаго женскаго образованія подвигалось впередъ, та часть, значительная по численности, нашего общества, которая ему не сочувствовала, отрицала его полезность и предсказывала неудачу, все болѣе и болѣе раздражалась, видя, что на курсы поступаютъ слушательницы въ большомъ числѣ, и это раздраженіе принимало характеръ злобнаго недоброжелательства къ нимъ. Въ этомъ имъ помогала и нѣкоторая часть печати, не останавливавшаяся даже передъ клеветой.

Такъ было при возникновеніи всѣхъ курсовъ. Успѣхъ петербургскихъ вызвалъ къ нимъ такое же отношеніе, и предсѣдатель педагогическаго Совѣта проф. А. Н. Бекетовъ нашелъ нужнымъ даже отвѣчать на раздававшіяся въ печати нападки.

Возражая между прочимъ противъ обвиненія курсовъ въ томъ,

---

[1]) Сборникъ постановленій по министерству нар. просв. Т. VII, 1877—1881 гг.

что слушательницамъ навязываютъ непосильный трудъ, А. Н. Бекетовъ говорилъ: „мы, читавшіе лекціи, занимавшіеся репетиціями, руководившіе практическими занятіями и проэкзаменовавшіе нѣсколько сотъ этихъ такъ называемыхъ разочарованныхъ, задавленныхъ непосильнымъ трудомъ и унылыхъ, ничего подобнаго замѣтить не могли... Аудиторія всегда отличалась бодрымъ вниманіемъ, а между лекціями, во-время краткихъ рекреацій, оживленными, нерѣдко даже веселыми разговорами. Самые экзамены шли, по бо́льшей части, весьма удовлетворительно“... Онъ признавалъ, что „эксцентричность, афектированная небрежность въ костюмѣ и поведеніи“ бывали, но какъ исключеніе. Противъ обвиненія въ томъ, что высшіе курсы для женщинъ „могутъ послужить для нѣкоторыхъ лицъ источникомъ несчастія, совращенія съ настоящаго пути“, А. Бекетовъ, не желая спорить, говорилъ, что „даже христіанская религія, дурно понятая, можетъ дать поводъ къ страданіямъ и даже ненависти“... Выражая надежду, что общество и стоящія у дѣла лица, предупредятъ уклоненія и крайности, „всегда возможныя во времена примѣненія новыхъ, даже самыхъ плодотворныхъ принциповъ“, А. Бекетовъ приглашалъ помнить, что это новое учрежденіе, „начавшееся при такомъ огромномъ сочувствіи не одного только молодого поколѣнія, но и значительной части родителей, что эти курсы, прошедшіе первый годъ своего существованія столь удачно, столь мирно, не смотря на тяжелое время“ сами по себѣ „способны уничтожить такъ много зла въ нашемъ обществѣ, что, при правильномъ веденіи дѣла, оно можетъ сдѣлаться однимъ изъ главнѣйшихъ рычаговъ порядка, благосостоянія, возвышенія нравственности и истинной религіозности“ [1]).

Всякаго рода обвиненія и нареканія на курсы проникали и въ высшія сферы, въ которыхъ курсы встрѣчали особенно мало сочувствія, и эти нарекапія кѣмъ-то были доведены до свѣдѣнія государя. Онъ потребовалъ отъ шефа жандармовъ, генералъ-адъютанта Дрентельна, свѣдѣній о курсахъ. Эти свѣдѣнія подтверждали нѣкоторыя, взведенныя на курсы обвиненія и представляли дѣло съ наиболѣе опасной стороны.

Шефъ жандармовъ говорилъ, что курсы „состоятъ въ вѣдѣніи особаго учебнаго совѣта изъ профессоровъ, но не имѣютъ утвержденныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія правилъ и учебной программы“, что при нихъ образовался „особый дамскій комитетъ, первоначальное устройство котораго никѣмъ не

---

[1]) *Женское Образованіе*, 1879, №№ 6 и 7.

было разрѣшено", что профессоръ Бестужевъ-Рюминъ, „совершенно безупречный въ нравственномъ и политическомъ отношеніи, обладающій обширными познаніями, но легко поддающійся постороннему вліянію, является лишь исполнителемъ дѣла, инициатива и руководство котораго принадлежитъ дамскому кружку, устраивавшему передъ тѣмъ лекціи для женщинъ въ зданіи владимірскаго училища и, помимо педагогической цѣли, стремящемуся къ достиженію равноправности женщинъ путемъ высшаго, полуклассическаго образованія", что среди слушательницъ есть „и политически неблагонадежныя", которыя „устраиваютъ сходки для обсужденія общихъ вопросовъ и протестуютъ противъ дѣйствій профессоровъ" [1]).

По этому докладу государь потребовалъ объясненія отъ министра народнаго просвѣщенія, который, въ представленномъ имъ въ началѣ 1879 года докладѣ, изложивъ предшествовавшую исторію возникновенія разныхъ курсовъ вообще, напомнилъ о состоявшемся 9 апрѣля 1876 года Высочайшемъ повелѣніи объ открытіи ихъ въ университетскихъ городахъ, и говорилъ, что не только программы курсовъ разсматриваются въ ученомъ комитетѣ, утверждаются попечителями учебныхъ округовъ, но ими же утверждаются и всѣ преподающіе на курсахъ; что для постояннаго наблюденія за петербургскими высшими курсами имъ, графомъ Толстымъ, назначенъ помощникъ попечителя петербургскаго округа, Михайловъ, а объ учрежденіи и открытіи курсовъ 20 сентября 1878 года, съ разрѣшенія Принца П. Г. Ольденбургскаго въ зданіи Александровской женской гимназіи, было своевременно доведено до свѣдѣнія петербургскаго градоначальника.

Вѣрнымъ въ донесеніи генералъ-адъютанта Дрентельна, графъ Толстой признавалъ лишь то, что „обставленные возможно строгими условіями, курсы не имѣютъ пока общаго органическаго устава", по этотъ уставъ невозможно было составить напередъ, безъ практическихъ данныхъ и всесторонняго обсужденія компетентными людьми; такой уставъ, по словамъ графа Толстого, вырабатывается уже въ министерствѣ для внесенія на разсмотрѣніе въ законодательномъ порядкѣ, если на то воспослѣдуетъ, въ свое время, Высочайшее соизволеніе.

„Не вполнѣ точными" графъ Толстой призналъ и свѣдѣнія о дамскомъ комитетѣ, „превратившемся нынѣ въ попечительное

[1]) Журналы Высочайше учрежденной комиссіи по вопросу объ изысканіи главнѣйшихъ основаній для лучшей постановки женскаго образованія въ имперіи. Засѣданіе 14 января 1886 г. (подъ предсѣдательствомъ товарища министра народнаго просвѣщенія князя М. С. Волконскаго).

общество", дѣйствующее безъ особаго разрѣшенія. Если подъ нимъ генералъ-адъютантъ Дрентельнъ разумѣлъ „благотворительное общество для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ въ Петербургѣ" то, говорилъ графъ Толстой, это общество, какъ благотворительное, разрѣшено министромъ внутреннихъ дѣлъ по соглашенію съ министерствомъ народнаго просвѣщенія и петербургскимъ градоначальникомъ, который, по уставу, долженъ быть извѣщаемъ о всѣхъ собраніяхъ общества; а дѣйствовало ли оно раньше своего учрежденія, и были ли его дѣйствія, какъ незаконныя, остановлены подлежащими властями,— это министру неизвѣстно. „Попечительный комитетъ, — писалъ онъ въ своемъ докладѣ,—изъ 12 лицъ, входящій въ организацію самыхъ курсовъ и завѣдующій хозяйственной частью ихъ", разрѣшенъ министромъ 24 декабря 1877 года, т.-е. за 9 мѣсяцевъ до открытія курсовъ, и этотъ комитетъ „имѣлъ и имѣетъ несомнѣнное право дѣйствія".

Въ заключеніе, графъ Толстой говорилъ, что „по самымъ достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, въ помѣщеніи курсовъ, куда слушательницы являются отъ 6 до 9 часовъ вечера для слушанія трехчасовыхъ лекцій, ничего выходящаго изъ ряда не случилось со времени открытія курсовъ, и сходокъ не было, какъ по краткости времени между уроками, такъ и вслѣдствіе постояннаго наблюденія за курсами". „Евреекъ,—прибавлялъ онъ,—на этихъ курсахъ 60" [1].

Незадолго передъ тѣмъ, министромъ народнаго просвѣщенія были присланы педагогическому Совѣту петербургскихъ курсовъ правила, составленныя для кіевскихъ, съ цѣлью, чтобы Совѣтъ на ихъ основаніи, выработалъ правила для петербургскихъ.

При составленіи правилъ педагогическій Совѣтъ петербургскихъ курсовъ постановилъ сообразоваться съ правилами для вольнослушателей въ университетахъ. Было проектировано, между прочимъ, принимать вольнослушательницами на высшіе женскіе курсы лицъ, имѣющихъ дипломъ, дающій право на поступленіе въ постоянныя, а также лицъ „имѣющихъ опредѣленное положеніе и обязанности, напримѣръ, матерей семействъ, наставницъ дѣтей, служащихъ въ частныхъ или казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ, конторахъ и тому подобныхъ учрежденіяхъ" [2].

18-го марта составленные Совѣтомъ петербургскихъ курсовъ правила были представлены на утвержденіе министра; но въ

[1]) Журналы комиссіи князя Волконскаго. Засѣданіе 14 января 1886 г.

[2]) Засѣданіе педагог. Совѣта петербург. высшихъ женскихъ курсовъ 9 февраля 1879 года.

маѣ 1879 года имъ были утверждены другія, составленныя, по его порученію, попечителемъ петербургскаго учебнаго округа.

На основаніи послѣднихъ, какъ постоянныя, такъ и вольнослушательницы должны были представить при поступленіи: атестатъ объ окончаніи полнаго курса въ женской гимназіи (въ гимназіяхъ министерства—восьмиклассnаго), институтѣ или другомъ заведеніи, дающемъ право на званіе домашней учительницы, или свидѣтельства отъ какого-либо учебнаго округа на это званіе по выдержаніи экзамена изъ всѣхъ обязательныхъ предметовъ восьмиклассnаго курса женскихъ гимназій. При этомъ, если со времени выдачи такихъ атестатовъ и свидѣтельствъ прошло болѣе года, то представлявшія ихъ могли поступить лишь вольнослушательницами. Число послѣднихъ ограничено; по новымъ правиламъ онѣ допускались на курсы лишь въ видѣ исключенія, изъ лицъ, постоянно живущихъ въ городѣ, въ семьяхъ, или имѣющія постоянныя служебно-педагогическія занятія, и то съ особаго, каждый разъ, разрѣшенія попечителя учебнаго округа и подъ его отвѣтственностью. Кромѣ метрическаго свидѣтельства, всѣ слушательницы должны были представлять удостовѣреніе мѣстной полиціи о полной своей политической благонадежности, а не достигшія 21 года—письменное согласіе родителей или опекуновъ. Плата за слушаніе лекцій полагалась та же, какая была установлена раньше, т.-е. 50 рублей въ годъ, а съ вольнослушательницъ по 10 рублей за каждый предметъ; отъ нея освобождались лишь тѣ слушательницы, которыя, по окончаніи полнаго курса, по представленію профессора и съ разрѣшенія педагогическаго Совѣта, допускались къ продолженію занятій на курсахъ, но тѣ, которыя занимались въ лабораторіяхъ и кабинетахъ, должны были вносить по 10 рублей въ годъ. Общее управленіе курсами ввѣрялось педагогическому Совѣту и его предсѣдателю, а ближайшее наблюденіе за слушательницами — распорядительницѣ курсовъ.

Эти правила вступили въ дѣйствіе на петербургскихъ курсахъ съ 1879—1880 учебнаго года.

Въ слѣдующемъ учебномъ году долженъ былъ заканчиваться трехлѣтній курсъ. На немъ читались лекціи: на словесномъ отдѣленіи: по русской исторіи (1), средней (1), новой (4), исторіи славянъ (2), исторіи государственныхъ учрежденій (2), исторіи философіи (2), всеобщей литературѣ (2 вмѣстѣ съ 2-мъ курсомъ), латинскаго языка (3). На физико-математическомъ: физики (2), анатоміи и физіологіи (2), ботаники (3), зоологіи (2), минералогіи и геологіи (2), физической географіи (1), к[illegible]мографіи (1).

Кромѣ того на спеціально-математическомъ отдѣленіи, начинавшемся съ 2-го курса: тригонометріи и аналитической геометріи (2 лекціи на обоихъ курсахъ), алгебры (3 —спеціальный курсъ), общій курсъ (1).

Во второмъ семестрѣ этого учебнаго года педагогическій Совѣтъ постановилъ ходатайствовать передъ министромъ народнаго просвѣщенія объ увеличеніи числа курсовъ до четырехъ, съ цѣлью окончанія лекцій по нѣкоторымъ предметамъ, а главное для того, чтобы дать возможность слушательницамъ болѣе полно усвоить основные предметы посредствомъ чтенія, самостоятельныхъ занятій подъ руководствомъ профессоровъ на словесномъ отдѣленіи и практическихъ занятій въ лабораторіяхъ и кабинетахъ на физико-математическомъ. На этомъ четвертомъ курсѣ должны были читаться: исторія философіи (2 лекціи въ недѣлю), исторія славянъ (2) и всеобщая литература (2) на словесномъ отдѣленіи, а на физико-математическомъ: минералогія и геологія (2), ботаника (1), астрономія (1), анатомія и физіологія (1); на спеціально-математическомъ: интегральное исчисленіе (1), высшая алгебра и теорія чиселъ (1 вмѣстѣ съ 3-мъ курсомъ), упражненія по анализу (2). Латинскій языкъ сдѣланъ съ 1880 года обязательнымъ предметомъ; на него полагались 10 лекцій на первыхъ трехъ курсахъ. Кромѣ того, на четвертомъ курсѣ положено ввести на словесномъ отдѣленіи преподаваніе исторіи церкви (по 2 лекціи въ недѣлю на 3 и 4-мъ курсахъ), а предметы: политическую экономію (2 лекціи на 2-мъ курсѣ), обзоръ государственныхъ учрежденій (2 лекціи на 3-мъ курсѣ) и обзоръ учрежденій частнаго гражданскаго быта (2 лекціи на 4-мъ курсѣ) считать предметами вспомогательными и экзамена по нимъ не производить [1]).

По физико-математическому отдѣленію двѣ лекціи ботаники на 4-мъ курсѣ, предполагались демонстративными; а по математикѣ, въ виду недостаточной къ ней подготовки въ среднихъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ первомъ году читался общій, обязательный для всѣхъ слушательницъ курсъ, изъ котораго онѣ, при переходѣ на второй, должны были держать экзаменъ. Слушательницы спеціально-математическаго отдѣленія освобождались, начиная со второго курса, отъ экзамена по естественнымъ наукамъ [2]).

Ходатайство педагогическаго Совѣта было уважено, и съ

---

[1]) Протоколъ засѣданія педаг. Совѣта 19 февраля 1881 г.

[2]) Протоколъ 25 февраля 1881 г.

1881—1882 учебнаго года курсъ ученія на высшихъ курсахъ сдѣлался четырехлѣтнимъ, какъ въ университетахъ.

Стоимость всѣхъ лекцій (126 1/2) на 4-хъ курсахъ простиралась до 26.625 рублей въ годъ и, кромѣ того, 3 лекціи были даровыя, а нѣкоторые профессора сами уменьшили цифру своего гонорара. Весь расходъ на учебную часть при 4-хъ курсахъ, считая плату и ассистентамъ, учебныя пособія, содержаніе химической лабораторіи, библіотеку, составлялъ по смѣтѣ 38.095 рублей. Остальные расходы по курсамъ простирались до 17.120 рублей, при чемъ всѣ обязанности, обыкновенно оплачиваемыя въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, исполнялись на курсахъ членами комитета безмездно, что значительно сокращало расходъ, ибо не оплачивались должности распорядительницы, ея помощницъ, библіотекарши, завѣдывавшихъ кабинетами и всѣмъ имуществомъ курсовъ; только по канцеляріи приглашались за плату двѣ письмоводительницы, съ жалованьемъ по 580 рублей въ годъ. Весь расходъ по курсамъ въ полномъ ихъ составѣ равнялся по смѣтѣ на 1881—1882 учебный годъ, четвертый ихъ существованія, 55.215 рублей; въ дѣйствительности же было израсходовано въ этомъ году 49.449 рублей. Приходу предполагалось 48.300 рублей, въ дѣйствительности получилось 62.171 рубль 50 копѣекъ, а съ остаткомъ отъ предшествовавшаго года, у курсовъ къ 1-му сентября 1882 г. былъ капиталъ въ 41.822 рубля 89 копѣекъ [1]).

Въ суммѣ прихода 1881—1882 года главную часть (44.783 рубля изъ 62.171) составляли взносы слушательницъ за право слушанія лекцій. Эти взносы покрывали расходы по учебной части, но они, даже съ присовокупленіемъ 3.000 рублей, получавшихся отъ министерства народнаго просвѣщенія, были недостаточны для покрытія всѣхъ остальныхъ тратъ по курсамъ, такъ какъ за наемъ помѣщенія платилось 8.420 рублей въ годъ.

Недостающую сумму доставляло Общество, комитетъ котораго не только завѣдывалъ всей хозяйственной частью курсовъ, но, благодаря установившимся съ самаго открытія ихъ, хорошимъ отношеніямъ между педагогическимъ Совѣтомъ и ко-

---

[1]) Сумма пожертвованій, сдѣланныхъ курсамъ въ теченіе первыхъ четырехъ лѣтъ ихъ существованія, равнялась 12.403 рублямъ. Болѣе крупныя поступили отъ графини А. С. Паниной, О. П. Рукавишниковой, Ф. И. Базилевскаго, г-жи Кузнецовой, барона Г. О. Гинцбурга (по 1.000 рублей въ годъ въ теченіе первыхъ пяти лѣтъ), В. Ф. Лугинина (по 500 рублей въ годъ). Профессорами, кромѣ даровыхъ и по уменьшенной цѣнѣ, лекцій, пожертвовано деньгами болѣе 2.000 рублей. (Отчеты казначея комитета общества для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ за 1878—1881 гг.).

митетомъ, послѣдній имѣлъ возможность принимать участіе и въ вопросахъ по учебной части. Въ одномъ изъ первыхъ своихъ засѣданій, педагогическій Совѣтъ постановилъ приглашать на свои засѣданія одного изъ членовъ комитета [1]), а такъ какъ предсѣдателемъ послѣдняго былъ профессоръ А. Н. Бекетовъ, то между двумя учрежденіями существовала связь, обезпечивавшая единство дѣйствій, чему въ значительной степени слѣдуетъ приписать успѣшный ходъ дѣла.

Передъ открытіемъ 4-го курса была образована смѣшанная комиссія изъ четырехъ членовъ педагогическаго Совѣта и столькихъ же отъ комитета для обсужденія разныхъ вопросовъ, касавшихся учебно-хозяйственной части курсовъ. Благодаря тому вниманію, съ которымъ педагогическій Совѣтъ всегда относился къ нуждамъ курсовъ, не останавливаясь даже передъ значительнымъ сокращеніемъ гонорара за чтеніе лекцій, смѣта расходовъ при всѣхъ 4-хъ курсахъ, была даже ниже смѣты предшествовавшаго года, когда ихъ было только три [2]).

Въ первые четыре года существованія курсовъ комитетъ положилъ начало библіотекѣ, составившейся частью изъ пожертвованныхъ, преимущественно профессорами, частью пріобрѣтенныхъ комитетомъ книгъ, число которыхъ въ 1881—1882 году составляло 1.009 сочиненій; были устроены и снабжены необходимыми приборами, пособіями и коллекціями кабинеты: физическій, зоологическій, ботаническій, минералогическій, анатомическій и физіологическій. На устройство химической лабораторіи профессоръ Бутлеровъ въ 1880 году пожертвовалъ 200 рублей и тогда же 3.000 рублей съ той же цѣлью были пожертвованы О. Н. Рукавишниковою; но такъ какъ курсы помѣщались въ частной квартирѣ, срокъ контракта на которую истекалъ, то комитетъ не рѣшился устроить въ ней постоянную химическую лабораторію, а устроилъ временную, въ которой и происходили занятія.

Въ 1881—1882 учебномъ году на всѣхъ четырехъ курсахъ было 990 слушательницъ; изъ нихъ 938 постоянныхъ и 52 вольнослушательницы; изъ послѣднихъ 15 были на физико-математическомъ отдѣленіи и 37 на словесномъ; постоянныхъ было больше на физико-математическомъ (521), чѣмъ на словесномъ (417) [3]).

---

[1]) Протоколъ зас. педаг. Сов. 4 янв. 1879 г.

[2]) Докладъ комитета экстренному общему собранію членовъ Общ. для доставл. средствъ высшимъ жен. курсамъ 3 мая 1881 г. (Отчетъ комитета за 1880—1881 г.).

[3]) Изъ 990 слушательницъ 779 были православнаго исповѣданія, евреекъ 126;

Изъ 214-ти слушательницъ четвертаго курса 176 окончили полный курсъ, 15 остались на второй годъ, отложили экзамены по болѣзнямъ и другимъ признаннымъ педагогическимъ Совѣтомъ уважительнымъ причинамъ 23.

Несмотря на ежегодныя ходатайства педагогическаго Совѣта и комитета, слушательницамъ, кончившимъ курсы, не было предоставлено никакихъ правъ, и при выпускѣ имъ были выданы педагогическимъ Совѣтомъ свидѣтельства объ окончаніи ими курса съ обозначеніемъ успѣховъ по каждой отдѣльной наукѣ.

Отказъ, или лучше сказать, оставленіе безъ вниманія ходатайства профессоровъ о правахъ слушательницамъ высшихъ курсовъ можно объяснить и тѣмъ, что хотя латинскій языкъ преподавался на нихъ даже какъ предметъ обязательный, но греческій не преподавался вовсе, и вообще древніе языки не играли первенствующей роли въ программѣ курсовъ.

Такъ можно думать потому, что еще въ маѣ 1879 года, передъ первымъ выпускомъ изъ гимназіи Фишеръ, курсъ которой былъ ниже того, какой былъ на высшихъ женскихъ курсахъ, но гдѣ древніе языки составляли главный предметъ ученія, графъ Толстой испросилъ Высочайшее разрѣшеніе на предоставленіе всѣмъ ученицамъ гимназіи, окончившимъ въ ней восьмилѣтній курсъ, права на преподаваніе въ четырехъ низшихъ классахъ мужскихъ гимназій и въ прогимназіяхъ, также во всѣхъ классахъ женскихъ гимназій министерства съ зачетомъ имъ времени такого преподаванія въ срокъ выслуги пенсіи по званію домашнихъ учительницъ и наставницъ [1]).

Въ докладѣ по этому вопросу государю, графъ Толстой говорилъ, что „попытка основательнаго обученія женщинъ по курсу и программѣ мужскихъ гимназій, повидимому, увѣнчалась полнымъ успѣхомъ“. Г-жѣ Фишеръ онъ писалъ: „неудержимо рвется изъ сердца: глубоко, сердечно, благодарю за все сдѣланное для гимназіи!“ [2]).

1-го сентября 1879 года воспитанницамъ гимназіи Фишеръ кончившимъ курсъ 8 класса съ успѣхомъ, были выданы аттестаты зрѣлости, а кончившія съ отличіемъ получили медали и книги.

Сообщая о томъ, что на выпускномъ экзаменѣ имъ по древнимъ языкамъ руководилъ предсѣдатель ученаго комитета мини-

---

937 незамужнихъ, 2 вдовы; дворянокъ 617, купеческаго сословія 135, духовнаго званія 118, мѣщанскаго сословія 103, крестьянскаго 9, солдатскихъ дочерей 8. Воспитывались въ петербургскихъ учебныхъ заведеніяхъ 338, иногородныхъ 652.

[1]) Сборникъ постановленій по мин. нар. пр. Т. VII. 1877—1881 гг.

[2]) Арх. мин. нар. пр.

стерства народнаго просвѣщенія, А. Георгіевскій, а изъ математики—заслуженный профессоръ А. Давыдовъ, *Московскія Вѣдомости* говорили: „и такъ, задача разрѣшена, дѣло оправдано, успѣхъ превзошелъ самыя смѣлыя ожиданія. Въ виду этихъ блистательныхъ результатовъ, на этихъ дняхъ Совѣтъ московскаго университета постановилъ ходатайствовать о допущеніи дѣвицъ, окончившихъ курсъ гимназіи г-жи Фишеръ, къ университетскимъ занятіямъ въ факультетахъ — историко-филологическомъ и физико-математическомъ“ [1]).

На актѣ, по случаю исполнившагося въ 1882 году десятилѣтія учрежденія гимназіи Фишеръ, преподаватель русскаго и и древнихъ языковъ, въ своей рѣчи сказалъ: „эти десять лѣтъ жизни гимназіи можно сравнить съ побѣдоноснымъ шествіемъ арміи по землѣ непріятеля. Побѣда на полѣ просвѣщенія почетна не менѣе побѣды на полѣ брани“ [2]).

Московскія Вѣдомости, по поводу этого десятилѣтія, писали: „все заставляетъ желать, чтобы женскій трудъ въ этомъ дѣлѣ (высшаго образованія) былъ сколь можно болѣе поощряемъ, и чтобы ученая дѣятельность женщинъ не ограничивалась низшими степенями, но простиралась и на высшія, а для этого надо чтобы будущая учительница имѣла возможность сама пройти школу равной силы и высоты съ тою, гдѣ готовится будущій учитель [3]).

Изъ провинціальныхъ высшихъ женскихъ курсовъ всего болѣе слушательницъ было на кіевскихъ; въ 1880 — 1881 году ихъ было 397 (изъ нихъ на историческомъ отдѣленіи 228); первоначально установленный двухлѣтній курсъ ученія былъ увеличенъ на второй же годъ до трехъ лѣтъ, а въ 1881 году педагогическій Совѣтъ, подъ предсѣдательмъ профессора Иконникова, вошелъ съ представленіемъ о продленіи его до четырехъ лѣтъ.

И въ матеріальномъ отношеніи эти курсы находились въ лучшемъ положеніи, чѣмъ всѣ другіе, хотя, вообще, матеріальная необезпеченность всѣхъ курсовъ составляла слабую ихъ сторону и не давала имъ упрочиться.

Къ 1880 году, изъ всѣхъ университетскихъ городовъ не было курсовъ въ двухъ: Харьковѣ и Дерптѣ. Въ Харьковѣ учрежденіе курсовъ проектировалось еще въ 1873 году. Въ мѣстномъ обществѣ естество-испытателей было получено и раз-

[1]) *Моск. Вѣд.* 1879. г. № 229.

[2]) Свѣдѣнія о гимназіи Фишеръ.

[3]) *Моск. Вѣд.* 4 сентября 1882 г.

рѣшеніе на учрежденіе курсовъ; въ 1878 году вопросъ опять былъ поднятъ и 28 профессоровъ изъявили желаніе читать лекціи. Но средствъ не было, и не нашлось такой попечительницы, которая, по проекту учредителей, пожертвовала бы 10000 рублей на первоначальныя нужды курсовъ [1]).

Въ Одессѣ еще въ концѣ 1878 года профессоръ Трачевскій задумалъ учредить высшіе женскіе курсы и составилъ проектъ, встрѣтившій сочувствіе какъ профессоровъ, такъ и попечителя учебнаго округа и городского головы, обѣщавшаго исходатайствовать у Думы пособіе отъ города въ 20000 рублей. Въ виду слуховъ, проникавшихъ объ этомъ въ общество и волновавшихъ женскую молодежь, профессоръ Трачевскій напечаталъ въ мѣстной газетѣ *Правда* извѣстіе о предполагаемыхъ имъ курсахъ и пригласилъ интересующихся ими обращаться за разъясненіями лично къ нему.

Убѣдившись изъ бесѣдъ съ будущими слушательницами, что онѣ, въ большинствѣ, неподготовлены къ слушанію высшихъ курсовъ, которые предполагалось открыть въ сентябрѣ 1879 года, профессоръ Трачевскій рѣшилъ устроить пока подготовительные курсы, которые и были открыты при 3-й одесской гимназіи 17-го января 1879 г.

Въ основу этихъ курсовъ были положены три коренныхъ предмета, преподаваніе которыхъ въ женскихъ гимназіяхъ особенно неполно: математика, русскій языкъ, а также латинскій, изученіе котораго, по программѣ одесскихъ высшихъ курсовъ, было обязательно на историко-словесномъ факультетѣ, и изъ котораго слушательницы, при переходѣ на второй курсъ, должны были сдавать экзаменъ.

Въ день открытія подготовительныхъ курсовъ на нихъ записалось 206 слушательницъ, и это число постоянно возростало, чему, вѣроятно, способствовала чрезвычайно дешевая плата за посѣщеніе курсовъ: за слушаніе всѣхъ лекцій, съ 17 января до 15 іюня, взималось всего 10 рублей. Съ самаго открытія курсовъ пришлось устроить два параллельныхъ отдѣленія, на которыхъ читались лекціи отъ 4-хъ до 8-и часовъ вечера.

Одесское общество сочувственно отнеслось къ высшимъ женскимъ курсамъ, и это давало надежду на то, что они встрѣтятъ съ его стороны поддержку; но имѣя уже опытъ другихъ курсовъ, профессоръ Трачевскій рѣшилъ не открывать одесскихъ, хотя бы даже они были разрѣшены министромъ до тѣхъ

---

[1]) *Женское Образованіе.* 1879 г. № 2.

поръ, пока Дума не назначитъ имъ пособіе въ 20000 рублей; объ этомъ онъ сообщилъ министру въ объяснительный запискѣ, приложенной къ проекту курсовъ. [1])

По свидѣтельству профессоровъ, преподававшихъ на разныхъ высшихъ женскихъ курсахъ, слушательницы ихъ, въ большинствѣ, оказывали способность усвоить себѣ высшее образованіе и только слабая подготовка ихъ въ среднеучебныхъ заведеніяхъ по нѣкоторымъ предметамъ препятсвовала введенію на курсахъ полнаго университетскаго преподаванія. Но слушательницы высшихъ курсовъ не имѣли случая доказать на дѣлѣ эту способность и пользу, какая можетъ произойти для общества, семьи и всего государства, отъ распространенія на женщинъ высшаго образованія.

Въ этомъ слушательницы медицинскихъ курсовъ были счастливѣе.

---

[1]) Высшіе женскіе курсы въ Одессѣ профессора Трачевскаго, Вып. 1. 1879 г.

XVI.

Исторія женскихъ медицинскихъ курсовъ.—Отъѣздъ слушательницъ ихъ на войну.—Свидѣтельства объ ихъ дѣятельности на войнѣ. — Ходатайства профессоровъ медицинской Академіи о правахъ кончившихъ медицинскіе курсы женщинъ. — Свидѣтельства, выдававшіяся имъ по окончаніи курса. — Затрудненія при поступленіи ихъ на мѣста въ земства и города. — Комиссія П. Здекауера. — Записка Н. Козлова.—Ходатайства земствъ о разрѣшеніи бывшимъ слушательницамъ медицинскихъ курсовъ заниматься врачебной практикою въ земскихъ больницахъ.—Ходатайство о томъ же медицинскаго Совѣта. — Высочайшее повелѣніе 6 апрѣля 1879 года о правахъ бывшихъ слушательницъ медицинскихъ курсовъ. — Приглашеніе петербургскою городскою Думою женщины-врача для завѣдыванія городскою оспенною больницею. — Комиссія генералъ-адъютанта Исакова. — Ея заключенія въ пользу женщинъ. — Разсмотрѣніе ея трудовъ въ ученомъ комитетѣ. — Высочайше дарованный кончившимъ врачебные курсы женщинамъ нагрудный знакъ отличія. — Заключенія медицинскаго Совѣта о дарованіи правъ кончившимъ врачебные курсы женщинамъ. —Отказъ военнаго министра отъ сохраненія въ военномъ вѣдомствѣ женскихъ врачебныхъ курсовъ. — Постоянно возраставшія требованія отъ поступавшихъ на нихъ. — Новыя программы институтовъ и женскихъ гимназій вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи. — Педагогическіе курсы. — Отказъ министра народнаго просвѣщенія воспитанницѣ гимназіи Фишеръ посѣщать университетскія лекціи.—Положеніе дѣла высшаго женскаго образованія къ началу восьмидесятыхъ годовъ у насъ и заграницей.— Положеніе вопроса о правахъ женщинъ, получившихъ высшее образованіе.—Среднее и низшее женское образованіе у насъ и въ Европѣ.

Въ 1876 году, когда истекалъ четырехлѣтній опытный срокъ, на который были разрѣшены медицинскіе женскіе курсы и когда поступившія на нихъ, при учрежденіи, слушательницы кончали свое образованіе, ихъ способность усвоить себѣ медицинскую науку не только въ указанныхъ временнымъ Положеніемъ предѣлахъ, но въ полномъ объемѣ преподаваемыхъ на медицинскихъ факультетахъ и въ медицинской Академіи предметахъ, за исключеніемъ судебной медицины и медицинской полиціи съ эпизоотіею, была засвидѣтельствована преподавателями курсовъ

и оффиціально признана главнымъ военно-медицинскимъ инспекторомъ [1]).

Преподаватели женскихъ врачебныхъ курсовъ, „руководясь тою мыслью, что главною основою медицинскаго образованія должно быть полное и всестороннее знакомство учащихся съ физіологіею и патологіею человѣческаго организма вообще и въ разныхъ періодахъ его развитія какъ въ томъ, такъ и въ другомъ полѣ, что спеціальное изученіе той или другой отрасли врачебной науки, что плодотворная какъ въ научномъ, такъ и въ чисто врачебномъ отношеніи, практическая дѣятельность по избранной или указанной спеціальности могутъ пустить корни и успѣшно развиться лишь на почвѣ вполнѣ подготовленной, что отсутствіе или недостаточность общаго медицинскаго образованія обыкновенно ведутъ къ медицинскому шарлатанству“, съ самаго начала вели преподаваніе на курсахъ такъ, чтобы оно ни по направленію, ни по объему, не разнилось отъ преподаванія въ медико-хирургической Академіи и на медицинскихъ факультетахъ и чтобы въ основу изученія указанныхъ Положеніемъ спеціальностей, было положено полное общее медицинское образованіе слушательницъ [2]). На репетиціяхъ, на практическихъ занятіяхъ, на экзаменахъ, преподаватели близко знакомились съ каждою слушательницею и пропускали въ высшій курсъ только вполнѣ подготовленныхъ къ клинической дѣятельности.

Основываясь на такомъ компетентномъ свидѣтельствѣ, военный министръ представилъ 2 марта 1876 года государю докладъ, въ которомъ испрашивалъ разрѣшеніе прибавить къ курсу еще одинъ годъ, увеличить плату съ слушательницъ съ 50-ти до 60-ти рублей для вознагражденія ассистентовъ, подъ руководствомъ которыхъ слушательницы должны будутъ заниматься въ госпиталѣ и больницахъ и о переводѣ женскихъ курсовъ изъ медицинской Академіи въ Николаевскій военный госпиталь.

Послѣднее военный министръ мотивировалъ тѣмъ, что „женскій медицинскій курсъ долженъ мало-по-малу перейти къ самостоятельному существованію“.

Слушательницы курсовъ, и въ то время, когда онѣ состояли при Академіи, обучались нѣкоторымъ предметамъ внѣ ея стѣнъ: въ дѣтской больницѣ Принца П. Г. Ольденбургскаго дѣтскимъ

---

[1]) Докладъ по гл. военно-медиц. управленію о переводѣ ж. врач. курсовъ въ Никол. военный госпиталь въ видѣ самостоятельнаго учрежденія 2 марта 1876 г.

[2]) Постановленіе собранія преподавателей женскихъ врачебныхъ курсовъ при петербургскомъ Николаевскомъ военномъ госпиталѣ. Засѣданіе 28 октября 1877 г. (Матеріалы по ж. врач. курсамъ. 1).

болѣзнямъ, въ Калинкинской сыпнымъ, а практическое акушерство изучали въ родильномъ домѣ. Предлагая перевести курсы въ Николаевскій госпиталь, военный министръ полагалъ, что тамъ слушательницы будутъ имѣть возможность заниматься всѣми остальными практическими предметами и всѣми приготовительными, кромѣ химіи и физіологіи, и будутъ, ухаживая за больными и оперированными, пріучаться къ такому уходу въ военное время, принося этимъ существенную пользу и госпиталю. Расходы по приспособленію госпиталя къ потребностямъ курсовъ военный министръ считалъ возможнымъ произвести изъ суммъ своего вѣдомства. Связь курсовъ съ медицинской Академіею, отъ которой съ переходомъ въ Николаевскій госпиталь, они совершенно отдѣлялись, должна была состоять лишь въ томъ, что нѣкоторые профессора Академіи преподавали бы на курсахъ, а также за конференціею Академіи было оставлено утвержденіе слушательницъ, по окончаніи ими полнаго курса, въ правѣ на самостоятельную женскую и дѣтскую практику.

Завѣдываніе женскими курсами военный министръ предлагалъ возложить на главнаго врача Николаевскаго госпиталя подъ руководствомъ главнаго военно-медицинскаго инспектора, а самый госпиталь передать въ непосредственное вѣдѣніе главнаго военно-медицинскаго управленія.

Этотъ докладъ былъ Высочайше утвержденъ 4 марта 1876 года, при чемъ въ резолюціи государя было предписано неотлагательно, на главныхъ основаніяхъ доклада военнаго министра, составить окончательное Положеніе о курсахъ и при опредѣленіи порядка управленія ими установить, насколько окажется необходимымъ, связь съ четвертымъ отдѣленіемъ Собственной Его Величества канцеляріи и съ министромъ внутреннихъ дѣлъ.

На полезность такой связи указалъ военному министру Н. Козловъ, предлагая установить коллегіальное участіе представителей вѣдомствъ, въ вѣдѣніи которыхъ состоятъ разныя женскія медицинскія учрежденія, въ управленіи курсами [1]).

Въ сообщеніи Принцу и министру внутреннихъ дѣлъ состоявшейся резолюціи государя, военный министръ говорилъ, что связь между разными учрежденіями онъ полагалъ бы установить такъ, чтобы медицинскій инспекторъ отъ вѣдомства и членъ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ, вмѣстѣ съ главнымъ военно-медицинскимъ инспекторомъ, образовали совѣщательный

[1]) Дополнительная записка къ докладу военнаго министра 2 марта 1876 г. (Мат. по ж. врач. курсамъ).

комитетъ, которому предоставлено было бы наблюденіе за направленіемъ и полнотою обученія на курсахъ, выборъ преподавателей, повѣрка знаній учащихся и установленіе мѣръ къ возможному усовершенствованію образованія на курсахъ, а 16 апрѣля 1876 года онъ препроводилъ имъ и проектъ окончательнаго Положенія о курсахъ.

Принцъ отвѣтилъ очень скоро, что признаетъ проектъ „вполнѣ соотвѣтствующимъ той цѣли, для которой учреждены женскіе медицинскіе курсы". Министръ внутреннихъ дѣлъ отвѣтилъ лишь 5 мая; сначала онъ указалъ въ своемъ отвѣтѣ, что въ силу состоявшагося въ присутствіи государя 14 января 1871 года, Положенія министровъ, права на женскихъ курсахъ ограничены лишь акушерскими занятіями, а въ проектѣ окончательнаго Положенія о курсахъ ихъ цѣль выражена въ пріобрѣтеніи слушательницами права на самостоятельную врачебно-акушерскую, женскую и дѣтскую практику, и что, съ прибавленіемъ 5-го курса, женскій курсъ равняется полному курсу медицинскихъ студентовъ и для женскихъ курсовъ учреждается ученопрактическая степень, которой должно быть присвоено право не только на практику по приглашенію частныхъ лицъ, но и по требованію лечебныхъ и другихъ общественныхъ и правительственныхъ учрежденій „со стороны которыхъ непремѣнно послѣдуютъ запросы на медицинскую дѣятельность кончившихъ женскіе курсы слушательницъ и даже на замѣну въ извѣстныхъ случаяхъ ими врачей". Поэтому, по мнѣнію министра, должно быть испрошено соизволеніе государя на расширеніе предполагаемыхъ проектомъ правъ ученыхъ акушерокъ, а также слѣдуетъ войти въ соглашеніе съ министромъ народнаго просвѣщенія относительно программъ и правъ женскихъ курсовъ.

На это военный министръ разъяснилъ, что вся разница между состоявшимся 14 января 1871 г. Положеніемъ министровъ и Высочайшимъ повелѣніемъ 4 марта 1876 г. заключается лишь въ замѣнѣ словъ *врачебная помощь въ родахъ и ихъ послѣдствіяхъ* словами *врачебная акушерская практика*, и что это измѣненіе мотивируется отчасти признаніемъ самого министра внутреннихъ дѣлъ, по дѣлу допущенія Яковлевой и Пружанской къ врачебной практикѣ въ Россіи, что „оканчивающія ученіе на женскихъ курсахъ имѣютъ право самостоятельно заниматься врачебно-акушерской женской и дѣтской практикой", что право установленія программъ для курсовъ принадлежитъ, наравнѣ съ университетами, и медицинской Академіи, и что упроченіе самостоятельнаго существованія женскихъ курсовъ съ отдѣленіемъ

ихъ отъ Академіи „отнюдь не имѣетъ въ виду расширить назначеніе, объемъ обученія и права на врачебную практику обучающихся“; что то и другое остаются въ предѣлахъ, одобренныхъ медицинскимъ Совѣтомъ въ 1870 году и Высочайше утвержденныхъ въ 1872 году; что срокъ ученія на курсахъ удлиняется лишь потому исключительно, что „ограниченность клиническаго матеріала дѣлаетъ невозможнымъ то полное клиническое обученіе слушательницъ акушерству, женскимъ и дѣтскимъ болѣзнямъ, какое желательно для истинной пользы ихъ будущей дѣятельности“ [1]).

Замѣнившій министра внутреннихъ дѣлъ Тимашева новый министръ князь Лобановъ-Ростовскій согласился на то, чтобы проектъ окончательнаго Положенія о курсахъ былъ разсмотрѣнъ въ медицинскомъ Совѣтѣ, но настаивалъ на полученіи заключенія министра народнаго просвѣщенія на этотъ проектъ. Участіе же члена отъ министерства внутреннихъ дѣлъ въ совѣщательномъ комитетѣ курсовъ князь Лобановъ призналъ излишнимъ [2]) и дальнѣйшее движеніе вопроса было отложено до утвержденія окончательнаго Положенія о женскихъ врачебныхъ курсахъ, замедленнаго тѣмъ, что права окончившихъ ихъ слушательницъ не были опредѣлены.

Осенью 1877 года поступившія при открытіи курсовъ слушательницы кончали полный пятилѣтній курсъ и должны были держать выпускной экзаменъ. Пятый годъ своего пребыванія на курсахъ онѣ посвятили занятіямъ въ клиникахъ: женской, дѣтской и акушерской, глазныхъ и ушныхъ болѣзней, изученію психическихъ и нервныхъ болѣзней, электротерапіи и ларингоскопіи и, кромѣ того, въ госпитальныхъ, терапевтической и хирургической, клиникахъ и въ практическихъ упражненіяхъ по оперативной хирургіи.

Но еще до наступленія выпускнаго экзамена на курсахъ, была объявлена турецкая война, и многія изъ слушательницъ пятаго курса заявили начальству о своемъ желаніи отправиться на театръ военныхъ дѣйствій.

Съ цѣлью помочь имъ въ этомъ дѣлѣ, Н. Козловъ обратился къ главноуполномоченному отъ Общества Краснаго Креста, князю Черкасскому, съ просьбой содѣйствовать удовлетворенію этого желанія слушательницъ. Обращая вниманіе князя Черкасскаго на ту „осмысленную помощь“ какую могло бы принести „ввe-

[1]) Отношеніе военнаго министра къ мин. внутр. дѣлъ 7 іюля 1876 г. (Мат. по ж. врач. курсамъ. I).

[2]) Письмо отъ 9 авг. 1876 г.

деніе этого новаго элемента въ дѣло призрѣнія больныхъ и раненыхъ", Н. Козловъ писалъ, что полевой медицинскій инспекторъ, по докладу о томъ начальнику штаба дѣйствующей арміи, телеграммой отъ 8 іюня ходатайствовалъ о командированіи въ госпитали и поѣзда 15-ти слушательницъ женскихъ врачебныхъ курсовъ, а завѣдующій оперативной частью, профессоръ Склифасовскій, о присылкѣ пяти слушательницъ. Прося князя Черкасскаго удовлетворить этимъ требованіямъ, Н. Козловъ просилъ его также содѣйствовать и тому, чтобы Общество Краснаго Креста взяло на себя вознагражденіе слушательницамъ по 75 рублей въ мѣсяцъ каждой и отправленіе ихъ на мѣсто дѣйствій [1]).

О томъ же Н. Козловъ просилъ и С. П. Боткина. Красный Крестъ и военное министерство приняли въ свои госпитали 25 слушательницъ, но поѣхало ихъ гораздо болѣе. При отправленіи имъ были выданы свидѣтельства, въ которыхъ говорилось, что „такая-то окончила 5-тилѣтній курсъ врачебныхъ наукъ и можетъ исполнять медицинскія обязанности наравнѣ съ студентами медико-хирургической Академіи соотвѣтствующаго курса [2]).

Сначала онѣ были прикомандированы къ Обществу Краснаго Креста и работали въ его госпиталяхъ и лазаретахъ. „Дѣятельность ихъ,—говоритъ женщина-врачъ Окунькова-Гольдингеръ,—была самая разнообразная: онѣ работали за фельдшеровъ, ординаторовъ, полковыхъ врачей, въ передовыхъ отрядахъ и на перевязочныхъ пунктахъ".

Что слушательницамъ назначались не какія-нибудь второстепенныя, болѣе легкія, обязанности, что онѣ исполняли ихъ не хуже студентовъ 5-го курса и съ тѣмъ самоотверженнымъ рвеніемъ, съ какимъ вообще женщины относятся всегда, когда имѣется въ виду облегчить человѣческое страданіе—объ этомъ имѣются многочисленныя свидѣтельства частныя и оффиціальныя. По единогласному признанію профессоровъ Академіи и университетовъ, бывшихъ на театрѣ войны, врачебная дѣятельность слушательницъ въ Румыніи и Болгаріи была такова, что профессора признали возможнымъ поставить слушательницъ „еще до удостоенія ихъ ученой степени въ одинаковыя, относительно практической дѣятельности, съ врачами условія, и эта дѣятельность слушательницъ дала возможность убѣдиться въ ихъ

---

[1]) Бумаги Н. Козлова.

[2]) *Окунькова-Гольдингеръ.* Мат. для ист. ж. медиц. образ. въ Россіи.

полной способности къ врачебной практикѣ и въ высокой степени добросовѣстномъ исполненіи ординаторскихъ обязанностей [1]).

Въ докладѣ полеваго военно-медицинскаго инспектора начальнику штаба дѣйствующей арміи инспекторъ свидѣтельствовалъ, что командированныя въ дѣйствующую армію слушательницы „съ самаго начала кампаніи, при неимовѣрномъ рвеніи и сознательномъ пониманіи дѣла, выказали себя съ самой лучшей стороны и доставленною ими хирургическою и терапевтическою помощью въ госпиталяхъ вполнѣ оправдали въ этомъ первомъ опытѣ ожиданія медицинскаго начальства... Самоотверженная работа женскихъ ординаторовъ,—говорилъ онъ,—среди опасностей и лишеній, среди тифозной болѣзненности, жертвою которой была не одна изъ нихъ, обратила на себя общее вниманіе, и какъ первый примѣръ примѣненія женскаго труда въ военномъ дѣлѣ заслуживаетъ отличія и поощренія“ [2]).

Еще ранѣе, 17 декабря 1877 г., ясская эвакуаціонная комиссія выдала прикомандированнымъ въ качествѣ лекарскихъ помощницъ главнымъ управленіемъ Общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ къ ясскому эвакуаціонному и постоянному баракамъ пятерымъ слушательницамъ свидѣтельство въ томъ „рвеніи и научномъ пониманіи дѣла“, съ какимъ онѣ исполняли свои обязанности и о принесенной ими существенной пользѣ въ дѣлѣ поданія медицинской помощи раненымъ и больнымъ воинамъ.

Полевой военно-медицинскій инспекторъ въ своемъ докладѣ просилъ начальника штаба дѣйствующей арміи исходатайствовать у главнокомандующаго награжденія слушательницъ орденами св. Станислава 3-й степени съ мечами или другими знаками отличія.

Ходатайство это не было удовлетворено потому, что женщины въ Россіи не могутъ получать орденовъ, но нѣкоторымъ изъ слушательницъ были даны медали на георгіевской лентѣ.

Казалось бы, что неопровержимо доказанная на дѣлѣ способность женщинъ къ изученію медицины, должна была окончательно побѣдить всякія сомнѣнія въ полезности женскихъ врачебныхъ курсовъ. На это указали и преподаватели курсовъ въ числѣ другихъ аргументовъ, побуждавшихъ ихъ единогласно постановить о необходимости ходатайствовать, чтобы слушательницамъ, выдержавшимъ окончательное испытаніе, были даны ученая

[1]) Постановленіе собранія преподавателей ж. врач. курсовъ при пет. Ник. в. госпиталѣ. Засѣданіе 28 окт. 1877 г.

[2]) Докладъ отъ 18 февр. 1878 г.

степень и право врачебной практики „соотвѣтственно тѣмъ, которыми удостаиваются студенты окончившіе курсъ медицинскаго образованія въ университетахъ и медико-хирургической Академіи".

Это постановленіе было подписано главнымъ докторомъ Николаевскаго военнаго госпиталя, тремя академиками, читавшими на курсахъ, 15-ю профессорами, 8-ю доцентами, директорами: дѣтской больницы Принца, повивальнаго института и родовоспомогательнаго заведенія, и двумя консультантами, 16 ноября 1877 года, при составленіи инструкціи для перваго выпускнаго экзамена на курсахъ. На окончательныхъ экзаменахъ перваго выпуска, происходившихъ въ этомъ году, присутствовали по приглашенію члены медицинскаго Совѣта и авторитетныя лица медицинскаго міра.

По составленному профессорами проекту инструкціи только слушательницы, выдержавшія вполнѣ удовлетворительно экзамены по анатоміи, физіологіи и гистологіи, допускались къ экзамену изъ остальныхъ, чисто медицинскихъ предметовъ.

Изъ поступившихъ при открытіи курсовъ 89-и слушательницъ, 60 выдержали выпускной экзаменъ; изъ нихъ 27 своевременно; остальныя, въ томъ числѣ ѣздившія на войну, черезъ годъ, а двѣ черезъ два года; 10 остались на первомъ курсѣ [1]), 12 умерло [2]).

По окончаніи экзаменовъ, выпускаемымъ слушательницамъ были выданы завѣдывавшимъ курсами, за скрѣпою ученаго секретаря, свидѣтельства въ томъ, что слушательница №№ „въ 1872 году была принята на женскіе врачебные курсы и по окончаніи полнаго льготнаго срока ученія допущена къ окончательному испытанію изъ врачебныхъ наукъ, каковое испытаніе выдержала удовлетворительно, въ чемъ и выдано ей временное свидѣтельство впредь до утвержденія формы диплома".

Такія свидѣтельства чрезвычайно затрудняли какъ занятія частной практикой бывшихъ слушательницъ, такъ и поступленіе ихъ на службу въ земства, которыя при первомъ же выпускѣ съ курсовъ, стали приглашать слушательницъ. При объявленіи о пріемѣ больныхъ и сообщеніи своего адреса, женщину-врача вызывали въ врачебную управу и спрашивали: на какомъ основаніи ею сдѣлано объявленіе? Предъявляемое въ такихъ случаяхъ временное свидѣтельство не признавалось достаточнымъ

---

[1]) *Г. Герценштейнъ.* Женскіе врачебные курсы. (Врачъ. 1880. № 35).

[2]) Изъ нихъ на 1-ъ курсѣ 5, на 3-ъ—2, на 5-ъ—2, передъ самыми выпускными экзаменами—1, 2—на войнѣ, (*Е. Некрасова.* Ж. врач. курсы). Одна умерла отъ тифа, другая кончила самоубійствомъ.

на томъ основаніи, что изъ медицинскаго департамента не получено увѣдомленія о допущеніи женщинъ къ врачебной практикѣ. Нѣкоторыя управы обращались сами съ запросами въ медицинскій департаментъ, который по поводу поступавшихъ со стороны губернскихъ начальствъ и земскихъ учрежденій (харьковскаго, повгородскаго, вологодскаго) запросовъ о дозволеніи бывшимъ слушательницамъ курсовъ врачебной практики въ уѣздахъ и исполненія обязанностей врачей въ земскихъ больницахъ, 31-го мая 1878 года отвѣчалъ, что не считаетъ себя въ правѣ разрѣшить такую практику, ибо права окончившихъ курсы женщинъ еще не опредѣлены законодательнымъ порядкомъ.

Такой же запросъ поступилъ и отъ петербургской городской Думы, которая въ то время хотя и не имѣла еще въ своемъ вѣдѣніи городскихъ больницъ, но передача ихъ изъ Попечительнаго Совѣта вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи уже давно проектировалась и, кромѣ того, Дума во время эпидемій сама устраивала временныя больницы.

Между тѣмъ еще 1-го февраля 1878 года главный военно-медицинскій инспекторъ Н. Козловъ представилъ на утвержденіе медицинскаго Совѣта докладъ совѣщанія преподавателей женскихъ врачебныхъ курсовъ, составленный ими проектъ программъ выпускного экзамена слушательницъ и единогласное ходатайство совѣщанія объ уравненіи правъ на врачебную практику женщинъ съ врачами.

Къ этому докладу Н. Козловъ присоединилъ составленную имъ записку, въ которой свидѣтельствуя о томъ, что „опытъ выпускныхъ экзаменовъ перваго выпуска, нынѣ оканчивающихся, подтверждаетъ какъ практичность этой программы, такъ и способность слушательницъ послѣ пятилѣтняго ученія вполнѣ удовлетворять ея требованіямъ“, предлагалъ поставить и на будущее время необходимымъ условіемъ выпускныхъ экзаменовъ, чтобы они производились въ присутствіи членовъ отъ медицинскаго Совѣта, военномедицинскаго ученаго комитета, медикохирургической Академіи и медицинскаго управленія учрежденій Императрицы Маріи.

Полагая справедливымъ, чтобы при равномѣрности требованій по обученію и на испытаніяхъ, учащимся были предоставлены и одинаковыя права, Н. Козловъ привелъ въ своей запискѣ цѣлый рядъ примѣровъ того, что при состояніи у насъ врачебной помощи внутри имперіи, ограниченіе практики женщинъ врачей на дѣлѣ и невозможно, и было бы невыгодно для общества. Перечисляя выгоды отъ допущенія женщинъ къ пол-

ной врачебной практикѣ, Н. Козловъ считалъ особенно полезною ихъ дѣятельность какъ врачей въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, женскихъ отдѣленіяхъ больницъ и госпиталей.

Записка Н, Козлова была передана на разсмотрѣніе комиссіи при медицинскомъ Совѣтѣ по пересмотру правилъ испытанія на медицинскія, формацевтическія и ветеринарныя степени и разъясненіе правъ лицъ женскаго пола на врачебную практику. Комиссія эта, подъ предсѣдательствомъ Н. Здекауера, кончила свою работу въ половинѣ 1878 года и съ этимъ совпало Высочайшее повелѣніе по военному вѣдомству отъ 24 іюня о томъ, чтобы „были командированы на три предстоящіе мѣсяца въ распоряженіе медицинскихъ инспекторовъ дѣйствующей и кавказской армій, слушательницы женскихъ курсовъ, по ихъ желанію, съ тѣмъ, чтобы онѣ были распредѣлены по военновременнымъ госпиталямъ для ухода за больными и ранеными, и чтобы окончившія пятый курсъ, а также перешедшія въ этотъ курсъ, помогали врачамъ подъ ихъ руководствомъ, въ наблюденіи за ходомъ болѣзней и въ подаваніи хирургическихъ пособій“, а перешедшія въ четвертый курсъ исполняли обязанности фельдшерицъ. Но дѣятельность тѣхъ и другихъ повелѣвалось ограничить исключительно временными госпиталями, чтобы съ замѣной части труда по уходу за больными и ранеными, освобождающіеся отъ него ординаторы и фельдшера распредѣлялись по войскамъ и лазаретамъ.

Въ представленномъ въ іюнѣ же 1878 года медицинскому Совѣту докладѣ комиссіи Здекауера, она, на основаніи записки Н. Козлова, признала справедливымъ ходатайствовать о предоставленіи, окончившимъ 5-ти лѣтній курсъ и выдержавшимъ испытаніе по установленной программѣ, слушательницамъ, право „наравнѣ съ лекарями, самостоятельной врачебной практики, безъ ограниченія ея женскимъ поломъ и дѣтскимъ возрастомъ, съ подчиненіемъ ихъ наравнѣ съ врачами, отвѣтственности по врачебно-практической дѣятельности передъ закономъ“. Изъятіе отъ обязательнаго подаванія помощи мужчинамъ, было сдѣлано для женщинъ-врачей въ тѣхъ случаяхъ, „гдѣ оно несовмѣстно съ требованіями приличія и женской стыдливости“.

Относительно общественной дѣятельности женщинъ-врачей комиссія предлагала предоставить имъ „съ особенной пользою“ мѣста врачей въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ женскихъ больницахъ и женскихъ отдѣленіяхъ гражданскихъ больницъ и домовъ умалишенныхъ „безъ участія въ оффиціальныхъ актахъ освидѣтельствованія“ послѣднихъ, въ дѣтскихъ больницахъ, мѣста

акушерокъ полиціи и по уходу за ранеными и больными частныхъ и общественныхъ учрежденій для ихъ призрѣнія. Но какая бы должность ни была предоставлена женщинамъ-врачамъ, она, по мнѣнію комиссіи, должна имѣть значеніе службы по найму. Поэтому онѣ освобождались отъ освидѣтельствованія новобранцевъ и отпускныхъ нижнихъ чиновъ, арестантовъ, умалишенныхъ у судебныхъ слѣдователей, въ губернскихъ присутствіяхъ и окружныхъ судахъ, также больныхъ и увѣчныхъ по вопросамъ объ ихъ правахъ на пенсіи и пособія отъ казны, служащихъ въ отпускахъ и лицъ, заявляющихъ о невозможности служить по выборамъ. Точно также комиссія считала невозможнымъ предоставить женщинамъ-врачамъ экспертизу по вопросамъ, имѣющимъ судебно-медицинское значеніе и вообще тѣмъ, гдѣ требуется составленіе протоколовъ на мѣстѣ или какого бы то ни было оффиціальнаго акта.

Кромѣ того „въ уваженіе пола“ женщины освобождались отъ такихъ обязанностей врача, для которыхъ требуется физическая сила и нравственная твердость „на которыя менѣе способенъ женскій организмъ“.

Въ заключеніе комиссія признала необходимымъ уравнять правила объ испытаніяхъ на женскихъ курсахъ съ проектированными ею правилами на степень лекаря и ввести на женскихъ курсахъ преподаваніе судебной медицины съ медицинской полиціею и ученія объ эпизоотіяхъ.

Между тѣмъ ходатайства земствъ разныхъ губерній о разрѣшеніи бывшимъ слушательницамъ курсовъ заниматься въ качествѣ врачей въ земскихъ и общественныхъ заведеніяхъ, продолжали поступать въ медицинскій Совѣтъ. Ходатайства эти часто подкрѣплялись самыми лестными отзывами земствъ о дѣятельности женщинъ-врачей, уже принятыхъ ими на службу и успѣвшими въ теченіе года доказать свою полезность и пригодность для дѣла. Признаніе этой полезности и пригодности выражалось со стороны земствъ и тѣмъ, что начиная съ 1877 года, т.-е., съ перваго же выпуска на курсахъ, нѣкоторыя земства назначили слушательницамъ стипендіи, за которыя онѣ обязывались прослужить земству опредѣленное число лѣтъ. Такихъ стипендій къ 1879 году было 35; въ ихъ числѣ были степендіи отъ уральскаго казачьяго войска, также была стипендія въ 200 рублей отъ комитета о раненыхъ. Размѣръ стипендій былъ различенъ—высшій въ 350 рублей, нисшій—180 [1]).

[1]) Бумаги П. Козлова.

Подъ вліяніемъ этихъ ходатайствъ медицинскій Совѣтъ, еще до разсмотрѣнія доклада комиссіи Здекауера, постановилъ представить министру внутреннихъ дѣлъ единогласное свое ходатайство о предоставленіи бывшимъ слушательницамъ курсовъ, немедленно, въ видѣ временной мѣры, права самостоятельной врачебной практики въ земскихъ и городскихъ общественныхъ учрежденіяхъ, впредь до окончательнаго разрѣшенія вопроса въ законодательномъ порядкѣ [1]).

Въ соображеніяхъ, приведшихъ медицинскій Совѣтъ къ такому ходатайству, указывалось и на то, что недопущеніе женщинъ къ врачебной практикѣ въ земствахъ ставитъ нѣкоторыя изъ послѣднихъ въ очень затруднительное положеніе, ибо множество врачей потребовалось и еще требуется для арміи и можетъ случиться, что цѣлый уѣздъ останется безъ земскаго врача; съ другой стороны, имѣющія своихъ стипендіатокъ на курсахъ земства, при неразрѣшеніи женщинамъ служить имъ, лишаются обязательной службы лицъ, которымъ давали стипендіи изъ земскихъ суммъ.

Эти соображенія были представлены въ декабрѣ 1878 года управляющимъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ въ комитетъ министровъ и 6 апрѣля 1879 года государь повелѣлъ предоставить министру внутреннихъ дѣлъ „не дѣлая общаго по сему предмету распоряженія для окончившихъ медицинскій курсъ при Николаевскомъ военномъ госпиталѣ слушательницъ“ разрѣшать имъ врачебную практику въ предѣлахъ доклада управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, „въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ по представленіямъ губернаторовъ, основаннымъ на ходатайствахъ городскихъ и земскихъ управъ и другихъ учрежденій, по собраніи губернаторомъ подробныхъ свѣдѣній о личности, желающей получить разрѣшеніе на практику и по сношеніи министра внутреннихъ дѣлъ съ главнымъ начальникомъ III отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи“ [2]).

Это Высочайшее повелѣніе не устранило неудобствъ, происходившихъ для бывшихъ слушательницъ врачебныхъ курсовъ при занятіи врачебной практикой отъ выдачи имъ временныхъ свидѣтельствъ, содержаніе которыхъ осталось неизмѣненнымъ;

---

[1]) Журналъ засѣданія медицинскаго Совѣта 24 октября 1878 г.

[2]) Конфиденціальный циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ отъ 28 апр. 1879 года. (Докладъ Выс. учр. комиссіи по вопросу о ж. врач.-курсахъ, медиц. образованіи и правахъ медицинской практики женщинъ).

но оно нѣсколько облегчило земствамъ и городамъ приглашеніе къ себѣ на службу женщинъ-врачей.

Въ тотъ же годъ, когда состоялось Высочайшее повелѣніе, петербургская городская Дума, устраивая по случаю оспенной эпидеміи въ городѣ временную больницу, пригласила для завѣдыванія ею одну изъ многихъ женщинъ, занимавшихся до того времени въ качествѣ безплатныхъ ординаторовъ въ больницахъ военнаго вѣдомства и другихъ. То обстоятельство, что городская больница, устроенная за-городомъ, была во всѣхъ отношеніяхъ плохо обставлена и что въ городѣ было нѣсколько случаевъ и черной оспы, не остановило, приглашенную городомъ женщину-врача [1]) принять на себя завѣдываніе больницею, въ которой она оставалась до прекращенія эпидеміи и закрытія больницы.

Постоянно вращавшійся точно въ заколдованномъ кругу вопросъ о правахъ женщинъ-врачей разсматривался не только въ медицинскомъ Совѣтѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, но одновременно и въ военномъ министерствѣ. Послѣ Высочайше одобренныхъ заключеній особаго совѣщанія по вопросу „о причинахъ, препятствующихъ положить предѣлъ усиливающейся противоправительственной агитаціи и о мѣрахъ для ея ослабленія", было предоставлено министрамъ: военному, внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, по взаимному соглашенію, внести въ комитетъ министровъ предположенія, касающіяся женскихъ врачебныхъ курсовъ „и общаго вопроса о медицинскомъ образованіи и правахъ медицинской практики женщинъ".

Министры признали удобнымъ образовать для послѣдняго вопроса особую комиссію при военномъ министерствѣ изъ представителей отъ трехъ министерствъ и отъ III и IV-го отдѣленій Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи съ правомъ приглашать въ нее, въ случаѣ надобности, и главнаго врача Николаевскаго военнаго госпиталя, также и другихъ лицъ.

Предсѣдателемъ этой комиссіи былъ назначенъ главный начальникъ военно-учебныхъ заведеній, генералъ-адъютантъ Исаковъ, а членами—по два отъ каждаго изъ трехъ министерствъ и по одному отъ III и IV отдѣленій; въ числѣ членовъ отъ военнаго министерства былъ и Н. Козловъ [1]).

---

[1]) Г-жа Бегакъ.

[2]) Кромѣ него отъ военнаго министерства членомъ комиссіи былъ начальникъ канцеляріи генералъ-адъютантъ Мордвиновъ; отъ министерства внутреннихъ дѣлъ: директоръ департамента полиціи исполнительной—Кассаговскій и вице-директоръ медицинскаго департамента Мамоновъ; отъ министерства народнаго просвѣщенія—предсѣдатель ученаго комитета и членъ Совѣта министра, Георгіевскій; отъ III-го

Въ предписаніи военнаго министра объ образованіи комиссіи, 10 ноября 1878 года, связь между двумя подлежавшими обсужденію особаго совѣщанія вопросами была опредѣлена въ Высочайше одобренномъ журналѣ Совѣщанія тѣмъ, что „общій и весьма важный вопросъ о предѣлахъ общественной дѣятельности лицъ женскаго пола, обсуждавшійся въ 1871 году въ Совѣтѣ министровъ въ присутствіи Его Императорскаго Величества, непосредственно соприкасается съ вопросомъ о женскихъ врачебныхъ курсахъ. Частный же вопросъ о высшемъ медицинскомъ образованіи женщинъ, законодательно неразрѣшенный, между тѣмъ получилъ фактическое разрѣшеніе въ женскихъ врачебныхъ курсахъ, учрежденныхъ при Николаевскомъ госпиталѣ. Курсы существуютъ нѣсколько лѣтъ. Число слушательницъ весьма значительно. Успѣхи обученія несомнѣнны. Между тѣмъ спеціальный вопросъ о медицинской практикѣ женщинъ сохраняетъ свое значеніе, равнымъ образомъ несомнѣнное [1]).

Комиссія подъ предсѣдательствомъ генералъ-адъютанта Исакова сочла нужнымъ предварительно ознакомиться съ положеніемъ на западѣ „такъ называемаго женскаго вопроса“ и собрать свѣдѣнія о томъ, что̀ сдѣлано у насъ въ теченіе девяти лѣтъ, „со времени возникновенія его въ Россіи въ 1870 году“ и такимъ образомъ „согласовать вопросъ о медицинскомъ образованіи женщинъ со взглядами правительства, которые могли уже высказаться за это время въ различныхъ вѣдомствахъ, вѣдающихъ женскимъ образованіемъ, дабы избѣгнуть въ обсужденіяхъ своихъ противорѣчія съ тѣми основными указаніями, которыя уже установились по общему вопросу о высшемъ женскомъ образованіи“.

Въ числѣ представленныхъ въ комиссію ея членами записокъ была записка Н. Козлова отъ 10 апрѣля 1879 года. Въ ней, отвѣчая на разные поставленные комиссіею вопросы, онъ, между прочимъ, доказывалъ, что стремленіе женщинъ къ высшему образованію вызвано у насъ не „какими-либо ложными ученіями“, а явилось вполнѣ естественно, какъ это было и на западѣ, и побуждалось „матеріальной нуждою и сознаніемъ потребности честнаго труда на пріобрѣтеніе средствъ къ существованію“, что оно было вызвано у насъ какъ распростране-

---

отдѣленія Сѣверцовъ и отъ IV-го—баронъ Фредериксъ. Дѣлопроизводителемъ былъ назначенъ состоявшій при главномъ управленіи военно-учебныхъ заведеній, Вессель.

[1]) Докладъ Высочайше учрежденной комиссіи по вопросу о женскихъ врачебныхъ курсахъ, медицинскомъ образованіи и правахъ медицинской практики женщинъ.

ніемъ средняго образованія въ небогатыхъ слояхъ общества, такъ и коренными измѣненіями бытовыхъ основъ этихъ слоевъ, вслѣдствіе освобожденія крестьянъ. Недовѣріе къ движенію женщинъ,—говорилъ Н. Козловъ,—„повело за собою крайности со стороны молодого поколѣнія, увлеченія и отъѣздъ за границу для полученія того образованія, въ которомъ имъ отказывало русско правительство".

Говоря о результатахъ образованія женщинъ въ Цюрихѣ, Н. Козловъ указалъ, что число начавшихъ съ 1874 года возвращаться изъ-за границы русскихъ женщинъ было сравнительно съ числомъ уѣхавшихъ туда невелико; всего до 1879 года возвратились 15, и хотя онѣ обладали иностранными дипломами и выдержали на женскомъ врачебномъ курсѣ экзаменъ на право практики, но „за исключеніемъ двухъ, далеко не обнаружили той основательности медицинскаго образованія, которой достигаетъ у насъ огромное большинство слушательницъ женскаго курса".

Свидѣтельствуя о томъ, что кончившія на этихъ курсахъ свое ученіе женщины „заявляютъ себя въ самостоятельной дѣятельности по исполненію обязанностей и гражданскому долгу съ такой безукоризненной стороны, что невольно обращаютъ на себя вниманіе", Н. Козловъ высказывалъ мысль, что остановить настоящее стремленіе женщинъ къ высшему образованію стѣсненіемъ или запретомъ, значило бы, оторвавъ не одну тысячу молодыхъ умовъ отъ серьезныхъ занятій, обречь ихъ на праздное броженіе мысли, уже поднявшейся выше уровня обыденныхъ вопросовъ".

По вопросу о врачебной дѣятельности женщинъ, сравнительно съ мужскою, Н. Козловъ былъ того мнѣнія, что „если и не касаться общаго вопроса объ относительной сердечности женщины и болѣе тепломъ ея участіи къ страданіямъ ближняго", то подготовка женщинъ съ дѣтства къ занятіямъ, развивающимъ не силу, а „точность координированія движеній мышцъ" дѣлаетъ ихъ пригоднѣе мужчинъ для операцій, требующихъ особенной деликатности. Съ нравственной стороны соучастіе женщинъ въ изученіи медицины и въ врачебной практикѣ „не можетъ,—говорилъ Н. Козловъ,—не вызывать благороднаго соревнованія, особенно выгодно вліяющаго на общее дѣло образованія".

Приведя затѣмъ постановленіе медицинскаго Совѣта относительно правъ, какія должны быть предоставлены женщинамъ-врачамъ, Н. Козловъ указывалъ на справедливое рѣшеніе этого

вопроса дарованіемъ женщинамъ, получающимъ равное съ врачами образованіе, и равныхъ съ ними правъ. „Если же,—говорилъ онъ,—право это по какимъ-либо соображеніямъ не можетъ быть дано, то дальнѣйшее существованіе женскаго врачебнаго курса, какъ безцѣльное, можно признать излишнимъ“ [1]).

Членъ отъ III-го отдѣленія заявилъ комиссіи, что „по процентному содержанію слушательницъ, подвергшихся судебнымъ или административнымъ взысканіямъ, женскіе врачебные курсы не могутъ быть признаны особенно неблагонадежными и даже оказываются въ этомъ отношеніи лучше медико-хирургической Академіи и петербургскаго университета“; онъ указалъ при этомъ, что слушательницы изъ южныхъ и юго-западныхъ губерній, особенно еврейки, „нерѣдко проявляютъ радикальныя убѣжденія“, но прибавилъ, что съ такими убѣжденіями онѣ поступаютъ на курсы, гдѣ „серьезный и усидчивый трудъ, преподаваніе, стоящее на строго научной почвѣ, наконецъ перспектива, что основательное ученіе поможетъ достигнуть опредѣленныхъ и практическихъ цѣлей,—все это дѣйствуетъ на большинство изъ нихъ отрезвляющимъ образомъ, такъ что въ отношеніи образа мыслей старшіе курсы удовлетворительнѣе младшихъ“.

Въ заключеніе онъ высказалъ мнѣніе, что „удовлетвореніе настоятельнѣйшихъ медицинскихъ потребностей населенія можетъ быть обезпечено лишь тогда, когда женская врачебная практика будетъ обставлена положительными правами и во врачебныя учрежденія имперіи войдетъ, какъ явленіе нормальное, а не какъ исключеніе“.

Въ своихъ заключеніяхъ комиссія согласилась съ большей частью высказанныхъ въ запискѣ Н. Козлова соображеній и, принявъ во вниманіе основанное на фактахъ открытія правительствомъ разныхъ высшихъ женскихъ курсовъ, признаніе имъ необходимости учредить въ Россіи высшія учебныя заведенія, а также свидѣтельства медицинскаго Совѣта „какъ высшаго и самаго компетентнаго въ данномъ случаѣ правительственнаго авторитета“ о полнотѣ, законченности и серьезности занятій на женскихъ врачебныхъ курсахъ, свидѣтельства съ театра войны, профессоровъ Академіи и университетовъ, земскихъ управъ „о полной способности женщинъ приносить сознательную помощь больнымъ и раненымъ, наравнѣ съ врачами“, а также и „крайне

[1]) Записки членовъ Выс. учр. комиссіи по вопросу о женскомъ образованіи 10 апрѣля 1879 года.

печальное положеніе у насъ народной медицинской помощи, вслѣдствіе недостатка врачей-мужчинъ" она пришла къ убѣжденію, что женскіе врачебные курсы „представляютъ учрежденіе необходимое и полезное для общества и государства и потому должны быть сохранены и получить окончательное утвержденіе законодательнымъ порядкомъ".

Затѣмъ, принявъ во вниманіе, что съ предстоящаго учебнаго года на курсахъ положено требовать при поступленіи знаніе и латинскаго языка въ объемѣ 4-хъ классовъ мужскихъ гимназій, комиссія признала нужнымъ требовать при поступленіи на курсы „того же приготовительнаго образованія, которымъ, по существующимъ законоположеніямъ, обусловливается поступленіе молодыхъ людей одинаково въ медико-хирургическую Академію и въ университеты".

На этомъ требованіи настаивалъ въ комиссіи членъ отъ министерства народнаго просвѣщенія, Георгіевскій, который вообще былъ противъ уравненія врачебныхъ правъ женщинъ съ мужчинами и не вѣрилъ въ способность женщинъ къ изученію медицины. „Если нѣкоторыя, лучшія слушательницы,—говорилъ онъ,—и показали въ минувшую войну, что онѣ могутъ приносить пользу наравнѣ съ мужчинами, то, такъ какъ о прочихъ такого опыта нѣтъ, нельзя того же заключать о всѣхъ слушательницахъ". Георгіевскій не убѣдился и заявленіемъ члена III-го отдѣленія о бо́льшей политической благонадежности слушательницъ курсовъ, чѣмъ студентовъ, и о благотворномъ вліяніи курсовъ на слушательницъ. Такое заявленіе, по его мнѣнію, „едва ли не должно быть оставлено на личной отвѣтственности члена III-го отдѣленія", а онъ, Георгіевскій, „не имѣетъ свѣдѣній благотворно или вредно для нихъ въ нравственномъ отношеніи то, что онѣ изучаютъ медицину отказавшись отъ семьи и своей среды, переселяясь въ Петербургъ и придя, болѣе или менѣе, въ соприкосновеніе съ студентами медицинской Академіи и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній". Онъ предлагалъ, чтобы права медицинской практики были предоставляемы сначала лишь тѣмъ слушательницамъ, „лучшимъ и способнѣйшимъ", которыя, поступивъ на курсы до требованія отъ поступающихъ атестата зрѣлости, докажутъ на дѣлѣ свою способность быть медикомъ; но и имъ слѣдуетъ, по мнѣнію Георгіевскаго, выдавать лишь свидѣтельства о правѣ прививать оспу и разрѣшать погребеніе умершихъ. Поэтому онъ находилъ ненужнымъ присваивать кончившимъ женскіе врачебные курсы наименованіе врачей, а удержать за ними названіе ученыхъ акушерокъ.

Въ заключеніе Георгіевскій высказалъ мнѣніе, что „только благодаря крайней разбросанности нашихъ учебныхъ заведеній по всѣмъ вѣдомствамъ и прискорбной розни между самыми этими вѣдомствами, могло случиться, что нашлись средства на учрежденіе женскихъ врачебныхъ курсовъ, а не нашлось ихъ на учрежденіе медицинскаго факультета ни при петербургскомъ, ни при новороссійскомъ университетахъ, хотя объ этомъ и былъ возбужденъ вопросъ“ [1]).

Требованіе комиссіи Исакова отъ поступающихъ на врачебные курсы слушательницъ атестата зрѣлости, было облегчено ею тѣмъ, чтобы это требованіе во всей его полнотѣ было введено лишь по прошествіи семилѣтняго льготнаго срока, подобно тому, какъ восьмилѣтній льготный срокъ былъ данъ при изданіи закона 1871 года для поступающихъ въ университеты и изучавшихъ въ гимназіи лишь одинъ латинскій языкъ. Поэтому вступительныя требованія для поступающихъ на врачебные курсы по древнимъ языкамъ были опредѣлены такъ: въ 1879—1880 будутъ принимать съ знаніемъ латинскаго языка въ объемѣ четырехъ низшихъ классовъ мужскихъ гимназій; въ слѣдующемъ— въ объемѣ 5-ти классовъ латинскій и въ объемѣ—3-го и 4-го классовъ греческій. Постепенно повышаемыя такимъ образомъ требованія въ 1885—1886 учебномъ году должны удовлетворять знанію латинскаго и греческаго языковъ въ полномъ объемѣ восьми-классныхъ мужскихъ гимназій.

Члены комиссіи отъ военнаго министерства Н. Козловъ, Мордвиновъ и членъ III-го отдѣленія полагали нужнымъ, чтобы программы дополнительныхъ для этой цѣли курсовъ были соображены „съ особенностями женскаго ума и женскаго развитія“ и чтобы въ приспособленныхъ съ этой цѣлью заведеніяхъ обращалось усиленное вниманіе, кромѣ учебныхъ, и на воспитательныя цѣли, съ чѣмъ согласилась и комиссія.

Георгіевскій внесъ еще предложенія: чтобы слушательницы, при поступленіи на курсы, представляли согласіе на то родителей или попечителей, а замужнія дозволеніе мужей; чтобы онѣ представляли удостовѣреніе, въ видѣ реверса, въ имѣніи достаточныхъ средствъ для своего содержанія въ столицѣ во все время пребыванія на курсахъ; обязать ихъ жить у родныхъ или знакомыхъ, или на квартирахъ, признанныхъ начальствомъ курсовъ приличными въ нравственномъ отношеніи, или же для слу-

[1]) Докладъ члена ученаго комитета Лапина въ засѣданіи 10 декабря 1879 г. (Арх. мин. нар. просв.).

шательницъ должны быть устроены общежитія на подобіе ученическихъ квартиръ при нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія въ сѣверо-западномъ краѣ, организовать за слушательницами строгій нравственный надзоръ со стороны начальства курсовъ.

Соглашаясь съ полезностью послѣднихъ двухъ мѣръ комиссія не признала возможнымъ требовать отъ слушательницъ реверса, ибо это „закрыло бы доступъ на курсы для большинства дѣйствительно хорошо подготовленныхъ, способныхъ и вполнѣ благонадежныхъ въ нравственномъ отношеніи, но бѣдныхъ женщинъ“.

Относительно правъ кончившихъ врачебные курсы женщинъ комиссія согласилась съ медицинскимъ Совѣтомъ и съ предложеніями Н. Козлова о предоставленіи слушательницамъ права самостоятельной практики безъ ограниченія ея женскимъ поломъ и дѣтскимъ возрастомъ, но съ тѣми ограниченіями, которыя предложены медицинскимъ Совѣтомъ; также на предоставленіе имъ ученой степени лекаря и „учено-практическаго званія женщинъ-врачей“.

Въ заключеніе комиссія признала „въ высшей степени важнымъ и полезнымъ, чтобы со стороны правительства оказываемо было возможное содѣйствіе къ учрежденію и продолженію существованія [на правильныхъ началахъ и прочныхъ основаніяхъ, возникающихъ по частной иниціативѣ и на общественныя средства, въ столицахъ и университетскихъ городахъ, высшихъ женскихъ учебныхъ заведеній съ строго-опредѣленнымъ и законченнымъ курсомъ“, также указанныхъ комиссіею Делянова начальныхъ женскихъ школъ, по плану новыхъ городскихъ училищъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія и разныхъ мѣстныхъ профессіональныхъ школъ и курсовъ.

19-го сентября 1879 года военное министерство сообщило труды комиссіи генералъ-адъютанта Исакова министру народнаго просвѣщенія.

Разсматривавшій ихъ въ мартѣ 1880 года ученый комитетъ пришелъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: 1) изъ уваженія къ совершившемуся факту, въ основу котораго положено Высочайшее повелѣніе, женскіе медицинскіе курсы должны быть сохранены, но съ тѣмъ, прежде всего, непремѣннымъ, условіемъ, чтобы вступающія на курсы имѣли атестатъ зрѣлости по выдержаніи испытанія въ полномъ объемѣ курса мужскихъ гимназій; 2) чтобы предложенныя членомъ отъ министерства народнаго просвѣщенія Георгіевскимъ мѣры были обязательными и

дополнены установленными для петербургскихъ высшихъ женскихъ курсовъ правилами; 3) окончившимъ врачебные курсы слушательницамъ, также тѣмъ, которыя поступили на нихъ не имѣя аттестата зрѣлости, предоставить лишь права, постановленныя Высочайшимъ повелѣніемъ 6-го апрѣля 1879 года, а поступившимъ съ аттестатами зрѣлости присвоить званіе женщины-лекаря съ правомъ держать экзаменъ на доктора медицины и заниматься леченіемъ женщинъ, дѣтей и мужчинъ безъ всякаго ограниченія, но не возлагая на нихъ обязанности лечить мужчинъ во всѣхъ случаяхъ ихъ заболѣванія

Графъ Толстой согласился съ мнѣніемъ тѣхъ членовъ комиссіи, которые предлагали постепенно, въ теченіе семи лѣтъ, возвышать требованіе пріемныхъ испытаній на врачебные курсы, но былъ противъ предоставленія женщинамъ права лечить мужчинъ.

17-го декабря 1880 года, замѣстившій графа Толстого статсъ-секретарь А. Сабуровъ увѣдомилъ министерство внутреннихъ дѣлъ, что вообще онъ согласенъ съ заключеніемъ комиссіи генералъ-адъютанта Исакова, но сдѣлалъ два замѣчанія: 1) чтобы отъ поступающихъ на курсы требовался не аттестатъ зрѣлости, а подготовка, которую слушательницы могли бы получать на высшихъ женскихъ курсахъ и 2) предоставить женщинамъ-врачамъ право отказываться отъ явки по приглашенію больного мужчины, въ возрастѣ свыше 14-ти лѣтъ [1]).

14-го іюня 1880 года Высочайшимъ повелѣніемъ, окончившимъ на врачебныхъ курсахъ женщинамъ былъ дарованъ нагрудный знакъ отличія на право врачебной практики. [2])

Казалось бы, что вопросъ о правахъ женщинъ-врачей разрѣшенъ окончательно. И медицинскій Совѣтъ, разсмотрѣвъ заключеніе комиссіи Исакова, постановилъ уже въ 1881 году: 1)

---

[1]) Арх. мин нар. просв.

[2]) Знакъ серебряный, состоитъ изъ двухъ дубовыхъ вѣтвей, перевязанныхъ внизу лентою, которая, вмѣстѣ съ тѣмъ, обхватываетъ ножку золотой гиппократовой чаши; къ послѣдней съ двухъ сторонъ изъ вѣтвей ползутъ двѣ золотыя змѣи. Верхніе концы вѣтвей упираютъ съ обѣихъ сторонъ въ средину краевъ государственнаго герба. Подъ гербомъ въ промежуткѣ между вѣтвями помѣщены золотыя буквы Ж и В (женщина-врачъ). Размѣръ знака: вышина 1 дюймъ $6^1/_2$ линій, ширина въ срединѣ, по горизонтальной линіи, проходящей чрезъ средину буквы, 1 дюймъ $2^1/_2$ лин. Вышина государственнаго герба $6^1/_2$ линій, ширина его по горизонтальной линіи, проходящей чрезъ оконечность щита въ гербѣ, $4^2/_3$ линіи. Лица женскаго пола, удостоенныя на женскихъ врачебныхъ курсахъ права самостоятельной врачебной практики, должны носить присвоенный имъ знакъ на правой сторонѣ груди". (№ 145 „Прав. Вѣстн.").

сохранить женскіе врачебные курсы на будущее время лишь въ видѣ особаго медицинскаго факультета для лицъ женскаго пола на общихъ основаніяхъ университетскаго устава. 2) Отъ поступающихъ требовать приготовительнаго образованія до нормы, опредѣленной для студентовъ при поступленіи въ университетъ, вводя эту мѣру постепенно, въ теченіе семи лѣтъ. 3) Имѣть строгій и неослабный надзоръ за занятіями слушательницъ, съ примѣненіемъ къ нимъ тѣхъ нравственно воспитательныхъ мѣръ, которыя будутъ признаны необходимыми для высшихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія. 4) Дополнить учебный курсъ женскихъ врачебныхъ курсовъ преподаваніемъ судебной медицины, медицинской полиціи, устава врачебнаго и тѣхъ частей законодательства, которыя касаются правъ, обязанностей и отвѣтственности врачей, а также существенныхъ отдѣловъ ученія объ эпизоотіяхъ. 5) Предоставить слушательницамъ права самостоятельной практики безъ ограниченія ея женскимъ поломъ и дѣтскимъ возрастомъ, съ присвоеніемъ имъ званія женщинъ-врачей. 6) По устройствѣ правильнаго обученія судебной медицинѣ и предметамъ, указаннымъ выше, могло бы, по мнѣнію медицинскаго Совѣта, быть возбуждено ходатайство о томъ, чтобы на окончившихъ курсъ слушательницъ были распространены обязанности судебно-медицинской экспертизы.

На почвѣ общественной дѣятельности медицинскій Совѣтъ полагалъ, между прочимъ, возможнымъ предоставить женщинамъ врачебныя должности во всѣхъ мужскихъ и женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, при чемъ было бы, по его мнѣнію, полезно привлечь ихъ къ фармацевтической дѣятельности. Но во всѣхъ должностяхъ, какія бы женщины ни занимали, ихъ служба должна была считаться лишь службой по найму, впредь до рѣшенія въ законодательномъ порядкѣ вопроса о служебныхъ правахъ женщинъ вообще. Наконецъ, впредь до разрѣшенія вопроса о присоединеніи женскихъ врачебныхъ курсовъ къ одному изъ университетовъ, медицинскій Совѣтъ полагалъ оставить курсы въ вѣдѣніи военнаго министерства, а для наблюденія за ходомъ научнаго образованія на курсахъ и строгостію какъ пріемныхъ, такъ и выпускныхъ испытаній, учредить Совѣтъ изъ четырехъ медицинскихъ представителей отъ министерствъ военнаго, народнаго просвѣщенія, внутреннихъ дѣлъ и медицинской инспекціи Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи по учрежденіямъ императрицы Маріи [1]).

[1]) Арх. мин. нар. просв. Объ утвержденіи Положенія и штата женскаго медицинскаго института въ Петербургѣ, 1891 г.

Но ни даровапіе нагруднаго знака женщинамъ-врачамъ, ни заключеніе медицинскаго Совѣта не привело къ какимъ-либо практическимъ результатамъ; даже форма выдаваемаго окончившимъ курсъ слушательницамъ свидѣтельства не была измѣнена [1]), а въ декабрѣ того же 1881 года, замѣстившій графа Милютина новый военный министръ Ванновскій, находя, что „по характеру дѣятельности военнаго вѣдомства дальнѣйшее состояніе при немъ женскихъ врачебныхъ курсовъ нельзя не признать неудобнымъ“, предложилъ министерствамъ внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія принять курсы въ свое вѣдомство.

---

[1]) Въ *Женскомъ Образованіи* (1881 г., февраль) приведено слѣдующее письмо одной изъ женщинъ-врачей: „прослушала я пятигодичный курсъ медицинскихъ наукъ, которыя читаются при Николаевскомъ госпиталѣ въ объемѣ нисколько не меньшемъ, чѣмъ въ медицинской Академіи, только судебная медицина и эпизоотія не входятъ въ программу преподаванія. Сдала выпускной экзаменъ, о серьезности котораго не мало говорилось въ послѣднее время. Наконецъ, всѣ трудности преодолѣны. Я ищу мѣста въ земствѣ. Но такъ какъ не всѣ земства соглашаются замѣщать мѣста врачей женщинами, то я прежде освѣдомляюсь въ Старобѣльской земской управѣ, согласна ли она имѣть на мѣстѣ участковаго врача женщину. Отвѣтъ получила утвердительный. Но когда я послала свое свидѣтельство, приложивъ при этомъ приказъ по военному вѣдомству 1880 года, которымъ опредѣляется ношеніе знака отличія на право самостоятельной врачебной практики, то земство мнѣ отвѣтило слѣдующее: „Изъ прилагаемаго вами свидѣтельства объ окончаніи курса медицинскихъ наукъ усматривается, что вамъ предоставлено право акушерской, женской и дѣтской врачебной практики, между тѣмъ, какъ на обязанности земскаго врача лежитъ подача медицинской помощи безъ ограниченія рода болѣзней. Вслѣдствіе чего, управа не считаетъ возможнымъ въ интересахъ земства предоставить вамъ мѣсто участковаго врача“:

„И ко всему этому письмо адресовано такъ: „Въ Петербургъ. Имѣющей званіе акушерки такой-то“! Вотъ какой взглядъ на насъ имѣютъ болѣе отдаленныя земства, благодаря тѣмъ свидѣтельствамъ, которыя намъ выдаютъ. Конечно, ближайшія земства, напримѣръ, новгородское, тверское, уже ознакомилось съ нашими занятіями, съ нашею дѣятельностью и не обращаютъ вниманія на форму выдаваемыхъ бумагъ. Люди, незнакомые съ ходомъ занятій на нашихъ курсахъ, видятъ въ свидѣтельствѣ, что мы имѣемъ права на акушерскую, женскую и дѣтскую врачебную практику, на основаніи приказа 1876 года по военному вѣдомству. Приказъ же 1880 года, расширяющій наши права, которымъ дается право носить Высочайше утвержденный знакъ на право самостоятельной врачебной практики, не приводится въ выдаваемыхъ намъ свидѣтельствахъ. Прежде всего бьетъ въ глаза ограниченіе района нашей дѣятельности акушерскою, женскою и дѣтскою практикою, такою областью, которая доступна каждой акушеркѣ! Неспеціалистъ это только и видитъ. И какою смѣлостью, чтобъ не сказать болѣе, должно было показаться Старобѣльскому земству мое желаніе получить мѣсто врача! Акушерка желаетъ поступить на мѣсто врача! А между тѣмъ, въ Старобѣльскомъ уѣздѣ два мѣста врачей остаются незанятыми, населеніе нуждается во врачѣ, а мы, вслѣдствіе неяснаго изложенія нашихъ правъ, остаемся при гордомъ сознаніи, что полу и медицинское образованіе и не имѣемъ возможности примѣнить его къ дѣлу“.

Въ своемъ сообщеніи генералъ-адъютантъ Ванновскій признавалъ, что выпустившіе уже 150 женщинъ-врачей курсы „на опытѣ доказали пользу примѣненія женскаго труда какъ на обоихъ театрахъ минувшей войны, такъ и по земству“, и что на этомъ основаніи „желательно было бы, на пользу общества, поддержать это учрежденіе“.

Въ слѣдующемъ году вслѣдствіе явившейся необходимости освободить Николаевскій госпиталь отъ курсовъ для помѣщенія въ немъ клиникъ военно-медицинской Академіи, пріемъ на курсы былъ прекращенъ и существованіе ихъ при Николаевскомъ военномъ госпиталѣ упразднено.

Во все время существованія курсовъ, по 1880 годъ, главный источникъ ихъ дохода составляли взносы слушательницъ [1]), кромѣ того процепты съ принадлежавшаго курсамъ капитала Лидіи Родственной составляли 2866 рублей въ годъ и съ 1877 года получалась назначенная военнымъ Совѣтомъ ежегодная субсидія въ 8200 рублей. При переходѣ въ Николаевскій госпиталь курсамъ было выдано военнымъ министерствомъ единовременно 12710 рублей, а въ 1878 и 1879 годахъ 9500 и 5500 рублей. Такимъ образомъ доходы курсовъ составляли въ 1877 году 35116 рублей, въ 1878—43791, въ 1879—39391, въ 1880—39024 рубля.

Предположенные на 1881—1882 учебный годъ расходы простирались до 35605 рублей только на вознагражденіе личнаго состава курсовъ, при чемъ профессора довольствовались скромнымъ вознагражденіемъ въ 700 рублей въ годъ за преподаваніе и занятія съ однимъ курсомъ, а ассистенты получали по 300 руб.

За это же время съ 1872 по 1881 включительно годъ, на курсахъ перебывало 959 слушательницъ, а всѣхъ желавшихъ поступить было 1309. Главный контингентъ до 1880 года [2]) составляли жены и дочери гражданскихъ чиновниковъ (214), затѣмъ купцовъ и почетныхъ гражданъ (138), военныхъ чиновниковъ (107), мѣщанъ (105), духовныхъ (59), дворянъ (47), женъ и дочерей врачей и студентовъ (41), лицъ свободныхъ профессій (20), иностранокъ (8), дочерей нижнихъ чиновъ (13), крестьянъ (9), цеховыхъ и ремесленниковъ (4). Преобладающее большинство (572 изъ 796 поступившихъ до 1880 года) были

[1]) Первоначально установленная плата за слушаніе лекцій, 50 рублей, была возвышена въ 1880 году до 70 рублей и кромѣ того взималось 10 р. одновременно на вознагражденіе преподавателей, производящихъ повѣрочное испытаніе.

[2]) Свѣдѣнія имѣются лишь до 1880 года.

православныя, евреекъ—169. Дѣвицъ 712, замужнихъ 71. По мѣсту образованія большинство поступило изъ гимназій (417), 87 изъ разнаго рода училищъ, 76 изъ институтовъ, съ дипломами домашнихъ учительницъ 217.

До 1876 года число учащихся держалось на одномъ уровнѣ (89—93), въ 1876 году оно возросло до 130-и, затѣмъ стало уменьшаться (122 и 108), а въ 1879 году поступило лишь 77. [1]) Такое сокращеніе числа поступившихъ на курсы объясняется тѣмъ, что въ 1879 году отъ поступающихъ требовалось уже знаніе латинскаго языка въ объемѣ 4-хъ низшихъ классовъ мужскихъ гимназій; да и вообще требованія при поступленіи на курсы были еще ранѣе 1879 года повышены.

Въ первые годы открытія курсовъ принимались слушательницы съ свидѣтельствомъ объ окончаніи курса въ женской гимназіи или институтѣ, или съ дипломомъ на званіе домашней учительницы по одному предмету. Затѣмъ отъ домашней учительницы стали требовать диплома по *восьми* предметамъ гимназическаго курса. Въ 1879 году, кромѣ знанія латинскаго языка, на повѣрочномъ экзаменѣ, который производился приглашавшимися для этого преподавателями мужскихъ гимназій, слушательницы должны были написать сочиненіе по русскому языку на заданную тему, знать одинъ изъ новыхъ иностранныхъ языковъ, а изъ математики и физики обладать знаніями въ объемѣ классическихъ гимназій.

Пріобрѣтать необходимую для поступленія на курсы подготовку, женщины должны были сами, собственными силами и средствами.

Въ 1876 году программы женскихъ средне-учебныхъ заведеній вѣдомства учрежденій императрицы Маріи были даже понижены. Назначенной въ этомъ году комиссіи изъ инспекторовъ женскихъ гимназій подъ предсѣдательствомъ Осинина было поручено согласовать учебный планъ гимназій съ планомъ институтовъ. Комиссія, по нѣкоторымъ параграфамъ институтской программы, высказала мысль, что такое согласованіе прямо неудобно, и нѣсколько расширила институтскую и гимназическую программу по математикѣ и частью естествовѣдѣнію, усилила преподаваніе исторіи въ старшихъ классахъ, сократила число уроковъ по искусствамъ въ институтахъ; но эта программа дѣйствовала всего одинъ годъ, а затѣмъ изъ нея были исключены описательныя естественныя науки и сокращено число уроковъ

---

[1]) Г. *Герценштейнъ*. Женскіе врачебные курсы. (*Врачъ* 1880 г. №№ 34, 35).

по русскому и иностраннымъ языкамъ для уроковъ гимнастики и танцевъ. [1])

Въ 1879 году комиссіей Осинина были составлены новыя программы для гимназій вѣдомства. Эти программы разсматривались учебнымъ комитетомъ съ точки зрѣнія состоявшагося постановленія о томъ, чтобы гимназіи въ учебномъ отношеніи „представляли совершенно однородныя заведенія съ институтами". Поэтому комитетъ разсматривалъ программы гимназій сравнительно съ программами институтовъ и нашелъ, что гимназіи „будучи по объему курса близкими къ институтамъ" отличаются отъ нихъ въ томъ, что: 1) по естествовѣдѣнію курсъ институтовъ соединенъ въ трехъ низшихъ классахъ съ преподаваніемъ географіи и только съ четвертаго составляетъ предметъ самостоятельный, а въ гимназіяхъ отдѣльные уроки по естествознанію начинаются съ 7-го, низшаго класса. Это комитетъ призналъ правильнымъ и цѣлесообразнымъ. 2) По математикѣ курсъ гимназій былъ нѣсколько обширнѣе; курсъ алгебры не оканчивался ур[illegible]ніями 1-й степени, какъ въ институтахъ, но и 2-й. Это к[illegible]етъ не счелъ обременительнымъ для ученицъ, ибо на пре[illegible]ваніе алгебры назначалось по 3 урока въ каждомъ изъ клас[illegible]въ, что, по мнѣнію, комитета, достаточно. 3) Преподаваніе географіи кончалось во 2-ъ классѣ; на это комитетъ согласился въ виду того, что на такое преподаваніе назначалось по два урока въ каждымъ классѣ, и при окончаніи курса ученицы обязаны были сдавать экзаменъ изъ географіи Россіи и первоклассныхъ государствъ Европы. 4) Систематическое преподаваніе исторіи начиналось не съ 5-го класса, какъ въ институтахъ, а съ 4-го, что комитетъ призналъ правильнымъ, ибо ученицы 4-го класса, какъ бо[illegible]ее развитыя, способнѣе къ сознательному усвоенію историческихъ фактовъ. 5) Число уроковъ по иностраннымъ языкамъ въ гимназіяхъ было болѣе числа уроковъ въ институтахъ. Это, также какъ и большее число уроковъ по математикѣ, естествовѣдѣнію и рисованію въ гимназіяхъ, комитетъ объяснилъ тѣмъ, что занятіямъ воспитанницъ институтовъ помогаютъ классныя дамы, чего въ гимназіяхъ нѣтъ, также частными и неизбѣжными манкировками ученицъ гимназій. 6) За то число уроковъ по рукодѣлію ограничено въ гимназіяхъ 4-я низшими классами, по 2 урока въ недѣлю. Комитетъ допустилъ это въ предположеніи, что большинство ученицъ дома знакомятся съ рукодѣліемъ. Онъ пришелъ къ заключенію, что всѣ особенности про-

[1]) *Женское Образованіе.* 1876 декабрь.

граммъ гимназій „не нарушаютъ ихъ единства, какъ учебныхъ заведеній, съ институтами“, а равно и соотвѣтствующими цѣли гимназій, какъ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній.

Но Присутствіе опекунскаго Совѣта не разрѣшило отступленій программы гимназій отъ институтской и постановило совершенно сравнять ихъ по математикѣ, русскому языку и естествовѣдѣнію; послѣднее потому, что „цѣль преподаванія естественныхъ наукъ въ низшихъ классахъ, именно развитіе способности наблюдательности и обогащеніе ума ученицъ свѣдѣніями объ окружающей природѣ, можетъ быть достигнуто на урокахъ русскаго языка и географіи, какъ это дѣлается въ институтахъ“. Присутствіе высказало мнѣніе, что было бы полезно ввести и въ гимназіи по одному недѣльному уроку танцевъ въ двухъ старшихъ классахъ, „такъ какъ, кончая упражненія въ танцахъ еще въ третьемъ классѣ, дѣвицы ко времени выпуска утрачиваютъ навыкъ къ нимъ“ [1]).

Въ 1879 году былъ прибавленъ еще одинъ, третій, классъ къ педагогическимъ курсамъ, но съ цѣлью преимущественно практическою; слушательницы третьяго класса должны были посѣщать уроки, даваемыя учительницами въ школѣ, преобразованной въ 1876 году въ прогимназію, излагать эти уроки и обсуждать ихъ въ конференціи, составленной изъ ученицъ того отдѣленія, къ которому принадлежала референтка, образцовой учительницы, занимающейся въ прогимназіи и инспектора классовъ. Слушательницы старшаго класса курсовъ должны были давать пробные уроки въ прогимназіи, которые также разбирались въ конференціи подъ руководствомъ инспектора классовъ.

Учрежденіе 3-го класса на курсахъ было обусловлено тѣмъ, чтобы комплектъ общаго, во всѣхъ классахъ, числа слушательницъ не превышалъ 250-и; онъ не былъ обязателенъ для всѣхъ, а лишь для желающихъ и выходящія по окончаніи двухъ классовъ ученицы получали такіе же аттестаты, какъ было раньше учрежденія 3-го класса. Всѣ расходы по содержанію этого класса должны были покрываться платою съ ученицъ, по 100 рублей въ каждомъ изъ 3-хъ классовъ, безъ всякой прибавки со стороны вѣдомства [2]).

---

[1]) Засѣданіе 1-го іюня 1879 (Журналы опек. Совѣта С.-Пет. Присутствія).

[2]) Въ изданныхъ въ 1879 году правилахъ для слушательницъ педагогическихъ курсовъ (§ 10) было сказано, что отъ нихъ, „какъ будущихъ учительницъ и воспитательницъ, требуется, чтобы онѣ, признавая важное значеніе примѣра въ дѣлѣ первоначальнаго воспитанія, сами прежде всего являлись бы строгими исполнительницами возложенныхъ на нихъ обязанностей и подчинялись бы требованіямъ внутрен-

Такимъ образомъ, несмотря на то, что вопросъ о правахъ слушательницъ врачебныхъ курсовъ былъ, казалось, окончательно рѣшенъ и способность къ усвоенію женщинами высшаго образованія вообще могла считаться доказанною, къ облегченію имъ этого образованія приспособленіемъ къ нему программъ нашихъ женскихъ среднеучебныхъ заведеній не было ничего сдѣлано.

Въ 1879 году одна изъ кончившихъ курсъ въ классической гимназіи Фишеръ обратилась въ московскій университетъ съ просьбой о принятіи ея на первый курсъ физико-математическаго факультета, по отдѣленію чистой математики. Но ей было въ этомъ отказано, несмотря на свидѣтельство декана этого факультета, Давыдова, въ пользу основательности подготовки ученицъ Фишеръ къ слушанію университетскаго курса, а также и другихъ членовъ университетскаго Совѣта, признавшихъ „желательнымъ и полезнымъ“ предоставить воспитанницамъ гимназіи Фишеръ „право высшаго университетскаго образованія наравнѣ съ студентами“ по двумъ факультетамъ: историко-филологическому и физико-математическому, при чемъ Совѣтъ постановилъ даже ходатайствовать о томъ передъ министромъ. Попечитель московскаго учебнаго округа также удостовѣрялъ, что ученицы Фишеръ „не уступаютъ ни по познаніямъ, ни по развитію абитуріентамъ мужскихъ гимназій“. Вопросъ о томъ, гдѣ женщины могли бы слушать университетскій курсъ: въ самомъ ли зданіи или въ особомъ отдѣленіи университета, учрежденномъ при музеѣ цесаревича Николая, или такіе курсы могли бы быть открыты при самой гимназіи Фишеръ, Совѣтъ московскаго университета предлагалъ предоставить благоусмотрѣнію попечителя.

Несмотря на сильное ходатайство по этому дѣлу Каткова, министръ народнаго просвѣщенія 27 октября 1879 года отвѣчалъ, что не признаетъ возможнымъ „по частной просьбѣ одной или нѣсколькихъ ученицъ женской классической гимназіи Фишеръ входить, и тѣмъ болѣе въ настоящее время, въ разсмотрѣніе вопроса такой первостепенной важности, какъ допущеніе лицъ женскаго пола къ слушанію университетскаго курса въ самыхъ зданіяхъ университета, или при иномъ какомъ либо способѣ прохожденія курсовъ“.

нято порядка, установленнаго на курсахъ“. Имъ предписывалось приходить на курсы въ темныхъ платьяхъ, безъ всякихъ лишнихъ украшеній въ одеждѣ и прическѣ... остригать волосы запрещалось.

Хотя къ началу восьмидесятыхъ годовъ почти во всѣхъ европейскихъ государствахъ женщины допускались въ университеты, но ни въ одномъ изъ нихъ не было такихъ самостоятельныхъ, широко въ послѣдніе годы поставленныхъ, учрежденій, какъ наши медицинскіе курсы при медико-хирургической Академіи и даже какъ наши высшіе курсы (Бестужевскіе) въ Петербургѣ. Для посѣщенія университетскихъ лекцій женщины за границей, какъ и у насъ, должны были подготовляться частнымъ путемъ; но тамъ это было труднѣе, имѣя въ виду еще болѣе низкій, чѣмъ у насъ, курсъ ученія въ заграничныхъ среднихъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ [1]). Поэтому очень немногія женщины пользовались принадлежавшимъ имъ правомъ, тѣмъ болѣе, что окончаніе полнаго университетскаго курса и не давало имъ никакихъ правъ.)

Это положеніе измѣнилось въ 1881 году. Въ декабрѣ этого года пріемъ на наши медицинскіе курсы былъ прекращенъ вслѣдствіе отказа военнаго министра Ванновскаго имѣть ихъ въ своемъ вѣдѣніи; нѣсколько ранѣе министромъ народнаго просвѣщенія было отказано въ разрѣшеніи посѣщать университетскія лекціи бывшей ученицѣ гимназіи Фишеръ. Такимъ образомъ къ началу 80-хъ годовъ для нашихъ женщинъ былъ закрытъ доступъ къ медицинскому образованію, а вопросъ о правахъ получившихъ высшее образованіе женщинъ отодвинулся на далекое, неопредѣленное время.

Между тѣмъ въ началѣ того же 1881 года онъ былъ окончательно рѣшенъ въ пользу женщинъ въ Англіи.

Послѣ долгой и энергичной борьбы англійскихъ женщинъ, а также нѣкоторыхъ членовъ парламента и лицъ разныхъ ученыхъ корпорацій, въ февралѣ 1881 года состоялось постановленіе, прошедшее въ Сенатѣ кэмбриджскаго университета большинствомъ 398 голосовъ противъ 32-хъ, о допущеніи женщинъ къ экзаменамъ на ученыя степени [2]); два новыхъ университета: лондонскій и „Викторія“ постановили даже давать женщинамъ,

[1]) Только въ Англіи, гдѣ въ университетахъ не учатъ, а лишь экзаменуютъ, къ началу восьмидесятыхъ годовъ существовали основанныя на частныя средства, при нѣсколькихъ университетахъ, женскія коллегіи, подготовлявшія слушательницъ къ университетскому экзамену.

[2]) Поданную на имя вице-канцлера кэмбриджскаго университета въ іюнѣ 1880 года петицію по вопросу подписали: 123 члена Сената, 72 члена парламента, деканъ Кентерберійскій, 200 священниковъ англиканской церкви, 200 диссидентскихъ священниковъ, 28 членовъ лондонскаго училищнаго Совѣта, члены разныхъ Обществъ. Однимъ изъ членовъ Сената было подано слѣдующее заявленіе съ указаніемъ причинъ, по которымъ университетъ долженъ быть руководящимъ центромъ женскаго образованія:

1) Такъ какъ не можетъ быть сдѣлано разграниченія главныхъ и всѣхъ отрас-

получившимъ ученую степень, право избирать и быть избираемыми членами университетскаго Совѣта.

Уравненіе правъ англійскихъ женщинъ-врачей съ врачами мужчинами встрѣтило сильное противодѣйствіе со стороны медицинскихъ членовъ университетовъ. Когда вопросъ объ этихъ правахъ былъ возбужденъ въ лондонскомъ университетѣ, то члены медики воспротивились на томъ основаніи, что женщины не имѣютъ правъ на другія ученыя степени, и только послѣ состоявшагося постановленія лондонскаго университета о допущеніи женщинъ ко всѣмъ ученымъ степенямъ, за ними были признаны и равныя съ мужчинами врачебныя права [1]).

Что касается нашихъ среднихъ женскихъ учебныхъ заведеній, онѣ, по учебному курсу, стояли въ началѣ 80-хъ годовъ выше всѣхъ подобныхъ заведеній Европы; то же можно сказать и о педагогическомъ образованіи нашихъ женщинъ; оно было поставлено шире чѣмъ за границей. Относительно низшаго женскаго образованія мы занимали одно изъ послѣднихъ мѣстъ.

лей науки на отрасли, свойственныя для мужчинъ, и отрасли—для женщинъ. Ни одна классификація человѣческаго знанія не содержитъ такого разграниченія.

2) Такъ какъ университетъ, главный наслѣдникъ и передаватель знанія изъ поколѣнія въ поколѣніе, не имѣетъ права выдѣлять себя изъ прогрессивнаго движенія знанія. Участіе въ научныхъ занятіяхъ въ настоящее время должно быть великимъ дѣломъ и двигателемъ развитія образованія въ будущемъ.

3) Такъ какъ средства къ образованію преимущественно сосредоточены въ Кэмбриджѣ и Оксфордѣ; хотя эти Университеты были исключительно приноровлены для мужчинъ и имѣли цѣлью мужское образованіе, Университетъ не долженъ оказываться негостепріимнымъ и запирать двери, какъ монастырь, когда другой полъ, женщины, просятъ въ него доступа.

4) Такъ какъ законное стремленіе университета,—досугъ для научныхъ занятій и изслѣдованій—будетъ увеличенъ расширеніемъ занятій въ университетѣ. Чѣмъ больше дѣла, тѣмъ больше занимающихся, тѣмъ больше результатъ; отсюда вытекаетъ возможность болѣе достойнымъ труженикамъ посвятить себя служенію науки.

5) Такъ какъ образованіе женщинъ въ Англіи по національному чувству и убѣжденію должно быть религіозное и христіанское и сосредоточіе женскаго образованія въ университетѣ будетъ стимуломъ религіознаго вліянія; отъ этой задачи англійскіе университеты никогда не уклонялись.

6) Такъ какъ дурныя послѣдствія, которыхъ бы опасались при допущеніи женщинъ въ университетъ, могутъ всегда быть предотвращены постановленіями и университетскимъ управленіемъ, то если университетъ склонится на сторону различныхъ враждебныхъ вліяній противъ женскаго высшаго образованія, университетъ изолируетъ тогда себя отъ много обѣщающаго и сильнаго движенія.

[1]) The Woman question in Europe. Въ дополнительной грамотѣ, данной лондонскому университету въ 1882 году, онъ уполномочивался допускать женщинъ ко всѣмъ степенямъ—въ искусствахъ, законовѣдѣніи, медицинѣ на одинаковыхъ съ мужчинами правахъ.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ:

Стран.:	*строч.*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ:*
531	23	три года	четыре года

Матеріалы для исторіи женскаго образованія въ Россіи 1086—1856 гг. Е. Лихачевой. Ц. 3 руб. Постановленіями Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія и Учебнаго Комитета при Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи, рекомендовано для фундаментальныхъ и ученическихъ, для старшаго возраста библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія и для фундаментальныхъ библіотекъ всѣхъ учебныхъ заведеній и ученическихъ библіотекъ педагогическихъ курсовъ и старшихъ классовъ всѣхъ среднихъ женскихъ учебныхъ заведеній вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи.

Цѣна 4 руб.

Складъ изданія у автора. С.-Петербургъ, Фурштатская ул., 56.

2007098454